

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

О К Т Я Б Р Ъ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-я.

I. ЕФИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. Гл. I-II Ив. Ротара.	1—38
II. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. (Окончаніе). В. Милорадовича	39—82
III. НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Козановской). Ф. А. Кудринскаго.	83—122
IV. ПИСЬМА МИИР. КІЕВСК. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. (Съ пояснительными примѣчаніями свещ. І. Горліевскаго).	123—162
V. СИМСОТЬ ПЕРВЫЙ И СИМСОТЬ ВТОРЫЙ ЗАКОНЪ. Разсказъ Б. Познанскаго	163—178
VI. ЕЩЕ О ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ. Ст. Яремича.	179—188

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ начальной исторіи Кіевского народнаго училища (1789—1803 гг.). В. Д.; б) Тетрадка-альбомы начала XIX-го вѣка. В. Науменна; в) Пасхальная вирша по старой записи. Сообщ. В. Науменно; г) Арестъ осетра. Л.; д) Мелочи изъ архивовъ юго западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ.	1—24
Текуція извѣстія	24—29
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Maryan Dubiecki. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice. Н. М.; б) Записки Науковаго Товариства імени Шевченка, т. XXXI—XXXII. В. Д.; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	30—58
Археологическая лѣтопись	59—67
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 5 и 6-й	65—96

Дозволено цензурою. Київъ, 11 сентября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, літературный дѣятель XVII в.

Глава I.

Отсутствіе какихъ-либо извѣстій о первоначальной жизни Епифанія Славинецкаго. Мѣсто родины, сословіе, время рожденія и мірское имя. Домашнее воспитаніе и обученіе. Обученіе въ Кіевской Коллегіи и за границей. Принятіе монашества. Учительство въ Кіевской Коллегіи. Первый літературный трудъ Епифанія.

Не случайное явленіе тотъ фактъ, что почти всѣ, изучавшіе и изучающіе жизнь многихъ историческихъ дѣятелей допетровской эпохи, жалуются на чрезвычайную скудость біографическихъ извѣстій о нихъ. Этотъ фактъ находитъ свое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что нашимъ предкамъ въ XVII в. былъ чуждъ важный въ историческомъ отношеніи обычай—сообщать о своихъ современникахъ, выдающихся дѣятеляхъ, какія-либо біографическія извѣстія: воспоминанія, мемуары, біографіи, а тѣмъ болѣе автобіографіи не привились еще русскому обществу того времени. Поэтому-то изучающему жизнь какого-либо историческаго дѣятеля допетровской эпохи приходится по крупицамъ собирать какъ-бы случайно оброненныя автобіографическія сообщенія, наичаще—намекы, въ сочиненіяхъ самихъ изучаемыхъ лицъ и біографическія извѣстія преимущественно въ полемическихъ сочиненіяхъ другихъ писателей, современныхъ изучаемому.

Епифаній Славинецкій въ указанномъ отношеніи не представляетъ какого-либо пріятнаго исключенія. Правда, московскій періодъ его жизни (1649 г. 12-е іюля—1675 г. 19 ноября) былъ полонъ разносторонней церковно-литературной дѣятельности, о которой сохранилось не мало свидѣтельствъ; но эти свидѣтельства слишкомъ кратки, часто неточны, неопредѣленны, а потому въ біографическомъ отношеніи малоцѣнны. Говоря это, мы разумѣемъ біографическія сообщенія объ Епифаніи его современниковъ. Если-же обратимся къ различнымъ офіціальнымъ документамъ, то найдемъ, что и этотъ источникъ очень скуденъ: Малороссійскія дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заключающія въ себѣ между прочимъ и Епифаніевы челобитныя (съ 1652 г. по 1661 г.) царю о жалованьи, даютъ намъ точныя свѣдѣнія только о матеріальной обстановкѣ жизни Епифанія—его столѣ, жалованьи. Расходныя же книги, напр. Нивона (Моск. Арх. Минист. Юстиціи, кн. 36, 38, 41), заключаютъ въ себѣ очень немного данныхъ для характеристики отношенія этого знаменитаго іерарха русской церкви къ Славинецкому.

Если примемъ во вниманіе, что самъ Епифаній не оставилъ о себѣ никакой автобіографической записки, то для насъ ясно станетъ, что даже московскій періодъ его жизни, богатый—какъ мы сказали—широкой и разносторонней литературной дѣятельностью, не можетъ быть представленъ съ надлежащею полнотою, достойною такого крупнаго литературнаго дѣятеля, и потому придется обратиться, при изображеніи его, къ разнаго рода предположеніямъ и догадкамъ, которымъ (собственно говоря) не должно быть мѣста въ историческомъ изслѣдованіи.

Еще въ худшее положеніе приводитъ изучающаго жизнь Епифанія желаніе представить себѣ ея киевскій періодъ. Скудость біографическихъ извѣстій здѣсь поразительна. Она нисходитъ почти до полнаго отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ, ясныхъ и точныхъ указаній. Прежде всего ничего неизвѣстно о мѣстѣ рожденія Епифанія. Въ Московскихъ архивахъ Министер. Иностр. Дѣлъ и Юстиціи нѣтъ никакихъ извѣстій о родинѣ

Епифанія. Разработка архивовъ Юго-Западной Руси также не дала до сихъ поръ никакихъ разъясненій и указаній по этому вопросу.

Изъ свидѣтельствъ современниковъ Епифанія также невозможно почерпнуть ясныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ указаній. Эти немногія свидѣтельства такого характера, что сами нуждаются въ сопоставленіяхъ и разъясненіяхъ, т. е. другими словами, не обладая точностію и опредѣленностію, даютъ матеріалъ для болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ, предположеній—и только. Обратимся къ разъясненію этихъ свидѣтельствъ. Такихъ свидѣтельствъ, имѣющихъ за собой авторитетъ современности, мы имѣемъ три: первое—въ предисловіи къ переводамъ твореній Григорія Богослова, Василя Великаго, Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Дамаскина, изданнымъ въ Москвѣ въ 1665 г. ¹⁾; второе—въ первомъ библиографическомъ русскомъ трудѣ—„Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ Сильвестра Медвѣдева, и третье—въ рукописномъ сборникѣ библиотеки М. П. Погодина (нынѣ № 41-й библиотеки Синодальной Типографіи).

Въ предисловіи къ переводамъ святоотеческихъ твореній между прочимъ сказано, что книга составлена „труды и тщаніемъ его великаго государя богомолца, во философіи и богословіи изящнаго дидаскала и искуснѣйшаго во Еллиногреческомъ и Словенскомъ діалектѣхъ, пречестнаго отца, господина іеромонаха Епифанія, *Кіевскія страны*“.

Такого-же характера—указаніе о мѣстѣ родины Епифанія и въ „Оглавленіи книгъ“ Медвѣдева, гдѣ подъ § 79 читаемъ: „Епифаній іеромонахъ Славинецкій, *отъ Малыя Россіи*“.

Оба приведенныя указанія родины Епифаніевой, какъ видимъ, слишкомъ общи, а территория, обозначаемая ими, слишкомъ обширна.

---

¹⁾ Мы имѣли подъ руками экземпляръ, принадлежащій Троице-Сергіевой Лаврѣ. По рукописному каталогу этотъ экземпляръ значится въ V отдѣлѣ подъ № 69.

Правда, инокъ Евимій, ученикъ и послѣдователь Епифанія, ограничиваетъ большую территорію родины Епифанія болѣе мелкимъ округомъ, но и его свидѣтельство страдаетъ тѣмъ-же характеромъ общности и неопредѣленности, что и предыдущія два, хотя и въ меньшей степени. Въ сборникѣ библіотеки Московск. Синод. типографіи № 41, противъ каталога Словесъ, напечатаннаго адѣсь, написано рукою монаха Евиміа: „Новый Заѣтъ Господа Нашего Иисуса Христа... рукописная, преводу и стяжанія многомудраго мужа въ Філософїи и Богословіи іеромонаха Епифанія Славинецкаго, родомъ *Бѣлорусца*...¹⁾“

Вотъ и всѣ свидѣтельства современниковъ Епифанія о мѣстѣ его родины. Нѣкоторый намекъ о послѣдней, помимо указанныхъ свидѣтельствъ, находимъ въ Описи книгъ и имущества Епифанія²⁾. Здѣсь читаемъ: „Августа въ... день (184 г., т. е. 1676 года), по грамотѣ изъ Печерскаго Кіевскаго монастыря архим. Инновемтія Гизеля, послано съ грекомъ Христофоромъ Петровымъ Томаромъ, купцемъ, по старцѣ Епифанїи въ Печерскій монастырь сто осмьдесятъ золотыхъ червонныхъ да двадцать ефимковъ..., да на Троицкїй Печерскїй больничный монастырь десять золотыхъ червонныхъ..., да на *Пинскїй монастырь двадцать золотыхъ червонныхъ, да на убогую братїю и на шпитали на дробную милостыню двадцать червонныхъ золотыхъ, да деадцать ефимковъ*“. Итакъ, на Пинскїй монастырь съ братїею и шпиталемъ при немъ Епифанїй даетъ на поминовеніе по себѣ довольно крупную цифру и при этомъ съ точнымъ указанїемъ, на что именно она должна быть израсходована (убогая братія, шпиталь). Чѣмъ объяснить такое вниманіе Епифанія къ Пинскому монастырю и его нуждамъ? почему звалъ Епифанїй о существованїи тамъ „шпиталя“, объ убожествѣ тамошней братїи? За отсутствїемъ прямыхъ, опредѣленныхъ разьясненїй

¹⁾ Чтеніе Общества Истор. и Древн. Россїйск. 1846 г. кн. 4. см. статью Ундольскаго «Ученые труды Епифанія Славинецкаго» прим. 2.

²⁾ Временникъ Москов. Общест. Исторїи и Древн. Россїйск. 1850 г. стр. 78—83.

этого, приходится обращаться къ предположеніямъ. Ставя въ связь фактъ пожертвованія въ Пинскій монастырь довольно значительной суммы съ свидѣтельствомъ инока Евфимія, который называетъ Епифанія Славинецкаго „бѣлорусцемъ“, мы и предполагаемъ, что родиной Епифанія былъ городъ Пинскъ. Такое предположеніе единственно возможно изъ тѣхъ данныхъ, какія у насъ имѣются подъ руками.

Переходимъ теперь къ вопросу о сословіи, къ которому принадлежалъ Епифаній, и времени его рожденія. И въ этомъ случаѣ мы не находимъ никакихъ положительныхъ, опредѣленныхъ указаній. Одно только можно сказать, что Епифаній по рожденію своему принадлежалъ къ зажиточной семьѣ. Только это, а не иное какое-либо обстоятельство могло доставить ему возможность побывать за-границей для завершения своего образованія; если для обученія въ Кіевской коллегіи, пожалуй, еще не требовалось большой затраты матеріальныхъ средствъ, потому что—мы знаемъ—сюда принимались дѣти и бѣдняковъ, для которыхъ существовало, согласно волѣ фундаторши Анны Гулевичевой, общежитіе,—то ужъ для того, чтобы завершить свое образованіе за границей, несомнѣнно, нужно было располагать средствами, превышающими зажиточность въ обычно-житейскомъ пониманіи этого слова ¹⁾).

О времени рожденія Епифанія также не сохранилось никакихъ извѣстій. Въ тѣхъ архивныхъ документахъ Москвы, которыми намъ приходилось пользоваться, мы не нашли точнаго указанія на годъ его рожденія. Въ сочиненіяхъ современниковъ, а также самого Епифанія, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ. Въ литературѣ позднѣйшаго времени имѣется всего лишь одно указаніе и то не года рожденія, а времени воспитанія Епифанія. Мы разумѣемъ Историческій Словарь митр. Евгенія, гдѣ

---

¹⁾ Только со времени Петра Могилы, съ 1632 г., для подготовки учителей посылались за границу молодые даровитые люди на *братскій* счетъ: до этого-же времени отправлявшіеся за границу съ образовательными цѣлями ѣздили—нужно думать—на свой счетъ.

связано, что Епифаній „обучался въ Кіевской и заграничныхъ Академіяхъ въ началѣ XVII вѣка“. 1)

Мірское имя Славинецкаго неизвѣстно, равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, въ какой обстановкѣ онъ росъ, каково было его домашнее воспитаніе. Только съ поступленіемъ Епифанія въ число учениковъ Кіевской Братской школы—что могло быть въ послѣднихъ годахъ перваго десятилѣтія или первыхъ втораго—для насъ немного выясняется обстановка, въ которой росъ и воспитывался Епифаній. Онъ воспитывался въ Братской школѣ до преобразования ея Петромъ Могилою, т. е. до 1632 г., въ такое время, когда въ ней тщательно изучался греческій языкъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что Епифаній положилъ въ основу своего образованія глубокое знаніе греческаго языка, каковое онъ проявилъ впоследствии, въ своей учено-литературной дѣятельности въ Москвѣ. Сопоставленіе отличительныхъ особенностей Епифаніевой литературной дѣятельности съ кругомъ наукъ и характеромъ ихъ преподаванія въ Братской Богоявленской школѣ еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе.

Преподаваніе греческаго языка въ Братской Кіевской школѣ, бывшей до преобразования ея Петромъ Могилою точнымъ снимкомъ съ львовской и луцкой братскихъ школъ, было не книжное, а живое, не теоретическое, а практическое: ученикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность разговаривать между собою по-гречески 2).

Точно такимъ же методомъ пользовался Епифаній при преподаваніи греческаго языка Евѳимію. Изучалъ этотъ языкъ Евѳимій не по опредѣленному руководству, а практически, путемъ переводовъ и необходимаго въ такихъ случаяхъ настойчиваго вниманія въ смыслъ текстовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Силь-

1) Митр. Евгеній. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писат. духовн. чина. Т. I, стр. 172.

2) Труды Кіевск. Дух. Академіи 1870 г., т. III. Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ, стр. 123.

вестръ Медвѣдевъ. „Евѣимій“ — говоритъ онъ — „грамматики совершенно не точію греческія, но и славянскія не разумѣтъ; точію нѣчто греческихъ реченій памятуесть. И тому нача учитися не во училищи, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и виномъ, и съ лексиконовъ — нѣкая словеса.“¹⁾“

Изученіе церковно-славянскаго языка въ Братской Кіевской школѣ было прекрасно поставлено, гораздо лучше, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ ея, по преобразованіи. Изученіе этого языка совершалось сначала практическимъ путемъ, посредствомъ чтенія и объясненій Св. Писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ. Самымъ сильнымъ побужденіемъ въ изученію славянскаго языка служило слѣдующее обстоятельство. Въ числѣ главныхъ средствъ, которыми латины старались ввести унию въ юго-западномъ краѣ, была порча нашихъ священно-богослужебныхъ книгъ²⁾. Съ этою цѣлью они старались изгладить въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ все несогласное съ римскимъ ученіемъ и даже прямо внести въ нихъ латинскіе обряды и потомъ вводить ихъ въ употребленіе между православными. Бороться съ этимъ-то зломъ и поставила для себя задачей Кіевская Братская школа. Съ теченіемъ времени (послѣ того, какъ былъ нѣсколько исправленъ текстъ богослужебныхъ книгъ на помѣстныхъ соборахъ южно-русской церкви съ 1619—1541 гг. и предохраненъ отъ порчи) преподаваніе славянскаго языка значительно пало.

Въ указанномъ нами положеніи славянскаго языка въ Кіевской Братской школѣ мы и находимъ объясненіе того факта, что Епифаній прекрасно имъ владѣлъ. Правда, переводный языкъ его плохъ, страдаетъ чуждой ему греческой конструеціей рѣчи (причины этого мы укажемъ ниже), но за то оригинальный его языкъ чистый славянскій. Напротивъ, оригинальный языкъ Симеона Полоцкаго, типичнаго представителя Кіевской Коллегіи

¹⁾ Мирковичъ. О пресуществ. св. даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ въ половинѣ ХVІІ в., стр. 77.

²⁾ См. объ этомъ у Мирковича. Срв. Руковод. для сельск. пастыр. 1860 г. т. I, статья г. Крыжановскаго.

послѣ ея реформы, значительно ниже по достоинству, силѣ и чистотѣ—языка Епифаніева ¹⁾.

Далѣе. Какъ вообще въ древнихъ братскихъ школахъ, такъ въ частности и въ Киевской, до ея преобразованія, особенное вниманіе было обращено на изученіе Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній отцовъ восточной церкви ²⁾. Это было необходимо для сохраненія чистоты православія и для успѣховъ полемики съ иновѣрцами—„баламутами“, которые, искушая православныхъ, утверждали, „ижь будто-бы тамъ церковь Божія правдивая мѣла быти, гдѣ влада свѣцкая въ духовную змѣшалася, гдѣ пыха гнѣздо собѣ збудовала, гдѣ мудрость свѣта сего пануетъ, гдѣ философія поганская, Аристотелева наука слово Божіе выворачиваетъ и инако вѣрити кажетъ“ ³⁾.

Церковно-литературная дѣятельность Епифанія Славинецкаго и въ этомъ отношеніи не отступала отъ завѣтовъ воспитавшей его школы: въ ней господствовалъ характеръ строгой церковности и той серьезной и осмотрительной сосредоточенности богословствующей мысли, какая естественно возникаетъ при постоянныхъ занятіяхъ переводами изъ св. Писанія и святоотеческихъ твореній. До конца своей жизни Епифаній остался вѣренъ принципу—руководствоваться „божественными писаніями, а не человѣческими силлогисмами, рѣше умышленіями многоглаголющими“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ позднѣйшей литературной дѣятельности Епифанія вполне отразились характеръ и направленіе Киевской Братской школы до ея преобразованія.

Когда окончилъ Епифаній Братскую школу—неизвѣстно; можно предполагать, что школьная реформа 1632 г. уже не за-

¹⁾ Только послѣ встрѣчи въ Полоцкѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, рѣшивъ избрать мѣстомъ своей дѣятельности Москву, Полоцкій принялся за изученіе церковно-славянскаго языка. См. I. Татарскій. Сим. Полоцкій, стр. 51.

²⁾ Труды Киевск. Духов. Акад. 1870 г. т. III, стр. 137.

³⁾ Акты Западн. Россіи, т. IV, № 149, стр. 235.

⁴⁾ Рукопись Киевск. Лавры № 290 по описанію проф. Петрова, а по библиотечному инвентарю № 145, л. 968-й.

стала его въ школъ. По окончаніи ея Епифаній отправился за границу для завершенія своего образованія. У насъ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ о томъ, какія Академіи онъ посѣтилъ, даже нѣтъ прямыхъ указаній на то, что онъ обучался за границей. Митр. Евгеній въ своемъ историческомъ словарѣ о писателяхъ духовнаго чина очень обще выражается: „Епифаній Славинецкій обучался въ заграничныхъ академіяхъ въ началѣ ХУІІ в. ¹⁾“. Это же до сихъ повторяютъ всѣ послѣдующіе писатели, касавшіеся такъ или иначе Славинецкаго ²⁾. Но митр. Евгеній не указываетъ источника, откуда имъ заимствовано это свидѣніе. Правда, въ словахъ самого Епифанія Славинецкаго есть намекъ—(но только намекъ, не больше),—дающій нѣкоторое право строить догадку, что онъ былъ въ заграничныхъ коллегіяхъ (можетъ быть, въ Краковской). Мы разумѣемъ его слова о пагубности латинскаго ученія. „Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію“, говоритъ о самомъ себѣ Епифаній,—„дондеже не прочитая святыхъ отецъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія; егда-же, озарився благодатію святаго Духа, начавъ прочитати греческія книги, тогда леств латинскую познахъ, и въ писаніихъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ, и вся ихъ оплевахъ, заеже вся живо и противно святымъ древнимъ отцемъ пишутъ. И оттолѣ писахъ, яже писахъ, съ греческихъ книгъ, и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣніа святыхъ отецъъ множайшихъ, яже всегда прочитахъ; латинская же мудрованія вся отвергохъ“ ³⁾. На основаніи этой выдержки можно заключать, что въ научныхъ убѣжденіяхъ Епифанія былъ переломъ. Если при-

¹⁾ Евгеній. Словарь Историч. т. I, стр. 172.

²⁾ Аскоченскій. Кіевъ, въ древн. училищ. ч. I, стр. 161; Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеопис. в. V, стр. 388; Пѣвницкій. Труды Кіевской Духовной Академіи 1861 г. т. II, стр. 480; Словарь Брокгауза и Ефрона—ХХІІ полут., стр. 667; Галаховъ, Исторія русск. литер. и ин. друг.

³⁾ Рук. Моск. Синод. Библ. № 597. «О ученіи греческаго писанія», л. 77 об.

нять во вниманіе, что въ Кіевской Коллегіи онъ обучался до преобразованія ея Петромъ Могилою, когда греческое вліяніе нераздѣльно царило въ ней, то это увлеченіе латинскою наукою должно быть отнесено ко времени его пребыванія за границей. И это тѣмъ вѣроятнѣе предположить, что Епифаній отправился за границу въ такое время, когда научное движеніе широкой волной развернулось тамъ. Въ юго-западной части Польши во главѣ научнаго движенія своили такіе безпристрастные мыслители и строгіе ученые, какъ Григорій Кнапскій, пользовавшійся извѣстностью не только въ своемъ краю, но и по цѣлой Европѣ вплоть до Москвы¹⁾, Павелъ Пясецкій и др. А заграничныя академіи, располагавшія въ обиліи серьезными научными пособіями и во многомъ превосходившія молодую Кіевскую Коллегію, естественно, могли увлечь молодого ученаго, котораго привела къ нимъ жажда знанія. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, Безсоновъ предполагаетъ, что Епифаній Славинецкій въ своемъ „Филологическомъ Словарѣ“ явился подражателемъ Григорія Кнапскаго, составившаго въ трехъ томахъ Словарь-сборникъ („Скарбець“ — *Thesaurus*) польскихъ, латинскихъ и греческихъ реченій²⁾.

По возвращеніи изъ-за границы на родину Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Существуетъ въ русской исторической наукѣ предположеніе, что монашество онъ принялъ въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ и здѣсь, прежде Кіева, нѣкоторое время жилъ. Принадлежитъ оно Безсонову³⁾. Основаніемъ для такого предположенія послужили слѣдующія соображенія: а) въ Путивльскій Молченскій монастырь

¹⁾ По латыши *Sparius*, у насъ съ польскаго выговора Кнапіушъ, сокращенно—Кнапъ. Въ бібліотекѣ митр. Сарскаго и Подонскаго Павла была между прочимъ и «книга Кнапіушъ, полская» (латино-польскій словарь). См. Книги и имущ. м. Павла. *Времен. Моск. Общ. Истор.* 1850 г.

²⁾ Безсоновъ. Юрій Крижаничъ. *Прав. Обзор.* 1870 г. II, стр. 667.

³⁾ *Ibidem* I, стр. 131.

пошли дары Епифанія послѣ его смерти, ¹⁾ и б) Молченская обитель дала многихъ дѣятелей на поприщѣ церковной литературы, XVII в., какъ-то: Сильвестра Медвѣдева, игумена Сергія, Каріона Истомина и др. Оба эти основанія слишкомъ шатки для того, чтобы можно было утверждать на нихъ какой-либо выводъ. Изъ того, что въ Путивльскій монастырь пошли дары Епифанія, еще не слѣдуетъ, что Епифаній жилъ въ немъ. Вѣдь, кромѣ Путивльскаго монастыря, дары Епифанія послѣ его смерти получили и многіе другіе монастыри, напр. Купятицкій, Спасскій, Козеручскій въ Холмогорахъ, Томскій монастырь въ Ярославскомъ уѣздѣ, Песоченскій Костромскаго уѣзда и многіе другіе ²⁾. Слѣдуетъ ли отсюда, что въ нихъ жилъ Епифаній? То обстоятельство, что изъ Молченской обители вышли такіе литературные дѣятели XVII вѣка, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, Каріонъ Истоминъ и др., также не даетъ права заключать, что въ ней жилъ и Епифаній Славинецкій. Поэтому правильнѣе мнѣніе м. Евгенія ³⁾, что онъ принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ и здѣсь же жилъ до того времени, когда ему предложено было учительство въ Кіевской Братской школѣ. Въ пользу такого мнѣнія говорятъ „памяти“ Алексѣя Михайловича объ Епифаніи, когда онъ жилъ въ Москвѣ, въ Посольскій приказъ, и челобитныя самого Епифанія Алексѣю Михайловичу. Въ этихъ челобитныхъ Епифаній называетъ себя „старцемъ *Печерскаго монастыря*“ ⁴⁾, „еромонахомъ“ ⁵⁾, черно-

¹⁾ Роспись имуществу Епифанія. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1850 г. 73—83 стр.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Словарь Историч. т. I, стр. 172.

⁴⁾ Москов. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Малорос. Дѣла св. 15, 1658 г. № 19: «Государю царю... бьетъ челомъ богомолецъ твой киевлянинъ *печерскаго монастыря старецъ* Епифаней еще перевозу я богомолецъ твой зъ славенскихъ книгъ на русскую печать письмо...»

⁵⁾ Ibid. связка 29, челобитная отъ 30 сент. 1669 г. 24: «...богомолецъ твой ис Кіева Печерскаго монастыря еромонахъ Епифаней

попомъ 1) ис Києва печерскаго монастыря“. Правда, въ государевыхъ „памятяхъ“ и „указахъ“ Епифаній часто называется старцемъ „Брадкого Киевского святыхъ Богоявленій монастыря“ 2). Но это нисколько не отрицаетъ сдѣланнаго нами заключенія: его называли такъ потому, что въ Москву онъ прибылъ изъ Братскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго, какъ учитель Братской школы, онъ состоялъ предъ прибытіемъ въ Москву. Слова старца Θεодосія, сопровождавшаго Епифанія и Арсенія въ Москву, вполне подтверждаютъ такое пониманіе. „Съ радостію царскаго Вашего Величества повелѣнію повиновся“—говоритъ онъ въ своей рѣчи царю—„сихъ двухъ честныхъ старцовъ отъ нашего монастыря Брацкого избранныхъ посла (митр. Сильвестръ Коссовъ) Вашему царскому величеству“ 3). Такимъ образомъ, разнорѣчивыя показанія документовъ должны быть понимаемы такъ: по мѣсту жительства предъ прибытіемъ въ Москву Епифаній называется старцемъ Братскаго монастыря, а по мѣсту постриженія въ монашество—старцемъ Кіево-Печерскаго.

Итакъ, Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Сколько времени онъ пробылъ здѣсь, за немѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, трудно опредѣлить. Можно предположительно думать, что въ 1642 году онъ уже перешелъ въ Братскій Монастырь, въ школы котораго и учительствовалъ вплоть до 1649 года; слѣдовательно, учительствовалъ онъ не менѣе семи лѣтъ. Въ „оглавленіи книгъ“ Сильвестра Медвѣдева, между прочимъ, читаемъ: „Епифаній Калепинъ пре-

---

по твоему великаго государя указу сижу я богомолецъ твой въ Чудовѣ монастыре, въ церковной книгѣ, въ переводахъ зъ разныхъ языковъ...»

1) Ibid. св. 17, № 16, челобитная отъ 1661 г. 6 сент. Сfr. «Греческія Дѣла» 1660 г. № 3.

2) Ibid. св. 10, 1655 г. № 3.

3) Ibid. св. 4. 1649 г. № 4, л. 18.

ложи ¹⁾ безъ толкованія, отъ книги изданныя въ Басиліи (Базель), лѣта Христова MDLXXVII (1577) марта, нач. лѣта 7151 т. е. 1643 ²⁾.

Такимъ образомъ, будучи еще въ Кіевѣ, въ мартѣ 1643 года Епифаній предпринялъ первый свой литературный трудъ, который отличается чисто филологическимъ характеромъ. Это обстоятельство даетъ намъ право думать, что уже въ 1642 году Епифаній состоялъ учителемъ Братской школы, потому что такой трудъ, какъ словарь, могъ удовлетворять въ то время нужды школы, а не общества; что онъ преподавалъ здѣсь, вѣроятно, греческій языкъ, потому что только родомъ занятій его можно объяснить, почему первый трудъ—филологическаго характера. Чтобы понять громадное значеніе этого труда для того времени, необходимо принять во вниманіе, что Братская школа чрезвычайно нуждалась въ такихъ научныхъ пособіяхъ, а между тѣмъ латино-славянскихъ и греко-славянскихъ словарей въ то время не имѣла, и при переводахъ съ латинскаго и греческаго языковъ питомцамъ ея приходилось обращаться къ польскимъ пособіямъ. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельство въ предисловіи къ латино-славянскому словарю 1724 года, написанномъ Іоанномъ Максимовичемъ. „Дивно“,—говоритъ онъ здѣсь—„что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевскаго, вѣще отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовалася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ“ ³⁾.

¹⁾ Выраженіе—неточное: этотъ трудъ Епифанія не переводъ, а передѣлка. Словарь Амвросія Каленина не латинскій только, а словарь языковъ—латинскаго, греческаго, еврейскаго, итальянскаго и др.⁴⁾ См. объ этомъ въ статьѣ Браиловскаго: «Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго». Рус. Филолог. Вѣстн. т. XXIII (1890 г.), стр. 239.

²⁾ «Оглавленіе книгъ» § 79, 19.

³⁾ Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 194.

Изъ времени учительства Епифанія въ Братской школѣ больше не имѣется никакихъ свѣдѣній. Такъ студентъ свѣдѣніями до-московскій періодъ жизни Епифанія Славинецкаго.

Глава II.

Причины, побудившія Московское Правительство обратиться въ половинѣ XVII в. съ просьбой въ Бѣвъ о присылкѣ ученыхъ людей въ Москву. Вызовъ Епифанія Славинецкаго въ Москву. Разборъ установившагося въ исторической наукѣ мнѣнія, что Епифаній былъ вызванъ Ртищевымъ. Пробытіе его въ Москву. Пріемъ, оказанный Славинецкому Московскимъ Правительствомъ. Мѣсто жительства, отведенное для него. Путешествіе его на богомолье въ Сергіеву лавру.— Характеристика эпохи, въ которую пришлось Епифанію дѣйствовать. Наплывъ новыхъ идей. Отраженіе ихъ въ литературѣ и живописи. Неудовлетворенность мыслящаго москвича половины XVII в. существующими обычаями и строемъ жизни. Въ области церковно-практической эта неудовлетворенность вызываетъ возникновеніе новаторскаго кружка на почвѣ національнаго благочестія. Враждебное отношеніе этого кружка къ грекамъ въ высшихъ слояхъ московскаго общества и сознаніе необходимости церковныхъ реформъ. Вліаніе Епифанія Славинецкаго. Первые попытки исправленія книгъ по греческимъ подлинникамъ. Рѣшеніе вопроса, какое участіе принималъ Епифаній Славинецкій въ дѣлѣ книжнаго исправленія и какова была его роль.

XVII вѣкъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ во внутренней исторіи Московскаго государства. Вмѣстѣ съ закончившимся собираніемъ земли русской, принесено было въ Москву и здѣсь сконцентрировалось много новыхъ идей. Нѣкоторые изъ нихъ стали зародышами тѣхъ историческихъ явленій и фактовъ, которые въ дальнѣйшемъ ходѣ внутренней исторіи составили ея существенное содержаніе. Это обстоятельство вызвало настоятельную потребность подвести итоги шестисотлѣтней предшествовавшей народной жизни и сдѣлать оцѣнку ихъ. Этимъ и объясняется господствующее направленіе XVII вѣка—урегулировать, подчинить извѣстному уставу все и въ

государствѣ, и въ жизни общественной, даже частной. Въ законодательствѣ оно выразилось цѣлымъ рядомъ земскихъ соборовъ (1618, 1621, 1632, 1637 годовъ), изданіемъ Уложенія (1648 г.); въ центральной администраціи—болѣе правильнымъ разграниченіемъ дѣлъ между приказами; въ областной администраціи—урегулированіемъ отношеній воеводъ къ головамъ и цѣловальникамъ; въ вопросахъ финансовыхъ—составленіемъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ.

Такимъ-же точно направленіемъ характеризуется и дѣятельность церкви въ этотъ періодъ. Около половины XVII вѣка для русской церкви наступила пора церковно-іерархической зрѣлости. Естественно было при этомъ осмотрѣться кругомъ и дознать, что есть у насъ, чѣмъ до сихъ поръ питалась русская религіозная мысль. Это дознаніе обнаружило чрезвычайную скудость внутреннихъ началъ церковнаго образованія и управленія. Святоотеческія творенія распространялись случайно: церковь, какъ власть, не знала, сколько у насъ ходило переводовъ, какихъ именно отцевъ творенія были переведены, каково достоинство этихъ переводовъ. Вслѣдствіе слабости судящаго и опредѣляющаго голоса церкви, на Руси распространилось много апокрифовъ и подложныхъ сочиненій. Состояніе церковно-богослужебныхъ книгъ, было не лучшее. Приходилось русской церкви начать все съизнова; настояла нужда исправить текстъ богослужебныхъ книгъ, очистить средства религіознаго образованія и распространить въ обществѣ упорядоченную и правильно переведенную отеческую письменность ¹⁾. Чтобы совершить всю эту работу, не достаточно было тѣхъ образовательныхъ силъ, какими обладала Москва: для такой работы мало было простого начетчества; требовались солидныя и обширныя знанія, объединенныя въ систему однимъ принципомъ, требовался умъ, критически образованный, требовались въ достаточной мѣрѣ и филологическія познанія. И вотъ взоры

---

¹⁾ См. объ этомъ у проф. Пѣвницкаго. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 415—420.

лучшихъ московскихъ людей того времени обратились въ юго-западной Руси: здѣсь, въ частности—въ Кіевѣ, они надѣялись найти то, въ чемъ наиболѣе нуждались.

Таковы были причины, побудившія Московское Правительство, искавшее выхода изъ обрисованнаго нами положенія, обратиться въ Кіевъ съ просьбой о присылкѣ ученыхъ людей. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву бояриномъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ. ¹⁾ Это не вѣрно. Нужно замѣтить, что около половины XVII вѣка, когда нужда въ научно-образованныхъ людяхъ довольно интенсивно ощутилась въ Москвѣ, было два вызова—Ртищевскій и правительственный, какъ это вполне справедливо признаетъ г. Сторожевъ ²⁾. Малорусскіе иноки ртищевского вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., а правительственнаго—въ іюль 1649 г. Къ этому-то послѣднему вызову и принадлежалъ Епифаній Славинецкій: онъ прибылъ въ Москву согласно просительной грамотѣ Алексѣя Ми-

---

¹⁾ Костомаровъ. Русск. Истор. въ жазнеоп. в. IV, стр. 170; в. V, стр. 387. Проф. Пѣвницкій въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 408; Энциклоп. Словарь Крайя, т. IV, стр. 278; Татарскій. Сын. Полодкій, стр. 22. Всѣ они утверждаютъ это со словъ «Житія Милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева» (Древняя Россійская Вивліюэика, ч. XVIII), гдѣ сказано, что Ѳеодоръ Ртищевъ «призва отъ Кіева, изъ святыя Лавры Печерскія, священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ Славенскомъ и Греческомъ и во иныхъ изящнаго (стр. 401). Но довѣрять этому Житію нельзя: многія свѣдѣнія въ немъ объ Епифаніи не вѣрны; такъ напр., Житіе говоритъ, что Епифаній, по пріѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырѣ, что въ Шлвинцахъ, а потомъ переселился въ Чудовъ; подлинныя-же документы о пріѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были переведены прямо въ Чудовъ монастырь. См Малорос. Дѣла Главнаго Архива Минист. Иностран. Дѣлъ, связка 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3.

²⁾ См. его статью: «Къ исторіи русск. просвѣщ. въ XVII в.» Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII.

хайловича отъ 14 мая 1649 г. ¹⁾). Послѣ того, какъ южно-русскіе иноки ртищевского вызова уже водворились на Москвѣ и не вызвали въ средѣ москвичей бурнаго недовольства и протеста, чего такъ опасалось, вѣроятно, правительство ²⁾), уже и само правительство рѣшилось, наконецъ, вызвать ученыхъ кіевлянъ. Еще въ 1648 г. государь посылалъ въ Кіевъ инока Марка въ печерскій монастырь къ епископу Зосимѣ (за отсутствіемъ митрополита), прося его прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго. Но въ этотъ разъ Дамаскинъ не былъ отпущенъ: „монастырскія потребности“ удержали его въ Кіевской Лаврѣ ³⁾). Въ маѣ 1649 года царь Алексѣй Михайловичъ вторично обратился въ Кіевъ уже къ митрополиту Сильвестру Коссову съ грамотой слѣдующаго содержанія: „Вѣдомо намъ учинилося, что учителя священно-иноки Арсеній (Сатановскій) да Дамаскинъ Птицкій божественнаго писанія вѣдущи и еллинскому языку навичны, и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны; и мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о тѣхъ учите-

¹⁾ Это мнѣніе теперь прочно установилось. Его раздѣляютъ: Филаретъ. «Обзоръ рус. духов. литер.»; Горскій и Невоструевъ. Описаніе ркп. Син. библ. II, 3, № 291; м. Макарій. Исторія русск. церкви, т. XI, стр. 132; Н. Θ. Кантеревъ. Прав. Обзор. 1887 г. т. I, стр. 163; Сторожевъ. Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII; Эйнгорнъ. Чтен. Общ. Исторіи и Древ. 1893 г. кн. II, стр. 37; Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ со старообр. Богосл. Вѣст. 1892 г. т. I, стр. 285. Проф. Николаевскій. «Москов. Печатн. дворъ при патр. Никонѣ». Христ. Чтен. 1890 и 91 гг.

²⁾ Этою осторожностію правительства только и можно объяснить тотъ фактъ, что хотя Московское правительство отнеслось сочувственно къ предложенію Петра Могилы еще въ 1640 г. устроить въ Москвѣ монастырь—школу, сознавая, что это—самое цѣлесообразное средство для удовлетверенія неотложныхъ нуждъ московскаго правительства, однако въ видѣ опыта сперва предоставило вызовъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева частному лицу.

³⁾ Малор. Дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

ляхъ послати нашу царскаго величества грамоту къ Зосимѣ, епископу Черниговскому, потому что тебя, митрополита, въ то время въ Кіевѣ не было; а нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о томъ къ тебѣ послати нашу царскаго величества грамоту: и вамъ бы, митрополиту, намъ, великому государю, послужить и нашего царскаго жалованья къ себѣ поискать, и тѣхъ учителей приговорити и прислати къ намъ, великому государю, для справки Библии греческія на словенскую рѣчь, на время намъ, великому государю, послужити; а на Москвѣ у нашего царскаго величества побыти имъ вольно, по ихъ волѣ и хотѣнію¹⁾. Съ этой грамотой быть отпращенъ на этотъ разъ торговый человѣкъ Порфирій Зеркальниковъ съ соотвѣтствующей инструкціей Путивльскому воеводѣ Плещееву, въ которой повелѣвалось „отпустить Зеркальникова изъ Путивля за рубежъ не задержавъ и проѣзжей листъ ему дать чтобъ его за рубежомъ пропускать вездѣ безъ задержанія“. ²⁾ На обратномъ-же пути Зеркальникова, уже вмѣстѣ съ учеными кіевскими иноками, путивльскій воевода обязанъ былъ дать имъ въ провозатые пристава, суточные деньги („кормъ“) до Москвы и подводы до Сѣвска ³⁾. Въ отвѣтъ на эту вторичную просьбу Алексѣя Михайловича кіевскій митрополитъ и власти Братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, вмѣсто просимаго въ грамотѣ Дамаскина Цтицкаго, потому что Дамаскинъ, какъ инокъ Печерской лавры, не зависѣлъ отъ властей Братскаго монастыря. Въ провозатые къ посылаемымъ въ Москву инокамъ былъ данъ кіевскій старецъ Θεодосій, которому были вручены двѣ просительныхъ грамоты: отъ митрополила Сильвестра Косова и отъ игумена Братскаго Богоявленскаго монастыря Иннокентія Гизеля на имя царя. Въ этихъ грамотахъ митрополитъ и игумень, завѣряя царя въ своей всегдашней готовности при-

¹⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, ч. III, № 136.

²⁾ Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4.

³⁾ Ibidem.

сылать на служеніе царю нужныхъ людей, просили у Алексѣя Михайловича милостыни для Братскаго монастыря, пришедшаго въ оскудѣніе послѣ Петра Могилы ¹⁾.

Когда именно они выѣхали изъ Кіева въ Москву, въ точности неизвѣстно; можно думать, что въ 20-хъ числахъ іюня, такъ какъ грамоты митрополита и Братскаго игумена были заготовлены 20-го іюня. 27-го іюня 1649-го года Епифаній Славинецкій былъ уже въ Путивлѣ, гдѣ встрѣтился съ патр. Паисіемъ и Арсеніемъ Сухановымъ, направлявшимися изъ Москвы въ Грецію ²⁾. Согласно царскому наказу, путивльскій воевода Алексѣй Плещеевъ отпустилъ въ тотъ-же день кіевлянъ въ Москву, прикомандировалъ къ нимъ пристава путивльскаго Аѳанасія Шириева, далъ 9 подводъ до Сѣвска и сучные (кормъ) вплоть до Москвы на двѣ недѣли, считая съ 27-го іюня: „старцамъ Арсенію да Епифанію да Θεодосію по осми денегъ челоуѣку на день, служкамъ ихъ пять челоуѣкъ по четыре денги челоуѣку на день ³⁾“. Епифанію, слѣдовательно, дано было на дорогу отъ Путивля до Москвы 112 денегъ, т. е. 56 коп., что въ переводѣ на современный курсъ равняется девяти съ половиною рублямъ ⁴⁾.

Въ Москву прибылъ Епифаній (вмѣстѣ съ Арсеніемъ и Θεодосіемъ) 12-го іюля. По прибытіи въ Москву, они остановились не въ Андреевскомъ, что въ Пльницяхъ, братствѣ, какъ ошибочно думаютъ всѣ тѣ, которые признають Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго прибывшими въ Москву по вызову Ртищева, а, согласно инструкціи, данной имъ еще въ

---

¹⁾ Ibid., лл. 22—23 включительно.

²⁾ Ibid., л. 4.

³⁾ Ibidem л. 4.

⁴⁾ Цѣнность московскихъ денегъ около половины ХVІІ в. была выше нынѣшней въ 17 разъ: тогдашній рубль равнялся 17 нынѣшнимъ. См. Ключевскій. „Русскій рубль ХVІ—ХVІІІ вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, стр. 61.

Путивлѣ воеводою, явились въ Посольскій приказъ къ думному дьяку Михаилу Волошенинову ¹⁾.

Съ полною вѣроятностію должно предположить, что въ тотъ-же день Волошениновъ доложилъ государю о прибытіи кievскихъ старцовъ, послѣ чего послѣдовалъ государевъ указъ— „память“, какъ тогда выражались, на имя боярина князя Хованскаго объ отпускѣ вновь прибывшимъ старцамъ содержанія, или—по тогдашнему—„поденного корму“, начиная съ 12-го іюля „до тѣхъ мѣстъ, пока они на Москвѣ будутъ“. Епифанію отпущено было, во исполненіе этой государевой памяти, столовыхъ по „гривне“ на день ²⁾, т. е. на наши деньги одинъ рубль девятнадцать коп ³⁾. На слѣдующій день, 13-го іюля, по государевой памяти боярину-дворецкому А. Львову, велѣно было отпускать къ столу вновь прибывшихъ иноковъ „поденного питья іюля с 12 числа, пока они на Москвѣ побудутъ, по двѣ чарки вина добраго, по кружке меду, двѣ кружки пива добраго на день человѣку; велѣтъ то питье посылать въ готовыхъ судѣхъ“ ⁴⁾.

Ровно черезъ недѣлю, 20-го іюля, Θεодосій, Епифаній и Арсеній были „у государевой руки“, т. е. представлялись царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, передъ обычными въ то время поклонами и цѣлованіемъ государевой руки, старецъ Θεодосій произнесъ передъ царемъ довольно витіеватую рѣчь, въ которой говорилъ, что митрополитъ кievскій Селивестръ „съ радостію царскаго величества повелѣнію повинувся, сихъ двухъ честныхъ старцевъ (Арсенія и Епифанія), отъ монастыря Брацкаго Киевскаго Святыхъ Богоявленій храму избранныхъ и его (т. е.

¹⁾ Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣл. Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4, л. 4.

²⁾ Ibid. л. 7.

³⁾ Гривна равнялась 14 деньгамъ (см. Востокова. Опис. Рум. Муз., 46, № XXXVIII), т. е. 7 коп., а по нашему курсу 1 р. 19 к. См. Ключевскій. Русскій рубль... стр. 61.

⁴⁾ Малор. Дѣла св. 4, 1649 г. № 4, л. 8.

Θеодосія) съ ними въ провождателя мѣсто посла достолюбіное Царскаго величества великоименитое престолу поклоненіе сотворити“¹⁾, затѣмъ описаль бѣдственное положеніе Кіевскаго Братскаго монастыря послѣ смерти Петра Могилы²⁾, засвидѣтельствоваля всегдашнюю готовность монастыря присылать на служеніе царю нужныхъ людей³⁾, и, въ заключеніе, просиль государя дать чрезъ него жалованную грамоту Братскому монастырю⁴⁾. Послѣ этого вновь прибывшимъ кіевлянамъ были пожалованы щедрые царскіе дары: по сорокъ соболей⁵⁾ и по двадцать пять руб.⁶⁾ и увеличено столовое содержаніе—вмѣсто прежняго, велѣно было отпускать въ ихъ столу изъ дворца „по кружки пива добраго“⁷⁾. Со слѣдующаго дня было опредѣлено мѣстожителство для каждаго. Епифанію отведена была квартира на дворѣ Большаго Посольскаго Приказа, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы всегда близко имѣть полезнаго, знающаго челоуѣка, когда этого требуютъ нужды печатнаго дѣла⁸⁾, такъ какъ Θеодосій засвидѣтельствоваля, что Славинецкій своими познаніями можетъ бытъ болѣе полезенъ для Москвы, чѣмъ Дамаскинъ Птицкій⁹⁾.

1) Ibidem л. 18.

2) Ibidem л. 22.

3) Ibid. л. 23

4) Ibid. д. 30.

5) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день казначею Богдану Дубровину велѣно отпустить Епифанію да Арсенію по сороку соболей». Ibid. л. 39.

6) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день на имя князя Хованскаго велѣно отпустить государева жалованья Арсенію и Епифанію по 25 руб.» Ibid. л. 40.

7) Ibid. 41/а.

8) Приказъ Большаго Двора до 1654 г. завѣдывалъ печатнымъ дворомъ. См. Румянцева. Древнія зданія Моск. Печат. Двора, стр. 13 и прим. 69.

9) Малор. Дѣла, св. 4, л. 30. Замѣтимъ здѣсь кстати, что назначеніе содержанія Епифанію изъ Приказа Большаго Двора, отве-

Еще въ Кіевѣ, передъ отъѣздомъ въ Москву, Θεодосій, Епифаній и Арсеній дали себѣ обѣтъ побывать на богомольи въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, и вотъ теперь, 2-го августа, они обратились къ царю съ просьбой отпустить ихъ „въ Троицкой Монастырь помолиться“, что и было разрѣшено имъ. Указомъ государя велѣно было дворецкому Львову послать грамоту въ Троицкую Лавру, чтобъ тамъ „учинили почести пріѣзжимъ“, а окольничему Милославскому приказано дать Кіевлянамъ отъ Москвы до Сергіева монастыря и обратно подводы для нихъ и ихъ служекъ, пристава и переводчика ¹⁾.

По возвращеніи изъ Лавры въ Москву, т. е. съ 1650 г., такъ какъ въ то время годъ начинался съ сентября, для Епифанія наступаетъ трудная жизнь. Но прежде чѣмъ перейти къ изображенію дѣятельности Епифанія, постараемся представить себѣ эпоху съ ея нестроеніями, нуждами и стремленіями,—тогда для насъ станетъ яснымъ направленіе и характеръ дѣятельности Епифанія, которые всецѣло обусловливались именно нуждами и стремленіями того времени.

Какъ мы уже замѣтили выше, къ половинѣ XVII в. въ Московской Руси сложилось чрезвычайно своеобразное положеніе, которое до этой поры ни разу не возникало, да и не могло возникнуть. Положеніе это было полно глубокаго историческаго значенія: такого обилія новыхъ идей, широкой волной ворвавшихся въ Московскую Русь, она еще до сихъ поръ не испытывала. Новшества стали обнаруживаться вездѣ и всюду съ неотразимой силой. Въ различныя сферы умственной и общественной жизни проникаютъ совершенно новые принципы, дотолѣ невѣдомые московскимъ людямъ. Таковъ, напр., принципъ, высказанный изуграфомъ Іосифомъ: „истина не слѣдуетъ за обы-

---

деніе квартиры для него на дворѣ Большого Посольскаго Приказа—все это такіе факты, которые рѣшительно опровергаютъ мнѣніе, будто Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву Ртищевымъ.

¹⁾ Ibid. л. 43.

чаями невѣжественными, но обычай невѣжественный долженъ истинѣ повиноваться“¹⁾).

Лучшіе московскіе люди уже настолько умственно созрѣли, что для нихъ утратилъ всякое значеніе традиціонный московскій девизъ: „до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“²⁾).

Началось это культурное движеніе съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны западная цивилизація снискала симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создавала удобства жизни³⁾, давала удовольствія, развивала эстетическое чувство⁴⁾, вызывала щеголеватость, роскошь и искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты⁵⁾. Такимъ образомъ, житейская бытовая обстановка, воспринявшая въ себя много новаго, иноземнаго, надорвала господствовавшую въ московскомъ обществѣ нетерпимость ко всему, что не русское. Первые шаги были сдѣланы: настала „поруха“ старому преданію, и Русь—сильно „зашаталась“. Новшества не ограничились чисто бытовой стороною,—они стали проникать въ область мысли и знаній, расширять кругозоръ, развивать въ московскихъ людяхъ навыкъ и любовь къ критицизму.

Какъ же обнаруживалось это новое теченіе въ литературѣ и живописи?

Трудно прослѣдить тѣ пути, какими шла „поруха“ стараго въ области литературы: слишкомъ мало обслѣдованы главныя

¹⁾ Буслаевъ. Историческіе очерки рус. народ. словесн. и искус. т. II, стр. 405. Этотъ принципъ высказанъ имъ въ соч. объ иконописаніи; но по своему характеру онъ выходитъ пзъ рамокъ только иконописанія и приводится Іосифомъ въ качествѣ общаго руководящаго принципа для всякой дѣятельности.

²⁾ Житіе протопопа Аввакума. Соловьевъ. Истор. Россіи XIII т., 217 стр.

³⁾ Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева «Къ Исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в.

⁴⁾ Буслаевъ. Истор. очерки рус. народ. слов. и искус. стр. 403.

⁵⁾ Русск. Госуд. половины XVIII в. Рукопись, издан. Везсоновымъ.

литературныя формы до-петровской Руси. Все же съ несомнѣнностію можно сказать, что уже съ XVI вѣка въ установившіяся формы литературныхъ произведеній начали проникать западныя вліянія. Въ Хронографы конца XVI в. заимствуются статьи изъ латино-польскихъ хроникъ Бѣльскаго, Стрыйковскаго и др. 1). Такимъ образомъ І. Малала, Георгій Амартоль, Манасія, Зонара и другіе греческіе писатели, хроники которыхъ служили главнымъ источникомъ русскихъ хронографовъ до половины XVI вѣка, утратили свое исключительное право на вниманіе. Въ Лѣчбникахъ и Травникахъ съ XVI в. появляются статьи западнаго происхожденія, наряду съ прежними византійскими и болгарскими дѣлаются выписки изъ „Тайная тайныхъ“ Аристотеля („Secreta Secretorum“ — средневѣковый сборникъ, весьма распространенный на Западѣ), изъ Альберта Великаго, Михаила Скота, Раймунда Люллія и др. 2). Эти новыя статьи, отличныя отъ традиціонныхъ статей прежняго времени по изложенію и характеру, несомнѣнно, вліяли на развитіе литературнаго вкуса и подготовляли ослабленіе византійско-аскетическаго направленія нашей литературы: съ половины XVII в. въ разныхъ сборникахъ уже появляются наряду съ нравоучительными статьями и статьи „потѣшнаго“ содержанія. Таковы, напр., „Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкlostей обличительны“ — переводъ съ польскаго 3); „повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея“ 4) и др. Уже съ сороковыхъ годовъ XVII ст. новаторскія идеи пріобрѣтають значеніе въ глазахъ начетчиковъ, а во второй половинѣ вѣка уже находятъ себѣ защитниковъ. Примѣръ такой защиты новшества находимъ у Строева, 5) гдѣ приводится статья: „О пѣніи божественномъ,

1) Архангельскій. Образов. и литер. Москов. Руси XVII в. Ученныя Записки Казан. Универ. 1898 г. VП—VШ кн., стр. 214.

2) Ibidem стр. 233.

3) Строевъ. Описаніе рукописей библ. гр. Ѳ. А. Толстого, Отд. II, № 47, 1, л. 1—68.

4) Ibidem. л. 86.

5) Строевъ. № 116, лл. 43, Отд. I.

по чину мусикійскихъ согласій состроенномъ, ради благочинія церковнаго отъ любомудрыхъ художниковъ и хитрецовъ составленномъ... отъ многихъ же святыхъ писаній свидѣтельство прилѣжно избранно, яко благо и зѣло во истину благочиннѣ въ Малой Россіи сіе вчинися“. Сознаніе необходимости науки, а слѣдовательно неудовлетвореніе простымъ начетчествомъ уже въ началѣ XVII в. начинаетъ прорываться на поверхность общественнаго сознанія. Въ рукописяхъ начала XVII в. появляются статьи на тему „о силѣ книжной“, о „членовномъ преобразованіи словеснаго сложенія“ и т. п. ¹⁾

Въ области живописи еще шире и сильнѣе сказалось вліяніе Запада. Оно начало проявляться прежде всего въ области гравюръ и стѣнописи. Русскіе бояре покровительствовали живописному западному стилю ²⁾. Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ ихъ хороммахъ (каковы: символическія изображенія времянь года, „бѣги небесныя“, лунное теченіе, четыре стихіи и пр.) присоединились картины перспективныя и ландшафты ³⁾. Потѣшныя нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ въ овощной рядъ въ большомъ количествѣ ⁴⁾. Глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ артистической драпировкѣ; живость колорита поражала тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинно художественное произведеніе. Эти новшества вызывали пробужденіе интереса къ одухотворяющей ихъ мысли. И вотъ мы видимъ, что новыя потребности—эстетическія и критическія—проникаютъ въ область теоріи. Русскихъ иконописцевъ уже не удовлетворяетъ, даже раздражаетъ византійскій

1) Строевъ. Опис. рки. Толстого, отд. II, № 195, лл. 17—19,

2) Покровскій. Евангеліе въ намятникахъ иконографіи. Труды VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1890 г. т. I, ЛШ.

3) Цвѣтаевъ. Къ Исторіи культуры Россіи въ XVI—XVII вв. стр. 4.

4) Ibid., стр. 11.

иконографическій стиль. „Гдѣ таково указаніе изобрѣли“—возмущается изуграфъ Іосифъ—„неосмысленные любопытели, которые одною (т. е. одинаковою для всѣхъ святыхъ) формою смугло жила и темновидно святыхъ лица писать повелѣваютъ? Весь-ли родъ человѣческой во едино обличье создавъ? Всѣ-ли святые смуглы и тощи были?“¹⁾).

Всѣ эти, новыя для того времени, явленія свидѣлствуютъ о народившейся въ московскомъ обществѣ потребности провѣрить и критически отнести ко всему тому, чѣмъ и какъ оно жило. Обращеніе къ явленіямъ окружающей общественной жизни вызывало на самыя печальныя размышленія лучшихъ людей. Нестроенія въ ней были велики. Еще Стоглавый соборъ отмѣчаетъ, что „мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творять елинское бѣснованіе—различныя игры и плясанія; въ навечеріи Рождества Христова и ; противъ праздниа Рождества Іоанна Предтечи въ ноци и въ праздникѣ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по улицамъ глумы творять всякими играми и пѣснями²⁾ Прошло столѣтіе, а жизнь общественная нисколько не улучшилась. Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. народъ разгульно проводилъ праздники „ходяще по улицамъ, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздиномъ святымъ Божиимъ, вмѣсто духовнаго торжества воспримше игры и кощуну бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурмы ревѣти, и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти“.³⁾

Состояніе духовенства было не лучше. Изъ памяти патр. Іоасафа узнаемъ, что священники во время богослуженія „ходятъ

¹⁾ Вуслаевъ. Истор. Очерки, т. II, стр. 403—404.

²⁾ Стоглавъ. изд. Кожавч. стр. 261.

³⁾ А. А. Э. Ш. 1636 г. № 264, стр. 402. Память патр. Іоасафа тіуну Мавоилову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекращенія въ Московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій.

во образѣ пустынническомъ, во время святаго пѣвнiя въ церк-вахъ ползають, пискъ творяще, и великъ соблазнъ полагають въ простыхъ человѣцѣхъ ¹⁾). Патр. Іосифъ свидѣтельствуєтъ, что въ храмахъ священники безчинствуютъ, „въ церкви приходятъ яки разбойники съ палки, и подѣ тѣ палки у нихъ бывають копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная“ ²⁾).

Такое безотрадное состояніе жизни мірянъ и духовенства вызвало у лучшихъ людей того времени сознаніе необходимости реформъ. На этой почвѣ возникъ реформаторскій кружокъ около царскаго духовника Стефана Вонифатьева. Членами его были: Логгинъ, Нероновъ, Никонъ, Ртищевъ и др. Этотъ кружокъ причину всѣхъ нестроений видѣлъ въ новыхъ идеяхъ, шедшихъ съ Запада, въ томъ, что Русь стала „переставлять свои обычаи“; что стала „яко благодѣевъ принимать и честію велією почитать скверныхъ поляковъ, нѣмцевъ и прочихъ безбожныхъ языковъ“. Отсюда-то, по его мнѣнію, и пошла „порука“ старому преданію. Кружокъ призналъ необходимость критики въ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ общественной жизни; боязни предѣ всякою живою мыслію онъ былъ чуждъ. Но жестокая ошибка его заключалась въ томъ, что онъ весь пропитанъ былъ узкими націоналистическими тенденціями. Вслѣдствіе этого онъ судилъ о явленіяхъ не по ихъ собственному достоинству, а по источнику, изъ котораго они шли. Все, что шло отъ грековъ и изъ запада, было скверно ³⁾). Но такъ какъ нужно все-таки имѣть

---

¹⁾ Ibidem.

²⁾ А. Э. IV. См. Дополненіе къ IV т. 1646 г. февр. 16. Окружной патріаршій наказъ духовному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочанія. Стр. 481.

³⁾ Правда, не всѣ члены кружка отличались истерпимостью и національной исключительностію. Были въ немъ и люди, способные признавать достоинство и во многомъ иноземномъ. Такъ напр., Ртищевъ, который самъ учился у кievскихъ инокѣвъ своего монастыря латинскому языку.

высшій авторитетъ, то они и признали таковой за „старинной“. „Старина“ же русская была убѣждена, что вѣра православная „испроказилась“ у грековъ, утратила свою первоначальную чистоту. Политическія событія въ Византіи подтверждали этотъ предвзятый взглядъ. Разграбленіе Константинополя нечестивыми агарянами было въ глазахъ русской „старинны“ справедливой карой грекамъ за ихъ несохраненіе чистоты и неповрежденности христіанства. Такимъ образомъ, греческая церковь утратила свой прежній авторитетъ. Если прежде русская церковь въ своей жизни прислушивалась къ голосу и суду греческой церкви, то теперь такое отношеніе, неизбѣжно, должно было измѣниться. Роли переѣнились: не русская церковь должна была признавать авторитетъ за греческой, а наоборотъ, ибо истина христіанская въ ея неповрежденности сохранилась только на Руси. Этотъ-то взглядъ русской старины на грековъ вполне сохранился въ кружкѣ наваторовъ-націоналистовъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, за исключеніемъ одного или двухъ членовъ его, остальные были противниками Никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ по *греческимъ* подлинникамъ. Они признавали необходимость живой церковной проповѣди, какъ средства для исправленія нравственной жизни общества, признавали необходимость устранить безчинія въ церковномъ богослуженіи, но исправленіе самыхъ чинопослѣдованій церковныхъ было—по ихъ убѣжденію—уже измѣной „старинѣ“.

Наряду съ этимъ теченіемъ русской жизни, довольно сильно заявляло себя другое, совершенно свободное отъ національной и религіозной исключительности. Это теченіе началось и совершалось главнымъ образомъ въ передовомъ, высшемъ, болѣе образованномъ московскомъ обществѣ. Здѣсь старорусскій взглядъ на грековъ только на время поколебалъ довѣріе въ нимъ, но потомъ все болѣе и болѣе сталъ уступать тому взгляду, который господствовалъ на Руси до Флорентійской уніи, именно, что греки во всемъ держатъ православную вѣру неповрежденною. Уже въ XVI в. поколебался въ высшемъ обществѣ узко-національный взглядъ русскаго большинства на грековъ. Русскіе пу-

тешественники по святымъ мѣстамъ Востока, возвратясь на родину, приносили съ собой убѣжденіе въ неповрежденности христіанства у грековъ: для нихъ становилось яснымъ, что флорентійская унія была дѣломъ только немногихъ, а не всего народа; что греческій народъ относился къ ней враждебно и никогда не принималъ ея; что господство турокъ нисколько не мѣшало грекамъ сохранить въ чистотѣ христіанство.

Борьба юго-западной Руси съ уніей съ половины XVI и въ XVII вв., въ которой такую громадную роль играли іерархи греческой церкви, также не могла не оказать своего вліянія на ослабленіе недовѣрія московскаго правящаго класса къ грекамъ. Пребываніе іерусалимскаго патріарха Паисія въ Москвѣ (27 января 1649 г.—10 июня 1649 г.) оковчательно подорвало долго царившее въ Москвѣ недовѣріе, хотя, правда, и не уничтожило его совершенно. Самъ Паисій испыталъ это на себѣ; тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву онъ имѣлъ свиданіе и бесѣду съ Никономъ, тогда еще спасскимъ архимандритомъ: Никону—есть основаніе такъ думать—поручено было поразузнать взгляды и убѣжденіе вновь прибывшаго патріарха. Такимъ образомъ, хотя недовѣріе пало, но „сумлѣніе“ въ отношеніи къ грекамъ у москвичей было еще сильно вплоть до 1650 г., когда пришлось уже Епифанію Славинецкому считаться съ этимъ явленіемъ. Эта перемѣна въ настроеніи Москвы по отношенію къ грекамъ имѣла громадное значеніе въ выработкѣ ученаго взгляда на дѣло книжной *справы*: она шла на встрѣчу все болѣе и болѣе крѣпнувшему сознанію, что необходимо книжное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ; при наличности же духовной розни между русскими и греками не могло бы быть и книжной *справы*. Этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что только послѣ выхода Никона изъ кружка націоналистовъ-реформаторовъ, послѣ рѣшительнаго перехода его на сторону грековъ, онъ начинаетъ исправленіе книгъ.

Другой отличительной чертой этого теченія мысли въ высшихъ слояхъ московскаго общества, по сравненію съ кружкомъ націоналистовъ, было сознаніе необходимости распространить

реформы не только на нравственно-практическую жизнь общества, но и на церковныя чиноположенія. Если же на соборѣ 1649 года 11 февраля разсуждали только объ единогласіи¹⁾ и не касались церковныхъ чиноположеній, то это объясняется тѣмъ, что а) не знали, какъ приняться за дѣло и вести его, и б) не имѣли нужныхъ для этого людей. Обратиться же къ грекамъ еще не рѣшались.

Послѣ того, какъ „сумлѣніе“ относительно справедливости своего недовѣрія къ грекамъ возникло въ правящихъ сферахъ и довольно настойчиво заявило себя, естественно было имъ разобратъся въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ утверждалось это недовѣріе, естественно было провѣрить себя. А такъ какъ для всякой провѣрки требуется сличеніе, то для насъ вполне понятнымъ становится, почему первымъ трудомъ Епифанія Славинецкаго по прибытіи его въ Москву былъ переводъ съ греческаго языка на славянскій литургіи Іоанна Златоустаго, каковой трудъ онъ совершилъ въ августѣ 1649 года²⁾. Вѣроятной причиной такого труда, возложеннаго на Епифанія московскимъ правительствомъ, и могло быть желаніе узнать, насколько наша славянская литургія разнится отъ современной греческой, потому что—по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго—„если живѣйшимъ образомъ интересовались вопросомъ, то ясно, что нисколько не были противъ возможности того, чтобы онъ былъ рѣшенъ въ пользу грековъ: иначе разслѣдованію дѣла предпочитали-бы невѣдѣніе“³⁾,

Обратимся теперь къ дѣятельности Епифанія. Должно замѣтить прежде всего, что Епифаній сразу внушилъ къ себѣ довѣріе московскихъ людей. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Нужно думать, въ этомъ прежде всего сказалась рекомендація, данная

1) Бѣлокуровъ. Дѣянія Моск. Церков. Собора 1649 г. 11 февр. См. Чт. Общ. Исторіи и Древностей Рос. 1894 г. кн. 4.

2) Сильвестръ Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ, кто ихъ слож. § 79.

3) Богослов. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 289—290. См. статью Е. Е. Голубинскаго: «Къ нашей полемикѣ со старообрядцами».

о немъ московскому правительству Θεодосіемъ. Такъ какъ московское правительство не вызвало Епифанія, а онъ явился не-прошеннымъ вмѣсто просимаго Дамаскина Штицкаго, то наилучшая рекомендація являлась необходимою, чтобы успокоить нѣсколько недовѣрчиво относящееся къ кіевлянамъ московское правительство. Очень скоро обнаружилось, что Епифаній будетъ болѣе полезенъ для нуждъ московской церкви, чѣмъ его спутникъ Арсеній Сатановскій, не знавшій греческаго языка: переводъ литургіи—трудъ, имѣвшій громадное значеніе для разрѣшенія самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ ту пору—сразу далъ Епифанію громадный научный авторитетъ въ глазахъ московскихъ людей.

Не безъ вліянія оказались и научныя симпатіи, убѣжденія и приемы Епифанія. Мы выше отмѣтили уже недовѣрчивое отношеніе Епифанія къ схоластической діалектикѣ. Онъ требовалъ, чтобы всякое „связаніе было отъ божественныхъ писаній а не отъ человѣческихъ силлогисмовъ, рекше умышлений многогущихъ“; „аще бо силлогисмомъ вѣру оставимъ“—говорилъ онъ— „погибнетъ вѣра наша: не Богу бо, но человѣкомъ вѣровати имамъ“¹⁾. Во время своего разговора съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, онъ еще рѣшительнѣе высказываетъ свой принципъ: „силлогисмамъ, паче же латинскимъ (аще и доволенъ есмь въ тѣхъ), не послѣдую, ниже вѣрую: бѣгати бо силлогисмовъ, по св. Василию, повелѣваемся, яко огна“.²⁾ Такія рѣчи, несомнѣнно, должны были нравиться москвичамъ. По этой особенноти своего научнаго міровоззрѣнія, Епифаній очень близко подходитъ къ типу московскихъ начетчиковъ. Разница была только въ томъ, что начетчики боялись силлогизмовъ по своему полному невѣдѣнію въ области діалектики, а Епифаній, хорошо знакомый съ этой наукой, признавалъ ее совершенно

¹⁾ Рук. К. Печерск. Лавры № 145, л. 969.

²⁾ Ibidem. См. «разглагольство Епифанія съ Симеономъ Полоцкимъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову» л. 913.

неумѣстной въ вопросахъ вѣры. Прекрасное знаніе греческаго и славянскаго языковъ и св. писанія, большая начитанность въ святоотеческихъ твореніяхъ восточной церкви, солиднымъ доказательствомъ которой является его Филологическій Словарь, неотразимо должны были привлечь къ нему московскихъ правящихъ людей и создать ему высокій авторитетъ въ ихъ глазахъ. Наилучшей иллюстраціей этого можетъ служить то, что уже въ 1650 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. черезъ годъ по прибытіи Епифанія въ Москву, Алексѣй Михайловичъ поручаетъ ему написать службу новоявленной святой Аннѣ Тверской ¹⁾. Понятно послѣ всего этого, что Епифаній долженъ былъ сразу принять участіе въ рѣшеніи самыхъ животрепещущихъ вопросовъ того времени.

Первымъ такимъ вопросомъ и былъ вопросъ объ отношеніи къ грекамъ. Выше мы указали, какъ ревностно оберегали юго-западную Русь отъ униіи высшіе іерархи греческой церкви. Епифаній изъ текущихъ событій на своей родинѣ вынесъ глубокое убѣжденіе о ревности грековъ по вѣрѣ, о сохранности у нихъ православія въ чистотѣ и неповрежденности. Понятно, что онъ былъ пораженъ, если не возмущенъ, тѣмъ взглядомъ на грековъ, какой онъ здѣсь встрѣтилъ. Чуждый московскихъ традицій, онъ не могъ понимать не только недовѣрія къ грекамъ, но даже сомнѣнія въ ихъ православіи. Въ его очахъ такое настроеніе русскихъ людей по отношенію къ грекамъ было жестокимъ и ничѣмъ не оправдываемымъ оскорбленіемъ послѣднихъ. И онъ, какъ только освѣдомился объ этомъ взглядѣ, тотчасъ же сталъ бороться съ нимъ и совершилъ ту перемѣну въ Москвѣ, безъ которой немислимо было бы самое исправленіе книгъ. Въ этомъ то смыслѣ Е. Е. Голубинскій называетъ Епифанія „однимъ изъ виновниковъ никоновскаго исправленія книгъ ²⁾“.

¹⁾ Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ № 79, § 8. Сфг. Голубинскій. Истор. канонизаціи святыхъ, стр. 116.

²⁾ «Къ нашей цоленикѣ со старообрядцами. См. Бог. Вѣст. 1892 г., т. I, стр. 288.

Какимъ же образомъ удалось Епифанію достигнуть этого?

Нужно думать, что первоначально—путемъ личныхъ бесѣдъ съ тѣми лицами, которые сильно усомнились въ справедливости своего недовѣрія и такимъ образомъ подготовили себя къ слушанію рѣчи въ защиту современныхъ грековъ. „Глаголаше (Епифаній) во многихъ слухи, наипаче честныхъ и властелей, мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ“—свидѣтельствуеть современная о немъ записка ¹⁾).

Нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, съ кѣмъ первоначально бесѣдоваль по этому поводу Епифаній. Несомнѣнно только, что не Никонъ былъ его первымъ собесѣдникомъ. Когда Епифаній прибылъ въ Москву, Никона здѣсь уже не было: еще въ мартѣ того-же, т. е. 1649, года онъ былъ поставленъ на митрополичью кафедру въ Новгородѣ. Познакомиться съ Епифаніемъ онъ могъ только въ свой пріѣздъ изъ Новгорода въ Москву зимою 1649—1650 гг. Кто же были эти лица?

Въ опредѣленіи ихъ мы вполне присоединяемся къ авторитетному мнѣнію Е. Е. Голубинскаго. „Заинтересованныхъ вопросомъ, кромѣ Никона“,—говоритъ онъ—„должно быть предполагаемо еще трое: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, духовникъ его протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ и его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Самъ царь, сколько знаемъ, не имѣлъ личныхъ сношеній съ Епифаніемъ, и, слѣдовательно, первый, кто велъ съ нимъ непосредственныя рѣчи о грекахъ съ цѣлью рѣшенія вопроса о нихъ, и кто тотчасъ же болѣе или менѣе былъ расположенъ имъ въ пользу грековъ, чтобы расположить и остальныхъ двоихъ, былъ или Стефанъ Вонифатьевъ, или Борисъ Ивановичъ. Между двумя лицами—духовникомъ и свѣтскимъ, конечно, вся вѣроятность думать о первомъ, а не о второмъ“ ²⁾).

Итакъ, царскій духовникъ, нужно думать, первый былъ расположенъ Епифаніемъ къ современнымъ грекамъ. Нѣкоторымъ

¹⁾ М. Евгеній. Словарь Историч. стр. 178.

²⁾ Богосл. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 290.

Томъ 71.—Октябрь, 1900.

подтверженіемъ этого предположенія служить знаменитый фактъ изъ исторіи книжной sprawy при Іосифѣ. Діаконъ Феодоръ свидѣтельствуемъ, что книга о вѣрѣ игумена Нафанаила „на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благого духовника его Стефана Вонифатьевича во время благочестивое и тихое ¹⁾“. Этотъ фактъ даетъ основаніе предположить, что и въ данномъ Епифанію порученіи—перевести литургію Іоанна Златоустаго, сказалось вліяніе Вонифатьева. Несомнѣнно, что новое настроеніе Стефана по отношенію къ грекамъ было принято и другими, а главнымъ образомъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этимъ только и можно объяснить то, что еще до патр. Никона въ дѣло книжной sprawy дѣлаются попытки внести новый принципъ—исправленіе по *греческимъ* подлинникамъ. Правда, это внесеніе новаго пріема отличается характеромъ случайности, частичности, но это объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что силенъ былъ старо-московскій взглядъ на грековъ, а во-вторыхъ, что во главѣ этого дѣла еще не стояло лицо, обладавшее высшимъ церковнымъ авторитетомъ и властію. Тѣмъ не менѣе еще въ 1650 году дѣлаются попытки исправленія славянскихъ книгъ по греческимъ. Въ Шестодневѣ 1650 г., т. е. въ собраніи дневныхъ церковныхъ службъ недѣли, дѣлается поправка относительно пѣнія кондаковъ на повечеріяхъ и полунощницахъ по трисвятомъ и на утрени послѣ шестой пѣсни. Ипаквой—„Заступнице усердная“, пѣтый до этого года въ русской церкви, былъ замѣненъ воскреснымъ кондакомъ „Высоты ради воскреснаго дня.“ Объясненіе этого новшества приводится слѣдующее: «понеже и въ *греческихъ переводахъ* по сему же уставу (какъ предписано въ послѣсловіи) обрѣтохомъ, сего ради и послѣдующе сему (т. е. указанію греческаго текста) также указахомъ и положихомъ на концѣ книги сея; на ряду же (т. е. въ самомъ текстѣ) указанному не дивится никто же, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ“ ²⁾.

¹⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. VI, стр. 143.

²⁾ Каутеревъ. Патр. Никонъ, какъ реформаторъ. Правосл. Обзор. 1887 г. т. I, стр. 321. Стр. Маварій. Исторія русск. церк. т. XII, 112—113.

Несомнѣнно, что эта поправка, внесенная въ Шестодневъ уже по напечатаніи его, принадлежитъ Епифанію Славинецкому¹⁾. Основанія, по которымъ мы такъ думаемъ, слѣдующія: во первыхъ, изъ двухъ кievскихъ иноковъ, прибывшихъ въ Москву, знаніе греческаго языка принадлежало Епифанію; во вторыхъ, переводъ литургіи съ греческаго, сдѣланный Епифаніемъ, расположилъ имѣвшихъ вліяніе лицъ давать ему же всѣ подобныя порученія, а мы знаемъ, что въ Москвѣ не было знавшихъ греческій языкъ; и, въ третьихъ, наконецъ, объ участіи Епифанія Славинецкаго въ печатаніи богослужебныхъ книгъ въ 1650 г. мы имѣемъ и положительное свидѣтельство. Въ „Оглавленіи книгъ“ Медвѣдева сказано, что переводъ Аѳанасіева посланія къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ принадлежитъ Епифанію, а этотъ переводъ былъ печатаемъ въ началѣ 1651 г.²⁾ Слѣдовательно, уже въ 1650 г. Епифаній принялъ близкое участіе въ дѣлахъ печатнаго двора. Можно съ несомнѣнностію думать, что при печатаніи этихъ толкованій не кто иной, а именно онъ наблюдалъ за печатаніемъ своего переводнаго труда. По крайней мѣрѣ о многихъ переводныхъ его трудахъ, которые были напечатаны, есть прямыя свидѣтельства (какъ это увидимъ ниже), что корректурныя тетради провѣрялъ и дѣлалъ на нихъ поправки самъ Епифаній.

Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какое участіе принималъ Епифаній въ дѣлѣ книжнаго исправленія, какова была его роль. Всѣ изслѣдователи, касавшіеся почему-либо Епифанія Славинецкаго въ своихъ сочиненіяхъ, утверждаютъ, что въ числѣ никоновскихъ справщиковъ былъ и Епифаній³⁾.

¹⁾ Филаретъ. Обзоръ дух. лит. § 223.

²⁾ «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», № 63 Сгр. Голубинскій. Е. «Къ нашей полемикѣ...» Богосл. Вѣстникъ 1892 г. т. I, стр. 291.

³⁾ М. Евгеній. Словарь Историческій., стр. 177; Филаретъ. Обзоръ дух. литер. § 223; м. Макарій. Истор. рус. церк. т. XII, стр. 155; Румянцевъ. Древн. здан. Моск. Печат. Двора, стр. 13; Костомаровъ. Рус. Истор. въ живописи. въ V. стр. 338; Дополн. къ Актамъ Истор.

Но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ недоумѣніемъ. В. Румянцовъ въ своемъ изслѣдованіи „Древнія зданія Московскаго Двора“, составленномъ по первоисточникамъ и обильно снабженномъ приложениями, цѣнными въ научномъ отношеніи, причисливъ (на 13-й стр.) къ никоновскимъ справщикамъ и Епифанія, въ 67 примѣчаніи заявляетъ, что въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки всѣхъ поименованныхъ (въ текстѣ, стр. 13) лицъ, за исключеніемъ только Славинецкаго, въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ. Какъ понимать такое отсутствіе документальныхъ свидѣтельствъ объ исправленіи Епифаніемъ должности справщика? Если Епифаній былъ справщикомъ, то непонятно молчаніе о немъ приходо-расходныхъ книгъ печатнаго двора, въ особенности если принять во вниманіе его громадный авторитетъ въ средѣ москвичей. Если же онъ не былъ справщикомъ, то почему составленіе предисловія ко многимъ печатавшимся тогда книгамъ поручалось ему? Объясненіе этого факта мы находимъ въ „Реестрѣ (1727-го года) книгамъ россійскимъ печатнымъ и рукописнымъ, хранившимся въ типографской библіотекѣ“. Въ этомъ реестрѣ подъ № 68 имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе составителя каталога (вѣроятно, справщика типографіи Ивана Максимовича): по сихъ книгахъ (т. е. выше прописанныхъ въ реестрѣ) раритетныхъ судилося за благо книгу великія естимы достойную званіемъ Лексиконъ Греко-Славено-Латинскій нѣкимъ Епифаніемъ, *корректоромъ Московскія типографіи*, въ Москвѣ трудолюбно сочиненную, а во всей Европѣ еще не практикованную, въ особливый раритетъ почестъ и поставитъ его надъ швафою...¹⁾“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ свидѣтельство московскаго справщика той поры, когда,

---

VI, 191; Пѣвняцкій. Труды, Киевск. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 409; Галаховъ. Истор. рус. слов. I, 236; Безсоновъ. Юрій Крижанничъ. Правосл. Обозр. 1870 г. т. I, 132 и мн. другіе.

¹⁾ Рукопись Москв. Духовн. Академ. № 106 фундам. библ., л. 35—36.

быть можетъ, слишкомъ живы были преданія о минувшихъ дѣятеляхъ московской типографской справы. На основаніи этого свидѣтельства мы можемъ утверждать, что Епифаній, принимая близкое и активное участіе въ дѣлѣ книжнаго исправленія, не былъ справщикомъ въ собственномъ, техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. не правилъ книгъ, какъ это дѣлали, напр., Иванъ Насѣдка, Александръ Мезенеръ, Шестой Мартемьяновъ и др., а наблюдалъ за правильностію справы въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались сличенія печатныхъ книгъ съ греческими подлинниками, ибо только при этомъ условіи онъ могъ выступать въ своихъ предисловіяхъ предъ лицомъ всѣхъ образованныхъ съ свидѣтельствомъ о правильности всякихъ измѣненій, внесенныхъ въ новопечатанныя книги. Быть можетъ, онъ также слѣдилъ за тѣмъ, чтобы справщики правильно правили свои книги. О томъ, что на печатномъ дворѣ существовала должность особыхъ надзирателей за справщиками, свидѣтельствуемъ Арсеній Сухановъ. Описывая заведенный на московскомъ печатномъ дворѣ порядокъ справы, онъ въ преніяхъ съ греками о вѣрѣ говоритъ: «а у печати сидятъ книги правятъ избранныя люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ; а надъ тѣми людми (т. е. справщиками), надзираютъ, по Государеву указу, митрополитъ и архимандритъ и протопопы, кому Государь уважетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ Государя и патриарха ¹⁾.»

Чтобы видѣть, насколько почетнымъ было положеніе Епифанія на печатномъ дворѣ, должно замѣтить, что такую же самую обязанность исполняли позже Симеонъ, бывшій архіепископъ тобольскій—съ 1664 г. ²⁾ и Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій—съ 1667 г. ³⁾.

¹⁾ С. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. II, см. «Статейный Спиколь», стр. 61.

²⁾ Каталогъ русскихъ архіереевъ.

³⁾ Акты Археогр. Эксп. т. VI, стр. 205.

Итакъ, свидѣтельство Ивана Максимовича объясняетъ намъ отсутствіе какихъ-либо свидѣтельствъ объ Епифаніи, какъ справщикѣ, въ прихода-расходныхъ книгахъ печатнаго двора. Такъ какъ онъ не былъ справщикомъ въ техническомъ значеніи этого слова, то вполне естественно, что имя его и не могло попасть на страницы прихода-расходныхъ книгъ.

Ив. Ротаръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА.¹⁾

Г л а в а Ш.

Тарандинцовская волость.

Страна криниць и садовъ: Хелеицы, Калайдинцы, калайдинская криница, лядскій городокъ; Клеиачи, Новаки, Енковцы, евковская криница; двѣвичій ярмарокъ, народные рассказы о его происхожденіи. Западная часть долины Удая: Біевцы, Оробьи, Гонцы и Кариловка. Переходъ въ степи: Тарандицы и Губское. Кулачные бои.

На плоской возвышенности между Тишками, Хитцами, Калайдинцами и Клепачами разстилаются поля легкой подзолистой лѣсной земли, цвѣта шоколада или кофе со сливками, уступающей плодородіемъ чернозему. ²⁾ Рыжеватыя толоки сплошь усѣяны розовыми цвѣтами будяка (*carduus nutans*. L). По краямъ поля мелькають лѣски. Вправо отъ дороги круглой спускъ въ долину Удая. Въ горѣ какъ будто прорубленъ узкій корридоръ съ отвѣсными стѣнами. На верху этихъ стѣнъ большіе грабы, клены, черноклены и ясени, внизу же между рощами и

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 9.

²⁾ Содержаніе гумусу въ этой землѣ 2,5%—2,6%, мощность 2,3 ф. (Мат. оцѣн. зем. Полт. губ. II, 29, 71).

садами видѣется небольшое село Хелепцы, вдвинувшееся клиномъ въ широкую долину Удая. Ярко-зеленая пойма пересѣкается синѣющими купами деревъ, очеретами, узкой полоской рѣки и заводами. ¹⁾ Отъ смежныхъ Лучниковъ, также выдвинутыхъ полукруглымъ мысомъ въ удайскую низину, Хелепцы отдѣлены озеромъ, шириной до версты, спокойно дремлющимъ, какъ большое стекло, подъ высокой обнаженной высокою горой. У въѣзда самая некрасивая часть села. Узкая улица, сжатая съ обѣихъ сторонъ загонами, по срединѣ пересѣкается ручьемъ Грешаихою, идущей отъ Калайдинецъ топкой до того, „по у Грешаивци кобыла провалылась и хвоста не знайшли“. Объ этой Грешаихѣ оба сосѣднія села рассказываютъ: „Годивъ трыста надъ Грешаихою жылы ляхы, такъ ихъ короля зогнали,—маньфестъ зійшовъ. Тамъ были покопани лѣхы и цегла була. Грошей ихъ багато тутъ зосталось“ (Хелепцы). „Тутъ жылы королькы, симдесять симъ. Однѣ живѣ по той бигъ Удая, а другы по сей. Потокомъ проведенъ цепъ. Якъ-бы ёго докопаты та найты. Тамъ усячына понавладувана: посуда, гроши йе тамъ; по незаѣленени—уже повыходылы. Одкопують головы таки якъ гарбузы, череповъ товстыи и зубы хороши“ (Калайдинцы). По другому варианту: „по надъ Грешаихою було шведське, або гетьманське село. Якъ гетьманивъ зогнали, такъ цари переселялы людей“. По срединѣ села маленькая церковь св. Іоанна Крестителя. Только куполь да колокольня видны изъ-за зелени. Церковь выстроена въ 1859 году, затѣмъ расширена, обведена деревянною, вмѣсто прежней плетневой, оградой; къ церкви пристроена колокольня изъ дерева, оставшагося отъ старой лубенской троицкой колокольни. Прежняя-же церковь, по преданію и мѣстной церковной лѣтописи основанная въ 1791 г., была въ началѣ плетневая съ мазаннымъ поломъ, затѣмъ срублена, какъ комора, 7 аршинъ съ двумя придѣльчиками. Затѣмъ выстроена новая церковь, но она сгорѣла со множествомъ ста-

---

¹⁾ Послѣднихъ особенно много (Гуровъ. Геолог. описаніе Полт. губ., 448.)

рыхъ бумагъ, такъ что настоящая церковь уже третья по счету. И старая волокольня стояла на столбахъ, наклонившись на сторону, такъ что волокольня могла упасть. Хелецкая церковь до послѣдняго времени считалась внѣштатной, и общество платило священнику 75, потомъ 150 руб. За церковью усадьбы лучше, вездѣ сады, полные венгерокъ. Бѣлая хатки, отдѣляясь отъ яркой зелени горы, прячутся за вѣтвями вѣковыхъ яблонь и грушъ. Встрѣчаются уединенные уголки, напоминающіе старую романтическую Малороссію, въ которыхъ испытываешь настроеніе, разлитое въ картинахъ Жемчужникова, Волоскова, Штернберга и въ дивныхъ пѣсняхъ Шевченка. Здѣсь яснѣе понимаешь, почему покойный Г. П. Галаганъ называлъ Лубны „центромъ національности“. ¹⁾ О началѣ села сохранилось слѣдующее преданіе: „Сѣбро и Якуба жылы на поли пидь Калайдныцями, а Галушка прыйхавъ по Удаю на човни зъ Черныговської губерніи ²⁾ и оживсь и ти прыйшли до ёго.“ Галушки завяли

¹⁾ См. въ Кіев. Стар. 1898 г., X, 215.

²⁾ Вслѣдствіе настоящаго заавленія и приводимыхъ ниже свидѣтельствъ о переселеніи части жителей въ Лубенскій у. изъ Черниговской губ., въ связи съ мнѣніемъ о возможности такого переселенія, высказаннымъ въ письмѣ ко мнѣ (гл. 1-я настоящей статьи) знатокомъ малорусской этнографіи, и особенностями фонетики вильшанъ (гл. II)—предлагается мною вниманію читателя слѣдующее небольшое сличеніе черниговскихъ пѣсенъ уѣздовъ: Остерскаго, Черниговскаго, Борзенскаго и Нѣжинскаго по Сбор. г. В. Д. Гринченка «Этногр. Мат. Ш., Черниговъ 1899 г. съ собранными мною въ разныхъ ст. и сбор. Лубенскими.

Черниговской губ.

Лубенскаго у.

№ 4., Г., 5. Щедривка о 3-хъ Въ рукописи.
праздникахъ.

Колядка, № 20, 58, 18, 19, 41 «Къ вопр. о колониз. Посулья» 8
(объ орлѣ) и Рожд. св. сѣвер. части
Луб. у., 18.

Колядка № 24, 23 (три подарка) Гв., 9.

Галушківку или Солонецъ, Якубы—Якубивку, Слыньки—Слынь-
вивку, Сѣбры¹⁾—кутокъ предъ церковью; возлѣ нея поселились
Руди, внизу къ Лушникамъ на Бувивци—Плахотники, по улич-
ному Бувенки, выходцы изъ с. Волчка, предокъ которыхъ,

Колядка № 64, 46 (недовольство дѣвицы)	Ib. 17.
№ 80, 52 (танецъ шекгеръ)	Въ вопр. о колониз. Посуля. 8 (—шенгеръ, бѣлор. магеръ)
№ 91, 59 (чы було lato?)	Народ. обр. и пѣсни Луб. у. № 3, 84, 85 — петровка.
№ 96, 62 (жалобы на ворогавъ)	Ib., № 65, 75 веснянка.
№ 97, 63 (о привязанной дивчинѣ)	Ib., № 70, 76 веснянка.
№ 105, 65 (що въ Гаяночки бривоньки).	Ib., № 14, 97 трендыча.
№ 107, 66 (приглашеніе)	Ib., № 20, 66 веснянка.
№ 131, 75 (удаленіе жениха)	№ 9, 113 любовная.
№ 258, 128 (гребовицкая)	въ рукописи—строковская.
№ 315, 157 (любовная)	№ 20, 99 любовная
№ 394, 190 (о ворогахъ)	№ 6, 112 любовная
№ 648, 350 (квасолына)	въ рукописи
№ 706, 390 (журьба въ лиси)	также.
№ 737, 413 (вовкы зйили дивку)	Литерат. прилож. къ Одесскому журналу «По морю и сушѣ». 1895 г., I, 52.— Истор. пѣсни въ Кіев. Стар. 1895 г.
№ 1414, 582 (турки и татары убиваютъ козака)	Докум. 43—45 (панъ Журавскій убиваетъ козака)

Есть еще нѣсколько схожихъ свадебныхъ и семейныхъ пѣсенъ, но вообще всѣ черниговскія пѣсни не настолько близки къ лубенскимъ, какъ кіевскія. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ Кіевской губ. есть село Хелепы, почему въ образованіи Хелепцовъ, т. е. маленькихъ Хелець, могли участвовать оба элемента: черниговскій и кіевскій совмѣстно.

¹⁾ Объ одной вдовѣ этого семейства старожилы передаютъ: Сѣ-
брыха колысь позывалась у Глухови. Баба—а выхлопгала!

быть можетъ, присталъ въ прѣимы къ Бувенковой. Позднѣйшіе куты: берегъ Удая, гдѣ прежде росъ очереть, и ярокъ къ Калайдинцамъ—жилыѣ Лытвыхивъ. Населеніе невелико. По успѣлѣвшимъ исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1768 г. всѣхъ жителей было 367, число ихъ къ концу вѣка достигло—400. Въ 1-й половинѣ XIX в.—470—500; въ 70-хъ годахъ доходило до 700, теперь—900. Такимъ образомъ населеніе утроилось съ послѣдней четверти XVIII в. Оно почти исключительно козацкое, всего 3 семейства крестьянскихъ. Жители средняго роста, русые и темнорусые, худощавы. Моды лубенскаго у.: одежды „до фантивъ“; у мужчинъ встрѣчаются „куртажи“, похожіе на гусарскіе мундиры, короткіе, плоскіе сади. Женщины и дѣвочки повязываются платками „шидъ гульку“, т. е. узелкомъ спереди; очипки низкіе, широкіе, переломлены пополамъ, но не такъ глубоко, какъ въ лохвицкомъ у., „не такі сидловани“. Въ Хелепцахъ сохранились старыя, добрыя нравы. Здѣсь неизвѣстно дѣтоубійство; въ восьмидесятихъ годахъ не было ни одного незаконнорожденнаго. Хелепчанъ, какъ и всѣхъ вообще жителей лѣснаго участка, дразнятъ „оводами“ (слѣпень, *tabanus*), вслѣдствіе множества этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ въ лѣсахъ; хелепчане-же дразнятъ степняковъ „ящурками“, хитцянъ—„штыбныками“, а лушниковцамъ кричатъ: „лушныкывци—пыжи! шукайте межи!“, намекая этимъ восселиченіемъ на то обстоятельство, что описанное выше хелепское озеро не раздѣлено между сосѣдними поселеніями. Озеро это служило прежде значительнымъ подспорьемъ къ существованію. Однажды рыба въ озерѣ сбилась такъ, что большимъ неводомъ, который тянуло 6 человекъ, поймано въ одну тоню 300 пуд., и часть рыбы: лящей, вязей, окуней, шукъ,—„все велычъ“, везли на 7 саняхъ, а теперь за всю зиму поймано рыбы рублей на 30. Кромѣ рыболовства, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева, особенно колесами и плетеніемъ лукошекъ (кошыкывъ) изъ рогиза (*typha andustifolia* L). Земли мало, у двухъ только семействъ по 20 десятинъ, у большинства 1—2 дес., есть и безземельные, обладающіе только грунтами. Земля глинистая; крутые горные „узбичи“, куда нельзя нагнать воловъ, копаютъ заступами, получая 5—7 копъ ржи. Поле въ трехъ

смѣнахъ: 1-я „до Сѣбрового купа“, 2-я—до „Десятой пятницы“¹⁾ и третья—до „Грешаёвой долины“. Въ хелепскихъ дачахъ есть священная криница, о которой рассказываютъ: „Баба Уляни Якубынй (Гальвыси) у снй прыснхлося, шо пишла вона въ десяту пятницу и прыйшла до дому, лягла одпочыла. И прыйшла Божая Маты и говорить до неи: „ты ходыла у десяту пятницу Богу молыться, а то пыды у довгый яръ на луци, тамъ взялась цямрыня, летыть зъ горы, зъ облока и упала на землю и стала крынцыя, и умыйся тѣю водою, то ты оздоровѣешъ. И скажы людцямъ, шобъ очыстылы, изрублы и осватылы“. Встала баба, каже невисци: „поведы мене въ Довгый яръ, я хочъ помаленьку дойду; я те мисто найду, де лежала“. И пишла шувать те мисто—и нема ничего. И сказала: „отуть я лежала“. Гребнула те мисто и вода хлыпонула. Люде зрублы и двичи осватылы крынцыю, а баба оздоровила.²⁾—Хелепська баба Якубына була больна, прыснхлось їй, шо крынцыя важе: „я въ такому урочыщи выйшла,—ты, бабусю, постарайся, опрачь мене, зрубы. Вона сходыла до крынцыи и оздоровила, потимъ сказала батюшци: „освятить крынцыю!“ Батюшка созвавъ общество, найшлы крынцыю. Вода розмыла по всѣму яру. Зрублы и хрестъ зроблы и кампыцю и обградылы“.

Ближайшее къ Хелепцамъ село Калайдинцы расположено на равнинѣ въ лѣсу у пересохшаго потока Лимана, нѣкогда расширеннаго въ большой прудъ. По остаткамъ палъ видно, что на этомъ потокѣ были нѣкогда водяныя мельницы. Къ востоку Лиманъ образуетъ новый прудикъ, продолговатый, узкій и затѣмъ течетъ въ Онуфрѣевскую гору и с. Мгарь. Края потока невысоки, покрыты ясенями и дубами. Калайдинская интеллигенція считаетъ названіе села патронимическимъ, происходящимъ отъ воеводы Калайды, о которомъ, впрочемъ, ничего не извѣстно. По замѣчанію Арендаренка,³⁾ названіе села напоминаетъ татарь;

¹⁾ Урочище въ дачѣ с. Енковецъ, въ которомъ собирается ярмарокъ на десятую пятницу послѣ свѣтлаго праздника.

²⁾ Отъ В. Слынька.

³⁾ Зап. о Полт. губ. II, 5.

населеніе-же приписываетъ основаніе Калайдинецъ Мысникамъ, многочисленному козацкому роду, живущему на Мысникивкѣ; возлѣ нея Бабакивка, жилие козаковъ Бабаковъ, перешедшихъ изъ смежныхъ Клепачей. Кутокъ и Мгарь заняты позднѣйшими пришельцами Лысенками. „Лысенки прѣйшли найпозади и на худши земли. Предокъ знайшовъ колысь сывого коня, прывивъ до куреня, винъ розсыпавсь гришмы“. Къ востоку отъ Мысникивки и Бабакивки находятся: Чубаровка, жительство Кайдъ, фамилія которыхъ, быть можетъ, представляется сокращеніемъ слова Калайдъ, и Хомяковъ; Гурбатовка, гдѣ живутъ Перевалы; Щербаковка—Щербаки; Литва, отъ 'с. Новаковъ, жительство: Кравченковъ, Проценковъ, Шутей¹⁾ и Гавриленковъ, перешедшихъ изъ Хелепцовъ по слѣдующему поводу: „Катерина дарувала землю пидъ Хелепцями Базилевскому. Винъ прѣйхавъ и сказавъ Гавриленку: якъ шо будешъ мій, то оставайся, а то йдиъ соби куды хочешъ. Такъ винъ перейшовъ у Калайдынци“. Березникъ завягъ крестьянами, которыхъ 40 дворовъ. На Мысникивкѣ въ роцѣ стоитъ мѣстная церковь²⁾ св. Андрея Первозваннаго, извѣстная съ 1727 года. Въ церкви есть чудотворная икона Божіей Матери въ ризѣ, сдѣланной на пожертвованіе мѣстныхъ женщинъ, и два родовые образа патроновъ фамилій: Мысниковъ и Куриль-Сементовскихъ, родомъ изъ Хелепцовъ. Изъ послѣдней фамиліи происходитъ этнографъ, интересныя статьи котораго помѣщались: въ Москвитинѣ 1842 г., XII: „Очерки демонологіи малороссіянъ“, въ Маякѣ 1843 и Молодикѣ 1844 г., „Очеркъ малорусскихъ повѣрій и обычаевъ“ и вѣроятно двѣ статьи, подписанныя К. Калайденскій. ³⁾ Сементовскіе—послѣдняя уцѣлѣвшая мѣстная дворянская фамилія, другія:

¹⁾ Однофамилцы въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской губ. (Кулишъ. Зап. о Южн. Руси. I. 13).

²⁾ Въ церковной бібліотекѣ есть книга: *Materia nauk i umiętnosci w Szkole Powiatowej Humanskiej*, XX. Bazylijanow.

³⁾ А. Н. Пыпинъ. Изуч. рус. народности, въ Вѣстн. Евр. 1882 г., VII, 44.

Галецкіе, Мозулевскіе, Дешпиты, Воеводскіе—исчезли. Исчезли и Кулябки, которымъ въ XVIII в. принадлежала почти вся середина лѣсного участка, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ названій урочищъ. ¹⁾ Небольшое крестьянское население введено въ Калайдинцы преимущественно Кулябками. Большинство жителей, достигающихъ цифры 1700 душъ, козаки. Жители средняго роста, темнорусы, одежда такая-же, какъ вообще въ лѣсномъ участкѣ, такіе же обычаи. Молодыхъ осыпаютъ орѣхами; къ родителямъ подводятъ на перезвѣ чужую молодицу, переодѣтую въ платье молодой. Свекоръ дразнитъ молодую саломъ на спичкѣ или булкой, намазанной медомъ на тарелкѣ. На сочельникъ семья садится на козухъ. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева ²⁾ и садоводствомъ. ³⁾ На

---

¹⁾ Имъ принадлежали: Калайдинцы, Кленачи, часть александровскаго лѣса (Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885 г., V, 8). Быть можетъ, мѣстныя названія урочищъ: Корцево, Корречына происходятъ отъ Кулябокъ—Корецкихъ.

²⁾ Издѣліями изъ дерева занимается болѣе 500 кустарей въ Хатцахъ, Хеленцахъ, Калайдинцахъ, Новакахъ и Кленачахъ. Здѣсь дѣлаютъ плуги, бороны, сани, колеса, возы; въ послѣдней деревнѣ еще и гарбы (мажары). Цѣны произведеніямъ: плуги и бороны—1 р.—1 р. 50 коп., сани 1 р.—6 р., ставъ колесъ 2 р.—6 р., биды (двухколесныя) 3 р.—5 р., возы: 4 р.—10 р., арбы—20 р. Сбываются эти издѣлія на ярмаркахъ въ окрестныхъ городахъ и на мѣстныхъ сельскихъ. Въ 50-хъ годахъ Калайдинцы и Кленачи торговали на 200 р. издѣліями изъ дерева и выжиганіемъ угля (Короновскій. Стат. опис. Луб. у.,—Полт. губ. Вѣд. 1890 г. № 54).

³⁾ Сады расположены по всему лѣсному участку лубенскаго у., кромѣ самыхъ окраинъ. Особенно много садовъ въ срединѣ участка; мѣрой они $\frac{1}{4}$ дес. Сорты яблонь и грушъ вѣроятно не могли-бы быть опредѣлены даже помологами. Мѣстныя названія яблонь: буган, вороньки, дядивки, кантельни, колоздри, мукови, олявки (зимнія), опортни, писани, путявки, склянки, солодки, спасонки и сумки; грушъ: бергамоты, глывы, дули, зимныци, кругляки, кудохвости, омелыки или омелыянки (зимнія), пахущи, ниддудьки, почыяны и шпонаяны (раннія). Изъ сливъ преобладаютъ угорки, венгерки, терновки и раннія; вишенъ мало, абрикосовъ и шелковицы также. Отдѣльная яблоня даетъ 5—

Баковѣ и Литвѣ древнѣйшіе и лучшіе сады. Особенность калайдскихъ садовъ та, что они не сплошные; фруктовыя деревья смѣшаны съ дикими на зеленѣющихъ левадахъ, огражденныхъ плетнями. По мѣрѣ удаленія отъ села, щепы попадаются все рѣже и рѣже одинокими. Въ верстѣ отъ Калайдинецъ, въ урочищѣ Кравцивське, между двумя полянами поспѣвающей ржи замѣтна трещина, переходящая въ узкій, глинистый ярокъ съ невысокими, отвѣсными боками, на которыхъ высятся рѣдкіе, большіе дубы, груши, грабы и кустарникъ. На днѣ оврага дубовая часовня съ крестомъ, на которомъ изображенъ Спаситель, и нѣсколькими иконами на полкѣ. Помость и срубъ криницы дубовые, послѣдній 1½ аршина ширины, до воды не болѣе сажня. Въ сторонѣ за капицей плетневый курепъ для проходящихъ и далѣ свѣжій, зеленый, густой лѣсъ. Полное уединеніе, спокойствіе и тишина этого уголка производятъ на душу успокоительное дѣйствіе. О криницѣ записаны мною слѣдующіе мѣстные рассказы. „Игнатъ Задорожный больной; спить винъ и снится: пий воды зъ Кравцивської калюжки. И ставъ винъ пить воду зъ тіен калюжки и снится: вычисть-же и зрубы и посвяты, и буду я мыловать больныхъ. А винъ не рубить. И впять возновилась та боль у ёго. Лигъ винъ опочывать,—ёму выжяется, шо йде якась дивка у цвиткахъ у хату. И ти цвиты

---

10 и больше пудовъ, груша 3—4. Цѣна въ урожайный годъ на мѣстѣ: 1 п. яблокъ 50 к., грушъ—30—70, ведро вишенъ 30—40 к. (О сливахъ сказано раньше во II-й главѣ), въ Кременчугѣ: 1 п. ябл. 1 р., грушъ—1 р. 20 коп. Въ 50-хъ годахъ сотня яблокъ стоила 1 р. а грушъ—80 коп. (Ib. 2). Въ неурожайные годы цѣна на мѣстѣ за 1 п. яблокъ—1 р., грушъ—1 р. 20, а въ Кременчугѣ: 1—70, 2 р. за пудъ, также и груши. Часть фруктовъ развозится по селамъ для промѣна на хлѣбъ и крупу; степняки и сами приѣзжаютъ изъ Оржиды, Золотухъ, Онишова для такого промѣна. Въ Калайдинцы и Клепачи приѣзжала торговцы изъ Курска и Кременчуга въ 50-хъ годахъ и закупали 120—200,000 пуд. яблокъ на 2500—4000 р. сер. (Ib. 2). Въ урожайный 1897 г. доходъ отъ однихъ Калайдскихъ садовъ далъ по приблизительному расчету мѣстныхъ жителей 15,000 руб., но урожай былъ исключительный.

зашелестили въ ёго. Вона каже: чы ты спышь?—Сплю.—Чы ты-жь сповнышь?—Нить.—Якъ ты не сповнышь, то тоби тилько до весны жыть (а тобъ то вже вымрать). Винъ зрубывъ и посвятывъ. И выять женщины въ Лущныкахъ прыснылось: „пиды ты до тїи крыныци и наберы тїи воды—обмыйсь.—И съ чымъ же я пиду?—Возьмы дви копійкы и обмины свичку, и тебе Богъ помылуе. И скажешъ людямъ, и Господь буде мылувать усихъ. Стало людямъ увижаться. Хлопчыкъ литъ чотырнадцаты погнавъ быкъ; напасъ, гонить до дому; думаетъ: зяжену я до святой крыныци и тутъ нашою. Загнавъ,—стоитъ дивчынка литъ у тры. Злякався хлопецъ и не напоивъ воливъ. Прыгнавъ до дому ажъ сынїй. Батько пытае: „чого ты такый страшный?—Бачывъ коло крыныци дивчыну якусь; де вона дилась—не вгледивъ. Се було на зеленыхъ святкахъ.—Прыснылось чоловикови: пиды вычысты ту крыныцю, шо скотъ затоптувавъ, прыберы и попросы батюшку, та освятить їи, то ходытymesъ, якъ и ходывъ. Такъ винъ пишовъ, прыбравъ, освятылы їи и давъ Богъ, шо ёму получчало: у ёго ноги болилы, на костыляхъ винъ ходывъ. Выстроилы камплицю и возли повитку невеличку до горы прыроблено. Пользуе одъ усихъ близней. Люды, акъ идуть, такъ гроши кыдають у крыныцю, або хто прынесе хусточки, чы свичечку у церкву. Цыогъ, мыются, и до-дому узять можна. Гроши выбираютъ изъ крыныци. Мыру иде хто зна й скилькы.—У крыныци съ-пидъ_камня иде вода. Деньгы туды кыдають, и вона выкыда на зрубъ назадъ. Одходятъ люде и одѣжу знимають, обмыются и кыдають навывъ тамъ одѣжу, а нову надывають. Ту покынуту одѣжу продають на церкву“.

Между Калайдинцами и Клепачами, въ сторонѣ отъ дороги, въ густомъ лѣсу, пестрѣющемъ тысячею розовыхъ, желтыхъ, голубыхъ цвѣтовъ, притаился „Лядскый городокъ“, или городище, ¹⁾—пространство въ 20 десятинъ, обведенное со всѣхъ

¹⁾ Кажется, въ этомъ городищѣ найдены: 2 серебряныхъ кольца, серьга, желѣзные наконечники и топоры, заставляющіе предположить здѣсь славянское городище. (Ласкоронскій. Истор. Переасл. земля, 131).

сторонъ валомъ, шириной въ 5, вышиной—болѣе 3 сажень, и канавой въ 2 сажня ширины. Валъ, канава и городище заросли кустами и деревьями. Кое-гдѣ на валъ взобралось ржаное поле, или огорожина, или порыжѣлая трава. Въ городокъ ведутъ два вѣзда. У одного изъ нихъ со стороны Калайдинець яма, гдѣ, можетъ быть, была башня. Съ трехъ сторонъ городокъ обняты оврагами. Все въ этомъ мѣстѣ молчаливо, смутно, таинственно. На умъ приходитъ невольно стихъ Кондратовича, переданный Меемъ:

Всѣ минуло.. только листочки калины
Шумятъ по обломкамъ былой Украины.

О городкѣ я слышалъ въ Калайдинцахъ слѣдующій разсказъ: „На Клепачи яеъ йхать—йе городище. Пастухы паслы, найшлы шнурокъ и стали тягты и змотувать. Найшлы хрестыкъ и зачулы пивнивъ, и стали люды крычать пидъ землю. Пастухы почулы, полякалысь и бросылы. Пришлы до-дому, кажутъ своимъ: „идить, подывиться.“ А ти вазуть: „се вы насъ дурите; якъ пидемо по грибы, та й побачымо тоди.“ Пишлы люде и побачылы, шо будто могила—и бильшь ничего. Тамъ ляхсьый городъ запавъ и песни спивають у земли. Колысь пивень выбигъ наверхъ“.

Клепачи ¹⁾ названы по имени осадчаго Клепача, поселившагося около толоки на Толочанскомъ вутѣ. Кромѣ Клепачей, на толокѣ живутъ еще: Петренки, Бабаки. Другой кутокъ Хохулю заняли: Михайленки, Грыценки, Нечипоренки и Пидтоптаные; на Ломакивкѣ оселились: Ломаки, Демурь, Яременки; на Пожаривци—Пожары, на Шепеливкѣ—Шепели, Корсуны, Диденки, Карци и Лохвицкіе. Клепачи отданы были лубенскимъ полковникомъ Савичемъ Григорію Кулябкѣ и гетманскимъ универсаломъ 1713 г. утверждены за нимъ! ²⁾ Отсюда же происхо-

¹⁾ Здѣсь найдены бронзовые вельты и амфоры. (Ласкоронскій-Ист. Пер. земли, 86, 98).

²⁾ Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885, V, 8.

Томъ 71. — Октябрь, 1900.

дять и мѣстная старинная фамилія Яновскихъ. Здѣсь былъ ихъ домъ и винокурня. Теперь въ Клепачахъ воспоминаніе о панахъ изгладилось. „Козаки одвоювали сю землю одъ ляхивъ“, говорятъ клепачивцы. Деревня невелика, 136 дворовъ, до 500 жителей. Жители типомъ и одеждой не отличаются отъ сосѣдей: калайденскихъ и новаковскихъ, только выше ростомъ. Прежде ихъ не хвалили, часто гоняли по ярмаркамъ, есть даже брань: „влепачивсьвий злодій“¹⁾. За Клепачами въ лѣсу есть урочище Посичь. „Тамъ найбильша война була. На потоци якись розбойныкы були. Ямы, захысты, кружала пороблени; яры глыбоки обнялы“.

Большой дубовый лѣсъ, тянувшійся отъ Александровки по склонамъ, окружающимъ потокъ Ольшанку,²⁾ отдѣляется отъ Новаковъ полемъ, за которымъ село. Оно, по предположенію³⁾

¹⁾ Номисъ. Укр. прык., 267.

²⁾ Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ., 357.

³⁾ На основаніи такого предположенія, высказаннаго въ ст. Лубенщина въ XVI и XVII в., 63, приводятся мною слѣдующія одинаковыя пѣсни, по сборнику г. Хатемкина, записанному въ Радомысльскомъ у., и по мовѣ Лубенскимъ, появившимся одновременно.

Сб. Хатемкина.

Сб. Милорадовича.

Кіевск. Стар. 1897 г., IX.

Нар. обр. и пѣсни Луб. у. Харьковъ, 1897 г.

№ 1, стр. 287 и 7 Ib.

№ 8, 113.

3, Ib.

57, 73.

6, 286.

1, 110.

21, 293.

17, 116.

26, 295.

13, 115 (сходство въ началѣ).

36, 299.

21, 118.

69, 205.

24, 120.

61, 311.

№ 9, 8. Прощ. рекр. и рекр. пѣсни
Луб. у. Кіевъ, 1897 г.

10, 288.

17, 290.

40, 301.

Оказались одинаковыми съ лубенскими пѣснями, въ мовѣ рукописяхъ.

41, 302.

50, 307.

64, 313.

А. М. Лазаревскаго, населено выходцами изъ Радомысльскаго у. Кіевской губ., въ которомъ есть тоже село съ такимъ названіемъ, разоренное татарами. Мѣстные жители, не сохранивъ никакихъ воспоминаній о переселеніи, производятъ названіе села отъ ручейка Новачки, извивающагося по низинѣ подъ вербами. Новаки состоятъ изъ двухъ частей: древней, низменной, къ сѣверу отъ главнаго протока Ольшанки, и южной, нагорной, сравнительно новой. Южная часть занята кутомъ Долиной, на которой оселились древнѣйшіе козацкіе роды, положившіе основаніе селу: Подпалые, Сердюки, Михали. Ближе въ Клепачамъ живетъ Щербань, предокъ котораго присталъ къ дочери богатаго козака Кота. Къ западу отъ долины будетъ яркъ, гдѣ живутъ: Щербани, Кіашки, Фенченки. Къ сѣверу отъ села—яръ Пырське и урочище Черница, гдѣ среди поля стоитъ уединенно верба. Въ горной части Новаковъ, обращенной къ степи и большой пирятинской дорогѣ, больше кутъ. Къ западу, по направленію къ Тарандинцамъ расположена Коренивка, жительство козацкихъ родовъ: Куренивъ, Пожаривъ, Ревъ; южнѣе въ яру—Залативва, гдѣ живутъ Залаты; выше нея Слобидка, жительство: Чупырей, Кубраковъ, ¹⁾ Касьяновъ, Оробьевъ, Ковалей. Къ востоку, къ Лубнамъ, у самой степи помѣщается Шкиривва, жительство Ставицкихъ, по уличному Шкирей; далѣе Зацеркивва или Севастьянивка, гдѣ живетъ также старинный родъ Севастьянивъ и Морозы, также Демченки; затѣмъ Литва, населенная козаками: Соломахами, Деркачами и крестьянами: Олейниками, Дригами, Цедьками, Бабенками, Ушканами и Солдатенками, частью приведенными изъ Черниговской губерніи. Въ верхней же части села на обширномъ погостѣ, среди кленовъ и итальянскихъ тополей, виднвется Вознесенская церковь, ²⁾ желтая, съ бѣлыми

Кромѣ содержанія, и языкъ пѣсень Радомысльскаго у. сходенъ съ луоенскимъ. Напр. встрѣчается въ обихъ мѣстностяхъ metathesis доломына, вмѣсто довомына—домовына.

¹⁾ Коврак—по польски верхняя одежда, свита.

²⁾ Среди иконъ выдѣляются: чудотворный образъ пресвятой Дѣвы съ привѣсками фигурокъ и серебряныхъ членовъ; намѣстный образъ

отводами и пилястрами, и такая же колокольня. Кровля остро-конечная. Построена церковь въ 1858 г., а старая существовала съ 1782 г. На погостѣ памятникъ и колонна надъ могилами бывшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, генераловъ Н. И. Ушакова и Е. Р. барона Менгдена. По церковнымъ документамъ, Новаки имѣли въ 1824 г. 998 жителей, изъ которыхъ восьмую часть составляли крестьяне, остальные—казаки. Въ самый годъ отмѣны крѣпостного права число жителей обоого пола было 2261, а въ настоящее время—2776. Крестьяне во второй половинѣ XVIII в. отданы Савичемъ Григорію Кулябкѣ, отъ котораго достались Василю Кулябкѣ, экономія котораго въ х. Пышномъ - Колодцѣ разрушена была Новаковскою, Тарандиновскою и Булатицкою сельскими громадами. 1) М. Я. Кулябка былъ лубенскимъ маршаломъ, его дочь и жена продали имѣніе А. Я. Стороженку, а дочь Стороженка, вышедшая за Ушакова—Менгдену, у котораго уже купили казаки. 2) И теперь въ Новакахъ пановъ 3) нѣтъ; въ дачахъ же села возлѣ большихъ, длинныхъ валовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Котовыхъ могилъ, 4) сохранился еще небольшой панскій хуторовъ. Объ одномъ изъ пановъ сохрани-

---

также Божьей Матери, будто-бы привезенной изъ Дрездена генераломъ Ушаковымъ, огромная картина на холстѣ, изображающая насыщеніе семью хлѣбами, очень плохой висти, внесенная въ церковь изъ дома капитана В. В. Ревы, начальника летучаго отряда въ 12-мъ году. Изъ старыхъ церковныхъ вещей есть: серебряный крестъ, подаренный въ 1761 г. «казакомъ Григоріемъ Ревой, Агрипиною и чадомъ Прокофіемъ» и Минея за іюль и августъ, пожертвованная въ 1778 г. Тимошемъ Лохвицкимъ.

1) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 63. и Люди старой Малор. въ Кіев. Ст. 1885 г., V, 8.

2) Сб. хоз. ст. Полт. губ. IV, Луб. у., 230.

3) При крѣпостномъ правѣ крестьяне работали 4 дня пану, 2—себѣ. Женщины пряли по 2 мотка въ годъ и должны были столочъ по двѣ четверти проса каждая.

4) Какъ объ этихъ валахъ, такъ и объ урочищѣ Билгородка, къ Тарандицамъ, гдѣ тоже валы, никакихъ преданій не сохранилось.

лось преданіе, какъ о покровителѣ воровъ. По возвращеніи крестьянъ съ ярмарки онъ тщательно пересматривалъ и перебиралъ накраденныя вещи и лучшія оставлялъ себѣ. Дѣло дошло до того, что новаковцы однажды втащили по доскамъ похищеннаго вола на чердакъ, такъ что прибѣжавшій хозяинъ ничего не нашель. Дурныя обыкновенія держались въ Новакахъ такъ долго, что уже послѣ отмѣны крѣпостного права выселены были административнымъ порядкомъ изъ села 19 семей „безшабашныхъ“ воровъ. Новаковская дача расположена по направленію къ пирятинской дорогѣ, дѣлящей западную часть Лубенскаго уѣзда на двѣ неравныя части. Земли въ селѣ суглинистая, въ дачѣ—черноземная. Поля въ 4-хъ смѣнахъ, гречку бросили въ виду ея прихотливости и рѣдкихъ урожаевъ. Система половничества оставлена. Только одно козацкое владѣніе достигаетъ 60 дес; 4 семейства имѣютъ по 30—40 дес., большинство же по 1—1½ дес.; есть и безземельные. Крестьянскій надѣлъ составляетъ 2—3 дес. на семью. Пастбищъ и сѣнокосовъ въ Новакахъ нѣтъ. Въ жатву переводятъ на сжатую полосу скотъ и даже свиней. Вслѣдствіе такого дурного хозяйственнаго положенія изъ Новаковъ выселилось уже 60 семей. Подспорьемъ жителямъ, какъ выше замѣчено, является деревянное производство и садоводство. ¹⁾ Новаковцы выше средняго роста, лица продолговатыя. Они темнорусы и чернявы, бѣлокурыхъ мало, и то больше женщинъ, между которыми много красивыхъ. Старики еще удерживаютъ стрижбу въ кружокъ, но молодежь стрижется коротко. Мужчины носятъ дубленныя полушубки съ откиднымъ воротникомъ, темная свиты, обложенныя синимъ сукномъ. Одежды длиннѣе волчковскихъ. Женскія моды измѣнились; вмѣсто прежняго очипка съ кобылкою, повелись теперь низенькіе, круглые,

---

¹⁾ Крестьянинъ П. Олейникъ развелъ въ Новакахъ виноградъ, до 12 лозъ, двухъ сортовъ; бѣлый,—взятъ изъ бывшаго сада генерала Ушакова, и черный, разведенный изъ крымскихъ черенковъ, принесенныхъ въ торбѣ. Урожай въ нѣсколько пудовъ. Олейникъ продаетъ въ Лубнахъ по 8—10 коп. фунтъ.

въ сборахъ („съ пухлыками“), оттого и платокъ кругло охватываетъ голову, открывая кайму и китицы. „Юпки“ (свиты) средней длины, темныя, „до фантивъ“, поясокъ изъ плиса; какъ онъ, такъ и закавращи и грудь обшиты зеленой или синей тесьмой. Сзади выпущена широкая лента изъ намиста. Подолъ рубахи (пелена) очень низко выпущенъ, такъ что бѣлѣтъ изъ-подъ темной сподницы. Праздничныя и свадебныя обыкновенія такія же почти, какъ въ волчковской волости. Многихъ особенностей брачнаго обряда лѣсной Лубенщины—переведенія молодыхъ черезъ огонь, маскированія молодой, поддразниванія саломъ на спичкѣ—здѣсь нѣтъ.

Вблизи Калайдинецъ и Клепачей разбросаны на нѣсколькихъ горбахъ надъ глубокими оврагами¹⁾ по берегамъ потока Ольшанки,—Енковцы или Еньки. Уже при въѣздѣ встрѣтившійся крестьянинъ охарактеризовалъ село такимъ образомъ: „Енькѣвци не красиви, уси въ ярахъ“. Особенно бросается въ глаза, что въ Енковцахъ нѣтъ, какъ въ другихъ селахъ, группъ мельницъ у въѣзда, такъ какъ выгонъ здѣсь въ котловинѣ и каждый хозяинъ долженъ строить мельницу особо, на своемъ участкѣ.²⁾ Улицы узки, по дорогѣ къ церкви нельзя проѣхать тройкой. Усадьбы лѣсныя. Среди дубовъ, осинъ и берестовъ попадаются отдѣльныя фруктовыя деревья и небольшіе сады съ такими же сортами плодовъ, какъ въ Калайдинцахъ. Во времена крѣпостного права здѣсь процвѣтало шелководство у полковницы Катерины Крыловой. Ей присуждена была серебряная медаль на сельско-хозяйственной выставкѣ 1858 г. за представленные на выставку большіе, крѣпкіе коконы и сученый шелкъ шести цвѣтовъ.³⁾ Почва Енковецъ суглинокъ и черноземъ.⁴⁾ Поля въ трехъ

1) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 450.

2) Сборн. хоз. ст. Полт. губ., IV, 6.

3) Описаніе выст. сельск. произв. Полт. 1858 г., 20, 30; Арендаренко. Зап. П., 355.

4) Мат. для оц. зем. Полт. губ. II, 29; Сборн. хоз. ст. Полт. губ. IV., 229.

смѣнахъ, ¹⁾ и во второй рукѣ здѣсь сѣютъ, какъ въ Тишковской волости, преимущественно гречку. Еяковцы извѣстны съ первой половины XVII в. и до конца XVIII в. были свободны. ²⁾ Основателемъ села мѣстными народными преданіями признается козакъ Таранъ, родоначальникъ обширной фамиліи Тарановъ, по уличному Кучеренкивъ. Прежде Тараны жили въ яру, но потомъ прадѣдъ Гаврыло выбрался на гору и занялъ настоящую Таранивку, иначе Гаврышивку или Кучеривку. Онъ былъ зажиточенъ, имѣлъ много воловъ, чумачилъ. На Таранивкѣ живутъ еще слѣдующіе козацкіе роды: Гунци, Олійники. За нею расположенъ кутокъ Гостынецъ или Гостривка, на которомъ живутъ: Бутримы, Чеверды, Курилы, Демочки и Мысники, выходцы изъ Калайдинець. Одинъ изъ Демочекъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, „у воезахъ служивъ. ³⁾ Поты служивъ, пока царица дытя родыла, а тодіа вси жонати—маршъ до-дому!“ За Гостинцемъ слѣдуютъ: Карпцивка, жительство Карпцивъ, Забродокъ—Симановъ, Цѣхль; Тимошивка или Дидивка—Тимошенокъ. Возлѣ Тимошенокъ жилъ дворянинъ Стаховскій, уже умершій. Онъ застрѣлилъ единственнаго сына и тѣмъ прекратилъ свой родъ. Его имѣніе, садъ, усадьбу, низы подѣ Еяковцами и пахатъ 118 дес. купили Еяковскіе козаки за 21000 руб. съ содѣйствіемъ врестыянскаго банка. ⁴⁾ Въ сторонѣ отъ села на обширномъ, безлѣсномъ, кругломъ холмѣ выстроена въ 1892 г. новая просторная церковь св. Михаила; изъ нея видѣ на овраги, холмы и лѣса. Кѣмъ и когда была выстроена старая церковь, неизвѣстно, подчинена же была въ 1816 г. помѣщицей маіоршей Значко-Яворской. Въ церкви есть старинное евангеліе: „Евангеліонъ. Изданіе братства Львовскаго Ставропигіального въ Львовѣ 1609 г., Ноемріа 28, подаренное ко храму св. Преображенія Господня Зеленскимъ, полковникомъ войска запорожскаго Лубенскаго“. Изъ церковныхъ исповѣдныхъ

¹⁾ Ів. 229.

²⁾ Лаазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58.

³⁾ Т. е. при императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

⁴⁾ Сборн. хоз. ст. Полт. г. IV., 6.

росписей видно, что жителей въ концѣ XVIII в. было 370, въ 30-хъ годахъ это число удвоилось, а къ концу XIX в. достигло 1332. Населеніе почти исключительно козацье, темнорусое, высокаго роста. Одеждой и обыкновениями не разнится отъ окрестныхъ селъ.

„Межи селъ“ Енковецъ, Калайдинецъ, Хелепцовъ, Біевецъ бываетъ ежегодно на десятой недѣлѣ послѣ пасхи Криницкій ярмарокъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крутыми, скользящими горами. Трава на горахъ стерта толпами народа, лѣпящагося здѣсь цѣлую недѣлю, въ количествѣ до 5000 душъ.¹⁾ Горы покрыты частью рѣдкими кустами и кучами деревьевъ, частью сплошнымъ лѣсомъ. Посреди котловины нѣсколько рядовъ палатокъ съ разными товарами. Слева обыкновенный точокъ и обыкновенныя ярмарочныя сцены. Здѣсь видишь красныя, непривлекательныя лица барышниковъ, продавцевъ воловъ, цыганъ. Вотъ горячится барышникъ, жестикулируя, проклиная; противъ него крестьянинъ, продавецъ воловъ, стоитъ молча, спокойно, обозначивъ цѣну; вокругъ надвинулись знатоки, съ открытыми ртами, затаивъ дыханіе. Изъ толпы вырывается съ гиканьемъ лихой наѣздникъ, но увъ! на тощей съ отвислыми ушами и губой клачѣ, которая, очевидно, и свѣту не рада. Похрамавъ немного, наѣздникъ опять скрывается въ толпѣ. Съ горъ на всемъ пространствѣ точка видишь толпы людей. Цвѣтныя одежды затерялись въ массѣ, бѣлаго и темнаго цвѣтовъ. Поднятыя оглобли, возы, лошадиныя и бычачьи головы,—представляются издали муравейникомъ, въ которомъ снуютъ муравьи съ своими куколками или подушками. Въ сторонѣ стоитъ нѣсколько экипажей пріѣхавшей на ярмарку интеллигенціи. Вправо отъ палатокъ на болотистомъ лугу помещена гать, переходящая въ довольно длинный дубовый помостъ, ведущій въ часовню, въ которой широкой срубъ надъ криницей, глубиной въ нѣсколько сажень. У криницы²⁾ толпится народъ, зажигаая свѣчи передъ

¹⁾ Торговля уже въ 50-хъ годахъ доходила до 7000 р. (Короновскій. Стат. опис. Луб. у. Полт. Губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2).

²⁾ Криница утверждена св. синодомъ, что доказываетъ ящичь, прибитый на столбѣ. Когда именно—неизвѣстно.

образомъ св. Прасковьи, прекрасной иконійской дѣвы, обезглавленной при Діоклетіанѣ, 1) патронессы дивчатъ, изображенной бѣлокурой дѣвицей, и набирая ведрами, кувшинами, тыквами мутную бѣловатую воду. Прежде, по народнымъ разсказамъ, вода въ криницѣ никогда не мутилась и выбрасывала сама, вычищала, деньги, которыя туда бросали. Особый этнографическій интересъ Криницкой ярмарки соединенъ съ кануномъ десятой пятницы и всею этой короткой лѣтней ночью. Толпы дивчатъ сходятся со всѣхъ сторонъ и занимаютъ склонъ горы отъ вершины до подошвы, располагаясь группами односельчанъ. Виднѣются пригожія лица хитцянскихъ, берестоцкихъ, литвяковскихъ дивчатъ. Ихъ легко узнать по чернымъ платкамъ, низко и широко повязаннымъ вокругъ головы. Часть лба открыта; русыя косы выпущены сверхъ темныхъ корсетовъ. Видно также много лохвицкихъ дивчатъ съ лѣваго берега Удая, изъ Слобиди, Городища, Харкивецъ, Гапонивки. На нихъ темносіяня съ цвѣтами сподницы и темные корсеты. Головы не повязаны платками, а только покрыты „запьяти“, какъ у мѣщановъ; много молодежи и дѣвушекъ и изъ глубины лохвицкаго и пирятинскаго уѣздовъ: Чернухъ, Жабокъ, въ длинныхъ бѣлыхъ свиткахъ; попадаются женщины изъ еще болѣе далекихъ краевъ, напримѣръ,

---

1) Бахметева. Избр. житія свят. Москва 1870 г. X, 146—149. Св. Прасковья въ представленіяхъ народа лубенскаго у. смѣшивается какъ съ Богоматерью,—по крайней мѣрѣ исачковскій образъ Божьей Матери называютъ «Вожа маты—Парасковей», по воспоминанію о старой исачковской церкви въ честь св. Прасковьи, престолъ которой и до сихъ поръ сохранился на хорахъ,—такъ и съ св. великомученицей Варварой, какъ видно изъ слѣдующей легенды, заключающей въ себѣ подробность объ исцѣленіи ранъ изъ житія св. Варвары. (Гв. XII, 31). «Ія мучено дуже пятницю. Вона була хороша дівка. Отець її сохранявъ дуже, не допускавъ ни гулять, ни що. Унадився до неї такий нечестивый царенко, нехрыщений, що хотавъ пидвести. А вона не хотила. Такъ винъ дравъ дрешпакомъ тило проты пятниця, колы на ії наростло таке, якъ и було. (Отъ крест. с. Литвяковъ Ганны Кириченковой).

изъ-подъ Ромна, съ головными повязками, плоскими, какъ блины. Здѣсь рѣшительное царство женщинъ; только кое-гдѣ мелькаютъ парни и мужчины. Новыя группы дивчатъ и одиночки все еще прибываютъ изъ ближайшихъ селъ. Вотъ проходятъ вильшанская кокетка, похожая на макъ. Вечерѣтъ. На небѣ обозначился мѣсяцъ, но свѣтитъ тускло. Бѣлыя, голубоватыя волны тумана стоятъ надъ ярмаркомъ. Часто въ этотъ вечеръ накралываетъ дождь, иногда бываетъ ливень и градъ. Внизу на ярмаркѣ туманъ прорѣзывается красноватымъ огонькомъ восковой свѣчки, потомъ другимъ, третьимъ. Въ полночь тысячи огней мелькаютъ на горѣ, — „какъ зори блищать, такъ свички горять“. Кое-гдѣ сквозь темную зелень мерцаетъ еще свѣтъ костровъ. Срывается отдѣльная пѣсня и умолкаетъ. То навѣрное какая-нибудь женщина, которая „обрилась“: „колы-бъ мене Богъ помылувавъ, пиду до крыныци на всю ничъ спивать.“ Въ эту ночь всѣ, старыя, молодыя, обязательно должны пѣть. Однажды распространился слухъ, что дѣвки не пѣли на десятую пятницу, отчего произошла засуха, и начальство принуждено было сгнать ихъ къ Криницѣ. Нѣкоторое время слышны только отдѣльные голоса, затѣмъ хоръ дивчатъ посмѣлѣе заводитъ петривку. Тотчасъ надвигается толпа пѣнителей. Раздаются критическія замѣчанія: „се петривка? справди?—Мени чудно, шо такъ кричать“. Но дивчата невозмутимо продолжаютъ пѣть, какъ будто выполняя обрядъ. На верху горы начинается пѣть другой хоръ дѣвицъ. Затѣмъ хоры звенятъ неумолкая, сливаясь между собою и къ утру переходя въ смѣшанный звонъ голосовъ, далеко слышный кругомъ. ¹⁾ Вдругъ среди пѣнія раздается какъ-то особенно не въ тактъ общему настроенію дешевый вальсъ или полька городского оркестра, къ счастью скоро покрываемые дѣвичьими голосами.

О происхожденіи Криницкой ярмарки и самой Криницы существуетъ нѣсколько вариантовъ народныхъ разсказовъ, постоянно

---

¹⁾ «Что-то стихійноз, чудный хаосъ звуковъ» Лоначевскій. Въ Зап. Ю. З. отдѣла Геогр. Общ. 1874 г., II, 134.

добавляющихъ новыя черты въ основному мотиву: открытію ключа дѣвицей. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ вариантахъ встрѣчается обращеніе самой дѣвицы въ источникъ, столь частое въ классической мифологіи. 1) Вотъ эти рассказы. 2) „Оце яръ, а оц

1) Аполлонъ обращаетъ нимфу въ кастальскій ключъ, Діана — Аретузу въ источникъ и т. д. (Musée classique. Paris, 1860, 369).

2) Варианты приводимыхъ рассказовъ, кромѣ указанной статьи г. Лоначевскаго, напечатаны были еще въ разное время въ Киевскомъ Телеграфѣ, Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ ст. г. О. Левицкаго: «Необыкновенная ярмарка» (Кіев. Стар. 1883 г., IX и X, 301—309). Отвергая объясненія о сохраненіи въ криницкихъ ярмарочныхъ обычаяхъ пережитковъ: умыканія и праздниства языческой Лады, авторъ видитъ въ этихъ обыкновеніяхъ остатокъ стариннаго народнаго чествованія св. пятницы, можетъ быть скрывающей за собою какое-либо древнее до-христіанское народное божество. Мнѣ кажется, что если пережитокъ умыканія сохранился въ дѣтскихъ играхъ и весильномъ обрядѣ, то могъ, конечно, сказаться и въ ярмарочныхъ обычаяхъ; но, разумѣется, никакого умыканія на Криницкой ярмаркѣ нѣтъ; нѣтъ также пережитка праздника Лады, такъ какъ и такого языческаго божества, по разъясненію покойнаго профессора Потебни (Объяс. малор. и сход. пѣс. Варшава 1883 г., 16—38), никогда не было. Мнѣ кажется далѣе, что нѣкоторый свѣтъ на данный вопросъ проливаютъ слѣдующія всемірныя обыкновенія: африканцы, австралийцы, индусы, оставя, чествуя воду, бросаютъ въ рѣки, ключи, колодцы: зерна, плоды, животныхъ, пироги, твари, деньги и другія цѣнности. (Тейлоръ. Перв. культ. II, 270, 326, 327). Затѣмъ, вездѣ въ западной Европѣ есть священныя воды: во Франціи близъ Тулузы, въ Англіи—ключъ Ланмеръ и др. (Лѣббокъ. Нач. цив. 215—220). Также и у славянъ, у которыхъ гаданія и богослуженія проходили у водъ. Славяне, по словамъ Прокопія, обожали рѣки, а рускіе, какъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи, «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», «погани жриху идоломъ въ козодязѣхъ.» Къ жертвамъ водѣ относится также бросаніе въ воду вѣнковъ и соломенныхъ чучель полявами и силезцами, маштагы болгарами, костромы великороссіянами, марены малоруссами и кушаньевъ чехами и словаками. (Срезневскій. О язык. богослуж. др. Славянъ въ Финск. Вѣстникѣ 1847 г., IX, 19—23). Итакъ, если въ Криницкой ярмаркѣ и есть остатки язычества, то развѣ въ почитаніи источника. Затѣмъ въ

гора, и св. Парасковея на гори вышла. Пришовъ мужыкъ ко-
сить болота. Вона спрашуе того мужыка: „де мени спочыть
систы?“ А винъ їй одказуе: „пиды въ болоти сядь!“ Смиється.
Такъ вона пишла и сила въ болоти, а потимъ крыницею стала.
Той мужыкъ объявлявъ людямъ. Пишлы, очыстылы крыницею.
Вона якъ сила,—иконою огазалась. И на тій икони пидписы:
шобъ на десяту пятницю собирались, молебствовали. Узялы
їи охранылы, дзвоничку зробылы, и на десятую пятницю мо-
лебствуютъ и воду берутъ, умываються, якъ раны, боль, одъ лы-
хорадки. И на ту пятницю собирается ярмарокъ, горять свичы
цилу ничъ. Писень спивають, петривкы,—такъ їй пожелалось
тій Парасковеи. Обриваються спивать и молебни правыть. Спи-
вають цилу ничъ. Парасковея пидишла водою изъ чужого краю“
(м. Свѣтинѣ).

— „Пятница ходыла соби дивкою по полю и по лисахъ,
усаякъ ходыла. Та пишла сила на ныви та спива писень уся-
кыхъ. А чоловикъ каже: „чого ты сыдышь тутенькы?—А де-жь
мени систы? Скажы, де мени систы, я тамъ пиду та й сяду.—
Пиды у болоти сядь!—Такъ вона пишла та впять такы на ёго
помирку и сила била болота та впять спива. Такъ впять
тамъ, де вона сыдила, зробылась крыница. Такъ винъ якъ узявъ
возыть у ту крыницу гній, хотивъ їи забыть. Возывъ, возывъ
тры, або чотыри дни, такъ ничего не зробывъ. Иде вода, роз-

приуроченіи Крыницею ярмарки къ десятой пятницѣ видно уже древ-
нее христіанское вліяніе, потому что почитаніе пятницъ вызвало сте-
ченіе людей къ церквамъ въ эти дни и усвоило пятницамъ торговое
значеніе, особенно десятой пятницѣ послѣ Пасхи. (А. Н. Веселовскій.
Опыты по разв. христ. легенды. Сказан. о двѣнад. пятницахъ въ
Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., IV, 367.) Поэтому пятницы въ
древней Руси были днями торговъ, суда, расправы и казни. (Кавелинъ.
Соч. IV. 193). Между прочимъ, на девятой пятницѣ бываетъ и из-
вѣстная ярмарка на Коренной монастырской пустыни у Курска, на
которой люди покунають монастырскія свѣчи «и многія деньги кла-
дутъ въ владывъ» (Сбор. Харьков. Ист.-Филол. Общ. IV., 197)—какъ
у насъ.

мыва. Такъ винъ опять пшовъ до тїей дивкы, шо спива, пыта: „скажы мени, прекрасная дивыця, шо мени робыть, шо таке на ныви робыцца?—„Було бь мени не казать такъ, а теперь пиды та попросы священныка, хай винъ одмолебствуе тамъ. Пиды та визьми трепуднїй каминь та положи тамъ, тоди воно вычтыжыцца тоби“. Вона тамъ закрыла крыныцю, а пидь болотомъ изробылась. Пятныця спивала тамъ тры недили въ-ночи и сказала: „я свята пятныця, прекрасная дивыця Парасковея.“ Гуды ходять до тїей крыныци у ничь ту спивать, такъ вона помылуе. Дивчата спивають тому, шо вона дивка. И снитыньски ходять, хорошкывськи, и видь-усюду“ (Свѣтинь).

— „Вона пишла дивкою та крыныця,—такъ їй Богъ давъ. Чоловикъ оравъ на поли, прыходыть дивка хороша: лице биле, чорноброва, прыбрана хороше и каже: „Я сяду на твой ныви“. Винъ каже: „сядь у болоти!“ Пишла и сила тамъ. Чоловикъ оглухъ и онимивъ. Такъ винъ бувъ, покъ ёму не прыснылось: у симъ мисци сила дивка и тамъ крыныця, охраны їи и освяты и вызвы армарокъ на десяту пятныцю. Той чоловикъ уставъ и ставъ балакаты и клопотатыся. И вызвавъ армарокъ у крыныцю“ (С. Литвяки).

— „Чоловикъ оре, а дивка иде хороша, убрата у квитци, у восныкахъ, у стричкахъ, у запасци червонїй, чорнява, и пытаеця: „чоловиче добрый! де мени систы?“—Де-жь тоби систы? у болоти пиды сядь!—Вона пишла и сила у болоти. И чоловикова левада велыка, и давай высыхаты те болото, а крыныцю водою обняло. Ну, а винъ прыйхавъ до дому, повечерявъ и лигъ спаты. И сныцца ёму, шо: „вычсты мене и зрубъ изробы и освяты, я свята пятныця.“ А та левада панова. Пшовъ винъ и розказавъ панови: „выйшла крыныця.“ А панъ и каже слугамъ: „идить, забыте їи, гноемъ затаскайте.“ Воны гноемъ забылы. Панъ ослиць и начало ёго корчыть. И сныцца ёму: подары ты ту леваду на святу Парасковею, Еякывську церкву, и зрубъ изрубы и вычсты мене. И шобъ на десяту пятныцю булы игры, булы музыкы и шобъ бувъ армарокъ, шобъ нанималы паны спивать писень. Ты тоди будешъ бачыть и пере-

станешъ больть.“ Пишлы, и того гною немає, опять рбзлывъ. И давай молебствовать, и ставъ панъ здоровый“. (с. Бересточъ).

— „Выйшла на горби „на Залёщи“ дивчына, прычисана, гарна; косарь косыть. Вона пыта: „де мени систы?“—„Пиды у болоти сядь!“ Вона пишла и сила. Потимъ стала крыныця. Бувъ панъ Андреевъ и хотивъ ии затащыть навозомъ. Шо навозыть за день, а за ничъ де динется—незвисно. А потимъ винъ бочку смолы туды утащывъ, и те все потащыло, а ёго скаличыло. Козака Демочки дочка була больна очыма и родытели обратылысь до Параскевы, и въ трое сутокъ дочка исцлылась“. (с. Енковцы).

— „Чоловикъ хлибопашествувавъ на поли, дывытця—иде дивыця и начала въ ёго просыть воды: „дай мени воды напыться!“—Туть далече набраты!—„Де-жь мени напыться?“—Пиды унызъ.—Вона пишла и сила унызу и такъ начала рнуть, шо синокосы стали потопать. Панъ начавъ ии забывать. Хтось ёму сказавъ: „вовною якъ забьешъ, такъ не буде рнуть вода“. Потимъ якъ попало того пана, якъ начало корчыть, нельзя ёму жыть стало. И во снѣ ёму прывыдилось: „якъ ты зрубышь крыныцю, такъ выздоровіешъ“. Якъ зрубывъ, такъ и выздоровивъ“. (с. Хитцы).

— „Мужыкъ оравъ, явылась дивка: „здрасуйте! Боже поможы.“—Здрасуйте, спасыби. «Де мени мисто уважете систы?» Пиды у болоти сядь.—Пишла вона у болоти сила; крыныця выйшла на панськй земли. Панъ узлывсь, шо вона водою розлылась, давай затаскувать, гноёмъ забывать. Вона ёго покарала: руки и ноги поодбирало. И ёму прыснылось: „ты мене обчысть, зрубы, посвяты.“ Винъ такъ и зробывъ. И армарокъ вызвали. Вона пользувала хороше, а то прыснылась вона одній женщины: „тамъ мене вже нема, а теперь я уже въ яру въ Хелепцахъ“. (с. Ташки).

— „Косари косылы; прыходыть дивка гарна въ одній сорочци, пыта: „де вы мени скажете систы?“ Другый косарь пыта: „до кого ты гомонышь?“—Дивка до мене говорыть.—Чого?—Спрашуе, де систы.—А хйба ты не знаешъ, де систы?

онъ у болоти!—Вона пишла сила. Тамъ ставъ прогной. Хазяинъ ставъ залывать, закъдаты, каже: „берить гной тарасуйте!“ И закъдали; утромъ—уже вычыщена.—Ну, то-жь вы такъ робылы, каже хазяинъ,—вы тильео обманъ зробылы! Закъдали, стали на друге,—прогной ушьять вымыло, выкъдало. На третю ничъ ёму сынтся: не забывай вже сёго, буде худо тоби. Посля ёго сынъ ставъ больный, каже: „тату! мени сонъ прыснывся.“—Якый?—Шобъ вы крыныцю сю изрублы и освятылы, такъ Господь помылуе, буде окна тамъ Парасковей.“ Изрубывъ винъ, повизъ сына, обмывъ ёго. Прыйхалы,—сынъ здоровъ ставъ. Выходыть винъ у свою компанію и говорыть: „спасыби Богу, нашъ панычъ здоровъ ставъ. Шобъ вы знали, шо буде тамъ свята крыныця, буду сватыть.“ А тамъ, де косылы косари, на гори вырослы дви очеретыны. Отъ тыхъ пиръ обрикаются люде, свичы сучать, несуть туды, молебни Парасковіи правлять.“ (с. Калайдинцы).

— „Косывъ чоловікъ, а дивка ходыть, пытае: „де мени, чоловіче, систы?“ А тамъ потиць. Чоловиеъ каже: „пиды сядь у тымъ потоци на купци“. Богъ зна, де вона и дилася. Колы дывытсья чоловікъ, ажъ слезыть вода саме на тій купци, де указувавъ систы. Колы до вечора слезыть дужче, колы вже й на другый день ще й дужче. И сказавъ винъ: „ходыла дивка и просыла: де мени систы. Я показавъ,—колы тамъ блыщыть вода“. И давай вони забывать тарасомъ и гноемъ. Черезъ ничъ ушьять прочыстыло, де то й дилось усе. Потимъ стало балакаты: „годи вже мене забывать; якъ я у стоющаго хазяина пытала, де мени систы, а винъ показавъ на потиць,—не зженете вже мене!“ Усюды я (продолжала разсвазчыца) просыла Бога за хлопчыка, винъ больный бувъ, обидрало ёму ручку и ножку, було не прыведе правою ручкою до рта; а тутъ пидходыть десята пятныця. Повезла я, молебень наняла, посвятылы водыцю на голови, обмылы тою водычкою—и, благодарыть Бога мылосерднаго, получчало. То я прыйшла до воза, купыла бублыкъ и дала ёму въ ручку. Ставъ мій хлопчыкъ довосыть до рта. У-ночи спаты лягла я, и прыснылось мени, мовъ прый-

шовъ старыкъ и сказавъ: „догадалась ты, шо туды на молебниъ ёго обрикала.“ (м. Снѣтинъ).

— „Оравъ чоловікъ свою земельку на поли, ходыть по полю дивка и спивае, дуже гарна, убрана, голова гладенька и стричка на голови. Спрашуе: „позволь, де-бъ мени систы?“— „Пиды, у болоти сядь.“ Вона пишла у яръ, тамъ и сила. Наконецъ у догадъ тыхъ жытелей, тихъ Еньокъ, стали смичать, шо въ тимъ яру нема ни комаря, ни мухы, ни овода, и показалась вода тычя, и въ жарке время, у жытнн жныва, у той яръ ходять женци воды брать, и холодна и здрава на все. И приснылося священныку: хай прыхожане мене (ск крыныцю) одобрять, поставлять зрубъ. Одобрылы воны. И прыгласывъ ихъ священныкъ: хай тутъ буде ярмарка“ (с. Пески).

— „Десь надъ провальямъ дивка ходыла та пытала пастухивъ: „де-бъ мени систы?“ А ти пастухы говорятъ: „де жъ ты тутъ сядешъ? Тутъ шпыль врутый, а пиды ты краще сядь у болоти на купци“. Ну, отъ вона пишла, сила на тій купци. Потимъ стали слои иты, вода; стали люде, скотыну прыговныть напувать, вона все выходыть вода. Стала вона людей мылувать. Потимъ ии люде вычыстылы, зробылы зрубъ и каплычку, купылы Парасковей, бо вона на Параскы выйшла“ (с. Бѣвцы).

— „Хлопци паслы свогъ, а тамъ гора була и очеретець бувъ, и дивка тамъ стоить, спива и косу чеше; и прыйшли хлопци и на ей гомоняють. И вона пыта: „де-жъ мени систы?“— Пиды въ болоти сядешъ!—Вона пишла и сила въ болоти и стала крыныцею“ (с. Калайдинцы).

— „Якъ се першъ крыныця выходыла, то вона въ чоловіка потопыла половыну огорода. Потимъ той чоловікъ якъ ставъ забывать, такъ вона видтила перейшла у друге мисце въ долину. И приснылось у снн чоловікови: не зганяйте мене зъ сѣго мисця, а зрубить мене, то буду я мылувать людей. И стало таке, мовъ озырце. Потимъ стали боляци люде туды ходыть. Побреде у воду, якъ слипе умыется—стане бачыть; якъ нечыстота побреде и очыстытса,—нема струливъ ниякыхъ. Давнѣйшъ мовъ-бы въ неи ума вывирялы, а вона вывиряла, хто шо пустыть

То оце дѣвчата зазырають, у одніи упало намисто, а крыница и выгнула уверхъ“ (д. Шеки).

Біевцами, иногда называемыми въ церковныхъ бумагахъ Буевцами, открывается рядъ небольшихъ сель на сѣверо-западной окраинѣ лубенскаго уѣзда. Всѣ они расположены въ одну линію на второй террасѣ праваго берега Удая; часть построекъ разбросана на вершинѣ горъ. Улицы узки, некрасивы, потому что на нихъ выходятъ повитки и высокіе плетни. Только въ ворота виднѣются хатки въ небольшихъ садахъ. Вездѣ краснѣють глинистыя обрывы съ уединенными мельницами. Большинство послѣднихъ на удайской низинѣ, въ которую вдались и части сель. По преданію, основателемъ села былъ козакъ Бей, имѣвшій пасѣку на островѣ, гдѣ сохранились грушевыя деревья. Оня жилъ въ Беевомъ лѣсу. Потомъ Біевцы заселились съ двухъ концовъ. Въ горной, пересѣченной части отъ Енковець поселились Громы, назвавъ свой кутокъ Громівкой. За ней потянулася Дворянивка, гдѣ жили паны Маньки, потомъ Андрускіе и ихъ крестьяне, приведенные со Слѣпорода: Шрийменки или Суріи и Махынни. Здѣсь же жилъ козаковъ: Мысниковъ, калайдинскихъ выходцевъ, Кушнирей, Канивцевъ, Остапенковъ, Кулябъ. За Дворянивкой лежитъ Библивка, гдѣ живутъ Библи. Другую оконечность села отъ Оробьевъ занялъ знатный зажиточный родъ козаковъ Ступокъ, вышедшихъ изъ с. Цоставмуевъ, Лохвицкаго у. Съ этой стороны села видна круглая „лысая“ гора, называемая „Костѣль“, на которой будто-бы былъ настоящій костель. О ней рассказываютъ: „Ти люде, которыхъ зогнано, казали: у тій гори наши сохранности зостались, тилько не возьмете—закляти. Проты тії горы ричка Удай и яма Быбыха, а въ тій ами нискилькы бочонкивъ золота поопущано. Якъ-бы воду спустыть, можна - бь ти бочонкы понаходыть. Глыбшой ричкы нема, якъ Быбыха. На западъ сонца йе яръ Безюкивщина и въ яру прыаркы Романивськи. Тамъ лѣхы таки глыбоки, шо звязали дви осыкы и не достали дна. И свитло бачылы. Тамъ булы сохран-

ности; разъ выкопалы сивачку. ¹⁾ Въ срединѣ села церковь. Изъ нея далекій видъ на долину Удая и на горы по ту сторону рѣки, расположенныя полукругомъ. Церковь построена въ 1749 г., но существуютъ доказательства болѣе ранняго ея существованія: синодикъ 1740 г., указы въ Бѣвскую церковь 1744 г., книги 1727 г. и др. Мѣстный иконостасъ, по преданію, перенесенъ изъ упраздненной Красногорско-чернусской мужской обители, стоявшей на лѣвомъ берегу Удая, гдѣ нынѣ деревня Красногорка, Лохвицкаго у., основанная въ 1710 г. гетманомъ Скоропадскимъ. ²⁾ Онъ своеобразной формы въ видѣ храма, баню котораго составляетъ продолговатая икона Спасителя. Края иконостаса округлены и на нихъ лежитъ два большихъ вырѣзанныхъ ангела въ красномъ одѣянніи, съ распростертыми крыльями. По бокамъ иконостаса сохранились статуи ангеловъ въ 1 аршинъ величиной въ золотомъ облаченіи, короткомъ, немного ниже колѣнъ. На двери, ведущей въ алтарь, изображенъ архангелъ Михаилъ съ мечемъ и ножами кожаными, какъ у козачкой пашки. Весь иконостасъ наполненъ старыми иконами съ группировкой фигуръ такой же, какъ въ средневѣковой живописи. На церковномъ ³⁾

---

¹⁾ Вокругъ села находятся урочища: Ляшквисьскій яръ, Осняги, по направленію къ Гонцамъ, гдѣ (по преданію) поле сраженія и 40 могилъ, Повстинъ яръ и поля: Прийма и Мерзляки.

²⁾ Закрыт. монаст. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г., № 20, 21, 797; Арендаренко. Зап. III, 188.

³⁾ Въ церкви хранятся: кипарисный крестъ, изящно отдѣланный серебромъ, съ надписью: «сей крестъ надалъ козакъ Сѣчи Запорожской, курина Шкуринскаго, Олекса Колада въ село Бѣвцѣ, до храму святителя Николая, 1758 году;» серебряная вызолоченная чаша съ надписью: «сея чаша вызолочена Анні и Улиани Юркевичевъ и Сидора Кислевича коштомъ и стараніемъ 1795 г., Марта 26 дня». Сверху на стаканѣ приписано: «сія чаша подчинена Марію Ступкиною 1832 г.»; другая чаша серебряная, вызолоченная съ красивымъ орнаментомъ и надписью: «до храму святителя Христова Николая надалъ сей келехъ Василій Савичъ, полковникъ Лубенскій, в село Бѣвцѣ, року 1709». Есть еще гетманскія (подаренныя гетманомъ) рвзы изъ чисто серебряной парчи съ цвѣточками клевера,

погостѣ похороненъ Мѣнько, котораго портретъ масляными красками, посредственной кисти, сохранился у его потомковъ по женской линіи мѣстныхъ дворянъ Кубицкихъ, съ надписью: портретъ Сибирскаго драгунскаго полку прапорщикъ Александръ сынъ Манько. Родился 1788 г., Марта 16, съписанъ 1806 года въ городѣ Лохвицѣ. Артемъ Си . . . вскій. ¹⁾ По сохранившимся въ церкви исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1825 г. число жителей было 356, въ 1855 г.—461, въ 1866 г.—560 и лишь къ концу вѣка население достигло 638. По предположенію А. М. Лазаревскаго, ²⁾ высказанному вскользь, основаніе селу могло быть положено выходцами изъ Подольской губ., гдѣ (въ Брацл. у.) есть также Біевцы. ³⁾ Біевчане, какъ и жители слѣдующихъ вверхъ по Удаю сель, средняго, рѣдко выше средняго, роста, худощавы; лица у нихъ продолговатѣе, волоса и глаза темнѣе, чѣмъ у населенія свѣтинской и тишковской волостей. Одежды совершенно такія же, какъ въ Хелепчахъ и Калайдинцахъ: покрой до фантивъ, у женщинъ—запаски и плахты, очипки кобылкою, головныя повязки съ клапономъ.

Отъ Біевецъ рукой подать въ Оробы, Воробы, а по стариннымъ церковнымъ бумагамъ Горобы, самое меньшее село Лубенскаго уѣзда. ⁴⁾ Оно, какъ и Біевцы, расположено у рѣки

подложенныя старинной полотняной крашениной. Среди бумагъ указъ кн. Реннина 3 Дек. 1830 г. о принятіи предохранительныхъ мѣръ отъ холеры.

¹⁾ Подпись неразборчива.

²⁾ Лубенщ. и Вышнев. въ Кіев. Стар. 1896 г., 1., 125. Насколько можно судить по трудамъ Шейковскаго, Свидницкаго и Чубинскаго, какъ типъ жителей, такъ и праздничныя, свадебныя, погребальныя обыкновенія, а также пѣсни и сказки Подольской губерніи не обнаруживаютъ близкаго родства съ лубенскими.

³⁾ С. *Біевцы* есть и въ Каневскомъ у. Кіевской, губ. вблизи м. Богуслава; здѣсь же и с. *Корандинцы*, почти однозвучное съ именемъ Лубенскаго села *Тарандинцы*, ближайшаго къ Біевцамъ. *Примѣч. ред.*

⁴⁾ Съ такимъ же названіемъ существуетъ два села въ Овруцк. у. Вол. губ.—Старые-Воробы и Новые-Воробы. *Примѣч. ред.*

подъ горой. О началѣ села мѣстные жители передають: „У Духовій було село, въ Гонцяхъ живъ Очеретько, а Оробивъ ще не було; потимъ, говорылы предкы, оживьсь тутъ хуторомъ богатый чоловикъ Горобей изъ сынамы. 1) Село недавно бильшеньке стало, а то бувъ хуторецъ. Горобей живъ коло церкви. Потомства нема, воны выйшли на вольну службу тоди, якъ выкыкалыся охотныкы“. Кутовъ въ Воробьяхъ два: Пидгирья и Яцютивна. Населеніе козацкое, состоитъ изъ слѣдующихъ фамилій: Балицкихъ, Науменкивъ, Журмановъ, Дмитренкова, Кондратенкова, Михаленкова, Бондаренкова, Гунченкова, Гребенчукова и Данченкова; крестьянъ бывшаго владѣнія Мельника 2) только десять хазяиновъ. Изъ духовнаго завѣщанія лубенскаго полковника Свѣчки видно, что въ концѣ XVII в. ему принадлежали между прочимъ и Оробьи, которые отданы въ приданое за дочерью полковника, вышедшей замужъ за Вакуленка. 3) Почва Оробьевъ глинистая, мѣстами черноземная; поля, какъ и въ сосѣднихъ селахъ, въ трехъ смѣнахъ; пользуются патриархальнымъ способомъ, именно—каждый набиваетъ себѣ тростника сколько необходимо 4). Въ мѣстной церкви св. Іоанна Богослова, извѣстной съ 1714 г., сохранились лишъ слѣдующія старинныя богослужебныя книги: Правило молебное къ божественному параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца,

1) Патронимическія названія большинства сель Лубенскаго у. и народныя преданія объ основаніи сель подтверждаютъ положеніе, высказанное авторомъ статьи «Къ истор. колон. лѣвоб. Украины въ XV—XVI в.» (Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ. IV, 22), что колонизація лѣвобережья произведена народомъ непрерывно. Шляхта двинулась за нимъ, поэтому заслуга послѣдней въ дѣлѣ колонизаціи преувеличена.

2) Изъ этой дворянской фамиліи происходитъ уважаемый докторъ Н. М. Мельникъ, занимавшійся этнографіей въ Лубенскомъ у. и доставившій народныя произведенія въ Сборникъ Чубинскаго.

3) Кіевск. Стар. 1891 г., 145—148.

4) Сб. Хоз. Ст. IV, 9 и 229. Мѣстныя урочища: Окипъ, Стинка, Коваленки, Попельныцьке, Свидчына, Диды, Горобивъ горбъ.

при ней письма Теофана Прокоповича, 1) Цвѣтная тріодъ кievской печати 1702 съ надписью по листамъ: „В року 1714, октоврѣя 30 дня я, Григорый Ивановичъ Шкарупа, сотникъ Лубенскій, сию книгу Триодионъ Цвѣтную, купивши за золотихъ за двадцять, надалемъ оную до храму святого славного и всехвалнаго апостола и Евангелиста Христова Іоана Богослова в село Горобі, сотнѣ и уѣзду нашего Лубенского, за прѣзвитерства честнаго отца Андрея Симеоновича, которую книгу от мененаго храму вѣчне нѣхто не повиненъ отдавати; а если би хто важился тое учинити, таковыи святыхъ отцовъ на вселенскихъ соборахъ собранныхъ клятвѣ да подлежить“. Старыхъ исповѣдныхъ росписей не сохранилось, изъ метрическихъ же книгъ видно, какъ невелико было мѣстное населеніе въ концѣ XVIII в. Въ 1782 г. родилось только 5, въ 1783 г.—4 дѣтей; да и черезъ столѣтіе населеніе не превысило 500 душъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ Воробьевъ расположены Гонцы, частью на взгорьяхъ и подъ горою, а частью на мысѣ, обращенномъ къ м. Куренькѣ, лохвицкаго уѣзда. Въ илистой и песчаной почвѣ Гонцовъ найдена стоянка человѣка каменнаго періода и кости мамонта, 2) за четыре же версты отъ нихъ проходитъ граница лѣсной земли лубенскаго уѣзда и за этой границей разстилается супесчаный черноземъ. 3) Название села объясняется различнымъ образомъ. Мѣстная интеллигенція производитъ это названіе отъ гонцовъ или нарочныхъ, посланныхъ изъ Лубенъ въ Куреньку и перемѣнявшихъ лошадей здѣсь на Старосильи. Крестьяне представляютъ другое объясненіе. „Колысь были охотныкы и на Старосильи занимали соби будку, и тутъ были лиса и межъ ймы проходъ. Ти охотныкы звались гонци и ловылы, гонылы звиря. Тутъ було тоди багато всякого звиря:

1) См. сообщеніе объ этой книгѣ и письмахъ Киевск. Стар. 1899 г., XI, Докум., 65.

2) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452. Лискоронскій. Истор. Пер. земли., 28.; Антоновичъ. Киевск. Стар. 1899 г. VIII, стр. IV.

3) Мат. оцѣнки зем. Полт. губ., II, 32.

бобры, дикі кабаны. Годивъ може пятьдесятъ, якъ прійихали въ батькомъ у лисъ, воли кабанъ рвется. Загледивъ насъ, якъ чмыхнувъ—тільки й бачылы“. 1) Такимъ образомъ обѣ версіи считаютъ Старосиле началомъ села. Въ немъ живутъ козацьки роды: Сметанокъ, Калайтановъ, Клышей; дальше на Пидлиси основался древній козацькій родъ Легуши. 2) Вправо отъ церкви на Заричьи или Заставьи живутъ Заналии и Гудзи; затѣмъ къ Удаю протянулся обширный выгонъ съ мельницами, а за нимъ мѣстность къ Духовой сохранила названіе Березникъ, отъ покрывавшаго ее нѣкогда сплошнаго березоваго лѣса. На краю села, къ Духовой, въ зелени стариннаго сада, среди итальянскихъ тополей и тѣнистыхъ аллей ясеня видна бывшая усадьба покойнаго Лубенскаго предводителя дворянства, предсѣдателя сѣзда и земской управы, потомъ мирового судьи Г. С. Кириѣкова 3). Недалеко отъ усадьбы стоитъ, нѣсколько покривившись на бокъ, маленькая Вознесенская церковь съ готической кровлей, колокольна отдѣльно въ углу ограды. Церковь эта новая 4) съ новымъ иконостасомъ; намѣстныя образа съ надписью: „сіи иконы сооружены молодыми юношами“. Изъ старыхъ иконъ обращаютъ на себя вниманіе три образа: висящая въ ризницѣ

1) Вокругъ Лубенъ еще недавно устраивались облавы на дикихъ кабановъ. (Ляскоронскій. Ист. Пер. зем, 61). Уже въ XV в. Каневцы промышляли въ опустѣвшей Лубенщинѣ ловлей звѣрей. (Лазаревскій. Луб. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., I, 117). Были и бобровые гоны. Гоны значать еще: разстояніе въ 120 саж. и небольшіе нивки, такъ что Гонцы могутъ означать: маленькія короткія, гоны.

2) Вѣроятно, въ началѣ насмѣшливое прозвище, какъ Ракъ и т. п., вызванное болотистостью жилья.

3) Г. С. Кириѣковъ былъ однимъ изъ типичныхъ представителей части стараго украинскаго панства. Разносторонне образованный, хорошо воспитанный, остроумный и любезный, онъ былъ большимъ любителемъ исторіи, археологіи, палеонтологіи. Онъ имѣлъ большую предковскую бібліотеку.

4) Старая церковь сгорѣла. Она существовала съ 1781 г., но и до того въ Гонцахъ была церковь.

икона Божьей Матери, изображенной, какъ итальянскія мадонны, большою полной женщиной, но съ своеобразнымъ круглымъ лицомъ. Грудь пронзена шестью мечами, по три съ каждой стороны; другой образъ Богоматери, пронзенной мечомъ, и третій— копія явившейся въ 1739 г. иконы ахтырской Божьей Матери. Въ церковный полъ вдѣланы двѣ чугунныя плиты надъ могилами покойныхъ гонцовскихъ помѣщицъ: Нѣжинцевой и Минькевичъ-Петровской. Число жителей въ настоящее время 1229, поровну козаковъ и крестьянъ. Послѣдніе— „переходни“, т. е. переселены панами въ Гонцы изъ хорольскаго и кременчугскаго уѣздовъ. Прежде мѣстнымъ владѣльцемъ былъ Павловъ, потомъ Пріймы, изъ бывшей лубенской войсковой старшины. На Прійминой женился Ограновичъ, на Ограновичевой—Нѣжинцевъ, на Нѣжинцевой—помѣщикъ кременчугскаго у. С. Г. Кириѣковъ,¹⁾ отецъ предводителя. Въ Гонцахъ, какъ и вездѣ, гдѣ жили паны, жизнь пріобрѣтаетъ драматическій интересъ вслѣдствіе сословныхъ столкновеній, о которыхъ старожилы передаютъ слѣдующее. „Предокъ Легушъ заспоривъ съ паномъ Потомскимъ²⁾ за Дибраву. Той панъ бувъ пріёмщикомъ и отдавъ ёго у козаки. Прійшовъ съ козакивъ Легуша, колы на Дибровци вже й панська цегельня. Такъ винъ розигнавъ робочыхъ и взявъ запалывъ цегельню. Такъ люды дали знать пану Потомскому, шо тутъ горыть заводъ, а Легуша на коню грае. Той прійхавъ, колы признавъ Легушу—и тикать, а Легуша ёго съ пыстолета,—не понавъ. И Дибровка

---

¹⁾ Но и до того фамилія Кириѣковыхъ встрѣчается въ Лубенскомъ у., что видно, между прочимъ, изъ акта о продажѣ 20 апрѣля 1771 г. сыновьями хорунжаго второ-пирятинской сотни Арсения Григоріемъ и Гавриломъ Арсеневичами хутора «съ трома подсуѣдочными хатами» женѣ войскового товарища Федосіи Кириѣковой. На документѣ подписи судьи И. Кулябки и подсудка Ф. Булюбаша.

²⁾ Жительство Потомскаго указано въ усадьбѣ Кириѣкова, и панъ этотъ распорядился козаками. Можетъ быть, это былъ Семенъ Прійма въ 1740 г. сотникъ, а съ 1749—1750 г. есаулъ.

зосталась за Легушою. Такъ панъ той підкынувъ вещи: шубы и друге, та піднись, та у солому и пхнулы. Уставъ Легуша и иде, колы пбогъ (слиды). Вияъ дывытсь, колы поворупена солома,—вещи. Розвернувъ.“ Э! дума соби, „се шось воно не таке. Э, се вещи Потомського!“ Та напалывъ грубу та тоди ти вещи въ грубу, и перепалывъ и перебывъ. На утро струсь. Потомського обикрадено,—трусѣть. Берутся до Легуши, трусятъ, трусятъ—нема вещей. Тымъ Потомський доволенъ. Підйизжае потимъ панъ до двора Легуши.—„Легуша, садьсь, пойдимъ помолымся.“— „Ни, пане, я не имію гриха“. А дали согласывсь йхати.—„Ну, мы идемъ въ Божый храмъ; скажи, де ты вещи дивъ? Ну, я божусь, шо нікому не скажу!“ Розказавъ Легуша. Помырылись и панъ підпыску давъ“. Объ одной изъ старинныхъ паней такъ же разказывають. „Дивокъ вона сикла на конюшни. Побыла вона дивчыну и нахвалялась ище бытъ. Пишла та дивчына до матери. Маты каже: „не могу я тебе удержати,—иды до барыни“. Такъ дивчына та пишла у Удай утопилась. Потимъ пани поодризувала косы у дивокъ и выкыдала косы на выгинъ. И хто не найде, думае: шо воно за косы, де вони вьялысь? Хоть буде миръ, а хочъ пожаръ. И люде ихъ завопалы“.

Отъ Гонцовъ къ Духовой тянется высокій уступъ, ¹⁾ на котормъ надъ кручами разбросаны мельницы. Въ просвѣтѣ горъ виднѣется церковь и село, за нимъ долина Удай съ узкой рѣвой, заводами, озерами, заливами, похожими на куски стекла, и противоположнымъ гористымъ берегомъ. Духовая не такъ красива, какъ другія села этой мѣстности. Деревьевъ здѣсь мало, садовъ почти нѣтъ, улицы перекрещиваются на бѣловатыхъ площадкахъ среди пустырей. Названіе села происходитъ отъ находящихся вблизи на Удаѣ незамерзающихъ родниковъ,—„духовъ.“ Надъ горной частью села—Пидгирьемъ „ѣ могила, тамъ вижа була. Якъ непрятель иде, то ховалсь въ очерета. Вияъ стре-

¹⁾ Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452.

лявъ лучкомъ“. На Пидгирья жили древніе козацьи роды: Семейки, изъ которыхъ одинъ дослужился до эсаула, и Холодняки. Въ средней части села, на толовѣ отъ Гонцовъ, живутъ на Гудзивскимъ кутку Гудзи--Крятченки, также многочисленный и древній козацьи родъ. На средней же улицѣ живутъ Кононы, Логвинци, Морозы. На концѣ улицы, на пидлуци, отъ Карпиловки: Петренки, Оропай, Василенки, Кочуры, Коптѣлье. На нижней части села—Побережья живутъ Хвири и Ефименки. На Пидгирья стоитъ новая церковь, построенная въ 1863 г., старая же существовала съ 1768 г. Изъ старыхъ образовъ замѣчательны: пресвятая Дѣва, пронзенная мечами, и св. великомученица Варвара съ круглымъ лицомъ и вдохновенными, выразительными глазами. Духовая—небольшое село; въ 40-хъ годахъ въ ней насчитывалось 780 жителей, въ настоящее время—1250. Село козацье, крестьянъ не болѣе 10 семей. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще рыбною ловлею особымъ способомъ „на по-свитьи“, неизвѣстнымъ въ сѣверной части долины Сулы. Въ лодку ставятъ горшокъ или котелокъ, такъ чтобы огонь освѣщаль пространство шаговъ на 10 вокругъ и въ глубину аршина на два. Бьютъ остью изъ восьми желѣзныхъ когтей.

За Духовой слѣдуетъ Карпиловка, хотя и другой, Лаворской, волости, но по условіямъ мѣстности, типу и одеждѣ жителей, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ сосѣднихъ—Духовой и Гонцовъ. Карпиловка расположена при входѣ Удая въ Лубенскій уѣздъ и дальше всѣхъ селъ углубилась въ удайскую низину. Почти посреди этой низины виднѣется Покровская церковь, красивой архитектуры, въ одной связи съ колокольней. Вокругъ разбросаны березовыя рощи. Мѣсто возлѣ церкви, такъ называемыя Хрестки, нѣсколько возвышается надъ низиной; здѣсь осунувшаяся земля часто обнажаетъ старыя могилы и кости. Здѣсь же началось село. „Карпыливка давня; тутъ колысь живъ рыбалка Карпо.“ Древность села видна и по особой заботливости о безопасности жителей; такъ оно было прежде на островѣ,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ рѣкой ¹⁾ Надъ самой рѣкой помѣстился кутокъ „Волощына“. „Тамъ якись волохы жылы“. Вправо, къ Духовой Раково займыще или Равивъ кутокъ, гдѣ прежде жили козаки Раки, и Выповзкивъ кутокъ, населенный выходцами изъ с. Выповзкивъ, Переяславскаго уѣзда. Теперь старое село представляется островомъ только въ половодье; въ остальное время года оно отдѣляется отъ новаго поселка обширнымъ топкимъ выгономъ Свидыновкою, ²⁾ на которомъ только недавно сдѣлана узкая гребелька, а до того люди изъ новой части села не могли говѣть въ мѣстной церкви, а должны были итти черезъ гору въ Духовую и тамъ же святить пасхи. Новѣйшая часть села за выгономъ подъ горой носитъ названіе хутора. Недавно въ немъ было только 3—4 хозяйства. Первые переселились Раки, за ними: Гриньки, Прищепы, Савченки, Долады, Пасюки и др. Причиной переселенія могли быть отчасти и наводненія. „Въ 20-хъ годахъ на два аршына воды було по хатахъ, усе село потопыло, тилько коло церкви воды не було. Я тоди трохи не втопывся,“—разсказывалъ старожилъ Андрей Ракъ. Церковь перевезена, по сказанію однихъ, изъ Монастырыща, т. е. Красногорскаго монастыря, по другимъ изъ Онуфріевскаго скита. ³⁾ „Церковця була маленька, pokryта драпцею. Вона лыбонь погорила и метрыкы погорили.“ На косякахъ старыхъ дверей въ колокольнѣ сохранилась такая надпись: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа созданъ храмъ сій лѣта 1738, ноября 19 дня, коштомъ отца Іоасафа Горленка игумена

¹⁾ Есть и озера: Смаглево, Сириково, Жовте; часть Удая называется Стружка, а сѣновоса—Пристань.

²⁾ Отъ Свидина (*Cornus sanguinea*. L.)

³⁾ Первое сказаніе ничѣмъ не подтверждено; второе какъ будто бы подтверждается приводимой въ текстѣ надписью о востройкѣ храма 1738 г. игуменомъ Іоасафомъ Горленкомъ; изъ печатныхъ же данныхъ (О закрыт. монастыр. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г. №№ 20 и 21., 794) видно, что Онуфріевская пустынь основана Горленкомъ только въ 1744 г., значить и второе сказаніе не вполне достоверно, и двери съ надписью, а можетъ быть, и вся церковь привезена не изъ Онуфріевскаго скита.

монастыря Мгарскаго.“ Среди церковныхъ древностей замѣчаются иконы: Богоматери на жести; стрѣтенія Господня, гдѣ Симеонъ Богопріимецъ изображенъ съ мечемъ, выходящимъ изъ рта, и голова Іоанна Крестителя на блюдѣ, сдѣланномъ изъ серебра; также очень интересна старая жестяная крестильница, на которой сверху звѣзда съ лучами, надпись вязью „Марія“ и рисунокъ масляными красками таинства крещенія. Здѣсь изображены: священникъ, кума въ длинномъ свѣтломъ платьи, кумъ, лице котораго стерто, и не вполнѣ понятная фигура, стоящая за священникомъ. Глаза фигуры огромные, пылающіе, но роговъ и хвоста нѣтъ. Искуситель-ли то, или пономарь—неизвѣстно. Число жителей отъ 425-ти въ половинѣ XVIII в. достигло въ концѣ XIX в.—1576 душъ, большинство которыхъ козаки; крестьянъ только 5 дворовъ. Зажиточныхъ людей мало, только Раки имѣютъ по 40 десятинъ на семью; треть жителей безземельныхъ. По мѣстнымъ преданіямъ,¹⁾ изъ Карпиловки происходилъ характерникъ Гринько, содѣйствовавшій покоренію Крыма. „Непрятель бувъ у крѣпости въ Крыму. Явасъ галдовныця, внахурка непевна, сьдила на крѣпости и показуючы соби на спыну казала: „сюды стреляйте!“ Полковныкъ Свѣчка (зъ Свѣчкыного Городыща) засмутивсь, ничего не подѣлавъ, а Гринько дидъ бувъ знаюковатый и сказавъ: „не пожалйте срибнои пуговыци.“ Свѣчка давъ пуговыцю. Сейчасъ Гринько зарядывъ оружіе и вбывъ ии. Одбылы ворота и пишы въ крѣпость—нашъ городъ! Безъ Гринька никто ничего не подѣлавъ бы: Гринько такый бувъ, шо й кулю у жменю визьме“.

---

¹⁾ Это преданіе, въ которомъ появляется лубенскій полковникъ Л. В. Свѣчка, можетъ относиться или къ неудачному походу на Крымъ въ 1689 г. кн. Голицына съ Мазепой и гетманскимъ regimentомъ (Костомаровъ. «Мазепа», въ Рус. Мысли 1882 г., I, 29, 33), или ко взятію Азова въ 1696 г., гдѣ были городищанская, чернусская и сенецкая сотни лубенскаго полка съ Свѣчкой (Кіев. Стар. 1899 г., IV, Докум. 10), если можно допустить помѣщеніе въ народномъ представленіи Азова въ Крыму.

Тарандиновская волость оканчивается переходной полосой от лѣсной земли къ степной. На этой полосѣ раскинулись лучшія села волости: Тарандицы и Губское. По народному замѣчанію, „село Тарандицы стоитъ пры лиси Ламанци, пры крынычынци ¹⁾ Вязовыци“. Лѣса, впрочемъ, нигдѣ не видно. По Арендаренку, ²⁾ названіе села, какъ и недалекихъ Калайдинецъ, напоминаетъ татаръ. И въ народныхъ представленіяхъ эти названія связаны между собой. „Тарандицы завивъ Леонтій Таранда, а въ Калайденцяхъ живъ явйсь Калайда“. Таранда жилъ въ Шматкивщинѣ и на ней же другой древній козацкій родъ Косяки. На смежной Опанасовщинѣ была старая церковь и усадьбы пановъ: Свирскихъ и Величовъ. За нею расположены: Гаркавищына, по направленію къ Губскому, жительство: Кайдашей, по уличному Гарькавенкивъ, Монастырныхъ, Глущенковъ, Нагайныковъ, Голядь; Мустипанивка, населенная Мостипанами, выходцами изъ Хелепцовъ; далѣе къ Пирятину—Юркивщина, жилъ бывшихъ крестьянъ Свирскаго: Юрченкивъ и Сорокъ; Миклашищына, на которой живутъ Сидоренки, Демченки и др. О ней рассказываютъ: „На Мыклашищыни живъ старый Гринь. Ёго робитныкъ Головченко копавъ канаву и выкопавъ казанокъ грошей, прійшовъ до хазяина, каже: „отакъ, и такъ выкопавъ казанъ грошей.“—Цыть, каже Гринь, не явы никому!—Поладнальсь. Гринь каже: „ходимъ закопаемъ: хай ще трохи полежать; тоди ночи диждемъ, одкопаемъ, роздилымось, шобъ никто не выдивъ, явъ будемъ дилытьсь“. Якъ прійшла ничъ, Гринь роботныка пославъ, а ти грошенятка одкопавъ и забравъ соби, а въ казанъ щось наробивъ и закрывъ унять. Явывсь робитныкъ, пишли одкопалы,—грошей нема, а таке нечепурне. Гринь каже: „бачъ, хлопче, хтось подглядивъ, явъ мы ховалы, та й посміявсь зъ насъ.“—Було-бъ сразу забрать,—каже робитныкъ,—фортуна наша, и не намъ досталась.—Э, може той, шо дывывсь, хитришый насъ“. Съ того Гринь розбогативъ, унукы мають сотъ

¹⁾ Ручьѣ или рѣчонкѣ.

²⁾ Зап. о Полт. губ. П., 5.

по сямъ земли.¹⁾ Затѣмъ есть еще куты и урочища: Польща (тамъ живутъ бѣдняки, крестьяне Федоренки), Довбышівка, жительство: Довбышей, Литвиненковъ, Ворожченковъ, Сугроровъ и др., Лупарь—„у ёму лёхъ одерывавсь“, Ольшанка и Рудка, потоки, текущіе къ востоку къ Новакамъ; къ Лазиркамъ—Волошськи могилы вблизи недавно заселеннаго тарандинскими выходцами хутора Виль, и Сорокъ могиль, Федоренкови майданы и крамарський ярокъ, названый такъ по слѣдующему случаю. „Гаркавенко бувъ пьяница. Ишовъ изъ шыночка выпившы, а крамаръ ишовъ. Встритылись. Гаркавенко каже: „здрастуй! ваторгувавъ?“—Яка въ мене торговля? крамокъ пороздававъ жителямъ наборъ, а грошей совсимъ нема.—„Шо-жь, у тебе нема грошей, ну, оддай мени сумку зъ крамомъ, я возьму соби! Крамаръ схлыльсь, положывъ сумку, розвьязавъ пидручья, каже: „возмить, ну только мене пустить живого.“ Сейчасъ спустывъ, каже: „надивай!“ Гаркавенко заложывъ руку въ одно заручье, потимъ въ друге.—Давай, каже крамаръ, я тебе увьяжу!—Узявъ изьязавъ заручье.—„Теперь, каже, вставай та иди соби зъ крамомъ; спасыби, шо хоть мене живого пускаешъ“. Гаркавенко пидвивсь на руки, а сумка зверху, а той тоди иззаду ёго у сумку, шобъ Гаркавенко стовбула заоравъ; повернувъ его крамаръ до горы черева, та бычагою здоровою поперебывавъ ёму руки й ноги. Тоди взявъ розвьязавъ сумку зъ ёго и подавсь, а Гаркавенко гонивъ тры хыривъ. Оттого той крамарський ярокъ“.²⁾

Вблизи дороги на Губское стоитъ церковь св. Георгія Побѣдоносца, въ которой замѣчательна икона, подаренная въ церковь мѣстной старинной фамиліей Величекъ въ память двухсотлѣтняго (съ 1699—1899 г.) пребыванія ихъ въ Тарандинцахъ, и віотъ съ образомъ, сооруженный въ 1771 г. Евтихіемъ Величкомъ, обновленный его правнукомъ.³⁾ По исповѣднымъ роспи-

1) Отъ Ив. Сахна.

2) Ibid.

3) Изъ церковныхъ древностей примѣчательны: вѣяцы изъ во-
лосъ, быть можетъ внесенные въ церковь по обѣту, и синодикъ

сямъ число жителей въ концѣ XIX в.—1750. Значительное большинство козаки. Панскихъ фамилій было двѣ: Свирскіе, уже угасшіе, но оставившіе по себѣ добрую память: они освободили крестьянъ съ надѣломъ въ 4 дес. на душу, дали по парѣ воловъ на семью и оставили капиталъ, процентами съ котораго выплачиваются поземельныя подати, и Велички, предокъ которыхъ Василий купилъ Тарандинцы въ первой половинѣ XVII в. у дочери Станислава Яблонскаго Анны за 20 таларовъ. 1) Жители Тарандинець средняго роста, темнорусы, лица продолговатая, покрій одежды такой же, какъ и въ Новакахъ, занимаются исключительно земледѣліемъ; земля хорошаго качества, 2) притомъ и распредѣлена довольно равномерно, отсюда извѣстное благосостояніе населенія.

Губское отдѣлено отъ Тарандинець только узкой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой на круглыхъ холмахъ расположены усадьбы, почти безъ садовъ, изрѣдка только осѣненные деревьями. Большая часть села по ту сторону долины на взгорьяхъ. Тамъ основныя куты: Панькивка—по лѣвую и Гаврыкивка по правую сторону отъ церкви. На Панькивѣ угловой кутюкъ Назарскій, гдѣ живутъ Назарци и Яромленки, за нимъ Богиничевскій, жильє древняго рода Богиничей, предокъ которыхъ, судя по фамиліи, былъ сербскимъ или черногорскимъ юнакомъ, а также: Савусей, Рѣзниковъ, Ковтюхъ, Харчуковъ и Федченковъ. На самой Панькивѣ, отъ мостика до церкви, живутъ Панченки и Павленки; за нею на Га-

---

1776 года, въ который, кромѣ тарандинцовскихъ перечисленныхъ древнихъ козацкихъ фамилій, вписаны еще: родъ благородной пани лубенской Софіи Орѣховской, родъ Евтихія Велички, Степана Яблонскаго, Павленчики Губской, Чернужскаго жителя Савелія Шостака, Лубенскаго атамана Павла Самуйловскаго, Федора Шамрицкаго лубенскаго и прихожаго Литвина Якова Васильева. На поминовеніе вписаны: лѣсъ—Кайдашемъ и нива въ Тарандивскомъ—Ризничкомъ.

1) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в.

2) $3\frac{1}{2}$ и 4% гумуса (Мат. къ оцѣн. зем. Полт. губ. II., 34).

врыквивѣ древнѣйшій¹⁾ родъ Гаврики, производящіе себя отъ польскаго выходца начала XVII в.; сѣвернѣе Гаврыквивки лежатъ: Пелыпынськый кутокъ, жительство Шостаковъ, и Ковалькивськый—Романють. Внизу горы—Бальвивка, Ручки и Малюквивъ яръ, жительство Онищенквивъ, а на восточной сторонѣ долины къ Тарандинцамъ—Кайдивка, занятая Павленками. „У Кайдивщины свичка горила, Мыкыта Дидыкъ тамъ гроши одкопавъ.“ Всѣ восемнадцать перечисленныхъ фамилій признаются коренными: „изъ ихъ семени пишло село“²⁾, старѣйшимъ же куткомъ считается Гаврыквивка,—тамъ среди горы и церковь св. Николая съ деревянной къ ней лѣстницей. Эта церковь новая, построенная въ 1872 г., старая же сгорѣла такимъ образомъ: „На страстяхъ хлопчккъ, попивъ сынъ, упустывъ на хорахъ свичку за шалѣвку, а тамъ булы горобьячи гнизда, стружки, и одъ того загорилось. Винъ никому не сказавъ. Було тепло и двери поодчыняни. Люде выйшли, роздывытысь, шо можно вынести. Иконостасъ, престоль, рызы и панькадыло знялы. Церковь и двоны погорилы. На паску очыстылы мисто и на тимъ мисти паскы святылы. Батюшка заболывъ, зробылось умопомипательство.“³⁾ Губское большое село. Уже въ 1861 г. въ немъ насчитывалось 1776 жителей, а къ концу вѣка число это возросло

1) Если не считать мнѣческаго осадчаго Губу, давшаго будто бы названіе селу. Названіе Губське можетъ въ переводѣ значить: грибное, обильное грибами, такъ какъ губы—грибы. По Лазаревскому (Лубенц. въ XVII и XVIII в., 58), село извѣстно съ 1-й половины XVII в.

2) По окрестностямъ села расположены слѣдующія урочища: Васюкова долина, Дубына, Ковалькова левада, Сваржынського долина, Губська долина, Майданы — «тамъ могилы скривъ посычани черезъ усе поле», Куди могылкы и Вельке озеро (мѣрой 10 дес.),—о немъ говорятъ: «Насередъ полявыны, на ривноти купья есть, а колысь кажуть бы то було село и провалылось. Балакалы, шо й собаки ягъ гавкалы — чутъ. За шо провалылось—незвисно (Тарандинцы). У велькимъ озери була слобода, було и я орю, то и черипья выорю. (Губское).

3) Отъ Р. Т. Степаненка.

до 2260. Населеніе козацкое, крестьянъ не болѣе сотни. Ихъ и совсѣмъ не было до 1752 г., когда Губское отдано Разумовскимъ ¹⁾ обозному Ивану Кулябкѣ. Никакихъ печальныхъ воспоминаній изъ временъ вѣрностнаго права не сохранилось; нѣкоторые мѣстные папы жили заодно съ крестьянами. „Панъ обидя за столомъ, люде пидъ прыпичкомъ. Панъ иде до млына безъ клунка, а крестьянка несе клунокъ“—только и различія. Губское—благосостоятельное село. Есть три семьи, обладающія ста десятинами каждая; семей 25 имѣютъ по 50 дес.; но не менѣе 50 семей существуютъ съ участкомъ въ 1—2 дес.; семей 20 совсѣмъ безземельныхъ. Цѣна земли, теперь доходящая уже до 200 р. за десятину, еще въ 60-хъ годахъ стоила 25—30 р. и вплоть до размежеванія—35 р. Изъ стараго документа Назарца видно, что 7 марта 1809 г., „продано въ полномочное, спокойное владѣніе оранки на два дни“ (т. е. приблизительно 1½ дес.) за 35 руб. Въ голодные годы земля въ Губскомъ, какъ и повсемѣстно въ Лубенщинѣ, шла за безцѣнокъ. Старожилы вспоминаютъ: „Выйхавъ чоловікъ зъ Духової, а другый зъ Губської, Лазоренко. За тры коробки борошна и за трое хліба узявъ Лазоренко 1½ дес. зъ того Духовського“. Подобныя сдѣлки заключались и въ предѣлахъ села. „Панченко узявъ у Богынныча тры десятины земли за тры четверыка хліба (18 пуд.) Дача при Губскомъ обширна, черноземная, поля въ четырехъ смѣнахъ, выгона 100 десятинъ. ²⁾ Населеніе исключительно земледѣльческое. Достаточность замѣтна во всемъ: въ постройкахъ, одеждѣ, лицахъ жителей, въ ихъ привѣтливости и гостепріимствѣ. Губщане средняго роста, широкоплечи, съ толстыми шеями и полными щеками, нѣсколько неуклюжи. Особенностью мѣстныхъ нравовъ является сохраненіе до настоящаго времени кулачныхъ боевъ. Бои происходятъ какъ въ предѣлахъ села, такъ и съ сосѣдними Тарандинцами. Предъ боемъ никакихъ предваритель-

¹⁾ Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58, и люди Стар. Малор. Кіев. Стар. 1885 г., V., 8.

²⁾ Сб. хоз. ст. Полт. губ., IV, 229.

ныхъ подразниваній не бываетъ.—Давай! кричать губщане съ своего холма.—Давай, давай!—отвѣчаютъ съ тарандиновской горы. Мѣстные жители рассказываютъ объ этой опасной забавѣ слѣдующее: „Зйдуться те село и те, и мальчымы начнуть, къ мальчыкамъ парубочки и. заведуть драку. Потимъ люде, чоловіки. Установа така, що лежачого быть нельзя. Губськи нагналысь, а я упавъ, и я иду мижъ губчанамы и мене не займають, ажъ покы я не дійду мижъ свои. Повернесся лыцемъ, тоди може быть упяты. Таки булы кулачки, що гора, якъ помість, излыта кровью, червона. У того пыка розбыта, у того зубъ, у того нисъ розбытый. Бувае такъ, шо зубы сципыть, шо пидводять и на витерь. Одна сторона якъ затопыть, такъ вылажуть уси. У насъ Голяды и Монастырни здоровійши люде, перви бойци на все село“ (Тарандицы).

—„Я пытавъ дида: одъ чого кулачки стали? Щипка и Шимлянський вывезуть видерь по 5 водкы, барыло. Якъ губщане проженуть, такъ и Щилкы пьютъ, а ежели проженуть тарандынцы губськыхъ, то Шимлянського пьютъ. И теперь кулачки йе, такъ нема водкы. Не хороше дило, чоловікъ тры дня не дожыве до выку. Бувае занедужа и померъ. Якъ упавъ—не трогай, устае—упяты валай. Я выйду було пидъ Тарандынцы, такъ и одного не налучу, сидають. Мени варунку не було зроду, не пухну. А инше у Риздво опухне, а въ жныва провалытса, каже: „хоть бы червы не зйили“ (Губское).

—„Бьютса було кутокъ на кутокъ. Ныже церкви часть видсила, а часть видтила (одъ Оныщеневивъ). Литъ сто тому назадъ кажуть и пипъ стоявъ за Назарцивъ та за Гаврычивъ,—пидпережеться, у кожушавци и иде; пидвяже платочкомъ бороду та тоди—ну бытса. И ёго не мыналы. Тилько лежачого обмынають, бижать за другымы. Одынъ разъ салдаты стоялы у Тарандынцахъ. Одынъ офыцеръ поступывъ видро водкы тимъ, котори подолють. И чергу назначывъ, куды доженуть. Бой сочыняетса на той биеъ мостка пидъ горою. Начынають изъ малыхъ, потимъ звидтила бильши. Потимъ якъ зачнуты! Губщане подолилы, выгналы на выгинъ до млынивъ, поровгонялы по дво-

рахъ. Бабы выходили съ кочергами. Було всёго, багато не подожывалы вику. Сельскій староста ишовъ зъ волосты и ударывъ ципкомъ Тарандынського, шобъ розигнать. Такъ воны волкамы быльсь. Салдаты давали помочи на кулачкахъ, хазяинъ иде и винъ иде. То салдаты або шапку схопыть, або въ рукавыци бруса та начне брусомъ посмалювать, або каминцемъ фунтивъ пять. А салдата застукають, то и ёму накладыть. Кулачки скільки разъ у годъ, зъ другого дня празныва и до окончанія, повы воду не освятять. Сей годъ (1900-й) днивъ два бытва була здорова. (Губское).

В. Милорадовичъ.

НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ.

(Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской).

I.

Въ исторіи общественныхъ движеній 60-хъ годовъ нѣкоторое мѣсто занимаетъ небезызвѣстная народолюбка и писательница Надежда Степановна Соханская (Кохановская). ¹⁾

Идеалистка высокой пробы, воплотившая отвлеченныя народническія воззрѣнія въ своихъ разсказахъ народно-сентиментальнаго, идиллическаго направленія, Соханская совершенно не извѣстна русской читающей публикѣ со стороны „хожденія въ народъ“ и тѣхъ практическихъ предпріятій, которыми она думала поднять умственное и матеріальное убожество „мужика.“ Этихъ предпріятій было, кажется, не много; да и тѣ оказались очень непрактичными, какъ можно судить по нижеслѣдующему разсказу объ организаціи ею братствъ и сельскихъ банковъ въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ юго-западнаго края.

---

¹⁾ Соханская Надежда Степановна (родилась 17 февраля 1825 г. † 3 декабря 1884 г.), дочь Степана Павловича и Варвары Григорьевны, урожденной Лохвицкой. Воспитаніе получила въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Она писала подъ псевдонимами: Надежда***, Кохановская и Макаровская.

Главнымъ источникомъ настоящей статьи служили непосредственно добытыя авторомъ собственноручныя письма Соханской-Кохановской, хранящіяся у разныхъ лицъ и въ архивѣ яполотской и степанской преображенской церкви. Письма Соханской, касающіяся яполотскаго и др. братствъ, имѣютъ безспорное значеніе для сужденія объ ихъ авторѣ. „Изъ всѣхъ рукописей Соханской-Кохановской, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей ея писемъ, въ высокой степени интересны письма самой Соханской, къ кому бы она ихъ ни писала. Это... автобіографія ея. Книжка ея писемъ была-бы истинно-благодѣтельною для многихъ молодыхъ сердець. Она писала свои письма съ полнымъ сердечнымъ участіемъ; она вкладывала въ нихъ душу живую. Сама она не обинуясь придавала имъ достоинство и громко говорила, что придетъ время, когда каждое письмо ея будетъ стоить 25 рублей. ¹⁾ Занимаясь маленькой, но не лишенной интереса „исторіей“ участія Соханской въ юго-западныхъ братствахъ и ставя себѣ задачей выяснить по возможности всѣ стороны неудачныхъ предпріятій Соханской на Волыни, я въ настоящей работѣ представляю сводъ всего добытаго по этому предмету матеріала.

По существу, это очень грустная исторія. Она лишній разъ убѣждаетъ читателя, какъ велико разстояніе между словомъ и дѣломъ лицъ, надѣленныхъ отъ природы хорошей способностью проектовъ, мечтаній и лишенныхъ вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ возможности осуществить хоть часть своихъ проектовъ въ дѣйствительности.

II.

Польскія движенія начала 60-хъ годовъ обратили на юго-западный край вниманіе многихъ русскихъ публицистовъ того времени. Яснѣе и громче говорилъ въ Россіи о дѣлахъ этого

---

¹⁾ «Русс. Обзор.» 1896 г. VI в. стр. 477.

края И. С. Аксаковъ въ своемъ „Днѣ“, на страницахъ котораго помѣщался матеріалъ, спеціально посвященный интересамъ западной и юго-западной Руси. Онъ посылалъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ для изученія русскихъ окраинъ. Въ журналѣ Аксакова помѣщались изрѣдка корреспонденціи подъ псевдонимомъ „Волынянинъ“ о. Василій Абрамовичъ, священникъ села Яполоти, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи. Этотъ священникъ и былъ косвеннымъ виновникомъ вмѣшательства Соханской въ дѣла яполотскихъ крестьянъ.

Но прежде нѣсколько словъ о селѣ Яполоти. Село расположено въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ ровенскаго уѣзда волынской губерніи. Земля болотно-песчаная, малоурожайная. Лѣса и болота окружали нѣкогда Яполоть со всѣхъ сторонъ. Крестьяне занимаются земледѣіемъ, вывозкой дровъ и отхожими промыслами. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ, почва изсыхла еще болѣе. Расширяющіеся съ каждымъ годомъ пустыри и песчанья заросли придаютъ окрестности грустный видъ. До ближайшаго города—50 в., до губернскаго—до двухъ сотъ верстъ.

Въ этомъ оторванномъ уголкѣ во время крѣпостничества страннымъ образомъ сошлись интересы *восьмерыхъ помѣщиковъ*, одновременно владѣвшихъ селомъ и претендовавшихъ на подневольный трудъ мѣстнаго крестьянина. Въ Яполоти въ 60-хъ годахъ, согласно метрическимъ даннымъ, было всего 45 дворовъ. Добрая часть села принадлежала крупному мѣстному помѣщику Радзивиллу, остальные 20 дворовъ дѣлились между 7 мелкими помѣщиками. Можно судить о положеніи крестьянъ. Они до сихъ поръ хорошо помнятъ свое недавнее прошлое. Старикъ яполотецъ охотно и теперь рассказываетъ, какъ онъ нѣкогда жилъ. Своего у него рѣшительно ничего не было, въ своей хатѣ нечего было ѣсть; ѣлъ онъ на дворѣ у пана, который, „какъ ласка его,“ могъ дать что-нибудь поѣсть за дневную работу. Характерно одно бранное выраженіе яполотца—„ахъ, ты панскій байструкъ.“¹⁾ Выраженіе само въ себѣ заключаетъ

---

1) «Байструками» въ Малороссіи называютъ незаконорожденныхъ.

свое достаточное основаніе. Если будущій историкъ мѣстнаго края пожелаетъ найти послѣ Яполоти мѣсто, гдѣ-бы условія крестьянина были еще хуже, — то сомнительно, чтобы его поиски увѣнчались успѣхомъ. Этими невозможными условіями быта объясняются тѣ черты забитости и угрюмости, которыми и теперь еще отличается типъ крестьянина с. Яполоти, не смотря на почти 40-лѣтіе его свободного положенія.

Здѣсь, по случайному стеченію обстоятельствъ, суждено было выступить въ роли народной піонерки Надеждѣ Степановнѣ Соханской-Кохановской. Судьба не могла, кажется, дать другого мѣста, на которомъ такъ безжалостно могли-бы разбитыя лучшія народническія предпріятія.

Дѣло было такое.

Въ 1865 году священникъ с. Яполоти, о. Василій Абрамовичъ послалъ И. С. Аксакову воззваніе, въ которомъ обращался къ русскимъ благотворителямъ съ просьбою помочь нуждамъ мѣстныхъ крестьянъ селъ Яполоти, Збужа, Вульки, Жалина и въ частности нуждамъ яполотской церкви. Чтобы чувствительнѣе тронуть сердца благотворителей, Абрамовичъ высокимъ стилемъ изобразилъ патріотическую ревность мѣстныхъ крестьянъ, связавшуюся въ противодѣйствіи польскому мятежу. Если вѣрить его словамъ, крестьяне не имѣли времени подумать о нуждахъ церковныхъ, а вооруженные пиками и ружьями бродили по лѣсамъ, не давая сформироваться бродягамъ послѣ разбитыхъ шаекъ въ новыя шайки, „Яполотцы молодцы,“ говорится въ воззваніи дальше, „сознають и самые недуги ихъ, послѣ того какъ сіи „молодцы“ передали не мало мятежниковъ въ городъ Луцкъ, въ военно-судную комиссію. Теперь они протягиваютъ руку помощи на храмъ ихъ ко всѣмъ христіанамъ Великоруссамъ.“ Въ томъ-же воззваніи священникъ писалъ, что имъ основано въ Яполоти братство (въ 1861 году), которое тоже нуждается въ помощи. Читатели ивъ дальнѣйшаго узнають, что братство не было основано въ 61 году и что выраженіе священника о братствѣ было фразой, рассчитанной лишь на возбужденіе благотворительныхъ чувствъ у читателей.

И. С. Аксаковъ, издававшій тогда „День“, помѣстилъ воззваніе въ 24 номеръ своей газеты въ отдѣлѣ смѣси. Воззваніе, дышущее нѣсколько личными планами автора, но съ увлеченіемъ написанное и помѣщенное въ извѣстномъ и столь распространенномъ тогда славянофильскомъ органѣ, нашло отзывъ нѣкоторыхъ благотворителей. Въ числѣ первыхъ отозвалась 75-ти - лѣтняя помѣщица села Макаровка, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, Варвара Григорьевна Соханская, приславшая на починку церкви 25 рублей. Въ небольшомъ письмѣ, написанномъ по этому поводу священнику с. Яполоти, Варвара Григорьевна говоритъ о необходимости благолѣпія церковнаго и о единой православной церкви въ польско-русскомъ краѣ. Кромѣ того Соханская извѣщала, что благотворители отозвуются на ихъ нужды съ разныхъ концовъ Россіи.

Въ м. августѣ 1865 года, по инициативѣ священника, въ с. Яполоти былъ созванъ сходъ около церкви, на которомъ письмо Соханской было прочитано крестьянамъ. На этомъ сходѣ священникъ впервые предложилъ мысль объ устройствѣ братства. Крестьяне не понимали, что такое братство; но съ предложеніями, на первыхъ порахъ ни къ чему не обязывавшими, согласились и въ числѣ первыхъ братицъ записали своихъ благотворительницъ Варвару Григорьевну и дочь ея Надежду Степановну Соханскую-Кохановскую.

Вспоминая впослѣдствіи обстоятельства своего вступленія въ члены Яполотскаго братства въ письмахъ, помѣщенныхъ въ аксаковской „Москвѣ“, Надежда Степановна такъ говоритъ.

„Посылая первый матушкинъ вкладъ въ братскую бѣдную казну, я должна была написать, и мое простое сочувственное письмо показалось добрымъ людямъ чѣмъ-то особенно заслуживающимъ ихъ вниманія, такъ что они, принимая матушку старшей сестрой, объявили мнѣ, что, по моему письму, братство, даже не испрашивая моего согласія, записываетъ меня въ свои младшія сестры. Это было два дѣла въ одиѣ и тѣ-же руки. Я потому и не искала сама записаться въ какое-либо братство, что все матушкино братское дѣло очень естественно

должно было лежать на мнѣ и вся переписка по немъ, хлопоты и сношенія итти неминуемо черезъ меня. Слѣдовательно, дѣло у меня было, а объ имени я не заботилась. Но вотъ и имя вспало на меня совершенно неожиданно. Не принять его? Отказываться отъ простоудшно предложенной чести быть младшею сестрою между 30-ю крестьянами неизвѣстнаго братства? Чтобы поступить такимъ образомъ,—я не могла. Но я и не съ радостью приняла это избраніе, а напротивъ, я его приняла съ заботою и мыслью о томъ, что я сдѣлаю, дабы мнѣ не даромъ носить это имя младшей сестры Свято-Георгіева Яполотскаго братства“. 1)

Намъ не удалось добыть „протокола“ (если такъ можно выразиться) яполотскаго собранія. Ни въ степанской волости, ни въ стидинской (сосѣднія съ с. Яполоть волости) этотъ протоколь, вѣжеться, не явленъ. По разсказамъ крестьянъ, постановленіе „громады“ писалъ одинъ солдатъ (кажется учитель яполотской школы) около церкви „на колодѣ“. Священникъ о. Абрамовичъ тотчасъ-же написалъ Соханской о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ ихъ пожертвованіемъ. Къ письму былъ приложенъ и „протоколь“ собранія. Изъ возникшей по этому поводу переписки между мѣстнымъ священникомъ и Соханскими оказывается, что священникъ и крестьяне, поднимая вопросъ о братствѣ, всю надежду по его устройству возлагали почему-то на Соханскихъ. Должно быть краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ писалъ объ этомъ Соханскимъ Абрамовичъ, судя по слѣдующему отвѣтному письму Соханской къ прихожанамъ.

„Съ большою радостью узнала я о начинающемся у васъ добромъ дѣлѣ объ устройствѣ братства, о которомъ мнѣ писалъ вашъ батюшка. Богъ да благословитъ ваше начинаніе, а св. великомученикъ Георгій 2) своими молитвами да испроситъ у Бога милостей на доброе дѣло. Знаменитыя братства, слагавшіяся постепенно и питавшія въ себѣ крѣпкую народную силу

1) «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волынъ»).

2) Церковь въ с. Яполоти построена въ честь св. Георгія.

православія украинской и литовской Руси, сдѣлали много въ свое время для края. Вамъ пришла хорошая мысль. Нужно только чтобы эта искра не погасла. Чтобы ей погаснуть,—я не думаю... Вашъ край, находившійся столь долгое время во власти поляковъ, и теперь требуетъ помощи со стороны истинно православныхъ русскихъ людей, которые, конечно, сердечно отзовутся, какъ только узнаютъ объ устроеніи братства. Горю желаніемъ видѣть васъ всѣхъ, дорогіе яполотцы, и быть можетъ буду у васъ осенью. Теперь-же посылаю пока свой русскій вамъ привѣтъ и прошу васъ обращаться ко мнѣ при всѣхъ затрудненіяхъ братства. Если я что могу, то помогу вамъ. Матушка вамъ кланяется.“¹⁾

Мать Надежды Степановны Соханской Варвара Григорьевна, не смотря на свой преклонный возрастъ, была женщиной воспримчивой, интересовавшейся народничествомъ и принимавшей живое участіе въ вопросахъ, касающихся народного быта. Ея мечтой была идея всеславянскаго единства. „Матушка моя была одною изъ старухъ, помолодѣвшихъ возбужденнымъ чувствомъ русскаго всенароднаго единства“,²⁾ говорила о своей матери Надежда Степановна.

Подъ вліяніемъ Соханскихъ былъ составленъ уставъ братства, въ которомъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе характерные—2, 9, 10, 11 и 12 пункты. Согласно второму пункту, цѣлью братства полагалось: „огражденіе православной вѣры и уставовъ святой нашей Церкви отъ всякой примѣси другихъ неправославныхъ исповѣданій, поддержаніе въ народѣ благочестія и миролюбія, содѣйствіе распространенію просвѣщенія и всегдашняя готовность содѣйствовать интересамъ и пользѣ Церкви, казны и государства.“ Девятый и десятый пункты касались устройства яполотскаго училища. Постановлялось—„поддерживать, сколько возможно, училище въ порядкѣ, снабжая его нужными по степени образованія книгами“ и заботиться о „пріумноженіи числа

¹⁾ Письмо Варвары Соханской отъ 13 іюля 1866 года.

²⁾ «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волинь», письмо 1-е).

учениковъ." Словомъ, долгъ братства, говорилось въ девятомъ пунктѣ, „стараться распространять грамотность въ народѣ сколько возможно въ обширномъ объемѣ“. Учителю яполотскаго училища—отставному вахмистру Нестерчуку—опредѣлялось жалованье въ 30 руб. и 20 корцевъ „збожа“ въ зернѣ. По десятому пункту предполагалось позаботиться о постройкѣ сельскаго училища или на громадской землѣ, или для этой цѣли купить землю у помѣщика. Одиннадцатый пунктъ гласитъ слѣдующее: „братство, въ случаѣ появленія какого-нибудь волненія близъ села Яполоти со стороны крамольниковъ Россіи, не только обязано донести мѣстной полиціи, но и само, по первому требованію, спѣшить на защиту любезнаго отечества.“ По двѣнадцатому пункту проектировалось изъ 200 рублей учредить сельскую вспомогательную кассу съ умѣренными процентами (3 коп. въ годъ съ рубля). Проектъ устава, при прошеніи о. Василя и прихожанъ, былъ представленъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1866 года на разсмотрѣніе Преосвященному Антонію, Архіепископу Волывскому.

Соханскія на первыхъ порахъ приняли дѣятельное участіе въ организаціи братства. Самый текстъ устава былъ составленъ ими и присланъ изъ Макаровка въ Яполоть. Имѣя многихъ знакомыхъ въ различныхъ кругахъ состоятельныхъ классовъ общества, Соханскія легко побуждали благотворителей къ пожертвованіямъ на братство. Пожертвованія церковными вещами и деньгами присылались въ Яполоть въ особенности послѣ того, какъ младшая братчица Н. С. Соханская выступила во многихъ періодическихъ изданіяхъ съ краснорѣчивой и увлекательной „просьбой“. Характерно по силѣ выраженія начало этой просьбы: „Выйти печатно и просить общество, какъ я выхожу и прошу, кланаясь по-русски на всѣ четыре стороны, для этого надобно вѣрить въ благородство своего общества, что оно не можетъ отказать въ просьбѣ“, такъ начиналась просьба. Изобразивъ далѣе въ увлекательныхъ, сильныхъ выраженіяхъ бѣдственное положеніе народа въ юго-западномъ краѣ, Надежда Степановна звала общество къ посильной помощи яполотскому братству,

членомъ котораго, какъ она сама говоритъ, „она была выбрана и записана безъ ея вѣдома“. „Глубоко убѣжденная, что добро должно быть совершеннымъ добромъ въ цѣли и средствахъ, я,—такъ оканчивала Надежда Степановна свою просьбу,—по совѣсти не могу прибѣгнуть ни къ лотереямъ, ни къ музыкальнымъ и литературнымъ вечерамъ. У общества есть и не можетъ не быть чистаго чувства христіанской любви, которое слышитъ зовъ и идетъ на помощь“.¹⁾

Соханская не ошиблась „въ благородномъ упованіи“. „Общество услышало мой зовъ, писала Н. С. Соханская, и во всю ширину Россіи отъ Томска до Кавказа прислало мнѣ свои приношенія на братскую помощь. Деньги были присланы изъ Петербуга въ количествѣ 369 руб. 16 коп.,²⁾ изъ Москвы 243 р.,³⁾ изъ Харькова и Изюма 74 р. 15 коп., изъ Кіева, Таганрога, Херсона, Одессы—44 р. 15 к., изъ Урюпинской станицы, Ставрополя, Тифлиса 170 р., изъ Томска—51 р.; всего 951 р. 46 к.“ Для глухого бѣднаго села такой капиталъ въ то время казался необыкновеннымъ. Кромѣ того пожертвованія присылались еще и вещами.⁴⁾ Къ этому должно прибавить, что „нѣкто купецъ Шодчинъ, находясь въ ссорѣ съ ближайшими своими наслѣдниками и минуя ихъ, отказалъ по духовному завѣщанію огромный капиталъ въ 200,000 рублей на церковь и благотворитель-

1) «Просьба» Соханской напечатана въ «Днѣ» 1860 г. № 52; переиздана въ сборникѣ М. Погодина «Утро».

2) Въ числѣ Петербургскихъ жертвователей были: графъ Борисъ Перовскій, пожертвовавшій 100 рублей, Дружининъ и сынъ 100 р., Николай Кузнецовъ 50 р., графъ Влудова 25 р., Потемкинъ—25 р., сенаторъ Корніолинъ-Пинскій 10 р. и др.

3) М. П. Погодинъ пожертвовалъ 200 р. графъ Сологубъ 10 р. и др.

4) Разныя вещи присланы были волынскимъ губернаторомъ Михаиломъ Чертковымъ, Борисомъ Перовскимъ, Кузнецовымъ, Пастуховымъ. Московскіе купцы въ этомъ отношеніи оказались особенно щедрыми.

ныя дѣла“. Изъ числа этихъ денегъ на яполотское братство предполагалось 5000 руб. Этотъ предполагаемый взносъ окрылялъ надежды Соханской. Она такъ была рада, что, по ея словамъ, „готова была взлѣзть на колокольню Ивана Великаго и кричать:— „Ой, спасибо тебѣ, златоглавая Москва...“ — „Мысль моей просьбы встрѣтили довольно сочувственно и въ самыхъ разнородныхъ слояхъ общества,—писала Соханская Аксакову,—и почти вдесятеро имѣю болѣе того, о чемъ просила. Мих. Петр. Погодинъ пожертвовалъ 200 р., Перовскій больше, чѣмъ на двѣсти. Я цѣлыми вязанками пишу отвѣтныя письма. У меня теперь не литературное, а жизненное дѣло на рукахъ! Благослови, Господи, довести до конца“. 1)

Эти деньги Соханская не нашла удобнымъ для себя переслать почтой. Она рѣшила лично ѣхать на Волынь, передать деньги и ознакомиться съ дѣлами братства. По поводу этой своей подписки Соханская писала И. С. Аксакову, съ которымъ находилась въ непрерывной перепискѣ: „Я должна была весной ѣхать въ Кіевъ и на Волынь, въ *свое* братство. По моей просьбѣ общество довѣрило мнѣ свои деньги, и я не смѣю и не могу, по мѣрѣ всѣхъ моихъ силъ, не отвѣчать на это довѣріе. Я сама ѣду—своими руками довести до мѣста деньги и, какъ поможетъ Господь, лучше устроить все дѣло... Маменька не только не удерживаетъ, а побуждаетъ меня къ тому. И первая мысль поѣадки на Волынь принадлежитъ ей. Я было отступила передъ ней. Скажите мнѣ ваше доброе пожеланіе. Я вѣрую въ силу сердечнаго слова.“ 2) „Чѣмъ болѣе я принимала этихъ благородныхъ приношеній, писала она черезъ годъ, тѣмъ живѣе у меня начало опредѣляться чувство той отвѣтственности, которая этимъ самымъ возлагалась на меня. Общество вниманіемъ и своимъ высокимъ довѣріемъ почтило меня и мои слова. Оно вручило мнѣ почти въ десять разъ болѣе того, что я искала получить.

1) «Русс. Обзор.» 1896 г. VI кн. письмо отъ 1 мая 1866 г.

2) Письмо отъ 1 мая 1866 г. «Русс. Обзор.» 1896 г. VI кн.

Распорядиться заглазно ста рублями еще было возможно, но о девятистахъ пятидесяти слѣдовало подумать. Кому, на чьи руки и подъ чью отвѣтственность я передамъ деньги? Положимъ, что уставъ братской помощи написанъ мною точно и опредѣлительно; но вслѣдствіе этой самой опредѣлительности, онъ довольно длинень, а братство сельское безграмотно. И уставъ написанъ по-русски; а на Волыни говорятъ нарѣчіемъ малороссійскимъ, испорченнымъ сильной примѣсью польскаго. Какъ его прочтутъ, и какъ растолкуютъ, и какъ его поймутъ? Если я искала получить деньги не для того только, чтобы одною рукою взять ихъ у общества, а другою передать кому случится,—то ни даже приходскому священнику, хотя бы и старшему братчику, я не могла, по совѣсти, сдать эти 950 руб. и думать, что все мною сдѣлано. Нѣтъ! Общество довѣрило эти деньги моему имени и моему слову, а никому другому. Я должна отвѣчать за самое вѣрное употребленіе ихъ къ той цѣли, для которой эти деньги пожертвованы. ¹⁾

Весной 1866 г. Соханскимъ не удалось однако быть на Волыни. Лишь осенью въ концѣ сентября того-же года Н. Степсъ матерью пріѣхали въ с. Яполоть, остановились у священника и на мѣстѣ познакомились съ положеніемъ новаго братства и его проектируемымъ уставомъ.

Раньше Соханскихъ въ Яполоть для знакомства съ юго-западнымъ краемъ и братствомъ пріѣзжалъ сотрудникъ „Дня“ Кокоскинъ, посланный сюда Аксаковымъ, но встрѣтилъ у мѣстнаго священника не особенно дружелюбный пріемъ. Размахистость натуры Кокоскина и нѣкоторая своеобразность костюма при смѣлости и широтѣ сужденій были достаточными основаніями для того, чтобы осторожный волынскій священникъ, привыкшій видѣть почти во всемъ польскую интригу, отнесся въ московскому корреспонденту съ подозрѣніемъ. Соханская, которой о. Абрамовичъ разсказалъ о посѣщеніи Кокоскинымъ с. Яполоти, впоследствии такъ написала объ этомъ Аксакову. „А знаете-ли,

¹⁾ «Москва» 1867 г. № 67.

кто священникъ моего братства, гдѣ я была? Вашъ корреспондентъ въ „Днѣ“, который подписывалъ „Волынянинъ“. Онъ очень комически рассказывалъ мнѣ, какъ явился къ нему Кошквинъ. „Богъ его знаетъ, что за пройма така? Рубашка красная, сапоги повстанскіе, шапка заломлена, на всю Волюнь козыремъ глядитъ! Не то полякъ, не то русскій! Вотъ напасть-то на меня, раба Божія, пришла! Хоть-бы отъ г. Аксакова у него записочка была, въ удостовѣреніе, что вотъ онъ отъ редакціи „Дня“. А то явился невѣдомо кто, не знаемъ откуда,—и рассказывай. Нѣтъ, я себѣ языкъ прикусилъ.“¹⁾ Аксакову Соханская писала о своей поѣздкѣ. Иванъ Сергѣевичъ очень интересовался западными окраинами и совѣтовалъ Надеждѣ Степановнѣ заняться описаніемъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній. „Я желаю имѣть у себя въ газетѣ вашу „Поѣздку на Волюнь“, писалъ онъ ей. Думаю, что общее наше русское дѣло отъ того выиграетъ... Не знаю, какую форму вы дадите вашему описанію, но для меня было-бы удобнѣе, если-бы вы придали ему форму писемъ.“²⁾ Весной 1867 г. Н. С. послала „Поѣздку на Волюнь“ и обѣщала подсылать по мѣрѣ продолженія. „Кажется, все-таки отдѣлы вышли длинноваты, писала она Аксакову, и если вы найдете ихъ такими, то я обозначила мѣста, гдѣ ихъ можно раздѣлить.“³⁾ Въ „Днѣ“ письма Соханской не могли однако появиться, потому что газета была приостановлена. Нѣсколько писемъ изъ „Поѣздки на Волюнь“ было помѣщено въ аксаковской „Москвѣ“ 1867 года. Нѣкоторые обстоятельства мѣшали систематическому появленію писемъ.

Въ Яполоти Соханскія съ живѣйшимъ интересомъ изучали типъ польшуконъ, имѣвшихъ въ своей жизни не мало особенностей. Не малороссы въ строго-этнографическомъ смыслѣ и не бѣлороссы, они своимъ смѣшаннымъ типомъ представляютъ много оригинальнаго, рѣзко бросающагося въ глаза для свѣжаго на-

1) Письмо Соханской Аксакову отъ 27 дек. 1866 г.

2) Письмо Соханской къ Аксакову отъ 6 дек. 1866 г.

3) Письмо отъ 11 марта 1867 г.

блюдателя. Забитость и умственное убожество при мягкости и неподвижности характера, незлобивость въ отношеніи въ евреямъ и полякамъ, косность въ хозяйственной области, крайняя непритязательность въ домашнемъ быту (курныя избы, пребываніе домашнихъ животныхъ въ одномъ помѣщеніи съ людьми)— вотъ основныя черты, характеризующія типъ волынскаго полѣшука и въ настоящее время.

Соханскія ѣздили по сосѣднимъ селамъ, разспрашивали обо всемъ, принимали участіе въ положеніи наиболѣе бѣдныхъ семействъ, записывали даже полѣвскія пѣсни, пословицы и побуждали всѣхъ интеллигентовъ, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться, заняться серьезнымъ изученіемъ этого края. Посѣщая мѣстныя, въ то время убогія, школы, онѣ экзаменовали учениковъ, раздавали имъ подарки и почему-то совѣтовали вести учителямъ дневники и присылать ихъ въ Макаровку. Для чего понадобились дневники Соханской, мы не знаемъ. Нѣкоторые изъ учителей посылали ей, кажется, какія-то записи.

Но главнымъ образомъ Соханскія интересовались, конечно, устройствомъ братства въ Яполоти. Рассказываютъ, что на первомъ сходѣ, созванномъ съ этою цѣлью „на цвѣтарѣ“, толпа попросила у Соханскихъ денегъ „на свою биднѣту“. Какой-то мѣстный грамотѣй подалъ ей по этому поводу прошеніе. У „доброй пани“ не хватило духу отказать бѣдной толпѣ почти нищихъ. Соханскія дали имъ „недѣльового“ (сходъ былъ въ воскресенье). Это было большою ошибкой въ исторіи устройства братства. На слѣдующій сходъ толпа почти удвоилась: пришли крестьяне сосѣднихъ деревень, до которыхъ дошелъ слухъ о необыкновенной благотворительности Соханскихъ. Въ мѣстныхъ кабакахъ пьянство усилилось. Крестьяне соглашались на все, только-бы получить что-нибудь съ „украинской пани“.

Всѣ благотворители зачислены были будущими членами проектируемаго братства (въ книгѣ, хранящейся при яполотской церкви, насчитываютъ до 40 братскихъ фамилій). Странно, что въ числѣ братчиковъ значились лица, жившія въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Киевѣ и не было *ни одного* интеллигента изъ

обывателей сосѣднихъ мѣстечекъ и городовъ (если не считать мѣстнаго священника).

Не забыта была благотворителями и бѣдная яполотская школа, попечительницей которой была избрана Надежда Степановна. Нѣкто Феодоръ Ивановичъ Рычинъ изъ Москвы въ мѣсяцѣ январѣ 1867 г. выслалъ на имя ровенскаго благочиннаго 55 книгъ въ яполотскую школу и церковную библіотечу. Съ книгами этими вышло недоразумѣніе. Ровенскій протоіерей о. Даніилъ Клюковскій, должно быть не разобравъ въ чемъ дѣло, раздалъ всѣ полученныя для братства книги по церковно-приходскимъ школамъ своего округа. Соханская возмущалась нерасторопностью протоіерея и даже жаловалась на него консисторіи. ¹⁾ Въ частномъ письмѣ къ Абрамовичу Соханская писала, что „такая небрежность благочиннаго возмутительна. Если городскіе протоіереи таковы, то каковы должны быть у васъ сельскіе священники и что, спрашивается, можно сдѣлать въ народѣ при такой небрежности со стороны лицъ, коимъ ввѣрено высокое попеченіе о духовномъ благѣ народа? Вы одинъ, батюшка, можете еще дѣлать дѣло и на васъ моя главная надежда: убѣждайте, говорите, проповѣдуйте неотступно и главное съ самоотверженіемъ, ибо безъ самоотверженія пастырская дѣятельность превращается въ ремесло, мало чѣмъ уступающее вузничеству, плотничеству и пр. Да, о. Василій, держайте и не падайте духомъ! Въ окружающемъ Васъ темномъ людѣ ищите сами себѣ поддержки. Вамъ ввѣрено попеченіе о сельскихъ школахъ, постарайтесь ихъ поставить какъ можно лучше. Хорошая школа въ народѣ это—свѣтъ Христовъ, проникающій души людей.—А относительно книгъ не безпокойтесь; я уже написала преосвященному и еще напишу, чтобы онъ принималъ соотвѣтствующія мѣры, потому что оставить этого дѣла нельзя.“ ²⁾ †

¹⁾ Жалоба Соханской писана отъ 13 дек. 1867 г.

²⁾ Письмо отъ 4 декабря 1867.

Между тѣмъ, уставъ братства ходилъ по различнымъ административнымъ инстанціямъ и разсматривался гражданскими и церковными властями. Преосвященный предложилъ его на разсмотрѣніе Волынскому губернатору генераль-майору Черткову. ¹⁾ Губернаторъ, по разсмотрѣніи, нашелъ уставъ составленнымъ неудовлетворительно: 11-й пунктъ оказался неумѣстнымъ, 12-й весьма неопредѣленнымъ, а въ 9-мъ были введены излишнія подробности. Уставъ былъ возвращенъ консисторіи, а консисторія возвратила его Абрамовичу для исправленія. ²⁾ Вернувшійся уставъ уже не засталъ о. Василя въ Яполоти, онъ былъ переведенъ въ Бѣлостокъ, лудскаго уѣзда. Исправленіе устава было поручено его преемнику свящ. Шумскому. Большой ошибкой епархіальнаго начальства было назначеніе въ с. Яполоть о. Шумскаго, человѣка узко-практическаго и съ странностями въ характерѣ (онъ черезъ нѣкоторое время повѣсилъ въ своей клунѣ). Мало-заинтересованный уставомъ братства, онъ отложилъ порученное ему исправленіе братскаго устава *ad calendas graecas*. На этомъ и остановилась дѣловая, —оффиціальная сторона братства. А Соханская посылала письмо за письмомъ и къ братчикамъ, и къ священнику и ждала „плодовъ отъ новонасажденнаго виноградника,“ какъ она выражалась въ одномъ изъ писемъ.

„Бога ради поторопитесь окончательной редакціей устава и представьте его куда слѣдуетъ, писала она яполотскому священнику (должно быть Шумскому, дата на письмѣ не обозначена). Вы пишете, что правительство не разрѣшило братства. Это не вѣрно, и вы своимъ несообразнымъ толкованіемъ только смущаете умы. Правительство только не согласно съ нѣкоторыми статьями устава, которыя нужно измѣнить или даже выбросить. Хотя и жаль вычеркивать одиннадцатый пунктъ, однако дѣлать нечего: воля высшаго начальства для насъ приказъ. Съ своей стороны мы должны стараться, чтобы сдѣлать

1) При отношеніи отъ 25 марта 1867 г. за № 215.

2) Указъ консисторіи отъ 15 іюня 1867 г. за № 5962.

Томъ 71.—Октябрь, 1900.

все, что отъ насъ зависитъ, дабы (не быть изболоченными въ неумѣннн взяться за дѣло. На нашемъ братствѣ, не забывайте этого, лежитъ святая обязанность просвѣтить народъ.“

Въ другомъ письмѣ Соханская, поздравляя прихожанъ съ наступающимъ церковнымъ праздникомъ, пишетъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „Ну, что-же нашъ новонасажденный виноградъ? скоро-ли онъ принесетъ желанныя плоды? Я положительно мучусь судьбой нашего братства, которое уже нѣсколько лѣтъ не можетъ даже дойти до своего устава. До какихъ поръ мнѣ ждать извѣстій о немъ? Сдѣлано-ли то, что я просила? Если вамъ, батюшка, нѣтъ возможности заняться уставомъ, то неужели въ селѣ не найдется грамотнаго человѣка, который переписалъ-бы уставъ и прислалъ-бы его по крайней мѣрѣ мнѣ? Какое невѣжество! Когда вы меня записали въ число братчицъ, я переболѣла душой за западно-русскій край и думала, что вы и сами не откажетесь отъ какой-нибудь работы, а теперь съ удивленіемъ вижу, что вы надѣетесь только на меня и должно быть ждете, чтобы я опять пріѣхала въ вашъ далекій край. Всѣ, что я могу сдѣлать, сдѣлаю и, если-бы не мое нездоровье, я, быть можетъ, пріѣхала-бы къ вамъ, но по нездоровью и домашнимъ обстоятельствамъ не могу. вмѣстѣ съ симъ я пишу вольнскому губернатору и преосвященному и прошу ихъ помочь вамъ. Но я знаю, что сами они ничего для васъ не сдѣлаютъ, если вы не позаботитесь о себѣ. Вѣдь когда (человѣкъ самъ о себѣ не заботится, то и Богъ ему не поможетъ, не то что губернаторъ.“ ¹⁾ Идеальные вопли народолюбки были тщетны. Оффиціальная сторона братства на этомъ остановилась и дальше не пошла.

III.

Не ограничиваясь устройствомъ яполотскаго братства, Соханскія задумали организовать братства меньшихъ размѣровъ

¹⁾ Отъ 5 апрѣля 1868 года.

въ сосѣднихъ селахъ Космачевѣ, Збужѣ, Золотолинѣ и др. Съ этой цѣлью онѣ во время своего перваго пребыванія на Волыни ѣздили по разнымъ селамъ, собирали гдѣ можно было сходы и толковали крестьянамъ о пользѣ братствъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Съ этой-же цѣлью Соханская кажется раздавала народу своего рода прокламаціи. До сихъ поръ еще среди грамотной части населенія ходитъ тетрадка съ надписью: „Привывъ къ братской помощи.“ Мы имѣли возможность видѣть одинъ экземпляръ этого призыва, хранящагося въ архивѣ спасо-преображенской церкви въ м. Степани. Приводимъ его дословно, исправляя орфографическія неправильности, допущенныя переписчиками. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Братства, это возможное исцѣленіе, это исторически передѣланное (переданное) намъ орудіе древней православной силы побороть нашего врага. Въ чемъ теперь весь вопросъ правительства и вся забота тѣхъ людей, у которыхъ болитъ сердце за западно-Русскій народъ? Въ томъ, чтобы высвободить народъ изъ подъ вліянія панства и жидовъ, которые не смотря на объявленную волю, держатъ бѣдное истощенное народонаселеніе въ самой тяжкой неволѣ—въ своей кабалѣ. И чтобы посмотрѣть, что это за панско-жидовская кабала? Загляните въ № 38 „Дня“, въ „Областное обозрѣніе“. Это ссуженный рубль за 100 и 130 процентовъ, оплачиваемыхъ работою! Это позорные 8 рублей обольщенной женщины и за которые однако-же взимается процента въ недѣлю по копѣйки съ рубля! Это 17 р. на цѣлый годъ закрѣпоценнаго въ работу человека по два дня въ недѣлю мужицкихъ (мужскихъ) и по одному женскому! И это еще вещественная цѣна, а во что поставить невестественную оцѣнку того, что является бѣднякъ съ поклономъ въ ноги пану или его клеверу жиду и слышитъ: „Что? Сладка Московская воля? Что-же ты не къ Москалямъ идешь, собачья твоя вѣра и собачья кровь (psia wiara i psia krew)!“ Во имя Христа Бога, во имя брата нашего единовѣрнаго и едино-Русскаго, изъ котораго тянуть жилы и надъ которымъ ругается исконный врагъ Христа и безумный врагъ всего, что есть Русское—братства,

возобновленные братства должны прийти на помощь! Снять поруганіе съ этой называемой Москвы, не дать убить вѣру въ насъ, нашего брата и, что важнѣе всего, братской помощью ослабить мертвый осель, который затягиваютъ они вмѣстѣ, жидъ и панъ, на шеѣ освобожденнаго народа. Но какъ сдѣлать? Въ чемъ можетъ состоять эта „братская помощь“. Въ ста рублѣхъ—которые пусть братчики, записавшіеся изъ насъ, постараются положить въ основу своихъ братствъ и сдѣлаютъ эту сумму братской помощьюъ въ своемъ приходѣ для всякаго, кому прежде нужно было идти продавать себя жиду, или отдаваться въ кабалу къ пану—сдѣлаютъ эти сто рублей приходскимъ заемнымъ банкомъ, изъ котораго братство будетъ выдавать свои суды за проценты; но эти проценты, безъ сомнѣнія, не могутъ быть ни панскими, ни жидовскими процентами. Эта сумма: сто рублей! намъ можетъ показаться ничтожною и не стоющею того, чтобы съ нею приступать къ дѣлу, но могу васъ увѣрить, она стоитъ великаго для бѣднаго народа. Его нужды потому то являются крайними вопіющими нуждами, что онѣ составляютъ послѣднее, въ чемъ можетъ себѣ отказать человѣкъ и бываютъ такъ ничтожно-малы, что не превышаютъ трехъ-четырехъ рублей—но эта трехрублевая нужда гнетомъ смерти лежитъ на Бѣлорусцѣ, обутомъ въ дрянныя лапти, одѣтомъ въ бѣлую безцвѣтную одежду и который ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиною и еще добавляетъ его древесной корой! Неужели вы думаете, что содержатель корчмы еврей, который съ тѣмъ вмѣстѣ держитъ все населеніе въ кабалѣ, имѣетъ всегда въ наличности болѣе, чѣмъ сто рублей, которые онъ раздаетъ на свои жидовскіе проценты? Нѣтъ, онъ очень часто не имѣетъ половины этой суммы; но все дѣло въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ селеніи, въ этомъ „родномъ краѣ долготерпѣнья“, гдѣ люди живутъ даже не на мѣдный грошъ, а на вѣники и на сушеные грибы—а государственную подать и еще теперь усиленную выкупною ссудою платятъ не грибами и не вѣниками—жидъ есть единственное лицо, которое звенитъ деньгой передъ бѣднымъ народомъ и у котораго рубль-два ли, но есть возможность получить взаимы,

не стоя уже ни за какими жидовскими процентами. И вот здѣсь-то именно на этой посредствующей ступени между государствомъ съ его необходимыми тяжелыми требованіями и бѣднымъ истощеннымъ народомъ съ его цѣлками, нашей общественной силою пусть воздвигнутся и станутъ возобновленныя братства съ ихъ сторублевой братской помощью—чтобы московская воля не показалась хуже царской неволи. Имѣющій уши слышать да слышать.... Аминь“.

Соханская умѣла писать... Сомнительно, конечно, чтобы кто либо изъ малограмотныхъ помѣщиковъ, слѣдуя призыву, заглядывалъ въ „Областное обозрѣніе“ „Дня“, едва-ли многіе изъ нихъ понимали смыслъ и значеніе братствъ, но самый фактъ существованія „призыва“ въ нѣсколькихъ спискахъ показываетъ, какъ высоко ставилъ полѣшукъ авторитетъ Соханской. Каждое ея слово звучало для него среди глухихъ лѣсовъ полѣсья, какъ символъ избавленія отъ нужды и экономическаго гнета и это слово, быть можетъ, тѣмъ болѣе его электризовало, чѣмъ менѣе онъ его понималъ. Неизвѣстно, какъ появился „призывъ“ въ видѣ литературнаго отдѣльнаго произведенія. Такъ какъ содержаніе „призыва“ за малыми исключеніями почти буквально схоже съ частью „Письма изъ Волини“, напечатаннаго въ 67 № „Дня“, то естественнѣе всего предположить, что Соханская прислала этотъ номеръ мѣстному священнику, а тотъ распространилъ его среди крестьянъ, придавъ ему форму призыва. Читатель изъ дальнѣйшаго увидитъ, что для такого предположенія есть основаніе.

Любопытна попытка Н. С. Соханской реорганизовать старинныя, такъ называемыя цеховыя братства въ м. Степани ¹⁾, ровенскаго уѣзда. —

Это мѣстечко и теперь считаетъ у себя болѣе десятка братствъ. Организованныя на началахъ литовско-польскихъ статутовъ и насчитывающія столѣтія своего существованія степанскія братства, съ прекращеніемъ польскаго режима въ краѣ,

¹⁾ Степани отстоятъ отъ Янолоти въ 20 верстахъ.

приняла очень своеобразную форму, въ которой существуют и до настоящаго времени. Степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія, уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ. Всѣхъ цеховыхъ братствъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать. До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями“. „Подскарбій“, (или „подскарбья“) — повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другого не въ правѣ ничего предпринять, даже открыть цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цехового совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цехового начальства составляютъ три „лавника“ (или „лавнички“), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха. Цеховые братскіе праздники, представляютъ въ настоящее время картину общаго пьянства. На праздникъ, кромѣ братчиковъ, могутъ присутствовать и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ постороннихъ посѣтителей. Цеховой праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается бессильною.

По сознанию самыхъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени; таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздниковъ цеховая кружка совершенно пуста. Сами крестьяне сознають, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только еврею Мошку.

Соханскія еще до приѣзда на Волянъ знали объ этихъ братствахъ, такъ какъ въ воззваніи Абрамовича, напечатанномъ въ „Днѣ“, было упомянуто объ одномъ изъ этихъ братствъ. Ознакомившись, по слухамъ, съ ненормальными сторонами этихъ братствъ, Надежда Степ. задалась цѣлью ихъ переустройства. Одно случайное обстоятельство содѣйствовало ея участию въ дѣлахъ степанскихъ братствъ. Во время пребыванія Соханскихъ въ Яполоти, чрезъ это село возвращались „изъ жнивъ“ (мѣстнаго отхожаго промысла, очень развитога здѣсь) нѣкоторые члены степанскихъ цеховыхъ братствъ (въ числѣ ихъ находился самъ цехмейстеръ ткацкаго цеха). Крестьяне были позваны въ училище къ Соханской, которая обстоятельно разспрашивала ихъ о братствахъ, школѣ и, какъ говорилъ мнѣ одинъ участникъ этой аудіенціи, „дала намъ явись книжечки и стильки грошей, скільки мы не заробылы на жниввахъ“. Быть можетъ сумма данныхъ денегъ сильно преувеличена въ воспоминавіяхъ крестьянъ, но безспорно, что заработки ихъ тогда были очень не велики, а Соханская, въ порывѣ своей симпатіи къ народу,

была щедрой благотворительницей. Для какого назначенія были даны Соханской деньги крестьяне не помнят; но деньги они взяли себѣ. Придя домой, крестьяне такъ расхвалили „чудную пани“, что многіе изъ почтенныхъ крестьянъ м. Степани потянулись въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ Яполоть за новыми подачками, но вернулись ни съ чѣмъ. Соханскія уже выѣхали изъ Яполоти въ свое имѣнье. Какія книжечки были даны Соханской и куда онѣ дѣвались,—никто ничего не можетъ сказать.

Участіе Соханской въ дѣлахъ степанскихъ братствъ было менѣе замѣтно, и потому степанскіе крестьяне мало помнят Соханскую. Сама она хорошо понимала, что воскресить прежнее значеніе братствъ было не въ ея силахъ. „Но вопросъ о самыхъ возобновляемыхъ братствахъ и возможной судьбѣ ихъ, говоритъ она, *привлекъ все мое вниманіе*. Быть тѣмъ, чѣмъ была и осталась въ исторической памяти благотворная дѣятельность знаменитыхъ братствъ, слагавшаяся постепенно и которая наконецъ впитала въ себя всю народно-православную духовную силу литовской и украинской Руси,—быть этимъ блѣдной тѣни, едва поднимающейся изъ гроба, конечно, нечего было ожидать. И однако же не ожидая на первыхъ порахъ многого—о самомъ существованіи возобновляемыхъ братствъ, являлся пытливый, неотступный вопросъ: жизнь ли въ нихъ, или одна вспышка, которая блеснетъ и погаснетъ? И вотъ, чтобы не погасла эта искра былой народной жизни, объявляющаяся въ наше время, мнѣ казалось необходимымъ дать церковнымъ братствамъ однажды навсегда залогъ, который бы упрачивалъ имъ существованіе помимо всѣхъ колеблющихся и преходящихъ личныхъ вліяній. Такой залогъ, которымъ бы братство, не оставляя своихъ приходскихъ попеченій о церкви, съ тѣмъ вмѣстѣ расширило свою дѣятельность, подступило бы съ нею къ самому народу и въ непроходимую чащу его крайнихъ вопіющихъ нуждъ могло-бы внести свою „братскую помощь“. ¹⁾

1) «Москва» 1867 г. № 67.

Чтобы поддержать эту „искру былой народной жизни“, Соханская писала мѣстнымъ священникамъ длинныя письма о значеніи братствъ. Одно изъ такихъ писемъ было адресовано степанскому священнику о. С. К—у ¹⁾. „Я узнала, что у васъ. о. С., издавна существуютъ братства, которыя, польско-латинскими обычаями, не только не содѣйствуютъ развитію добрыхъ понятій въ народѣ, но напротивъ разрушаютъ и тѣ понятія, какія сохранились въ немъ подъ покровомъ православнаго духовенства. Я очень была возмущена, когда услышала, что такое у васъ дѣлается по братству и потому намѣрена сказать вамъ, о. Симеонъ, нѣсколько словъ о значеніи братствъ въ русско-западномъ краѣ“. Далѣе слѣдуетъ на полторы страницы разъясненіе значенія историческихъ братствъ Львовскаго, Виленскаго, Острожскаго и др. „Братство—великое христіанское дѣло, пишетъ Соханская далѣе, но какъ можно допустить, чтобы такое дѣло получило столь неправильное теченіе, совершенно противное духу правительства. Развѣ знаменитые защитники православія для того основывали братства, чтобы ихъ преемники находили въ братскихъ суммахъ лишь одинъ источникъ для пьянства и народнаго безобразнаго разгула? Сердце мое сжимается, когда я узнала, какъ добрые и порядочные изъ прихожанъ даже совершенно непьющіе, напиваются именно въ братскій день; и главное суммы для этого берутъ изъ братской кружки, въ которой послѣ праздника не остается ничего. И хоть бы что нибудь осталось для храма Божія; я уже не говорю о разныхъ добрыхъ учрежденіяхъ, которыя должны бы поддерживаться на средства братства. Почему бы на эти братскія суммы, которыхъ, какъ я освѣдомлена, собирается очень много, но соорудить икону или по крайней мѣрѣ помочь бѣдной школѣ“. Посему, мой вамъ искренній совѣтъ, о. Симеонъ, употре-

---

¹⁾ Письмо отъ 28 іюня 1867 года (письмо сохранилось въ неоконченномъ видѣ). По странной случайности оно хранится у цехмейстера ткацкаго цеха въ м. Степани, хотя адресовано степанскому священнику.

бите все свое усиліе и пастырскій авторитетъ, чтобы вывести бѣдный народъ изъ его заблужденій; это прямое ваше дѣло, о которомъ вы дадите строгій отвѣтъ Господу Богу. Посылаю взносъ для братства 5 рублей и прошу васъ писать мнѣ обо всемъ, что касается вашихъ дѣлъ. Примите къ свѣдѣнію и то, что о степанскихъ братствахъ отъ меня послѣдуетъ особое донесеніе волынскому преосвященному, потому что этого дѣла такъ нельзя оставить“. Невѣдомо, куда пошли приславныя при письмѣ деньги, потому что записей о братскихъ суммахъ въ степанскихъ братствахъ не велось. Можно одно сказать, что не одно трогательное письмо на эту тему, должно быть, вышло изъ подъ пера отзывчивой народолюбки—и все таки результатъ дѣятельности Соханской на устройство братствъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, свелся къ нулю¹⁾. Съ какими подчасъ недоразумѣніями приходилось считаться Н. С. Соханской при устройствѣ братствъ, можно судить хотя бы по слѣдующей выдержкѣ изъ письма о. С. К.—го, писаннаго Соханской. Письмо въ черновомъ видѣ сохранилось въ бумагахъ, относящихся къ братствамъ преображенской степанской церкви. „Сегодняшняго дня 20 сего октября въ восемь часовъ вечера степанскіе жители крестьяне Максимъ Цецыкъ съ женою своею Агриппою, вятемъ Прокопіемъ и прочими братчиками, по прованію мнѣ неизвѣстными, вошли ко мнѣ въ домъ и какъ въ то время по хозяйскимъ занятіямъ не былъ въ домѣ, то они напали на жену мою безъ всякой причины, будучи въ разъяренномъ видѣ, ругаясь съ поносными словами, приговаривая, что я и жена моя воры и воровъ у себя удерживаемъ и болѣе. Какъ же это обидно для сана священника, и я съ женою моею невинно страждемъ на чести въ нынѣшнихъ крайнихъ обстоятельствахъ, что и дѣти больны“... и т. д. и т. д. „Посему вашу свѣтлость заблаговременно слѣшу увѣдомить, что если вы не войдете въ сіе дѣло братчиковъ съ аккуратною выправкою и удовлетвореніемъ

¹⁾ О степанскихъ цеховыхъ братствахъ и ихъ современномъ значеніи см. мою статію въ «Кіевск. стар.» 1890 г. VII.

за невинную обиду, то я теряю почву подъ собою. А что они (?) вамъ пишутъ, то все я предупреждаю суть клевета дрянного змія достойная. Настоящее письмо посылаю чрезъ нарочнаго въ Кіевъ "...(?) Такіе эпизоды въ понятіи священника удивительнымъ образомъ связывались съ реорганизаціей братства. И чего только, подумаешь, не доводилось читать Н. С. Соханской по поводу широко-задуманныхъ ею предпріятій. Конечно, изъ однихъ писемъ ничего не вышло.

IV.

Больше сочувствія въ народѣ нашли для себя попытки Соханской организовать для нуждающагося населенія сельскіе банки. Замыслы ея въ этомъ направленіи были очень широки. Къ осуществленію ихъ она побуждалась фактами еврейской эксплуатаціи, о которыхъ не могла не знать, побывавъ въ юго-западномъ краѣ. Еще въ своей „Просьбѣ“ она поэтому настойчиво проводила мысль о необходимости учрежденія въ краѣ приходскихъ заемныхъ банковъ по крайней мѣрѣ въ 100 руб. для того, чтобы избавить сельское населеніе отъ еврейской эксплуатаціи. По смыслу 12-й статьи братскаго устава, дѣйствительно въ селѣ Яполоти учреждался банкъ въ 200 руб. Уставъ банка о. Абрамовичъ съ братчиками предоставилъ выработать его основательницѣ. Надежда Степановна Соханская дѣйствительно составила 1-го октября 1866 года уставъ „Братской помощи на твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ“.

Эти основанія,—столь же мѣстами непрактичныя, сколько и наивныя,—во всякомъ случаѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманія—какъ фактическія данныя, свидѣтельствующія о попыткахъ практически разобратся въ одномъ изъ сложныхъ вопросовъ, объ устройствѣ сельскихъ банковъ,—до сихъ поръ еще представляючемъ много затрудненій для своего разрѣшенія. „Во-первыхъ,—помощь изъ банка дается только православнымъ,—гласить уставъ.—Во-вторыхъ, заемъ выдается на полгода; про-

центъ $\frac{1}{2}$ копѣйки съ рубля (въ братскомъ уставѣ проектировалось $\frac{1}{10}$ три копѣйки съ рубля въ годъ); въ третьихъ, единократно можетъ быть выдано нуждающемуся не менѣе рубля и не болѣе 15 руб.; въ четвертыхъ, ссуда дается на крестьянскія недоимки и подати прежде всего; въ пятыхъ, должникъ, не возвратившій черезъ полгода занятой суммы, не имѣетъ болѣе правъ получать деньги изъ банка; равнымъ образомъ отказывается въ займѣ и его дѣтямъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не выплатятъ долгъ отца; въ шестыхъ, проценты съ заемныхъ суммъ приращаются къ основному капиталу; въ седьмыхъ, братскія суммы должны храниться въ особомъ сундукѣ, въ восьмыхъ, для храненія и выдачи избираются періодически четыре крестьянина изъ каждаго села (т. е. Яполоти и приписанныхъ: Жалина, Збужа и д. Вульки); въ девятыхъ, эти хранители и распорядители суммъ избираются только на годъ; дважды въ годъ долженъ быть контроль суммъ (въ Воскресенье 23 Апрѣля и предъ праздникомъ Покрова); и, наконецъ, въ десятыхъ, „братская помощь учреждается добротными пожертвованіями русскихъ добрыхъ людей изъ Петербурга, Москвы и другихъ далекихъ городовъ Россіи и свидѣтельствуется подписью и печатью Надежды Степановны Соханской-Кохановской—младшей сестрицы“.

На такихъ „твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ“ въ с. Яполоти основался сельскій банкъ. Основной капиталъ его въ количествѣ 450 руб. сложился изъ 300 руб., пожертвованныхъ Надеждою Степановной, 100 руб. отъ полковника Никифора Ечева и 50 рублей Четверикова. Надежда Степановна ревностно и горячо принялась за устройство Яполотскаго банка. Она искренно вѣрила въ силу своего дѣла и продолжала его усердно и съ увлеченіемъ. Своими „пламенными“ письмами она побуждала своихъ знакомыхъ къ содѣйствію ея планамъ. До какой степени широки были ея планы о яполотскомъ банкѣ и какъ могли-бы при другихъ обстоятельствахъ счастливо пойти его дѣла,—можно судить по слѣдующему письму къ ней П. Н. Б., помѣщенному въ „Воляни“ Н. И. Петрова: „Г. Четвери-

ковъ надѣется въ скоромъ времени, писалъ Б., исполнить ваше желаніе учредить сельскій банкъ и на этотъ предметъ прислать въ распоряженіе ваше до 500 рублей. Поздравляю васъ съ такимъ блестящимъ релультатомъ, покорнѣйше прошу и впредь о нуждахъ вашего братства (о которомъ я много слышалъ отъ Б. А. Перовскаго) увѣдомлять меня и быть увѣренной въ полномъ моемъ участіи въ доброму дѣлу, вами предпринятому¹⁾. Но не суждено было устроиться Яполотскому банку на такихъ широкихъ и „неизмѣнныхъ“, какъ писала Соханская, основаніяхъ. Яполотцы не умѣли оперировать и съ сложными 450 рублями. Они поступили съ ними такъ, какъ и должны были поступить бѣдняки, предъ глазами которыхъ открылась для безконтрольнаго пользованія сумма въ 450 рублей. Не успѣла еще масса открыться, какъ масса нуждающихся явилась съ спросомъ и чрезъ нѣсколько недѣль весь почти капиталъ очутился на рукахъ заемщиковъ. Ни одна статья изъ составленнаго Соханской устава „Братской помощи“ не выполнялась. Проценты платились только на первыхъ порахъ, а затѣмъ совсѣмъ прекратились. Взявшіе ссуды въ 60 годахъ, держатъ ихъ до настоящаго времени, не выплачивая ни процента, ни заемнаго капитала. Въ числѣ первыхъ неплательщиковъ числился долгое время псаломщикъ яполотской церкви П. А., взявшій изъ братскаго капитала 20 рублей и заслужившій справедливое порицаніе отъ Надежды Степановны, которую братчики увѣдомляли иногда о давнихъ неплательщикахъ. „Это не простительно и неизвинительно ничѣмъ, писала по этому поводу Соханская, вѣдь если-бы А. взялъ эти деньги у жида, онъ-бы давно уплатилъ ихъ со всѣми жидовскими процентами“²⁾. Деньги брались все мелочами.

О распорядителяхъ (по смыслу 8 и 9 ст. устава) и помину не было. Собраніе четырехъ распорядителей изъ разныхъ селъ, кромѣ своего неудобства взаимнаго сообщенія, при даль-

1) «Волынь» Н. И. Петрова, примѣчаніе 369-ое.

2) Письмо Соханской отъ 2 марта 1878 г.

ности разстоянія селъ, было совершенно излишнимъ, такъ какъ банковый сундукъ скоро оказался почти пустымъ. Записная книга братской помощи представляетъ лабиринтъ безконтрольных, неопредѣленныхъ записей безъ обозначенія времени выдачи и срока отдачи. Достаточно сказать, что нѣкоторыя записи представляютъ собою такія строки: „№ 1—5 рублей, № 2—3 рубля, № 3—2 рубля и т. п.“, или-же такъ: „взято на Юрія (т. е. на праздникъ) 50 копѣекъ, да еще на преполовенье два злота“; или: „дано штрафу пять золотыхъ“... Кто взялъ, кому дано, о какомъ штрафѣ рѣчь—неизвѣстно. Записи велись какъ на досюточкахъ, такъ и въ записной книгѣ. Экстренныя выдачи помѣчались на косякѣ церковнаго притвора. Когда дѣла кассы окончательно запутались, братчики написали Соханской, чтобы она прислала еще денегъ на ихъ нужды. Соханская отвѣтила слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ.

„Привѣтъ мой братстау! Получила я ваше письмо, въ которомъ вы говорите о своихъ нуждахъ; и обрадовалась я и огорчилась. Обрадовалась я потому, что вы помните свою далекую братчицу, которая изъ далекаго края протянула свою руку помощи, а огорчилась узнавъ, какъ повели вы свои дѣла съ кассой. Развѣ можно поступать, какъ вы поступаете? Разобрать въ какихъ-нибудь полъ-года почти всѣ деньги безъ записей, безъ свидѣтелей и потомъ не отдавать ихъ, не смотря на требованіе старшихъ братчиковъ, могутъ только люди, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ понятій. А что-же глядятъ управители? или они быть можетъ думаютъ, что такъ и должно быть? Хуже всего попрошайство, когда человѣку не хочется самому работать. Вѣдь касса устроена для того, чтобы помогать неимущимъ, а не для всѣхъ; открылись деньги—и бери неимущій, а не всѣ кто хочетъ. До меня дошли даже слухи, что многіе берутъ деньги изъ кассы на попойку и пропиваютъ ихъ въ корчмѣ у невѣрнаго жида. Постыдитесь, люди добрые, своего званія! Вѣдь вы христіане, а ведете себя можно сказать въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуже жида. Передайте отъ меня неисправнымъ должникамъ, что я на нихъ гнѣваюсь и что если они не

внесутъ во время процентовъ, то я совершенно отступлюсь отъ братства ¹⁾).

Письмо, конечно, оказалось безсильнымъ исправить злоупотребленія. Эти злоупотребленія были, впрочемъ, совершенно понятны. Загнанный, забитый крестьянинъ, работавшій на восьмерыхъ пановъ, никогда не выдавшій денегъ въ большомъ количествѣ, но за то видѣвшій кнутъ въ рукахъ управляющаго, вдругъ неожиданно очутился въ сосѣдствѣ почти полъ тысячи рублей и при томъ очутился съ сознаниемъ, что во всякое время онъ можетъ взять изъ этой суммы сколько нужно. Соблазнъ былъ великъ... и касса расплылась. Въ этой исторіи заставляеть говорить о себѣ не столько мужикъ, сколько наивная учредительница банка, полагавшая, что дать въ руки старшихъ крестьянъ деньги и написать уставъ для ихъ пользованія—значить помочь крестьянамъ въ ихъ нуждахъ.

Должно быть братчики не разъ безпокоили Соханскую письмами о неустройствѣ своихъ дѣлъ, потому что въ 1877 году Соханская нашла нужнымъ вторично пріѣхать въ Яполоть. Ей представили счетныя книги. Съ большимъ трудомъ могла свести она счеты банка (по ея повѣркѣ братскій капиталъ равнялся 538 руб., да кромѣ того училищныхъ 200 рублей). На общественномъ сходѣ Соханская предложила, между прочимъ, въ 1877 г. дѣлать всѣмъ братчикамъ ежегодный взносъ по 30 коп. Сходъ принялъ предложеніе, и, дѣйствительно, за первый годъ деньги были внесены (Соханская прислала отъ себя 3 рубля), но на слѣдующій годъ братчики сказали, чтобы „имъ еще кто далъ по два злоты“, и взносы прекратились. Потерявъ всякую надежду научить крестьянъ правильному веденію дѣла, Соханская соглашалась даже нарушить нѣкоторыя статьи своего устава и требовала уплаты денегъ только съ неисправныхъ должниковъ. Вотъ что она писала священнику изъ Магаровки: „въ нашемъ Георгіевскомъ братствѣ приближается покровскій

---

1) Письмо Соханской отъ 5 февр. 1877 г.

срокъ уплаты суммы и процентовъ. Потрудитесь сказать завѣдующему суммой, чтобы сполна требовалъ деньги только съ тѣхъ, кто былъ давнимъ должникомъ и до моего приѣзда по 6 и 10 лѣтъ не вносилъ ни процента, ни столба, а другіе, кто желаетъ оставить за собою деньги, пусть только вносятъ проценты безотлагательно“... ¹⁾ Но это была напрасная просьба: долги не возвращены и до настоящаго времени. Не безъ труда намъ удалось установить количество заемщиковъ за слѣдующіе годы: 1866 г. съ 1 октября по 1 янв. было 40 заемщиковъ, за весь 1867 г.—50 человекъ, пользовавшихся ссудой (за эти 1½ года видны еще попытки платить проценты). Съ 67 по 81 годъ объ операціяхъ банка нѣтъ извѣстій. Въ 1881 году было 20 заемщиковъ; въ 1882 г.—14; въ 1883 г.—16; въ 1884 г.—14; въ 1885 г.—5; въ 1886 г.—9; въ 1887 г.—2. Вслѣдствіе невозможности сбора банковыхъ займовъ и отсутствія болѣе прочныхъ гарантій возвращенія ссуды, яполотская касса истощила свои деньги и прекратила свое существованіе. Жаль, что въ числѣ розданныхъ безвозвратно суммъ числится 200 рублей училищныхъ, которые при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ могли-бы оказать большую матеріальную поддержку очень бѣдному яполотскому сельскому училищу, которое и теперь еле влачитъ свое существованіе.

Надежда Степановна, повидимому, задалась цѣлью раскинуть цѣлую сеть ссудо-сберегательныхъ кассъ въ этомъ глухомъ уголѣ. Извѣстно, что такіе же банки, только съ меньшимъ капиталомъ были основаны Н. С. Соханскою въ с. Тростенцѣ (въ 200 руб.), въ с. Космачевѣ (въ 100 руб.), въ д. Чудвахъ (въ 100 руб.). Эти ссуды, получившія ту-же организацію, пошли по слѣдамъ яполотской ссуды и ихъ постигла та-же участь. Сама учредительница отказалась разобраться въ дѣлахъ и операціяхъ этихъ второстепенныхъ банковъ. Впослѣдствіи мѣстнымъ мировымъ посредникомъ былъ поднятъ проектъ взысканія этихъ суммъ полицейскимъ порядкомъ чрезъ волостныхъ

---

¹⁾ Письмо отъ 22 авг. 1877 года.

правленія. Но такъ какъ опредѣленныхъ документовъ о ссудахъ не сохранилось, а сохранившіяся бумаги (лоскутки) давали слишкомъ неустойчивыя данныя для возбужденія дѣла, то проектъ былъ оставленъ.

V.

Въ организаціи какъ братствъ, такъ и банковъ заслуживаютъ быть отмѣченными двѣ особенности. Во-первыхъ, учрежденія открылись и стали дѣйствовать раньше своего оффиціального утвержденія. Они жили, пока могли, и кончились, не получивъ оффиціальныхъ правъ на существованіе. Во-вторыхъ, всё, что было тогда интеллигентнаго въ деревнѣ, было отстранено отъ участія въ дѣлахъ кассы и братства. Не будемъ говорить о сосѣднихъ мѣстечкахъ (родъ посадовъ)—Степани и Деражномъ, гдѣ, конечно, могли бы найтись интеллигентныя лица, для которыхъ возможно было-бы участіе въ дѣлахъ братствъ, но даже сельскій священникъ съ причтомъ совершенно былъ оставленъ въ сторонѣ и не причастенъ ни къ дѣламъ братства, ни къ дѣламъ сберегательной кассы. Только о. Василій Абрамовичъ, какъ основатель братства, имѣлъ кой-какое отношеніе къ кассѣ. Живя уже въ Бѣлостоѣ, онъ прїѣзжалъ иногда въ Яполоть, интересовался положеніемъ братскихъ дѣлъ и даже контролировалъ братскія суммы, какъ объ этомъ можно заключать, напримѣръ, изъ одной приписки, сдѣланной имъ въ братской книгѣ противъ записи о пожертвованныхъ въ 1867 г. 50 руб.: „А гдѣ эти деньги? Забрать справки. Старшій братчикъ В. Абрамовичъ“. Слѣдовавшіе за нимъ священники: Шумскій и Снѣгуровскій не имѣли никакого значенія въ братскихъ дѣлахъ. Эта особенность находитъ, впрочемъ, для себя достаточное объясненіе въ томъ, что Соханская первоначально мало довѣряла приходскимъ яполотскимъ священникамъ. Ея симпатіи, какъ искренней народницы, болѣе тянули къ простому народу, въ простоту и чистосердечіе котораго она вѣрила. По-

ощренныя близкимъ участіемъ къ себѣ Соханской и пріобрѣвши въ лицѣ ея вліятельную защитницу своихъ интересовъ, крестьяне начали сильно злоупотреблять довѣріемъ своей благотворительницы. Они то и дѣло посылали въ Макаровку письма, писанныя сельскими полуграмотѣями и выполненныя жалобами на священниковъ и помѣщиковъ. Старшая братчица, помогшая крестьянамъ на нѣкоторое время, естественнымъ ходомъ дѣлъ превращалась въ судью для разбора житейскихъ недоразумѣній между крестьянами—съ одной стороны, и батюшками и помѣщиками—съ другой. Эта роль была совсѣмъ не въ духѣ Соханской.

Въ письмахъ къ своей благотворительницѣ они величали её „свѣтлостью“, „сіятельствомъ“ и даже „фрейлиною при дворѣ“. Замѣчательно, что эти эпитеты, безспорно вызванныя уваженіемъ къ необычайной благотворительности Соханской, ввели въ заблужденіе и автора статьи о япологскомъ братствѣ подъ заглавіемъ: „Свѣтлыя страницы изъ лѣтописи Яполотскаго Георгіевскаго братства, состоящаго подъ покровительствомъ фрейлины Ея Императорскаго Величества Надежды Степановны Соханской-Кохановской“. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно, что составляло собственно свѣтлыя страницы этой кутерьмы, которую неизвѣстному автору вышеприведенной статьи угодно было назвать „лѣтописью“.

Соханская принимала всѣ письма и жалобы братчиковъ къ сердцу. Довѣріе Соханской къ крестьянамъ и ихъ жалобамъ доходило до того, что она посылала имъ въ черновой прошеніе на священника Шумскаго къ епархіальному начальству. Во время своего пребыванія въ Яполоти, благотворительница посѣщала многихъ крестьянъ, принимала къ сердцу ихъ нужды, радовалась всеобщему сочувствію къ себѣ народа, выразившемуся, напримѣръ, въ томъ, что при каждомъ вѣздѣ въ каждое село ее встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Но, къ сожалѣнію, Соханская не умѣла отдѣлать въ этихъ оваціяхъ показную, театральную сторону отъ существенной. Дѣло въ томъ, что при каждой подобной встрѣчѣ она вела на столъ нѣсколько ассигнацій встрѣчавшимъ ее крестьянамъ. При каждомъ ея вѣздѣ

представлялся, такимъ образомъ, удобный случай поживиться на счетъ благотворительнаго кошелька Надежды Степановны. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, обиліе вѣздныхъ торжествъ, которыя крестьяне устраивали для Соханской. Къ какимъ подъ-часъ печальнымъ недоразумѣніямъ приводили подобныя оваціи, можно судить по слѣдующему факту. Однажды къ Надеждѣ Степановнѣ пришелъ одинъ отставной солдатъ съ жалобой, что „громада“ отнимаетъ у него деньги, данныя ему Соханскою за хлѣбъ и соль, выставленные имъ при вѣздѣ благотворительницы въ Яполоть, „тогда какъ хлѣбъ и соль, навивно прибавлялъ солдатъ, принадлежать не громадѣ, а мнѣ... а я, извѣстно, человекъ бѣдный“ и проч. Положеніе Соханской было крайне щекотливое...

Вмѣшательство Соханской въ церковныя дѣла испортило отношенія между священникомъ с. Яполоти и крестьянами. Привыкнувъ вѣдаться лишь съ Соханской, братчики часто враждовали съ священниками, не обращали вниманія на ихъ заявленія и часто противились ихъ требованіямъ. Священнику с. Яполоти приходилось лавировать, угождать Соханской и прихожанамъ.

Трудно сказать, къ чему привело-бы такое положеніе дѣлъ, если-бы для Соханской, со времени ея втораго визита въ Яполоть (въ 1877 г.), не наступилъ періодъ разочарованія въ основанномъ ею братствѣ. А разочароваться было чѣмъ. Дошло до того, что дѣла ссудной яполотской кассы сосредоточились въ рукахъ одного крестьянина, который, нацримеръ, выдавалъ деньги нуждающемуся только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдній угощалъ его и братчиковъ водкою, а безъ водки: „нема грошей“, говорилъ онъ. Нежелавшій платить процентовъ обыкновенно освобождался отъ нихъ послѣ того, какъ достаточно угостилъ свое братское начальство. Эги и подобные имъ факты не могли быть неизвѣстными Надеждѣ Степановнѣ, которая могла дѣйствовать лишь однимъ орудіемъ—пламеннымъ перомъ, не приносящимъ на этотъ разъ никакой пользы.

Переписка Соханской 80-хъ годовъ съ о. Іаковомъ Тарановичемъ (новымъ священникомъ с. Яполоти послѣ Снѣгуровскаго) даетъ возможность документально показать, какъ постепеннымъ разочарованіемъ въ братчикахъ Н. С. Соханская постепенно измѣнила и свою политику по отношенію къ яполотскому братству. Сохранившіяся у о. Іакова письма Соханской, дышущія неподдѣльнымъ чувствомъ и чистосердечіемъ, представляютъ небезынтересный психологическій матеріалъ для изученія этой замѣчательной женщины, умѣвшей какъ горячо любить, такъ и ненавидѣть.

„Съ большимъ огорченіемъ прочла я ваше письмо. Терпѣніе, терпѣніе и одно терпѣніе, которое можетъ дѣлать дѣло вообще въ жизни нашей, а тѣмъ болѣе въ вашей, пастыря строптивыхъ духовныхъ овецъ, невѣжественныхъ и грубыхъ и гордыхъ этой сухой невѣжественностью и грубостью. Созижди вамъ, Господи, эту твердыню, въ которой-бы можно было укрыться, не изнемогая нравственно и не падая въ тягчайшее изъ золь—уныніе!.. Въ утѣшеніе ваше и свое собственное я вамъ передамъ слова покойнаго Высокопреосвященнаго Филарета Московскаго, который, вообще, въ духовныхъ дѣлахъ своихъ и своихъ взглядахъ выражался свѣтло и мѣтко. Такъ онъ сказалъ однажды, что „дѣла дѣлаютъ не люди, а человѣкъ“. Много-премного можетъ собраться людей и всѣ они будутъ кричать, спорить, толковать, а дѣло сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, молча и терпѣливо. И этимъ человѣкомъ все-таки приходится вамъ быть; итакъ, почтеннѣйшій о. Іаковъ, дѣлайте ваше дѣло, какъ душевный подвигъ, въ терпѣніи; простите этой грубой злобѣ, клеветѣ, какъ и Христось простилъ всѣмъ намъ“. Соханская совѣтовала для устройства иконостаса выписать „иконостасныхъ дѣлъ мастера и живописца Рыжкова“. „Тогда, говоритъ она, вся ваша мѣстность узнала-бы, какъ украшаются святыя церкви въ великой Россіи“. „Впрочемъ, прибавляла она, дѣлайте, какъ знаете... Заранѣе я говорю вамъ, т. е. братству, что я все дѣло сдѣлала: написала св. иконы, а въ ваше общее крикливое и спорное дѣло я не стану мѣшаться“. Характери-

стиченъ post scriptum этого письма: „я бы написала братству и попеняла бы ему, что такое святое и великое дѣло, какъ обновленіе святаго храма, они начинаютъ омерзительнымъ и, можно сказать, богохульнымъ поступкомъ: пьянствомъ у жида и взяточю у мастера въ три ведра водки,—т. е. дѣло Господне начинаютъ не съ молитвою и благословеніемъ отца духовнаго, а мерзко и отвратительно пропиваютъ его на могорычѣ. Но я боюсь, что такое мое обращеніе къ братству еще болѣе повредитъ вамъ: васъ назовутъ ябедникомъ и проч. Поступайте, какъ найдете лучше“. ¹⁾

Большою силою справедливаго негодованія и оскорбленнаго чувства недостигнутой цѣли, непонятой дѣятельности, дышитъ слѣдующее письмо: „что-то сердце мое не чувствуетъ отрады и отказалось отъ всякаго желанія безъ силы исполненія..; и васъ и меня огорчаютъ однѣ и тѣ-же дѣла нашего несчастнаго братства, отъ котораго въ душѣ я уже совершенно отказалась. Никакой простоты и мягкости сердечной не оказалось въ этихъ людяхъ, надменныхъ и грубыхъ, именно „жестовыйныхъ“, какъ упоминается въ Священномъ Писаніи. Св. великомученикъ Георгій взискалъ ихъ своей милостью... Онъ изъ-за тысячи верстъ привелъ людей, которые не почему другому, какъ только по дѣйствию христіанской любви и готовы были, и сдѣлали, что могли, въ помощь и наученіе бѣднаго заглохшаго народа... Совершенно угнетеннымъ людямъ дарствовалась свобода, и эту-то свободу хотѣлось просвѣтити школою и оживотворить союзомъ освященнаго историческаго братства. Вы на мѣстѣ знаете, какъ первый свидѣтель и цѣнитель этой свободы, какъ она постоянно ведетъ къ одному: къ распрямъ, къ несогласію, къ совершенной невозможности, даже при деньгахъ, завести мало-мальски порядочную и постоянную школу. Совершенно въ микроскопѣ польскій сеймикъ, гдѣ возгласъ одного „не позволяемъ“ пріостанавливалъ совершеніе всякаго дѣла. Душа моя отврати-

---

¹⁾ Письмо отъ 11 іюля 1881 г.

лась отъ этихъ грубыхъ и гордыхъ нелюбовныхъ людей. Я ничего ни знать, ни слышать не хочу о нихъ больше". 1)

Сохранилась цѣлая конфиденціальная переписка между Соханскою и яполотцами. Братчики очень дорожатъ письмами Надежды Степановны и не соглашаются показать ихъ даже своему батюшкѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кохановская писала между прочимъ: „Яполотскому Св.-Георгіевскому братству. Увѣдомляю братство, что я получила письмо, которое года черезъ четыре братство вздумало написать ко мнѣ. Не отвѣчала я потому, что, во-первыхъ, я была тяжело больна; а, во-вторыхъ, не заслуживаете вы отвѣта той, которая за 1000 верстъ обратилась къ вамъ съ любовію и сдѣлала для васъ то, что ни отцы, ни матушки ваши не могли для васъ сдѣлать. И чего я желала и просила у васъ? Чтобы у васъ была школа; что если вы сами, отцы,—грубые и невѣжественные, то чтобы дѣти ваши стали лучшими, узнали законъ Божій, научились читать святаыя молитвы правильно и смысленно, и могли-бы вамъ—своимъ родителямъ—въ хатахъ вашихъ читать св. евангеліе и смягчать жестокия и злобныя сердца ваши. Что же, вы послушали меня? Въ послѣдній свой пріѣздъ, прощаясь, я со слезами просила васъ: „живите мирно! На то и братство, чтобы между вами были любовь и согласіе и усердіе ко всякому общему дѣлу, церкви касающемуся, школы, наученія дѣтей уму и добру“. А вы какъ исполняете мою просьбу? Что ни лучше найдется учитель въ школѣ, то вы тѣмъ хуже поступаете съ нимъ. Когда три-четыре человекъ пошлютъ дѣтей учиться, а пять-десять злобствуютъ, не хотятъ учителя знать и всячески стараются выжить его изъ училища. Постыдитесь добрыхъ людей и бойтесь Господа Бога! Семь лѣтъ тому назадъ, когда я была у васъ, вы уже говорили о колокольнѣ и теперь еще не приступили къ постройкѣ и пишете мнѣ, чтобы я отсюда выхлопотала вамъ планъ. Когда вамъ понадобился планъ, который вы, по лѣности вашей и нерадѣнію, не успѣли выхлопо-

1) Письмо 17 марта 1883 г.

тять, тогда вы два письма написали ко мнѣ, а сколько годовъ прошло, что вы, братство, и не думали вспомнить, что у васъ есть далекая сестра; жива-ли она, или умерла? Да, она жива, чтобы сказать вамъ эти горькія справедливыя слова". 1)

Для сужденія о Соханской особенно характерно послѣднее предсмертное ея письмо. „Поздравляю васъ съ приближающимся днемъ нашего общаго празднества св. Великомученику. Въ прошломъ году, въ этотъ самый день началась моя тяжелая смертельная болѣзнь, отъ которой меня возстановило таинство св. Елеосвященія; но задатки ея остались и теперь оказываются въ полномъ ихъ развитіи. Въ прошломъ октябрѣ я ѣздила въ Москву лечиться, слегла тамъ отъ другой простудной болѣзни, едва не умерла и едва могла добраться домой къ празднику Рождества Христова. Какъ ни думали меня заговорить московскія знаменитости, но теперь это уже несомнѣнно, что у меня ракъ внутри. Обыкновенная медицина его не излѣчиваетъ, но электро-гомеопатія гр. Матеи даетъ средства, и вотъ употребляю эти средства и по описанію нахожу, что у меня болѣзнь уже въ такомъ періодѣ развитія, когда и средства Матеи ничего не помогутъ. Слѣдовательно, нужно смотрѣть тяжелой, страдальческой смерти прямо въ глаза со смиреніемъ и терпѣніемъ и покорной преданностью въ волю Божию. Благословимъ Отца и Сына и Святаго Духа, лобывая милующую и карающую насъ по грѣхамъ нашимъ десницу Господню! Это мой удѣлъ отъ Бога, и я должна принять его и потрудиться въ немъ. Помогите мнѣ вашею высокою и священною молитвою и именно молясь о дарованіи мнѣ смиренія и терпѣнія, потому что вы знаете: „духъ бодръ, а плоть немощна“. Въ великую субботу я сподобилась приобщиться св. Таинъ у себя, въ домѣ и всю пасхальную ночь провела, бодрствуя въ креслѣ; но на другой день св. праздника началась у насъ какъ-бы осенняя погода, дождь съ снѣгомъ, буря, и теперь тре-

---

1) Письмо отъ 23 мая 1883 г.

щать морозы, не переѣбняются; такъ что я даже не выглянула еще изъ комнаты и всю свѣтлую седмицу перетомилась, вставая съ постели, чтобы опять лечь. Вотъ вамъ мои обстоятельства не въ жизни, а къ смерти. Передайте мой поклонъ, прощаніе и прощеніе братству. Оно, кромѣ огорченія, ничего не принесло мнѣ и ничѣмъ не порадовало мою душу. ¹⁾

Р. С. Заказала на чугунно-литейномъ заводѣ большой крестъ на оградку, гдѣ покоятся мнѣ присные и гдѣ я сама надѣюсь скоро лечь. Какъ у васъ народъ? У насъ совсѣмъ обнищала пятилѣтнимъ неурожаемъ и нарядами молодежи. Что заработали сынъ и дочь, все убито на наряды, а въ семью на хлѣбъ—ничего. И что ни самая парадная на улицѣ дѣвка и пара,—то и самая голодная въ домѣ. ²⁾

„Адресованное въ глухую деревню къ смиренному деревенскому священнику, это письмо, говоритъ Русскій Странникъ, настолько характеризуетъ покойную писательницу, что было-бы искренно жаль, если-бы ея будущій біографъ не воспользовался этимъ цвѣткомъ, достойнымъ украсить ея могилу и заставить потомство уважать ея память не только какъ писательницы, но и какъ истинно-русской женщины. „Съ 14 окт. я вся опухла; открылась водянка. Вамъ не надобно говорить, что это значить. 22 окт. я сподобилась приобщиться св. Тайнъ и принять великое елеосвященіе“. ³⁾

Надежда Степановна умерла въ декабрѣ 1884 года. Съ ея смертію и кончилась вся лѣтопись Яполотскаго Георгіевскаго братства. Начатое по личной инициативѣ предприимчиваго о. Василя Абрамовича, поддерживаемое капиталомъ и вліяніемъ Соханской, призвавшей къ матеріальной помощи братству многихъ благотворителей, братство кончилось и должно

¹⁾ Письмо отъ 17 апр. 1884 г.

²⁾ Письмо отъ 17 апр. 1884 г.,—было напечатано въ «Нов. Вр.» № 3419 «Русскимъ Странникомъ».

³⁾ Письмо Соханской А. О. Ачкасовой отъ 6 ноября 1884 г.

было кончыцца по смерці яго ініцыяторовъ. Вся історія братства показывае, што оно было частнымъ дѣломъ доброй, сердобольной женщины, упустившей изъ виду, что для жизни братства не было самага главнаго нерва—умѣлаго руководства дѣломъ, представлявшимъ собою явленіе особое и новое въ средѣ народа, чуждаго грамоты и только что очнувагоса отъ крѣпостной летаргіи.

Въ заключеніе скажемъ еще объ одной сторонѣ дѣятельности Н. С. Соханской-Кохановской въ юго-западномъ краѣ. Во время своихъ двукратныхъ поѣздокъ на Волынь она привозила съ собою много разныхъ брошюръ и тетрадокъ (писанныхъ и печатныхъ) просвѣтительнаго содержанія и раздавала ихъ народу. Крестьяне до сихъ поръ вспоминають „харьковскую пани, що давала гроши та книжечки“. Предназначая просвѣтительныя книжечки для народа, она въ то-же время мѣстную интеллигенцію просвѣщала особыми брошюрами того общественно-политическаго направленія, которое называлось славянофильствомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Брошюры эти въ краѣ, гдѣ русская газета не знала еще путей, считались мѣстной полуобразованной интеллигенціей „запрещенными“, охотно переписывались, распространялись и зачитывались до дыръ. Въ числѣ этихъ, якобы запрещенныхъ, книгъ встрѣчались номера „Дня“, „Руси“, „Москвы“, нѣкоторыя книжки „Утра“, изд. Погодинымъ. Статьи, касающіяся церковныхъ вопросовъ, нашли для себя большое распространеніе среди мѣстнаго духовенства. Это были передовыя статьи, писанныя по этимъ вопросамъ Иванцовымъ-Платоновымъ. Но наибольшей популярностью среди мѣстной интеллигенціи пользовалась „Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго комитета, сказанная 6 марта (годъ не обозначенъ) по поводу ополченія русскихъ добровольцевъ въ русско-турецкую войну“. Эта рѣчь прошла въ массѣ списковъ среди мѣстной интеллигенціи. Нѣкоторыя ея мѣста такъ нравились, что заучивались даже наизусть. Устарѣвшая по содержанию и малопонятная въ настоящее время „рѣчь“ тѣмъ не

менѣе усвоилась многими, какъ нѣчто особенное... Обличеніе высшихъ классовъ петербургскаго общества отмѣчалось мѣстными читателями, какъ высшая степень либерализма. Мы видѣли полный неиспорченный текстъ этой въ свое время замѣчательной рѣчи у нынѣ здравствующаго батюшки с. Яполоти о. І. Т—а, которому много обязаны содержаніемъ настоящей статьи.

Ө. А. Кудрянскій.

Письма митрополита Кіевскаго Арсенія къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(Съ пояснительными примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго).

Благодаря любезности свящ. Іоанна Гордіевскаго, редакція „Кіевской Старины“ получила въ свое распоряженіе интересный матеріаль—32 письма Кіевскаго митрополита Арсенія (Москвина) къ прот. П. Г. Лебединцеву, писанныя въ періодъ времени съ конца 1862 по 1876-й годъ, т. е. какъ-разъ въ тѣ годы, когда митр. Арсеній былъ ежегодно вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ. Оба названныя лица хорошо памяты нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможность освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы-же пока обязаны опубликовать тотъ матеріаль, который поможетъ этому освѣщенію. Съ этой-то стороны, какъ увидитъ читатель, письма митр. Арсенія представляютъ большой интересъ. Но и помимо этого, данныя письма, принадлежащія перу такого крупнаго іерарха и писанныя въ тонѣ неофициальномъ, являются особенно интересными, такъ-какъ касаются многихъ вопросовъ,

волновавшихъ мѣстную кіевскую жизнь, и даютъ намъ возможность узнать откровенныя мнѣнія о нихъ, а равно и нѣкоторыя дѣянія со стороны такихъ лицъ, какъ мѣстный представитель духовной власти и его ближайшій другъ и помощникъ, хорошо вѣдомый Кіеву въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своей пастырской и ученой дѣятельностью—Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ. Письма эти во многихъ частяхъ получаютъ еще большее значеніе, благодаря тому, что они снабжены цѣнными примѣчаніями родственника П. Г. Лебединцева, свящ. І. Гордіевского, имѣвшаго возможность пользоваться копіями писемъ П. Г. Лебединцева къ митр. Арсенію, именно тѣхъ писемъ, на которыя мы читаемъ здѣсь отвѣтныя заключенія послѣдняго. Въ тѣ годы, къ которымъ относится эта переписка, митр. Арсеній, отправляясь ежегодно на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербургъ, имѣлъ возможность не терять нити текущихъ событій въ своей епархіи, не только получая официальные донесенія изъ Кіева, но имѣя еще и такого частнаго корреспондента, какъ П. Г. Лебединцевъ, который во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся кіевской епархіи, былъ его правой рукой.

Изъ 32 писемъ митр. Арсенія, доставленныхъ намъ въ подлинникѣ, мы печатаемъ только то, что касается вопросовъ общихъ или имѣющихъ общественное значеніе; все-же, носящее личный характеръ, опускается совсѣмъ.

1862 г.

1.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Бумаги, отъ 5 сего декабря во мнѣ посланныя, Вамъ возвращаю и прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ статью о народныхъ училищахъ, за исключеніемъ изъ нея словъ, мною зачеркнутыхъ, пустите съ Богомъ въ путь. Причину исключенія этихъ словъ, думаю, Вы поймете и безъ

моего особаго объясненія. Но самое дѣло, въ нихъ указанное, т. е. открытіе педагогическаго отдѣленія, только не при Академіи, а при Семинаріи, постарайтесь приготовить и ко мнѣ представить. Хорошо было-бы, если-бы добрый Сильвестръ Сильвестровичъ ¹⁾ съ своимъ столько-же добрымъ товарищемъ сами въ частномъ ко мнѣ письмѣ вызвались съ своею готовностію послужить безмездно духовному юношеству въ педагогическомъ его образованіи въ свободное для нихъ время. Эта инициатива была-бы для нихъ почетна, а для меня удобна въ испрошеніи на то разрѣшенія у высшаго начальства. Если-же на это они не согласятся, то пусть Вашъ комитетъ о необходимости сей мѣры и добровольномъ и притомъ безмездномъ вызовѣ на сіе дѣло какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наставниковъ, ко мнѣ отъ себя представить. О допущеніи въ составъ комитета г.г. Ригельмана и Гогоцкаго ²⁾ переговоры продолжайте: дѣло весьма полезное. Протеста подольскаго (духовенства), какъ написаннаго въ формѣ жалобы на свое Епархіальное начальство и вмѣстѣ съ тѣмъ проектирующаго о гласномъ судопроизводствѣ по духовному вѣдомству, въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомствахъ, принять нельзя, а взамѣнъ того постарайтесь доставить ему возможность быть напечатаннымъ въ какомъ-либо свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Телеграфѣ, Днѣ, или Сынѣ Отечества: думаю, что тамъ отказа не будетъ; а предметъ стоитъ вниманія образованной публики ³⁾. Ожесточенная злость противъ насъ,

---

¹⁾ Профессоръ университета Гогоцкій.

²⁾ Ригельманъ—помѣщикъ и членъ крестьянскаго губернскаго присутствія.

³⁾ Редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей протоіерей Шавель Троицкій въ 17 № за 1862 г. порицалъ выборное начало въ церковномъ управленіи, называя его новшествомъ. Петръ Гавриловичъ въ 23 № Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей цѣнными историческими справками совершенно опровергъ о. Троицкаго и доказалъ, между прочимъ, что выборы благочинныхъ не новизна въ русской церкви, а древній обычай нашъ, прожившій многіе вѣка

народныхъ образователей, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до моего прибытія въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ. Это значить, что на огонь вылита смола: естественно пламя, и безъ того довольно сильное, должно было послѣ сего вспыхнуть; но авось Богъ дастъ, когда г. Шульгинъ ¹⁾ съ своею високоученою братією, по пророчеству Ооменка ²⁾, увидятъ не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ свою несостоятельность,—оно само собою погаснетъ, якоже возгорѣвшееся въ терніи. Надобно только пова и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить. Напоминайте объ этомъ чаще и подтверждайте изъ комитета или инымъ какимъ-либо образомъ. За всѣмъ слѣдите зорко и ничего не оставляйте безъ вниманія, а когда свѣдѣніе объ окончателномъ распоряженіи Попечителя и Ригельманъ и Вы отпечатаете, тогда войдите ко мнѣ изъ комитета съ представленіемъ, что всѣ, такъ называемыя, народныя школы, образовались изъ церковно-приходскихъ, изъ коихъ двѣ, т. е. Хабнинская и Малинская снова пришли въ прежнее состояніе церковно-приходскихъ—и только. Всѣмъ Вамъ поклонъ и благословеніе.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.

1862 г. 18 декабря.

и только уничтоженный реформами Петра Великаго на сѣверѣ, а на югѣ Россіи навшій въ началѣ 19 вѣка. Названіе благочиннаго принадлежитъ концу 18 вѣка, но должность эта не нова и существовала у насъ издревле, хотя съ большими или меньшими правами и подъ другими наименованіями: старѣйшинъ, волостелей, поповскихъ старость, поповскихъ десятскихъ. Во время печатанія своей статьи, Петръ Гавриловичъ получилъ изъ г. Ушицы Подольской губерніи протестъ подольскаго духовенства противъ статьи о. Троицкаго. Не смѣя безъ разрѣшенія своего архипастыря сдѣлать изъ нея какое-либо употребленіе, онъ представилъ этотъ протестъ на благоусмотрѣніе митрополита Арсенія.

¹⁾ Профессоръ Университета.

²⁾ Священникъ с. Тембарщины Василій Ооменко. Пророчество его заключалось въ слѣдующемъ: 4 декабря былъ онъ у Петра Гавриловича и говорилъ, что народныя школы не встрѣчаютъ сочувствія въ народѣ и должны скоро пасть.

1863 г.

2.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благодарю за Ваши хлопоты: продолжайте. Г. Ригельмана поблагодарите отъ моего имени за его благородную готовность оказать намъ свое великодушное содѣйствіе. Только мнѣ думается, не лучше ли будетъ, вмѣсто членства въ комитетѣ, которое, по многимъ отношеніямъ, можетъ быть для него стѣснительнымъ, или по крайней мѣрѣ покажется таковымъ, открыть для него болѣе обширный и свободный кругъ дѣятельности въ званіи почетнаго попечителя по хозяйственной части надъ церковно-приходскими училищами въ нѣсколькихъ уѣздахъ, которые онъ, по близости къ своему имѣнію, самъ изберетъ? Переговорите съ нимъ объ этомъ и объ отавѣ его увѣдомьте меня, съ обозначеніемъ, въ случаѣ его согласія, какіе именно уѣзды избираетъ онъ. Не знаю, какъ ему и вамъ это представится, а мнѣ кажется, что дѣло это будетъ солиднѣе и для него почетнѣе. Представленіе о педагогій я внесъ въ св. Синодъ: будетъ ли успѣхъ, не знаю. Къ сожалѣнію, на педагогикѣ здѣсь не только духовные, но и свѣтскіе люди высшей сфѣры смотрятъ не больше, какъ новомодное шарлатанство. Да правду сказать, я и самъ-то не далекъ отъ того, и если хлопоту объ открытіи ея при Семинаріи, то для того только, чтобы зажать ротъ нашимъ порицателямъ. О награжденіи священниковъ и причетниковъ и даже лицъ женскаго пола, оказавшихъ наибольшую ревность и успѣхи въ обученіи дѣтей, ожидаю представленіе изъ консисторіи: прошу напомнить о семъ Михаилу Михайловичу ¹⁾. Жалованье законоучителямъ въ народныхъ школахъ, надѣюсь крѣпко, будетъ значительно увеличено, а потому и раздѣленіе приходоу, въ которыхъ эти школы будутъ заведены, между двумя священниками будетъ почти не-

---

¹⁾ Секретарь консисторіи Хижняковъ.

чувствительно: потому что и жалованье это будетъ также между ними раздѣлено, слѣдовательно, если приходскіе священники потеряютъ нѣсколько въ приходахъ, за то получаютъ вознагражденіе въ жалованьяхъ. Кромѣ того, мнѣ желательно,--наши церковно-приходскія училища, преобразованныя стараніемъ Тулова ¹⁾ въ народныя, возвратить въ первобытное ихъ состояніе, а г. Тулова съ товарищами, т. е. мировыми посредниками и чиновниками особыхъ порученій, заставить набрать для своихъ народныхъ школъ новыхъ учениковъ и ученицъ, и думаю, что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ ли собственному желанію, или по волѣ г.г. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непременно успѣю.

Да благоспѣшитъ Господь къ намъ и Вамъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.

3 февраля 1863 г.

3.

Высоко-преподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

Присланный Вами указъ возвращаю Вамъ. Извините, что поздно отвѣчаю Вамъ: причинъ на это бездна, а между ними главная та, что Вы, зная мои мысли объ нашихъ училищахъ, и безъ особаго моего напоминанія, будете умѣть дѣйствовать въ тактъ въ своемъ новомъ положеніи члена консисторіи и совѣщателя въ новоучрежденномъ г. Генераль-Губернаторомъ училищномъ комитетѣ, а въ случаѣ, если-бы Вашъ голосъ не былъ уваженъ, то хотя-бы онъ оставался одинъ, написать и подать въ комитетъ сильный протестъ, копію съ котораго выслать ко мнѣ. Хорошо бы, конечно, было, если-бы и ректоръ Академіи и

---

¹⁾ Окружной Инспекторъ Кіевского Учебн. Округа, вносилъ дѣла по этому предмету въ Помощникъ Попечителя.

протоіерей Фаворовъ присоединился къ Вамъ ¹⁾, но куда они склоняются, или склонились уже, про то знаетъ ихъ совѣсть, а мы увидимъ впоследствии. Ваше-же дѣло, во всякомъ случаѣ, предложить имъ принять Вашу сторону. Вся моя претензія въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно Вамъ, состоитъ только въ томъ, чтобы школы, у духовенства отнятыя министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудились-бы завести свои школы, куда я и готовъ назначить законоучителей, лишь-бы только положили для нихъ достаточное жалованье, а именно отъ 150—200 р. Такое-же жалованье священникамъ съ причетниками было-бы назначено и въ школахъ чисто церковно-приходскихъ. Само собою разумѣется, такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ; но потрговаться не мѣшаетъ и авось, послѣ долгихъ споровъ и отрицаній, дадутъ сумму, хотя сколько нибудь къ помянутой цифрѣ приблизительную. Вѣдь не соглашались-же прежде дать законоучителю болѣе 50 р. въ годъ, а теперь даютъ уже 75 р. Кромѣ того, мнѣ желательно было-бы, чтобы народныя школы, въ видѣ образцовыхъ, допущены были только въ городахъ и развѣ въ нѣкоторыхъ значительныхъ мѣстечкахъ, и я эту мысль, куда слѣдуетъ, забросилъ, но примется-ли она, не знаю. Забавно, что г. попечитель въ отнятіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало. Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ. Но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было-бы, если-бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили, да и меня о томъ увѣдомили. При этомъ слѣдствіи надобно, чтобы твердо было доказано, что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ, составлены были безъ

---

1) Ректоръ академіи Филаретъ и профессоръ Богословія Университета протоіерей Фаворовъ были лучшіе друзья Петра Гавриловича.

согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже приказанію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школь, мировыхъ посредниковъ, генераль-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было-бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и врестьянъ были употреблены и проч. г. п.

Въ оправданіе Тулова съ компанією относительно неправоуказаннаго награжденія Коваленка ¹⁾ министръ сослался на Ваши Епархіальныя Вѣдомости, гдѣ сказано, что награда эта дана по донесенію не Тулова, а мѣстнаго гражданскаго начальства. Охота-же вамъ была печатать о семъ. И вообще Вамъ нужно было, ужъ если печатать о семъ, то съ большою оговоркою, а не съ однимъ словомъ, въ скобкахъ поставленнымъ, котораго иной читатель и не замѣтитъ, слѣдовательно цѣль не будетъ достигнута. Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицомъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ потоптано, то оно должно жаловаться на своихъ собратій, которые не умѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ и дѣломъ на должной высотѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

27 марта 1863 г.

4.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За два письма Ваши благодарю Васъ, а за медленность отвѣта прошу меня извинить. Но чтобы подобной медленности въ другомъ отношеніи не произошло съ Вашей стороны, считаю неизлишнимъ напомнить Вамъ, что насталь декабрь, а

---

¹⁾ Волостной старшина Герасимъ Коваленко, которому начальство Кіевского Учебнаго Округа черезъ князя Васильчикова выхлопотало медаль.

съ окончаніемъ декабря кончился и годъ, въ концу-же года всякіе счеты и отчеты должны быть въ добромъ хозяйствѣ оканчиваемы. Церковному-ли хозяйству оставаться позади другихъ? Надѣюсь, что для Васъ не нужно объясненія, въ чему мое слово ¹⁾. Случайная и, конечно, кратковременная, а теперь, вѣроятно, давно уже окончившаяся размолвка съ сослуживцами меня огорчила. Вы имѣете столько силы ума и воли, что легко могли поставить себя такъ, чтобы ни суетность, ни зависть, ни тщеславіе не могли коснуться Васъ. Знаю, что въ ивѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ положенія это трудно; но что доброе безъ труда дѣлается? Постарайтесь-же со всѣми, и даже съ Говорскимъ, ²⁾ войти въ миролюбное согласіе и, забывъ все, въ чемъ и какъ можно, помочь ему. Онъ стоитъ порицанія за многое, а главное за неумѣренность въ языкѣ; но есть въ немъ также и добрыя стороны, изъ-за которыхъ можно быть къ нему снисходительнымъ. Поддержаніе-же Вѣстника, особенно въ настоящее время, это неотложная обязанность каждаго изъ насъ, искренно любящаго церковь и отечество, не Великороссійское, но и Малороссійское, какъ одно цѣлое и нераздѣльное и по вѣрѣ и по плоти. Мы можемъ, пожалуй, въ недобрый часъ другъ съ другомъ и побраниваться не слишкомъ благозвучными словами: хохоль и москаль, или кацапъ; но и среди самой жаркой перебранки взаимно другъ друга уважать и любить изъ уваженія къ единству вѣры и крови, общаго бѣдствія и славы. А споръ объ языкѣ—это чистое ребячество, въ которомъ

---

¹⁾ Не имѣя своей канцеляріи, Петръ Гавриловичъ съ перваго года поступленія м. Арсенія на Кіевскую кафедру, по его-же порученію, составлялъ годичные отчеты о состояніи епархіи для отсылки въ Св. Синодъ. Эту обязанность несъ онъ и при митрополитахъ Филаретѣ и Платонѣ. Неудивительно, если при массѣ обязанностей Петръ Г. иногда запаздывалъ съ проектами донесеній въ Св. Синодъ.

²⁾ Редакторъ издававшагося въ Кіевѣ журнала «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи».

та и другая сторона одинаково и по одинаковой причинѣ не права. Когда Котляревскій перевелъ на малороссійскій языкъ Енеиду, кто противъ него спорилъ, кто запрещалъ ему? Никто, а напротивъ всѣ съ удовольствіемъ читали ее. Но когда нѣсколько буйныхъ, но къ несчастію ученыхъ людей, вздумали языкъ сдѣлать орудіемъ своихъ возмутительныхъ идей (теперь это уже не тайна) и посредствомъ разныхъ брошюръ возбуждать и поощрять народъ къ ненависти противъ такъ называемой Московщины, тогда, по моему мнѣнію, не только великороссы, но и благоразумные малороссы должны возстать противъ такихъ гибельныхъ затѣй и самое орудіе на время положить въ сторону. Неужели для насъ мало печальнаго зрѣлища нашихъ братьевъ нѣмецкихъ и турецкихъ славянъ? Что ихъ губить и содержать въ рабствѣ, какъ не взаимный споръ объ языкѣ и даже буквахъ, какими должно писать—русскими или латинскими,—споръ въ теченіе многихъ вѣковъ нерѣшенный, да едва ли когда и могуцій быть рѣшеннымъ? Что-же? Хотимъ-ли и мы умножить собою эту и безъ того огромную массу славянъ страждущихъ? О, враги наши тому порадуются, и вся Европа, доселѣ къ намъ враждебная, заговоритъ объ насъ языкомъ для насъ сладостнымъ, а сама между тѣмъ въ-тихомолку будетъ смѣяться надъ нами, и одно племя наше за другимъ будетъ прибираться къ рукамъ своимъ. Не то-же-ли она дѣлаетъ и теперь съ безмозгими поляками? Не то-же-ли съ Чехами и Галиціанами? Гдѣ наши Моравляне, гдѣ Шлѣнзаки и проч. и проч.? Потонули въ безднѣ нѣмецчины, и все это отъ того, что всякій изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ и свой языкъ поставить выше всѣхъ другихъ,—хотѣлъ лучше принять чужія буквы и чужое правописаніе, съ насиліемъ для своихъ родныхъ звуковъ, природнаго чувства и свѣжей мысли, такъ что послѣ сего изъ слова—*быль* вышло—*билъ*, изъ *щедушный*—*сщедушный* (*Sczeduchny*), нежели допустить, чтобы какой-либо одноплеменный языкъ сдѣлался, по крайней мѣрѣ въ дѣловыхъ бумагахъ, общимъ для всѣхъ племенъ славянскихъ. Ну, скажите на милость, не странно-ли, не смѣшно-ли это? И однако-же объ этомъ го-

ворять и судятъ люди солидные и умомъ, и лѣтами, и званіемъ почтенные... На что это похоже? Всякій разъ, когда мнѣ приходится встрѣчаться съ людьми сего рода и слышать ихъ такъ говорящихъ и разсуждающихъ, я припоминаю себѣ одного стараго съ сѣдыми волосами, почтенной наружности поляка въ Подоліи, явившагося ко мнѣ въ желтыхъ сафьяновыхъ полусапожкахъ, въ синемъ кунтушѣ, съ краснымъ широкимъ поясомъ и съ малымъ дѣтскимъ изъ зеленаго сафьяна картузомъ съ красною на верху кисточкою. Не смѣшонъ только, но наиболѣе жалокъ мнѣ былъ этотъ полякъ въ такомъ несвойственномъ его лѣтамъ убранствѣ. Смѣшными и жалкими мнѣ представляются и всѣ тѣ, которые о мелочахъ разсуждаютъ съ важностію, а о предметахъ важныхъ говорятъ и судятъ легкомысленно. Не объ отдѣленіи другъ отъ друга намъ славянамъ помышлять теперь должно, а о дружномъ и единомышленномъ противодѣйствіи совокупному напору Европы, испоконъ вѣку насъ немилующей.

Рѣшеніемъ училищнаго дѣла, конечно, я доволенъ и всѣхъ Васъ, въ томъ числѣ и г.г. попечителя и Вилуева ¹⁾ благодарю.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

2 декабря 1863 г.

1864 г.

5.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благословенъ Богъ, времена и лѣта въ своей власти положивый и въ новомъ лѣтѣ благодатією, къ намъ ниспосылаемой, новую милость даровавый намъ. Благодарю за поздравленіе Ваше меня съ сею милостью Божією и, взаимно поздравляя Васъ, призываю на Васъ благословеніе Божіе. Не менѣе того благодаренъ я и за Ваши вѣсти и повѣсти о дѣлахъ и

---

¹⁾ Директоръ 2 Кіевской гимназіи.

дѣйствіяхъ, въ нашей преславной консисторіи совершающихся. Для водворенія мира съ немирными и для охраненія чести губернскаго и главно-епархіального присутственнаго мѣста, прошу Васъ, всякаго рода споры и ссоры при зеркалѣ прекратить и на предложенной Вами перемѣнѣ въ дѣлопроизводствѣ не настаивать. Пусть будетъ пока statu quo: можно и при этомъ порядкѣ, другимъ незамѣтнымъ образомъ достигнуть той-же цѣли и быстроты въ ходѣ дѣлъ и правосудія въ рѣшеніи оныхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удалось это сдѣлать въ Тверской консисторіи. О новомъ членѣ консисторіи я представленія еще не получилъ, а когда оно придетъ ко мнѣ, я посмотрю и по всей широтѣ правды законной разсужду. Думаю впрочемъ, что и состязанія, и опасенія Ваши, т. е. той и другой стороны, были напрасны, или по меньшей мѣрѣ преждевременны. Нашъ общій знакомецъ златопольскій смотритель училища Николай, кажется, Гавриловичъ Сторожевскій пишетъ ко мнѣ съ большою скорбію, что церковь его остается безъ священника и слѣд. безъ богослуженія. Позаботьтесь, пожалуйста, о присканіи туда кандидата, который, помнится, и былъ уже, но вѣрно отказался, и напишите къ нему, какъ о положеніи сего дѣла, такъ и о моемъ ему съ семействомъ благословеніи ¹⁾. О ректорѣ семинаріи ²⁾, съ которымъ, я надѣюсь, уже помирились Вы, пригласить Васъ, безъ сомнѣнія, къ себѣ, для предъявленія Вамъ, по моему порученію, нѣкоего писанія къ нему и къ

---

¹⁾ Смотритель Златопольскаго дворянскаго училища Сторожевскій напрасно утруждалъ м. Арсенія своею просьбою о священникѣ для своей церкви, такъ какъ тамъ былъ на мѣстѣ законоучитель и священникъ о. Крамаренко. Дѣло въ томъ, что Сторожевскій разладился съ учителями и Крамаренковымъ. Директоръ 2 кievской гимназіи Вилуевъ нарочно ѣздилъ въ м. Златополь для дознанія о растратѣ Сторожевскимъ училищной суммы (2000 р.) и только по вниманію къ его семейному положенію далъ ему время покрыть эту растрату, съ условіемъ перемѣщенія его на другое мѣсто.

²⁾ Архимандритъ Θεоктистъ.

Вамъ равно относящагося ¹⁾. Примите сіе писаніе къ своему соображенію и въ предостереженіе. А за брошюру о французскихъ школахъ я весьма Вамъ благодаренъ, и если есть у Васъ

---

1) Подъ «нѣкимъ писаніемъ» разумѣется письмо митрополита московскаго Филарета, строго слѣдившаго за направлениемъ духовныхъ журналовъ, къ митрополиту Арсенію. Вѣроятно, кромѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, оно касалось и «Руководства для сельскихъ пастырей», редакторомъ которыхъ состоялъ тогда ректоръ семинаріи, архимандритъ Θεоктистъ, иначе непонятно, почему м. Арсеній послалъ это письмо не прямо къ Петру Гавриловичу, а черезъ посредство другого лица. Въ свое время я списалъ копію съ этого письма и, кажется, только то, что касалось Петра Гавриловича, какъ редактора Вѣдомостей. Вотъ текстъ его: «Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ есть полезная для нынѣшняго времени статья о народныхъ школахъ во Франціи; не такова статья (№ 20, 1863 г.) о улучшеніи быта духовенства, особенно рѣшительныя резолюціи. Писатель хочетъ составить духовенство изъ всѣхъ сословій; здѣсь впрочемъ предполагается, что тысячи семействъ нынѣшняго духовенства надобно живыхъ въ землю зарыть или въ поду бросить. И чего хотять? Мы и нынѣ принимаемъ изъ другихъ званій способныхъ; въ Москвѣ есть архіерей изъ флотскихъ офицеровъ и архимандритъ изъ студентовъ Университета. Нужно вразумлять нашихъ скороспѣлыхъ писателей и преобразователей. Нѣтъ примѣра въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, чтобы духовенство такъ крошило себя въ куски». На это Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ м. Арсенію отвѣтилъ: «Лице, писавшее извѣстное письмо, кажется, забудетъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, прочитавши статью объ улучшеніи быта духовенства въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Раздѣляя общее всѣхъ къ нему уваженіе, я позволю себѣ думать, что лучше-бы насъ вразумлять печатными опроверженіями, какъ напр., сдѣлано по вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ Москвѣ не пропускаютъ новыхъ идей въ духовныя журналы, за то тѣмъ рѣзче тѣ-же духовныя лица кричатъ въ «Вѣстникѣ» «Днѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Что здѣсь лучшаго? У насъ не налагаютъ печать на уста, за то изъ Кіева нѣтъ духовныхъ корреспонденцій въ «Днѣ». Запретили-бы въ «Днѣ», найдутъ другіе выходы, и чѣмъ строже запретъ, тѣмъ злѣй будутъ

нѣсколько экземпляровъ готовыхъ, то пришлите ихъ ко мнѣ. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановнѣ ¹⁾ за такую готовность ея на доброе дѣло прошу предъявить мою большую благодарность. На почетную попечительницу я охотно согласенъ; только смотрите—не огорчились-бы вельможныя. Не нужно-ли предложить сіе званіе книгипямъ Васильчиковой, или Голицыной?

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1864 г.

6.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За присылку отчетныхъ проектовъ и печатной брошюры благодарю Васъ. Брошюры этой 15 экземпляровъ я послалъ къ преосвященному митрополиту московскому, по его желанію, въ письмѣ ко мнѣ выраженному. Это дѣлаетъ честь Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ и ихъ редактору. Новому журналу ²⁾, если-бы онъ въ мудрости и силѣ Божіей начался и пошелъ, я радъ; но нисколько не желаю, чтобы съ появленіемъ его другіе журналы уничтожились, развѣ только одни

кричать. По словамъ письма, мы гонимъ своихъ въ воду, или хотимъ зарыть живыхъ въ землю. А кто подписывалъ опредѣленія о разборѣ духовенства? (Разумѣется, русскіе іерархи). Что хуже—разборъ и насильственная отдача въ военную службу, или выходъ свободный изъ духовнаго званія? Если какіе либо причетники, по нашему проекту, и выйдутъ даже въ мѣщане, неужели они будутъ несчастіе тѣхъ, которые цѣлыми массами были отдаваемы въ военную службу?»

1) Супруга генералъ-губернатора Анненкова.

2) Новый журналъ, названіе котораго я забылъ, думалъ издавать одинъ только протоіерей Григорій Крамаревъ, но не заручившись сотрудниками, которыхъ въ Кіевѣ почему-то не оказалось, совершенно оставилъ мысль объ изданіи журнала.

„Труды Кіевской Академіи“, какъ для Академіи трудныя и для большинства публики неудобныя, могутъ быть оставлены; но и то, по моему мнѣнію, лучше-бы было измѣнить для нихъ программу, нежели вовсе отмѣнять и упразднять ихъ, т. е. вмѣсто нынѣшнихъ ученыхъ статей, печатать въ нихъ професс. лекціи и лучшія студенческія сочиненія. Черезъ это для публики они сдѣлались-бы доступнѣе и интереснѣе, а для Академіи выгоднѣе. Редакція-же того журнала, какой у меня въ головѣ, очевидно не можетъ быть поручена одному о. Крамареву, но вмѣстѣ и о. Фаворову: надѣюсь, что онъ не откажется. О Сухобрусовскомъ домѣ можете затѣять по консисторіи дѣло и ко мнѣ представить съ мнѣніемъ, а о вѣнчиковой суммѣ, какъ имѣющей свое спеціальное назначеніе, и не думайте. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановѣ прошу предъявить мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и благодарность за попеченіе ея объ окончательномъ устройствѣ церкви. Вамъ-же, по моему мнѣнію, всего лучше было-бы быть при сей церкви постояннымъ священникомъ въ родѣ капеллана, если-бы только назначено было постоянное жалованье въ достаточномъ количествѣ, а В. И. безъ сомнѣнія, можетъ это сдѣлать, представивъ о томъ министру снова, съ инициативы будто-бы городского общества, которое, изъ уваженія къ Его Высокопревосходительству, захотѣло принять на себя поддержку устроенной въ его домѣ церкви и содержаніе особаго при ней причта. Не сказать-ли В. И. всю правду? Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы и при этой церкви, и при Спасской, и при училищной были особые настоятели, хотя, само собою разумѣется, главный распорядитель училища имѣетъ полное право служить въ сей церкви, когда только захочетъ. Испанскій-же и вообще католическій обычай, какъ противный правиламъ древней церкви и выражающій собою духъ прямо противохристіанскій, у насъ не можетъ быть допущенъ ¹⁾. За вниманіе Археографическую комис-

---

¹⁾ Относительно «испанскаго обычая» нужно замѣтить слѣдующее. Ея Высокопревосходительство Вѣра Ивановна Анненкова,

сію, благодарю: оно для меня дорого по тому уваженію, какое я имѣю къ лицамъ, въ ней дѣйствующимъ. Касательно училищной попечительницы поступите такъ, какъ совѣтъ Вашъ признаетъ за лучшее. О болѣзни, вторгшейся въ училище, скорблю и молю Господа да сохранитъ Онъ питомцевъ нашихъ отъ смертоносныя язвы подъ своимъ отеческимъ кровомъ. Увѣдомьте меня о послѣдствіяхъ и ходѣ болѣзни.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

7 февр. 1864 г.

7.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Мысль Вашу о Спасской церкви я вполне раздѣляю: напишите ко мнѣ прошеніе о перемѣщеніи Васъ къ генераль-

---

устроивши при генераль-губернаторскомъ домѣ церковь, обратилась къ Петру Гавриловичу за совѣтомъ, какъ-бы устроить дѣло такъ, чтобы онъ, состоя священникомъ при Печерской Спасской Церкви, которой подлежалъ и генераль-губернаторскій домъ, могъ постоянно служить въ ея церкви. На это Петръ Гавр. отвѣтилъ ей: «въ Испаніи и во многихъ католическихъ странахъ приходъ есть нераздѣльное цѣлое, и потому тамъ настоятель приходской церкви есть вмѣстѣ настоятель и всѣхъ церквей въ своемъ приходѣ: домовыхъ, училищныхъ, или другихъ, лично совершая богослуженіе, или чрезъ викаріевъ. Это правило, писалъ Петръ Гавриловичъ м. Арсенію, полезно-бы, по многимъ причинамъ, ввести и у насъ. Для осуществленія его въ Спасскомъ приходѣ, все-же нужны деньги, чтобы имѣть священника другого; а деньги можетъ дать городъ, хотя-бы тѣ самыя, которыя онъ производилъ причту Андреевской церкви до 1842 г. изъ городскихъ доходовъ. Если будетъ окладъ, то возможно къ Спасской церкви пріискать священника 2-го. Богослуженія будемъ совершать и или онъ по усмотрѣнію, или попеременно, какъ это было при губернаторѣ Желвухинѣ, когда въ губернаторскомъ домѣ была церковь, а при Спасской церкви 2 священника. Такимъ образомъ я не оставляю штатнаго мѣста при древнѣйшей церкви и по желанію В. И. буду служить въ домѣ генераль-губернатора. Этотъ проектъ въ ходу, городъ уже назначаетъ 500 р.». Подробностей этого дѣла я не знаю,—знаю только, что при Спасской церкви при Петрѣ Г. служилъ въ качествѣ викаріаго, священникъ Симеонъ Бинецкій.

губернаторской церкви, но въ прошеніи упомяните, что такъ какъ Вы своимъ стараніемъ открыли въ ней древніе фрески, то Вамъ желательно было-бы, при своемъ непосредственномъ наблюденіи, совершить, когда прищутся къ тому способы, и возобновленіе оныхъ, не требуя за то ни отъ церкви, ни отъ прихожанъ никакого вознагражденія, а единственно по своему усердію къ древней знаменитой святынѣ. Прозоровскій діаконъ на томъ положеніи, какое Вы ему предъявили, можетъ быть прикомандированъ къ генераль-губернаторской церкви. Спасскій пономарь тоже, по крайней мѣрѣ до времени. Спасибо Вамъ за столь значительное пожертвованіе въ пользу подвѣдомаго Вамъ училища. Вы, значитъ, вполнѣ достойный своего имени распорядитель ¹⁾. Передайте учащимъ и учащимся мое и вмѣстѣ Божіе благословеніе. Отъ души радуюсь и благодарю Бога и Васъ, что Вы своими молитвами и внимательной заботливостію, а Богъ своею силою и благостію не допустилъ укорениться и распространиться въ новомъ нашемъ расадникѣ

---

¹⁾ Что это за значительное пожертвованіе Петра Гавриловича на училище двѣицъ д. званія, не знаю,—можетъ быть здѣсь сдѣлано указаніе на то, что П. Г. съ 1864 г. изъ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей вносилъ ежегодно по 150 р. Между разными источниками на нужды училища двѣицъ дух. званія, онъ, между прочимъ, указывалъ и на кіевскій народный календарь. Вотъ что писалъ онъ митрополиту: «Календарь, изданный г. Андріяшевымъ, довольно плохо составленъ. М. А. Максимовичъ имѣетъ желаніе составить лучшей календарь вмѣстѣ со мною, съ нѣкоторымъ ему за это вознагражденіемъ. Имѣя въ виду, что Никейскимъ 1-мъ соборомъ право обнародованія времени празднованія Пасхи предоставлено Епископу, а не мирянамъ, было-бы сообразно съ канонами церкви, чтобы календарь православный издавался отъ церкви кіевской, а не отъ кіевского учебнаго округа и былъ предоставленъ въ пользу кіевского училища двѣицъ духовнаго званія, а не въ пользу министерскихъ школъ. Если это будетъ благословлено Вами, то мы приступимъ къ дѣлу, испрашивая при этомъ единственной гарантіи, чтобы этотъ календарь былъ отпечатанъ въ лаврской типографіи и кромѣ его никакой другой тамъ не печатался».

опасной болѣзни. Со смѣтою, когда будетъ представлена, поступлю по совѣту добраго старца полковника Чеснока. А дабы былъ мнѣ поводъ дать такой дѣлу оборотъ, то Вы въ своемъ представленіи на этотъ путь напомните мнѣ.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній
м. кіевскій.

5 марта 1864 г.

8.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

На пасхальный привѣтъ Вашъ, пасхальный-же и отвѣтъ посылаю Вамъ: воистину воскресе Христосъ! и произнося сіи слова, заочно съ Вами христосуюсь, призывая на Васъ и на общихъ дѣтей нашихъ благодать и милость воскресшаго Господа. Будущему возобновленію фресковъ Спасской церкви, благодаря доброму Николаю Николаевичу и Вашему старанію, заранѣе отъ души радуюсь. О Высочайшемъ утвержденіи Ея Величествомъ новой попечительницы нашего училища Вѣры Ивановны теиерь, думаю, Вы уже знаете. Поздравляю Васъ и прошу передать ей отъ меня особый поклонъ и благословеніе, а за ходатайство ея объ ассигновкѣ 5 тысячъ р. и мою благодарность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

22 апр. 1864 г.

1865 г.

9.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За открытіе хронологической путаницы въ лукавомъ прошеніи каневскихъ почитателей Шевченка я весьма Вамъ благодаренъ. Я впрочемъ и безъ того имѣлъ таки намѣреніе отка-

затѣ имѣ, но только искалъ благовиднаго къ тому предлога, предполагая, что, можетъ быть, со стороны гражданскаго начальства, при разсмотрѣніи рисунка, мнѣ укажется какое-либо препятствіе, и дѣло было-бы съ концемъ ¹⁾. Противъ Ольгинскаго Братства мнѣ никто не говорилъ: не грѣшите напрасными подозрѣніями. А только какъ тогда, когда требовали отъ меня отзыва, такъ и теперь, я признаю сущею нелѣпостію въ одномъ городѣ, для одинаково благотворительной цѣли имѣть два отдѣльныя братства. Согласитесь сами, что это довольно странно. Впрочемъ я въ своемъ отзывѣ не отвергнулъ ни пользы, ни устава Вашего общества, а только сказалъ, что, по моему мнѣнію, приличнѣе было-бы соединить его съ Брат-

---

1) Относительно хронологической путаницы. Въ письмѣ къ м. Арсенію Петръ Г. писалъ: «Каневское городское общество вошло съ прошеніемъ о разрѣшеніи построить часовню въ Каневѣ, на горѣ Московкѣ въ память присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, выставляя, что дѣло это рѣшено въ Каневѣ и именно на горѣ Московкѣ, гдѣ въ 1793 г., въ пріѣздъ Императрицы Екатерины, собирались русскіе и польскіе дипломаты въ палаткѣ. Разрѣшеніе еще не дано, а только резолюціей Вашего Высокопреосвященства потребованъ проектъ часовни. Въ томъ-же прошеніи Каневцы перенутали исторію. Екатерина плыла по Днѣпру въ 1787 г., переговоровъ тогда въ Каневѣ никакихъ не было, на горѣ дипломаты никогда не собирались, край присоединенъ въ 1793 г. не въ слѣдствіе переговоровъ каневскихъ, а вслѣдствіе побѣдъ Суворова. Для чего-же эта перестановка и подлогъ фактовъ? Умыселъ иной былъ. За горой Московкой могила Шевченка; погребеніе его совпадаетъ близко съ днемъ стоянки Екатерины подъ Канезомъ. Вотъ и вздумали, подъ симъ предлогомъ, учредить крестный ходъ на гору Московку, а затѣмъ творить головщину погребенія Шевченка. Въ отклоненіе этой затѣи, которая могла-бы имѣть послѣдствія нежелательныя, въ № 5 Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатана статья, которая облпчаетъ историческую путаницу и даетъ другое направленіе дѣлу, а поводъ къ напечатанію считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства».

ствомъ, уже существующимъ, въ видѣ особаго отдѣленія, и мнѣ доселѣ кажется, что это вполне раціонально ¹⁾.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

18 марта 1865 г.

10.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Въ дѣло о монастырскихъ окладахъ напрасно Вы испугались: оклады эти, какъ Вы могли видѣть изъ самаго оберъ-прокурорскаго отношенія ко мнѣ, предназначены уже высшимъ начальствомъ исключительно для канцелярскихъ чиновниковъ; отъ насъ-же требовалось только для формы, или изъ пустой вѣжливости согласіе; значить, здѣсь не о чемъ было и спорить.

---

¹⁾ Относительно Ольгинскаго Братства отъ 4 марта 1865 г. Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту слѣдующее: «Владиміръ И. Бутовичъ отправляется въ Петербургъ 7 марта и между прочимъ хочетъ просить отъ себя и Софіи Васильевны благословенія Вашего Высокопреосвященства на учрежденіе предположеннаго ими еще въ минувшемъ году Св. Ольгинскаго Общества. Инициатива этого дѣла принадлежала Н. Н. Анненкову, который въ мартѣ 1864 г. официальнымъ письмомъ просилъ С. В. о содѣйствіи ея съ сотрудницами снабженію церковной утварью церквей, имѣвшихъ строиться на сумму, отпущенную изъ 10% польскаго сбора. Софія В. отвѣчала готовностію съ своей стороны, если частное ея общество будетъ преобразовано въ формальное съ уставомъ. Затѣмъ на страстной недѣлѣ были приглашены Богдановичъ, С—ковъ и я для составленія устава общества. Редакція устава и названіе общества принадлежатъ мнѣ. Вотъ истинная исторія ходатайства объ открытіи Св. Ольгинскаго женскаго общества. Но мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторые люди приписали все дѣло и инициативу его мнѣ по побужденіямъ будто враждебнымъ Св. Владимірскому Братству и доложили о семъ Вашему Высокопреосвященству въ августѣ минувшаго года. Не желая вызывать сдѣланнаго мною неумышленно В. В—у огорченія, я доселѣ удерживался отъ оправданія въ семъ обвиненіи, а теперь представляю оное въ поясненіе имѣющаго быть ходатайства Владиміра Ивановича».

Жалованье Вамъ генераль-губернаторъ общаетъ и думаю, что исполнить, а если не такъ, то найдетъ средства помочь Вамъ другимъ способомъ. Труды Ваши я знаю и умѣю достойно цѣнить ихъ. Ревность Ваша по домѣ Божиємъ мнѣ также хорошо извѣстна и въ моемъ мнѣніи высоко ставится, правда, бесплатно, но вѣдь не всегда-же и не всѣмъ можно утѣшаться, за что намъ щедро платятъ, а иногда и бесплатная оцѣнка бываетъ лучше и пріятнѣе для насъ щедро платимой. Не дай Богъ никому попасть въ число людей, уже слишкомъ на задѣльную плату рассчитывающихъ. Не удивляйтесь, что Вашъ братъ и г. Крыжановскій нашли дѣла въ Польшѣ и даже въ Холмѣ въ положеніи не совсѣмъ благопріятномъ: послѣ такой тревоги, какая была въ тамошнемъ краѣ, и при такомъ близорукомъ до возстанія и даже во время возстанія управленіи, это иначе и быть не могло. Но благоразумная и вмѣстѣ осторожная дѣятельность новыхъ дѣятелей все можетъ, и въ короткое время, исправить и на лучшей ладъ поправить. Чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда. Скажите имъ отъ меня поклонъ и благословеніе. Пусть не унываютъ и бодрствуютъ. Мысль ваша о надѣленіи нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ ризами прекрасная и преполезная: но мнѣ, ни даже Синоду за нее взяться нельзя: это было-бы сочтено въ Польшѣ и Европѣ сигналомъ привлеченія уніатовъ къ православію и произвело-бы преждевременное волненіе, а надобно эту мысль передать ввязю Черкасскому: тогда это будетъ и въ порядкѣ и весьма благоплодно ¹⁾).

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

31 марта 1865 г.

---

¹⁾ Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту, что полезно было-бы чрезъ директоровъ учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ подарить нѣкоторымъ уніатскимъ священникамъ по ризѣ церковной, имѣнно тѣмъ, которые болѣе окажутъ себя на русской сторонѣ. Это возбудило-бы и другихъ, такъ какъ есть священники, весьма интересующіеся лучшей ризницей, а утварь уніатская крайне бѣдна.

11.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Прежде всякаго отвѣта на письмо Ваше отъ 30 октября, предлагаю Вамъ мой добрый совѣтъ—разориться на покупку хорошихъ чернилъ, по крайней мѣрѣ на тѣ случаи, когда вздумается писать ко мнѣ, а то такъ плохи, что съ большимъ трудомъ можно было прочесть написанное ими. Затѣмъ Ея Высокопревосходительству Любви Ивановнѣ ¹⁾ прошу предъявить мою благодарность за ея воспоминаніе о моемъ недостойнствѣ и взаимно ей и чрезъ нее Его Высокопревосходительству Александру Павловичу мое высокопочитаніе и благословеніе. О погрѣшности-же въ назначеніи ей, какъ предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, пособія на пріюты тужить нечего, во первыхъ потому, что пріюты, какъ полагалъ я, входятъ-же въ составъ благотворительныхъ заведеній, а строгаго раздѣленія ихъ между завѣдывающими оными, правду сказать, я не зналъ, а во вторыхъ потому, что въ назначеніи моемъ указано самое имя предсѣдательницы общества, слѣд. недоразумѣнія здѣсь никакого и не должно и не можетъ быть, и отъ ея воли уже будетъ зависѣть, употребить эту сумму, какъ она заблагоразсудитъ. Съ другой стороны, я не отрекаюсь и Е. С. на завѣдываемые ею исключительно пріюты дать особое пособіе. Брату и г. Крыжановскому напишите при случаѣ отъ меня поклонъ и благословеніе и скажите, чтобы они дѣлали свое дѣло, какъ начали, потому что начали прекрасно, вздорными слухами нисколько не беспокоились: въ мірѣ болтовни много, мало ли что и о комъ не говорятъ, всего не переслушаешь. При томъ же я не совсѣмъ вѣрю тому, что Вамъ кто-то передалъ о развѣдываніяхъ Трепова въ Кіевѣ; мнѣ кажется, что если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подобное

---

¹⁾ Любовь Ивановна — супруга генералъ-губернатора Александра Павловича Безака.

отъ кого-бы то ни было услышалъ, то непременно сказалъ-бы мнѣ, а между тѣмъ онъ ни слова объ этомъ мнѣ не говорилъ. Какъ-же это могло статься? Ужъ не подшутилъ ли кто изъ почтенныхъ особъ надъ Вашимъ на этотъ разъ легковѣріемъ ¹⁾. Къ заготовленному Вами отчету по епархіи не позабудьте присоединить по указанной формѣ вѣдомость о совратившихся изъ православія и присоединившихся къ оному, да и поспѣшите съ сѣмъ дѣломъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

12 ноябня 1865 г.

12.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

О духовномъ завѣщаніи Бредихина, будетъ-ли оно утверждено, или не будетъ, я нисколько не беспокоюсь: въ первомъ случаѣ я исполню волю покойнаго въ точности, а во второмъ— передамъ, кому будетъ приказано, съ полнымъ удовольствіемъ, ибо избавлюсь чрезъ то лишнихъ хлопотъ. Калистратовъ можетъ быть трудился не даромъ, а мнѣ изъ-за чего? Развѣ я могъ-бы воспользоваться хотя бы одною копѣйкою собственно для себя? Боже избави! Покойный не разъ являлся ко мнѣ, умоляя и упрасивалъ меня принять на себя эти хлопоты, и я, опасаясь отказать благочестивому желанію челоуѣка, собирающагося умирать, принялъ; но если судъ присудитъ иначе, то значитъ жертва покойнаго Богу не угодна и должна разсѣяться на воздухъ, а мнѣ какое до того дѣло? Впрочемъ думаю, что Любовь Ивановна и Елисавета Сергѣевна, при новомъ оборотѣ дѣла, не только ничего не потеряютъ, но еще болѣе приобрѣтутъ въ пользу своихъ заведеній, а то монахи только на церкви, да на монастыри употребляютъ пожертвованія, а какая отъ того польза? Прошу предъявить имъ мое почтеніе и

---

¹⁾ Петру Гавриловичу передавали, будто Θεοφана Гавриловича записали въ 3 отдѣленіе канцеляріи Его Величества.

повдравленіе съ наступающимъ праздникомъ Р. Христова и новымъ годомъ. Александру Павловичу и Николаю Геннадіевичу (кіевскій губернаторъ Казнаковъ) тоже. Отъ всей души желаю и молю Господа, чтобы Онъ всѣхъ благословилъ своимъ благословіемъ благодѣльнымъ и благопоспѣшнымъ имъ во всемъ. А Любовь Ивановну попросите, чтобы по прибытіи своемъ въ Петербургъ она извѣстила меня о томъ. съ указаніемъ своей квартиры. О положеніи дѣлъ въ Вашемъ Губернскомъ присутствіи преосвященный викарій извѣстилъ меня: за то, что сдѣлано, спасибо, а о прочемъ позаботьтесь. Отчета по училищу дѣвицъ д. званія ожидаю, и не менѣе и не позже того ожидаю и отчета о состояніи епархіи. Позаботьтесь. Новое отдѣленіе Острожскаго Братства въ Кіевѣ насмѣшило меня до глубины души. Что это за дикая мысль? И люди почетные и умные, каковы напр., протоіерей Лебединцевъ, Галаганъ, Ригельманъ, Юзефовичъ, Туловъ, Воронинъ и проч.—съ перваго-же раза не отвергли ее, какъ нелѣпую и неумѣстную! Здѣсь пришли мнѣ на память недавнія усилія поляковъ отрицать у насъ славянское происхожденіе. Напрасное усиліе. Въ опроверженіе ихъ намъ оставалось бы только указать на факты, подобныя настоящему, и они невольно должны были бы воскликнуть—вѣтъ, вѣтъ: русскіе такіе-же славяне, какъ и мы, ибо никакой другой народъ, кромѣ славянскаго, не можетъ допускать подобныхъ нелѣпостей. Только у славянъ, если одинъ затѣветъ что-нибудь, то и другой затѣветъ тоже самое и непременно врозь, а вмѣстѣ у него и энергіи вѣтъ. И братъ, и Крыжановскій дѣйствуютъ въ Польшѣ отлично—да поможетъ имъ Господь! Мощей Іосафата я самъ не видѣлъ, но моя свита видѣла и увѣряла меня—что-то по росту похожее на младенческую фигуру видѣла она, а Іосафатъ,¹⁾ какъ извѣстно, былъ росту болѣе средняго: какъ-же онъ въ мощахъ своихъ сокра-

---

¹⁾ Іосафатъ Кунцевичъ, патровъ уніи Латыи и Польши, фанатическій гонитель православія, убитый православными въ Витебскѣ въ 1627 г.

тился, Богъ вѣсть. И почему-бы, кажется, при освидѣтельствѣваніи мощей не допустить кого либо изъ схизматиковъ? Вѣдь допускаемъ-же мы въ наши пещеры и лютеранъ, и католиковъ. Но довольно. Господь да благословитъ Васъ на новый годъ, а себѣ прошу Вашихъ молитвъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

23 декабря 1865 г.

1866 г.

13.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

Прежде всего благодарю Васъ за скорое погашеніе взаимной распри братолюбнымъ примиреніемъ, а на будущее время прошу Васъ всемѣрно избѣгать всего, что такъ или иначе можетъ оскорбить самолюбіе ближняго, хотя-бы свой поступокъ и можно было оправдать внѣшними формами, ибо Вы знаете, что сердцевѣдецъ Господь нашъ будетъ судить насъ не только за дѣла внѣшнія, но и за помышленія сердечныя, и за грѣхи неосторожности и невѣдѣнія. То, что Вы сдѣлали, можно было сдѣлать иначе, и миръ Вашъ и мой не былъ-бы нарушенъ. А и худой миръ, даже и не совсѣмъ съ хорошими людьми, всегда лучше доброй брани, какъ говоритъ древняя пословица. Благодарю также и за новый проектъ донесенія о состояніи кievской епархіи; онъ написанъ въ порядкѣ и языкомъ приличнымъ. А то Вы прислали ко мнѣ кучу разнаго хвороста, даже соломенною веревкою не связаннаго—услуга, признаться, незавидная. Рукопись о Станиславѣ возвращаю къ Вамъ, она составлена хорошо и вѣрно; я самъ въ Варшавѣ прочиталъ Длугоша и Галла, не разъ говорилъ объ этомъ съ моимъ добрымъ знакомымъ Мацеіовскимъ, и оба удивлялись, какъ можно такого человека, какъ Станиславъ записать въ святые; но у папъ съ іезуитами все возможно. Если Калигула могъ своего буцефала

(кона) включить въ число сенаторовъ, то какъ-же папѣ, кровному потомку Калигулы по прямой линіи per Maximos Pontifices, съ тройною въ добавокъ тіарою на главѣ и съ двумя ключами отъ рая и ада, не имѣть возможности какого-нибудь Станислава или Иосафата прямо съ мѣста преступленія отъ преподобныхъ дѣлъ государственной измѣны и безчеловѣчнаго варварства вознести въ рай и поставить у престола Божія въ сонмѣ Архангеловъ и Ангеловъ? Въ чемъ-же ему болѣе и обнаружить свое могущество, если не въ этихъ нечестивыхъ сумасбродствахъ? Поблагодарите автора статьи и отъ себя, и отъ меня, а когда я, если Богъ велитъ, возвращусь въ Кіевъ, пригласите его ко мнѣ на чашку чаю. Тѣмъ не менѣе этой статьѣ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ не мѣсто, а всего лучше отпечатать ее въ какомъ нибудь свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Виленскомъ Вѣстникѣ, или въ Западномъ Вѣстникѣ, тоже въ Вильнѣ издаваемомъ, или въ другомъ какомъ-либо, только не въ духовномъ: тамъ она будетъ имѣть вѣсь и силу, а въ духовномъ теряла-бы то и другое на половину.

Надѣюсь, что кіевское духовенство и въ устройствѣ судьбы своихъ учебныхъ заведеній покажетъ не меньшую въ сравненіи съ другими ревность, хотя нѣкоторыя въ этомъ отношеніи его уже опередили. Смоленскому въ ряду всѣхъ другихъ, конечно, принадлежитъ честь, какъ первому; но костромское далеко превзошло его: оно своими пожертвованіями не только покрыло всѣ потребныя издержки по семинаріи и училищамъ, но успѣло изъ тѣхъ-же пожертвованій образовать и запасной капиталъ на чрезвычайныя надобности. Впрочемъ авось Богъ и у насъ все приведетъ къ желаемому концу. Благословеніе Божіе да будетъ надъ всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 марта 1866 г.

1868 г.

14.

Высокопреосвященнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

За присылку училищной вѣдомости благодарю Васъ и щедрою рукою раздаю всѣмъ желающимъ и нежелающимъ, любящимъ и ненавидящимъ церковно-приходскія наши школы; успѣлъ передать нѣсколько экземпляровъ и во дворецъ, и министру просвѣщенія, и двумъ членамъ государственнаго совѣта и слышу, что впечатлѣніе произведено самое благопріятное. Планъ Вашъ о Бѣлоцерковскихъ зданіяхъ вполнѣ одобряю, и даль-бы Богъ, чтобы дѣло это удалось намъ ¹⁾. Только Алек-

---

¹⁾ Положеніе Петра Гавриловича при генераль-губернаторской церкви, отъ которой, за назначеніемъ на мѣсто кафедральнаго протоіерея, отчисленъ 18 іюля 1868 г., незавидное въ матеріальномъ отношеніи, дало ему возможность сдѣлать много добра для духовенства: онъ проектировалъ, при посредствѣ того-же Безака, открыть въ м. Бѣлой Церкви параллельные классы кievской д. семинаріи. <12 ноября, пишетъ Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ митрополиту, за обѣдомъ, даннымъ депутатамъ духовенства, Александръ Павловичъ высказалъ свое сожалѣніе о несостоявшемся открытіи прогимназіи въ Умані; я упомянулъ, что, по моему мнѣнію, не уменьшая числа учебныхъ заведеній, въ Умань надлежало-бы перевести гимназію изъ Бѣлой Церкви, гдѣ чрезъ скопленіе польской шляхты только усиливается польскій духъ въ юношествахъ, съ чѣмъ А. П. согласился. На другой день я дополнилъ свой проектъ мыслию въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи открыть параллельные классы кievской православной семинаріи, которая будетъ дѣйствовать на центрѣ половизма въ противоположныхъ цѣляхъ, т. е. содѣйствовать его обрусненію, и что графъ Браницкій не можетъ противорѣчить открытію здѣсь православной семинаріи, въ подтвержденіе этого я указалъ на контрактъ его отца съ правительствомъ, гдѣ говорится, что зданія устроятся Браницкимъ для учрежденія гимназіи или другого наименованія, но равнаго ей учебнаго заведенія, и зданія эти (пунктъ 10-й) только въ такомъ случаѣ переходятъ въ вотчинную собственность графа

сандръ Павловичъ что-то ничего опредѣленнаго не высказываетъ, а безъ него, конечно, ничего нельзя будетъ сдѣлать. Проектъ семинарскій о постройкѣ для семинаріи 100 тысячнаго корпуса не только не помѣшаетъ нашему плану, во можетъ даже помочь намъ. Начальство естественно устрашится огромной цифры и будетъ тѣмъ усердиѣе хлопотать за насъ

Браницкаго или его наслѣдниковъ, если правительство не признаетъ нужнымъ имѣть въ Бѣлой Церкви среднее учебное заведеніе. Къ этой мысли я пришелъ по поводу состоявшаго въ тоже время въ семинарскомъ правленіи соображенія о потребности, для преобразованія кіевской семинаріи по новому уставу, построить на тѣсномъ семинарскомъ дворѣ еще 3-хъ этажный корпусъ, большій настоящаго, на что потребуется болѣе 100 т. рублей. Александръ Павловичъ, выслушавъ мой проектъ, поручилъ мнѣ дать ему записку объ этомъ предметѣ. Записка мною составлена, въ предположеніи, что приведеніе въ исполненіе 2-й ея половины, т. е. объ открытіи въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи параллельныхъ классовъ семинаріи, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Вашего Высокопреосвященства, и съ нынѣшней почтой отпрвлена къ генераль-губернатору. Довода объ этомъ до свѣдѣнія Вашего В—ва, считаю нужнымъ доложить В. В—ву, что зданія Бѣлоцерковской гимназіи построены отлично, лучше и помѣстительнѣе 2 кіевской гимназіи, съ квартирами для директора, инспектора, эконома и надзирателей, больницей и проч., и могутъ вмѣщать въ себѣ свободно до 200 казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Лѣстницы въ зданіи чугунныя, полы въ залѣ, бібліотекѣ и классахъ паркетныя. Если намъ дадутъ это зданіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ наше распоряженіе перейдетъ мебель, ежегодный отпускъ изъ экономіи Браницкаго по 2 т. рублей на ремонтъ зданія и 6 человѣкъ прислуги на счетъ графа Браницкаго, такъ какъ все это по контракту привязано къ тому учебному заведенію, которое помѣщается въ зданіи Браницкихъ. Что касается разстоянія м. Бѣлой Церкви отъ Епархіальнаго Управленія, то съ устройствомъ желѣзной дороги оно весьма сокращается, такъ какъ одна изъ станцій Кіево-Балтской дороги будетъ въ с. Кожанкѣ, въ 20 вер. отъ Бѣлой Церкви, а Бѣлая Церковь и нынѣ въ 84 верстахъ отъ Кіева. Духовенство кіевской Епархіи тѣмъ болѣе было-бы радо исполненію этого проекта, что квартиры въ Кіевѣ неизмѣрно вздорожали и уже становятся не по средствамъ многимъ отцамъ, у которыхъ 2—3 сына

объ уступкѣ Бѣлоцерковскихъ зданій. Надобно только предварительно расположить въ вашу пользу графа Браницкаго: постарайтесь чрезъ кого и какъ знаете. Любовь Ивановна въ новый годъ сдѣлана статсъ-дамою Ея Величества; готовлюсь встрѣтить поздравленіемъ. Не замедлите присылкою донесенія о состояніи Епархіи въ прошедшемъ 1867 г. Позаботьтесь пред-

---

въ училищѣ. Св. Синодъ избавится весьма отъ значительнаго расхода. И весьма замѣчательно было-бы видѣть православную семинарію на мѣстѣ езуитскаго коллегіума на пунктѣ, который езуиты избрали операціоннымъ пунктомъ римской пропаганды. Православная проповѣдь, хоръ пѣвчихъ и торжественное богослуженіе сами собою войдутъ въ м. Бѣлую церковь въ глазахъ польской шляхты, привыкшей видѣть богослуженіе только убогихъ сельскихъ церквей; наставники семинаріи привнесутъ въ массу католическую болѣе ясное и болѣе правильное понятіе о православной церкви, чѣмъ какое внушено ей ксенязами. вмѣсто того, чтобы испрашивать и затрачивать капиталъ на постройку зданія на тѣсномъ дворѣ и ждать нѣсколько лѣтъ окончанія ея, лучше всего, раздѣливъ кievскую семинарію на двѣ половины, параллельные ея классы открыть въ м. Бѣлой Церкви, а первыя ихъ отдѣленія оставить въ нынѣшнемъ зданіи кievской семинаріи, и такимъ образомъ имѣть въ кievской епархіи, вмѣсто одной, двѣ семинаріи. Въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи могутъ быть открыты также и сверхштатные параллельные классы на средства самого духовенства, если бы встрѣтилась въ нихъ надобность. Особенная выгода этого предположенія та, что преобразование кievской семинаріи можетъ быть произведено съ сентября наступающаго года, а сельскимъ священникамъ сократится путь къ учебному заведенію и удешевится самое содержаніе дѣтей».

Сохранилась черновка письма Петра Гавриловича, при которомъ отослана ямъ записка къ генералъ губернатору о Бѣлоцерковской гимназіи. «Во исполненіе желанія Вашего, имѣю честь представить при семъ записку съ соображеніями о Бѣлоцерковской гимназіи, которыя основаны на близкомъ десятилѣтнемъ моемъ наблюденіи. Молю Бога, да поможетъ Вамъ въ исполненіи Вашихъ намѣреній о благѣ края и русскаго въ немъ дѣла». Очевидно, неожиданная кончина Александра Павловича Безака послужила препятствіемъ къ осуществленію проекта Петра Гавриловича объ открытіи православной семинаріи въ м. Бѣлой Церкви.

ставить въ возможно большей полнотѣ и аккуратности. Отчетъ по губерніямъ А. П. Его Величеству понравился; надобно, чтобы нашъ отчетъ, сколько возможно болѣе, съ нимъ гармонировалъ, гдѣ и какъ окажется возможнымъ, не только безъ вреда, но и съ пользою для церкви. Благословеніе Божіе посылаю Вамъ и начальницѣ училища съ ея воспитанницами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1868 г.

15.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей Петръ Гавриловичъ!

За письмо Ваше отъ 23 фѣвраля благодарю, а отчета нѣсколько ранѣ назначеннаго срока ожидаю, дабы имѣть мнѣ время разсмотрѣть внимательно. О Бѣлоцерковскихъ гимназическихъ зданіяхъ я говорилъ уже съ министромъ, и онъ на уступку оныхъ охотно изъявилъ согласіе, но съ требованіемъ платы. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, у Васъ отбереть ихъ графъ Браницкій, какъ свою собственность, и такимъ образомъ Вы ни себѣ не сдѣлаете пользы, ни намъ не окажете благодаренія, а денегъ у насъ на уплату нѣтъ, и Вы еще сверхъ того должны будете намъ дать 100 тысячъ р. на постройку для параллельныхъ классовъ семинаріи особаго корпуса. Тогда онъ задумался и сказалъ: ну, да если Браницкій согласится отдать Вамъ эти зданія, то я спорить не буду. Слѣд., намъ теперь нужно будетъ хлопотать о семъ у Браницкаго, чтобы онъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и для гимназій, передалъ оныя намъ для семинаріи, и хлопоты эти я поручаю Вамъ, какъ человѣку вполне компетентному. Дай Богъ, чтобы удалось это дѣло къ тому времени, какъ перемѣщеніе гимназій въ Умань послѣдуетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Висковатый 19 тысячъ р. на прогоны истратилъ? Не ошибка-ли это? Справьтесь, пожалуйста, повѣрите и меня увѣдомьте. Начальницѣ и общимъ намъ съ Вами дѣтямъ прошу передать благословеніе Божіе, а себѣ самому за бдительный надзоръ и благоустройство заведе-

нія принять мою благодарность. Господь да управитъ вся во благое и въ грядущее время по своей великой милости и благоволенію. Александра Павловича и Любовь Ивановну прошу въ свое время поздравить отъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ и сказать имъ, что я отъ всей души заочно съ ними христосуюсь.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

10 марта 1868 года.

16.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Охотно желалъ-бы я за г. М—скаго ¹⁾ ходатайствовать, по во-первыхъ, г. министръ теперь новый и мнѣ вовсе незнакомый, а во-вторыхъ, свойство дѣла М—скаго таково, что съ моимъ званіемъ никакъ не гармонируетъ: моимъ ходатайствомъ въ высшей оффиціальной сферѣ можно даже навести на самого себя нѣкое подозрѣніе въ полонофильствѣ. Слѣдовательно, М—скаго употребить въ посредство предъ Браницкимъ невозможно. Остается Вамъ пользоваться такими средствами, которыя у Васъ найдутся подъ руками, а если не найдется никакихъ и въ дѣлѣ этомъ придется потерпѣть полное фіаско, то такъ тому и быть. Нужно во всемъ предаваться волѣ Божіей. Всею душею желаю успѣха въ ходатайствѣ моемъ за законоучителей, но опредѣленнаго отвѣта еще не получилъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

14 апрѣля 1868 г.

---

¹⁾ Эдуардъ М—скій, бывшій управляющій Славяцанскаго имѣнія графа Браницкаго, обращался къ Петру Гавриловичу съ просьбою ходатайствовать объ освобожденіи его отъ ссылки въ Олонецкую губернію, но подозрѣнію въ участіи его въ польскомъ мятежѣ 1863 года.

1869 г.

17.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

...Ея Высокопревосходительству—Любви Ивановѣ прошу передать мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и общую нашу благодарность, что она и на будущее время изъявила желаніе остаться для нашего училища покровительницею и попечительницею. Не забудетъ Господь милосердный и правосудный трудъ любви ея и за вся блага ея въ пользу сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, да и сами дѣти по гробъ свой не престанутъ въ молитвахъ своихъ вспоминать ее, какъ свою благодѣтельницу. Да, не разъ скажешь благодарность Господу Богу, что Онъ сохранилъ наше училище: бѣда была-бы большая и теперь невознаградимая, а между тѣмъ приближается время, когда можно надѣяться посѣщенія училища Августѣйшею покровительницею. Кстати совѣтую Вамъ, въ ожиданіи этого высокаго счастья, сдѣлать все возможное, чтобы показать товаръ лицомъ и не посрамить себя предъ свѣтскими учебными заведеніями. Само собою разумѣется, что богатою обстановкою намъ нельзя похвалиться, но опрятностію и скромностію, умѣніемъ держать себя во всякомъ случаѣ и предъ всякимъ лицомъ и особенно основательнымъ знаніемъ своего дѣла и искусными приѣмами въ передачѣ сего знанія можно и должно. Прошу позаботиться. О жалованьѣ для причта домовоі Николаевскоі церкви я говорилъ съ новымъ генераль-губернаторомъ, и онъ обѣщаль обратить на это дѣло вниманіе свое. Хорошо было-бы, если-бы здѣсь назначено было постоянное жалованье: чрезъ это прибавился-бы у насъ еще одинъ способный священникъ. Благодарить и миръ да будетъ со всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 февр. 1869 г.

1873 г.

18.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За письмо Ваше отъ 17 сего февраля душевно благодарю Васъ и сиѣшу отвѣтомъ. Затѣя преосвященнаго викарія о проломѣ древнихъ монастырскихъ стѣнъ дѣйствительно дѣло ребяческое. Консисторія, за моимъ отсутствіемъ, должна рѣшительно остановить исполненіе ея посылкою монастырскому управленію повторительнаго указа, на основаніи моей прежней резолюціи, воспреещающей всякаго рода постройки и починки безъ моего на то особаго разрѣшенія, присовокунивъ къ сему и то, что это предиріятіе было-бы противно Высочайшему повелѣнію о всѣхъ древнихъ зданіяхъ, о послѣдствіяхъ-же сей мѣры мнѣ довести. О пристройкахъ къ училищному зданію дѣвиць д. званія можете ко мнѣ представить. О Владимірскомъ Соборѣ я самъ напишу къ министру. Дѣйствительно Штромъ ¹⁾ и Дейнека здѣсь служатъ большимъ препятствіемъ. Но можетъ быть удастся ослабить ихъ вліяніе. Вызову Терлецкаго ²⁾ побесѣдовать съ штундистами я очень радъ и надѣюсь отъ того пользы. Пусть подастъ онъ свое заявленіе о семъ въ консисторію, а консисторія съ своимъ заключеніемъ представитъ о семъ прямо ко мнѣ, объявивъ при томъ, что посылка эта нужна безотлагательно, а надежнаго сотрудника изъ православныхъ въ томъ-же представленіи указать мнѣ. Донесеній протоіереевъ о провѣркѣ росписанія церквей все-таки дожидаюсь, хотя-бы и до осени, а теперь займитесь тѣми, которыя уже доставлены. Прошу Васъ принять за правило, чтобы при тѣхъ церквахъ, къ которымъ есть приписныя, кромѣ настоятеля, назначаемъ былъ помощникъ и два причетника, или псаломщика. Въ Бѣлую Церковь настоя-

---

¹⁾ Архитекторъ.

²⁾ Священникъ изъ Галиціи Владимір Терлецкій.

телемъ назначенъ священникъ Мокринскій¹⁾, университетъ и академикъ: чего же Вамъ больше. А для законоучительской должности всегда есть довольно изъ студентовъ семинаріи, лишь бы университетское начальство позаботилось прискаты и облакать лучшихъ между ними, съ моей-же стороны отказа, конечно, не будетъ. Вы удивляетесь, что прежде профессора академіи и семинаріи охотно поступали во священники, а нынѣ нѣтъ. Не удивляйтесь, нынѣ они и безъ священническихъ мѣстъ сыты; на нихъ сбывается слово пророка, сказанное объ Израилѣ: уты, отолстѣ и забы Бога сотворшаго его. Церковь воспитала ихъ на свой счетъ и для себя, а они повернулись къ ней спиной. Неблагодарность въ мірѣ—явленіе обыкновенное. Съ другой стороны и то сказать: Богъ гордымъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать. Древняя церковь Александрійская отвергла многоученаго Арія и поставила патріархомъ смиреннаго Александра и отъ того много выиграла. Г. генералъ-адъютантъ Треповъ обратился къ г. оберъ-прокурору съ новой жалобой на бѣднаго священника В—скаго за его яко-бы вредное вліяніе на Селезеневскій приходъ чрезъ зятя Игнатовича. Я назначилъ по этой жалобѣ слѣдствіе: постарайтесь избрать слѣдователя—человѣка толковаго и свѣдущаго, да постарайтесь разузнать обстоятельно, что управляющій Трепова въ Селезеневкѣ будто-бы полякъ и католикъ, и сообщить мнѣ. Помните, что В—скій что-то доносилъ мнѣ на него за его отвлеченіе крестьянъ отъ исполненія православныхъ христіанскихъ обязанностей; справьтесь и, если это дѣйствительно было, помѣстите въ проектѣ требуемаго мною проекта отношенія г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

24 февраля 1873 г.

---

¹⁾ Священникъ Василій Мокринскій, бывший инспекторъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища.

19.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Не совсѣмъ такъ поступили Вы въ отношеніи къ командировкѣ о. Терлецкаго: въ администраціи много бываетъ случаевъ, когда лучше начинать дѣло снизу, нежели сверху; но такъ и быть: добрый вызовъ его мною принятъ. Позаботьтесь объ отправленіи и обезпеченіи его какъ въ пути, такъ и въ пребываніи его на мѣстѣ подвига. Прогонны, говорите Вы, и путевое содержаніе консисторія можетъ дать отъ себя, а для остального потребное количество денегъ можно будетъ, если Владимірское Братство на Ваше предложеніе не согласится, заимствовать изъ остаточной Бредихинской суммы, переданной мною въ училищную. О допущеніи командируемаго нынѣ въ Таращанскую тюрьму къ Балабану ¹⁾, кажется, достаточно снести съ однимъ исправникомъ, а если потребуется что-либо большее, то перо и бумага въ Вашихъ рукахъ; экипажа простого, но удобнаго попросите у о. эконома митрополитанскаго дома: можетъ быть найдете годный. Къ Игнатовичу ²⁾ и благочиннымъ напишите особо, что они при о. Терлецкомъ должны состоять первый въ качествѣ помощника и сотрудника его, а послѣдніе въ качествѣ содѣйствователей, да чтобы не завели какой-либо распри и ссоры, а о недоумѣніяхъ своихъ доносили бы чрезъ Васъ ко мнѣ. Изъ здѣшнихъ новостей одна только для Васъ можетъ быть интересна: докторская диссертация Янышева ³⁾ лопнула; Св. Синодъ запретилъ ея печатаніе. О благоуспѣшномъ движеніи дѣлъ по консисторіи прошу позаботиться, а объ отношеніяхъ преосвященнаго викарія (Порфирій) къ свѣтскимъ властямъ не беспокоиться: его подъ ними имя, его и отвѣтственность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

9 марта 1873 г.

---

¹⁾ Главный распорядитель штунды въ кievской епархіи.

²⁾ Священникъ города Таращи Иннокентій Игнатовичъ.

³⁾ Ректоръ Петербургской д. академіи.

20.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

За письмо Ваше отъ 17 сего марта благодарю и спѣшу на оное отвѣтомъ. Благочинные наши дѣйствительно большею частію не состоятельны; но они таковыя же были и даже хуже, когда были безсрочными, слѣд., уничтоженіе срока, кромѣ разнаго рода неудобствъ другого рода, болѣе важныхъ и тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ, не приведетъ къ желаемой цѣли, а гораздо лучше всякаго благочиннаго, который о дурномъ поведеніи подвѣдомственнаго лица въ свое время не доноситъ, а въ клировыхъ зѣдомостяхъ будетъ отмѣчать съ хорошей стороны, между тѣмъ какъ отъ гражданскаго начальства, или другимъ стороннимъ путемъ получится свѣдѣніе о соблазнительномъ образѣ жизни сего лица, отрѣшати немедленно отъ должности и предоставлять духовенству избирать на мѣсто ихъ другихъ благонадежныхъ лицъ, а исправленіе должности временно поручать помощникамъ благочинныхъ. О штундизмѣ дѣло было въ рассмотрѣніи Св. Синода по Подольской епархіи. Это есть не что иное, какъ смѣшеніе молоканской и духоборческой секты, выродившейся изъ протестантства, съ новымъ только названіемъ „Часовенники“, по подражанію нашимъ часовенникамъ раскольническимъ. Это естественное слѣдствіе мудрой мѣры правительства переселять сектантство на молочныя воды въ Таврическую и Херсонскую губерніи, а къ намъ оно перешло по сосѣдству. Мѣра, принятая нами противъ сей секты, въ настоящее время достаточна, а что нужно будетъ сдѣлать впослѣдствіи, покажетъ время. О питейныхъ домахъ и трактирахъ на церковныхъ земляхъ на преосвященнаго викарія нечего сердиться: это дѣйствительно дѣло крайне безобразное; но къ сожалѣнію, виновато само новое законодательство, которое оставило для порока не большую, но весьма удобную лазейку. Что же касается до подобныхъ заведеній при Лаврахъ и монастыряхъ, то сравненіе съ ними въ семъ отношеніи приходскихъ церквей не совсѣмъ

равно: монастыри и Лавры суть организованныя общества, а не частныя юридическія личности, состоящія изъ одного священника и причетника, каковы наши нынѣ приходскія церкви. А это не все равно. Касательно церковно приходскихъ школъ, духовенство само виновато, что не умѣетъ, или не хочетъ удерживать за собою обученія народнаго и не видитъ искусной ловушки, для него поставленной. Впрочемъ, постарайтесь хорошенько исполнить мою вчерашнюю резолюцію, на отношеніи ко мнѣ г. попечителя кievскаго учебнаго округа данную, и тогда, быть можетъ, намъ что-нибудь и удастся. А о 10000 р. и сборѣ 7½ коп. заготовьте отношеніе къ г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

24 марта 1873 г.

1874 г.

21.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Всѣхъ Васъ да проститъ и да благословитъ Господь Богъ, даруя Вамъ мирная и премірная блага своя, по неизреченной своей милости. Кстати: посиѣшите присылкою по мнѣ проекта донесенія о состояніи Епархіи за прошлый 1873 г. Да не найдете-ли случая и возможности внушить нашему духовенству подъ рукою, чтобы оно, по примѣру собратій своихъ въ другихъ Епархіяхъ, своими пастырскими увѣщаніями располагало своихъ прихожанъ ходатайствовать, гдѣ и какъ слѣдуетъ, о сокращеніи пятенныхъ заведеній и уменьшеніи въ народѣ пьянства. Порученіе мое преосвященному викарію осмотрѣть Вашу училищную постройку самому непосредственно, вѣроятно, Вамъ не понравилось; но не скорбите и не сѣтуйте: на это есть причина важная и для Васъ полезная.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

21 февраля 1874 г.

1875 г.

22.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о
Господѣ Братъ!

Надѣюсь, что кромѣ отчета о состояніи епархіи къ срочному времени приготовленнаго, Вы не оставили безъ своего особаго вниманія и двухъ отношеній г. министра просвѣщенія о церковно-приходскихъ школахъ и оберъ-прокурора по донесенію г. генераль-губернатора о быстромъ распространеніи штундизма. Прошу Васъ покорнѣйше, на обработку этихъ предметовъ обратить свое стараніе и знаніе: важность ихъ въ результатахъ, даже не слишкомъ отдаленныхъ, Вамъ, болѣе нежели кому-либо другому изъ сущихъ въ нашей кіевской области, вполне понятна. Постарайтесь въ сихъ нашихъ отзывахъ дать понять и другимъ, что мы кое-что также смыслимъ и увлечь себя далѣе границъ, указываемыхъ христіанскимъ благоразуміемъ и опытностію, не позволимъ, а въ случаѣ нашего безсилія, покажемъ, по крайней мѣрѣ, роду грядущему, что вина за дурныя послѣдствія не для церкви только, но и для всего государства, не на насъ лежитъ. Впрочемъ *sapienti sat*.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

4 февраля 1875 г.

1876 г.

24.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За извѣщеніе Ваше объ осмотрѣ Владимірскаго Собора особымъ командированнымъ отсюда чиновникомъ усердно бла-

годарю и вмѣстѣ радуюсь, что наконецъ правда наша выходитъ на бѣлый свѣтъ; радуюсь и за бѣднаго Беретти ¹⁾, что и ему явилось теперь нѣкое утѣшеніе. Архитекторъ Николаевъ еще ко мнѣ не являлся, и я даже не вижу въ этой явкѣ никакой надобности; для меня Вашего извѣщенія вполне достаточно, а архитектора, которому угодно будетъ министерству поручить достройку собора, будетъ-ли то г. Иконниковъ, Беретти или Николаевъ, я готовъ принять всякаго, безъ предварительныхъ о семъ со мною переговоровъ. Посмотримъ, что и какъ будетъ дальше. Не позабудьте прислать ко мнѣ въ свое время проектъ донесенія о благосостояніи епархіи. Позаботьтесь также, чтобы во всѣхъ церквахъ имѣнія графа Шувалова уманскаго уѣзда, школы приведены были въ возможно лучшее состояніе: графъ говорилъ, что онѣ существуютъ только по имени, и потому я слѣдующею весною или осенью намѣренъ, если Богъ дастъ буду живъ и здоровъ, всѣ эти школы осмотрѣть съ Вами лично и обревизовать тщательно, а также всѣ штундистскіе приходы и школы. Пусть благочинные, приходскіе священники и учителя приготовятся къ сему надлежащимъ образомъ, такъ чтобы мнѣ, вмѣсто хулы и порицанія, пришлось только хвалить и благодарить ихъ. Хорошо было-бы, во всѣхъ этихъ селахъ отслужить, а для этого нужны пѣвчіе, но мнѣ своихъ пѣвчихъ брать въ епархію не хотѣлось-бы: нельзя-ли будетъ въ этихъ мѣстностяхъ устроить хоры, способные отправить архіерейскую службу, изъ мѣстнаго духовенства и школьниковъ; въ такомъ случаѣ они-бы изъ мѣста въ мѣсто за ними переѣзжали, а мы вездѣ успѣли-бы совершить, къ утѣшенію народа, въ разныхъ мѣстахъ богослуженіе. Мнѣ въ Тамбовѣ однажды удалась эта операція и послѣдствія были добрыя. Во всякомъ случаѣ, если гдѣ это дѣло окажется возможнымъ, благочинные должны донести о томъ консисторіи заблаговременно, дабы намъ не довелось потерпѣть забавное и вмѣстѣ вредное фіаско. Сообразно

---

1) Строитель Владимірскаго собора, академикъ А. В. Беретти.

съ этою цѣлію прошу составить и выслать ко мнѣ сюда маршрутъ для обозрѣнія епархіи, принявъ за точку отправленія напр., 9 сентября. При семъ можно, кажется, ограничиться только тремя, или четырьмя уѣздами: Звенигородскимъ, Тарашанскимъ, Уманскимъ, пожалуй, еще и Сквирскимъ. Да хранитъ и помогаетъ Господь въ дѣлахъ служенія Вашего своею благодатію.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кievскій.

31 генваря 1876 г.

„Симсотъ первый и симсотъ второй законъ“.

Смеркало. На дворѣ стояла пасмурная погода; небо заволклось тучами; на улицѣ грязь непролазная; пройти въ калошахъ и думать было нечего. А тутъ моя Васильевна отпросилась къ дочери, и вотъ уже вечеръ, а ея какъ нѣтъ—такъ нѣтъ. Очевидно, опять встрѣтилась съ кумою,—кстати у нея ихъ тутъ полная слобода—и, разумѣется, выпила. А ужъ стоитъ ей только прорваться... такъ и пошла. Самовара мнѣ не подали, лампы не налиты и засвѣтить нечѣмъ, а ужъ пора...

Но вотъ кто-то затопалъ на крылечкѣ моей квартиры; я порѣшилъ, что это пришла Васильевна и ужъ приготовился выслушивать ея оправданія и вычитывать ей укоры за ея неисправность, какъ изъ передней послышался мужской голосъ, обычный въ той мѣстности привѣтъ:—„Здрастуйте. Днювалы соби.“—

„Здрастуйте. Войдите сюда“—сказалъ я, зажигая взятую съ ночного столика стеариновую свѣчку.

Вошедшій въ переднюю чего-то мѣшкалъ. Какъ оказалось, обтиралъ ноги, и затѣмъ ужъ вошелъ ко мнѣ, въ мой кабинетъ-спальню и по приглашенію, повторенному раза три, сѣлъ на стулѣ.

Что вы скажете?—спросилъ я, осмотрѣвъ гостя. Это былъ крестьянинъ, судя по одеждѣ не нашъ слободской, а изъ какого нибудь хутора.

— Та отъ до вашой мылосты. Почытайте отъ-цюю бумагу. Чы вона такъ напысана?—

Я взялъ поданный мнѣ листъ бумаги и прочиталъ слѣдующее:

„Б...скому окружному зѣзду

хрестыянына собственника хutora Верховаго
Шереметьевской волости Б...скаго уѣзда
Степана Федоровыча Прилѣпына

Опеляція и жалоба.

Какъ Его высокородія господинъ мировой судя неправильно присудылъ узыскать изъ меня по моему неудовольствыю на счетъ отставного унтерцера Николая Никитича Исаковыча, какъ онъ самый есть узыскатель по вехселю недостаточно, что усю суму спольна 68 рублей серебромъ, но даже и выдымую неустойку ищо 68 рублей серебромъ супроты закона и ещо десять рублей серебромъ за судьбыще, то я у такому принужденіи супроты моево прозволу покорвѣйше прошу у другой разъ зыскъ этотъ пересудыть и мене отъ усякаго прозволу и присужденія ослобоныть увъ окружному зѣздѣ. Такъ какъ онъ самый и есть выхрестъ Исаковычъ“.

Затѣмъ слѣдовала подпись за неграмотнаго жалобщика какаго-то Цетра Иванова Штанькова.

И смѣшно и сердито было: всегда вотъ такъ пойдуть зря къ кому - нибудь и имъ напишутъ такую „опеляцію и жалобу“, думалъ я досматривая ее, между тѣмъ какъ гость мой, молча, смотрѣлъ на меня, что называется во всѣ глаза, ождая моего слова.

— Якый це дурень пысавъ вамъ цю нисенитныцю?— сказалъ я.

— Та це отъ Петро Ивановычъ. Вони оттуть,—спокойно отвѣтилъ вопрошаемый, и я услышалъ какое-то движеніе въ передней и затѣмъ увидалъ, присмотрѣвшись, стоящаго тамъ челоуѣка.

— Войдите сюда,—сказаль я, сконфуженный наличностью того, кого я обозваль дурнемъ.

Вошелъ человекъ, ничѣмъ по платью не отличающійся отъ перваго гостя, и, перекрестившись на икону, по моему приглашенію сѣлъ.

— Хоба це вы писали цю бумагу?—спросиль я его.

— А што? Разви не такъ напысана?—отвѣтилъ онъ, какъ-бы изумляясь услышанному моему неодобренію его работы.

— Та хто-жь такы такъ пыше... Ця бумага не годытся—отвѣтилъ я.

— Такъ отъ вы й напышитъ правильнѣше: мы за тымъ и прыйшли до васъ, бо законъ мы знаемо, а толькы цю напысать по судебному не можемо. Отъ и скопія самого суда,—сказаль онъ, подавая мнѣ еще какую-то бумагу.

Эго была копія рѣшенія мирового судьи N участка по дѣлу о взысканіи отставнымъ унт.-офицеромъ Исаковичемъ—извѣстнымъ мнѣ мѣстнымъ ростовщикомъ—съ Прилѣпина 68 р. по долговой распискѣ и 68 р. по особой неустоечной записи, на случай неуплаты въ срокъ долга.

Просмотрѣвъ копію рѣшенія, я спросиль моихъ гостей, что они скажутъ еще. Прилѣпинъ началъ было что-то говорить, но Штаньковъ перебилъ его и даже отстранилъ рукою и началъ:

Дозвольтеся мени выказать про все, а то винъ не розскаже, якъ слидь. Тутъ усѣ дило у тому, што розпыска недѣйствительная..

— Якъ це недѣйствительная?—спросиль я.

— Та отъ я вамъ усѣ и розскажу. Звисно чоловикови потребувалося грошей,—признаться, шкапу задумавъ купыть, щобъ було чимъ пахать землю. Ну, туды-сюды поткнувся та и знайшовъ отцѣго саме Исаковича,—може и вы знаете. Давъ винъ йому 50 рубливъ, а розпыску напысали на 68 рубливъ. Висимнадцять прыпысано росту за тры мисяци и ще и другу розпыску напысано, цю значыть, колы у срокъ не будутъ оддани гроши, то може зыскаты неустойкы 68 рубливъ. У волости засвидѣтельствуваны,—я ще и самъ за нѣго пидпысувався й свидѣливъ ажъ трое...

— Ну, думалося, якъ-небудь розплатитса, а воно не прийшлося. Попросився винъ на яке время, хоть до Покровы, а винъ ото бачъ и подавъ зыскъ.. А вона розпыска отта друга про неустойку недійсвытельна.

— Чомъ же вона недійсвытельна?—спросилъ я.

— А тимъ, що не по закону: вона выдана по прынужденію. Такъ и напысано у симсотъ второму закони..

— У якому це симсотъ второму?

— У якому?... Такой законъ напысанный. Тамъ сказано, што проволь и согласія должны быть слободны, а слобода и согласія знарушається, когда було прынужденіе..

— А!—сказалъ я, догадавшись, что это цитируется 701 и 702 статьи X т. Ч. I св. законовъ гражданскихъ.

— Яке-жь у цѣму дили прынужденіе? Хто-жь ёго заставлявъ выдаваты Исаковичу тїи розпыскы? Це-жь ёго була воля выдаваты, чы ни... А вже колы выдавъ, то вже треба було заплатыты ёму гроши у срокъ. А то якъ-же судьи не прысудыты, колы такъ прыходытса по закону...

— Та отъ же и по закону... У закони такъ и сказано, що розпыска недійсвытельна, когда вона выдана по прынужденію обязательства.

— Та ёго-жь никто не сылувавъ выдаваты розпыску и позычаты гроши въ Исаковича. Це-жь було ёго согласіе, про которе и у закони напысано...

— Яка-жь тамъ вже согласія, колы винъ ёго прынудывъ напысаты отту другу розпыску про неустойку, бо инакше не хотывъ и грошей позычать. А винъ, звисно—куды ёму податься, и подпысавъ розпыску. Це-жь и выходытъ, по прынужденію. А то такъ безъ прынуды ставъ-бы винъ самъ на себе петлю надывать...

— Ни, вы зовсимъ не такъ розуміете пей законъ. Якъ-бы такъ ёго розумить, тоди-бъ усяке дило, яке люде роблять промежь собою, було-бъ по прынужденію. Це й чоботы шевци шьютъ по заказу—отъ хоть-бы Батечкивъ, чы тамъ Головачивъ, чы другихъ закупщывъ—по прынужденію. И гроши люде одынъ въ другого позычае по прынужденію...

— А то якъ же? Звисно, що и це все робытся по прынужденію. Хиба, якъ бы не було прынужденія, то стали-бъ шевци штыты чоботы по двугривенному одъ пары, або черевыкы по пятаку... Це вже не що якъ прынужденія. Йому, сердези, нивуды податься, а той й сугыбыть ёго, якъ хоче. Тому можна зо своимы грошыма подержатыся, а бидному шевчыкови куды податься... Яка тутъ слобода и согласія,—объяснялъ Петро Ивановичъ, все больше и больше воодушевляясь. Я только смотрѣлъ на него и удивлялся этому своеобразному у насъ, но не новому за границею, взгляду.

— Ну, що-жъ робыть? Може воно по вапому й такъ, та тилько въ насъ нема такого закону, и мировый не мигъ инакше розсудыты...—сказаль я, когда замолчалъ Петро Ивановичъ. Но мои слова ничуть не убѣдили его, и онъ опять возразилъ:

— Та якъ же нема закону... А цей-же симсотъ первый и второй... Аже вивъ напечатаный у князи цей законъ... Якъ же нема?.. Отъ тилькы, що я не захопывъ зъ собою, а то-бъ я показавъ-бы вамъ...

— Та показать це й я можу. Въ мене есть цей законъ. Тутъ не въ тому сыла, а въ тому, що вы не такъ розуміете цей законъ...

Я досталь X томъ св. законовъ ч. I изданіе Анисимова и, нашедши 701 и 702 статьи, прочиталь ихъ. Петро Ивановичъ даже нагнулся, всматриваясь въ читаемое мною, и послѣ прочтенія какъ-то побѣдоносно посмотрѣлъ на Прилѣпина, какъ-бы указывая ему на то, что вогъ-же законъ и не въ одной его книжкѣ напечатанъ.

Я счель себя обязаннымъ разъяснить смыслъ этихъ статей.

— Такъ отъ бачыте, якъ тутъ напысано: „Произволь и согласіе должны быть свободны. Свобода произвола и согласія нарушается: 1—принужденіемъ и 2—подлогомъ“. А отъ дали у закони сказано такъ: „Принужденіе бываетъ, когда кто-либо, бывъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или вступленію въ обязательство насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его

лицо или имущество". Це виходить, що тоди тилько законъ признае понуду-принужденіе, коли васъ сылоу, чы лякомъ якимъ присылувано що-небудь продаты, купыты або обчымъ-небудь договорытыся не такимъ побытомъ, якъ-бы вы хотили, якъ-бы вамъ бажалося, а такимъ, якъ другому захотилося, и коли зробыть цее все васъ примусылы сылоу, чы страхомъ чого небудь гишого. Та й то законъ наказуе заразы-же обясныты сябрамъ чы начальству, щобъ вони могли запобигты тому присылуванню або хотъ засвидчыты, що таке то й таке сталося. А то якъ такъ розумиты, якъ вы розуміете, то тоди коженъ, хто надумався писля продажи, або домовы якои, заразы-же й одказувався-бъ. Нанявся-бъ на роботу, а черезъ два-тры дни сказавъ-бы, що винъ наймався по нужди, по прынужденію; позычывъ грошей на яку потребу, ростъ на стовбъ пообцявъ—а писля скаже, що винъ позычавъ по нужди, по прынужденію, и росту не захоче отдаваты. Такъ не можна, такъ не буде ни торгу, ни якого дила промежъ людмы.

Я полагаль, что слушатели мои вполнѣ убѣждались моими аргументами. Прилѣпинъ понурился, а Петро Ивановичъ не спускаль съ меня глазъ и, очевидно, внимательно слушалъ мои объясненія. Когда я кончилъ, онъ пошаталъ головою и сказалъ:

— Це вирно. Усе воно такъ, якъ и слидуе—вы кажете. Такъ ёму й порядокъ вказаный... Та тилькы... якъ-же теперъ зробыть, щобъ воно було обсуждено якъ слидъ по закону. Тутъ усяке зрозуміе, що винъ не по добрій воли подпысавъ отту другу розпыску про неустойку, бо якъ бы винъ не пидпысавъ ия, то той выхрестъ не давъ бы ёму грошей... А теперъ и геруе зъ нѣго у-двое.

Очевидно, что Петро Ивановичъ соглашался со мною въ пониманіи разсматриваемыхъ нами статей закона въ общемъ ихъ смыслѣ, но когда дѣло коснулось конкретнаго случая этого самаго принужденія Исаковичемъ Прилѣпина выдать росписку о неустойкѣ, у него ступовывались всѣ эти общія понятія, а оставалось свое сознание принужденія въ дачѣ этой росписки и, разумѣется, это пониманіе никакими толкованіями выбить изъ головы нельзя было.

— Такъ какъ-же? Напишите жалобу?—спросилъ онъ меня.

Я отказался писать жалобу и объяснилъ, что она будетъ напрасна, такъ какъ рѣшеніе судьи совершенно правильно и законно. Совѣтовалъ я какъ-нибудь сойтись съ Исаковичемъ, который, по всему вѣроятію, не станетъ-же взыскивать всего присужденнаго ему, а удовлетворится какою-нибудь надбавкою на сумму долга по первой роспискѣ. Но такъ какъ мнѣ хотѣлось списать жалобу въ мою коллекцію куріозовъ, то я предложилъ жалобу оставить мнѣ для разсмотрѣнія и прійти за окончательнымъ моимъ совѣтомъ дня черезъ два-три. Съ тѣмъ они и ушли отъ меня.

Вскорѣ явилась совсѣмъ пьяная Васильевна и стала разсypаться въ извиненіяхъ и ея ко мнѣ любви и между прочимъ сказала, что она не пѣшкомъ пришла, а пріѣхала на лошади, присланной за мною отцомъ Симеономъ, куда я сейчасъ-же и отправился, захвативъ съ собою для прочтенія въ компаніи жалобу „Опеляцію“.

II.

Я между прочимъ рассчитывалъ, если придетъ ко мнѣ одинъ Прилѣпкинъ, уговорить его не подавать жалобы. Но дня черезъ два явились оба съ тѣмъ-же требованіемъ—только выправить написанное. При этомъ Петро Ивановичъ вытащилъ изъ-за пазухи вложенную въ двѣ отдѣльныхъ картонки „кнжочку“. Это была часть очевидно растерянныхъ листовъ Анисимовскаго изданія гражданскихъ законовъ. Петро Ивановичъ не безъ особаго рода важности подалъ мнѣ эту „кнжочку“. Да, на самомъ дѣлѣ это было Анисимовское изданіе, даже новенькое въ то время—„девятое дополненное изданіе“. На первомъ листкѣ крупнымъ шрифтомъ напечатано: Гражданскіе законы; на второмъ листкѣ шло оглавленіе и т. д. до 32 страницы включительно; затѣмъ сразу 215 страница съ этою самою 701 статью, а затѣмъ на 256 страницѣ и кончалась книжка. Сшита она была по-китайски, по

корешку, и сохранялась въ двухъ отдѣльныхъ картонкахъ, очевидно оторванныхъ старыхъ переплетахъ, которые перевязывались шнурочкомъ. Петро Ивановичъ разсказалъ мнѣ, что его покойный братъ, солдатъ, занимался переплетничествомъ, и онъ послѣ его смерти спасъ отъ растерзанія дѣтми вотъ эту самую, такъ пригодившуюся ему, „книжочку“.

Всѣ мои разясненія о правильности рѣшенія судьи и безуспѣшности жалобы на это рѣшеніе не привели ни къ чему: Петро Ивановичъ настаивалъ на томъ, что именно и составляло обязанность судьи обсудить въ данномъ случаѣ очевидность принужденія со стороны Исаковича въ выдачѣ и подписаніи Прилѣпнымъ росписки о неустойкѣ. Что законъ на этотъ предметъ вотъ на лицо и что на то и „понаставляни“ судьи, чтобъ все разобрать и выслнить, а нашъ мировой судья ничѣмъ не захотѣлъ себя утруждать, а только посмотрѣлъ вотъ въ такую, какъ та, что лежитъ у меня на столѣ, раскрашенную по обрѣзу книжку и сейчасъ-же написалъ рѣшеніе. Я самъ зналъ о склонности нашего судьи къ своего рода буквоѣдству, но въ тоже время понималъ, что ему ничего иного не оставалось дѣлать по этому дѣлу, какъ только присудить требуемое. Но тѣмъ не менѣе, видя такую настойчивость и убѣжденность руководившаго дѣломъ Петра Ивановича и зная, что они, такъ или иначе, да подадутъ „Опеляцію“, я взялся написать имъ ее, увѣряя, что толку изъ этого никакого не будетъ, а потому и денегъ за написаніе не взялъ. Я даже условился съ ними, что перепишетъ апелляцію самъ Петро Ивановичъ, при чемъ объяснилъ о необходимости написанія копіи для противной стороны, о порядкѣ подачи тому же судѣ, а не по почтѣ, какъ хотѣли сдѣлать они. Тогда еще производство у мировыхъ судей велось безпошлинно. Разумѣется, я отказался поддержать эту апелляцію въ мировомъ сѣздѣ.

Мнѣ случилось присутствовать при разборѣ этого дѣла въ сѣздѣ мировыхъ судей.

Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи самъ предсѣдатель, онъ же участковый судья, генералъ С—скій. Вслѣдъ за вызовомъ къ судейскому столу Прилѣпина, вышелъ и Штанько. Генералъ

всегда въ военномъ мундирѣ и въ эполетахъ съ куафюрой, похожей на куафюру Государя на портретѣ, висѣвшемъ за судейскимъ столомъ, держалъ себя важно, начальнически. Увидавъ выходящаго за Прилѣпнымъ Штанька тогда, когда Исаковичъ занялъ знакомое ему мѣсто около одного изъ пюпитровъ (по своимъ многочисленнымъ дѣламъ Исаковичъ всегда самъ предстательствовалъ)—генераль спросилъ Прилѣпина:

— Это что-жъ? свидѣтеля вы привели съ собой?—

Прилѣпинъ замаялся и не нашелся что отвѣтить, но Штанько, отстранивъ рукою его, отчетливо сказалъ:

— Ёнто вонъ, ваше превосходительство, желаетъ мене за себе въ одговорщикомъ поставить, мени свое недоуміа передать.

На отдувающимся лицѣ генерала скользяла улыбка, и онъ сказалъ:

— Значить вы будете его повѣреннымъ?

— Повиреннымъ, ваше превосходительство, какъ вонъ у Ёнтому дили подписавъ по прынужденю и вона недиствительна.

— Ну, это послѣ, въ свое время будете говорить...—сказалъ генераль и наклономъ въ сторону докладчика головы предложилъ прочитатъ рѣшеніе и апеліацію.

Въ апеліаціи между прочимъ была разсказана исторія всего займа и разумѣется того, въ какомъ положеніи былъ заемщикъ, подписавши росписку о неустойкѣ.

По приглашенію генераломъ добавить еще что нибудь къ апеліаціи, Штанько довольно складно, но только, разумѣется, коверкая русскую рѣчь, къ чему уже привыкли судьи, имѣвшіе дѣло съ мѣстными хохлами, началъ объяснять, что Прилѣпинъ занялъ у Исаковича только пятьдесятъ рублей по шесть процентовъ въ мѣсяць и что онъ не отказывается уплатить и капитальный долгъ и проценты, но только не хочетъ уплатить неустойки, что онъ просилъ Исаковича подождать и тотъ согласился, а послѣ и предъявилъ искъ, что росписку онъ подписалъ по принужденію, такъ какъ иначе Исаковичъ не хотѣлъ давать денегъ, а ему необходимы были они на покушку лошади. Затѣмъ онъ степенно развязалъ свою „кныжочку“ и сталъ читать „смсоть первой законъ“, но генераль его перебилъ:

— Читать не нужно, намъ законы извѣстны. Вы говорите, если имѣете что еще сказать...

— Што-жь болше говорить, господа праведныи судьи! Тутъ усякому видно, що розписка подписана по прынужденю: по своѣму слободному прозову вонъ не ставъ-бы самъ на себе петлю надивать,—закончилъ Штанько весьма удачно.

— Вы, что-же растовщичествомъ занимаетесь?—строго спросилъ генераль Исаковича, который еще не отрѣшился отъ усвоеннаго имъ въ кантонистахъ, а послѣ и въ солдатахъ страха передъ военнымъ начальствомъ, какъ-то умалился, съезжился и съ отвратительнѣйшимъ еврейскимъ акцентомъ отвѣчалъ:

— Ну, какое растовщичество? Я ему, какъ бѣдному человѣку, хатѣль помогать лошадка купить, а онъ...

— Такъ это вы изъ сожалѣнія къ нему по шесть процентовъ въ мѣсяцъ драли съ него?...—еще суровѣе спросилъ генераль.

— Ну, какой пурцентъ? Я доволенъ, если-бы онъ отдалъ хоть самый капиталъ... Какой пурцентъ изъ него узять?

— То есть вы хотите получить только свои пятьдесятъ рублей?—все также грозно спросилъ опять генераль.

— Ну, а што-же болше изъ него узять, хоть-бы минѣ мои гроши взыскать...—прорвалось у Исаковича.

— Запишите въ протоколъ засѣданія, что истецъ соглашается только свои пятьдесятъ рублей получить.. Судъ удаляется для совѣщанія,—сказалъ, вставая съ мѣста, генераль, и за нимъ вышли и засѣдавшіе съ нимъ судьи.

Исаковичъ отошелъ въ публику сконфуженный, шаталъ головой и цмокалъ, но когда надумался подойти къ секретарю, оставшемуся за судейскимъ столомъ въ залѣ засѣданія, раздался звонокъ и вошедшій съ судьями генераль прочиталъ:

„По указу Его Императорскаго Величества Б—скій съѣздъ мировыхъ судей... въ виду заявленнаго на судѣ согласія истца, отставнаго унтеръ-офицера Николая Никитина Исаковича, опредѣлилъ съ кр—на Степана Федорова Прилѣпина взыскать въ его Исаковича пользу пятьдесятъ рублей, въ остальной части

обжалованное рѣшеніе мирового судьи № участка по этому дѣлу отмѣнить“.

— Недовольная этимъ рѣшеніемъ сторона можетъ обжаловать рѣшеніе въ Правительствующій Сенатъ въ 4-хъ мѣсячный срокъ. Засѣданіе по этому дѣлу окончено.—Такъ закончилъ генералъ какъ-бы отстраняя всякія объясненія со стороны выступившаго было впередъ Исаковича. Штанько перекрестился на образъ и, поклонившись судьямъ, отошелъ въ публику, а затѣмъ ушелъ изъ залы, сопровождаемый Прилѣпнымъ.

Проходя изъ сѣзда въ свою квартиру, спустя часа два послѣ, я наткнулся на выходящихъ изъ трактира Прилѣпина и Штанька; послѣдній, немного подвыпивши, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Отъ выдите, господинъ аблокать, якъ наше дило вышло. Законъ винъ одинъ для всихъ, тильки судьи не одинакови...

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что „кныжочка“ ему во всемъ помогла, и рѣшеніе состоялось такое потому, что расписка о неустойкѣ была выдана „по прынужденію“.

III.

Не разъ мнѣ послѣ этого приходилось встрѣчать Петра Ивановича въ камерѣ мирового судьи, не разъ онъ заходилъ ко мнѣ „совитаться“. До тѣхъ поръ, пока вышли правила о повѣренныхъ, пока ходатайство въ судѣ за другое лицо не стало въ зависимость отъ полученія на то свидѣтельства, онъ постоянно бывалъ въ камерѣ судьи и выступалъ „одговорщикомъ“ за тѣхъ, кто передавалъ ему „свое недоуміе“. Судья называлъ его психопатомъ и всегда кривился, когда приходилось разсматривать дѣла, въ которыхъ онъ выступалъ повѣреннымъ. Во всѣхъ дѣлахъ онъ неизмѣнно приводилъ одну и ту-же теорію объ отсутствіи произвола и о принужденіи. Писалъ онъ болѣе чѣмъ плохо, но аргументировалъ на судѣ складно, держась неуклонно своего разумія 701 и 702 ст. X тома ч. I св. граж. законовъ, кото-

рые называлъ прямо „симсотъ первый и симсотъ второй законъ“. У него выходило, что попавшійся въ потравѣ впускалъ скотину въ чужое поле „по принужденію“, такъ какъ у него не было гдѣ пасти скотину; что кредиторъ не долженъ взыскивать въ опредѣленный долговымъ обязательствомъ срокъ потому, что срокъ назначенъ по принужденію не въ то время, въ какое хотѣлось должнику по его „прозволу“; что нанявшійся къ подрядчику каменщикъ не явился на работу тоже по принужденію, такъ какъ у него умерла жена и не на кого было бросить малолѣтнихъ дѣтей, что неявившіеся къ уборкѣ хлѣба въ экономію, забравшіе еще весною деньги впередъ рабочіе не обязаны исполнять договоры, такъ какъ договоры эти были заключены по принужденію по дешевой цѣнѣ, когда имъ грозилъ старшина взысканіемъ недоимокъ и угрожало будущее зло—весенняя голодовка. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, онъ дошелъ до того, что отстаивалъ право жены уйти отъ мужа, за котораго она была отдана насильно.

Отстаиваніемъ такой теоріи Петро Ивановичъ возбудилъ противъ себя кулаковъ своего хутора и даже многихъ въ слободѣ. Особенно возсталъ противъ него одинъ изъ богатыхъ мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ, содержавшій много кабаковъ въ той мѣстности для сбыта своего вина. Обыкновенно онъ платилъ довольно большія суммы денегъ сельскимъ обществамъ за право открытія въ ихъ селахъ кабаковъ. Договоры эти совершались обыкновенно передъ новымъ годомъ, т. е. передъ выборкою документовъ. Разумѣется, въ договорѣ оговаривалось исключительное право торговать водкою въ томъ селѣ и недопущеніе къ тому кого другого. Петро Ивановичъ подбилъ общество своего хутора, послѣ сдачи права открытія кабака въ хуторѣ этому заводчику, сдать это-же право еще другому лицу за особую плату, рассуждая, что при отдачѣ права исключительной торговли заводчику не было „слободного прозвона“ общества, а было „принужденіе“ со стороны захватившихъ власть въ обществѣ нѣкоторыхъ міроѣдовъ и пріѣзжавшихъ съ приказчикомъ заводчика волостного старшины и писаря, что „слобода“ нару-

шалась еще тѣмъ, что на сходѣ было выпито два ведра водки. Это допущеніе продажи въ хуторѣ водки двухъ фирмъ имѣло однако-жъ для хуторянъ нехорошія послѣдствія: во первыхъ, явилась конкуренція у кабатчиковъ, удешевленіе вина, легкость кредита, а слѣдовательно и увеличеніе пьянства въ хуторѣ, а затѣмъ еще и то, что заводчикъ не только не захотѣлъ платить въ іюлѣ условленные триста рублей, но еще предъявилъ искъ о возвратѣ раньше внесенныхъ, мотивируя свои требованія тѣмъ, что такъ какъ взиманіе платы за право торговли не дозволяется¹⁾, то значить и договоръ его съ обществомъ не дѣйствителенъ, а потому каждая изъ договаривающихся сторонъ должна стать въ положеніе, бывшее до договора, а поэтому триста рублей, полученные съ него обществомъ, должны быть ему возвращены. Это взысканіе было присуждено заводчику въ двухъ инстанціяхъ, и хотя онъ денегъ съ общества не взыскалъ, но на слѣдующій годъ право открытія кабака было ему отдано за четыреста руб. вмѣсто прежнихъ шестисотъ, и что главное—подорвалось довѣріе общества въ юриспруденцію Штанька.

А тутъ еще подвернулся такой случай:

Въ большомъ имѣніи одного генерала вся земля обрабатывалась рабочими, нанимаемыми еще раннею весною, разумѣется, по дешевой весенней цѣнѣ. Когда-же, по случаю хорошаго урожая въ томъ году, цѣны на уборку хлѣба страшно поднялись, то нанятые съ весны рабочіе отказались убирать по этой цѣнѣ. Приѣхавшій на лѣто въ имѣніе самъ генераль заволновался, поѣхалъ къ губернатору жаловаться, выписалъ откуда-то изъ центральныхъ губерній рабочихъ, которые ему очень дорого стоили, и въ концѣ концовъ попредъявлялъ массу исковъ объ убыткахъ и затѣмъ порѣшилъ взыскать эти убытки уже по исполнительнымъ листамъ безо всякаго снисхожденія. Разумѣется, Петро Ивановичъ по всѣмъ этимъ дѣламъ явился повѣреннымъ съ обычно своею аргументаціею о томъ, что всѣ эти договоры

---

1) Тогда такіа сдача монопольной торговли были запрещены.

недѣйствительны, такъ какъ они заключались не по свободному произволу, а по принужденію подѣ страхомъ предстоящаго зла, весенней нужды, и кромѣ того, онъ этотъ дешевый весенній наемъ называлъ „ростовствомъ“, т. е. ростовщичествомъ.

— Оце понайма на уборку по 2 р. 40 коп., або по 2 р. 60 к., позадае по пивтора рубли впередъ ще до Евдокии (1 марта), а черезъ чотыри мисяци требе на роботу, що вже стоить пошиты, по шить зъ половиною рубливъ за десятину. Хиба-жь це не ростовство? Це винъ бере вже росту на пивтора рубли по чотыри, по чотыри зъ полтыною за чотыри мисяци. Це каравуль крычатъ треба!...—говорилъ въ крайнемъ возбужденіи Петро Ивановичъ, выходя изъ суда послѣ присужденія исковыхъ требованій генерала.

Самое исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній вызвало сопротивленіе крестьянъ при описи и продажѣ имущества, требованіе помощи вооруженной силы и затѣмъ привлеченіе къ суду виновныхъ въ сопротивленіи и въ подстрекательствѣ. Въ послѣднемъ былъ обвиненъ и Петро Ивановичъ, легко однако отдѣлавшійся только двухъ-мѣсячнымъ арестомъ при полициі.

За время этого сидѣнья подѣ арестомъ, онъ познакомился съ однимъ молодымъ писцомъ полицейскаго управленія и начался, какъ онъ рассказывалъ, всякихъ законовъ. Особенно онъ старался проникнуть въ смыслъ и значеніе межевыхъ законоположеній, такъ какъ у нихъ, хуторянъ, издавна ведется со слободою споръ изъ-за границъ земельныхъ участковъ.

Я вскорѣ переселился въ недалекій городъ на жительство и потерялъ изъ виду Петра Ивановича, который, вѣроятно, былъ, что называется, приборканъ въ своей одговорщицкой дѣятельности понесеннымъ имъ наказаніемъ и—главное—правилами о частныхъ повѣренныхъ.

IV.

Прошло три-четыре года. Изрѣдка мнѣ приходилось бывать въ Шереметовкѣ, заканчивать оставшіяся недооконченными прежнія дѣла. Въ одинъ иль такихъ прїѣздовъ мнѣ рассказали о случившихся въ то лѣто столкновенияхъ слобожанъ съ хуторянами. Въ виду трудности охраненія полей отъ все болѣе и болѣе повторяющихся погравъ на границѣ съ хуторскими землями, о каковыхъ границахъ и шель уже судебный процессъ,—слобожане, безсильные въ охраненіи своихъ отдѣльныхъ душевыхъ пайковъ, порѣшили окрайные земли вырѣзать въ отдѣльные болѣе крупные участки и таковые сдавать на нѣсколько лѣтъ въ аренду съ торговъ. Арендаторами явились мѣстные богачи, позабывшіе на участкахъ хутора, „заведенія“—какъ ихъ называли; построили жилые дома, риги, скотные дворы и оборы... Хуторяне въ этомъ усмотрѣли, разумѣется, поляйшее завладѣніе спорными землями и уже вмѣсто единичныхъ протестовъ, выражавшихся по сю пору погровами и запашками, порѣшили воспрепятствовать этому завладѣнію по-просту разореніемъ строящихся хуторовъ. Собравшись толпою, они разнесли два хутора, при-чемъ не обошлось безъ побіеній арендаторскихъ приказчиковъ и рабочихъ. Но на одномъ изъ такихъ арендаторскихъ участковъ они встрѣтили серьезное сопротивленіе: молодой и энергичный арендаторъ, мѣстный торговецъ Прыдыбайловъ, вооружилъ бывшихъ у него на хуторѣ приказчиковъ и рабочихъ ружьями и револьверами и порѣшилъ не допустить нападающихъ къ разоренію своего хутора. Самъ онъ съ револьверомъ большого калибра системы Смита и Вессона сталъ во главѣ своего гарнизона. Нападающіе были предупреждены, что если только не остановятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Въ толпѣ хуторянъ былъ и Петро Ивановичъ, прибѣжавшій на мѣсто побоища съ цѣлью воздержатъ своихъ односельцевъ отъ „принужденія и прозволу“, но роковая пуля, минувъ ринувшихся на стоявшаго впереди своей команды Прыдыбайлова, попала въ самое сердце несчастнаго Штанька, пробивъ по пути имѣвшуюся всегда у него за пазухой „кныжочку“ очень

можетъ быть черезъ ту самую 701 статью. Онъ палъ со словами: „вотъ ѣто самое принужденіе и прозволь“.

Отхлынувшая было при выстрѣлѣ толпа все таки ринулась впередъ и разнесла хуторъ Прыдыбайлова, избивъ до смерти его самого и его рабочихъ...

Такъ кончилъ несчастный „одговорщикъ“ свое поприще народнаго трибуна съ его своеобразною теоріею пониманія отношеній договаривающихся сторонъ.

Б. Познанскій.

Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской лавры.

По поводу моей статьи въ іюньской книжкѣ „Кіевск. Статистика“ о памятникахъ искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-печерской лаврѣ, появилось въ № 205 „Кіевлянина“ довольно странное письмо г. Эртеля. Собственно, поводомъ для письма была даже не самая статья, а лишь небольшое примѣчаніе къ ней относительно того, что г. Эртель, въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшемъ происхожденіи памятника кн. К. И. Острожскаго, ссылается на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго. Теперь оказывается, что г. Эртель совсѣмъ и „не думалъ утверждать, что это (т. е. мнимый рисунокъ надгробія) и есть надгробіе“,—онъ только сказалъ, что „тамъ есть изображеніе надгробнаго памятника“. Отказываюсь разбирать эту игру словъ, но чтобы доказать, насколько основательно мое обвиненіе, достараюсь объяснить при помощи фактовъ. Вотъ мѣсто изъ реферата г. Эртеля, на основаніи котораго я считаю, что онъ сдѣлалъ ссылку на несуществующій рисунокъ надгробнаго памятника. „Надгробіе, существующее теперь, *ничего общаго не имѣетъ съ упомянутымъ рисункомъ* Кальнофойскаго ни по формѣ, ни по стилю. Не значить ли это, что и самое надгробіе сдѣлано уже послѣ 1718 года? Во всякомъ случаѣ такой вопросъ можетъ быть возбужденъ съ пол-

нымъ основаніемъ".¹⁾ Если г. Эртель „не думалъ утверждать, что это и есть надгробіе“, такъ незачѣмъ сравнивать съ существующимъ памятникомъ—это во-первыхъ, а во вторыхъ, не съ чѣмъ и сравнивать, такъ какъ рисунка надгробнаго памятника въ Тератургимѣ все-таки не существуетъ вовсе, не смотря на усилія г. Эртеля доказать противное. Орнаментированная же заставка Тератургимы (родъ высокаго треугольника на узкомъ основаніи, подставка котораго украшена масками и птичьими головками), не даетъ ни малѣйшаго права утверждать, что заставка эта представляетъ собою изображеніе надгробнаго памятника. Справедливость этого положенія станетъ очевидной и безспорной изъ словъ самого-же автора.

Г. Эртель въ своемъ письмѣ, описывая въ назиданіе мнѣ „рисунокъ надгробія“, высказываетъ предположеніе, которое служить какъ-бы дальнѣйшимъ развитіемъ только что процитированнаго мною мѣста, что *„форма треугольника изъ орнаментовъ, включающаго въ себѣ эпитафію (Всевидащее Око?)—одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, идѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное“*.

Значить, свидѣтельство свящ. І. Лукьянова о видѣнномъ имъ въ 1701 г. изваяніи „изъ камене“ фигуры князя К. Острожскаго ничего незначащая мелочь? А между тѣмъ, у Лукьянова, при описаніи надгробія, совершенно ясно сказано, безъ возможности перетолкованія какъ-нибудь иначе—„лежитъ на боку въ латахъ, какъ живой“. Какое же отношеніе можетъ имѣть къ этой фигурѣ, лежащей на боку въ латахъ, такъ понравившейся г. Эртелю „треугольникъ?“ Разумѣется никакого. Г. Эртелю неловко сознаться въ томъ, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку, ему во что-бы то ни стало нужно выпутаться изъ затруднительнаго положенія,—вотъ онъ и вздумалъ пристроить на мѣсто монументальнаго памятника „треугольникъ изъ орнаментовъ“, форма

---

¹⁾ О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской лавры — «Труды Кіевской Дух. Академіи», 1897 г. апрѣль.

котораго „одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, *идь мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*“.

Способъ доказательствъ г. Эртеля не вяжется не только съ имѣющимися точными историческими данными о памятникѣ Острожскаго, но въ то же время онъ противорѣчитъ здравому смыслу, потому, что если бы даже не было цѣлаго ряда однородныхъ надгробій, относящихся къ XVI столѣтію, и если бы не было драгоценнаго по своей ясности указанія Лувьянова, то и тогда лишено всякаго основанія утвержденіе, что „мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное“, кромѣ треугольника, такъ какъ для существующаго, по прекрасному выраженію Максимовича, величаваго надгробія нашлось-же мѣсто ¹⁾.

Установивши такимъ остроумнымъ образомъ на мѣсто памятника Острожскаго „треугольникъ изъ орнаментовъ“, г. Эртель съ такой-же свободой раздѣливается со старой живописью Великой лаврской церкви. Вотъ способъ его умозаключеній: „Что касается цѣнности остальныхъ произведеній „искусства“, уничтоженныхъ въ лаврѣ, то эта цѣнность ихъ установлена въ свое время *безповоротно* и достаточно компетентными людьми“...

Кто-же эти „компетентные“ люди, которые взяли на себя неблагодарный трудъ хоронить и смѣшивать съ мусоромъ такіа произведенія искусства, какъ единственные въ своемъ родѣ пор-

---

¹⁾ Въ своей статьѣ я не упомянулъ о времени сооруженія памятника Острожскаго,—оно извѣстно съ точностью изъ эпитафій этого вельможи, извлеченной изъ рукописнаго сборника конца 17 стол. проф. Н. И. Петровымъ (Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая. К. 1879 г.). «Животъ свой скончалъ, гласить эпитафія, у 70 лѣтъ зъ великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Феодосія Печерскихъ. Гробъ-же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. Крещеніи Васиіемъ Острожскимъ, воеводою Кіевскимъ, Маршаломъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7».

треты царей Михаила Федоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича и Петра I?

При попыткѣ разобраться въ литературѣ, возникшей по поводу уничтоженной лаврской живописи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить работу, которая стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, какъ по своему рѣзко отрицательному тону, такъ и по притязанію на оцѣнку уничтоженной живописи,—я говорю о цитированномъ уже мною рефератѣ г. Эртеля.

Я сказала, что работа эта стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, и это безусловно справедливо, такъ какъ всѣ остальные работы не имѣютъ притязанія на оцѣнку названныхъ произведеній и лишь косвенно относятся къ самой живописи, потому-что центръ тяготѣнія этихъ работъ скорѣе письменные источники, касающіеся исторіи возникновенія живописи, чѣмъ сама живопись. Значитъ, „компетентные люди“, имѣвшіе такое безповоротное—рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, не иной кто, какъ самъ г. Эртель со своимъ рефератомъ.

Разъясненіе этого вопроса настолько интересно, что я считаю своей обязанностію остановиться нѣсколько подробнѣе на рефератѣ г. Эртеля. При помощи выдержекъ, читателю станетъ ясна вся неосновательность притязаній г. Эртеля на наименованіе себя компетентнымъ лицомъ въ такомъ серьезномъ и ответственномъ дѣлѣ, какъ безповоротное уничтоженіе памятниковъ; съ другой стороны, какъ неоспоримый противовѣсъ измышленіямъ г. Эртеля, я приведу мнѣнія людей, дѣйствительно компетентныхъ въ этомъ вопросѣ, мнѣніи, какъ увидитъ читатель, совершенно совпадающія въ конечныхъ результатахъ съ моей оцѣнкой уничтоженныхъ предметовъ искусства.

Я сосредоточу вниманіе читателя собственно на сужденіяхъ г. Эртеля о живописи, потому что онѣ-то и составляютъ всю суть его взглядовъ по данному вопросу, все-же остальное, какъ-то: перечисленіе настоятелей лавры, выписки изъ Синописа Гизеля и многое другое въ такомъ родѣ, лишено всякаго значенія.

„Въ художественномъ отношеніи, разсуждаетъ г. Эртель, снятыя изображенія ниже всякой критики: грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисунокѣ, постановкѣ фигуръ, доходяція до того, что *головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ*, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ—вотъ отличительные признаки живописи, изъ-за которой идетъ столько разговоровъ. Мастеръ, рисовавшій ихъ, былъ не то что неискусень—это былъ просто безграмотный маляръ“. Все это очевидная неправда. Изданные Е. М. Кузьминымъ портреты служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ—*и головы тамъ въ одной плоскости съ туловищемъ*, и повороты рукъ совершенно естественны, и пропорціи какъ слѣдуетъ, не говоря уже о портретахъ русскихъ государей, и въ особенности о портретѣ Петра I, который долженъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ иконографіи портретовъ царя Преобразователя.

Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Эртель приходитъ къ убѣжденію, что портреты писаны кievскимъ мастеромъ 70-хъ годовъ 18 столѣтія по имени Захаріей Голубовскимъ ¹⁾. Сдѣлано это, судя по ходу дѣла, съ той цѣлью, чтобы найти лишній предметъ для скучныхъ глумленій и издѣвательствъ. Чтобы окончательно уронить значеніе лаврскихъ портретовъ, г. Эртель беретъ для примѣра совершенно изуродованныя ретушью фотографіи съ портретовъ князей Сангушекъ, Вишневецкихъ и Острожскихъ, и въ выраженіяхъ, которыя обрисовываютъ въ ихъ авторѣ полное незнаніе южнорусскаго костюма XVI—XVII ст., издѣвается надъ тѣмъ, что названные князья одѣты съ царскимъ великолѣпіемъ (какъ будто на медали 16 ст. изъ недавно найденной лаврской казны кн. К. К. Острожскій одѣтъ иначе?),

---

¹⁾ Читатель помнитъ, что объ этихъ портретахъ есть упоминаніе въ путешествіи Лукьянова еще въ 1701 г. («а въ церкви стѣнное писаніе, говоритъ Лукьяновъ, всѣ князья русскіе написаны»), такъ что объ авторствѣ Голубовскаго въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

наконецъ, съ развязностью говорить, что будто „всѣ эти князья совершенно напоминають карточныхъ королей, съ той разницей, что нарисованы они неизмѣримо хуже. Все это, продолжаетъ г. Эртель, отнимаетъ даже надежду предположить, что Захарія Голубовскій имѣлъ подъ руками какіе-либо заслуживающіе вниманія образцы¹⁾. Онъ писалъ такъ, какъ пишутъ до сихъ поръ наши иконописцы, если можно такъ выразиться, *чисто эмпирически*, что еще болѣе подтверждаетъ ту печать *индивидуальности*, которая лежитъ на его работахъ и отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ художникъ, разъ онъ пишетъ самостоятельно, а не копируетъ съ образцовъ“.

Это—центральное мѣсто реферата г. Эртеля и въ то же время самое безсвязное. Г. Эртель совершенно запутался въ своихъ собственныхъ философствованіяхъ. Что значитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „чисто эмпирически“? Я убѣжденъ, что дать ему какое-либо объясненіе никто не въ силахъ, не исключая даже самого Эртеля. Что-же касается *печати индивидуальности*, то г. Эртель, самъ того не сознавая, вмѣсто порицанія, высказалъ величайшую похвалу уничтоженной живописи, такъ какъ каждому, серьезно занимающемуся искусствомъ, извѣстно, что только то художественное произведеніе и можетъ имѣть дѣйствительную цѣну, которое художникъ пишетъ *самостоятельно* и на которое онъ, въ силу этой самостоятельности, налагаетъ *печать индивидуальности*—качество, которымъ только лишь и можетъ быть опредѣлена интенсивность взаимоотношенія и внутреннее сродство между творящей личностью и ея произведеніемъ, т. е. самое дорогое во всякомъ художественномъ произведеніи; въ противномъ случаѣ, это будетъ мертвый и безжизненный шаблонъ, чуждый какой-бы то ни было связи съ живымъ искусствомъ.

---

¹⁾ Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Эртель какъ-бы размышляетъ самъ съ собою: «хотя, разумѣется, волиѣ отрицать этого нельзя. Портретъ П. Могилы имѣеть нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха». Надо прибавить, что портретъ этотъ одинъ изъ искаженныхъ ретушью, тѣмъ не менѣе, г. Эртель призналъ въ немъ сходство „съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха“.

Приведенныхъ мною выдержекъ достаточно, чтобы показать степень компетентности г. Эртеля.

Перехожу теперь къ мнѣніямъ людей, которые по праву могутъ быть названы компетентными въ данномъ вопросѣ.

Въ 1840 г. кievскій митрополитъ Филаретъ предпринялъ по собственному почину возобновленіе живописи въ великой лаврской церкви, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе императора Николая I, обратившаго на это поновленіе свое личное вниманіе при посѣщеніи Кіева въ 1842 году. Вслѣдъ за этимъ, въ 1843 г., былъ командированъ по высочайшему повелѣнію для осмотра, какъ новой, такъ и оставшейся нетронутой поновленіемъ живописи, академикъ живописи (впослѣдствіи профессоръ), большой знатокъ стариннаго искусства и очень извѣстный археологъ Ѡ. Г. Солнцева. Послѣ внимательнаго обследованія живописи, Солнцева далъ такое заключеніе:

1) „Всю новую живопись сдѣлать темнѣе, на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе, перспективу и пейзажи сдѣлать легче и не такъ рѣзкими, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить; 2) орнаменты, вмѣсто бѣлыхъ, написать желтыми, какъ было прежде; букеты цвѣтовъ между орнаментами совершенно уничтожить; 3) *оставшіяся старую живопись—портреты царей, великихъ князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить*; и 4) наконецъ, раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“¹⁾.

---

1) П. Г. Лебеденцева. Возобновленіе стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. („Университетскія Извѣстія“, 1878 г., мартъ).

Г. Эртель игнорируетъ мнѣніе Солнцева, но за то ему въ высшей степени любезны мнѣнія комиссіи 1843 года, которая въ параграфѣ 4 своего заключенія говоритъ: „Нынѣ не осталось уже ни одного предмета для сравненія, по которому комиссія могла бы произнести рѣшительное мнѣніе насчетъ достоинства настоящей живописи

Вотъ голосъ компетентнаго лица и настоящаго ученаго. Способъ выраженій его тѣченъ, простъ и ясенъ—черта, характеризующая подлиннаго знатока и спеціалиста. Въ немногихъ словахъ онъ охватываетъ всю сущность предмета. Многимъ, мнящимъ себя знатоками въ дѣлахъ искусства, для того чтобы умѣрить свой разрушительный пылъ, слѣдовало бы поучиться у этого стараго археолога если не знаніямъ, то по крайней мѣрѣ *осторожности*.

Къ этому безусловно авторитетному заключенію Ѳ. Г. Солнцева должно присоединить не менѣе цѣнное заключеніе комиссіи, составленной изъ среды членовъ церковно-археологическаго общества, по осмотру лаврской живописи въ 80-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Комиссія, хотя и не высокаго мнѣнія о живописи, но, тѣмъ не менѣе, пришла къ такому рѣшенію относительно портретовъ, что они, и при всемъ своемъ несовершенствѣ и противорѣчій съ древнимъ росписаніемъ, представляютъ извѣстный историческій интересъ и нѣкоторыя части этой живописи *заслуживаютъ сохраненія*¹⁾. Кромѣ того, было

въ отношеніи оной къ прежней, ибо живописные остатки, еще не обновленные на нижней части стѣнъ большаго храма, такъ почернѣли отъ времени, или пострадали отъ обвалившейся на нихъ штукатурки, что судить о ихъ бывшемъ достоинствѣ нѣтъ никакой возможности“, а передъ этимъ въ параграфѣ 3 сказано, что *„весь иконостасъ и всѣ св. иконы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ церкви, остались неприкосновенными“*. Читатель можетъ видѣть изъ сохранившихся фотографій портретовъ, что живопись «на нижней части стѣнъ» была довольно ясна, но комиссія, включавшая въ своемъ составѣ «спеціалиста» — учителя рисованія Каиптона Павлова, вѣроятно, не сочла нужнымъ внимательнѣе осмотрѣть находившуюся въ темномъ углу старую живопись.

1) Не могу не замѣтить, что мнѣніе комиссіи о портретѣ Петра I лишено всякаго серьезнаго основанія. Въ заключеніи комиссіи сказано, какъ бы въ доказательство, что портреты всѣ вообще «вымыселъ плохонисцевъ прошлаго вѣка», что фигура Петра I изображена «въ вымышленномъ псевдо-классическомъ одѣяніи». Во первыхъ, характеръ одѣянія не имѣетъ никакого отношенія къ качеству работы

рѣшено, что „со всѣхъ остатковъ живописи XVIII в., которые по иному или другому случаю пришлось бы подвергнуть уничтоженію, *должны быть сняты предварительно точныя копіи* ¹⁾“.

Наконецъ, гр. П. С. Уварова, сознавая всю важность потери благодаря „реставраціи“ лаврской церкви, въ своемъ заключительномъ словѣ XI археологическому съѣзду считаетъ подобные способы „сохраненія“ памятниковъ вопросомъ давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства.

Изъ приведенныхъ мною авторитетныхъ мнѣній читатель можетъ убѣдиться, что уничтоженіе живописи совершенно произвольно и безъ одобренія какихъ-бы то ни было дѣйствительно компетентныхъ лицъ.

Въ заключеніе, не могу не сдѣлать замѣчанія по поводу нѣсколько странныхъ полемическихъ приемовъ г. Эртеля. Въ вопросѣ о памятникахъ искусства Кіево-Печерской лавры г. Эртеля, повидимому, занимаютъ гораздо больше отношенія къ какимъ то лицамъ „извѣстной группы“, чѣмъ самыя предметы искусства. Этимъ только и можно объяснить то странное обстоятельство, что въ своемъ письмѣ, посвященномъ вопросу о реставраціи лавры, г. Эртель удѣляетъ самое видное мѣсто моимъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Е. М. Кузьминымъ. Если г. Эртель думаетъ, что онъ изобрѣлъ нѣчто новое и оригинальное, то это непростительная ошибка, потѣму что этотъ самый литературный приемъ получилъ свою окончательную форму еще

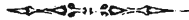

художника, а во вторыхъ, комисіи должно было быть извѣстно, что на всѣхъ лучшихъ портретахъ, какъ напримѣръ Кнеллера, Буецкаго, Танауэра, Натъе и наконецъ, на превосходномъ портретѣ Моора преобразователь Россіи представляется въ этомъ «псевдо-классическомъ одѣваніи». Лаврскій портретъ Петра I подходитъ ближе всего къ типу Буецкаго; 1711 г. (ср. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. III, Сиб. 1888 г. стр. 1563).

¹⁾ Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры. (Труды К. Д. академіи 1900 г. апрѣль).

подъ перомъ извѣстнаго Ө. Бугарина. Впрочемъ, если г. Эртель считаетъ, что мои отношенія къ кому-нибудь могутъ имѣть какой-либо общественный интересъ, то ужъ конечно гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы брать на себя бесполезный трудъ будущихъ доказательствъ незначительности и нехудожественности памятника Острожскаго, заняться ему моей біографіей—это онъ можетъ сдѣлать, „если можно такъ выразиться, чисто эмпирически“, что еще болѣе подтвердить ту „печать индивидуальности, которая лежитъ на его работахъ“.

Ст. Яремичъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища (1789—1803). 1782 года 7 сентября основана Екатериной II «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ». Въ этомъ-же году открыто въ Петербургѣ, на суммы, отпущенныя изъ кабинета Императрицы, и по утвержденному ею плану, *первое народное училище* въ Россіи, а 22 сентября 1786 г.—главныя народныя училища были открыты одновременно въ 25 внутреннихъ губерніяхъ. Три года спустя—такія училища открыты были еще въ 17-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, Харьковской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Но прежде чѣмъ открыть послѣднія, необходимо было принять предварительныя мѣры къ ихъ открытію («все нужное къ такому открытію училищъ пріуготовить»). Въ этомъ направленіи, какъ видимъ изъ подлинныхъ источниковъ того времени, ¹⁾ главнымъ образомъ дѣйствовала та-же «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ», по представленію которой и былъ утвержденъ «Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской имперіи». ²⁾ Тотчасъ по своемъ учрежденіи въ 1782 году она занялась прежде всего составленіемъ и печатаніемъ учебныхъ книгъ и приготовленіемъ учителей изъ питомцевъ Александро-Невской и другихъ православныхъ духов-

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1893, т. I.

²⁾ Этотъ планъ представленъ былъ въ Коммиссію Яковичевъ-де-Миріено, австрійскимъ сербомъ, вызваннымъ Екатериной II въ Петербургъ по рекомендаціи Юсафа П.

ныхъ семинарій. Съ этою цѣлю, въ 1783 году въ С.-Петербургѣ была открыта спеціальная учительская семинарія, наполняемая воспитанниками различныхъ духовныхъ заведеній. Такъ напр., изъ Высочайшаго рескрипта П. В. Завадовскому, предсѣдателю Коммиссіи, отъ 16 октября 1786 г. мы видимъ, что митрополиту Кіевскому и прочимъ архіереямъ предписано прислать въ Коммиссію—изъ Кіевской духовной Академіи 30 человекъ, изъ Черниговской и Переяславской семинарій по 15, да изъ прочихъ ближайшихъ епархій—40 ¹⁾. «Выбираемые къ сему люди должны уже имѣть довольныя основанія въ наукахъ, какія въ оныхъ духовныхъ училищахъ преподаются, и природными своими способностями обѣщать впродъ выщіе успѣхи въ тѣхъ знаніяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. При томъ поведеніе ихъ и нравы должны соответствовать неотмѣнно качествамъ и способности ихъ разума. Какъ видимъ изъ того-же рескрипта, упомянуты въ немъ 100 человекъ предназначались спеціально для снабженія 16 остальныхъ губерній потребнымъ числомъ учителей и, сверхъ того, для посылки въ Анлію для обученія разнымъ полезнымъ занятіямъ.

Въ 1788 г. въ учительской семинаріи былъ произведенъ выпускной экзамень. Удостоившись на послѣднемъ, что «приготовленные въ учителя студенты въ количествѣ 100 человекъ предназначенныя имъ должности отправлять въ состояніи», Коммиссія постановила приступить къ открытію главныхъ народныхъ училищъ въ остальныхъ 16 губерніяхъ. Директоръ семинаріи Вохъ составилъ уже и проектъ, кого именно и куда назначить. ²⁾

Дѣйствительно, спустя 2 мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій указъ Коммиссіи, которымъ дано было соизволеніе на открытіе народныхъ училищъ въ 14 губерніяхъ, а генераль-губернаторамъ и губернаторамъ этихъ губерній предписано: «все нужное къ такому открытію училищъ приготовить, а потомъ оныя и дѣйствительно открыть, сколь скоро присланы къ нимъ будутъ отъ Коммиссіи учителя съ нужными книгами и прочимъ до сего заведенія потребнымъ».

¹⁾ Подобн. образомъ въ 1790 г. было отправлено изъ Кіева 25 академикомъ.

²⁾ По его проекту, въ Кіевское главное народное училище предложены: Иванъ Карбановскій, Максимъ Верлинскій, Максимъ Громницкій и Семень Стефановичъ—первый и третій уроженцы Кіевского намѣстничества, 2-й—Курской и послѣдній—Черниговской. Всѣ они первоначально обучались въ Кіевской Академіи, но по требованію Коммиссіи отправлены были въ учительскую семинарію.

Немедленно Коммиссія занялась приведеніемъ въ исполненіе завѣщанныхъ отъ нея дѣйствій. Учителей рѣшила отправить по мѣсту назначенія первымъ зимнимъ путемъ, отдала приказаніе изготовить къ отправленію книги и др. пособія, какъ-то: географическія карты, готевальныя и т. п. По изготовленіи же всѣхъ нужныхъ книгъ и вещей для каждаго открываемаго главнаго училища и по наступленіи зимняго пути, постановила начать отправку въ эти училища учителей такъ, чтобы они къ 1 января 1789 г. были всѣ на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ указаній, перейдемъ къ послѣдовательному изложенію исторіи возникновенія и дѣятельности перваго не-духовнаго просвѣтительнаго учрежденія въ Кіевѣ 1).

Еще въ 1786 году послѣдовало соизволеніе Императрицы, чтобы въ бывшемъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, «кой переименованъ Кіевскимъ Софійскимъ Соборомъ, и гдѣ учрежденъ архіерейскій домъ», помѣщено было главное народное училище и *Кіевская Академія*, со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями. Кіевскій митрополитъ Самуиль Миславскій, интересы котораго въ данномъ случаѣ были болѣе всего затронуты, обратился съ письмомъ къ П. В. Завадовскому, прося послѣдняго заблаговременно указать: сколько для училища потребно будетъ оставить покоевъ? «Ибо въ бывшемъ Софійскомъ монастырѣ имѣется два только флигеля каменныхъ покоевъ: первый объ одномъ этажѣ, состоящей изъ четырехъ келій, въ коихъ долженъ я помѣстить всѣ духовные чины, при домѣ архіерейскомъ по штату положенные, и 25 человекъ пѣвчихъ; второй—о двухъ этажахъ: въ ономъ, въ нижнемъ этажѣ 8 покоевъ съ чуланами, а въ верхнемъ этажѣ 10 съ чуланами-же; всѣ оныя покои, какъ верхніе, такъ и нижніе, со сводами и каменными простѣнками, въ длину каждый 7 аршинъ, а въ поперечникѣ—5. Верхній этажъ я назначаю для классовъ главнаго народнаго училища и Академіи, а въ нижнемъ должны жить учителя, числомъ до 12 человекъ, ежели по нынѣшнему положенію не убавятся. 2) А при лаврѣ Печерской, кромѣ другихъ

¹⁾ По этому-же вопросу см. Кіевск. Стар. 1889, № 11. Отд. II, 423—429 и 1893, № 8, Отд. II, стр. 136—138.

²⁾ Намекъ на послѣдовавшее въ 1785 году распоряженіе Императрицы, чтобы въ семинаріяхъ и другихъ духовныхъ училищахъ установленъ былъ способъ преподаванія, узаконенный для всѣхъ училищъ въ Имперіи.

непреодолимыхъ препятствій, ничего пристойнаго и выгоднаго вовсе нѣтъ: всѣ келіи объ одномъ этажѣ построены, темною и тѣсною наполнены, по примѣру погребовъ сдѣланы; и одну только кучу кирпичей составляютъ». Далѣе затѣмъ митрополитъ выражаетъ свою радость по поводу того, что Академія будетъ вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ, т. е. студенты первой и ученики послѣдняго могутъ съ удобствомъ «заимствовать образъ ученія въ народныхъ училищахъ преподаваемого, коему *сообразоваться и всѣмъ духовнымъ училищамъ предписано*». «Одно только невыгодное положеніе стараго Кіева, —заканчиваетъ свое посланіе митрополитъ,—гдѣ теперь будетъ Академія и оное училище, какъ такого мѣста, которое есть *пустое, безлюдное, безводное, бездровное* и, по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, *непроезжимое*, —подвергаетъ меня неописаннымъ затрудненіямъ».

Въ отвѣтъ на это, Завадовскій прислалъ «записку, какого расположенія быть домамъ для главныхъ народныхъ училищъ», въ которой означено, что зданіе, опредѣленное для училища, должно содержать 4 большіе поноя для классовъ и 4 класса для библіотеки и прочахъ пособій: для 2 учителей высшихъ классовъ по 2 комн. и по кухнѣ и одной избѣ для сторожей, и кромѣ того для каждаго учителя по чулану или погребу. Расположеніе комнатъ должно быть таково, чтобы комната для учителей и служителей была въ нижнемъ жилѣ, классныя-же комнаты, комнаты для библіотеки и др. надобностей—въ верхнемъ.

1 мая 1788 года послѣдовало открытіе училища ¹⁾, но, какъ оказывается, не при Кіево-Софійскомъ Соборѣ, а на Подолѣ, въ домѣ упраздненной банковской конторы, —«до поправленія при Софійскомъ соборѣ имѣющагося каменнаго строенія». Впрочемъ, судя по вышеприведенному замѣчанію митрополита объ удобствахъ существованія въ старомъ городѣ и по подобнымъ же донесеніямъ правителя Кіевского намѣстничества С. Е. Шаркова и директора народныхъ училищъ Кіевского намѣстничества Петра Симоновскаго П. В. Завадовскому, успѣхъ училища, благодаря своему положенію на Подолѣ, былъ въ достаточной степени гарантированъ. «Въ училищѣ ученики всѣ почти суть подольскіе жители. Отцы и матери

¹⁾ О торжествѣ открытія см. упомянутыя выше записки въ „Кіевской Старинѣ“.

ихъ неотступно просить меня, чтобы сіе училище въ семь домѣ продолжалось—въ разсужденіи отдѣленія Старого Кіева горамп и что въ весеннее и осеннее время бываетъ великая грязь, а потому и неудобностію себѣ поставляють туды дѣтей своихъ посылать». «Число учениковъ обоего полу довольное, кое однако съ однихъ токмо Подольскихъ жителей состоятъ и болѣе еще приумножится, какъ уже о томъ отъ многихъ и стороннихъ отзывы бываютъ, если только на семь же одномъ мѣстѣ училища останутся. Буде же въ Старый Городъ, въ бывший Софійскій монастырь (какъ положено), оныя переведены будутъ, то смѣло сказать могу, по собственному моему отъ гражданъ извѣданію, что и третья часть нынѣшняго числа учениковъ въ силу-жъ остаться можетъ, ибо изъ Подола въ Старый городъ причиной горы и на случай ненастнаго времени, а паче осенняго и вешняго, весьма трудный переходъ и проѣздъ, а дѣтѣмъ и неудобный. По сямъ обстоятельствамъ смѣю вашему высокопревосходительству доложить: не соизволите ли, принявъ въ уваженіе таковыя неудобности о учрежденіи училищъ въ Старомъ городѣ, оставить оныя навсегда на Подолѣ? ибо училища славны всегда множествомъ охотныхъ учениковъ, которыхъ въ Старомъ городѣ имѣть не можемъ. И ежели сіе ваше высокопревосходительство ашпробовать соизволите, то къ отведенному нынѣ для училищъ дому и нужныя пристройки и перестройки скорѣе, нежели въ Софійскомъ монастырѣ, исправлены быть могутъ; а граждане въ разсужденіи своихъ дѣтей, такъ какъ и сами учителя въ разсужденіи мѣста, которое всѣмъ изобилуетъ, не какъ Старый городъ, останутся довольнѣйшіе».

Желанія подолянъ осуществились: домъ, въ которомъ помѣщалось училище, Правленіе Государственнаго Банка продало для губернскаго почтамта, а подоляне приобрѣли на свой счетъ помѣщеніе для училища у генер.-майора Нилуса. «А сей домъ,—доносятъ Ширковъ П. В. Завадовскому въ концѣ сентября 1789 г.,—не только обширный, но и выгодный, гдѣ можетъ и болѣе 200 учениковъ помѣститься, куда на сихъ дняхъ и училище переведется». 4 октября училище было уже на новомъ мѣстѣ. ¹⁾ Что же случилось съ приготовленнымъ двухъ-этажнымъ домомъ о сорока покояхъ близъ Софійскаго собора,—изъ настоящаго матеріала неизвѣстно.

¹⁾ На Рождественской улицѣ, въ приходѣ Николая Добраго.

Что касается внутренней стороны новооткрытаго просвѣдительнаго учрежденія, то на основаніи данныхъ матеріаловъ она представляется въ слѣдующемъ видѣ.

При открытіи училища 1 мая 1789 г. въ училище поступило 58 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ. Пріемъ продолженъ былъ до 7 мая, къ каковому времени число поступившихъ возросло до 134: 99 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ. Въ этотъ же день произведенъ былъ «переборъ» ученикамъ, а болѣе способные опредѣлены во второй (35 мальчиковъ и 7 дѣвоч.), а остальные въ первый классъ. Но такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ находились ученики «разнаго понятія», то его раздѣляли на двѣ части: на первый высшій и первый низшій классы, и съ этого времени начато дѣйствительно продолженіе ученія. (Въ высшій классъ опредѣлены 35 учениковъ и 10 учениць, а въ низшій— 29 учениковъ и 18 учениць). 1 августа еще прибавилось 50 воспитанниковъ и воспитанницъ. Въ концѣ этого года, 18 и 19 декабря, было произведено публичное испытаніе. ¹⁾ Многіе изъ учащихся говорили рѣчи, а затѣмъ два ученика вели между собой диспутъ: одинъ защищалъ ученость, а другой опровергалъ. «И сіе такъ побудило отцовъ и матерей не только учащихся тутъ ихъ дѣтей, но и другихъ, представлять въ сіе училище своихъ дѣтей знаменитымъ числомъ; и совершенную надежду полагаю, что черезъ попеченіе г. директора Симоновскаго и учителей. къ будущему экзамену и въ лучшемъ видѣ возрастеть». Предположеніе Ширкова сбылось. Спустя нѣсколько дней послѣ испытанія, восхищенные отрадными плодами наукъ граждане подольскіе «дѣтей своихъ отдавать весьма многіе начали» и къ 13 января представили ихъ въ училище 130 душъ, и такимъ образомъ съ прежними 120—къ этому времени въ наличности оказалось 250, при чемъ болѣе 200 въ первыхъ двухъ классахъ, а остальные въ—3 и 4-мъ.

Что касается до преподавателей и преподаванія, то извѣстно, что, по проекту директора учительской семинаріи Коха, въ Кіевское главное народное училище назначены были въ декабрѣ 1788 г. Коммиссією объ учрежденіи училищъ 4 учителя, а именно: *Иванъ Карбановскій*,—преподавателемъ 3 и 4 классовъ по арифметикѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской, физикѣ и языкамъ латинскому

¹⁾ Къ этому числу въ училищѣ всѣхъ учениковъ оказалось 119.

и Россійскому; *Максимъ Берлинскій*—въ 3 и 4 классѣ по географіи, исторіи политической и естественной; *Максимъ Громницкій*—по всѣмъ предметамъ 2 класса (вѣдѣніи, священная исторія, о должностяхъ челоуѣка и гражданина, арифметикѣ, новымъ языкамъ, чистописанію); *Семенъ Стефановичъ*—по всѣмъ предметамъ 1 класса (чтеніе, письмо, латинскій яз. и одинъ изъ новыхъ языковъ) и при томъ рисованію во всѣхъ классахъ. Директоромъ народныхъ училищъ Кіевскаго намѣстничества С. Е. Ширковъ назначилъ Петра Ивановича Симоновскаго. Уже спустя 3 мѣсяца по открытіи училища Ширковъ доносилъ П. В. Завадовскому о «прилежности» этихъ учителей, «черезъ которую въ обученіи примѣчаю за [такъ короткое время довольный успѣхъ и въ рисованіи, и ко усмотрѣнію вашего превосходительства нѣсколько рисунковъ имѣю честь приложить». ¹⁾ Одновременно съ Ширковымъ о томъ же пишетъ Завадовскому и Симоновскій... «ученики 2 нижнихъ классовъ и въ начаткахъ третьяго, такъ какъ и въ рисованіи, много уже успѣли—по особенной прилежности учителей, кои всѣ вообще къ благу общества и къ успѣху учениковъ довольно имѣютъ попеченіе, высшій же четвертый классъ, такъ какъ и латинскій языкъ, объ новомъ годѣ начнется. Что же принадлежитъ до иностраннаго языка, то еще, какому здѣсь быть, господиномъ правителемъ намѣстничества не рѣшено, да и букварей и грамматикъ на иностранные языки въ присылкѣ нѣтъ.» ²⁾ Въ октябрѣ того же года Ширковъ посѣтилъ училище и нашелъ «желаемый успѣхъ, и учащихся какъ мужеска, такъ и женска полу, особенную съ расторопностью склонность».

Съ января 1790 г., какъ и предполагалось, въ училищѣ начато преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, для каковой цѣли Ширковъ выписалъ изъ Коммиссіи «Книги и предметы для иностранныхъ языковъ» на двадцать учениковъ. Въ виду того, что четверемъ душамъ трудно было управиться съ своими обязанностями, для нвшаго перваго класса былъ выписанъ изъ Академіи студентъ философіи, уроженецъ кіевскаго намѣстничества, Лелянскій, а для нѣмецкаго языка, уроки котораго должны были начаться съ января 1790

¹⁾ Къ подлинному письму приложены два ученическихъ рисунка краснымъ карандашемъ: на одномъ изображена кисть руки, на другомъ—рука и нога.

²⁾ Вообще же эта присылка изъ Коммиссіи содержала въ себѣ: книгъ и прочихъ пособій на 655 р. 45 к. и архитектурныхъ чертежей 1 экз. на 115 р.

года, приглашенъ преподаватель нѣмецкаго языка въ Академіи Карлъ Ремеръ, «природный нѣмецъ».

27 мая училище посѣтилъ Кіевск. генер.-губерн. Кречетниковъ и былъ встрѣченъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученицей Авдотьею Шашкиною. Поздравительницѣ Кречетниковъ велѣлъ сдѣлать новое платье, а другому ученику младшаго класса за порядочное чтеніе пожаловалъ два червонца.

25 іюня въ училищѣ происходило открытое испытаніе въ присутствіи генер.-губернатора Ширкова, штабъ и оберъ-офицеровъ. На балконѣ училища все утро гремѣла городская музыка. Кречетниковъ былъ встрѣченъ у воротъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученикомъ третьяго класса Иваномъ Лобкомъ. Стоявшіе по одну сторону ученики, а по другую—ученицы усыпали путь его къ училищу цвѣтами. По вступленіи же въ залъ испытанія, гдѣ уже находились высокооставленныя духовныя и свѣтскія лица и множество кіевскихъ гражданъ, была произнесена привѣтственная рѣчь ученицею 3-го класса Дарьею Левановою. Затѣмъ, послѣ диспута двухъ учениковъ о пользѣ наукъ, началось испытаніе изъ предметовъ 3-го класса, особливо изъ географіи, исторіи, ариметики и алгебры, къ всеобщему удовольствію зрителей. Отличившіеся награждены были книгами, и испытаніе заключено благодарственною ко всему собранію рѣчью. «Нельзя изъяснить удовольствія зрителей, плѣняющихся порядочными отвѣтами чрезъ столь краткое время обучавшихся еще учениковъ, ниже выразить тѣхъ чувствованій, которыми наполнены будучи сердца родителей, восхищенныхъ неожиданными отвѣтами юныхъ лѣторослей своихъ, изъявляли признательность свою извлекаемыми изъ очей своихъ слезами радости и благодарности, приносимыми въ жертву сего неожиданнаго счастья потомковъ своихъ». Подобная же церемонія, въ присутствіи знатнѣйшихъ дворянъ и гражданъ обоего пола, происходила и на другой день,—производилось испытаніе учениковъ перваго и втораго классовъ. Въ этотъ же день послѣдовала благодарность генер.-губернатора и намѣстника директору училища за похвальныя успѣхи учениковъ и благоустройство училища, а учителямъ—благодарность на словахъ и на дѣлѣ (400 рублей награды). Ко дню испытанія всѣхъ учащихся въ училищѣ оказалось 218 (150 мальч. и 68 дѣв.), въ томъ числѣ въ 3-мъ классѣ 24 и 4, во второмъ—63 и 29, въ первомъ высшемъ 43 и 29 и въ первомъ низшемъ 20 и 20.

7 янв. 1791 г. публичное испытаніе произведено было въ обычномъ порядкѣ. 1) Въ первый день прѣдѣствленную рѣчь намѣстнику говорилъ *пятнадцатилѣтній* ученикъ Александръ Скребацкій, а во второй—ученикомъ второго класса читана была ода «Просвѣтительница Россіи». Учащихся оказалось 223 (161 и 62). 15 января начато ученіе, и открытъ 4-ый классъ, въ который вступило 10 учениковъ и 3 ученицы. Къ началу слѣдующаго года число учащихся достигло 219 (159+60),—въ томъ числѣ въ четвертомъ классѣ было 16 учениковъ и 3 ученицы 2).

Съ 1791 г. вмѣсто преподавателя Максима Громницкаго мы уже видимъ Семена Кокановскаго, а вмѣсто Лелянскаго—Василія Козачинскаго. 3)

Съ 1794—4-й классъ получилъ вообще названіе математическаго, а 3-й историческаго.

Въ 1798 назначенъ новый Дирек. Николай Политковскій, пробывшій въ этой должности всего лишь 2 съ лишнимъ года. Въ этомъ же году оставилъ должность учитель Семенъ Кокановскій.

Въ 1800 г. назначенъ учитель Николай Шульговскій и препод. вѣм. яз. Самуилъ Храпановъ. Явился и новый директоръ училища Иванъ Глейнигъ.

Съ 1801 г. Иванъ Карбановскій, учитель математическаго класса, ушелъ по болѣзни, а вмѣсто него назначенъ Василій Берлинскій, 4) который, какъ аттестуетъ Комиссія объ учрежд. школъ—«родиною изъ Малороссіи, имѣеть желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ».

1) Такія публичныя испытанія производились ежегодно два раза: въ концѣ декабря или началѣ января и въ концѣ іюня или въ началѣ іюля.

2) Число учащихся въ дальнѣйшіе годы выражается слѣдующими цифр.: въ 1792 г. въ іюнь всѣхъ учащихся было 178, въ 1792 г. въ концѣ декабря—122; 1793—въ іюнь—134, въ декабрь—111; 1794—въ іюнь—84 (въ 4-мъ классѣ не было ни одной души), въ декабрь—63 (въ 4-мъ классѣ—6); 1795—въ іюль—58, въ декабрь—88; 1796 г.—въ іюнь—84; въ январь 1797—88; 1797—въ іюнь—93, а въ декабрь—94; въ 1798 г. въ іюнь—100, въ декабрь—109; 1799—въ іюнь 108; въ 1800—въ іюль 135; въ январь 1801—157; въ іюль 1801—180; въ январь 1802—171; 1802—въ іюль 194; въ январь 1803—152, въ концѣ года—140.

3) Сынъ кievскаго мѣщанина, обучался въ Кіевской дух. Акад.

4) Окончивш. Кіевск. дух. Ак. и Сибр. учит. гимназію по математ. предмет., изучалъ также въ Горномъ Корпусѣ—химію, приборное искусство, металлургію и минералогію.

Намъ извѣстно также и матеріальное обезпеченіе служебнаго персонала. Оклады, получаемые преподавателями изъ поезуитскихъ имѣній, были слѣдующіе: Васил. Берлинскій и Макс. Берлинск. — по 400 р., Николаю Шульговскому — 275, Семену Стефановичу — 350 р., Васил. Козачинскому — 150 р., Самуилу Храпанову 300 р., директору 500 р., не считая квартиры и проч. Въ 1803 г. на содержаніе кіевской школы ¹⁾ отпущено было изъ Минской Каз. Палаты — 3736 р. 46 коп. на счетъ Эдукаціоннаго Фундуша. Таковы тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ интересныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Нар. Просвѣщенія, о первыхъ годахъ существованія перваго кіевского народнаго училища, преобразованнаго впоследствии въ Кіевскую 1 гимназію. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее изданіе этихъ драгоценныхъ матеріаловъ принесетъ немало новыхъ фактовъ и подробностей, могущихъ способствовать уясненію хода развитія просвѣщенія въ нашемъ краѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

В. Д.

Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. На страницахъ нашего журнала намъ приходилось уже помѣщать свѣдѣнія о старинныхъ тетрадкахъ-альбомахъ, въ которые переписывались всякаго рода произведенія: ²⁾ то богословскія разсужденія, почему-либо привлеченія къ себѣ вниманіе, то разнаго рода вирши, то историческія выписки, то народныя пѣсни, то, наконецъ, разнообразныя рѣчи на всякіе случаи. Значеніе такихъ альбомовъ для изучающихъ литературныя теченія недавняго прошлаго въ нашей Малороссіи ясно само по себѣ, а потому, пока всеуничтожающее время не истребило ихъ въ конецъ, слѣдовало-бы такія тетрадки использовать и передать въ печати все болѣе интересное изъ содержащагося въ нихъ. Больше всего намъ приходилось встрѣчать такія тетрадки записи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, т. е. изъ того періода жизни нашей малорусской интеллигенціи средней руки, который представляетъ особенный интересъ, въ виду того, что въ этотъ именно періодъ

¹⁾ Высочайшимъ указомъ 5 авг. 1799 г. повелѣно называть народн. училища — школами.

²⁾ См., наприм., 1889 г., № 2.

болѣ всего сказались колебанія нашихъ предковъ въ дѣлѣ установленія для себя литературныхъ вкусовъ: русская книга, а вмѣстѣ съ нею и литературный русскій языкъ все болѣе и болѣе проникають въ эту малорусскую среду, но одновременно съ этимъ не могутъ исчезнуть совершенно и тѣ естественныя симпатіи къ своему родному, которыя выражаются, можетъ быть и безсознательно, въ любви къ своей народной пѣснѣ, къ своей своеобразной вѣршѣ и т. п. Вотъ почему въ такихъ тетрадахъ-альбомахъ всегда можно найти, наряду съ какой-нибудь записью русской статьи или стихотворенія, также и малорусскія произведенія.

Намъ любезно доставлены недавно М. С. Сѣкаловымъ двѣ такихъ тетрадки, въ очень истребанномъ уже видѣ, безъ начала, причемъ первыя страницы такъ выцѣбли, что невозможно разобрать въ нихъ ни одного слова. Судя по почерку и правописанію, онѣ писаны въ первые годы нынѣшняго столѣтія неизвѣстнымъ переписчикомъ, который въ одной изъ тетрадокъ помѣстилъ свои расходныя записи, свидѣтельствующія о томъ, что онъ связанъ былъ съ какими-то торговыми оборотами; но записи-же копіи контракта, заключеннаго по поводу покупки соля, видно, что участвующіе въ контрактѣ лица принадлежали къ Конотопскому повѣту (дворянинъ Власъ Викторъ, казенный крестьянинъ Ерофѣй Римаръ и Почепскій мѣщанъ Пахомъ Семеновъ Байдала). Тутъ-же рядомъ, впрочемъ, находится выпись изъ дѣла въ Недригайловскомъ уѣздномъ судѣ по жалобѣ помѣщика Сергѣя Яцина, поданной въ 1794 году. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что и въ этомъ случаѣ, подобно многимъ другимъ, мы имѣемъ дѣло съ записями, ведеными въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ лѣвоберной Украинѣ, гдѣ, кажется, было больше всего любителей этого рода писаній.

Содержаніе присланныхъ намъ теперь двухъ тетрадокъ самое разнообразное: тутъ, наряду съ выдержками изъ статей богословскаго содержанія, на ряду со всякаго рода привѣтствіями (на! прибытіе гостя; рѣчь Рождеству Христову; рѣчь къ родителямъ; рѣчь благодарственная и пр.), съ дѣловыми записями, о которыхъ сказано раньше, находимъ *«Показаные російской древности, сокращеное изъ сочиняющейся пространой исторіи»*. Это *«Показаніе»*, судя по предисловію, составленное въ царствованіе Елизаветы Петровны, сообщаетъ краткія свѣдѣнія о славянахъ, а затѣмъ, въ видѣ конспекта, знакомитъ съ русскими князьями отъ Рюрика до Василія Темнаго. Въ перемежку съ вышеуказаннымъ матеріаломъ, вписаны четкими и кра-

сивымъ почеркомъ разныя изреченія, въ родѣ такого: «Учитесь, дѣти, въ младія лѣта; когда придетъ старость, ни была-бъ тогда жалость»; тутъ же пѣсни «Ой за реченькой слабодушка была, въ той слободки хороша вдова жила»; или:

Житне велико море,
Въ немъ челнокъ я малій;
Посредѣ водъ вialsъ я въ горе,
Бють отъ всюду валн.

и т. д.

Или вотъ еще:

Ахъ вы реки-речушки,
Холодныя водушки!
Хотать мене постоить
Съ милымъ другомъ разлучить.

и т. д.

Здѣсь же встрѣчаемъ и такіе стихи:

Днесъ миръ играя торжествуетъ
Всякъ другъ съ другомъ и сосѣлъ,
Что Божія рука царствуетъ,
Всѣхъ избавляюща отъ бѣдъ.

п т. д.

Есть тутъ и «Молитва, отгоняющая зліе трасовицы»; есть и известная псалма «Видѣлъ Богъ, видѣлъ Творецъ, за что миръ погибаетъ».

Но для насъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ произведенія изъ переписанныхъ сюда, которыя имѣютъ отношеніе къ малорусскому творчеству. Въ этихъ тетрадкахъ мы находимъ ихъ нѣсколько и считаемъ не лишнимъ помѣстить ихъ полностью.

I.

Крий доруженьки тожъ кума моя,
А въ куми дѣвча—тожъ душа моя.
Ой и съ кумою роскумаюся,

Съ куминимъ дѣвчамъ повѣнчаюся.
 Дамъ-же я поу сръбную копу,
 Щобъ мене звинчавъ съ куминимъ дѣвчамъ.
 Щѣтъ не вѣнчае—за сина чае,
 Паламаръ моркоче—за себе хоче.
 Бодай того пона трясця напала,
 Щобъ его трясла повтора рока,
 Щобъ витрясла сръбную копу.

II.

Сухи дуби, мокрѣ калюжѣ,
 Якъ розгнѣвалася жена на мужа,
 Та злѣзла на печъ, будто недужа.
 Устань, устань, моя мила! привѣзь тобѣ пива.
 Цуръ тобѣ, пекъ тобѣ—не буду я жива.
 Устань, устань, моя мила! привѣзь я дубину,
 А на твое бѣде тѣло та на гладку спину.
 Мила устала, якъ не лежала,
 Обняла милого тай поцилувала.

III.

Петро Ярошенко
 Пьетъ вино хорошенко,
 Пьетъ часто попиваетъ
 И на Грнца Лобченка поглядаеть.
 А сипѣ, брате, ще пивѣ кварта,
 Загадаю таки жарти,
 Нумъ ми грати, брате, въ карти!
 Ти-жѣ, бачу, брате Петре, дуракъ,
 Що ти пустився на се такъ.
 Теперь, брате, скоро празникъ,
 А ти пнешъ, якъ той бражникъ.
 Иди, брате, та проспися,
 Та и скажешъ, що я впився,
 Або пиды, вуди знаешъ,
 Коли *(зачеркнуто)* соби маешъ.
 Проишовъ, брате, тоби строкъ....
(Конецъ совсѣмъ затертъ).

Но самымъ драгоцѣннымъ матеріаломъ является записъ известной пасхальной вирши «Христось воскресъ, радъ миръ увесь», о которой мы скажемъ въ особой замѣткѣ.

В. Науменко.

Пасхальная вирша по старой записи. Известная уже въ печати вирша «Христось воскресъ, радъ миръ увесь» до сихъ поръ печаталась по записямъ, сдѣланнымъ въ сравнительно позднее время, т. е. не ранѣе 30-хъ годовъ. Если не ошибаемся, варианты ея были помѣщены: 1) въ книгѣ Терещенка «Бытъ русск. народа», ч. 6-я, стр. 112—115; гдѣ и когда она записана, тамъ не указано, но варьянтъ очень слабый. 2) Въ Кіевск. Епар. Вѣдомост. 1877 г. № 7-й—совсѣмъ испорченный варьянтъ. 3) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 4, стр. 168—171; это сводный варьянтъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одинъ сообщенъ А. Скальковскимъ, неизвестно когда и гдѣ записанный, а другой по списку Н. Гоголя, тоже никакъ не датированный. Этотъ варьянтъ напечатанъ съ пропусками, по усмотрѣнію редактора. 4) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 567—571, было напечатано дополненіе къ этой виршѣ, по списку Д. Мороза, сдѣланному имъ съ рукописи 1839 года; это дополненіе къ виршѣ, по нашему мнѣнію, представляетъ собой позднѣйшую прибавку, которой можно въ данномъ случаѣ и не принимать въ расчетъ. 5) Въ галицк. журналѣ „Жите и Слово“ 1894 г. кн. 3-я, стр. 444—451, въ статьѣ М. Драгоманова «Матеріали до історіі віршів українськихъ». Здѣсь напечатано три варьянта: одинъ по рукописи, принадлежавшей Максимовичу, безъ указанія времени и обстоятельствъ записи; другой—по рукописи Гоголя, безъ тѣхъ пропусковъ, какіе были сдѣланы въ напечатанномъ текстѣ въ „Кіевск. Старинѣ“ 1882 г.; третій—по рукописи Д. Мороза (см. подъ № 4).

По преданіямъ, вирша эта будто-бы сочинена была Головатымъ и произнесена въ видѣ привѣтствія Потемкину при поздравленіи его черноморскимъ войскомъ, образованнымъ изъ запорожцевъ, при чемъ относили ее къ 1786—1787 году,¹⁾ и даже

¹⁾ Кіевск. Стар. 1882 г., № 4.

къ 1781 году. ¹⁾ Д. Морозомъ было высказано, впрочемъ, мнѣніе, что основа этой вирши гораздо древнѣе, что ее можно относить ко временамъ Хмельницкаго, и что запорожцы только воспользовались готовымъ матеріаломъ. ²⁾ Съ этимъ мнѣніемъ не согласна была редакція „Кіевск. Стар.“, что и указала сейчасъ-же, печатая записку Д. Мороза, ³⁾ и ее доводовъ нельзя не признать. Для рѣшенія вопроса о томъ, можно-ли дѣйствительно связывать эту виршу съ запорожцами, интересно было-бы имѣть записъ ея, по возможности близкую по времени къ тому моменту, когда она, согласно преданіямъ, могла быть произнесена, какъ привѣтствіе, запорожцамъ. Въ настоящее время мы имѣемъ такую записъ въ своихъ рукахъ—это въ той тетрадь-альбомѣ, которая любезно доставлена намъ М. С. Сѣкаловымъ. Мы указали уже выше, ⁴⁾ что тетрадка эта писана въ первые годы текущаго столѣтія, и потому списокъ этой вирши является самымъ старымъ и, слѣдовательно, самымъ близкимъ ко времени произнесенія ея запорожцами, какъ датируется въ этой рукописи, не въ 1786 или 1787 году, а въ 1791 году. Въ общемъ варьянтъ этотъ очень близокъ къ напечатанному, особенно къ тому, который помѣщенъ въ «Жите и Слово» по рукописи Максимовича, но представляетъ нѣкоторыя отличія, на нашъ взглядъ исправляющія текстъ уже извѣстный; правописаніе въ немъ соблюдено такое-же, какимъ характеризуются малорусскія рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Въ виду этого мы находимъ вполне умѣстнымъ напечатать этотъ варьянтъ полностью, съ сохраненіемъ правописанія подлинника, и только исправляемъ явно испорченные переписчикомъ мѣста. Всѣ болѣе характерныя разночтенія въ напечатанныхъ уже варьянтахъ указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Варьянтъ «Кіев. Стар.» обозначаемъ буквою а, а «Жите и Слово» буквою б.

*Вирша, говореная гетману запорожцами на свѣтлій празникъ
Воскресеные Христова 1791 года.*

1. Христось воскресъ, радъ миръ увесъ, дождавъ ^{б)} Божой ласки.
Теперь то всякъ наився въ смакъ свяченои паски.

¹⁾ См. Терещенко „Быть русск. народа“ Ч. 6-я, стр. 112.

²⁾ Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 568—569.

³⁾ Тамъ-же стр. 570—571.

⁴⁾ См. въ этомъ-же номерѣ, въ отд. документахъ.

^{б)} а) дождавшись; б) дождались.

2. Всѣ гуляють, зухваляють ¹⁾ воскресшаго Бога,
Що вже тая всѣмъ до раю ²⁾ простерта ³⁾ дорога.
3. Злии духи, власнии мухи ⁴⁾ всѣ уже послизли,
Загнавъ Исусъ въ пекло покусъ, ⁵⁾ щобъ християнъ не жерли. ⁶⁾
4. И смерть люта, що вамъ тута вельми ⁷⁾ докучала
По болотамъ, очеретамъ бижучи кричала.
5. Тамъ суцѣга теперъ бѣга, якъ шалена зъ лягу,
Бо Бѣгъ хрестомъ ⁸⁾ чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
6. Сей чортъ темний, князь пекельный, зъ смертю полигался,
Всѣхъ зажерти, во адъ вперти ⁹⁾ якъ то вмовлялся ¹⁰⁾.
7. Вони тоє вкупи ¹¹⁾ двое знюхавшись шанцюють, ¹²⁾
Хоть старого, хоть малого, где понавъ глабцюють. ¹⁾
8. Була воля—хоть и кроля у рай не пускаты, ¹⁴⁾
По всѣхъ трактахъ и воротахъ ¹⁵⁾ сторожамъ стояты.
9. Середь шляху за шляху ¹⁶⁾ до некла хватали, ¹⁷⁾
Безъ уваги чорты зъгаги (*зига*—жажда; вѣротно—зъ *зига*, т. е.
отъ жадности) якъ вѣуновъ (вѣуповъ) глѣтали. ¹⁸⁾
10. Того святци, цопы, ченци не минали шляху,
Философи, крутопопи набѣрались жаху. ¹⁹⁾
11. Пронавъ той ²⁰⁾ страхъ, зарѣсь той шляхъ купимъ та болотомъ,
Гдѣ той злий духъ глѣтавъ, якъ мухъ, ненаситнимъ ротомъ.
12. Теперъ скорый, шляхъ просторый до раю протертый, ²¹⁾
Безъ сторожей, всѣ настезей ²²⁾ ворота отперти. ²³⁾

1. а) выхваляють; б) восхваляють. 2. а) и б) Ужо тая, що до раю. 3. а и б) протерта. 4. а) такъ якъ мухи; б) власно—что нужно признать болѣе правильнымъ, т. е. и дальше ведѣт это слово употребляется въ смыслѣ *словно*. 5. а) по усъ—что совсѣмъ неправильно. 6. а и б) не грызли—какъ того требуетъ и рѣзма. 7. а) дуже. 8. а) съ Хрестомъ—что, конечно, неправильно. 9. а и б) во адъ заперти. 10. а) такъ вѣтъ умовлялся. 11. б) въ кучу—что, конечно, неправильно. 12. а) и б) сацюють—слово непонятное, между тѣмъ какъ *шанцювати* можно объяснить отъ слова *шанци*—оковы. 13. а) всѣхъ туды лабцюють; б) то такъ излабцюють. 14. а и б) не пускають; послѣ этого идетъ цѣлая строка, отсутствующая въ нашемъ варьянтѣ. „Хоть бы святыхъ, вони и тихъ у пекло таскають“. 15. а и б) болотамъ—что, конечно, неправильно; эта вся строка составляетъ здѣсь первый стихъ и потому оканчивается: *сторожи стояли*, рѣмуясь со 2-й строкой—*хватали*. 16. а и б) у тюрэху. 17. а) хапала. 18. Этого стиха вѣтъ въ напечатанныхъ варьянтахъ, но онъ имѣется въ одномъ рукописномъ спискѣ позднѣйшей записи, доставленной намъ. 19. а) страху. 20. а) вже. 21. а) протерли. 22. а) Нема стражи, вси навстажи.. 23. а) отперли.

13. Уже велеть аблука рвать изъ райского древа,
Зъ якого, охъ,¹⁾ не веливъ Богъ, а вкусила Ева.
14. Давно той ужъ кричить недужъ, що спокусивъ Еву,
Улавъ на низъ, що ажъ подѣвъ по своему чреву.²⁾
15. Вещать, охлавъ, бо Бѣгъ заклявъ³⁾ лазити на чревѣ,⁴⁾
За оной⁵⁾ грѣхъ, що вѣнъ на смѣхъ такъ набрехавъ Евѣ.
16. Бѣдна Ева одну съ древа вирвала кислечку,
Збула власти, сѣла⁶⁾ присти на гребенѣ мичку.
17. За нею-жъ тамъ бидный Адамъ щось, кажуть, прокудивъ,⁷⁾
Землю копать,⁸⁾ цѣномъ махать⁹⁾ Бѣгъ зъ раю пропудивъ.
18. За ту-жъ¹⁰⁾ вду Ева бѣду заслужила сѣю.
Честь¹¹⁾ Адаму, що за браму вибили у шию.
19. Глуша¹²⁾ жона! сама она аблуко трощила,
За той-же¹³⁾ плодъ увесь народъ въ цекло затащила.¹⁴⁾
20. Бѣгъ милостивъ, Еву простивъ, Адаму пробачивъ,
Для вызволу самъ до долу лѣзти зъ неба¹⁵⁾ рачивъ.
21. Тутъ чортище, старый псище, не хоче смириться.
Крутить хвостомъ,¹⁶⁾ еще съ Христомъ дуае сваритьса.
22. Лаше-жъ тутъ Бѣгъ самъ на порѣгъ¹⁷⁾ въ цекло поточивса,
То Белсевулъ поустивъ мулю зъ ляку и вмочивса.
23. Зарѣвъ¹⁸⁾ грѣзно, якъ вовкъ рѣзно,¹⁹⁾ голосомъ собачимъ,
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.
24. Не вгѣвъ хлостя, що всѣ кости поламавъ по роги,²⁰⁾
И самого духа злого пидгарбавъ подѣ ноги.

---

1. а и б) плоды; для звучности правильнѣе *охъ*, какъ находимъ и въ упомянутой выше рукописномъ спискѣ. 2. а) За ту болязнь ажъ поливъ по райскому древу—совершенно испорченный стихъ; б) За то болявъ, що ажъ поливъ на своему чреву—начало тоже перевернуто. 3. а) проклявъ—менше удачно, чѣмъ *заклявъ*. 4. б) на древи—нѣтъ смысла. 5. а и б) юго. 6. а и б) треба. 7. а) принудивсь; б) принудивъ—и то и другое не имѣютъ тутъ смысла; *прокудивтъ*—слово намъ неизвѣстное. 8. а) оравъ; б) махавъ. 9. а) махавъ. 10. а и б) одну. 11. б) Нечестъ; *честь* лучше, т. к. тутъ проявляется иронія. 12. а) Дурна. 13. а и б) за одинъ. 14. а) въ цекли поточила. 15. а) зъ неба зійти. 16. б) Зъ короткимъ хвостомъ. 17. а) Лаше-же Богъ самъ на порогъ; б) Лашъ тлько Богъ... 18. а) зарѣвъ. 19. а) рѣзно—конечно, неправильно. 20. б) Давъ Богъ хлостя, що вси кости поламавъ и роги.

25. Кричить на пупъ, що ¹⁾ всюди струпъ, нельзя доторкнути,
Надуло духъ, заперло брюхъ ²⁾—не дае дихнути. ³⁾
26. А смерть шляха стоя Слуха, що човиуть надъ дядкомъ, ⁴⁾
Стала трястись, мислить спастись видъ хлости у радности ⁵⁾
27. Пустила дуръ, бьется объ муръ, дерется на стѣну,
Якъ шалена, тороплена, пустила и пѣну. ⁶⁾
28. Давъ свхъ покусъ знае Исусъ хитрие обмани,
За ихъ ⁷⁾ дѣло на все тѣло наславъ злих рани,
29. Бо всю пищу и музищу ⁸⁾ опала короста.
Крутить музномъ, прийшло зъ озломъ (?) ⁹⁾, бо бользнь не проста.
30. Въ такомъ мѣсть, что нѣ състи, а нѣ почесати,
Нудна-тоска такъ якъ луска, иде—соромъ сказати.
31. Зъ нудни-жъ тоски все на куски на собѣ порвала,
Смердятъ кости вѣдъ корости, — кожу всю подрала. ¹⁰⁾
32. Якъ бобонъ жрупъ (?) ¹¹⁾, продовбавъ струпъ, сороки напали ¹²⁾
Зъ усьхъ сторонъ много воронъ къ стерву прилѣтѣло ¹³⁾.
33. На той-же трупъ, почувши струпъ, мухи прилѣтали,
Костомажу ризно птажи съ тѣломъ ¹⁴⁾ розжитами
34. Карность злая! якъ бо тая зъ людми поступала,
Такъ по дѣломъ душа съ тѣломъ уся ¹⁵⁾ пропала.
35. Также ¹⁶⁾ Иуда, съ того студа ¹⁷⁾ зъюродившись якъ макуха ¹⁸⁾
То синѣ, то краснѣ, бо бере сокруха.
36. Вельми заблякъ, а мѣхъ залякъ ¹⁹⁾ въ иришми за плечима,
За смертелной ²⁰⁾ ирѣхъ той клятвиній ²¹⁾ мѣхъ все ²²⁾ передъ очима.

1. б) бо. 2. б) надуло брюхъ, заперло духъ. 3. Эти двѣ строки, напечатанныя курсивомъ, совсѣмъ пропущены въ варьянтѣ „Кіев. Стар.“, вѣроятно, въ зависимости отъ усмотрѣнія редактора, находившаго подобныя строки неинтересными (см. 1882 г. № 9-й, стр. 571). Всѣ пропуски въ дальнѣйшемъ текстѣ тоже напечатаны курсивомъ. 4. а) що робится зъ дядкомъ. 5. Стихъ этотъ испорченъ; въ печати. варьянтахъ стоятъ такъ: а) ..думала спастись неяснымъ порядкомъ; б) ...прехитрымъ порядкомъ; въ рукописи позднѣйшей, о которой упоминалось, стоитъ—злосткимъ украдомъ. 6. а) поустала слану; б) пустила зъ рота пѣну. 7. а) За те 8. б) Усю п—цю и г—цю всинала короста. 9. б) узломъ—мало понятно. 10. б) Смердятъ кости, бо въ корости нагло все стаскала—мало понятно. 11. а и б) Якъ бубонъ трупъ—въ обоихъ варьянтахъ мало понятно. 12. б) рвуть тѣло—что, конечно, правильнѣе, въ виду послѣдующей рифмы. 13. б) залетѣло. 14. б) уся. 15. б) и нини. 16. б) Сей. 17. б) стыда—что для рѣзны менѣе правильно. 18. б) уродивсь макуха—совсѣмъ непонятно. 19. б) Въ Юды сей знакъ: и лихъ залякъ—намъ кажется болѣе искусственнымъ въ построеніи рѣчи. 20. б) За его.. 21. б) клятвій. 22. б) всегда.

37. *Въ землю ископавъ¹⁾, щобъ мѣхъ пропавъ,— та окоменъла,
Посохъ тамъ цвѣтъ, и травы нѣтъ, болше не зеленъла.*
38. *Въ води рибу, мѣхъ изъ глыбу, разпужавъ и раки,
Вирнувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.*
39. *Злую жару пѣкъ у жару тай²⁾ не загорѣлся,
Мѣцно по щитъ³⁾ чортожъ подбитъ, щобъ не развалился⁴⁾*
40. *А изъ печи⁵⁾ вѣять на плечь берется на Юду,
Щобъ въ тѣмъ мѣшкомъ⁶⁾ ходить пѣшкомъ въ пеклѣ и повсюду.⁷⁾*
41. *Бѣвъ бо вельдѣвъ,⁸⁾ щобъ мѣхъ не тлѣвъ до околю въку⁹⁾
Для утѣхи безъ супльки злому человѣку¹⁰⁾ ;*
42. *Туть¹¹⁾ крутенько всѣмъ хутенко давъ Богъ дара Пора¹²⁾
Адъ разоривъ, чорта стревивъ, смерть изчезла¹³⁾ хвора.*
43. *Прадѣдъ Адамъ и дядко Хамъ давно въ пеклѣ выдѣлъ¹⁴⁾
Уже-жъ теперъ пекло вѣдверъ,¹⁵⁾ якъ Христа повидѣлъ.¹⁶⁾*
44. *И всякъ¹⁷⁾ узникъ крутой узникъ зъ шии розвязали,
Сусу Христу¹⁸⁾ якъ на листу усе рассказали.*
45. *Ева згнута була тута отъ злого¹⁹⁾ шайтана,
Сей покуса злѣйшій Пруса и Крымського хана.*
46. *Мучить дарма, у аыхъ ярма зъ шии не злазили,²⁰⁾
Струпъ на плечахъ, бо по печакъ все²¹⁾ дрова возали²²⁾*
47. *Зъ ярма-жъ въ хомуть, зъ узлами кнутъ, дротянные пуги
Зъ шии до пятъ на спинѣ знать кровавыи смуги.*
48. *И старуху бьютъ по брюху пятницю святую²³⁾
На подпрямую колымаму запрямы и тую.²⁴⁾*
49. *Щобъ скакала, не брикала,²⁵⁾ владуть въ ротъ удла,²⁶⁾
Свѣчуть плетью, щобъ тамъ мѣтью ступою ходила.²⁷⁾*

---

1. б) Землю копать. 2. б) такъ. 3. б) Мѣцно пощитъ. 4. б) що й не загорѣлся—конечно неправильно. 5. б) Зъ огню, въ печи. 6. б) Изъ тѣмъ мѣшкомъ. 7. б) въ пеклѣ повсюду. 8. б) Богъ повелѣвъ. 9. б) до страшного суда. 10. б) Этой строки совсѣмъ нѣтъ въ этомъ варьянтѣ, а въ варьянтѣ а отсутствуютъ всѣ 26 строкъ напечатанныхъ курсивомъ. 11. б) Такъ. 12. а) Тамъ крутенько, тутъ хутенько давъ Богъ всему порай. 13. а) нзлыха. 14. а) ...Хамъ заиграли въ свырили. 15. б) одперъ. 16. а) Закричали, задрожали, якъ Христа вгледили. 17. а) Усякъ. 18. а) Исусъ-Христу. 19. б) того. 20. а) у всѣхъ ярма зъ шии не злазали. 21 а) во адъ. 22. б) Струпъ на плечахъ, все по печакъ—а дрова возали; въ такомъ видѣ въ этой строкѣ нѣтъ смысла. 23. б) И въ тѣмъ страхи бьютъ по с—ца пятницю святую. 24. а) Этихъ двухъ строкъ нѣтъ совсѣмъ. 25. Щобъ скакала, не брикала.. 26. а) удали. 27. а) ходили.

50. *Понедѣлокъ, зоть не смѣлокъ*¹⁾—*тажъ ему заслуга,*
*Змукулывся, астулився*²⁾—*ледеть утѣкъ съ плуга.*³⁾
51. Сию⁴⁾ налогу скоро въ Богу донесли въ⁵⁾ ушѣ,
Не забаривъ, адъ разоривъ, выпустивъ всѣ душѣ.
52. Святый Афеть узявъ мушкетъ, якъ стреливъ на гасло,⁶⁾
Выйшла здраи немалая,⁷⁾ ажъ пекло захрасло.⁸⁾
53. Всѣ⁹⁾ ожила и загула,¹⁰⁾ якъ весною мухи
Съ пекла народъ бѣгъ навзаводъ, а иншии изъ муки¹¹⁾
54. Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удрыжавъ,¹²⁾
Вѣвъ зъ Саакомъ ледве ракомъ и собѣ поклизавъ¹³⁾
55. Свята Сара, хоча стара, да женщина руча;
Вся пѣхота шла въ ворота,—вона-жъ куды луча¹⁴⁾
56. Племиныкъ Лоть въ купу сиротъ якъ избралъ бѣдныкъ,
Такъ нѣ дверей, а нѣ верей не осталось¹⁵⁾ мѣдныкъ.
57. *Бо все тая сильна здрая,*¹⁶⁾ *съ пекла потащила!*¹⁷⁾
Власне туча, куды луча, такъ законотѣла.¹⁸⁾
58. У Божу путь только сопуть, Христа захвалия,¹⁹⁾
*Стѣшать во радѣ, другъ другу радѣ по стези до рай.*²⁰⁾
59. Мусѣй пророкъ дверя, замокъ и муръ²¹⁾ пробивъ рогами,
Адъ сплюндрувавъ, ~~п~~мандрувавъ пѣшими ногами.
60. Власне²²⁾ бугай съ кошари въ гай виперся голодный,
Пекло вѣдперъ и шляхъ простеръ²³⁾ до рая свободный.²⁴⁾
61. Адаме грай, одвертый²⁵⁾ рай, иды, посиѣшайся,²⁶⁾
Райскимъ плодомъ зъ усѣмъ родомъ радѣ будь, утѣшайся.²⁷⁾
62. Веди всѣхъ въ радѣ у райской садѣ яблука збирати,
Вѣжъ²⁸⁾ одъ древа, бо вже²⁹⁾ Ева не буде вмирати.

Конецъ впритѣхъ четмановъ запорожцовъ.

Сообщ. В. Науменко.

1. б) не милокъ. 2. б) замулывся. 3. а) Этихъ двухъ строкъ совсѣмъ нѣтъ; 4. а и б) Вср. 5. а) во; б) увъ. 6. Написано *негласно*, но конечно по ошибкѣ. исправляемъ по вариантамъ а и б). 7. а) Выйшла зъ рай сѣла немалая; б) Выйшла зграя немалая. 8. а) затрясло. 9. а) Гуртомъ; б) Вдругъ. 10. а и б) вѣвъ загула. 11. а и б) тряхи. 12. а) удравъ; б) подрывавъ. 13. а) поплыгавъ; б) поплыгавъ. 14. б) куды влуча. 15. б) въ пекла нема. 16. б) Во якъ тая сильна зграя. 17. а) Этой строки нѣтъ совсѣмъ. 18. а) Якъ та туча, куды луча, такъ и помогли; б) . . . . . залопотала. 19. а и б) У Божу путь только сопуть, що ажъ попотнали. 20. а) Этой строки нѣтъ совсѣмъ; б) Та врывають, посишавать, й исты не скотили. 21. а) въ дверяхъ замокъ и муръ. 22. а) Якъ той...; б) Власный... 23. б) протеръ. 24. а) Такъ нѣз ада йде громада, рада що свободна. 25. б) одвертый. 26. а) Рай одвертый, шляхъ протертый, Адамъ посишайся! 27. а) . . . . . въ усѣмъ родомъ тамъ ты утѣшайся, 28. б) Ажъ—что, конечно, неправильно. 29. а) бильшъ.

Арестъ осетра. Въ концѣ 1850-хъ годовъ въ м. Горошинѣ, хорольскаго у. полт. губ., распространился однажды тревожный слухъ, что въ р. Сулѣ появилось какое-то чудовище, пожиравшее утокъ, гусей и даже будто бы купавшихся дѣтей. Мѣстнымъ рыбакамъ по этому случаю былъ данъ приказъ изловить во что-бы то ни стало этого кровожаднаго звѣря и донести о томъ полициі. Слустя нѣсколько дней рыбаки точно поймали невиданную ими до того времени рыбу очень крупныхъ размѣровъ и дали знать въ мѣстную становую квартиру. Поѣхалъ туда приставъ и видитъ—въ сѣтяхъ бьется великолѣпный осетеръ, какимъ то чудомъ заплывшій изъ Днѣпра.—Вотъ,—думаетъ приставъ,—прекрасный будетъ презентъ г. исправнику! Какъ бы только не перекупили кто-либо такую рѣдкую добычу!

— А що, ваше благородіе, чы не це та звирюка що дітей, хапае?—спрашивали простодушные рыбаки.

— Она самая, братцы, и теперь я долженъ ее арестовать и подъ крѣпкимъ конвоемъ отправить въ земскій судъ для поступленія съ нею по всей строгости законовъ.

И точно, въ тотъ же день преступная рыба увезена была, въ сопровожденіи благонадежныхъ сотскихъ, въ Хороль и попала прямо на кухню къ г. исправнику, не оставшемуся, конечно, въ долгу предъ услужливымъ приставомъ.

Л.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Триумфальныя ворота въ г. Киевъ.* 1) 6 октября 1857 года Киевское купечество возбуждаетъ предъ генераль-губернаторомъ ходатайство о сохраненіи воздвигнутыхъ на средства просителей Триумфальныхъ воротъ *навсегда*, дабы увѣковѣчить въ памяти отдаленнѣйшаго потомства первое посѣщеніе города ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Императрицею Маріей Александровною.

Сооруженіе предполагалось не только сохранить, но и надлежащимъ образомъ ипрочить.

¹⁾ При пересѣченіи кадетскаго шоссе съ Бибиковскимъ бульваромъ.

На ходатайство купцовъ, тогда же всеподданнѣйше доложенное възвѣтъ Васильчиковымъ, Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ.

9 ноября купеческое общество составляетъ приговоръ объ ассигнованіи на сіе потребной суммы, имѣющей образоваться изъ пожертвованій, на что генер.-губернаторъ даетъ разрѣшеніе (Мартъ 1858 г.).

Купцами постановлено вуредъ, начиная съ 1858 по 1874 годъ, при объявленіи капиталовъ, представлять на предметъ поддержанія Триумфальныхъ воротъ съ каждаго свидѣтельства 1-ой гильдіи по 12 р., 2-ой гильдіи по 8 р., а 3-ей гильдіи отъ 3 до 5 р.—по состоянію доходовъ, на что генералъ-губернаторомъ дано согласіе.

Но первое увлеченіе кіевлянъ-купцовъ быстро прошло, а уже въ іюнѣ 1861 г. Главному Начальнику края пришлось указывать городскому управленію, что ворота требуютъ ремонта и окраски....

Нынѣ лишь выставка скромныхъ меблированныхъ комнатъ напоминаетъ о высившихся здѣсь Триумфальныхъ воротахъ.

2) *Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ.* Въ 1868 г. Иمامу Шамилю Высочайше указано водвориться въ Кіевѣ. Отъ земства предположенъ къ отводу особый домъ въ 22 комнаты. Прибывшій въ городъ Гази Магома (сынъ Шамиля) останавливаетъ свой выборъ на домѣ Масаловой (Александр. ул. въ Липкахъ), который и занимаетъ со всѣми флигелями, службами и садами. Деньги, потребныя на наемъ, ремонтъ и отопленіе, отпускаются изъ Государственнаго казначейства въ распоряженіе губернатора, на коего возлагается обязанность заботиться о приличномъ и исправномъ содержаніи плѣнника и его семейства.

Прибытіе самого Шамиля съ женами и дѣтьми ожидалось въ концѣ сентября 1868 г.

Черезъ два года арендный контрактъ возобновленъ (плата 2500 р.), но Иمامу было не суждено долго пользоваться кіевскою квартирою: зиму онъ провелъ въ Аравіи.

23 декабря 1870 г. къ нему на свиданіе въ Мекку выѣзжаетъ Гази Магома, и въ февралѣ 1871 г. Шамиль умираетъ въ Меданѣ.

25 мая Высочайше повелѣно: выдавать изъ казны Гази Магомѣ, котораго ожидали въ Кіевѣ въ іюлѣ, по 5000 р. въ годъ; брату его, штабъ-ротмистру собственнаго Его Величества конвой, Магомету Шеффи, по 1000 р., въ добавокъ къ получаемому по службѣ содер-

жанію, и обѣимъ женамъ Шамиля, на случай ихъ возвращенія въ Годбраса въ Россію, по 1000 р. ежегодно. Что касается отпуска денегъ на домъ, дачи и довольствіе, то таковой прекращается.

Однако расходы по поѣздкѣ за-границу были настолько велики, что братья возбуждаютъ ходатайство объ ассигнованіи на сей предметъ особыхъ суммъ; одновременно съ сямъ Гази Магома просить разрѣшить ему выѣздъ въ безсрочный отпускъ въ Турцію для устройства быта обѣихъ вдовъ покойнаго Шейха и попеченія о судьбѣ ихъ. (Семья Шамиля въ Константинополѣ принадлежитъ домъ съ полною обстановкою, пожалованный Султаномъ).

17 августа Высочайше повелѣно отпустить на нужды семьи всю сумму, оставшуюся свободною отъ умножившихся въ 1871 году расходовъ казны на содержаніе покойнаго и наемъ для него помѣщенія, вслѣдствіе чего Гази получаетъ на руки 9111 р.

Высочайшее соизволеніе на безсрочное пребываніе за границею, по словамъ Военнаго Министра, «должно послужить лестнымъ выраженіемъ Высочайшаго довѣрія къ благороднымъ и честнымъ правиламъ сыновей Шамиля».

Гази Магома выѣзжаетъ 25 ноября изъ Кіева въ Одессу, откуда 4 декабря отправляется въ Константинополь, гдѣ у семьи былъ свой особый повѣренный въ дѣлахъ.

За это время одна изъ вдовъ Шейха—Захадата умираетъ, не выѣзжая изъ Мекки. Назначенная ей пенсія по Высочайшему повелѣнію сохранена ея 8-лѣтнему сыну Магомету.

Въ 1874 Гази Магомѣ Высочайше дозволено возвратиться изъ заграницы въ Россію, съ водвореніемъ въ Кіевѣ, но сколько извѣстно, онъ этимъ разрѣшеніемъ не воспользовался.

3) *Проектъ учрежденія подъ г. Кіевомъ «пригородка» для богомольцевъ и евреевъ.* Въ 1873 году главное російское и международное комиссіонерство «Указатель» предложило начальнику юго-западнаго края свои услуги по устройству подъ самимъ городомъ особаго новаго квартала «для богомольцевъ», а также и «евреевъ, не имѣющихъ права жительства въ Кіевѣ»...

Согласно проекту, въ пригородѣ въ распоряженіе временныхъ, случайныхъ обывателей предоставлялись особые рынки, бойни, водопроводы, уличное освѣщеніе, бани, больницы, общественный садъ.

По словамъ представителя агентства, городъ, такимъ образомъ, оказался бы огражденнымъ отъ наплыва богомольцевъ, которые, скопляясь, несомнѣнно производятъ загрязненіе городскихъ зданій и самой почвы, служа источникомъ «зараженія и безпорядковъ».

Что же касается высылаемыхъ изъ Кіева иногороднихъ евреевъ, то пригородъ, давая имъ въ стѣнахъ своихъ пріютъ, «соотвѣтствовалъ бы не только уваженіямъ челоуѣколюбія, но и экономическимъ...»

На проектѣ генераль-губернаторомъ положена резолюція «оставить безъ вниманія».

4) *Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай.* Въ ноябрѣ 1879 года въ Новоградволинскѣ, во время призыва, въ одной корчмѣ царило необычайное оживленіе среди собравшихся за кружкою пива нѣмцевъ колонистовъ. Одинъ изъ нихъ, пришлый изъ Житомирскаго уѣзда, разглагольствовалъ о предстоящихъ распоряженіяхъ правительства, задумавшаго якобы поголовное выселеніе нѣмцевъ изъ юго-западнаго края на земли, отошедшія отъ Турціи къ Россіи. Намѣренія эти сдѣлались оратору доподлинно извѣстными, когда онъ въ качествѣ погонца, участвовалъ въ Русско-Турецкой кампаніи и прошелъ изъ конца въ конецъ Румынію и Болгарію.

Слухъ началъ быстро распространяться по уѣздамъ Новоградволинскому, Житомирскому и Острожскому, а въ началѣ февраля 1880 г. колонисты Оженина (Острожск. у.) выступили съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ уже предъ главнымъ начальникомъ края.

Губернаторъ, съ своей стороны, принялъ мѣры къ прекращенію толковъ, въ которыхъ, по его заключенію, нашла отголосокъ обсуждавшаяся германской печатью мысль о колонизаціи русскими поданными изъ нѣмцевъ земель между Дунаемъ и Балканами.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Текущая извѣстія.

25-тилѣтіе со дня смерти А. С. Аванасьева-Чужбинскаго. 6 сентября исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины А. С. Аванасьева, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Аванасьева-Чужбинскаго. Сочувственная замѣтка по поводу смерти его помѣщена въ газетѣ «Одесскій

Листокъ» (№ 230) Ф. М.—томъ, а также довольно обстоятельный біографическій очеркъ въ № 73 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Въ свое время ¹⁾ мы общали о печальномъ состояніи могилы И. П. Котляревскаго. Въ настоящее же время, какъ передаетъ «Кіевская газета» № 139, на южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, гдѣ погребенъ прахъ Ивана Петровича Котляревскаго, въ началѣ нынѣшняго лѣта, на средства губернскаго земства поставленъ новый мраморный сѣрый, на гранитномъ фундаментѣ, памятникъ, взаимѣнъ прежняго, поставленнаго въ 1869 году и пришедшаго уже въ значительное разрушеніе; самый памятникъ имѣетъ въ вышину около 2¹/₂ арш. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи, приводимыя нами дословно:

1) «Будеш', батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце з'неба сле
Тебе не забудуть».

- 2) «Иван Котляревский, першій український народний поэт».
3) «Родився року Божого 1769, почив' 1838».
4) «Коштом' Полтавского губернского земства».

Вокругъ памятника отведено небольшое для сквера мѣсто и обнесено приличною деревянною оградю.

Малорусская секція на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Парижѣ. 2 августа въ Парижѣ, въ залѣ des Fêtes à de l'Exposition былъ открытъ международный конгрессъ, на который собралось нѣсколько тысячъ лицъ, причастныхъ къ медицинѣ.

Передъ открытіемъ конгресса Чехи созвали делегатовъ всѣхъ славянъ на общій совѣтъ по вопросу основанія всеславянскаго медицинскаго журвала или Revue. На этомъ предварительномъ собраніи оказались представители отъ всѣхъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и отъ галицкихъ Русинновъ въ количествѣ нѣсколькихъ (6-ти) душъ, которые и составили, подъ предсѣдательствомъ доктора В. Сименовича, малорусскую секцію. Надъ дверями, гдѣ происходили засѣданія послѣдней, была надпись «Petite Russie». Всѣ постановленія малорусской секціи будутъ напечатаны въ отчетахъ конгресса.

¹⁾ Кіев. Стар. 1900 г., май, отд. текущ. извѣст., стр. 87.

Предварительное собраніе всѣхъ славянъ постановило: 1) издѣвать ежемѣсячный всеславянскій журналъ (Revue) на французскомъ языкѣ, въ которомъ должны помѣщаться резюме всѣхъ работъ, какия похвѣтся гдѣ-либо на какомъ-либо изъ славянскихъ языковъ, 2) стараться постепенно вводить болѣе или менѣе во всѣхъ славянскихъ языкахъ общеславянскую терминологию и собирать, каждая нація сама по себѣ, свои собственные медицинск. термины, изъ которыхъ впоследствии можно было бы создать одну общую терминологию, 3) устраивать всеславянскіе медицинскіе съѣзды такимъ образомъ, чтобы каждый народъ могъ ихъ устраивать по собственной инициативѣ; на нихъ будутъ приглашены иныя славянскія націи съ тѣмъ, что каждая нація будетъ говорить и реферировать на родномъ своемъ языкѣ.

При обсужденіи послѣдняго пункта др. Семерадъ предостерегалъ собравшихся, чтобы не случилось того, что произошло на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ съ малорусскимъ языкомъ.

Затѣмъ набраны изъ каждой народности по одному члену-корреспонденту въ упомянутое Revue; въ качествѣ такового для галицкихъ Русановъ избранъ докторъ Евгеній Кобринскій, для Америки же — представителемъ всѣхъ славянъ конгрессъ избралъ доктора В. Сименовича. Корреспондентамъ также поручено заняться собираніемъ національной народной терминологіи. (Руслан, ч. ч. 169, 170).

Русинская художественная выставка во Львовѣ. 2 сентября во Львовѣ состоялось открытіе выставки произведеній русинской промышленности и искусства, главнымъ образомъ церковныхъ предметовъ: иконостасовъ, олтарей, иконъ, рѣзьбы и т. п. Среди множества художественныхъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе небольшая деревянная статуя Богдана Хмельницкаго верхомъ на конѣ, портретъ Богдана Хмельницкаго — вистъ Микола Ивасюка и друг. (Дѣло, ч. 201 и 207).

Открытіе новой русинской гимназіи. 21 августа въ Коломыѣ состоялось торжественное открытіе самостоятельной, третьей¹⁾ въ Галиціи, русинской мужской гимназіи. На торжествѣ провозносились рѣчи на тему о необходимости братскаго единенія учащихъ и учащихся

¹⁾ Третьей — въ смыслѣ самостоятельности, т. е. существуетъ нѣсколько утраквистичнскихъ гимназій, т. е. съ параллельнымъ преподаваніемъ на малорусскомъ и польскомъ языкахъ.

обѣихъ (русинской и польской) народностей, которыя должны помнить, что имъ въ жизни предстоитъ совмѣстная работа для общаго блага въ родной землѣ. (Gazeta Lwowska, № 206).

Дѣятельность Товариства «Просвѣта» во Львовѣ. Львовское Товариство «Просвѣта» въ настоящее время имѣетъ въ Галиціи 895 своихъ читателей (въ томъ числѣ 77 открыты въ текущемъ году). Новыхъ членовъ принято въ этомъ году въ Товариство 961, со времени же основанія, т. е. за 32 года, «Просвѣта» имѣла 13,007 членовъ. (Буковина, ч. 100).

Цѣнный даръ университету св. Владиміра. Вдова камергера графиня Кассини пожертвовала Кіевскому университету бібліотеку покойнаго своего отца, генераль-адъютанта Д. Г. Бибикова, бывшаго кіевскаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора въ періодъ 1837—1852 годовъ. Библіотека эта заключаетъ 14000 томовъ и значительно обогатитъ бібліотеку кіевскаго университета, которая вообще по числу книгъ и качеству ихъ принадлежитъ къ одному изъ наиболѣе крупныхъ книжныхъ собравій въ Россіи. («Историч. Вѣстникъ» № 8).

Цѣнный даръ одесской публичной бібліотекѣ. Наслѣдники извѣстнаго одесскаго старожилы и изслѣдователя исторіи Новороссіи А. А. Скальковскаго принесли въ даръ одесской публичной бібліотекѣ почти всю бібліотеку покойнаго. Въ числѣ подаренныхъ книгъ имѣется много цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ. (Биржев. Вѣдом. № 240).

Украинская труппа во Львовѣ. Съ начала сентября во Львовѣ, въ залѣ общества «Gwiazda», даетъ спектакли украинская труппа товарищества «Рускої Бесіди» подъ дирекціей Гриневецкаго. Судя по отзыву польской печати, труппа эта отлично сыгралась и къ тому же обладаетъ несомнѣнными талантами. Оставъ публики, посѣщающей спектакли въ большомъ количествѣ (нерѣдко не хватаетъ билетовъ), въ значительной степени пополняется польской интеллигенціей. До сихъ поръ труппа играла слѣдующія пьесы: «Ой не ходы, Грыцю, на вечерниці», «Чумаки» — Тобилевича, «Нещасне кохання» — драма Манька, «Учитель» — комед. Івана Франка, «Хата за селомъ» — драма, передѣлка изъ повѣсти Крашевскаго, оперетка «Цыганський баронъ», драма Л. Толстого «Власть тьмы», «Запорожець за Дунаємъ», «За двома зайцями» — Старицкаго, «Цыганка Аза», и др. (Дѣло и Gazeta Lwowska).

Предположения малорусскія изданія. Харьковское земство предполагает издать нѣсколько брошюръ о заразныхъ болѣзняхъ на малорусскомъ языкѣ, для раздачи населенію. (Кіевск. Газ. № 272).

Шевченко на языкѣ будущаго. Шведскій журналъ «Esperato Linguo Internacia» (Будущій международный языкъ), выходящій въ Упсалѣ, помѣстилъ по словамъ «Руслана» (№ 280) въ №№ 6 и 7 три стихотворенія Шевченка въ переводѣ С. Свиридова на «будущій международный языкъ», а именно: «И широкую долину, и высокую могилу» (Largan valon, altan tombon...), «Чого мени тяжко? Чого мени нудно?» (Kial mi suferas? Kial mi doloras?...) и «Не такъ ти ворогы, якъ добріи люде»... Приводимъ послѣднее съ сохраненіемъ правописанія оригинала.

El Sevčenko.

- Malamikaj estas bonaj
Pli ol «bonaj homoj»,
Kiu vokas vin kunmangi
En gastamaj domoj.
- Bedaurante ili trompas,
Kunplorante mokas,
Ili, por kondamni, ridi,
Konfeson elvokas.
- Malamikojn, iafoje,
Ne donas la sorto;
«Bonaj homoj» estas ĉie,
Ili do vin ne forgesos
Eĉ post via morto.

Безграничная любовь къ «ъ». Редакція газеты «Руслан», придерживающаяся, какъ извѣстно, фонетическаго правописанія, получила отъ одного изъ подписчиковъ слѣдующее письмо: «Прошу васъ, честный редактор, не присылайте менѣ віенци вашихъ чисель бо менѣ віенци непотрѣбно затое вамъ дякую щомъ прочитавъ кѡлка чисель я люблю читати твердѣ знаки я естемъ церковнимъ пѣвцемъ Почтеніе Мое Соллогубъ Павло». (Руслан, ч. 208).

«Пісня про Кытай». Редакціи газ. «Волинь» доставлена однимъ изъ народныхъ учителей нижеслѣдующая «пісня про Кытай», «вылившаяся, — по его словамъ — изъ народной души».

Ой не дарма чорна хмара та дощу не мае,
Ой не дарма сонце ясне хмару осушае.
Ой не дарма по всьмъ свити ходять тылиграмы;
Ой не дарма вже безъ кониявъ йиздять люде сами.
Святъ великый, ни де дитысь, за землю сварятся.
Передъ нашимъ самъ Царь-Кытай ставъ вже величатся,
Та поставывъ мирку маку, каже: пробачайте,
Ото стилько людей маю—хочете: считайте.
Наши вынесли цыбули: мирка—якъ въ Кытай.
Ой цыбуля гирка дуже—ребра посчытае!
Глянувъ Кытай на цыбулю, не считавъ—заплававъ
И запросывъ прымыренья: шкода стало маку...

(Волянь, № 191).

Предполагаемыя публичныя лекціи въ Москвѣ. Бывшій учитель вишиневской женской гимназіи С. Кулибко въ теченіе 1900 года прочтетъ въ Москвѣ рядъ публичныхъ лекцій: «Шевченка, Пушкинъ, Бѣлинскій, Жизнь и поэзія Шевченко», «Два учителя полтавской гимназіи 50-хъ годовъ—Стровинъ и Поллевицъ», «Фонетика русской азбуки и звуковой методъ обученія русской грамотѣ», «19 февраля и 5 марта 1861 г.» и др. (Одесск. Листокъ, № 230).

БИБЛЮГРАФІЯ.

Maryan Dubiecki. *Kudak, twierdza kresowa. i jej okolice. Monografia historyczna, nagrodzona przez Akademię Umiejętności w Krakowie. Wydanie nowe, przejrzone i powiększone. Warszawa, 1900. (Пограничная крѣпость Кудакъ и ея окрестности. Стр. 154).*

Г. Дубецкій выступилъ въ исторической литературѣ съ нѣсколькими очерками, посвященными, между прочимъ, исторіи Южной Руси и, въ частности, Запорожья. Не задаваясь суровыми изысканіями въ области нашей стороны, авторъ видимо заботится о доступности для широкихъ круговъ читателей и, по мѣрѣ силъ, стремится выказать безпристрастіе, но это безпристрастіе, такъ сказать, *cum grano salis*. Упрюгіе факты исторіи видимо наклоняють автора къ соблюденію мѣры, но наряду съ фактами остается еще широкое поле для исторической декламаціи, область которой, по существу безграничная, въ достаточной мѣрѣ разрабатывается и г. Дубецкимъ. Съ легкой руки блестящаго Шайнохи, у нѣкоторыхъ историковъ явился родъ недуга—разыгрывать дѣльны симфоніи на тему о «добыткахъ польскаго плуга» на нашемъ югѣ, «объ очагахъ западно-европейской цивилизаціи», которые создавались тамъ въ оныя времена благодаря шляхетской колонизаціи, и о тому подобныхъ неблагоприятныхъ сюжетахъ.

Недлженные интереса образчики такой декламаціи встрѣчаемъ кое-гдѣ и въ монографіи г. Дубецкаго. Первое изданіе ея вышло болѣе 20 лѣтъ назадъ къ юбилею Крашевскаго. Нынѣ авторъ дополнилъ свой очеркъ нѣкоторыми новыми подробностями на основаніи рукописныхъ источниковъ. Главный изъ нихъ—рукопись ателлонской

бібліотеки въ Краковѣ подъ № 90, гдѣ приведенъ актъ капитуляціи Кодака въ 1648 году и формула присяги полковника Максима Нестеренка.

Авторъ излагаєть судьбы Кодака въ связи съ общей характеристикой исторической обстановки, добавляя къ этому мелянхолическія свои размышленія. Послѣднія далеко не вяжутся съ приводимыми фактами.

Дѣло обстоитъ такъ.

Въ 1635 г. шляхетская олигархія, изъ страха передъ угрозами Турціи, рѣшается ассигновать деньги на постройку крѣпости у Кодацкаго порога на Двѣпрѣ, чтобы доканать козаковъ, обезсилить Запорожье и не допускать набѣговъ на турецкія владѣнія по берегамъ Чернаго моря, пока эти набѣги не признаны будутъ удобными. Ни одна польская крѣпость не сооружалась съ такой быстротой и энергіей, какъ Кодакъ: въ глазахъ сейма она была залогомъ окончательнаго пригнетенія козачества. Великій гетманъ коронный Стап. Конецпольскій до конца дней своихъ посвящалъ крѣпости особое вниманіе и не щадилъ средствъ на ея устройство и оборудованіе. Исполнено было сооруженіе подъ руководствомъ извѣстнаго франко-польскаго инженера Боплана. Первый гарнизонъ былъ сформированъ изъ нѣмецкихъ драбантовъ, прошедшихъ знаменитую школу въ боиняхъ 30-лѣтней войны, губернаторомъ назначенъ французскій кондотьеръ Маріонъ, при немъ комиссаромъ шляхтичъ Шіалковскій (или Пшіялковскій), фигура въ стилѣ извѣстнаго Чаплинскаго.

Важную миссію свою этотъ избранный гарнизонный персоналъ открылъ военными дѣйствіями, но не противъ татаръ или бунтовщиковъ, а противъ рыболововъ, звѣролововъ и монаховъ. Добычи на правомъ берегу было мало, пустыня не вознаграждала драбантовъ, и они тотчасъ-же обратили свои взоры на лѣвый берегъ, гдѣ по р. Самарѣ издавна осѣли хуторами козацкіе рыболовы и звѣроловы, гдѣ процвѣталъ самарскій монастырь, съ «шпиталемъ» для престарѣлыхъ козаковъ и школой для козацкихъ дѣтей. Земля эта, по выраженію мѣстной хроники, была «добре гарна», и тотчасъ пошлн запреты въ дѣлѣ пользованія давними «суходами». Навѣдываясь на благословенную Самару, вѣроятно подъ предлогомъ надзора и водворенія порядка, драбанты учинили разбойное нападеніе на монастырь, захватили уже добычу. Но монахи защищались съ оружіемъ въ рукахъ, добыча отбита, немало разбойниковъ пало въ бою, комиссаръ Шіалковскій взятъ

въ плѣнѣ, повѣшенъ на полѣ доблестной брани и тамъ же насыпана надъ нимъ могила.

Этотъ разбой былъ прелюдией къ штурму Кодака въ томъ-же 1635 г. козацкимъ атаманомъ Сулимою, который за это погибъ на плахѣ въ Варшавѣ, послѣ того какъ реестровые козаки отобрали крѣпость отъ низовыхъ. Послѣ штурма Сулимы нѣмецкій гарнизонъ вырѣзанъ, комендантъ Маріонъ разстрѣлянъ.

Къ осени 1637 г. крѣпость была восстановлена въ лучшемъ видѣ гетманомъ, гарнизонъ усиленъ, комендантомъ и комиссаромъ назначены шляхтичъ Жолтовскій и гетманскій родичъ Адамъ Конецпольскій. Съ Жолтовскимъ явились въ Кодакъ и оо. доминикане, — колонизаторъ-шляхтичъ не показывался въ этомъ суровомъ и опасномъ краѣ, а козацкіе хутора и уходы по Самарѣ еще не нуждались въ этомъ колонизаторѣ, управлялись безъ него и боролись съ крымцами своими средствами. Доминикане явились съ цѣлью обращать еретиковъ въ истинную вѣру, получили отъ короля пожалованіе на обширныя земли для заселенія «людьми», построили сперва капличку за крѣпостными валами, а въ 1643 г. уже завели монастырь. Ихъ пришло съ Жолтовскимъ два или три, но къ 1648 г. ихъ было немало, судя по т. наз. «Яцковымъ могиламъ», гдѣ были скоронены они послѣ избиенія козаками. Послѣ Жолтовскаго явились начальствовать въ крѣпости еще два Конецпольскихъ—Яковъ (погибъ въ стычкѣ съ татарами) и Александръ, и губернаторъ Криштофъ Гродницкій, полковникъ артиллеріи, воева гнѣзда Валленштейнова. Гродницкій завелъ въ крѣпости суровую гарнизонную дисциплину, но грабежи драбантовъ, по догадкамъ нашего автора, продолжались, козацкіе хутора и пасѣки страдали, скотъ крали. Вели Коронный гетманъ, развилъ на козацкомъ Нязу цѣлую систему шпіонства. Словомъ, обстановка была такова, что нашъ авторъ, отдавая дань безпристрастію, долженъ сознаться, что Кодакъ не могъ стать очагомъ европейской цивилизаціи и былъ простымъ военнымъ таборомъ, вокругъ котораго кипѣло море народной злобы и ожесточенія. Чтобы смгчить тяжкій колоритъ этой картины военнаго гнета, близорукаго и бессмысленнаго, авторъ догадывается, что кодацкій гарнизонъ оборонялъ страну отъ татаръ. Однако, объ этомъ что-то не слышно, хотя въ крѣпость нерѣдко являлись шляхетные гости и, конечно, не преминули бы рассказать о подвигахъ драбантовъ. За то есть прямое указаніе?

что у козаковъ отбирали татарскій полонъ, и надо думать, что это дѣлалось не въ интересахъ человѣколюбія.

Въ мартѣ 1646 г. умеръ Стан. Конециольскій, создатель Кодака, и крѣпость потеряла своего покровителя, который мечталъ объ изгнаніи татаръ изъ Крыма, но мысль свою думалъ выполнить путемъ низведенія козачества на степенъ рабской касты. Поселокъ за крѣпостными валами развивался туго, созданіе «оазиса цивилизаціи» не уладось, крѣпость окружена была пустыней, полной угрозъ и засадъ. Припасы доставлялись по Днѣпру байдаками изъ кіевскаго полка. «Ranowie Odrzychłorcsu», въ родѣ Іереміи Вишневецкаго, появлялись сюда лишь погостить, но «слободъ» не закладывали: не было надлежащаго матеріала.

Послѣ бунта реестровыхъ въ Каменномъ Затонѣ и желтоводскаго пораженія Стеф. Потоцкаго началась долгая и тяжкая для козаковъ осада Кодака по приказу Хмельницкаго. Гродвицкій защищался храбро, но помощи не было, и въ концѣ августа 1648 г. онъ долженъ былъ сдаться козацкому полковнику Максиму Нестеренку. Гарнизонъ частью перебитъ, частью уведень въ плѣнъ, гдѣ также погибло немало въ страшныя годины 1649 г.

На основаніи одной рукописной замѣтки авторъ утверждаетъ, что Гродвицкій сдался Нестеренку на почетныхъ условіяхъ: козаки обязались присягою не только никого не брать въ плѣнъ, но даже доставить освобожденный гарнизонъ въ безопасное мѣсто подъ своимъ конвоемъ, дать пропитаніе въ дорогѣ, отослать шумейковъ и волошенковъ полки, а при гарнизонѣ долженъ былъ остаться только Нестеренко съ 200 человѣкъ, и пр. Выходить, что козаки, избывая или уводя плѣнниковъ въ Чигиринъ, нарушили присягу.

Возможно, что такъ и было. Нарушеніями присяги и требованій человѣколюбія полна исторія того жестокаго времени, предательство встрѣчалось не только въ козацкомъ, но, не менѣе того, и въ польскомъ лагеряхъ: гдѣ чаще—еще вопросъ. Однако, обсуждая данный случай, надо имѣть въ рукахъ точныя данныя. Документы, приводимые авторомъ (стр. 145—148), не могутъ имѣть значенія достовѣрнаго свидѣтельства. Она помѣщены въ какой-то современной реляціи въ видѣ копій. Что это за реляція—изъ книги г. Дубецкаго не видно, документъ не описанъ, даже не датированъ, безъ подписей. На такомъ свидѣтельствѣ нельзя основываться. Правда, Янъ Казиміръ въ 1649 г. упрекалъ Хмельницкаго за задержку плѣнныхъ вопреки при-

Томъ 71.—Октябрь, 1900.

сягѣ, но извѣстно, что Хмельницкій и отпуская плѣнныхъ, которые не были перебиты въ свалкахъ; даже Янъ Казиміръ не обвинялъ Хмельницкаго или Нестеренка въ вѣроломномъ избіеніи кодацкихъ плѣнниковъ. Ясно, что вопросъ этотъ не разрѣшается такъ просто, какъ это дѣлаетъ г. Дубецкій. Гораздо лучше было-бы издать цѣликомъ цитируемую реляцію и описать весь документъ, который можетъ оказаться лишь проектомъ—или апокрифомъ.

Таковы основные факты, которые можно извлечь изъ монографіи г. Дубецкаго. Большинство ихъ не новость, но есть черточки неизвѣстныя доселѣ и не лишены интереса. Къ сожалѣнію, авторъ не можетъ удержаться отъ декламаціи. Онъ признаетъ, на примѣръ, что тогдашніе правящіе польскіе круги отнюдь не задавались колонизаціонными планами, что колонизація шла сама собою помимо центральнаго правительства, двигалась народною массою, за которою гнался на окраины поработоритель—шляхтичъ. И тутъ же рядомъ встрѣчаются въ книгѣ пространныя разглагольствованія о культурныхъ завоеваніяхъ польскаго плуга, о высокихъ цивилизующихъ началахъ, которыя якобы стремилась насадить шляхта въ темной и грубой народной массѣ, и пр. и пр. Сопоставленіе такихъ лирическихъ отступленій съ голыми фактами, наложенными въ книгѣ, производитъ прямо таки комическое впечатлѣніе. Если это не юморъ или иронія, то прямо не знаешь какъ понимать, напр., заключительныя слова монографіи г. Дубецкаго: «Послѣ взятія Кодака Нестеренкомъ, дальнѣйшая историческая судьба уже лишила Польшу возможности ширить въ этомъ одичаломъ краѣ работу польскаго плуга, а съ нею и благодѣянія цивилизаціи... Всѣ лучшія вліянія, какія привнесла туда Рѣчь Посполитая на протяженіи вѣковъ, погибли за время братоубійственной борьбы Хмельницкаго»...

Ржавый тотъ плугъ и убога та культура, которой можно преподносить такое *testimonium paupertatis*, какъ вся монографія г. Дубецкаго въ ея фактической части.

Н. М.

Записки наукового Товариства імени Шевченка., т. т. XXXI—XXXII.
Львів, 1899 р., кн. V и VI.

Означенный двойной томъ этого цѣннаго періодическаго изданія содержитъ въ себѣ одни лишь рефераты членовъ наукового То-

варства імени Шевченка, предназначавшіся на XI археологічеській съѣздъ въ Кіевѣ въ минушемъ году, но не доложенные съѣзду по причинамъ, извѣстнымъ хорошо читателямъ «Кіевской Старины». Ознакомившись съ содержаніемъ лишь этого тома, заключающаго статьи и изслѣдованія по археологій, исторіи и этнографіи, и принимая во вниманіе, что въ спеціальному XXXV—XXXVI томѣ будутъ помѣщены изслѣдованія по исторіи литературы и языку, не считая еще рефератовъ, которые не попадутъ въ оба спеціальные томы и будутъ помѣщены и въ другихъ, — можемъ безъ преувеличенія сказать, что минувшій съѣздъ много потерялъ, будучи лишенъ возможности ознакомиться съ весьма солидными научными трудами галицкихъ ученыхъ.

Какъ уже упомянуто, настоящій томъ заключаетъ статьи по археологій, исторіи и этнографіи. Такъ какъ читатели «Кіев. Стар.» знакомы уже съ содержаніемъ рефератовъ по археологій,¹⁾ — то намъ приходится говорить лишь объ остальныхъ. Изъ изслѣдованій по исторіи прежде всего остановимся на «*Супільні верстви та політичні партії в Галицькім князівстві до половини XIII столітя*» — Д-ра Мирона Кордуби. Справедливо указавъ на тотъ фактъ, что внутреннія отношенія въ Галицкомъ княжествѣ донинѣ оставались историками въ сторовѣ, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію состава общественныхъ слоевъ и ихъ взаимоотношеній въ упомянутомъ княжествѣ: бояръ и простого населенія — невольниковъ, крестьянъ и мѣщанъ, обративъ особенное вниманіе на первыхъ, какъ на элементъ, имѣвшій наибольшее значеніе въ исторической жизни Галицкаго княжества того времени. Хорошо изложены: — постепенный переходъ дружины — военной единицы въ земельную аристокрацію, приобрѣтеніе ею ббльшаго политическаго значенія въ княжествѣ въ эту новую эпоху, возникновеніе двухъ партій среди бояръ — династической (демократической) и оппозиціонной (аристократической), ихъ вліаніе на внутреннюю исторію въ первой половинѣ XIII ст. Перехода къ другимъ общественнымъ единицамъ, — авторъ немного говоритъ о политической жизни крестьянъ, гораздо болѣе о таковой-же — мѣщанъ, сыгравшихъ немаловажную роль въ исторіи галицкаго княжества, и, наконецъ, остановившись на опредѣленіи значенія княжеской власти, разсматриваетъ административные порядки въ Галиціи, перечисляетъ княжескихъ чиновниковъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни, из-

¹⁾ Археологическая збгопись, маргъ, стр. 191—201.

лагають фінансове состояніє княжества и заганчивають изслѣдованіе свое указаніємъ на составъ войска и его способы вооруженія.

Не смотря на нѣкоторыя рискованныя утвержденія автора, какъ наир. установленіе различія между терминами «бояре» и «галицкіе мужи» и другія мелочи, трудъ его можетъ служить важнымъ подспорьемъ для изслѣдователей нашего отдѣленнаго историческаго прошлаго.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья проф. М. Грушевскаго «*До питання про право-державне становище Київських князів XV в.*» Авторъ приводитъ два любопытныхъ документа, найденные имъ среди позднѣйшихъ документовъ Русской Метрики Московскаго архива Министерства Юстиціи, проливающихъ новыи свѣтъ на невыясненный донныи вопросъ о положеніи кіевскихъ князей династіи Владиміра Ольгердовича на столѣ давняго русскаго политическаго центра. До сихъ поръ въ исторической литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что эти князя, а въ особенности Олелько Владиміровичъ, «распоряжались въ странѣ, какъ полноправные владыки», взглядъ, основанный на томъ, что Олелько титулуется себя «государемъ—отчичемъ» кіевскимъ, раздаєтъ земли монастырямъ и служилымъ князьямъ. Найденные проф. Грушевскимъ документа: наказъ в. кн. Казиміра Олельку Владиміровичу, отъ 19 мая 1453 г.—вернуть Ивашку Юршиному сыну его «отчину», и подтвержденіе владѣльческихъ правъ Ивашки Юршиного сына на его имѣнія въ Кіевщинѣ, отъ 21 сентября 1453 года, ясно свидѣтельствуютъ, что до-нынѣшній взглядъ на кіевскихъ князей Володиміричей, какъ на совершенно самостоятельныхъ властителей—ошибоченъ: категорическій, безцеремонный наказъ великаго князя кіевскому князю въ сферѣ чисто мѣстныхъ кіевскихъ отношеній и утвержденіе въ правахъ кіевскаго землянина помимо кіевскаго князя доказываютъ, что послѣдніе небыли самостоятельными владѣльцами и во внутреннихъ дѣлахъ своей земли находились въ зависимомъ отношеніи отъ великаго князя, ограничивавшаго власть ихъ въ сильной степени.

Слѣдующее довольно крупное изслѣдованіе принадлежитъ Стефану Рудницкому «*Руські землі польської корони при кінці XV в. Ворожі напади й організація пограничної оборони*». Авторъ поставилъ цѣлью разсмотрѣть исторію организаціи пограничной обороны земель короны польской въ послѣдніе годы XV ст. Раздѣляя ее на два періода, первый изъ нихъ онъ опредѣляетъ временемъ отъ XV до вто-

рой половины XVI в., а второй—отъ половины XVI до XVIII в. Коренная разница между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что въ первый періодъ польское государство, еще достаточно могущественное, принимало въ большой степени участіе въ оборонѣ русскихъ пограничныхъ земель, между тѣмъ какъ со второй половины XVI в., съ упадкомъ силы и энергіи польскаго государства, роль охранителей взяли на себя вельможи (воеводы, каштеляны, старосты), лично заинтересованные въ сохраненіи мира и спокойствія въ своихъ владѣніяхъ. Въ данной статьѣ авторъ подробно разсматриваетъ событія, происшедшія на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ лишь въ самомъ концѣ XV ст.—въ 1498 и 1499 гг., в кромѣ того—организацію пограничной обороны въ этихъ краяхъ, преимущественно на основаніи нововизданныхъ актовъ. Въ первой части своего труда, послѣ краткаго обзора политическихъ отношеній ю.-в. Европы во второй половинѣ XV ст., надлежащимъ образомъ излагаются обстоятельства, сопровождавшія страшный турецко-татарскій набѣгъ 1498 года, разорившій до тла червонорусскія земли, событія 1498 года на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ, набѣгъ 1499 года; во второй—излагается система организаціи пограничной обороны, при чемъ оказывается, что, въ зависимости отъ природныхъ и общественныхъ отличій восточной части русскихъ земель отъ западной, и система пограничной обороны въ нихъ выработалась иная. Въ то время, какъ на Червоной Руси пограничную службу несутъ наемные жолнѣры и туземная шляхта, которую необходимо всегда побуждать,—въ восточной Подоліи охрана производилась при помощи туземнаго населенія,—шляхтичей, мѣщанъ и крестьянъ,—оказавшагося благодаря постоянному пребыванію подъ дамокловымъ мечемъ. Такимъ образомъ, и происхожденіе козачества, по мнѣнію автора, можетъ быть объяснено именно этими историческими условіями жизни въ восточной части украинскихъ земель. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ останавливается на организаціи наемнаго войска, его боевой цѣнности и, наконецъ, на оборонной системѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. на размѣщеніи войска и расположеніи въ то время на пограничьи замковъ, пребывавшихъ, благодаря нерадѣнію старостъ, въ весьма печальномъ состояніи.

Вообще-же авторъ, близко ознакомившись съ даннымъ вопросомъ, признаетъ, что состояніе оборонной системы въ описываемое имъ время производятъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе организаціи обороны

носить характеръ какой-то новизны, неоконченности и непригодности; правительство, хотя еще достаточно могущественно и старается все централизовать, не въ состояніи ничего подѣлать. Когда же затѣмъ дѣло обороны взяли въ свои руки вельможи и берегли при этомъ только свои интересы, отношенія немного исправились лишь съ развитіемъ козачества. Но никогда въ Польшѣ не выработались пограничная оборона до той степени, чтобы соответствовать дѣйствительно своей задачѣ...

Исслѣдованіе это, представляющее вообще большой интересъ по самой темѣ, разработанной въ немъ, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность благодаря выясненію внутреннихъ сторонъ жизни украинскаго населенія въ весьма любопытный моментъ—въ моментъ зарожденія такого важнаго общественнаго явленія, какъ козачество.

Не менѣе цѣнной является и слѣдующая затѣмъ статья проф. М. Грушевскаго «*Матеріалы до історіи козацькихъ рухівъ 1590-хъ рр.*» Занимаясь въ архивѣ Министерствѣ Юстиціи въ Москвѣ, проф. Грушевскому удалось отыскать въ книгахъ Русской Метрики цѣлый рядъ документовъ 1595—1598 гг., связанныхъ съ движеніемъ Лободы и Наливайка—преимущественно акты королевскаго суда по дѣлу о конфискаціи имущества участниковъ въ козацкомъ движеніи. Добавивъ къ нимъ еще нѣсколько документовъ, смежныхъ по времени, хотя и не относящихся непосредственно къ упомянутому движенію, авторъ такимъ образомъ обогатилъ историческую науку важнымъ матеріаломъ для исторіи козацкаго движенія 1590-хъ г. г., а еще болѣе—для уясненія вообще возникновенія козачества.

Среди приведенныхъ документовъ находится королевское пожалованіе Станиславу Жолкевскому Барышполя и Горошина, въ которомъ между прочимъ оказывается очень важное, очевидно на основаніи реляцій самого Жолкевскаго составленное, изложеніе событій 1596 г., въ частности, битвы у Бѣлой-Церкви и подъ Лубнами. Приводятся нѣкоторыя весьма интересныя подробности о главныхъ предводителяхъ движенія. Такъ, напр. видимъ, что Лобода находился въ близкихъ сношеніяхъ съ кіевскими монастырями, пряталъ въ нихъ какъ говорили, свое имущество; вообще же изъ приводимыхъ документовъ явствуетъ, что онъ былъ богатый человекъ. Шаула (а не Саула) повидимому происходилъ изъ черкасскихъ мѣщанъ и также былъ довольно состоятельный человекъ; между предводителями находился также и Полоусъ, впоследствии представитель радикальной

партіи козачества; ввидимъ, что за участіе въ возстаніи обвиняли даже вѣкоторыхъ шляхтичей и среди нихъ такое замѣтное лицо, какъ Матвѣя Немирича, сына кievскаго земскаго судьи; наконецъ ввидимъ, что возстаніе вызвало многочисленныя конфискаціи: конфискованъ козацкій Трахтемировъ, движимое и недвижимое имущество Лободы, Шаулы и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, а процессы о конфискаціи тянулись болѣе года.

Таковы любопытныя подробности, касающіяся исторіи самого движенія. Но гораздо важнѣе даннымъ, выясняющія общественное и экономическое положеніе участниковъ возстанія и бросающія новый свѣтъ на современное козачество. Прежде всего констатируется весьма любопытный фактъ—существованіе среди современнаго козачества крупныхъ владѣльцевъ (въ концѣ XVI в. можно насчитать около 10 владѣльцевъ крупныхъ маетностей, какъ напр. Григорій Лобода, гетманъ Шаула, Гришко Халенскій и др.); при томъ многіе изъ нихъ были не *nullo jure possidentes* въ глазахъ правительства, но обладали королевскими привилегіями. Такимъ образомъ и на Поднѣпровьи мы ввидимъ среди козачества немалочисленный и со значеніемъ элементъ землянъ—аналогичный съ тѣмъ мелкимъ землянствомъ, изъ котораго вербовалось козачество на Побожьи. Существованіемъ козаковъ—землянъ объясняются сношенія, существовавшія, въ дѣйствительности или по слухамъ, между козачествомъ и болѣе видными представителями украинскаго шляхетства (напр., Лободы съ Семеномъ Бутовичемъ, кievскимъ войскамъ; Немирича съ козаками ¹⁾).

Другой общественный классъ, который мы замѣчаемъ среди козаковъ, но, конечно, значительно болѣе многочисленный, это мѣщане. Извѣстенъ фактъ тѣсной связи съ козачествомъ мѣщанъ Канева и Черкасъ въ XVI и XVII в., тѣсной до того, что трудно было поставить границу между тѣми и другими. Теперь вновь открытые документы п единичный, напечатанный г. Истоминимъ, ²⁾ даютъ возможность утверждать о существованіи козачества и среди кievскаго мѣщанства.

¹⁾ Въ подтвержденіе правдоподобности такихъ сношеній можемъ сослаться на неопубликованный еще документъ въ *Liber inscriptionum grodu Samieńskiego*, № 3616, хранящійся въ Киевск. Цѣнтр. Архивѣ, изъ котораго можно заключать о тѣснѣйшихъ сношеніяхъ Андрея Тарановскаго, извѣстнаго польскаго дипломата, съ Наливайкомъ.

²⁾ Чтевія въ *Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, т. XII, стр. 28.

Такимъ образомъ, отмѣченные выше факты связи козачества съ мѣстнымъ мѣщанствомъ и шляхтою, снова, повидимому, подтверждаютъ высказанное уже и раньше г. Грушевскимъ мнѣніе, что козачество въ самомъ началѣ явилось результатомъ не столько социаль-ныхъ, сколько колонизаціонно-хозяйственныхъ причинъ, что оно первоначально не составляло особаго сословія, а было лишь занятіемъ, подобно, напр., чумачеству въ XVIII и XIX в. в., и что только со временемъ оно вырабатывается въ особое сословіе, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идеи козацкаго иммунитета. ¹⁾

Весьма солиднымъ научнымъ изслѣдованіемъ является также и трудъ Стефана Рудницкаго *«Українські козаки в 1625—30 р. р.»*, въ которомъ авторъ задался цѣлью подобрать и детально рассмотреть факты изъ вѣдшей исторіи козачества въ 1626—1630 г. г.

Послѣ общаго обзора различныхъ источниковъ, относящихся къ эпохѣ, которую авторъ подраздѣляетъ на три періода, послѣдній переходитъ къ детальному разбору историческихъ событій въ означенный періодъ времени. Первый періодъ, отъ куруковскаго договора и до весны 1628 г., гетманство Дорошенка — имѣлъ довольно мирный характеръ. Новый гетманъ, достойный преемникъ Сагайдачнаго, составляетъ, не встрѣчая противодѣйствія, реестръ; «выписчики», еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачи, не предпринимаютъ ничего особенно важнаго противъ правительства и даже, по приглашенію послѣдняго, участвуютъ въ шведской войнѣ. Партиійная ненависть между реестровыми и выписчиками повидимому улеглась. Дорошенко можетъ безпрепятственно оказывать помощь польскимъ войскамъ въ дѣлѣ обороны границъ отъ татаръ и, между прочимъ, благодаря участію реестровыхъ, способствовалъ Бѣлоцерковской побѣдѣ. Взаимныя отношенія польскаго правительства и козаковъ въ теченіе всего этого періода были наилучшія, какъ никогда впослѣдствіи. Но такой порядокъ вещей не могъ быть проченъ вслѣдствіе ненормальнаго положенія козаковъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ. Въ силу того, что козачество являлось какъ бы *status in statu*, его втягивали или, по крайней мѣрѣ, старались втянуть въ свою политику сосѣднія страны. Въ означенный періодъ, въ 1626 году, козаковъ прежде всего старались перетя-

¹⁾ Т. е., что козакъ со своимъ оружіемъ исключается изъ сферы административнаго вѣдѣнія и всякой обычной судебной или административной компетенціи.

нуть на свою сторону Швеція и князь семиградскій, но безуспѣшно: козаковъ значительно больше интересовали болѣе близкія дѣла: постройка турецкихъ крѣпостей въ Диѣйровскихъ гирлахъ и борьба за престолъ въ Крымѣ. Первое обстоятельство до того озлобляетъ козаковъ, что весной 1628 г. козаки по просьбѣ калги Шагинъ-гирей, устремляются въ Крымъ, уничтожаютъ турецкія крѣпости, хотя походъ въ общемъ оказался неудаченъ; въ немъ, между прочимъ, палъ и Дорошенко. Съ этого момента начался второй періодъ, періодъ агрессивныхъ дѣйствій козачества. Возникаетъ прежняя борьба партій. Партія лойяльныхъ избираетъ гетманомъ Гришка Чорного, который вскорѣ становится непопулярнымъ у выписчиковъ. Реестровые и выписчики предпринимаетъ два похода въ Крымъ, но оба неудачно. Выписчики совершенно отказываютъ въ повиновеніи реестровому гетману, избираютъ въ Запорожьѣ гетманомъ Тараса Трасыла и начинаютъ открытую агитацію противъ лойяльной партіи. Второй періодъ оканчивается въ разгарѣ партійной войны.

Третій періодъ обнимаетъ 1630 годъ и козацкое возстаніе. Борьбу начинаютъ козаки сами. Причиной послужилъ прежде всего гнетъ народа со стороны коронныхъ войскъ, расположившихся постоємъ на Украинѣ, а затѣмъ распространившіеся въ народѣ слухи о томъ, что правительство имѣетъ враждебныя намѣренія противъ православія. Къ этому присоединился еще и безтактный поступокъ Грыцька, который, чтобы отомстить своимъ противникамъ, вычеркнулъ ихъ изъ реестра. Выписчики являютъ съ Тарасомъ на Украину и, соединившись съ большинствомъ реестровыхъ, производятъ нападеніе на польскія хоругви. Конецпольскій выступаетъ противъ возставшихъ съ короннымъ войскомъ; послѣднее окапывается подъ Переяславомъ. Витвы, происходившія здѣсь, были въ большинствѣ случаевъ несчастливы для поляковъ. Но партійные раздоры помогли Конецпольскому заключить съ козаками переяславскій договоръ, и послѣдніе снова подчиняются постановленіямъ Куруковскаго договора, хотя въ деталяхъ переяславскаго есть немного официальныхъ уступокъ, а дальнѣйшіе затѣмъ факты указываютъ еще на множество неофициальныхъ.

Таково содержаніе этого весьма интереснаго изслѣдованія. Давая надлежащее освѣщеніе многимъ оставленнымъ донинѣ изслѣдователями въ сторонѣ фактамъ изъ указанной, въ высшей степени любопытной, эпохи въ исторіи украинскаго козачества, авторъ привнесъ своимъ

трудомъ немало новаго благодаря тому обстоятельству, что обратилъ особое вниманіе на взаимоотношеніе партій внутри козацкой массы, чѣмъ и обуславливались въ извѣстное время тѣ или нынѣ послѣдствія въ социальнo-политической жизни козачества.

Этнографическій отдѣлъ въ разсматриваемыхъ нами томахъ «Записокъ» представленъ двумя статьями: «*Останки комуністичного устрою у галицькихъ Бойківъ—Верховинцівъ*»,—д-ра Володимира Охримовича и «*Словацкій опрышок Яношикъ в народній поезіі*»,—Володимира Гнатюка. Въ первой изъ упомянутыхъ статей—авторъ, будучи хорошо ознакомленъ съ бытомъ Войковъ—Верховинцевъ, живущихъ въ Карпатскихъ горахъ, въ Скильщинѣ и Долинщинѣ (надъ истоками Свичи и надъ Опоромъ, притокомъ Стрия), собралъ нѣкоторыя, довольно интересныя, переживанія архаическаго коммунизма въ ихъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, хозяйственномъ, общественномъ и юридическомъ быту. Этотъ первобытный коммунизмъ сохранился тамъ, по словамъ автора, въ двойной формѣ; 1) общественной и 2) родовой, въ доказательство чего авторъ приводитъ факты изъ настоящаго и недавно минувшаго быта упомянутыхъ Войковъ. Не касаясь вопроса вообще о возможности сохраненія въ чистомъ видѣ переживаній первобытнаго коммунизма до нашего времени, мы полагаемъ бы рискованнымъ признать справедливость за нѣкоторыми изъ приведенныхъ фактовъ въ доказательство положенной авторомъ въ основѣ его работы тенденціи. Обыкновенное явленіе: непризнаваніе частной, индивидуальной собственности на лѣсъ и воду, свободная порубка дерева, свободная охота, рыболовство, собираніе грибовъ, орѣховъ, ягодъ и т. п., сплошь и рядомъ встрѣчающееся и у насъ, и повсюду, гдѣ народъ не доросъ до сознанія правъ своей и чужой личности и собственности,—врядъ ли можно считать «остаткомъ, первобытнаго коммунизма въ формѣ собственности и въ способѣ продукціи».

Что же касается изслѣдованія г. Гнатюка, то авторъ, обрисовавъ вкратцѣ характеръ опрышництва, существовавшаго уже въ XVI ст., переходитъ къ изображенію личности наиболѣе славнаго словацкаго опрышка Яношика, жившаго въ началѣ XVIII в., равнаго по значенію гуцульскому Довбушу и украинскому Кармелюку, славнаго въ особенности тѣмъ, что онъ сталъ героемъ народныхъ пѣсенъ и рассказовъ не только словацкихъ, но малорусскихъ и польскихъ. Очертивъ личность и всю жизнь Яношика на основаніи актовъ судебного процесса и данныхъ народной поэзіи, авторъ указываетъ на три цикла

балладъ, связанныхъ съ именемъ Яношика. Вообще же фактъ прибытія малорусскихъ вариантовъ о Яношикѣ изъ Словацкины имѣеть, по мнѣнію автора, немаловажное значеніе, свидѣтельствующаго еще объ одномъ пути, по которому прибывали къ намъ западныя пѣсни вообще, а западно-славянскія—въ частности.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 9; 5) Вѣстникъ Европы, № 9; 6) Русская Мысль, №№ 9; 7) Русское Богатство, №№ 3—8; 8) Этнографическое Обзорѣніе, № 1; 9) Научное Обзорѣніе, № 9; 10) Русская Школа, № 7—8; 11) Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 6; 12) Книжки Восхода, № 8; 13) Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества, № 1; 14) Литературно-Научовий Вістникъ, № 9; 15) Ateneum, № 9; 16) Biblioteka Warszawska, № 9; 17) Przewodnik naukowy y literacki, № 9.

Историческій Вѣстникъ № 9.

М. А. Щепкинъ. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ, (стр. 798—824). Окончаніе).

Воспоминанія о знаменитомъ артистѣ, къ сожалѣнію, не представляютъ ничего новаго, такъ какъ все это можно найти въ книгѣ «Записки и письма М. С. Щепкина».

К. П. Бочкаревъ. Городъ Лубны. Историческій очеркъ (стр. 973—990).

Авторъ въ краткихъ чертахъ прослѣдилъ исторію города Лубенъ, начавъ съ отдаленнѣйшихъ временъ (съ X в.) и доведя до нашихъ дней. Статья снабжена прекрасными иллюстраціями—фотографическими снимками видовъ г. Лубенъ: полтавскаго снуска, полтавской улицы, долины р. Лубянки, Замковой горы.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1084—1086) данъ сочувственный отзывъ о книгѣ К. В. Харламповича. «Іосифъ Курцевичъ, архієпископъ суздальскій, бывшій Владимірскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 9.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 90—176). (Продолженіе слѣдуетъ).

Исходя изъ того, что вопросъ объ общерусскомъ характерѣ московскаго лѣтописанія въ XV} в. стоитъ въ какой-то связи съ политической жизнью Москвы въ то время, авторъ ставитъ своей цѣлью объяснить указанный характеръ древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и поставить его въ дѣйствительную связь съ идеями и интересами современной имъ эпохи. Прежде всего онъ подвергаетъ обсужденію вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ могъ составиться общерусскій лѣтописный сводъ, для чего и занялся сравнительнымъ изученіемъ дошедшихъ до насъ памятниковъ XV и XVI в. в: Софійскихъ лѣтописей (1 и 2), Новгородской, Воскресенской, Николаевской, Львовской и др. Результатомъ изученія ихъ оказывается, что для нихъ существовалъ общій для всѣхъ источниковъ—общерусскій лѣтописный сводъ, возникшій въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка. Въ настоящей части своего капитальнаго изслѣдованія г. Шахматовъ излагаетъ данныя, приводящія къ восстановленію общерусскаго свода XV вѣка, составленнаго въ великое княженіе Василія Дмитріевича, указывая на отраженія этого свода на цѣломъ рядѣ другихъ лѣтописныхъ компиляцій XV и XVI вѣковъ, какъ напр. Хронографъ Пахомья (1488 г.), *Liatoписіес Litwy i Kroņika Ruska* (изданная Даниловичемъ) и друг.

Вѣстникъ Европы № 9.

Ө. Ө. Воропоновъ. *Крестыянская реформа въ юго-западномъ краѣ.* (По личнымъ воспоминаніямъ) Гл. IVV (стр. 63—89).

Въ этихъ главахъ мы знакомимся съ тѣмъ моментомъ въ работахъ по крестыянскому дѣлу, который называется авторомъ *новымъ направлениемъ*, состоявшимъ въ томъ, что въ помощь генераль-губернатору учреждена была въ Кіевѣ «Временная коммиссія для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 года». Характеристикѣ лицъ, вошедшихъ въ составъ этой коммиссіи, а также обзору дѣятельности ея и посвящена глава 4-ая; тутъ, между прочимъ, находимъ указаніе на почти поголовную замѣну прежнихъ мировыхъ посредниковъ новыми, болѣе подходящими людьми. Въ 5-ой главѣ подведены итоги тѣмъ главнымъ положеніямъ, кото-

рня виработані були въ этой «Коммисіи», при чемъ отмѣчаются и тѣ шатавія, какія происходили при рѣшеніи этихъ вопросовъ, благодаря нѣкоторому недовѣрью со стороны администраціи къ дѣйствіямъ «Временной коммисіи». Результатами этого недовѣрія явилась поѣздка въ Кіевъ министра внутрен. дѣлъ Валуева. Къ сожалѣнію, эта интересная статья не доводитъ обзоръ крестьянской реформы въ нашемъ краѣ до конца, хотя авторъ обѣщаетъ въ будущемъ продолжать свои воспоминанія.

Русское Богатство, №№ 3—8.

Въ № 8, въ отдѣлѣ «Новыя книги» даны отзывы о книгахъ: «Викъ. (1798—1898. Кіевъ, 1900 р.)» и И. С. Левицкій «Старо-святські батюшки та матушки.»

Этнографическое Обзоріе, № 1.

А. Марковъ. Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца (стр. 159—161.)

Авторъ замѣтки дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ о прозвищѣ Ильи Муромца на основаніи разъясненія смысла г. Муромъ, какъ географическаго названія, основываясь на показаніяхъ самихъ былинъ. Въ Муромѣ авторъ видитъ Моравійскъ, городъ Черниговскаго княжества, лежавшій на Деснѣ и извѣстный въ XVI—XVII вв. подъ именемъ Муромеска, и въ эпоху сложенія былинъ Илью, какъ Муромца, производили изъ теучершняго Муромъ.

Митроф. Дикаревъ. Толки народа въ 1899 году (стр. 162—166).
Покійный записаль циркулировавшія въ 1899 году по поводу конца міра три легенды объ антихристѣ.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 6.

О. Бьлозерскій. Украина-Мать (стр. 112—116), Хозяйка (стр. 116—120).

Авторъ создаетъ типы украинки-матери и хозяйки, на основаніи однихъ лишь данныхъ украинской поэзіи.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ нѣжинскаго полка, (стр. 177—208). (Продолженіе).

Літературно-Науковій Вістникъ, № 9.

Наш альбом: Изъ поезій Сергія Павленка; Изъ співів і переспівів Ол. Гавриша; Изъ поезій Евгена Мандичевського (стр. 249—245).

Щид юлим небом. Нарис Ольги Кобилянської (стр. 255—267).
Без пуття. Оповідання по декадентському Івана Левіцького. I стр. 268—276).

На заводі. Нарис Ів. Стешенка (V—VI) Стр. 277—298).

Перехрестні стовжки. Повість І. Франка (XXXVIII—XLIII) (стр. 299—321).

Потожки Марса. Образки з військового життя Андрия Верховиця I. По штрайку». II. Материяв. лист. III. Бабій (стр. 322—338).

Из російських поетів. Із Рязєва, Кольцова, Фета, Мийкова, Лермонтова, Надсона) (стр. 338—343).

Неминуца. (L'intruse). Драма въ одній дії Моріса Метерлінка (стр. 344—358).

Из оповідань Габрієля d'Амунціо. III. Скривя (стр. 359—363).

Из болгарських поетів. (Із Петри Славейкова, Любена Каравелова, Ксенофонта Живизифова) (стр. 364).

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльності. Нап. о. Маковой (Далі) (стр. 145—161).

Разсмаіриваються отношенія Кулиша въ української історіі, вярроку, звьку в ливературі; вьлагаються его заслуги, какъ этнографя. Упоминається обь отношеніяхъ Кулиша въ Шлетневу, С. Т. Аксакову, Катевину, гр. Алексію Толстому, М. Грабовскому, Срезневскому, Воданскому, Юзефовичу, В. Тарновскому—отцу, Г. П. Галагану, Шевченку, М. Вольчу, В. Бьлозерскому в Костомарову.

Народній театр. В. Грінченко (докінченіе) (стр. 162—175).

Из чужих літератур: Енільог Генрика Івсена 176—184).

Поет жіночою горя М. О. Кулішева. Нап. Борисъ Грінченко, (стр. 185—203).

Хроніка і бібліографія (стр. 205—216).

Ateneum, № 9.

Józef Tokarzewicz. Zamiast kroniki (стр. 593—609).

Разборъ любопытной книги проф. Семарядскаго «Polacy za mugzem», посѣтившаго лично воловіи поляковъ в русиновъ въ Бразиліи.

Przewodnik naukowy i literacki, № 9.

Dr. Bronisław Lociński. Agenot Gołuchowski w pierwszym okresie Rządów swoich (1846—1859), стр. (865—898).

Въ настоящей главѣ опредѣляются отношенія гр. Голуховскаго къ «русской справѣ.» Сообщаются любопытныя свѣдѣнія о первыхъ слѣдахъ національнаго возрожденія галицкихъ русиновъ (святоюрцевъ) до и послѣ 1846 г., о Русинскомъ Народномъ домѣ, о провинціаль-ныхъ филияхъ «Русской Рады».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 190 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья В. Василенка, «Еще поминка объ И. П. Котляревскомъ». Авторъ высказываетъ сожалѣніе, что вопросъ о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому, повидимому, не составляетъ предмета заботливости полтавскаго городского управленія: до сихъ поръ не выясненъ родъ матеріала и стоимость постаменты, самое мѣсто для постановки памятника почему-то не отведено въ натурѣ, и ничего не дѣлается для предполагаемаго расширенія бульвара вокругъ памятника. «Все это,—по словамъ автора,—является горькими плодами отчужденности нѣкоторыхъ городскихъ представителей отъ мѣстныхъ этнографическихъ интересовъ, такъ что выходитъ: «свои люди, якъ чужіи, ни зъ кымъ говорыты».

Въ №№ 179—182 газеты «Руслан» помѣщена обширная статья Кирила Студинскаго «*Ковацтво і гайдамащина в „Енеїді“ Котляревского*». Отмѣтивъ тотъ фактъ, что про уничтоженіе Гетманщины въ украинскомъ народѣ не сохранилось ни одной пѣсни, въ то время, какъ про Сичъ записано болѣе 70, авторъ разрѣшаетъ вопросъ: какъ отнесся Котляревскій къ Гетманщинѣ и Запорожью и насколько замѣтно зѣхъсѣ вліаніе народныхъ пѣсенъ. Оказывается, что Котляревскій не дѣлаетъ разницы между той и другою: апоэозъ славы Гетманщины рѣзко выступаетъ въ «Энеїдѣ». Запорожцевъ поэтъ изображаетъ такъ, какъ про нихъ рассказываютъ народныя пѣсни и рассказы, т. е. обладающими необычайной силой и всевозможными отрицательными качествами. Что же касается гайдамачества, то Котляревскій не только не симпатизировалъ ему, но и осудилъ его.

Въ № 962 газ. «Приднѣпровскій Край» г. В. Гофштеттеръ помѣстилъ обширную статью подъ загл. «Изъ личныхъ воспоминаній»,

въ которыхъ припоминаетъ впечатлѣніе, произведенное на него труппой Кропивницкаго двадцать лѣтъ тому назадъ, впервые игравшей тогда въ Екатеринославѣ, и сравниваетъ его съ впечатлѣніемъ нынѣшняго года отъ труппы того же Кропивницкаго, въ которую вошли и Заньковецкая, и Карпенко-Карый, и Саксаганскій, и Садовскій. Опасеніе автора, что «безжалостное время должно было наложить печать на этихъ гениальныхъ тружениковъ украинской сцены», оказались совершенно напрасными. «Правда, наружность артистовъ за двадцать лѣтъ нѣсколько измѣнилась: кое-гдѣ появились морщины, кое-въ чемъ сказалась старость, но не жалкая старость, а величественная, которая превращаетъ человѣка въ полубога. . Предъ нами играли уже не прежняя зеленая начинающая молодость, а зрѣлые, получившіе обще-россійскую извѣстность, артисты». Въ концѣ своей статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы и другія малорусскія труппы послѣдовали примѣру своихъ «мейнингенцевъ» и по ихъ стопамъ внесли въ общество уваженіе и любовь къ украинской сценѣ.

Въ № 723 газ. «Югъ» помѣщена статья (въ фельетонѣ) подъ заглав. «Херсонская Старина», неизвѣстный авторъ которой передаетъ впечатлѣнія, полученные вѣзв. Ив. Мих. Долгорукимъ при посѣщеніи имъ въ 1810 г. Херсона и Николаева. Впечатлѣнія эти были изданы Родянскимъ въ Чтеніяхъ въ Имп. обществѣ исторіи и древностей росс. при Моск. Университ. 1869 г. подъ заглав. «Славы бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года».

Въ № 206 газ. «Волянь» помѣщена обстоятельная статья, авторъ которой задался цѣлью возстановить въ памяти читателей исторію Мстиславова храма и его возобновенія.

Въ № 6771 газ. «Южный Край» помѣщена статья подъ загл. «Собраваніе матеріаловъ для исторіи г. Харькова», въ которой неизвѣстный авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о подготовительныхъ работахъ проф. Д. И. Багалія по составленію исторіи г. Харькова, указывая на наиболѣе интересные матеріалы.

Въ № 70 газ. «Восходъ» помѣщенъ переводъ съ древнееврейскаго языка очерка М. З. Фейерберга подъ загл. «Талисманъ», относящійся ко времени, близкому эпохѣ Хмельницкаго, о которомъ авторъ

очерка розказывае слѣдуючую легенду: «Мой товарищ Шлуміэль разказывал мнѣ, что во времена Хмельницкаго дѣти не шли въ хедеръ. Разъ зашелъ Хмельницкій въ одинъ хедеръ и нашелъ въ немъ кучу дѣтей, съ которыми ребе и помощникъ его проходили еврейскую азбуку. Тогда „ребе“ сказалъ имъ: „не бойтесь, дѣти мои, оставьте этотъ міръ, полный грязи и нечисти, въ рукахъ этихъ „козавовъ“, а мы именемъ Бога нашего, войдемъ въ „Сады Эдема“, къ „святымъ праотцамъ“, Аврааму, Исааку и Іакову. И такъ, Хмельницкій рѣзалъ дѣтей, а „ребе“ читалъ съ ними „Шма“. Отъ большого шума сбѣжались матери этихъ дѣтей, и козакъ зарѣзалъ также ихъ и пролилъ ихъ кровь на кровь ихъ дѣтей. Тогда пришли отцы, съ которыми козакъ расправились такъ же: ихъ кровь была смѣшана съ кровью дѣтей и женъ. И тогда—такъ разказывалъ мнѣ Шлуміэль—вса эта кровь разлилась потокомъ по всѣмъ улицамъ города, влилась въ рѣку и окрасила ее въ кровавистый цвѣтъ».

Въ № 174 газеты «Русланъ» помѣщена передовая статья «Другій накладъ Фльориньскаго» по поводу обширнаго изслѣдованія какого-то А. І. Р. «Die Sprachenfrage bei den oesterreichischen Kleirussen» (Языковой вопросъ о австрійскихъ малороссахъ), помѣщеннаго въ нѣсколькихъ номерахъ вѣнскаго журнала «Slavisches Echo». Изслѣдованіе анонимнаго автора имѣетъ цѣлью сказать славянскому міру, что австрійскіе русины стоятъ на ложномъ пути, трудятся надъ развитіемъ своей родной письменности, въ то время, когда уже создалась и разрослась широко письменность великорусская—близкая къ русской. Неизвѣстный авторъ сплошь политическаго характера статьи скорбитъ по поводу несчастнаго «сепаратизма», зародившагося на Руси въ концѣ прошлаго столѣтія, разросшагося благодаря вліянію Шевченка и охватившаго послѣ 1861 г. всю Галицію и Буковину, гдѣ онъ нашелъ благодарную для себя почву. Говоря о Шевченкѣ (наиболѣе гениальный поэтъ І. (!) Шевченко), авторъ, не отказывая ему въ «свѣжести, живости и пластичности» его произведеній, признаетъ однако у него отсутствіе классической формы и метрики». За то ужъ превозноситъ до небесъ такихъ писателей, какъ Н. Устьяновичъ, Гушалевиць, Могильницкій, Дѣдицкій и Наумовиць, произведенія которыхъ признаны (!) не только въ Австріи, но и въ Россіи, благодаря чистотѣ (!?) языка и понятности (?) для всѣхъ «русскихъ».

Въ № 6786 газ. «Южный Край» нѣкто г. М. Ш. помѣстилъ «Воспоминанія о Буковинѣ» (обществѣ старо-русской партіи въ Вѣнѣ). Послѣ краткаго и довольно неправильнаго изложенія положенія вещей въ Галиціи и Буковинѣ, въ смыслѣ развитія политическаго самосознанія русскаго элемента въ Австро-Венгріи (напр., различаются «такіе маленькіе народцы, какъ галичане и *буковинцы*»), авторъ дѣлится съ читателями своими воспоминаніями, представляющими мало интереса, о пребываніи въ вѣнскомъ обществѣ студентовъ, партіи старо-руссовъ — «Буковинѣ», находящемся въ крайнемъ антагонизмѣ съ украинскимъ обществомъ «Січ». Въ концѣ авторъ останавливается на дѣятельности «общества имени Михаила Качковскаго», основанаго покойнымъ о. Наумовичемъ, которое, по словамъ автора, «продолжаетъ дѣйствовать, но дѣятельность его не отличается тою жизненностью, которая характеризовала ее при о. Наумовичѣ».

Въ № 14 журнала «Сѣверъ» помѣщена статья Уманова-Каплуновскаго «Малороссійскій театръ съ его современными артистами» съ біографіями и портретами артистовъ: Левицкаго, Суслова, Глазуненка, Зарницкой и Тарновской. Въ статьѣ, хорошей вообще и по содержанию, и по направленію, къ сожалѣнію встрѣчаются и крупныя промахи; такъ, П. П. Гулаку-Артемовскому приписана опера «Запорожець за Дунаемъ»; И. С. Левицкій именуется «послѣдователемъ (?)» Тургенева и Островскаго, и др. неточности, зависящія отъ слишкомъ большого довѣрія къ «Очеркамъ украинской литературы» Петрова. Тѣмъ не менѣе, авторъ, повидимому, надлежащимъ образомъ понимаетъ положеніе и сущность украинскаго театра, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Исторія украинскаго театра—это дѣтопись безконечныхъ споровъ и сплошной борьбы съ извѣстными литературными партіями, враждебно настроенными противъ украинской словесности и малорусской рѣчи, какъ самостоятельнаго азыка...».

Въ № 4 журнала «Славянскій Вѣкъ», издающагося въ Вѣнѣ подъ редакціей Д. Вергуна и по направленію являющагося преемникомъ извѣстнаго, преждевременно прекратившаго свое существованіе журнала «Живое Слово», въ отдѣлѣ «Почтовый ящикъ» помѣщенъ любопытный матеріалъ, на которомъ нельзя не остановиться.

Дѣло въ томъ, что «Славянскій Вѣкъ»—«всеславянскій органъ», помѣстилъ на обложкѣ заголовокъ журнала, кромѣ русскаго языка,

также и на польскомъ, чешскомъ, словенскомъ, сербо-хорватскомъ и наконецъ болгарскомъ, т. е. на всѣхъ языкахъ крупныхъ славянскихъ единицъ, кромѣ малорусскаго.

По этому поводу г. Gaïdoz, профессоръ парижской школы политическихъ наукъ, прислалъ слѣдующее письмо: «Заголовокъ вашего журнала повторенъ на различныхъ славянскихъ языкахъ—за исключеніемъ одного—языка двадцатимилліонной націи, желающаго существовать и также занимать свое мѣсто въ подсолнечномъ мірѣ,—малорусскаго или украинскаго. Это упущеніе стоитъ въ противорѣчій съ вашимъ заглавіемъ «Всеславянскій органъ». Это упущеніе—безъ сомнѣнія умышленное; но оно производитъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе на людей, желающихъ возможности свободнаго развитія для каждой націи».

Второе письмо прислалъ г. И. В. Е., который между прочимъ пишетъ: «... неужели нетерпимость къ чужимъ убѣжденіямъ ляжетъ въ основу журнала? Пусть не только «украинцы», но и лужичане и словаки «куютъ свою мову», отъ этого ровно никакой бѣды нѣтъ. Сядою нельзя никого склонять къ своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ 20-ти милліонный почти народъ южнорусскій, представителями котораго являлись Костомаровъ и Шевченко, заслуживаетъ нѣкотораго уваженія къ его хотя бы даже и «нарѣчію» (а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ—будущему языку!) и т. д.

Въ отвѣтъ на эти письма редація заявляетъ, что она выбрала при помѣщеніи въ заголовкахъ только тѣ славянскія группы, которыя «политически идутъ въ расчетъ». Но вѣдь чехи и поляки «идутъ въ расчетъ», а галицкимъ малороссамъ нѣтъ мѣста..

—

Въ №№ 200, 202 и 203 газеты «Дѣло» перепечатана изъ нашего журнала статья Ореста Левицкаго подъ заглавіемъ: «Звычайныя формы заключуванія супружя на Руси въ XVI—XVII ст.».

—

Въ №№ 165—168, 171—178 помѣщена, напечатанная въ минувшемъ году въ «Кіевской Старинѣ», повѣсть Мырного. «Морозенко».

—

«Громадський голосъ», органъ украинско-русской радикальной партіи, выходившій во Львовѣ два раза въ мѣсяцъ, превратался въ иллюстрированную еженедѣльную газету. Въ первомъ номерѣ помѣщенъ портретъ Шевченка. (Дѣло, ч. 192).

Въ 6766 № газ. «Южный Край» проф. Н. О. Сумцовъ посвятилъ обширную статью разбору украинскаго сборника стихотвореній «Викъ» (1798—1898).

Признавая вообще за этимъ сборникомъ «полезное и пріятное явленіе, пріятное тѣмъ болѣе, что самимъ своимъ появленіемъ указываетъ на возможность дальнѣйшихъ изданій въ этомъ родѣ», авторъ высказываетъ по поводу его не мало замѣчаній, иногда и не вполне основательныхъ. Къ числу послѣднихъ можно отнести упрекъ составителямъ: почему «Викъ» представленъ лишь стихами, а совсѣмъ заброшена малорусская проза, а также мнѣніе, что галицкую поэзію можно было бы оставить *совсѣмъ* въ сторонѣ, и т. п.

Въ №№ 8 и 9 «Ежемесячныхъ Литературныхъ приложений журнала Нива» съ сочувствіемъ отмѣчено появленіе въ свѣтъ сборника поэтическихъ произведеній «Викъ» (1798—1898) и «Старосвитскія батюшки та матушки» —И. С. Левицкаго.

Въ № 957 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщенъ сочувственный отзывъ о сборникѣ лучшихъ поэтическихъ произведеній украинскихъ писателей «Викъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 г.

Драматическія произведенія, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію по 1 августа 1900 г.

1) Байда, князь Вышневецкій. Староруська драма (1553—1564). П. О. Кулиша.

2) Гетьманъ Петро Сагайдачный. Староруська драма (1621),—его же.

3) Наказный гетьманъ Северынъ Налывайко. Староруська драма (1596),—его же.

4) За Нѣманъ иду. Малоруська оперетка, зъ старолавного быту, въ 2 актахъ и 4 картинахъ. Скомпонувавъ В. Алновъ. Писни на фортепьяно положила Людмила Алнова.

5) Максимъ Лобода и ёго беда. Водевиль въ 1 ли. Переробивъ зъ повисти К. П. Мир—свого О. Т. Заремба.

6) Росцвило и завьяло. Историчеська малоруська драма въ 4 діяхъ. Скомпонувавъ Г. Абрамовъ.

(Правительств. Вѣстн., № 191).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Артемовскій Л. Пчеловодство южнорусса. (Оттискъ изъ журн. «Церковно-приходская школа» за 1899 г.). Киевъ, 1899. Тип. С. Кульженко, 8 д., 20+1 стр.

Владиміровъ П. В. Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ XII ст. (Отт. изъ Киев. Унив. Извѣст.). Киевъ, 1900, in. 8 д., стр. 65, ц. 60 к.

Р. Ганинчакъ—Коломыйки. Накладом А. І. Хойнацаго. Львовъ, 1900, п. 1 кор. 40 с.

Гуцков Кароль. Урпелъ Авоста, трагедія в 5 актах. З німецького переклав віршом Лев Лонатинскій. Львів, 1900. Накладом «Видавничої Спільки». З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 106, in. 8°. Ціна 1, 40 кор.

Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Москва, 1900. Тип. т—ва А. І. Мамонтова, 4 д. 34 стр.

Добровольскій Ст. Ярема. Оповідане з запорожского житя. З російского переповив Алекс. Борковскій. Ч. 241. Видавництво Товариства «Прогресъ». Львів, 1900, з друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 42, in. 8°. Ціна 25 сот.

Е. С. Церковно-ієрархическ. отношенія Подолія къ Киевской и Галицкой митрополіямъ (Историческій очеркъ). (Изъ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1899 г.). Камеіецъ-Подольскъ, тип. С. Кирпанскаго, 8 д., 15 стр.

Етельс Фр. Початок роднии, приватної власности і держави на підставі Л. Г. Моргана. Накладом українсько-руської Видавничої Спільки. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 192, 8°. Ціна 1, 50 кор.

Жарти для розривки рускою селянина. Друкарня «Рускои Ради». Чернівці, 1900. Ціна 20 сотиків.

Жерела до історіи України-Русі. Видає Археографічна Комісія Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрації королівщин в землях холмської, белзької і львівської з 1564—5 рр. Вид. М. Грушевскій. Зміст.: I) Передмова, II) Економічний стан селян в Сяноцькім старостві в середині XVI в. на основі описей королівщин, III) Староства: Красноставське, Холмське, Городельське, Грубешівське, Тишовецьке, Грабовецьке, Белзьке, Сокальське, Любачівське, Камінецьке, Жидачівське, Львівське, Городецьке. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Стр. II+28+586, вел. 8°. Ціна 5_ворон.

Закиєвскій Вікентій. Всесвітня історія для висшихъ класъ середнихъ шкіл. Том I. *Старинна Історія.* З 3-го польского видання переложив з дозволу автора Олександр Барвинскій. У Львіві, 1900, ціна 2 кор. і 40 сотиків. Накладом краевого фонду. З друкарні наукового Товариства імени Шевченка. Ціна 2. 40 кор.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXVШ. Кн. VI за 1900 р. Накладомъ Н. Т. ім. Шевченка. Львів., 1900. Ціна 3 корон. Зміст.: 1) Печатки з околиць Галича, подавъ Михайло Грушевскій (з рисунками), ст. 1—4. 2) Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею в р. 1657—158, написавъ Денись Коренець, ст. 1—20. 3) Карпаторуське письменство XVП—XVШ віків, подав др. Іванъ Франко; додаток—XII—XXV (кі ець), стр. 91—162. 4) Miscellanea: а) з віденської революції 1848 р.—под. І. К—ий; б) Е. Рулікоський—В. Луцкевич (некрологічна згадка), подав М. Грушевскій, ст. 1—4. 5) Наукова хроніка і бібліографія.

Записки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козацницѣ» 1855 года. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1900, 1—50.

Збірникъ математично-природописно-лікарської секції Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI. Випуск I. Часть математично-природописна під редакцією Івана Верхратскаго і Володимира Левецького. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. in. 8°. Ціна 2 корони. Зміст: Іван Пóлюй. Безіечна стація телюфонів. 2) Симеон Сидоряк: Студія анатомічна над взаїмними відношеннями снаряду слухового і міхура плавного у риб шарановатих (Cyprinidae) і вюноватих (Cobitidae). 3) Володимир Левацкій. — Класифікація наукъ математичнихъ. 4) Бібліографія і хроніка математично-фізична.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Собралъ и изд. съ русск. переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ I. Греческіе писатѣли. Вып. 3-й. Съ 1 картою. Ц. 2 р.

В. Каллашъ. Къ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Отг. изъ журн. «Кіев. Ст.», 1—11.

Карпенко-Карый (И. К. Тобилевчъ). По-надъ Днипромъ. Черкасы. 1900 р., 1—96, № 14. Ціна 10 к.

Карповъ В. П. Харьковская Старина, изъ воспоминаній староживла. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.). Харьковъ, 1900. Ціна 1 р. 50 к.

Картавовъ П. А. Историческія свѣдѣнія о гербовой бумагѣ въ Россіи. Выпускъ I, 1699—1801. Сиб. 1900. Тип. штаба отд. корпуса жандармовъ, in 77+13. Ц. 5 р.

Карцовъ. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Сиб. 1900 г. Ц. 2 р.

Кілька рад і пересторог для амборобів, годуючих худобу. 242. Видавництво Товариства „Просвѣта“. Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 48, in 8°. Ціна 25 сот. Зміст: 1) Про ветеринарський нагляд торгів, 2) Як ставити і улажувати стаїні, 3) Як хоронити худобу від пошестей.

Кобринська Натолія. Про «Нору» Ібзена. Львівъ, 1900. Зъ друкарни Ставропигійскаго Института. in 16°, стр. 1—28 (передрюкъ зъ «Дила»).

Кониський Олександръ. Дидъ Евменъ. Спомянки бабы Ульяны Красючки. Выданье 3-е. Изданіе Издат. Комит. Харьк. Общ. распространенія въ народѣ грамотности. Харькѣв, 1900. Друкарня И. Варшавчика, in 16°, 29 стр. (20.000 экз.).

Коренець Денис. Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58. (Відб. із 38 т. Записок). Ст. 20, in 8°. Ціна 20 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера. Москва, 1900. Тип. товар. И. Д. Сытина. in 16°, стр. 108 (12.000 экз.).

Крыжановскій О. Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы виленскаго университета (1803 г.) и главные дѣятели пореформеннаго періода въ ихъ перепискѣ (Предисловіе къ III тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», издаваемого М. Н. Просв.). Спб., 1899, тип. А. Лопухина, in 8°, СХХVЦ стр.

Кукель. Черная хмара. Малороссійская повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., 108 стр.

Кукель. Дидъ яворомъ три могилы. Повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., стр. 108.

Кулаковскій Платонъ. Русскій языкъ и литература предъ судомъ въ Австро-Венгріи. Вильна, 1900. Тип. М. Дворжеца, in 8°, стр. 63. (Отг. изъ «Виленск. Вѣст.»).

Кулида Д. Сляпець. Нарысь. Кременчугъ, 1900. Друкарня Д. Жолковского, in 16°, 8 стр. (400 экз.).

Лебединцевъ Андрей, прот. Мои воспоминанія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—68.

В. Левенко. Старе и нове. Оповідання. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—98.

Левицкій Володимир. Клясифікація наукъ математичнихъ. (Видбитка із VI т. 1 в. Збірн. м.-пр.-лік. секціи). Ст. 16, in 8°. Ціна 15 сот.

Левицкій Кость. Про неважність в новім процесі цивільнім. Розвідка з австрійского права процесового. (Відб. з X т. Час. права). У Львові, 1900. Ст. 46, in 8°. Ціна 1 корона.

Линищенко И. А. Археологія на XI археологическомъ съѣздѣ. Одесса, 1899. Тип. «Экономическая», in 16, 100 экз.

А. Лотоцкій. Памяти протоіерен В. Я. Гречулевича (по поводу 30-лѣтія со дня его смерти). Отт. изъ журн. «Кіев. Стар». Кіевъ 1900, отъ 1—9.

Мешко Франц. Драма на селі. З словинського перевів Ілья Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарни В. А. Шийковського, стр. 80. Ц. 70 сотв.

Насоновъ Вл. Писни и думки Украйны. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсень, аранжированныхъ для одной балалайки по нотной и цифровой системѣ. Съ прилож. полного текста пѣсень. Изд. Ю. Циммермана. Москва, 1900. Лет. В. Гроссе, in 8°. Вып. 1—23 стр., вып. 2—3 стр., по 300 экз. Ц. по 1 р. 25 к.

Немоловскій Ф. И. Бжильництво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасікою. Изд. благотв. общ. изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 6. С.-Петербург., 1900, in 16, стр. 1—105. Ц. 15 в.

Новиковскій Михайло. Силки для ошадности і позичов системи Райфайзена. Ч. 240. Видавництва товариства «Просвѣта». У Львові, 1900. З друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 36, in 8°. Ціна 20 сот.

Общее обозрѣніе по народному образованію въ Борзенскомъ уѣздѣ за 1898—1899 г. Черниговъ, 1899. Тип. губ. правленія, in 8°, стр. 50.

Оюновскій Іляріон. Словар до Гомерової Одисеї і Іліяди. У Львові, 1900. Накладом краевого фонду. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 12+436, in 8°.

Острожинскій. Разказы: Подлогъ.—Сельскій заправило.—Свидѣтель.—Не любить пьяный трезваго. Изд. типогр. М. Денемана. Москва—Житомиръ, 1900. 1—48, стр. 16°. Ціна 10 коп.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1898 годъ. Харьковъ, 1899. Тип. губ. правл., in 8°, СХVІІ+370+37+6 стр.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа на 1900 годъ. Изд. управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1900. Тип. тов. И. Н. Кущнерова и К°, in 8°. Часть I—Кіевская губ. Ч. II—Подольская губ. Ч. III—Волинская губ. Ч. IV—Черниговская губ. Ч. V—Полтавская губ.

Пиуляк Еротей. Верховицьски згадки. Повість. Чернівці, 1900, in 8°. Накладом „Рускои Бесіди“.

Письма къ графу П. А. Румянцову отъ его родителей. 1745—1768 гг. Изд. съ предисл и примѣчан. А. Барсукова. Сиб., 1900. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 35 стр.

Попович Омелян. Із житя Цісаря Франца-Йосифа I в 70 уродини Цісарсьві для рускої молодіжи. Накладом «Рускої Ради». Чернівці. Ціна 20 сотив.

Проскурниковъ Т. В. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Харьковъ, 1900. Тип. И. А. Гессенъ, in 16°, стр. 1—28. Ц. 15 к.

Русская исторія въ разказахъ. I—Кто были наши предки славяне и какъ они жили. II—Первые русскіе князья. III—Владиміръ святой и крещеніе Руси. IV—Великій князь Ярославъ и основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. V—Владиміръ-Мономахъ и Андрей Боголюбскій. VI—Нашествіе татаръ и Александръ Невскій. М., 1900. Цѣна кажд. брош. 5 коп.

Руссофиль. Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, привлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Томъ 3-ій. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1805—1807. Изд. М—ства Н. Провс. Сиб., 1898. Тип. А. Лопухина, in 8°, СХХVІІ+1186+92+200 стр. столб.

Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. Сиб., 1900. Тип. Акад. Наукъ, in 8°, ХХ+153+1 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Сондерманъ. Мязепа. Историческій романъ въ 3 частяхъ; передѣно съ нѣмецкаго. Изд. книгопр. Т. Кузина Сиб. 1900 Тип. «Центральная» М. Минкова, in 16°, 94 стр.

Сидоряк Семен. Студія анатомична над взаємними відношеннями сваряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих (Видб. із IV т. збір. мат. прир. лік. секц.). Львів 1900. Накладом автора. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Ст. 50. Ціна 1 кор.

Статистико-економічний обзоръ Херсонской губерніи за 1898 годъ. Годъ 12-тый. Издавіе Херсонской губ. земской управы. Херсонъ, 1900, 303 стр.

Таранський Ал. Історія біблійна старого завѣта для гр.—кат. молодіжї середних школъ Львів 1900. Ціна 1 к. 60 гл.

Флоринскій Т. Д. Малорусскій языкъ и «українсько-руський» сепаратизмъ. Спб. 1900 г. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»). Ціна 60 к.

Франко Іван. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. У Львові, 1900. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Зміст.: I. Карпато-русска література XVII—XVIII віків. II. Додаток: XV рукописів. Ст. 160, in 8°.

Хижняковъ В. М. Черниговская Старина (1608—1810). По архивнимъ бумагамъ городской думы. Изд. редакціи Земск. Сборника Черниг. губ. Черниговъ, 1900, in 8°, 42 стр.

М. Чальмї. Вторая кіевская гимназія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—80.

Тисопись правнича. Розвідки правничі секції історично-філософічної Наукового Товариства імени Шевченка. Редактор др. Кость Левицкий. Рочник X. У Львові, 1900 Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ціна 4 кор. Зміст.: 1) Др. Петро Стебельскій.—Австрийскій процес карпий, коментар. Ст. 1—70. 2) Кость Левицкий.—Про неважність в новім процесї цивільнім, ст. 1—46. 3) Др. Станіслав Двістрянскій.—Чоловік и его потреби въ правній системі. 4) Библиографія і Miscellanea,

Шевченко Т. Кобзарь въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. подъ ред. Бѣлоусова. Москва, 1900, in 8. 365 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Т. Г. Малый Кобзарь. Черкаскы, 1900, 1—70+I—II, in 16°, № 15. Цѣна 5 кои.

Шекспір Уїлліам. Коріолян. Переклад П. А. Кулиша. Виданий з передмовою і поясненнями д-ра Ів. Франка. Накладом українсько-руської Видавничої Спільки. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. XII—170, in 8°. Ціна въ оправі 1, 80 кор.

Шрайнеръ Я. «О мохнатой бронзовѣ въ южной Россіи», in 8. стр. 28, Спб. Изд. депарг. земледѣл. Ц. 5 к.

Археологическая летопись.

Исследования и раскопки.

Н. Е. Бранденбург за истекшее лето были произведены раскопки в Полтавской, Киевской и отчасти Подольской губ. Всего разрыто до 50-ти кургановъ, большинство которыхъ, къ сожалѣнiю, оказалось разграбленнымъ еще въ древности, такъ что и научный материалъ, добытый въ курганахъ, былъ не особенно великъ.

О раскопкахъ въ *Полтавской губ.* (у с. Аксютинецъ) мы уже сообщали (см. «Летопись», июнь наст. года).

Въ *Киевской губ.* раскапывались курганы скифо-сарматской эпохи у сс. Пастырскаго и Оситняжки, Чигиринскаго у. Въ одной изъ разоренныхъ могилъ у Оситняжки найдена золотая проволочная серьга въ видѣ кольца; затѣмъ, фалангъ пальца съ двумя кольцами изъ толстой серебряной проволоки, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлковъ, остатки желѣзнаго молотка и нѣсколько терракотовыхъ черепковъ. Въ Червасскомъ у., у с. Макіевки, изъ 9-ти разрытыхъ кургановъ, только въ одномъ могила оказалась въ цѣлости, но за то безсодержательная; въ ней заключался небольшой дубовый срубъ (1×2 арш. внутри), съ такимъ-же дномъ и крышей, на днѣ сохранились лишь слѣды костяной пыли отъ двухъ, лежавшихъ рядомъ, скелетовъ и найдены два бронзовыхъ проволочныхъ колечка, пряслица, бронз. удила, обломокъ желѣза и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Изъ скудныхъ находокъ въ прочихъ разоренныхъ курганахъ интересны только экземпляры глиняныхъ сосудовъ съ вырѣзаннымъ орнаментомъ, наполненнымъ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, такъ что получился бѣлый

орнаментъ на черномъ фонѣ—типъ орнамента, извѣстный въ Штиріи, Венгріи, Балканскихъ странахъ и другихъ мѣстахъ Зап. Европы

На Днѣстрѣ, въ Подольской губ., возлѣ с. Кузьмина, Ольгопольскаго у., раскопанъ большой курганъ, имѣвшій болѣе 70 саж. въ окружности и 6 арш. высоты. Но въ такой громадной насыпи оказались только 3 могилы со скорченными скелетами, положенными на глубинѣ всего около 3 арш. отъ вершины въ ямахъ, покрытыхъ толстымъ дубовымъ накатникомъ; у двухъ скелетовъ черепа были окрашены ярко красной краской, но вещей не оказалось никакихъ.

У с. Глубочка, Уманскаго у., Киевской г., В. Н. Доманицкимъ, въ началѣ августа, раскопанъ курганъ, расположенный на дорогѣ изъ с. Колодистаго въ с. Глубочекъ. Окружность кургана—22 саж., высота 2 арш.; по основанію курганъ обложенъ глыбами булыжника, ширина этой каменной кладки достигаетъ мѣстами 2—3 аршинъ; причѣмъ, въ крайнемъ (отъ поля) ряду камень уложенъ въ одинъ слой, а по направленію къ ямѣ—въ 2 и 3 ряда; кладка производилась на самой почвѣ. Непосредственно за каменной гридой началась выемка: земля оказалась снятой вглубь на 1½ арш. на всемъ пространствѣ, заключенномъ внутри. Затѣмъ, въ центрѣ этой выемки оказалась погребальная яма, въ формѣ удлиненаго эллипсиса (3 арш. длины, 1½ арш. шир. и 2 арш. 12 верш. глуб.). Къ сожалѣнію, какъ это было замѣтно уже въ началѣ раскопки, курганъ оказался раскопаннымъ владонскателями: лежавшій на днѣ ямы костякъ частью сдвинуть съ первоначальнаго мѣста, но по костямъ, оставшимся нетронутыми, можно было опредѣлять его положеніе: головой на W, съ вытянутыми ногами и руками. У костей найдена шиферная пряслица, обломокъ желѣзнаго ножа съ частью деревянной ручки и зеленая бусина изъ композиціи, четырехугольной формы.

Въ слододѣ Овньково, Куплянскаго уѣзда Харьковской губ., въ 1898 г., Е. Рѣдинымъ и Е. Трифильевымъ осмотрѣнъ и частью раскопанъ курганъ, въ которомъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была открыта пещера «съ искусственно возведеннымъ сводомъ». Въ 12-мъ томѣ «Сборника Харьковского Историко-филологическаго Общества» (Харьковъ, 1900 г.), помѣщены отчетъ Е. Рѣдина о раскопкѣ и составленное Н. А. Федоровскимъ описаніе и изслѣдованіе добытаго матеріала.

Какъ оказалось, никакой «пещеры» въ курганѣ не было, а образовался небольшой обвалъ насыпи при копаніи могильной ямы на площади кургана,—могильными ямами послѣднаго времени занято уже около половины кургана. По изслѣдованіи части кургана, гдѣ была вырыта яма (обслѣдовать весь курганъ не представилось возможности), обнаружены слѣды погребенія, нарушеннаго гробовопателями; это были части скелета, при которомъ находились: кости коровы, овцы и свиньи, куски дерева, кусочки красной краски, фрагменты каменныхъ шлифованныхъ орудій, кремневые осколки, глиняные черепки отъ сосудовъ съ орнаментомъ ямочками и веревочкой и бронзовый ножикъ, 9 см. длиной.

На основаніи находокъ, курганъ можно отнести къ типу погребеній съ окрашенными скелетами, въ большомъ числѣ обнаруженныхъ въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, въ Харьковской же губерніи — впервые.

Раскопки Ольвійскаго городища. Истекшимъ лѣтомъ проф. Кулаковскимъ, по порученію Имп. Археолог. Комиссіи, производились раскопки на одной изъ улицъ с. Парутина (Одесскаго у. Херсонской губ.), ведущей въ Ольвійскому городищу. Здѣсь обнаружено кладбище населявшихъ Ольвію древнихъ грековъ. Въ разрытыхъ могилахъ, только въ трехъ оказалось трупосожженіе, въ массѣ же другихъ покойники были погребены. При покойникахъ найдена античная посуда изящныхъ формъ, иногда украшенная рисунками, небольшіе сосуды изъ разноцвѣтнаго стекла, монеты и другіе предметы обихода древнихъ грековъ. («Кіевл.»).

Раскопки на островѣ Березани. Предсѣдателемъ Херсонской губернской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскимъ, лѣтомъ н. г. производились раскопки на островкѣ Березани, лежащемъ въ морѣ, вблизи г. Очакова. Островокъ этотъ изобилуетъ памятниками древне-греческой культуры. Добытые раскопками предметы предназначены для Херсонскаго музея. («Югъ»).

Музеи и собранія древностей.

Естественно-историческій музей Полтавскаго Губернскаго Земства. Въ настоящемъ году музей заканчиваетъ первое десятилѣтіе

своего существованія, а потому мы считаемъ современнымъ удѣлѣть ему нѣсколько строкъ, пользуясь свидѣніями, помѣщенными въ книжечкѣ, заключающей описаніе коллекцій музея (Полтава, 1900 г.). По времени возникновенія, Полтавскій музей является первымъ въ нашемъ краѣ музеемъ, типа областныхъ или погубернскихъ музеевъ. Мысль объ устройствѣ такого музея подалъ земской управѣ проф. В. В. Докучаевъ, производившій почвенныя изслѣдованія губерніи. Земская управа, въ докладѣ очередному губернскому собранію, въ 1890 г., указала на значеніе и задачи мѣстныхъ естественно-историческихъ музеевъ и представила проектъ организаціи музея, составленный на основаніи нормальнаго устава мѣстныхъ земскихъ естественно-историческихъ музеевъ, выработаннаго по инициативѣ В. В. Докучаева С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей. Докладъ былъ принятъ собраніемъ, назначены средства на устройство и содержаніе, приглашенъ завѣдывающій (кандидатъ естественныхъ наукъ М. А. Олѣховскій) и въ 1891 г. отведено особое помѣщеніе для музея. Съ того времени музей начинаетъ правильно функціонировать, постепенно пополняясь, служа двумъ цѣлямъ: просвѣтительной и практической. Въ настоящее время въ музей имѣется болѣе 17-ти тысячъ предметовъ; большинство ихъ составляютъ естественныя коллекціи (по геологій, минералогій, палеонтологій, ботаникѣ, зоологій) затѣмъ коллекціи, служащія для практическихъ цѣлей (образцы полезныхъ ископаемыхъ, модели орудій, коллекціи по шелководству, по кустарнымъ промысламъ и т. и.). наконецъ, есть коллекціи и по культурной исторіи края. Начало археологическому отдѣлу было положено въ 1891 г., приобрѣтеніемъ у мѣстнаго любителя И. А. Зарѣцкаго коллекціи древностей; теперь этотъ отдѣлъ, хотя и не особенно великъ, но все-таки даетъ понятіе о ступеняхъ культуры, чрезъ какія прошло человѣчество, причемъ большинство остатковъ старины мѣстнаго происхожденія. Изъ послѣднаго отчета музея (за 1898 г.) видно, что земствомъ, совмѣстно съ городомъ, устроено новое зданіе для музея (гдѣ будетъ помѣщаться также общественная бібліотека); отсутствіе соотвѣтствующаго помѣщенія въ значительной степени тормозило развитіе музея,—препятствіе это теперь устранимо и можно пожелать музею, при вступленіи въ новое десятилѣтіе, еще большаго успѣха въ тѣхъ просвѣтительныхъ задачахъ, которымъ онъ служить.

Собрание древностей Подоліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ помѣщеніи Каменецъ-Подольской городской управы, состоялось подъ предсѣдательствомъ заступающаго мѣсто городского головы *М. А. Трублаевича*, совѣщаніе по вопросу объ учрежденіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ общественнаго музея древностей Подоліи, на которомъ присутствовали мѣстные изслѣдователи и любители подольской старины. Инициаторъ дѣла—*М. А. Трублаевичъ* доложилъ собранію всю исторію даннаго вопроса, а также выработанный имъ проектъ устава будущаго музея, примѣнительно къ нормальному уставу губернскихъ и областныхъ музеевъ, а равно и къ тѣмъ указаніямъ, которыя были получены имъ въ результатѣ предварительныхъ сношеній съ Московскимъ археологическимъ обществомъ, въ лицѣ его предсѣдателя—графини *П. С. Уваровой*. Докладъ *М. А. Трублаевича* вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, причемъ рѣшено на первыхъ порахъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ о передачѣ въ вѣдѣніе будущаго музея епархіальнаго «Древнехранилища», а передъ губернской администраціею—объ отводѣ соотвѣтственнаго помѣщенія для музея въ ремонтируемомъ нынѣ по-доминиканскомъ зданіи, въ коемъ, по проекту распредѣленія помѣщеній между разными учрежденіями, предполагается дать мѣсто и епархіальному «Древнехранилищу». Затѣмъ, рѣшено заблаговременно снестись съ извѣстными въ губерніи любителями старины, археологами, нумизматами и коллекціонерами, въ цѣляхъ заручиться съ ихъ стороны необходимымъ содѣйствіемъ и помощью въ дѣлѣ скорѣйшаго осуществленія намѣченнаго плана по устройству музея. Проектъ же устава и вообще все это симпатичное дѣло предполагается внести въ обсужденіе мѣстной городской думы. (Под. Губ. Вѣд.)

Проектъ Конотопскаго уезднаго земскаго музея. Намъ полученъ докладъ (отъ 27 августа с. г.) Конотопской Уѣздной Земской Управы очередному уѣздному Собранію слѣдующаго содержанія. „Согласно предложенію г. предсѣдателя Конотопскаго Земскаго Собранія *К. Ѳ. Кулябки*, Земское Собраніе сессіи 1899 года постановило поручить Управѣ выработать къ предстоящему очередному собранію проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея и просило гласнаго *А. М. Лазаревскаго* принять участіе въ разработкѣ означеннаго вопроса.

Во исполненіе постановленія Земскаго Собранія, Земскою Управой, въ засѣданіи 21-го іюля с. г., при участіи гласныхъ А. М. Лазаревскаго, Л. Н. Кандибы и А. В. Соголовскаго выработаны ниже-слѣдующій проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея:

I. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ истребленія памятники мѣстной старины, письменные акты, вещественные предметы, дѣла и бумаги общественныхъ учреждений, однимъ словомъ, всё тѣ данныя, которыя такъ необходимы для изученія и пониманія не только прошлой но и настоящей жизни мѣстнаго края, желательное учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ собранія мѣстной старины или историческаго музея.

II. а) Въ музей должны войти всякаго рода памятники мѣстной старины, какъ письменные, такъ и вещественные, а равно предметы, хотя и составляющіе принадлежность настоящаго обихода, но имѣющіе непосредственную связь со стариной. б) Въ собраніе письменныхъ памятниковъ должны войти всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: гетманскіе универсалы, офіціальные и частныя переписки, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Время составленія сихъ актовъ ограничивается 1861 годомъ. Сюда-же должны войти разнаго рода бумаги общественныхъ учреждений, сохранившіяся внѣ архивовъ, а равно дѣла мѣстныхъ мировыхъ учреждений за время 1861—1863 гг. в) Вещественные памятники составляютъ: старинныя иконы, всякаго рода оружіе, предметы домашнаго обихода, портреты, картины... з) Предметы стариннаго производства: узоры на одеждахъ и пасхальныхъ яйцахъ (писанки), гончарныя издѣлія разныхъ оригинальныхъ формъ. д) Желательно собрать въ музей всё тѣ печатныя сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію мѣстности, занимаемой Конотопскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. е) Желательно собрать свѣдѣніи о существующихъ въ уѣздѣ могилахъ, городкахъ и другихъ памятникахъ, имѣющихся на поверхности земли. При этомъ весьма интересно было-бы получить описанія этихъ памятниковъ съ планомъ ихъ расположенія, причемъ, на планѣ должны быть нанесены находящіяся вблизи этихъ памятниковъ рѣки в яры. Примѣчаніе: при собраніи свѣдѣній о могилахъ, городкахъ и другихъ мѣстныхъ памятникахъ, существенную помощь могли-бы оказать учителя народныхъ школъ; они-же могли-бы собирать и памятники

народнаго творчества: пѣсни, сказки, поговорки и т. п., собраніе каковыхъ произведеній могло-бы составить особый отдѣлъ въ музеѣ.

Въ III и IV пунктахъ говорится о томъ, что музей долженъ находиться при Конотонской Уѣздной Земской Управѣ и быть въ вѣдѣніи предсѣдателя Управы или одного изъ ея членовъ и что всѣ поступающіе въ музей предметы должны вноситься въ инвентарь. V-ый пунктъ гласитъ слѣдующее: «По полученіи разрѣшенія на учрежденіе при Конотонской Земской Управѣ мѣстнаго историческаго музея, Земская Управа должна ознакомить населеніе уѣзда съ цѣлью учрежденія музея и его задачами, а также принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ сохраненію отъ истребленія памятниковъ мѣстной старины и къ пополненію музея». Въ заключеніе Управа испрашиваетъ на устройство музея небольшую (всего 100 руб.) сумму.

Мы умышленно привели почти цѣликомъ настоящій проектъ, такъ какъ онъ, особенно по отношенію къ письменнымъ памятникамъ, можетъ служить образцомъ и для другихъ подобнаго рода музеевъ. Конотонскій музей, если онъ осуществится, будетъ первымъ въ нашемъ краѣ уѣзднымъ музеемъ. Такому развитію музейнаго дѣла можно только порадоваться. Если сосредоточиваніе памятниковъ старины въ центрахъ имѣетъ свои преимущества, то не меньшее значеніе представляетъ устройство и провинціальныхъ небольшихъ хранилищъ: обнимая меньшій районъ, будучи ближе къ мѣстнымъ памятникамъ, такого рода учрежденія будутъ только способствовать детальной разработкѣ исторіи края и сохраненію остатковъ его прошлой жизни.

Екатеринославскій музей. Подъ такимъ заглавіемъ нѣкто Петръ Южный помѣстилъ въ № 924 «Правдѣ пр. Края» статью, гдѣ приводитъ историческую справку о возникновеніи идеи Екатеринославскаго музея и снова поднимаетъ вопросъ объ его устройствѣ.

«Ровно 20 лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Южный, въ 1880 году, при губернской земской управѣ основанъ былъ изъ остатковъ губернской выставки музей. Черезъ 3 года, въ 1883 году, на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ нашъ соотечественникъ К. Г. Лавриченко сдѣлалъ докладъ о необходимости учрежденія погубернскихъ естественно-историческихъ и техническихъ музеевъ. Мысль Лавриченко чрезвычайно понравилась членамъ съѣзда и затѣмъ нѣсколько позднѣе она была принята въ Нижегородской губерніи, научныя изслѣдованія

въ которой производились, по приглашенію земства, лицами, участвовавшими въ одесскомъ съѣздѣ.

Прошло 20 лѣтъ. Что-же сдѣлано въ этомъ направленіи нашимъ земствомъ. Въ 1885 году учредили педагогическій музей, истратили на него около 10 тыс. руб. и затѣмъ закрыли, раздавъ жалкіе остатки предметовъ въ нѣкоторыя учебныя заведенія. Около этого-же времени поднятъ былъ вопросъ о юбилейной преміи за два сочиненія—по естественно-историческому и историко-географическому описанію губерніи. Но и эта затѣя потерпѣла крушеніе. И мы до сего дня не имѣемъ чего-нибудь подходящаго по исторіи и научному описанію нашего района, являющагося одною изъ богатѣйшихъ горнопромышленныхъ областей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Такъ продолжаться долѣе не можетъ, не должно. Цѣра устыдиться американствующему краю и въ серьезъ приняться за осуществленіе идеи, насчитывающей уже нѣсколько десятилѣтій со времени своего рожденія. Разбираясь въ историческомъ матеріалѣ, мы можемъ увидѣть, что начало музею положено, собственно говоря, еще 50 лѣтъ тому назадъ. Извѣстный екатеринославскій губернаторъ Фабръ (1847—1858 гг.) основалъ въ Екатеринославѣ «Музей древностей Екатеринославской губерніи»; музей былъ богатъ и коллекціями минераловъ, и остатками старины, и предметами растительнаго и животнаго царства. Такъ какъ помѣщеніе городской думы въ то время было слишкомъ мало, то музей находился въ потемкинскомъ дворцѣ, при депутатскомъ собраніи. Что сталося съ нимъ въ позднѣйшія времена, мы не имѣемъ о томъ свѣдѣній...».

Въ дальнѣйшемъ, авторъ, относясь скептически къ учрежденію музея земствомъ или городомъ, предлагаетъ обратиться къ частной инициативѣ, причемъ изъ статьи видно, что самъ авторъ является инициаторомъ этого дѣла: «Уже первые шаги сдѣланы нами. Мы обратились кое къ кому изъ имѣющихъ вліяніе въ мѣстномъ обществѣ съ предложеніемъ организовать комитетъ по изысканію средствъ для пріобрѣтенія богатой коллекціи археологическихъ предметовъ, принадлежавшихъ А. Н. Полю, и для постройки спеціальнаго зданія музея памяти А. Н. Поля. Въ настоящее время нами ожидаются отвѣты отъ специалистовъ-археологовъ съ опредѣленіемъ цѣнности музея А. Н. Поля.

Когда выяснится вопросъ о стоимости и значеніи для нашего края коллекція А. Н. Поля, тогда будетъ приступлено къ практическому осуществленію намѣченной нами цѣли.

Обращаясь затѣмъ къ отзывчивости всѣхъ интеллигентныхъ слоевъ мѣстнаго общества и приглашая ихъ принять участіе въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ, г. Южный высказываетъ увѣренность, что музей будетъ учрежденъ. Дѣйствительно, Екатеринославу давно-бы пора обзавестись мѣстнымъ естественно-историческимъ музеемъ, всѣ данныя для этого—налицо.

выборъ Галагана вполнѣ оправдался, и Галенковскій пробылъ на писарствѣ столько-же лѣтъ, сколько патронъ его пробылъ на полковничествѣ.—Послѣ выхода своего въ отставку, Галаганъ позаботился и о дальнѣйшей судьбѣ своего вѣрнаго помощника. Конечно, по желанію отца, новый полковникъ Григ. Галаганъ просилъ (въ февр. 1740 г.) генеральную канцелярію о „повышеніи“ Галенковскаго въ чинъ обознаго; при этомъ полковникъ писалъ, что Г—ій въ теченіи 25-ти лѣтъ ревностно несъ службу въ походахъ и разныхъ комиссіяхъ, а теперь за „маловидѣніемъ“ требуетъ повышенія въ чинъ обозничества полковаго, и для полученія того обозничества полковникъ посылаетъ въ Глуховъ, за подписомъ рука старшины полковой и сотниковъ и имени его полковничьяго, на Г—аго учиненный вольными голосами выборъ, добавляя, что повышение Г—аго требуется еще и для того, „дабї артиллерія полковая въ состояніи быть могла при своемъ надлежащемъ смотрѣніи...“ Такимъ образомъ Галаганы, отецъ и сынъ, устроили судьбу стараго писаря, поставивъ его въ полку на высшій послѣ полковника урядъ. И на этомъ урядѣ Г—ій пробылъ лѣтъ пятнадцать.

Александровичъ замѣстилъ Галенковскаго на писарствѣ. См. выше, с. 60.

Шнурчевскій, по происхожденію мѣщанинъ, вмѣстѣ съ братомъ, „откупщикомъ“¹⁾ Прилуцкаго и Кіевскаго полковъ, „за показанное ими въ томъ сборѣ приращеніе въ скарбъ войсковой денегъ“, награжденъ былъ чиномъ войск. товарища; Иванъ этотъ чинъ получилъ въ 1745 г., а затѣмъ, въ 1760 г., изъ Глухова былъ назначенъ полк. писаремъ. Можетъ быть тутъ помогъ Шн—му его тесть Ив. Пироцкій, который по своему родству, имѣлъ въ Глуховѣ связи. О писарской службѣ Шн—аго имѣется между прочимъ любопытная отмѣтка въ служебномъ его спискѣ, что Ш. „былъ штрафованъ въ 1765 г., по опредѣленію войск. генер. в—риц, за взятіе у сотника Корибутовскаго Рудковскаго парчи и денегъ за приводъ въ 1762 г. на вѣр-

¹⁾ Отдавались на откупъ право продажи вина и табаку. См. Кіевск. Стар. 1885 г., май, «Крыжановскіе».

ность ея и в-ва той Корибутовской сотнѣ разныхъ чиновъ и козаковъ къ присягѣ, сидѣніемъ на пушкѣ чрезъ два дни, всякого—по три часа; а послѣ этого, въ 1775 году, генваря 16, въ полковой канцеляріи арестованъ (лишеніемъ?) саблѣ и сидѣніемъ подъ карауломъ за ослушность въ неисполненіи полковника Прилудского предложенія“... Шн—ій былъ женатъ на дочери Пироцкаго, Аннѣ, отъ которой у него было три сына: Иванъ, служившій въ 1772 году въ коллегіи канцеляристомъ, Константинъ, служившій въ то же время въ Сѣчи Запорожской, въ тамошней войсковой канцеляріи, и Алексѣй. Никакихъ имѣній Шн—ій за свое писарство, повидимому, не нажилъ, такъ какъ въ 1774 г. за нимъ не числилось ничего.

Ягельницкій поставленъ былъ полков. писаремъ въ 1766 г., тоже изъ войск. товарищей; оставался на урядѣ до 1773 г., когда уволенъ былъ съ чиномъ бунчуе. товарища. Нажилъ Я—ій 26 дворовъ въ равныхъ мѣстахъ полка: въ г. Прилукѣ, с. Голубовкѣ, д. Вороновкѣ и въ х.х. Рудовскомъ и Слободскомъ. Яг—ій женатъ не былъ.

Галенковскій Андрей, сынъ Федора, закончилъ полковое писарство. Службу онъ началъ въ 1766 г. въ Глуховской коллегіи, откуда въ 1771 г. былъ назначенъ полковымъ хоружимъ.

Полковые есаулы. Яковъ Трофимовичъ, 1669. Иванъ Матенко, 1669. Григорій Чернявскій, 1672. Зѣнецъ Корнѣенко, 1676. Федоръ Молчанъ, 1677. Иванъ Носъ, 1685, 1687, 1692. Семенъ Федоровичъ, 1688, 1693, 1695. Михайло Федоровичъ Молчанъ, 1711—1741. Василиій Самойленко, нач. XVIII в. Григорій Панкевичъ (Панченко), 1714—1729. Никифоръ Петровичъ Вѣлецкій Носенко, 1738—1761. Михайло Величко, 1741. Яковъ Степановичъ Величко, 1742—1764. Яковъ Кисель, 1764—1771. Григорій Ивановичъ Мазарака, 1770—1771. Никита Уминъ, 1771—1776. Яковъ Антоновичъ Яновскій, 1771—1781.

Молчанъ былъ одинъ изъ сыновей убитаго подъ Чигириномъ полковника Федора Молчана. По смерти отца, Мих. М—въ остался почему-то въ Прилуччинѣ, гдѣ отецъ его никакихъ маестностей не оставилъ. Вообще видно, что по смерти

отца, сынъ его Михаилъ остался безъ призора, чѣмъ слѣдуетъ объяснить его и неграмотство, и скитальчество, По собственному показанію М—на, онъ началъ службу съ 1679 г., причемъ въ 1683 г. участвовалъ въ Вѣвскомъ походѣ Баторія; потомъ служилъ у Самойловича и былъ съ нимъ въ походѣ въ 1687 г. подъ Перекопомъ, а послѣ поставленія гетманомъ Мазепы М—нъ перешелъ на службу къ Палѣю, у котораго оставался повидимому до 1700 г. 1). Послѣ этого М—нъ оставался въ Прилуччинѣ и служилъ рядовую козачью службу въ разныхъ походахъ, перечисленныхъ въ одной его челобитной 1739 г. 2). Нѣсколько странно, что сынъ бывшаго полковника и притомъ убитаго въ сраженіи, не получилъ отъ Мазепы никакого уряда. Быть можетъ тутъ сводились какіе-нибудь счеты, возникшіе при совмѣстной службѣ Мазепы съ отцемъ М—на у Дорошенка. Возможно, что эта догадка подтверждается и тѣмъ, что послѣ измѣны Мазепы М—нъ сразу получилъ (въ 1711 г.?) урядъ Прилуцкаго есаульства, которымъ новый гетманъ какъ-бы поспѣшилъ вознаградить долгую службу въ то время уже пожилаго М—на 3). Въ томъ-же 1711 г. Скоропадскій далъ М—ну и маетность—с. Талалаевку. Есауломъ М—нъ оставался до 1740 г., т. е. около сорока лѣтъ, а въ августѣ 1742 г. онъ умеръ. У него сыновей не было, а было двѣ дочери, Марья и Катерина; первая была замужемъ за Степаномъ Юрченкомъ, а вторая—за Демьяномъ Мазаракою. Обоихъ зятьевъ М—нъ пережилъ, причемъ у Юрченка потомства не осталось, а Марья оставшись вдовою, „не имѣя на чемъ жить, пришла къ отцу и жила“ на его грунтахъ. „Мужа младшей дочери зн. в. тов. Демьяна Мазараку М—нъ „принялъ на житіе къ себѣ за сына“, который живя при тестѣ, „въ низовомъ Дербентскомъ походѣ, на службѣ монаршей, умре“. Вскорѣ затѣмъ умерла и жена Мазараки. Послѣ нихъ осталось четыре сына, изъ которыхъ Петръ умеръ рано, а остальные три были: Андрей, Иванъ и Григорій; жили

1) Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 77 и слѣд.

2) Тамъ-же, 79.

3) Если Молчанъ во время Вѣвскаго похода (1683 г.) вмѣлъ хотя 20 лѣтъ, то въ 1710 г. ему было подъ 50-тъ.

они у тестя и тамъ-же „обучались грамотѣ“. За три дня до смерти (4 августа 1742 г.), М—нъ написалъ свой „тестаментъ“, причемъ завѣщалъ тѣло свое „погребсти въ монастыру Густынскомъ, въ которой для погребенія тамъ дано уже (Молчаномъ) денегъ рублей сто“.—„Оставшіеся по мнѣ добра, говорить далѣе М—нъ, яко-то с. Талалаевку, которое по милости монаршей за службы въ вѣчность жаловано и универсаломъ гетмана г. Скоропадскаго утверждено, такожь хуторѣ, мельницы, лѣси, гаи и сѣнокосніе и пахатніе поля и прочіе угодія, мною самимъ куплею набитіе и показавніе въ записной моей домовой книгѣ ¹⁾ и въ купчихъ крѣпостяхъ... женѣ моей Параскевіи, по смерти еи, въ спокойное владѣніе вручаю. А по смерти еи, жены моей, оніе мои добра . . . должны остатись дочери моей Маріи да двомъ внукамъ Андрею и Ивану Мазаравіямъ, и раздѣлитись имъ по равной части, для того, что они Андрей и Иванъ... мнѣ, яко прародителейъ своему, отдавали честно всякое послушаніе и за мене, респектомъ моей старости и драхлости, войсковіе службы отбывали.. А третому ихъ брату, меншому Григорію ничего не опредѣляю, потому что онъ Григорій такъ изъ малихъ лѣтъ тожь при мнѣ находясь, обыкновенной сивовской чести мнѣ не отдавалъ, приказовъ моихъ и наставленій ослушался и въ такое развращеніе пришелъ, же похищая явие-небудь вещи зъ дому моего и денги, попропивалъ и попроигрывалъ въ карты, и прочіе немаліе и непристойніе шалости дѣлалъ и дѣлаеть, яко жъ и самъ я въ нѣкоторыя шинки заплатилъ за его напой денегъ немало... Особливо-же, для потомнаго случаю, сіе завѣщаю, что по смерти жены моей Параскевіи, егда достанется опредѣленная часть моихъ добръ вишереченной дочери моей Маріи, то должна бить тая часть у еи ненарушимомъ владѣніи, да толко по смерти еи дочери Маріи, потому что она безпотомна и въ удовольствіи уже при старости лѣтъ, которой части всякихъ грунтовъ она Марія уживать и користоватись имѣеть по своей волѣ, а пустошить тѣхъ, опредѣленныхъ грунтовъ ей, никому продавать оныхъ и никакъ ихъ

¹⁾ Объ этой книгѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., январь.

утерять она, Марія, не должна и неповинна, подъ неблагословеніемъ моимъ родительскимъ тое ей запрещаю. А по смерти еи Маріи и тая третья часть всѣхъ грунтовъ и пожитковъ имѣеть прійти въ спокойное владѣніе помянутыхъ моихъ унуковъ Андрея и Ивана...“ ¹⁾

Черезъ три дня послѣ написанія этого завѣщанія (7 августа) М—нъ умеръ и согласно завѣщанію былъ похороненъ въ Густынскомъ м—рѣ, *въ склепу каменномъ подъ церквою*“. Черезъ четыре года (въ 1746 г.) умерла и вдова М—на, и похоронена въ томъ же м—рѣ, „подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, *въ дубовомъ склепу*“. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти вдовы М—на, (въ 1766 г.) умерла и дочь М—новъ Марія ²⁾ и была похоронена въ с. Блотницѣ, „подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, *въ склепу дубовомъ* ³⁾. По мѣсту погребенія Маріи М—нъ можно думать, что она свою часть Талалаевки отдала племянникамъ еще до смерти. Во всякомъ случаѣ Талалаевка и всѣ имѣнія Мих. М—на всецѣло перешли къ Мазаракамъ. (См. с. Талалаевка).

Панкевичъ былъ сынъ „Панка (Пантелеймона) Аврамовича, мѣщанина Прилуцкаго“, послѣ котораго остались дѣти: отъ перваго брака—Григорій и Прасковья и отъ втораго—Юско (Осиць) и Иванъ. Второю женою Панька была какая-то Анна Галювна, первымъ мужемъ которой былъ грекъ Николай Урсаль, оставившій послѣ своей смерти въ Прилузѣ торговья лавки, но съ долгами. Женившись на вдовѣ Урсала, Панько поплатилъ его долги, въ томъ числѣ и „Алоевы кгрекови, дядки Урсаловому“, и сталъ владѣльцемъ Урсаловыхъ лавовъ, въ которыхъ и началъ торговать. Живя при отцѣ, Григорій помогаль ему въ торговлѣ, которую тотъ велъ такимъ порядкомъ: скупаль въ Малороссіи сало („лой“), отвозилъ его „до Шліонска“ (въ Силезію), и тамъ на вырученныя отъ продажи сала деньги, покупаль *красныя* товары для перепродажи ихъ

¹⁾ Копія завѣщанія въ нашей б—бѣ.

²⁾ Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 79.

³⁾ Можно думать, что для каждаго гроба подъ поломъ церкви устраивался особый склепъ, кирпичный пли изъ дубовыхъ бревенъ.

въ Прилукѣ. При этомъ старшій Панько иногда посылалъ за границу и одного Григорія, который пріобрѣталъ такимъ образомъ опытъ и знаніе людей. По смерти отца въ 1702 г., сынъ унаслѣдовалъ хорошіе достатки, при помощи которыхъ Григорію Панкевичу не трудно было уже пробраться и въ козацкую старшину. Сначала П—чь переписался въ „товариство“, а потомъ, вѣроятно при помощи Глуховскихъ дѣльцовъ въ родѣ Семена Савича, П—чь при Носѣ поставленъ былъ полковымъ есауломъ. Мы видѣли уже, что Галаганъ, получивъ Прилуцкое полковничество, очень желалъ смѣстить П—ча, вѣроятно, подозревая въ немъ челоуѣка неуступчиваго; но въ Глуховѣ есаула поддержали. Впрочемъ, и самъ П—чь, повидимому, умѣлъ за себя постоять. Только по смерти Скоропадскаго, когда власть въ гетманщинѣ раздвоилась, Галаганъ рѣшился смѣстить П—ча; послѣдній пожаловался въ коллегію, которая отослала жалобу П—ча къ Полуботку; нав. гетманъ отвѣчалъ Вельяминову, что „о обидахъ и гоненіи П—чу, асауловѣ поле. Прилуцкому, отъ полковника Галагана дѣючомся, писанъ листъ до оного полковника о прибытіи оного въ Глуховъ второй недѣлѣ посту (1723 г.), якая справа ихъ тогда слѣдоватися и рѣшитися на судѣ войск. енералномъ будетъ“¹⁾. Но съ Галаганомъ не легко было дѣло дѣлать. Когда въ назначенный срокъ Галаганъ въ Глуховъ не пріѣхалъ, Полуботокъ повторилъ требованіе о пріѣздѣ, а 27 марта въ „дневникѣ“ генер. канцеляріи записано: „пишучи уже *третій* листъ до п. полковника Прилуцкого противъ челобитя Панкевича, въ отставцѣ его отъ уряду осаулства, предложено, абы поколя тая справа его съ Панченкомъ судомъ енералнымъ не окончится, жадныхъ обидъ домови скаржачого и тяжестей не наносиль...“ Засимъ, Полуботокъ предложилъ Галагану „пріѣздить до суду, для росправы, подь часъ святъ прійдующихъ воскресенскихъ, конче,“ т. е. все-непремѣнно; но Галаганъ не пріѣхалъ и на пасху, такъ какъ въ маѣ Полуботокъ писалъ уже не Галагану, а П—ву, что

¹⁾ Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., XII, отд. 3-й, стр. 117.

если полковникъ въ Глуховъ не прїѣдетъ, то нечего и ему П—чу напрасно прїѣзжать ¹⁾... Такъ Галагана Полуботокъ и не дозволялся въ Глуховъ для расправы съ П—комъ. Впрочемъ, П—ку отнятый урядъ былъ возвращенъ и онъ оставался на немъ до смерти. П—чь былъ женатъ на дочери Прилуцкаго городского писаря (т. е. секретари Прилуцкой ратуши) Мединскаго, по смерти котораго получилъ занятый тестемъ „загонъ на степу волномъ за Рудовкою“ (изъ Гнилицкой степи) и „грунтъ“ въ д. Пироговкѣ. Не смотря на преслѣдованія Галагана, П—чь съумѣлъ поселить около Пироговки слободу и выпросить у Скоропадскаго двѣ деревни—Буды и Сезьки. Послѣ П—ча осталось два сына, Павель и Федоръ, и двѣ дочери. Имѣнія свои онъ передалъ, по тогдашнему обычаю, въ пожизненное владѣніе женѣ, которая должна была затѣмъ сама распредѣлить ихъ между дѣтьми; но вдова П—ча пережила своихъ сыновей и потому мужнины имѣнія были ею предназначены дочери умершаго сына Ивана—Евдокіи и дѣтямъ дочерей. Между тѣмъ у Евдокіи случился романъ, разстроившій планы бабки, которая объ этомъ рассказывала, что Евдокія, будучи лѣтъ отъ рожденія своего взрослыхъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1751 г., за совѣтомъ и согласіемъ своимъ, а по своему особливому намѣренію, за вѣдомомъ моимъ и благословеніемъ, пожелала войти въ супружество полку Прилуцкаго за сына значк. тов. Ивана Романовича, и уже была оному зговорена и приручена постоянно; а потомъ, забывши страхъ Божій и воспитаніе и милость прародителную, самоумышленно, по непостоянству своему, оставя его Романовича, безъ жадной причины, декабря 31 дня (1751 г.) поздно ввечерѣ, невѣдомо съ кимъ подѣхавшимъ по ней санми, взявъ свое убранство и фанты, збѣжала невѣдомо куда, безъ вѣдома и благословенія моего и крвныхъ своихъ; и то учинила въ едину мнѣ скорбь и печаль, при моихъ въ слабости старыхъ лѣтахъ... Нынѣ же, какъ слышно, (говоритъ бабка о внучкѣ), Евдокія въ Чернѣговѣ, въ дому умершаго бурмистра Чернѣговскаго, прозываемаго Карновича, зъ сыномъ его Миха-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 122 и 127.

иломъ обвинчалась и живетъ...“ За такое „поношеніе чести дому“ бабка лишила внуку права на назначенную ей часть Пироговки и отдала эту часть дѣтямъ дочери Прасковьи, бывшей замужемъ за Семеномъ Козельскимъ. Но „не оставляя и Евдокии по склонности своей прародительской,“ бабка назначила ей Буды и Сезьки, „если только эти поселки будутъ отсуждены отъ Будлянской“ (племянницы Разумоскаго), мужъ которой отнял ихъ у вдовы П—ча.

Вѣлецкій-Носенко Никифоръ, сынъ полк. сотника Петра Н—ка, былъ женатъ на дочери Лубенск. полк. есаула Семена Слюза Пелагеѣ, имѣлъ сына Петра и нѣсколько дочерей. Имѣнія его находились въ с. Рудовкѣ,—24 м. п. и въ с. Щуровкѣ—51 м. п. „подданныхъ.“ Въ отставку Н—ко получилъ чинъ полк. судьи.

Величко Михаилъ. Происхожденіе его, какъ и родство съ его преемникомъ по уряду,—намъ не извѣстно.

Величко Яковъ службу началъ въ 1730 г. въ полк. Прилуцкой к—ри; въ 1742 г. назначенъ полк. есауломъ и оставался на этотъ урядъ до 1764 г.; затѣмъ, выбранъ въ 1764 г.—земскимъ судьей, а въ 1775 г.—подкоморіемъ Прилуцкаго повѣта. Въ 1778 г. за нимъ показано 267 д. м. п. „подданныхъ“, въ Прилукѣ, хуторахъ, с. с. Ковтуновѣ и Антоновѣ и д. Будахъ. Женатъ В—ко былъ на дочери „войск. капелана“ Мойсея Богасевскаго Настасьѣ и имѣлъ сыновей: Василя, подпоручика, и Ивана—корнета Ямбурскаго карабинернаго полка.

Яновскій изъ канцеляристовъ коллегіи, куда поступилъ въ 1767 г., а въ 1771 г. былъ назначенъ есауломъ полковымъ. Имѣлъ ранговыхъ въ с. Стрѣльникахъ 25 д. посполитыхъ.

Полковые хоружіе. Семень Портянка, 1699. Андрей Семеновъ, 1672. Семень Даденко, ок. 1700. Иванъ Семеновичъ, 1715—1744. Петръ Носенко, 1722—1724. Антонъ Маценко, 1744. Данило Савинъ, 1747—1755. Антонъ Яновскій, 1749—1751. Яковъ Кисель, 1757—1764. Антонъ Яновскій, ок. 1760 г. Ниеита Уминъ, 1767—1770. Федоръ Мартовскій, 1771. Андрей Федоровичъ Галенковскій, 1771—1775. Иванъ Троцкій, 1771—1781.

Носенко Петръ, см. ниже, полк. сотники.

Яновскій неизвѣстнаго происхожденія. Умирая, оставилъ при г. Прилуцѣ, „на форштатѣ Квашинскомъ, да и по другихъ около г. Прилуки жь форштатахъ, тако-жь въ с. Рудовкѣ, всѣхъ м. пола душъ 70.

Галенковскій поступилъ въ коллегію канцеляристомъ въ 1766 г., а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ, на мѣсто умершаго Марковского.

Троцкій началъ службу съ 1766 г. значк. товарищемъ, а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ; въ Голубовкѣ, Рудовкѣ и въ г. Прилуцѣ имѣлъ 85 м. п. поспол.

Географическій очеркъ Прилуцкаго полка. Область Прилуцкаго полка занимала бѣрега Удая, который дѣлилъ эту область на двѣ неравныя части, причемъ послѣднія, по своей природѣ, рѣзко отличались одна отъ другой. Западная часть области представляетъ собою равнину, пересѣченную болотистыми ложбинами. Восточная часть области—вся почти изрѣзана глубокими, поросшими лѣсомъ оврагами, по которымъ текли рѣчки и ручьи, большею частью—лѣвобережные притоки Удая¹⁾. Несомнѣнно, что восточная часть полка по своему гористому и лѣсистому характеру, должна была (послѣ татарскаго разоренія) издавна привлечь къ себѣ тѣхъ заднѣпрскихъ *уходниковъ*, которые и были первыми здѣсь насельниками. Болотистыя рѣчки, среди овраговъ, поросшихъ лѣсомъ, представляли собою защитныя мѣста и потому—по берегамъ этихъ рѣчекъ—могли возникать хуторà очень рано, б. м. уже съ XV вѣка. Западная часть области заселилась гораздо позже, не раньше нач. XVIII в.

Главною рѣкою Прилучины былъ Удай, отличающійся особою извилистостью своего теченія²⁾. На берегахъ Удая расположены слѣдующія поселенія: м. Монастырище, сс. Обичевъ, Толкачевка, дд. Замостье, Лапинцы, Пироговщина, Густынский

¹⁾ «Прилуцкій уѣздъ». Изд. Полт. губ. з. управы. Полтава, 1891. Стр. 2.

²⁾ Подробное описаніе теченія Удая см. въ той-же книгѣ «Прилуцкій уѣздъ», стр. 4—8.

м—рь, д. Манджосовка, сс. Боршна, Валки, Мольки, Мацѣ-евка, Высокое, м. Переволочна, сс. Лиски, Дегтяри (около озера, образуемаго слияніемъ Удая съ Лисогоромъ) д. Рыбець, сс. Леляки, Подище и Ладинъ.

Кромѣ Удая область Прилуцкаго полка орошалась еще и слѣдующими его притоками.

Правобережные притоки Удая.

Галка ¹⁾ начинается отъ с. Лосиновки и течетъ мимо сс. Галицы, Петровки, Вел. и Мал. Дѣвиць и Толвачевки, около которой вливается въ Удай.

Руда—по названію своему—указывающая, что на мѣстѣ ея нѣкогда текла настоящая рѣчка, затѣмъ обсохшая и обратившаяся въ *руды* или *рудку*, т. е. въ обсыхающую лѣтомъ ложбину, по которой въ это время видѣются лишь ржавыя лужи... Руда наиболѣе замѣтна около с.с. Рудовки и Дубоваго-Гая, около котораго рѣчка носила (1762 г.) названіе **Руды-Росоши**.

Переводъ начинается въ Нѣжинскомъ полку и течетъ—въ предѣлахъ Прилуцкаго полка—мимо сс. Погребовъ, Поддубовки и Туровки.

Рыбець—ок. с. Краслянъ и д. Рыбца.

Лѣвобережные притоки Удая.

Ичонка ²⁾ начинается у м. Ични, течетъ мимо с. Хаеновъ и вливается въ Удай около д. Грабова.

Радьковка вливается въ Удай ок. с. Радьковки. На картѣ Шуберта эта рѣчка названа **Нежировой** ³⁾ и это названіе, по-

¹⁾ Въ актѣ 1740 г. рѣчка эта называлась «рудкою Дѣвицею» и это названіе повидимому правильнѣе: вѣрнѣе, что отъ *рѣчки* Дѣвицы получили свои названія оба теперешія села *Дѣвицы*, а не на оборотъ... У Шафонскаго (стр. 491) тоже—*Дѣвичка*.

²⁾ Въ описаніи 1740 г. назыв. рч. *Ичанка* и около м. Монастырища, но эта рѣчка, повидимому, совсѣмъ другая.

³⁾ Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ», стр. 9, говорится что *Нежировка* составляетъ прав. притокъ *Половой*, но это свидѣніе видимо

видимому, старѣе и вѣрнѣе. Верхняя часть рч. Радьковки, у х. Дзюбина, въ настоящее время называется **Мошковкою** („Прилуцк. уѣздъ“, стр. 9). Оч. вѣроятно, что тутъ-же находилось и село **Мошковка**, которое упоминается въ актахъ 1693—1700 г.г. („село Мошковичи или Мошковцы области Прилуцкой“) и затѣмъ исчезаетъ...

Полова начинается у с. Половой и вливается въ Удай немного выше Прилуки.

Смошь начинается у с. Ржавца и протекаетъ мимо м. Иваницы, сс. Ступаковки, Щуровки, Рясокъ и Смоши, недалеко отъ которой вливается въ Удай. Притоки Смоши: рч. **Иваница** (иначе, **Солоха**) ¹⁾ начинается у д. Верескуновъ, протекаетъ мимо с. Березовки, вливается въ Смошь у м. Иваницы, **Городянка** (теперь—**Бугай**)—у с. Городни и **Ольшанка**— у с. Ольшаны.

Утка начинается ок. с. Сокиринецъ, протекаетъ мимо с.с. Калюжинецъ и Охонекъ и вливается въ Удай ок. м. Переволочны. Притокъ Утки съ правой стороны—**Лозовая** (по Шуберту), или **Селезень**, какъ и у Шафонскаго (стр. 491).

Лисогоръ начинается у д. Лисогора и протекаетъ мимо сс. Ярошовки, Блотницы, Юрковцовъ, Алексинцовъ, Грицовки, м. Сребнаго, сс. Подола, Деймановки, Гурбинецъ и Иванковцовъ. Притоки Лисогора съ лѣвой стороны: **Верезовица** у с.с. Березовки и Талалаевки; **Галка**—протекаетъ мимо сс. Грицовки, Карпиловки и Харитоновки; **Довжикъ Грузской** (въ 1740 г., а теперь—**Глиняная**)—у с. Оробьевъ. Притоки Лисогора съ правой

невѣрно и б. м. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что по словамъ того-же автора—„въ настоящее время ни рч. Половой, ни притока ея Нежировки собственно говоря уже *не существуетъ*, а сохранился лишь оврагъ, наполняющійся водою только въ весеннее время; отсюда видно, что нынѣ названія многихъ рѣчекъ сохраняются лишь по преданію. У Арандаренка (Зап. о Полт. губ., III, 284) тоже—не Радьковка, а Нежирова; тоже и у Шафонскаго (стр. 490).

¹⁾ *Иваницею* рѣчка называется въ описаніяхъ 1740 и 1766 гг., а *Солохою*—теперь.

стороны: Сребрянка у м. Сребнаго и Тростянецъ ок. с. Васьковцовъ. 1)

Варвица—у м. Варвы. По описанію 1740 г. та-же рч. Варвица показывается и ок. с. Остаповки.

Журавка—у м. Журавки (по опис. 1740 г.) 2).

Кромѣ Удайскаго бассейна область Прилуцкаго полка орошалъ еще и одинъ изъ притоковъ Сулы—Ромень; по берегамъ этой рѣчки расположены сс. Корибутовъ, Фесевка, Децтовка, Красн. Колядинъ, Рябуха, Грицовка, Липовое и Коренецкая. Притоки Ромна съ правой стороны: Торговица у с.с. Куриловки и Гирявки, Самборъ (назв. нач. XVI в.) у с. Б. и М. Самборовъ, Зарукавная (иначе Голубовка) у с. Голенки, Гайворонъ—у с.с. Гайворона и Григоровки и рч. Дегтяровка (по Шуберту) у сс. Дмитровки и Крапивной.

Изъ этого перечня несомнѣнно ускользнули нѣкоторые мелкія рѣчки, названія которыхъ—нынѣ забытыя, встрѣчаются лишь въ бумагахъ прежняго времени. Нѣкоторые изъ этихъ рѣчекъ будутъ названы при отдѣльныхъ описаніяхъ сель.

Дѣленіе Прилуцкаго полка на сотни. Изъ „Реестровъ“ 1649 г. (изд. Бодянск.) видно, что черезъ годъ послѣ изгнанія поляковъ, Прилуцкій полкъ заключалъ въ себѣ до 20-ти сотенъ; названія ихъ слѣдующія: четыре (повидимому) сотни полковыя, двѣ Варвинскія, Сребрянская, Переволочанская, Иваницкая, Краснянская (Колядинская) Корибутовская, Голенская, Кропивенская, Гузовская, двѣ Иченскія, Городнинская, Монастырищенская, Галицкая и Дѣвицкая. Кромѣ того, отдѣльно показаны „Липовчане“, т. е. козаки с. Липоваго, почему-то неприуроченные къ сотнѣ. Затѣмъ, по спискамъ за 1713—1741 г.г. въ Прилуцкомъ полку называются слѣдующія восемь сотенъ: полковая, Журавская, Варвинская, Сребрянская, Иваницкая, Красноколя-

1) У Арандаренка, (Зап. о Полт. г., III, 284) указаны слѣд. притоки Тростянца: *Лисица*, *Бобровая* и *Галка*.

2) Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ» рѣчки Варвица и Журавка вовсе не называются, изъ чего можно заключить, что ихъ теперь уже нѣтъ.

динская, Иченская и Монастырищенская. Впослѣдствіи въ этомъ дѣленіи произошло нѣкоторое измѣненіе, такъ какъ въ 1779 г. значились только слѣдующія сотни: полковая, двѣ Варвинскихъ, Журавская, Переволочанская, Сребрянская, Красноколядинская, Голенская, Иченская и Монастырищенская.

Значительное уменьшеніе числа въ нач. XVIII в. изъ показанныхъ въ 1649 г. сотенъ послѣдовало не отъ увеличенія сотенныхъ округовъ, а отъ уменьшенія народонаселенія; такъ слѣдуетъ полагать потому что во второй полов. XVII в. изъ лѣвобережной Малороссіи ушло множество народа въ будущую Слободскую Украину, отъ чего многія многолюдныя поселенія обѣднѣли народомъ до того, что изъ *мѣстечекъ* обратились въ незначительныя поселенія.

Описывая здѣсь Прилуцкій полкъ, мы беремъ сотенное его дѣленіе за первую половину XVIII в., такъ какъ собранныя нами здѣсь свѣдѣнія касаются преимущественно этого времени.

Полковой городъ Прилука. Прилука принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній. Начальная лѣтопись упоминаетъ о ней два раза: въ 1092 г. („и взяша три града—Пѣсочень, Переволоку, *Прилуку*“) и въ 1146 г. („приде Володимеръ и взя *Прилуку*“). Но это двѣ Прилуки—разныя: упоминаемая въ 1092 г. находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, а другая—на правомъ. Первая Прилука есть при-Удайская Прилука, бывшая полковымъ городомъ Прилуцкаго полка, а другая—находится въ Бердичевскомъ уѣздѣ, при рч. Деснѣ, впадающей въ Бугъ ¹⁾. При-Удайскую Прилуку упоминаетъ и Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи, называя ее городомъ («и ходихомъ за Супой (изъ Переяслава) и ѣдучи къ Прилуку городу...» Прилукою этотъ городъ названъ потому что расположенъ онъ былъ при лукѣ, (поемный лугъ). Извѣстно, что въ южно-русскихъ степныхъ мѣстахъ защитныя городки очень часто устраивались среди низменностей, а иногда и болотъ, подъ защи-

¹⁾ См. Соловьевъ, Истор. Р., I, 388. (Изд. Т-ва О. П.)

тою которыхъ врылись отъ нападеній враговъ¹⁾ Весьма вѣроятно, что ради этихъ-же причинъ и Прилука поселена была около *лукі* т. е. около поемнаго луга. Лѣвый, нагорный берегъ Удаи не представлялъ слѣдовательно въ древности такой прочной защиты, какъ болото, къ которому доступъ лѣтомъ былъ очень труденъ...²⁾

Упомянутая лѣтописью въ XI в. Прилука остается затѣмъ на долгое время невѣдомою. Слѣдуетъ предполагать, что послѣ разоренія южной Руси татарами, запустѣла и Прилука. Засимъ, въ грамотѣ кн. Семена Олельковича (внукъ Владиміра Олгердовича) 1459 года, значится, что грамота эта писана „на Прилуце за Днѣпромъ“, въ іюнѣ 6967 г.³⁾—Можетъ-ли относиться это свѣдѣніе въ Прилукѣ лѣвобережной и насколько оно достовѣрно?—Сохранилась грамота 1455 года Олелька Владиміровича (отца кн. Семена Олельковича), по которой этотъ князь отдаетъ своему боярину Олехну Сохновичу „огромныя пространства земли“ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, причемъ значительная часть этихъ земель находилась на лѣвой сторонѣ и принадлежала къ области Переяславской⁴⁾. Отсюда видно, что при Олелькѣ Владиміровичѣ въ составъ Кіевского княжества входила и область Переяславская; къ этой области могла принадлежать и лѣвобережная Прилука, которая по отношенію къ своему центру—Кіеву—находилась „за Днѣпромъ“. Сынъ кн. Олелька Семень могъ, слѣдовательно, писать свою грамоту въ этой Прилукѣ „за Днѣпромъ“, если только эта

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 239.

²⁾ Описывая Прилуку въ 1653 г. Навель Алепискій говоритъ между прочимъ, что «съ южной стороны этой крѣпости находится озеро, огромное, какъ море, въ которое впадаетъ много рѣкъ». (Перев. Муркоса, II, 83). Несомнѣнно, что за 500 лѣтъ передъ тѣмъ, это «озеро» представляло собою еще ббльшее «море»; подъ его защитю должно быть и возникла Прилука.

³⁾ Грамоты вел. князей Литовскихъ, изд. Вл. Антоновича и К. Козловскаго (Кіевъ, 1868), стр. 20.

⁴⁾ Очерки Переяславской Старини, А. Вл. Стороженка. (Кіевъ, 1900) стр. 73.

Прилука была уже отновлена къ полов. XV в.—Фактъ-же таково отновленія „заднѣпровской“ Прилуки въ это время—исторически былъ возможенъ. Такъ можно полагать потому что при спорахъ Москвы съ Польшею въ полов. XVII в. о „Путивльскомъ рубежѣ“, поляками были представлены „привилія короля Казимира (1447—1492) на волость Роменскую и—короля Александра (1492—1506 г.), на волость Торговицу ¹⁾. Несомнѣнно, что какое-нибудь населеніе въ этихъ волостяхъ тогда уже существовало, а по близости Ромна и Торговицы ²⁾ къ Прилукѣ можно думать, что въ полов. XV в. могла уже отновляться и Прилука. Въ то-же время мы знаемъ, что существовавшая въ концѣ XV в. Торговицкая волость черезъ сто лѣтъ уже—„лежала впускѣ“, будучи вѣроятно разорена при нашествіи Менгли-Гирея въ самомъ концѣ XVI в. Тогда-же могла еще разъ запустѣть и Прилука, потому что изъ грамоты Стефана Баторія 1578 г. Байбузѣ на „пустыню—рѣку Удай“ (с. 2) видно, что никакого города въ это время тутъ не было. Вновь возникла Прилука, повидимому, послѣ того какъ „пустыня“ рѣки Удая перешла отъ Байбузы въ Вишневецкімъ. Ставъ хозяевами Посульщины и Поудайщины, Вишневецкіе повели здѣсь усиленную колонизацію и уже въ в. XVI в. даны были ими грамоты на магдебургское право городамъ Лубнамъ и Пирятину. Тогда-же возникла и Прилука съ окружающими селами. Документъ полов. XVII в. говоритъ, что всѣ эти „осады“ возникли „za czasu impostorów“ (с. 3, прим. 2). Случилось, что уже въ первые годы своего отновленія Прилука была разорена войсками Бориса Годунова. На это разореніе указывали польскіе послы московскимъ боярамъ въ 1608 г., упрекая послѣднихъ за разныя неправды ихъ правительства. Обвиняя Бориса за то, что тотъ уклонялся отъ исполненія договора о проведеніи „рубежа“ „промежъ Остра и Чернигова“, поляки говорили, что Борисъ не только не выслалъ своихъ „судей“ для проведенія „рубежа“, но „послалъ воеводъ своихъ съ Чернигова и Путивля, съ вой-

¹⁾ См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 238.

²⁾ Дворцов. Разряды, II, 899.

скомъ, съ пушками и съ иными нарядами, военнымъ обычаемъ, которые городъ и мѣсто князей Вишневецкихъ Прилуки, въ которомъ было *большъ шести сотъ домовъ осады*, збурили и сожгли, людей многихъ мужскоѣ и женскоѣ плоти, на остатокъ и дѣтокъ на смерть побили и помордовали, и много крови христіанской пролили, а иншихъ живыхъ непріятельскимъ обычаемъ въ полонъ побрали...“ 1) Разореніе это должно относиться къ 1604 г. 2) Въ свѣдѣніи польскихъ послдовъ о томъ, что въ Прилукѣ въ то время было болѣе 600 домовъ можно сильно сомнѣваться, если только поляки при этомъ не имѣли въ виду и околныхъ Прилуцкихъ селъ, которыя должны были пострадать вмѣстѣ съ своимъ городомъ.

1) Акты Зап. Россіи, IV, 36. Объ этомъ-же разореніи Прилуки встрѣчается свѣдѣніе и у Когновницкаго (*Życia Sapięhów*, Варшава, 1791, т. III, стр. 154), который разсказывая о недовольствѣ поляковъ на Шуйскаго, говоритъ: «*można mówić że kniazia Szuyskiego tak okrutny z polakami postępek delikatnosc Sapięhy bardziej obraził, niż prywatna xiązat Wisniowieckich na majątku i dobrach ich skoda im uczynił niedawno Boris Hodunow przez zburzenie i splondrowanie Przyluki zamku*».

2) Петрушевичъ въ своей *Сводной Галицко-Русской лѣтописи* (Львовъ. 1874), говоритъ, что «въ 1604 г. козаки подъ наказн. гетман. Иваномъ Заруцкимъ соединились съ поляками и помогали Лжедмитрію, и что въ этомъ же году великорусскія войска разорили Прилуку». (стр. 405). Источникъ этого свѣдѣнія не указанъ, но именно въ 1604 г. въ Посульи, около Лубенъ и Прилуки, происходило сильное народное движеніе, вызванное появленіемъ Лжедмитрія, которое, и могло привлечь сюда московское войско. Объ этомъ народномъ движеніи находимъ свѣдѣніе у Гиршберга, который на основаніи письма Януша Острожскаго, писаннаго въ февралѣ 1604 г., говоритъ: «*Tym czasem i w polskiej Ukrainie czyniono przygotowania do podięcia walki z Borysem. W wielu stronach zbierały sie oddziały zbrojnych z niemałym utrapieniem mieszkańców tamtejszych. Oddziały te już w styczniu r. 1604 zgromadziły się w Lubnach, miasteczku księcia Michała Wiśniowieckiego, a z początkiem marca t. r. miały wtargnąć w granice moskiewskie*». («*Dymitr Samozwaniec*», стр. 26).

Засимъ, въ актѣ 1617 г. находимъ указаніе, что въ это время существовали двѣ Прилуки: *старая* и *новая*. Слѣдуетъ думать что здѣсь *старою Прилукою* называется „городокъ“ или „зѣмокъ“, съ его населеніемъ, а *новою*—поселеніе возникшее внѣ замка, на „фольваркахъ“ 1). Въ 1628 г. въ обѣихъ этихъ Прилукахъ считалось 40 „дымовъ“ и одинъ священникъ. 2) Въ 1636 г. Іеремія Вишневецкій выдалъ Прилукѣ свой „листь“, разрѣшавшій устроить цехъ, „*ръзничій*“ 3). Это обстоятельство указываетъ, что Прилукѣ въ это время уже присваивалось значеніе известнаго центра, о развитіи котораго и заботился Вишневецкій. А послѣ того какъ послѣдній совсѣмъ переселился на лѣвый берегъ, Прилука становится однимъ изъ замѣтныхъ здѣсь городовъ, потому что Вишневецкій устроилъ въ немъ одинъ изъ своихъ украинскихъ замковъ, который подъ конецъ своего пребыванія въ *Заднѣпріи*, какъ будто даже предпочиталъ своей здѣшней столицѣ—Лубнамъ. Изъ дневника Машкевича видно, что Вишневецкій въ 1648 г. напр., почти, безвыѣздно жилъ въ Прилукѣ; 4) жилъ онъ здѣсь, занимаясь постройкою великолѣпнаго дворца, вѣроятно рассчитывая совсѣмъ переселиться изъ Лубенъ въ Прилуку, причемъ Прилука могла быть предпочтена Лубнамъ, по большей своей защитности, какъ укрѣпленнаго мѣста. Однако жъ Вишневецкій не успѣлъ окончить своего Прилуцкаго дворца; помѣшало ему въ этомъ народное возстаніе въ Малороссіи. Живя въ Прилукѣ, Вишневецкій услышалъ въ февралѣ 1648 г. о „какомъ-то“ Хмельницкомъ; здѣсь онъ находился и въ маѣ, того же года, когда народъ взволновался уже по всему *Заднѣпрію* и когда о Вишневецкомъ „доложили“ пограничному русскому воеводѣ, что онъ находится „въ Прилукахъ, въ монастырищѣ, въ окопѣ...“ 5) Изъ этого упоминанія объ „окопѣ“ и о какомъ то

1) Ср. *Старые и Новые Лубны*, о которыхъ говоритъ актъ 1618 г. Чтен. въ Общ. Нестора, XI, отд. 2, стр. 70.

2) *Źródła Dziejowe*, XXI, 295, 598.

3) См. ниже, о цехахъ.

4) *Zbiór pamiątn. histor. o dawniej Polsce, Niemcewicza*, изд. 1840 г., V, 64.

5) Акты Моск. Госуд. (Сиб. 1894), II, 220.

„монастырищѣ“ можно догадываться, что Вишневецкій въ Прилукѣ думалъ укрываться отъ возставшаго народа; но въ полов. мая, Вишневецкій уже уходилъ за Днѣпръ... 1)

Въ какомъ видѣ Вишневецкій оставилъ Прилуку, это видно изъ ея описанія, сдѣланнаго Павломъ Алеппскимъ въ 1653 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ ухода Вишневецкаго. Называя Прилуку „большимъ благоустроеннымъ городомъ,“ путешественникъ говоритъ: „цитадель (зámockъ) внутри этого города удивительна по своей вышинѣ, укрѣпленіямъ, башнямъ и пушкамъ, по своей облицовкѣ и глубинѣ рва съ проточною водою... Къ цитадели ведутъ потаенные подземные ходы. Внутри нея находится величественный и очень высокій дворецъ, вверху и внизу удивительный по обширности, высотѣ, громадности бревенъ и полированныхъ внутри и снаружи досокъ, плотно приложенныхъ другъ къ другу, по огромнымъ, высокимъ печамъ, превышающимъ кипарисы. Дворецъ не достроенъ. Дата его написана на верху горбообразной его крыши—1647 годъ. Этотъ дворецъ принадлежалъ Вишневецкому...“ 2) И по этому описанію можно полагать, что Вишневецкій думалъ сдѣлать Прилуку своей резиденціей, взамѣнъ Лубенъ.—Описывая Прилуку, Павелъ Ал—ій нислова не говоритъ ни о какомъ въ ней монастырѣ; а между тѣмъ Кулишъ, рассказывая—въ своей книгѣ „Отпаденіе“—о пребываніи Вишневецкаго въ лѣвобережной Украинѣ, говоритъ между прочимъ, что Іеремія устроилъ костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и „другихъ городахъ,“ а въ Прилукѣ де былъ устроенъ имъ и доминиканскій м—ръ. То-же самое—объ этихъ костелахъ и о м—рѣ въ Прилукѣ—говоритъ и Костомаровъ въ своей книгѣ „Б. Хмельницкій.“ Въ другомъ мѣстѣ мы объяснили ошибочность этихъ свѣдѣній относительно существованія въ Вишневецчинѣ нѣсколькихъ костеловъ (которыхъ прежде всего—не для кою было здѣсь строить) и указали на невѣрность свѣдѣнія о Прилуцкомъ католическомъ м—рѣ, заимствованнаго изъ непровѣреннаго из-

1) См. Кіев. Стар. 1896 г., мартъ, 348.

2) Путешеств. Макарія, въ переводѣ Мурвоста, II, 83.

вѣстія Несѣдскаго (Herbarz Polski), который говоритъ о доминиканскомъ м—рѣ въ *Прилуку*, видимо разумѣлъ Прилуку правобережную. ¹⁾—Тѣмъ не менѣе, во время ухода Вишневецкаго изъ Прилуки, это былъ сравнительно уже большой городъ, заключавшій въ себѣ—800 домовъ, какъ объ этомъ сообщаетъ актъ того времени (см. с. 3). ²⁾ Поэтому, при раздѣленіи лѣвобережной Украины на полки, въ 1649 г., въ Прилуку и ея „фольваркахъ“ было образовано, повидимому, четыре полковыхъ сотни, какъ объ этомъ значится въ „Реестрахъ“ 1649 г. ³⁾. Затѣмъ Прилуку встрѣчаемъ въ числѣ тѣхъ лѣвобережныхъ городовъ и городковъ, которые приближенные Богдана Хмельницкаго выпросили себѣ у царя вслѣдъ за Переяславскимъ договоромъ о соединеніи. ⁴⁾ Особенно щедро надѣлена была въ этотъ моментъ семья Выговскихъ, т. е. самъ генер. писарь, его отецъ и братья. Эти лица, ходатайствуя у царя о надѣленіи ихъ маетностями, повидимому, не стѣснялись и—тѣмъ не менѣе—всѣ ихъ просьбы Московское правительство удовлетворяло, выдавая одну грамоту за другою. Напр., самому Ивану Выговскому, по его просьбѣ, даны были царскія грамоты на г. Остеръ „*съ селы*“, м. Козелець, м. Бобровицу и на г. Ромень „*съ селы и со всякими доходы и угоды, къ тому належачими.*“ Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ и самъ Выговскій не имѣлъ яснаго представленія о составѣ и величинѣ этихъ „маетностей“, а въ жалованной грамотѣ лишь повторялось то, что указывалось въ прошеніяхъ. Братъ генер. писаря Данило просилъ и получилъ грамоту на *гор. Прилуки* и мм. Барышполе, Барышевку, Во-

¹⁾ Кіевск. Старина 1896 г., мартъ, 337.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ (Podole, Wołyń, Ukraina, I, 42) указывается, что ок. полов. XVII в. въ Прилуку было 366 «господарей»; можно думать, что документъ, напечатанный Пршездѣдскимъ, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ свѣдѣніе найденное въ Стокгольмѣ. Въ 1654 г. въ Прилуку «приведено къ вѣрѣ», «рядовыхъ козаковъ и мѣщанъ» всего 1423 человека, при чемъ указываются конечно одни взрослые мужчины. (Акты Ю. З. Р., X, 294). Но въ числѣ этихъ лицъ несомнѣнно были и жители сосѣднихъ съ Прилукою поселеній.

³⁾ «Реестры», изд. Водавскаго, 304, 305 и 308.

⁴⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 255.

роньковъ и Басань... 1) Такимъ образомъ была выпрошена и Прилука. Но разумѣется, всѣ эти пожалованія ограничивались одною выдачею грамотъ: новые державцы такихъ обширныхъ и богатыхъ маетностей не только не осуществляли своихъ правъ, но въ большинствѣ, конечно, и не видѣли этихъ выпрошенныхъ маетностей... 2) Не попавъ въ державу Выговскаго, Прилука въ 1664 г. неожиданно попала подъ власть польскаго короля. — Рѣшивъ возвратитъ Польшѣ „Задвѣпріе,“ Янъ-Казиміръ, какъ извѣстно, предпринялъ въ 1664 г. сюда походъ, причемъ отрядъ козаковъ подъ началомъ Богуна былъ направленъ въ Переяславскій и Прилуцкій полки для занятія тамъ главныхъ центровъ. Самовидецъ рассказываетъ, что Богунъ, при этомъ безпрепятственно занималъ „города“ пока не встрѣтилъ перваго сопротивленія въ сотенномъ городѣ Монастырищѣ. Едва ли не здѣсь встрѣтилъ Богуна тогдашній Прилуцкій полковникъ Песоцкій (с. 8), о которомъ Самовидецъ замѣтилъ, что онъ „юже зданшися, з войскомъ лядскимъ былъ“. Можно думать, что Песоцкій сдался Богуну вмѣстѣ съ Монастырищемъ. Сказавъ о

1) Акты Ю. З. Р., X, 671—672.

2) Любопытное явленіе представляетъ эта мнимая раздача Московскимъ правительствомъ маетностей въ только что присоединенной области, еще почти невѣдомой и самому правительству. Какую цѣль имѣло это послѣднее, такъ щедро раздавая цѣлые города «съ селы» — людямъ, тоже еще почти невѣдомымъ этому самому Московскому правительству?—Можно думать, что правительство считало вопервыхъ, важнымъ—самый фактъ признанія за нимъ—со стороны просителей права на пожалованіе, а вовторыхъ, могло имѣть въ виду—привязать къ себѣ этихъ просителей... Еще любопытнѣе другой вопросъ: какую власть думали получить эти самые просители въ выпрошенныхъ маетностяхъ, состоявшихъ изъ цѣлыхъ городовъ?—Намъ кажется, что у Выговскихъ, напр., рисовалась при этомъ картина того самаго *державства* въ выпрошенныхъ маетностяхъ, каковымъ располагали только что вытѣсненные изъ этихъ маетностей польскіе паны... Значитъ, никакихъ демократическихъ идеаловъ у представителей только что освободившагося отъ польскаго ига народа не было и они готовы были наложить на этотъ народъ прежнее иго, замѣняя польскіе паны—собой

взятіи М—ща, Самовидецъ продолжаетъ: „и у Прилуцѣ юже отъ гетмана Тетерѣ залого стала и туды вся дорога ляхамъ была на Ичню, Нѣжинъ объѣзжаючи“. Это не совсѣмъ ясное извѣстіе можно такъ объяснить: пока Богунъ занималъ „городъ“—по дорогѣ отъ Днѣпра въ М—щу, Тетеря пошелъ другою дорогою (южнѣе) и достигнувъ Прилуки, занялъ городъ и оставилъ въ немъ „залогъ“ (гарнизонъ), чтобы обезпечить путь польскому войску съ юга на сѣверъ, (гдѣ находился въ это время король. ¹⁾ Во всякомъ случаѣ, такой большой городъ какъ Прилука—занять былъ польскимъ войскомъ безъ сопротивленія. Вѣроятно Прилуки некому было защищать послѣ того, какъ Песоцкій передался полякамъ. Любопытно, что при занятіи Прилуки Тетерею, послѣднему при этомъ очень помогли Густынскіе монахи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Яна-Казимира, данная тогда же монастырю. Въ ней мы читаемъ: „памятаючи на вѣрность и зичливість побожныхъ законниковъ м—ра Густынского, которій до освобожденія въ руки тиранской неволѣ мѣста нашего Прилука названого, великою помощію были, тутъ же стосуючися до суплѣки благородного гетмана (Тетери?) и цѣлого войска нашего Запорожского, до насъ за ними внесеной, охотно мы на то соизволили, абы мы ихъ при спокойной млиновѣ на рѣцѣ Удаи стоячихъ, отъ князей побожныхъ наданныхъ, поссессіи заховали, яко-жь и заховуемъ и зоставуемъ тимъ листомъ нашимъ, которіе то млини помянутіе побожніе законницы имючи, держать и заживать будутъ...“ Изъ содержанія этой грамоты можно заключать, что—при занятіи Прилуки Тетерею —Густынскіе монахи уговорили прилучанъ не сопротивляться...

Но Прилука скоро была и освобождена: неудачная осада Глухова Яномъ-Казиміромъ сразу уничтожила всѣ его успѣхи въ „Заднѣпріи“.

¹⁾ Ср. у Костомарова, «Руина», 23.

²⁾ Грамота Яна-Казимира сохранилась въ копіи при Румявц. Описи. Въ грамотѣ значится: «данъ въ обозѣ подъ Мѣною, м—ця генваря 10 дня. 1664 году». (О взятіи королемъ Мены въ январѣ 1664 г., см. Zbiór Pamiętnik. Bröel-Plater'a, IV, 136). Изъ Приве-

Мы назвали выше Прилуку большимъ городомъ, потому что такимъ онъ тогда считался среди городовъ южной Малороссіи:—при упоминаніи о ней въ 1668 г., современникъ говоритъ—„а городъ де Прилука болшой...“¹⁾ Но у этого большого города хозяйство было очень не большое.

Городское хозяйство. Почти всѣ города въ гетманщинѣ имѣли свои имѣнія, заключавшіяся въ земляхъ и водяныхъ мельницахъ. Кромѣ доходовъ съ недвижимыхъ имѣній, города получали доходы еще отъ „аренды“ (пока они не были уничтожены послѣ измѣны Мазепы), т. е. за откупъ торговли водкою и табакомъ, и отъ ярмарокъ. Но всѣ эти доходы, большею частью, шли на военныя нужды полка, вслѣдствіе чего распоряженіе ратушныхъ урядниковъ городскимъ хозяйствомъ находилось въ полной зависимости отъ полковой или сотенной старшины. Такъ было и въ Прилуцкѣ: всѣми городскими доходами почти всецѣло распоряжался полковникъ, а ратушнымъ урядникамъ (войту и бурмистрамъ) оставалось лишь слушаться его велѣній. Принадлежавшее Прилуцкѣ недвижимое имѣніе [заключалось въ Гнилицкой степи и въ правѣ на помоль („розмѣръ“) въ Смошешенской водяной мельницѣ. Право на „розмѣръ“ съ этой мельницы — отдано было Прилуцкой ратушѣ въ 1670 году гетманомъ Многогрѣшнымъ, по слѣдующему универсалу: „Респектуючи мы на великій ратуши Прилуцкое недостатокъ, который що разъ пріймаючи частіи наѣзды, скарбницу свою мѣскую мѣгетъ оскудну, теды мы оной вспоможене хотячи учинити, млинъ Мойсѣевъ Ювхименковъ зъ двома каменми мучными въ с. Смоши стоячій, надалисмо, позволяючи войтовѣ Прилуцкому всякій съ того млина припадаючій розмѣръ до скарбу ратушного мѣского, чрезъ своихъ на тое выставленныхъ вѣрныхъ людей, одбирати...“

Свѣдѣнія о пространствѣ Гнилицкой степи были собраны въ нач. втор. полов. XVIII в. и по этому разслѣдованію оказа-

---

девной грамоты видно, что Прилука занята была Тетерею въ самомъ нач. 1664 г.

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, VII, 17.

лось, что еще при Лазарѣ Горленѣ къ городу Прилукѣ причислялось огромное пространство степи между рчрч. Рудою и Переводомъ, и „степь тотъ былъ волній, и невозбранно было никому зъ обывателей Прилуцкихъ оного косити“, какъ показывали Прилуцкіе старожилы въ 1719 г.; но „за полковництва п. Носа, на этомъ степу загоны и копцы были починены и уже возбранно было всякому на немъ траву косити зъ тамошнихъ обывателей“. Ограничено было пользованіе городской степью, потому что уже и ко времени Носового полковничества много ея было захвачено разными лицами, преимущественно, разумѣется, власть имѣвшими. При повѣркѣ въ 1719 г. захватовъ изъ городской степи, оказалось, что они были сдѣланы слѣдующими лицами. Степанъ Тарновскій прихватилъ къ своему селу Маяджосовкѣ часть степи на томъ основаніи, что это село было „оскудно на поля и сѣножати“. 2. Носъ, будучи еще есауломъ, занялъ „загонъ степу.“ 3. Янъ Грекъ, будучи судьей, занялъ „мѣстце степу.“ 4. Степанъ Чернявскій, будучи полк. есауломъ, занялъ часть степи „для сѣнокошени“, „до котораго и за полковництва уже п. Носа, будучи ему собственнымъ, знатній злишокъ степу причинилъ.“ 5. Въ той степи „рагушная давняя сѣножатъ „еще повойнымъ п. родителемъ п. Федора Марковича, Прилуцкого сотника, занята. 6. Густынскіе монахи многіе „загоны“ степи заняли къ своему селу Поддубновкѣ. Но наибольшіе захваты изъ Прилуцкой степи были сдѣланы Обидовскимъ; во время бытности его Нѣжинскимъ полковникомъ, и—Галаганомъ; первый на захваченной степи устроилъ село *Побребы* а второй—*Гнилицу*. (См. ниже, села сотни полковой). Кромѣ этихъ захватовъ, урѣзки Прилуцкой степи продолжались и въ послѣдствіи. Къ половинѣ XVIII в. изъ Гнилицкой степи остались у города только двѣ „сѣножати“, „лежащія за Рудою“. „Первая мѣрою вдлину на 1 версту, а вширь на 480 саж., на которой сѣножати въ 752 году въ заготовленіи было сѣна, съ третивы ¹⁾ укошенного, скирдъ семь, въ

¹⁾ Т. е. въ пользу города поступила третья часть собраннаго сѣна, а двѣ трети его отданы восцамъ за ихъ трудъ.

коихъ было копенъ по 80, а въ 753 году, за неурожаемъ травы, шесть стожковъ, въ коихъ копенъ 200.“—„Другая сѣножать, мѣрою вдлину 1 верста и 380 саж., а вширь на 1 версту и 160 саж., на которой сѣножати обознымъ полков. Прилуцкимъ г. Федоромъ Галенковскимъ на полковую артиллерію сѣно ко-сится, а въ 753 году укошено на той сѣножати на полковую артиллерію скиртъ 30, въ которыхъ копенъ по сто, вокругъ по 15 сажн., да на заводные овцы одну скирту въ 100 коп., вокругъ сажн. въ 15, да на ратушъ укошено для расходовъ сѣна чотири стожки, въ коихъ коп. по 50, а вокругъ по 7½ сажн.“. „Сверхъ тѣхъ сѣножатей, по вышеозначеннымъ крѣпостямъ, съ принадлежащего до ратуши городской Прилуцкой степу, близъ хутора Кривенковского лежачого, мѣрою вдлину—верстъ 3 и 300 сажн. а вширь 400 саж., на которомъ въ прошлыхъ годахъ десятинного хлѣба бываетъ въ лѣто до 60 копъ, а сѣна съ третины по 7-ми стожковъ, а въ 753 г. за запущеніемъ на томъ степу толоки, хлѣба яко и сѣна въ приходѣ немало нѣту.“ „Да кромѣ того степу до владѣнія ратуши Прилуцкой принадлежащего, особливо бунч. товар. Яковъ Жураковскій немалую часть Гнилицкого степу, по крѣпостямъ общаго Прилуцкимъ обывателямъ принадлежащего, завладѣлъ, о томъ въ судѣ в. генеральномъ и дѣло съ онымъ Жураковскимъ имѣется“.

Принадлежала Прилуцкой ратушѣ еще комора на ринку Прилуцкомъ“, т. е. лавка на городской площади. Объ этой лавкѣ въ 1754 г. говорилось, что она прежде занималась по 10 р. въ годъ, а потомъ, по отсутствію нанимателей,—по 6 р.

Доходы города отъ „арендъ“ были неопредѣлены. Самый порядокъ ихъ поступленія былъ разнообразенъ, смотря потому—отдавалась ли торговля водкою и табакомъ на откупъ одному лицу или же она предоставлялась всѣмъ жителямъ города. 1)

1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о порядкѣ поступленія «арендныхъ прибылей» какъ въ войсковой скарбъ, такъ и въ городскую «скарбницу», можно видѣть изъ универсала Мазеи 1698 г., въ которомъ говорится, что въ 1697 г. состоялось постановленіе старшахъ и мень-

Въ какомъ количествѣ получалъ городъ „арендовыя прибыли“ до полковничества Дм. Горленка—не извѣстно, но затѣмъ свѣдѣнія объ этомъ доходѣ имѣются, и изъ нихъ видно, что „до скарбцу полкового“ поступало отъ „аренды“ въ годъ ок. ста руб. лей. Впрочемъ доходомъ этимъ Дм. Горленко распорядился самовластно и куда онъ шелъ—Прилучане не знали, но подозрѣвали, что чуть-ли не весь этотъ доходъ присвоивался полковникомъ.¹⁾

Вообще городское хозяйство Прилуки находилось, какъ видно, въ печальномъ положеніи, и уже при Скоропадскомъ

шыхъ войсковыхъ обывателей малороссійскихъ, «абы аренды всюду по городахъ и городкахъ не поедьковымъ особамъ були запродаваны, але всюди всѣми обще жителями були содержаны, такъ и теперь тое постановлене заховуемъ. Прето и на сей рокъ 1698, отъ дня 12 іюня пренодобного Онуфрія починаючи, а въ пришломъ 1699 о томъ-же часѣ кончитися маючий, позволяемъ п. сотнику Прилуцкому, атаманови съ товариствомъ и войтови тамошнему съ посольствомъ, горилчаный и тютюнный шинкъ имѣти въ зуполномъ завѣдованю ко лучшей своей выгодѣ и общему мѣскому пожиткови, при которомъ то обняту аренды и отобраню интерцизиі, мають оныя и повинны будутъ належитую до скарбу войсковую сумму 1500 золотыхъ отдаты, безъ жадной отволоки. А докладаетъ тое, абы волно було кождому, якъ съ козаковъ, такъ и съ посполитыхъ людей на хрестины и на веселле любо викуриты соби кадку едну и другу горѣлки, любъ купиты собѣ на сторонѣ, хто похочеть 100 кварта або 50, тилько бѣ не меншь, яка кунля гуртовой горѣлки маеть бути за вѣдомомъ сотника, атамана и войта, альбо тихъ людей, которые съ полѣцення мѣского арендою завѣдовати будутъ. А если хто съ козаковъ или посполитыхъ людей 100 альбо 50 кварта горѣлки купити не похочеть, а схочеть на меньшомъ частованю перестати, то повиненъ купити оную въ аренди; лечъ на таіи оказіи маеть имъ продаванн бути горѣлки кварта дешешою цѣною. Варуемъ однакъ тое, абы старшина не важилась горѣлокъ своихъ давати въ арендовіе шинки дорожшею цѣною... А медомъ, пивомъ и брагою вольно всѣмъ, якъ козакамъ, такъ и посполитимъ людямъ, шинковать.» *Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.*

¹⁾ Ниже, въ приложеніи къ описанію г. Прилуки, мы приводимъ любопытное «вѣдѣніе» о томъ, какіе расходы долженъ былъ нести городъ на военные нужды полка и какъ эти расходы прозводились.

городъ затруднялся удовлетворять самыя настоятельныя общественныя нужды. Особенно потерпѣло городское хозяйство послѣ раздачи при Апостолахъ такъ назыв. свободныхъ сель высшей старшинѣ на уряды. Печальную картину своихъ нуждъ „мѣскій Прилуцкій урядъ“ представлялъ гетману Апостолу, въ 1730 г., въ слѣдующемъ видѣ:—„Городъ нашъ Прилука, яко посередь Украины найдуючийся, перехрестные имѣеть въ себе шляхи, и въ вистаченю и отбуваню повинностей и подводъ—не малые дознаеть трудности, которыхъ когда самыя тяглыя люде, до ратуша Прилуцкого належныя, отбувать весьма не зволили (не здолити?), то о томъ покойному гетману Скоропадскому суппиковали, просячи милости; и онъ... повелѣвъ, дабы паны державцѣ духовного и свѣцкаго стану въ одбуваню въ городѣ нашомъ Прилуди уставичной почты въ помощь давать подводъ не забороняли, и тое двома унѣверсалами ствердивъ, зкѣи и нынѣ у себе имѣемъ. А теперъ не токмо державскіе села жадного помоществованія городу Прилуцѣ въ томъ не чинятъ, но и люде до ратуша Прилуцкого принадлежащіе, въ селахъ сотнѣ полковой Прилуцкой жителство свое имѣючіе, одъ оной ратуши вси zostали одобраны, которые будучи при ратушѣ, тие совокупне съ городомъ Прилукою одбували повинности. *Primo.* Сторожу зимнего и лѣтнего времени подлѣ вартигарни, где со всего полку Прилуцкого не малое число вязнювъ (арестантовъ) содержится, и сторожу плечовую для обереженія полкового города Прилуки, на що всѣхъ сторожей выходитъ челоуѣка до тридцати. *Secundo.* Сѣно косятъ для коней артилеріи полковой, якіе въ Прилуцѣ зимуются, для коней почтовыхъ въ Прилуцѣ содержачихся и для прѣвжающихъ въ Прилуку всякихъ персонъ. *Tertio.* Почту уставичную въ городи Прилуди коней по-десять отбувають. *Quarto.* Дрова куплею или изъ своихъ лѣсовъ вистачають до ратуша Прилуцкого, где одправуются со всего полку судебные дѣла и наизди многіе бувають, тако-жъ и для прѣзду знатныхъ персонъ оные дрова на квартири выдаются. *Quinto.* Поборъ вистачають городовий, который взимався до ратуша для разныхъ расходовъ, а именно до полковыхъ дѣлъ и до ратуша покупали було: папиръ, смолка, воскъ, мивія, олива, кгаласъ и другіе потребности, а нинѣ оный по-

боръ взимается до скарбу войскового и вишеписанныхъ рѣчей, безъ которыхъ въ направленно дѣлъ обійтись весьма невозможно, покупать теперь не за-що. *Sixto*. И надѣ тие вишепоказанние повинности вновъ еще начали одбывать съ 1726 году почты въ Кіевскомъ полку, въ сели Броварахъ, на которую по очереди въ годъ два разы по 14 копей вистачають“. 1) Въ заключеніе Прилучане просили гетмана указать—откуда имъ можно получить помощь въ отбываніи повинностей, такъ какъ безъ этой помощи—городъ прійдетъ „въ крайнее разореніе и опустѣніе.“

Почти то-же самое и тогда-же—писала гетману и полковая Прилуцкая старшина.—„Понеже ихъ мил. паномъ старшинѣ войск. енеральной роздани въ полку Прилуцкомъ, на ранги ихъ, маетности свободніе войсковіе.. а бывало съ тихъ свободныхъ маетностей посполитіе люде зъ мѣскими (городскими) людьми, по указу вашомъ рейментарскомъ, почту въ полку Прилуцкомъ, такожъ и Кіевскомъ, въ с. Броварахъ, отбываютъ, подводы для всякихъ ѣздаковъ выдають, сѣно для войсковыхъ арматскихъ и почтовыхъ мѣскихъ коней, такожъ для переѣздовъ, косятъ и возятъ, сторожу плечовую и около колодниковъ отиравають, и бывало передъ симъ на служителей войсковыхъ и мѣскихъ денежную и хлѣбную выдають належитость... И еже ли, ясневелм. добродію, помянутіе тяжести самимъ городомъ Прилукою прійдется отбывати, то мѣскіе люди (т. е. жители Прилуки) произойдутъ въ крайнее разореніе и куди видя розійдутся...“ 2)

Когда одно изъ „свободныхъ“ селъ—Смошь отдано было Лысенку, то послѣдній вмѣстѣ съ селомъ завладѣлъ и тою водяною мельницею, съ которой помолъ опредѣленъ былъ по особымъ гетманскимъ универсаломъ—Прилуцкой ратушѣ. Поэтому поводу Прилуцкій войтъ писалъ въ 1732 г. Апостолу, что когда с. Смошь отошло отъ ратуши и отдано ген. есаулу Лысенку, то послѣдній завладѣлъ и розмѣровымъ хлѣбомъ съ мельницъ на р. Смоши, принадлежавшихъ ратушѣ; а между тѣмъ, этотъ хлѣбъ былъ необходимъ для удовлетворенія

1) Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.

2) Арх. генер. канц., по Черниг. описи № 5001.

многихъ городскихъ расходовъ, при чемъ войтъ приводитъ примѣры: „Когда артиллерія полковая Прилуцкая идетъ въ войско, то такъ для служителей артиллерійскихъ, яко и для музыки войсковой—всякій харчевой выдается запасъ; ¹⁾ а продавши того борошна (т. е. ржаной муки) покупаются подъ оной запасъ—возы, колеса въ зайвину (въ запасъ), желѣзо, деготь и прочіе до армать, палубовъ и воевъ потребности.—Когда кто съ знатныхъ персонъ великороссійскихъ въ городъ пріѣдетъ, то надлежитъ достойную отдати честь и чимъ колвекъ поклонится, що такожь продавши борошна, покупается; а безъ того, якъ усѣмъ вѣдомо есть, обийтиса весма въ полковомъ городѣ невозможно. Папѣръ, воскъ, олива, сургучъ и вгальясь до полковыхъ дѣль, яко и на ратушние всякіе расходи, покупается, свѣчки для судовихъ дѣль и до ратуша покупаются, писаровъ мѣскому и подпискамъ ратушнимъ на кормъ по умовѣ (по договору) дается съ тихъ-же млиновъ борошна; слугамъ ратушнимъ, якіи неисходно при ратушу живутъ, безъ которихъ ратушу обийтиса невозможно, въ онихъ же млиновъ выдается борошно и прочіе мѣскіе чинятся расходи, продавши того-жь борошна.“ ²⁾

Безправно захваченная Лысенкомъ Смошенская мельница была ратушѣ возвращена, но въ 1754 г. Прилуцкій войтъ снова жаловался, уже гетману Разумовскому, что „съ 1 сентября 1749 г. ихъ высокородія гг. бунчук. товарищи Діонисій и Герасимъ Демьяновичи означенною мельницею ратушѣ владѣтъ; невѣдомо почему, не допускають“. Эту жалобу Прилуцкой ратуши Разумовскому трудно было удовлетворить, такъ какъ Денисъ и Герасимъ Демяновичи были родные дядья гетмана, братья его матери... На этотъ разъ Смошенская мельница была отобрана отъ ратуши уже навсегда.

¹⁾ Сообщаемъ при этомъ, кстати, свѣдѣніе о составѣ Прилуцкой полковой артиллеріи въ 1736 г. «Асаулъ полковій—1, хоружій полков.—1, пушкаровъ—2, армашовъ—4, коваль—1, пушекъ—2, лошадей—9, воевъ—1, палубовъ—1, крейцаровъ (пыжовниковъ)—2, шуфлей—2, пуль—199, картечей—5, трубачей—4, литаврицкы—1, пороху—8 п. 38 ф.» (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

²⁾ Оттуда-же, гдѣ бумаги эти находятся въ кошіяхъ.

Приведенныя свѣдѣнія о Прилуцкомъ ратушномъ хозяйствѣ даютъ основаніе заключить, что общіе непорядки въ гетманской администраціи—подрывали и городское хозяйство.

Прилуцкіе войты. Нѣтъ сомнѣнія, что ратушное управленіе въ Прилукѣ существовало уже и при Вишневедкомъ, потому что Прилука и тогда уже была *городомъ*. Послѣ устройства полковаго управленія въ Малороссіи, ратушное управленіе продолжало существовать на прежнемъ основаніи. Всѣ акты, требовавшіе публичности, писались въ ратушѣ, предъ ратушными урядниками, и записывались въ ратушныя книги. Напр., актъ 1658 г. (объ уступкѣ недвижимаго имѣнія) надписывается такимъ образомъ: „Передъ нами Хвескомъ Загуменнымъ, войтомъ Прилуцкимъ, а Гришкомъ Кориѣнкомъ и Куриломъ Демьяненкомъ, бурмистрами Прилуцкими, *при бытности на тотъ часъ въ ратуши нашей Прилуцкой п. Малоша Вовченка, атамана городского Прилуцкого*. Ставши очевисте Данило Сороченко“ и т. д. На актѣ значится, что онъ представляетъ собою „выпись съ книгъ мѣскихъ Прилуцкихъ“ и что эту выпись „кориговаль съ книгами Юрей Кречковскій писарь мѣскій Прилуцкій“. Черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого, публичныя акты совершаются уже предъ полковымъ урядомъ, при чемъ урядъ ратушный при этомъ тоже присутствуетъ, но остается уже на второмъ планѣ; напр., актъ 1671 г. (о продажѣ недвижимости) надписывается уже такъ: „Передо мною Семеномъ Третьякомъ, полковникомъ в. е. у. пр. в. Запор. Прилуцкимъ, при бытности Лазара Горленка, судьи полку Прилуцкого, Ивана Носа, атамана городского Прил., *Костъ Ничипоровича, войта Прилуцкого, Савки Носуль и Андрѣя Корнѣенка, бурмистровъ*, ставши очевисте Тимошъ Шкуратовичъ“ и т. д. Актъ пишется тѣмъ-же мѣскимъ писаремъ, но уже, повидимому, безъ записка его въ книги: „за вѣдомостю и позволеннемъ вишесменованныхъ п.п. старшихъ писалемъ сее писмо Юрей Кречковскій, писарь мѣскій Прилуцкій.“ Такимъ образомъ ратушный урядъ долженъ былъ уступить полковой старшинѣ первое мѣсто даже въ тѣхъ дѣлахъ, которыя и по давнему обычаю подлежали вѣдѣнію ратуши. Полковники не только что отгѣснили войтовъ на залвій пляжъ, но и

вполнѣ подчинили ихъ своей власти. Такимъ образомъ войты потеряли всякое значеніе. Слѣдуетъ думать, что поэтому ни одинъ изъ Прилуцкихъ войтовъ и не выдвинулся на столько, чтобы оставить хоть какой нибудь слѣдъ своей общественной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, мы приводимъ здѣсь списокъ Прилуцкихъ войтовъ, который можетъ указывать хотя продолжительность ихъ службы.

Фесько Загуменный, 1654, 1658. Костя Ничипоровичъ, 1663, 1663, 1671. Леско Кирпичъ, 1676, 1684, 1688. Григорій Огроновичъ (изъ бурмистровъ), 1685, 1687. Давыдъ Давыдовичъ, 1699, 1701. Савва Ивановичъ 1706. Тимофей Васильевичъ, 1709—1711. Федоръ Сененко, 1714—1716 ¹⁾. Евстафій Мойсеевичъ, 1717, 1719. Федоръ Малка (изъ бурмистровъ), 1720—1724. Леонтій Васильевичъ, 1729—1738, 1742. Савва Мойсеевъ, 1740. Евстафій Капля, 1746. Евстафій Евстафиевичъ Соломаха, 1747—1754. Андрей Гуленко, ок. 1760.

Изъ этого ряда войтовъ выдѣляется лишь одинъ Гуленко; о немъ будетъ говорено ниже, при перечисленіи полковыхъ сотниковъ.

Прилуцкіе цехи. Цеховому устройству Прилуцкихъ ремесленниковъ начало положилъ Іеремія Вишневскій, выдавъ въ 1636 г. рѣзницкому цеху слѣдующій „листъ“: „По прошенію мѣщанъ, подданныхъ моихъ Прилуцкихъ цеху резничого, позволилемъ имъ цехъ свой особливій имѣть, а для лучшого въ томъ цеху ихъ порядку, мають себѣ цехмейстера, челоувѣка доброго и честного избрать, который началство обыкновеніемъ иныхъ мѣстъ въ томъ ихъ цеху имѣть будетъ. А рѣзники всѣ тамъ въ мѣстѣ (городѣ), яко и фѣторахъ до единого цеху належаты будутъ; зъ другихъ-же маетностей, которіе до Прилуки не належаты, егда рѣзникъ який зъ рѣзництвомъ для торгу пріѣдетъ, маеть тотъ объявитись цехмистрови подъ виною на зѣмокъ троухъ кошъ литовскихъ, а до скрияки ихъ подъ половиною той вины, такъ якъ и въ прочихъ мѣстахъ моихъ, т. е. въ Лубнахъ. Позволяю имъ каноновъ два на рокъ виситись, единъ на

¹⁾ Въ 1736 г. Сененко былъ значк. товарщцемъ.

Божіе рождество, а другій на святую Покрову, по двѣ кадѣ; а они тую повинность на замокъ отдавать будутъ, якъ и въ другихъ моихъ мѣстахъ. Которій то листъ для крѣпости и вѣры лутшой, рукою моею власною подписалемъ и печать мою пригнати повелѣлъ. Данъ въ Прилуцкѣ, дня 21 дек. 1636 года¹⁾

О другихъ Прилуцкихъ цехахъ сохранились слѣдующіе „листы“ Прилуцкихъ цолковниковъ, данные ими цехахъ: 1) *рѣзничному*, Дмитрія Горленка, 1694 г., и Игн. Галагана, 1718 г.; 2) *музычному*, Лазаря Горленка, 1686 г., Ивана Стороженка, 1687 г. (10-го дек.), Дмитрія Горленка, 1692 г., и Ивана Носа, 1709 г.; 3) *кравецкому*, Ив. Носа, 1709 г. и Игн. Галагана, 1715 г., и 4) *калачничному*, Игн. Галагана, 1719 г.

Въ „листѣ“ рѣзничному цеху Дмитрія Горленка, сравнительно съ листомъ Вишневецкаго, добавлено, что члены цеха должны отдавать выбранному ими цехмистру—„послушенство, которій бы ихъ за выступки цеховіе и поточніе, опрочъ кривавихъ и крѣминалнихъ, зъ братією своею засѣвши, могъ судити“... Кромѣ того, указывается, что члены цеха должны быть „вольными“ отъ „стацій и датковъ войсковыхъ“. „Листъ“ Галагана почти повторяетъ „листъ“ Горленка.

Въ листѣ Лаз. Горленка *музычному цеху*, читаемъ: „якъ запрежде бывшихъ автецессоровъ нашихъ такое постановлене ухвалено, же кто колвекъ игрою музицкою бавячися, пожитокъ себѣ мѣтетъ, таковій всякій во всемъ полку нашемъ мешкаючій, аби подъ протекцією братства, отъ нихъ самихъ въ городѣ нашомъ Прилуце заведенного, при отдаванню постановленной належаности до скринки братерской знайдовался, а то такъ не толко для лутчого порядку въ онихъ сированню, лечъ, аби ку хвалѣ Божой свѣча, якую они зъ своихъ доходовъ и складки установленной три рази на рокъ, въ обохъ церквахъ божеественныхъ, зобикли становити, не уставала. Якого то прежде

¹⁾ Съ копій, прилож. къ Румянц. Описи и списанной, повидимому, съ подлинника, такъ какъ на копій при обозначеніи мѣста печати замѣчено: «на которой вкругъ выгнано латинскимъ языкомъ такъ: Иеремѣй Михаиль Корибугъ гетманъ Вишневецке». Судя по языку копій, подлинникъ писанъ по-польски.

ухваленного постановлена и мы не нарушаючи, симъ нашимъ ствержаємъ писанемъ, пилно мѣии хотячи, аби всякій музика во всемъ полку нашомъ, любь осѣдлій, любь вандровній, музичтвомъ бавячийся здавна, звичайно доходу пягничного(?) и веселного и ярмаркового до скринки братства Прилуцкого не зборолся (не зборонялся?) и отнюдь не билъ спречнимъ давати"... Три „листа“ другихъ полковниковъ тому-же цеху заключають въ себѣ повтореніе Горленкового „листа“.

Въ „листѣ“ Дм. Горленка *кравецкому цеху* читаемъ: „вѣдому чинимъ симъ унѣверсаломъ, ижъ суплѣвоваль до насъ цехмистръ кравецкій зъ братією своєю, по килккратне прекладаючи то, же онимъ великая въ томъ дѣется долегливость, що не тилко барву (одежду) на войско пѣхотное, по указу ясновельможного добродѣя его мил. п. гетмана, щорочне шіють и до двору нашего полковничого всякую кравецкую на челядь работизну всегда отправують, але надъ то, надъ звичай давній и ихъ волности, до стаціи роковой гетманской и нашей подводъ и иншихъ людямъ посиолитимъ обиклой тяглости, онихъ притягають и примушають, и просили у насъ такового респекту, аби одъ того що надъ давній звичай на нихъ вимагається, цехъ ихъ былъ волнимъ. Мы прето давши мѣстце такъ слушному прошенію ихъ, а респектуючи на то, ижъ они издавна и теперь на войско пѣхотное, по указу ясн. велм. добр. его мил. п. гетмана, щорочне барву робять безъ жадной нагороды и отъ двора нашего полковничого, яко и за антецесоровъ нашихъ прежде бывшихъ п.п. полковниковъ, не меншая цеховъ ихъ работизною привлячаючихся на челядь потребъ дѣется докука и овшемъ и отъ наѣздовъ въ работѣ кравецкой и кушнерской частокротъ бынаеть имъ долегливость, уволинемъ всѣхъ здавна въ цеху кравецкомъ обрѣтаючихся людей въ городѣ Пилуцѣ и по селахъ, до полковой Прилуцкой прилеглихъ сотнѣ мешкаючихъ, отъ роковой зсыпаня стацѣи, такъ до двору ясн. велм. его мил. п. гетмана, яко и до нашего полковничого належачой, либо которий зъ братѣи ихъ воломъ однимъ албо и двома хлѣба пашеть и пахати будетъ, тактежъ уволинемъ отъ вожена подводъ притрафляючихся, кромѣ таковой навалной (чрезвычайной) потреби, подъ часъ которой и козаки одъ подводъ

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1900 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1900 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к. Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Тарасовская, № 15.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 по 8 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

Н О Я Б Р Ъ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1000

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. (<i>Продолженіе</i>). Ив. Ротара	189—217
II. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1862—1869). М. Ча- лаго	218—224
III. ИЗЪ ИСТОРИИ МАЛУРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (Ш). Вл. Каллаша	245—282
IV. ПЕРВАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛТАВСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ.	283—290
V. ПЕРЕСЕЛЬЦИ (ЗЪ ДОМУ И ДО-ДОМУ). Оповидання. Грыцька Грыгоренка	291—325
VI. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ И О ЗАДАЧАХЪ ЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ. Е. Кузьмина	326—332

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Кому въ дѣй- ствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи со- словности духовенства въ юго-западномъ краѣ? б) Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому; в) Мелочи изъ архи- вовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ ; г) Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вириши; д) Письмо въ ре- дакцію. Н. В. Стороженка	69—77
Тенуція извѣстія	78—82
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Записки Наукового Товариства імени Шевченка т. т. XXXIII и XXXIV. В. Д ; б) Петръ Гиль- теб авдтъ (Рязанскій): Гедеонъ Балабанъ и его тѣи книги. И. Каманина ; в) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Н. Ш ; г) Краткій историческій очеркъ Кіевской губенской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. Н. М ; д) Обзорніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	83—122
Археологическая лѣтопись	123—136
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго . Листы 7 и 8-й.	97—128

„Кіевская Старина“,

Ежемѣсячный Историческій журналъ.

въ 1901-мъ году

(20-й годъ изданія)

будеть по прежнему посвященъ разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три основныя отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, въ каждой книжкѣ будутъ печататься *археологическая летопись* и *приложенія*, въ которыя войдутъ: а) научныя матеріалы, б) по мѣрѣ надобности — рисунка. Каждая книга журнала будетъ давать статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равнымъ образомъ — цѣнные матеріалы, касающіеся той-же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также по возможности полныя библиографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи и Галицкой Руси.

Объемъ каждой книжки журнала *не менѣе 12 печатныхъ листовъ*.

Въ 1900 году, въ №№ 1—11, на страницахъ „Кіевской Старины“ были помѣщены слѣдующія изслѣдованія, статьи и беллетристическія произведенія:

1) *Ор. Левицкій*. Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ 16 и 17 ст.

2) *П. Житецкій*. Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея.

3) *В. Милорадовичъ*. Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

4) *Ею-же*. Лѣсная Лубенщина.

5) *Н. Молчановскій*. Донесеніе Венеціанца Альберто Винина о козакахъ и Богданѣ Хмельницкомъ.

6) *В. Науменко*. Рѣшенъ-ли проф. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

7) *К. Оберучевъ*. Къ біографіи Т. Г. Шевченка (пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи).

8) *В. Беренштамъ*. Т. Г. Шевченко и простолюдины, его знакомцы. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній).

9) *М. Комаровъ*. Къ біографіи А. П. Стороженка.

10) *В. Антоновичъ*. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ.

11) *П. Гавриловъ*. Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти 17 вѣка.

12) *М. Чалый*. Вторая Кіевская Гимназія.

13) *Ею-же*. Бѣлоцерковская Гимназія.

14) *И. Лучицкій*. По поводу одного научнаго открытія.

15) *Н. Бѣляшевскій*. Къ археологическому сѣзду въ Харьковѣ.

16) *В. Каллашъ*. Къ исторіи малорусской литературы 20 хъ и 30-хъ годовъ 19 го вѣка.

17) *В. Храневичъ*. Выборное начало въ средѣ волынскаго духовенства въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка.

18) *А. Лотоцкій*. Памяти протоіеря В. Я. Гречулевича.

19) *С. Яремичъ*. Памятники искусства 16 и 17 ст. въ Кіево-Печерской Лаврѣ (двѣ статьи).

20) Записки прот. П. Г. Лебединцева о козацинѣ 1855 года.

21) Воспоминанія прот. *Андрея Лебединцева*.

22) *К. Харламовичъ*. Новая бібліографическая находка.

23) *Ө. Волковъ*. По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа.

24) *Н. И. Стороженко*. Новые материалы для біографіи Шевченка.

25) *П. Борзаковскій*. Въ началѣ реформы бурсы (изъ воспоминаній).

26) *И. Ротаръ*. Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель 17 вѣка.

27) *Ө. Кудринскій*. Неудачныя предпріятія народолюбки (къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской).

28) Письма *митр. Арсенія* къ прот. П. Г. Лебединцеву.

29) Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института.

30) *Е. М. Кузьминъ*. Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованіи.

31) *Любка* или сватанье въ с. Рихмахъ. Старинная малорусская оперетта.

32) *Б. Познанскій*. Картинки сучаснаго селянского побыву.

33) *Ею-же*. Симсотъ первый и симсотъ второй законъ (Разсказъ).

34) *Л. Яновская*. Смерть Макарыхи.

35) *Ея-же*. На Зеленый влывъ (Комедія).

36) *Ея-же*. Идеальный батько (Разсказъ).

37) *М. Кропивничкій*. Передъ волею (Драма)

38) *В. Чырынецъ*. Злодій. (Разсказъ).

39) *В. Левенко*. Старе и нове (Повѣсть).

40) *Б. Гринченко*. Хвесь, преставный гайдамака (Стихоть).

41) *Ею-же*. Паліи (Разсказъ).

42) *Ею-же*. Покупка (Разсказъ).

43) *Грыцько Григоренко*. Пересельци (зъ дому и до-дому). (Очеркъ).

44) *А. Лазаревскій*. Описаніе старой Малороссіи. Т. 3-й. Прилуцкій полкъ. (Въ приложеніяхъ; будетъ продолжаться въ 1901 году).

Подписная цѣна на журналъ *10 руб. въ годъ* съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ *8 руб. 50 к.*; за границу — *12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книжки журнала по *1 рублю*.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за прежніе годы: 1883—1885 и 1887 годы—*по 10 рублей за годъ* (1882 и 1886 г. въ продажѣ нѣтъ), а начиная съ 1888 года до 1900 г. включительно—*по 8 руб. за годъ*. При покупкѣ нѣсколькихъ годовъ дѣляется уступка. Отдѣльныя книжки за эти-же годы—*по 1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Тарасовская, 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Книжная торговля „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14) значительно расширена сравнительно съ прежними годами, имѣя для продажи всѣ изданія, выходящія въ Россіи и касающіяся нашего южно-русскаго края. Здѣсь-же находится главный складъ „Кобзаря“ Т. Г. Шевченка, изданнаго редакціей „Кіевской Старины“ въ 1889 году въ двухъ видахъ: дешовое—*35 коп. за экз.*, а въ обыкновенномъ переплетѣ—*50 коп.*, и на лучшей бумагѣ ббльшаго формата—*1 р. 50 к.* Выписывающимъ *не менне 1000 экз.* дешоваго изданія дѣляется *уступка 30 %*, *не менне 500 экз.*—*25%*; выписывающимъ *не менне 100 экз.* лучшаго изданія дѣляется *уступка—30%*. Уступка на экземпляры въ меньшемъ количествѣ—по соглашенію.

Издатель К. Гамалѣй.

Редакторъ В. Науменко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

НОЯБРЬ.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчагъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Київ, 12 октября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава III¹⁾.

Вліяніє Епифанія Славинецкаго на Никона въ рѣшимости послѣдняго предпринять исправленіе книгъ по греческимъ подлинникамъ. Показаніе предисловія къ Служебнику 1655 года. Какъ оно должно быть понимаемо. Первыя исправленныя при Никонѣ книги: слѣдованная псалтирь и часословъ 1653 года. Отправленіе на Афонъ за рукописями Арсевія Суханова. Служебникъ 1655 года и предисловіе къ нему. Хронологическія неточности послѣдняго. Скрыжаль. Статьи, принадлежащія въ немъ Епифанію. Обзорніе содержанія ихъ. Остальныя изданныя при участіи Епифанія Славинецкаго въ патриаршество Никона книги. Книги, изданныя послѣ Никона, въ исправленіи которыхъ Епифаній принималъ участіе. Печатавіе Епифаніевыхъ переводовъ святоотеческихъ твореній.

Съ вступленіемъ Никона на патриаршій престолъ вліяніе Епифанія Славинецкаго въ дѣлѣ книжнаго исправленія усилилось. Еще до занятія патриаршаго престола, Никонъ, какъ мы видѣли, уже отрѣшился отъ старорусскаго взгляда на грековъ. За этимъ первымъ шагомъ съ логической необходимостью долженъ былъ послѣдовать и второй—убѣжденіе въ необходимости издавать печатныя книги, правленныя по греческимъ оригиналамъ. Это-то убѣжденіе онъ и пріобрѣлъ подъ сильнымъ вліяніемъ Епифанія. Что это было такъ, мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ совре-

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 10.
Томъ 71.—Ноябрь, 1900.

менной Епифанію записи, принадлежащей, какъ принято пока думать, иноку Евѣимію. Здѣсь читаемъ: „Святѣйшій Никонъ патріархъ нача съ греческихъ правити книги славенскія *по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія разсмотрѣнію и возвѣщанію*, яко книга Литургіаріонъ премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святяя литургіи“.¹⁾

Какъ-же, какимъ путемъ вель Епифаній Никона къ усвоенію этого убѣжденія?

Помимо рѣчей, „во слухи многихъ наипаче-же честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доброразумныхъ“, въ отношеніи къ Никону путь этотъ былъ особенный. Въ предисловіи къ новоисправленному служебнику 1655 года, написанному самимъ Епифаніемъ, путь этотъ изображенъ, правда, не детально, но въ общихъ существенныхъ моментахъ.

По вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ пожелалъ ближе и основательнѣе познакомиться съ обстоятельствами занимавшаго его дѣла упорядоченія церковно-обрядовой и богослужебной практики. Въ этихъ видахъ онъ началъ знакомиться съ драгоценными сокровищами патріаршей библиотеки. „Возшедъ на престолъ великія и святяя церкви,—говоритъ о немъ Епифаній въ предисловіи,—(Никонъ) вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранилищу, со многимъ трудомъ многи дни въ рассмотреніи положи.“²⁾

Здѣсь онъ нашелъ подлинныя грамоты, за подписью восточныхъ патріарховъ, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу, описанныя греческимъ языкомъ.

Чтеніе этихъ рукописей познакомило Никона со взглядомъ восточныхъ патріарховъ на всякія новшества въ религіозной области. „Праведно есть намъ—писали патріархи—всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видящимъ новины всегда виновны бывать церковнаго смятенія же и разлученія, по уста-

1) Евгеній. Словарь Историч. 179 стр.

2) Предисловіе къ Служеб. 1655 г., стр. 4.

вомъ послѣдовати святыхъ отецъ и яже на ученная невредима безъ приложенія коего либо и отъятія пріемлющихъ“.¹⁾

Завѣтъ восточныхъ патріарховъ своему собрату—Московскому патріарху—блюсти „яко да во всемъ великая Россія православная со вселенскими патріархами согласна будетъ“—повергъ Никона въ великое смущеніе. „Прочеть сію книгу“;—свидѣтельствуеть Епифаній,—„Государь Святѣйшій патріархъ Никонъ въ страхъ великъ впаде, не есть-ли что погрѣшно отъ ихъ православнаго греческаго закона, и нача въ нуждныхъ разсмотряти, еже есть символъ православныя вѣры, и узрѣ на сакѣ святительскомъ, его же отъ грекъ въ царствующій градъ Москву прежде 250 лѣта принесе Фотій Россійской митрополитъ, символъ православныя вѣры воображенъ греческими шитыми письмены, во всемъ согласующся святѣй восточнѣй церкви.—Потомъ узрѣ той-же символъ въ московскихъ въ новыхъ въ печатныхъ книгахъ: и много обрѣте несогласія. Также и святую литургію разсмотривъ, обрѣте въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено. По семъ и во иныхъ книгахъ узрѣ многая несходства“.²⁾

Убѣдившись путемъ сличеній славянскаго текста съ греческимъ, что въ церковно-славянскихъ книгахъ „ово прибавлено, ово же отъято и превращено“; проникнувшись сознаниемъ лежащаго на немъ, какъ главѣ русской церкви, долга—блюсти, чтобы православная Русь была во всемъ согласна съ вселенскими восточными патріархами,—Никонъ обратился къ царю съ просьбой созвать соборъ, „вся ему сказавъ, коея ради вины“.

Такъ изображаетъ предисловіе къ Служебнику 1655 года обстоятельства дѣла. Но признавать, что все происходило такъ именно, какъ писано въ этомъ предисловіи,—нельзя.

За несомнѣнное можетъ быть принято только слѣдующее: во-первыхъ, что Никонъ началъ съ изученія нужныхъ для него рукописей патріаршей библіотеки; что по его желанію ему чи-

1) Ibidem, стр. 7.

2) Ibidem, стр. 8—10.

тали (самъ Никонъ не зналъ греческаго языка настолько, чтобы читать греческія рукописи) грамоту восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи патріаршества на Руси и дѣянія Константинопольскаго собора 1593 года по этому поводу; что онъ познакомился этимъ путемъ съ несогласіями русской церкви съ греческой въ символѣ вѣры, литургіи и другихъ книгахъ.

Все это мы должны принять какъ несомнѣнное. Но вопросъ въ томъ, сколько самостоятельности проявилъ въ этомъ Никонъ.

Если сопоставить показанія предисловія съ другими современными-же свидѣтельствами, то увидимъ, что часть того, что предисловіемъ приписано *исключительно* Никону, должно быть отнесено на долю другихъ.

Предисловіе говоритъ, что мысль о сличеніи символа вѣры, напечатаннаго въ московскихъ новыхъ книгахъ, съ символомъ греческой церкви возникла у Никона самостоятельно.

Посланіе-же Константинопольскаго патріарха Паисія, изъ котораго выдержки приведены немного ниже въ томъ-же предисловіи, свидѣтельствуетъ, что о прилогахъ въ символѣ вѣры Никонъ узналъ благодаря указаніямъ другихъ лицъ. Предисловіе далѣе говоритъ: тоже и святую литургію разсмотрѣвъ, обрѣте (Никонъ) въ ней ово прибавлено, ово же отъято и превращено.“

А въ современной запискѣ объ Епифаніи, напечатанной въ Словарѣ Евгенія, сказано, что „по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія *разсмотрѣнію и возгнѣванію*“ Никонъ узналъ, „яко книга Литургіарій премного не согласоваше въ самомъ священнодѣйствіи къ греческимъ святяя литургіи“.¹⁾

Такимъ образомъ, показанія предисловія, написаннаго Епифаніемъ, съ одной стороны, и посланія Паисія Константинопольскаго, вмѣстѣ съ запиской объ Епифаніи, съ другой—расходятся между собой: первое представляетъ дѣло такъ, что Никонъ вполне самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ рѣшенію исправлять обряды

1) Евгеній. Словарь Историч., стр. 479.

и богослужбныя книги, руководясь практикой греческой церкви; вторыя, напротивъ, на долю Никона въ этомъ дѣлѣ оставляютъ только желаніе внимать убѣжденію другихъ и рѣшимость реализовать свое новое убѣжденіе, приобретенное подъ сильнымъ стороннимъ вліяніемъ.

Какой-же изъ этихъ двухъ взглядовъ долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ, болѣе близкимъ къ истинѣ?

Е. Е. Голубинскій и проф. Николаевскій признаютъ таковымъ второй взглядъ.

Признавая болѣе достовѣрности за свидѣтельствами Паисіеваго посланія къ Никону и записки Евфимія объ Епифаніи, Е. Е. Голубинскій даетъ и свое объясненіе того, почему въ предисловіи къ служебнику дѣло представляется совершенно не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности.

„Представлять его такъ, какъ оно было“—говоритъ онъ— „т. е., что почти все зависѣло отъ прихода въ Москву кievскаго монаха (въ данномъ случаѣ Голубинскій разумѣетъ Епифанія Славинецкаго), должно было-бы казаться оскорбительнымъ для чести московскихъ русскихъ и для чести самого Никона и вообще было-бы неудобно“.¹⁾

Итакъ Голубинскій въ вопросѣ о принятіи Никономъ рѣшенія исправлять обряды и богослужбныя книги значительную долю вліянія приписываетъ Епифанію.

То же должно сказать и о проф. Николаевскомъ. Въ своемъ сочиненіи о Московскомъ печатномъ дворѣ при патріархѣ Никонѣ онъ еще детальнѣе старается изобразить участіе Епифанія въ занимающемъ насъ вопросѣ. „Вмѣстѣ съ лицами, знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ ученый инокъ Епифаній Славинецкій, патріархъ, „входя въ книгохранительницу, со многими трудомъ многи дни въ разсмотрѣніи положи“.²⁾

¹⁾ Голуб. Къ нашей полемикѣ. Богос. Вѣсти. т. I. стр. 294 примѣч.

²⁾ Николаевскій. Моск. Печ. Двор. при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г. т. II, стр. 153.

Что это было дѣйствительно такъ, т. е. что Епифаній вмѣстѣ съ Никономъ разбиралъ греческія рукописи, хранившіяся въ патріаршей бібліотекѣ и нужныя для Никона по обстоятельствамъ того времени, на это имѣются прямыя указанія, въ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

А) Переводъ дѣяній Константинопольскаго собора 1593 г. принадлежитъ Славинецкому. Въ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ прямо сказано, что „Соборное дѣяніе о Іовѣ патріархѣ“ переведено Епифаніемъ „отъ еллинска (языка) лѣта 7160 (т. е. въ 1652 году)“.¹⁾

Выше мы видѣли, что эти Дѣянія были найдены и прочитаны Никономъ въ то время, когда онъ, „входи въ книгохранительницу, со многымъ трудомъ многи дни въ разсмотрѣніи положи“. Если сопоставить эти два обстоятельства, то невольно напрашивается единственно возможный изъ нихъ выводъ, именно, что прежде чѣмъ перевести эти дѣянія для всеобщаго ознакомленія, онѣ были читаны и переводимы для Никона во время его занятій въ патріаршей бібліотекѣ; что, слѣдовательно, Никонъ не одинъ „ходилъ въ книгохранительницу“, а вмѣстѣ съ лицами, знавшими греческій языкъ.

Кто-же ихъ читалъ и переводилъ Никону?

Естественнѣе всего предположить, что тотъ, кто перевелъ эти дѣянія для напечатанія, т. е. Епифаній Славинецкій.

Б) Въ служебникѣ, изданномъ въ Москвѣ 1658 г., есть прямое указаніе на то, что Никонъ не самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости править богослужебныя книги по греческимъ рукописямъ.

Между „последованіемъ утрени“ и „чиномъ божественной литургіи Іоанна Златоустаго“ находятся двѣ статьи. Вторая озаглавлена такъ: „Сказаніе кратцѣ, како и кимъ исправился чинъ проскомидіи, божественныя литургіи въ велицей Россіи и въ кая лѣта“.

¹⁾ «Оглавленіе...» 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епифанія Славни.»; Рук. Кіев.-Печер. лавры № 145, стр. 923.

Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ и слѣдующее: Никонъ „не отъ себе на сіе (т. е. чтобы привести въ согласіе чины и богослужеб. книги русской церкви съ чинами и богослужебными книгами церкви греческой) мыслию превзятся... но отъ духа премудрости и кротости подвижся не токмо отъ Бога наставляемъ, но и иноплеменича совѣта употребляя“.¹⁾

Такъ Никонъ пришелъ къ убѣжденію—исправлять книги по греческимъ подлинникамъ.

Послѣ этого исправленіе нашихъ книгъ было поведено съ особенной энергіею.

11-го февраля 1653 года вышла наложная или слѣдованная псалтирь. Въ ней выпущены по сравненію съ прежними изданіями: а) статья о 12 великихъ поклонахъ (вмѣсто четырехъ) при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина и б) статья о двоеперстіи для крестнаго знаменія, какъ несогласныя съ древнепечатными и рукописными книгами (Хрис. Чт. 1891 г. т. II, стр. 160. См. о послѣдов. Филарета. Обз. дух. лит.).

Въ часословѣ, изданный въ 1653 г. (печатался съ 21 марта по 22-е юля), внесены измѣненія сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ 1652 года.

Измѣненія эти сдѣланы „противъ древнихъ греческихъ печатныхъ переводовъ“ Епифаніемъ Славинецкимъ.²⁾

Въ этомъ-же году была переведена Епифаніемъ книга Арменонула (кормчая), но не была напечатана, такъ какъ „Божіемъ поущеніемъ, наставшю чрезъ тлетворный воздухъ моровому губительству, изгибла“. Вторично переведенная Епифаніемъ-же, она могла появиться въ печати только въ 1677 г. (См. бар. Розенкампфъ. Обзорѣн. Кормчей. Прибавл. № III стр. 91—92).

Большимъ затрудненіемъ къ приведенію этого намѣренія въ исполненіе должно было служить то обстоятельство, что въ

¹⁾ Служеб. 1658 года, стр. 156 - 157. Экземп. Румянц. музея 16⁸²/₈₃.

²⁾ Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223 стр. 340 Послѣс. перепеч. у. Н. М. Строева въ «Описан. Старонеч. книгъ Царскаго» № 178.

Москвѣ мало было греческихъ оригиналовъ рукописей. Относительно только что помянутаго часослова послѣсловіе прямо свидѣтельствуесть, что при исправленіи его имѣлись „Древніе греческіе *печатные* переводы“. Относительно-же исправленія другихъ книгъ мы можемъ такъ думать на томъ основаніи, что Епифаній совершалъ свои переводы съ *печатныхъ* книгъ, какъ это видно изъ „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“. ¹⁾

Но къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ „въ Венеціи и во Англинской землѣ,“ русскіе относились съ большимъ недоверіемъ, считая ихъ испорченными. Самымъ типичнымъ выразителемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить Арсеній Сухановъ.

Въ своихъ „преніяхъ съ греками о вѣрѣ“ онъ высказываетъ такія мысли: „А все то (т. е. всѣ бѣды, какія онъ нашель у грековъ) вамъ прилучилося отъ римлянъ занеже еллинскаго ученія печатной дворъ у себя не имате и *книги вамъ печатають въ Венеціи и во Англии*, и еллинскому писанію ходите учиться въ Римъ и Венецію“. (Бѣлокуровъ. „Арсеній Сухановъ“, ч. II „пренія о вѣрѣ“ стр. 92).

Поэтому, чтобы устранить лишвіе поводы для всякихъ упрековъ и нареканій со стороны лицъ, не сочувствовавшихъ предпринимавшемуся новому исправленію славянскихъ богослужебныхъ книгъ, для власти Московской настояла нужда восполнить пробѣлъ—пріобрѣсти въ возможно большемъ количествѣ греческія рукописи.

Мысль о собраніи греческихъ рукописей была подава патр. Никону, вужно думать, тѣми лицами, которыхъ это ближе всего касалось, кому патр. Никонъ доверилъ все дѣло исправленія слав. богослужеб. книгъ, т. е. Епифаніемъ Славинецкимъ. Такъ думать даетъ полное право приведенное нами выше свидѣтельство современной Епифанію записки, что „Святѣйшій Никонъ патр. нача съ греческихъ правити книги славенскія по мудрѣйшаго іеромонаха Епифанія“ *разсмотрѣнію и возвѣщанію* (Евгеній.

¹⁾ Оглавленіе книгъ, § 79. о большинствѣ переводовъ Епифанія сказано здѣсь: «преведено отъ книги *изданныя въ...*»

Слов. Истор. I, 179 стр.; Викторовъ. Очеркъ собр. рукописей В. М. Ундольскаго, что при каталогѣ славяно-русск. рукописей В. Н. Ундольск. стр. 5). Въ этихъ видахъ былъ отправленъ Никомомъ старецъ Арсеній Сухановъ за рукописями „въ Афонскую гору и во иныя святыя старожитныя мѣста, къ держащимъ еще греческаго закона уставы непреложно“.¹⁾

Въ предисловіи къ служебнику 1655 г. Епифаній говоритъ, что Сухановъ отправился на Аѳонъ послѣ собора 1655 г. Но это показаніе невѣрно. С. Бѣлокуровъ, основываясь на официальныхъ документахъ (греческія дѣла Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д.), неопровержимо доказалъ, что Сухановъ выѣхалъ изъ Москвы за рукописями въ октябрѣ 1653 года (см. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 335, примѣч. 18). Морское повѣтріе, бывшее въ Москвѣ, на время прекратило дѣятельность печатнаго двора: онъ былъ закрытъ съ 3 авг. 1653 г. по мартъ 1654 г.²⁾ Но послѣ этого дѣло книжнаго исправленія было начато съ особенной энергіей. Уже на пятой недѣлѣ Великаго поста (25—31 марта³⁾ былъ созванъ по дѣлу книжнаго исправленія второй соборъ. Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ соборомъ на печатномъ дворѣ исправлялся и готовился къ печати Служебникъ: справщики спѣшили съ нимъ, чтобы представить на одобреніе и утвержденіе собора.

Предисловіе къ этому служебнику написалъ Епифаній. Въ немъ онъ подробно изложилъ исторію того, какъ постепенно въ Москвѣ пришли къ убѣжденію исправить церковно-богослужебныя книги по греческимъ оригиналамъ.

Изложимъ вкратцѣ содержаніе его.

О многихъ „несогласіяхъ“ въ слав. богослужебныхъ книгахъ узналъ сперва Никонъ (какъ слѣдуетъ представлять дѣло—мы выше сказали). Объ этомъ онъ сообщилъ царю. Царь и Патриархъ, „совѣтъ сотворивше“, рѣшили созвать соборъ (1654 г.). На

¹⁾ Предисловіе къ служебн. 1655 года, стр. 30.

²⁾ Николаевскій. Христ. Чт. 1891 г. II, стр. 176.

³⁾ Смирновъ. Истор. раск. стр. 44.

соборъ Никонъ въ своей рѣчи указаль на поврежденность богослужбныхъ книгъ, напомнилъ объ обязанности іерарховъ заботиться о чистотѣ и правильности книгъ и предложилъ на соборное рѣшеніе вопросъ: „новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовать, или древнимъ греческимъ и славенскимъ“. Соборъ постановилъ: „достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ.“ Послѣ этого соборъ рѣшилъ собрать изъ русскихъ монастырей нужныя для исправленія книги, харатейныя „за 500 лѣтъ, и вѣще преведенныя, а къ восточнымъ патріархамъ съ Мануиломъ грекомъ отправить грамоты съ вопрошеніями о погрѣшенныхъ въ книгахъ“. Въ слѣдующемъ году этотъ грекъ возвратился съ грамотой патріарха Паисія Константинопольскаго, и на соборѣ 1655 г. была прочитана грамота Паисія къ Никону, побудившая царя и патріарха послать съ великою милостію Арсенія Суханова на Аѳонскую гору за старинными греческими рукописями (перечисляются монастыри, въ которыхъ побываль Сухановъ, и рукописи, вывезенныя имъ оттуда).

Такъ излагаетъ дѣло Епифаній въ своемъ предисловіи. Должно замѣтить, что въ немъ есть хронологическія неточности. Во-первыхъ, старинныя книги изъ русскихъ монастырей были собраны въ Москву Никономъ въ 1653 году, слѣдовательно до собора 1654 г., на которомъ поэтому и не могло быть рѣчи объ этомъ. Въ „описи книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся“, читаемъ: 161 (г. е. 1653) году генваря въ 11 день, по указу Великаго господина, святѣйшаго Никона патр. Московскаго и всея Россіи, выписано степенныхъ монастырей, изъ отписныхъ книгъ, въ которыхъ монастыряхъ обрѣтаются церковныя книги четы, книгъ печатново дѣла исправленія ради“. ¹⁾ Во 2-хъ, грамота Патр. Паисія Никону была получена въ Москвѣ 14 мая 1655 года, слѣдовательно спустя полтора мѣсяца послѣ Московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта (Макарій. Ист. Русск. церк. т. XII стр. 179); и въ 3-хъ, Ар-

¹⁾ Ундольскій. Библиографическія разъясненія.

сеній Сухановъ выѣхалъ на Аѳонъ за рукописями до собора 1654 г., въ 1653 году (см. Бѣловуровъ. Арсен. Сухан. т. I, 335).

Соборъ, какъ гласить предисловіе къ Служебнику, „отъ греческихъ и словенскихъ древнихъ книгъ истинное избравше и сію святую книгу Служебникъ во всемъ справя, и согласну сотворя древнимъ греческимъ и славянскимъ повелѣша въ царствующемъ градѣ Москвѣ напечатати въ лѣто 7163 (1655) 1).

Постановленіе собора было исполнено: книга была напечатана 31 августа.

Вѣроятно, въ періодъ времени отъ 20 декаб. 1654 г., когда закончились засѣданія перваго (1654 г.) собора 2) по августъ 1655 г. включительно, Епифаній или самъ занимался сличеніемъ Служебника прежней Москов. печати съ Служебниками греческими, или наблюдалъ за нимъ.

Послѣ изданія новоисправленнаго чина литургіи предстояла потребность, въ объясненіе сдѣланныхъ въ немъ измѣненій, дать толкованіе на него. Еще въ 1653 году патріар. Іерусалимскій прислалъ Никону Скрижалъ Іоанна Наѳанаила 3).

Такъ какъ она вполне удовлетворяла этой нуждѣ, то Никонъ велѣлъ Арсенію греку перевести ее на славянскій языкъ 4).

А Епифаній въ это время переводилъ для напечатанія при ней нѣкоторыя изъ твореній Аѳанасія Александрійскаго.

Чтобы опредѣлить, насколько близкое и дѣятельное участіе принималъ Епифаній въ изданіи этой книги, обратимся къ составу ея. Изъ статей Скрижали однѣ принадлежатъ Арсенію греку, другія—Епифанію Славинецкому.

Послѣднему должны быть приписаны:—1) „Предисловіе къ читателю“, начинающееся словами: „чинъ благолѣпный“... (Скрижалъ, стр. 1—18). 5). 2) „Соборное дѣяніе, еже бысть въ Кон-

1) Предисловіе, стр. 38.

2) Смири. Истр.-раск. 42 стр.

3) «Оглавленіе книгъ», § 99.

4) Ibidem.

5) Ундольскій. Ученые труды Епиф. Слав.: Сгр. Рки. Кіево-Печер. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) на стр. 947—951; здѣсь

стантинополи, написана убо тамо еллиногрецкимъ діалектомъ; внѣ же облеченно притече въ преславный православноцарствующій градъ Москву, въ немъ же стяжа си словенска діалекта одѣяніе, его же красоту да зрять всяко вѣрныхъ состояніе“; въ нему приложено краткое изображеніе дѣяній собора, бывшаго въ Москвѣ, при державѣ великаго Государя Алексія Михайловича“ (1654 г.)¹⁾; и переводныя статьи Афанасія Александрійскаго:

а) „Ко Антіоху начальнику о множайшихъ и нужныхъ вопросахъ, въ божественныхъ писаніяхъ недоумываемыхъ, и отъ всѣхъ христіанъ вѣдомымъ быти должствуемыхъ“.²⁾

б) „Реченія и толкованія притчей святаго евангелія.“³⁾

находится «каталогъ на словеса, сочиненная Епифаніемъ Іером. Славянецкимъ, яже зѣвъ не положишася», буквально сходный съ тѣмъ современнымъ реестромъ трудовъ Епифаніевыхъ, который приводится у Ундольскаго. У Фаларета (Обз. дух. литер. § 223) вм. «чїянь благолѣпный» — «Тѣтъ благолѣпный». «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» приписываетъ «предисловіе къ читателю», повидимому, самому Никону (§ 99, 2), но изъ содержанія предисловія, къ которому мы немного ниже обратимся, видно, что оно не могло принадлежать Никону.

1) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ». § 79, 24; Ундольскій «Ученые труды Епиф. Слав.», Ркп. Кіево-Печерской лавры № 145 (по описанію Петрова № 290) стр. 923—941.

2) Напечатаны въ приложеніи къ Скрижали послѣ «Соборнаго дѣянія»... стр. 1—232; переведены съ греческаго пзланія Montfaucon'a Opp. s. Athanasii, t. II, 161. «Προς Αντιοχον αρχοντα περι πλείστον και αναγκαίων ζητημάτων, των εν ταῖς θείαις γραφαῖς ἀπορονμένων, και παρὰ πάντι χριστιανοῖς γινώσκεισθαι ὕφειλομένων». Объ этихъ вопросахъ къ вязю Антіоху (всѣхъ вопросовъ 137) должно замѣтить, что всѣ они не Аѳанасіевы, а какого-нибудь позднѣйшаго писателя, потому что въ нихъ упоминается І. Лѣствичникъ, Максимъ и Никифоръ Константинопольскій, жившіе послѣ св. Аѳанасія.

3) Напечатаны въ Скрижали послѣ вопросовъ-отвѣтовъ къ Антіоху (стр. 1—144). Переведены съ Парижскаго изданія 1627 года (См. Opp. s. Athanasii Alexandr. Parisiis, 1627, t. II, стр. 394—435: Ρήσεις και ἐρηνηναί παραβλῶν του ἀγίου ἐναγγελίου). Эти притчи евангельскія также не Аѳанасіевы, а подложны. Обзорѣніе содержанія

и в) вопросы о божествѣ и воплощеніи сына Божія. 1).

Первыя двѣ статьи—предисловіе и соборное дѣяніе—отличаются апологетическимъ характеромъ: въ нихъ Епифаній старается объяснить и оправдать предпринятое Никономъ книжное исправленіе.

Чтобы рельефнѣе отмѣтить великое значеніе для церкви дѣятельности Никона, Епифаній раскрываетъ предъ читателемъ въ своемъ предисловіи громадное литургическое значеніе издаваемой книги (скрижали), которая вызвала въ обществѣ „пагубное—по выраженію Епифанія—роптаніе“.

Она сообщаетъ христіанамъ вѣдѣніе того, „что (есть) святая, соборная, апостольская, одушевленная церковь, съ вещественною церковію въ ней же божественныя тайны совершаются; что—божественный жертвенникъ и благословенная трапеза, на ней же безкровная жертва всеблагодару Богу приносится; что катапетасма трапезная, литонъ священный.....; что хлѣбъ и вино ихже оубо въ пречестное тѣло Христово дѣйствомъ всесвятаго Духа пресуществляется, ово же въ пречестную кровь Христову прилагается 2) и т. д. въ этомъ родѣ.

„Сего ради (т. е. ради такого великаго значенія Скрижали для русской церкви) пресвѣтлѣй, православнѣй, христіолюбивѣй и боговѣнчаннѣй государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ

этихъ толкованій обнаруживаетъ плохое знакомство ихъ неизвѣстнаго автора съ синоптическими евангеліями. Въ отвѣтъ на 41-й вопросъ (Скрижаль, стр. 31) излагается фактъ, о которомъ ничего не говорится въ евангеліяхъ; достаточно сопоставить разсказъ XX-й главы евангелія Іоанна съ 43 вопросомъ (Скрижаль, стр. 34), чтобы видѣть всю нелѣпость послѣдняго. Этотъ вопросъ читается такъ: «Како видѣ Марія (Магдалина) Господа и конимъ образомъ; ибо стояше плачущи во гробѣ предъ ангелы, скорбнымъ обычаемъ и смиреннымъ лицемъ, како оубо видѣ его вслѣдъ ея ходяща и грядуща».

1) Напечатаны послѣ притчей евангельскихъ стр. 146—195. Переведены съ того же Парижскаго изданія 1627 года, гдѣ (на стр. 436—450, т. II-й) они озаглавлены *Αθανάσιου... ἐτέρας τινας ἐρωτήσεις* (у Епифанія—*нѣцки* вопросы).

2) Ibidem. 6—7 стр.

о защищеніи православныя церкви благоревностиѣ пекиѣся, и патр. Никонъ, богоданный въ свѣтоводительство всея великія и малыя и бѣлыя Россіи свѣтоводитель¹⁾ сію благополезную книгу—божественныя литургіи толкованіе—въ велию духовную всего священнаго православнаго Россійскія церкви причта ползу, типомъ издати повелѣли²⁾.

Поэтому должно принять эту книгу съ благодарностію и съ убѣжденіемъ въ ея пользѣ и необходимости для Русской церкви, ибо „сей первопрестольный священноначальникъ (Никонъ) гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное правы творити стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творитъ, скривленное исправляетъ, косвенное отмѣтаетъ и стропотное соглаждаетъ; любяй благолѣпіе дому Божіа....., о благолѣпіи дому Божіа опасно печется“, памятуя завѣтъ ап. Павла—„вся благообразно и по чину да бываетъ,—о благолѣпномъ учиненіи чина церковнаго прилежно тщится“³⁾.

Казалось-бы, что нужно радоваться такой ревности верховнаго начальника русской церкви: „Кому нѣсть благопріятно—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Елифаній?—Кому нѣсть радостно? Кому нѣсть любезно? А между тѣмъ, „на первопрестольнаго священноначальника, свѣтоводителнаго таинника (Никона) въ пагубоносное души своея поврежденіе злокозненнѣ роптати дерзають“. Этими ропотникамъ Елифаній напоминаетъ объ участіи Корея, Даѡана и Авирона, которые, „возставъ на Богоизбраннаго священноначальника Аарона, погибоша,—яко живы во адъ снidoша“.

Гибелью можетъ окончиться ропоть и новыхъ израильтянъ, помраченныхъ „умовредною завистью“, и „дебелымъ невѣжествомъ“. Чтобъ избѣжать имъ этого, Елифаній совѣтуетъ въ заключеніи своего предисловія, „истребить (въ себѣ) многокозненную зависть, насадить въ сердцѣ своемъ искреннюю любовь,

¹⁾ Предисловіе къ Скрижалю, стр. 7—8.

²⁾ Ibidem, стр. 10—11.

³⁾ Ibidem, стр. 11—13.

возненавидѣтъ богомерзкое безчиніе, а боголюбезное благочиніе возлюбить, самому же первопрестольному чиновачальнику во всемъ покориться и воздавать благодареніе за то, что онъ заботится о благочиніи церковномъ и о истовомъ исправленіи книжномъ. 1) Вторая Епифаніева статья въ Скрижали—соборное утвержденіе 1593 г. въ Константинополѣ патріаршества на Руси и дѣянія Московскаго собора 1654 г.—также апологія Никона.

Первая половина о Константинопольскомъ соборѣ 1593 г. по поводу утвержденія на Руси патріаршества (переводъ съ греческаго—см. выше) имѣеть цѣлью напомнить русскому обществу того времени о правахъ и власти Московскаго патріарха; вторая (оригинальная)—указать, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія Никонъ не вышелъ изъ предѣловъ полномочій и власти, данныхъ ему, какъ патріарху, Константинопольскимъ соборомъ патріарховъ въ 1593 году.

На Константинопольскомъ соборѣ были опредѣлены власть, права и полномочія патріарха Московскаго.

По авторитету своему онъ равенъ патріархамъ восточной церкви: „во священныхъ помянникахъ и въ церковныхъ собраніяхъ онъ долженъ имѣти мѣсто свое по всесвятѣйшемъ Іерусалимскомъ патріархѣ; 2) чиномъ и достоинствомъ равенъ патріархамъ восточнымъ и называется ихъ братомъ. 3) Онъ—глава всея Россіи и сѣверныхъ странъ, поэтому епископамъ должно имѣти его яко главу, и ничтоже творити излишнее безъ оного мысли.“ Но чтобы сохранялось единомысліе и патріархъ „безъ всѣхъ мысли ниже что да творить.“ 4)

Какъ верховный глава церкви, патр. Московскій долженъ „всякую церковныхъ огражденій новину потребляти, видя новины всегда виновны быти церковнаго смятенія же и разлученія 5)

1) Предисловіе, стр. 16—17.

2) «Соборное дѣяніе въ прилож. къ Скрижали, стр. 30.

3) Ibidem, стр. 32.

4) Ibidem, стр. 31.

5) Ibidem, стр. 14.

Вторая половина статьи стоитъ въ непосредственной связи съ изложеніемъ дѣяній Константинопольскаго собора, и начинается поэтому словами: сего ради, т. е. ради тѣхъ правъ и полномочій, какія даны патріарху Московскому Константинопольскимъ соборомъ, долженъ есмь—говорится отъ лица Никона—нововодныя чины церковныя къ намъ объявити¹⁾ и далѣе излагаются вопрошенія патр. Никона на соборѣ 1654 г.

Выраженіе: „долженъ есть“ еще не даетъ основанія думать, что статья эта приготовлена къ печатанію самимъ Нивономъ; въ этомъ видно только желаніе автора этой статьи, Епифанія Славинецкаго, приводить рѣчи Никона, говоренныя имъ на соборѣ, въ подлинномъ ихъ видѣ. Что это такъ, можно ясно видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія соборныхъ дѣяній: предъ каждымъ новымъ вопрошеніемъ слѣдуетъ замѣчаніе автора статьи: „патріархъ рече“.

Епифаній эту статью желаетъ привести читателя къ убѣжденію, что въ дѣлѣ книжнаго исправленія патріархъ Никонъ является не самочиннымъ новаторомъ, а исполнителемъ завѣта св. отцовъ, о которомъ (завѣтъ—„всякую церковныхъ огражденій новину потребляти“ напоминали патріархамъ Московскимъ восточные вселенскіе патріархи на соборѣ константинопол. 1593 года. Начать же „потребляти новины“ могъ только тотъ, кто облеченъ въ церкви наивысшими правами и полномочіями, т. е. патріархъ.

Недовольные могли указать на то, что патріархъ безъ мысли всѣхъ ничего не можетъ творить.

И въ этомъ пунктѣ патріархъ былъ вполнѣ свободенъ отъ упрека. Рѣшеніе „впредь быти исправленію въ печатномъ тисненіи Божественнымъ книгамъ противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ, потребниковъ, служебниковъ же и часослововъ“,—это рѣшеніе не одного Никона, а соборное; митрополиты, архіепископы и епископы со архимандриты, и

---

¹⁾ Ibidem., стр. 45.

игумены и съ протопоны, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ своими святительскими руками подписаніемъ затвердили, яко да имать въ предъидущія лѣта непремѣнно сему быти.¹⁾

Переводныя статьи, помѣщенныя въ Скрижали, чужды всякихъ апологетическихъ задачъ: первая двѣ изъ нихъ—вопросо-отвѣты ко кн. Антіоху (1—232 стр. приложения Скрижали), и притчи евангельскія (1—144 стр. новаго счета)—это *compendium* богословскихъ свѣдѣній въ духѣ средневѣковыхъ, таковы, напр. вопросы: „колько убо ангеловъ число есть“, (6-й вопросъ); „должно-ли ослата цѣловати, понеже на осля Христось всѣде?“ (40 в.); „кому предъчинятися: дню ли прежде ноци, или ноци прежде дне?“ (52 в.); „чесо ради мвожшии отъ человекъ въ ноци раждаются, и вноци скончуются?“ (105 в.) и мн. другіе въ этомъ родѣ.

Есть здѣсь вопросы и изъ области психологіи, напр. вопросъ 10-й: «что сама вещь есть душа человекъ, и откуда сія составляется въ тѣлеси и когда и како отъ тѣла разлучается?» Видно въ этихъ вопросахъ знакомство автора и съ философскими теоріями; таковъ, на примѣръ, вопросъ 133: какъ смотрѣть на ученіе нѣкоторыхъ суемудрыхъ, что душевное существо человекъ смертно?

Притчи евангельскія—подложныя, какъ мы уже выше указали—представляютъ собою мистико-аллегорическое толкованіе отдѣльныхъ евангельскихъ изреченій совершенно въ духѣ схоластическаго богословствованія.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Слова Спасителя къ апостоламъ: „идите во преднюю весь, и обрячете человекъ въ скудели воду носяща“—такъ толкуется: „Кій градъ?“—церковь. Что скудель водный?—Святое крещеніе. Кто человекъ?—Предтеча. Что горница?—Царство небесное (вопр. 1-й). Еще примѣръ: „человекъ нѣкоего богата угобзися нива“. Кто человекъ?—„Иуда и по немъ лихонмца и сребролюбцы“ (притча 4).

¹⁾ «Соборное дѣяніе» въ прил. къ Скрижали, р.ст 58—5.
Томъ 71.—Ноябрь, 1900.

Третья переводная статья о божествѣ и воплощеніи Сына Божьяго—вполнѣ удовлетворяла потребности того времени: она являлась необходимымъ богословскимъ комментариемъ къ символу вѣры, который въ исправленномъ видѣ былъ тогда напечатанъ въ Скрижали.

Изъ обзорѣнія состава Скрижали видно, что Епифаній принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ изданіи ея. Правда, положительно утверждать это можно было-бы только въ томъ случаѣ, если-бы было доказано, что на корректурныхъ экземплярахъ, служившихъ оригиналами при печатаніи, имѣются поправки и замѣтки, сдѣланныя рукою Епифанія; но все-таки въ качествѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія можно думать, что наблюденіе за справой и печатаніемъ переводовъ естественнѣе всего было поручить тому, кѣмъ эти переводы были сдѣланы, т. е. самому Славинецкому.

Скрижаль была окончена печатаніемъ въ октябрѣ 1655 года, ¹⁾ а вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1656 г., послѣ соборнаго утвержденія ея 23 апрѣля 1656 г. ²⁾

Вслѣдъ за Служебникомъ и Скрижалю продолжалось исправленіе и печатаніе другихъ богослужебныхъ книгъ. При участіи Епифанія были исправлены и изданы слѣдующія книги: въ 1656 году тріодъ постная ³⁾ въ листъ, и евангеліе на престольное, въ первый разъ изданное съ раздѣленіемъ на главы и стихи ⁴⁾. Въ 1657 году былъ пересмотрѣнъ Букварь и съ перемѣнами, между прочимъ—съ прибавленіемъ посланія патр-

¹⁾ Мѣ. т. XII, 188 стр.

²⁾ Ibidem, 191 стр.

³⁾ Фил. Обз. дух. лит. Сгр. Сопиковъ. Рос. библіогр. I, 1517. Строевъ. Допол. къ Опис. № 91. Въ послѣсловіи, принадлежащ. Епифанію, воздается похв. Алексію Михайловичу и Никону за духъ разума и ревности, съ какимъ ведется внижное исправленіе, затѣмъ указывается, чего касалось это исправленіе, именно: «чпновъ, реченій, орографіи, именъ и глаголовъ и прочихъ частей словеснаго любомудрія»...

⁴⁾ Смирнов. Истор. раск. стр. 49.

Паисія къ Никону о крестномъ сложеніи. (Филареть. Обз. дух. лит.) Всѣ измѣненія, внесенныя въ него при печатаніи, принадлежатъ Епифанію Славинецкому, такъ какъ въ корректурномъ экземплярѣ эти измѣненія писаны его рукою. ¹⁾ Въ 1658 г. „исалтирь слѣдованная ²⁾ прежде множицею изданная,“ а въ этотъ разъ „съ прилежнымъ писаніемъ съ греческихъ книгъ исправленная“ ³⁾, и цвѣтная тріодь. ⁴⁾

Послѣ добровольнаго удаленія Никона отъ дѣлъ правленія, дѣло книжнаго исправленія, начатое имъ, не прекратилось; книги по прежнему издавались въ исправленномъ видѣ, повелѣніемъ Тишайшаго, благословеніемъ же преосвященнѣйшихъ митрополитовъ и архіепископовъ и боголюбивѣйшихъ епископовъ межъ патріаршества ⁵⁾. Печатный дворъ все время (1659—1666 г.) работалъ въ Никоновскомъ направленіи.

При участіи Епифанія за этотъ періодъ времени были изданы слѣдующія книги.

Въ 1660 г.: а) Минея общая въ десть; начата бысть сія богодохновенная книга въ лѣто 7168, мѣсяца марта въ 1 день; совершена же бысть, того же лѣта, мѣсяца августа въ 17 день“ ⁶⁾. По сравненію съ предыдущимъ изданіемъ, въ эгомъ „не положены седмичныя службы въ среду и четвертокъ и въ субботу для того, что есть общая седмичная служба; а мѣсяцесловъ и уставъ вкратцѣ не положель для того, что уставъ зъ греческимъ и съ прежнимъ Московскимъ уставы во многихъ мѣстахъ не схѣдены.“ ⁷⁾

¹⁾ Бѣлокур. Арсен. Сух. ч. I стр. 436 прим. 45.

²⁾ Филар. Обз. дух. лит. § 223.

³⁾ Строевъ. Допол. № 94. Сfr. Сопяковъ. Опытъ рос. библиогр., I, 998.

⁴⁾ Филареть. Об. дух. лит. § 223.

⁵⁾ См. Предислов. къ твор. Григор. Богос., Вас. Вел., Иоанна Дам., изданнымъ въ Москвѣ., 1665 г. № 69 Троиц. Серг. Лавра.

⁶⁾ Строевъ. Опис. (старопечатныхъ) кн. библиот. гр. Толстого № 123. Сfr. Обз. дух. л. § 223.

⁷⁾ Бѣлокуровъ. Ар. Сух. ч. I, прил. къ VI главѣ № 3. Б. М. С. Б. Приходо-расх. книги Моск. печат. двора № 69 л. 73 об. 75.)

Вначалѣ Миней напечатано сказаніе о пользѣ и употребленіи этой книги (Строевъ. Опис. старо-печ. кн. Толстого № 124).

и б) Шестодневъ, „рекше вкратцѣ избранное отъ книги октоиха написанное правило церковное, повседнежнаго ради пѣнія и моленія. 1)

1662 годъ.

Каноникъ, 2) — начатъ печатаніемъ въ 7170 (1662) году 12 мая, а оконченъ въ томъ же году 30 іюня, въ 8 долю листа. 3)

1663 годъ.

а) Библия, вышедшая изъ печати 12 декабря. 4) Сопиковъ въ своемъ опытѣ Россійской библіографіи приводитъ мнѣніе проф. Миллера, что эту библию исправлялъ патр. Никонъ. 5)

Едва ли это мнѣніе можетъ быть принято, потому что Никонъ устранилъ себя отъ дѣлъ. Болѣе достовѣрнымъ должно быть признано мнѣніе Филарета, по которому исправленіемъ библии, изданной въ 1663 году, занимался Епифаній Славинецкій. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, то, что Епифаній былъ вызванъ въ Москву Московскимъ правительствомъ спеціально для „справки Библии греческія на Словенскую рѣчь, 6) тѣмъ болѣе что въ двѣнадцать лѣтъ, прожитыхъ въ Москвѣ до времени исправленія и печатанія библии, онъ успѣлъ приобрѣсти въ средѣ Москвичей славу знатока греческаго языка. Проф. Пѣвницкій полагаетъ, 7) что Славинецкій не участвовалъ въ этомъ изданіи, потому что, по мысли Епифанія, требовалось совершенное обнов-

1) Строевъ. Допол. № 95, Сfr. Филар. Обз. дух. лит.

2) Филар. Об. дух. лит. § 223.

3) Строевъ. Опис. сторопеч. кн. Толстого № 120. Сfr. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, № 521.

4) Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

5) Сопиковъ. I, № 110.

6) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. III, № 136.

7) Труды Кіев. Дух. Ак. 1861 г. т. II, стр. 427—429.

леніе славянск. текста бібліи, т. е. ея новый переводъ“. Очень возможно, что такое изданіе, какъ Московское 1663, не пришло ему, но трудно допустить, чтобы Епифаній совершенно устранилъ себя отъ всякаго сотрудничества въ этомъ дѣлѣ. Епифаній смотрѣлъ на переводъ бібліи, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на вѣнецъ своихъ трудовъ, и московскіе люди прекрасно понимали, что для дѣла не безразлично лишиться руководства и указаній такого свѣдущаго въ Св. Писаніи лица, какимъ былъ Епифаній. Думать такъ намъ даетъ полное основаніе современная записка объ Епифаніи. ¹⁾ „Іеромонахъ Епифаній, „живый сый въ царствующемъ градѣ Москвѣ“,—повѣствуетъ она—„по времени между иныхъ дѣлъ, яко есть обычай мудрымъ мужемъ, читаше книгу біблію Ветхій и Новый Заветъ Еллинскій печатный, семдесятими переводниками преведенный, спущая съ Славенскою бібліею, въ Острожѣ градѣ и на Москвѣ (1581 и 1653) печатными, испытуюя и толкованіе Святыхъ Отецъ на нѣкая реченія и разумѣнія, глаголаше во многихъ мужи, наипаче честныхъ и властелей мужей благоумныхъ и доблоразсудныхъ, яко грѣхъ величайшій есть намъ Славеномъ Православнымъ и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, совершенно добрѣ знающихъ Еллинскій и отчасти Славенскій, и укоряющихъ ны, яко не имамы Библіи добрѣ преведенныя, паче же въ Священномъ Евангеліи премногая суть погрѣшенія, въ нихъ же самъ превѣчное слово Пребезначальнаго Бога Отца Исусъ Христосъ глаголаше Боговѣщанная своя словеса“. Самъ Епифаній называетъ себя трудившимся въ исправленіи этой Библіи (1663 г.), а другихъ участниковъ сотрудничества—„сотруджающимися“ (См. первое предисловіе къ Библіи. Строевъ. Опис. старопеч. книгъ биб. гр. Толстого, № 133).

Такимъ образомъ мысль о напечатаніи исправленной Библіи всегда занимала Епифанія. Если же теперь, въ 1663 г., была издава біблія, отличающаяся отъ Острожской только немногими

¹⁾ М. Евгеній. Словарь встор. т. I стр. 176—177.

ореографическими поправками, ¹⁾ то это объясняется наличностию трудно устранимыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отодвинувшихъ ученый переводъ библіи, основанный на сличеніи съ греческими подлинниками, до 1674 года. Во второмъ предисловіи къ библіи ²⁾ Епифаній перечисляетъ эти обстоятельства. Такковы, по-первыхъ, неимѣніе „переволовъ добрыхъ, древнихъ писаній глубочайшаго языка и письма Еллинскаго, еже отъ самыхъ 72 богомудрыхъ преводниковъ отъ языка Еврейскаго преведен-

¹⁾ Эти поправки заключаются въ постановкѣ гласныхъ буквъ на мѣсто полугласныхъ (напр. «сотворимъ» вм. сътворимъ), въ замѣнѣ архаизмовъ новыми словами и въ нѣкоторыхъ поправкахъ перевода, напр: «изыдоша седмъ кравъ» вм. «изыдоша седмъ кравъ», «жреца илюпольскаго», вм. «жреца града солнечна» (Быт. 41, 45.), и др. См. объ этомъ Гор. и Нев. «Опис. рукоп». I, 1 стр. 167—176.

²⁾ За первымъ, такъ называемымъ выходнымъ, листомъ слѣдуютъ на оборотѣ «Стихи на гробъ» (числомъ 12), затѣмъ *первое* предисловіе, чрезвычайно важное для характеристики его составителя Епифанія. Изъ него видно, что Славянецкій на переводъ библіи смотрѣлъ, какъ на самый высокій подвигъ, какъ на жертву человѣческаго ума и знаній Богу. «Боже Отче Вседержителю, ты вѣси, едннъ свѣдый сердечная, яко на твою великую силу надѣющеся, коснухомся пречестному дѣлу (приготов. къ печати библіи)... дерзнухомъ на сіе, уповающе на милосердіе твое, вѣдуще, яко неудобно чловѣкомъ снастися, токмо храненіемъ заповѣдей Твоихъ, ихъ-же роду чловѣческому благоизволил еси предложити и возвѣстити божествомъ и всесвѣтлымъ писаніемъ... И аще, за немощь прегрѣшеній нашихъ и *намъ сотруждающихся дѣлателей* недоумѣніемъ уратися, или преложися или отмѣнися, самъ исправи дѣйствомъ пресватаго Духа» (3—4 стр.) Между первымъ и вторымъ предисловіемъ находится стихъ къ читателю (числомъ 20). Такъ какъ оба предисловія принадлежатъ перу Епифанія, то можно думать, что авторомъ стиховъ является онъ-же. Внутренніе признаки принадлежности предисловія Епифанію такковы: широкоевѣщательность изложенія, когда при изложеніи главной мысли въ нее вводится много второстепенныхъ опредѣлительныхъ (параллелизмъ церковныхъ пѣснопѣній, акафистовъ); конструкція рѣчи близко подходитъ къ языку церковныхъ книгъ; наличность словъ, которыя Епифаній часто употребляетъ въ другихъ своихъ трудахъ, напр.— истинствовати и др.

ныхъ въ Еллинскій; во-вторыхъ,^г недостатокъ лицъ, звающихся греческій языкъ (преводникомъ греческимъ немозѣмъ сущимъ обрѣтатися); въ третьихъ, „неудобоносимое время, сіе есть настоятельство браней“, слѣдствіемъ чего было оскудѣніе матеріальныхъ средствъ, потребныхъ для широкой постановки дѣла исправленія библии, такъ что для всякаго было очевиднымъ, яко никакоже удобно понуждаться кому къ начинанію зданія, сіе есть исправленія божественныя сея книги“. Таковы причины внѣшніи.

Къ внутреннимъ причинамъ, тормозившимъ дѣло исправленія библии по греческимъ оригиналамъ,—принадлежалъ господствовавшій въ то время предрасудокъ, что у грековъ повредилось благочестіе, что ихъ книги испорчены и самый правильный текстъ заключается въ старыхъ славянскихъ переводахъ: „Народи сему (т. е. исправленію славян. книгъ по греческимъ подлинникамъ) усомлѣвахуса“ — свидѣтельствуеть Епифаній—мняще неистинны быти за порабощеніе сгранъ ихъ, обычаемъ паче влекущеса, на древнее права своего склоняхуса, первыя изданныя книги похваляху, настоящія-же (исправленныя) презираху и хуляху.¹⁾

Между тѣмъ потребность имѣть вновь отпечатанную библию сильно давала себя чувствовать: „рукописныя бо (библии) отнюдь обрѣтахуса в малѣ же едва гдѣѣуже печатнымъ Острозскимъ обрѣстися, имъ-же отъ многа времени оскудѣти“. Поэтому-то рѣшено было „исправити ю (вполнѣ) въ прочее время, егда вся послѣшатся вкушѣ въ благос“, а пока Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ *вскорѣ* издати съ готоваго перевода, князя Константина Острозскаго печати, неизмѣнно, кромѣ орфографіи и нѣкихъ в малѣ именъ и реченій нужднѣйшихъ, лветвенныхъ погрѣшеній“.

Какъ видно изъ этого предисловія, Епифаній прекрасно былъ осведомленъ съ положеніемъ дѣла и ясно сознавалъ, что

¹⁾ Предисловіе (второе) къ библии 1663 г. Строевъ. Описан. старопеч. кн. Толстого № 133.

неотложная нужда Русской церкви¹⁾ должна быть удовлетворена „вскорѣ“. Поэтому, повторяемъ, онъ принялъ живое участіе въ переизданіи библіи, и, какъ одинъ изъ видныхъ участниковъ въ приготовленіи ея къ напечатанію, считаетъ нужнымъ просить прощенія (въ предисловіи) за тѣ отгѣны и несогласія (съ греческою библіей), какія въ нововзданной библіи не могли быть устранены только вслѣдствіе неотложности и поспѣшности работы.

„Когда, вникнувъ въ эту Божественную книгу—обращается Епифаній къ читателю—ты найдешь въ ней, помимо исправленнаго въ текстѣ (внутри лежащая) и на поляхъ (на краяхъ страницъ) еще много несогласнаго съ греческимъ, то умоляемъ тебя: не ставь этого намъ въ вину, думая, что это оставлено такъ по небреженію; или когда сличишь славянскую вновь отпечатанную библію съ греческой, то не спѣши возглашать съ недоумѣніемъ: „если не исправлено во всемъ съ греческою библіею, то зачѣмъ было и издавать ее“, но прежде узнай причину этого. А причина такова, что едва гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ (библіямъ) обрѣстися“.²⁾

Если-бы Епифаній устранился отъ переизданія библіи, какъ думаетъ проф. Пѣвницкій, то едва-ли бы онъ счелъ нужнымъ умолять читателя о свисхожденіи и неосужденіи трудившихся надъ переизданіемъ библіи.

Второй, изданной въ этомъ 1663 году, книгой, въ которой принималъ участіе Епифаній, была Общая Минея въ 4-ку, напечатанная въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1663, мѣсяца іунія въ 1-й день.³⁾ Предисловіе, принадлежащее Епифанію, перепечатано у Строева. (Дополн. 97).

1) Печатной Острожской библіи не было и въ бібліотекѣ Моск. печат. двора; для переизданія этой библіи пользовались экземпляромъ, принадлежавшимъ чтецу печ. двора стар. Феодосію. См. проф. Николаевскій. Моск. печат. дворъ при патр. Никонѣ. Христ. Чт. 1891 г. I, стр. 170.

2) Предисловіе. Строевъ. Опис. Толстого, № 133

3) Фларетъ. Обз. дух. лят. § 223.

Въ 1664 г. при участіи Епифанія была издана книга о священствѣ, въ которой содержится: „1) Житіе св. Іоанна Златоустаго, 2) Шесть словъ о священствѣ, 3) Разныя статьи, приличныя священству, 4) Посланіе св. Василія Великаго о хиротоніи на мздѣ бываемой, также Геннадія Патріарха и другихъ о томже“.

Всѣ эти статьи переведены съ греческаго Елифаніемъ.¹⁾ Эти святоотеческія творенія были напечатаны въ Москвѣ первый разъ („первое изобразися печатнымъ тисненіемъ“), въ количествѣ 2400 экз.²⁾ Вышли изъ печати 5 августа.

Въ 1665 г. были изданы въ одной книгѣ, наконецъ, творенія Григорія Богослова (50 словъ), 'Афанасія Александрійскаго 4 слова противъ Аріанъ, Василія Великаго Бесѣды на Шестодневъ и Догматика Іоанна Дамаскина.³⁾

Переводомъ этихъ твореній Епифаній занимался уже давно. Изъ „Оглавленія книгъ“ мы узнаемъ, что переводъ ихъ напечатанъ еще въ 1656 году. Здѣсь читаемъ: „4. Преложи (разум. Епифаній) Слова св. Григорія Богослова отъ Елинска, съ книги изданна въ Парисѣ: лѣта М D C XXX (1630) нача 7164 (т. е. 1656), соверши же 7165 (1657) Іун. 5. Преложи св. Афанасія Александрійска слова 4 на Аріа лѣта 7164 (1656). Со-

¹⁾ Социковъ. Опытъ рос. биб. I, 477; Сfr. м. Евгеній. Словар. Истор. т. I, 173 стр. Строевъ. Опис. ки. Царск. № 190; Его-же. Опис. ки. Толст. № 134.

²⁾ В. М. С. Т. Приколораск. книга печ. двора № 69, л. 79—81 (см. приложенія къ шестой главѣ изслѣд. Бѣлокурова: Арсеній Сухановъ, прилож. первое.

³⁾ См. Социковъ. Опытъ библиогр. I, 247. Здѣсь приводится полное заглавіе книги и прилагается для показанія слога выписка изъ 2-й бесѣды Василія Великаго: о еже невдвма бѣ земля и не устроена» Сfr. Строевъ. Описаніе старопеч. книгъ биб. гр. Толстого № 136, гдѣ перепечатанъ весь выходной листъ. Его же. Опис. книгъ биб. Царскаго № 193. Мы пользовались экземпляромъ изъ бібліотеки Троиц.-Сергіев. Лавры, который въ описанномъ реестрѣ этого книгохранилища значится подъ № 69 V отдѣла (печатныя святоотеческія творенія).

верши-же Ауріліа съ книги, изданныя въ...; 20. Книгъ 4 о православной вѣрѣ преложи отъ Еллинска. Нача лѣта 7168 (1660) св. Іоанна Дамаскина, отъ книги изданныя въ...; 25. Св. Василия вел. Кесарійскаго бесѣда 11 на Шестодневъ. Въ пачалѣ сотвори Богъ небо и землю,—преложи отъ книги друкованныя въ Бастидіи M D LI (1551) Opera Graeca cum gratia et privilegio Imp. Majestatis ad annos: V. Froben, въ десть“¹⁾

Чтобы опредѣлить все громадное значеніе этого труда Ешифаніева, должно представить себѣ, въ какомъ положеніи была Русская церковь того времени въ этомъ отношеніи. До патріарха Никона святительскія творенія являлись въ Русской церкви *случайно*, переводились онѣ въ тиши монастырей по почину и благочестивому усердію частныхъ лицъ, безъ объединеннаго контроля высшей центральной іерархической власти; распространялись путемъ переписыванія, въ рукописяхъ; при переписываніи часто искажались; при списываніи и составленіи новаго списка нерѣдко вносилось много подложныхъ сочиненій, апокрифовъ, которые однако выдавались за твореніе того или иного отца и потому пользовались авторитетомъ наравнѣ съ подлинными святительскими твореніями.

Вполнѣ естественно, что такія сочиненія только разносили по всей Руси много суевѣрныхъ преданій и понятій. Насколько велика была спутанность агиографическихъ свѣдѣній, можно судить по тому, что въ русскихъ лѣчебникахъ первой половины XVII в. Аристотель называется „преподобнымъ“²⁾

Въ виду такого состоянія святоотеческой литературы въ то время, переводъ четырехъ важнѣйшихъ отцевъ восточной церкви былъ громадною услугою для чадъ Русской церкви. Ближе всего

¹⁾ «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» § 79; Cfr. м. Евгеній: Словарь Историческій, стр. 173—174; Филаретъ. Обзоръ духов. литер. § 223.

²⁾ Архангельскій. Образ. и литер. въ Моск. Госуд. XV—XVII в. Ученыя Записки Казан. Унив. 1898 г. кв. VII—VIII, стр. 233.

въ истинѣ, кажется намъ, думать, что выборъ святоотеческихъ твореній для перевода принадлежалъ самому Епифанію, потому что въ немъ обнаружилось прекрасное знакомство съ относительнымъ достоинствомъ разныхъ отеческихъ произведеній.

Значеніе труда Епифаніева еще болѣе увеличивается отъ того, что онъ получилъ высшую офіціальную саякцію отъ патріарха и такимъ образомъ получилъ право на всеобщее распространеніе.¹⁾ Въ увѣщаніи отъ лица патріарха сказано: „сіи, (т. е. митр. Алексій, Максимъ грекъ и Епифаній Славинецкій,— о которыхъ рѣчь была выше) опасно храняху реченій, искренность діалектовъ, каноны сочиненія и чиноположеніе правописанія, просодіи, и препиванія реченій. Сего ради сія рекошаса нами, да не возмнѣтъ кто-либо таковая (т. е. нѣкая реченія не тождесловна суца реченіемъ прежде погрѣшенію написаннымъ) отъ самомишнія преводника самосмышленно положена быти, и вояая нѣкако и необычна. Ни убо, никако. Но истинно и праведно, исправлена бо суть сія вся (разум. Новшій Заветъ митр. Алексія, бесѣда св. Іоанна Злат. на евангеліе—переводъ Максима Грека и переводы твореній Григорія Богослова, Василия Великаго, Аванасія, Александра и догматика Іоанна Дамаскина) по свойству обѣихъ діалектовъ, славенскаго и греческаго, имже діалектомъ греческимъ, явленно писаша святіи евангелисти самая устоглаголанная Христова словеса и апостоли, и селенстіи сиподи, и отци святіи и оттуду переведены суть на славенскій языкъ искренно и истинно досточюдными и мудрыми мужи“.²⁾

Разсмотримъ теперь, насколько близко было участіе Епифанія въ самомъ печатаніи ихъ.

Уже апріорно можно заключать, что такъ какъ перевелъ эти святоотеч. творенія Епифаній, то при печатаніи ихъ онъ-же, а не кто-либо иной, долженъ былъ наблюдать за справой ихъ

¹⁾ Книга (святоот.) твореній 4 отцевъ вост. церкви была издана въ количествѣ 2400 экзempl. Приходорас. книги печат. двора № 69 л. 79—81 (Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, I прил. къ шестой главѣ).

²⁾ Горск. и Нев. Описан. Слав. рукоп. II, 2. № 196, л. 19.

на печатномъ дворѣ, за самымъ печатаніемъ. Болѣе подробное обслѣдованіе этого вполне подтверждаетъ справедливость апріорнаго заключенія.

Въ Москов. Синодальн. бібліотекѣ есть рукопись, ¹⁾ содержащая въ себѣ Епифаніевъ переводъ словъ св. Григорія Богослова. Изъ типографскихъ помѣтокъ, имѣющихся на ней, видно, что она служила оригиналомъ при печатаніи. На поляхъ, и частію надъ строками, встрѣчаются очень часто, поправки, сдѣланныя рукою Епифанія. Правда, эти поправки—по свидѣтельству Горскаго и Невоструева—не приняты въ печатное изданіе; но для насъ въ данномъ случаѣ важно не это, а то, что на корректурномъ оригиналѣ имѣются Епифаніевы замѣтки и поправки: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что Епифаній посѣщалъ печатный дворъ и слѣдилъ за печатаніемъ своихъ переводовъ.

При напечатаніи словъ св. Аѳанасія Александр. на рукописи, служившей оригиналомъ для этого изданія, ²⁾ также имѣются собственноручныя поправки Епифанія Славинецкаго, таковы напр., л. 27, вмѣсто „ходатайствоваше“ имъ испразлено „средствоваше“; л. 77. об. вм. „хулити“—вредословити“; л. 78 вм. „распясте“—„укрестовасте“.

То же должно сказать и о рукописномъ славянскомъ оригиналѣ догматики Іоанна Дамаскина, съ котораго производилось печатаніе ея. ³⁾

Послѣдней книгой, напечатанной при участіи въ ея исправленіи Епифанія Славинецкаго, была служебная минея на сентябрьскую четверть, напечатанная въ 1666 году мѣсяца ноемврія въ 15 день“ ⁴⁾

¹⁾ По каталогу Саввы № 594. У Горск. в Нев. П, 2, № 124.

²⁾ См. Гор. и Нев. П, 2. № 112 (по прежнему кат. № 360).

³⁾ Ibidem, № 157 (прежн. кат. 441).

⁴⁾ Филаретъ. Обз. дух. литер. § 223. Сѣг. Сопиковъ. Опытъ рос. биб. I, 647. У него сказано, что Минея мѣсячныя изданы на цѣлый годъ, а не по сентябрьскую только четверть. Но это не вѣрно: въ архидорасходной книгѣ печат. двора № 69 л. 79—81,—читаемъ:

Послѣ этого года не видно, чтобы Епифаній принималъ участіе въ исправленіи книгъ, выходившихъ съ Московскаго печатнаго Двора.

Обобщая все сказанное нами о дѣятельности и значеніи Епифанія въ книжномъ исправленіи Моск. Руси второй половины ХУІІ в., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Епифаній окончательно разрушилъ и уничтожилъ въ высшихъ слояхъ Моск. общества еще раньше поколебленное / предубѣжденіе противъ грековъ; 2) то направленіе, какое Никонъ далъ дѣлу книжнаго исправленія, въ значительной мѣрѣ должно быть объяснено вліяніемъ Епифанія; 3) съ самаго начала исправленія, съ первыхъ его попытокъ еще до Никона, вплоть до 1666 г., Епифаній принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ печатнаго двора, и 4) наконецъ, онъ слѣдилъ за печатаніемъ не только своихъ переводовъ, но и исправлялъ богослужебныя книги, какъ это ясно показываютъ его поправки на корректурномъ экземплярѣ напрестольнаго евангелія 1657 года.

Ив. Ротарь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миней съ сентября зъ мѣсяца 2400 кн. (Бѣлокуровъ. Арсен. Сухан. ч. I., прилож. въ VI главѣ); см. также Строевъ. Опис. кн. Царскаго № 195.

Бѣлоцерковская гимназія.

(1862—1869).

Оставляя Винницкую гимназію въ 1845 году, я не думалъ, что черезъ 17 слишкомъ лѣтъ мнѣ придется снова встрѣтиться на службѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, но уже не въ качествѣ „попыхача“, параллельнаго учителя, а въ роли начальника заведенія.

Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ очерковъ я имѣлъ случай сообщить, въ какомъ жалкомъ состояніи находилась Винницкая гимназія въ началѣ 40-хъ годовъ. Занимаемое ею помѣщеніе въ поіезуитскихъ „мурахъ“ ничѣмъ не отличалось отъ солдатскихъ казармъ самаго низшаго разбора, на постройку же для нея приличнаго зданія, по ограниченности средствъ, отпускаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, нечего было и думать. На помощь казнѣ явилась частная благотворительность. Извѣстный польскій магнатъ графъ В. С. Браницкій, унаслѣдовавшій отъ своей матери колоссальныя Цотемкинскія богатства, ¹⁾ прел-

---

¹⁾ Гр. Вл. Ст. Браницкій, старшій изъ четырехъ братьевъ, по раздѣлу получилъ: въ Васильковскомъ уѣздѣ мѣстечко Бѣлую Церковь, и 79 сель и деревень; въ Сквирскомъ у.—2, въ Радомысльск.—2, въ Черкасскомъ—3, въ Херсонскомъ—3, въ Звенигородск.—11, а всего 100 селеній.

ложилъ министерству свои услуги, если только Правительство согласится перевести гимназію изъ Винницы въ Бѣлую Церковь. Заручившись его согласіемъ, графъ выстроилъ зданіе, въ которомъ должна была помѣститься гимназія съ общею ученической квартирой на 150 человекъ.

Такое капитальное пожертвованіе графа въ пользу просвѣщенія, превознесенное и препрославленное какъ высокопатріотическій подвигъ, въ сущности было коммерческое предпріятіе; ибо съ переводомъ гимназіи въ Бѣлую Церковь, мѣстечко это, во-первыхъ, стало приносить ему въ пять разъ больше дохода, а во-вторыхъ, дало возможность множеству оффиціалистовъ дать образованіе своимъ дѣтямъ.

Построивъ зданіе, графъ обусловилъ свое пожертвованіе между прочимъ такимъ пунктомъ, что зданіе останется собственностію Министерства до тѣхъ поръ, пока въ немъ будетъ помѣщаться гимназія, „а закроютъ гимназію, — какъ выразился графъ, — я въ немъ заводъ устрою“.

Бѣлоцерковская гимназія долго слыла въ народѣ подъ именемъ „Графской“, въ которой существованіе служащихъ — отъ сторожа до директора включительно — яко-бы зависѣло отъ щедротъ Его Сіятельства наравнѣ съ его оффиціалистами.

Какъ бы тамъ ни было, а въ 1847 году Винницкая гимназія съ ея многосемейнымъ директоромъ Аристархомъ Александровичемъ Яковлевымъ и старымъ холостякомъ инспекторомъ Андріевскимъ (онъ же Барилко), замѣнившимъ Мазепича Минича Самойленка, съ любителемъ шарпаныны Персидскимъ, скаредомъ фонъ-Мерсомъ, Омегой Осмоловскимъ, ¹⁾ — переселилась въ Бѣлую Церковь. Четырнадцатилѣтнее существованіе этого заведенія съ 1847 по 1862-й годъ, при трехъ директорахъ, Яковлевѣ, Науменѣ и Вилуевѣ, до моего назначенія не входитъ въ предѣлы моихъ воспоминаній, и я перехожу прямо къ началу своего директорства.

---

¹⁾ См. о всѣхъ этихъ лицахъ въ Кіев. Стар. 1894 г. № 12.

Переселеніе мое изъ Богоспасаемаго града въ жидовское мѣстечко совершилось въ самое ужасное время года—въ началѣ февраля 1862 года. Зима въ этомъ году была жестокая, обильная снѣгами и сугробами. Почтовый 80-тиверстный трактъ оказался почти непроѣзднымъ; а между тѣмъ ждать тепла, оставаясь въ Кіевѣ, не было никакой возможности. Новое начальство 2-й гимназіи, пользовавшейся со времени Гренковской исторіи кличкою „мятежной“, въ лицѣ директора Вилуева и инспектора Слѣпушкина, успѣшило занять квартиры, оставивъ для меня съ женой и со всѣмъ моимъ скарбомъ одну лишь комнату, и то съ условіемъ очистить ее къ извѣстному, ими же назначенному сроку. По всему было видно, что меня колѣномъ выпирали изъ Кіева, считая дальнѣйшее мое пребываніе въ гимназіи почему то небезопаснымъ,—такъ по крайней мѣрѣ должно было бар. Николаи новой администраціей, и потому *polens-volens*, для пользы службы, я долженъ былъ при 15° мороза пуститься въ путь на двухъ жидовскихъ балагулахъ, съ женой, прислугой и коровами, по страшнымъ сугробамъ. Ну, развѣ мое якобы повышение, не было ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя?

Переночевавъ въ Васильковѣ въ заѣздномъ жидовскомъ домѣ, мы на другой день, 2 февраля прибыли въ мѣстечко и поселились въ квартирѣ страшно заущенной, вѣсколько лѣтъ остававшейся безъ всякаго ремонта. Поутру въ квартиру мою явился безносый экономъ общей квартиры и гнусявымъ голосомъ повелъ такую рѣчь:

— Я пришелъ спросить, вешескородіе, сколько прикажете доставлять вамъ на кухню говядины?

— А что, развѣ у васъ собственная мясная лавка?

— Нѣтъ, г. директоръ, но я беру у мясника говядину для воспитанниковъ въ большомъ количествѣ, изъ котораго есть возможность выбрать лучшіе куски.

— Куда жъ у насъ идутъ эти лучшіе кутки?

Для гг. директора и инспектора—такъ у насъ всегда дѣлалось въ прежнія времена.

— И что-же? вамъ, конечно, уплачивалось за лучшую говядину дороже базарной цѣны?

— Помилуйте, г. директоръ, какъ можно, развѣ я осмѣлился бы требовать платы?

— Ну, такъ я вамъ разъ навсегда приказываю: лучшеіе куски мяса оставлять для воспитанниковъ, а остатки для вашего семейства и прислуги; о директорѣ же и инспекторѣ не заботьтесь: они сами должны думать о своемъ продовольствіи.

Экономъ сдѣлалъ большіе глаза: повидимому его очень удивило такое странное распоряженіе новаго начальства. Сказавши обычное „слушаю-сь“, онъ повернулся къ выходу, но, вспомнивъ, что еще не все сказалъ, воротился и предложилъ мнѣ еще одинъ вопросъ:

— А хлѣба сколько прикажете доставлять на кухню?

— Какъ? неужели вы и хлѣбомъ довольствуете начальство? да вы, почтенивѣйшій, и сами останетесь безъ хлѣба! А интересно знать, однако-жъ, сколько фунтовъ хлѣба вы обыкновенно отправляли на кухни ежедневно?

— Директору Аристарху Александровичу, такъ какъ у нихъ было большое семейство и нѣсколько пансіонеровъ, требовалось порядочное количество и говядины и хлѣба, а другимъ гораздо меньше, смотря по числу пансіонеровъ.

Первый день моего пребыванія въ гимназіи былъ посвященъ бѣглому осмотру зданія, посѣщенію классовъ и закрытаго заведенія. Зданія состоятъ изъ трехъ корпусовъ: главнаго—трехъ-этажнаго, въ которомъ помѣщались классы, бібліотека, физическій кабинетъ и квартира инспектора, и двухъ двухъ-этажныхъ флигелей, гдѣ помѣщалось закрытое заведеніе. При постройкѣ зданій, инспекторъ случился холостякъ, и потому для инспекторской квартиры, не заботясь о будущемъ, назначены были три комнаты, безъ кухни и кладовой, а когда Барилку смѣнилъ семейный человекъ Токарскій, то онъ долженъ былъ служительскую комнату обратить въ кухню, а парадныя сѣни, заколотивъ наглухо роскошное entrée съ колоннами, превратить въ кладовую, гдѣ хранилась не только вся провизія, но и разнаго рода живность, отъ курицы до поросенка включительно. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ инспекторской квартиры, помѣщались три

первые власса, а насупротивъ дверей передней—сборная учительская. По корридору непрерывно шмыгала не только женская прислуга, но и самая барыня въ дезабилье—другого выхода въ кухню не имѣлось, а во время уроковъ по корридору постоянно доносился пискливый бабій крикъ, а ивогда раздавались и звонкія пощечины, которыми щедро надѣляла своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ г-жа инспекторша.

Поднявшись на 2-й этажъ, я вошелъ въ парадный залъ для торжественныхъ собраній—и моему изумленію не было границъ, когда я на желѣзныхъ крючьяхъ, поддерживавшихъ царскій портретъ, увидѣлъ двѣ женскія юбки съ широчайшими криволиниями! Изъ этого, между прочимъ, можно усмотрѣть, до какой халатности дошли отношенія бѣлоцерковской администраціи ко вѣренному ей заведенію и до какой крайности дошло пренебреженіе къ внѣшнему декоруму благодаря своеобразно понятому принципу Пирогова объ уничтоженіи мундирной выставки и высокаторжественныхъ актовъ, послѣ чего парадныя залы оказались годными лишь для гардеробныхъ.

Общая ученическая квартира занимала обширное помѣщеніе, но воспитанниковъ въ ней, какъ и вообще во всей гимназіи, оказалось весьма немного. Трехъ надзирателей, ни за чѣмъ не надзиравшихъ, для такого количества вовсе не требовалось; ни одинъ изъ нихъ не заглядывалъ во время своего дежурства ни въ столовую во время обѣда, ни въ учебныя комнаты во время занятій, возложивъ эту обязанность на инспектора. Дѣло въ томъ, что надзирательскія должности исполняли учителя; получая по 300 рублей добавочныхъ и пользуясь казенными квартирами со столомъ, они по цѣлымъ ночамъ лишь рѣзались въ карты.

Вникнувъ въ экономическую часть закрытаго заведенія, всецѣло находившуюся въ рукахъ инспектора, я ужаснулся: безбожная, безсовѣстная эксплуатація! Постройка одежды и обуви, носильнаго и постельнаго бѣлья, письменныя принадлежности, освѣщеніе, отопленіе—сколько матеріала для хищенія!

„Дайте намъ,—говорить русская поговорка,—только за хвостъ казеннаго возла подержать—мы шубу сошьемъ“.

Не будучи, подобно инспектору, математикомъ, я не берусь высчитать точный процентъ по каждой изъ статей расхода на содержаніе закрытаго заведенія, остававшійся ежегодно въ его карманахъ, а ограничусь на сей разъ самымъ незначительнымъ. Спрашиваю надзирателя Лятошинскаго: кѣмъ и какъ снабжаются ученики чернилами? И получаю курьезный отвѣтъ, что чернила собственноручно приготовляетъ инспекторша и получаетъ за то изъ суммъ общей квартиры 75 руб. серебромъ ежегодно.

— А вы, Николай Леонтьичъ, умѣете дѣлать чернила?

— О, еще какія!

— А сколько вамъ нужно денегъ на изготовленіе годовой пропорціи чернилъ для гимназіи и для закрытаго заведенія?

— Дайте, говорить, пока рубля три на матеріалъ, а тамъ, если будетъ мало, еще попрошу.

И что же? Двѣ громадныя суеи превосходныхъ чернилъ обошлись въ четыре съ полтиной. По этой одной ничтожной операціи можно заключить о болѣе серьезныхъ. 70 рублей, заработанныхъ г-жею инспекторшей на чернилахъ, были каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что выручалось ея супругомъ отъ постройки одежды, освѣщенія, отопленія и т. д.

Въ общей квартирѣ, устроенной на 150 человекъ, не оказалось и полсотни воспитанниковъ, съ тремя надзирателями. Посѣтивъ учебныя комнаты во время вечернихъ занятій, я нашелъ у cadaго воспитанника высшихъ классовъ по нѣсколько польскихъ книгъ. Значить, и здѣсь продѣлывалось то же самое, что и во второй гимназіи: существовала частная библіотека польскихъ книгъ тенденціознаго содержанія, которою завѣдывалъ преподаватель польскаго языка. Но я порѣшилъ до конца учебнаго года не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, а лишь приглядываться къ тому, что заведено до меня и было терпимо такъ долго; тѣмъ болѣе, что содѣйствія къ искорененію разныхъ безобразій въ своихъ сослуживцахъ я не чаялъ, по тѣмъ не менѣе готовился къ борьбѣ со зломъ, насколько у меня хватить силъ и умѣнья.

Обычные свои визиты я началъ съ ясновельможнаго графа, который всю зиму проживалъ въ своемъ бѣлоцерковскомъ домѣ. Принять я былъ не особенно привѣтливо—и очень понятно почему. Когда онъ узналъ о моемъ назначеніи въ „его гимназію“, то просилъ содѣйствія губернатора Гессе избавить его отъ такого отчаяннаго хлопотана: „онъ мнѣ всѣхъ крестьянъ взбунтуетъ“. Гессе отвѣтилъ ему, что онъ это самъ знаетъ, но помимо генераль-губернатора ничего нельзя сдѣлать. Предвидя, въ будущемъ еще большія инсинуаціи со стороны его с—ва, я счелъ необходимымъ побывать у кн. Васильчикова и предупредить его объ этомъ, а также заявить, что дорожа честію и достоинствомъ заведенія, я, какъ представитель русскаго начала въ краѣ, не намѣренъ заискивать милостей у польскаго магната, который мнитъ себя какою-то владѣтельною особой.

— Онъ меня такъ принялъ, что я въ другой разъ не рѣшусь пойти къ нему,—прибавилъ я въ заключеніе.

— Да вы къ нему послѣ этого ни ногой,—сказалъ князь Браницкій—извѣстный гордецъ и невѣжа.

Осмотрѣвши, такъ сказать, à vol d'oiseaux состояніе гимназіи, я приступилъ къ болѣе подробному ознакомленію съ ней, обративъ прежде всего вниманіе на учебную часть. Новыя вѣянія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, еще со временъ директора Яковлева, создали въ бѣлоцерковской гимназіи особаго рода олигархію изъ нѣсколькихъ учителей, и мнѣ предстояла нелегкая борьба съ оппозиціей, тѣмъ болѣе, что въ помощникѣ своемъ, инспекторѣ Токарскомъ, я встрѣтилъ человѣка двуличнаго. Получивъ первоначальное воспитаніе у базилианъ въ Уманской школѣ, онъ заразился іезуитизмомъ и, будучи на нѣсколько лѣтъ старше меня по службѣ, считалъ себя обойденнымъ, готовый при всякомъ удобномъ случаѣ подставить мнѣ ножку. Чтобы показать, съ какими людьми пришлось мнѣ работать для общественной пользы, я приведу нѣсколько краткихъ характеристикъ.

Учитель математики и физики, человѣкъ несомнѣнно даровитый, оставленный было проф. Кноррингомъ при университетѣ въ качествѣ стипендіата, но потомъ имъ-же удаленный

за любовныя пашни, продѣланныя стипендіатомъ въ его семействѣ, поступивъ на службу въ Бѣлоцерковскую гимназію, сразу принялъ на себя роль заправицы всей училищной корпораціи: онъ подчинилъ своему вліянію не только преподавателей и самаго директора, но даже всѣ „ученыя дамы“ не избѣжали его нахальства. Сегодня, напр., онъ посылаетъ къ инспекторшѣ своего служителя съ увѣдомленіемъ, что онъ намѣренъ у нея обѣдать, заказавъ при этомъ и меню самаго обѣда; въ слѣдующій день назначаетъ пикникъ въ ближайшемъ лѣсу, или, ѣдучи въ Кіевъ, приглашаетъ за-компанію и жену надзирателя К—скаго. Наконецъ, не задолго до моего прибытія, выкинулъ такое колѣнце. Бывшій директоръ Яковлевъ, вскорѣ послѣ переселенія въ Бѣлоцерковскую гимназію, потерялъ свою властолюбивую и энергичную супругу, крѣпко державшую въ рукахъ этого стараго сластолюбца. Овдовѣвъ, нашъ Аристархъ не выдержалъ и одного года. У гимназическаго врача Потѣна была смазливая 16-ти лѣтняя племянница, приглянувшаяся старику; онъ окрестилъ ее и женился. Физикъ повелъ противъ нея атаку, и она, обобравши мужа до нитки, ушла отъ него и поселилась въ заранѣе приготовленномъ ей убѣжищѣ; туда нашъ Донъ-Жуанъ часто уѣзжалъ безъ разрѣшенія начальства, манкируя своими обязанностями.

Преподаватель русскаго языка и словесности, заразившись господствовавшей въ то время маніей ложно понятаго прогресса, когда громкія фразы ничего не дѣлающихъ крикуновъ принимались за дѣла, избавляя ихъ отъ обязанности трудиться, мало того что не приносилъ ни малѣйшей пользы своимъ небрежнымъ преподаваніемъ воспитанникамъ, но положительно былъ вреденъ для заведенія. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ моего прибытія, ко мнѣ явился главноуправляющій имѣніями графа панъ Зелинскій и заявилъ, что его с—ву, какъ почетному попечителю, занесена родителями дѣтей жалоба на учителя словесности, внушающаго ученикамъ безбожныя идеи, при чемъ графъ велѣлъ передать, что, если я не уйду либерала, то онъ напишетъ министру. Когда

сдѣланныя мною предостереженія на словесника не подѣйствовали, то я предоставилъ вѣдаться съ нимъ инспектору казенныхъ училищъ М. А. Тулову, обративъ вниманіе на его преподаваніе. Въ концѣ учебнаго года, приступая къ экзамену въ VII классѣ, я продиктовалъ ученикамъ небольшой отрывокъ изъ христоматіи и былъ пораженъ безграмотностью молодыхъ людей; философствуя, со словъ своего наставника объ ученіи Будды, нѣкоторые изъ нихъ на одной страницѣ диктовки сдѣлали около 25 грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ и для учениковъ 2 го класса.

Назначено было засѣданіе Педагогическаго Совѣта.

— Какъ вы, господа, находите вотъ эту диктовку?—обратился я къ членамъ, предложивъ имъ разсмотрѣть писаніе одного изъ пансіонеровъ: можно-ли подобнаго субъекта допустить къ дальнѣйшему испытанію?

— Разумѣется, можно,—возвысилъ свой голосъ физикъ.

— На какомъ-же основаніи, позвольте васъ спросить?

— Я такъ думаю—и кончено.

Отобравши голоса, я, разумѣется, остался въ значительномъ меньшинствѣ,—но когда я сказалъ, что войду къ попечителю съ особымъ мнѣніемъ, предоставивъ ему рѣшить столь важный вопросъ, то большинство перешло на мою сторону. На экзаменахъ по другимъ предметамъ тоже оказались значительные пробѣлы. Да можно-ли было ожидать хоть какихъ-нибудь успѣховъ, напр. хоть у преподавателя законовѣдѣнія Подгаецкаго, который въ продолженіе учебнаго года находился на службѣ не болѣе одного мѣсяца, проживая все время въ Кіевѣ? Дѣлалось это такимъ образомъ: отбывъ годичный экзамень по своему предмету, онъ бралъ билетъ на каникулы; затѣмъ въ августѣ представлялъ въ Округъ медицинское свидѣтельство и получалъ отпускъ на четыре мѣсяца—до декабря. Передъ Рождествомъ пріѣзжалъ въ Бѣлую Церковь, получалъ за полгода жалованье и уѣзжалъ въ Кіевъ на праздники; оттуда опять получалось увѣдомленіе объ отпускѣ по болѣзни до весны и т. д.

Все это беззаконіе нашъ законовѣдъ продѣлывалъ съ помощью Могиланскаго, находившагося съ нимъ въ какомъ-то родствѣ.

Учитель латинскаго языка,—а послѣ преобразованія гимназіи въ реальную,—нѣмецкаго языка, уже знакомый читателю по Винницкой гимназіи, Оттонъ фонъ-Мерсъ—олицетвореніе историческаго Плюшкина—оставленный женой, обзавелся новой семьей и еще болѣе опошлѣлъ. Скарედство его дошло до колоссальныхъ размѣровъ. Чѣмъ питался онъ самъ и его многочисленное потомство—объ этомъ никто не зналъ ничего достовѣрнаго, такъ какъ никто никогда у него не бывалъ. Лошади его—настоящіе одры—въ теченіе цѣлой недѣли кормились бурьяномъ да соломой, и только въ субботу, отбывши уроки, Оттонъ запрягалъ ихъ въ разслабленную и дребезжащую негычанку и отправлялся къ своему пріятелю садовнику—Генцу въ Александрію; тамъ его лошади кормились до вечера, затѣмъ, наполнивъ свою негычанку сѣномъ, онъ возвращался домой. Лошади его, отправляясь изъ дому, еле передвигали ноги, а разъ даже на половинѣ дороги и пристали, за то домой бѣжали изрядною рысдой. Странное существо былъ этотъ *фонъ*. При всей своей скаредности, онъ, помимо лошадиной страсти, любилъ разводить всевозможныхъ домашнихъ птицъ, даже рѣдкой породы кохинки у него не переводились, но никому онъ не уступилъ ни одного яйца. Въ отдѣльной комнатѣ помѣщался цѣлый птичій заводъ; но въ одну изъ зимъ всѣ его птицы угорѣли и поголовно околѣли.

У него было два дома: одинъ изъ нихъ каменный двухъ-этажный находился среди базарной площади, на бойкомъ мѣстѣ, и приносилъ изрядный доходъ. Спустя лѣтъ 10 послѣ оставленія мною Бѣлой Церкви, мы встрѣтились съ Мерсомъ, какъ старые сослуживцы—эмериты, въ Кіевѣ.

— Какъ поживаете Оттонъ Карловичъ?—спрашиваю его.

— Вообразите, я сильно былъ боленъ въ прошлый годъ. Жиды узнали объ этомъ и уговорили продать имъ мой каменный домъ. „Вы, говорятъ, умрете, а жена завладѣетъ имъ“. Я, по глупости, и продалъ очень дешево, а теперь желѣзная дорога

прошла черезъ Бѣлую Церковь—большой доходъ приносилъ-бы мнѣ этотъ домъ.

Вслѣдствіе своего флегматическаго темперамента и однообразія учительскихъ занятій, Мерсъ превратился въ бездушную машину. Изъ года въ годъ аккуратнѣйшимъ манеромъ по звонку ходилъ на уроки, садился на кафедру и спрашивалъ заданное; въ пятницу-же, свободный отъ уроковъ, весь день проводилъ на базарѣ съ жидами, а въ субботу ѣздилъ въ Александрію кормить лошадей. Служба для такого автомата—благодѣяніе; отставка—нравственная смерть. Прослужилъ же онъ болѣе 40 лѣтъ; но пользы отъ его долговременной службы получилось очень мало.

При такихъ педагогахъ учебная часть въ Бѣлоцерковской гимназіи находилась въ самомъ жалкомъ положеніи, въ чемъ наглядно можно убѣдиться по количеству пропущенныхъ учителями уроковъ: въ 18⁵⁹/₆₀ г. ихъ было 790; въ 18⁶⁰/₆₁—431; въ 18⁶¹/₆₂—555.

Изъ этихъ данныхъ видно, что пропускать уроки обратилось въ привычку, и какую тяжелую борьбу я долженъ былъ вынести съ закоренѣлымъ годами вломъ для того, чтобы изъ 790 пропущенныхъ уроковъ въ 1860 г.—въ 1864 ихъ было только 86, и то по уважительнымъ причинамъ.

Если къ приведеннымъ цифрамъ манкировокъ прибавить промежутки между перемѣщеніями или увольненіемъ одного преподавателя и прибытіемъ на его мѣсто другого, то для занятій не оставалось и половины положенныхъ по уставу часовъ. А перемѣщеній и увольненій за послѣдніе десять лѣтъ съ 1855 по 1865 годъ—было не мало, а именно: законоучителей—6, русскаго языка и словесности—8, математики и физики—8, исторіи и географіи—6, новѣйшихъ языковъ—5.

При частыхъ пропускахъ уроковъ и перемѣщеніяхъ преподавателей, учебные часы по цѣлымъ мѣсяцамъ оставались не занятыми, и ученики, какъ овцы безъ пастуха, бродили по мѣстечку между жидами, о чемъ мнѣ съ озлобленіемъ высказалъ, при первомъ моемъ визитѣ, почетный попечитель и при этомъ изъявилъ сожалѣніе о своихъ жертвованіяхъ.

Не даромъ Н. И. Пироговъ, посѣтивъ Бѣлоцерковскую гимназію, возмѣль о ней самое презрительное мнѣніе, прѣшивъ обратить ее въ штрафную гимназію, въ родѣ пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, куда-бы со всего Кіевскаго округа выслались для исправленія самыя отчаянныя негодяи.

Передъ Пасхой, на страстной недѣлѣ, на гимназическій дворъ вѣхала телѣга съ какими-то двумя мѣшками. Привезъ ихъ человекъ изъ графской экономіи, преподнесъ мнѣ лоскутокъ бумаги, на которой было написано по-польски: „Dla wielmożnego p. dyrektora—mąki pierwszego gatunku“—одинъ мѣшокъ, а другой—для инспектора, за подписью завѣдующаго мельницами пана Филипповича, сынъ котораго учился въ гимназіи. На оборотѣ этой записки я написалъ: „Г. Филипповичъ! Получите обратно вашу муку да папеките пироговъ, да помяните недавнюю старину, когда представитель учебнаго сословія ничѣмъ не отличался отъ станового пристава. Позвольте вамъ сказать, что я ни въ какихъ подачкахъ изъ экономіи его с—ва не нуждаюсь, получая достаточное жалованіе отъ правительства и проч.“

Панъ вломился въ амбицію и прислалъ мнѣ пространное письмо съ претензіей, что я его оскорбилъ, и чуть не потребовалъ отъ меня удовлетворенія: *Ja jestem człowiek honoru i uczucia*, повторилъ онъ въ письмѣ два раза. На это я ему отвѣтилъ еще пространнѣе. Письмо мое долго ходило по рукамъ между шляхтой и даже побывало въ рукахъ самого графа и заслужило одобреніе умной Ставищенской графини „Александровой“.

Не смотря однако-жъ на мое заявленіе о томъ, что я не намѣренъ пользоваться отъ щедротъ его с—ва никакими приношеніями, спустя нѣкоторое время ко мнѣ явился панъ Зелинскій (главноуправляющій) и еще разъ попробовалъ искусить меня соблазнительными приманками, въ родѣ дачи подъ Росью, пары заводскихъ рысаковъ и экипажа въ мое распоряженіе, но я и на сей разъ остался вѣренъ своимъ принципамъ.

Попечительство **Ө. Ө. Витте.**

(1862—1864).

Отправивъ бранные останки своей супруги въ фамилный склепъ въ Финляндію, баронъ Николай не могъ оставаться долѣе въ Кіевѣ, гдѣ все напоминало ему о невозвратной потерѣ страстно любимаго существа. На его мѣсто былъ назначенъ **Ө. Ө. Витте**, о которомъ профессоръ Никитенко такъ отзывался въ своихъ посмертныхъ запискахъ:

„Витте—человѣкъ весьма обыкновенный. Говоритъ онъ очень много, но у него все выходятъ больше слова, чѣмъ мысли. Онъ самъ себя придаетъ цѣну за то, что служилъ съ пользою русскому дѣлу въ Польшѣ. Его вывелъ въ люди Лейхтенбергскій, у котораго онъ былъ домашнимъ человѣкомъ“.

Здѣсь съ точностью не указано, какую именно должность занималъ Федоръ Федоровичъ при особѣ Лейхтенбергскаго, во всѣмъ служившимъ при немъ въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ скоро стало извѣстно, что онъ „докторъ правъ“—такъ онъ самъ рекомендовалъ себя каждому являвшемуся къ нему провинціалу и даже ученикамъ гимназіи, при посѣщеніи имъ классовъ. Человѣкъ онъ былъ не злой и не прочь былъ сдѣлать какое-нибудь добро для вѣрнанаго ему Округа, но вовсе не подготовленный къ занятію высокаго поста попечителя учебныхъ заведеній пяти губерній, онъ ограничился одними добрыми намѣреніями, какими, какъ извѣстно изъ „Божественной комедіи“, вымогъ адъ. Невѣжество свое въ трудномъ дѣлѣ управления такого района онъ, съ чисто придворною ловкостію, маскировалъ пышными фразами о просвѣщеніи вообще и о священныхъ обязанностяхъ воспитателя юношества въ особенности. Самъ онъ не рѣшилъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго вопроса, не посоветовавшись съ помощникомъ своимъ Михневичемъ или, вѣрнѣе, съ

правителемъ канцеляріи Губеромъ. Поѣдетъ по Округу, выслушаетъ доклады директора о вопіющихъ нуждахъ заведенія, со всѣмъ согласится безпрекословно и насулитъ ему горы обѣщаній, а въ концѣ концовъ все-таки не преминетъ присовокупить: „вы изложите все это на бумагѣ и пріѣзжайте въ Кіевъ—тамъ все это порѣшимъ“. Пріѣзжаетъ директоръ въ Кіевъ, является въ назначенный часъ на квартиру попечителя—за столомъ сидитъ тройца: по срединѣ Федоръ Федоровичъ, по-правую его руку Осипъ Григорьевичъ, по лѣвую—Осипъ Ивановичъ. Прибывшему указываютъ мѣсто напротивъ.

— Извольте, говоритъ попечитель, читать, что у васъ тамъ? Прочитаешь одну бумагу; Ф. Ф. обращается сперва на право: „Какъ вы находите, Осипъ Григорьевичъ?“ Тотъ промолчитъ что-то, какъ будто-бы и подходящее; но когда попечитель обратится налѣво—другой Осипъ, ероша волосы, торчавшіе и безъ того щетиной, прямо говоритъ безапелляціонно: „этого сдѣлать нельзя“, при чемъ загибаетъ какой-нибудь канцелярскій крючекъ—и какъ гвоздемъ прибиваетъ. „Ну, да—вторитъ ему докторъ правъ,—этого дѣйствительно разрѣшить нельзя. Что у васъ тамъ еще?“

Читаешь вторую бумагу—та же исторія: нельзя-съ — и конецъ. Къ мнѣ онъ особенно не благоволилъ за Гренковскую исторію и вѣчно пакостилъ. Ни одно мое представленіе о настоятельнѣйшихъ нуждахъ заброшенной Бѣлоцерковской гимназіи, во все продолженіе попечительства Витте, не имѣло успѣха. Доложишь попечителю на словахъ:—прекрасно; попала бумага въ руки Губера—нельзя-съ! А тутъ подвернулся еще одинъ приспѣшникъ—директоръ 2-й гимназіи В. В. Вилуевъ. Онъ довольно долго прозябалъ въ кожѣ учителя бѣлоцерковской гимназіи и, удостоенный съ помощью гимназическаго врача Крохмаля, серьезнаго спеціалиста по математикѣ и химіи, степени магистра химіи, быстро выдвинулся впередъ и сталъ также величаться своимъ какъ попечитель величался своимъ, не менѣе сомнительнымъ, магистерствомъ, доктор-

ствомъ. Федоръ Федоровичъ и Василій асильевичъ стали неразлучными друзьями. „Я—докторъ правъ!“—говоритъ каждому встрѣчному О. О. „Я—магистръ химіи!“—вторитъ ему В. В. при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. И вотъ этотъ самый господинъ, чрезъ своихъ старыхъ знакомыхъ бѣлоцерковскихъ получалъ свѣдѣнія обо всемъ, что творилось въ гимназіи во все продолженіе моей службы, и сообщалъ попечителю.

Первое мое знакомство съ новымъ попечителемъ началось въ грязномъ заѣздомъ домѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, около полудня прибѣгаетъ въ гимназію запыхавшись жидокъ и доносить, что „прихавъ попечитель!“ Облачившись въ мундиръ, являюсь.

— Какъ это вы такъ скоро узнали о моемъ приѣздѣ?—удивился тотъ.

— У насъ въ мѣстечкѣ, отвѣчаю, благодаря мишурисамъ, ничего не удержишь въ секретѣ. Жидки наши люди праздные, пронирливые—они все знаютъ. Затѣмъ, подобно Гоголевскому городничему, присовокупилъ: „Напрасно Вы, В. П—во, остановились въ этомъ ужасномъ помѣщеніи: у насъ въ гимназіи, по неимѣнію въ мѣстечкѣ гостинницъ, спеціально для приѣзда ре-визоровъ устроена совершенно отдѣльная комната—тамъ вамъ было-бы удобнѣе“.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ остаться здѣсь: это мой принципъ.

— Ну, думаю себѣ, принципъ такъ принципъ. Попробуй-ка перепочевать въ этомъ кабацѣ—узнаешь Кузькину мать!

И дѣйствительно, на другой день поутру, еще до звонка, къ моей квартирѣ подъѣхалъ дорожный экипажъ попечителя со всѣмъ его скарбомъ.

— Укажите, говоритъ, ради Бога, предложенную Вами вчера комнату—у жида нѣтъ никакой возможности оставаться: всю ночь не могъ уснуть—тамъ столько гадости.

Вотъ тебѣ и принципъ!

Въ залу собрались преподаватели. Попечитель выступилъ съ широкофшательной рѣчью. Фразы, фразы и фразы! въ родѣ напр. слѣдующей:

— Господа, держите русское знамя высоко! Потрясайте имъ смѣло! Я—докторъ правъ! — и проч. и проч.

Затѣмъ, обходя классы, онъ и воспитанникамъ наговорилъ съ три короба вовсе ненужныхъ и мало для нихъ понятныхъ фразъ. А по окончаніи уроковъ, отбросивъ въ сторону свои принципы, онъ не только принялъ съ удовольствіемъ мое приглашеніе у меня отобѣдать, но подъ предлогомъ ближайшаго ознакомленія съ учительскимъ персоналомъ, навязалъ мнѣ весь штатъ служащихъ. За обѣдомъ говорилъ онъ одинъ, не давая никому и рта разинуть. Нѣсколько рюмокъ сливянки и вина открыли всѣ шлюзы, сдерживавшіе до того напоръ водяного краснорѣчія въ предѣлахъ оффиціальности, и рѣчь нашего ре-визора подъ конецъ вечера стала смахивать на безшабашную болтовню Ивана Александровича Хлестакова.

На другой день онъ слушалъ приготовленные мною доклады о нуждахъ заведенія; я указалъ ему всѣ замѣченные мною недостатки: несостоятельность преподавательскаго персонала, подавляющее преобладаніе польщизны въ 80 верстахъ отъ метрополии православія, необходимость усилить русскія начала въ заведеніи назначеніемъ стипендій и проч. А въ заключеніе заявилъ, что безъ коренного преобразованія въ указанномъ мною направленіи трудно ручаться за успѣхи учебнаго дѣла въ ополяченномъ краѣ. Согласившись со мной во всемъ ему доложенномъ и насуливъ мнѣ многое множество обѣщаній, попечитель уѣхалъ съ миромъ, сказавъ на прощанье: „До свиданія въ Кіевѣ“! А тамъ, какъ уже сказано выше, ожидали меня два Іосифа—и ни одно изъ моихъ представленій не прошло.

Кратковременное управленіе Кіевскимъ учебнымъ Округомъ попечителя Витте ознаменовано сильнымъ возбужденіемъ въ кругу кіевскихъ педагоговъ и университетской молодежи. Съ

освобожденіемъ крестьянъ впервые явилось сознаніе необходимости распространенія грамотности въ народѣ посредствомъ сельскихъ школъ. Воскресныя школы росли, какъ грибы послѣ дождя; въ Кіевѣ при первой гимназіи заведена [педагогическая школа для приготовленія учителей въ открываемыхъ министерствомъ училищахъ, и по поводу этого открытія началась борьба митрополита Арсенія съ администраціей Кіевского учебнаго округа.

Бѣлоцерковская гимназія въ первые 15 лѣтъ своего существованія исключительно удовлетворяла потребностямъ мѣстной шляхты. Небольшая цифра учащихся, доходившая до 130 человекъ, несмотря на то, что многіе изъ воспитанниковъ пользовались стипендіями гр. Браницкихъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ бывшей Винницкой гимназіи большая часть учениковъ перешла въ сосѣднюю Немировскую, а нѣкоторые поступили въ гимназіи кіевскія. Да и изъ оставшихся на долю Бѣлоцерковской весьма немногіе оканчивали полный курсъ, легко находя службу въ экономіяхъ гр. Браницкихъ—на заводахъ, фабрикахъ и фольваркахъ, гдѣ не требовалось особеннаго образованія. Они-то впослѣдствіи и составили готовый контингентъ для повстанія 1863 года. Находясь въ такомъ жалкомъ положеніи въ теченіе 15 лѣтъ, Бѣлоцерковская гимназія мало чѣмъ отличалась, по своему направленію, отъ дореформенныхъ школъ Чацкого съ подавляющимъ большинствомъ католиковъ. Число православныхъ воспитанниковъ относилось къ числу католиковъ какъ 1 : 3, да и та горсточка русскихъ, подъ вліяніемъ среды, скоро ассимилировалась. Не только поляки въ обращеніи съ русскими не допускали другого языка кромѣ польскаго, но и русскіе люди между собою говорили по польски. Даже многіе священники и ихъ семейства считали польскій языкъ языкомъ образованнаго класса, а свой природный—мужицкимъ. Въ православную церковь русская интеллигенція заглядывала на нѣсколько минутъ и вслѣдъ затѣмъ отправля-

лась въ костель. Отъ этой слабости не были свободны жены и дочери учителей гимназіи. Въ католическіе праздники отъ уроковъ освобождались всѣ ученики—и православные, и католики. Никто изъ служащихъ не рѣшался явно высказаться противъ такого безобразія. На Воже Сіаю подь окномъ инспекторской квартиры устраивались ołtarzuki, гдѣ служили ксендзы.

Пользуясь продажностію полиціи и непоятнымъ послабленіемъ высшей администраціи, польская пропаганда шибко поведла свое дѣло не только въ гимназіяхъ, дѣйствуя на воспитанниковъ посредствомъ ксендзовъ и преподавателей польскаго языка, но и по селамъ среди крестьянъ чрезъ посессоровъ, эономовъ, мировыхъ посредниковъ, волостныхъ писарей и т. п. Съ цѣлью такой же пропаганды среди женскаго пола, были открыты въ мѣстечкѣ разомъ два женскихъ пансіона фанатичными поляками, Цишевской и Балицкой. Въ нихъ не слышалось ни одного русскаго звука. Директоръ гимназіи считался ихъ начальникомъ номивально, а въ дѣйствительности воспитаніемъ заправлялъ ксендзь пробощъ, не смотря на то, что между дѣвицами было нѣсколько дочерей окрестныхъ священниковъ. Русская исторія въ пансіонахъ не преподавалась вовсе.

Помимо пробоща Могильницкаго и его викарія, законоучитель гимназіи С—й всецѣло овладѣлъ умами и совѣстію не однихъ воспитанниковъ, но и вообще всѣхъ бѣлоцерковскихъ католиковъ. Тайна такого вліянія заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что этотъ ксендзь былъ человекъ весьма умный и безукоризненно нравственный, притомъ основательно образованный: Одесская гимназія, Ришельевскій лицей, университетъ Св. Владимира и наконецъ римско-католическая академія участвовали въ его образованіи. Онъ говорилъ совершенно правильно по-русски, по-французски, основательно зналъ языки латинскій, нѣмецкій и итальянскій, слѣдилъ за современной литературой, обладалъ значительнымъ даромъ слова. Во-вторыхъ, тайна такого вліянія заключалась въ безукоризненномъ образѣ жизни,

религіозности, доходившей до фанатизма, ловкости, изворотливости, чисто іезуитской, помогавшей ему вкоренять въ сердца вѣрныхъ и послушныхъ ему духовныхъ чадъ чувства нетерпимости и замкнутости въ своей средѣ. По моему мнѣнію, онъ былъ бы менѣе вреденъ гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ, чѣмъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ: тутъ ему гораздо легче было удерживать въ своей духовной власти воспримчивую и крѣпко сплоченную молодежь.

Весь почти 1862 годъ и часть 63-го, вплоть до 26 апрѣля, когда наконецъ wybuchnęło powstanie, прошли въ дѣятельномъ приготовленіи и демонстраціяхъ. По мѣстечку непрерывно шныряли заѣзжіе студенты и праздношатающіеся „балагулы“ съ наполеоновскими бородками, появлялись наконецъ и заграничные эмиссары, электризуя пылкую молодежь патріотическими иллюзіями; ксендзы, съ своей стороны, не дремали, имѣя въ рукахъ могучее средство—исповѣдь и дѣйствуя внѣ всякаго контроля полиціи. Да что такое наша продажная полиція? Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ ея патріотическихъ подвиговъ.

Прибѣгаетъ ко мнѣ въ какой-то праздникъ изъ костела надзиратель Лятошинскій и говоритъ запыхавшись:

— Тамъ ксендзь читаетъ такую ужасную проповѣдь, что всѣ навзрыдь плачутъ и ученики плачутъ.

— Идите къ становому!—Тотъ сейчасъ-же отправляется въ костелъ. Ксендзь сходитъ уже съ амвона.

— А пожалуйста вашу проповѣдь! обращается къ нему приставъ.

Проповѣдь оказалась о Zbuzeniu Jerózolemy, гдѣ разгромленіе іудейской столицы Титомъ принаровлено ко взятію штурмомъ Варшавы въ 1831 году Паскевичемъ.

— Ну, что-же вы намѣрены дѣлать съ этимъ зажигательнымъ казаньемъ?—спросилъ я станового, просмотрѣвши проповѣдь.

— О, теперь добродѣю ксендзу не сдобровать! Сегодня-же я отправляю ее эстафетой къ генераль-губернатору.

И дѣйствительно отправилъ, но взявши предварительно съ ксендза 300 рублей и давши ему передѣлать казанье.

Съ наступленіемъ весны 1863 года на столбахъ фонарныхъ и на воротахъ гимназическаго двора стали появляться пасквили на русскихъ и воззваніе къ патріотизму поляковъ. Направитиковавшись уже довольно во 2-й гимназіи, при непрерывной вознѣ съ мальчишескими выходками ошалѣвшей молодежи, я и въ Бѣлой Церкви не давалъ спуску ни малымъ, ни старымъ, возстановляя вездѣ законный порядокъ и спокойствіе и подвергая строгимъ взысканіямъ за отступленія отъ требованій дисциплины. Новые мои питомцы, повидимому, не привыкли къ крутымъ мѣрамъ со стороны податливой администраціи; имъ до моего пріѣзда все сходило съ рукъ, и мой помощникъ, инспекторъ, какъ человекъ болѣе меня знавшій шляхетскую натуру, не разъ предостерегалъ меня дѣйствовать осторожнѣе, но я ему на это замѣтилъ, чтобы онъ самъ не смотрѣлъ сквозь пальцы на дурачество мальчугановъ да почаще-бы посѣщалъ ученическія квартиры, гдѣ по ночамъ происходятъ сборища.

— Вы мнѣ, Федоръ Антоновичъ, пророчите большой скандалъ, разбитіе оконъ, пасквили и т. п. ужасы, за мое слишкомъ смѣлое, противодѣйствіе польскимъ затѣямъ, и думаете, что васъ они боготворятъ за ваши черезчуръ лагодныя отношенія къ нимъ, а я вамъ докажу совершенно противное.

И затѣмъ, выдвинувъ ящики письменнаго стола, предъявилъ ему такую картинку: нарисовано два столба съ перекладиной, на веревкѣ виситъ, болтая ногами, инспекторъ Токарскій.

— А знаете, гдѣ была приклеена эта бумажка? Подъ окномъ вашей квартиры, со стороны площади; тамъ, гдѣ съ вашего позволенія, устраивались оґтарзукі.

Дѣло въ томъ, что, въ ожиданіи со дня на день повстанья, я постоянно вставалъ съ разсвѣтомъ, обходилъ все зданіе и даже ближайшія къ гимназіи улицы и срывалъ приклеенные въ

разныхъ мѣстахъ пасквили и прокламаціи, какихъ у меня образовалась цѣлая коллекція.

Воспитанники низшихъ классовъ изъ обезьянства, свойственнаго дѣтскому возрасту, не отставали отъ взрослыхъ, запасаясь огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, дрянными пистолетами и ножами. Кстати, съ ножами случилась цѣлая исторія.

Докторъ Стемпинскій, рьяный охотникъ, собираясь на медвѣжью травлю въ Минскую губернію, поручилъ своему сыну гимназисту заказать слесарю, оставшему санеру изъ нѣмцевъ, большой охотничій ножъ. Но слесарь, получивъ отъ пристава строжайшей наказъ ни продавать, ни починять никакого оружія, къ которому онъ, со страху, причислилъ и ножи—отказалъ гимназисту, а тотъ сообщилъ объ этомъ товарищамъ. Проканники гимназисты, чтобы подразнить нѣмчуру, одинъ за другимъ стали приходять въ его мастерскую съ заказами ножей. Слесарь побѣжалъ къ становому и сообщилъ ему, что вся гимназія хочетъ вооружиться, а тотъ донесъ исправнику, исправникъ генераль-губернатору—и пошла писать губернія.

Вызываютъ меня для личныхъ объясненій. Я объявилъ понечителю, что вся эта исторія не что иное, какъ продѣлка шалуновъ. Выслушавъ меня, Витте отъ души посмѣялся надъ тупоуміемъ полиціи и отиравилъ меня къ генераль-губернатору Аяленкову.

Вхожу въ пріемную. Изъ кабинета, какъ шальной, выскакиваетъ генераль и, не давъ мнѣ сказать ни одного слова, накинулся на меня съ азартомъ.

— А, а! у васъ ножи заказываютъ, вмѣсто того чтобы учиться! Ваши гимназисты запасаются оружіемъ... Я строго буду взыскивать съ начальниковъ частей и т. д.

— Да позвольте, в. в.—во, разъясните вамъ всю эту путаницу съ ножами, которую полиція...

— Не хочу слушать! ученики должны учиться, а они ножи заказываютъ. Что вы, коммунистъ, что-ли?..

Видя, что генераль въ данную минуту мало чѣмъ отличается отъ Коробочки, я сталъ ретироваться къ вы-

ходу. Въ передней, когда я надѣвалъ пальто, и онъ появился. Жандармъ и ему подалъ пальто. Совершенно для меня неожиданно, генераль обратился ко мнѣ съ тѣми словами, какими долженъ былъ начать аудіенцію:

— Давно-ли вы служите? Гдѣ воспитывались? Хорошо-ли вамъ живется въ Бѣлой Церкви? Бываете-ли въ Александріи? и проч.

Удовлетворивъ его любопытство, я вышелъ изъ передней. Заѣзжаю къ попечителю и заявляю претензію, зачѣмъ онъ отослалъ меня къ этому генералу? Хохочетъ. „Но позвольте, в. п—во, за что онъ обозвалъ меня коммунистомъ?“

— А, это вѣрно польскіе паны на васъ насплетничали за ваши хлопоты по народному образованію.

Наконецъ дождались и самого повстанья...

Отсылая своихъ читателей къ изданной мною въ 1867 г. брошюрѣ за подробностями этой трагедо-комедіи, здѣсь я ограничусь краткими очерками относительно одной лишь гимназіи.

Еще я не ложился спать, какъ ко мнѣ часу въ первомъ прибѣжалъ неутомимый надзиратель Н. Л. Лятошинскій съ рапортомъ, что наши гимназисты попли до ясу. Вооружившася фонаремъ, мы обошли сперва общую квартиру и, не досчитавшись нѣсколькихъ человѣкъ семиклассниковъ, тѣмъ же порядкомъ осмотрѣли и частныя квартиры, разбросанныя по всему мѣстечку у разныхъ бѣдныхъ вдовицъ. Здѣсь оказался такой-же недочетъ; а всего въ сложности не хватило 13 человѣкъ. Собственно въ Бѣлоцерковскую шайку наберено было гораздо больше, но мои храбрые воины струсили. Они хотя и выступили въ походъ, но вернулись домой и, сбросивъ амуницію, легли спать. Сонныхъ я и нашелъ ихъ въ квартирахъ. У нѣкоторыхъ подлѣ кроватей разбросаны были чамарки, сапоги съ большими голенищами, чалечки, патронташи и проч. принадлежности „народовой милиціи“.

На другой день послѣ выступленія изъ мѣстечка шайки мятежниковъ, двухъ изъ ушедшихъ гимназистовъ привелъ изъ черкасской волости старшина въ станovou квартиру. Ихъ нашли въ лѣсу спящими въ пяти верстахъ отъ мѣстечка. Они вмѣстѣ съ другими сосланы на каторгу. Мнѣ особенно было жаль ученика V класса Чубинскаго, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ повстаньемъ перемѣстившагося изъ Черниговской гимназіи. Въ немъ не было и тѣни польской заваски, и я полюбилъ его душевно. По просьбѣ отца его, отставного офицера, я бдительно слѣдилъ за поведеніемъ юноши, охраняя его отъ вредныхъ вліяній, но въ то-же время не дремали и поляки. Не прошло и полгода, какъ мой любимецъ Фульгентій сблизился съ подозрительными личностями, а въ началѣ апрѣля я уже видѣлъ его галопирующимъ на бѣломъ конѣ о-бокъ съ ксендзомъ-викаріемъ. Ну, подумалъ я, пропалъ мой бѣдный мальчикъ! И дѣйствительно, въ ночь на 26 апрѣля онъ пошелъ до лясу. Одобрительные мои отзывы о его прежнемъ поведеніи, отосланные въ слѣдственную комиссію, по ея требованію, нисколько не облегчили его участи.

Прошло семь лѣтъ. О Чубинскомъ ни слуху, ни духу. Но вотъ въ 1869 году получаю письмо изъ Сибири, изъ котораго я узналъ, что онъ до 1866 г. находился въ Александровскомъ заводѣ на каторжныхъ работахъ; въ 66-мъ г. по манифесту вышелъ на поселеніе въ Братскую волость, Иркутской губерніи, гдѣ, какъ видно изъ письма, онъ находился до 1869 года...

Польская рухавка 63 года развязала мнѣ руки. Я зналъ, что мнѣ теперь дѣлать. Не уповаю на содѣйствіе много общающаго, но ничего не исполняющаго „доктора правъ“, я началъ дѣйствовать на пользу русскаго дѣла самостоятельно.

Прежде всего я принялся за устройство ученической библіотеки. Перевезенная изъ Винницы довольно обширная ученическая библіотека, пріумноженная учителемъ русскаго словесности И. Я. Шульгинымъ, продана по распоряженію директора Яковлева жидамъ съ аукціона и съ начала 50 года перестала существовать. Заведенная-же нелегально учителемъ польскаго языка

Козловскимъ частная бібліотека польскихъ книгъ находилась сперва въ вѣдѣніи основателя, а потомъ перешла къ ученику VII класса III—скому, ловкому малому, который всѣхъ дурней-товарищей снаряжалъ въ походъ, а самъ остался чистъ, какъ голубь. Отобрать у него книги можно было только хитростью.

И вотъ я объявилъ ему, что заводится *настоящая* ученическая бібліотека русскихъ и польскихъ книгъ, изъ которой каждый воспитанникъ будетъ получать книги не украдкой, а открыто, а потому предлагаю вамъ внести въ заведенный мною каталогъ находящіяся у васъ на храненіи польскія книги, которыя будутъ храниться въ особомъ шкапу вмѣстѣ съ русскими.

Книги эти III—скій передалъ мнѣ не всѣ разомъ, а приносилъ ихъ по частямъ, по мѣрѣ поступленія въ бібліотеку сочиненій русскихъ писателей. Такимъ образомъ мнѣ удалось отобрать у него изрядное количество польскихъ сочиненій, большею частію историческихъ, между которыми было не мало весьма нежелательныхъ. Затѣмъ послѣ формальнаго упраздненія преподаванія польскаго языка въ гимназіи, я исключилъ изъ каталога ученической бібліотеки массу книгъ, передавъ ихъ частію въ бібліотеку фундаментальную, частію отослалъ въ Варшаву. Осталось только около 20 сочиненій по всеобщей литературѣ—переводы съ иностранныхъ языковъ, какихъ не имѣлось въ литературѣ русской.

Въ то-же время прекращено преподаваніе польскаго языка и исторіи въ женскихъ пансіонахъ, куда, по моему настоянію, были приглашены двѣ классныхъ дамы изъ окончившихъ пансіонъ графини Левашовой. Преподаваніе русскаго языка въ последнемъ классѣ я взялъ на себя.

На пожертвованныя разными лицами деньги я завелъ при гимназіи небольшой складъ книжекъ и брошюръ для раздачи крестьянскимъ дѣтямъ и для обмѣна на польскія, которыми щедро рукою надѣляли крестьянъ разные поссессоры и экомы во время пропаганды предъ повстаніемъ. Этой мѣрой уничтожена масса элементарей (польскихъ букварей), находившихся у крестьянъ.

Открыто при гимназiи училище, сыгравшее роль приготовительнаго класса и приходскаго училища: способнѣйшіе изъ крестьянскихъ дѣтей поступали изъ него въ гимназію, а мало даровитые по окончанiи училища возвращались въ семью къ сельскимъ работамъ.

Вскорѣ послѣ усмиренiя мятежа, на сельскомъ народномъ праздникѣ 19 февраля 1864 года, по моему предложенiю, при содѣйствiи мирового посредника Бурцова, положено начало подписки и заведена, такъ называемая, *Синяя книга*, куда вносились пожертвованiя на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, будущимъ гимназистамъ, и собрано за одинъ разъ 200 рублей.

Въ томъ же 1864 году, по приглашенiю Варшавскаго намѣстника гр. Берга, нашъ докторъ правъ перешелъ на службу въ привислянскій край, не прослуживъ въ Кіевскомъ Округѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Онъ потянулъ за собою цѣлую ораву золотопромышленниковъ—педагоговъ, для которыхъ *ibi bene, ibi patria*, въ числѣ первыхъ изъ таковыхъ былъ и магистръ химiи В. В. Вилуевъ достигшій тамъ степеней извѣстныхъ.

Съ перемѣщенiемъ Витте въ Варшавскій Округъ у насъ настало междуцарствіе: до назначенiя новаго попечителя въ управленіе Округомъ вступилъ помощникъ его О. Г. Михневичъ, человекъ дѣла, а не фразы. Воспользовавшись такимъ благоприятнымъ случаемъ, я поспѣшилъ въ Кіевъ и вошелъ съ докладомъ о настоятельной необходимости употребить радикальныя мѣры для поднятiя уровня жалкаго состоянiя гимназiи, какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношенiи, чего положительно нельзя было достигнуть, не устранивши тормозящихъ своимъ вреднымъ вліянiемъ всѣхъ благія начинанiя личностей. А для того, чтобы убѣдиться въ справедливости моего донесенiя, я умолялъ Осипа Григорьевича основательно обрѣвизовать бѣлоцерковскую гимназію, на что онъ и далъ согласіе.

А тутъ, какъ нарочно, между нашей ученой братіей произошло нѣсколько весьма некрасивыхъ исторiй, которыя, помимо меня, сдѣлались извѣстны начальству (другими путями). Ревизiя должна была состояться. Результатомъ ея были увольненiя и перемѣщенiя въ другія заведенiя тѣхъ самыхъ преподавателей, отъ которыхъ я старался избавить гимназію; на

ихъ мѣсто мнѣ самому предоставленъ былъ выборъ новыхъ, мнѣ хорошо извѣстныхъ, большею частію моихъ бывшихъ учениковъ по 2-й Кіевской гимназій.

Обновленіе учительскаго персонала совпало съ преобразованіемъ Бѣлоцерковской гимназій въ реальную, по уставу министра Головина, съ двумя новыми языками, вслѣдствіе чего классикъ фонъ-Мерсъ превратился въ преподавателя нѣмецкаго языка, замѣнившаго собой латинскій. Для преподаванія естественныхъ наукъ изъ Петербургскаго университета назначенъ весьма опытный учитель, стипендіатъ, находившійся подъ наблюденіемъ пр. Бекетова, П. К. Стефановичъ—и дѣло пошло на ладъ. Окруживъ себя молодыми, честными и способными сотрудниками, я былъ увѣренъ въ преуспѣваніи вѣреннаго мнѣ заведенія. Мы зажили дружно, безъ всякихъ интригъ и сплетенъ, обывновенно отравляющихъ жизнь людей, заброшенныхъ судьбой въ глушь, подобную мѣстечку Бѣлой Церкви. Мы часто собирались по вечерамъ не для однихъ картъ и ужиновъ; картами пробавлялись два-три человѣка, большинство же молодыхъ учителей находило удовольствіе въ чтеніи журналовъ и въ научныхъ бесѣдахъ о прочитанномъ. По инициативѣ преподавателя исторіи В. К. Зозулина, у насъ нѣкоторое время существовали даже ученыя собранія, въ которыхъ по временамъ читались рефераты, писались на нихъ критики и т. п.

Въ одно изъ такихъ собраній старшій 70-лѣтній учитель французскаго языка въ низшихъ классахъ, послѣдній изъ могоиканъ, уцѣлѣвшій какими-то судьбами отъ временъ Чацкаго—панъ Кудельскій прочелъ намъ свою своеобразно написанную критику на рефератъ Зозулина „о Гамбургской частной гимназій Ланге“—Въ пику молодымъ педагогамъ, безъ должнаго уваженія относящимся къ старикамъ, онъ привелъ весьма курьезныя уподобленія. Помѣщая здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой „критики“.

„О учителяхъ можно тоже само сказать, что о скрипкахъ: могутъ онѣ быть отлично издѣланы, но всѣ онѣ пока еще новыя, имѣютъ что-то остраго и хриплаго. Долго и долго надобно на нихъ играть, чтобы выдали тонъ чистый и милый. Долго и долго надобно бороться съ природой училищныхъ юношей, лѣностью и неразвитыми головами, чтобы умѣть найти прямую

дорогу къ ихъ убѣжденіямъ: ибо что другого умѣть, а что другого учить. Голова учениковъ есть какъ вѣрность, которую невозможно взять приступомъ, не обошедши нѣсколько разъ въ округъ ея, чтобы найти слабую сторону, черезъ которую можно бы туда достаться. Учитель такъ долженъ питать нѣжные еще умы учениковъ, какъ бѣлка кормить свои малюты: она сперва снимаетъ съ орѣха кислую зеленую кору, разгрызаетъ твердую скорлупу и подаетъ чистое зерно въ пищу.

Въ сообщеніи наукъ, особенно въ публичныхъ заведеніяхъ, удобнѣе можетъ дѣйствовать старый, опытностью богатый учитель, нежели молодой и даже звѣзды съ неба собирающій наставникъ. Старый учитель, какъ старый солдатъ, обнюхавшійся уже съ порохомъ; молодой же учитель, какъ молодая лошадь, чувствуя себя запряженную въ телѣгу съ грузомъ, и рвется, и прыгаетъ, и пиряетъ, и наконецъ съ половины дороги устаетъ.

Не все то Эвангелія, что пишутъ за границей... Просвященіе должно примѣняться къ характеру и обычаямъ всякаго народа: вздумать преобразовать русскаго бородача въ парижскаго франта—такое вознамѣреніе есть равно смѣшное, какъ и неудачное. Старуха наша Россія, въ своемъ древнемъ кафтанѣ прожила тысячу лѣтъ и какъ великанъ какой стоитъ одною ногой на Сѣверномъ океанѣ, а другой на Черномъ морѣ: будетъ ли ей къ лицу въ щегольской бедуйнѣ, въ которую думаютъ одѣтъ наши реформаторы, передѣлается ли она въ молодую красавицу—это еще загадка трудна къ угаданію“.

Въ заключеніе своей критики г. К. выругалъ молодыхъ учителей нигилистами, бунтарями—послѣдователями Герцена.

„А такъ въ мѣсто того, чтобы тщетно противъ нашихъ народныхъ училищъ кричать и, подражая подлому Искандерову „Колоколу“ наше родное осквернять, лучше взяться за руки, пополнить въ нашихъ училищахъ недостатки и завѣять умы и сердца русскіе. Ежели желаемъ, что бы училищные юноши пользовались нашими трудами, станьмо имъ примѣромъ воздержности, усердія и вѣры, а убѣдимся тогда, нѣтъ что завидовать Ланговой гимназій“.

М. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

(Библиографическія справки). ¹⁾

III.

Въ „Молвѣ“ 1835 г. (часть X, стр. 388—394) напечатанъ „Корній Овара. Думка І. Якъ поконтракувавсь козакъ Корній Овара изъ бисомъ, и шо зъ того було“ ²⁾.

Стихотвореніе это подписано своеобразнымъ псевдонимомъ: „Антонъ Майко Келеберда. Зъ Почаѣва поломарь Богородицькой звоницы“. Судя по обозначенію: „1836 года 25 января Харьковъ“ и примѣчанію редакціи „доставленъ г. Срезневскимъ“, — можно предполагать, что оно принадлежитъ перу И. Срезневскаго.

Къ тексту сдѣланы примѣчанія: „*Койдакъ* — порогъ близъ Екатеринослава; *Тритинг* — три звѣзды среди созвѣздія Оріона“.

Четырехстрочныя строфы обозначены цифрами, которыя мы опускаемъ.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1900 г. № 9.

²⁾ Цензур. дозволеніе дано 1 марта 1836 г.

Вотъ самое стихотвореніе

Койдакъ шумить, гуде Койдакъ,
 Коргуе фїлею, мовъ чвара,
 Генъ—скеля. Генъ—сидить козакъ,
 Козакъ небога—панъ Овара.
 Шумьтъ пидъ скелей хуртовый,
 А по-надъ скелей гай шумуе;
 По фїли вставъ туманъ сидый,
 По лавахъ ходять и ляцкуе.
 А хмара на неби стоить.
 Зирокъ не видко. Витерь вие.
 Мижъ комышемъ кажанъ кружыть;
 Очима зъ гая вовкъ мурліе.
 Сидить, зничившися, козакъ.
 Винъ думу думае, гадае.
 Сумуе тяжко неборакъ,
 Шо доли бидному немае.
 Симъ литъ вже винъ козакувавъ,
 Симъ литъ ходивъ на Крымъ зъ Кравчиной,
 На мори Турка выпытавъ,—
 Та все—бездольною годиной.
 Зъ ничимъ винъ зъ бою выхожавъ,
 Зъ ничимъ вертався винъ до дому.
 Зъ ничимъ? Ой, пи! Винъ добувавъ
 Мижъ Агарянъ соби сорому.
 Озвали раду козаки,
 Овару присудили вбити,
 Тай, новыходивъ на шляхи,
 До себе почали просити.
 Почувъ Овара й утикавъ
 Зъ Ляхамы славы добувати;
 До католиковъ пристававъ
 Святую виру руйповати.
 Тай тутъ жене ёго беда,
 Тай тутъ ёго цькуе недоля.

Небога! Е ще въ насъ Орда:
 Чого журиться! Божа воля!
 Приставъ Овара до Орды
 И на Ляхивъ пишовъ зъ Ордою...
 Недоля зъ имъ, и зъ имъ биды...
 Пропавъ Овара—втикъ изъ бою.
 Утикъ, тай—ось. Гуде Койдакъ,
 Коргуе филею, мовъ чвара.
 Сидить на берези козакъ—
 Козакъ небога, панъ Овара.
 Шо буде зъ имъ? Шо жде ёго?
 Чи, мабуть, вже прійшло втопиться?..
 Генъ—блись: Мара! Тай до ёго,
 Тай ну попередъ имъ казыться.
 Мара бисовська то, дидёкъ.
 Очима лупае, вырляе;
 Дугой зигнувшись из ¹⁾ кіёкъ,
 Иде, не йде винъ, шкандибае.
 Пиджавши хвистъ, мара хремтить,
 Рогами крутить, колодіе,
 Сопе, зубами клаць, свистить,
 Тай ка?: „Здоровъ бувай, Корнію!“
 Козакъ сидить, козакъ мовчить.
 — „А шо“, пыта Мара: „недоля?
 Чого-жь мене бъ не попросить?
 Тоди-бъ ты знавъ, шо то за доля!“
 И озира Мару козакъ,
 И труситься, и ²⁾ зубами клаца:
 — „А шо ты?“—„Шо? я твій батракъ:
 Кажи, яка до нуды праця?
 Кажи, усе зроблю“—„Га, цуры!“
 — „Чого цураться видъ чортяки?

1) Sic. Слѣд. на. .

2) ѡ?

Чи злодій я? чи я ховтурь?
 Не бійсь. Побачишь. Знайдешь дяки.
 Ось слухай, пане, мій совить.
 Жене тебе беда, недоля,
 Псеу тобою цилый свить,
 Псеу тобою добра доля;
 Недоли тій кинець мижь насъ,
 Мижь насъ. У некли винь кирпатый.
 А зъ насъ добро, добро у насъ;
 Всимъ насъ шауе наша мати.
 И я, старшій зъ твоихъ бративъ,
 Я для тебе знайшовъ пригоду,
 Богацько дамъ круглевикивъ,
 Богацько всякого розводу.
 Богацько й славы дамъ тобі.
 Тебе свить стане шанувати.
 Чого лякаться? не рябій!
 Виддай-же душу до заплаты.
 Але... злякався нашъ козакъ.
 Хреста не може положити.
 Регоче бись.— „Шо, пане, якъ?
 Чи до контракту приступити?“
 — „Ой, ни! Лякаюсь пекла я.“
 — „Зъ чого-жъ лякаться повады?“
 — „Якъ згине тамъ душа моя?..“
 — „А де-жъ кажи, ии порада?
 Беда на свити жить тобі;
 Беда й загинути изъ свита:
 Вона зъ тобой, хоть що роби,
 Хочь циду ничъ молись до свита:
 А пекло—матерью на викъ.
 Та не горюй. Добро мижь нами:
 Абы-бъ ты зачный человекъ,
 А то зживешся, якъ зъ братами.

Музыка ё й у пекли въ насъ,
 Та ще, козаче, якъ играе!
 Якъ ваине будько у ковбасъ,
 То вси регочуть, все стрібае.
 Горилка ё, медъ, пиво ё;
 Якъ скажешъ, зваримо й ковтырю...
 Такъ въ насъ; а дали—все твое,
 Що ты ни взришъ по коломію.
 Всимъ будешъ, пане мій, богатъ;
 Тай буде все тобі въ пойгранокъ,
 Чи схоче сердце до дивчатъ,—
 Богацько знайдемо панянокъ.
 Чи золотыхъ круглевикивъ,
 Чи то якої худобы, пане...
 Козаченьку, якъ-бы-бъ зхотивъ,—
 То все твое, твое падбане.
 Отъ-такъ въ насъ, пане. Та за тимъ
 Охочи такъ до насъ и люди,—
 Пани, князи,—всихъ не зличимъ,
 А козаки, хопы(?) та судьи...
 Гай, гай! Вже ничего казати:
 Така кравчина, хочъ на Ляха.
 И верховодить вашу рать
 Старый Богданко сиромаха.
 Коли що вивъ тобі не любъ,
 Е въ насъ Сирко и Дорошенко,
 И зъ Бруховецькимъ Лизогубъ,
 И зъ Пушкаремъ Линчай Кравченко.
 Мазепа въ насъ ганчирки пре,
 Латае кунтоши Выговскій;
 Тетерю Полубитокъ тре,
 А кашоваромъ Розумовскій.
 Отъ-такъ въ насъ, пане, и на викъ,
 На вичный викъ. Добро мижъ нами.

А-бы-бъ ты зачнй чоловикъ,
     А то зживешся, якъ зъ братами.
 Тимъ часомъ, щобъ ты все пизнавъ,
     На свити симъ дамъ тоби волю:
 Живи соби, гуляй соби,
     И забувай свою недолю.
 И воля та на десять литъ.
     Якъ изойдуть—опивничъ, свату,
 Прийдець Дидежъ не дай-Бигъ—свить
     У паньскую твою палату,
 Прийдець—тоди всѣму кинецъ“.
     Задумавъ думу панъ Овара.
 Блескнувъ тритиръ, мовъ каганецъ,
     Тай зиркъ, тай впять чорніе хмара.
 — „Чого-жъ гадати, пане мій?
     Ось и кишени грошей—плата
 Въ задатку. Грошей не жалій—
     На вискъ кишени приськовата.
 Задумавъ думу панъ козакъ,
     Тай каже: „буде то, що буде!
 Хиба я первый?.. Де контрактъ?..
     И хай Овару визнають люди!“
 Розривавъ руку панъ козакъ,
     Тай пидписавъ контрактъ изъ бисомъ.
 Койдакъ шумить, гуде Койдакъ,—
     Козакъ изъ бисомъ вже за лисомъ.

Въ „Молвѣ“ 1836 г. продолженіе этого стихотворенія не помѣщено, и мы не знаемъ, было-ли оно гдѣ-нибудь и когда-нибудь напечатано. Это есть, какъ видитъ читатель, подражаніе Жуковскому („Громобой“), но сохраненъ только остовъ разсказа, обстановка и герой приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Такіе переводы—передѣлки были вообще въ литературныхъ нравахъ 20 и 30-хъ годовъ. Языкъ, искусственный, не вездѣ складный и правильный, сильно напоминаетъ „Запорожскую Старину“ Срезневскаго.

IV.

Особенно богатъ малорусскимъ матеріаломъ „Вѣстникъ Европы“. У Каченовскаго были несомнѣнныя симпатіи къ Малороссіи и прочныя литературныя связи съ ея интеллигенціей.

Онъ помѣщаетъ малорусскія пѣсни, матеріалы по исторіи воячества, малорусскіе переводы и самостоятельныя произведенія.

Остановимся пока на двухъ послѣднихъ.

Въ маѣ и іюнѣ 1828 г. (стр. 53—55) напечатанъ „отрывокъ“ *Молодыця* (преданіе) съ эпиграфомъ: *improbe amor, quid non mortalia pectora cogis? Virgil. Ep. IV.* Подписанъ онъ N—й и снабженъ примѣчаніемъ: „Чувствую великій недостатокъ сего отрывка—*перваго* моего опыта; но тѣмъ не меньше онъ для меня пріятенъ: въ немъ слышны звуки языка моей родины! N“.

Ватагами ходылы хмары;
 Мижъ вымы молодыкъ блукавъ;
 Витры въ очеретахъ бурхалы,
 И Псьоль стогнавъ и клекотавъ.
 Шумилы вѣрбы... рвалось лыстя;
 Гулы витры по-пидя мостомъ...
 На пни сыдила молодыця,
 Пидпершы щоку кулакомъ:

„Повій, витре, повій, буйный,
 Повій зъ того краю,
 Де живе мое серденько—
 Де мылий вытае.
 Принесить хоть слово ридне
 Буйними витрами:
 Якъ ты тамъ въ чужій сторонци
 Жывешъ зъ Москалямы?
 Ты покинувъ на родѣни
 Мене сыротою;

Я знизналась, я зриднилась
 Зъ долею лыхою!
 Понесы, сердыта хвыле,
 Сльозы на чужбыну:
 Нехай скажуть тамъ про мене—
 Я въ недоли згыну!..
 Змандрувавъ! забудь! покынувъ!..
 Де-жъ знайшовъ другуго?
 Сирота—одна безъ тебе
 Горе я горюю!..
 Якъ-же жить? де-жъ сердце диты?
 Съ кымъ нымъ подилюся?
 Де-жъ теперь я, мій мыленькый,
 Въ свитоньку динуся?
 Розступысь вода—въ тоби я
 Погублю все горе..
 Охъ, мій милай, охъ мій мый!..
 Доле моя, доле!.."

Вона реве, вона блидніе;
 Волосся дыбомъ пиднялось;
 Псьоль гоготыть, выхрыть, дуріе...
 — „Прощай!.. ты мій!.."—и ввызь шубовсь!
 Заклекотала хвыля въ Псьоли;
 Клубкамъ пина надулась;
 Озався голось на подоли,
 И лись, очнувшысь, захытавь.
 Ватагамы ходылы хмары;
 Мижъ ными молодыкъ блукавь;
 Витры въ очеретахъ бурхалы,
 И Псьоль стогнавъ и клекотавъ.

Въ 1830 г. (май и іюнь, стр. 51—52) напечатаны „два сонета малороссійскіе“, подписанные буквой III, съ слѣдующимъ ореографическимъ примѣчаніемъ сочинителя: „правописаніе здѣсь соблюдено совершенно сообразное выговору, исключая

одной буквы—ъ, которая всегда малороссіянами выговаривается за русское и“.

1.

— о о о — о о о — о о — о
— о о о — о о о — о о — о

Тилько тебе вбачыла, мій мылый коханий;
Тилько ясны оченъки ты на мене взвивъ—
О якъ, мое серденько, ты тилько глядивъ;
Билый свить заслали скрызъ якися туманы;
Паше зъ мене поломьемъ, и, въ день литній, ясный,
Лютый морозъ тина всю; стою, обмертвивъ;
Мовити хотила я—языкъ заннимивъ;
Сумно мени сталося; духъ гвалтъ пиднявъ страшный.
Серце мало-бъ вырвалось; я млію, тремчу,
Мру и оживаю впятъ; слизьми якъ зальюся,
Руки врызъ розкинулись, до тебе лечу;
Моцно жму до серденька, и вже не цущу.
Хоть вмру я била тебе, а ни розлучуся;
Або твоя, мылый, або—утоплюся.

4.

— о — о — о о о — о о — о
— о — о — о о о — о о —

Знаешъ, Саню—серденько!.. О мила година!
Въ весну, въ лузи темному, мы рвали квитки;
Нѣжни твои рученьки плели мни вѣнки.
„Швыдче стане,“ мовила ты, „чорна калина,
Нижъ покине милого ввѣкъ вѣрна дѣвчина“.
Въ щичкахъ твоихъ нѣжненькихъ угнулись ямки,
Въ ясныхъ чорныхъ оченкахъ тремтили слизки;
Въ руки мои впала, мовъ маленька дѣтина;
Стонешъ, нибы горлиця, и къ груди грудь льне;
Мовишь: „чи хохашъ, якъ кохавъ ты мене“?

— Хай, хай люди стануть всё тверди, якъ камни,
 Хай барвинокъ въ весночку завяне, похспе,
 Бѣлый свѣтъ весь въ чорному потоппе тумани,—
 Вѣрный вѣкъ остануть все коханій я Сани.

Выше мы уже видѣли характерный образчикъ украинской переработки русскаго произведенія. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1829 (II, 117—127) мы разыскали и другой—„Маруся“ (баллада), передѣланная изъ „Свѣтланы“ Жуковскаго. Повидимому было вполне опредѣленное стремленіе усвоить украинской литературѣ классическія произведенія литературы русскаго (срв. переводы Пушкина, другихъ произведеній Жуковскаго и пр.).

„Маруся“ подписана: „В*** 4—6 февр. 1829“ (Л. Боровиковскаго) и сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора, т. е. самого Каченовскаго: „Маруся, т. е. *Марья*, это есть подражаніе *Свѣтланѣ* Жуковскаго; ежели въ немъ

Очень мало складу,

то принесу въ извиненіе бѣдность полузабытаго нарѣчія моей родины“—говоритъ скромный переводчикъ; а мы прибавимъ, что его Маруся доставитъ многимъ читателямъ нашимъ удовольствіе, какъ вѣкогда *Твардовскій* г—на Г. А—го ¹⁾. Сіе прекрасное подражаніе извѣстной піесѣ Мицкевича было напечатано сперва въ *Вѣстникѣ Европы* (1827, № 6). ²⁾, потомъ не замедлило явиться въ *Славянинѣ*, а вскорѣ и въ одномъ изъ варшавскихъ журналовъ (*Dziennik*). Успѣха подобнаго желаемъ и малороссійской соперницѣ *Свѣтланы*“.

Звечера пидъ новий годъ

Дивчата гадалы:

¹⁾ Гулакъ-Артемонскій. Подписана была только буква Г.

²⁾ I, 116—129. Съ очень интереснымъ предисловіемъ Каченовскаго.

Выбигалы въ огородъ,
 Въ викна підслухалы;
 Зъ тиста бгалы шышечкы;
 Олыво топылы;
 Слухалы собаєъ; въ пустекы
 О-пивничъ выхрылы;
 Вискъ топылы на жарку
 И зъ водою въ черепку
 Долю выльвалы;
 Бигалы на шляхъ воны;
 Съ прыказкамы въ комены
 Суженыхъ пыталы.
 Темно. Мисяць надъ лискомъ
 Въ хмары завернувся...
 Прыгорнувшысь, пидъ викномъ
 † Рюмала *Маруся*.
 „Ты жъ, сестрыце, ты чоґо
 Зъ намы не гадаєшь?
 Пидъ виконечкомъ кого—
 Видкиль выглядаєшь?..
 Встань, голубко, не журысь:
 Выйды зъ хаты, подивысь,
 • Де каганчыкъ свитыть—
 Видтиль буде милый твій...
 Пидъ виконечкомъ постій—
 Слухай, хто одвитыть“...
 — „Охъ, сестрыци, якъ мыни
 Зъ вами ворожыты:
 Въ дальній мылый сторони,
 Якъ безъ іого жыты!
 Годъ мынувъ—а все не чутъ,
 Де, чи живъ мій мылый?
 Дни, недилоньки плывуть—
 Свить гиркый, остылый!

Слова, висточки нема;
 А безъ любого сама
     Горе я горюю!
 Де жъ мыни іого найты?
 Що робить, куда пить?
     Де я помандрую“?
 Въ хати каганецъ блыщты;
     Жаръ пидъ пичью тліе;
 Повна мисочка стоить—
     Вискъ Маруся гріе.
 „Ну, Марусю, загадай,
     Вискъ на воду выльй;
 Що тамъ выллецця—пизнай,
     Якъ живе твій мыльй:
 Чи живе виць, чи мертвецъ,
 Чи зъ тобою пидъ винець
     Пиде зъ старостамы:
 Звяжуть руки рушвыкомъ,
 Коло столыка кругомъ
     Обведуть зъ свичкамы...
 Вискъ шкварчѣть—а въ серци тіохъ!
     Къ печи лидбигае:
 Ухватила черепокъ—
     Въ воду выльвае...
 Тыхо въ хати; пидъ куткомъ
     Разъ цвиркунъ цвиринькнувъ.
 Пивничъ: трычи пидъ виномъ
     Пивень кукурикнувъ;
 А Марусенька дрожыть:
 Страшно, страшно ворожыть,
     Трусмцця небога;
 Слуха—мовъ що въ хату йде,
 Мовъ балака, мовъ гуде...
     Рыгнуло въ порога...
 Що жъ Маруся?—На води

Плытка воску плава,
 И дивчывонька тоди
 На ній прочытала:
 Домовына, хрѣсть, свичкы,
 Заступь; дви лопаты,
 Полясь, яма, рушныкы,
 Мара, склепъ дощатый...
 „Горе! мылий мій мертвецъ“!
 Загасыла каганецъ—
 Дивка лыхо чуе...
 Сила, бидва, у вывна,
 Серце бьецця, серце зна,
 Серце щось вищуче...
 Цс!—Пидь хатою скриплять
 Санкы на прычилку:
 Въ двирь; бояры гомонять—
 Бидуть ¹⁾ сватать дивку.
 Тыхо дверчыкы скрыплять,
 Молодой уходить:
 „Пипь насъ жде, свичкы горять“,
 Дивчывни говорыть:
 „Въ церкви вже ревуть дякы,
 Ждутъ свитылкы, ждуть дружкы,
 Ждутъ хусткы весилни“.
 За вгородомъ санкы ждуть,
 Кони—змій съ серця рвуть
 Поводы реминни.
 Силы въ санкы: кони мчать,
 Ажъ искрять ногамы,
 Полозочки ажъ шумлять,
 Снигъ летыть клочкамы;
 Ззаду такъ якъ дымъ бурыть,
 Степь кругомъ сыніе,

¹⁾ Своеобразное обозначеніе мягкости.

Мисяць изъ-за хмаръ блыщыть,
 Тилко—тилко мріе.
 Сердце въ дивчыны дрожыть:
 „Що жъ мій молодой мовчыть?
 Забалакай, мылый“!
 Ни пивслова: все мовчыть
 И насупывшысь сыдыть—
 Такъ, якъ глына, бильй.
 Кони по полю летать:
 Зъ поля витерь віе;
 А навитшыбъ—гинъ за пять—
 Церква бованіе.
 Двери выхоръ видхыльвъ;
 Люды въ церкви; тліють
 Ставныкы и видъ кадылъ
 Тилко-тилко мріють.
 Середъ церкви чорный грибъ
 И надъ вымъ спивае пипъ:
 „Буде вична память“!
 Гирше дивчына дрожыть;
 Кони мымо; все мовчыть
 Блудный мылый въ сапяхъ.
 Заверюха пиднялась;
 Рвецця снягъ клочкамы:
 Чорный воронъ разъ-у-разъ
 Кряче надъ санкамы:
 Чорный воронъ не добро
 Дивчыни вищуе!
 Лыхо въ душу залагло,
 Лыхо сердце чуеть.
 На поли огонь блыщыть:
 Мижъ заметамы стоить
 Хутирокъ чи малый:
 Кони швыдче повеслы,
 Дымъ ногамы пиднялы—

Къ хутору примчаль.
 Прилетили до дверей,
 Зушынылысь, стали:
 Коня, санкы, молодой—
 Якъ у воду впалы!
 Сыпле свигъ—якъ зъ рукава;
 Крутыть заверюха:
 Въ поли витерь завыва,
 Надувае фуга...
 Бий вернуца?—Шляхъ пропавъ!
 Отъ, каганчыкъ заблыщавъ—
 И, перехрестывшысь,
 Двери тыхо видвела,
 Поподумала, ввійшла,
 Богу помолывшысь,
 Що-жь найшла?—Мертвецъ лежыть—
 Въ головахъ у тила
 Свичка воскова горыть—
 Дивка обимлила!
 Передъ мертвымъ на столи
 Образъ—Божа Маты...
 Страшно въ хати бугъ самій,
 Страшно кыдать хаты!
 Въ поли витерь все свысгыть...
 Дивка блідная стоить—
 Богу помолылась.
 Страшно пидійты къ столу:
 Передъ прыпичкомъ въ углу
 Тыхо прыслонылась.
 Витерь стыхнувъ, все мовчыть;
 Бура утыхае;
 Свичка тилко що)блыщить,
 Свичка догоряе.
 Темно въ поли; въ хутирку
 Змовкло, занимало;

Сумно въ хати... цс!.. въ кутку
 Щось загоготило—
 Мовъ-бы витерь зашумивъ.
 Глядь—изъ покутя злетивъ
 Голубокъ биленькый:
 Крылечкамы замахавъ,
 Дивчыни на груди павъ,
 Прыгорнувсь легенько.
 Змовкло внять усе кругомъ...
 Блудная Маруся
 Глядь—пидь билымъ полотномъ
 Мергвый повернувся...
 Впало полотно: мертвецъ
 (Тварь—темниша ночи)
 Звився; на лоби винецъ,
 Видимкнулысь очи...
 Хоче ноги розвесты,
 Хоче мергвый расплесты
 Руки омертвили;
 А Марусенька?—Дрожыть:
 Лыхо близьке, а не спыть
 Голубокъ биленькый.
 Стрепенувся, розвернувъ
 Крылычка легенько:
 Къ мертвому на стиль порхнувъ—
 Сивъ на нимъ тыхенько:
 Застогнавъ, заскреготавъ
 Билымы зубамы,
 На Марусю загарчавъ
 Тыхымы словамы.
 Знову мергвый поблуднивъ,
 Зъ столу голубъ излетивъ—
 Дивка прыглядилась:
 Хто-жь?—„О, Боже мій святой!“—
 То Марусынъ молодой—

„Охъ“!—и пробудылась.
 Де жь? На лави, у викна,
     Въ хати, де гадала,
 Де, задумавшысь, вона
     Вчора задримала.
 День сиріе; за лискомъ
     Жовтый мисяць зникнувъ;
 Трычи ранній пидъ викномъ
     Пивень кукурикнувъ.
 А Маруся не встае—
 Бий покою не дае
     Сонъ: щось сердце чуе...
 — „Охъ, чого жь то ждать мыни:
 Жывъ мій мылий, чи въ земли—
     Що мій сонъ вищуе“?
 Такъ, якъ вкопана, сидыть
     Пидъ викномъ небога
 И въ кватырочку глядыть
     Въ поле, де дорога;
 Скризь сидый туманъ налигъ
     На широке поле;
 А въ садочку иній лигъ
     На деревья голе...
 Кони черезъ мерзлый снигъ
 Сазкы мчать; зъ-пидъ киньскихъ нигъ
     Дымъ пиднявся билий;
 Бидуть, бидуть до ворить,
 Въ санкахъ парубокъ сидыть—
     Хто?—Марусынъ мылий!
 Що жь, Марусенька, твій сонъ?—
     Суженый зъ тобою!
 Изъ далекихъ винъ сторонъ
     Зъ сердцемъ и любовью
 До дивчыны прылетивъ:
     Пиць васъ обвинчае—

Выбирайте старостивъ,
 Хай музыка грае.
 Русу косу расплятай,
 Хусточки заготовляй,—
 Пидъ винець идите!
 Заготовте рушныкы,
 Засышивають вамъ дякы
 Въ церкви „мвога лита“!

Усерднымъ вкладчикомъ журнала Каченовскаго былъ Артемовскій-Гулакъ. Его произведенія обыкновенно печатались сначала на страницахъ „Вѣстника Европы“, а потомъ уже перепечатывались другими изданіями.

Въ VI томѣ 1827 г. напечатаны: казка „Батько та Сынъ“, „Рыбочка“ (Казка) ¹⁾ и Двѣ оды Гораціевы до Пархома (стр. 130—135). Всѣ онѣ подписаны буквой N.

Къ первой Гулакъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: „кто учился у дяка по старинному славянскому букварю, тотъ знаетъ, что значить *тма, мна, здо, тло, идъ, кто, что, мню* и пр. Сколько воспоминаній“!.. „Оды“ сопровождаемы латинскими эниграфами и такимъ общимъ замѣчаніемъ: „кто съ чувствомъ безпристрастія вникнетъ въ духъ нѣкоторыхъ одъ Горація, равно какъ и въ настоящую, такъ сознается, что его философія немногимъ чѣмъ различествуетъ съ философіею нашихъ малороссійскихъ *Пархомовъ: фалернское и горилка*—вотъ вся розница“!..

Въ V томѣ того же года (стр. 286—290) напечатана его же малороссійская баллада „*Рыбакъ*“ (изъ Гете), подписанная „—й—27 окт. 1827“. Самъ Каченовскій прибавилъ къ переводу очень интересное предисловіе.

„Всякому счастливому произведенію истиннаго таланта желаемъ такого успѣха, какой имѣлъ *Твардовскій*. Безъ предвзятельныхъ внушеній, безъ посредства слишкомъ ужъ извѣст-

¹⁾ Т. е. «Плиточка» (см. «Кобзарь» Артемовскаго-Гулака).

ныхъ способо́въ втиратся въ храмъ славы, баллада любезнаго нашего поэта въ короткое время была напечатана *три раза*. Слышно впрочемъ, что между благосклонными читателями стихотвореній малороссійскихъ есть и неблагосклонные въ сему варѣчю—хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для славянскаго филолога. Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить, но для другихъ сошлемся на *аллеманскія* стихотворенія покойнаго *Гебеля*, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго (см. его *Für Wenige*. Для немногихъ. М. 1818). Кажется, позволено просить снисхожденія къ варѣчю многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и согражданъ *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ прежней Швабіи. Почтенный поэтъ (Гулакъ-Артемовскій), упомянувъ о нѣкоторыхъ особливыхъ побужденіяхъ, заставившихъ его передать на родномъ языкѣ („на языкѣ, почти уже *забытомъ мною*“—пишетъ онъ къ редактору. Прекрасно! Многіе изъ громкихъ словесниковъ, право, не остались-бы въ накладѣ, промѣнявши всѣ сокровища памяти своей на подобную забывчивость) своею Гетеву балладу, говоритъ далѣе въ обязательномъ письмѣ къ редактору, что между прочимъ и по влеченію любопытства, захотѣлъ онъ *попробовать*, нельзя-ли на малороссійскомъ языкѣ, передать чувства нѣжныя, благородныя, возвышенныя, не представляя читателя или слушателя смѣяться, какъ отъ Энеиды Котляревскаго и отъ другихъ, съ тою же дѣлію писанныхъ стихотвореній. Указывая далѣе на нѣкоторыя народныя пѣсни малороссійскія, на пѣсни самыя нѣжныя, самыя трогательныя, онъ, съ благородною неувѣренностію въ успѣхѣ, выдаетъ балладу свою единственно, какъ простой *опытъ*.

Судьба его стихотворенія *будетъ* рѣшена знатоками и любителями малороссійскаго слова. Намъ остается только поставить на видъ одно обстоятельство: какъ въ *Твардовскомъ* выдер-

жанъ сочинителемъ тонъ *мужеско-гайдамацкій*, такъ здѣсь принято имъ *женскій малороссійскій* способъ объясненія“.

Въ 1830 г. I (стр. 113—116) помѣщенъ: „урывокъ зъ казвы *Видьма*“, подписанный буквой Б. ¹⁾ Авторскія примѣчанія разъясняютъ принятый размѣръ и ставятъ вопросъ объ орфографіи.

„Размѣръ этой баллады:

○ — ○ ○ — ○ ○ — ○ ○ —
○ — ○ ○ — ○ ○ — ○

Показанъ размѣръ—можно читать правильно безъ подстрочныхъ знаков“.

„Касательно *письма* малороссійскаго—*quot capita, tot sensus*. Г. *Максимовичъ*, въ изданіи малороссійскихъ пѣсенъ (очень невѣрныхъ), слѣдуя *этимологіи* словъ, измѣнилъ выговоръ и затруднялъ малороссіянина въ чтеніи; *панъ Котляревскій*, слѣдуя *самому выговору*, писалъ, какъ произносятся, но прекрасная Энеида—малороссіянка (думаю, по волѣ писца или типографщика) принуждена была надѣвать русскій *кокошникъ* къ мужицкой *плахтѣ*: какъ не къ лицу! Нѣкоторые, наконецъ, думаютъ, что слова малороссійскія лучше писать по-польски! Съ этимъ (хоть для разнообразія) и я согласенъ. Съ условными знаками поляковъ для *ж*, *ь* и пр. (безъ *з* обойтись можно) легко вполнѣ выражается языкъ малороссійскій, со всею его гармоническою точностію—буквами латинскими; притомъ же *этимологія* несравненно большей части словъ малороссійскихъ—съ польскаго видно будетъ яснѣе“. Самъ авторъ, впрочемъ прибѣгъ къ обычному правописанію.

Садылоси сонце за синимъ Днипромъ;
За сонечкомъ вечеръ спускався;
За вечеромъ—ниччу, якъ сывымъ сукномъ,
И поле и лисъ укрывався.

1) Боровиковскій?

Мижъ хмарами мисяць тыхенько котывсь,
 И на неби звизды займалысь;
 А пиняви хвыли Днипровы дулысь
 И берегъ высокый лызалы.
 Задумалось поле; утыхло кругомъ;
 Хиба де собака залае;
 Хиба де рыбалка заплеще весломъ
 Та хвылею писню спивае;
 Хиба де въ рыбалокъ батаття блыщыть,
 Та часомъ голосыть сопилка,
 Та де-где гадюкою внизъ пролетыть,
 Изъ неба зирвавшыся, зирка.
 Пидь Киевомъ лись есть, надъ самымъ Днипромъ,
 Нихто нымъ прійты не посьміе,
 И сумно въ тимъ лиси, и сумно кругомъ:
 Огонь въ нымъ середъ ночи тліе;
 Щось плаче, мовъ диты, гуде вечиркомъ
 И вые щось, мовъ бы собаки;
 А що найстрашнице—въ тимъ лиси гниздомъ
 Давно завелысь гайдамакы—
 Не разъ бородатыхъ давылы купцивъ,
 И коней, и крамъ видбиралы;
 Не разъ подорожнихъ богатыхъ панивъ,
 Якъ лыпку сыру, обдиралы.
 У лиси куринь; въ курини—гомитня;
 Бурлакы багаття розводятъ;
 Осидлани кони кругомъ курина
 Непутани, попаскы ходять.
 На коняхъ розъязжують два сторожи—
 Изъ крамомъ купцивъ выглядують;
 Ти сучать арканы, ти гострятъ ножи,
 Ти ружжа свои заряжаютъ...
 Понурый отаманъ пидъ дубомъ сыдыть
 И усы на палець мотае:
 Не хоче винъ рады ни съ кимъ роздлыть,—

Нихто його думкы не знае.
 Надходила пивничъ. Зибравшысь въ кружокъ,
 Казокъ гайдамакы казали:
 Про Дивъ, про Гаркушу, про гарныхъ дивокъ,
 Про парнивъ, що Сичъ боронили;—
 Про злыхъ вовкулакъ; про Твардовського ридъ;
 Про мертвыхъ, що челядь лякають;
 Про вѣйсько московське; про киевськихъ видьмъ;
 Про змѣй, що до бабъ прылитають...

Одынъ гайдамака.

Есть хатка (sic) пидъ лисомъ—гинъ двое видъ насъ,
 Въ нѣй баба стара проживае;
 Опивничъ до бабы (я бачывъ не разъ)
 Коромесломъ змѣй прылитае.
 Ще въ Києви живъ я. Тамъ цѣлый Подоль
 Про знахарку-бабу городыть,
 Про скрыню, про гроши...

Отаманъ.

Я й самъ видглядивъ,
 Якъ зъ Києва вчора вертався
 Лужкомъ поузь хату: якыйсь сатана
 Непевный до бабы спускався...
 И гроши е въ бабы?

Гайдамака.

Йимъ лику нема—
 Якъ въ нехрыста жида.

Отаманъ.

— Ну, диты!
 Не лышне-бъ у бабы замкы пидтрусить,
 Та руки въ калытци погрить...

Ему-же (Б., 20 мая 1829) принадлежит переводъ „Два ворона“ Пушкина, размѣромъ подлинника (ib., стр. 185).

Ему-же (Б—й. 1828. Харьковъ) принадлежитъ „Подражаніе Горацию“ (ib., стр. 184—185).

Размѣръ:

/

○ — ○ — ○ — ○ — ○ — ○ —

○ — ○ — ○ — ○ — ○

Beatus ille etc.

Erod. Car. II.

Щасливый въ свити той, хто такъ уміе жыть,
 Якъ наши праиды жывалы:
 Воламы риднымы лидивскый степь кроить,
 Довгы затылка не згывалы,
 Не клыче барабанъ влпичичъ на розбыття,
 На море човна не спускае,
 Не тягне брата въ судъ; чупрыною смиття
 Съ порогивъ панськихъ не змитае;
 А хто на хутори розсажуе садокъ,
 Доридни вышенькы кохае,
 И ножыкомъ крывымъ до яблуньокъ, грушокъ,
 Спылывшы, ризочки счиляе;
 Розлигшысь на трави, въ сощилочку сурмытъ
 И за воламы поглядае;
 Або изъ сщилныкывъ въ лыпянку медъ сочытъ,
 Зъ овечокъ вовныцю зстрыгае;

Або, якъ блідную покаже Осинь тварь,
 И спила оwoцъ пожовтіе,
 Винь трусуть яблука и сушить на узварь,
 Та на зиму озыме сіе;
 Або, розлигшысь, спить мидь дубомъ на трави;
 Пидь бокомъ ричечка лепече,
 Въ левади писеньокъ спивають косари,
 И соловеечко щебече;
 Або, якъ пидь Риздво прытрусуть землю снигъ,
 Рички морозецъ постынае,
 Забравшы парубкивъ, за поясъ взявши ригъ,
 Съ собаками вовкивъ ганяе;
 Або, роскынувшы здрадлыи тенета,
 Кругомъ пролииска обставляе,
 А тамъ зъ усихъ крайвъ крычать: га—ту! га—та!—
 И заецъ въ ситку застрявае...
 И на ничь для зайцивъ винь ситку заставля
 (И все сусидови безъ шкоды)...
 А блысне зирочка—винь зъ добыччу чвала
 До живкы, дитокъ, до господы.
 Винь тилко що на двирь, а жинка на поригъ,
 Юго изъ радоцу вытае,
 Вечеря на столи, а дитвора, якъ рій
 На матку, батька обсидае.
 Якъ смачно на печи, забравшысь на черинь,
 Писля охоты видпочыне!
 Якъ завтра весело покыне свій куринь
 И знову до роботы кыне!

По словамъ И. Кирѣевскаго, для русскихъ писателей конца 20-ыхъ годовъ Мицкевичъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ „владельцевъ думъ“. О силѣ его вліянія свидѣтельствуется громадное количество переводовъ и подражаній.

Это увлеченіе передалось и малорусскимъ писателямъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1830 (I, 72—73) напечатанъ „малороссійскій переводъ изъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича *Акерманьски степы*“ Ш. (Шпигоцкаго?).

Напливъ я на розлигъ сѣхого океяну,
 Ныряе въ зильи визъ и, мовъ межъ хвиль човнокъ,
 Плыве межъ пойныхъ лукъ по келему квитокъ;
 Минаю острови зелены я бурьяну.
 Смеркае вже; нигде ни шляху, ни кургану;
 Шукаю шляховыхъ на неби я зирокъ.
 Гень, бльсь! Чи хмара то? то зироньки свитокъ?
 Ни! то синіе Днистръ—то свитло Акерману.
 Пождимъ... Якъ тихо все! Я чую журавливъ;
 А ихъ ключа бъ не вздривъ бачнійшій зъ соколивъ
 Я чую, якъ въ трави метеликъ колыхнется,
 Якъ гадына слизка до зилья доторкнется.
 Въ тиши сей слухаю такъ пильно, занимавъ,
 Що зъ родыни бъ чувъ гукъ. Нихто не отклькнется!

Тамъ-же (стр. 177—183) помѣщенъ и „Фарысь, зъ Мицкевича“, переводъ Л. Боровиковскаго (съ помѣткой *Юля 1829. С. Милотки* и примѣчаніемъ переводчика:

„Размѣръ:

○ (○) — ○ ○ — ○ ○ — ○ ○ — (○) и пр.
 — ○ — ○ — ○ — ○ (○) и пр.

Этотъ размѣръ болѣе приближается къ подлиннику.. и, можетъ быть, *только этотъ размѣръ*.. Что-жъ дѣлать? Мицкевичъ неподражаемъ, тѣмъ болѣе на ограниченномъ нарѣчій Малороссіи“.

Якъ човенъ веселый, видчальвышы въ море,
 По сынимъ крыштали за витромъ летыть

Томъ 71.—Ноябрь, 1900.

I—6

И веслами воду и пиныть, и дре,
 Лебежею шыю въ хвляхъ шумыть:
 Такъ дыкый Арапъ, поводы видпустывшы
 Коню вороному, въ пустыню бижыть;
 Кинь шибкый, копыты въ писку потопывшы,
 Якъ крыця горяча въ води, влекотыть.
 Вже кинь мой по морю сухому ныря
 И хвилю писчану грудыи ростына,
     Далше—глыбше, далше—глыбше,
     Въ гору курава выхрыть;
     Далше—выще, далше—выще,
     По-надъ пылю кинь летыть.

Мій кинь вороный такъ якъ хмара литае,
 И лысива въ лоби—якъ зъ мисяца ригъ,
 И шовкова грыва по витрови мае,
 Кругомъ блискавки роскыдае зъ-пидъ нигъ.

Мчы, литавче билоногый!
 Лись и горы—причъ зъ дороги!
 Дармо мене пальма въ поли
 Жде зъ шышкамы й холодвомъ.
 Утикаю я по воли—
 Пальма скрылася зъ стыдомъ
 И въ повітри утонула

И шелестомъ лысця зъ гинця усмихнулася.
 Тамъ скалы—понура сторона пустынь—
 Пиддержують неба кинди головою ¹⁾
 И дражнять, що гупа копытамы кинь,
 И сварятця слидомъ за мною:

„О невидгласъ! де винъ говыть—
 Тамъ видъ сонця весь скыпыть;
 Де пискамы кинь летыть,
 Головы тамъ не прыклоныть

¹⁾ Прям. переводчика: «въ подлинникѣ этотъ стихокъ:

Dzią na Bednina poglądają twarzą».

Пидъ шатерь середъ пустынь—
 Небо тамъ шатерь одынь.
 Тилько скалы тамъ ночують,
 Тилько звизды тамъ кочують“.
 Витерь свару розимчавъ;
 Я присвыснувъ—кинь помчавъ.
 Глядь назадъ—понуры скалы
 Все видъ мене повтикалы:
 Довгымъ рядомъ въ степь бижать,—
 Слызлы—слиду ихъ не звать.

Гракъ, почувшы, що сваряця горы, гадае,
 Що въ пустыни коня й бедуина піймае,
 И, розправывшы крыла, погнався гинцемъ—
 Трычи голову чорнымъ обвивъ обручемъ¹⁾:

„Чую“, кракнувъ, запахъ трупій,
 Самъ ты глупый, кинь твій глупый!
 Хочъ найты въ пискахъ дороги,
 Хоче паши билоногый—
 Лышня праця: хто зайшовъ,
 Не выходыть видсилъ зновъ.
 Симъ шляхомъ витры блукають,
 Слidy пискамы замитають.
 Травъ лука ся не несе,
 Ся лука гадюкъ пасе.
 Тилько труны тутъ кочують(?)—
 Тутъ тилько гракы кочують“.

И крачачы когти на мене справлявъ;
 Зъ гракомъ мы зглянулысь око на око—
 Хто-жь злякавсь? Гракъ злякавсь и порвався високо.
 Я хотивъ закарать и майданъ напынавсь
 И очыма грака я слидывъ за собою—
 Гракъ мій чорною плямкою въ витри повывсь:

¹⁾ Примѣч. переводчика: «блѣже—трычи голову чорнымъ обвивъ винцемъ».

Показавсь горобцемъ, и жукомъ и бжолою,
А дали въ повитри цилкомъ ростопывсь.

Мчы, литавче билоногый!

Скалы и гракы—зъ дороги!

Я оглянувсь—ажъ зъ Зѣхому хмара летыть
На крылахъ шырокихъ по сыньому склепу:
Въ неби хмара гинцемъ такъ хотила прослыть,
Якъ литавъ воронымъ я по степу,—

И завысла надо мною,

„Зъ витромъ свыснула враждою:

О неvigласть! тамъ тоби

Спека груди вси ростопыть,

Дощыкъ зъ хмары не окропыть

Курявы на голови.

Джерело въ пику степовымъ

Не озвеця срибнымъ словомъ.

Росу тамъ—къ земли не сяде—

Вльоть голодный витерь краде“.

Дармо, дармо лякае; я мчусь по пискахъ;
Хмара, мовъ занудывшысь по небу слоняе,

Нызче голову склоняе

И застряла на горахъ.

А ще разъ якъ хмару очыма я скинувъ—

Би за всимъ небомъ позаду покынувъ:

Що въ серци ховала—я бачывъ въ очахъ:

Обимлила, счервонила

И видъ злосты поблиднила—

А дали счорнила, якъ трущъ, и сховалася въ горахъ.

Мчы, литавче билоногый!

Гракъ и хмары—причь зъ дороги!

Око небо обвелю;

Я оглянувсь коло себе:

Ни въ пустыня, ни на неби

Вже никого не було.

Мервый степъ—и свить наставъ—

Людськыхъ нигъ не цюлавъ.

Все тамъ сномъ мертвецкымъ спытъ,

Якъ звирякъ ватага дыка

Не боитця, не бижить,

Вперше вздрившы чоловика.

Мій Боже! Тутъ я вже не першый! Въ пискахъ

Чи люды, чи видмы въ степу бованіють?

Чи бродять, чи добычи ждуть тамъ въ горахъ?

Биздци вси, явъ снигъ, и бихъ кони біліють!

Прыбигъ—вси ни зъ мисця; гукнувъ—вси мовчать!

То—кистки:

Стародавня каравана

Витромъ зъ піскивъ выгрибана.

На шкилетахъ верблюжыхъ—зъ людей маслакы:

Въ ямы, де лежалы очи,

Въ голи щокы, мижъ кистокъ,

Буйный витерь піскы точыть...

И ворожить той писоць:

„Бедуине ошуканый!

Де летышь—тамъ гураганы!“

—„Не боюсь!“ Кинь мчытся вскоць.

Мчы литавче билоногий!

Видмы, гураганъ—зъ дороги!

Гураганъ, старшый братъ зъ афрыканськыхъ выхривъ

Середъ степу гуля, середъ жовтыхъ пискивъ:

Мене вуздривъ здалека—и ставъ оглядаты,—

Вертячыся на мисти, соби зашумивъ:

„Що за выхорь летыть?.. Зъ моихъ меншыхъ бративъ,

Мабудъ, вырвавсь, никчемный, писоць розмитаты...

Якъ посьмывъ винъ мое дидивськѣ розсыпаты?

Заревивъ—и до мене горою порвавсь,

Зблидъ, посьнивъ, що я не втикавъ, не злякавъ;

Землю рывъ, писоць сыпучый,

Всю Арапію измучивъ

И, якъ грышь-птахъ, мене зъ вороного зирвавъ:

Виддыхомъ огныстымъ палыть,
 Кыда вверху, объ землю бье,
 Крутыть, рве, писокъ шпуе.
 Вырвавсь я, борюся смило,
 Рву, кочкомъ писокъ песу,
 Роздыраю його тило
 И зубамы мну, грызу.

Гураганъ зъ моихъ рукъ хотивъ въ небо втегты—
 Та не вырвавсь: въ пивтила зирвавсь и рунувъ
 И писцанымъ дощомъ мене зверху облывъ,
 Але лигъ била нигъ моихъ валомъ—и лунувъ.
 Виддохнувъ я! На звизды тоди поглядивъ,
 И все небо якъ разъ зототымы очыма

Зрило все на бедуина,

Бо причъ мене ниhto на земли тамъ не жывъ.
 Якъ то любо по воли дохнуты грудымы!

Виддохнувъ я такъ широко,
 Що повитря въ Арбыстани
 Ледве на виддышку стане.

Якъ то любо поглянуть очыма всимы!

Роспистерлось мое око
 Такъ далеко, такъ широко,
 Що бильшь свита засяга,
 Нижъ—якъ небо заляга.

Якъ то любо розкынутця середъ стенивъ!
 Я роскынувся тиломъ и руки рознявъ,
 И, здаецця, свить зъ зходу на захидъ обнявъ:
 Моя думка въ повитри литае и рветця
 Выще, выще и выще—ажъ въ небо несетця.
 Якъ бжола топтыть зъ жаломъ кинецъ животивъ,
 Такъ я зъ думкою й душу у небо втопывъ.

Въ VI томѣ „Вѣстника Европы“ 1822 Каченовскій помѣстилъ нѣсколько „малороссійскихъ анекдотовъ“ (стр. 61—68 и 157—162). Имъ предпосланы два коротенькія предисловія редактора.

„Нарѣчіе малороссіянъ является уже не только въ книжкахъ печатныхъ, но и на сценѣ въ обѣихъ столицахъ. ¹⁾ Желательно, чтобы малороссіянне говорили намъ дѣйствительно своимъ языкомъ—напримѣръ, какъ въ сихъ анекдотахъ“. „Подобныя анекдоты рассказываются самими малороссіянами въ досужное время и единственно для невинной забавы. Что говорится о *лицахъ особенно*, то никакъ не можетъ относиться къ цѣлому народу или къ званию. Есть, конечно, люди, которые о многомъ судятъ по своимъ собственнымъ догадкамъ и подозрѣніямъ, но за то есть и другіе, умѣющіе цѣнить *беззредную* занимательность правдоподобнаго веселаго разсказа. Сіи послѣдніе, какъ мы думаемъ, были бы отмѣнно довольны, когда бы случилось имъ найти гдѣ-нибудь въ журналѣ искусно предложенное сказаніе, напр., о козакахъ (задолго передъ симъ), приходившихъ въ Петербургъ жаловаться на помѣщика Кулябку“.

Считаемъ нужнымъ привести эти анекдоты, представляющіе ранію и, кажется, первую запись произведеній малорусскаго народнаго юмора. Нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются намъ впервые, другіе даютъ интересныя версіи общеизвѣстныхъ разсказовъ.

1.

Лавринъ вывезъ на торгъ продать мѣшокъ муки съ тѣмъ, чтобы за вырученныя деньги купить нужное для дома. Остановившись на площади въ городѣ среди множества людей, онъ рѣшился не вставать съ воза, весьма прилежно караулить свой товаръ и глазъ съ него не спускать, ниже ни на секунду Подходить одинъ служивый, посматриваетъ на продавца, на мѣшокъ

1) Намекъ на «Козака-стихотворца» кн. Шаховскаго?

съ мукою, поглаживаетъ его, пошевеливаетъ. Лавринъ бормочетъ про себя: „одже не думае купитъ, а хоче вкрасты“. Служивой, видя, что хозяинъ, уставивши на него большіе глаза, спокойно, впрочемъ позволяеть осматривать товаръ свой, поднялъ мѣшокъ, взвалилъ къ себѣ на плечо и удаляется тихимъ шагомъ. Лавринъ, между тѣмъ съ лукавою усмѣшкою говоритъ себѣ: „Вражій сынъ думае, що я не бачу, якъ винъ краде. Бачъ, взявъ! А ну, а ну! Бачъ, пишовъ! Одже и вкравъ!“ Когда служивый скрывался въ толпѣ народа, нашъ Лавринъ привсталъ на телѣгѣ и смотрѣлъ вслѣдъ за проворнымъ служивымъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся. Тогда Лавринъ сказалъ въ отраду самъ себѣ: „Уже сказано, уже колы не купе, то вкраде. Вже-жъ я и дышовся—такы прійшовъ, та такъ такы и вкравъ. А ну, сынку, впрягай волюкивъ, поидмо до-дому!“.

2.

Стеха, пожелавъ имѣть новый очипокъ, сказала мужу: „чы знаеши, що Денисе? Повезы лишень завтра на базаръ хвастку маслычка, що я за Петривку придбала; продай його, та купи мени очипокъ, та ще чого треба, то солы, то тарани, то ще чого знаеши. Ти гляды пылменько, щобъ не вкралы, яка у нашого кума Лаврина муку. Гляды та й гляды, а то, колы вкрадутъ, далеби усю потылицю обирву тобі. Уже ты знаеши мене, що я не збрешу. Впрягай волювъ. Отъ хвастка, поганяй. Ти гляды-жъ!“ — „Не бійсь, не вкрадутъ“, отвѣчаетъ Денисъ, кладетъ кадочку на телѣгу и отправляется въ городъ. Тамъ отпрягъ воловъ, купилъ дыню и для безопасности садится на кадочку съ масломъ. Явились охотники посмотреть, а, можетъ быть, и купить товаръ Денисовъ, но нашъ Денисъ ни съ мѣста. Кушаетъ свою дыню со скорлупою, сокомъ заливаетъ (такъ многіе лакомятся въ Малороссіи) и на всѣ вопросы, что у него продается, вяло отвѣчаетъ: „масло!“ — „Покажи!“ — „Отъ такъ, щобъ укралы! Напередъ купи, то тоди и встану.“ Разумѣется, что покупщики оставили его; но другіе проворные

хитрецы всячески увивались около Дениса. Тщетно! продавецъ нашъ сидитъ на кадкѣ и бодрствуетъ.

Наконецъ, уже почти къ вечеру, подошелъ къ нему одинъ служивой; всматривается и восклицаетъ: здорово, пріятель!

Денисъ. Здоровъ.

Служивой. Узналъ ты меня?

Денисъ. Ни.

Служ. Какъ не узналъ! Да я у васъ въ прошломъ годѣ въ деревнѣ съ командою стоялъ.

Денисъ. Де?—щобъ то у насъ у Куликовци?

Служ. Такъ, тамъ, пріятель! У васъ у Куликовки стоялъ.

Денисъ. Та брешешъ! У насъ зъ роду постою не було, а то, колы хочъ тямты, такъ то у Тернивци стоялы била нашої слободы недалеко.

Служ. Тѣфу пропасть, я все ошибаюсь! Такъ точно! Я у тебя часто въ гостяхъ бывалъ и лавренички ѣдалъ.

Денисъ. Може й такъ, Ходывъ одинъ москаль, такъ той тилько бувъ молодшій, та й дуже молодшій!

Служ. Эхъ, братъ! Кого служба молодить? А братъ твой дома? Здоровъ?

Денисъ. Се бѣ то Серіога? Здоровъ!

Служ. Такъ, онъ, онъ! Жаль мнѣ его! Охъ!

Денисъ. А що тамъ таке?

Служ. Наборъ, братъ, есть. Меня капитанъ послалъ съ мѣрю вездѣ набирать, а Серіога выйдетъ въ мѣру.

Денисъ. Та вже Серіога и старшій.

Служ. Такъ что-же? Старички-то теперъ и повадобились.

Денисъ. Та винъ горбатый и малый—ище нижче мене.

Служ. Какое нишче? Вотъ мѣра—какъ разъ выйдетъ, хоть и ниже тебя. Вотъ смѣрай!

Служивой приставилъ къ нему на телѣгу мѣру; Денисъ подъялся, примѣривается, вытягивается, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ ниже мѣры; служивой удивляется, что почиталъ Серіогу годнымъ въ рекруты, и уходитъ. Денисъ, проводивъ его глазами, хотѣлъ было сѣсть по-прежнему, но кадки съ масломъ не стало. Огорченный продавецъ запрягъ воловъ своихъ и поѣхалъ домой.

Стеха, встрѣтивши мужа, спросила: *А що, чы купывъ очипокъ? очипокъ купывъ?* Денисъ отъ горести и стыда безмолвствуетъ. Наконецъ, жена спросила: *мабудъ забувъ?*

Денисъ. Ни.

Стеха. Ну, такъ загубывъ?

Денисъ. Ни,

Стеха. Ну, такъ украли.

Денисъ. Кажу тобі, що ни.

Стеха. Маслычко-жь де?

Денисъ. Нема.

Стеха. А що? украли?

Денисъ. Але! лыха украли! Весь ранокъ ходылы, та не вкрали, и съ пивдня прыходылы, та такы не вкрали, та же насылу-насылу къ вечеру..

3.

Крымскіе татары дѣлали набѣги на пограничныя селенія слободскихъ полковъ даже въ мирное время, неоднократно разоряли деревни, уводили съ собою жителей со всѣмъ, со скотомъ и имуществомъ. Напуганные обыватели, при малѣйшемъ шумѣ, для нихъ подозрительномъ, покидали дома свои, крылися, кому гдѣ можно было, оставляя все имущество на произволь злодѣевъ. Въ одномъ селеніи вдругъ раздася крикъ: *Татарва, татарва!* Всѣ бросились въ лѣса, въ сады и куда глаза глядятъ. Въ одномъ семействѣ одинъ изъ братьевъ спрятался подъ мостикъ, другой—въ саду вскарабкался на грушу, третій-же, отъ безпечности, или желая спрятать *батькову скриньку* отъ татаръ подалше, хлопоталъ у себя въ хатѣ. Вдругъ слышитъ онъ у самыхъ уже дверей голоса татарскіе. Что дѣлать бѣдному *Миколъ*? Куда въ избѣ спрятаться? Одно убѣжище—на печи. Засѣвши тамъ, съ горестью смотрѣлъ онъ, какъ сіи хищники вездѣ шарили, все забирали, укладывали. Вотъ они уже вышли. Бѣдвый Микола началъ было оживать и уже прислушивался къ исчезающему шуму, какъ вдругъ снова вбѣгаетъ одинъ татаринъ—ни съ чѣмъ болѣе, какъ напиться воды, которую онъ замѣтилъ въ хатѣ.

Микола опять безъ души, но увидѣвъ, что татаринъ пьетъ смирно, приободрился и не утерпѣлъ, чтобы не сказать обыкновеннаго при семъ случаѣ комплимента: *здоровъ нысъ!* Татаринъ, не понимая привѣтствія, бросился на печь, связалъ арканомъ бѣдному Миколѣ руки и потащилъ его къ своимъ товарищамъ. Сидѣвшій подъ мосткомъ, увидѣвъ, что брата его ведутъ злодѣи, не выдержалъ и закричалъ въ свою очередь: *Прощай, Миколо!* Тотчасъ схватили и этого. Только лишь управился съ ними, какъ третій братъ, смотрѣвшій на грушѣ и видѣвшій все происходившее, вздумалъ ихъ пожурить и въ свою очередь воскликнулъ: „*чого було вамъ дурнымъ витзыватся?*“. Не нужно сказывать, что и его татаре не оставили дома.

4.

Одинъ малороссіанинъ, полтавскій житель, за вѣрное въ своемъ кругу рассказывалъ: „якъ дойшовъ Бонапартъ до Москвы, тай хотивъ було тамъ зимовать; ажъ ось бижить гонецъ: Динци рушылы! А винъ тилько усомъ моргонувъ (Бонапартъ!). Дали другый прыбигъ, що вже козацтво (вообще малороссіане) настыга! Бонапартъ каже: нехай ихъ; намъ тутъ тепленько! Ажъ ось бижить третій: Полтавци рушають!—Тоди вже баче, що не перелывки—засумовавъ! тай каже: ге-гей, хлопци! беда! щобъ не було намъ того, що й шведови!—Якъ гляды завтра, чуть маленькій свитокъ, и побиглы, не оглядаючысь. А вармія въ Москву А то бѣ воны, пожалуй, и довгенько тамъ бы панькалысь!“

5.

Одинъ путешественникъ увѣрялъ, что онъ не находилъ ничего глупѣе, какъ *хахлы*. Въ примѣръ сему рассказывалъ, что, вѣхавъ въ одно малороссійское селеніе поздно вечеромъ, искалъ постоялаго двора, и гдѣ ни спрашивалъ, вездѣ слышалъ одинъ отвѣтъ: „ни, нехай Богъ мылуе!“

Потерявъ терпѣніе путешественникъ началъ въ первой избѣ просить ночлега.—„*Та для чою? Можно! паняйте съ двирь!*“

Вотъ, наконецъ, нашли пристанище и въѣхали.— „Мужичокъ! вѣтъ-ли у тебя продажнаго сѣна и овса?“— „Нема, нехай Богъ мылуе! се не постоянный дворъ, а іе тамъ у садочку, то нехай хлопци ваши наберуть, скільки имъ треба.“— Геге! послушайте: тамъ стоитъ великій стигъ, то съ того не берить, бо сино осоковате, а билиа іого маленькій, копычокъ съ пѣтнадцять, то того наберите“. Люди пошли и набрали сколько имъ надобно было.— А овсеца вѣту? спросилъ проѣзжіи.— „Та іе и овесъ. Нехай хлопци пійдутъ въ комору, та и наберуть, а я вже далєби самъ не пиду, бо за день утомився“. Сколько-же мѣрокъ взять?—спросили его.— „Э, голова! Та беры, скільки треба: уже не впахаеть конямъ въ горло лышніого. Нехай идыть, скільки треба“. Людямъ также поставили добру миску борщу, каши та варениковъ полумысокъ. На завтрашній день *глупой хахолъ* сказалъ проѣзжему: „Одже, пане, я пиду у лисъ, а жинка до конопливъ, тилько диточки остаются—то якъ будете выизжаты, то нехай ваши хлопци позачыняють хату и ворота!“—А деньги кто возьметъ? „Яки?“—А за квартиру?— „Та що за недобра маты! Хиба се постоянный, а бо що? Мы симъ не торгуемо, той грошей вашыхъ не треба.“—Такимъ образомъ, не смотря ни на какія убѣжденія, по словамъ сего путешественника, *глупой хахолъ* не взялъ ни копѣйки ни за квартиру, ни за кормъ людей и лошадей.—И это приписываютъ глупости! Хорошо, какъ бы такихъ глупцовъ поселить побольше по столбовымъ дорогамъ!!

6.

Чумаки съ фурами пришли въ Москву. Сдавъ клажу по принадлежности, два товарища пошли бродить по городу. *Потанъ такы бувавъ на Москви уже не разъ*—вотъ онъ и повель Охрима съ собою смотрѣть всѣ дивовины. Подошли къ Ивану Великому.— „Дывись бра! дзвиньца! ще выща, нижъ у Куряжи (въ просторѣчи такъ называется Старо-Харьковскій монастырь заштатный). А галкы, галкы! тай до пропасти ихъ! Одна ихъ, дви ихъ, тры...“ Гдѣ ни взялся удалая головушка служивый, который уже давно ходилъ вслѣдъ за чупрунами,

чтобы отъ нихъ чѣмъ-нибудь поживиться. Подбѣжалъ и грозно спрашиваетъ: Хахолъ! что ты считаешь?— „А щю, галдѣ!“— Сколько насчиталъ?— „Та... *ваше благородіе, ище тилькы шистъ*“.— Давай-же шесть рублей.— „Го? За вицо се?“— Велѣно отъ команды: сколько кто галокъ насчитаетъ, за каждую брать по рублю штрафу.— „Отце-жь лыхо! Господы! служивый! та чы не можна половыны?“— Молчи, безмозглой! Давай поскорѣе шесть рублей, а не то въ тюрьму!— Нечего Потапу дѣлать: вынимаетъ кошню и робко отсчитываетъ деньги. Только лишь скрылся служивый, какъ вдругъ нашъ заѣзжій отводитъ удивленнаго товарища въ сторону (къ стѣнѣ Кремлевской, между консисторіи и сената) и рассказываетъ ему съ удовольствіемъ челоуѣка, обрадованнаго неожиданною удачей: „*Охрыме, я одурывъ: я насчитавъ дванадцать галокъ, а іому сказавъ, що тилькы шистъ, а винъ, мовъ дурный, повирывъ, та шистъ рублівъ узавъ!* Похотавши довольно долго надъ оплошностью служиваго, Охримъ промолвилъ: *не безъ розумныхъ людей такі и у нашому народови.*

7.

На Крымской границѣ, въ одномъ селеніи, находилась отдѣльная команда для содержанія карауловъ. Начальнику велѣно было имѣть при себѣ также и сотню тогдашнихъ козаковъ малороссійскихъ. Важнѣйшіе посты охранялись армейскими; возакамъ-же поручена была большая дорога. Въ предосторожность отъ чумы, всѣ обозы, идущіе изъ Крыма въ Россію, должны были въ семь пунктѣ поворачивать въ сторону на пять верстъ къ учрежденному карантину. Несмотря на карантинъ, обозы шли безостановочно мимо козаковъ, и начальникъ всей команды долженъ былъ затрудняться препровоженіемъ обозовъ сихъ въ обратный путь и къ карантину. На взысканіе его козаки отвѣчаютъ: „*що-жь! мы-бъ и радниши не пускатъ, такъ не сыла на нашому бекетови*“. Прибавили имъ еще смѣну козаковъ, все то же.

Наконецъ, являютъ къ начальнику нѣкоторые изъ козаковъ съ объясненіемъ. „Вже-жь мы ихъ не пускаемъ, вже и просымо и лаемо, такъ такы народъ такой, такъ и лизе! Та ще

въ очы сміются! Будьте ласкави, дайте хочъ зъ пару салдатъ, а то безъ ныхъ далеби ничого не зробимъ“. Какъ ни строгъ былъ начальникъ, но, позабавившись простодушіемъ сихъ неопытныхъ своихъ подчиненныхъ, для пробы послалъ къ нимъ шесть солдатъ русскихъ. Новые товарищи не долго думали: поставивъ ружья въ пирамиду среди дороги, сами подѣли къ *галушкамъ съ саломъ*, которыми на ту пору, по обыкновенію, козаки утоляли свой голодь. Только лишь обозъ приближался, вдругъ солдаты, выдавшись изъ кучи обѣдавшихъ козаковъ—своихъ товарищей, закричалъ: „не їзди, карауль сломаешы!“ И обозъ постепенно удалился въ сторону. Начальникъ, видя, что все пошло исправно, спрашивалъ солдатъ, научили-ли они малороссіянъ караулить.—„*Позвольте еще, ваше высокоблагородіе, поучить ихъ съ недѣльку!*“ сказалъ одинъ, который былъ отважнѣе прочихъ: „*хотя козакъ та и простоватъ, да галушечки его съ салцемъ вкусны*“.

Вл. Каллашъ.

Первая страничка изъ исторіи Полтавскаго института благородныхъ дѣвиць.¹⁾

Полтавскій институтъ открытъ 12 декабря 1818 года по мысли жены малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина, Варвары Алексѣевны.

Княгиня В. А. Репнина была дочь министра народн. просвѣщенія графа Разумовскаго, при которомъ были открыты многія учебныя заведенія въ Россіи; сама она, до переѣзда въ Полтаву, была предсѣдательницею не задолго передъ тѣмъ основаннаго петербургскаго женскаго благотворительнаго общества, вотъ почему и понятно, что когда князь Н. Г. Репнинъ былъ назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ въ 1816 г., то 17 января 1817 г. предложено было собранію дворянства Полтав. г. губерньскимъ маршаломъ маіоромъ Алексѣемъ Федоровичемъ Данилевскимъ выслушать „полученный имъ отъ лица, исполненнаго духомъ истинной благотворительности, проектъ и объяснительную къ нему записку объ учрежденіи въ Полтавѣ *дворянскаго благотворительнаго для дѣвиць института*“. Проектъ состоялъ изъ 25 § и опредѣлялъ цѣль учрежденія института, составъ управленія, правила приема и выпуска дѣвиць съ краткимъ перечисленіемъ предметовъ обученія.

¹⁾ Составл. по документ. архива Полтавскаго института.

Основная цѣль института состояла въ воспитаніи на счетъ дворянскаго сословія 15 бѣднѣйшихъ дѣвиць, по одной изъ каждаго повѣта губерніи, съ предоставленіемъ маршаламъ ихъ выбора, и въ доставленіи дворянамъ удобнѣйшихъ способовъ къ образованію дочерей за умѣренную (500 р. въ годъ) плату. Предполагалось дѣвиць 1-го разряда принимать изъ фамилій, доказавшихъ дворянство; а своекоштные могли быть и купческаго сословія двухъ первыхъ гильдій, но всѣ онѣ должны быть христіанской религіи.

Управленіе дѣлами института предполагалось возложить на совѣтъ изъ дворянъ и въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателя, двухъ членовъ, казначея и письмоводителя. Совѣтъ этотъ „никому частно не даетъ отчета и лишь ежегодно даетъ его обществу при публичныхъ актахъ въ институтѣ, а потомъ публикуетъ его черезъ напечатаніе и сообщаетъ дворянскому собранію“. Опредѣлялось испросить всемилостивѣйшаго соизволенія Императрицы на принятіе учрежденія, какъ „образовавшагося изъ дѣйствій патріотическихъ чувствъ“, подъ высочайшее покровительство.

О приѣмѣ дѣвиць въ запискѣ сказано: установить его на основаніи правилъ, дѣйствующихъ въ институтахъ: въ число воспитанницъ принимать дѣвиць 8—10 лѣтъ, а въ число пансіонерокъ 9—12 л.; для первыхъ обязательный курсъ обученія 9-ти лѣтній, съ выпусками черезъ каждые 9 лѣтъ; что же касается вторыхъ, то время ихъ поступленія, воспитанія и выпуска изъ заведенія предоставляется на волю родителей.

Собраніе дворянства по прочтеніи проекта и записки опредѣлило того же 17 января: 1) проектъ утвердить за исключеніемъ ст. о предсѣдателѣ совѣта и 2-хъ его членовъ, 2) на устройство и сохраненіе института пожертвовать по 50 к. съ души принадлежавшихъ каждому владѣльцу крестьянъ, внеся эту плату въ двухгодичный срокъ, 3) просить княгиню В. А. Репнину принять на себя предсѣдательство въ совѣтѣ съ правомъ избранія ею 2-хъ членовъ женскаго пола и 4) настоящій актъ представить на благоусмотрѣніе малороссійскаго военнаго губернатора.

Князь Репнинъ немедленно далъ ходъ дѣлу, и 20-го февраля состоялся журналъ комитета министровъ, которымъ 1) дозволялось дворянству полтавской губ. приступить къ учрежденію въ Полтавѣ института, 2) пожертвованія дворянства принимать не по числу душъ крестьянскихъ, а по мѣрѣ усердія и возможности каждаго дворянина, и 3) просьбу дворянъ о принятіи Императрицею института подъ высокое покровительство представить на высочайшее соизволеніе. Государь Императоръ утвердилъ первые два пункта, а относительно послѣдняго повелѣлъ представить на утвержденіе тогда, „когда самое заведеніе приметъ свое начало и содержаніе его обезпечится“.

Кн. Репнинъ увѣдомилъ дворянъ о монаршемъ одобреніи, приложилъ и копію письма къ нему министра юстиціи Д. П. Троицкаго, который, какъ дворянинъ Полт. губ., „готовъ выполнить предположеніе о взносѣ слѣдующей съ него суммы по числу имѣнія и увеличить ее по своему желанію“. Въ то же время кн. Репнинъ обратился съ письмами къ разнымъ владѣльцамъ въ губерніи, или изъ знатнѣйшихъ фамилій, или извѣстныхъ по своей образованности. Большинство ихъ отозвалось съ полнымъ сочувствіемъ, а въ числѣ ихъ первый—маршалъ вновь открытой Полт. губ. Семень Михайловичъ Кочубей въ письмѣ къ княгинѣ отъ 24 авг. 1817 г. жертвуетъ принадлежащій ему въ Полтавѣ домъ со всѣми строеніями и землей и проситъ княгиню располагать его домомъ, какъ одною изъ ея собственности, опредѣленныхъ ею „для челоуколюбивыхъ упражненій“.

Сборы на институтъ поступали къ повѣтовымъ маршаламъ, и къ дворянскимъ выборамъ 3 января 1818 г. исчислялось всей жертвуемой суммы приблизительно отъ 150 до 175 т. р. На этихъ же выборахъ былъ пересмотрѣнъ первоначальный проектъ института, измѣнены и дополнены нѣкоторыя статьи, а 12 января и утверждены дворянствомъ: 1) учрежденіе, т. е. „положеніе о благотворительномъ для дѣвицъ въ Полтавѣ институтѣ“, 2) штатъ его и 3) правила для выбора 15 воспитанницъ по повѣтамъ. Въ этомъ же собраніи дворянство постановило пригласить кн. Репнина къ принятію званія попечительницы института, а 15

января поручили избранному въ члены совѣта института надворному совѣтнику Левенцу „привять въ свое вѣдѣніе какъ собранныя уже повѣтовыми маршалами пожертвованныя суммы, такъ и долженствующія поступить, и вести счетъ приходу и расходу по распоряженіямъ попечительницы“. Левенецъ принялъ по вѣдомости 36187 р. 12 к., а 4 апрѣля 1818 г. совѣтъ института открылъ свои дѣйствія. Онъ состоялъ изъ кн. Репниной, маршаловъ: губернскаго Чарныша, уѣзднаго—Левенца, и приглашенныхъ княгиней—В. В. Капниста, М. Н. Новикова и С. М. Кочубея. Совѣтъ ассигновалъ 10 т. р. и поручилъ Левенцу приспособить для института подаренный Кочубеемъ домъ; попечительница приняла на себя приглашеніе служащихъ лицъ женскаго пола, и сдѣлано распоряженіе объ увѣдомленіи маршаловъ, что совѣтъ функционируетъ, и потому, чтобы всѣ пожертвованія и направлялись къ нему. Домъ Кочубея былъ приспособленъ къ сентябрю 1818 г. Съ 1 октября вступили въ должность 4 классныя дамы, а 1 ноября и директорша института Реньи, вызванная изъ Парижа. 12 декабря—въ день рожденія Государя—состоялось торжественное открытіе института въ присутствіи всѣхъ виновниковъ учрежденія, дворянства и властей. На этомъ торжествѣ было: 15 воспитанницъ общественнаго иждивенія, 4 пансіонерки кн. Репниной и одна своекоштная. Черезъ три дня послѣ открытія института совѣтъ въ полномъ своемъ составѣ постановилъ: „такъ какъ институтъ открытъ и содержаніе его уже обезпечено значительною суммою, то—вмѣняя въ обязанность себѣ удовлетворить намѣреніямъ благороднаго дворянства—присутить нынѣ къ принесенію всеподданнѣйшаго прошенія Ея Имп. Величеству объ удостоеніи его Всеавгустѣйшимъ Ея покровительствомъ“. Рескриптомъ 28 іюля 1819 г. на имя кн. Репниной Имп. Елизавета Алексѣевна изъявила свое согласіе на просьбу совѣта.

Послѣ открытія института стало дѣйствовать „Учрежденіе“, по которому управленіе института ввѣрено было: 1) попечительницѣ института и 2) совѣта. Права и обязанности попечительницы были таковы: она предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и имѣетъ

два голоса при рѣшеніи вопросовъ объ управленіи институтомъ, объ его капиталѣ, постройкѣ зданій, обеспеченіи воспитанницъ по окончаніи образованія; кромѣ того, все, что касалось внутренняго порядка заведенія и исполненія утвержденныхъ опредѣлений, зависѣло исключительно отъ попечительницы. Дѣла по вопросамъ воспитанія и обученія, содержанія хозяйства „Учрежденіе“ возлагало на начальницу заведенія, которой поставлено въ обязанность дѣйствовать только по указаніямъ попечительницы и отдавать ей во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ, а въ отсутствіе попечительницы—совѣту. Штатъ института при 15 воспитанницахъ и 65 пансіонеркахъ состоялъ изъ начальницы, надзирательницы по воспитанію, 5 смотрительницъ (т. е. классныхъ дамъ по числу 5 классовъ, въ каждомъ отъ 15—20 дѣвицъ), смотрителя дома, экономки и ея помощницы, смотрительницы при больницѣ и учителей: Закона Божія, русскаго, французск. и нѣмецкаго языковъ, математики, исторіи, географіи, рисованія, танцевъ, рукодѣлія и музыки. Прислуги полагалось 16 человекъ: 3 мужскихъ и 13 женскихъ. Штаты эти на первыхъ порахъ колебались, и только въ 1822 году опредѣленъ слѣдующій составъ должностныхъ лицъ съ получаемыми ими окладами:

I часть воспитательная.

Директриса съ жалованіемъ 3 т. р. и по 50 р. за каждую пансіонерку, т. е. за 88 панс. 4400 р.

Инспектриса классовъ . . . . . 3 т. р.

„ по хозяйств. части. . . . . 2 т. р.

9 клас. дамъ 5800 р., при чемъ дамѣ высшаго класса 1 т. р.

II часть учебная.

Учителя: Закона Божія . . . . . 1500 р.

„ Русской исторіи и географіи . . . . . 1 т. р.

„ Нѣмецкаго языка. . . . . 1 т. р.

„ Живописи. . . . . 3 т. р.

„ Рисованія. . . . . 800 р.

„ Танцевъ. . . . . 1500 р.

„	Пѣнія	1500 р.
„	Музыки 1-й учитель	3 т. р.
„	„ 2-й „	2 т. р.
„	Мастерица рукодѣлій.	1 т. р.
„	Музыкантъ и настройщикъ.	500 р.
„	Регентъ	400 р.

Церковь 500 р., канцелярія 1500 р., больница 2900 руб., прислуга 5470 р. и содержаніе воспитанницъ 38480 р. Общій итогъ расходовъ 87350 р.

Всѣ должностныя лица служили въ институтѣ по найму, на основаніи заключенныхъ съ ними контрактовъ. Особенную заботу доставляло кн. Репниной пріисканіе начальницы съ французскимъ образованіемъ и надлежащихъ преподавателей искусствъ. Съ первою начальницею Реньи былъ заключенъ кн. Репниной контрактъ въ Парижѣ, а потомъ въ Полтавѣ совѣтомъ. Г-жа Реньи обязывалась по контракту принять должность директрисы на 3 года и наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что относится къ нравственности, наукамъ и поведенію дѣтей. Въ контрактѣ было оговорено, что если Реньи послѣ 3 лѣтъ пожелаетъ оставить институтъ, она должна объявить объ этомъ за 6 мѣсяцевъ до срока, а попечительница и совѣтъ обѣщали обставить ее тѣми же удобствами, при которыхъ она прибыла изъ Парижа, т. е. хорошимъ экипажемъ, надежнымъ проводникомъ, по крайней мѣрѣ до Вѣны, и всѣхъ путевыхъ издержекъ отнести на счетъ института (издержки при пріѣздѣ Реньи изъ Парижа въ Полтаву обошлись институту въ 3376 р.). Въ 1821 г. контрактъ съ Реньи былъ возобновленъ на безсрочное время (она оставалась директрисой по октябрю 1829 г.), съ нѣсколькими измѣненными условіями: въ случаѣ отказа, она обязывалась объявить о томъ совѣту за шесть мѣсяцевъ до срока и получить отъ совѣта 5 т. путевыхъ издержекъ. Кстати замѣтить, что средства института съ 1825 г. постепенно уменьшались, вслѣдствіе чего совѣтъ не всегда выплачивалъ жалованье директрисѣ, и къ 1829 г. долгъ совѣта ей возросъ до 22 т. р., при чемъ совѣтъ при отъѣздѣ Реньи уплатилъ ей до 12 т. р., да кн. Репнина 11 т.

Количество инспектрисъ установлено въ 1822 т. Инспектриса по учебной части была вызвана изъ Франціи, а другая— какъ сказано въ контрактѣ—за порядкомъ по внутренности дома была приглашена изъ Москвы. Директриса, инспектриса по учебной части и 8 классныхъ дамъ преподають французскій яз., а также исторію всеобщую, міеологію и всеобщую географію по учебникамъ, выписаннымъ изъ Франціи. Нѣмецкому яз. сначала обучали кл. дамы, но съ 1821 г. былъ приглашенъ спеціальнѣйшій учитель этого языка.

Преподаваніе Закона Божія съ постояннымъ законоучителемъ началось съ 1820 г., когда прибылъ на покой въ Крестовоздвиженскій монастырь бывшій профессоръ переяславской семинаріи архимандритъ Сильвестръ, который преподавалъ также риторикѣ и логику. Русскую грамматику, ариѣметику, географію Россіи, исторію русскую и естественную преподавалъ штатный смотритель Полтавскаго повѣтоваго училища Зозулинъ съ титуломъ преподавателя „россійскихъ предметовъ“. Лучшими учителями по музыкѣ были Руссель и особенно Летанъ, которому платили 3 т. р. въ годъ; рисованію и танцамъ обучалъ воспитанникъ Харьковскаго университета Сплитетейстеръ, пѣнію— „пѣвица“ Полина, а мастерица рукодѣлій Мартенъ была вышисана изъ заграницы.

Институтъ состоялъ изъ 5 классовъ: курсъ I и II кл. былъ однолѣтній, III и IV—двухлѣтній, а V-аго трехлѣтній. Въ I кл. преподавались Законъ Божій, русское и французское чтеніе и танцованіе; во II—Законъ Божій, русская и французская грамматика, ариѣметика, нѣмецкое чтеніе и письмо, музыка, рисованіе и танцы, въ III—къ предметамъ II-го класса прибавлялись: русская географія и нѣмецкая грамматика; въ IV—прибавлялись: русская, греческая и римская исторія, всеобщая географія и міеологія; въ V кл. учили: русскую словесность, физикѣ, естественную исторію на русскомъ языкѣ; всемірная же исторія, всеобщая географія и французская словесность на французскомъ яз. Девятилѣтній курсъ былъ обязателенъ только для стипендіатовъ дворянства.

Въ объяснительной запискѣ къ преподаванію разъяснено, что исторія русская и всеобщая преподаются на яз. французскомъ, а хронологія на русскомъ, на француз. же языкѣ преподаются географія и мѣтологія, при чемъ послѣдняя „естъ неизбѣжная надобность людей, долженствующихъ жить въ болѣшомъ свѣтѣ“.

Распредѣленіе учебнаго дня воспитанницъ сдѣлано было такое: въ 6 ч. утра всѣ воспитанницы встають отъ сна и это время до 8 ч. назначено для одѣванія, молитвы и завтрака, съ 9 до 12 уроки; съ 12—2 обѣдъ и отдыхъ; съ 2—4 уроки, съ 4—4^{1/2} „полдникъ“, отъ 4^{1/2}—7 уроки, отъ 7—8 ужинъ и отдыхъ, съ 8—9 молитва и приготовленіе ко сну; въ 9 ч. всѣ дѣвицы должны быть въ постели. Въ субботу посаѣ обѣда уроковъ не было, а это время назначалось для повторенія уроковъ всей недѣли.

Институтъ былъ открытъ при наличности 20 воспитанницъ (15 общественныхъ воспитанницъ и 5 пансіонерокъ); въ 1819 г. въ разные сроки прибыло 34 дѣвицы въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ. Всѣ онѣ дѣлились на группы и обучались предметамъ по ланкастерской, тогда модной, системѣ: дѣвицы дѣлились на дивизи, а младшія дамы были монитрисами. Первый правильный выпускъ былъ въ 1827 г., когда окончили общественныя воспитанницы, но для пансіонерокъ допускались выпуски и раньше.

Между тѣмъ доходы института къ 1 января 1828 г., получавшіеся изъ процентовъ на капиталъ 205339 р., внесенный дворянами, составляли ежегодно отъ 40 до 45 т. р.; на эти средства институтъ существовать не могъ, входилъ въ долги и даже не удовлетворялъ жалованьемъ служащихъ.

О такомъ положеніи дѣлъ кн. Репнинъ довелъ до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало изданіе положенія и штата 7 февраля 1828 г., которымъ утверждался институтъ казенный, унаслѣдовавшій отъ института дворянскаго домъ съ землею и инвентаремъ.

Пересельци (зъ дому и до-дому).

(Оповідання).

Гнатъ Соболенко бувъ собі тихый, роботящий чоловікъ; бувъ вишь майстерный чоловікъ—плотничавъ. Хочъ мало не кожний майстеръ—пьявця, але-жъ Гнатъ зовсімъ не вжывавъ горилкы, черезъ те було у ёго скризъ багато работы: людямъ выгоднійше такой майстеръ, що не пье, бо „порціи“ ёму не треба. Хочъ було у Гната багато работы, хочъ вишь и не пьявця, а все жъ такы у ёго грошей бракувало, бо земли не було, а дитей було четверо, та ще недавно й живку поховавъ. Люды про ёго жинку Ходолю казали, що вона „никуды не способна“, а вишь, мабуть, думавъ, що способна, бо николи їи не бивъ, а якъ умерла, то казавъ, що безъ жипкы погано; самъ-же не женився вдруге: боявся мачухы для своихъ дитей, боявся, що друга буде гирша и що другій жинци треба буде годыты. Взявъ їи Гнатъ зъ великои семьи одъ матери. Мачуха їи багато была и все зъ неї глузувала, наче вона їй на потиху далася. Други диты (браты та сестры Ходоли) не давали себе обижаты: были зубати, дакъ мачуха на Ходолю нападалася, бо Ходоля була тыха та ще й не дуже проворна. Часто мачуха приказуе їй що-небидь робить, а тая и прыступытсь не вміе. Мачуха сердытсь, крычыть: „робы менѣ заразъ! що ты дарма хлїбъ йисты будешъ, чы що“? Крычыть, а показаты, якъ ёго треба

робыты, не покаже ни-въ-свити; Ходоля-жь своимъ розумомъ не дійде, и плаче, поки старша сестра (Мотря) не покаже, не поможе, а бильше того, що сама за неи зробыть. Мачуха побачыть тее и почне Ходолю быты по щоци и въ ухо—куды попаде, и лае: „дакъ це за тебе други роблять, ледащо прокляте, куды ты способна!“ — и чыстыть Ходолю, поки чы братъ, чы старша сестра не оступытся: „що це вы справи, мамо, все іи печете, годи вже“!—

Дуже добре Ходоля памъятала, якъ-колысь (ще вона була зовсимъ мала) за те, що вона не догледила, якъ свыня гарбуза вхопыла на городи, мачуха погналась за нею зъ пугою; Ходоля на-втѣкы по селу—мачуха й соби; трохы досталося ій пугою: разъ получыла вона по спыни, разъ зачепыло по вуху; вона прыпустыла швыдче—мачуха за нею изъ лайкою, ажъ помы не добигли до хаты, де жыла титка Ходолина,—такъ тая выскочыла на крыкъ, бо Ходоля на все село верещала: „ой, не буду, рятуйте“!—та заступыла Ходолю и сказала спокойно мачуши: „я вамъ, кумо, не позволю дытynu калычыты“! Мачуха—червона, ажъ задыхалась, а зъ розгону хотила ще бигты, одняты, достягты Ходолю, побыты іи, може вбыты, абы сердце одійшло; не подывылась вона на молодыцю, лизла прямо впередь, наче слипа, хлѣстала пугою на вси боки,—тільки кума двери замкнула и не пустыла іи. Ходоля такъ тремтила, якъ лысточокъ, и ледве могла проковтнуты пырижка, що титка сунула ій въ руку; винъ ажъ солоный зробывся одъ іи слизъ, що все теклы мывоволи. До-дому вона цилый день ни за що не хотила вергатысь, поки титка ввечери іи не одвела сама; хочъ мачуха трохы и одумалась, та все жъ такы дала Ходоли дватры штурханци за те, що титка іи пожалила.

Батько за Ходолю николи не заступався; винъ ридко дома сыдивъ: бувъ винъ пьяныця,—що зароблявъ, те и пропывавъ, та ще де-колы и зъ дому тягавъ що-небудъ въ шынонь. Колы жъ напьется, бѣ себе въ груды и доказуе: „яке та горилка—чортове зилля, що одъ нѣго чоловікъ пропадае“. Мачуха дуже часто докоряла дитямъ за батька: „Якій винъ у васъ е, халера бъ ёго забрала!“

Ходоля плакала и за себе, и за батька, и одъ голоду, и одъ холоду, бо покы литы были мали, заробиткивъ було мало и часто ни хлиба, ни соломы не ставало на зиму,—такъ и сидылы, якъ червы въ земли, безъ вогню, безъ стравы, покы мачуха не вхытрытся: не вытягне у батька скилько-небудь грошей, якъ тверезый, або вкраде, якъ пьяный, або якъ винъ не вспишутся забраты у того хазяина, де винъ робыть (винъ бувъ укрывальщыкъ). Инши ий давалы, бо зналы, що чоловікъ ии пьяныця и все на горилку переводыть, а други не давалы, бо зналы, що винъ, якъ пьяный, то дешевше за роботу бере и не замича, чы ёму вирно гроши далы.

Хата Ходоляного батька була знадвору дуже стара (винъ все збирався нову становыты, та такъ до смерти и не поставывъ), а въ середини брудна, тисна и скризь повна лайкы, крыку, сваркы, бо багато тамъ жыло (у Ходоли було ще три сестры и два браты ридныхъ—то шить, та у мачухы своихъ одъ перного чоловіка двое дитей, та зновъ одъ Ходоляного батька двое—то десятеро, та двое старыхъ: дванадцать душъ жыло разомъ).

Скризь, було, одно одному чого-небидь не дае: „не займай, то мое!“, одно одного прогавяе: „геть, иды соби къ чортовій матери!“.

А надъ усимъ цимъ голосъ мачушынь:

„Цытьте мени, людськи дпты, бо якъ возьму пугу, то побачыте!“!

Тутъ заразъ ии диты почынають жалытысь:

„Винъ мене вдарывъ... а вона мени гребинкы не дае“...

Почынается розправа: бійка, слёзы... чысте пекло! А до того-жъ всимъ ривно хочется йпсты (може, мачушынымъ—трохы меньше), всимъ ривно холодно!

Колы-жъ выпаде день, що не голодни, не холодни и весели, то въ хати зновъ слышутся такой крыкъ, що хочъ святыхъ вынось: одно кукуррика, друге мявчыть, трете гавка, четверте пыщыть, пяте крычыть просто: „ддя—дьяя—дьяя!“

або „ла—ла—ла—ламъ“! Одни въ кони граються, други шпурляються шулупашками одъ цибули, насиння, картошкы и регочутся и гыкають, дытячи ноги перемишуются, якъ березка, дытячи голоскы перехрещуются, якъ стрекотання цвиркунчыкивъ, дытячи руки переплітаються, якъ паутыння, дытячи очи переглядаються, якъ свитличкы маленькы, и тутъ вже ништо ничогоне розбере!

Скільки не обривався Ходоляня батько не пыты, николы не мигъ вытриматы бильше тиждня: непременно ёго хто-небудь та зведе, и вивъ, добре пидпывши, почына наказуваты:

„Не треба пыты!.. Соромъ!.. Ой, брацця, брацця, не треба пыты!.. Ось у мене диткы... эге... диткы... на що жъ я пью“? Писля иде до дому. Диты, тилько вивъ въ хату, розсыпаються, якъ просо, по куткахъ (не такъ одъ батька, якъ одъ мачухы ховаючысь), а вивъ слёзно просыть жинку: „ву, теперь, жинко, ты мене бый, бый, бо я пьяненькый... ву, що-жъ я зроблю, колы я пъя...нень...кый? Диткы мои, де вы, голубья... та подивитесь, якый вашъ батько... никуды... неспособ...“.

„Ось лягай, лягай спаты“, каже жинка та такъ тыхенько, що Ходоля ажъ очи вытрищыть: чы то іи мачуха говорыть, чы ни, чы то вона, що вранци кляла батька: „ну, и батько у васъ, трасця и рогтрасця ёго матери, зновъ потягся въ шынокъ—пьявыця“!

А батько ще довго, помы не засне провадыть: „я... майстер... ре... (николы не мигъ вивъ цёго слова выговорыты) чоловиекъ... и у мене тилько и е... е... оци руки... десять пальцивъ... бильше ничого...! а голова... моя голоооовааа... де жъ це“?

Меньши диты вылизалы зъ своихъ кутявъ и смияло вже лизлы до ёго на коліна и реготалысь: „татку, а татку, осё-сё голова“!..

Батько хапався за голову и плакавъ: „бидва моя головоньк—а—а—а“!..

Колы батько умеръ, а старши диты понаймалысь хто куды, жыты стало легше, а якъ и мачуха змерла, то Ходоля, іи братамъ та сестрамъ и зовсимъ полегло, тилько ни-

колы вже Ходоля не зробылась ни веселою, ни розумною, ни балакливою, ни смилою (вона, якъ той цвѣтъ, що вже разъ морозъ ударывъ, погано одходить); ще до того вона була не зовсимъ здорова: скривъ жовта, зморщена, зъ перелякаными круглыми сирыми очыма, нечыстымъ лыцемъ, блдымы губамы и поганымы зубамы,—однымъ словомъ, якъ казалы мачуха та люде, никуды „не способна“. А ось же найшовся такый, що їи за себе взявъ. Колы сказаты правду, то винъ того їи и взявъ, що знавъ, якъ вона ёму пидйде, того й не послухавъ людей, що ему казалы, буцимъ слаба вона и погана.

Гнатъ Сободенко бувъ соби сырота (батько и маты померлы, якъ ще малымъ бувъ) и живъ у жонатого брата (ихъ двое бративъ), або у кого-небудь зъ людей за шматокъ хлѣба. Винъ рано пизнавъ недолю и не любывъ ни челяди веселои, ни вулыци, ни тыхъ дивокъ, що очамы грають, насиння въ лице хлопцямъ плюють та по-за тынкамы целуются. Гнатъ не любывъ, щобъ зъ ёго глазували, того и взявъ за себе Ходолю; вона-жь, здається, и сміятысь не вмила. Вона все соби сама, якъ горлыця мижъ гайвороннямъ, и винъ соби самъ, якъ будякъ середъ жыта; вона сырота и винъ соби безъ роду; вона тыха и винъ тыхий, та тилько вона тыхша, бо винъ не любывъ, щобъ жинка верхъ мала.—Отъ и поженылись. Старша сестра Ходоли, Мотря, сказала, що, помы не отдасть своихъ трѣхъ сестеръ замижъ, и сама не пиде, и скилько їи не сваталы, не пишла, ажъ помы Ходолю за Гната не отдала; тоди руки їй розвѣзались, и вона скоро сама выйшла замижъ, хочъ була вже прыстаркувата. Вона бильше всихъ сестеръ Ходолю жалувала, що вона така тыха и всѣго боится.

Боялась Ходоля и чоловіка свого, хочъ и не було чого бояться; боялась, мабуть, вона и ридныхъ дитей, що ходылы за нею уси четверо, одно за однимъ, якъ гусенята, на довгихъ нижвахъ, довгошны, зъ одкрытыми роткамы и вылупеными круглыми сирыми очыма, кругловыди, якъ кошійка; мабуть, боялась вона ихъ, бо пиколы не осмилылась завернуты ихъ до дому, хочъ їй ажъ стыдно, що вони все слидкомъ за нею

ходить. Почне вона ихъ просыты: „идить, диточки, до дому, ось идить, любеньки, я скоро вернуса“, а имъ,—якъ объ стину горохомъ; хлопци (два) верещать: „и мы зъ вами, и мы зъ вами, ого—гооо—о!“; а дивчата (тсжь два) почивають кыснуты: „и мы хоцемо, и мы... мы... а насъ“!.. И никуды не може пты за своими дитьми Ходоля, хиба втиче такъ, щобъ не бачылы; якъ же часомъ несмילו скаже: „геть мени“!—то вси стануть такъ ревты и чиплятысь за іи спидыцю, що вона мусыть або зостатысь, або пты разомъ зъ ними, якъ гуска — гусенятами (вони скрызъ ходылы одно за другимъ, наче на шнурочку). Оттакъ балувала Ходоля своихъ дитей и вони у неи все вередувалы, булы сердыты и горлати, багато йилы и часто слабувалы; годи вона вже сама не своя метушылася по хати, бо диты—то було іи едыне добро и дило, и вони усе зпалы и роздыралы іи на вси боки, якъ витерьъ куць: одно крычыть: „мамо йисткы“, друге: „мамо, кажы казку“.. та вси разомъ сьыглыть, тягнуть іи, або розсердышысь, лупцюють іи маленькымы кулачкамы, куды попало. Самый меньшой бувъ самый балованый: все лазыть по столу и, щобъ не було на столи або на лави, все трахъ объ доливку. Ходоля тилько и дывылася, щобъ ничого ни на лави, ни на столи не лежало. Старшый-же все ножи кравъ, щобъ майструваты, и губывъ ихъ. Дивчата булы не таки забіякы, та проте дуже капризни: все, було, кыснуть и сами не знають чого, а якъ Ходоля спытае, то старшенька ще гирше розплачется, розкрычыть, сяде доли. бье ногамы и крычыть: „хоцу, хоцу, хоцу“—„Чого?“ Зновъ такъ само: „хоцу, хоцу, хоцу“! Тьху, на тебе! А меньша усе прыдыво, було, перенлутае и намысто порве и соби пыщыть: „хоцу, хоцу, хоцу“!

Розуміється, псля Ходолюной смерти трудно було такымъ балованымъ дитямъ жыты, трудно було для ихъ добру мачуху знайты, и черезъ те Іпатъ не женився.

Хочъ було у Ходоли багато роду и багато сусидокъ, та прыятелькъ не було, хиба отъ-тільки стара Лысыха часто іи одвидувала. Це була вдова, що все свое добро псля смерти

чоловика пропыла, а добра того було чымало, бо чоловикъ ии бувъ скупый и дитей у ихъ не було зроду. Лысыха и при ёму очи горилкою залывала, ну, та ще не була вона настояща пьяныця: все бильше тилько „одъ зубей“ горилкою личылись, бо чоловикъ ии не пывъ и ий не дававъ, а колы винъ умеръ та спродала вона все чисто, то у неи на рукахъ стилько грошей найшлося, що вона думала—николы не переведутся, и почала гуляты, пыты, замисть того, щобъ отдаты ихъ кому-небидь: ии бы до смерти договувалы за ти гроши. Пыла, пыла и солодко йила, ажъ помы до послиднёго гроша все не прогуляла; тоди нишла до людей просыты, щобъ ии хто прийывъ. Кто жъ бы ии теперь схотывъ? грошей у неи вже не було, сама пьяныця, та ще й вонюча така, що не можно навернуться, бо була вона слаба и не було слыве нїякои одежи: одна сорочка, одна спидныця, одынъ карсетъ та хустка—бильше ничего ни за собою, ни передъ собою; николы вона теперь не вмывалась, не чесалась, не прала соби плаття, и вси сусидки гдылыся и проганялы ии геть одъ себе. Одна Ходоля приймала цюю Лысыху до себе. Часомъ, одившы ии въ свою кожущанку, прала ий сорочку, часомъ годувала, а то й яку копійку давала; тоди Лысыха, що скрызъ така тыха, якъ собака прыбытый, робылась горлата: крычала, спивала, лаяла всихъ на все село, ще й саму Ходолю, що така „дурна, безумна, годуе ии, стару Лысыху“. Це вже Ходоли було зовсимъ не зручно, бо вона-жъ ховалась зъ цїєю Лысыхою одъ чоловика и одъ людей, и вона казала соби, що вже ни за що вдруге начого не зробыть для Лысыхы, та все-жъ такы, якъ тая прыйде зновъ и поклонется, що вже „не буде такъ“, то вона и ткне ий кусокъ сала и шматокъ хлиба, и сорочку выпере, тилько гршей не дасть, ажъ помы Лысыха не почне такъ просыты и плакаты, що не можна справди одказаты.

Окримъ Лысыхы булы у Ходоли ще прыятелы: вси старцы, валикы, слипци й лырныкы. Вона николы не кыдала сухого хлиба въ корыто для свыней, якъ други роблять, а скрызъ збирала для старцивъ, и вожный лырныкъ знавъ, що, якъ е у неи

яка страва, то скорійше сама не буде йисты, а ёго нагодуе и буде слухаты ёго писни безъ кинци, безъ краю, абы спивавъ, и буде плакаты гирко надъ веселою и надъ сумною.

Ще була одна товарышка у Ходоли: нима дивка Устя. Що-дня забигала вона до Ходоли, звала и „ммам“, цилувала и крутыла по хати, колы була весела; колы-жъ була сумна, то такъ жалбно и сердыто крычала, и мукала, и дывылася, якъ слаба тельця; Ходоля-жъ хытала головою и жалувала и. Кожный день Устя жалилася, що и одынъ парубокъ одурывъ, покинувъ и дытну, а самъ ни винчатысь не хоче, ни жыты зъ нею, щобъ вона була молодыця, а повівся десь далеко, и покинувъ. Якъ ни досадно було нимй, що и одурено, що вона замижъ не пишла, а хлопця свого вона страхъ любила и все бигала до Ходоли хвалытсья Кырылкомъ, а якъ вже винъ пидристь, то зновъ стала жалитысь, що не слуха, що и перекривля. Такъ-то часто Устя до Ходоли ходыла, що накинєць Ходоля стала и балачкы краще розумиты, нижъ и ридный батько, а Устя такъ до Ходоли прывыкла, що якъ тая вмерла, то довго плакала, была себе кулакамы въ груди, бигала по селу и всимъ розказувала, що Ходоли нема и що ий, бидный, робыты? Писля похоронъ Ходоли нима цилый тыждень навидувалась що-дня въ хату до Гната, довго роздывлялась по хати, прыдывлялась до Гната, що майструвавъ не перестаячы, до дитей, що сыдили перемишани, дурни, въ кучи, якъ слипи кошенята, дали была себе рукамы по бокахъ и почынала плакаты, а диты и соби, тилько вона того не чула. Краще-бъ ий було помогты Гнату зъ дитымы жыты, та вона, хочъ усе умила робыты, не догадувалась, що ёму треба, а винъ самъ не прыказувавъ, то вона поплаче та й побижыть до дому. Де-жъ бы Гнату шукаты помочи? Якъ бы не Мотря, Ходолина сестра, пропадаты бы ёму, бо прыходылось самому пичъ топыты, варыты, хлибъ пекты, плаття праты и дитей доглядаты, а женытсья не хотивъ та й годи! Мотря, хочъ и чоловікъ и лаявъ, такы було выбере хвылыну, забижыть до Гната—попоратысь. Прыбижыть, заразы почне крычаты грубымъ голосомъ на дитей:

„ну ты, паршывецъ, иды сюды, я тоби сорочку зашыю, обир-
вався-жъ якъ!“ „Ну, ты, соплывый, тоби жъ треба носа вы-
терты!“ „Иды, иды, сороко, й ты, курчя, ось каши дамъ; аже-жъ
вы тутъ голодни сыдыте, дурни, мали“!

И всихъ разомъ нагодуе, розчеше, прыбере, пичъ выто-
пыть, зварыть, посуду помые, латкы поидшывае, старшу див-
чыну налае, щобъ доливку замела, покрычыть, щобъ сыдилы
тыхо, мазне тамъ-сямъ, пичъ полагодыть, повернется туды-сюды,
дижу, що звечера росчыныла, замисыть, пнсля хлибы повыробрае
посадыть въ пичъ, а якъ случается тутъ нима, звелыть ий по-
выймать, якъ буде готовый, а сама бижыть до-дому и сміется
про себе: „хиба у цѣго Гната багато роботы?—и горобецъ-бы
переробывъ; ни свыней, ни гусей,—вже про худобу ничего и
говорыть: коровы нема, а коняку самъ пбрае“.

Нима Устя, якъ найшовся хтось, що ий прыказувавъ, по-
чала и соби помагаты Гнату: прыносила свого Кырылка и сы-
дила по цилыхъ дняхъ въ хати у Гната, ажъ батько ии розсер-
дывся, що свое дило стоить, а вона шляется, и набывъ ии добре.
Гнать-же самъ якось вывивъ ии за двери, злегка вдарывъ по
плечу и показавъ: геть! Вона розсердылась, плюнула, кулакомъ
на нѣго погрозылась и перестала ходыть.

Пнсля того вже Мотря справлялась зъ Гнатомъ разомъ.
Диты по-первахъ боялись ии, а дали попрывыкалы до неи,
тылько боялись пыцаты та вередуваты, якъ пры матери було.

Якъ не умовляла Мотря Гната, що треба ему оженытысь,
що не виць же вона буде зъ ёго дитымы поратысь, винъ тылько
казавъ, що якъ ий нема часу и чоловікъ сердытся, то нехай
вона ёго кыне, а винъ вже самъ якъ-небудъ перебуде, покы
диты пиднимутся, а мачухы для ихъ браты винъ не хоче.
Мотря крычала, що хиба вона икъ тому усе говорыть, що ий
трудно, а ёму жъ самому „невдобно“ безъ жинки; и що винъ
соби думаеть,—хиба гарной молодыци не можна для нѣго знайты?
отъ хочъ бы Параска Кысельха, молода вдова; у неи и хата
йе—не треба буде Гнату въ чужій хати жыты.

Гнатъ уперся, якъ виль, не хотивъ ничего слухаты и жывъ, якъ и ранійше, самъ, а Мотря бигала мало не що-дня „дитей пораты“, якъ вона казала.

Не женився Гнатъ; була у него друга думка, другой клопоть въ голови: падумався винъ иты на Томську. Була у него цья думка ще пры Ходоли; винъ все їй казавъ: „ось нехай, нехай мы такы поживемо ще! Нехай пидемъ и мы кудысь: не будутъ диты безземельни!“ Вона жъ на все была согласна, ни про що сама не думала, все на Гната покладала, и все бь стерпила, все-бь перенесла, щобъ дитямъ було добре.—Тоди вже де-хто выбирався зь другихъ сель на Томську, та Гнатъ ще не ривався иты, якось чудно було ёму „початы“; теперь же, якъ люде сунулы разомъ, и винъ пиднявся. Винъ любивъ дило зо всихъ бокивъ розглядаты, та, якъ не круты, выходило такъ, що хочъ буде и погано, то и тутъ же погано—разъ, та якъ же може буты погано тамъ, колы земля буде и буде ии стилько, скилько самъ схочешъ запахаты—два! Такъ и ривывъ иты, а колы вже Гнатъ казавъ: „пиду“, то нихто не мигъ ёго вдержаты. Перше винъ мегыкувавъ такъ: що жъ, справди, неже безъ земли отгутъ и пропадаты? Неже мои два хлопцы будутъ, якъ и я, на чужій латци города сыдиты, купованый хлибъ йисты, будутъ по чужыхъ людяхъ за шматокъ хлиба тынятысь? Э, ни, не буде цёго! Треба соби десь мисця шукаты, треба иты, куды очи бачать, ити й иты! Аже-жъ повывненъ десь й для моихъ сынивъ надилъ буты, повывнна буты вильна земля тамъ въ Томській! Скилько жъ людей теперь туды збирается! Йе тамъ земли багато, на всихъ стане! Нихто на їй не живе, и всяке може заораты ии, скилько око бачыть! Отъ тамъ можна жыты, отъ тамъ можна забагатиты!“

Чымъ бильше Гнатъ думавъ, тымъ бильше хотилось ёму схопытысь, бигты, зибратысь одразу и перелетаты въ ту сторону у одну мыть, одмираты соби земли, походыты по своему полю; руки кортилы у ёго ораты, волочыты, сїаты, косыты и молотыты свое жыто, поставыты свою хату; винъ наче бачывъ тую рублену хату (непреминно рублену, бо тамъ-же лису до-

чорта!), що винъ поставыть; отъ тоди винъ покаже на свой хати, якый винъ плотныкъ!

Тилько й думкы, тилько й балачкы було у нѣго, що про Томську, зъ кожnymъ чоловикомъ, а ще бильше зъ тымы, що сами збиралысь зъ нымъ у далеку дорогу. Це byly: Васыль Куцый, що ридный батько выгнавъ ёго зъ хаты и не давъ ни латкы поля,—якъ знаешъ; такъ и жывы; Васыль Рябый, що бувъ шостымъ въ семьи и получавъ на свою долю зъ надилу пять сажень земли; Максимъ Пугачъ, що скрызъ по заводахъ служывъ, по свиту ходывъ, и увирывся, що нигде нема гирше, якъ у насъ; Васыль Рудый, що було такъ багато дитей, що ажъ въ хати тисно стало.

Былы й таки, що че вужда ихъ гнала; ось хочъ Ермыла багатырь, що хотивъ забагатиты ще бильше,—того и йшовъ; або Мытрохванъ Билый,—душно ёму було вдома, хотилося бачыты свиту, людей, не хотилося сыдиты, якъ грыбъ, цилый викъ свій на одному мисци, не хотилося умираты, не побачывшы, що було тамъ за риднымъ селомъ, за риднымъ степомъ. И гыдка ёму стала ёго хата зъ очерету, хотилося чогось иншого, чогось кращого...

Иниши збиралысь иты просто того, що имъ було все йидно, чы тутъ буты, чы въ другому мисци, и воны, якъ трискы за водою, ишлы за другымы. А то byly й таки, що зъ радистью розносылы и спродувалы свои хаты и хазяйство, наче хто ихъ въ шыю гнавъ.

Багато назбиралосы народу, и вси почалы спродуватись, гроши складаты, прыготовлятысь. Поля ништо зъ ихъ вже не пахавъ, не сивавъ; що-недѣли збиралысь воны, балакалы, крычалы, спорылысь, радилы, що ось-ось выберутся и пидуть; а куды?—и сами добре не зналы.

Гнатъ продавъ коня, посправлявъ гроши, що ёму було слидъ за роботу, взявъ зъ брата выкупъ за свою латку города и вже бувъ готовый податы прошеніе земському, щобъ получить квитокъ на выхидъ, колы надумався самый обережный зъ ихъ усихъ чоловикъ, Ермыла (той, що хотивъ иты на Томську, Томъ 71.—Ноябрь, 1900.

щобъ розбагатити), що такъ не можна: иты хто ёго знае куды, треба хочъ що-небудь знать про тую сторону. Отъ побалакали, скынулись вси людци и рипшылы vybrаты и послаты двоухъ ходакывъ на розвидкы. Выбрали сына Царенка Костянтына, що бувъ учытылемъ въ далекому сели; товаришемъ ёму поставылы Мазлыцю, одинокого чоловика (дителей у ёго не було, а жинка давно ёго покынула). Отъ снарядылы тыхъ ходакывъ въ дорогу. Пишлы вони та й загалялысь: и мясць—нема, и другый наступывъ—нема. Людямъ не терпилось, людямъ не сидилось, а бильше всихъ кортило Гната, що и спавъ и бачывъ рублену хату зъ поцяцькованымы одвиркамы; ёму здавалося, що и такъ винъ багато часу перевывъ дарма, що треба було иты, ще якъ Ходоля була жива,—може-бъ вона и не вмерла тоди. А тутъ саме зновъ прыйшла чутка, що можна выселятысь и що дають тамъ земли, скилько вгодно, скилько душа схоче, и що люде все идуть туды и зновъ идуть, все ламають, якъ ричка лидъ, и идуть, бо тамъ добре. Отъ тутъ-то Гнатъ заходывся непременно иты, якъ можна скорйше, почавъ лидмовляты другыхъ иты, не дожыдаючы, щобъ ходакы поверталысь, тилько тїи не слухалы. Тоди винъ самъ подавъ прошенїе на квитокъ и все поглядавъ то на небо, де рожеви хмарынкы казалы, що вже весна близенько, то на землю, що потроху отдавала, йила снйгъ латка за латкою, та мягшала, якъ подушка: треба ораты, охъ, треба сїяты!

— „Що вы соби, куме, думаете? що вы тилько робыте?—накынулась Мотря на Гната, якъ хуртовына, крутячысь по ёго хати.

— „А що“?—спытався той.

— „Та де жъ вашъ розумъ“?

Той подывывся и зъ сердцемъ сказавъ: „та що тамъ таке“?

— „Эге, що таке?—передражныла Мотря,—а же жъ ось хочете везты дителей, хто ёго зна куды и на що, та ще безъ матери; безъ матери—це мудро“!

— „Я самъ знаю, куды и на що я ихъ везу, а вы, кумо, не мишайтесь не въ свое дило“,—одризавъ Гнать.

Мотря сплеснула руками: „вы думаете я ихъ одпущу? эге, дыво“!

— „Та що це справди за опека така! Идить вы соби! Я самъ знаю, що роблю“! Остыгло мени якъ проклята душа по людяхъ тынятысь! Отгамъ на Томській може и соби, и дитямъ своимъ мисце знайду и васъ не спытаюсь“. Гнать одвернувся.

Мотря ни крихты не образылась и сказала: „ну, добре, вы идете на Томську, такъ теперь треба вамъ, значыть, жинку шукаты“.

— „На чорта вона мени“?—

— „Эге, на чорта! хиба оттакихъ-о дитей можна безъ матери у таку путь волочыты зъ собою? Щобъ на дорози вси поздыхалы! оттакыхъ-о неспособныхъ, такыхъ малыхъ-о!“—и Мотря покрутыла жартомъ та боляче за чуба меньшого хлопца.

Гнать подывывся на цѣго меньшого, писля на другихъ, трохы зажурывся и дали сказавъ: „ничого, якъ-небудь до мисця доставимось“.

Мотря ударыла себе по чолу, наче щось згадала, и побигла зъ хаты.

Одъ того дня стала вона шукаты жинку для Гната и найшла, а якъ найшла, то валалась на Гната, щобъ оженывся; до нея прыставъ и братъ, и братова Гнатова, и вси родичи Ходоли, и вси сусиды, такъ що выходило, що, не оженывшысь, ниякъ не можна на Томську выправлятысь, бо безъ жинки не можна обійтысь ни въ дорози, ни на новому мисци: Гнату и такъ клопоту буде багато, а тутъ ще диты пыщатымуть, то й голова завернется. Крімъ того, у тией вдовы, що ёму совитувалы, була хата и корова—можно ихъ спродаты: гроши-жь здадутся на чужій сторони; и вона сама була ще молода, весела и роботяща, а найголовнише—согласна иты на Томську. Гнать, якъ капуста, що гнитомъ надушена, одъ усихъ цихъ ричей помякшавъ и згодився оженытысь; сподобалась ёму и вдовина хата, що продаты можна.

Гнатову молоду звали Лысавета Балдына. Це була ще не стара живка, кругловыда, зъ великымы очыма и ривнымы, якъ шнуручокъ, бровамы, здорова, шырока въ плечахъ; особливо передъ людьмы хвастала вона своею сылою: бралася за косу, за ципа, або пиднимала таки здорови мишкы, що якъ який чоловікъ, то й не подужавъ бы. Вона служыла по разныхъ экономіяхъ и мало не кожній годъ соби дытынку прыдбае, бо була вона така, якъ тая яблонька, що не може, щобъ кожній годъ не цвисты и яблукъ на соби не несты.—Одынъ парубокъ ий тымъ сподобается, що чорнявий; другый тымъ, що кучерявый; третій—хто ёго знае чымъ: па вси очи винъ поганый, а ий гарный—и гуляе зъ нымъ, помы можна, а писля спокутуе, плаче, кляне и того „сатану, щобъ ёму не джидаты свита бачыты“, и всихъ парубкивъ, а, дывысь, на другый годъ зновъ гуляе. Одъ чоловіка zostалась у неи одна дочка, Гапуня, литъ 12-ть; други трое дивчатъ булы не щеплени яблунькы, а дычкы. Часомъ дуже строго держала Лысавета своихъ дочокъ, все крычала на ихъ, а часомъ выдала ихъ самыхъ, и все йидно ий було, чы воны голодни, чы ни (тоди старшенька, Гапуня, за хазайку була), и тилько того й було, що обшывала ихъ и водыла, якъ квиточокъ: то всихъ у жовтому, якъ гвоздыкы, то въ червоному, якъ макъ, то въ голубому, якъ волошкы, то въ зеленому, якъ трава. Вона була дуже чепурна и коло себе, любила шыты и выгадуваты разну моду, та тилько якъ на неи найде: то нечесана сыдыть, а то уберется, якъ пава. Бильше всёго вона любила, що могла жыты, якъ хотила: чы варыты, чы не варыты, чы робыты, чы не робыты, чы гуляты де вгодно, покывувшы и хату и дитей; иншый день вона смачно йила, а другый—тилько одынъ сыровецъ пыла; то въ неметеній хати сыдила, то нападе на неи таке, що вона всю хату переверне, прыбираючы та чепурывши и; и зъ дочокъ требувала, щобъ булы роботящи и чепурни. „Чому ничого не робышь“?—було, крычыть на Гапуню;—„чому сестеръ не прыберешъ“?—А то зновъ загуляе, заведе, покыне все печене и варене и грае, якъ метелькы.

Якъ же Мотря не подумала, що четверо дивчатъ та Гна-товыхъ четверо мадыхъ—це вже багато буде? Якъ вона Гнату таку молоду выбрала? Хиба не було другои, щобъ дитей поменьшь? Эге, вона и думала на другу, дакъ тилько одна Лысавета согласна була на Томську мандрувать, а зъ другихъ—ни одна не хотила иты за „Томця“. Скилько чоловікы тяглы впередь, стилько жинкы повертали назадъ. Одъ того дня, якъ думка иты на Томську, наче вогонь, запалыла чоловічи головы, одъ того дня жинкы почалы плакаты и журытысь и дорикаты. Чоловікамъ вдома тисно було и гирко, з жинкамъ—абы никуды не иты, бо тутъ вже звисно якъ, хочъ и погано, а тамъ—ще хто ёго знае якъ, хочъ и добре; имъ здавалось, що Томська—це край свита, це на тимъ свити. Одна Лысавета ничого не боялась, хотила иты, хотила бачыты щось кримъ своего села, и за Гната тымъ бильше согласылась иты, що винъ тыхый и майстерный, ще й на Томську подавався.

— „А ну, ну, побачу и я свита“—казала Лысавета и радила, хочъ маты їи плакала и голосыла: „Бидна моя головонька! Буды ты пидеешь, дурна? Ты тамъ пропадешь. Вы тамъ зъ голоду попухнете“.

— „Не попухнемо, аже жъ и тамъ хлибъ йе“—сміялась Лысавета.

— „Та де винъ тамъ йе? Може йе, а може и нема! Що то за сторона? Де вона? Ось Мартынъ Цяпоръ пишовъ, де-жъ винъ? пропавъ! Ой, горечко тяжке!... И чого иты, и куды иты? Нихто николы никуды не ходывъ, а тутъ на тоби—показылыся!.. Якъ-бы Гнатъ тутъ зоставався, то я-бъ ничого не казала, бо винъ чоловікъ, ничого казаты, гарный... а якъ винъ туды иде, то нехай ёго батько сказытся! Не иды, доню, за ёго, прошу тебе“...

— „Та чого вы, мамо, такъ журытесь? Аже-жъ други люде идуть—и я пиду“.—

— „Хиба тебе вже нихто не посвата, що ты за такого мандра пидеешь? Найдутся люде“.—

— „Якый же винъ мандерь? А и хочъ зъ нымъ свита побачу“.—

„Причывна ты!.. свита побачышъ... положишъ свои гаргела на чужій сторони... Ой, я нещасна, що мени робыты! Чого иты, ну чого иты? Тутъ погано, дакъ тутъ все свое! Погано? Дакъ колы вже такъ Богъ давъ, що жъ робыты? Хиба наши батькы, чы матеркы куды небыдъ ишлы? Дома сыдили, а й жылы й померлы на свой сторони!.. Ну, чого я не иду? Якъ бы бувъ твій батько, и винъ бы не пишовъ; братъ твій не йде-жъ, бо тутъ же своя—ридна сторона: кожну вербу, кожний колодязъ, кожну межу знаешъ и воно тебе знае... Вже жъ и тебе, доню, николы не побачу! Тамъ буде гирше, нижъ тутъ,— ось вирь мени“...

„Хочъ гирше, абы инше“,—упиралась Лысавета.

„Ну, то будь ты проклята, якъ ты матери не слушаешся... Ось вивьму и прокльну“.

„Прокльняйте, про мене“!

Хочъ стара Параска и не прокляла свои дочки, та ходыла до весилля зъ червонымы очыма и ще скилько разъ пробувала ии зупыныты; та тая не послухалась.

Плавала и старшенька дивчына Лысаветына, Гапуня; вона вже багато чого розбирала и не разъ пыталася у матери: „На що вамъ, мамо, замижъ иты? Ось мы пиднимемось на ногы, мы й сами себе прогонуемо! И на що на тую Томську иты? Охъ, чую мое сердце, беда буде тамъ... И на що намъ той „чоловикъ“ здався? На що-жъ намъ иты? Намъ тутъ добре. Цожаляйте вы насъ, мамо, мамо“!—

„А, це тебе баба навчыла! Це тебе баба прислала“!

„Ни, ни, ий-Богу не баба, ий-Богу, я сама. Ось не идить, мамо, замижъ, ось нехай мы поростемо, ось нехай“...

„Цыгъ, кажу тобі! чого ты свого носа сюды сунешъ? Якъ ты сміешъ мени балаваты³ отгуть-о“? И Лысавета часомъ навить была Гапуню.

Гапуня верещала: „ой, не буду, мамо, не буду“!..

А черезъ килька днівъ зновъ починала та спершу не-смило, якъ ичмень колосомъ шелестыгъ, а дали смиліше: „мамо, ось не пидемъ мы на Томську! тамъ погано, я знаю, що погано... тутъ у насъ и хата, и корова, а тамъ ничего нема“!

„Дурна ты,—тамъ тежъ саме буде; мы ище тамъ забагатіємо, бо тамъ земли дають по багато, людей, свита побачымо... тамъ, вазуть, уси чай пьють, дакъ и мы будемо ёго пыты“.

Мали дивчата слухалы и повторылы, якъ сороченята: „цаю, цаю“, а Гапуня все свое: „ни, ни, чье мое сердце, що буде намъ беда“!

„А ты, проклята, ще й биду наклыкаешь“!—розсердытся Лысавета и зновъ поповье иї.

Такъ надокучалы Лысавети то маты, то Гапуня. Матери вона сказала разъ: „мени вже остыгло тутъ изъ вами сыдчачы, якъ печерыця пидъ деревомъ,—сами сыдигъ; якъ хочете, а мени байдужкы,—пиду соби, и не плачте и не просить, бо не хочу я цёго слухаты“.

Гапуни-жь маты сказала, що якъ вона ще обизвется зъ своего кутка, то вона иї языка голкою наколе.

Такъ обыдвы и замовкы, тилько плакалы, та баба Параска мижъ жинкымы жалкувалася, що иї вже не бачыты своей дочки, а Гапуня бигала жалитысь до бабы и просыла иї одвернуты биду:

— Нехай той дядько соби десь другу молоду знайде; на що винъ намъ здався? Нехай винъ до нашой матери не чипляется; бачъ, якый розумный! Вы скажить ёму, бабусю, скажить, нехай не займае!

И смихъ и горе баби зъ тією дивчыною.

— Богъ зъ тобою,—каже вона,—хиба винъ мене послуха? Хиба я ёму що такє?

— Ну, то нехай винъ своихъ детей веде на Томську, чы куды знае, а мы не хочемо, не хочемо... мы тамъ пропадемо...

— Эге, пропадѣте,—то жъ бо и я кажу.

И баба, и внучка—обыдвы—почнуть плакаты, а якъ выплачутся, то имъ и полегша; баба нышкомъ одъ невесткы (бо вона жыла у жонатого сына) вытягне зъ печи картоплю, дастъ Гапуни, а тая стане йсты, повеселійша и нытається:

— Ну, що то такє тая Томська?

— А хто ёго знае, мое серденько, мисто якесь,—одвиза стара:—ось туды той, якъ ёго... отъ забулась..., еге, Мартынь пишовъ... Да-а-алеко це!... ось и звисткы одъ нёго вема, пропавъ десь, може, вовки зйили!

Гапуня зновъ почына плакаты:—отъ и мы такъ пропадемо!

— Та ни, не бійся, моя любя!—успокоюе баба и ии и себе разомъ; може, то вони ще насъ дурять, може, и не пидуть, де-жь таки! Ни, ни, твоя маты зостанетса: побойтса иты. Ось не плачь, любенька, ось годи!—

Багато такъ баба зъ Гапуней балакалы.

Колы Гнатъ оженився и перейшовъ зъ дитымы жыты въ Лысаветыну хату, то и баба и внука заспокоились, що вже не пиде виць на Томську, бо якъ бы йшли, то продады бь хату. Не продавъ же Гнатъ хату черезъ те, що Земський не дозволивъ продаваты ни хаты, ни города, бо це дитське добро. Гнатъ дуже пожалкувавъ, та ничего було робыты, а покы выйде ёму квитокъ иты на Томську, винъ перейшовъ до Лысаветы жыты. Загуло въ Лысаветыній хати, якъ зъ улы, бо стало дитей багато, наче ягидъ на кущи. Гапуня була рада, бо еи „команда“ побильшала; держала вона усихъ малыхъ строго, Гнатовыхъ ще бильше, нижь своихъ, бо не булы вони прыучени ни до якого порядку.

Тилько й було чутъ Гапунине: „цять, сидитъ тыхо! А що то ты робышь? Пряды такъ, а не такъ!“ Гапуня сама була, хочъ зъ выду не гарна, та ловка, проворна и чепурна така, що маты колысь ии жартамы прозвала „мушка-чепурушка“. Теперь цилисенькій день вона була заклопотана: того умый, тій косы выплеты, тому шапку розшукай, тій хустку повязжы (та ловко, якъ дивки повязуютса—тугенько), тій ляльку зроби.. та Господы! хиба мало роботы! Вона имъ и цыбулю, и хлибъ дилыла, и дывылась, щобъ кому-небидь бильше не досталось, и все повторяла: „ось я тоби дамъ, я тоби покажу, ты у мене гляды!“ Колы вона була весела, то казала имъ казку про „Билого бычка“, тую казку, що можно казаты одъ ранка до вечора

и одъ вечера до ранку и не скиньчыты; вона могла іи казаты, якъ робыла що-небидь: сама каже, а въ другому кутку прыбирае, картоплю чыстыть, доливку маже—тільки тоненьки киски, якъ мышачи хвостыкы, то тамъ, то тамъ трипаются; тутъ вона коло лавы, и вже зновъ іи нема: генъ побигла ажъ на другый кинецъ хаты и все торохтыть: „Ты кажешъ—хороша, и я кажу—хороша. Розказаты тоби казку про билого бычка“!—и зновъ спочатку. Тилько диты бильше любмы тую, що про квиткы, що вона сама выдумала, и розказувала въ недилю, сыдчачы надобгавшы ноги та лузаючы насиння.

— У тридесятимъ царстви, у тридевятимъ государстви случылася разъ буря, та така буря, що вси стрихы сторчъ поставыло, виконныци побылыся, а хаты завалылыся. Схопывся витерь, що вси дерева зъ кориннямъ повыдеравъ и на землю повалывъ, а квиткы и въ садкахъ и въ поли уси чысто поодрывавъ. Осъ квиткы зрадили, бо надокучыло имъ весь выкъ свій на одной вижци стояты, зрадили и почалы танцюваты метельцю. И було дуже весело! Тамъ булы и повнякы, и волошкы, и гвоздыкы, и макъ, и не займай-мене, и кручени панычи, и квасоля, и троянда, и гайстры, и красоля, и медуныця, и березва, и кульбаба, и чернобрывци,—та чы мало ихъ тамъ було, переличыты не можня! Отъ пишылы вони уси метельцю, а биленьки, голубеньки и червони дзвлючкы булы за музыку. И було дуже весело! Коны гвоздыкы сказалы медуныци: „якъ вы, кумо, воняете“!—тая заразы образылася, выйшла зъ круга, лягла на траву и зовьяла, а петрови батоги побылы гвоздыкы, покы не обидралы лыстячко, ну, все-жъ такы други квиткы ще танцювалы та й танцювалы. И було дуже весело, покы гайстры не настрыкнулыся на колючу троянду; тоди такъ-сякъ паутынямъ затыгли вавку, и вси побиглы до ставка водыцю пыты, бо стало дуже жарко.

Якъ побачылы гусенята, що плавалы на ставку, таке вийсько, ажъ остовпылы.

— Здрастуйте!

— Здрастуйте! А видкыль васъ Богъ несе?

— А мы вже вильни, одвичалы квиткы, куды хочемо, туды й бижымо, якъ вы.

— Охъ-хо-хо, стервенята, кажуть гусенята, сьдиды-бъ вы краще дома та не рыпалысь, сьдиды-бъ тыхо, бо буде вамъ лыхо!

Квиткы засміялысь, а гусенята поплыли дали.

Якъ побачылы себе квиткы въ води, такъ зрадили, таки соби гарни здалися изъ своимы рожевымы, сьвымы, бильнымы головкамы, що имъ зробылось ще веселіше, тилько кульбаба, якъ нахыллылась надъ водою, то все свое волосся загубыла и стала лыса, якъ дидъ лысый. Ну, це ничего! Все квиткы побралысь за ручки и побиглы дали. Зъ трояндою вже ниhto не хотивъ быгты рядомъ, бо така лыха; вопа сама соби попереду скакала. Огъ зустрілы вовы перекоты-поле, що гвалось по степу, и почалы реготатысь, що воно безъ нигъ, безъ рукъ, а бижыть,—такъ реготалысь, що гайстры и чорнобровци рострусылы по дорози свое пирьячко.

Подывылысь метелыкы, що квитокъ ниде, ни на левади, ни въ садку, ни въ поли нема, здывовалысь: „де-жъ це вовы дилысь“? Зажурылысь, колы бачать—здалека бижаты: биліють, червоніють, голубіють, жовтіють, якъ стричкы, якъ намисто.

— Де-жъ це вы, сякы-таки, булы?

— А мы теперь вильны: куды хочемо, туды й бижымо. Доганяйте насъ!

Зареготалысь, и стало имъ всимъ дуже весело! Побиглы навывпередки и такъ бигалы до пизднѣи ночи; ажъ ось полызлы на дуба спаты, та довго не спалы, бо метелыкы все имъ казку про „Билого Бычка“ казалы, а якъ послулы, то й попадалы доли, бо ничимъ було зачепытысь за дерево: коривнячка не було та й не привыкылы высоко спаты; одна троянда на колючкахъ высила. Вранця прыйшылы диты, побачылы пидъ дубомъ стільки квитокъ, наче хто виночкы хотивъ плесты, позбиралы ихъ, бо квиткы це вспишылысь утыкты: не такъ то легко було заразы зъ земли пидвестысь и быгты; троянду, що зачепылась на дереву, тежъ досталы. И було дитямъ дуже весело!

Писля почалы у москалыкы квиткамъ гратысь, усимъ квиткамъ головы позбывалы, поламалы. А комарыкы кругомъ литалы и пыщалы: „ото було не ходыты, ото було не радиты, ото було на мисци стояты, бо такъ вже Богъ веливъ“!

Такъ не зосталось квитокъ и на насиння: вси перевельсь, и не було одъ того дня въ тимъ царстви, въ тимъ государстви ни однисенькои квиточки,—одна трава зелена“!

Такъ казала казку Гапуня, а пятаеро дивчатъ и два хлопци слухалы и все приставалы: „ще, ще, ще“! або: „ву, ву, дали“! и не-вирылы, що вже казци кивець.

— Що ты тамъ брешешъ, що ты имъ плетешъ?—усмих-нется, було, Лысавета.

Гапуня и мали заразы замовкнутъ,—имъ не хотилося, щобъ „люде“ знали про ихъ дитськи балачкы, про ихъ казкы: на що имъ? то не ихъ дило! И плела Гапуня въ куточку „своимъ дитямъ“, якъ вона ихъ звала, багато и веселого, и смішного, и страшного, и одъ себе, и те, що чула, и коротко, и довго, и зъ спивомъ, и зовсимъ пышномъ — на вухо, — це вночи, тоди, якъ маты загасяты свитло, вси полягають спаты, а воны (дивчата) зализуть на ничъ та спаты имъ не хочется; въ голосъ же балакаты не можна. Осъ Гапуня прытулыть щильно свои губы до праваго вуха близьои дивчыны и скаже щось, а та такъ само зробыть третій, и потече слово за словомъ съ пята-тѣхъ усть та черезъ пятаеро вухивъ, наче вода по канавци, и балакають такъ, покы чы крайня, чы середня не засне такъ, що не можна передаваты балачкы.

Колы Гнатъ продавъ Лысаветыну корову, то й баба и Гапуня догадалысь, що винъ не покынувъ думку иты на Томську, и зновъ почалы тужыты. Гапуня и „своихъ дитей“ всихъ такъ настроювала, якъ бандуру, що вси разомъ, въ одныъ голосъ, скыглылы и кыслы, не розбираючы обь чимъ и чого. Колы Гапуня, було, скаже: „тамъ васъ вовкы зйидять“, то, розуміється, не можна не журытысь, не лякатысь, хочъ старшенька дивчына Гната, що батько, посадывши на колдина, часто казавъ: „осъ пи-

демо далеко, далеко, буде намъ добре-добре“, все повторяла: „батько казали: буде добре-добре, буде добре-добре—казали батько“!—Гапуня все думала: „ну и маты яки вредни! Щобъ було упертысь и сказати: „не хочу и не хочу“,—батько и зосталысь-бы, а то!“... Вона дула губы и по цилыхъ дняхъ не обзывалась до матери, та не просила остатысь, бо знала, що тая буде и быты: вона тилько все бигала до бабы и умовляла щобъ баба зоставыла и пры соби, та баба не знала, якъ це зробыты?

Баба разъ обисмылилась просыты Гната, щобъ винъ не йшовъ на Томську, бо якъ вона подывытся туды, вуды имъ иты, то наче въ колодець загляне: все тамъ темно, глыбоко, ничого не видно, страшно! Винъ-же сказавъ: „какъ хоче ваша дочка зоставатысь, нехай зостається,—я й самъ пиду“!

— Та побійся Бога, ты-жъ дитей загубышы!

— Не ваше дило.

Писля цёго баба вже рота не роззявляла.

Колы-жъ, було, Лысавета почуе, що мали диты цыцать: „тамъ насъ вовкъ изйистъ“, то вона вже знала, чіи то штукы, и была и дитей, и Гапуню.

Отъ поверталысь и ходакы. Погано вони балакали. Учитель, Костянтынъ, казавъ, що не стоить и не стоить на Томську иты, бо тамъ хлибъ поганый, земля погана, люде погани, що вони вымиряды своими ногами кожный сажень, передывылись своими очыма кожный колосочокъ, переслухалы кожну балачку мижъ людьмы про Томську, вси гроши перевелы, не йлы, не пылы и черезъ сылу до дому досталыся. Громада заразы побачыла, що учитель хвастае и себе выхваляе; тилько ридный батько его послухавъ, а бильше никто. Другый ходакъ, Мазныця, ничого такого не казавъ,—винъ тилько плюнувъ и процидывъ кризь зубы: „нехай того батько сказытся, хто туды пиде“!

Ось-же люде и цёму не повирылы, хочъ одразу наче ихъ хто по голови трахнувъ та выскубъ зъ нея вси надіи, якъ выты зъ полстна на мережку. Тилько вони поришыла такъ,

що ходакы ихъ грошы пропылы, въ Томській не булы та все брешуть—и слухаты ихъничого, и вирыты имъ нема чога, а треба збиратись и иты. Бильше всихъ бувъ выноватый Гнатъ, що не хотилы ходакывъ слухаты, бо винъ, що ранійше такъ ридко бадакавъ, теперь роспустывъ языка и пился кожного ихъ слова казавъ: „не слухайте ихъ, хлопци! ходимъ—та и все тутъ“!

А тутъ якъ-разъ прыславъ Мартыня Цяпоръ до жинкы пысьмо зъ Томської губернии, щобъ заразы збиралась зъ дитымы, все продавала и до него прыбувала, бо ему добре, гроши у него йе, и щобъ жонатый братъ ёго тежъ ишовъ, бо, скилько-бъ не прыйшло, всимъ буде тамъ добре.

Взи повеселійшала и стала выбиратись въ дорогу. Тилько и речи було, що про Томську. Хтось сказавъ (а хто—невисно, наче само слово вродылося), що тамъ водытєся якыйсь змій, що живцемъ людей ковтае, та „пересельци“ тилько сміялись и казала: тю, тю! Якъ живцемъ хапае, то можна и ножа зъ собою взяти: черево ёму зъ середины розризати и выйти зновъ на свить Божый“! Казала, що якъ такому злодію, якъ Мартыня, добре живеться, то, значыть, тамъ справди добре.

— Колы иты, такъ и иты!—мовлявъ Гнатъ.

Накинець получили квиткы, найняли до городу пидводы, накламы горы всякого добра, посадылы дитей зверху, якъ ва копахъ, що зъ поля возять, побраламы земли зъ могыль, покламы за пазуху, перехрестылись, попрощалысь зъ своимъ родомъ, що зостався дома, и пишли.

Вже Гнатъ бувъ зовсимъ готовый иты, колы Гапува пропала; шукала ии, шукала и Лысавета, и диты, насылу найшли десь въ бурьяни, привели ии. Вона плакала и врычала: „ой, рятуйте, люде добри, не хочу я, не хочу... ой, не пиду я... намъ тутъ добре було... ой, мамо, що вы робыте? ось, слухайте, зостанемось тутъ... ось я“...

Лысавета ажъ заплакала и почала тыхенько уговораты дочку: „ну, чога-жь бо ты? Бачъ, скилько людей идуць, чога-жь ты боишся? Не плачь! Якъ погано буде, то вернемось... а

теперь треба ити, бо земський веливъ, чуешъ ты? Та що зъ тобою багато розговарювать, цыть мени!“—додала маты строго.

Дивчына трохы замовкла, выдряпалась сама на воза, обняла Марушку и плакала вже тыхенько: тилько, якъ баба почала тужыты, вона зновъ скочыла доли, вчепылась за бабыну спидныцю и не хотила бабы zostавыты, покы Гнатъ не одирвавъ ин сылкомъ, не вдарывъ пугою по кобыли, не сипнувъ однєю рукою поводъ, а другою Гапуню за руку и не пишовъ скоро впередъ, не обертаючысь, хоча Параска лаяла ёго, що дочку веде на край свита, а Мотря крычала: „куме, чы взяли соли, чы взяли сала? Ось стійте, я жъ вамъ пампушокъ напекла, розвяжить торбынку, то покладу... Не слухае, бодай ёго...! Стійте!“.

А нима тежъ щось мукала и бигла следкомъ, щобъ ёго задержаты. Дарма!

Лысавета насылу одъ матери вызволылась, бо тая все плакала:

— Дай на тебе надывлюся, дай побачу, яка ты е?—и не пускала ии.

Лысавета спробувала засміятись: „може, въ Томській ще краще зроблюсь, ось побачыте“, а дали заплакала и сама, вырвалась и побигла за Гнатомъ, що бувъ вже далеко на краю села.

Колы выйхали за село, потяглыся степы ажъ до самого неба, ровни, довгы та шыроки; жыто саме цвилло, и скрызъ стояла золота, пахуща курявка, ярына зеленила низенько и тыхенько хылывлась то на той, то на другой бикъ. Чоловикоы йшли коло коней, понуро дывлячысь въ землю, жинкы и старшенкы диты—за нмы мовчы; инши вытырали рукавами юпокъ очи и часто зитхали; мали диты, якъ курчата въ кучи, сидили високо на вози; вони булы весели, прыдывлялысь до всего; саму Гапуню тшыло розглядаты всихъ тихъ людей, що йшли за нмы и по переду ихъ и зъ своего, и зъ чужого села; вона замичала, де у кого що лежало на вози, де червонила, або сынила яка-небудь юпка, де стырчала драчка, або ночвы.

А ось якась стара жинка поспышае и не тилько слызъ не вытырае, а ще усмихається, дывлячысь впередъ своимы старымы

очыма; поручъ зъ нею иде, мабудь, чы не сынъ ии зъ жинкою, жинка закрыла лице обома руками, такъ що не бачыть куды иде, а чоловікъ штовхае ии въ бикъ и каже: „годи, годи!“ „Ну и чого вже отакій старій баби тягаться?—дума Гапуня—чысто старій черевыкъ!“ Ермыло богатырь иде и веде ажъ тры пидводы, винъ хочъ самъ и снаряжавъ ходакивъ и чувъ одъ выхъ, що иты не стоить, та ршывъ, що зъ грошыма ниде не пропадешъ, а може ще й щастя знайдешъ: а ну, спробувать!—А ось иде Максимъ Пугачъ. Винъ хочъ знавъ добре, що гирше, нижъ у насъ, ниде нема, та очы ёго якось погаслы, мижъ бровамы лягла глубока бганка, а губы булы, наче злиплени—такъ мицно зведени. Максимъ йшовъ ще тихше, нижъ ёго коняка, наче ёго хтось стреножывъ, и все то скыдавъ свою шапку, дывывся въ середыну—будимъ тамъ щось було, то зновъ надывавъ ии на сами очы. Мытрохванъ Билый, навпакы йшовъ дуже скоро; здавалось, ось-ось винъ здійметься и помандруе черезъ степъ, якъ гайстеръ выставляючы впередъ свій довгый нись.—Инши все хрестылыся, други рвалы и теребылы романъ-зиля, або волошки край дороги и соромлыво ховалы за пазуху, або подавалы дитямъ на визъ гратыся, и диты крычалы, щобъ имъ ще дали, чы спустылы побигаты.

Дивчата не булы дуже смутни и лузалы насиння идучи. Гапуня пидійшла до ихъ, колы батько пустывъ ии руку, що мицно державъ у своій руди.

— А ты була колы въ городи?—спыталыся дивчата Гапуню тихенько, бо нихто не балакавъ въ голодъ.

Вона видповила, що ни, и якась дивка почала розказуваты, яки вона „чудаси“ бачыла, якъ жыла въ городи.

Ягъ ни багато визъ Гнатъ дитей, та на вози Василя Рудого, що тягся позаду одъ всихъ, ихъ було ще бильше: бо ажъ десятеро сидило тамъ, та таки вси дрибни, якъ голубьята, укутани въ щось драпе, такъ, що весь визъ бувъ похожый на визъ тряпошныка зъ ганчирямы. Маты ихъ йшла рядомъ и

гирко плакала, та и батько, здається, витыравъ очи чорнымъ, здоровымъ булакомъ.

Гнатъ ще разъ обернувся и подумавъ: „вже виколы не побачу“.

Ёго наче щось за серце схопыло: чы добре жъ винъ робить, що иде, що своихъ дитей на чужу сторону веде?

— У насъ буде своя земля, у насъ буде тамъ свое жытечко, своя ярна, хочъ вже не на цей годъ,—ажъ на той. Жалко тилько, що такъ низно выбрались! Ну, поки що постримось, а там!... „А цёго вже не побачу, ни!—процеслось, якъ блискавка въ ёго голову“—и гирко ёму стало и повернувся винъ, и подывывся въ остатній разъ на свое село и махнувъ рукою.

— Краще буде,—проговорила Лысавета до Гната, наче вгадала, про що винъ дума.

— Эге, сказавъ винъ, а тилько чы таке воно тамъ?

— Чого?—спыталася жинка не розибравши, що винъ каже.

Гнатъ зновъ махнувъ рукою и подывывся на хмары, що биглы куды скорійше одъ нихъ и кыдали свои тини на возы, на людей, на жыто, на ярну и закрывали на мыть сонце.

По дорози зустрілись имъ якисъ люде. Пересельци, якъ одыпъ чоловикъ, зняли шапки и поклонылись низенько; въ другой разъ, може, никто бъ не кланявся такъ низенько гуртомъ незнакомымъ людемъ, а теперь, колы ти кривкнулы: „Боже поможы!“,—вони зновъ уклонылись, хочъ ти вже пройхали соби.

— Ци до дому, а мы зъ дому! Ба, та вже не можно вернутысь, хочъ бы й схотылы!—подумавъ Гнатъ. И вси пересельци, наче у нихъ одна голова на плечахъ, подумалы такъ.

Степъ розлягався, розгортавъ свои зелени роздолля, а пересельци йшлы та йшлы. Зявся витерь, погнавъ скорійше хмары, жовту куряву и пересельцивъ, а куды?—никто зъ ихъ цёго не знавъ; такъ само не знавъ, якъ не знавъ того слипенькій хлопецъ Мартынивъ, що сыдивъ зъ матирью та бра- томъ на вози и наводывъ свои очи прямо на сонце.

Після того, якъ дочка пішла на Томську, стара Параск^а не могла дня прожыты, щобъ не згадаты іи и не поплаваты; ій здавалося, що вона все йидно, що поховала свою дочку; та ни—гирше: бо наче и йе вона, и нема іи, никола и не побачутся! Бильшь всѣго ій було жалько, що вона не зоставыла пры соби Гапуню. А якъ тая іи просыла, якъ плакала, якъ ховалася! Поскыльکو тоди Парасци здавалося, що не можна дивчыну у себе зоставыты, постыльکو теперъ ій було ясно, що Гапуню зовсимъ легко було зоставыты вдома; треба було тылько попросыты сына та невистуку взяты іи за няньку до своихъ малыхъ, чы наняты на тютюнь, и вона бъ имъ выплатыла той хлябъ, шо зйила-бъ за зиму. Стара Параска все себе пытала: „ну, чому я не зоставыла справди дивчыну“?—и не знала чому: чы того що сына боялася, чы того, що думала—Лысавета ни за що не покыне такой, якъ Гапуня, дивчыны; тылько теперъ вона часто сусидеамъ казала: „бильшь всѣго мени дивчыны жалько: такъ вона не хотыла иты!...“

Що-дня Параска заглядала у хату своеи дочки, и кожный день іи серце болило, бачучы тую пустку: ныхто не находытся, щобъ іи наняты, бо багато пересельци покыдали хать, а населыты ихъ зновъ ще не вспылы,—отъ и стоялы порожни.

Після выхода пересельцивъ, стало на сели трохи пустійше и просторійше, тылько не для бидныхъ людей, у которыхъ було по-багато дитей: воны, якъ и ранійше, тиснылыся въ своихъ старыхъ хатахъ, новыхъ не купувалы (грошей не выстарчало) и все тылько думалы, щобъ пиднятыся и соби на Томську.

Парасчынъ сынъ, що бувъ назначеный опікуномъ сестрынхъ дитей, бачучы, що хата доходу не дае, ршывъ іи спродаты зъ городомъ. Такъ и зробывъ, а грошы, що взявъ, потратывъ на свое хазяйствечко. Старои Параскы, розуміется, не пыталыся, та вона-бъ ничого не сказала, бо думала, що вже іи дочка и внучкы никола не вернутя,—такъ нехай хочъ сыновымъ дитямъ буде.

Насылу - насылу Параска диждала лыста одъ зятя. Винъ пысавъ, що все „благополушно“, що вже вони поставылы соби „збу“ и кунылы пару коней, що вси здорови и кланяются.

Здається, треба бѣ було радиты, а стара Параска заплакала гирко и ни слову не повірыла въ цимъ лысту, бо казала вона: „чуе мое сердце, що то за „зба“: то яка-небидь катрага та и вже! Паря коней? Нема у ихъ тыхъ коней? Пышуть такъ абы тилько, що добре... Охъ—хо—хо, жаль мени дивчыны, чому я ии тутъ не зоставыла?... Я и не жалію, що Лысавета за Гната выйшла: винъ чоловікъ смирній, тихій, та якъ бы жъ то винъ тутъ!

Сусидкы слухалы Параску и казалы: „такъ, такъ“.

Скоро прыйшла звистка, що сынъ одніей старои жинкы, що и сама зъ охотою пишла на Томську, и сына зъ невесткою потягла за собою, ума тронувся, покы дійшли у ту сторону, а вона сама онимила зъ переляку та нудьгы.

Одъ того разу новины все прыбувалы, якъ вода на весни, и стара Параска, сядячы въ неділю коло церкви, багато наслухалась страшного, черезъ що вона плакала ще бильше. Казалы, що Мартынъ набрехавъ, колы пысавъ, що въ Томській добре: винъ тилько хотивъ лидманыты свого брата, щобъ прыйшовъ, бо самому було трудно бидуваты, то нехай и другій спробуе! Казалы, хтось вернувся и розказувавъ, якій тамъ хлїбъ: чорній, якъ земля, гиркій, якъ полынь, що тилько першій годъ родыть, а на другій, третій—ничого нема, ни снопа, а щобъ ораты, треба лись выкорчуваты, а це степовымъ людымъ не можна робыты; що и лись такій поганій—рубленои хаты не поставышь; треба-жъ жыты въ землянци пидъ хворостяною стрихою; що холодно такъ на весни (икъ святій неділи), що въ колодязяхъ стае лідъ, а земля така мерзла, що не вкопаешъ заступомъ, такъ що колы де-яки пересельци тамъ померлы, треба було имъ сокырою могылу вырубаты; що писля, одразу якъ пиде снїгъ, по колина вода стане, и мошкاري налетыть стилько, що не можна робыты въ день, тилько въ ночи, а то зайидае; що селъ нема (по дви, тры сямъ пересельцивъ ростуть у лиску), церкви нема, лавокъ нема

нема де купыты ни соли, ни сирнычкывъ, ни гасу, ни горилкы, хіба за сорокъ верстовъ йхаты; нема де заробыты, бо нема ни панывъ, ни жыдивъ; що по селахъ „киргизы“ жыють и земля не дають, а якъ и дадутъ за велику цину, то дывляться, якъ звири, и якъ-що не по ихъ—заразъ готови заризаты чоловіка; що скризъ по дорози бродять розбійныкы, злодіи и каторжни, що готови зъ-за кутка задушты; що пересельци, бильшь диты, часто болють: губы пухнуть и йисты не можна...

Одъ такыхъ балачокъ Парасчыне серце розрывалось, и надумалась вона напысаты дочци черезъ жыда, щобъ хочъ дивчыну вона назадъ прислала изъ людцямы, що верталысь до-дому.

Тилько трудно було-бъ Лысавети самій безъ Гапуни справлятысь на чужій стороні. Якъ тилько побачыла Лысавета, що „не такъ воно склалось, якъ бажалось“, то и руки ій опустылись и почала вона голосыты та прокльнаты свою лыху долю, що іи туды занесла; по цилыхъ дняхъ простоювала вона, дывлячысь на маленькій лисочокъ, що торчавъ передъ іи очыма замисть зеленого степу, стояла и тужыла: „ой, мои ниженькы! скільки вы попоходылы, скільки вы намерзлыся“. Вона скризъ была така, що тилько що не по ій, заразъ плаче и кляне; що скажы,—заразъ образытся, ничего не хоче робыты, а сяде и тужыть: зъ малечку іи маты, якъ едыну дочку, балувала, повы замижъ не отдала, та и чоловікъ по іи робывъ, и вдовою ій жылося легко, а тутъ нѣ-тоби! Вона не могла помырытысь изъ тымъ, що жылы въ темній землянци безъ виконъ; иныый разъ, було, вона зъ серцемъ колупала земляни стины и прыказувала: „розступыся, сыра земле, розступысь могыло!“ Дитей вона разъ-у-разъ была безъ розуму, абы душу одвесты; сама не вымывалась, не чесалась, ничего не робыла (вона любыла робыты на людяхъ, а тутъ ни людей, ни вулицы, ни лавкы, ни ярмарку, ни церквы, хочъ пропады: не знаешъ—колы будень, колы празнычокъ), тилько якъ Гнать вже дуже розсердытся и крычыть, то вона за що-небудъ вызьмется та робыть такъ нескоро, безъ охоткы, що ажъ нудно на неи дывытысь.

Гапуня одна трохи давала помощи батьку, бо, побачивши, що мати такъ сумують и зъ ихъ ніякого дила нема, свазала: „хто-жь буде варыты, хто-жь буде робыты?“—та й стала варыты такъ-сякъ юшку то зъ крупивъ, то зъ кропывы, збирала хворость, грибы и тишыла дитей, колы вони почынали дуже тужыты, що голодни. Багато було роботы Гапуни: кримъ дитей, вона часомъ и матирь годувала, бо тая, якъ заголо-сыть: „на що ты мене, матинко моя, породыла, якъ мени оттуть пропасть!“,—то не хоче ни йисты, ни пыты, ничего не бачыть и не чуе. Тоди Гапуня якъ визме и просыты: „мамочко, та ий - Бо, мамочко, та годи вамъ! Мамочко, аже жъ дитямъ треба даты, а другои ложки-мыскы немає; ййште-жь бо швыдче, мамочко, а то якъ батько побачать, то буде вамъ лыхо“. Лысавета послухае, почне, не дывлячысь, у горшку ложку бовтаты та тежь не дывлячысь до рта несты, а дали кыне росплачется, обниме Гапуню и скаже: „золотая ты моя головонька! Добре я зробыла, що тебе баби не оддала.“—Трохи нисля цѣго пидчынытся Лысавета, почыва робыты, а дали ще дужче засумуе, що жыуть вони, якъ въ острози

Самъ Гнать багато робывъ: винъ то тынокъ заплитавъ кругомъ свого горѣду, то хворость на хату рубавъ (доброе дерева на рублену не найшовъ), то глыну копанъ, то де-що справлявъ по хозяйству. Трудно ёму було тутъ справлятысь: и дерево негодяще, и земля—солонци, и диты крыкльвы, и жинка вередлыва,—все було проты ёго, и згадувавъ винъ свою Ходолку и думавъ, що зъ нею було-бъ вуды способнѣше, и зробывся винъ лыхымъ, все крычавъ: „убью!“ Одну Гапуню винъ жалувавъ, не крычавъ на неи, а вона, було, все до нѣго бигала: „тату, а тату, зъ цихъ агидь можна кисиль зварыты? А, дывитесь, сколько я гилля натягала! А, бачыте, яки грибы? Тату, а тату, а якъ же теперенькы: у насъ силь выйшла, що теперенькы? Хиба побигты до дядька Васыля позычыты (Васыль Рыбый не дуже далеко одъ ихъ поселявся). Тату, а Марушка та Максимка найшлы явесь коринвячко, що ёго йисты можна: дуже солодке. Хотите спробувать? ось“.

Якъсь Гнать спытався їй: „а що, Гапуню, хочешъ до бабы?

— Якъ?—вылущыла на нѣго свои маленьки очи Гапуня.

— Такъ!—Ось и листь одибравъ, якъ у волость ходывъ. Пыше, щобъ тебе прыслаты зъ кымъ-небудь, хто видсилъ буден ты,—то я звайду кого-сь“.

У Гапуни ажъ очи заблыщали, а дали вона подумала, подумала и сказала:

— Ни, я не пиду.

— Чому?

— Що жъ зъ васъ тутъ буде безъ мене?

— Эге, зъ насъ!—усмихнувся Гнать, мы вже якось-то будемъ!

Гапуня заплакала.

— Чого ты, чого?—пытався Гнать.

Довго вона казала „такъ, такъ, такъ“,—а пился—„якъ тамъ весело у насъ: ягоды вже, мабудь, есть и огирочки маленьки вже позавъязувались...“

Гнать самъ трохи не заплакавъ и сказавъ:

— Не журысь! Осъ я тебе одправлю скоро до бабы.

— Ни, ни, тату, я не хочу до бабы, їй Богу, не хочу! не пиду, не пиду! А диты жъ якъ?—добавыла зъ переликомъ, наче вона ихъ маты.

— Дарма! у бабы краще,—умовлявъ Гнать.

— Ой не кажить такъ, бо, їй-Богу, розсержусь!

Гнать замовкъ, провивъ рукою по очахъ, а пился по чорненькій головци Гапуни. Гапуня побигла до матери, тилько ничего не сказала їй про усе; Гнать тежъ не хвалывся про листь, що заполучывъ одъ тещи.

Гнать думавъ такъ-сякъ перебытысь черезъ лито, щобъ побачыты, якый выйде ячминь, що винъ такы успивъ посіяты; тилько зъ Лысаветою ніякъ не можна було, бо вона, бачывшы, якъ тамъ холодно на весни, не соглашалась зоставатысь на осинь и зиму и въ одну душу голосыла: „хочъ бый мене, хочъ рижъ мене, а я тутъ не зостанусь! Хочъ бы вмерты! на що ты мене сюды завивъ? Мабудь повишусь у тому лиси на берези, бо все йдно

не вийдемо видсиль жывымы“. Ну, та це дарма, що Лысавета балакала, а ось диты почалы слабуваты: одъ комаривъ, чы що, покыдавъ у ихъ по тилу сыпъ, а мевышевкый хлопецъ умеръ; простудывся, чы Богъ ёго знае, лежавъ три дни червоный, якъ малына, и гарячый, и все бчы заплющывавъ, наче ёму трудно було дывытысь, а на четвертый день схопывъ батька, що нахылывся надъ нымъ, за чорну здорову пучку своимы спотилымы тоневкымы пучечкамы и не пустывъ ёго, покы не заснувъ, та не заснувъ на выки, не похоловъ... Самъ батько поховавъ ёго безъ молитвы, безъ помынокъ и подумавъ: „ну, що якъ другый тутъ пропаде?!... ни, треба вертатысь!“ До того ще пидъ винець и йстыничого було; свое перейлы, нового не було, гроши то сюды, то туды перевельсь: на дорогу, на коней зъ возомъ, що кыргызы ёму навязалы; вже почалы зновъ выкопувать зъ земли тую картоплю що на весни трохы посадылы. Осъ Гнать и рывывся иты до дому, хочъ, якъ бы винъ бувъ самъ, безъ дитей, безъ причынной Лысаветы, що ще була вагодна, то й пережывъ бы якъ-небудъ въ землянци, а дали поставывъ бы хату и... Ну,ничого робыты! Продавъ коней, поодававъ де-що пересельцямъ, що ще зоставалыся тамъ, передавъ имъ свій ячминъ, що зеленывъ добре, и рывывся тикаты, покы тепло, а лито було и въ Томскый таке гаряче, що ажъ Лысавета на жару жалылася.

Колы Гнать вертався до-дому, хлѣбъ вже бувъ знятый, мисцямы и звезены, такъ що на поли тилько де-не-де стоялы копы, якъ золоти хаткы. Степь вже почавъ и чорпнты, наче убраный довгымы и узкымы шматкамы норизаного плицу, бо багато людей вспышылось поораты, а зоставлена стерня яснила, якъ коротеньке биленьке волосся на хлопьячій голови. День бувъ ясный, хочъ сонечко и не хотило вже горнты и свнтыты, якъ равійше. Пахло землею, та сытый духъ жыта обступавъ кругомъ. Хмары булы куды бильши, нижъ весняны, и били складалысь зъ сыршы, робылысь чорны и рослы; та по одынъ бикъ сонце ще блыщало, а по другый въ рижныхъ мисцяхъ смугы дощу зводылы небо зъ землею; здавалось, що хтось точывъ сырый

макъ кризь дияве решего. Дорога жъ не була сыра, курява вставала цылымы стовпамы та кушамы, бо сыльный витерь розганявъ хмару, зрывавъ хустку зъ головы у Лысаветы та Гапуни, хотивъ посекыдаты дитей зъ воза, якъ комахъ, а коняци (що нанялы у городи) все закрывавъ очы грывою, и замитавъ такъ дорогу, що трудно було що-небидь розглядиты передъ собою; одначе Гнатъ здалека пизнавъ свое село и сказавъ:

— Ось и зновъ побачылы!

Лысавета, якій було важко тягтысь такъ далеко, перекрестылась.

— Слава тобі, Господы!

Диты заверещалы, запыщалы на вси голоса и засказалы, якъ клубочки, на вози,—мало не скотылылыся вси до-долу. Гапуня сплеснула рукамы, прыгнула и побигла швыдче конякы впередъ такъ, що скоро счезла зъ очей.

Гнатъ и жинка ёго byly теперь похожи на тѣи вербы, що на степу пры дорози вырослы, що витерь, якъ не зовсимъ зламае, та повыкручуетъ такъ, що вони ни на що не похожи, наче ихъ хто заставлявъ проты воли танцюваты, ажъ покы головъ не позвертали собя; диткы жъ ихъ byly похожи на сухее лыстачко скручене, маленьке, що буря жене и не дае оддыхаты; вони byly блиди и наче пыломъ прысыпаны, зъ шыроковымы, голоднымы очыцямы.

Гнатъ згадавъ, якъ вони йшлы на Томську гуртомъ, цилою смугою, а теперь винъ вертався одынъ зъ однымъ тилько хлопцемъ и, хоча було ёму и тоди не весело, та теперь же було ще смутнійше: не подержавъ винъ колосся зъ своего жыта, не моговъ своего хлиба, не пробувавъ ёго та вже й не спробуе... „Треба зъ хлопця майстра робыты!“

Ото вже зрадила стара Параска, колы зновъ побачыла свою дочку.

— Та якъ-же ты змарнила!—сплеснула вона рукамы.

Лысавета розказала матери уси свои муки, розказала, якъ перша жинка зъ ихъ стороны, що вони зайшлы до ней зъ

землянку у Томській, сказала: „Охъ, сестричкы жъ моя, чога жъ вы сюды поприходьды? Я ось другый годъ борщу не куштувала: все надъ сухымъ хлибомъ!“

Прыйшли-жъ до дому, и вдома не було ни що йисты, ни де жыты, бо той чоловікъ, що купивъ Лысаветыну хату, не хотивъ ия пускаты, бо казавъ винъ:

— Якъ такъ купуваты, що треба зновъ отдаваты, то я не хочу, бо не забирае жъ чоловікъ корову назадъ, якъ продасть у ярманку.

У Гната не було грошей, щобъ одкупити хату,—треба було ще тягатысь зъ опекуномъ, що продавъ, а покы що поселився винъ зновъ въ чужій и ставъ тамъ зъ Лысаветою жыты, ставъ зновъ по людяхъ робыты; та жылы вони биднійше, хочъ дитей зновъ було восьмеро (одно въ Томській вмерло, а друге—найшлося, якъ прыйшли до дому), та диты мали: помочи не давали.

Колы Гната теперь пыталы про Томську, винъ тилько рую махавъ и казавъ:

— Було-бъ краще не ходыты! Думавъ, що все обдумавъ, а выйшло не такъ!

Винъ теперь ище меньшъ ставъ балакаты, нижъ перше, а до Лысаветы и зовсимъ переставъ говорыты, все черезъ Гапуню ий прыказувавъ: „нехай маты те зробыты, нехай друге прынесе“, бо спротывылась вона ёму писля Томської.

Лысавета жъ зновъ стала весела, якъ перше була, и багато розказувала про Томську матери та сусидкамъ, що все дывовалысь: „ну, скилько-жъ ция Лысавета перетерпила—то страхъ!“ Ий же ажъ весело було розказуваты про свое нащастя та недолю, бо цее все минулося (а бабы слухалы такъ ловко); весело казаты, що „въ Томській николы лита та тепла не бувае, а все лидъ та лидъ! Николы сонце не лягае, а все день та день!“

Маты якъ ни зрадила Лысаветы, та все докоряла: „я жъ тоби казала, донько, я жъ тоби говорыла, що такъ воно й буде. Ага, не послухалась, пишла! Ага! Старыхъ людей треба слухаты, а зять то мій думавъ, що винъ одынъ розумный е!“

Гапуня одійшла дома—стала веселійша, не така заклопотана; почала вона дитямъ нови казки плести про вовкивъ, „людей-соплякивъ“, про машину-змія зъ червоными очыма. Диты сыдили та слухалы, наче прычаровани, и дывылысь на Гапуню, якъ на саму мудру людину въ свити. Скоро їи въ тютюнъ почалы посылаты гроши заробляты, и вона стала така горда, що й не пидступайсь; усе каже: отъ ще днивъ тры—таке здорове пасынни поросте, зовсимъ сылу стягне!“—або: „пора вже й тютюнъ обривуваты! що той дурень табашникъ соби думае, я и не знаю!“. Черезъ годъ оддавъ Лысаветынъ братъ Гнату гроши. Гнать купывъ латку гороху, почавъ строитысь и взявъ земли десятыну въ оренду, и посіявъ соби хлибъ.

Де жъ други пересельци, що разомъ зъ Гнатомъ йшли?

Одни прыйшли назадъранійше, други — пизнійше. Максымъ Билый вернувся до-дому и заразъ подався на заводъ, жинку зъ дитымы зоставывъ у батька зъ братомъ, и тамъ вси, одъ велька до мала, їи лаялы, буцимъ-то вона була выновата, що на Томській погано жыты. Ермола не вернувся, бо зъ грошыма всюды добре, и попавъ винъ якось ловко добрый надилъ, то й оброблявъ ёго добре. Васылъ Рудый вернувся и завиравъ всихъ, що не въ Томську треба було подаватысь, а на Херсонщину, и що винъ непременно на той годъ пиде туды. Васылъ Рябий та Васылъ Куцый зосталысь въ Томській, бо не було зъ чымъ вызволтысь, ни зъ чымъ було назадъ вернутысь, а то бъ вони давно утвели видтиль. Мартынъ Цяпоръ, злодій, тежъ зостався, бо дила ёго пидчыннылысь: винъ и тамъ почавъ тую „прахтику“, що у себе дома, и ничого—поки не зловылы кыргызы, або пересельци,—жылось ёму добре. Братъ-же ёго вернувся и такъ клявъ Мартына за те, що ёго звавъ, що ажъ страшно робылося. Инши поверталысь зовсимъ голи, и такъ, якъ хать у ихъ не було, то прыйшлося їты въ мандры, або по людяхъ жыты, хто прыйме, та робыты за кусоць хлиба.

Такъ, ходакы не набрехалы, а старыхъ людей та бабъ тра було слухаты, бо, мовляла Параска: „все, що хто ёго знае де и що таке, все—погане, а хочъ и добре, то не для насъ“.

Грыцько Грыгоренко.

Нѣсколько словъ о южно-русскомъ искусствѣ и о задачахъ его изслѣдованія.

Въ то время, какъ неоднократно приходится слышать и читать о малорусской поэмѣ, малорусской драмѣ, музыкѣ, лирикѣ,—на малорусскую пластику наброшенъ какой-то таинственный покровъ. Правда, изрѣдка, урывками говорится объ отдѣльных предметахъ: то о красивомъ старинномъ зданіи, то о своеобразномъ портретѣ или рѣдкой иконѣ, то о чудесной вышивкѣ шелкомъ или серебромъ, случайно найденной среди старадавняго хлама какой-нибудь разрушающейся часовенки; но о малорусской архитектурѣ, о малорусской пластикѣ, живописи, какъ о чемъ-то вполнѣ самостоятельномъ, значительномъ и цѣнномъ, не говорится ничего.

И благодаря этому непонятному замалчиванію одной изъ интереснѣйшихъ чертъ малорусской культуры, сплошь и рядомъ съ горечью приходится наблюдать, какъ безощадная рука времени, а еще чаще современныхъ вандаловъ въ лицѣ реставраторовъ, ревнителей—меценатовъ, порою даже „знатоковъ“—годъ за годомъ уничтожаетъ и безъ того уже немногочисленные остатки искусства XVI—XVII вѣковъ—эпохи, которая по справедливости можетъ быть названа Эпохой Возрожденія Южной Руси.

И стройная, гибкая ливія церковныхъ куполовъ, такъ смѣло уходящая въ прозрачное синее небо, все чаще и чаще

сворачивается въ неуклюжую луковицу современнаго псевдо-византійскаго стиля; старинныя узорчатыя ризы, цвѣтистыя, какъ породившій ихъ вѣкъ, пережигаются для добыванія крупинокъ золота и серебра; старинныя фрески сбиваются, какъ „безграмотная мазня“, чтобы уступить мѣсто патентованнымъ копіямъ съ иллюстрированныхъ журналовъ; величавыя статуи прячутся по чердакамъ, дѣлаясь добычей мусора и пыли, или, какъ позорный остатокъ неблагочестія, заслоняются первой попавшейся мазнею маляра.

И то, что должно бы вызвать справедливый гнѣвъ не одинокаго любителя, а цѣлаго общества, гордаго своимъ геніемъ,—проходить незамѣченнымъ, становясь зауряднымъ, сѣренькимъ явленіемъ, не привлекающимъ даже празднаго любопытства.

А между тѣмъ достаточно даже поверхностнаго взгляда на географическое и историческое положеніе южно-русскаго края, чтобы предугадать, сколько своеобразнаго и интереснаго должна въ себѣ таить страна, нѣсколько столѣтій служившая ареной борьбы самыхъ противоположныхъ міровоззрѣній и связанныхъ съ ними пластическихъ формъ.

Съ одной стороны—замкнутая, строгая Москва, вся проникнутая аскетическими идеалами древняго, византійскаго Востока,—вся ея духовная жизнь сосредоточилась на вѣрѣ или, правильнѣе сказать, на формахъ ея; съ другой—бурный, тревожный Западъ, со всей утонченностью высоко развитой культуры, съ дивными образцами искусства и смѣлой, пронизывающей и анализирующей мыслью, Западъ чувствительный, манищій, сверкающій.

На долю Южной Руси выпала роль соединительнаго звена между этимъ европейскимъ блескомъ и однотонною Москвою. И оба эти чуждые, даже враждебные другъ другу лагеря, именно въ силу своихъ рѣзко подчеркнутыхъ особенностей, не могли не передать ей нѣкоторыхъ изъ свойственныхъ имъ чертъ; это тѣмъ болѣе естественно, что, если Западъ чароваль Южную Русь своей иноземной прелестью, то съ Москвою связывала единая греческая вѣра, все-же въ концѣ концовъ перетянувшая чашу вѣсовъ.

Но сильный народъ, какимъ былъ народъ южно-русскій, выросшій и окрѣвшій въ непрестанной борьбѣ, не могъ совсѣмъ ужь рабски воспринимать чужіе образцы; внѣшнія заимствованныя формы онъ долженъ былъ оживить своимъ собственнымъ національнымъ духомъ, и весь вопросъ лишь въ томъ, чтобъ счумѣть его уловить.

Какъ я уже сказалъ, черезчуръ мало еще сдѣлано, чтобъ можно было съ полнымъ основаніемъ опредѣлить характерныя черты малорусскаго стиля. Въ *архитектурѣ*, напр., это несомнѣнно должно послужить одной изъ основныхъ задачъ будущаго изслѣдователя; пока же можно лишь провести кое-какія аналогіи, не лишеныя, быть можетъ, значенія, какъ указаніе на части тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ малорусскій стиль слагался, но все-же далеко не разрѣшающія вопроса вполне.

Между прочимъ я позволю себѣ отмѣтить нѣкоторое сходство южно-русскихъ церквей XVII и даже начала XVIII вѣка съ постройками нѣмецкаго Возрожденія. Какъ примѣръ, приведу университетъ, бывшій коллегіумъ, въ Гельмштедтѣ (начало XVII в.), древнюю гравюру съ котораго можно видѣть въ типографіи Меріани,¹⁾ и замокъ Лейтцау въ Альтморкѣ (1566—1595), гдѣ мы можемъ видѣть высокіе, четырехгранные, увѣчаные башенкой куполы, по изгибу линій нѣсколько напоминающіе каску и составляющіе столь характерную особенность нашихъ мѣстныхъ церквей; нарисованная же еще Т. Г. Шевченкомъ „Богданова церква у Субботови“, своимъ узорчатымъ фронтономъ, покоющимся на нѣсколько грузномъ корпусѣ, невольно просится на сравненіе съ другимъ нѣмецкимъ зданіемъ XVII вѣка—ратушей г. Мюндена, построенной архитекторами Фридрихомъ Вейтманомъ и Георгомъ Гроссманомъ. Многочисленныя орнаментациі, украшающія эти церкви, носятъ ужь болѣе опредѣленно-самобытный характеръ. Хотя въ нихъ и можно угадать вліяніе тѣхъ или иныхъ западныхъ школъ, но вліяніе это отнюдь

---

¹⁾ Снимокъ съ этой гравюры воспроизведенъ въ «Denkmaeler deutscher Renaissance», стр. 45.

не лишаетъ ихъ своеобразной красоты, присущей имъ, какъ и образцамъ *гравируемаго* искусства той-же эпохи, съ которыми ихъ связь несомнѣнна. Кто внимательно просматривалъ южно-русскія изданія конца XVII и даже половины XVIII столѣтій, тотъ навѣрно замѣтитъ крайнее разнообразіе, какъ въ способахъ трактовки сюжетовъ, заставокъ, заглавныхъ буквъ, такъ и въ самомъ мастерствѣ исполненія. Наряду съ виньетками, точно скопированными съ картинъ итальянскихъ мастеровъ,—какого-нибудь Тинтбратто, попадаются образчики другого, болѣе простого, наивнаго стили, стремящагося, порою и неумѣло, передать свое, родное—мѣстные типы, мѣстную обстановку. Укажу для примѣра на иллюстраціи Печерскаго Патерика той эпохи: нѣкоторые пейзажи въ немъ—виды Днѣпра, а дѣйствующія лица сплошь и рядомъ одѣты въ богатые парчевые кафтаны съ широкими откидными рукавами знатныхъ пановъ. Заставки и буквы также даютъ богатый матерьялъ для изученія. Вліяніе Запада въ нихъ также несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы чувствуете, что Западъ давалъ въ этомъ дѣлѣ лишь образцы, по которымъ учились творить самостоятельно. Эти переплетенныя виноградныя листья и сложныя завитушки чужды волшебной легкости итальянскихъ арабесокъ; въ нихъ есть какая-то скрытая твердость, порою даже грубость, но, по моему, такими и должны быть работы современниковъ Хмея и Петра Могилы. Другимъ, несомнѣннымъ уже, отраженіемъ западныхъ вкусовъ нужно считать присутствіе въ нѣкоторыхъ церквахъ *статуй*, то въ видѣ надгробныхъ памятниковъ, въ родѣ Константина Острожскаго Великой Лаврской церкви, то въ родѣ простыхъ архитектурныхъ украшеній—каріатидъ, амуровъ; послѣдніе большей частью изъ дерева.

Въ этомъ случаѣ скульптура входитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ *рѣзбой* и *лѣтнемъ*.

Снова тутъ является необходимость отдѣлить чисто занесенныя черты отъ чертъ національныхъ—работа, которая, думается мнѣ, должна дать много въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ сопоставленій.

Конечно, при изученіи этихъ произведеній малорусскаго искусства, не слѣдуетъ упускать изъ виду и попутнаго изслѣдованія образчиковъ производства *ткацкаго*, а также разнообразныхъ узоровъ и рисунковъ то шелкомъ, то серебромъ на полотнахъ, воздухахъ и т. п. предметахъ домашней и церковной утвари.

Такъ какъ, по самому своему характеру, эти работы зачастую являются произведеніями не мастеровъ-спеціалистовъ, а самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества—отъ простаго крестьянина до именитой панны, движимой ревностью къ вѣрѣ или связанной обѣтомъ,—то онѣ, эти работы, въ большинствѣ случаевъ характеризуются особенно яркимъ отпечаткомъ мѣстныхъ особенностей или чисто индивидуальнаго творчества. Поэтому, въ нихъ и должно, мнѣ кажется, главнымъ образомъ искать излюбленныхъ мотивовъ южно-русскаго орнамента, мотивовъ наиболее интимныхъ, а потому и наиболее типичныхъ.

О *живописи* я нарочно рѣшилъ заговорить въ концѣ, такъ какъ изъ всѣхъ пластическихъ искусствъ она несомнѣнно доставитъ наибольшее количество матеріала для изслѣдователя какъ художественной, такъ и чисто бытовой стороны жизни южно-русскаго народа.

Нѣсколько словъ Павла Алепискаго, сказанныхъ по поводу видѣнныхъ имъ образцовъ, довольно мѣтко опредѣляютъ характерную ея особенность: „Въ этомъ городѣ (Кіевѣ), говоритъ онъ, среди козацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладаютъ большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть...“¹⁾ Упомянутое о существованіи еще обычая писать портреты со всѣхъ пріѣзжающихъ патріарховъ, равно какъ и сохранившіяся до послѣдняго времени сравнительно многочисленныя изображенія нѣкоторыхъ знатныхъ и чѣмъ-либо замѣчательныхъ особъ, свидѣтельствуютъ о томъ,

---

¹⁾ Путешествіе Патріарха Макарія, опис. Павломъ Алепискимъ Вып. II, стр. 76.

что „портретъ“ являлся однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ „козацкихъ“ художниковъ XVII вѣка.

Дѣйствительно, портретъ проникаетъ даже въ церковь. Какъ примѣръ, приведу хотя-бы прекрасные, уничтоженные нынѣ, портреты русскихъ царей и князей, украшавшихъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стѣны Великой Лаврской церкви, портретъ Дмитрія Ростовскаго въ библиотекѣ той-же лавры, большое характерное изображеніе строителя церкви и трапезы Выдубицкаго монастыря—Михайла Миклашевскаго и совсѣмъ почти неизвѣстный портретъ Иннокентія Монастырскаго (1684—1692) на стѣнѣ праваго придѣла Кирилловской церкви.

Оставляя въ сторонѣ чисто техническую сторону вопроса, я укажу лишь на нѣкоторыя внѣшнія черты, характеризующія эти произведенія и придающія имъ, помимо искусства, чисто историко-археологическую цѣнность.

Я говорю о массѣ деталей—покроѣ платья, утвари, узорахъ парчи и др. мелочахъ, существующихъ на портретахъ въ видѣ придатковъ, но, какъ матеріалъ, получающихъ вполне самостоятельное значеніе; къ числу ихъ нужно прибавить и гербы изображенныхъ лицъ съ начальными буквами титуловъ или званій. Но помимо портретовъ, южно-русская живопись характеризуется въ высшей степени интересными образцами иконографическаго искусства, представляющими въ большинствѣ случаевъ удивительную смѣсь византійскихъ, западныхъ и чисто мѣстныхъ чертъ. Любовь къ портретности и тутъ сказалась во всей силѣ: сплошь и рядомъ святые мученицы принимали видъ женъ или сестеръ заказчиковъ, или же эти послѣднія, какъ на Западѣ, изображались предстоящими или молящимися Предвѣчной Дѣвѣ въ облакахъ. Самые лики Спасителя и Божьей Матери тоже, вслѣдствіе значительныхъ уклоновъ отъ византійскаго прототипа, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны любителя древняго искусства.

Трудно, да и врядъ ли нужно, подробнѣе останавливаться на всѣхъ вопросахъ, могущихъ возникнуть при изученіи малорусскаго искусства XVI, XVII и начала XVIII вѣка. Набрасывая

этотъ бѣглый очеркъ, я имѣлъ лишь въ виду указать на дѣйстви-
тельно въ высшей степени странное обстоятельство: въ то время
какъ доисторическій и княжескій періоды нашего края разра-
ботаны чуть ли не до мелочей, эпоха, о которой я говорю—
этотъ богатый и пышный расцвѣтъ южно-русской культуры, какъ
въ области мысли, такъ и въ области искусства, почти не
находитъ себѣ изслѣдователя, а уцѣлѣвшіе остатки старины—
заботливой руки, охраняющей ихъ отъ разрушенія. Возбудить
къ нимъ интересъ, котораго они, на мой взглядъ, вполне заслу-
живаютъ—вотъ задача настоящаго очерка.

Е. М. Кузьминъ.

Документы, известія и замѣтки.

Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ? Въ майской книжкѣ «Странника» за текущій годъ г. Марковъ познакомилъ публику съ проектомъ бывшаго генераль-губернатора юго-западнаго края А. П. Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ нашемъ краѣ. Фактъ проведенія генераль-губернаторомъ А. П. Безакомъ этого проекта черезъ законодательныя инстанціи извѣстенъ, конечно, давно, но кто былъ дѣйствительный авторъ его, остается еще въ печати нераскрытымъ. Благодаря тому, что въ упомянутой выше статьѣ г. Маркова приведенъ текстъ проекта, можно теперь не опасаясь сказать, что составителемъ его былъ покойный киевскій протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцевъ. Первымъ доказательствомъ тому служитъ черновая записка, найденная въ бумагахъ П. Г. Лебединцева и сообщенная намъ родственникомъ его о. Іоанномъ Гордіевскимъ. Свѣривъ эту записку съ напечатаннымъ въ «Странникѣ» текстомъ проекта, не трудно видѣть, что проектъ есть дословное воспроизведеніе сохранившейся записки. Кроме того, изъ нѣсколькихъ писемъ Д. Г. Лебединцева къ брату своему, Петру Гавриловичу, несомнѣнность ближайшаго участія послѣдняго въ составленіи этого проекта становится очевидною, и конечно, черезъ генераль-губернатора Безака проведена была по всѣмъ высшимъ инстанціямъ записка составленная П. Г. Лебединцевымъ.

По этому вопросу мы находимъ въ письмахъ Д. Г. Лебединцева къ брату слѣдующія мѣста.

Томъ 71.—Номбрь, 1900.

Ц—1

1) Въ письмѣ отъ 10 фев. 1868 г.

«Спѣшу сообщить тебѣ о ходѣ дѣла по запискѣ Безака объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ. Въ Синодѣ, какъ тебѣ извѣстно, дѣло о гражданскихъ правахъ православнаго духовенства уже производилось, а именно—въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Комитетъ этотъ требовалъ денегъ для улучшенія быта духовенства, но какъ таковыхъ въ государственномъ казначействѣ не очень густо, то комитетъ и притихъ. Записка Безака побудила Синодъ заняться бозотлагательно обсужденіемъ вопроса о гражданскихъ правахъ духовенства; но вопросъ желаютъ теперь рѣшить не для одного юго-западнаго края, а для всей Россіи.

2) Когда дѣло это приняло благопріятный оборотъ, Даниилъ Гавриловичъ писалъ брату:

«Безаку и кому-то другому большое спасибо скажетъ вся Россія, что не дали заснуть этому дѣлу. Въ Синодѣ немного недовольны, что предвосхитили у нихъ честь почина, а я думаю, что безъ записки Безака они едва-ли бы что сдѣлали, такъ-какъ изъ всѣхъ архіереевъ только кіевскій митрополитъ да курскій епископъ заявили, и то довольно робко, объ уничтоженіи сословности духовенства, да еще херсонскій архіерей. Что духовенство наше не было приготовлено къ уничтоженію его сословности, видно изъ того, что въ духовной нашей литературѣ нѣтъ ни одного серьезнаго сочиненія по этому предмету. Такимъ образомъ, въ канцеляріи юрисъ-консульта пришлось писать историко-богословскій трактатъ о началѣ и распространеніи духовной васты и о несогласіи этого учрежденія съ ученіемъ соборовъ греческой церкви и духомъ православія. Можетъ быть, это зависѣло и отъ того, что духовная цензура едва-ли бы пропустила такое сочиненіе».

3) Въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года Д. Г. Лебединцевъ писалъ такъ.

«Наконецъ дѣло объ упраздненіи сословности духовенства прошло и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Говорятъ, что оно принято единогласно, и только одинъ изъ членовъ предложилъ вопросъ—не провозьдетъ-ли черезъ это недостатка въ кандидатахъ для замѣщенія священно-служительскихъ мѣстъ, но, получивъ успокоительный отвѣтъ, согласился съ прочими. Послѣ этого Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, великій князь Константинъ Николаевичъ, сказалъ, что *это третья 19 февраля*. По окончаніи засѣданія нѣкоторые изъ членовъ подходили къ графу Толстому съ поздравленіемъ. *За симъ поздравляю и я тебя*».

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ уничтоженіи сословности духовенства въ юго-западномъ краѣ находится другое дѣло—объ улучшеніи содержанія духовенства въ этомъ краѣ, дѣло, разрѣшившееся въ благопріятномъ смыслѣ немного раньше перваго дѣла (въ 1867 году) и тоже не миновавшее рукъ П. Г. Лебединцева. Тотъ-же родственникъ Лебединцева, о. Іоаннъ Гордіевскій, сообщаетъ намъ слѣдующее:

«6 ноября 1867 года депутаціею почетнѣйшихъ лицъ мѣстнаго (кіевского) духовенства были поднесены и прочтаны благодарственные адреса генераль-губернатору А. П. Безаку за исходатайствованіе имъ средствъ для улучшенія содержанія духовенства. Изъ представителей духовенства никто не зналъ, что среди нихъ находится то лицо, по запискѣ котораго Безакъ исходатайствовалъ прибавку жалованья духовенству. Этимъ лицомъ былъ П. Г. Лебединцевъ. Записка эта читалась въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи Государя-Императора и Безака. Во время чтенія лицо Государя сіяло, а по окончаніи чтенія Государь сказалъ: ты сиялъ, Александръ Павловичъ, большой камень съ юго-западнаго края». У меня имѣлась въ рукахъ собственноручная замѣтка Петра Гавриловича Лебединцева, что эта записка составлена имъ. Онъ до смерти Безака (30 декабря 1868 г.) никому не открывалъ этой тайны и только въ іюнь 1869 года, какъ видно изъ переписки его, въ первый разъ сказалъ объ этомъ своему старшему брату, Арсенію, а потомъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ. Не говорилъ онъ и о томъ, что я случайно узналъ по прочтеніи рукописныхъ его воспоминаній о крестьянскихъ волненіяхъ въ 1855 г., ¹⁾ какъ онъ подалъ записку Безаку объ отмѣнѣ натуральныхъ крестьянскими повинностей въ пользу духовенства, положенныхъ 20 июля 1841 года. 16 января 1867 г. Высочайше повелѣно: повинности эти отмѣнить съ 1 янв. 1868 года и съ того-же времени начать поземельный сборъ въ юго-западномъ краѣ на поддержаніе и возобновленіе церковныхъ домовъ».

Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому. Приводимое ниже письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому относится къ іюню мѣсяцу

---

¹⁾ См. Кіев. Стар., 1900 г. № 7—8.

1856 года, когда Кулишъ, окончивъ составленіе второго тома «Записокъ о южной Руси» во время пребыванія у себя на хуторѣ, вернулся снова въ Петербургъ, гдѣ и занялся подготовленіемъ къ выходу въ свѣтъ «Чорной рады». Въ качествѣ предисловія къ послѣдней Кулишъ, какъ извѣстно, ¹⁾ приготовилъ статью «О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверной», относительно содержанія которой онъ находился въ сомнѣніи. Раньше чѣмъ отдать ее въ печать, онъ разослалъ ее въ рукописи своимъ знакомымъ (В. В. Тарновскому—отцу, М. Грабовскому), съ просьбой подѣлиться съ нимъ по поводу ея своими мыслями. Каковъ былъ отвѣтъ со стороны В. В. Тарновскаго—мы не знаемъ; что же касается Грабовскаго, то онъ, какъ видимъ изъ приводимаго ниже письма, а также знаемъ изъ прежде опубликованныхъ матеріаловъ, ²⁾ обстоятельно отвѣтилъ Кулишу, сдѣлавши свои замѣчанія. Далѣе, изъ даннаго же письма мы видимъ, что предисловіе также было послано и Аксаковымъ, въ Москву, которые нашли, что хотя оно написано хорошо, но вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Отношенія Кулиша къ Аксаковымъ въ это время были самыя лучшія. «Я могу быть пристрастный до Аксакова, котораго *дуже поважаю и люблю*»,—писалъ онъ въ январѣ 1856 г. В. В. Тарновскому—отцу. ³⁾ Съ другой стороны, и Аксаковъ (отецъ) просилъ Кулиша прислать ему «Чорную Радѣ» на русскомъ языкѣ, которую, какъ видимъ изъ письма, Кулишъ собирался лично отвезти Аксаковымъ, въ ихъ деревню, для «Русской Бесѣды», энергичными сотрудниками которой, со времени ея основанія въ 1856 году, явились—сначала Константинъ, а затѣмъ Иванъ Аксаковы. ⁴⁾

Весьма любопытна выраженная Кулишемъ въ письмѣ идея о возникновеніи «звезды до-купы тры народы» (великорусскій, малорусскій и польскій).

¹⁾ Кіевск. Стар. 1896, II, 116.

²⁾ Кіев. Стар. 1898, IV, 358.

³⁾ Кіевск. Стар. 1898, II, 111.

⁴⁾ Переводъ „Чорной Радѣ“ напечатанъ былъ въ „Русской Бесѣдѣ“ въ томъ же 1856 году, вмѣстѣ съ упомянутымъ предисловіемъ, или, точнѣе, послѣсловіемъ, въ виду цензурныхъ затрудненій. Это послѣсловіе Кулишъ, какъ видно, нѣсколько передѣлалъ,—вѣроятно на основаніи указаній, сдѣланныхъ ему его пріятелями, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Кулиши къ В. В. Тарновскому—отцу отъ 24 октября 1856 г.; „не давайте списка (передмовы) никому: въ нему багато сказано не такъ, якъ треба.“ („Кіев. Стар.“ 1898, II, 124)

1856, іюня 12. Спб.

Зрадивъ я дуже, побачивши Вашъ любый мнѣи лыть огь 19 мая. Спасыби Вамъ за увагы, що робыте обь мойй передмовы до Чорной рады. Ще не знаю, чы дозволять выпустыть у свить сю исторію; а передмову я передавъ у Москву Аксаковымъ, и вони кажуть, що гарно напысано, тилько мають щось мнѣи навпротывъ сказаты, а що—не знаю, бо то люде непосылящи, знай бвгають по Москви або у ихъ народъ товчется зъ ранку до вечора, то иль выколы и до стола прысысты, добрымъ словомъ изъ прытелемъ перекынуться. Осъ якъ самъ пойду до ихъ у село, бо вже вырвалысь изъ Москвы на спочывовъ, то тоди й порадымось, що зъ тѣєю передмовою чыныты.

Я и самъ зъ мѣсяць жывъ оце на дачи, чы то-бъ-то по нашому на хутори, да якъ мнѣи нѣка ледарь не докутѣла, то я спорядывъ гарненько другый томъ *Записокъ о Южной Руси* да оце й пославъ у Москву до цензора. Первыи артыкулъ: *Сказки и сказочныкы*; другый: *Разказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ*, съ передмовою и эпилогомъ одъ мене самого, третій: *Универсалъ гетьмана Острянницы съ замъчаніями М. А. Грабовскаго*. (Чы не розгниваетесь?)¹⁾ и съ дополненіями одъ мене самого; четвертый: *Критическій обзоръ источниковъ для исторіи Южной Руси*, да ще де що. Первыи томъ скончытца друкомъ черезъ мѣсяць. Тоди я, вхопывши оберемокъ книжокъ, махну на Вкраину и заразыть, не гаявши часу, прибуду до Васъ у Александровку и попрывожу Вамъ тацю и кошыкъ изъ того мельхиору и всяку всячыну, которон бажали (колы-то все познахожу), бо въ насъ Пушкиныхъ такыхъ липлять, якъ цыганъ, або жыдивъ!

А що пышете, добродію, про *Руську Бесиду*, то повезу самъ до Аксаковыхъ и все те иль вычытаю. Я й самъ изъ нымы часомъ змагаюсь, да, бачте, въ насъ дуже вже прывернулысь до космополи-

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ Юзефовичу (въ янв. 1857 г.) Кулишъ пишетъ: „Бувшы въ Кьивѣ, чытали мы въ паномъ Грабовськымъ универсалъ гетьмана Острянницы и мизкували надъ нимъ—внѣ польскою и шляхетською, а я южно-руською и козацькою головою. Посли мы спысали свое мизкованнѣ на папиръ и тепоръ його цензура, послѣ довоги волокыты, пропусытла. Панъ Грабовськый мого пысаннѣ не знае, а прочытавши (се нехай буде межъ нами), може и внѣ носомъ закругытъ (Кіев. Ст. 1399, мартъ 31.

тыма, то реакція й верне круто; а якъ трошны хрыщений мръ одумается, то все те перемелется—п мука зъ того буде. Тымъ-то, шановный папе, дорого п мени теперь п соби подать якийсь голост, щобъ Москали не дуже бринькалы зъ своею народностью, що стоять наче ты колюча сосна; тилько сердце вяле, на неп дывлячысь, а втпхы зъ неп живій души мало. Тымъ-то добре було бь проявити Руському мырови й польську народность пзъ іп буйною красою, щобъ не дуже забиралысь московскы люде у свои пущо да сныгы, п щобъ усмихнулось прызнымъ смихомъ ихъ облыччя, споглянувши на ридну красу южного чоловіка. *Може зъ часомъ Богъ и pomoже намъ звесты до купы си тры народы*, що ставшы одыпъ до одного спынамы, позырають далеко одъ себе, а не хочуть назадъ озырнуться.

Зрадывъ я ще й того, що Вы не занедбалы своея литерацькон працп. Треба, треба Вамъ докпичаты свое дило, которе распочалы съ такимъ шановнымъ запаломъ! Не вважайте на никчемность газетъ п журналовъ. Ваши труды принесуть багаты корысть разумнымъ людемъ. Осъ уже п въ пасъ скылько одъ Васъ пролылось свиту на историю! А се жъ тилько зоря! Зъ велькою жадобомъ (буду?) дожыдать одъ Васъ потышной звысткы про вашу роботу.—Вашій высокоповажній дружыни пизенько вклопяюсь.

II. Кулищъ.

Мелочи изъ архивозъ юго-западнаго края. 1) 8-ми лѣтній герой. 17 іюля 1837 года, въ полдень, надъ с. Бѣловкою, Клеванской волости Ровенскаго уѣзда (владѣніе кн. Чарторыйскаго), нависла темная грозовая туча. Вырвавшася изъ нея молнія ударила въ уголъ крестьянской избы, гдѣ въ ту минуту находилась дремлющая старуха съ двумя малолѣтними внуками п внучкою. (Изъ прочихъ обитателей двора одни были въ лѣсу, другіе на барщинѣ). Бабку убило на мѣстѣ, а восьмилѣтній Данило Киндысь-Левковъ выскочилъ во дворъ, зывая о помощи. Замѣтивъ, однако, что весь домъ объятъ пламенемъ, и что сосѣди не оставляютъ своихъ дворовъ, озабоченные сохраненіемъ собственнаго имущества, Данило бросился въ огонь п, схва-

тивъ свою трехлѣтнюю сестренку Федосью и двоюроднаго брата грудного младенца Германа, чрезъ вѣсколько мгновеній выскочилъ со своею ношею изъ пламени, на глазахъ остолбенѣвшихъ сосѣдей. Волосы на немъ опаляло, но самъ онъ и спасенныя дѣти остались невредимы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, дозволилъ всемилостивѣйше наградить юнаго героя серебряною медалью на Владимірской лентѣ, для ношенія на груди, съ выдачею единовременно 300 рублей, которые положены на имя Левкова на храненіе.

2) *Янтарь, подобный «бриллианту»*. Въ 1844 году, во время сплава, врестыяннинъ Радомысльскаго уѣзда дер. Церковья, Овнсыяъ Казанюкъ, приѣдъ на плотахъ въ Беатеринославѣ, отправился какъ-то выкупаться въ Днѣпрѣ и половить раковъ; вдругъ увидѣлъ онъ *«яркое свѣтило, отъ коего лучи по поверхности образовали на волнахъ разноцвѣтные блески»*. Нырнувъ, Казанюкъ схватилъ рукою камень, который, якобы, *«разилъ своимъ блескомъ его глаза»*. Находка, спрятанная за пазуху, не ускользнула, однако, отъ вниманія товарищей, пожелавшихъ прежде всего, испытать ея твердость: ее положили на пень и хватили топоромъ. При этомъ, утверждаютъ очевидцы-показатели, — топоръ, —якобы, *«выломался»*, а отъ камня отскочила только *«крошка»*.

Удостоверившись, что находка диковинная, плотовщики стали отнимать ее у Казанюка, который, въ борьбѣ съ товарищами, порвался и сталь похвръывать.

Между тѣмъ, въ Кіевѣ, камень призналъ еускомъ необдѣланнаго *янтаря* и возвращенъ, по принадлежности, спльно разочарованному владѣльцу, почитавшему его за *бриллиантъ!*

3) *Сѣверное сіяніе въ Камень-Подольскомъ*, 1848 г. ноября 5 дня «въ девятомъ часу вечера на сѣврной части неба замѣчено малое облако, снизу освѣщенное и окрашенное. Увеличиваясь въ объемъ, среднюю частію поднялось на значительную высоту надъ горизонтомъ, а нижними концами образовало на небѣ широкій поясъ темнокраснаго облачнаго вида, сквозь который можно было видѣть сіяющія звѣзды. Въ то же время, подъ темнокраснымъ поясомъ, появилось

сіяніе яснозеленаго цвѣта, котораго напряженіе увеличивалось до 11 часовъ вечера. Въ это время весь сѣверъ былъ освѣщенъ яснымъ темнозеленымъ отливомъ, который имѣлъ на малой высотѣ надъ горизонтомъ, прямо противъ сѣвера, самый большій свѣтъ. Отъ этой точки сила освѣщенія терялась и нечувствительно переходила въ цвѣтъ неба. Кромѣ сего замѣчаемы были, по временамъ, на красномъ облачномъ поясѣ свѣтлыя столбы, которые вначалѣ были едва замѣтны, потомъ распярялись и перемѣняли цвѣтъ въ красный, синій и зеленый; затѣмъ они сіяли почти солнечными лучами и, наконецъ, мало по малу теряли блескъ, цвѣтъ, ясность и оставляли послѣ себя кроваво-освѣщенныя облака. Напряженіе краснаго цвѣта въ различныхъ мѣстахъ пояса не вездѣ было одинаково, равно какъ цвѣтъ и ясность столбовъ. Сіе явленіе показывалось то въ восточной части неба, то при зенитѣ, то на западѣ, то, наконецъ, принимало другой порядокъ представленія. Около часу явленіе сѣвернаго сіянія начало терять ясность и вскорѣ совершенно прекратилось»....

Сообщ. Алексѣй Мёрдеръ.

Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши. Напечатанный нами въ № 10-мъ варьянтъ извѣстной Пасхальной вирши, якобы произнесенной запорожцами въ видѣ привѣта Потемкину, вызвалъ сообщеніе въ редакцію В. Ф. Дурдуковскаго о томъ, что онъ, занимаясь въ бібліотекѣ Кіево-Печерской лавры, отыскалъ еще одну, тоже старую, запись этой вирши въ рукописи, состоящей изъ разныхъ статей и относящейся, по его опредѣленію, къ концу XVIII-го или къ первымъ годамъ XIX-го вѣка (рукоп. № 210). Произнесеніе вирши запорожцами въ привѣтъ гетману по этому списку относится въ 1795 году. Сличеніе варьянта, любезно сообщеннаго намъ г. Дурдуковскимъ, съ напечатаннымъ у насъ обнаруживаетъ почти полное тождество, что и придаетъ особую цѣну напечатанному у насъ тексту.

Письмо въ редакцію. Пирятинское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи своемъ 30 сентября с. г. постановило ассигновать на благоустройство могилы Е. П. Гребенки 300 рублей. Въ высшей степени желательно было-бы, чтобы почитатели памяти покойнаго

писатели присоединили и свои добротныя пожертвованія въ ассигнованной земствомъ суммѣ. Тогда общими усиліями дѣйствительно можно бы соорудить памятникъ и ограду вокругъ него, достойные памяти даровитаго труженика пера, а оставшіяся деньги употребить на постановку портрета Е. П. Гребенки въ находящемся какъ разъ рядомъ съ могилой его земскомъ училищѣ и на благоустройство послѣдняго, съ ходатайствомъ передъ земствомъ о наименованіи его «училищемъ имени Е. П. Гребенки».

Удобнѣе всего было-бы направлять пожертвованія въ г. Пирятинъ, Полтавской губ., въ Пирятинскую уѣздную земскую управу, которая и могла-бы присоединить печатный списокъ жертвователей, а также отчетъ объ израсходованіи всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи суммъ на вышеуказанный предметъ, къ своему ежегодному отчету очередному земскому собранію, имѣющему быть въ сентябрѣ будущаго года. Данные отчета могли бы быть опубликованы во всеобщее свѣдѣніе путемъ печати.

Н. В. Стороженко.

Т е к у щ і я и з в ѣ с т і я .

Присужденіе уваровскихъ премій въ академіи наукъ. 25-го сентября происходило торжественное засѣданіе Императорской академіи наукъ, посвященное чтенію отчета о сорокъ второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. Изъ прочтѣннаго академикомъ Н. О. Дубровинимъ отчета видно, что на соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 12 сочиненій и одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса, за непредставленіемъ въ срокъ отзыва рецензента. Между прочимъ присуждены малыя преміи по 500 руб. за слѣдующія сочиненія, касающіяся нашего юга: преподавателю казанской духовной семинаріи *Харламовичу* за трудъ «*Западно-русскія православныя школы 16—18 вѣка*», *Эйнорну*—за сочиненіе «*Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ*», и помощнику завѣдующаго кіевскимъ центральнымъ архивомъ древнихъ актовъ *Каманину* за сочиненіе «*Матеріалы для исторіи южно-русскаго письма въ 15—18 вѣкахъ*».

Малорусскіе народныя спектакли въ Одессѣ. Одесскій особый комитетъ попечительства о народной трезвости особенно шпироко посмoтрѣлъ на свои задачи и принимаетъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы его стремленія, направленные на пользу нашего рабочаго люда, достигли желанной цѣли. Комитетъ избралъ специальную комиссію, на обязанности которой доставлять духовную пищу простому народу. Комиссія составила двѣ драматическія труппы: русскую и малорусскую. На содержаніе этихъ труппъ до Великаго поста ассигновано 5 тыс. руб. Въ теченіе сезона будетъ поставлено 110 пьесъ, по 12 въ мѣсяць; въ недѣлю—три русскихъ и одна малорусская пьесы. (Одесск. Листокъ).

Отдѣлъ имени Н. В. Гоголя. 22 сентября въ Полтавѣ, въ засѣданіи общаго собранія членовъ Полтавской общественной библиотеки, г. Я. К. Имшенецкій доложилъ собранію о желательности учредить при библиотекѣ, въ новомъ зданіи, которое предположено назвать «Гоголевскимъ», отдѣлъ имени Н. В. Гоголя, гдѣ должно быть собрано все, относящееся къ личности и произведеніямъ этого писателя: его портреты, рукописи, переводы его сочиненій, все написанное о немъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и въ заключеніе ходатайствовалъ, чтобы собраніе разрѣшило комитету произвести расходъ на этотъ предметъ въ размѣрѣ 100 р., съ чѣмъ собраніе согласилось. Означенный отдѣлъ предположено открыть въ февралѣ 1902 г., въ день 50-лѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя. (Полт. Губ. Вѣд. № 211).

Предстоящіе выборы въ Галиціи. Въ русинскихъ лагеряхъ чувствуется большое оживленіе. Каждая изъ пяти русинскихъ партій дѣйствуетъ самостоятельно и безъ системы. Исключеніе составляютъ одни національ-демократы, располагающіе самой сильной организаціей, значительными денежными средствами и людьми, дѣйными въ агитаціонномъ отношеніи. Националь-демократы почти вездѣ намѣтили кандидатовъ и намѣрены энергически взяться за дѣло, лишь только будетъ объявленъ срокъ выборовъ. Въ сельской куріи Львова, которая до сихъ поръ выбирала поляка, русины выставили кандидатуру Константина Левицкаго—извѣстнаго національнаго дѣятеля. Го-

раздо больше шансовъ имѣеть, впрочемъ, Ганкевичъ, одинъ изъ вожаковъ русинской социаль-демократіи, который, по слухамъ, будетъ выступать кандидатомъ въ томъ же округѣ. Въ сельской куріи тарнопольскаго округа національ-демократы выставили кандидатуру редактора «Дпла», В. Будзиновскаго; въ этомъ же округѣ выступаетъ кандидатомъ и извѣстный писатель Иванъ Франко, вышедшій изъ національ-демократической партіи, въ составъ правленія которой онъ еще не такъ давно входилъ. Радикалы, очень слабые въ настоящее время, тоже выставляютъ кое-гдѣ свои кандидатуры. Др. Окуневскій, долгое время бывшій единственнымъ представителемъ радикаловъ въ парламентѣ, больше не выступаетъ кандидатомъ.

Выставляютъ свои кандидатуры въ нѣсколькихъ округахъ и старорусины, хотя и безъ надежды на какой-бы то ни было успѣхъ. Кое-гдѣ появляются и самостоятельныя крестьянскія кандидатуры.

По слухамъ, центральное правительство не будетъ оказывать давленіе на исходъ выборовъ, но нельзя заранѣе сказать, какъ отнесутся къ выборамъ галиційскія власти, находящіяся въ рукахъ станчиковъ. Не даромъ клерикальныя нѣмецкія газеты уже теперь каркаютъ, что въ Галиціи «вонечно» потечетъ кровь... («Сѣв. Курьеръ»).

Русинское паломничество въ Римъ. 9 октября отбыла изъ Львова толпа пилигримовъ подъ руководствомъ о. Вилепкаго. Среди участниковъ болѣе всего священниковъ (Чеховичъ, Валецкій, Волошинскій, каноникъ Мельницкій) и крестьянъ. Маршрутъ предположенъ на Стрий, Будапештъ и Фіуме до Рима, оттуда на корабль — до Анконы, а изъ Анконы по желѣзной дорогѣ въ Римъ. По пути число участниковъ возросло до 100 душъ, которые 12 октября были уже въ Фіуме, гдѣ совершали торжественное служеніе по восточному обряду. Мѣстные жители съ любопытствомъ разсматривали пришельцевъ, одѣтыхъ въ кожухи и бараньи шапки, а кто посмѣлѣе — то даже допрашивался до ихъ одежды, чтобы убѣдиться, что шубы ихъ на самомъ дѣлѣ бараньи, а не поддѣлка подъ таковыя. «Серьезнымъ, образцовымъ поведеніемъ пилигримы вызывало удивленіе и почтеніе у гражданъ Фіуме». Для представленія паломниковъ папѣ Льву XIII въ Римѣ остался епископъ Шенцицкій, пріѣхавшій туда для сопровожденія на родину останковъ умершаго бывш. митрополита Львовскаго —

Іосифа Сембратовича. 14 октября паломники прибыли въ Римъ и представлены были папѣ епископами Шептицкимъ и Чеховичемъ. («Gazeta Lwowska» № 248 и «Русланъ», ч. 231 и 234).

Русины въ Америкѣ. 1) *Русины въ Канадѣ*. Среди галицкихъ русиновъ, поселившихся въ Канадѣ, существуетъ три партіи съ тремя газетами и тремя обществами: «русско-народна», «гр.—католическихъ русинів», і «московскихъ ренегатів». Первая имѣетъ газету «Свобода» и организацію «Русско-народный союзъ», къ которому принадлежатъ болѣе 3000 членовъ; вторая—газету «Америк.-Рускій Вѣстникъ» и организацію «Соединеніе» съ количествомъ болѣе 8000 членовъ и третья—съ газетой «Свѣтъ» и организаціей «Взаимопомощь», насчитывающей около 1500 членовъ. «Народно-руска» партія—достаточно сплоченная, поставившая себѣ опредѣленные задачи и цѣли. Вторая партія—распадается на три совершенно противоположныя между собой партіи: 1) Редакція «А.-Р. Вѣстника» 2) партія мадьярскихъ священниковъ-патріотовъ и 3)—темный народъ и тѣ патріоты, которые ни во что не мѣшаютъ и ничего не желаютъ... Третья партія—предводимая свящ. Грушкой, также подраздѣляется на три болѣе мелкія партіи, враждующія между собой. («Буковина», ч. 120).

II. *Русины въ Южной Америкѣ*. Русины Южной Америки, въ Бразиліи, главнымъ образомъ поселились въ Паранѣ, у Прудентополиса, на три четверти заселеннаго имп. Недавно туда выѣхалъ изъ Галиціи монахъ о. Малинакъ, который будетъ издавать въ Прудентополисѣ газету «Бразилійська Русь»; цѣлью ея явится организація тамошнихъ русиновъ противъ вліянія иныхъ народностей. До сихъ поръ между русинскими колоніями въ Паранѣ не существуетъ почти никакой связи, а есть ихъ нѣсколько, гдѣ Русины поселились въ числѣ отъ 5—20 тысячъ. Наибольшіе колоніи—Прудентополисъ и Рио-Бларо, на разстояніи 150 километровъ одна отъ другой, а отъ Атлантическаго океана—500 километровъ («Дѣло»).

Лекціи малорусскаго языка. 7 октября во Львовскомъ Университетѣ началось чтеніе лекцій малорусскаго языка проф. Ильи Кокурудза для тѣхъ лицъ, которые или совсѣмъ не знаютъ этого языка, или знаютъ очень мало. Лекціи предназначаются не только

для слушателей университета, но также и для чиновниковъ, знаніе малорусскаго языка для которыхъ необходимо при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей. (Дѣло, ч. 217).

Дѣятельность общества „Просвіта“ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Филія товариства „Просвіта“ въ Стрыѣ рѣшила устроить еженедѣльные литературные вечера для простого народа. 22 сентября проф. Ів. Вахнянинъ прочелъ «Про передісторичного чоловіка», а о. Ол. Вобикевичъ «Про відроджене Русинівъ в Галичині по прилученю до Австрій»; 6 октября Юліанъ Клита — «Про зваряди людської праці» и Володимиръ Устияновичъ «Про парову машину» („Руслан“, ч. 232).

Состояніе бібліотеки и читальни Наукового Товариства імени Шевченка во Львовѣ. Къ 15 іюля 1900 г. въ бібліотекѣ Наукового Товариства імени Шевченка состояло 4.195 сочиненій въ 7.997 томахъ. Читальня при бібліотекѣ открыта для публики съ начала іюля 1899 г., отъ 2—6 ч. пополудни. Читальню посѣщаютъ преимущественно воспитанники средне-учебныхъ заведеній. Книги выдаются также и на домъ. По постановленію Выдила—съ 19 сентября читальня изъ бібліотеки превращена въ комнату для научныхъ занятій. («Літературно-Науковий Вістник», кн. X).

Народный Домъ въ Стрыѣ, въ Галиціи. Народный Домъ въ Стрыѣ имѣетъ нынѣ 153 члена. На дняхъ окончена постройка самого дома, который съ начала ноября начнетъ функціонировать. Украшеніемъ его служатъ прекрасно исполненные бюсты Котляревскаго, Шевченка, Н. Устияновича, Федьковича и Лисенка, помѣщенные на фронтальной стѣнѣ Народнаго Дома. Кромѣ того, стѣны извѣи и огромный залъ декорированы весьма художественно. (Дѣло, ч. 228).

Галичанинъ — Китаецъ. Тсунгъ-Бо-Бра, наивысшій мандаринъ китайскаго двора, назывался первоначально Иваномъ Боберскимъ и былъ родомъ изъ Галиціи. Очутившись въ 1847 году въ Китаѣ, Боберскій, по рекомендаціи французскаго миссіонера Августина Шамшелена, назначенъ былъ адъютантомъ наслѣдника престола, а

затѣмъ достигъ чина мандарина I класса. Въ 1863 году въ Нанкинѣ составилъ заговоръ, и Теунгъ-Бо-Бра геройски палъ вмѣстѣ съ горстью вѣрныхъ ему союзниковъ. — Семья Боберскихъ происходитъ изъ кодачковой русинской шляхты изъ-подъ Самбора. (Буковина, ч. 119).

Некрологъ. 23-го октября скончался въ Римѣ бывшій митрополитъ Галицкій — Иосифъ Сембратовичъ. Шокобный родился въ 1821 г. Рукоположенный въ санъ священника въ 1841 г. онъ долгое время былъ профессоромъ Богословія во львовскомъ университетѣ. Въ началѣ 1865 г. былъ вызванъ въ Римъ въ качествѣ предсѣдателя гр.-кат. церкви въ Ватиканѣ и въ томъ-же году былъ назначенъ архіепископомъ Нанзіанскимъ. Два года спустя ему была дана въ управленіе аеремышльская епархія, а въ 1870 году 18 мая вступилъ въ управленіе митрополичьей кафедрой, въ каковомъ санѣ и пребывалъ до 1882 г. Въ 1891 г. онъ переселился въ Римъ, откуда уже ему не разрѣшалось выѣзжать. (Руслан, ч. 231).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. т. XXXIII и XXXIV. Львів, 1900 р., книжки I и II.

Первый изъ упомянутыхъ томовъ этого научнаго періодическаго изданія содержитъ всего лишьъ три изслѣдованія: Проф. Михайла Грушевського.— «Бронзовы мечі з Турецького повіту (Галичина)», др. Володимира Охримовича— «Про наголос в українсько—руській мові» (рефератъ, предназначавшійся на кіевскій XI археологическій съѣздъ) и Олександра Коныського— «Варианти на декотрі Шевченкові твори».

Въ первой, коротенькой статейкѣ, г. Грушевскій даетъ описаніе грехъ бронзовыхъ мечей, изъ числа одиннадцати, найденныхъ въ 1899 г. на полѣ с. Комарыкивъ, на верхнемъ Сгрыѣ (на угорской границѣ). Всѣ три меча относятся къ широко распространенному и характерному типу средне-дунайской бронзовой культуры, ея позднѣйшаго періода, именно—эпохи расцвѣта, котораго она достигла особенно на варнатскомъ подгорьѣ.

Вторая статья— «*Про наголос в українсько-руській мові*» (стр. 1—64) представляетъ интересное изслѣдованіе въ области изученія украинскаго языка съ формальной его стороны, изслѣдованіе тѣмъ болѣе цѣнное и практически важное, что эта область донинѣ не можетъ считаться въ достаточной степени разработанной и даже разрабатываемой.¹⁾ Авторъ упомянутой статьи поставилъ своей зада-

¹⁾ Въ частности же, въ отношеніи акцентологій,—до сихъ поръ нивѣмъ не было высказано общей теоріи ея не только по отношенію къ украинско-русскому языку, но даже и по отношенію къ семьѣ всѣхъ славянскихъ языковъ,

чей опредѣлить, отъ какихъ именно причинъ зависитъ мѣсто ударенія въ украинскомъ словѣ. Матеріаломъ для его работы послужили главнымъ образомъ его собственныя наблюденія, а также, въ меньшей степени, наблюденія другихъ изслѣдователей, занимавшихся вопросами акцентологій, какъ-то: д—ра Кл. Ганкевича, проф. Івана Верхратскаго, І. Гауша и д—ра Ом. Огоновскаго. Методъ его изслѣдованія—вполнѣ индуктивный: онъ сравниваетъ между собою различныя слова, имѣющія одинаковое удареніе, и замѣчаетъ, что общаго между этими словами; съ другой стороны, сравнивая сходныя слова, имѣющія различное удареніе, подмѣчаетъ, чѣмъ эти слова разнятся между собой. Такимъ путемъ авторъ приходитъ къ отысканію причины сходства или различія ударенія въ различныхъ словахъ. Провѣдя множество наблюденій надъ акцентомъ въ самыхъ разнородныхъ группахъ словъ, онъ признаетъ существованіе тѣсной связи между удареніемъ и значеніемъ словъ, и приходитъ къ тому выводу, что въ украинско-русскихъ словахъ удареніе падаетъ или на коренной слогъ, или на суффиксъ, или на префиксъ, въ зависимости отъ того, который изъ упомянутыхъ элементовъ оказываетъ наибольшее вліяніе на значеніе даннаго слова; то-есть, въ украинско-русскомъ словѣ удареніе имѣетъ та часть, какая по отношенію къ данному значенію слова имѣетъ наибольшее значеніе и силу. Это основное положеніе свое онъ поясняетъ массой примѣровъ, анализируя въ различныхъ группахъ словъ ихъ значеніе въ связи съ ихъ удареніемъ.

Признавая за авторомъ крупныя заслуги въ созданіи цѣльной теоріи ударенія въ украинско-русскомъ языкѣ и въ установленіи новыхъ, болѣе мелкихъ, правилъ въ этой области, вполнѣ заслуживающихъ серьезной критики со стороны ученыхъ лингвистовъ, считаемъ необходимымъ однако сказать, что едва-ли возможно безграничное довѣріе акцентуаціи въ словарю Желеховського, служившему автору, повидному, однимъ изъ крупныхъ пособій въ его изслѣдованіи.

Не меньшей интересъ представляетъ статья г. Конисскаго «*Варьянти на декорі Шевченкові твори*». Автору посчастливилось найти среди бумагъ одного изъ оставшихся еще въ живыхъ пріятелей Тараса Григорьевича (Л. М. Жемчужникова)—три переписанныхъ рукописи, въ форматѣ книжекъ, написанныя каждая различнымъ почеркомъ, съ нѣкоторыми поправками и добавленіями, сдѣланными несомнѣнно самимъ Шевченкомъ. По словамъ г. Конисскаго—рукописи эти, безъ сомнѣнія, переписаны подъ наблюденіемъ автора и перепис-

саны съ оригиналовъ, но не для того, чтобы подавать ихъ въ цензуру Подъ многими произведеніями, какія казались хоть немного «нескронными», подписано рукою перписчика «Стихотвореніе это въ оригиналѣ зачеркнуто». Кроме того, г. Конисскому О. Я. Кухаренко (сынъ Якова Герасимовича) любезно прислалъ письма Шевченка къ его отцу, въ которыхъ оказались поэмы: «Москалева Крыница» и «Чернецъ» и стихотвореніе «Вечирь». По сравненіи этихъ произведеній съ печатными, оказалось, что они представляютъ значительныя отступленія отъ первыхъ. Въ настоящей статьѣ (еще не оконченной) г. Конисскій помѣстятъ варианты къ произведеніямъ: «Чернецъ», «Москалева Крыница», «Княжна», «Неофиты», «Русалка», «Лилія» и «Петрусь», варианты, представляющіе настолько большой интересъ, что мы считаемъ необходимымъ ознакомить съ ними читателей специально, въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины“.

Во второмъ, разсматриваемомъ нами, томѣ «Записокъ» (XXХIV) въ первый отдѣлъ вошли два крупныя изслѣдованія: проф. Михайла Грушевського «*Сторінка з історії сільського духовенства (по самбірскимъ актамъ XVI в.)*» (стр. 1—82) и Юліяна Романчука «*Де-які причинки до поправнішого видання поезій Тараса Шевченка*» (стр. 1—32).

Первое изслѣдованіе, предназначавшееся для доклада на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, касается любопытнаго, но крайне мало изслѣдованнаго вопроса въ нашей исторіи—вопроса о сельскомъ духовенствѣ, главнымъ образомъ, о его экономическомъ и юридическомъ положеніи. Почтенный авторъ, занимаясь два года тому назадъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи, подобралъ богатую коллекцію, содержащую LXVII документовъ о сельскихъ церквахъ и духовенствѣ въ Самборщинѣ въ 20—40-хъ гг. XVI ст. (Сборникъ грамотъ въ Самборскомъ инвентарѣ 1568 г.—въ Литовской Метрицѣ, т. IV, кн. 22). Это было время интенсивной колонизаціи въ Самборщинѣ, по инициативѣ правительства, почему и упомянутые документы даютъ главнымъ образомъ отвѣтъ на такіе вопросы, какъ время и обстоятельства основанія новыхъ церквей и парафій, количество донацій, условія, на которыхъ священники или кандидаты на этотъ савъ получали эти новыя и всмія вообще парафіи, и порядокъ передачи послѣднихъ изъ рукъ въ руки и т. п. Какъ самые документы, такъ и предпосланное имъ изслѣдованіе представляютъ не только мѣстный интересъ, но могутъ служить цѣн-

Томъ 71. — Ноябрь, 1900.

нымъ подспорьемъ при изученіи быта сельскаго духовенства въ смежной Украинѣ въ современную упомянутымъ документамъ эпоху.

Наконецъ, въ послѣдней статьѣ (г. Романчука) — авторъ имѣетъ въ виду указать значительныя погрѣшности въ изданіяхъ Кобзаря Шевченка, какъ-то: ошибки корректурныя, пропуски (отсутствіе цѣлыхъ произведеній), вставка не принадлежащихъ Шевченку произведеній, неправильное размѣщеніе ихъ. Авторъ не думалъ дать полной и всесторонней изданій оцѣнки поэтическихъ произведеній Шевченка; онъ не прочелъ всего даже «Кобзаря», — онъ указываетъ лишь тѣ неправильности, какія попались ему на глаза при чтеніи различныхъ изданій и на которыя никто не обратилъ до сихъ поръ вниманія. Упомянувъ вкратцѣ о распредѣленіи «Кобзаря» и о неавтентичныхъ произведеніяхъ Шевченка, авторъ главнымъ образомъ останавливается на погрѣшностяхъ текста, которыя слѣдуетъ исправить — погрѣшностяхъ со стороны правописанія, пунктуации и формы, а также предлагаетъ не мало поправокъ и дополненій къ тексту (къ обоимъ томамъ). Несомнѣнно, очень многія, высказанныя авторомъ соображенія, заслуживаютъ полного вниманія, хотя далеко нельзя сказать этого обо всѣхъ..... Тѣмъ не менѣе, всякому, кому дорого возстановленіе истиннаго текста произведеній незабвеннаго нашего поэта, рекомендуемъ обязательно ознакомиться со статьей г. Романчука.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» въ обѣихъ томахъ помѣщены: «Замітка про гетьмана Сагайдачного» О. Щуровського (см. Кіев. Стар. 1900 г. май, отдѣлъ II: «Какъ звали гетьмана Бородавку»), «Якъ австрійський урядъ заінересувався бувъ Бойками», «Петиція до митрополита і полемика з-за неї» (относящаяся къ 1849 году). «Про збірникъ пісень Бодяньского», приписываемый О. М. Бодяньскому, на самомъ же дѣлѣ принадлежащій Федору Бодяньскому, свояку перваго; «До історіи вірші на Україні» — напечатаны вірші, записанныя въ Липовецк. у., Кіевск. губ.: «Про Адамів гріхъ», «Щазникъ въ селі Черемиськімъ»; некрологи Петра Лашкарева и Митрофана Дикарева. Крімъ того, въ отдѣлахъ «Наукова хроніка» и «Бібліографія» удѣлено очень много мѣста весьма обстоятельному обзору западно-европейской литературы по всемірній історіи и історіи литературы и искусства (глава IV. Новое время), обзору періодическихъ изданій, украинскихъ и другихъ (за 1898 и 1899 годы) и въ особенности обстоятельному и цѣнному

разбору огромнаго количества книгъ и изданій, касающихся области нашего изслѣдованія.

В. Д.

Петръ Гильтебрантъ (Рязанскій): Гедѣонъ Балабанъ и его три книги. Спб. 1900.

Въ настоящее время Императорская археографическая комиссія занавчиваетъ печатаньемъ третью книгу «Памятниковъ полемиической литературы въ Западной Руси». Первое примѣчаніе къ содержанію этой книги вышло въ настоящее время отдѣльнымъ оттискомъ въ виду своей цѣльности и большого (для примѣчанія конечно) объема. Оно принадлежитъ перу опытнаго библиографа и знатока древнихъ западно-русскихъ печатныхъ книгъ, П. А. Гильтенбрандта. Имъ напечатаны: «Матеріалы для западно-русской старопечати». («Памятники рус. старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи» подъ редакціей П. Н. Батюшкова, вып. VI, стр. 140—160); «Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русскихъ старопечатныхъ изданій церковно-славянск. шрифта» (ibid, стр. 171—193), и «По поводу разбора г. Вержбовскимъ статьи г. Головацкаго: «Sweipolt Fiol und seine Kiril—Buchdrückerie in Кракаи» (Древн. и Нов. Россія, 1880 г. № 2.) Названный выше трудъ г. Гильтебрандта имѣетъ предметомъ изслѣдованія опредѣленіе отношенія львовскаго епископа Гедѣона Балабана къ новому въ то время дѣлу заведенія типографій съ цѣлью болѣе быстро распространенія богослужебныхъ книгъ, какъ предметовъ самой первой необходимости въ религіозно-церковной жизни общества въ тяжкую пору возникновенія уніи въ концѣ XVI и началѣ XVII-го вѣка. Дѣло это не было въ ту пору такимъ выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ, какимъ является оно теперь, а напротивъ—безкорыстной жертвой и службой на пользу отечественнаго просвѣщенія; оттого заведеніе типографій дѣлается или наиболѣе горячими общественными дѣятелями, не щадящими своихъ личныхъ средствъ ради общаго интереса, какимъ былъ и Гедѣонъ Балабанъ, или богатыми монастырями, имѣющими возможность вынести расходъ на печатаніе книгъ, или такими религіозно-просвѣтительными учрежденіями, какими являлись тогда братства наиболѣе важныхъ въ церковномъ отношеніи городовъ, ведшихъ упорную борьбу со сторонниками единенія русской церкви съ

римской и врагами православія. Печатаніе богослужебныхъ книгъ для нуждъ православнаго населенія Рѣчи посполитой и полемиическихъ сочиненій противъ своихъ противниковъ было однимъ изъ могучихъ орудій въ борьбѣ за вѣру и составляло великую заслугу тѣхъ общественныхъ дѣателей, которые владѣли этими орудіями. Съ этой точки зрѣнія смотрять на дѣятельность Гедеона Балабана и достопочтенный авторъ въ краткомъ біографическомъ очеркѣ знаменитаго львовскаго епископа, относясь къ нему безуристрастно и находя, что во вторую половину его дѣятельности заслуги его для православія и русскаго народа вполне покрываютъ ошибки и проступки первой половины. Нельзя не согласиться, что дѣятельность Гедеона Балабана до сихъ поръ не оцѣнена еще въ достаточной степени полно, и потому авторъ для выясненія значенія его дѣятельности ставитъ цѣлью своего бібліографическаго изслѣдованія издательскую дѣятельность Балабана, ради которой были основаны имъ на собственные средства типографія Стритинская и Крылоская, при ближайшемъ содѣйствіи его племянника Федора Юрьевича. Въ Стритинской типографіи напечатаны только двѣ книги.: въ 1604 г.—служебникъ и въ 1609 г.—Требникъ; въ томъ же году въ Крылоской типографіи имъ напечатано «Евангеліе учительное». Г. П. Гильтебрандтъ подробно разсматриваетъ сначала внѣшнюю сторону, а потомъ и содержаніе этихъ книгъ. Описывая первую, онъ различаетъ размѣры шрифта, киноваръ, дефисы, начинацію, рисунки, вязь, рамки, гербы, заставки, начальныя и заключительныя украшенія и рисуночныя буквы; при этомъ авторъ даетъ снимки въ нормальную величину выходныхъ листовъ и шрифтовъ. При изложеніи содержанія авторъ описываетъ гербъ Балабаиновъ и сравниваетъ его съ нѣкоторыми описаніями; предисловіе авторъ приводитъ цѣликомъ и затѣмъ подвергаетъ разбору заключающіяся въ немъ историч. данныя. Далѣе авторъ выписываетъ заглавія входящихъ въ составъ книги статей, приводитъ начальныя и конечныя слова ихъ; подъ каждой статьёй указываются ея отличія отъ такихъ-же статей болѣе позднихъ изданій; послѣловія также печатаются цѣликомъ и въ свою очередь разбираются со стороны фактовъ; наконецъ, помѣщается перечень опечатокъ. Описаніе старинныхъ книгъ по этой подробной программѣ примѣняется къ дѣлу у насъ впервые; до сихъ же поръ этой программы держались только при описаніи рукоисей, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ; такъ напр., отличія или сходство описываемаго памятника съ другими ему по-

добными позднѣйшими или даже современными, до сихъ поръ не указывались. И хотя такую подробную и всеобъемлющую опись книгъ авторъ мотивируетъ важностью этихъ трехъ Балабановскихъ изданій, но въ библиотечной и библиографической практикѣ давно уже чувствуется нужда именно въ такого рода описаніяхъ. Представимъ примѣръ: мы встрѣчаемъ старопечатную книгу. Изъ общаго числа страницъ ея уцѣлѣли лишь срединныя, остальныя—въ началѣ и концѣ книги—исчезли безъ слѣда. Какъ опредѣлить заглавіе книги, время и мѣсто напечатанія? При старыхъ библиографическихъ описаніяхъ можно было опредѣлить лишь гадательно; при такомъ же библиографическомъ описаніи, какое даетъ уважаемый авторъ опредѣлить по уцѣлѣвшей части цѣлое можно положительно и безошибочно. Разсмотрѣнная нами книга открываетъ громадное поле для работъ библиографовъ. Желаетъ отъ души, чтобы у П. А. Гильтебрандта нашлись продолжатели и послѣдователи.

И. Каманинъ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 5. Киевъ, 1900.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Ежегодникъ и въ 1900 г. состоитъ изъ 2-хъ частей, официальной, гдѣ помѣщены некрологи, отчетъ и актовая рѣчь, и неофициальной, раздѣляющейся, въ свою очередь, на три части: 1) Труды преподавателей, 2) Матеріалы для исторіи коллегіи и біографіи Г. П. Галагана, и 3) Приложевія. Украшенъ Ежегодникъ портретомъ К. Н. Ламсдорфъ-Галагана и тремя рисунками видовъ и построекъ въ имѣніяхъ коллегіи.

Что касается отчета, то изъ него видно, что воспитанниковъ въ коллегіи 80; число это предполагается увеличить до 100, «значительно расширивъ помѣщеніе заведенія». Тогда же общаетъ отчетъ внести изученіе естествознанія. Вообще отчетъ сулитъ, при расширеніи помѣщенія, улучшеніе преподаванія физики, химіи, искусствъ и устройства образцовыхъ библиотечекъ, благодаря чему можно упорядочить внѣклассное чтеніе воспитанниковъ».

Изъ дѣятельности правленія пріятною новинкою является докладъ директора о ходатайствѣ, «чтобы была возвращена фактическая, сила тому § устава коллегіи, въ силу котораго греч. яз. преподается

въ коллегіи только для желающихъ». Доходы коллегіи за 1899 г. опредѣляются въ 129243 р. 75 к., а расходы въ 68125 р. 45 к., причемъ приходъ составляется изъ доходовъ съ имѣній коллегіи (115419) и платы за содержаніе своекоштныхъ восп., при чемъ содержаніе каждаго воспитанника ежегодно опредѣляется около 840 р. Къ отчету приложена замѣтка и положеніе о степендіи имени покойныхъ учредителей. Съ 1890 г. среди бывшихъ коллегіатовъ явилась мысль объ увѣковѣченіи памяти учредителя коллегіи; сложился комитетъ, разослано циркулярное письмо ко всѣмъ товарищамъ, и на этотъ зовъ откликнулось изъ 526 б. коллегіатовъ 68, внесшихъ менѣе 100 р. каждый, 19 лицъ—100 р. и болѣе, а 7 лицъ заявили желаніе сдѣлать взносъ; собрано всего 5300 р., изъ процентовъ съ которыхъ и получаетъ ежегодно стипендію одинъ изъ б. воспитанниковъ.

Въ отдѣлѣ неоф. помѣщены три статьи:

- а) Вукъ Караджичъ и его школа, Степовича.
- 2) Максимъ Горькій и его сочиненія, Г. Александровскаго.
- 3) Учебный отдѣлъ на Парижской выставкѣ, З. Архимовича.

Особенный интересъ представляетъ ст. г. Архимовича, какъ касающаяся учебнаго дѣла въ Россіи. Мы узнаемъ, что $\%$ грамотныхъ новобранцевъ въ Кіев. губ. колеблется отъ 30—35 $\%$, тогда какъ, напримѣръ, въ Ярославской—85 $\%$. Всѣхъ народныхъ школъ на Руси въ 1832 г. было 1203 съ 68846 учащимися, а въ 1898 г.—министерскихъ школъ 37046 съ 26500058 учен. и съ 84121 преподавателей, и сверхъ того, въ другихъ министерствахъ числилось 41635 училищъ съ 1553188 учащихся и 70531 учащихся.

Расходы на народныя школы распределяются такъ: земство даетъ 21,8 $\%$, госуд. казначество 21,3 $\%$, сельскія общества 18 $\%$, городскія 13,5 $\%$ и частныя пожертвованія 12,9 $\%$. Наибольшее число грамотныхъ новобранцевъ въ Кіевск. округѣ приходится на черниговскую (48,4 $\%$) и подтавскую (47,5 $\%$), т. е. на земскія губерніи, а въ Кіевской (37,8 $\%$), подольской (31,2 $\%$) и волынской (28,4 $\%$), т. е. въ неzemскихъ губерніяхъ оно равняется въ среднемъ 32,7 $\%$.

Авторъ подробно останавливается на экспонатахъ нижегородскаго земства, г. Нижняго и вятскаго земства, а также на воскресной школѣ Алчевской. Статья г. Архимовича представляетъ очень интересныя матеріалы, и можно только пожалѣть, что она появилась въ спеціальномъ и малораспространенномъ изданіи.

Въ отдѣлѣ III (Матеріалы для исторіи Коллег. Павла Галагана) на первомъ мѣстѣ поставленъ «Отрывокъ изъ воспоминаній покойнаго Поч. Почечителя Коллегіи гр. К. Н. Ламсдорфа-Галагана». Чтеніе этого отрывка невольно вызываетъ нѣкоторыя поправки и дополненія, которыя слѣдовало-бы сдѣлать отъ лица, редактировавшаго «Ежегодникъ». Дѣло въ томъ, что въ 1879 г., послѣ ухода изъ коллегіи директора Н. М. Шульженка, покойный учредитель К. въ ирисканія новаго директора остановился на извѣстномъ всему кievск. учебн. округу педагогѣ и администраторѣ М. А. Туловѣ. У послѣдняго были свои счеты съ тогдашнимъ министромъ просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ, а потому его кандидатура и была отклонена съ заявленіемъ — «кого угодно», но не Тулова. Такова суть дѣла. Между тѣмъ графъ Ламсдорфъ узнавши отъ Гр. Пав., что нѣтъ отвѣта изъ министерства по поводу представленія Тулова, тайкомъ отъ Гр. П. ѣдетъ въ имѣніе гр. Толстаго, но получаетъ отвѣтъ «кого угодно», но не Тулова. Съ тѣмъ графъ и уѣхалъ, любезно простившись съ хозяевами. Отдавая — со словъ Гр. Пав. — должное Тулову, графъ добавляетъ, что всѣ были убѣждены въ его назначеніи, что самъ Туловъ былъ въ томъ увѣренъ, такъ какъ «счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру». Дѣло было и такъ, и не такъ. М. А. Туловъ долго келебался не только на счетъ квартиры, но и на счетъ своего устроенія въ Коллегіи, и. ч. помнилъ свои отношенія къ гр. Толстому, и только настойчивыя увѣренія заставили его позабыть свое открытое письмо гр. Толстому. Эту поправку необходимо сдѣлать изъ уваженія къ памяти покойнаго М. А. Тулова, который, по словамъ «Отрывка изъ воспоминаній гр. Ламсдорфа-Галагана», будто бы самъ счелъ нужнымъ занять въ коллегіи директорскую квартиру. Рассказывая дальше о представленіи въ директора коллегіи И. И. Ничипоренка, графъ добавляетъ, что Гр. П. слышалъ съ представленіемъ, такъ какъ Кол. «давно уже оставалась безъ директора, и дальнѣйшее промедленіе въ этомъ дѣлѣ могло грозить большими неудобствами и даже опасностями для ея жизни». Не говорить графъ точнѣе объ этихъ опасностяхъ, а намъ не приходилось о нихъ слышать. Между тѣмъ, въ дѣлахъ Кол. есть распоряженіе почечителя Антоновича о томъ, чтобы до ирисканія новаго директора коллегіею правилъ бывшій директоръ Шульженко, который ежедневно и бывалъ въ коллегіи, давая ей тонъ и направленіе. Вкравшіяся не-точности выраженій въ воспоминаніяхъ графа, несправленные редакторомъ, и тутъ набрасываютъ какую-то тѣнь не только на заведе-

ніе, но и на тѣхъ лицѣ, которыя отдавали коллегіи всѣ свои силы и здоровье. Особенно-же дѣло о назначеніи Тулова директоромъ К. настолько личное со стороны гр. Толстого, что приходится только удивляться той своеобразности, съ какою оно разрѣшилось, и о немъ слѣдуетъ говорить или со всѣми деталями, или—при невозможности или несвоевременности—лучше до поры до времени умолчать.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено нѣсколько писемъ Петра Гр. Галагана, историка Марковича и одно—И. С. Авсакова къ Григ. Пав. Однородныя письма помѣщались на страницахъ нашего журнала и рисуютъ родныхъ и друзей Гр. П., а также ту среду, которая его окружала.

Ежегодникъ оканчивается переводною статьею воев. Петрушевскаго «Янъ Жишка», подъ редакціей составителя Ежегодника.

Н. Ш.

Краткій историческій очеркъ Кіевской губернской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. (*Кіевъ, 1899 г.*) Стр. 70. 2 снимка, 17 фототипій.

27 іюля 1899 г. исполнилось столѣтіе со дня открытія Кіевской губернской типографіи, и книга, заглавіе которой выписано выше, является изданіемъ юбилейнымъ.

Кіевская губернская типографія, согласно общему указу 1775 г., возникла «во облегченіе излишняго привазнослужителямъ затрудненія, а наче къ постепеннѣйшему восполненію налагаемыхъ по входящимъ документамъ резолюцій».

Анонимный составитель настоящей книги задался цѣлью освѣтить судьбы кіевской типографіи въ связи съ общей характеристикой эпохъ, администраторовъ и лицъ, ближайшимъ образомъ стоявшихъ у дѣла. Поэтому въ книгѣ находимъ статистико-техническія данныя, общія историческія соображенія и историко-біографическіе этюды.

Основана типографія въ 1799 г. при губернаторѣ Коробкинѣ, «проявлявшемъ плодотворную дѣятельность въ другомъ направленіи: ¹⁾

¹⁾ О предмѣстникѣ Коробкина Милешевичѣ сообщается, что онъ предпринялъ вывезти навозъ въ провалѣ около Кіево-печерской вѣрности.

ябедническимъ жалобамъ онъ не всегда придавалъ значеніе и признавалъ бездѣтельными тѣхъ, на которыхъ не получалось жалобъ. При немъ куплена въ Махновкѣ у Тадеуша Дерича типографія и перевезена въ Кіевъ. Печатались сперва лишь афиши и служебныя бумаги; къ апрѣлю 1806 г. типографія имѣла чистаго дохода 415 р. Вскорѣ машины и шрифты обветшали. Митрополитъ не дозволялъ отлить новые шрифты въ кіево-печерской словолитнѣ. Попробовали въ 1805 г. отыскать Дерича въ Махновкѣ, чтобы помочь бѣдѣ, но Деричъ уже умеръ. Московскій купецъ Селезневъ поставилъ въ 1806 г. 20 пудовъ литеръ на 900 рублей, впрочемъ изъ той-же Махновки Бердичевского уѣзда. Въ 1805 г. въ типографіи работали три мастера, три помощника и переплетчикъ съ ученикомъ, получавшіе вознагражденія 127 руб. 6 к. ассигнаціями (въ мѣсяцъ).

Періодъ 1812—1839 г. «не ознаменовался ничѣмъ выдающимся». Работы производились на одной машинѣ простѣйшей конструвціи и двухъ станкахъ. Шрифты испортились и лишь въ 1815 г. заготовлено до 30 пудовъ новыхъ литеръ чрезъ Московскаго купца Селивановскаго. Отчетовъ о доходахъ не сохранилось. Въ 1837 г. потребовалось въ старомъ станкѣ «сдѣлать новый деколь и сковать голову двумя длинными желѣзными гвинтами». Въ 1839 г. въ типографіи работало уже 13 человекъ, жалованья получали 175 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Съ 1836 г. въ типографіи началось печатаніе періодическаго органа подъ заглавіемъ «Кіевскихъ Объявленій», подъ редакціей начальника отдѣленія Данилевскаго, съ подписной цѣной въ 2 рубля. Помѣщались свѣдѣнія о продажѣ имѣній, домовъ, о наймѣ квартиръ, концертахъ, театрахъ, курсахъ на золото и серебро. Въ разрѣшеніи на изданіе этого органа было оговорено, чтобы въ «Объявленіяхъ» не имѣли мѣста статьи «оскорбительнаго содержанія и противныя закону». «Но—повѣствуетъ авторъ—вслѣдъ за жизнью идетъ законодательство, санкціонируя и регулируя то, на чемъ уже остановилась нормально текущая жизнь. Эта общая мысль невольно напрашивается подъ перо по поводу судьбы «Кіевскихъ Объявленій». Не прошло и двухъ лѣтъ со времени разрѣшенія этого изданія, какъ законодательное развитіе губернскихъ учреждений 1775 года, выразившееся въ законѣ 3 іюня 1837 г., косвеннымъ образомъ рѣшило участь «Кіевскихъ Объявленій», вмѣсто которыхъ слѣдовало издавать „Кіевскія Губернскія Вѣдомости“... «Такимъ образомъ, прогрессъ жизни вы-

вель губернскую типографію изъ оцѣненія, въ которомъ она пребывала 35 лѣтъ, лѣниво печатая на ломаныхъ станкахъ свои бланки и циркуляры». Въ неофициальной части губернскихъ Вѣдомостей печатались извѣстія о базарныхъ цѣнахъ и предстоящихъ ярмаркахъ, лоттерейхъ, о лицахъ прибывшихъ и выбывшихъ, о происшествіяхъ и частныхъ объявленіяхъ. «Заглядывая въ справочныя цѣны, пріятно видѣть, что въ то время были цѣны: за фунтъ говядины 1 коп., фунтъ рыбы 2 коп. и сажень дровъ 5 р. 5 к.»

Въ 1839 г. губернаторомъ назначенъ Фундуклей, которому нашъ авторъ приписываетъ «собственноручное составленіе» научнаго описанія Киевской губерніи, забывая, что этотъ почтенный трудъ принадлежитъ извѣстному статистиву Журавскому. Фундуклей, по словамъ автора, описалъ между прочимъ бытъ, одежду и пищу народа, «которую самъ испробовалъ»; заполнилъ пустующіе хлѣбозапасныя магазины. Въ неофициальной части «Губ. Вѣд.» стали появляться научныя статьи: о вліяніи погоды, о прививкѣ оспы и даже о наводненіи 25 мая 1839 г. (статья о наводненіи перепечатана цѣликомъ на стр. 20—22, очевидно, какъ явленіе замѣчательное въ тогдашней губернской литературѣ).

Періодъ 1840—1885 г. начинается разсказомъ о происхожденіи киевскаго герба, при чемъ первый киевскій митрополитъ ошибочно названъ Михайломъ. Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей» иногда «вводитъ своихъ читателей въ область политическихъ идей и въ этой сферѣ проявляетъ глубокое патріотическое направленіе». Такъ, напр. въ № 47 за 1845 г., авторъ неофициальной статьи, описавъ значеніе Россіи въ Европѣ, говоритъ: „Заслоняя собою Европу отъ Азіи, Россія служитъ какъ-бы звеномъ между этими двумя частями міра и проводникомъ истиннаго свѣта въ Азію“... Образованъ въ губернскомъ правленіи газетный столъ, но начальниками стола бывали люди безъ образованія, и для неофициальной части пришлось приглашать вольнонаемныхъ редакторовъ, не состоящихъ въ штатѣ губернскаго правленія. До половины 50-хъ годовъ типографія находилась въ Липкахъ, а губернское правленіе рядомъ съ Андреевской церковью. Въ 1858—1865 и 1875 г. приобрѣтены три скорочечатныя машины. Ко дню юбилея въ типографіи работали два наборщика, начавшіе службу въ 1862 и 1864 гг. Авторъ удивляется ихъ выносливости, ибо наборщики, работая 10—14 часовъ въ сутки, «подвергаются расслабленію органовъ кровообращенія; сердца ихъ и пищева-

рительные органы дѣйствуютъ слабо и неправильно, а отсутствіе другихъ занятій способствуетъ ослабленію функцій мыслительныхъ»; бѣдность и необезпеченность вызываетъ горе, безнадежность и апатію ко всему; обыкновенно, рабочіе (кіевской губернской типографіи?) кончаютъ жизнь въ крайней нуждѣ, не доживая и 45 лѣтъ (стр. 26). Съ переводомъ въ присутственныя мѣста, подъ типографію отведенъ подвалъ, гдѣ она оставалась и къ юбилейному торжеству.

Кромѣ губ. вѣдомостей, типографія печатала «Кіевскій телеграфъ», «Воскресное Чтеніе», «Труды Кіев. Дух. Академіи». Завѣдывали типографіей все время люди малосвѣдущіе въ техническомъ и коммерческомъ дѣлѣ, изъ лучшихъ чиновъ канцеляріи губернскаго правленія. Лишь одинъ чиновникъ, Осиповъ (1865—1874), обнаружилъ энергію и познанія, но запуталъ счетоводство и застрѣлился, благодаря завистничеству въ успѣхѣхъ и злой клеветѣ, «тому постоянному орудію канцелярской тли». Устроенная Осиповымъ словолитня, за отсутствіемъ знающаго дѣло человѣка, сама собою уразднчилась. «Такъ вихрь зависти направляется лишь на тѣхъ, кто стоитъ выше посредственности, и проносится надъ ничтожествомъ, не касаясь его».

Въ 1864 г. часть типографіи (1 становъ съ наборщикомъ) была перевезена въ канцелярію губернатора Казнакова для сокращенія переписки, въ виду тревожныхъ событій въ краѣ. Въ 1871 г. утверждена такса за печатаніе казенныхъ объявленій. Съ 1862 г. Губ. Вѣдомости выходили, вмѣсто одного, три раза въ недѣлю, но это не увеличило доходовъ типографіи. Въ 1882 г. дефицитъ по этому изданію вычисленъ въ 2586 р. Поэтому повышена годовая плата, и оригинально: губернскія и уѣздныя учрежденія платили и платятъ по 3 р., а волостныя правленія, мѣщанская и ремесленныя управы по 8 р.! Какъ бы то ни было, въ 1840 г. типографія имѣла дохода 1438 р., а въ 1880 г. 28.286 р., т. е. почти въ 20 разъ болѣе. Съ 1857 г. значительная часть доходовъ типографіи отчислялась въ пособіе на содержаніе губернскаго правленія, но въ какомъ именно размѣрѣ—изъ книги не видно, о чемъ должно пожалѣть: кажется, можно сказать безошибочно, что здѣсь именно кроется основная причина печальной постановки типографіи, какъ правительственнаго учрежденія, которое, кромѣ прямой своей задачи, служитъ для затыканія дыръ въ бюджетѣ губернскаго правленія и статистическаго комитета и потому не можетъ принять серьезныхъ мѣръ для улучшенія быта типографскихъ служащихъ.

Періоду 1885—1894 г. посвящена пятая, самая обширная и живописная, глава книги (стр. 36—70). Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Кіевѣ было уже 17 типографій, 2 литографіи, 4 скоронечатни. Подъ вліяніемъ конкуренціи, и губернская типографія начала совершенствоваться. 18 періодическихъ кіевскихъ изданій рѣзко отгѣняли безжизненность Губ. Вѣдомостей. Для улучшенія неофициальной части ихъ, приглашенъ редакторомъ Алексѣй Александровичъ Андріевскій ¹⁾, который извлекъ изъ губернскаго архива множество любопытныхъ для исторіи края документовъ и опубликовалъ какъ въ Губ. Вѣдомостяхъ, такъ и особыми выпусками; онъ же помѣстилъ въ вѣдомостяхъ рядъ историческихъ очерковъ по мѣстной старинѣ. Въ 1895 г. участіе г. Андріевскаго въ вѣдомостяхъ прекратилось. Кіевскимъ губернаторомъ назначенъ былъ въ этомъ году Л. П. Томара, при которомъ «учрежденія, призванныя охранять общественную безопасность и государственные устои, находили большую поддержку въ авторитетной его власти,—поддержку, доходившую у него до гражданского эгоизма» (?—стр. 39). «Такъ какъ, по справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ писателей, «чувство долга растетъ не снизу вверхъ, а распространяется сверху внизъ» ²⁾ то примѣръ руководящей дѣятельности (Л. П. Томары) создалъ школу, которая, за немногими исключеніями жертвъ прирожденной тупости и нравственнаго уродства, создала полезныхъ и безкорыстныхъ тружениковъ. Высоко поддерживая престижъ губернаторской власти, будучи точнымъ и чрезвычайно аккуратнымъ, Л. П. Томара вносилъ нѣкоторую сухость и холодность въ свои отношенія къ подчиненнымъ, но эти качества сглаживались теплотой сердца, мягкостью характера и общительностью его помощника, вице-губернатора А. П. Баумгартена. Первый вездѣ и по всемъ посѣщалъ, а послѣдній всегда и вездѣ опаздывалъ, иногда по самымъ наивнымъ причинамъ, формально ссылаясь, для успокоенія, на то, что онъ занятъ былъ серьезнымъ дѣломъ или чтеніемъ «Правительственнаго Вѣстника». Въ дѣйствительности же его задерживало и отвлекало отъ занятій участіе въ обиженныхъ и обездоленнымъ. Оказывая помощь, онъ никогда не интересовался узнать,

¹⁾ Неизвѣстно почему авторъ называетъ уже въ 1881 г. «старикомъ» этого энергическаго педагога и писателя, который и нынѣ работаетъ на педагогическомъ и ученомъ поприщѣ въ одной изъ южныхъ земскихъ губерній.

²⁾ Ссылка на «Руководство для подготовки къ бою».

кого онъ благодѣтельствуеть. Однажды пришелъ въ его квартиру молодой бѣдно одѣтый человѣкъ и разсказалъ ему, что, состоя на морской службѣ въ Одессѣ, онъ упалъ съ мачты, сломалъ руку и, пролежавъ въ больницѣ, потерялъ мѣсто, а потому проситъ оказать ему содѣйствіе къ полученію мѣста на Днѣпровскихъ пароходахъ. А. П. даетъ просителю рекомендательное письмо. Дней черезъ 8—10 молодой человѣкъ приходитъ въ формѣ капитана парохода и сердечно благодаритъ его за полученное мѣсто. «Очень радъ, только я васъ совсѣмъ не знаю и не припомню, когда я для васъ писалъ письмо». Наполняя карманы разными прошеніями во время исправленія должности губернатора, А. П. за многихъ бѣдныхъ самъ улачивалъ паспортныя пошлины, говоря въ досадъ: «денегъ не имѣютъ, а еще ѣдутъ за границу». Въ это время «Губ. Вѣд.» стали получать нѣкоторый казенный отѣнокъ, и стремленія къ развитію неофициальной части нѣсколько ослабѣли. Зато стали появляться въ изобиліи руководящіе служебные циркуляры»... (стр. 40, 41). «Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число дѣлъ въ губ. правленіи и необходимость въ болѣе скоромъ разрѣшеніи ихъ отвлекали А. П. Баумгартена отъ особыхъ заботъ объ улучшеніи типографіи»...

До сихъ поръ о типографіи. Но типографія находится при губ. правленіи. Итакъ, въ сотрудники себѣ по губ. правленію А. П. Баумгартенъ намѣтилъ совѣтника губ. правленія Наркисса Осиповича Брановскаго, съ возложеніемъ на него завѣдыванія типографіей. Г. Брановскому на стр. 42—44 посвященъ теплый біографическій эскизъ, который необходимо привести полностью, такъ какъ онъ имѣетъ, вѣроятно, отношеніе къ задачѣ книги—историческому очерку губернской типографіи. И вотъ что узнаемъ: «Брановскій прошелъ суровую школу жизни, испыталъ крайнія степени нужды и воспитанъ на черномъ хлѣбѣ, пройдя тяжесть ученія отъ монастырской и семинарской школьной скамьи до Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, находясь въ которой безъ средствъ, онъ успѣвалъ приобретать ихъ, при содѣйствіи директора академіи Королева, путемъ работъ на фермѣ и политехнической выставкѣ, а также переписываніемъ лекцій, дѣлясь порціей скромнаго обѣда съ товарищами и отсылая часть своего скуднаго заработка на родину нуждавшимся родителямъ. Начавъ службу съ низшей ступени писца и проходя ее затѣмъ то въ тѣхъ, то въ другихъ должностяхъ по разнымъ вѣдомствамъ, представляя изъ себя мѣшокъ, набитый въ равной мѣрѣ

пороками и добродѣтелю, онъ въ трудѣ былъ оригиналенъ, въ жизни необщителенъ и, посвящая все время работѣ, игнорировалъ другія потребности и нужды семьи. Забывая невзгоды, онъ въ юности совершилъ цѣлый рядъ шалостей и претерпѣлъ не мало случайностей, подвергавшихъ его непріятностямъ и даже серьезной опасности. Въ описаніи юбилея Почаевской Лавры онъ упоминается, какъ совершившій прыжокъ съ пятнадцати-саженной высоты пзъ-за полученія поджаренной сайки; тамъ же сочинилъ молитву: « Къ Тебѣ, о Мати Пресвятая » и, путемъ добытаго въ лаврской типографіи шрифта, напечаталъ ее на страницахъ казенныхъ учебниковъ, за что и былъ наказанъ, но молитва и теперь въ ходу и печатается легально; прервавъ въ 1863 году, на время, занятіе, онъ стремится съ ружьемъ въ м. Радзивиловъ для участія въ отраженіи польскихъ мятежниковъ, но здѣсь чуть не былъ заколотъ своими, заподозрившими въ молодомъ партизанѣ висурганта; въ г. Ровно онъ замертво падаетъ съ бѣшеной лошади и послѣ долговременнаго безсознательнаго положенія выздоравливаетъ, благодаря добросердечію и заботамъ Андрея Ивановича Косича—нынѣ помощника командующаго войсками Киевскаго военнаго округа; и командированнаго имъ артиллерійскаго врача Яблоньскаго; въ С.-Петербургѣ, спасая дочь съ опрокинутаго буксирнымъ пароходомъ катера, онъ самъ тонетъ въ Невѣ и случайно выплываетъ, ухватившись за свою собаку; въ Кіевѣ, желая послѣ утомленія глазъ промыть ихъ по рецепту, захватилъ вмѣсто черемуховой воды карболовую кислоту ¹⁾; отъ несчастливой этой промывки былъ спасенъ усиліями врача Гальперина. Къ счастью, на службѣ онъ нигдѣ не считался вреднымъ и во многихъ случаяхъ даже пользовался пѣвоторымъ вниманіемъ. Такъ, состоя на службѣ въ Петербургѣ, онъ пользовался особымъ расположеніемъ бывшаго градоначальника Федора Федоровича Трепова, по порученію котораго читалъ лекціи околоточнымъ и городовымъ въ школѣ полицейскаго резерва и принималъ участіе въ составленіи учебника по этому предмету. Вниманіе Ф. Ф.—этого достойнаго лучшихъ странецъ исторіи администратора—выразилось въ публичной благодарности за труды, послѣ произнесенія прощальной рѣчи ²⁾. Брановскій и нынѣ служить въ

¹⁾ Надо думать, въ растворѣ?

²⁾ Слѣдуетъ примѣчаніе, гдѣ приведена цѣликомъ рѣчь градоначальника.

Губернскомъ Правленіи, завѣдывая типографіей, въ духѣ новыхъ требованій и желаній начальства, направленныхъ къ прогрессивному улучшенію дѣла, драбля (sic) лашъ подъ вліяніемъ времени, уносящемъ (sic) все прошлое его и надежды въ архивную связку».

«Хотя техническая часть губернской типографіи не улучшалась, доходность ея однако не падала, и избытки обращались преимущественно на нужды канцеляріи губ. правленія, а также на пособіи бѣднѣйшимъ чиновникамъ». Дабы доходы не падали, изобрѣтено было оригинальное средство. Положимъ, содержатель ссудной кассы печатаетъ въ Губ. Вѣдомостяхъ *одно* объявленіе о продажѣ *пяти* вещей: публикаціонныя деньги взыскиваются съ него какъ за пять отдѣльныхъ объявленій. Содержатель кассы протестуетъ, но тщетно. Протестуетъ противъ подобныхъ же операций хозяйственный комитетъ Кіевскаго мѣстнаго арсенала, но тщетно, и платитъ 13 р. 50 к. вмѣсто 1. р. 50 к.; протестуетъ Кіево-Подольское управленіе гос. имущества, которое имѣло несчастіе напечатать одно объявленіе о продажѣ лѣса въ 49 дачахъ: взыскивается какъ за 49 отдѣльныхъ объявленій; тщетно протестуетъ и волынское губернское правленіе: за одну публикацію о 139 коробочныхъ сборахъ со слезами на глазахъ улачиваетъ сіе правленіе еврейскими деньгами какъ за 139 отдѣльныхъ публикацій,—вмѣсто 1 р. 50 к.—208 р. 70 к. При всемъ томъ, правительственныя учрежденія неохотно дѣлаютъ заказы губернской типографіи, которая до 1895 г. оставалась при старыхъ машинахъ, плохихъ шрифтахъ и первобытныхъ двигателяхъ. И однако, доходы типографіи увеличиваются: въ 1885 г. 23 283 р., а въ 1895 г. уже 44 944 р.; расходъ въ 1895 г. превышаетъ доходъ и образуется до 13¹/₂ т. руб. долга, потому что типографія должна покрывать дыры бюджета губ. правленія, но въ какой мѣрѣ, не видно и теперь. Въ виду необезпеченности рабочихъ, въ 1895 г. поднять вопросъ о распространеніи устава кассы чиновниковъ на служащихъ въ типографіи, «но вопросъ этотъ остался открытымъ и по настоящее время (т. е. къ столѣтнему юбилею), а между тѣмъ рабочіе типографіи, дающіе своимъ тяжелымъ трудомъ въ распоряженіе начальства избытки доходовъ, сами, въ минути бѣдствій, не находятъ покровительства своего учрежденія, могущаго предложить имъ мелкій кредитъ, а послѣ утраты работоспособности, по старости или инымъ недугамъ, — пенсію или единовременное пособіе. Поэтому вопросъ объ учрежденіи

кассы мелкаго кредита для типографскихъ рабочихъ и объ обезпеченіи ихъ подѣ старость представляется вполне назрѣвшимъ» (стр. 50).

Почему же сей назрѣвшій вопросъ не получаетъ дальнѣйшаго движенія по установленному порядку, согласно съ дѣйствующими на сей предметъ правилами, узаконеніями и особыми распоряженіями? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: „Частая смѣна служащихъ, имѣющихъ отношеніе къ описываемому предмету, отчасти затрудняетъ открытіе объективной истины и установленіе причинной или эволюціонной связи между фактами и явленіями, а между тѣмъ задачи историческаго очерка, главнымъ образомъ, и должны заключаться съ одной стороны въ возстановленіи дѣйствительной связи фактовъ, а съ другой, отличать тѣмъ безпристрастіемъ, которое называется историческимъ объективизмомъ».

Что-то темно, но спорить трудно: конечно, объективность прежде всего, затѣмъ точные факты, затѣмъ согласные съ закономъ и логикой выводы.

Къ сожалѣнію, ни фактовъ, ни выводовъ нѣтъ, остается лишь объективизмъ, и читатель остается въ тяжкомъ раздумьи. Ибо дальше повѣствуется вотъ о чемъ.

Вице-губернаторъ Д. С. Оедоровъ, при которомъ куплены новыя машины и возбужденъ (къмъ?) вопросъ объ улучшеніи быта типографскихъ рабочихъ, прослужилъ весьма короткое время, оставилъ службу и начальникъ газетнаго стола. Вице-губернаторомъ назначенъ П. А. Слѣпцовъ. «Послѣ эгихъ перемѣнъ наступило затишье, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, до наступленія болѣе существенныхъ измѣненій въ составѣ высшей администраціи, или измѣненій, которыя можно отнести къ новой эпохѣ какъ исторіи края, такъ и исторіи скромнаго учрежденія губернской типографіи»... П. А. Слѣпцовъ «очаровывалъ окружающихъ благовоспитанностью и тактомъ, обладалъ вполне зрѣлой административной мудростью и высокой научной подготовкой, которая давала ему возможность безъ особыхъ напряженій раздѣлять и облегчать власть губернатора и разрѣшать особенно удачно и легко тѣ вопросы по вѣренному ему Правленію, или такъ наз. текуція, дѣла, надъ которыми, изнемогая въ безсиліи, сидѣли по цѣлымъ суткамъ чиновники». Куплена литографская машина, установленъ электрическій двигатель, упразднены рабочіе вертельщики. Въ 1898 г. доходъ типографіи достигъ 55.318 р.

Но «этимъ еще не исчерпывается характеристика двухлѣтняго періода, которому можно дать названіе либеральнаго»: снова возобвилось пополненіе неофіціальной части «Губ. Вѣд.», хотя съ меньшею тенденціозностью на популярность» (cur, quomodo, quibus auxiliis?!). Именно—въ 1896 и 1897 г. напечатаны статьи о государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, о переоцѣнкѣ земель въ европейской и азіатской Россіи, о нуждахъ церковнаго дѣла на сибирской желѣзной дорогѣ и Забайкальи, о жучкѣ древоотчкѣ и амбарномъ долгоносикѣ, о пріютахъ самопомощи, о вліяніи климата на урожай зѣрна и о 900-лѣтніи Десятинной церкви въ Кіевѣ; наконецъ, измѣненъ форматъ вѣдомостей, съ сокращеніемъ расхода на бумагу. «Въ дѣлахъ мірскихъ, увлекаясь прибылью, или огорчаясь убытками, мы всегда стоимъ на почвѣ матеріальной,—измѣнчивой и ничтожной. Возвышающая чувства и чуждая матеріализма идея бытія и Бога наиболѣе свойственна средѣ, пребывающей въ нуждѣ и трудѣ». Уже въ 1799 г. рабочіе типографіи на трудовые гроши соорудили для типографіи икону святителя чудотворца Николая; въ 1895 г. вждивеніемъ наборщиковъ поставлена икона св. Дмитрія; въ 1897 г.—икона св. Кирилла и Меѳодія, патроновъ печатнаго дѣла, съ неугасимыми лампадами, огонь въ коихъ поддерживается на средства устроенной наборщикамъ кружки. 11 мая рабочіе празднуютъ память первоучителей славянскихъ.

«Характеристика послѣднихъ двухъ лѣтъ 1898 и 1899 годовъ составляетъ послѣднее наслоеніе впечатлѣній и живую картину. Какъ въ отношеніи общаго состоянія административныхъ дѣлъ, такъ и въ частности состоянія губернской типографіи можно сказать, что «со свѣтомъ истины и счастья мы приближаемся къ двери будущаго». Назначены новыя генераль-губернаторъ, губернаторъ, вице губернаторъ, факторъ типографіи и начальникъ газетнаго стола,—впрочемъ, вліяніе этой послѣдней перемѣны въ газетномъ столѣ «на ходъ дѣла въ типографіи покажетъ будущее». «Такіе счастливыя исходы и замѣщенія въ высшей администраціи, по истинѣ, имѣютъ характеръ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Съ одной стороны у насъ всемірный авторитетъ военной науки и военнаго краснорѣчія, сердцевѣдъ русскаго солдата и знатокъ народныхъ нуждъ; съ другой—администраторъ, унаслѣдовавшій весьма цѣнныя данныя по исторіи полицейскаго права, изучившій современныя требованія этого права и обладающій добрымъ

сердцемъ и сильной энергіей. За нимъ слѣдуетъ его достойный помощникъ, полный благородства, опытности и дѣловитости. Для осуществленія высшихъ административныхъ задачъ, которыя должны выразиться: въ ясности, простотѣ, силѣ и сиѣшности, умѣньи овладѣть довѣріемъ подчиненныхъ и населенія, создать послѣднему условія, охраняющія жизнь, здоровье, имущество, общественный порядокъ и безопасность, словомъ, въ стремленіи къ идеалу общаго благополучія — ничего другого и не нужно, равно не нужно и другихъ поясненій, ибо «никогда не силъся растолковать то, что видно только изъ дѣла»¹⁾.

«А изъ дѣла видно, что и губернская типографія ко дню своего столѣтія не старѣетъ, а обновляется новыми силами и новымъ порядкомъ, словомъ идетъ по слѣдамъ прогресса»...

Гигіеническія условія работы въ типографіи очень нехороши. Поэтому возбужденъ вопросъ о постройкѣ особаго зданія, да денегъ нѣтъ, и вопросъ остался открытымъ. Выписаны нѣкоторыя машины, введено электрическое освѣщеніе.

Въ 1899 г. работало до 60 человѣкъ съ содержаніемъ въ мѣсяць отъ 1000 до 1240 р. Ко дню юбилей типографія имѣла долга болѣе 21 т. руб. Предположено дать движеніе вопросу о допущеніи типографскихъ служащихъ къ участию въ ссудо-сберегательной кассѣ чиновниковъ губ. правленія. Приказано устроить предохранители у машинныхъ приводовъ, для предупрежденія несчастій. Устроена гимнастика для малолѣтнихъ рабочихъ²⁾. Многое еще нужно устроить, многое намѣчено на будущее время, ибо «наша типографія далеко уступаетъ требованію жизни, а между тѣмъ «царство науки не знаетъ предѣла, всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ»....

Вотъ все существенное, что можно извлечь изъ настоящей книжки, представляющей собою, можно сказать, явленіе безпримѣрное въ юбилейной литературѣ всѣхъ временъ и народовъ.

Авторъ, какъ видно, съ одной стороны задался цѣлями слишкомъ широкими, съ другой — чрезмѣрно съузиль рамки разсказа. Оттого, вмѣсто изложенія фактовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ

¹⁾ Ссылка на „Программу для обученія рядовыхъ“.

²⁾ Авторъ подтверждаетъ пользу гимнастики ссылками на Софокла, Сократа, Ликона, Пинеагора, Платона, Руссо и Локка.

исторіи губернской типографіи, приходится узвать много такого, чему мѣсто скорѣе въ литературѣ мемуаровъ.

Съ этой точки зрѣнія, книга, по безкитростной манерѣ изложенія и по теплотѣ стиля, возвышающагося иногда до истиннаго пафоса, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія. Конечно, желательнo было-бы встрѣтить въ юбилейномъ изданіи больше фактовъ и больше связности въ группировкѣ хотя-бы и скуднаго матеріала,—но что отложено, то не потеряно: нѣтъ сомнѣнія, что въ 1999 году двух-сотлѣтній юбилей кievской губернской типографіи будетъ отмѣченъ изданіемъ болѣе полнымъ фактически; едва-ли, однако, это будущее изданіе можетъ стать выше нынѣшняго по теплотѣ чувствъ и мастерству характеристикъ.

Книга украшена многими портретами мѣстныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и такихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи губернской типографіи.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 10; 3) Историческій Вѣстникъ, № 10; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 10; 5) Вѣстникъ Европы, № 10; 6) Русская Мысль, № 10; 7) Научное Обзорѣіе, № 10; 8) Русская Школа, № 9; 9) Книжки Восхода, № 9; 10) Литературно-Научовий Вістникъ, № 10; 11) Ateneum, № 10; 12) Biblioteka Warszawska, № 10; 13) Slovanský Přehled № 10 (1); 14) Труды Кіевской Духовной Академіи № 9; 15) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 9; 16) Kwartalnik Historyczny № 3; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Русскій Архивъ № 9.

Изъ моей старины. Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго (продолженіе), (стр. 71—84).

Воспоминанія автора относятся къ 1839 году, проведенному имъ въ Москвѣ. Онъ рассказываетъ о знакомствѣ съ Лермонтовымъ,

разсказываетъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ Лермонтова, характеризующихъ личность послѣдняго; между прочимъ, упоминаетъ, что Лермонтовъ *хорошо* говорилъ по-малорусски и неподражаемо умѣлъ разсказывать малорусскіе анекдоты. Имъ, будто-бы, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ о томъ хохлѣ, который ѣхалъ по непомѣрно широкой почтовой дорогѣ, задремалъ, волю свернули съ дороги и зацѣпились за поверстный столбъ, а проснувшійся хохоль обругалъ «бисову тисноту, що не можна и возомъ розмынутися!»

С. И. Кедровъ. Настоящее и будущее архивныхъ комиссій (стр. 85—104) (по поводу книги Д. Я. Самоквасова: «Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ реформой въ Россіи» М. 1899).

Авторъ считаетъ необходимымъ будущую реформу архивнаго управленія въ Россіи совершить въ направленіи государственномъ и въ основу ея положить началъ централизаціи архивнаго управленія и матеріаловъ; но соотвѣственно ходу исторической жизни Россіи распределеніе матеріаловъ въ Русскихъ архивахъ получилось-бы иное. Дѣла до-Екатерининскаго времени (до 1775 г.—времени учрежденія губерній) удобнѣе всего сосредоточить въ особо устроенныхъ центральныхъ архивахъ, а позднѣйшія—въ губернскихъ. Къ участию въ расходахъ на нужды спеціальнаго архивнаго управленія могли бы быть привлечены земства и городскія думы, а кромѣ того могла бы быть отчислена часть доходовъ губернскихъ типографій. Но съ проведеніемъ упомянутой реформы пришлось бы произвести нѣкоторыя измѣненія въ существующемъ устройствѣ архивныхъ комиссій, и, прежде всего—«было-бы естественно не снѣшить открытіемъ новыхъ комиссій». Что-же касается до существующихъ, то: 1) необходимо снабдить ихъ денежными средствами, 2) освободить отъ почтовыхъ расходовъ, 3) предоставить право безвозмезднаго печатанія въ губернскихъ типографіяхъ всякаго рода бланковъ, описей, каталожныхъ книгъ и вообще «Трудовъ» комиссіи.

«Словомъ, настоящее положеніе архивныхъ комиссій нуждается въ преобразованіи, какъ вообще все архивное дѣло въ Россіи, въ интересахъ развитія исторической науки и связаннаго съ нимъ народнаго самосознанія».

Николай Лернеръ. Письмо А. С. Пушкина къ Е. И. Люценку (стр. 143—144).

Еще въ 1888 г. въ «Кіевской Старинѣ» (№ 1—3, стр. 39—40), «Землякъ изъ-подъ Глухова» въ отдѣлѣ «Для справокъ» называетъ переводчикомъ изданной А. С. Пушкинымъ въ 1836 г. книги «Вастола, повѣсть въ стихахъ,—соч. Виланда»—Ефима Петровича Люценка, родомъ Черниговца, служившаго съ 1811—1813 секретаремъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ настоящей замѣткѣ г. Лернеръ приводитъ письмо А. С. Пушкина къ Е. П. Люценку, содержаніе котораго касается изданія «Вастолы».

Русская Старина № 10.

Алексій Мердеръ. Почаевская лавра въ 60-хъ годахъ (стр. 110).

Приведено содержаніе записки, полученной, въ срединѣ 60-хъ годовъ, главнымъ начальникомъ Юго-Западнаго края, изображающей порядки Псчаевской лавры.

Высочайшая благодарность митрополиту кіевскому и заличкому Евгенію за его трудъ (стр. 140).

Рескриптъ императора Александра I митрополиту Евгенію отъ 28 августа 1825 года за составленное послѣднимъ описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. «Сей трудъ вновь удостовѣряетъ меня, что вы, назидая во спасеніе паству, вамъ вѣренную, споспѣшествуете въ то-же время къ распространенію познаній церковной нашей исторіи».

Н. К. Шильдеръ. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1824 годъ (Продолженіе) (стр. 201—218).

Авторъ воспоминаній, историкъ отечественной войны, назначенный бригаднымъ командиромъ въ Полтавскую губернію, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ нѣкоторыхъ городовъ Полтавской губерніи (Кременчугъ, Лубны, Золотоноша) въ началѣ истекающаго столѣтія, о жизни мѣстныхъ помѣщиковъ (Родзянко, Требинскіе, Булюбашъ, Лисенко, бывший министръ юстиціи Трощинскій), о положеніи въ то время Малороссіи вообще. «Я не находилъ въ Малороссіи ни одного человѣка, съ которымъ мнѣ удавалось говорить, выгодно въ Россіи расположеннымъ; во всѣхъ господствовалъ явный духъ оппозиціи» (стр. 212).

«Я замѣтилъ еще, что при каждомъ удобномъ случаѣ малороссіане осуждали правленіе Александра и выхваляли царствованіе Екатерины. Къ распространенію сего мнѣнія способствовалъ преимущественно жившій недалеко отъ Лубенъ, бывший министръ юстиціи,

Трощинскій, старикъ лѣтъ 80, почитавшійся въ Малороссіи оравуломъ. Домъ Трощинскаго служилъ въ Малороссіи средоточіемъ для либераловъ; тамъ, наиримѣръ, находились безотлучно одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, сосланныхъ въсплѣдствіи на каторгу, и Бестужевъ-Рюминъ, кончившій жизнь на висѣлицѣ» (стр. 213—214).

«Такая ненависть происходила отъ нарушенія правъ Малороссіи, отъ унадка кредита и промышленности, отъ возвышенія налоговъ, которые въ Малороссіи произвели повсемѣстную бѣдность, и отъ дурнаго устройства судебныхъ мѣстъ, гдѣ совѣсть была продажная». «Крестьяне находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, они стонали подъ тягостію налоговъ, для взиманія коихъ, особенно для сбора накопившихся въ значительномъ количествѣ недоимокъ, употребляли самыя жестокия мѣры, наиримѣръ—лѣтомъ клали подъ рубашку крапиву, а зимою выводили несчастныхъ козаковъ на улицу, снимали обувь и обливали голыя ноги водою, отъ чего происходили ужасныя мученія, или земская полиція выламывала окна в печи у тѣхъ казенныхъ крестьянъ, на коихъ числились недоимки».

«Я не нашелъ въ Малороссіи ни одной отрасли промышленности, которая-бы въ чемъ-либо дѣлала успѣха, или то, что англичане называютъ *improvements*». «Хлѣбонашество и рукодѣлія были въ дѣтствѣ, овцеводство, могущее быть источникомъ изобилія подѣ ея благословеннымъ небомъ, почти было неизвѣстно, торговля едва существовала на мелочныхъ ярмаркахъ, а о наукахъ и художествахъ не стоить упоминать. Въ просвѣщеніи малороссіане находились едва-ли на высшей степени, на какой они были при гетманахъ» (sic!).

Вѣстникъ Европы № 10.

Въ «Литературномъ обзорѣніи» г. Т. помѣстилъ коротенькій, но весьма опредѣленный отзывъ о двухъ брошюрахъ проф. *Флоринскаго* «Малорусскій языкъ и украинско-русьскій литературный сепаратизмъ» и «Зарубежная Русь и ея горькая доля». Первая изъ этихъ брошюръ есть не что иное, какъ изданіе отдѣльной книгой извѣстныхъ уже читателямъ статей изъ газ. «Кіевлянинъ», а вторая представляетъ рѣчь г. Флоринскаго въ годичномъ собраніи Кіевского Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Упрекая автора брошюръ за то, что онъ «внесъ въ изслѣдованіе малорусскаго литературнаго сепаратизма такую раздражитель-

ность, которая не подобала-бы челоуѣку науки и способна помѣшать даже благимъ его пожеланіямъ относительно зарубежной Руси», — г. Т. указываетъ на причины развитія этого сепаратизма, скрывающіяся отчасти и въ тѣхъ методахъ рѣшенія вопроса, какіе употребляетъ самъ г. Флоринскій. По вопросу о протестѣ г. Флоринскаго противъ допущенія на XI археологическомъ съѣздѣ чтенія галицко-русскими учеными рефератовъ на своемъ книжномъ языкѣ, авторъ замѣтки высказываетъ слѣдующую прекрасную мысль: «Намъ представляется унизительнымъ для *необъятной силы русской ученой литературы и для мірового значенія обще-русскаго языка* (слова г. Флоринскаго) этотъ малодушный страхъ, что ихъ достоинство понесетъ ущербъ оттого, что нѣсколько галичанъ (которые, какъ мы знаемъ по собственному наблюденію, дѣйствительно иногда очень плохо владѣютъ русскимъ разговорнымъ языкомъ, — даже люди ученаго круга) прочли-бы рефераты на своемъ языкѣ. Объ этой воображаемой опасности смѣшно говорить; но нравственный авторитетъ русскаго языка и науки несомнѣнно выросъ-бы еще болѣе, когда-бы *русское* научное предіятіе, каковымъ былъ кievскій съѣздъ, равно обнимали всѣ славянскія силы, безъ различія и безъ мелкихъ счетовъ» (стр. 842 — 845).

Літературно-Науковий Вістник, № 10.

Наш альбом. Изъ поезій Одарки Романової (I—XI). (стр. 1—6).

Безъ пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 7—28).

Похорони. Нарис Сергія Ефремова (стр. 29—34).

Зъ галицькихъ образківъ Андрія Веретельника: 1. Шкода, 2. Квіток. 3. Батькова шапка. 4. Пані. 5. Або сиди, або плати. 6. Школярі (стр. 35—49).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 50—79).

Понад наші сили. Драматичні картини Бернштерна Бернзона (I—II) (стр. 80—108).

Изъ студій і нарисів Марка Твайна. I. Страховища німецької мови, (стр. 109—120).

По за межами можливого, Ів. Франка (стр. 1—9).

До життєпису М. О. Дикарева, Олександра Кониського (далі буде) (стр. 10—29). Авторъ, на основаніі личной переписки, соста-

вить возможно полный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго съ указаніемъ на его литературные (этнографическіе) труды.

Павло Омелькович Кулиш. Обзоръ його дѣяльности. Написав Осяп Маковой (стр. 30—43) (продолженіе) Пребываніе Кулиша въ Варшавѣ въ 1864—1867.—Причины оставленія имъ службы въ Варшавѣ.—Служба въ Петербургѣ въ 1873—1874 гг.

Новини нашої літератури. (Тарас Бульба, нова перерібка М. П. Старицького). Г. Г—а (стр. 44—49). Черезчуръ придирчивый разборъ пьесы г. Старицькаго «Тарасъ Бульба».

Друа руська артистична вистава у Львові.—М. Грушевського (50—54). Впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ при посѣщеніи выставки.

Хроніка і бібліографія (55—68). По обыкновенію, интересный и цѣнный матеріалъ для текущей культурной жизни Украины—Руси.

Ateneum, № 10.

Bronisław Gubrynowicz (стр. 97—110). Trzeci zjazd historyków polskich w Krakowie (стр. 97—110). Авторъ даетъ обзоръ рефератовъ, прочитанныхъ на съѣздѣ, значительная часть которыхъ касалась вопросовъ, близкихъ нашей области изслѣдованія, какъ напр. проф. Третиака «O żywiole ruskim w literaturze polskiej»; О. Колессы—два реферата по украинско-русской литературѣ; Piotra Bieńkowski-go—«Sarmaci i Roksolanie w sztuce rzymskiej»; K. Bołsunowskiego: 1) Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi, 2) «Wiadomości o domniwanym kalendarzu litewskim» Berto Gedymia «zwanym»; Ksawerego Chamca: «Przeddziejowe stosunki zewnętrzne ziemi Kijowskiej»; Juliana Pagaczewskiego—«W sprawie inwentaryzacji zabytków sztuki w Polsce, a zwłaszcza w Galicyi».

Въ отдѣлѣ «Rozbiory i sprawozdanie» (стр. 178—180) — помѣщена рецензія на книгу. Zygmunta Glogera: «Geografia historyczna dawniej Polski», z dodaniem mapy Rzeczypospolitej I. Babireckiego.

Slovansky přehled, č. 1 (годъ III), № 10.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 47—48) упоминается о дѣятельности «Руской Ради» і «Галицко-Руской Матіци» въ Галиціи и Буковинѣ, объ эмиграціи изъ Херсонской губерніи, о дѣятельности Харьковскаго и Черниговскаго комитетовъ трезвости, о поло-

женія церковно-приходскихъ школъ въ Новороссіи, о русинахъ въ Бразиліи.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 9.

А. Архангельскій. Образование и литература въ Московскомъ Государствѣ кон. XV—XVII вв. (стр. 33—130) (продолженіе; начало— въ 1898, № 4).

Упомянувъ о польскомъ вліяніи (въ XVI и XVII вв.) на Московскую Русь, авторъ перечисляетъ, между прочимъ, произведенія, носящія слѣды пребыванія ихъ въ Юго-Западной Руси, какъ-то: переводы: Описанія Сарматіи Гваньини, *Ogroda Krolewskiego* (Вертоградъ Королевскій); «Хроника Свѣта»—М. Бѣльскаго, переведенная съ западно-русскаго оригинала, «Позорище всея вселенныя, или Атласъ Новый», *Блеу*—переводъ отчасти «Епифаніевъ», отчасти «Исаи, товарища Епифаньева»; Сборникъ путешествій въ Индію—м. Готарда Артхуса, «Управленіе здравія врачейъ парижскихъ царю аглавцому списанное и т. д.», Великое Зерцало.

Kwartalnik Historyczny № 3.

Dr. Zbigniew Pazdro. Sądy konfederacyjne z roku 1672—1673. Epizod z dziejów sądownictwa polskiego (стр. 409—446). Авторъ отыскалъ во Львовскомъ архивѣ о.о. Бернардиновъ акты конфедерационнаго суда, функціонировавшаго съ января до конца апрѣля 1673 г. Между прочимъ онъ указываетъ, что въ русскомъ воеводствѣ одновременно дѣйствовали 3 конфедерационные суда, особые для каждой земли: львовской, перемышльской и санецкой (въ галицкой землѣ ихъ не было, о холмской ничего невѣдомо). Засѣданія судовъ происходили въ главномъ городѣ каждой земли: Львовѣ, Перемышлѣ, Саневѣ; мѣстомъ «obrad» былъ замокъ, гдѣ происходили городскіе сулы.

Dr. Zbigniew Pazdro. Ordynacja sądu konfederacyjnego przemyskiego z. r. 1673 (стр. 457—462). Приложение къ предыдущей статьѣ: регуляминъ, утвержденный судомъ на первомъ засѣданіи.

Въ отдѣлѣ «Recenzje i Sprawozdanie» (стр. 494—497 и 518—519) помѣщены отзывы: о трудѣ Jablonowskiego Alexandra: «*Akademia Kijowsko-Mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacji Zachodniej na Rusi. Kraków. 1899—1900*», и Емилиана

Терлецкого «*Kozaки на Білій Русі в р. 1654—1656* (Зап. наук. Тов. ім. Шевченка, т. XIV).

Przewodnik naukowy i literacki, № 8.

Dr. Bronisław Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okresie rządów swoich (1846—1859) (стр. 977—1013) (продолженіе).

Весьма любопытные матеріалы, характеризующіе борьбу русинской народности съ польской въ 1849 году. Рассказывается о введеніи нѣмецкаго языка, въ качествѣ употребляемаго въ школахъ, и малорусскаго языка—какъ обязательнаго предмета,—въ школахъ восточной Галиціи.—Дѣятельность свящ. Шашкевича.—Уничтоженіе обязательности малорусскаго языка въ школахъ.—Введеніе угра-квизма. Первое признаніе правительствомъ руссофильства въ Галиціи.—Дѣло свящ. Головацкаго.—Вопросъ о введеніи латинскаго алфавита въ малорусское правописаніе и объ уравниваніи календарей.—Общій взглядъ на святоюрское движеніе.

Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (стр. 1014—1020) (продолженіе).

Интересное письмо Залескаго изъ Парижа ксендзу Ипполиту Терлецкому, въ Римѣ, отъ 17 іюля 1848 г., въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему, въ виду политическихъ осложненій въ Галиціи, отпрывиться въ Русь галицкую. «*Ruś zadzięra na sergu z Lachami, chce pierodległego, osobnego bytu*»; создались русскіе (малорусскіе) комитеты... Однако есть среди духовенства и свѣтскихъ болѣе разсудительныя личности, совѣтующія сохранять согласіе и единомудіе съ Поляками, поставивъ цѣлью свободное развитіе Русской народности—«*Owoż tych mężów godzi się podpiegać całemi siłami*»,—а это возможно лишь на мѣстѣ, во Львовѣ». Самъ Залескій надѣется получить позволеніе на переселеніе во Львовъ, въ особенности, если Вацлавъ Залевскій будетъ назначенъ губернаторомъ послѣ Стадіова. «*Замышляють во Львовѣ издавать русскій (малорусскій) журналъ,—и въ этомъ отношеніи братъ Владиславъ былъ бы имъ въ высшей степени надобенъ, «bo wielki brak pisarzy ruskich*»: кромѣ кс. Ценглевича нѣтъ никого во Львовѣ, кто-бы былъ въ состояніи писать газетныя статьи по-русски».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 27 выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» (Тифлисъ, 1900 г.) помѣщена, между прочимъ, любопытная статья М. Г. Джанашивили: «*Осада Константинополя скивами, кои суть русскіе, и походъ императора Ираклія въ Персію*» (стр. 1—64).

Любопытный во многихъ отношеніяхъ разсказъ этотъ о нападѣнн скиховъ-русскихъ на Константинополь въ 626 г., появившійся въ свѣтъ въ 1042 году въ Грузіи, составленъ на основаніи византійскихъ хроникъ, частью извѣстныхъ намъ, частью же утерянныхъ для исторической науки или, можетъ быть, еще не разысканныхъ. Это не простой переводъ съ неразысканной еще какой-нибудь греческой хроники, но повѣствованіе, составленное по многимъ византійскимъ источникамъ.

До сихъ поръ ни одинъ изъ грѣческихъ писателей, говорившихъ объ участіи скиховъ въ упомянутомъ походѣ, не упоминалъ ничего о русскихъ. Откуда же они взялись у неизвѣстнаго автора повѣствованія? Допуская, что неизвѣстный намъ греческій первоисточникъ называлъ враговъ, осаждавшихъ въ 626 г. Византію, русскими подъ влияніемъ походовъ Аскольда и Дира, Олега, Игоря, а равно и походовъ Святослава, войска котораго Левъ Діаконъ называлъ также скихами,—г. Джанашивили высказываетъ предположеніе, что авторъ повѣствованія (грузинъ) самъ вставилъ въ названіе *скихы* похвненіе, что они тѣ-же *русскіе*. «Тогдашняя Грузія не могла не знать Кіевской Руси. Это былъ славный вѣкъ Ярослава Мудраго, когда Мстиславъ Тмутараканскій воевалъ съ косожскимъ княземъ, и потому, естественно, у грузинскаго дѣтописца могла явиться мысль, что и въ началѣ VII в. стучался у воротъ Византіи не кто иной, какъ русскій хаганъ (каганъ), съ русскою ратью».

Въ № 6 «Всеславянскаго органа» — «Славянскій вѣкъ» — г. Вѣди-како, въ статьѣ «*Малорусскій или общерусскій языкъ*» распространяется объ «искусственности и условности» книжнаго малорусскаго языка, дѣлаетъ ссылки по этому поводу на книжку проф. Флоринскаго «*Малорусскій языкъ и украинско-русскій сепаратизмъ*» (Сиб. 1900), совѣтуетъ галицкимъ «русскимъ» принять обще-русскій языкъ и, наконецъ, подаетъ, неизвѣстно къ чему, совѣтъ «отбросить на время ни на чемъ не основанную щепетильность и поглубже и повнимательнѣй заглянуть въ русскую литературу и въ русскую

жизнь; при всѣхъ несовершенствахъ этой жизни, и они (различные мелкіе народы) найдутъ въ ней много для себя новаго, интереснаго и поучительнаго»...

И никто противъ послѣдняго не спорить... Какую бы мы славянскую народность ни взяли,—будутъ ли это чехи, поляки, галицкіе малоросы—у всѣхъ ихъ замѣчаемъ живѣйшій интересъ къ знакомству съ русскими талантливými писателями, какъ Л. Толстой, Горькій, Чеховъ и др. Автора же, не видящаго всего этого, можно упрекнуть въ умысленной или неумысленной близорукости.

Въ № № 231 и 234 газеты «Русля» помѣщено интересное изслѣдованіе (не оконченное еще) подъ загл. «Характеристика поэзіи Петра Гулака-Артемовскаго». Разсмотрѣвъ всѣ принадлежащіи перу Г.—Артемовскаго произведенія, авторъ приходитъ къ выводу, что украинская литература въ поэзіи своихъ писателей значительно пошла впередъ, въ сравненіи съ предыдущими. Главнымъ мотивомъ произведеній Артем., по словамъ автора, является—протестъ противъ крѣпостничества, въ соединеніи съ горячей любовью къ родному слову.

Въ № № 221—226, 228, 233—234, 236 газ. «Дѣло» печатается обширное изслѣдованіе Ив. Рудовича «Унія въ Львовской епархіи». Авторъ, начавъ съ 1596 года, касается дѣятельности еп. Балабана, отмѣчаетъ слѣды уніи во львовской епархіи въ началѣ XVII в., останавливается на попыткахъ еп. Іосифа Шумлянскаго ввести унію указываетъ постепенный упадокъ право лавія во львовской еп. и вообще въ Польшѣ и на причины этого упадка, рассказываетъ о неудачномъ соборѣ 1694 г., о провозглашеніи уніи во львовской епархіи въ 1700 г. и о принятіи уніи львовской Ставропигіей въ 1708 г.

Въ № 6817 газ. «Южный Край» помѣщена статья М. Цавловскаго «Выставка картинъ художника С. П. Васильковскаго». Авторъ раздѣляетъ картины г. Васильковскаго по содержанію на три типа: Украина и украинская Старина, иллюстраціи Крыма и итальянскіе и восточные мотивы. Что до перваго цикла, то отзывъ критика о работахъ художника въ этой области не слишкомъ хвалебный.

Въ № 981 газ. «Придѣлпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью «О народной пльнѣ», въ которой, отмѣчая повсемѣстный упадокъ народнаго творчества, или, по крайней мѣрѣ, сильное видо-

измѣненіе содержанія подѣ вліяніемъ новаго уклада жизни, призываетъ къ дѣятельности малорусскихъ авторовъ и композиторовъ, указывая на почтенную дѣятельность въ этомъ направленіи мѣстнаго изслѣдователя Я. П. Новицкаго, автора «Малорусскихъ пѣсень Екатеринославской губерніи».

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Жизнь» помѣщена статья талантливой молодой писательницы г-жи Л. Украинки о малорусскихъ писателяхъ въ Буковинѣ, а именно—о Юріи Федьковичѣ, Ольгѣ Кобылянской и Стефаникѣ. Эти писатели пользуются гораздо большей извѣстностью въ Австріи и Германіи, чѣмъ въ Россіи, для которой, въ сущности, они могли бы имѣть болѣе интереса и значенія.

Яркій, напр., оригинальный талантъ Стефаника привлекъ вниманіе не только соотечественниковъ автора; переводы его рассказовъ начинаютъ появляться въ польскихъ, русскихъ (два его рассказа помѣщены въ «Сѣв. Кур.») и нѣмецкихъ изданіяхъ. Въ концѣ прошлаго года въ берлинской «Gesellschaft» былъ помѣщенъ переводъ одного рассказа Стефаника («письмо арестанта») съ восторженнымъ примѣчаніемъ редакціи. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора цитируемой статьи, нѣмцы не очень щедры на похвалы писателямъ новыхъ литературъ, и только выдающіеся представители такихъ литературъ имѣютъ шансы на усиліяхъ у нѣмецкой критики. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ, по мнѣнію г-жи Л. Украинки, что молодая литература маленькой малорусской вѣтви представляетъ вовсе не малую художественную цѣнность. Кромѣ художественнаго, эта литература имѣетъ и общественное значеніе.

Въ заключеніе своей интересной статьи авторъ, указавъ на тотъ фактъ, что малочисленное населеніе захолустной провинціи, поставленной въ невыгодныя условія для развитія литературы, могло дать за короткое время своего національнаго пробужденія три сильныхъ таланта, относитъ это явленіе насчетъ творческихъ силъ народа, которыя при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы развиться еще шире. («Сѣв. Кур.»)

Въ № 207 «Куб. Областныхъ Вѣдомост.» помѣщена корреспонденція учителя Л. К. Розенберга изъ ст. Родниковской (Лабинск. отд.) подъ загл. «*Повѣрія и предразсудки*». Авторъ собралъ нѣсколько мѣстныхъ повѣрій, какъ то: вѣра въ вѣдьмъ и колдуновъ и въ хожденіе мертвыхъ, а также записалъ [отъ станичниковъ] рассказы о происхожденіи родовъ и видовъ нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ: медвѣдя, аиста и цапли, павлина, крысы и кошки, рыбой собаки, паука

Въ 220 газ. «Волинь» помѣщена статья Я. В. Яроцкаго *«Изъ Искорости въ Народици»* (Путевныя замѣтки).

Авторъ, посѣтивъ лично нѣкоторыя села волинскаго полѣсья—Ходаки, Татаровичи, Каменку, сообщаетъ попутно любопытныя свѣдѣнія объ этихъ селахъ и окружающихъ мѣстностяхъ по археологiи, исторiи—прошлой и современной—и этнографiи.

Въ № 212 газ. «Волинь» въ статьѣ *«Св-Владимірское братство»*, заимствованной изъ газ. «Новое Время» и принадлежащей г. Прокофьеву, даются не лишеныя интереса свѣдѣнія о музее братства въ г. Владиміръ-Волинскѣ, въ которомъ собраны разные предметы древности, находямые при раскопкахъ и передѣлкахъ, а также фотографіи и снимки древностей Волини, рукописи и старинныя иконы. Среди предметовъ древности многіе дѣйствительно заслуживаютъ большаго интереса.

Въ № 6 журнала «Дѣтское Чтеніе» помѣщена популярная статья Д. Эварницкаго *„Забитый украинскій философъ Скворода“* съ видомъ могилы (въ с. Пань-Ивановкѣ, Харьк. губ.), автографомъ и отдѣльнымъ портретомъ Сквороды.

Въ № 6819 газ. «Южный Край» помѣщена статья профессора Н. О. Сумцова *„Субботы Св. Дмытра. Памяти Якова Ивановича Щоголева“*. Указавъ на нѣкоторыя, болѣе сильныя произведенія покойнаго Я. И. Щоголева, авторъ специально останавливается на одномъ изъ нихъ—*„Субботы Св. Дмытра“*, какъ на произведеніи, болѣе всего огоразившемъ личную тяжелую жизнь поэта.

Въ № 10 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ переводъ съ малорусскаго *М. Р.* извѣстнаго этюда М. Л. Кропивницкаго *„По рѣчизнѣ“*.

Въ томѣ V, кн. I. «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ (1900) помѣщены, между прочимъ:

В. Н. Веселовскаго. Изъ исторiи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій. (Стр. 1—35). Рецензія на кн. О. Брауна «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній». Спб. 1899 г. Въ отдѣлѣ библиографіи: *Д. И. Абрамовичъ.* Памятныя языка и письма и древности южныхъ и западныхъ славянъ на XI Археологическомъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ (стр. 324—339) и *А. Л. Поюдинъ.* Рецензія на *„Materiálu*

antropologiczno—archeologiczne i etnograficzne, wydaw. staraniem Komisji Antropolog. Akad. Umiejętności w Krakowie, t. III, 1899 (стр. 358—362).

Новая карта Галиціи. Во Львовѣ недавно вышла новая подробная карта Галиціи (на польск. яз.) Ю. Герриха. На карту нанесено раздѣленіе края на 78 староствъ, коммуникаціонныя ливіи, правительств. дороги,—мѣстныя, уѣздныя и окружныя, а также желѣзныя—существующія уже и проектированныя. Цѣна 3¹/₂ кор.

Въ журналѣ «Педагогическій Листокъ» (издаваемомъ редакціей «Дѣтскаго Чтенія»), въ кн. 5 и 6 помѣщенъ «Библиографическій Справочникъ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ». Заимствуемъ оттуда свѣдѣнія о книгахъ, переведенныхъ съ малорусскаго языка.

1. *Батрачка.* Шевченка, Изд. С-Прб. Комит. Грамотв. 24 стр. Ц. 3 к.—Выш. отзывъ въ «Образованіи», 1895, № 2 и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1895 г., № 3.

2. *Гришко.* Б. Гриначенка (для дѣтей средняго возраста). Изд. «Посредника», 32 стр. Цѣна 1¹/₂ к.—Посредств. отзывъ въ «Образованіи», 1896 г., № 4 и въ «Воспитаніе и Обученіе», 1896 г., стр. 342.

3. *Июлка.* Разказъ изъ малороссійской жпзни. Изд. Привисникова, 16 стр. Цѣна 3 к.—Посредств. отзывъ: «Русск. Мысль», 1895 г., № 7, «Русская Школа», 1895, № 9, стр. 194 и неодобрительный—въ «Мірѣ Божьемъ», 1895 г., № 10.

4. *Козачка. Одарка. Горпина.*—М. Вовчокъ. Изд. С-Прб. Ком. Гр—ти. 40 стр. Цѣна 4 к.—Выш. отзывъ «Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., № 5, «Мірѣ Божій», 1896, № 2. «Русская Мысль», 1895 г., № 3; Посредств.—«Начальный учитель», 1896 г., стр. 71, и «Образованіе», 1895 г., № 5—6.

5. *Маруся.* М. Вовчокъ. Изд. Ком. Гр—ти. 116 стр. Цѣна 10 к.—Одобрена Министр. Нар. Просв. для начальныхъ библіотекъ и читалень. Отзывы:—Вышіе—въ «Русск. Мысли», 1896, № 8 и «Мірѣ Божьемъ», 1896, № 2; посредственный—въ «Образованіе», 1897 г., № 1.

6. *Павло Чернокрыль.* Маркъ Вовчокъ. Изд. С-Прб. Ком. Грам. 48 стр. Цѣна 3 к. (для взрослыхъ).

Выш. отзывъ—«Мірѣ Божій», 1896 г., № 2; посредств.—«Образованіе», 1897 г., № 1 и «Русская Мысль», 1896 г., № 8.

7. *Перекаты - поле.*—Основьяненко.—Посредств. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ» 1895 г., № 5.

8. *Работница.*—Шевченко. Изд. Москов. Ком. Грамотн. Цѣна 3 коп.

Выш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 4, и «Образованіе» 1895 г., № 7—8.

9. *Сама.* М. Вовчокъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грамотн. 24 стр. Ц. 3 коп.

Выш. отзывъ—«Сѣверный Вѣстникъ», 1895 года, № 5; Посредств.—«Русская Мысль», 1895 года, № 3; низшій—«Начальный учитель» 1896 г., стр. 71.

10. *Сестра. Ледацая.* М. Вовчекъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам. 46 стр. Цѣна 4 коп.

Выш. отзывъ—«Русск. Мысль», 1895 г., № 3; «Начальный Учитель», 1896 г., стр. 71; «Міръ Божій», 1896 г., № 2; «Сѣверный Вѣстникъ», 1895 г., № 5.

11. *Сестрица Галя, Украла и Грицко.*—Б. Гринченко. Изд. „Посредника“. 30 стр. Цѣна 1¹/₂ коп. (Для дѣтей средняго возраста). Посредств. отзывъ въ „Образованіе“ 1896 г., № 4 и «Воспитаніе и Обученіе» 1896 г., стр. 342.

12. *Сказка о десяти братьяхъ разбойникахъ.*—М. Вовчекъ. Изд. С-Пбр. Ком. Грам.—Выш. отзывъ въ „Міръ Божьемъ“ 1896 года, № 2.

13. *Три доли.* Маркъ Вовчекъ.—Посредств. отзывъ въ «Вѣстникъ Воспитаніе» 1897 г., № 3.

14. *Украла.* (Разсказъ для дѣтей). Б. Гринченко. Изд. „Посредника“.—Посредств. отзывъ въ «Образованіе» 1896 г., № 4.

Драматическія сочиненія, дозволенныя драматическою цензурою въ представленію, по 1 сентября 1900 года.

1) *Въ мори безъ кормыла.* Малорусская драма въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Діється въ ваши дни на правомъ берегу Днѣпра. (По литографированному изданію. Литографія московской театральной бібліотеки С. К. Разсокина. Москва, 1900 года).

2) *Дивчина—атаманъ банды розбійныкивъ.* Драматичныя картыны у 5 діяхъ и 8 админахъ, зъ сиввами и танцями. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Діється на Нѣманѣ въ XVII вѣку. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографированному изданію. Литографія московской театральной бібліотеки С. О. Разсокина. Москва, 1900 года).

3) *Дочка Запорожця XVII віку*. Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ Н. М. Качинскаго. (Сюжетъ заимствованъ). (По литографированному изданію. Литографія московск. театральной бібліотекѣ С. О. Разсохина. Москва, 1900 года).

4) *За сырою—Богъ зъ калытою*. Малорусская мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ, Першою половиною XVII віку. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. (По литограф. изданію. Литографія московской театральной бібліотеки С. О. Разсохина. Москва, 1900 года)-

5) *Мое козання* (або «Безъ висты пропавша»). Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ивана Степанченкова.

6) *Палке серце—забулена доля*. Малорусская драма въ 4 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка (По литографированному изданію. Литографія московской театральной бібліотеки С. О. Разсохина. Москва, 1900 года).

7) *Промежь молотомъ та наковадломъ* (!). Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ. Сочиненіе Н. М. Качинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XVIII вѣка. (По литографированному изданію. Литографія московск. театральной бібліотеки С. О. Разсохина. Москва, 1900 года).

—
Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бавенскій Чеславъ. Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскомъ въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго общества въ Западно-Русскій Край». Подъ редакціей профессора Е. О. Будде. Казань, 1900, in 8°, I—XVII, 1—36.

Бахметева А. Н. Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимірѣ. Изд. 3-е. Москва, тип. Гатцука, in 16°, стр. 48.

Бібліотека для русскои молодежи. Выпускъ XXV, —Т. 39:—Селянская дитина. Написавъ Данило Ленкій.—т. 40. Зъ сельскихъ образкѣвъ. Написавъ Данило Ленкій. Коломыя. Зъ печатнѣ І. Брука і снѣлки. 1900. Ст. 64—82. Цѣна 35 кр. (70 сот).

Bielinski Józef. Uniwersitet Wileński, 1579—1831, tom III (Fontes et commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illustrantes, IV). Kraków, 1899—1900.

Bołcewicz B. Katalog monet polskich i z polską styczność mających od czasów najdawniejszych do roku 1795. Warszawa. Тыв. І. Сикорскаго, 8 д., 96 стр.

Томъ 71.—Нябрь, 1900.

II—4

Борзаківський П. Въ началѣ реформы бурсы. (Иязъ воспоминаній). (Одгискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—31.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій (Отд. отт. изъ «Извѣст. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ». Т. V (1900 г., кн 1). Сиб. 1900 г. Тип. акад. наукъ, 8 л., 35 стр.

Witkiewicz Stanisław. Juliusz Kossak. Warszawa, 1900. Nakład Gebethnera i Wolffa.

Вилинскій С. Г. Влазантійско-славянскія сказанія о созданіи храма Св. Софійи царградской. Одесса, тип. «Экономическая», 8 л., 109 стр.

Gawroński Rawita. Fr. Studya i szkice historyczne, serya II: *Losy wielkiej fortuny na kresach ukraińnych; Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki; Kartka z życia społeczeństwa kresowego; Prawo bratne XVI w.; Pogląd na historię rolnictwa w Polsce; Siabrostwo, jako forma władczenia ziemią; Ludowe sądy kupne czyli kopne na Polesiu; Przypada Imię pana Józefa Sieńkiewicza, namiestnika chorągwi tatarskiej; Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki; Ludwika Sniadecka.*—Львів, 1900.

Гоголь Микола. Тарас Бульба. (Виданне «Народної бібліотеки», ч. 4—6). Переклав з поясненнями др. В. Щурат. Чернівці, 1900 р.

Гриченко Борис. Привітання Ганні Барвінок за сороколітню літературну діяльність. Накладом редакції «Літ.-Н. Вістника». У Львові, 1900. Ст. 19, in 8. Ціна 25 сот.

Dunin—Karwicki Józef. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości,—włoskie opowiadania historyczne. Warszawa, 1900.

Збирникъ народныхъ украинськихъ писень. Зібравъ и для хору уложивъ М. Лысенко. Дев'ятий десят. Льв. Редера въ Лейпцигѣ. 8 л., 21 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.).

Ілюстрований календар Прогрѣти на р. 1901. Львів, 1900. Ціна 60 сот. Зміст: Чернігівка, правдива подія з другої половини XVII віку—за М. Костомаровим переповів А. Б.; Добра продаж, купно ще ліпше—оповід. Теод. Яницкого; Про управу найважнішихъ струковихъ рослин; Народні оповідання про пана Кавьовского; Господарські ради; Народні вигадки; Десять заповідей здоровля; Де-що про Київ і его пам'ятки—із ілюстрацією; Гетьман Петро Дорошенко—з трема ілюстраціями; Хорватскій єпископ Йосиф Штросмаер,—з ілюстрацією; Народні рускі товариства у Львові; Правила для руских громад і для Русинів.

Ілюстрований буковинський православний Календар на рік 1901 (річник XXVIII). Чернівці, виданне «Рускої Весіди» (ч. 160), з

друкарні «Руска Рада». Ціна 25 кр. Въ литературномъ отдѣлѣ: Поезиі — *Сид. Воробкевича, Щурата, Галіпа*; «Там звѣзди пробивались» — Ол. Кобилянської; «Зачароване місце» — М. Гоголя; «Як дяків Юстинко допровадив до золотого ковчига»; «Найзнаменитші Київські святині» — подорожні вражіння проф. Еремійчука; «Де-що зъ домашних ліків» — Д. Цігуляка.

Карцовъ, А. С. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Статьи о строеніи и систематикѣ растений, составленная академикомъ С. И. Коржинскимъ. Цѣна 2 р.

Кобищанова, Марѳа Яковлевна. «Не до пары побралысь. Малороссійская драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Курскъ, 1900. Типографія Губернскаго правленія, in 8°, 61 стр. Цѣна 40 коп. (1.000 экз).

Kochanowski J. K. Witold, Wielki książę litewski, studium historyczne. Lwów, 1900.

Kolessa Alexander. Українська ритміка в поезыахъ Bohdana Zaleskiego. Lwów, 1900.

Краткій указатель историко-археологической выставки городского музея. Киевъ, 1900 г. Тип. Г. Розенберга. 16 д., 12 стр. Ц. 15 коп.

Kraushar Alexander. Książę Repniu i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława—Augusta (1764—1798), wydanie nowe. Warszawa—Kraków, 1900.

Książka pamiątkowa uniwersytetu lwowskiego ku uczczeniu pięćsetniej rocznicy fundacyi Jagiellońskiej Uniwersytetu krakowskiego. Lwów, 1900.

Лепкий Богдан. Стрпички. Заходом К. Студинського. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шпйковського. Ст. 106, мал. 8°. Ціна въ оправі 2 кор. Зміст: 1) Посвѣята. 2) Засънѣв 3) Думки і пісні (26 поезій). 4) Любов і жаль (12 поезій). 5) Село (9 поезій). 6) Зъ чужини (6 поезій).

Лотоцкій Инатій, священникъ. Виннице—Бравловскій женскій монастирь и его святини. Немировъ, 1900, in 8°, 1—62 (съ 6 фотографіями). Цѣна 75 коп.

Majewski Erazm. Rodzina Kruków (Corvinae) w mowie, pojęciach i praktykach ludu polskiego (odbitka z XIV tomu 'Wisly.) Warszawa, 1900.

Мох Рудольф. Справа въ селѣ Клекотичѣ. Драматични сцены зъ панцизияннихъ часо́въ. Друге поправлене выдане зъ жителісомъ автора. Львівъ, накладомъ А. Хойнацкого. 1900, стр. XVI+120, in 16°. Ціна 70 сот.

Ожеговъ М. Казачка. | Пѣсенникъ. Изд. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. В. Кона и Одерфельда въ гор. Ченстоховѣ. 12 д., стр. 108. Ц. 20 к.

Перебендя. Острожниця п «Хто винев» — картина К. Зоряна. Львів, 1900. Накладом А. Хойнацкого, in 8°, стр. 31. Ціна 30 сот.

Перетць В. Н. Къ исторіи кієво-могилянскої коллегіи. Панигирики п стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ п арх. Лазарю Барановичу (От. изъ 1 в. XIV кн. «Чтеній въ истор. общ. Нест. Льв-топ.») Кіевъ, тип. Т. Мейвандера, 8 д., 19 стр.

Перетць, В. Н. п А. И. Соболевскій. Западное вліяніе на литературу московской Руси XV—XVII вѣковъ» (Сиб. 1899). Рецензія. (Отд. отд. изъ Извѣст. отд. рус. яз. и словес. Имп. акад. наукъ. Т. IV (1899), кн. 4). Спб. 1900. Тип. акад. наукъ. 8 д., 7 стр.

Приходскія фундашевья училища въ Юго-Западномъ краѣ; — ихъ возникновеніе п средства содержанія (приложеніе къ циркуляру по Управленію кіевск. учебн. округ. за 1900 годъ). Кіевъ, 1900, in 8, 1—175.

Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена. Зладив др. Фр. Стефчик, управитель бюра Патронату для спілок ощадности і позичок при Віділі краєвим у Львові. Львів, 1900. Накладом Виділу краєвого Королівства Галичина і Володимирні з Вел. Княз. Краковським у Львові.—3 друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 322, in 8°.

Письма А. А. Безбородка къ графу П. А. Румянцову 1775—1793. Изданы съ предисловіемъ п примѣчаніями П. М. Майкова. Спб. 1900. Тип. М. Стасюл вича, 8 д., 154 стр.

Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ. (По поводу двадцатипятилѣтій учено-педагогической дѣятельности его). Харьковъ, 1900, in 16°, 1—15.

Равинъ А. Гетманъ Степанъ Острианица. Повѣсть изъ русской исторіи. 1638. Съ рисунками. Изд. 4-е книгопр. М. Клюкина. Москва, 1900 г., тип. Вильде 8 д., 80 стр. ц. 40 коп.

Ремезовъ, М. Разказы изъ русской исторіи. Начало удѣловъ на Руси. Съ 9-ю рисунками («Библіотека Дѣтскаго Чтенія»). Москва, 1900 г. Тип. А. Васильева, 8 д., стр. 32. Цѣна 10 к.

Rachunkowość w gminach wiejskich. Podręcznik o prowadzeniu ksiąg i rachunków gminnych wraz z wzorami przepisanych druków. Зложив Віктор Кробицький. Львів, 1900. Ціна 1 корона.

Романовъ Василій, свящ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полтава, 1900, 8 д., 35. стр.

Салтыкова М. Н. Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакціей Х. Алчевской (Изъ журн. «Русская Школа» за 1897 и 1898 г.) Москва, 1900. Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 8 д., 321+II стр.

Самостойна Украина. Відповѣдь Романа Стефановича на статью п. з. «Українська держава», помѣщену въ 67 ч. «Буковина». Львовѣ, 1900. Накладом В. Будзиновского. З друкарня Ставропигійского института. Ст. 28, in 12. Цѣна 10 сот.

Слѣзо абъ проклятой гарѣлцы абъ жыцци и смърци пѣяницы. Добраму бѣлорускаму народу, на покрапленья яго души и рѣзуму, разказау прыяцяль яго поныцяля трэзвасьци *А. Г. Друкова*на у Пицарбурку 1900 року. Тип. г. Бернштейна, 8 д., 9 стр. (1600 экз).

Соловьевъ В. Великій князь Ярославъ I-й. Съ рисунками. Изд. 3-е Н. Аскарханова. Сиб., тип. Столичная, 12 д., 16 стр., ц. 5 коп.

Стороженко Н. И. Новые материалы для біографіи Шевченка. (Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина»), Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописци. Книга 14, выпускъ II. Изданъ подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1900, 41—61; 45—58; 73—123; 29—90; 3—33. Содержаніе: Археологическая находка въ с. Ласковѣ, Влад. Вол. у., въ 1610 г.—*Е. И. Де-Витте*; Старинные польско-русскіе календари—*А. М. Лазаревскаго*; Матеріалы по исторіи землевладѣнія князей Вишневецкихъ въ Лѣвобережной Украинѣ, №№ I—III,—*О. Д. Николайчика*; Славяно-русская выставка въ С.-Петербургѣ въ январѣ 1900 г.—*И. М. Каманина* и друг.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові, 1900, май—серпень. Ч. 3.

Шевченко Т. Г. Пѣсни и думы кобзаря. Въ пер. И. Бѣлоусова. Москва, 1900. Тип. т-ва Владиміръ Чичеринъ. 8 д., 43+I стр. Ц. 20 коп.

Эварницкій. Д. И. Исторія запорожскихъ козаковъ. Томъ I. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1900 г. Тип. Е. Гербека., 8 д., 688 стр. Ц. 4 р.

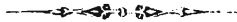
Jaśko wielkanosne. Варшава. Тип. Лешнера, in 16, стр. 39.

Ясинскій М. Н. Къ исторіи апелляціонныхъ судовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Луцкій трибуналь, какъ высшая судебная инстанція для волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго воеводства въ послѣдней четверти XVI в. (Съ приложеніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи луцкаго трибунала.) (Отт. изъ 1 в. XIV кв. «Чтенія въ Истор. Общ. Нест. Лѣтоп.») Кіевъ, 1899—1900. Тип. Г. Мейндера, in 8°, 72+34 стр.

Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали? Львів, 1900. Накладом товариства «Народна Рада». З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 18, in 12°. Ціна 10 сот.

Яновская Л. Идеальный батько. (Отгискъ изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1900, стр. 1—32.

Яків Михайло. В царстві Сатани. Іронічно-сентиментальні картини (Бібліотека «Укр.-руської Видавничої Спілки.» Ч. 21). Накладомъ укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 112, мал. 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1. Осіння неділя в косарні. 2. Погоняч і коняка. 3. Собака. 4. Недоумна. 5. Затроєна шпилька. 6. Що ж робити. 7. Весняний захват. 8. Поганство юрби. 9. З цівлю вічних поезій. 10. Готуріди. 11. Білі вівці. 12. Діва. 13. У наймах. 14. Нухам. 15. Посуди.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

10 октября с. г. состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Оно было специально посвящено докладамъ лицъ, совершившихъ по порученію комитета раскопки и различнаго рода археологическія экскурсіи.

Въ началѣ засѣданія проф. Д. И. Багалъй сказалъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося проф. харьковскаго университета, члена комитета, *Ю. И. Морозова*. «Признательная память о немъ, по словамъ Д. И. Багалъя, должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготовляетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ не мало потрудился на пользу археологій Харьковскаго края; можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ». Ю. И. Морозовъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южно-русской старины; долгіе годы онъ былъ единственнымъ человекомъ въ Харьковѣ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія, собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ университета, а другая передается нашему предварительному комитету его вдовой. Изъ научныхъ археологическихъ трудовъ покойнаго выдающийся—*О городищахъ Харьковской губерніи*. («Х. В.», 1881 № 43, 45). Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его

трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаеть перечень харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосвященнаго Филарета, причемъ пополняетъ этотъ списокъ Сѣверскимъ городищамъ и даетъ болѣе подробное описаніе двухъ, ближайшихъ къ Харькову — Хорошевскаго и Донецкаго, на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Нельзя не привести здѣсь окончанія статьи проф. Морозова:

«...Что пропало, то пропало (говорятъ малороссы) — не будемъ замышлять: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ въ расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! не будемъ также равнодушны къ нашимъ древнеисторическимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при харьковскомъ университетѣ».

Проф. *Д. И. Багалъ* ознакомилъ съ результатами своихъ поѣздовъ въ Екатеринодаръ и Новочеркасскъ для организаціи въ нихъ вѣстныхъ отдѣленій предварительнаго комитета по устройству археологическаго съезда въ Харьковѣ. По наблюденіямъ докладчика, екатеринодарское и новочеркасское отдѣленія комитета осуществить предложенныя ими задачи (собраніе археологическаго матеріала по программамъ, собираніе предметовъ — для выставки, археологическія раскопки и др. экскурсіи), въ томъ числѣ составить и археологическія карты Кубанской и Донецкой областей, изъ коихъ — первая уже почти закончена г. Фелицынымъ, а вторая готовится г. Судной. При посѣщеніи проф. Багалъемъ въ Сумахъ П. И. Харитоненка, послѣдній подтвердилъ ранѣе данное обѣщаніе — принять на себя всѣ расходы по раскопкамъ, которыя будутъ произведены въ его вѣдѣніяхъ Харьковской губ.

Проф. *М. Г. Халанскій* доложилъ о результатахъ своей научной поѣздки въ Курскую губ. М. Г. Халанскій посѣтилъ г. Путивль и нѣкоторые села Путивльскаго уѣзда, затѣмъ нѣкоторые села Курскаго уѣзда, съ цѣлью изученія, такъ называемыхъ, саяновъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ посѣщено село Красная Поляна — съ цѣлью изученія преданій о битвѣ русскихъ съ татарами на красно-полянскои равнинѣ и памятниковъ этой битвы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ прослѣжена бѣлгородская черта укрѣпленій и осмотрѣны древности села Болховца, прежде города Болховца.

Въ г. Путивлѣ вниманіе проф. Халанскаго привлекъ, такъ называемый, «городокъ», кремль стараго Путивля. Здѣсь осмотрѣнъ имъ надгробный камень съ именемъ князя Василія и возвышеніе изъ му-

сора, прикрывающее собою основаніе стариннаго храма. Собраны свидѣнія отъ старожиловъ о находкахъ на городѣ. Изъ храмовъ г. Путивля, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ, особенно много предметовъ хранитъ Молгенскій монастырь. Въ немъ имѣются пожертвованія русскихъ царей и царицъ. Любопытны также памятники эпохи самозванца: тронъ самозванца, икона Жировицкой Божьей Матери и др.

Осмотрѣны также древности Преображенскаго собора XV—XVI вв. церквей Николаевской и Воскресенской XVIII в.

Самой замѣчательной сокровищницей города Путивля является бібліотека изъ старо-печатныхъ изданій, находящаяся при ремесленномъ училищѣ плени Маклакова. Здѣсь собраны первопечатныя изданія московскія и львовскія, затѣмъ многія книги, изданныя въ Краковѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и др.

Изученіе преданій села Красной Поляны, связанныхъ съ такъ называемымъ «голубцомъ», поставленнымъ недалеко отъ Муравской дороги, привело профессора Халанскаго къ выводу, что здѣсь была дѣйствительно битва русскихъ съ татарами, но не въ древнее время, а въ XVII вѣкѣ. Объ этомъ сраженіи, окончившемся побѣдой курскаго воеводы и отнятіемъ полона, набраннаго татарами подъ Ливнами, Ельцомъ и другими городами, есть извѣстіе въ мѣстныхъ курскихъ лѣтописяхъ.

Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ профессоръ Халанскій имѣлъ въ виду выяснить направленіе старой бѣлгородской черты укрѣпленій. Ему удалось достать матеріалъ для полнаго отвѣта на вопросъ, поставленный г. Иловайскимъ: бѣлгородская, называемая здѣсь «татарской», граница направлялась въ одну сторону отъ Бѣлгорода—на Болховецъ, Кульбаки, Карповъ, Путово, Ракитное и Суджу, а въ другую сторону на Старый Городъ, Игуменку, Нежигель или Нежигольскъ, Бекарюково, Сурково, Новый Осколь.

Изъ старинныхъ поселеній на бѣлгородской чертѣ укрѣпленій профессоръ Халанскій посѣтилъ село, прежде городъ, Болховецъ и осмотрѣлъ церковныя и княжыя памятники древности, находящіяся въ церквахъ Болховца.

Изслѣдованіе говоровъ Курской губерніи привело проф. Халанскаго къ установленію слѣдующихъ группъ: а) великорусскіе и в) малорусскіе. Великорусскіе говоры распадаются на двѣ большія группы: а) «егуны» и в) «евуны». Въ группѣ «евуновъ» наблюдаются еще два или три частныя подраздѣленія. «Егуны», т. е. употребляющіе

форму «его» или «яго» вмѣсто «ево», а въ мѣстѣ съ тѣмъ и обанчивающіе имена прилагательныя на «аго» въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, повидному, встарину принадлежали къ литовско-русскому государству; «евуны» относились къ московскому государству. Такимъ образомъ, въ раздѣленіи старинныхъ русскихъ областей на московскія и литовско-русскія, повидному этнографическія и діалектическія различія играли извѣстную роль.

Прочитанъ былъ отчетъ г-жи *Е. Н. Мельникъ*, которая по порученію комитета производила раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ теченіи іюля. Ею раскопано 11 кургановъ въ четырехъ могильникахъ, расположенныхъ у г. Купянска и деревни Воронцовки. Всѣ изслѣдованные курганы, по мнѣнію г-жи Мельникъ, относятся къ концу каменнаго вѣка; только одинъ заключалъ погребеніе варварскаго характера. Они представляютъ весьма значительнаго объема насыпи, покрывающія коллективныя могилы, по нѣскольку въ каждомъ курганѣ. Скелеты въ скорченномъ положеніи сопровождались глиняными орнаментированными сосудами и красною краскою въ большомъ количествѣ.

Е. П. Трифилъевъ, участвовавшій вмѣстѣ съ г-жей Мельникъ въ указанныхъ раскопкахъ, сообщилъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ раскопокъ и о предметахъ, найденныхъ при этомъ. Всѣ раскопанные курганы, по словамъ докладчика, представляютъ могилы съ большимъ или меньшимъ количествомъ скелетовъ въ каждомъ, отъ одного до двухъ. Большинство скелетовъ съ поджатыми къ животу ногами, съ прижатыми къ груди и сѣбленнымъ у рта руками. Черепа почти во всѣхъ случаяхъ—долгіе, съ сильно развитыми надбровными дугами, съ очень низкимъ лбомъ. Во всѣхъ могилахъ были найдены куски угля то разбросанные, то въ видѣ круговъ съ остатками въ серединѣ сгнившаго уже дерева, причемъ ясно видно, что это были колья, предназначенные для поддержанія крыши склена. Погребеніе сопровождалось большею частью погѣщеніемъ возлѣ покойника, у головы, живота, въ ногахъ, отъ одного до четырехъ глиняныхъ сосудовъ. Покойниковъ погребали или просто въ ямахъ на подпочвѣ съ подстилкой изъ золы, или строили для этого деревянныя сѣнцы. Краска находится то подъ головой, то у тазовыхъ костей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываются всѣ кости окрашенными. На основаніи добытыхъ данныхъ, по мнѣнію докладчика, можно раскопанные курганы ввести въ общую классификацію типовъ погребенія, которую даетъ

профессоръ В. Б. Антоновичъ для кургановъ Киевской губерніи, именно, отнести къ послѣднему типу погребенія каменнаго періода.

Въ курганѣ, раскопанномъ у Сватовой-Лучки Е. П. Трифильевымъ, у черепя найдено двѣ бронзовыхъ вещи.

Н. А. Федоровскій представилъ въ своемъ докладѣ отчетъ о произведенномъ имъ изслѣдованіи въ археологическомъ отношеніи мѣстности около Райгородки, Изюмскаго уѣзда. Обслѣдованіе этой мѣстности показываетъ, что она въ смыслѣ существованія городищъ въ настоящее время не представляетъ интереса и въ этомъ отношеніи почти не даетъ археологическаго матеріала. Но подпочвенные пески окрестностей Райгородки заключаютъ нѣкоторый матеріалъ, свидѣтельствующій намъ о жизни здѣсь доисторическаго человѣка, каменнаго вѣка или, вѣрнѣе, переходной эпохи. Райгородка стоитъ, однако, въ этомъ отношеніи не единственной. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ и литературнымъ даннымъ, и въ другихъ пунктахъ Изюмскаго, Старобѣльскаго и Кунынскаго уѣздовъ по Довцу и его притокамъ, находятся признаки стоянокъ каменнаго вѣка въ видѣ обитыхъ кремней и глиняныхъ черепковъ.

А. М. Покровский доложилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ селѣ Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда. Референтомъ раскопано было четыре кургана; первые три кургана дали вещи совершенно аналогичныя: грубую глиняную посуду, сдѣланную безъ круга, покрытую узорами, кремневые осколки и кремневые орудія. Въ третьемъ курганѣ было два слоя погребеній; въ первомъ, не глубоко отъ поверхности—скелеты лежали на боку съ подогнутыми ногами и пригнутыми руками къ туловищу; скелеты были, повидному, обожжены; второй слой былъ ниже насыпи кургана; тутъ были у покойниковъ крашеные костяки; они лежали на спинѣ, руки сложены на животѣ и ноги подогнуты; густо были окрашены голова и конечности—кисти рукъ и ступни. Всѣ три кургана докладчикъ относитъ къ каменному періоду. Четвертый курганъ, по его мнѣнію, принадлежитъ къ другому типу погребеній, но онъ былъ уже кѣмъ-то нарушенъ: всѣ кости въ полномъ безпорядкѣ.

Проф. *Л. Ю. Шенелевичъ* познакомилъ съ результатами своихъ раскопокъ въ окрестностяхъ г. Невели, Витебской губ. Имъ раскопано 55 кургановъ, давшихъ довольно большое количество памятниковъ, весьма важныхъ для изученія культуры древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Результаты этихъ раскопокъ тѣмъ цѣннѣе, что

Невельскій уѣздъ почти не подвергался археологическому изслѣдованію. Кромѣ кургановъ, проф. Шешелевичемъ изслѣдовано нѣсколько городищъ и добыто нѣсколько цѣнныхъ вещей.

Всѣми докладчиками демонстрированы были добытыя, наиболѣе интересныя, вещи. По предложенію г. предсѣдателя, отъ лица комитета была выражена имъ глубокая благодарность за труды и даво порученіе будущимъ лѣтомъ продолжать свои раскопки и изслѣдованія въ тѣхъ-же мѣстахъ, въ которыхъ производились настоящимъ лѣтомъ. Кромѣ того, приняты предложенія М. Г. Халанскаго: произвести раскопки стариннаго храма на «городкѣ» стараго Путявля, обратиться съ просьбой къ духовному начальству о предоставленіи на археологическую выставку при сѣздѣ нѣкоторыхъ предметовъ, хранящихся въ церковныхъ ризницахъ и складахъ безъ употребленія, и особенно старопечатныхъ книгъ, (предположеніе и о. І. Филевскаго) и объ изысканіи средствъ и способовъ къ полученію библиотеки старопечатныхъ книгъ, находящейся въ г. Путявлѣ при ремесленномъ училищѣ имени Маклакова.

Отчеты другихъ членовъ комитета, совершившихъ научныя экскурсіи, будутъ доложены въ слѣдующемъ ближайшемъ зазданіи Выбрана единогласно въ члены комитета г-жа Радакова.

Въ полное распоряженіе комитета и для археологической выставки поступили различные памятники, предметы старины: писанки (отъ учительницы Е. С. Карновой), русскія старинныя монеты (отъ В. И. Николаева), старинныя карты Африки, Америки и Австраліи (отъ г-жи Ю. Лоббовской), писанки (отъ студента В. М. Бойкова), иконы св. Митрофанія и Великомученицы Варвары (отъ п. Чудного), три иконы (отъ г-жи К. С. Ткаченко), бронзовые и желѣзные предметы (отъ И. В. Голоперова); вновь монеты (отъ Т. В. Проскурникова), синодикъ XVIII вѣка, мѣдныя иконы, указъ отъ 1794 года (отъ священника отца Сагарды-Николенко), фотографіи съ нѣкоторыхъ иконостасовъ церкви (отъ о. І. Филевскаго), монеты (отъ А. В. Ветухова). Комитетъ привозитъ всѣмъ этимъ лицамъ, а также г-жѣ Н. Л. Морозовой, глубокую благодарность. («Южн. Край»).

Исслѣдованія и раскопки.

Раскопки могильника у с. Нежиловичъ, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губернии. Раскопки произведены въ сентябрѣ н. г. М. К. Якимовичемъ. Въ полуверстѣ отъ с. Нежиловичъ, съ с.-западной стороны, надъ дорогой въ д. Комаровку, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ расположенъ могильникъ, состоящій изъ 14-ти невдалекѣ другъ отъ друга разбросанныхъ кургановъ. Мѣстность, на которой расположенъ могильникъ, песчаная и еще недавно была покрыта лѣсомъ, слѣды котораго остались на нѣкоторыхъ курганахъ, въ видѣ пней вѣковыхъ деревьевъ; благодаря лѣсу курганы остались нераспаханными и отчасти сохранили свою первоначальную форму; но, по рассказамъ старожиловъ с. Нежиловичъ, лѣтъ 30 тому назадъ нѣкоторые курганы были раскапываемы однимъ изъ управляющихъ графа Браницкаго, владѣльца с. Нежиловичъ, какъ видно, съ цѣлю найти кладъ. Последнее обстоятельство вполне подтверждается какъ внѣшностью нѣкоторыхъ кургановъ, такъ и безпорядкомъ внутри послѣднихъ, что обнаружено при настоящихъ раскопкахъ.

По характеру насыпей, въ могиликѣ можно различить два типа кургановъ.

Курганы первого типа (ихъ всего 6) имѣютъ видъ расилывшихся конусовъ, достигающихъ до 1,5 метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 34 метр., и обведены болѣе или менѣе глубокими рвами, прерванными по большей части въ трехъ мѣстахъ мостками, соединяющими внѣшній берегъ рва съ насыпью; изъ этихъ рововъ и бралась земля для образованія насыпей. Курганы этого типа содержать погребенія безъ сожженія.

Вскрытіе всѣхъ кургановъ этого типа дало слѣдующіе результаты:

1-ый курганъ. Подъ песчаной насыпью въ 1 метръ, считая отъ вершины кургана, на одномъ уровнѣ съ окружающею почвою, лежалъ скелетъ, очень плохо сохранившійся, въ вытянутомъ положеніи, головою на западъ. Въ области таза найдена бронзовая, круглой формы, пряжка, снабженная поперечной иглой. Въ насыпи, надъ скелетомъ, найдена часть глинянаго сосулика, изготовленнаго на кругѣ и украшеннаго волнистымъ орнаментомъ; форма сосуда напоминаетъ и нынѣ употребляемые поваренные горшечки.

2-ой курганъ. При тѣхъ-же обстоятельствахъ, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, обнаруженъ скелетъ, повидному, женщины, такъ какъ у шейныхъ позвонковъ и въ области груди найдена масса стеклянныхъ, разной формы и цвѣтовъ, (посеребренныхъ, позолоченныхъ, инкрустированныхъ) буссъ, четыре сердоликовыя буссы и одна бронзовая привѣска въ видѣ лунницы; у праваго плеча найдено проволочное серебряное неснѣтное кольцо, діаметромъ въ $2\frac{1}{2}$ сант., а у правой руки—такія-же два кольца, діаметромъ въ 2 сант. каждое; съ лѣвой стороны скелета, возлѣ таза, найдены двѣ лунницы, тождественныя первой, нѣсколько стеклянныхъ буссъ, части бронзоваго, сильно окислившагося, предмета, неопредѣленнаго назначеніемъ, какъ бы, части истлѣвшаго деревяннаго гребешка, окованнаго бронзовыми пластинками.

3-й курганъ. Подъ песчаной насыпью, въ 1,15 метр., лежалъ скелетъ въ такомъ какъ и въ предыдущихъ курганахъ положеніи, но сравнительно лучше сохранившійся, вслѣдствіе чего было возможно измѣрить его длину, каковая оказалась равной 1,7 метр.; черепъ, по строенію, можетъ быть отнесенъ къ разряду мезоцефаловъ. У лѣваго бока этого скелета находился желѣзный, сильно заржавѣвшій, ножъ, длиной въ 15 сант., имѣющій форму узкой полоски (1 снт. ширины), съ одной стороны отточенной и къ концу суживающейся; у ножа сохранялись остатки истлѣвшей деревянной рукоятки. Съ правой стороны скелета, прикасаясь обухомъ къ колену, лежалъ желѣзный заржавѣвшій топоръ, съ сильно вытянутымъ полукруглымъ лезвиемъ; съ этой-же стороны, около руки, лежала серебряная семилучистая серьга (московскаго типа), съ шариками на концахъ лопастей; между коленъ найдена бронзовая, сильно окислившаяся, пряжка.

4-ый курганъ. Курганъ оказался поврежденнымъ кладоискательскими раскопками; лишь восточная часть кургана оказалась нетронутой, такъ какъ находившіяся здѣсь конечности ногъ лежали въ такомъ-же направленіи и на томъ-же уровнѣ, какъ и въ предыдущихъ курганахъ. У извлеченной изъ этого кургана части черепа, съ правой стороны, найдены куски четырехъ семилучистыхъ серегъ; благодаря окиси, у этихъ серегъ сохранялись пряди черныхъ волосъ, заключенныя между этими подвѣсками.

5-й и 6-й курганы. И эти курганы оказались поврежденными. Удалось лишь извлечь изъ кургана № 5 черепъ, ничѣмъ не различійся отъ обнаруженнаго въ курганѣ № 3.

Курганы второго типа (8) имѣютъ форму бугровъ, достигающихъ $\frac{1}{2}$ метр. высоты, окружностью-же въ среднемъ до 30 метр.; окружныхъ рововъ нѣтъ. Почти всѣ этого типа курганы имѣютъ въ центрѣ небольшія углубленія, повидному, признакъ прежней ихъ раскопки. По изслѣдованіи трехъ изъ нихъ, оказалось, что подъ насыпью, на одномъ уровнѣ съ окружающей почвой, въ южной части, ближе къ краямъ, лежало по четыре обугленныхъ дубовыхъ бревна, причемъ, два изъ нихъ, достигая почти 2-хъ метровъ длины, лежали параллельно, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ метр., одно отъ другого по направленію съ запада на востокъ, два-же остальныхъ бревна соединяли съ обѣихъ концовъ предыдущія, образуя такимъ образомъ четырехугольники. Между этими бревнами попадалось незначительное количество угля, пережженныхъ-же костей или какихъ-либо предметовъ не обнаружено.

Въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ. *М. К. Якимовичемъ* и въ теченіи истекшаго лѣта продолжались изслѣдованія *дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка* (о прежнихъ изслѣдованіяхъ см. «Лѣтопись», май н. г.). При впаденіи р. Уши въ Припять, возлѣ с. Яновки, около урочища Козій Сюкъ, открыта новая стоянка, давшая тѣ-же находки, что и предыдущія; здѣсь интересны находки кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ прямой острой стороной и съ полукруглымъ тупымъ основаніемъ. Слѣды такой-же стоянки замѣчены и у с. Гриней.

Истекшимъ лѣтомъ *И. П. Запрузскимъ* было раскопано около десяти кургановъ могильника, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ с. Березовая Рудка, Пирятинскаго у. Полтавской губ. Могильникъ заключаетъ около 120-ти невысокихъ насыпей, расположенъ на берегу р. Переводъ. Въ раскопанныхъ курганахъ оказались погребенія какъ на поверхности почвы, такъ и въ материкѣ; въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчено по нѣсколько погребеній. Покойники клались головой на западъ, помѣщались въ гробахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями. Изъ предметовъ найдены кольца и буссы. Могильникъ несомнѣнно славянскій.

Случайныя находки.

На горѣ Нетеребкѣ, расположенной ряломъ съ Княжей горой (у с. Пекарей, Черкаскаго у. Киевск. г.), истекшимъ лѣтомъ найдена превосходной сохранности каменная рѣзная иконка XI—XII в. Высота ея 4,6 см., ширина—3 см., верхняя часть сведена полукругомъ. Рѣзныя (высокимъ рельефомъ) изображенія помѣщены на обѣихъ сторонахъ; по краямъ иконы оставлены ободки. На одной сторонѣ находится болѣе чѣмъ нагрудное изображеніе св. Николая, по бокамъ головы котораго выгравирована глѣбъ надпись Н Н (К) О | Л А. На другой сторонѣ—двѣ фигуры святыхъ во весь ростъ, съ крестами въ правыхъ рукахъ, надписей незамѣтно. Рѣзьба отличается замѣчательной тонкостью, особенно отчетливо отдѣланы складки на одеждахъ двухъ святыхъ; вообще, настоящая иконка можетъ быть отнесена къ числу перворазрядныхъ образцовъ древнерусскаго рѣзного искусства. (Поступила въ собраніе Б. И. Ханенко).

Въ то-же собраніе Б. И. Ханенко поступила другая иконка, найденная на Княжей горѣ. Иконка изъ обожженной глины, четырехугольной формы ($6\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ см.). На ней рельефомъ исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой держащаго крестъ, поднимающійся выше плеча. Работа иконки очень груба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характерна для русскихъ произведеній этого рода нашего княжескаго періода.

Въ Смѣлянское собраніе древностей графа А. А. Бобринскаго недавно поступилъ очень рѣдкій образецъ древняго ювелирнаго искусства. Это золотой, полый внутри, браслетъ, украшенный тончайшей византійской перегородочной эмалью разныхъ цвѣтовъ. Браслетъ найденъ гдѣ-то въ окрестностяхъ м. Моценъ, Черкасск. у., Кіевской губ. и долго провалялся у находчика—крестьянина, не придававшего никакого значенія и цѣны этой находкѣ. Одинъ изъ скупщиковъ—крестьянинъ приобрѣлъ его у находчика за... 5 коп. и продалъ затѣмъ гр. Бобринскому за солидную сумму. Неудивительно послѣ этого, что среди крестьянъ Каневскаго и Черкаскаго уу. скупка и торговля древностями превратилась въ промыселъ.

Близъ с. Салькова, Передславскаго у. Полтавской губ., въ 3-хъ верстахъ отъ Дибра, при паханіи поля, найденъ сосудъ, 3 вершка высотой, украшенный примитивнымъ орнаментомъ изъ полукруглыхъ и косыхъ насѣчекъ. Сосудъ приготовленъ безъ гончарнаго круга и относится, повидимому, къ каменному вѣку. Вообще на поляхъ с. Салькова встрѣчается масса грубыхъ черепковъ, что указываетъ на вѣроятное присутствіе въ данномъ мѣстѣ стоянки.

Возлѣ того-же села, на пескахъ, найдено около 15-ти серебряныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV вѣка.

Всѣ эти находки поступили къ Б. К. Жулу, живо интересующемуся мѣстными памятниками старины и собирающему о нихъ свѣдѣнія.

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Реального училища (на Михайловской площади), при производствѣ земляныхъ работъ для расширенія зданія училища, найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ великокняжеской эпохѣ; именно: сосудъ, двѣ серебряныя монетныя гривны и обломокъ витого браслета.

Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Покровскаго женскаго монастыря, при земляныхъ работахъ, на глубинѣ приблизительно 2-хъ аршинъ, открыто кирпичное сооруженіе въ видѣ погреба со сводчатымъ потолкомъ, длиною 3 сажни, шириной нѣсколько менѣе. Въ данной мѣстности при Петрѣ I, а затѣмъ, въ 1732—37 годахъ, Минихомъ были устроены земляныя укрѣпленія («ретрашаменты») — вѣроятно и открытый погребъ представляетъ изъ себя одно изъ крѣпостныхъ сооруженій этого періода.

Разныя извѣстія.

XII-ый международный съездъ исторической антропологии и археологии. Съездъ происходилъ въ Парижѣ, съ 20 по 25 августа. Кромѣ делегатовъ отъ разныхъ государствъ, ученыхъ виститудій и обществъ, на съѣздѣ присутствовали также многочисленные ученые изъ Франціи и со всѣхъ странъ свѣта. Делегатомъ отъ Науковаго Товариства ім. Шевченка во Львовѣ согласно Хв. Вовкѣ. Реферативъ: Томъ 71.—Ноябрь, 1900

предложенныхъ присутствующими членами и присланныхъ, было такъ много, что большую часть ихъ пришлось докладывать лишь въ сокращеніи. Читались они въ хронологическомъ порядкѣ, соответственно содержанію и согласно программѣ, выработанной бюро съезда: сначала рефераты, касающіеся палеолита, затѣмъ неолита, переходной эпохи, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Рефератовъ, трактующихъ южно-русскія древности, было два: проф. Грушевскаго—Похоронное поле въ с. Чехахъ (объ этомъ рефератѣ см. «Лѣтопись», мартъ н. г.) и Хв. Вовка—О до-микенской индустріи въ неолитическихъ находкахъ на Украинѣ. Послѣдній докладъ заключалъ въ себѣ обзоръ трипольскихъ и другихъ развѣдокъ гг. Хвойки, Бѣляшевскаго и Доманицкаго. Давъ описаніе находокъ, референтъ высказалъ предположеніе, что если найденныя глиняныя сооруженія и представляютъ изъ себя остатки жилищъ (мяѣнія гг. Хвойки и Бѣляшевскаго), то, во всякомъ случаѣ, извѣстная часть ихъ могла быть гончарными печами и мѣстами сожженія покойниковъ.

Представивъ затѣмъ членамъ съезда многочисленные рисунки и фотографіи различныхъ найденныхъ предметовъ (сосудовъ и глиняныхъ статуэтокъ), характерныя особенности которыхъ сближаютъ ихъ съ т. н. до-микенской культурой, референтъ перешелъ къ сравненію украинскихъ находокъ съ подобнаго-же рода находками въ Малой Азіи (болѣе всего въ Каппадокии), въ Галичинѣ (въ Золотономъ Бильчи), въ Буковинѣ, въ Кукутени, въ Угорщинѣ, въ Бутмирѣ, въ Чехіи и въ Моравіи. Сравненіе находокъ, по мяѣнію Хв. Вовка, хотя и обнаруживаетъ большое сходство между ними, но не даетъ возможности считать возникновеніе данныхъ сооружений результатомъ миграціи какого-нибудь одного племени или народа, миграціи, шедшей съ востока на западъ, скорѣе, остатки этой культуры были занесены въ различныя части Западной Европы независимо одна отъ другой. Обративъ вниманіе на то, что всѣ эти находки обнаружены по берегамъ или большіхъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, или ихъ притоковъ: Днѣпра (Бобрлицы и Росв), Буга (Гнилой Тыкичъ), Днѣстра (Збручъ) и Дуная (Прутъ, Сава, Морава), референтъ останавливается на мысли, что распространеніе этой культуры шло въ среднюю Европу воднымъ путемъ черезъ Черное море и впадающія въ него большія рѣки. Упомянувъ затѣмъ о теоріи д-ра М. Гернеса о восточномъ происхожденіи европейской куль-

туры, докладчикъ заявилъ, что онъ вполне присоединяется къ этой теоріи. («Літерат.-Науков. Вістник»).

На уничтоженіе остатковъ старины въ г. Переяславъ, Полтавской губ., обращаетъ вниманіе корреспондентъ «Кіевлянина» въ № 266 этой газеты. «До настоящаго времени, говоритъ корреспондентъ, въ Переяславѣ сохранились слѣдующіе остатки прежнихъ укрѣпленій: во-первыхъ, громадный валъ, съ обширнымъ наружнымъ ровомъ, тянущійся отъ лѣваго берега Альты до праваго берега Трубежа, и во вторыхъ, незначительныя части валовъ, сконцентрированныя въ районѣ, прилежающемъ къ соборной Успенской церкви. И тѣ, и другіе обломки сѣдой старины мало возбуждаютъ интереса въ средѣ мѣстныхъ обывателей». Остатки валовъ у собора составляютъ части древняго переяславскаго дѣтинца. «Отъ валовъ послѣдняго уцѣлѣли лишь небольшія частицы. Но и теперь лежащій съ юго-западной стороны соборнаго погоста валъ имѣетъ въ ширину сажени 3—4, при высотѣ до 2 саж. И этимъ драгоценнымъ памятникамъ старины грозитъ опасность полнаго уничтоженія: въ іюлѣ нынѣшняго года причтъ соборной церкви постановилъ «расчистить валъ, находя, что онъ, не представляя ничего особеннаго въ историческомъ отношеніи, приноситъ собору только вредъ». Грустно подумать, что это постановленіе можетъ быть приведено въ исполненіе, и тогда посѣтителю древнѣйшей части Переяслава ничто уже не будетъ говорить о былыхъ временахъ этого города, на престолѣ котораго когда-то возсѣдалъ Владиміръ Мономахъ. Мы думаемъ, что Императорская археологическая комиссія, на обязанности которой прежде всего лежитъ охраненіе отъ разрушеній памятниковъ старины, не позволить исчезнуть съ лица земли остаткамъ древнѣйшихъ укрѣпленій 1000-лѣтнаго Переяслава».

Московскимъ археологическимъ обществомъ выработанъ проектъ правилъ, запрещающихъ вывозъ за границу древнихъ русскихъ предметовъ; кромѣ того, въ виду все усиливающихся раскопокъ, производимыхъ иностранцами, предполагается воспретить послѣднимъ производить эти раскопки въ Россіи. («Нов. Дня»).

Въ настоящее время въ Министерствѣ Юстиціи обсуждается вопросъ о денежномъ пособіи провинціальнымъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Это давно наболѣвшій вопросъ, на который много разъ было обращено вниманіе, главнымъ образомъ, на археологическихъ сѣздахъ.

видання не могли-би бити волними; надто уволюємъ отъ всякого жнива, кошени и воженя сѣна на потребу войсковую и нашу, одъ податковъ, кромѣ мѣсячного на компанцовъ (компанейцовъ?) даючогося и отъ иншихъ всѣхъ, людемъ посполитимъ звичайнихъ тягlostей; мѣють еднакъ они и повинни будуть ремесломъ своимъ войсковую, т. е. когда колвекъ указоватиметь потреба на войско пѣхотное робити барву и до двора нашего, по древнему обыкновенію, щоколвекъ будетъ на челядь шити или направовати потребно отбувати повинность; поборы тежъ саміе тилко цеховіе и податки ведлугъ давного звичаю знати и тими зъ цехомъ, а не съ посполитими людами, общей городской потребности бити прикладними...“ Въ „листахъ“ тому же кравецкому цеху полковниковъ Носа и Галагана—заключается лишь подтвержденіе правъ, указанныхъ Горленкомъ.

Калачницкій цехъ установленъ былъ впервые при Галаганѣ, и въ „листѣ“ послѣдняго находимъ указаніе основаній для этого установленія: „симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, ижъ донесли намъ вѣдати обыватели Прилуцкіе Филонъ Гордѣвичъ, зъ товариствомъ, же zde, въ Прилуцѣ, доселѣ цеху калачницкого нѣтъ, и того ради въ дѣлѣ калачницкомъ многіе походятъ вестроепія, зачимъ вишеписанние просили насъ, полковника, бисмо позволили имъ, яко то дѣломъ калачницкимъ бавячимся, особливій свой завести цехъ и цехмистра обрати. А такъ ми за слушность прозбу ихъ до насъ внесенную принявши... цехъ дѣла калачницкаго позволяемъ въ полковомъ нашемъ городѣ Прилуце завести... А якъ въ самомъ мѣстѣ Прилуце, такъ и по селахъ до него принадлежащихъ, не повиненъ никто съ козаковъ и посполитыхъ людей безъ позволенія цехмистрового калачовъ и бубликовъ цекти и продавати. А поборы на цехъ ихъ, наложеніе за ратуша мѣского Прилуцкаго, повиненъ кождій подлугъ своего предложена отдавати...“¹⁾

¹⁾ Приведенные полковничьи «листы» приложены были къ Румянц. Описи.

Приведенные документы не указывают намъ всѣхъ Прилукскихъ цеховъ; вѣроятно ко времени составленія Румянцовской описи нѣкоторые цехи или уже разстроились или — потеряли свои документы. Изъ другихъ свѣдѣній мы знаемъ, что въ Прилукѣ въ нач. XVIII вѣка было шесть цеховъ: кравецкій, ткацкій, шевскій, бондарскій, калачницкій и рѣзницкій. По ревизской книгѣ 1729 г.—въ нихъ показано „хозяевъ“: въ кравецкомъ—62, ткацкомъ—55, шевскомъ—42, бондарскомъ—11, калачницкомъ—11 и въ рѣзницкомъ—10 (?). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—цехи въ Прилукѣ уже не указываются, а обозначаются лишь „мастеровые люди“; въ это время ихъ показано: кравцовъ—70, шевцовъ—37, кузнецовъ—23, ткачей—19. Но цеховое устройство у Прилукскихъ ремесленниковъ существовало еще и въ 1786 г., когда Прилуку описывалъ Шафонскій; цеховъ было тогда пять: кравецкій, шевскій, ткацкій, ковальскій и рѣзницкій. ¹⁾

Упомянутое уже въ листѣ Вишневецкого о „канунѣ“, указываетъ, что тотъ или другой цехъ, получая извѣстныя права, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался заботиться о благолѣпії одной изъ церквей, причемъ образовывалъ изъ себя церковное братство. Повидимому, каждый цехъ, получивъ право на свое устройство, вмѣстѣ съ тѣмъ бралъ на себя обязанности церковнаго братства, при той или другой приходской церкви. Если цеха не было, то для заботы о благолѣпії приходской церкви образовывалось самостоятельное церковное братство, на обязанности котораго главнымъ образомъ лежало устройство *кануновъ*. ²⁾

Населеніе Прилуки. Польское свѣдѣніе о томъ, что въ Прилукѣ въ 1604 г. было больше 600 домовъ „осады“ (с. 80)

¹⁾ Шафонскій, 518. Тутъ-же описаны цеховые «значки» и «цешка».

²⁾ Объ отношеніяхъ церковныхъ братствъ къ цехамъ см. любопытный актъ 1687 г., святит. Феодосія Углицкаго—объ установленіи церковнаго братства въ м. Лѣткахъ, Остерск. уѣзда. (Кіевск. Стар. 1897 г., окт., 7). При этомъ можно вспомнить и обстоятельную монографію—о «Южнорусскихъ братствахъ» («Слово», 1880 г., № 9—11), въ которой, между прочимъ, выражено затрудненіе при разрѣшеніи вопроса—объ отличіи ремесленныхъ братствъ отъ церковныхъ.

невыроятно, потому что и въ главномъ городѣ Вишневецчины—Лубнахъ—въ 1628 г. числилось только ок. 170 домохозяевъ. Слѣдуетъ думать, что цифра польскихъ пословъ о населеніи Прилуки имѣла въ виду—усилить впечатлѣніе свѣдѣнія о степени разоренія города.. Въ томъ-же въ 1628 г., въ Прилукѣ, по тарифамъ, показано всѣхъ „дымовъ“—40; считая, что каждый „дымъ“ (жилая постройка) заключалъ въ себѣ даже пять душъ, окажется, что населеніе Прилуки въ 1628 г. не превышало 200 душъ.¹⁾ Затѣмъ, о населеніи Прилуки во втор. четверти XVII в.—имѣется два свѣдѣнія: одно въ документѣ, напечатанномъ Шведцкимъ о 366 „господаряхъ“ (с. 86), а другое—въ Стокгольмскомъ документѣ—о 800 „домахъ“ (с. 3). Къ сожалѣнію, происхожденіе этихъ документовъ необъяснено и оба они не имѣютъ точной даты, почему и трудно судить о ихъ достовѣрности; но быть можетъ свѣдѣніе Стокгольмскаго документа и правдоподобно, въ виду того значенія, которымъ Прилука пользовалась въ послѣдніе годы пребыванія Іереміи Вишневецкаго въ „Заднѣпріи“.

За первую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за четыре момента: 1713, 1728, 1731 и 1740 гг., причемъ свѣдѣнія за первые два момента касаются, впрочемъ, одного только посполитаго населенія.

1713 г. По переписи, произведенной лѣтомъ этого года, в. тов. Степ. Тарновскимъ, въ Прилукѣ было 569 хозяевъ „посполитыхъ“.

1729 г. По этой переписи въ Прилукѣ оказалось „посполитыхъ“ людей можныхъ—69 двор., убогихъ—479, весьма убогихъ—302 и вдовъ 53, всего 903 домохозяевъ, жившихъ въ отдѣльныхъ хатахъ. Кромѣ того, мастеровыхъ было: портныхъ—62, ткачей—55, сапожниковъ—42, бондарей—11, хлѣбниковъ—11 и мясниковъ—(?); всѣхъ мастеровыхъ было 181 домохоз. безъ мясниковъ, свѣдѣніе о числѣ которыхъ въ рукописи утратилось, но, считая, что ихъ было десять, всѣхъ домохозяевъ посполитаго званія въ Прилукѣ, значитъ, было около 1100, а считая семью

¹⁾ Źródła Dziejowe XX, 85 п 69

каждаго домохозяина въ три человѣка, все посполитое населеніе опредѣляется въ 3300 душъ.

1731 г. Въ этомъ году произведена была перепись козаковъ и посполитыхъ, при чемъ въ Прилуцкомъ полку оказалось: козаковъ 86 домохозяевъ¹⁾ и козачьихъ подсосѣдковъ—48 домохозяевъ; а посполитыхъ „свободныхъ“—1075 и ихъ подсосѣдковъ 37 домохоз. Всѣхъ домохоз. было 1246, а душъ, считая по три на семью,—3738. Но здѣсь нѣтъ ни старшины, ни духовенства, вмѣстѣ съ которыми все населеніе приблизительно можно опредѣлить въ 3800 душъ.

1740 г. По этой ревизіи въ Прилуцкѣ оказалось свободныхъ дворовъ—81,²⁾ козаковъ: выборныхъ 25 дворовъ, 29

1) Козаки были подѣлены на четыре куреня: Пукасевъ, Олихвѣровъ, Кустовской и Замостскій. Городскіе козачьи курени обыкновенно назывались по имени своихъ куренныхъ атамановъ, почему и здѣсь первые два куреня назывались по имени куренныхъ атамановъ Пукасы и Олихвѣра. Кустовцы и Замостье составляли предмѣстья Прилуки.

2) Изъ числа хозяевъ «свободныхъ» дворовъ показано: 18 священниковъ, діаконовъ, дячковъ и пономарей, «откущикъ збору государевого» Иванъ Шнурчевскій, четыре ратушныхъ урядника, два «подрядчика Броварской почты», четыре «конюха государевыхъ кобылицъ», «стадникъ при государевыхъ кобылицахъ», «досмотрщикъ государевыхъ сѣновъ», «почтарь почты Прилуцкой», «досмотрщикъ мостовъ, гребель и гатей», бывшій войтъ Леонтій Васильевъ («за службы уволенъ полковою Прилуцкою канцеляріей» отъ повинностей), «индуктарь» Тимофей Браславскій, Евстафій Евстафьевичъ—«въ отчетѣ денегъ о роздачи на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», «шпсаръ двору хоружаго енералнаго», дворъ братерскій кравецкій», «дворъ братерскій шевскій», шесть домовъ, принадлежавшихъ лицамъ «подъ протекціей его высокографскаго сіятелства (Миниха?) по лѣбертаціи застающимъ», пять цехмистровъ, два церковныхъ сторожа, три домохозяина «опредѣленныхъ для вывозу изъ улицъ г. Прилуки», пять «служителей баштовыхъ», два дома старцовъ («Марія Столецковна и Галка дѣвка»), девять дворовъ принадлежавшихъ родителямъ сыновей, служившихъ въ разныхъ канцеляріяхъ («Иванъ Дрофанъ, сынъ его канцеляристомъ судовымъ, Иваниха Гуленкова, сынъ его при войск. енер. в—ріа, Андрей Гуленко, Василь Соляникъ, сынъ его при ратуши»), Андрей Гуленко «при роздачи денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ», четыре школы, четыре «шпитала» и т. д.

хатъ, подмошниковъ—124 двора, 134 хаты, и козачьихъ подсосѣдковъ—105 хатъ, всего 149 дворовъ съ 163-мя хатами и бездворныхъ хатъ—105 ¹⁾. Посполитыхъ, безъ ремесленниковъ, 257 дв., 265 хатъ; мастеровыхъ (цеховыхъ)—156 дв., 257 х., старшинской „скупли“—37 дв., 37 х., и подсосѣдковъ посполитыхъ (т. е. людей, жившихъ въ хатахъ принадлежавшихъ посполитымъ Прилуки)—26 хатъ. Всѣхъ посполитыхъ было 450 дв., 484 х. Въ числѣ послѣднихъ были какъ тѣ, которые работали на ратушу (будущіе „мѣщане“), такъ и владѣльческіе ²⁾. Все населеніе Прилуки, безъ жителей „свободныхъ дворовъ“, заключалось въ 599 двор., 752 хатахъ. Здѣсь мы имѣемъ уже определенное количество хатъ; полагая, что и семей было столько же и полагая каждую семью въ три души, все козачье насе-

---

¹⁾ По этой ревизіи Прилуцкіе козаки подѣлены на три курени: „Олихвѣровъ“, Кустовскій и Замостскій.

²⁾ Это различіе посполитыхъ указывается въ слѣдующей надписи надъ ихъ перечнемъ въ ревизской книгѣ: «Посполитые свободные, до ратуши Прилуцкой прислухающіи, и въ смотрѣніи старшины сотенной и городской содержачіеся». Отсюда видно, что здѣсь перечислены посполитые люди какъ ратушане, такъ и владѣльческіе. Къ послѣднимъ принадлежали 37 дворовъ «посполитыхъ скупленныхъ разными владѣльцами и на тѣхъ же грунтахъ жіючихъ» и 26 хатъ посполитек. подсосѣдковъ, «зъ работы питающихся». Общественное положеніе тѣхъ и другихъ въ ревизской книгѣ пояснено такъ: «съ оныхъ посполитыхъ въ скарбъ войсковій собирается ежегодно по 70 р., 60 коп., да осыпъ годовой (т. е. сборъ зерномъ)—овса и ячменю по 10 четвертей; и оныя деньги, овесъ и ячмень отдаются сборщикамъ». А затѣмъ добавляется: «Вышеписаніе жъ свободніе, до ратуша городского Прилуцкого прислухающіи люде—зъ владѣльческими подданными въ расположеніи для общенародныхъ повинностей и консистенской дачи (*квартирная повинность*) бываютъ въ равенствѣ; точию въ томъ не въ равенствѣ, что изъ оныхъ свободныхъ посполитыхъ, отъ 1732 г. по сей 1740 г. по універсалу покойного гетмана Апостола собирается ежегодно для заплаты таковымъ чиновникамъ, сотеннымъ служителямъ и на канцелярскіе расходы, денегъ 92 р. 84 коп., которые деньги отдаются въ Прилуцкую полковую к—рію». Слѣдуетъ думать, что эта послѣдняя денежная повинность была наложена на «свободныхъ» посполитымъ—послѣ раздачи Апостоломъ «свободныхъ» сель старшинѣ въ ранговое пользованіе.

ніе за 1740 г. опредѣлится въ 2256 душъ. Присоединивъ сюда населеніе „свободныхъ дворовъ“ и полагая, что тутъ было 81 семья, окажется въ нихъ 284 душъ. Остается неподсчитаннымъ еще населеніе старшинскихъ дворовъ (полковника, обознаго и друг., которые сами жили большею частью въ своихъ селахъ), которое опредѣляя примѣрно въ 20 душъ, все населеніе 1731 г. Прилуки опредѣлится, приблизительно въ 2550 душъ. Сравнительная населеніе 1731 года съ населеніемъ 1740 года, мы видимъ разительное умаленіе населенія въ средѣ посполитыхъ „свободныхъ“. Умаленіе это вполне объясняется тѣми жалобами Прилуцкаго мѣскаго уряда, которыя приведены выше (с. 90) относительно тяжести повинностей, требовавшихся въ это время съ этихъ „свободныхъ“ жителей Прилуки. Послѣднимъ стало не подъ силу отбывать городскія повинности и они разбрелись по селамъ...

За вторую половину XVIII в. свѣдѣнія о населеніи Прилуки имѣются за 1753 и 1781 годы.

1753 г. По ревизіи этого года въ Прилукѣ оказалось козаковъ—170 дв. и 27 бездвор. хатъ; посполитыхъ—306 дв. и 119 бездв. хатъ и, наконецъ, подсосѣдковъ—518 дв. и 242 бездв. хатъ. Считая, что каждый дворъ заключалъ въ себѣ одну хату съ одной семьей, окажется, что всѣхъ хатъ (включая и бездворныхъ) было 1338 и въ нихъ столько-же семей, а считая въ каждой семьѣ по три души, все населеніе, безъ старшины и духовенства, опредѣляется въ 4014 д. Въ ревизіи 1753 г. „свободные дворы“ не показаны, слѣд. въ указанной цифрѣ не достаётъ еще и населенія, жившаго въ этихъ дворахъ. Округляя цифру 4014 прибавленіемъ къ ней 136-ми душъ, жившихъ въ старшинскихъ и въ „свободныхъ“ дворахъ, все населеніе опредѣлится въ 4150 душъ.

Сравнивая населеніе 1740 и 1753 гг., оказывается, что за 13 лѣтъ, оно увеличилось приблизительно на тысячу душъ, при чемъ прибыль, и прибыль оч. обольшая, оказалась въ подсосѣдческомъ населеніи; по ревизіи 1740 г. подсосѣдковъ было 63 хаты, а черезъ 13 лѣтъ ихъ оказывается—595 хатъ, т. е, число подсосѣдковъ почти *удесятиряется*. Козачье населеніе въ 1753 г. сравнительно съ 1740 г., уменьшилось на 70 хатъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что населеніе этихъ хатъ было „скуплено“ или—переписалось въ подсосѣдки; остальные, вновь прибывшіе подсосѣдки—явились въ Прилуку изъ другихъ мѣстъ, призванные новыми владѣльцами тѣхъ „плецовъ“, которые пустѣли съ уходомъ изъ Прилуки „свободныхъ“ посполитыхъ.¹⁾

Указанное въ ревизіи 1753 г. число подсосѣдческихъ хатъ (595) принадлежало 67-ми владѣльцамъ, при чемъ послѣдніе, по своему общественному положенію, представляютъ чрезвычайное разнообразіе; кромѣ старшины, тутъ видимъ: „служителя дому его ясневельможности—Саввы Тимофеевича“, „циліурка полкового Василя Василиева“, „писара протопопского Захарія Капленича“, „господаря асаула енералнаго г. Якубовича—Василіева Прохоровича“, „козаковъ Прилуцкихъ Турковскихъ“ (имъ принадлежитъ одинъ подсосѣдокъ) и проч. Всѣ эти лица стремились селить на пріобрѣтенныхъ „печахъ“ подсосѣдковъ, чтобы сначала пріобрѣсти право на нѣкоторый ихъ трудъ, а потомъ, при послѣдующихъ ревизіяхъ, записать ихъ своими „подданными“...

1781 г. Наканунѣ открытія намѣстничества, все населеніе гетманщины приведено было въ извѣстность по сословіямъ и въ Прилуцкѣ оказалось: шляхетскихъ—36 двор., разночинцовъ—34 дв., духовенства—10 дв., церковниковъ—8 дв., а всего 88 двор., принадлежавшихъ привилегор. сословіямъ. Остальное населеніе составляли: козаки—168 хатъ, мѣщане—365 х. и подсосѣдки, владѣльческіе, разночинческіе и козацкіе—294 х., а всѣхъ хатъ—827. Къ этой цифрѣ, для сравненія съ прежними, слѣдуетъ прибавить хаты, находившіяся на предмѣстьяхъ: Чернявщинѣ—85 и

¹⁾ При постоянномъ передвиженіи населенія, «печи» уходившихъ, большею частью, оставались пустыми, какъ это видно изъ ревизской книги за 1740 г., гдѣ, при указаніи ушедшихъ изъ г. Прилуки посполитыхъ, говорится, что ихъ «печи» оставались большею частью *пустыми*, потому конечно, что некому было ихъ продавать,—вслѣдствіи множества уходившихъ. О пустыхъ «печахъ» въ ревизской книгѣ сдѣланы такія поясненія: «Павло Шептувъ—1736 г. зійшовъ въ м. Журавку, а по немъ остался пецъ пустъ, котрымъ пецомъ никто не владѣть...» Такихъ плецовъ, оставшихся «пустыми» по уходѣ изъ Прилуки ихъ хозяевъ, въ ревизской книгѣ 1740 г. показано—76 ть.

въ Замостьи—103; всего такимъ образомъ въ Прилукѣ окажется козаковъ и посполитыхъ 1015 хатъ, т. е. гораздо меньше, чѣмъ ихъ было въ 1753 г. Нѣкоторое объясненіе этой убыли можно найти въ тѣхъ хуторахъ, которые послѣ 1753 года возникли около Прилуки. Хутора эти были устроены преимущественно старшиною, которая могла переводить сюда своихъ городскихъ подсосѣдковъ. Такимъ образомъ, въ 1781 г., въ Прилукѣ съ предмѣстьями было примѣрно—3045 *душъ*.

При перечисленіи Прилуцкаго населенія въ 1781 г., въ первый разъ встрѣчается названіе *мѣщанъ*. Не смотря на то, что это слово южнорусскаго происхожденія, 1) городское посольство стало именоваться мѣщанами лишь въ к. XVIII в.; впрочемъ мѣщанами стало именоваться лишь то городское посольство, которое было подвѣдомо ратушѣ, при чемъ тутъ главную роль играли цеховые ремесленники и промышленники; остальное посольство, состоявшее изъ владѣльческихъ подсосѣдковъ, впоследствии переименовано въ крестьянъ; жившіе въ Прилукѣ казаки такъ и остались казаками. 2)

---

1) Мѣщанинъ отъ слова *мѣсто*==торговый центръ (базаръ) и въ этомъ смыслѣ—городъ; *предмѣстье*—окраина города.

2) Когда въ 1749 г. генер. канцелярія потребовала отъ полковыхъ канцелярій свѣдѣній—какіе именно обыватели, обрѣтающіеся въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ, по гражданскому состоянію,—мѣщанами быть должны, что изъ Прилуцкой полк. к—рии былъ посланъ въ Глуховъ отвѣтъ, что «по справкѣ съ малороссійскими правами, *коиъ именно гражданскаго состоянія обывателей мѣщанами числить должно и что формально мѣщанинъ есть*, хотя точного права не сыскивается, однако по примѣрамъ о головничнахъ и навязкахъ разнаго чина и званія людемъ, въ малороссійскомъ правѣ статутовой книги положенныхъ и по древнимъ малороссійскимъ обычаямъ мѣщанами быть тѣ должны: 1) гдѣ въ малороссійскихъ городѣхъ и мѣстечкахъ магистраты или ратуши и при тѣхъ имѣются ратушахъ государственніи грамоты и древніи привилегіи и протчіи крѣпости албо указы, по коимъ онѣи ратуши состоятъ особымъ правленіемъ и имѣють особыхъ урядниковъ, якъ-то: войтовъ, бурмистровъ, райцовъ, писаря и протчіихъ чиновъ, управляютъ гражданство—и судомъ и расправою и пристойными граждскими распоряженіями, по малорусскимъ правамъ, *то ест обыватели, кои таковому правле-*

Прилуцкія церкви, школы и богадѣльни. Въ Прилуцѣ была церковь уже въ 1628 г., потому что въ тарифахъ этого года

нію подвластны и подсудственны, но мѣвнію полк. Прилуцкой к—ріи, должны быть мѣщанами, якъ о томъ зъ примѣрного малороссійского книги статута розд. 12, арт. 6 права подтверждать сіе неотмѣнно можно, гдѣ мѣщанъ якъ упривилегованныхъ, такъ и меншихъ мѣсть, вмѣняун тѣмъ именовъ отъ мѣста, т. е. гдѣ уже слѣдовательно—таковому, какъ выше писано, мѣскому правленію быть должно, различаетъ отъ людей простого стану, якъ-то: слугъ и подданныхъ владѣльческихъ, положи имъ навязку большую нежели простому тяглому человѣку, какъ о томъ ясно оный 6-й артикуль гласить. 2) При городѣхъ и мѣстечкахъ ремесленніи всякого ремесла люди такожъ и всякіи промысленніи обывателъ, которіи имѣють торговые промыслы и сидятъ съ большими и мелкими товарами въ лавкахъ или и не имѣють лавокъ да имѣя въ городѣхъ дворѣ своя, а за промысломъ съ рыбою, солью и прочимъ—вздятъ по другимъ городамъ, они, по вышеписанному въ 1-мъ пунктѣ изображенному обстоятельству, должны быть мѣщанами, яко подсудственнымъ (ніе?) особому надъ ними управленію, ибо обыкновенно не только при меншихъ, но и при самихъ большихъ и упривилегованныхъ мѣстахъ гражданскаго состоянія обыватели большою частью ремесломъ, купечествомъ и другими промыслы живутъ, а повинности градскими, такожъ и судомъ зависятъ отъ командъ своихъ, ся есть отъ магистратовъ и ратушей, особливо же ремесники всякаго званія, якъ то: кравці, шевці, ткачи, золотарі, слесари и прочіи при городѣхъ имѣють цехи свои и при цехахъ, особій цеховій урядъ и за древній обычай, во знакъ того цехового правленія, хоругви, чрезъ что все отъ селянъ и прочаго тяглого посполства—имѣють немалую разнь, а къ тому жъ по силѣ статутного розд. 4, арт. 5—права въ окладѣ головщины предвозвышенны надъ прочій простой народъ. 3) Въ ревизіальныхъ давнихъ и нынѣшнихъ ревизій книгахъ Прилуцкого полку, въ городѣхъ и мѣстечкахъ, градскаго званія обыватели писанны неодинаково: иногда сами знатнѣйшіи показыванны мѣщанами, а убогшіи и рукодѣліемъ питающіися, такожъ подварчане и пашенніи—писаны были посполитыми, а иногда всѣ генерально—знатніи и убогіи, купечествомъ и ремесломъ и паханіемъ земли упражняющіися, писывали равно—посполитыми и сіе для того, что въ акуратномъ о томъ въ ревизіяхъ показыванія особливою нужды и надобности не бывало, и ревизори въ томъ по произволеніямъ писывали, ибо ревизіи сочиняемы были не для чего иного, но къ единому уравнию всѣхъ обще, какъ козацкаго, такъ посполитскаго званіевъ людей, ко одбуваню общенароднихъ

здѣсь показанъ „1 попъ“. ¹⁾ По Шафонскому (стр. 515) это была церковь Рождества Богородицы, построенная, по его свидѣніямъ, въ 1618 г. Въ 1724 г. въ Прилукѣ было четыре церкви: Преображенская, Рождества Богородицы, Іоанна Предтечи (на Квашинцахъ) и Трехсвятительская (въ Кустовцахъ). Преображенская церковь называется уже въ 1653 г. (Акты Ю. З. Р., X, 199); но затѣмъ, въ к. XVII или нач. XVIII в., церковь эта, вѣроятно, сгорѣла, такъ какъ вмѣсто ея построена была полковникомъ Игн. Галаганомъ новая, каменная. Главную церковью однакожь считалась Рождество-Богородицкая. Къ к. XVII в., она настолько обветшала, что въ 1697 г. взамятъ ея была построена новая, деревянная же. Эта церковь сгорѣла въ 1781 г., въ большой пожаръ. (Шафонск., 315). ²⁾

Изъ Румянц. описи видно, что и въ 1765 г. въ Прилукѣ были тѣ же четыре церкви, при чемъ при каждой изъ нихъ была школа, а при Преображенской и Богородицкой еще и побогадѣльнѣ (*шпиталь*). Въ школахъ жили „молодики и школьники“; напр., въ Преображенской школѣ жило семь человекъ „молодиковъ и школьниковъ“ слѣдующихъ возрастовъ: 39, 28, 25, 25, 24, 15 и 15 лѣтъ. Въ школѣ Предтеченской жило также семь человекъ „молодиковъ и школьниковъ“, слѣдующихъ лѣтъ: 25, 21, 20, 19, 16, 16, 15 и 12-ти. Кромѣ этихъ лицъ, при каждой церкви было по дьячку и по одному или по два пономари; иногда у дьячка былъ помощникъ, называвшійся поддьячимъ. Судя по возрасту указанныхъ „молодиковъ и школьниковъ“, это были молодые люди, повидимому, готовившіе себя

указныхъ повинностей и дѣбелей, отъ коихъ по указамъ, какъ козаки, такъ мѣщане и мужики, кромѣ обоихъ званій чиновниковъ и урядовыхъ и прочіихъ разночинцовъ, не исключаются. Подписали: Обозн. полк. Федоръ Галенковский. Судія полк. Яковъ Огроновичъ. Полков. писарь Иванъ Александровичъ. Полков. асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

¹⁾ Zródła Dziejowe, XX, 69.

²⁾ Шафонскій упоминаетъ еще о Николаевской церкви, находившейся въ Преображенской каменной колокольнѣ; церковь эта сгорѣла въ тотъ же большой пожаръ 1781 г.

на дьячковскія должности и для того изучавшіе, при той или другой церкви, дьячковскую науку; изъ числа этихъ „молодичовъ“ вѣроятно и выходили такъ называвшіеся „мандрованые дьяки“, т. е. дьяки, блуждавшіе по гетманщинѣ, въ поискахъ за мѣстами. Показанные въ описи 1765 г. жильцы Прилуцкихъ школь были, по своему происхожденію, большею частью, люди пришлые; напр., изъ семи школяровъ Преображенской школы,—уроженцовъ г. Прилуки было только двое; затѣмъ, два пришло изъ селъ Заизда и Половой, два—изъ Миргородскаго полка и одинъ—изъ Нѣжина. Изъ трехъ Прилуцкихъ дьяковъ, занимавшихъ эти мѣста въ 1765 г., Преображенскій дьякъ былъ родомъ изъ Обухова (ок. Кіева), Предтеченскій—изъ с. Фащовки (ок. Хоролы) и только третій былъ уроженецъ Прилуцкій. Отсюда видно, что дьяковскія должности замѣщались преимущественно людьми *прихожими*.

Изъ списка лицъ, жившихъ въ церковныхъ богадѣльняхъ (*шпиталяхъ*) видно, что тутъ находили пристанище преимущественно калѣки, но были между ними люди и совершенно здоровые—изъ числа мужей или женъ калѣвъ.¹⁾ Въ богадѣльнѣ

---

¹⁾ Григорій Журавленко, житель Прилуцкій, 40-ка лѣтъ, слѣпъ «на обѣ очи».—Семень Булденко, родимецъ полку Черыславскаго, 25 л., слѣпъ на оба глаза. Жена его Ульяна Куценкова, жителька Прилуцкая, 25 л., никакими болѣзнями не заражена; дочь ихъ Доминикія 1-го года.—Ташко Тарановскій, родимецъ полку Сумскаго, 35 л., никакими болѣзнями не зараженъ, живетъ въ шпиталѣ 6 лѣтъ; жена его Феодосія Бугаенкова, жителка с. Припутень, 40 лѣтъ, слѣпа на обѣ очи.—Иосифъ Лещинскій, житель с. Половой, 30 л., на рукахъ и на ногахъ имѣеть раны; жена его Целая Крившенкова, никакими болѣзнями не заражена, жителка с. Сергіевки, 30 л.; сынъ ихъ Иванъ 7-ми лѣтъ.—Ефимъ Столѣтненко, родимецъ Прилуцкій, 25 л., слѣпъ на обѣ очи.—Григорій Загородненко, родимецъ с. Дубоваго Гая, 23 л., одной ноги не имѣеть.—Ярофей Хигракъ, родимецъ с. Юковецъ, 30 л., на ногахъ имѣеть раны.—Яковъ Савченко, родимецъ полку Сумскаго, 35 л., зараженъ черною болѣзнію.—Яковъ Гладченко, родимецъ с. Липовиць, 18 л., слѣпъ на обѣ очи.—Иванъ Онищенко, родимецъ Прилуцкій, 14 л., слѣпъ на обѣ очи.—Ефимъ Ткаченко, родимецъ м. Борзны, 10 л., никакими болѣзнями не зараженъ; живетъ въ шпиталѣ будетъ одинъ годъ.—Якимъ Хиженко, родимецъ и.

Преображенской церкви въ 1765 г. жило 12 душъ и при нихъ дѣтей, имъ же принадлежавшихъ—4. Персоналъ богадѣльни церкви Рождества Богородицы приведенъ выше полностью.

Укрѣпленія Прилуки. Объ укрѣпленіяхъ Прилуки, кромѣ извѣстія, сообщаемого Павломъ Алеппскимъ, имѣются свѣдѣнія относящіяся къ 1738 г., когда въ виду турецкой войны, по распоряженію Румянцова (А. И.), тогдашняго правителя Малороссіи, были осмотрѣны въ послѣдней всѣ города и городки, которые въ прежнее время были окружены валами. Осмотръ Прилуцкихъ укрѣпленій былъ порученъ бунч. тов. Степ. Томарѣ, который о состояніи ихъ доносилъ Румянцову слѣдующее: „Полковой городъ Прилука—отъ поля валомъ землянымъ вкругъ, а отъ р. Удая высокостью самородной горы—обнесенъ и палисадомъ укрѣпленъ. Около того города валъ во многихъ мѣстахъ осыпался, коло бойницъ земля поосововалась, рогатки вкругъ не всюди поставлены, а которые поставлены, тѣ не свозованы (не соединены между собою), а нѣкоторые и повалились; стежки (дорожки) по валу пороблены, ровъ мисцями затаскався и не вычищенъ; въ пригородкахъ—воротъ, а въ вилазкахъ фортъ и запоровъ никакихъ не имѣется...“ Изъ другаго свѣдѣнія, относящагося къ 1781 г., видимъ, что и въ это время центръ Прилуки назывался *замкомъ*, а его окружность—*городомъ*. Въ этомъ году, 14 сентября, въ Прилукѣ случился большой пожаръ, о которомъ бригадиръ Андрей Салигнакъ доносилъ Румянцову (П. А.), что сгорѣли: „въ *замкѣ*—острогъ, ворота одни, пустой пороховой погребъ и церковный домъ. гдѣ учились школяры, а въ *городѣ*: церкви Рождества Богородицы, Николая Чудотворца и великомуч. Варвары (недостроенная), лавки и дома: Горленка, майора Маркевича, Носенка, Ивана Маркевича, капитанши Сиповой, Пятигорскаго, Огроновича“.¹⁾ Шафонскій, въ своемъ описаніи Черни-

---

Кіевскаго, 12 л., кривій на обѣ ноги.—Параскева Кондратовна, родлмка п. Лубенскаго, 25 л., слѣпая на обѣ очи; сестра ей въ первыхъ Акилина, 13 л., никакими болѣзнями не заражена, родственниковъ въ себе не имѣеть.—Каріъ Колюченко, родимецъ Прилуцкій, 21 года, кривій на ногу и руку». (Изъ Румянц. Описи).

¹⁾ Оба документа пзъ бумагъ (въ копіяхъ) Н. А. Маркевича. Въ пожаръ 1781 г. пострадали и Прилуцкія предмѣстья, въ которыхъ

говскаго намѣстничества, о Прилукѣ говорятъ, что центръ города „составляетъ самый земляной старый городъ и въ немъ лежащій замокъ или цитадель, и за городомъ предмѣстье Квашиницы и тѣ два предмѣстья, которые за валомъ, между Кіевскими и Пирятинскими воротами, лежатъ. Главная крѣпость имѣетъ четыре развалившіяся ворота: Кіевскія или Черниговскія, Глуховскія, Роменскія и Пирятинскія.

Предмѣстья Прилуки назывались: *Квашиницы*, по дорогѣ на Пирятинъ, *Кустовицы*—по дорогѣ на Ромень и *Плескуновка*—за Кустовцами, по Роменской дорогѣ. Всѣ эти три предмѣстья соединены непосредственно съ городомъ. На противоположномъ берегу Удая находились два предмѣстья: *Замостье* и *Чернявщина*, иначе—*Липиницы*. Замостье—поселеніе извѣстное уже съ 1618 г., когда оно называлось и *Гущиницами*.¹⁾ Судя по мѣстоположенію Замостья и близости его къ Прилукѣ, можно предполагать, что это поселеніе возникло, какъ защитное мѣсто для жителей Прилуки, на случай нападенія татаръ. *Чернявщина* поселена была, вѣроятно, полковникомъ Чернявскимъ.

Приложеніе. *Виденіе въ малороссійскую коллегію, какіе зборніе денги въ полковомъ Прилуцкомъ скарбцѣ найдовались, в чѣмъ завѣдованю были и на якіе росходи оніе употреблены. 1725 року.*

За гетманства Ивана Самойловича с прибели арендовой, в городѣ Прилуцѣ будучой, обранно было грошей до скарбцу полкового належачыхъ, чрезъ десять годовъ, 900 рублей, а тіе денги Дмитрій Горленко у килка годовъ, когда уручено ему урядъ полковництва Прилуцкаго, забралъ до себе и не вѣдаемъ того, где оные подѣвалъ. Повторе, тотъ же Дмитрій Горленко взялъ до своихъ рукъ готовыхъ денегъ з таковой же прибели арендовой, за гетманства уже змѣнника Мазепы, отъ року 1690 до року 1697, Василемъ шафаромъ собранной а до скарбцу полкового належачой, 800 рубл.; а если на якіе росходи з оной сумми употреблено що или нѣтъ, о томъ незвѣстни. А що

сгорѣло: мость, четыре мельницы на Удаѣ, винокурня Грудницкаго. Всего въ Прилукѣ сгорѣло въ этотъ пожаръ 74 двора:

¹⁾ Źródła Dziejowe, XXI, 209, 315 и XXII, 175, 233.

болшъ по томъ времени збиралося оной прибели, до запродавня аренди, именно до року 1702 юня 12, о томъ уже нѣхто не свѣдомъ, кромѣ помянутого Горленка, якъ тою прибелю завѣдуючого и до рукъ своихъ обраючого.—Потомъ, когда въ року 1702, знатніе мѣщане Прилуцкіе, человѣка шесть, закупили аренды въ Прилуцѣ, видали чрезъ 6 годовъ тожъ зъ прибели арендовой до рукъ одного жъ Горленка 1200 рубл., яко о томъ Федоръ Кириичъ, тогдашній арандиръ, посвѣдчаеъ, кромѣ армарковъ, которіе онъ же, Горленко, запродаючи, до рукъ своихъ отбиралъ гроши и що зъ оныхъ пошло в расходъ, того мы не свѣдомы, понеже оный Горленко тамъ усѣма, прибелными денгами самъ завѣдовалъ и реестра всѣ, приходніе и расходніе, въ его найдовалися. По отшествіи тежъ помянутого Горленка на противную сторону (т. е. послѣ его ухода съ Мазепою) немѣючи за що нѣ пороку купити, а нѣ жадной амундиці до артиллеріи полковой Прилуцкой належной, справити, просили покойного гетмана Скоропадского о опредѣленне намъ певной части з добръ Горленковихъ въ награжденіе прибелной сумми, овимъ Горленкомъ забранной, и помянутой гетманъ опредѣлюлъ былъ намъ куховъ сорокъ селѣтры, з которой продали 30—за 1100 рублей, а 10 куховъ оставили для пороку, з якої селѣтры дѣлаючи порохъ, всякіе походы войсковіе и прочіе въ городъ нашемъ публѣчніе отправовали окказіи. А взятіе вишинисанніе денги за оную селѣтру были въ завѣдованію Михайла Григорьева (Огрововича), бывшего судіи, а вынѣшнего обозного; потомъ въ Андрея Васильева, тожъ судѣ полкового Прилуцкого, а по немъ въ Івана (Марковича), такожде судѣ Прилуцкого, и что которій зъ той сумми въ расходъ пустилъ, о томъ ниже сего слѣдуетъ. *Расходъ Михайла Григорьева.* Року 1710, когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ пришолъ з Прутовской батальи въ Прилуку, на квартиру, далъ на поклонъ, за совѣтомъ всей старшины, 10 чрвонихъ, по 2 рубля розмѣненнихъ, а матерію купили въ Нѣжинѣ за 40 рублей.—Року 1711, по указу гетманскомъ, далъ Тимофѣю Василюву, войтови прилуцкому, на рослатку долговъ ратушнихъ, за разніе рѣчи подъ дивизій великороссійскихъ, з под Полтавы чрезъ Прилуку простуючихъ, набратіе, 300 р.—Того жъ году, помянутому войтови, когда ездилъ в градской потребѣ до Глухова, далъ 8 рублей — На позолоченіе булавы пскловой далъ 6 чрвонныхъ, по два рубля розмѣненнихъ.—Року 1713, якъ пришолъ помянутой фелтмаршалъ г. Шереметевъ зъ Москвы въ Прилуку, далъ, за совѣтомъ же всей старшины, на поклонъ чрвонихъ 10, по 2 рубля розмѣненнихъ.—И того въ расходѣ Мих. Григорьева 400 рубл. А

остальных 700 р. онъ Мих. Григорьевъ, отдалъ в руки своихъ в завѣдованіе Андрею Васильеву. *Росходъ Андрея Васильева.* Року 1716, априля 10, на узварь велик. князя государя царевича Петра Петровича далъ 50 чирвонихъ, по 2 рубли розмѣненнихъ.—Когда фелтмаршалъ г. Шереметевъ простовалъ чрезъ Прилуку въ Лубнѣ, за совѣтомъ всей старшины, на поклонъ далъ 10 чирвоннихъ, по 2 р. розмѣненнихъ.—Для купленя коней подемнихъ до артиллеріи полковой, далъ 137 руб.—Року 1717, марта 1, Безсалскому (изъ с. Безсалъ) пороховниковѣ Мартину Хведоренку, по указу полковничомъ, далъ р. 3 и 25 коп.—Марта 12, Прилуцкимъ пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ р. 4 и коп. 50. Марта 15, на сѣрку до ярмарку Борзенского, Овасковѣ Шапошниковѣ далъ р. 2.—Априля 3, Матвѣю Давидовичу на сѣрку далъ 2 р. и 40 коп.—Апр. 7, на казанъ пороховникамъ Прилуцкимъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку далъ 3 р.—Априля 12, Грицку Дубелю, атамановѣ городовому, на сѣрку 3 р. 45 коп.—20, пороховникамъ Семидѣ и Джигеленку—2 р.—Мая 6, имъ же—2 р. 50 коп.—20, Грицку Дубелю на сѣрку 40 к. іюня 16, Ониску Шапочнику на камень (50 ф.) сѣрки.—2 р.—іюля 3, Гр. Джигеленку и Матв. Семидѣ, за 15 каменей пороха—7 р. 50 к.—Року 1718, апр. 17, ишелъ полкъ Прилуцкій до Царицына на левѣйную работу, далъ для всякихъ войсковыхъ потребъ Мих. Григорьеву обозному полковому, рубл. 100. Итого в росходѣ Андрея Васильева—390 р. А по преставленію упомянутого Андрея Васильева, принялъ за совѣтомъ всей старшины Иванъ Марковъ до своихъ рукъ оставшихъ 310 р. *Росходъ Ивана Маркова.* В року 1719. Леонтію людвясару, за вилетте арматъ, штукъ чотирохъ,—46 р. Книжокъ купилъ до церкви войсковой 4 р. За 30 дубовъ, якне пошли на рештованне для вилитти арматъ, заплатилъ 3 р. 60 к., на сѣрку—70 к.—Мих. Кгондзаку, отаману Прилуцкому, для заплаченія пороховникамъ Матвѣю Семидѣ и Грицку Джигеленку за зроблене пороху 10 р. По словесному указу покойного п. гетмана Скоропадского, далъ въ Глуховѣ г. капитану Чевкину—60 р. Когда Федоръ Марковичъ, сотникъ тогдашній полковій Прилуцкій, ишолъ въ походъ Ладожскій, далъ для войсковой потребности—120 р.—Року 1722, плучи в походъ Дербенскій, кушилъ коней до арматъ за 40 р.; въ томъ же походѣ далъ писару полковому Ѡ. Галенковскому для росходовъ войсковыхъ—16 р.—Да въ томъ же походѣ слугамъ войсковымъ, армашамъ и пушварачъ, на провіантъ стратилъ 9 р. 70 к. Итого въ росходѣ Ивана Маркова 310 р. А всѣхъ денегъ въ расходѣ 1100 р.—Михайло Григорьевичъ, обозній полковій Прилуцкій. Ѡедоръ Голенковскій, писаръ полк. Прил.

Михайло Мовчавъ, асулъ полк. Прил. Иванъ Семеновичъ, хоруж. полков. Григорій Николаевичъ, прапорщикъ полков. Петръ Носенко сотникъ полков. Леонтій Василювъ, войтъ Прилуцкій. 1)

Полковская сотня. На основаніи „Реестровъ“ 1649 г. можно полагать, что тогда было четыре полковыхъ сотенъ (см. стр. 304, 305 и 308); но изъ послѣднихъ свѣдѣній за XVII в. важна уже только одна полковая сотня, при чемъ Переволочанская сотня, показанная по „Реестрамъ“—отдѣльно, съ к. XVII в. сливается съ полковою. Полковая сотня была наибольшею въ полку; она занимала оба берега Удая и заключала въ себѣ до 50-ти поселеній, кромѣ хуторовъ.

Полковые сотники. Иванъ Шкуратовичъ, 1649. Иванъ Даниловъ, 1659. Федоръ Семеновъ, 1669 (Акв. Ю. З. Р., VIII; 61). Остапъ Маценко, 1687—688. Яковъ Кондратьевичъ Золотаренко, 1690—1709. Иванъ Марковичъ, 1709—719. Федоръ Марковичъ, 1719—724. Петръ Ивановичъ Носенко (Вѣлецкій), 1724—733. Степанъ Степановичъ Лукомскій, 1737—744. Андрей Ивановичъ Гуленко, 1747—751. Георгій Петровичъ Вѣлецкій-Носенко, ок. 1760 г. Григорій Гудима, 1769—781.

Шкуратъ или Шкуратовичъ, по свѣдѣніямъ Максимовича, (с. 5) былъ потомъ полковникомъ и убитъ подъ Берестечкомъ. Сотникомъ онъ значится по „Реестрамъ“ 1649 г., но болѣе раннее извѣстіе о немъ имѣется въ актѣ Іер. Вишневецкаго 1643 г., откуда видно, что въ это время онъ былъ Густынскимъ мельникомъ. 2)

1) Арх. генер. канцел., по Черниг. описи № 2559.

2) Приводимъ актъ полностью—«Іеремія Михаилъ Корибутъ князь на Вишневду. Вѣдомо чинимъ самъ листомъ моимъ рукою власною подписаннымъ и печатію утвержденнымъ, яко назначилъ и назначаю *Ивановъ Шкуратовичу, мельниковъ Густынскому,* взглядомъ коштовъ его, роненныхъ на млинъ на р. Удая построенный, въ которомъ колъ двѣ—мучное, а другое ступное, конъ 80 латовской лѣчби, на томъ млинѣ ассекуючи певность тоей сумми, ему и потомкомъ его или кому бы онъ.. далъ, даровалъ, продалъ, съ права

Маценко—сынъ полковника—получилъ въ 1690 г., отъ Мазепы, с. Дѣдовцы, которое по смерти М—ка перешло къ сыну его Антону, бывшему полк. хоружимъ.

Золотаренко сотниковаль при Мазепѣ, который уже въ 1690 г. далъ З—ку д. Буды. Сотникомъ З—ко отставался и въ 1709 г., когда Скоропадскій прибавилъ ему къ Будамъ и сосѣдніе Сезьки; но въ этомъ же году З—ко отъ сотничества былъ отставленъ, вѣроятно, потому только, что это мѣсто потребовалось для однихъ братьевъ гетманши. З—ко въ 1717 г. былъ взятъ въ Москву, едва ли не будучи привлеченъ къ слѣдствію о Мазепищахъ. Изъ Москвы З—ко писалъ въ одному изъ Густынскихъ монаховъ: „Честній отче Дамаскинъ, мой зичливій пріятелю. Узятій я по указу до Москвы, прошу честности вашей—зволте поражать (рада—совѣтъ) мою господиню въ чемъ потребовать. Приказую честности вашей всѣмъ грунта Колесницкіи, за гроши купленіи, svolте, честность ваша, обѣхати и оглядѣти, где якіе есть. Ежели послеть Господь мнѣ смерть—половина на монастырь, за душу мою, а половина жонѣ моей, а дворъ жонѣ моей у мѣстѣ (т. е. въ Прилукѣ) во всѣмъ набиткомъ, що маеть въ рукахъ; а зъ моихъ кривныхъ нѣхто не повиненъ ей турбовать; а

отъ мене принятого, вступилъ добровольнѣ; самъ ведлугъ обичая давного, употребляя позитковъ ноки похощеть не отдавати млина отъ себе, такъ въ мѣрочкахъ, яко и въ готовыхъ грошей (грошахъ?), сохранивъ и порядокъ здешнихъ маестностей. Податки жъ по повинности всякіе зъ инними мелничками отдавати пмѣтеъ или до скарбу моего или кому то валежати за правомъ, албо за особливою ласкою моею будетъ, которій вступати млина своего никому не обовязуется, естли-бы въ державѣ его хотѣлъ кто имѣти, свовти, ижъ развѣ бы за доволнимъ награжденіемъ собѣ сумми тймъ листомъ вышеописаннымъ. Однакъ, когда бы не тщаливий былъ въ направи млина, можетъ арендаръ за вѣдомостью и рѣшеніемъ о томъ зъ державцею или самъ державца отобрати млинъ пмѣтеъ и отдати сумму, а иначе жадной не творить перешкоди, когда исполняти повинности своей никогла не занедбаеть. Данъ зъ Лохвицѣ, 29 дня октовріа, року 1643». (Изъ Румянц. Описи). Смыслъ этого рѣдкаго акта не вездѣ понятенъ, конечно, отъ неточнаго перевода съ польскаго, но тѣмъ не менѣе отсюда мы получаемъ нѣкоторое понятіе о хозяйствѣ В—аго въ «Задыбріів».

прилуцкій полкъ.

родному брату по далемъ письмо на Голѣвщину, по волѣ вашой з отцемъ Дамаскиномъ, ежели будетъ жону мою слушать... Тое ознаяую, же я братови своему и шеляга не виненъ... И отчизна вся ему осталась. Кромѣ, далемъ на м—ръ Густынскій въ Корсунѣ, на Росѣ, куплений отъ Кандиби млинъ на Вышпихъ Букахъ за душу отцеву и матчину... 1717 року, августа 5 дня. Яковъ Кондратовичъ Золотаренко рукою¹⁾. Изъ этого письма видно, что З—ко былъ выходець съ праваго берега Днѣпра и что онъ былъ хорошо грамотенъ. Изъ Москвы З—ко повидимому не вернулся, потому что по акту 1721 г. жена его Марья отдала Густынскому м—рю разные „грунта, легованнѣ“ покойнымъ мужемъ ея, а въ томъ числѣ „между Колесниками, Будами, Сорочинцями и Половою найдуючійся куть, прозываемій Пороховщина“. Въ 1724 г. вдова З—ка уже была замужемъ за Климомъ Янжуломъ, сотникомъ Топальскимъ, продолжающая владѣть Сезьками и Будами.

Марковичъ Иванъ—одинъ изъ сыновей „славетнаго пана Марка Аврамовича“, отца гетманши Скоропадской²⁾—былъ назначенъ полк. Прилуцкимъ сотникомъ, повидимому, вслѣдъ за поставленіемъ Скоропадскаго гетманомъ, такъ какъ въ универсалѣ, написанномъ въ Лукомлѣ, 21 марта 1709 г., М—чъ называется уже сотникомъ: „респектующи мы на згодность до услугъ войсковыхъ п. Ив. М—ча, сотника полк. Прилуцкого, надаемъ ему часть войсковую въ млинахъ Семенюты Коломійця, на Новой Греблѣ, о чтирохъ колахъ“... Засимъ, Скоропадскій далъ М—чу еще пять универсаловъ на маестности: 1) 1709 г., 21 сент., на с. Кроты (при р. Удаѣ); 2) 1711 г., янв. 10, на укрѣпленіе за М—чемъ всего Новогребельскаго имѣнія Коломійца, сыновья котораго продали М—чу двѣ мельницы на Нов. Греблѣ за 1100 золот.; 3) 1711 г., 21 сент., на с. Колесники и на „сѣножать“ при рч. Росоши; 4) 1714 г., 5 янв., на водяныя мельницы въ м. Переволочнѣ, „да къ тому гетманъ далъ М—чу четырехъ рѣбалокъ и восемь человекъ

¹⁾ Изъ Румянц. Описи.

²⁾ См. Опис. Стар. Малороссіи, П, 419.

тяглыхъ людей, для помощи до двора Переволочанского, тамъ же около двора его живущихъ, въ полное его владѣніе“. 5) 1714 г., 10 сент., подтвержденіе „на десять хатъ посполитыхъ въ м. Переволочнѣ, данныхъ М—чу Прилуцкимъ полковникомъ“ и 6) 1717 г., 15 іюня, подтвержденіе на мельницу въ уроч. Нежеровскомъ, данную М—чу тѣмъ-же полковникомъ, и „на людей около дворовъ Переволочанского и Нежеровского, на власныхъ его, М—ча, купленныхъ земляхъ живущихъ“. Всѣ эти маестности были укрѣплены за М—чемъ царскою грамотою 7 іюля 1718 г. 2) Нѣтъ сомнѣнія, что всѣми этими милостями М—чъ обязанъ былъ близкому своему родству съ гетманшею Скоропадскою.—На сотничествѣ М—чъ оставался до 1719 г., когда за смертью Андрея Себастьяновича, былъ поставленъ полков. судьей. Любопытнымъ памятникомъ судейской дѣятельности М—ча сохранилось его письмо къ своему полковнику Галагану—о защитѣ юрисдикціи полковаго суда отъ „чина духовнаго“. Какъ видно, этотъ вопросъ интересовалъ всю полковую старшину, которая и просила гетмана защитить „свѣтскую власть“ отъ духовной. М—чъ, въ августѣ 1719 г., писалъ „Любо вм. м. п. и добродѣй, во всею полку Прилуцкогю старшиною, подалъ... его м. п. гетману, подъ часъ бытности его панской велм—ти въ Прилуцѣ, на санъ духовный суплѣку, же въ мирскіе наши дѣла интересуются; однакъ оніе и до днесь не занехали намъ чинити препятія, поневажь и самому вм. м. пану явно есть, же если где случится справа въ протопопіи Прилуцкогю о блудодѣваніи или о забойствѣ (убійствѣ), то нѣмъ еще учинится передъ судомъ нашимъ розискъ и фероване справы (производство дѣла), напередъ оніе особы духовніе на свой санъ поберутъ знатніе, по своему хотѣнію, неналежае вины (штрафы), чого нѣкогда въ полку нашемъ не бывало, ибо въ томъ не труждаючися, неприлично и брати. Якожь и прошлого тижня, еще при битности вм. м. пана, Антоновского человѣка, въ семидесять годовъ далѣй будущого, учинивши забойцю, же яко бы жону свою

2) Изъ этой-же грамоты беремъ и свѣдѣніе о перечисленныхъ универсалахъ, кромѣ перваго и третьяго, подлинниками которыхъ мы пользовались изъ семейн. архива Н. А. Маркевича.

убилъ, прежде розиску и певного свидѣтельства, о. намѣстникъ Варвинскій овлѣ (возлѣ) тѣла (убитой) цѣлую ночь держалъ, и насилно взялъ въ оногo чeлoвѣка на 70 золот. вини, которому теперь, при старости лѣтъ, нѣчимъ и контентоватися, бо хочай то тотъ чeлoвѣкъ и самъ признаеть, же разовъ три жону свою ударилъ паличкою тоненкою, однакъ, потомъ, оная ходячи безъ стогнани, що потребно бывало робила, и уже у килка днѣй лѣгши, у тиждень померла. О чомъ изволь, вм. м. панъ, его павской велможности предложити и просити знову его панского респекту, чтобы зъ сану духовного в такіе дѣла не интересовался нѣхто, але своими би парафіяльными доходами, якіе по своему хотенію, безъ всякой перепони, берутъ, контентовалися, бо если-бы мѣла духовная власть тіе себѣ невалєжніе подгорнути приходи, *то зъ чого будетъ и власть свѣцкая жити*, развѣ зъ того, чтобы тилко градскіе порядки устроєвати и всякіе трудности отбувати дармо! Да и се новий образецъ отъ духовнихъ особъ является, ижъ бы зъ мирской власти до настановлення ктиторовъ нѣхто не интересовался, развѣ для того самого, щобъ не вѣдали що въ приходахъ церковнихъ будетъ прибєли, а до того, ижъ-бы волно было имъ ктиторовъ нѣбъ (какъ будто) своихъ поданныхъ, куда потреба посилати и поборы необычніе зъ ихъ брати, а общеналежитой бы повинности не отбувати"... Изъ этого любопытнаго письма видно, что „свѣтская власть“, отстаивая юрисдикцію полк. суда, боялась потерять тѣ доходы, на которыя она жила. Духовенство, съ своей стороны, боялось выпустить изъ своего вѣдѣнія тѣ преступления, преслѣдованіе которыхъ можно было связать съ обязанностями пастырей... Какъ видно, обѣ власти ревниво боролись за получаемые доходы. ¹⁾

М.—чъ пробылъ на судействѣ пять лѣтъ и въ 1724 г. умеръ, оставивъ пространное духовное завѣщаніе, сущность котораго приводимъ здѣсь вкратцѣ.—Литературная часть въ завѣщаніи, по обыкновенію, забыта не была.—„Вѣдаючи не тилко отъ писанія божественнаго, но и отъ повседневнаго искусства и

¹⁾ Съ подлинника въ арх. Н. А. Маркевича.

досвѣдченія на всемъ родѣ человѣческомъ собивающагося декрету Божія исполненіе,—земля еси (человѣче) и въ землю наки возвратишия, по которомъ всякому рождшемуся предлежитъ конецъ житія смерть; тая же частокротъ безвѣстно, аки тать, прежде здравія, а потомъ и житія людского дражайшее похищаетъ сокровище. И себѣ таковаго, а иле (особенно) при слабости здоровья, опасуючися случая, еще при доброй и совершенной памяти, Богомъ данное мнѣ таковымъ чиномъ распорядкою имѣніе.—Прежде всего пла рѣчь о душѣ, причемъ указывается, что „молитвами и милостынями и по смерти творимыми, очищаются грѣхи и душамъ на одолѣніе воздушныхъ митарей весьма бываетъ помощь“, почему завѣщатель прежде всего назначаетъ „опредѣленную сумму“ на „сорокоустныя прошенія“, поручая женѣ и брату Федору роздать деьги по принадлежности. Тѣло свое М—чъ завѣщаетъ похоронить въ Густыньскомъ м—рѣ, причемъ „на незабвенное въ той же обители моего недостойнства, говорится въ завѣшаніи, поминаніе, кромѣ суммы денегъ опредѣленной, легую тому жъ святому мѣстцу зъ половины сребра и цѣни (олова), сколько оныхъ ваги винайдется, часть одну цѣлкомъ маеть туда отдатися, а другая часть таковая жъ на м—рѣ Мутинскій повинна быть отдана“. Затѣмъ идутъ слѣдующія распоряженія: 1) „Ясневелможной еи м—ти паней Анастасіи Марковнѣ, гетмавовой, яко паче матиць и добродѣиць моеи дознанной, нежели сестръ, на Новой Гребль коло едно млива, заразъ по смерти моеи въ вѣчную легую поессію“. 2) Его мил. п. брату моему Андрею Марковичу, полковн. Луб—у, хуторъ мой въ *Перерывиняяхъ*, на незабвенную и по смерти любовь, отписую“. 3) „Тысяча золотыхъ, по представленія славнія памяти покойного его м. п. родича моего, взятая мною за пай противъ млиновъ, которіе паномъ братомъ моимъ остались, маеть дагна быти въ вѣчную мою памятку, на ровній подѣль всѣмъ панѣямъ сестрамъ моимъ, кромѣ паней Павловой (Имшенецкой), которая, яко потомства неимущая, вѣмъ певне подѣлу того не требуетъ“. 4) „Другое воло млина, тамъ же на *Новой Гребль* будучого, дѣтемъ брата моего Федора—Димитрію и Григорію—отписую, зъ которого мѣють они такъ на свои труда въ наукахъ будучи, якъ и потомъ доросши

лѣтъ, спокойно приходѣ себѣ употреблять. А сукнѣ (платье) мои и весь войсковый аппараментъ и модерунокъ мой всѣмъ уже дѣтемъ того п. брата моего Федора легую“. 5) „А понеже панѣ малжонва моя и сожителница моя одѣ первого дне своего зо мною сожитія, честно и безъ всякаго порока жизнь свою провождала, любовь свою ко мнѣ всегда вѣрно и вѣрность малженскую всегда любовне хранила, въ господарскихъ (хозяйскихъ) дѣлахъ тцательно, сколько силъ ея ставало, тружда-лася къ собранію того, что Господь Богъ намъ, по богатству милости своеѣ, до шафунку (для жизни) благоволилъ дати, яко помощница мнѣ отъ его божественного промысла дарованная, прилежную денно и ноцно помощь подавала и моеѣ къ себѣ любви и пріязни супружеской, чрезъ все сожитіе свое зо мною, неповредити пилю старалася; того ради все имѣніе мое, движимое и недвижимое, въ нею набитое, кромѣ того тилко что кому въ семъ же тестаментѣ легковалося и нижеѣ въ реес-трахъ положится, оной въ зуполное и безпрепятственное владѣніе *доколь живота ея и доколь на вдовиномъ столу (столу) сидѣти будетъ*, симъ моимъ послѣднимъ тестаментомъ запи-сую, а именно: *села Колесники и Кроты*, монаршою грамотою премилостиво стверженныя, *дворъ въ г. Прилуцѣ*, въ которомъ жию, *дворъ шинковній* за городомъ и *хуторъ надъ Мужовцемъ* и *вомору въ ринку стоячую, дворъ въ Сорочинияхъ, хуторъ въ Колесникахъ, хуторъ въ Нежеровѣ, дворъ въ Переволочноѣ* за мѣстечкомъ и людей на власныхъ моихъ купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тихъ, которіи по наданню гетманомъ, монаршою заврѣпленію грамотою, тамъ же найдутся, *хуторъ въ Линовицѣ*, млины въ *Новой Гребль...*“ (а за симъ слѣдуетъ перечисле-ніе разныхъ „сѣножатей“). „Сребра и цѣни, сколько того всего ваги винайдется, половина при ней же панѣ малжонце моеѣ мѣтеъ знайдоватися. Виключивши однакъ грунта Переволочанскіе, дворъ за мѣстечкомъ, дворъ въ мѣстечку, млинь въ Новой Гребль и лѣсъ подъ Ичнею—Поповскій—ей, панеи малжонце моеѣ, во вѣчность легую и даю волю ей же теми грунтами, яко и всѣмъ движимимъ имѣніемъ, такъ за живота своего, яко и при кончинѣ, якъ хотѣтъ владѣти, дати, продати или кривнимъ своимъ даровати, чили на церкви божественніе албо

монастыри леговати. Варую, жебы що вромѣ сихъ, во вѣчность ей легованныхъ грунтовъ, зъ того нѣчого не продала и не отдала нѣкому по смерть свою. По смерти же ея, грунтами мнѣ зъ дому отческого доставшіесь, такимъ мають и повинни будуть распорядитися чиномъ: его м. п. брату, полковнику Луб-му, дворъ шинковній на предградіи Прилуцкомъ, дворъ городовой, въ которомъ жию, синовцу моему, а п. брата моего Феодора синовѣ Дмитрію, хуторъ надъ Муховцемъ и хуторъ въ Колесникахъ—другому синовцу моему, а синовѣ того жъ п. брата моего Григорію; хуторецъ въ Рудовцѣ отческій—п. сестрѣ моей Иринѣ Миклашевской, куть сѣновосній подъ Варвою—сестрѣ моей Пелагій Кондзеровской. Протчими же всѣми грунтами ...по смерти сожителницы моей, тотъ зъ кривнихъ моихъ, а не ея, маєть владѣти, кто оной будетъ во всемъ житіи ея приклоненъ, поволенъ и услуженъ, и кому она, зъ любвѣ своей и прихилности, изволить отписати и отказати, а именно зъ дѣтей п. брата моего Феодора непремѣнне или зъ дѣтей панѣ и сестеръ моихъ, если отъ нихъ яковая nebudeть на честь ея произходити противность. *А мѣло бѣ, уховай Боже, что такового—одъ тихъ то намѣненнихъ дѣтей—чести и особѣ ея бити кода колвекъ противного, то волно ей будетъ всѣ тѣи грунта, купно нами нажитіе, спродати и спровавши, всю сумму за оніе взятую, за вѣдомомъ кривнихъ моихъ и иннихъ людей роднихъ, на обители святіе и церкви божественніа, за души наши, а некому инному зъ кривнихъ своихъ или моихъ отдати, а безъ выраженной тутъ вины до дѣтей братнѣхъ, не повинно иначей бити, тилко такъ, яко выше есть воля моя выражена... Если бы мѣла (хотя по статечной ея ко мнѣ чрезъ все житіе пріязни, того весма не надѣюся) тая жъ панѣ сожителница моя, оставивши столецъ удовинній празденъ, вийти за мужа второго, то волно ей будетъ толко виключенними вишеименованными грунтами, якіе ей въ вѣчность записалемъ, якъ хотя владѣти и движимій тилко набитокъ, яко то гроши, бидло, сребро, цѣнь и свое все ношеніе женское зъ собою взяти“, а всѣ другія имѣнія завѣщатель назначилъ разнымъ своимъ роднымъ, преимущественно сыновьямъ брата Федора,—Дмитрію, Григорію, Михаилу, Андрею и Василю. Въ заключеніе слѣдуетъ заклинаніе*

противъ тѣхъ, кто отважился бы завѣщанію „чинити противность и насиліе“,—„таковій, яко неправдолюбецъ и права натуралнаго... гвалтовникъ и разоритель, праведнымъ судомъ Божиимъ и отмщеніемъ да будетъ проклятъ, яко же Каинъ и да будетъ жена его—вдова, дворъ его—пустъ и въ жилищи его да не будетъ живущаго, и его самага жива суща да пожретъ земля, якоже Дафана и Авирона, и часть его во второе пришествіе нелицемѣрнаго Судии да будетъ съ невѣрными и нечестивыми, которіе не воскреснутъ на судъ, но во осужденіе и не узрятъ слова Господня“. Къ духовному завѣщанію приложенъ списокъ монастырей, цервей и духовенства, которымъ завѣщаются деньги (всѣхъ 586 рубл.). Наибольшія суммы назначены: „до катедры Кіевской“ и монастырямъ: Никольскому Пустынскому, Кирилловскому, Петропавловскому и Густынскому—по 20 р.; затѣмъ Гамалѣевскому (устроенному сестрою завѣщателя)—18 р., „до пещеръ обохъ, ближней и далекой“—16 р., на Прилуцкую Рождество-Богородицкую церковь—16 р., „до великаго Печерскаго м—ря“—15 р., Прилуцкой Прображенской церквѣ—10 р. „до катедры Черняговской“—12 р., „Замѣской (Квашневской) церкви св. Іоанна настоятелей“—2 р., Кустовскому (т. е. Трехсвятительскому) священнику—2 р. Всѣхъ монастырей, исключительно Малороссійскихъ, указано 36. Въ концѣ завѣщанія завѣщатель, находя назначенную на молитвы сумму недостаточною, прибавилъ еще „двѣ тысячи золотыхъ за душу“, уже не указывая кому именно слѣдуетъ роздать эти деньги.

Приведенные отрывки изъ завѣщанія М—ча указываютъ, что тѣ условія, которыми завѣщатель старался обезпечить свою вдову, не всеемъ согласовались съ литовскимъ статутомъ, но писанный законъ тогда исполнялся нестрого, и грамотный завѣщатель хорошо зналъ, что обычай признавалъ за всякимъ „тестаментомъ“—силу того же закона. Сколько знаемъ, воля, выраженная въ этомъ завѣщаніи, была нарушена только относительно с. Кротовъ; нарушена она была братомъ Федоромъ, который въ 1729 г. село это успѣлъ выпросить себѣ у Апостола. Вдова жаловалась гетману, что деверь ея выпросилъ себѣ универсалъ на Кроты, скрывъ братнее завѣщаніе, по которому и

Кроты, и Колесники, завѣщаны были по смерти ей, вдовѣ; но разъ универсалъ былъ выданъ,—уничтожать его не приходилось...

Иванъ М—чь умеръ ex obstructione hepatis, какъ записалъ его племянникъ Яковъ.

Марковичъ Федоръ—младшій изъ сыновей Марка Аврамовича,—службу свою началъ „у войску козацкомъ“, какъ онъ самъ говоритъ, „року 1700, когда покойный гетм. Ск—ій былъ на урадѣ асаулства енералного; въ тотъ часъ оный (Ск—ій) былъ посланъ наказнымъ гетманомъ и стоялъ зъ войскомъ за Днѣпромъ, на Омелнику, при которомъ войску и я служилъ“. Въ это время еще былъ живъ отецъ Федора, который и женилъ его на дочери Переяславскаго полковника Томары—Катеринѣ, при чемъ сватами были—будущій полковникъ Носъ и Прилудкій протопопъ Магеровскій. При этомъ сватовствѣ отецъ жепиха обѣщаль своему „свату“, что онъ отдасть сыну все свое тогдашнее имѣніе, такъ какъ остальные дѣти его, Марка, уже отдѣлены. Обѣщаніе это однакожь исполнено не было, какъ увидимъ ниже. Самъ М—чь смолоду уже началъ пріобрѣтать себѣ разнаго рода „грунта“, какъ видно изъ слѣд. универсала Скоропадскаго:— „презентоваль намъ п. Федоръ Марковичъ, знатн. товар. войск., купчіе записи на кгрунта у рожныхъ людей за власніе свои гроши покупленніе, около хуторовъ своихъ же: Рудковскаго и Туровскаго знайдуючіеся, и просилъ на оніе нашего потверженія... Респектуючи на ронячіеся въ Войску Запорозкомъ услуги, помянутіе кгрунта ствержаемъ и... варуемъ особливе сусѣдновъ его на тыхъ кгрунтахъ, въ хатахъ его мешкаючихъ, аби до жаднихъ не потягано повинностей, нилно приказуемъ“. (Въ Кіевѣ, 1713 г.) Черезъ три года, въ 1716 г., М—чу былъ выданъ другой универсалъ на купленные грунта: „на фолварки“ Рудовскій, Туровскій и Стрѣльницкій, млины—подъ Журавкою и подъ Переволочною, и на „сѣножати, одну у Двохъ-Могиль, а другіе въ Пяти-Могиль, за Рудовкою лежачіе“. Немало и другихъ грунтовъ пріобрѣлъ Федоръ М—чь, какъ видно, свободно располагая деньгами. Изъ населенныхъ маестностей Ф. М—ча получилъ, въ 1711 г., отъ Лубенскаго полковника Савича

с. Гурбинцы,¹⁾ а въ 1712 г. отъ гетмана—с. Туровку; кромѣ того, при женитьбѣ онъ получилъ отъ тестя с. Козловъ,²⁾ какъ бы въ приданое. А въ 1719 г., когда старшій братъ получилъ судейство, на мѣсто его полков. сотникомъ поставленъ былъ Федоръ. Изъ общественной его дѣятельности извѣсто, что когда въ 1721 г., отрядъ козацкаго войска отправленъ былъ на вѣнцѣвскую работу подъ Ладугу, то М—чъ былъ наказнымъ полковникомъ Прилуцкаго полка. Пользуясь этимъ случаемъ и жалясь на убытки отъ похода, онъ просилъ гетмана, изъ-подъ Ладуги, дать ему во временное подданство крестьянъ с. Высокаго, чтобы они „маленко помогли домашнимъ его“ въ полевыхъ работахъ.³⁾ Письмо это успѣха не имѣло, можетъ быть и по-

---

1) Такъ говоритъ Ф. М—чъ въ одномъ своемъ прошеніи 1729 г. — «исполитые люде села Гурбинецъ чрезъ 18 годъ во владѣніи моемъ найдовался по универсалному опредѣленію перве, покойного полковника Лубенского Савича, а опосля и гетманскимъ унѣверсаломъ умершаго п. Скоропадского стверженіе...»

2) Универсалы на Козловъ въ «Сборн. матеріал. для исторіи общ. земель», Лучицкаго, стр. 139.

3) «Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, премилостивѣйшій мнѣ пане и добродѣю. Служебничой доветворя должности, не оставляю до в. панской велможности листовного моего восписати посѣщенія, чрезъ которое яко желаю, абы Господь Богъ в крѣпкомъ своемъ защищеніи здравіе велможности вашей, всему отечеству нашему благопотребное, в долготу дней содержать благозвольнѣ; такъ при обятіи добродѣйскихъ ногъ вашей п. в—сти, отважакся всенекорнѣе о таковой его п. особу благати реснектъ, аби в—сть ваша, по своей природной милости, отчески на мя милосердуч, в награжденіе вѣрныхъ моихъ нынѣ ронячихся трудовъ, при которыхъ надстрадавши здорови, до немалого мѣ сей многобѣдной крапнѣ прийшолемъ убитку, благоволилъ висоценоважнимъ своимъ рейментарскимъ повелѣть указомъ, абы сотнѣ моей села прозиваемого Высокаго обивателѣ принаймятѣи маленко помогли домашнимъ моимъ подъ сее время толко—сѣна подкосити да хлѣбъ в полю надпорати. На що, ежели панское в—сти в. възблаговолить сердце, теди указъ о томъ братови моему, п. суди полк. Пр—му, опредѣлти до обявленія его м. п. полковникови нашему, пбо ежели тое высокое в. п—ской в—сти повеленіе

тому, что Ф. М—чь особюю приязню сестры-гетманши не пользовался, какъ это видно изъ его духовнаго завѣщанія, о которомъ скажемъ ниже. Да и вообще Ф. М—чу судьба не благоволила. Въ 1722 г. умеръ Скоропадскій и положеніе Марковичей сильно пошатнулось, бывшая ихъ заступница—сестра потеряла всякое значеніе и помогать братьямъ уже не могла; а между тѣмъ Марковичей въ гетманщинѣ вообще не любили и имъ пришлось испытать отъ новыхъ правителей разныя невзгоды. Такая невзгода прежде всѣхъ постигла Ф. М—ча, который въ 1724 г., въ пріѣздѣ А. И. Румянцова въ Малороссію, былъ отставленъ отъ сотничества и очутился зауряднымъ бунч. товарищемъ. Послѣ этого Ф. М—чь прожилъ еще тринадцать лѣтъ и умеръ должно быть въ 1734 г., судя по томъ, что въ этомъ году онъ написалъ свое завѣщаніе, а „тестаменты“ въ гетманщинѣ писались обыкновенно тогда, когда завѣщатель находился уже на „божьей дорогѣ“. Въ этомъ завѣщаніи, *предисловіе* котораго *буквально* списано съ завѣщанія старшаго брата Ивана М—ча, Ф. М—чь рассказываетъ, какъ обдѣлили его братья и сестры по смерти отца, отъ котораго онъ надѣялся получить все его наслѣдство, еще нерозданное другимъ дѣтямъ.

Списавъ начало съ братниного завѣщанія, далѣе Ф. М—чь говоритъ: „Прошенія и поминанія за убогую мою душу мѣтеъ любезнѣйшая моя жена Екатерина Томаровна по возможности съ трудовъ нашихъ не оставитъ и христіанскимъ обрядкомъ должна учинить задосить, а тѣло мое грѣшное да будетъ похоронено въ обители св.-тр. Густинской вкупѣ, где покойный братъ мой Иванъ М—чь лежитъ, узъ его, вчинивши склепъ, непременно...¹⁾

з лвстомъ *самѣму* ею *м. п. п—ковъ* *достанетъ*, *пезне* *вѣдаю*, *что* *ею* *м—тъ* *до* *событія* *оного* *привести* *не* *похоцетъ*, в чомъ всемъ на м—тъ и благоупотребіе в—ти вашей несумѣнную полагаю надежду, некончаемо есмъ ясн—ти в. всего добра кѣрне желающій слуга и подножокъ Федоръ Марковичъ, сотникъ полковой Прилуцкій. З Новой Ладоги, отъ каналу. Іюля 21, року 1721». (*Съ подлинника*).

¹⁾ Но въ концѣ завѣщанія имѣется такая приписка:.... «однакъ я розсудивши себѣ тое, что не мѣстце чловѣка святить, но чловѣкъ мѣстце, желаю я того, дабы тѣло мое, сдѣлавши склепъ, поховали тутъ въ Сорочицяхъ».

Даби всякому било вѣдомо, якіе и исъ чего имѣются у мене зъ сожителницею грунта и протчая субстанція, симъ остатней волѣ моей тестаментомъ... объявляю. Покойный отецъ мой Марко съ покойнымъ тестемъ моимъ Томарою, чиня приговоръ сваталній за мене, утверждалъ тимъ, что всѣ его отческіе грунта и вся движимость—по смерти его мѣють при мнѣ, яко при меншому его сыну, во владѣній моемъ вовся найдоватись, 'яко о томъ приговорѣ и утвержденіи того слова отческого—листы отъ покойныхъ полковника Прилуцкого Ивана Носа и протопопи Прилуцкого Ивана Магеровского, до покойного жъ тестя моего Томары писаніе, свидѣлствуютъ. 1) А когда отецъ умеръ и сестри мои

1) Оба эти «листа» сохранились въ арх. Н. А. М.—ча въ подлиннѣхъ; изъ нихъ—писанный Носомъ въ 1712 г.—приводимъ здѣсь: «Велче естемъ того памятевь, же когда милое прпятелство славной памяти его мил. п. Марка зачиналося зъ вм. м. м. паномъ въ сопраженіе дочери, вм. м. м. пана, зъ милымъ паномъ синомъ его Феодоромъ, тогда чинилъ вм. м. панъ таковой уиоминнокъ покойному свату своему—на чомъ, мовитъ, п. сынъ вм. м. м. пана, а мой п. зять, взявши дочерь мою за себе, зоставати будетъ?—И за тымъ уиоминкомъ вм. м. м. пана, при причести. г. отцу протопопѣ нашомъ Прилуцкомъ и при мнѣ, в дому вм. м. м. пана, была отъ небожчика его мил. п. свата вашего таковая словесне объявлена лекгація, шъ никто иншій толко милій сынъ мой Феодоръ домови моему и иньшимъ добрамъ моимъ, якіе я мѣю, по зестю моемъ, посессоромъ и владцею будетъ; що готовъ такъ я, яко и его мил. отецъ протопопа нашъ, который при зачинанню того прпятелского домовъ вм. м. панства союзу, купно зо мною ходатаемъ былъ и чулъ овую добротную покойного его мил. п. Марка словескую сянову своему п. Феодору, на сей часъ милому п. зятю вм. м. м. пана таковую дому своего, в якомъ самъ мешкаль, и всѣхъ добрь своихъ лекгацію, если того будетъ указовати погрѣба праведно сознати. А якъ чинился остатней волѣ небожчика п. свата вашего тестаментъ, чили реестръ споражался, при томъ не билемъ и не вѣдаю що кому лекговано. О томъ вм. м. м., пану и брату, извѣстно чинячи, и его жъ неотмѣнной братерской себе навсегда полѣцаючи зичливости, зостаю вм. м. м. пану зичливому прпятелеви и брату, всего добра упрейме щирозичливый прпятель, братъ и радъ служить. Его парск. пресв. величества Войска Запор. полковникъ Прилуцкій Іванъ Яремовичъ Носъ. С Прилуки, сентевр. 15 д., 1712 року». (Съ подлинника, писаннаго вмѣстѣ съ подписью, однимъ и тѣмъ же имперскимъ почеркомъ, указывающимъ, что самъ Носъ не умѣлъ и подписаться;

тое отческое завѣщаніе вовся уничтожили, и якая осталась въ рукомости субстанція, тую всѣ они, брати мои и сестри, по смерти родительской—заразь отъ мене позабирали и на десять частей оную дѣлили и между себе розобрали, и якъ имъ хотѣлось; такъ мене меншого отъ себе обидрали, ошарпали и совсѣмъ обибрали и оставили нѣ при чомъ... Денги всѣ панѣ гетманова Скоропадская одибрала на Кондзеровскую, а мнѣ съ тихъ отческихъ денегъ оставила на господарство копъ семь... Маестности, которыми отецъ владѣлъ, а именно двѣ селѣ Мал. и Бел. Дѣвицы,—въ тиждень по смерти отческой отъ мене одибрано. Зѣ срѣбра, сколько осталось ложекъ и чарокъ срѣбныхъ, тое все при подѣлѣ—сестри мои себѣ позабирали; сукнѣ отческіе блаватніе, сколько било, съ футрами рисѣми, лисѣми и попеличатими (sic) и легкіе, то оние всѣ братъ мой Андрей М—чъ зѣ дядкомъ нашимъ обознымъ полк. Прилуцкимъ Михайломъ Огроновичемъ, на три части раздѣлили, одну часть (Андрей) себѣ взялъ, другую братъ Иванъ М—чъ взялъ себѣ, а третью часть мнѣ оставили. Зѣ грунтовъ отческихъ брати мои Андрей и Иванъ взяли себѣ двѣ части, а мнѣ оставили третью... Итакъ, по смерти отческой, zostалъ я совсѣмъ ошарпанъ и обибранъ. То покойный тестъ мой Томара и теща, видя меня такъ совсѣмъ разоренного, стали мене знатне всѣмъ по своей родительской милости спомогати... А то по такому ихъ родителей вспоможенію, стало въ грунтахъ и въ другихъ достаткахъ въ домѣ моемъ расширение и всякое доволствіе. До того любимѣйшая моя сожителница Екатерина Томаровна, проводячи житіе свое зо мною честно и непорочно, чрезъ все оное свое житіе около господарства нашего совокупного денно и ноцно неуспино имѣла тщательное радѣніе и попеченіе.. Что било у нея сожителницы моей вношеня знатныхъ клейнотовъ и протчихъ отческихъ ей даннихъ сплендоровъ (драгоцѣнностей), тое все она спровавши, грунта въ домѣ мой покупала... “ За симъ

отсюда видна его неграмотность). Это свидѣтельство Носа подтверждено и тогдашнимъ Прилуцк. протопопомъ Іоаномъ Магеровскимъ, добавившимъ: «а когда вже панъ Марко мѣлъ сей свѣтъ жегнати и духовнику распоразалъ, того вже не вѣдаю...»

М—чъ перечисляетъ земли, купленныя главнымъ образомъ, какъ онъ говоритъ, на деньги жены. Куплено было множество грунтовъ, млиновъ, лѣсовъ, сѣножателей... (*Перечень ихъ занимаетъ нѣсколько страницъ*). Всѣ эти земли М—чъ завѣщаль женѣ: „Всѣ выше выраженніе покупленніе, обополне набутіе и отческіе мои грунта въ зуполную диспозицію и волю отдаю и вручаю наилубезнѣйшей моей паніи малжонцѣ Екатеринѣ Томаровнѣ, такожь и маетности всѣ, якіе имѣю я по милости монаршей и по универсалахъ гетманскихъ... вручаю ей сожителници моей владѣть оними маетностями до кончини житія ея спокойноне, до волѣ монаршой и рейментарской. А зъ дѣтей моихъ, по моей смерти, со всѣхъ вишеписанныхъ грунтовъ нѣкому не легую и не записую ни единого кутка; да и она сожительница моя зъ грунтовъ моихъ отческихъ и нѣ зъ явихъ—за своего живота—нѣкому би зъ синовъ нашихъ не опредѣляла и не отдавала, и по ихъ желанію отнюдь бы того не чинила, Богомъ въ Тройци св. славиного ея за сіе упоминаю и приказую, ибо зъ того бываетъ такъ, же дѣти маючи у себе въ рукахъ доволство, бывають распустніе и легкомислвіи и родителницѣ своей непослушливіе, по отцу своему оставшіесея, а до того, якъ видимо по сторонамъ, по синыхъ, же матерей своихъ родныхъ лестію подпишовши, грунти и маетности отъ матки своей потбирали и самы панують, а матки онихъ нищету терпляютъ. И когда по годности мѣлъ бы которій ожинигись, тогда бы всякъ зъ синовъ нашихъ зъ рукъ у сожительницы нашей, а своей матки, смотрѣтъ що дастъ, тое бъ и взялъ, а ежели ничего не дастъ, то нехай терпить и самъ о о^{себѣ} старается...“ И здѣсь, какъ видно, главная забота завѣщателя сосредоточена была на томъ, чтобы вдову какъ нибудь не обидѣли дѣти. Въ этомъ отношеніи завѣщаніе Ф. М—ча было точно исполнено, не смотря на то, что вдова его вышла вторично замужъ (за какого-то Александра Сакевича).¹⁾ Только въ 1747 г. вдова М—ча составила „уступное письмо“, по которому распредѣляла земельныя угоды между дѣтьми своими

1) Въ завѣщаніи Ф. М—ча нѣтъ тѣхъ условій на случай вторичнаго замужества его вдовы, которыя помѣщены въ завѣщаніи

и то лишь на случай своей смерти. („Все то мною владѣемое имѣніе утверждаю раздѣлить дѣтямъ между себе слѣдующимъ порядкомъ, дабы по окончаніи жизни моей во вѣчномъ владѣніи ихъ состояли сіи угодіи...“). Въ этомъ актѣ названы слѣдующіе наслѣдники: дѣти умершаго сына Ивана, сыновья—Дмитрій, Андрей и Василій и дочь Марья, бывшая замужемъ за Шираемъ. Кромѣ трехъ сель, Туровки, Гурбинецъ и Козлова, вдова М—ча перечислила длинный рядъ всякаго рода земельныхъ угодій, которыя точно до мелочей—распредѣлила между своими наслѣдниками. Не былъ забытъ и второй мужъ. „Александру Саковичу, мужу моему, утверждаю, дабы онъ по оконченіи жизни моея, все движимое мое имѣніе, яко то хлѣбъ въ ямахъ и стогахъ, что въ тѣ поры будетъ накошено сѣна, все безъ остатка, особливо-же сребра и цени и 12 котловъ винокурныхъ и при нихъ 30 трубъ—ему-жь, мужу моему, такожь скоть весь рогатой, яко: коровы, волю, яловникъ и овцы, лошади и кобылицы, оставя толко на упоминовеніе яловиць 10 да барановъ 15...“

О потомствѣ Ф. М—ча можно сказать, что изъ четырехъ его сыновей,¹⁾ Василій былъ капитанъ-лейтенантомъ Преображенскаго полка. Это былъ *первый* гвардеецъ изъ сыновей малороссійской старшины перв. полов. XVIII в. Попаль В. М—чь въ гвардію, повидимому, при помощи Ал. Разумовскаго.

Носенко Петръ былъ внукъ Настасьи Раковичъ, на которой—по смерти перваго ея мужа Бѣлецкаго—женился Ив. Носъ (с. 29). Отъ брака съ Бѣлецкимъ у Настасьи остался сынъ Иванъ, бывшій потомъ сотникомъ Сребрянскимъ; онъ умеръ рано, оставивъ сыновей Петра и Федора. Оба они писались Носенками, п. ч. уже и отецъ ихъ Ив. Бѣлецкій, живя у вочима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. (См. сотники Сребрянскіе). Изъ этихъ

---

¹⁾ Можетъ быть и другіе у Федора М—ча сыновья, но ясныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. См. въ брошюрѣ А. И. Маркевича—«Марковичи», прилож. къ Киевск. Стар. 1890 г. Отъ Федора Марковича происходятъ всѣ Прилудціе Марковичи, которые, съ нач. настоящ. столѣтія, стали писаться, полонизуя свое прозвище—Маркевичами. Марковичами—пшутся потомки старшаго изъ сыновей Марка Аврамовича—Андрея.

двух Носенковъ—Петръ сталъ виднымъ въ Прилучинѣ человѣкомъ, благодаря своей ловкости. Къ нему очень расположенъ былъ и Носъ, который ставъ полковникомъ, уже въ 1709 г. далъ этому сыну пасынка с. Рудовку. (См. это село). Затѣмъ, Петру Н—ку въ его исканіяхъ очень помогаль его зять Ив Даровскій, бывшій «господаремъ» у Скоропадскаго. Благодаря «старательству» послѣдняго, Н—ко въ 1720 г. получилъ полк. хоружество и универсалъ на с. Щуровку. Хоружимъ Н—ко оставался до 1724 г., когда поставленъ былъ полк. сотникомъ, послѣ смѣщенія Ф. М—ча. Какъ извѣстно, этотъ моментъ былъ очень тревожный для Малороссіи: въ этомъ году пріѣзжалъ въ гетманщину А. И. Румянцовъ для личной повѣрки настроенія въ ней народа—послѣ того, какъ протесты Полуботка родили у правительства разныя подозрѣнія относительно этого края. Извѣстно, что Румянцовъ объѣхалъ при этомъ всю Малороссію, при чемъ нѣкоторыхъ изъ старшинъ смѣстилъ и на мѣсто ихъ поставилъ новякъ.¹⁾ Въ этотъ моментъ и Н—ко поставленъ былъ сотникомъ, послѣ смѣщенія Марковича.²⁾ Очень вѣроятно,

¹⁾ См. въ Русск. Арх. 1880 г., I, статью «Павель Полуботокъ».

²⁾ Назначеніе Н—ка на сотничество Румянцовымъ видѣется, между прочимъ, и изъ слѣд. незначительнаго факта, въ которомъ Н—ко обнаружилъ необычайную для того времени самостоятельность въ столкновеніи съ такимъ сильнымъ въ полку человѣкомъ, какимъ былъ любимецъ полковника—полк. писарь Галенковскій. Въ окт. 1724 г. послѣдній жаловался на Н—ка только что устроеннымъ Румянцовымъ «правителямъ» генер. канцеляріи: «Въ семъ 1724 г., по милости *вашею императорскаго величества*, велѣно намъ, нижеподписаннымъ, за прошлій 723 годъ выбрать належитость грошовую (денежный сборъ) по давному обыкновенію, зо всѣхъ сотенъ полку Прилуцкого зъ козаковъ; яко жъ зъ иныхъ сотенъ помянутую належитость и выбрали, а сотникъ полк. Прилуцкій Петръ Н—ко, выбравши нашей грошовой належитости зъ сотнѣ полковой—50 талерей, удержалъ у себе овіе, не вѣдаемъ ради якихъ причинъ, и до тихъ часъ намъ не отдаетъ». Поэтому Галенковскій и полк. хоруж. Ив. Семеновичъ—просили генер. к—рію распорядиться о возвратѣ имъ захваченной «належитости». Дѣло шло о денежномъ сборѣ съ козаковъ на жалованье

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октябри 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОВКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ,
такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ съ особыми
приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500
снимковъ), безъ дост. 8 р.; съ дост. и пер. 10 р.; за граф. 12 р.

Въ отдѣльной продажѣ—отъ 75 к. до 1 р. за выпускъ,
при чемъ 1-я книжка высылается наложеннымъ платежомъ за
2 руб. съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволять обращаться преимущественно въ Главную Контору:
С.-Петербургъ, Мойка, 83.

Книгопродавцамъ дѣляется уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры
первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по 10 руб., съ перес. по 12 руб.

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

*Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р.,
на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяць 1 рубль.*

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣеть.

1—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатю выпусками*, которые составятъ три книги; каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять рублей*. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцатъ рублей*.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ вни-

жныхъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна *три* рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» Петръ Бартевевъ.

1-3

ЗАПИСКИ Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальныя акты и документы.

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографія и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: *диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянино-Куликовскій.

1-3

ОБЪ ИЗДАНИИ

(КІЕВСКИХЪ)

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертаци.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффициальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣню выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библиотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ казначействѣ Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“.
въ 1901 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **16 р.**; на 6 мѣс. **9 р.**; на 3 мѣс. **4 р. 50 к.**; на 1 мѣс. **1 р. 80 к.** Съ пересылкой иногородн. на годъ **17 р.**; на 6 мѣс. **10 р.**; на 3 мѣс. **5 р. 50 к.**; на 1 мѣс. **2 р.** За границу на годъ **26 р.**; на 6 мѣс. **14 р.**; на 3 мѣс. **8 р.**; на 1 мѣс. **3 р.**

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ **18 р.**; на 6 мѣс. **10 р.** Съ пересылкою иногородн. на годъ **19 р.**; на 6 мѣс. **11 р.** За границу на годъ **28 р.**; на 6 мѣс. **16 р.**

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: **7 руб.** при подпискѣ, **5 руб.** въ концѣ марта и **5 руб.** 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библиотекъ и читаленъ подписная цѣна: **12 руб.** въ годъ или по **1 руб.** въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей“). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 10); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, *иногородные адресуютъ:* Петровскія линія № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій.**

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и
экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославъ.
На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой за границу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

ДЕКАБРЬ.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1900.

Дозволено цензурою. Київ, 17 ноября 1900 года.

Записи И. П. Котляревскаго о первых дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года.

Дневникъ Ивана Петровича Котляревскаго представляетъ собою двоякій интересъ. Съ одной стороны онъ имѣетъ значеніе для историка войны 1806 года, какъ ясная и точная по своему оффиціальному характеру запись очевидца о вступленіи русскихъ войскъ въ Турцію въ 1806 г. и о первыхъ въ ней дѣйствіяхъ; съ другой стороны онъ обращаетъ на себя вниманіе историка литературы, какъ рукопись отца и возродителя новой малорусской литературы, уже въ то время знаменитаго автора переложенной на малороссійскій языкъ Энеиды.

Первое, что поражаетъ читателя рукописи,—это полное несходство облика ея составителя, какимъ онъ является въ дневникѣ, съ тѣмъ обликомъ поэта Котляревскаго, который слился съ его именемъ въ представленіи всякаго; только почеркъ выдаетъ Ивана Петровича и заставляетъ видѣть именно его, а никого другого въ томъ исправномъ русскомъ офицерѣ, преданномъ службѣ и уважаемомъ начальствомъ, который, не мудрствуя лукаво, велъ оффиціальный дневникъ похода.

Военная служба Котляревскаго началась въ 1796 году, когда онъ былъ опредѣленъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ кадетомъ (1-е апрѣля). Дальнѣйшая служба его проходила такъ: въ 1796 г. (11 Юля) онъ былъ произведенъ въ аудиторы, въ 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ 1799 г. произведенъ

последовательно въ подпоручики (8 января) и въ поручики (5 февраля).

Около этого времени онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ инспекторскаго адъютанта въ инспектору Днѣстровской и Крымской инспекціи генералу отъ кавалеріи маркизу Дотишампу; аттестатъ, выданный Котляревскому маркизомъ Дотишампомъ 15 февраля 1806 г., отзывается о немъ съ похвалою, какъ объ офицерѣ, исправлявшемъ „свою должность и званіе съ отличною рачительностію и прилежаніемъ“ и исполнявшемъ „всякія возлагаемыя на него препорученности“ „съ тою расторопностію и точностію, которая означаетъ во всѣхъ частяхъ хорошаго офицера“, достойнаго „вниманія начальства къ его способностямъ“¹⁾. По оставленіи Дотишампа Котляревскій продолжалъ службу въ качествѣ адъютанта барона Мейндорфа, командира 2-го корпуса войскъ, предназначенныхъ для войны съ Турками. Весьма вѣроятно, что до занятія этой должности Котляревскій вернулся къ своему полку въ Умань, гдѣ полкъ въ то время квартировалъ; можно думать, что здѣсь онъ и сталъ извѣстенъ барону Мейндорфу, имѣвшему въ Умани свою главную квартиру.

Опредѣленіе Котляревскаго на должность адъютанта барона Мейндорфа, кажется, произошло при самомъ выступленіи въ походъ. Дѣло въ томъ, что корпусъ Мейндорфа долженъ былъ переправиться черезъ Днѣстръ частью у Дубосаръ, частью у Могилева и, соединившись у Оргѣва, двинуться къ Бендерамъ съ тѣмъ, чтобы ими овладѣть. Изъ журнала Котляревскаго явствуется, что онъ былъ при томъ отдѣленіи корпуса, которое должно было переправиться черезъ Днѣстръ у Дубосаръ; между тѣмъ Сѣверскій полкъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ находился въ составѣ отдѣленія, долженствовавшаго перейти Днѣстръ у Могилева²⁾; это, такимъ образомъ, указываетъ, что къ началу войны Котляревскій уже былъ не въ строю Сѣверскаго полка,

1) Изъ подлиннаго аттестата 1806 г.

2) См. Петровъ. Война съ Турціей 1806—1812 гг. ч. 1., стр. 85.

а при Мейндорфѣ, лично начальствовавшемъ надъ частью, переправлявшеюся у Дубосарь. Надо сказать, что къ этому времени Котляревскій былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны (12 апрѣля 1806 г.). Дѣятельность его въ теченіе кампаніи 1806—1807 гг. была довольно видной. Особенно важная заслуга его заключается въ исполненіи дипломатическаго порученія привлечь къ Россіи Буджацкихъ татаръ¹⁾. Подвергая жизнь свою опасности, онъ достигъ своей цѣли и убѣдилъ ихъ прислать заложниковъ. Рескриптъ императора Александра I и орденъ Анны третьяго класса были наградой его „похвальнаго исполненія“ всѣхъ на него возложенныхъ порученій. Въ томъ же 1806 году декабря 17-го, когда пришли войска наши къ крѣпости Измаильской и открыта была отъ непріятеля сильная пушечная пальба съ крѣпости, Котляревскій, какъ говорится въ аттестатѣ, данномъ ему отъ Мейндорфа²⁾, „былъ посланъ съ приказаніями къ начальникамъ, гдѣ и отличилъ себя неустрашимостью“, за что получилъ Высочайшую благодарность; того же года 2-го апрѣля „вторительно при крѣпости жъ Измаильской, когда она окружена была нами, при вылазкахъ непріятеля посланъ былъ отъ меня также съ приказаніями къ начальникамъ, и оказалъ въ семъ случаѣ храбрость“.

Свѣдѣній о дальнѣйшей дѣятельности Котляревскаго въ кампанію 1806—1807 гг. не сохранилось. Можно сказать только, что адъютантомъ Мейндорфа онъ состоялъ до 3-го ноября 1807 г.; послѣ выхода въ отставку Мейндорфа, Котляревскій перевелся въ Псковскій драгунскій полкъ, расположенный въ тогдашней Литовской губерніи въ мѣстечкѣ Лидѣ, куда и былъ отправленъ 3-го декабря 1807 г.³⁾ Изъ Псковскаго драгунскаго полка Котляревскій былъ отставленъ по прошенію капитаномъ съ мунди-

¹⁾ Буджацкими татарами назывались татары, населявшіе Буджакъ.—часть нынѣшней Бессарабской губ. (уѣзды Аккерманскій и Бендерскій).

²⁾ Изъ подлиннаго аттестата 1807 г.

³⁾ Изъ подлиннаго дѣла.

ромъ 23-го января 1808 г. ¹⁾, и выѣхалъ изъ Лиды 16-го іюня 1808 года ²⁾.

Такъ закончилась его военная служба. Онъ вернулся къ ней въ 1812 году, когда ему было поручено сформировать 5-й Полтавскій конный козацкій полкъ; это порученіе, по свидѣтельству формуляра, онъ „исполнилъ съ особою дѣятельностью, такъ что въ половинѣ августа, въ какое время приступлено къ сформированію, полкъ выступилъ въ походъ съ надлежащею исправностью наступившаго потомъ мѣсяца сентября 2-го числа“ ³⁾; наградою Котляревскому было монаршее благоволеніе 15 марта 1817 года.

Вс. Срезневскій.

Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го Корпуса войскъ подъ командою господина генерала отъ кавалеріи и кавалера барона Мейндорфа.

1806 года ноября съ 15 числа.

1806 года ноябрь.

15 числа командующій корпусомъ прибылъ съ своимъ штатомъ въ Дубосары, гдѣ предположено было главнымъ начальникомъ войскъ, что генераломъ отъ кавалеріи и кавалеромъ Михельсономъ, по наведеніи чрезъ рѣку Днѣстръ моста, переправиться войскамъ на молдавскую сторону, но по прибытіи въ Дубосары не только моста наведеннаго не найдено, но даже и матеріаловъ къ тому не заготовлено.

16-го. Бригадиръ Катаржи ⁴⁾ былъ посланъ въ Бендеры къ тамошнему пашѣ Гассану ⁵⁾ о переговорѣ съ нимъ для занятія

¹⁾ Формуляръ Котляревскаго.

²⁾ Подлинное свидѣтельство Исковскаго драгунскаго полка.

³⁾ Изъ формулярнаго списка.

⁴⁾ Въ указ. соч. Петрова названъ Каторжи.

⁵⁾ У Петрова бендерскій паша названъ Гусейнъ.

россійскими войсками крѣпости безъ кровопролитія; въ случаѣ же сопротивленія жители Бендеръ и военные люди будутъ приняты за непріятелей и поступлено съ ними будетъ по праву войны.

18-го. Свиты Его Величества по квартирмистерской части полковникъ баронъ Клотъ былъ отправленъ отъ Дубосаръ по дорогѣ къ Бендерамъ для положенія на планъ дороги и селеніевъ, по оной лежащихъ.

Сего числа бригадиръ Катаржи возвратился изъ Бендеръ и донесъ командующему, что отъ паши будутъ присланы чиновники для переговоровъ, на какомъ основаніи россійскія войска хотять занять крѣпость.

Въ теченіи сего времени сколько ни заботился командующій корпусомъ о наведеніи моста черезъ Днѣстръ, однако никакого успѣха имѣть было невозможно, по причинѣ, что никакихъ матеріаловъ заготовлено не было и что привозъ ихъ не ближе долженъ быть какъ изъ Одессы ожидаемъ; въ семь случаѣ, чтобы не потерять времени и не дать чрезъ то опомниться пашѣ отъ сдѣланныхъ предложеній, рѣшился командующій войска и полковую артилерію переправить чрезъ находящіяся при Дубосарскомъ карантинѣ два небольшіе парома и, не взирая на холодное время, ни на людѣ идущій по рѣкѣ Днѣстру, далъ повелѣніе генераль-майору Войнову начать переправу съ завтрашняго числа.

19-го. 11-й Егерскій полкъ и 200 козаковъ 1-го Бугскаго полка переправлены черезъ Днѣстръ.

Сего числа пополудни прибыли два чиновника съ переводчикомъ изъ Бендеръ въ Дубосары.

20-го. Турецкіе чиновники были представлены командующему и заключено было, чтобы паша съ рѣшительнымъ отвѣтомъ прислалъ къ командующему 22-го числа непремѣнно, а между тѣмъ заготовлялъ бы провіантъ и фуражъ для войскъ въ Бендерахъ.

Сего числа переправленъ на другую сторону Днѣстра Новгородскій мушватерскій полкъ.

Сего же числа отправилась обратно турецкіе чиновники въ Бендеръ, бывъ награждены отъ командующаго подарками.¹⁾

21-го. Стародубовскій драгунскій и Нашебургскій мушкетерскій полки переправлены на молдавскую сторону къ Бендерамъ.

Сего же числа командующимъ приказано строить лѣстницы по причинѣ дѣлаемыхъ турками отклоненій о сдачѣ крѣпости.

Сего числа предписано генераль-лейтенанту Ротгофу переправиться со вѣреннѣмъ ему Нарвскимъ мушкетерскимъ полкомъ за границу, у Дубосарахъ же, и слѣдовать въ Кишеневъ, оставя команду въ ближайшихъ деревняхъ къ Дубосарамъ по правой сторонѣ Днѣстра для печенія хлѣбовъ и пересушки сухарей.

Сего числа переправился Донской козачій Платова 3-го полкъ и назначенъ къ Бендерамъ.

Главная квартира командующаго назначена за Днѣстромъ въ селеніи Телицѣ разстояніемъ отъ Бендеръ въ 25-ти верстахъ.

23-го. Командующій корпусомъ войскъ сего числа выѣхалъ со своимъ штатомъ изъ Дубосаръ и переправяся черезъ Днѣстръ при Дубосарскомъ карантинѣ на паромѣ, того же дня прибылъ въ главную свою квартиру въ селеніе Телицу.

Сего числа посланные отъ Бендерскаго папи чиновники къ командующему повстрѣчались на дорогѣ съ нимъ между Креулень (?) и Водславады (?) и возвратились на ночь въ Телицу.

24-го отданъ былъ приказъ войскамъ, состоящимъ изъ полковъ Стародубовскаго драгунскаго, мушкетерскаго Новгородскаго, Нашебургскаго 11-го Егерскаго козачьяго Донскаго Платова 3-го и 1-го, Бугскаго козачьяго, выступить изъ Телицы и слѣдовать къ Бендерамъ и въ занятіи крѣпости поступить слѣдующимъ образомъ:

Драгуны вѣзжаютъ впереди и, проѣзжая скоро ворота, занимаютъ улицы, имѣя передъ собою стрѣлковъ; за ними скорымъ шагомъ идутъ егери, имѣя при каждомъ батальонѣ по одной пушкѣ изъ Нашебургскаго полка; одинъ батальонъ идетъ

¹⁾ Ср. у Петрова, указ. соч. с. 110—111.

въ Каушанскія ворота, другой въ Ясскія, а третій занимаетъ тѣ ворота, въ которыя вошелъ, не мѣшая однако-жъ другимъ чрезъ оныя сходиться.

Новгородскій полкъ, вошедши въ городъ, посылаетъ валѣво одинъ батальонъ, а сей оставляетъ при каждой батарее одну роту; при каждой ротѣ имѣть должно нѣсколько артиллеристовъ съ однимъ фейерверкеромъ, чтобы они поворотили пушки изъ батареи, какія можно, на городъ, а занявшая батарею рота дѣлаетъ имъ въ томъ помощь; восемь же ротъ идутъ направо и исполняютъ то-же. Нашебургскаго полка одинъ батальонъ съ тремя пушками входитъ въ городъ и слѣдуетъ къ замку, поставя пушки противу ведущихъ воротъ, другой батальонъ идетъ къ низлежащимъ батареямъ и занимаетъ оныя, а третій батальонъ остается передъ крѣпостью.

1-й Бугскій козачій полкъ объѣзжаетъ крѣпость по гласису и становится противу Каушанскихъ воротъ; Донского Платова 3-го полка 200 человекъ становятся противъ Ясскихъ воротъ, а 300 человекъ противъ нижней батареи.—Козаки сіе исполняютъ, когда пѣхота займетъ валъ и батареи. Войскамъ, вошедшимъ въ городъ, приказано жителямъ не только не дѣлать обидъ или притѣсненій, но даже ихъ не трогать вовсе и въ разговоръ не вступать, а тѣмъ паче строжайше запрещено выходить изъ фрунту и входить въ дома.—Тѣмъ ротамъ, кои пойдутъ по валу, подтверждено, буди повстрѣчаютъ или застанутъ на батарее турокъ, таковыхъ не бить и не выгонять, но задерживать, чтобы они не могли дѣйствовать. Въ прочемъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній.

Въ 9-ть часовъ поутру двинулся корпусъ подъ предводительствомъ самого командующаго изъ селенія Телицы и пошелъ по дорогѣ прямо къ Бендерамъ. Командующій имѣлъ при себѣ посланныхъ отъ паши чиновниковъ. Когда приближались къ крѣпости, то паша выслалъ еще чиновника сказать командующему, что войска могутъ занять форштатъ, сколько въ ономъ помѣстится, а остальные могутъ расположиться по ближайшимъ деревнямъ, но крѣпости не занимать. Командующій на сіе не

отвѣчая ничего и чиновника оставивъ при себѣ, приказалъ генералъ-майору Войнову съ Стародубовскимъ драгунскимъ полкомъ со 2-мъ батальономъ и 11-го Егерскаго полка идти къ Ясскимъ воротамъ и, пройдя оныя, занять улицы и валъ, что и исполнено съ особливою скоростью и точностью, а самъ командующій, пройдя съ нѣсколькими драгунами и батальономъ егерей между крѣпости и форштатомъ, со стороны Стамбульскихъ воротъ, и вида, что ворота сіи не заперты, въѣхалъ въ крѣпость и приказалъ Новгородскому мушкетерскому полку занять валъ и батареи, а Нашебургскому полку нижнія батареи, лежація по Днѣстру, возачіе же полки заняли форштатъ. Такимъ образомъ Бендерская крѣпость занята безъ всякаго кровопролитія. Паша о занятіи оной тогда узналъ, когда російскія войска мгновенно заняли валъ, батареи, улицы и ворота, и вездѣ, гдѣ нужно, уредили посты и караулы.

Сего числа командующій сдѣлалъ нужныя распоряженія въ городѣ относительно полицейскаго порядка, внутренней безопасности и размѣщенія полковъ по казармамъ въ крѣпости и по квартирамъ на форштатѣ.

25-го. Генералъ маіоръ Войновъ¹⁾ назначень отправлять должность коменданта въ крѣпости.

Сего же числа послано къ главнокомандующему донесеніе о занятіи Бендеръ, съ испрошеніемъ разрѣшенія о посылкѣ части войскъ для занятія Килии и Измаила.

26-го. Командующій требовалъ отъ Бендерскаго паши Гассана, чтобы обривизовать арсеналь, на что паша отвѣчалъ, что русскимъ союзникамъ и друзьямъ турковъ не должно имѣть никакой претензіи до арсенала, и командующій, для сохраненія благовидности, а болѣе, чтобы съ татарами буджацкими, коихъ до 40 тысячъ простираются, не сдѣлано никакого положенія, хотя уже переговоры и начаты, — принужденъ былъ оставить требованіе свое безъ дальнѣйшаго настоянія.

---

¹⁾ У Петрова сказано, что комендантомъ былъ назначень генералъ майоръ Хвировъ.

28-го числа было праздновано благополучное разрѣшеніе отъ бремени Ея Величества государыни Императрицы рожденіемъ великой княжны Елисаветы, по случаю чего отправляемо было молебствіе въ Греческой церквѣ на Бендерскомъ форштатѣ, а изъ крѣпости изъ 51-й турецкой пушки было выстрѣлено при пѣвнн многолѣтствія и всѣ войска были въ парадѣ и производили бѣглый огонь.

30-го. Командующій, хотя и не входилъ въ настоятельное требованіе, чтобы взять крѣпость Бендерскую въ совершенное овладѣніе, однако-жъ за нужное сочтено, чтобы всѣхъ жителей и воинскихъ людей, въ крѣпости и на форштатѣ живущихъ, переписать и арсеналь обревизовать по поверхности, приставить къ нему свой караулъ, что сего числа исполнено, жителей въ крѣпости и на форштатѣ найдено магометанскаго исповѣданія—5981, да другихъ націй и исповѣданій—1900, военныхъ снарядовъ въ крѣпости: пушекъ осадныхъ на лафетахъ и безъ лафетовъ—128, на лафетахъ полевыхъ—11, мортирь—10. Пороху до 2000 пудовъ, ядеръ разнаго калибра—30000, картечь вязаныхъ—300, картечь въ жестякахъ—600; ружейныхъ пуль—60000, сабель и ружьевъ въ ящикахъ трехъ сортовъ изъ каждаго сорта по 100. Сверхъ сего шанцеваго инструмента, лѣсу для лафетовъ и другихъ разныхъ матеріаловъ въ большомъ количествѣ.

При семъ случаѣ командующій объявилъ туркамъ, чтобы они ни мало не тревожились и не взирали бы съ худой стороны на перепись имъ сдѣланную, что сіе есть порядокъ; полиція и караулъ при арсеналѣ—взаимная безопасность. Командующій увѣрилъ ихъ, что препятствія не будетъ имъ ни въ отправленіи религіи ихъ обычаевъ, торгу, промысла, рукодѣлія, и чтобы они, почитая россіянъ своими защитниками, остались спокойными.

ДЕКАБРЬ.

2-го декабря получено донесеніе отъ г-на генераль лейтенанта Дюка де Рипелье, что соотвѣтственно повелѣнію коман-

дующаго 2-мъ корпусомъ укрѣпленіе Паланка и крѣпость Аккерманъ съ 6-ю батальонами пѣхоты заняты (?)ноября.

Въ теченіи прошедшихъ дней послѣ занятія крѣпости Бендеръ командующій корпусомъ, вромѣ учрежденія внутренняго въ крѣпости устройства и доставленія войскамъ безнужнаго продовольствія, простирая свои виды на Измаилъ, великую имѣлъ заботу къ преклоненію Буджацкихъ татаръ къ сторонѣ Россіи. Татарскіе начальники и почетнѣйшіе въ поколѣніяхъ были въ колебаніи къ принятію дружелюбно російскихъ войскъ. Командующій корпусомъ предложилъ бригадиру Катаржи ѣхать въ Татарію съ адъютантомъ командующаго штабсъ-капитаномъ Котляревскимъ, взявъ съ собою переводчика, и убѣждать татарскихъ старшинъ къ принятію миролюбивыхъ предложеній, обѣщавая имъ дружбу и самыя выгоды отъ російскихъ войскъ, если они останутся пріязненными Россіи и пребудутъ спокойными при переходѣ войскъ чрезъ ихъ земли. Бригадиръ Катаржи и адъютантъ Котляревскій, не дорожа собою для пользы своего отечества, безъ малѣйшихъ сомнѣній рѣшились на предложеніе и, получивъ отъ командующаго наставленія, отправились въ Татарію.

Странствуя нѣсколько дней по смиреннымъ жилищамъ варварскаго народа сего, и переходя изъ деревни въ деревню къ старшинамъ и начальникамъ ихъ, находили вездѣ толпы вооруженныхъ татаръ, собирающихся для совѣтовъ на счетъ російскаго войска; Татары, хотя знали по разнесшимся слухамъ, съ какою доброю и пріязнью обращаются войска російскія въ Бендерахъ, и что, будучи властителями города, не входятъ ни въ какое распоряженіе противу обычая турковъ, однако-же а между тѣмъ отъ посланныхъ услышавъ обѣщаніе дружелюбія, даже выгодъ тѣхъ, что войска за все взимаемое у татаръ будутъ платить наличными деньгами, согласились мало по малу къ преклоненію на російскую сторону и первый уѣздъ Орумъ-бетъ-оглу, въ коемъ 76 деревень, послалъ къ командиющему чиновниковъ съ увѣреніемъ отъ стороны начальниковъ добраго къ русскимъ расположенія и оставили аманата.

Послѣ сего уѣздъ Оранъ-оглу, въ которомъ 36 деревень, приклонился на нашу сторону и прислалъ аманата; за сѣмъ уѣздъ Етъ-исинъ кой съ 61-ю деревнею, прислали чиновниковъ въ засвидѣтельствованіе преклонности своей къ Россіи и дали двухъ аманатовъ. Наконецъ уѣздъ Измаилской съ округами Киргизскою, Дженбуламентскою и Кіоибескою и Коелескою, въ которыхъ 32 деревни, преклонились и прислали аманата. Къ увѣнчанію-же своей препорученности, съ неождаемымъ успѣхомъ счастливо исполненной, прибыли отправленные на возвратномъ пути въ Каушаны къ тамошнему надъ татарами воеводѣ и сего убѣдили въ знакъ вѣрности своей къ нашей сторонѣ и преклонности къ Россіи прислать къ командиру брата своего въ залогъ. Такимъ образомъ сей варварскій, жестокій и недовѣрчивый народъ былъ благополучно преклоненъ къ російской сторонѣ и успокоенъ тогда, когда могъ до 30 тысячъ собрать вооруженнаго народа; одни татарскія деревни, принадлежація такъ называемой раи измаильской, коихъ числомъ семь, остались непреклонными.

8-е декабря. Командующій корпусомъ, рѣшившись итти съ войсками къ Измаилу, писалъ г. генераль-лейтенанту Дюкюде-Ришелье отрядить изъ 13-й дивизіи пять батальоновъ пѣхоты, одинъ драгунскій полкъ для замѣщенія взятыхъ изъ Бендеръ войскъ, а лейбъ-кирасирскій Ея Величества назначить къ занятію Кишинева.

9-го отданъ былъ приказъ войскамъ о приуготовленіи въ походъ, въ который имѣютъ выступить изъ Бендеръ 11-го числа въ Каушане; полки назначены къ походу Стародубовскій драгунскій, Новгородскій мушкетерскій 11-й Егерскій, батарейная рота артилеріи, полурота конной Донской артилеріи, 50 піонеровъ и Донской козацій полкъ Платова 3-го.

Другой отрядъ войскъ, подъ командою генераль-маіора Герарда изъ Кишинева, назначенъ также къ выступленію 11-го числа въ Каушане. Полки сей отрядъ составляющіе: сѣверскій драгунскій, малороссійскій гренадерскій, два баталіона Нарвскаго полка и 3-й Бугскій козацій полкъ.

10-го числа генераль-маіоръ Хитровъ назначенъ отъ командующаго корпусомъ въ Бендерахъ комендантомъ, и распоряжено такъ, чтобы 11-го числа рано при выступленіи изъ крѣпости назначенныхъ полковъ въ походъ заняли въ то-же самое время крѣпость другія войска, кои требованы отъ Дюка де-Ришелье.

11-го числа, по выступленіи войскъ изъ Бендеръ въ 10-ть часовъ пополудни, прибылъ командующій, равно какъ и войска, въ три часа пополудни въ мѣстечко Каушане, гдѣ жителство имѣеть татарскій воевода Агасы; хотя намѣреніе командующаго не было здѣсь дневать, однако-же по незаготовленію отъ татаръ разныхъ нужныхъ къ продовольствію войска потребностей, принужденъ былъ назначить войскамъ 12-е число имѣть роздыхъ. Къ сему числу полки и отрядъ генераль-маіора Герарда прибыли въ Каушане, гдѣ корпусъ и соединился.

Сего-же числа предписано генераль-маіору Хитрово отпривить во 2-й корпусъ Житомирскій драгунскій и Нашебургскій мушкетерскій полки и понтонную роту, лейбъ-же-вираирскій Ея Величества полкъ, назначенный было въ Кишиневъ, повертуть въ Бендеры.

12-го получено донесеніе отъ генераль-лейтенанта Заса, что 9 числа сего мѣсяца російскія войска заняли крѣпость Килию.

Сего числа командующій предписалъ генераль-лейтенанту Дюку-де-Ришелье, дабы воспользоваться обстоятельствами и благопріятствующею теплою погодою къ споспѣшествованію видамъ и мѣроположеніямъ командующаго находящуюся при Аккерманѣ и Одессѣ флотилію выслалъ-бы въ Дунай, и чтобы сіе исполнилъ генераль-лейтенантъ Дюкъ-де-Ришелье съ возможною быстротою, дабы медлительностью не навесеть такихъ послѣдствій, которыя могутъ сдѣлать великія въ предпріятіяхъ помѣшательства.

Сего числа командующій раздѣлилъ войска на двѣ колонны; первая колонна состояла изъ полковъ Стародубовскаго и

Сѣверскаго драгунскихъ, Новгородскаго и Нарвскаго мушкетерскихъ, 11-го Егерскаго, полуроты конной Донской артилеріи, 50-ти піонеровъ и Донскаго казачьяго Платова 3-го полка, подъ командою генераль-маіора Войнова. Вторая колонна подъ командою генераль-маіора Герарда, въ коей полки состояли: Житомирскій драгунскій, Малороссійскій гренадерскій, Нашебургскій мушкетерскій, батарейная рота артилеріи подполковника Бертье-де-ла-Гарда, повтонная рота, остальная часть піонеровъ и 3-й Бугскій казачій полкъ.

Командующій назначилъ свое пребываніе при первой колоннѣ.

Симъ двумъ колоннамъ назначено итти разными дорогами; первая колонна имѣла свое направленіе отъ Каушанъ къ Измаилу черезъ татарскія деревни Пеливанъ, Чабы, Докузь бай, Карагуртъ и Челебе;—вторая колонна на Оймать, Кыслывъ, Мамбетъ Казы аджи, Ашага и шеши и Кошькунаръ.

13-го обѣ выступили въ 6 часовъ по полуночи изъ Каушанъ—первая до Пеливанъ, а вторая—до Оймата.

Сего числа главная квартира была въ деревнѣ Абаклы джиба.

14-го войска выступили изъ Оймата и Абаклы джиба и прибыли въ Докузь бай.

15-го войска имѣли квартиры въ Карагуртѣ. Отсюда командующій корпусомъ предписалъ второй колонны начальнику генераль-маіору Герарду, чтобы онъ 16-го числа выступилъ съ войсками изъ селенія Кошькунаръ и слѣдовалъ въ селеніе Челебе для соединенія съ первою колонною и составленія корпуса, оставивъ въ Кошькунарѣ весь обозъ и партикулярныя повозки. Подобное распоряженіе сдѣлано и въ первой колоннѣ и велѣно оставить въ Карагуртѣ весь обозъ казенный и партикулярный при пристойномъ караулѣ; наполнивъ палаточныя ящики сухарями съ пропорціею крупъ, взять съ собою для варенія людямъ кашъ.

Сего числа генераль-маіоръ Войновъ откомандированъ въ полночь къ деревнѣ Челебе съ полками Стародубовскимъ дра-

тунскимъ, Донскимъ Платова 3-го и однимъ батальономъ Егерей и полуротой конной артилеріи для преслѣдованія Пегливанской шайки разбойниковъ ¹⁾, которые, сдѣлавъ наѣздъ на оную деревню, грабили.

16-го изъ Карагурта войска выступили въ 7 часовъ по полуночи къ деревнѣ Челебе, въ которую и прибыли въ полдень. Въ сей деревнѣ соединились вторая колонна съ первой, и генераль-маіору Войнову даны еще къ его передовому отряду Житомирскій драгунскій и 3-й Бугскій казачій полки, съ которыми онъ тотчасъ и отправился къ Измаилу, отстоящему отъ Челебе въ 15-ти верстахъ.

Всему корпусу сдѣланъ въ Челебе приваль; деревня найдена разоренной и ограбленною; жителей часть увлечена разбойниками въ Измаиль, а часть разбѣжалась.

Въ часъ пополудни корпусъ выступилъ изъ Челебе и слѣдовалъ къ Измаилу.

Главнoкомандующій со своею гауптъ-квартирою поѣхалъ впередъ и, подѣзжая къ Измаилу, услышаны были пушечные изъ крѣпости выстрѣлы; они возвѣстили, что генераль-маіоръ Войновъ подступилъ подъ Измаиль.

Главнoкомандующій, прибывши къ войскамъ, подъ Измаиломъ стоящимъ, увидѣлъ, что злодѣй Пегливанъ, находясь въ корпусѣ, встрѣчаетъ россійскія войска непріязненно, производя сильную канонаду по войскамъ ядрами и бомбами.

Должно при семъ упомянуть, что 14-го числа изъ селенія Докузь-бая отправленъ отставной прапорщикъ Голицынъ съ прокламаціею къ жителямъ Измаила, чтобы они не противились и войска россійскія впустили-бы въ крѣпость для сбереженія своихъ семействъ, имѣнія и своей жизни, на случай ежели несогласіемъ своимъ принудятъ русскихъ брать крѣпость силою, но на то не получено никакого отвѣта изъ Измаила и въ то время, когда войска подошли къ крѣпости и посланный былъ задержанъ въ крѣпости.

---

¹⁾ Т. е. находящейся подъ начальствомъ Пеглеванъ-оглу.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава IV. ¹⁾

Епифаній и Никонъ. Ихъ взаимныя отношенія. Участіе Епифанія въ дѣлѣ Никона. Соборъ 1660 г. Первая редакція соборнаго опредѣленія. Сказки Епифанія, представленныя послѣ соборнаго за-сѣданія 27 февраля. Изложеніе содержанія каждой изъ нихъ. Вторая редакція соборнаго дѣянія 14 августа, написанная Епифаніемъ. Дѣло Никона послѣ этого собора. Почему Епифаній отстранился отъ официального участія въ это время. Его проектъ соборныхъ опредѣленій послѣ подачи Никономъ письменныхъ условій отреченія 14 янв. 1665 г.

Когда Епифаній Славинецкій прибылъ въ Москву (12 іюля 1649 г.), Никона въ это время, какъ мы уже указали выше, здѣсь не было: поставленный въ минувшемъ мартѣ на новгородскую митрополичью кафедру, онъ жилъ въ Новгородѣ съ 24 марта 1649 г. Поэтому нужно думать, что первое знакомство Никона съ Епифаніемъ произошло въ первый пріѣздъ Никона

---

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1900 г. № 11.

въ Москву зимою (1649—50 года).¹⁾ По прїѣздѣ своемъ Никонъ, вѣроятно, услышалъ про Епифанія отъ царскаго духовника и пожелалъ съ нимъ познакомиться и побесѣдовать. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ произошло ихъ знакомство—объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что результатомъ этихъ бесѣдъ была рѣшительная перемѣна въ Никонѣ взгляда на малорусскихъ ученыхъ: послѣ встрѣчи съ Епифаніемъ Никонъ уже не говорилъ такихъ рѣчей, какія прежде неоднократно говаривалъ, что „малые Россіи потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, что покой и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилоса и благочестія нимало“. ²⁾

Громадное значеніе нужно приписать, конечно, личному характеру Епифанія. Сосредоточенность, предпочтеніе научныхъ занятій всякимъ искательствомъ почестей, скромность при громадной по тому времени эрудиціи, безупречная честность, умѣнье не раздражать другихъ заявленіемъ о своемъ умственномъ превосходствѣ—все это такія качества, которыя способны разрушить всякое предубѣжденіе и вызвать полное довѣріе и уваженіе къ обладателю ихъ и готовность внимать рѣчамъ его. Предметомъ ихъ бесѣдъ, можно думать, прежде было то, что неприятно должно было поразить Епифанія въ Москвѣ; разумѣемъ многогласное пѣніе и чтеніе въ церквахъ и другія многочисленныя церковныя нестроенія. Способный по своему крот-

---

¹⁾ А что Никонъ, будучи уже митрополитомъ Новгородскимъ, въ каждую зиму прїѣзжалъ въ Москву, объ этомъ есть прямое свѣдѣтельство Ивана Шушерина, который говоритъ, что такъ какъ «Государь Царь присно желаше Преосвященнѣйшаго Митрополита всегда въ царствующемъ градѣ имѣти и съ нимъ благословенною бесѣдою наслаждаться», то хотя «врученное ему (Никону) отъ Бога стадо и надсмотрѣніе за градскими дѣлами не давали ему возможности всегда бесѣловати съ Государемъ, однако онъ «по вся зимы изъ Великаго Новгорода въ царствующій градъ Москву прїѣзжалъ». Шушеринъ. Житіе патріарха Никона. Спб. 1784 г. стр. 22.

²⁾ Матеріалы для истор. раск. Т. I, стр. 331—332.

кому и сосредоточенному характеру болѣе искренно скорбѣть душою изъ-за всякихъ нестроений, чѣмъ возмущаться и негодовать, имѣвшій полную возможность, благодаря своей громадной начитанности въ святоотеческихъ твореніяхъ, убѣжденно раскрыть передъ слушателемъ высокое значеніе для христіанина общественнаго богослуженія, низведеннаго практикой московскаго духовенства на степенъ какой то обрядовой повинности, чуждой всякаго внутренняго смысла, ¹⁾—Епифаній обладалъ всѣми средствами, чтобы окончательно убѣдить Никона въ необходимости положить предѣлъ всѣмъ нестроеніямъ и возвратить богослуженію и богослужебнымъ книгамъ ихъ первоначальную чистоту, тѣмъ болѣе, что почва въ этомъ отношеніи была уже раньше подготовлена. И дѣйствительно, мы видимъ, что во второй годъ (1650 г.) своего митрополичьяго служенія Никонъ уже вводитъ въ Новгородъ не только единоголосное, но и партесное „греческое и кіевское пѣніе, одушевленное паче бездушнаго органа“, а также и единоголосное чтеніе. ²⁾

Сдѣлавшись патріархомъ московскимъ, Никонъ еще болѣе сближается съ Епифаніемъ: этому въ высшей степени способствовало ихъ совмѣстное занятіе въ патріаршемъ книгохранилищѣ въ началѣ Никонова патріаршества, съ конца 1652 года до собора 1654 года. Довѣріе Никона къ знаніямъ Епифанія, такъ блистательно обнаруженнымъ имъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія, въ переводахъ и другихъ его литературныхъ произведеніяхъ—въ особенности въ трудахъ филологическихъ (въ этой области Епифаній заявилъ себя еще въ Кіевѣ),—довѣріе къ нравственной личности Епифанія, отличавшагося нравственной чуткостью и благородствомъ, росло и крѣпло все болѣе и

¹⁾ Вотъ описаніе тогдашняго богослуженія въ Московской Руси: „еднѣчь чететь съ начала полунощницу съ каевсмомъ, другій чететь вѣрую и тропари, и даже до конца полунощницы; на часахъ еднѣчь псалмы, другій уже слава и вышѣ, тропари; тотъ то, а другой—другое; и тако въ два гласа чтуще еднѣчь единаго носпѣшнѣ...“ (Шушеринъ. Житіе патр. Никона, стр. 24—25).

²⁾ Ibidem.

болѣе. По вступленіи на патріаршій престолъ, онъ дѣлаеть Епифанія офіціалнымъ проповѣдникомъ слова Божія, отъ своего имени поручаетъ ему написать утѣшительное посланіе княгинѣ Радзивиловой, ¹⁾ поручаетъ ему спеціально для себя переводы разныхъ сочиненій, въ которыхъ ощущался недостатокъ. ²⁾

О томъ, какъ высоко цѣнили Никонъ труды Епифанія и, вообще, какое вниманіе оказывалось ему, можно судить по тѣмъ,— правда отрывочнымъ, но тѣмъ болѣе драгоценнымъ,— указаніямъ, какія имѣются въ записяхъ расходной книги патріаршаго казеннаго приказа. Здѣсь читаемъ: „162 (т. е. 1654) г. ноября 10 киевленіу старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ ³⁾, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна ⁴⁾“; „26 іюля (того-же года) киевленіу старцу Епифанію, что переводитъ патріарху греческія книги на русскій языкъ, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна ⁵⁾“; 162 г. маіа 8

¹⁾ „Оглавленіе книгъ“ § 79, 22: Посланіе утѣшительное къ княгинѣ Радивилад князя Віленска, писанное лѣта 7165 (1657), маіа 17, отъ лица Никона патріарха Московскаго. Начало: «Маловременныя»... Сfr. Ундольскій. „Ученые труды Епифанія Слав.“; Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223.

²⁾ Таковы: Анатолія Вессалія (съ латинскаго), Географія—Европа и Азія и «О убіеніи краля Ангельскаго (съ латинскаго-же). См. „Оглавленіе книгъ“ § 79, 14, 15, 16; Сfr. Ундольскій. Учен. труды Епифанія; Филаретъ. Обз. дух. лит. § 223; Ркп. Кіево-Печ. Лавры № 145 (по описанію Петрова № 290: «Каталогъ на словеса, яже здѣ (въ кіевономъ сборникѣ) не положишася». стр. 947—951.

³⁾ На основаніи этого мѣста можно думать, что законоположительныя книги, каковы: Считагмы Маттея Властаря, правила Ф. Вальсамона, Климентовы зачипанія Св. Апостолъ, книга Арменонула, Правила св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Фотіевъ намоканонъ, Уставы гражданоправительственныя—что всѣ эти книги Епифаній переводилъ по просьбѣ Никона и, быть можетъ, отчасти для его нуждъ.

⁴⁾ Расх. кн. патр. каз. прик., кн. № 36. л. 334 об., Москов. Арх. Мян. Юстціів.

⁵⁾ Ibidem. л. 348.

кіевлянамъ преводникамъ старцамъ Епифанію да Дамаскину послано по 20 рублевъ человѣку ¹⁾); 165 г. іюня 13 кіевленину старцу Епифанію, что живегъ въ Чудовомъ монастырѣ, послано 10 рублевъ ²⁾); 166 г. маіа 8 кіевленину старцу Епифанію, что въ Чудовѣ монастырѣ живетъ, перевелъ на русскій языкъ государю патріарху дохтурскую книгу, въ приказъ 10 рублевъ дано сполна; тѣ деньги по казначееву велѣнію старцу Епифанію въ Чудовъ монастырь отнесъ подъячей Иванъ Зерцаловъ ³⁾). Это жалованье шло Епифанію изъ патріаршей казны, было выраженіемъ личной патріаршей благодарности за его особые труды для патріарха и выдавалось не въ зачетъ того жалованья, которое Епифаній получалъ изъ посольскаго приказа.

Относясь самъ такъ внимательно къ Епифанію, Никонъ вліялъ въ этомъ направленіи и на другихъ. Только его вліяніемъ можно объяснить тотъ фактъ, что въ теченіе одного (1652) года жалованье, шедшее Епифанію изъ посольскаго приказа, дважды было значительно повышено. 20-го іюля 1649 г., черезъ недѣлю послѣ его прибытія въ Москву, ему положено было жалованья по гривнѣ въ день, что въ мѣсяць составитъ 70 алтынъ, или иначе—2 руб. съ небольшимъ. Въ половинѣ-же 1652 г., когда Никонъ былъ уже въ Москвѣ, онъ сталъ получать 120 алтынъ въ мѣсяць, т. е. 3½ руб. Равнымъ образомъ и „питье“, выдававшееся ему къ столу, было увеличено: пожавано было „подевнаго корму по 4 алтына, да питья зъ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду цежоного, по 2 кружки пива добраго ячного ⁴⁾). Въ самомъ непродолжительномъ времени это жалованье было удвоено. „Лѣта 7160 іюля въ 17 день по указу боярину Волконскому пожаловалъ Государь царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи киевскаго старца Епифанія—велѣлъ ему давать своего государева жалованья по-

¹⁾ Ibidem. кн. 38, л. 158.

²⁾ Ibidem. кн. 41, л. 263.

³⁾ Ibidem, кн. 43. л. 251.

⁴⁾ Малорос. Дѣла. Связка 5, 1652 г. № 1.

денного корму мая съ 22-го числа і съ прежним по осми алтынѣ по две денги на день ¹⁾," что составитъ въ мѣсяць 250 алтынѣ, или 7½ руб. Въ переводѣ на нашъ курсъ эта сумма равняется 127 руб. 50 коп.—сумма, какъ видимъ, очень почетная.

Съ своей стороны и Епифаній относился къ Никону съ глубокимъ уваженіемъ: онъ видѣлъ въ немъ, прежде всего, искренняго и убѣжденнаго архипастыря, въ дѣхъ Иліиной ревности пекущагося о благоустроеніи русской церкви. Эту мысль Епифаній неоднократно высказываетъ въ своихъ предисловіяхъ, изъ которыхъ особенно предисловія къ Службникамъ 1655, 1656 и 58 гг. и къ Скрижали 1656 г. являются наилучшимъ матеріаломъ для характеристики его отношенія къ Никону. Богъ—виновникъ всѣхъ благъ,—говоритъ Епифаній въ предисловіи къ службнику 1655 г.,—благоволилъ утѣшить православную русскую церковь неповрежденностью догматовъ и избралъ для этой цѣли мужа по сердцу своему, подобнаго. Или, великаго государя Святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя Россіи и вручилъ ему пасти и соблюдать святую церковь ²⁾ Чтобы доказать читателю, что Никонъ по ревности своей вполне напоминаетъ Илию, Епифаній изображаетъ его реформаторскую дѣятельность въ Русской церкви. „Сей первопрестольный священноначальникъ“—говоритъ онъ— „гласомъ вопіющаго въ пустыни реченное, правы творите стези, благотщательнѣ исполняя, правы стези творить, скривленное исправляетъ, косвенное отмечаетъ, и стропотное соглаждаетъ: молай благолѣпіе дому Божію, и съ богодуховеннымъ псаломникомъ глаголай присно, Господи возлюбихъ благолѣпіе дома твоего, о благолѣпії дому Божію опасно печется: видяй божественнымъ Павломъ реченное: всяже благообразно и по чину да бывають, да вся таинственная священнодѣйства, въ православной російской церквѣ, въ честь и славу Божію благолѣпнѣ

¹⁾ Малорос. Дѣла Св. 5, 1652 г. № 1.

²⁾ Предисл. къ Службн. 1655 г. стр. 2—3.

совершаема, по благолѣпному богоносными отцы святыми ученному чину церковному бывають, прилежно тщится ¹⁾. Въ представленіи Епифанія Никонъ является истиннымъ пастыремъ, вдумчиво и серьезно относящимся и къ дѣлу духовнаго руководства пасомыхъ. „Не иныхъ мірскихъ богатыхъ касается разсмотрѣти,“—свидѣтельствуеть онъ о Никонѣ,—но яже належитъ пастыреви, якоже глаголетъ божественный апостолъ: „подобаетъ епископу быти безъ порока, яко Божію строителю, пособствующу по вѣрнѣмъ словеси ученія, да силенъ будетъ утѣшити въ здравнѣмъ ученіи, и противящіяся обличити, и сія внушивъ упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе разсмотрѣти“ ²⁾

Желая наглядно изобразить значеніе Никоновой дѣятельности для русской церкви, Епифаній пользуется сравненіемъ: беретъ библейскій фактъ (напоеніе Іаковомъ овецъ) и примѣняетъ его—въ духѣ схоластическаго параллелизма—къ обстоятельствамъ даннаго времени. „Яко древле патріархъ Іаковъ, въ напоеніи овецъ безсловесныхъ, веществененъ камень отъ вещественна кладезя отвалилъ есть: тако онъ (Никонъ) нынѣ мысленный неавлества, паче-же невѣжества, во многихъ умѣ лежащаго камень, во еже словеснымъ овцамъ христовымъ, чистого извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти, отъ мысленнаго таинственныхъ священнодѣйствъ кладезя отвалити потщася.“ ³⁾

Такія рѣчи высказывалъ Епифаній о Никонѣ. Предположить въ нихъ лесть, въ основѣ которой всегда лежитъ скрытая надежда пользоваться благотвореніями восхваляемаго,—едва-ли возможно. Эти рѣчи говорились не въ частной перепискѣ, а въ печатномъ трудѣ, къ свѣдѣнію всѣхъ читателей, и при томъ въ цѣляхъ полемическихъ: въ нихъ Епифаній является защитникомъ и истолкователемъ реформъ Никона, а защита Никона, противъ

¹⁾ Предислов. къ Скрижали 1656 г. стр. 12.

²⁾ Предислов. къ Служеби. 1655 г. стр. 4.

³⁾ Предисловіе къ Скрижали, стр. 9.

котораго въ Московскомъ обществѣ было сильное возбужденіе и вражда, не представляла никакой выгоды: можно было не только лишиться довѣрія, но и возбудить противъ себя вражду. При такихъ обстоятельствахъ требовалась отъ защитника убѣжденность въ правильности своего пониманія защищаемаго и вѣра въ правоту послѣдняго. Что такъ дѣйствительно и было, это лучше всего видно изъ дѣла объ осужденіи оставившаго свой престолъ Никона, — дѣла, въ которомъ Епифаній занялъ особенное и единственное положеніе. Размолвка между „соби-ными“ друзьями, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патр. Никономъ, происшедшая въ лѣто 1658 года, вызвала Никона на чрезвычайно смѣлый и рѣшительный шагъ: въ надеждѣ, быть можетъ, вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, Никонъ 10 іюля 1658 года, послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ, отрекся отъ патриаршества. Небывалый фактъ — ссора двухъ друзей, царя и патриарха, — овладѣлъ вниманіемъ всѣхъ. Масса недовольныхъ Никономъ постаралась воспользо-ваться этимъ обстоятельствомъ и осложнить ссору царя и патриарха настолько, чтобы примиреніе ихъ было невозможнымъ. Личный характеръ разошедшихся друзей еще болѣе запутывалъ дѣло. Прошелъ цѣлый годъ, а взаимныя отношенія царя и патриарха нисколько не улучшились; напротивъ, отдѣльныя событія на протяженіи его слишкомъ ощутительно дали почувствовать Никону невыгоду созданнаго имъ для самого себя положенія. Враги Никона употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы раздражать патриарха и тѣмъ вызывать на рѣзкіе, могущіе оскорбить царя, поступки. Обвиненіе Никона въ растратѣ казны, вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ духовныя дѣла, и въ особенности осмотръ его келии и бумагъ — вызвали бурное негодованіе Никона: рѣзкимъ и смѣлымъ языкомъ онъ писалъ по этому поводу обличительное письмо. „Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія! — писалъ онъ царю. Прежде ты боялся произвести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить... Убойся,

государь, глаголющаго: еже себе не хоцещи, ивѣмъ не твори; а хочешь-ли ты, чтобы твои тайны, противъ твоей воли узнавали другіе? ¹⁾ Послѣ такихъ рѣзкихъ и справедливыхъ обвиненій Никона, ити царю на примиреніе съ нимъ было уже неудобно и оскорбительно.

Новый 1660 годъ принесъ съ собой событіе, сыгравшее роль послѣдней капли въ переполнившемся сосудѣ воды. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ недѣлю Вайи крутицкій митрополитъ Питиримъ совершилъ торжественный обрядъ шествія на осляти. Никонъ, соединившій съ этимъ обрядомъ послѣднюю надежду на примиреніе съ царемъ, былъ чрезвычайно раздраженъ и написалъ второе, очень рѣзкое письмо государю, обвиняя его въ томъ, что онъ допустилъ „олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Русіи.“ Раздраженный царь послалъ къ Никону думнаго дѣла Прокофія Елизарова и Алмоза Иванова потребовать у Никона объясненія. И вотъ теперь-то Никонъ въ первый разъ рѣшительно и опредѣленно высказался, какія права онъ желаетъ оставить за собой по избраніи новаго патріарха. Патріархъ говорилъ: „что де ему нарицатися патріархомъ, и онъ де того имени не отрицался; только не хочеть именоватися Московскимъ, потому что престолъ архіерейскій Великія Россіи оставилъ своею волею.; что попеченія о истинѣ не оставилъ и впредь о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, услышитъ, молчати не учнетъ ²⁾. Такимъ образомъ Никонъ заявилъ свое желаніе остаться въ силѣ патріарха при вновь избранномъ патріархѣ и право вмѣшиваться въ духовныя дѣла, которыя потребуютъ исправленія. Остатся долѣе

---

¹⁾ Это письмо Никона напечатано въ изданіи археографической комиссіи «Дѣла о патріархѣ Никонѣ»; см. № 4, стр. 6—12; Сгг. Приложение I къ сочиненію Н. И. Субботина: „Дѣло патріарха Никона“.

²⁾ Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе археографической комиссіи по документамъ Моск. Синод. Библіотеки № 5. Сказка Прокофія Елизарова, стр. 14.

въ неопредѣленномъ положеніи для царя и московскихъ властей уже нельзя было: нужно было дать русской церкви новаго патріарха вмѣсто отрекшагося. Возникли вопросы: „можно-ли, не низложивъ соборнѣ Никона, возвести другаго патріарха; можно-ли низложить Никона и возвести инаго, еще живу ему сущу, правильно и мп. др. 1). Разрѣшить все выдвинутые обстоятельствами вопросы можно было только путемъ соборныхъ опредѣленій. И вотъ, въ февралѣ 1660 года царь рѣшился наконецъ составить соборъ для разсужденія объ избраніи новаго патріарха. Къ участію въ соборномъ разсмотрѣніи дѣла въ качествѣ общепризнаннаго въ Москвѣ ученаго авторитета и былъ приглашенъ Епифаній Славинецкій. 16 го февраля въ царской Золотой палатѣ собралось, по желанію царя, много архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ 2). Здѣсь царь объявилъ имъ свою волю, чтобъ они завялись устройеніемъ церкви, втеченіи полутора лѣтъ остававшейся безъ пастыря. На слѣдующій день члены собора снова собрались, но уже въ крестовой патріаршей и безъ царя. Въ этотъ день былъ рѣшенъ соборомъ вопросъ: своею-ли волею Никонъ оставилъ патріаршескій престолъ? Еще раньше былъ подобранъ необходимый для этого матеріалъ. 15 го февраля, вѣроятно по указу царя, были собраны сказки (показанія): 1) князя Алексѣя Трубецкаго, посланнаго царемъ, 10 іюля 1658 г., въ Успенскій соборъ узнать о причинахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола; 2) его-же и Ларіона Лопухина, посланныхъ царемъ въ Воскресенскій монастырь къ патр. Никону 1658 г. іюля 12 съ приглашеніемъ возвратиться на патріаршескій престолъ, и 3) сказки лицъ, присутствовавшихъ 10 іюля 1658 г. въ Успенскомъ соборѣ на обѣднѣ, по окончаніи которой патр. Никонъ отказался отъ патріаршаго престола и въ простомъ монашескомъ одѣяніи ушелъ на Воскресенское подворье 3). По прочтеніи и разсмотрѣніи

1) Ibidem № 24.

2) Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ соборѣ 14 авг. 1660 г., приведенъ въ томъ же изслѣдованіи. См. № 27, стр. 109—111.

3) Сказки эти помѣщены въ „Дѣлѣ о патр. Никонѣ, издан. археографической комиссіей. См. № 6, 7 и 9.

этихъ-то сказокъ соборъ рѣшилъ, что Никонъ оставилъ патриаршескій престолъ своею волею. Это рѣшеніе было сообщено царю, который послѣ этого указалъ собрать возможно больше сказокъ и тщательно провѣрить ихъ до слѣдующаго засѣданія ¹⁾, а также сдѣлать выписки изъ Номоканона и соборныхъ правилъ объ архіереяхъ, самовольно оставляющихъ свои престолы. По указу царя „преосвященный соборъ велѣли выписать изъ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, а у выписки (согласно желанію царя) велѣли быть преосвященнымъ архіепископамъ Маркеллу, Иларіону и Макарію и архимандриту Цавлу и игумену Симону.“ Выписки были сдѣланы слѣдующія: а) 16-е правило перваго и втораго собора въ церкви святыхъ апостолъ (т. е. двукратнаго Константинопольскаго); б) Карѳагенскаго собора правило 88-е; в) отъ епистолія, яже къ Домну, Кирила о отреченіи епископовъ; г) 9-е правило Вселенскаго Собора (третьяго, Ефесскаго); д) помѣстнаго собора Сардикійскаго правило 18-е (по славянск. кормчей, но по греческой 16-е); е) Кирилла Александрійскаго правило 3-е; ж) Карѳагенскаго собора правило 72 (по греческ. кормчей 83-е).

Мы не имѣемъ подробныхъ записей о преніяхъ, происходившихъ на этомъ соборѣ (27 февраля), но несомнѣнно, что отцами собора было обращено преимущественное вниманіе на 16-е правило двукратнаго собора и 9-е третьяго вселенскаго ²⁾; что въ пониманіи этихъ правилъ произошло раздѣленіе между ними, причѣмъ громадное большинство толковало ихъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для Никона. Епифаній Славинецкій выступилъ съ своимъ особеннымъ мнѣніемъ. Началась полемика между нимъ и греками, которыхъ въ этотъ разъ было уже нѣсколько ³⁾.

¹⁾ Сказки эти перепечатаны тамъ-же, см: №№ 10—16 включительно. Стр. 37—51.

²⁾ Это видно изъ свазки, поданной на соборѣ старцемъ Епифаніемъ Славинецкимъ возже, 15 іюля. См. Дѣло о Никонѣ, изд. археогр. ком. № 26.

³⁾ Подъ дѣяніемъ Москов. собора 14 авг. того-же года находимъ слѣдующія подписи: 1) Μητροπολίτης Θηβών Παρθένος, 2) Αρχιε-

Девятое правило Эфесскаго собора въ славянской кормчей читалось такъ: „Териѣти подобаетъ Евстафіеви, въ епископїи крѣпко. Се бо всякому епископу должно есть, онъ же плещи давъ, неполезно отречеса: Ѳеодоръ же въ того мѣсто поставленъ бысть, онъ же плачаса и моляся, чести прося, неповиненъ. Поставленъ же въ него мѣсто имый явѣ того отреченіе, безъ грѣха есть“. Это правило было установлено соборомъ по поводу памфилійскаго епископа Евстафія, который письменно отрекся отъ своей епархіи. Когда на его мѣсто былъ поставленъ памфилійскимъ соборомъ новый епископъ Ѳеодоръ, Евстафій явился на Ефесскій соборъ и просилъ оставить за нимъ имя и честь епископа. Соборъ призналъ за нимъ и то и другое и въ этомъ слыслѣ постановилъ свое опредѣленіе. Къ нему были приложены и два толкованія ихъ—напечатанное въ Славянской кормчей и Матѳея Властаря. Епифаній Славинецкій принималъ толкованіе Славянской Кормчей и утверждалъ, что Евстафій былъ оправданъ „безъ всякаго прекословія,“ что соборъ призналъ за нимъ право именоваться епископомъ, имѣть честь святительскую и сѣдалище, служить и поставлять пресвитеровъ и діаконовъ. Примѣняя къ данному случаю это рѣшеніе Ефесскаго собора, Епифаній говорилъ, что и къ патріарху Никону такъ же должны отнестись отцы Московскаго собора, какъ отнеслись къ Евстафію отцы собора Ефесскаго.

Греки же и ихъ сторонники, напротивъ, усиливались доказать, что къ данному случаю болѣе примѣнимо толкованіе Матѳея Властаря, который утверждалъ, что отречшійся епископства долженъ быть лишень и священства, что отцы собора Ефесскаго признали санъ епископа сохраняющимся за Евстафіемъ только во уваженіе его слезъ и глубокой старости и по боязни, „да не ему нѣчто прилучится отъ безмѣрныхъ печали“.

πίσκοπος Κοζίκου ἐκ τῆς ἁγίας καὶ βασιλικῆς συνόδου τῆς ἐν Χίῳ; 3) Ἀρχιεπίσκοπος Παφωγιαννῆς Νεκτάριος и 4) Δαμιάνος ἀρχιεπίσκοπος τῆς Ἰουζίνης. Вѣроятно эти же іерархи присутствовали на соборѣ 27 февр. и съ ними-то полемизировалъ Епифаній.

Другимъ правиломъ, принятымъ соборомъ въ руководство при разсмотрѣніи Никонова отреченія, было 16-е правило двукратнаго собора. Въ немъ, между прочимъ, говорится: „Аще который епископъ не радитъ о своемъ стадѣ, ни болѣзнію, ни церковнымъ повелѣніемъ, ни патріарховымъ одержимъ, вѣщше шести мѣсяць время отъ своея церкви отшедь сотворитъ, епископскаго сана и чести да будетъ чюжь“. Такъ читается это правило въ Славянской Кормчей. Но Греки, — какъ это видно изъ сказки, поданной впоследствии Епифаніемъ ¹⁾—увѣрили, что въ томъ-же правилѣ есть и такія слова: „безумно есть епископства отрицатися, держати же священство.“ Не имѣя подъ руками греческой кормчей, чтобы провѣрить справедливость утвержденія грековъ, Епифаній въ это время не могъ имъ серьезно возражать и потому далъ свое согласіе на лишеніе Никова архіерейства. Но для него—знатока церковныхъ канонѡвъ, много потрудившагося надъ переводомъ разныхъ законоположительныхъ книгъ съ греческаго языка на славянской,—эта мысль казалась несогласною съ общимъ духомъ церковныхъ канонѡвъ; у него зародилось сомнѣніе: выражена-ли подобная мысль въ 16-мъ правилѣ. Несмотря на такое разногласіе въ средѣ членѡвъ собора, постановленіе относительно Никона все таки состоялось въ смыслѣ очень неблагопріятномъ для него: соборъ опредѣлилъ поставить на мѣсто Никона новаго патріарха, а его самага почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Послѣ этого осталось только составить актъ соборнаго рѣшенія и закрѣпить его подписями. Алексѣй Михайловичъ составленіе акта поручилъ Епифанію. Но послѣдній, не признавая справедливымъ постановленіе собора, смѣло и рѣшительно заявилъ царю: „готовъ есмь сіе сотворити о избраніи и постановленіи новаго патріарха, сіе бо есть праведно, благополезно и правильно. О визверженіи же Никона, бывшаго патріарха, не дерзаю писати сего рода, яко не обрѣтохъ сиде-

---

1) См. Дѣло о патріархѣ Никонѣ, изд. археографическ. ком., № 26.

ваго правила, ежебы архіерея, оставившаго убо престоль свой, архіерейства-же не отрешагося, низвергало и чюждо творило архіерейства. Таже пресвѣтлаго величества вашего царьскаго молю, да повелитъ дати мнѣ дѣяніе соборное составленіе слова соборнаго“¹⁾. Просьба Епифанія была удовлетворена: дѣяніе соборное выдано. Это дало возможность ему обстоятельно ознакомиться съ аргументаціей соборнаго рѣшенія, провѣрить и критически обслѣдовать тѣ основанія, на которыхъ оно утверждалося. Слѣдствіемъ этой работы были—1) подача царю докладной записки, въ которой онъ предложилъ четыре вопроса, подлежащіе предварительному обсужденію собора, и далъ свое собственное рѣшеніе ихъ; 2) рѣшительное заявленіе мнѣнія о невозможности лишить Никона архіерейства за самовольное оставленіе имъ своего престола; 3) отказъ отъ даннаго имъ раньше, но невѣдѣнію, согласія на лишеніе Никона архіерейства вмѣстѣ съ опроверженіемъ тѣхъ основаній, на которыхъ соборъ утверждался въ своемъ постановленіи, и 4) просьба къ царю и собору о снисхожденіи къ Никону. Къ руководству же собору при дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ—какъ дополненіе къ выпискамъ капоновъ—Епифаній счелъ нужнымъ представить выборку изъ византійской церковной исторіи случаевъ, когда іерархи греческой церкви отрекались отъ своихъ престоловъ²⁾. Къ изложенію этихъ документовъ Епифаніевой защиты Никона и обратимся теперь. Начнемъ по порядку—съ докладной записки³⁾.

¹⁾ Ibidem № 26, стр. 90.

²⁾ Всѣ эти документы перечитаны въ изданномъ археографич. комиссіей Дѣлѣ о патр. Никонѣ, см. №№ 24, 25, 26, 64 и 52.

³⁾ Въ Дѣлѣ о патр. Никонѣ, гдѣ собраны подлинныя документы, относящіеся къ нему (дѣлу), приводится и эта докладная записка подъ № 24 (стр. 84—87). Здѣсь она озаглавлена такъ: «1660 г. мнѣніе, неизвѣстно къмъ поданное царю, съ разрѣшеніемъ вопросовъ: 1) можно-ли, не низложивъ соборне Никона, возвести новаго патріарха? 2) Можно-ли Никона, отрешагося своего престола, возвести пакп? 3) Можно-ли низложить Никона и возвести инаго,

Продолжительнымъ размышленіемъ, православный царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, пришелъ я—говорить Елифаній въ своей запискѣ—къ мысли, что въ вещественныхъ явленіяхъ ничто не сохраняетъ своего состоянія непрерывно, но все подлежитъ измѣненію. Возведу ли глаза свои горѣ, вижу обширное небо со всеми его свѣтилами безпреставно движущимися отъ востока къ западу; обращусь къ низу—все здѣсь непостоянно и мимолетно: огонь подлежитъ быстрому уничтоженію, земля, нынѣ украшенная благоуханными цвѣтами, на утро внезапно оказывается нагою и бесплодною. Отъ дѣйствія того-же закона (безпрерывнаго во всемъ измѣненіи) и мы теперь страдаемъ „въ мысленномъ кораблѣ Россійскія церкви:“ приключилося при наличности кормчаго безкормчество, невѣстѣ Христовой (церкви) при жизни жениха—вдовство, намъ, имѣющимъ отца—сиротство. Событіе новое и необычайное! Сдѣлалъ это („въ сидевыя поведе насъ труды“) святѣйшій Никонъ, архіепископъ царствующаго града, не преставленіемъ отъ мѣра, но добровольнымъ оставленіемъ престола своего. Теперь намъ надлежитъ разсудить: его-ли снова возвести на престолъ или избрать иного. Я, что мнѣ свободная, непредубѣжденная совѣсть („совѣсть всякую страсть отчуждивше“) и разумъ повелѣваетъ, по силѣ моей, возвищу, умоляя при этомъ,— „да свободнымъ разумѣніи моего и совѣсти глаголомъ никто-же негодуеть себѣ“. Итакъ, надлежитъ разсудить:

еще живу ему сущу, правильно? и 4) еще Никона низложить, то отъ патріаршаго-ли престола токмо, или вкушѣ и отъ архіерейства?» Мы утверждаемъ, что это «миѣніе» принадлежитъ Елифанію, а не кому-либо другому, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во-первыхъ, манера изложенія та-же, что у Елифанія; во-вторыхъ, по содержанию своему оно во многомъ сходно съ подлинною сказкою Елифанія, въ которой онъ отрицается отъ даннаго раньше согласія на лишеніе Никона архіерейства; въ третьихъ, наконецъ, въ немъ предлагается по дѣлу Никона такое-же рѣшеніе, какое признавалъ справедливымъ Елифаній, именно: „подобаетъ Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати.“

а) Можно-ли, не низложивъ соборомъ Никона, возвести другого?

б) Можно-ли Никона, отрекшагося отъ своего престола, снова возвести?

в) Можно-ли низложить Никона и при его жизни правильно возвести иного?

и г) Если Никона низложить, то какъ: отъ самого-ли престола, или вмѣстѣ и отъ архіерейства?

По первой статьѣ мое разумѣніе таково, что, не низложивъ соборомъ Никона, невозможно возвести другого. Если кто-либо возразитъ на это, что Никонъ самъ низложилъ себя и отрекся отъ престола, то я отвѣчу: онъ отрекся *устами* для того, чтобы ему покорились непокорные, а не *дѣломъ*, потому что не письменно отрекся и не соборно, къ тому-же онъ удался въ архіерейской мантии и теперь „архіерейская дѣйствуетъ“.

Въ разъясненіе второго вопроса должно сказать слѣдующее. Допустимъ даже, что онъ отрекся дѣломъ. Отсюда еще не слѣдуетъ то, что хотять видѣть. По святому Кириллу, архіепископу Александрійскому, если-бы даже кто и письменно отрекся, по достоинствѣ святительства, то таковой *да служитъ*: поэтому Никонино отрицаніе—ничто, и если онъ не имѣетъ *никакого недостойнства, пусть служитъ*. Думать такъ насъ научаетъ 16-е правило соборовъ перваго и втораго, которое говорить: „ни по которому же образу да не възидеть кто на епископію, ея же епископъ живъ есть; подобаеть бо вину изыскати, и по изверженіи его другаго поставитъ.“ Итакъ *другаго патріарха избрать при жизни Никона намъ кажется невозможнымъ*. Но кто либо можетъ сказать: Онъ никому не пріятенъ, поэтому пусть не возводится. Отвѣтъ: врачъ не долженъ угождать волѣ больного, но долженъ дѣлать то, что признаеть полезнымъ для него. Точно также и пастырь не долженъ удовлетворять всякимъ желаніямъ пасомыхъ. Поэтому, я думаю, что святѣйшій Никонъ, много разъ прочитывая исторію первосв. Ілія, который пострадалъ за ненаказаніе сыновъ, заботился о

томъ, чтобы не пострадать самому подобнымъ образомъ. Если не для всѣхъ терпимъ Никонъ, то отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что онъ достоинъ изверженія. Слѣдуетъ съ любовью умолять, да исправится въ нравѣ своемъ. Судить же его кто изъ насъ можетъ? Какой сынъ приметъ на себя дерзость судить отца?

9 правило Халкидонскаго собора гласитъ: „аще епископы имѣють что на митрополита своего, Константія града патріарху да возвѣстятъ, ему же подъ иными патріархи архіереевъ сущихъ судити.“ У насъ же—не митрополитъ, а патріархъ всея Россіи, пастырь пастырей. Эти разсужденія разъясняютъ намъ по 3-ему вопросу, что *„нельзя намъ есть по сихъ правильныхъ Никона судити и низложить, послѣдственнымъ же много возвести, ему сущу живу.“*

Впрочемъ—говоритъ Епифаній—кромѣ правилъ церковныхъ, у насъ есть примѣры изъ церковной практики, одобренныя самими вселенскими соборами и наравнѣ съ положительными правилами церкви служащія къ руководству въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, св. Григорій Богосл. оставилъ престоль свой, и на его мѣсто былъ возведенъ другой; то же было въ Памфилійской церкви послѣ отреченія Евстафія. Прилагая данныя примѣры къ настоящему нашему дѣлу, *можно—утверждаю—при жизни Никона возвести другого.* Но такъ какъ ни св. Григорій, ни Евстафій памфилійскій не были лишены архіерейскаго сана, то *„подобаетъ и Никона чести и служенія архіерейскаго не отчуждати, аще и безпрестолень будетъ.“* Сдѣлать такъ, мнѣ думается, будетъ и Богу угодно, и оставившему престоль не безчестно, намъ безгрѣшно, и всему народу пріятно. „Симъ четвертую статью замыкающе“—заключаетъ Епифаній свою докладную записку—„и моего разумѣнія конецъ творяще со блуженіемъ, аще какая суть, прощенія желаю, и вся высочайшему разуму твоего пресвѣтлаго царскаго величества, и всему преосвященному собору, ничесому же прекословяще, вручаю.“ Вслѣдъ за докладной запиской Епифаній 26-го мая заявилъ свое мнѣніе такого содержанія: чтобы Ни-

конъ, бывшій патріархъ, былъ чуждъ архіерейства и священства, объ этомъ не только писать, но даже говорить не осмѣливаюсь. Во-первыхъ, чтобы не быть прокляту тѣмъ, отъ кого принималъ благословеніе. Во-вторыхъ, боюсь, чтобы за неправильное мнѣніе и писаніе душа моя во адъ не низошла, ибо я не нашелъ такихъ правилъ, которыя бы отчуждали архіерейства и священства архіерея, добровольно оставившаго свой престолъ, архіерейства же не отрекшагося ¹⁾).

Самымъ интереснымъ документомъ является отказъ Епифанія отъ даннаго имъ раньше (27 февр.) согласія на лишеніе Никона архіерейства. Изъ него видно, что Епифаній, получивъ дѣло соборное, критически обслѣдовалъ, путемъ сличенія съ подлиннымъ греческимъ Номоканономъ и вникая въ смыслъ приложенныхъ въ немъ различныхъ толкованій, тѣ правила, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе. „Греки—заявляютъ Епифаній—на соборѣ изъ своей греческой книги прочитали такое реченіе: „безумно убо есть епископства отрещися, держати жъ священства,“ и утверждали, что это реченіе находится въ шестнадцатомъ правилѣ двукратнаго собора. Я принялъ это ихъ утвержденіе за истину и не рѣшился возражать имъ, поэтому далъ свое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха. Сдѣлалъ это я потому, что былъ введенъ въ заблужденіе греческимъ реченіемъ, котораго однако не оказалось ни въ славянскихъ, ни въ греческихъ правилахъ. Такъ какъ теперь я прочиталъ истинное греческое правило и этого реченія—„безумно есть епископства отрещися, держати жъ священства“—не нашелъ, то отрицаюсь отъ согласія моего на низверженіе Никона, какъ неправеднаго и неправильнаго, и въ этомъ каюсь.“ Для доказательства справедливости своихъ словъ Епифаній приводитъ дальше свой переводъ 16-го правила двукратнаго собора по греческому номоканону.

¹⁾ Ibidem № 25.

Διά τὰς φιλοεικίας τε καὶ ταραχὰς τὰς ἐν τῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ συμβαινούσας, καὶ τοῦτο ὕρισαι ἀναγκαῖον ἐστί. Τὸ, μηδενὶ τρόπῳ Ἐπίσκοπον καταστήναι ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ, ἧς ἐτι ὁ προεσιῶς ζῆ, καὶ ἐν τῇ ἰδίᾳ συνίσταται τιμῇ, εἰ μὴ αὐτὸς ἐκῶν τὴν ἐπίσκοπὴν παραιτήσεται. Χρὴ γὰρ πρότερον τὴν αἰτίαν τοῦ μέλλοντος τῆς ἐπίσκοπῆς ἐκδιώκεσθαι κανονικῶς ἐξεταζομένην εἰς πέρας ἄγεσθαι, εἰθ' οὕτω, μετὰ τὴν αὐτοῦ καθάρσειν, ἕτερον ἀντ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐπίσκοπὴν προβιβάζεσθαι. Εἰ δὲ τις τῶν Ἐπισκόπων ἐν τῇ ἰδίᾳ συνιστάμενος τιμῇ, μῆτε παραιτεῖσθαι βούλοιοτο, μῆτε τὸν οἰκεῖον ἐθέλοι ποιμαίνειν λαόν, ἀλλὰ τῆς οἰκειᾶς ἀποστάς ἐπίσκοπῆς ὑπὲρ τὸ ἐξάμηνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβει τόπῳ, μῆτε βασιλικῷ προστάγματι κατεχόμενος, μῆτε ταῖς τῶν οἰκείου Πατριάρχου λειτουργίαις ὑπηρετούμενος, μῆτε μὴν ὑπὸ νόσου χαλεπῆς τε καὶ ἀκινήσιαν ἐμποιοῦσης παντελῆ συνεχόμενος ὁ τοιοῦτος οὐν ὁ κατα μηδεμίαν τῶν ἐιρημένων κωλυόμενος, τῆς οἰκειᾶς ἀφιστάμενος ἐπίσκοπῆς, καὶ ὑπὲρ τὸν ἑξαμηναῖον χρόνον ἐν ἑτέρῳ διατρίβων τόπῳ, τῆς τοῦ Ἐπισκόπου τιμῆς τε καὶ ἀξίας ἀλλοτριῶ θήσεται παντελῶς.

Ради любопреній же и мятежъ въ Божіи церкви случающихся, и сіе опредѣлити нужно есть. Ни единымъ образомъ епископу поставитися въ церкви, ея же еще представитель живетъ и въ свойственной состоятъ чести, развѣ самъ волно епископства отречетсѧ. Подобаеть бо первіе вину будущаго епископства изгнати, правильно истязуемую въ конецъ привести. Тоужъ тако о его низверженіи иному вмѣсто того на епископство провозвестисѧ. Аще жъ кто епископовъ во свойственной состояй чести, ниже отречисѧ хочеть, ниже свой хочеть паствovati людѧ, но своего отступивъ епископства паче шестомѣсеція во иномъ законсѣти мѣстѣ, ниже царскимъ повелѣніемъ содержимъ, ниже своего патриарха служеніемъ служа, ниже убо отъ недуга стужатисѧ и недвиженіе творящаго всеконечное содержимъ. Сицевый убо по ни единому реченныхъ извѣтовъ возбравяемый своего отступая епископства и паче шестомѣсечнаго времени во иномъ мѣстѣ временно косня, епископскіе чести же и достоинства отчуждитсѧ всеконечно.

Затѣмъ, Епифаній обращается къ самому опредѣленію собора 27 февраля. „Соборное изволеніе—говоритъ онъ—сугубое. Томъ 71.—Декабрь, 1900.

Первое, чтобы былъ избранъ новый патріархъ; второе, чтобы Никонъ, патріархъ Московскій, былъ низвергнутъ и лишенъ архіерейскаго сана, и не только архіерейскаго, но и священническаго.

Первое постановленіе—богоугодно, правильно и благополезно, ибо необходимо, чтобы вдовствующая церковь Христова была, наконецъ, обручена, чтобы словесное стадо Христово не оставалось безъ пастыря. И въ греческой церкви, когда случилось, что патріархи добровольно оставляли свой престолъ, то на мѣсто ихъ были соборно поставляемы другіе, „яко и *святоточъ мню, прежде* по благощасливому пресвѣтлаго царскаго величества повелѣнію *написанный, являетъ* ¹⁾).

Что же касается второго опредѣленія, то оно для моего дебелаго ума непонятно („сіе изволеніе соборное дебелому уму моему нѣсть достижимо“).

Во-первыхъ, второй вселенскій соборъ не низвергъ Св. Григорія Богослова, самовольно оставившаго свой Константинопольскій престолъ: не только священство, но и санъ архіерейскій, даже архіерейскую власть у него не отняли.

Во-вторыхъ, говорятъ (несомнѣнно, такъ говорили греки и ихъ сторонники въ полемикѣ съ Епифаніемъ Славинецкимъ на соборѣ 27 февр.), что оставленіе престола равносильно отреченію отъ архіерейства. Это—неправильно, потому что, кто по качествамъ своимъ достоинъ быть архіереемъ, того добровольное отреченіе не дѣлаетъ недостойнымъ архіерейства, а кто былъ недостойнъ архіерейства, тотъ и до отреченія былъ таковымъ. Поэтому-то второе правило Кирилла Александрійскаго и

---

¹⁾ Изъ этихъ словъ Епифанія можно видѣть, что выписка изъ византийскаго церковной исторіи съ перечисленіемъ высшихъ іерарховъ греческихъ, по собственной волѣ оставившихъ свои престолы, была сдѣлана имъ-же. См. „Дѣло о патр. Никонѣ, издав. археограф. комиссіей“ № 52, стр. 275—281. Эта выписка была сдѣлана не въ 1666 г., хотя и значится въ этомъ „дѣлѣ“ подъ 1666 г., а въ 1660 г., какъ это видно изъ Епифаніева свидѣтельства. Объ этой выпискѣ—рѣчь будетъ ниже.

гласить: „Аще достоинъ, да литоргисують, аще же ни, да не отрицаются, но яко осужденныи да отходятъ.“ Примѣры изъ исторіи церкви восточной вполне подтверждаютъ это. Феодоль, епископъ Макрійскій, Евстафій, епископъ Памфилійскій, и іерей Віаноръ, хотя отреклись—первые два отъ епископства, а послѣдній отъ іерейства,—однако не были лишены прежняго своего сана.

Въ-третьихъ, должно замѣтить, что епископы не могутъ низложить епископа безъ перваго ихъ епископа, какъ ясно говоритъ 9-ое правило Антиохійскаго собора: „безъ перваго изъ епископа, да ничтоже творять епископы.“ Да и какъ смогутъ низложить митрополиты патріарха или его экзарха? Не подобаетъ сыну лишать чести своего отца.“ Вѣроятно въ полемикѣ съ Епифаніемъ въ свою защиту Греки ссылались на слова Матѳея Властаря: „кто оставилъ епископство, тотъ уже не епископъ, а слѣдовательно и не архіерей.“ Это положеніе Епифаній неотразимо опровергаетъ, очень тонко устанавливая различіе между епископствомъ и архіерействомъ. „На это положеніе Матѳея—говорить онъ—я такъ отвѣчаю: епископство и архіерейство—не одно и то-же. Во-первыхъ, всякій епископъ есть архіерей, но не всякій архіерей есть епископъ. Патріархъ есть архіерей, но не епископъ, потому что онъ—патріархъ; во-вторыхъ, по власти епископъ, архіепископъ, митрополитъ и патріархъ не равны: первые три должны подчиняться послѣднему; по архіерейству же всѣ они вполне равны: епископъ есть такой-же архіерей, какъ и архіепископъ, митрополитъ и патріархъ. Въ-третьихъ, епископствомъ означаются права власти, а архіерействомъ права священнодѣйствія: запрещеніе, отлученіе отъ общенія, низложеніе—все это право епископства, а священнодѣйствіе-же и посвященіе во діакона и іерея—право архіерейства. Такъ что архіерей можетъ отречься епископства и сопряженныхъ съ нимъ дѣлъ, и въ то-же время сохранить за собой архіерейство и архіерейскія права (священнодѣйствіе).

Кромѣ того, положеніе Матѣево—неблагодарно и весьма не твердо потому еще, что не подтверждается ни однимъ правиломъ или дѣяніемъ соборнымъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства я изъ Матѣевои книги привимаю только то, что согласно съ правилами св. отцовъ, а что несогласно, того не принимаю.“

Такъ опровергъ Епифаній Славинецкій тѣ положенія, на которыхъ было обосновано соборное опредѣленіе 27 февраля. Зная, какъ враждебно были настроены къ Никону очень многіе изъ членовъ собора, Епифаній счелъ нужнымъ приложить еще просьбу къ царю и собору о томъ, чтобы царь и отцы собора, въ подражаніе Ефесскому собору, человѣколюбиво отнесемуся къ епископу Памфилійскому Евстафію, явили снисхожденіе и человѣколюбіе въ отношеніи къ Никону, потому что хотя Никонъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ во внѣшнихъ дѣлахъ и своемъ отреченіи, но въ догматахъ православной вѣры былъ благочестивѣйшій и правый и очень ревностенъ въ апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ Восточной Церкви. „Сего ради, аще отъ престола своего самъ, Никонъ, отринуся, достоинства же священства благоутробіемъ и человѣколюбіемъ святаго твоего царства и святаго собора приличнымъ образомъ да имать священство за нѣкое малое утѣшеніе, якоже повелитъ твое царство, и да не явима тяжки въ томъ, *молимъ* великое твое царство, якоже христіанинѣйшему и кротчайшему и благоутробнѣйшему царю, съ дерзновеніемъ пишемъ.“¹⁾ Такъ заканчивается эта просьба.

---

¹⁾ Ibidem № 64. Здѣсь эта просьба озаглавлена такъ: „мнѣніе, неизвѣстно къмъ поданное царю и собору о томъ, что Никонъ не долженъ быть лишенъ священства.“ Мы признали авторомъ этого мнѣнія Епифанія, и вотъ по какимъ основаніямъ: во-первыхъ, дѣло объ Евстафій Памфилійскомъ изложено въ просьбѣ въ такомъ же оснѣженіи и толкованіи, какъ и въ сказкѣ Епифанія; во-вторыхъ, о Никонѣ говорится въ очень почтительныхъ и теплыхъ выраженіяхъ; въ-третьихъ, у другихъ постороннихъ лицъ едва-ли могли быть побужденія ходатайствовать передъ царемъ и соборомъ о снисхожденіи

Кромѣ изложенныхъ документовъ, какъ мы сказали выше, Епифаній представилъ собору выборку изъ церковной византійской исторіи случаевъ, аналогичныхъ съ подлежащимъ соборному разсмотрѣнію ¹⁾).

Этотъ документъ, какъ видно изъ словъ самаго Епифанія, былъ написанъ „по благощасливому пресвѣтлаго царскаго величества повелѣнію.“ ²⁾ Выписка дѣлится на шесть рубрикъ:

а) „патріархи самоволно престолъ свой оставльши и паки не возвратившіися на престолъ свой;

б) патріархи, самоволно оставльши престолъ свой и паки возвращенныи на престолъ свой;

в) Архіерее самоволно архіерейства отрехшеися и паки архіерейства сподобльшеися;

г) патріарху самоволно престолъ свой оставлшу, инъ патріарха поставляетца;

д) епископу самоволно престолъ оставлшу, живу суцу, инъ епископъ поставляетца;

и е) патріархъ, самоволно точію убо престолъ свой оставивъ, архіерейства-же не отрехся, архіерейская дѣйствуетъ.“

Подъ каждой рубрикой приводится соотвѣтствующіе факты, при чемъ указывается, гдѣ объ этомъ можно найти свидѣтель-

къ Никону, и въ-четвертыхъ, наконецъ, не всякій посторонній чело-вѣкъ могъ обратиться съ подобной просьбой къ царю, который самъ являлся обвинителемъ Никона и въ угоду которому всѣ стара-лись быть обвинителями, а не защитниками. Это могъ сдѣлать чело-вѣкъ, помимо нужныхъ для этого душевныхъ качествъ, пользовав-шійся авторитетомъ и расположеніемъ, что можно съ несомнѣн-ностью сказать про Епифанія. Въ этомъ документѣ есть нѣкоторое отлччіе отъ предыдущихъ трехъ. Тамъ рѣчь ведется отъ одного лица, отъ самого Епифанія, и употребляются выраженія: „*яню*“, „*могю дебелому уму недостижимо*“ и др. въ этомъ родѣ. Здѣсь рѣчь ведется отъ лица нѣсколькихъ: „*молимъ*“, „*пишемъ*“. Вѣроятно, подъ этой просьбой подписано нѣсколько лицъ, сочувствовавшихъ во главѣ съ Епифаніемъ Никону.

¹⁾ Ibidem № 52.

²⁾ Ibidem № 26, стр. 91.

ства. Перечислены слѣдующіе іерархи: Константинопольскіе патріархи: Григорій Богословъ, Григорій Мамма, Іоаннъ, Трифонъ, Геннадій Схоларій, Митрофанъ, Пирръ, Діонисій, Кипрскій архіепископъ Николай Музоловъ и епископы: Θεодуль макрскій и Евстафій памфилійскій. Процитованы—первая и четвертая книги Арменопула, церковныя исторіи—Мануила Малакса и Георгія Пахимера, и гражданская исторія Θεодосія Зыгомаха, протонотарія константинопольской патріархіи.

Такъ защищаль Никона Епифаній Славинецкій. Убѣжденныя рѣчи Епифанія вызвали со стороны Грековъ объяснительную записку, поданную ими царю Алексѣю Михайловичу ¹⁾. Но довольно сравнить эту ихъ записку съ Епифаніевымъ разборомъ соборнаго (27 февр.) опредѣленія, чтобы видѣть, какъ слабо они защищались. Прежде всего, замѣчательно то, что они совсѣмъ молчатъ о прибавкѣ къ 16-му правилу двукратнаго собора словъ: „безумно есть епископства отрещися, держати-жъ священство“, какъ будто о нихъ раньше ничего и не говорилось, вслѣдствіе чего получается такое впечатлѣніе, что они молчаливо признали себя виновными въ искаженіи правила.

Преимущественное вниманіе въ своей запискѣ они обратили теперь на то, чтобы подорвать, или по крайней мѣрѣ ослабить впечатлѣніе отъ Епифаніевой выписки. Такъ какъ единственный выводъ изъ нея былъ тотъ, что никто и никогда не думалъ считать чуждымъ чести и архіерейства отречшихся іерарховъ, то греки усиливались доказать неприложимость этихъ примѣровъ въ Никону. Они утверждали, что греческіе іерархи оставляли свои престолы, убѣгая отъ насилій турокъ, чего съ Никономъ въ православномъ государствѣ, да еще при

---

¹⁾ См. „Дѣло“ № 21, стр. 73—77: „Переводъ съ греческаго письма о томъ, что не слѣдуетъ въ Россіи руководствоваться существующимъ въ Восточной церкви обыкновениемъ давать въ управленіе лишившимся отъ гоненія турокъ престоловъ патріаршихъ низшія ерархіи, съ правомъ присутствованія на соборахъ.“ Переводъ сдѣланъ послѣ марта. Слѣдовательно, „выписка изъ византійской исторіи“ была сдѣлана Епифаніемъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1660 года.

такое благочестивое царь, какъ Алексѣй Михайловичъ, никогда не могло быть. Чтобы видѣть всю слабость ихъ опроверженія, нужно замѣтить, что изъ приведенныхъ Епифаніемъ одиннадцати іерарховъ только одинъ (Григорій Мамма) дѣйствительно оставилъ Константинополь по боязни подвергнуться истязаніямъ турокъ.

Эта записка грековъ—нужно думать—не имѣла никакого вліянія на царя, тогда какъ представленія Епифанія оказали свое дѣйствіе. Актъ соборнаго опредѣленія былъ составленъ не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалось раньше: о лишеніи Никона священства въ немъ ничего не говорится; все сводится къ тому, что вмѣсто благоговѣйнаго Никона „иному святѣйшему патріарху московскому, въ велию православныя церкви Россійскія ползу благопоспѣшно избранну . . . . и на престолъ патріаршескій возведену быти, праведно, благополучно и правильно“ ¹⁾. Такая формулировка соборнаго опредѣленія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что составленіе соборнаго акта во второй редакціи принадлежитъ Епифанію Славинецкому ²⁾. Послѣ этого соборнаго опредѣленія обстоятельства сильно измѣнились. Взаимныя отношенія царя и отрѣшеннаго патріарха обострились до крайности. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ росло, и дѣлу патр. Никона не суждено было окончиться соборнымъ опредѣленіемъ 14 авг. 1660 года. Оно было подвергнуто новому соборному разсмотрѣнію въ 1666 г. уже въ присутствіи патріарховъ Паисія

¹⁾ Ibidem № 27, стр. 107.

²⁾ Это видно изъ словъ самого Славинецкаго: „бысть пресвѣтлаго величества вашего царскаго повелѣніе, да азъ слово соборное составлю“ (См. Дѣло. № 26, стр. 90). Въ исторіи рус. Церкви, т. XII, митр. Макарія приводится свидѣтельство, что соборное дѣланіе составлено Епифаніемъ. На стр. 356, прим. 229 читаемъ: „въ СПб. государств. архивѣ есть два списка дѣланій этого собора, черновой и бѣловой. Въ первомъ есть такая замѣтка: „переводить-бы (грамату съ греческаго) старцу Епифанію (Славинецкому), а Арсенію бы (греку) не переводить.“

алекс. и Макарія антиохійскаго. На этомъ второмъ соборѣ ни опредѣленія прежняго московскаго собора, ни вызванныя этими опредѣленіями возраженія Епифанія не были разсмотрѣны, даже не было обращено никакого вниманія на предложенныя Никономъ въ 1665 г. условія, на которыхъ онъ соглашался навсегда отказаться отъ патріаршества.

Соборъ этотъ больше заботился о томъ, чтобы угодить царю, чѣмъ безпристрастно разсмотрѣть дѣло и произнести справедливый судъ: 12 декабря 1666 г. было прочитано соборное опредѣленіе: „Познавше убо мы, яко Никонъ не Архіерейскія употребляше кротости, но мучительски неправдамъ приложися.. *сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда: но еже бы ему къ тому не дѣйствовати Архіерейскихъ.* Ибо его совершенно извергохомъ и низложихомъ мы Божією милостію Патріарси съ омофори и съ епитрахили, со веъмъ помѣстнымъ Преосвященнымъ соборомъ и со греческими прилучившимися Архіереи, изъявляюще, еже *отъ нынѣ вмнѣтися именоватися простымъ монахомъ* Никону, а не къ тому патріархомъ“ ¹⁾.

Такъ сильно измѣнилось дѣло Никона послѣ собора 1660 г. Возникъ вопросъ, если до 1660 Епифаній такъ горячо, такъ убѣжденно защищалъ Никона, то почему онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи въ то время, когда обстоятельства сильно измѣнились не въ его пользу. Костомаровъ полагаетъ, что причиной этого была скромность монаха. „Вѣрный своему скромному монашескому сану,—говоритъ онъ—Епифаній не сталъ спорить съ сановитыми противниками Никона и воротился къ своему ученому уединенію“ ²⁾. Едва ли это мнѣніе можетъ быть принято: трудно допустить, чтобы въ этомъ сказалась монашеская скромность. Вѣдь и на соборѣ 1660 г. были сановитые іерархи греческой церкви—митрополитъ и архіепископы. Болѣе близкой къ истинѣ намъ кажется мысль, что Епифаній устранился отъ оффиціального

¹⁾ Ibidem. Дѣанія москов. собора, дѣяніе 14-е, стр. 450.

²⁾ Костомаровъ. Рус. Истор. въ жизнеоп. Вып. V, стр. 389.

участія въ дѣлѣ: на соборѣ 1666 г. его имени между присутствующими не встрѣчается; и устранился потому только, что видѣлъ полную бесполезность всякой защиты. Но устранившись официально отъ дѣла, Епифаній, какъ искренній, неліцемерный другъ ¹⁾, зорко слѣдилъ за всѣми перипетіями Никонова дѣла, и лишь только замѣчалось колебаніе въ пользу Никона, принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе. Такъ было въ 1665 г. Въ началѣ этого года отношенія между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ улучшились ²⁾. Никонъ рѣшился однимъ рѣшительнымъ поступкомъ распутать чрезвычайно осложнившееся дѣло и возвратитъ себѣ патріаршій престолъ: 18 дек. онъ внезапно явился въ Успенскій соборъ, гдѣ, вѣроятно, предполагалъ снова принять бразды патріаршаго управленія русской церковью. Послѣ того, какъ эта попытка окончилась неудачей, Никонъ понялъ, что ему едва-ли удастся удержатъ за собой патріаршій престолъ и сталъ предлагать условія, на которыхъ онъ согласенъ рѣшительно навсегда отречься отъ патріаршества.

14 янв. 1665 г. онъ представилъ и письменное изложеніе этихъ условій. По поводу этого письма былъ созванъ соборъ, на которомъ были разсматриваемы Никоновы условія. Въ это время Епифаній снова принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Составленіе проекта въ 1666 г. этихъ соборныхъ опредѣленій, нужно думать, принадлежитъ ему. Проф. Н. И. Субботинъ приводитъ слѣдующія основанія, по которымъ составленіе предположительныхъ соборныхъ опредѣленій должно быть приписано Епифанію: 1) основательность и глубокое знаніе церковныхъ правилъ, подобранныхъ здѣсь; 2) почтительность,

---

¹⁾ Греки писали царю (послѣ подачи Епифаніева опроверженія соборнаго рѣшенія 1660 г.): „суть нѣдци или дружбою носими прежнего патр. Никона, или не разумѣюще добрѣ разумѣваемо правилъ, скорбятся о изверженіи его.“ См. „Дѣло о Никонѣ“ № 21, стр. 72. Этою фразою греки хотѣли подорвать значеніе Епифаніевой защиты, вывода ее изъ побужденій дружбы.

²⁾ См. Субботина. Дѣло патр. Никона, стр. 88 и слѣд.

съ какою говорится о патр. Никонѣ, и 3) сходство содержания статей съ представленнымъ на соборѣ 1660 г. мнѣніемъ Епифанія объ избраніи преемника Никону и о правахъ послѣдняго по отреченіи. Кромѣ этихъ основаній Субботинъ приводитъ еще одно, именно: наличность между статьями чернового списка такого рода замѣтки: „сказываютъ, что Иверскій монастырь написанъ уже въ степени,—*протвдалъ Іаковъ*“. По объясненію Субботина здѣсь разумѣется „черный попъ Іаковъ, по прозванію философъ“—одинъ изъ сотрудниковъ Епифанія въ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ¹⁾. Но это основаніе не можетъ имѣть никакого значенія. Дѣло въ томъ, что замѣтка эта въ послѣдней части своей читается не такъ, какъ приведена у г. Субботина: „Сказываютъ, что и Иверскій монастырь написанъ уже въ степени. *Протвдать, тако-ли?*“²⁾. Такимъ образомъ, ни о какомъ Іаковѣ нѣтъ упоминанія здѣсь, а потому и соображеніе Н. И. Субботина теряетъ свое значеніе.

Проектъ соборныхъ опредѣленій по поводу Никоновыхъ условій заключаетъ въ себѣ 34 статьи³⁾. Изъ нихъ мы приведемъ только тѣ, которыя по содержанію напоминаютъ опредѣленія собора 1660 г.; таковы—21 статья: „Священный соборъ изгласи: Благочестивый царь пожалуетъ и святѣйшій патріархъ настоящій благословить, и мы повелѣваемъ, и царскій синклитъ не возбраняетъ *христіаномъ къ нему приходити* (за благословеніемъ); ст. 23: „отнынѣ лѣта 7173, генваря съ 14 дня писатися ему въ началѣ своихъ грамотъ, посылаемыхъ отъ него: смиренный Никонъ, Божіею милостію *патріархъ*.“

¹⁾ Субботинъ. Дѣло патр. Никона, стр. 118, прим. 2-е.

²⁾ См. Дѣло о Никонѣ, издан. археграф. комис. № 43, стр. 233.

³⁾ Что это черновой оригиналь, видно, во 1-хъ, въ томъ, что никакихъ подписей подъ нимъ нѣтъ, и во 2-хъ, что въ немъ между статьями находятся различныя замѣтки, напр. послѣ 4-й ст.: Пристойно-ли Сардикійскаго собора правило 10-е, листъ 111, здѣ написать,—извольте сказать; немного ниже: «Есть-ли правила или иное какое писаніе о томъ, что сослужителемъ наименовати» и мн. др.

Священный соборъ присуди сему по воли его тако быти;“ ст. 26: „священный соборъ святѣйшему Никону патріарху *застѣдати подѣ настоящимъ патріархомъ Московскимъ преемше митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ повелѣ (егда прилучится Никону духовныя ради ползы на соборъ пріити) ¹⁾*. Эти предположительныя соборныя опредѣленія вносльдствіи не были приняты во вниманіе, но въ этомъ, конечно, не вина Епифанія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ съ цѣлію облегчить участь Никона. Впрочемъ, должно сказать, что въ Епифаніевой защитѣ Никона проявилось не только расположение друга, но и безпристрастіе убѣжденнаго защитника истины, какъ это можно видѣть изъ другихъ статей того-же проекта.

Глава V.

Заботы Московскаго правительства о насажденіи въ Москвѣ «риторическаго ученія». Школы въ Москвѣ во второй половинѣ ХVII вѣка. Былъ-ли Епифаній Славинецкій учителемъ Ртищевской школы? Словено-греко-латинскій Лексиконъ. Школа Арсенія Грека. Существовала ли Чудовская школа? Былъ-ли Епифаній ея начальникомъ?

Борьба Епифанія съ латинскимъ направлениемъ въ Москвѣ. Трактатъ объ иконописаніи. Его «разглагольство» съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія Св. Даровъ. Характеристика на основаніи «разглагольства» діалектическихъ приемовъ Полоцкаго и Славинецкаго. Ихъ взаимныя отношенія.

Последній трудъ Епифанія Славинецкаго. Его сотрудники. Источники и пособия. Смерть Епифанія.

Во второй половинѣ ХVII в. высшимъ передовымъ обществомъ Москвы ясно была признана несостоятельность предшествующей умственной жизни: развалившіяся государственныя

¹⁾ «Дѣло о патр. Никонѣ, № 43.

потребности на каждомъ шагѣ давали чувствовать это. За этимъ первымъ шагомъ необходимо долженъ былъ наступить второй—сознаніе необходимости научнаго образованія. Естественнымъ результатомъ этого сознанія являются хлопоты Московскаго правительства объ устройствѣ въ Москвѣ школы. Восточные патріархи этого времени, прекрасно освѣдомленные съ положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ, охотно шли на встрѣчу назрѣвшей потребности. Они не только указывали (какъ и раньше неоднократно) Московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу, но и предлагали свои услуги въ отысканіи „учительныхъ и честныхъ мужей“, которые-бы могли и „переводити (царю) греческіе книги на славенскій языкъ и учити на учителномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языку и грамоте“¹⁾. Вѣроятно, и кіевск. митрополитъ Петръ Могила провѣдалъ о сознанной въ Москвѣ потребности имѣть научно-образованныхъ людей, когда предлагалъ (въ 1640 г.) царю Михаилу Феодоровичу прислать въ Москву кіевскихъ старцевъ, которые-бы жили въ особомъ монастырѣ и обучали русскихъ юношей.

Это сознаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVII вѣка было еще достояніемъ только правительства да немногихъ лицъ изъ высшаго сословія. Поэтому отъ царя не послѣдовало никакого рѣшенія на предложеніе Петра Могила. Но нужно думать, что эта мысль очень занимала правительство, которое рѣшило въ видѣ опыта предоставить вызовъ кіевскихъ старцевъ почину частныхъ лицъ. На частныя средства—и, конечно, съ согласія и одобренія царя—былъ устроенъ близъ Воробьевыхъ горъ Преображенскій монастырь при церкви Андрея Стратилата. Въ промежуткѣ между 1645 и 1647 годами вызвано было туда до тридцати иноковъ изъ Кіевской лавры, Межигорскаго монастыря и др.²⁾ Предоставивъ почину частнаго лица завести въ Москвѣ ри-

¹⁾ Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ... стр. 23. (М. Г. А. М. И. Д. Греческія дѣла. Книга 15, дѣло № 2).

²⁾ Малорос. дѣла. Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. 1651 г., св. 5, №№ 11, 12, 13 и 17.

торическое ученіе, правительство съ своей стороны озаботилось около половины XVII вѣка проведеніемъ въ сознаніе общества своей мысли; оно начало пропагандировать путемъ печатнаго станка. Въ 1648 г. вышла изъ печати славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго. Въ ней было помѣщено чрезвычайно любопытное по своему содержанію предисловіе, главной задачей котораго было раскрыть необходимость научнаго образованія. Примѣрами знаменитѣйшихъ отцевъ церкви—Афанасія Великаго, Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина, изучившихъ грамматику, философію, риторику, землемѣріе и астрономію—доказывается необходимость широкаго богословскаго образованія. „Не знающій грамматики—говорится въ этомъ предисловіи,—и въ писаніяхъ покушаяся изслѣдѣти, аще и зѣло преимѣя разумомъ будетъ, всячески погрѣшити имать: како бо кому взыти возможно на послѣднія степени, первыхъ не причащуся; или како разрѣшити возможно въ писаніяхъ обрѣтаемыя творческія силлогизмы, паче же писати и читати и глаголати добрѣ, аще не сей, кто цервѣе пріобрѣтется?“¹⁾ Въ немъ даже доказывается необходимость „внѣшняго (т. е. свѣтскаго) образованія и выдвигается совершенно новый для того времени принципъ, именно—критическое отношеніе къ области изучаемаго: „восхотѣвши смыслити о небеси и о прочихъ тварехъ, мы о сихъ добрѣ разумѣвающе, елика потребна къ животу и наслажденію сія плодствимъ, елика же враждающая—отмечаемъ“²⁾. Несомнѣнно, это былъ крупный шагъ въ культурной исторіи Московскаго государства. Несомнѣнно также, что въ средѣ Московскаго общества подъ влияніемъ отчасти Ртищевскаго братства, а отчасти правительственной пропаганды—уже порядочно насчитывалось лицъ съ такимъ убѣжденіемъ. Около этого времени въ Московскомъ обществѣ сталъ распространяться обычай частнаго келейнаго обученія. Не только въ монашествѣ,

¹⁾ Каптеровъ. Патр. Никонъ, какъ церковн. реформ. и его противн. Прав. Обзор., 1887 г., т. I, стр. 765.

²⁾ Ibidem.

гдѣ желали себѣ обезпечить быстрое движеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы (о многихъ епископахъ и архіепископахъ того времени извѣстно, что они знали греческій языкъ, хотя швольнаго обученія не проходили,—напр., архіепископъ Афанасій Холмогорскій); но среди свѣтскихъ лицъ многіе частно обучались греческому или латинскому языку. „Какъ де былъ на Москвѣ“—говорилъ въ 1650 г. Степанъ Олябевъ, одинъ изъ числа искавшихъ греческаго ученія, „Арсеній грекъ, котораго въ это время сослали въ Соловки, и онъ, Степанъ, хотѣлъ было учитца по латыни“ (Бѣловуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ. Стр. 39). Поэтому правительство смѣлѣе и увѣреннѣе дѣйствуетъ въ этомъ направленіи.

Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ просвѣтительныхъ стремленій Московскаго правительства и лучшей части общества должно было быть возникновеніе въ началѣ второй половины XVII вѣка школъ.

Въ обширной русской исторической литературѣ по этому вопросу признается существованіе четырехъ школъ во второй половинѣ XVII вѣка: Ртищевской Андреевской, основанной въ 1645—47 годахъ, греко-латинской школы Арсенія грека, основанной патриархомъ Никономъ въ 1653 году, Чудовской школы и Спасской. Мы будемъ говорить только о первыхъ трехъ, такъ какъ если могъ имѣть какое-либо соприкосновеніе съ школами того времени Елифаній Славинецкій, то только съ этими тремя, какъ однородными по своему направленію (греческому), тому направленію, которому такъ симпатизировалъ Славинецкій. Начнемъ по порядку. Итакъ, существовала-ли школа Андреевская и, если существовала, то причастенъ-ли былъ къ ней Славинецкій?

Одни ученые, касавшіеся этого вопроса, отвѣчаютъ на него утвердительно,—что Андреевская школа существовала и что Елифаній былъ ея руководителемъ¹⁾; другіе, признавая су-

¹⁾ М. Евгеній. Словарь Истор. I, 173; Костомаровъ. Русская Исторія въ жизнеоп., в. V, стр. 388; Горскій. О духов. школахъ въ

ществованіе школы, отрицають участіе въ ней Епифанія ¹⁾; наконецъ, Н. Θ. Каптеревъ совершенно отрицаетъ существованіе Андреевской школы, а слѣдовательно и учительство въ ней Епифанія (Прибавленіе къ Твор. св. отцевъ, 1889 г., ч. 44, стр. 613—615). Разсмотримъ всѣ эти мнѣнія. Такъ какъ первое изъ нихъ утверждается главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ—„Житія милостиваго мужа Θ. М. Ртищева“, то для опредѣленія его научной цѣнности обратимся къ анализу этого „Житія“. „Призва (Ртищевъ) отъ Кіева,—гласитъ она—изъ святаго лавры Печерскія Священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ Славенскомъ и Греческаго и во иныхъ изящнаго, къ сему же и другихъ иноковъ во ученіи грамматики Славенской и Греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати. И за его благимъ потщаніемъ тіи иноци отъ греческаго языка на Славенскій многія душеполезныя книги преведоша. Епифаній же, за его же (т. е. Θεодора Михайловича) прошеніемъ, многимъ трудомъ и тщаніемъ сочини книгу Лексиконъ, реченій языка Словенска и Греческа, и со инѣми языки, въ наученіе и во уразумѣніе учащимся потребный“ ²⁾.

Такимъ образомъ, здѣсь отмѣчены слѣдующія черты:

- а) Епифаній призывалъ въ Москву Ртищевъ;
- б) призывалъ изъ Кіево-Печерской лавры,
- в) „для хотащихъ тому ученію (т. е. грамматикѣ Славенской и риторики и даже философіи) внимати“;

Москвѣ ХVІІ в. Прибавленіе къ твор. св. отцевъ, 1845 г., стр. 157; Мирковичъ. О школахъ и просв. въ патр. періодъ. Журналъ Минист. Народн. Просв., 1878 г. іюль, стр. 8. Всѣ они основываются на показаніи Житія Милостив. мужа Θεодора Ртищева (Древ. Рос. Вивліоѳака, ч. ХVІІІ, стр. 401) и на свидѣтельствѣ Крижаннича, который въ книгѣ о Крещеніи причисляетъ къ отцамъ Андреевскаго монастыря и Епифанія Славинецкаго. См. Опис. Слав. рѣп. Гор. и Нев. Ц, 3, № 284, л. 64 об.

¹⁾ Сторожевъ. Къ истор. Рус. просв. ХVІІ в. Кіев. Стар. 1889 г. т. ХХVІІ, стр. 341.

²⁾ Древн. Росс. Вивліоѳ. ч. ХVІІІ, стр. 401.

и г) по просьбѣ Ртищева Епифаній составилъ Славено-Греко-Латинскій Лексиконъ („реченій Славенска и Греческа и со всѣми языки“) „во уразумѣніе учащимся потребный“.

Невѣрность первыхъ двухъ показаній уже была нами раскрыта: мы выше упоминали, что Епифаній прибылъ въ Москву по вызову правительственному, а не частному, и не изъ Кіево-Печерской Лавры, а изъ Братскаго монастыря.

Если прослѣдимъ жизнь Епифанія въ Москвѣ, то съ логической необходимостью придемъ къ признанію ложности и третьяго положенія.

По прибытіи въ Москву, какъ мы уже знаемъ, Епифаній остановился не въ Андреевск. монастырѣ, а, согласно Государеву указу, сообщенному ему еще въ Путивлѣ воеводу Плещеевымъ, на дворѣ посольскаго приказа, гдѣ думный дякъ Волошениновъ отвелъ для него и прибывшихъ съ нимъ временное помѣщеніе ¹⁾. Послѣ представленія государю было указано ему постоянное мѣсто жительства опять таки на томъ же дворѣ посольскаго приказа ²⁾. Равнымъ образомъ, жалованье шло не отъ Ртищева, а изъ Приказу Большаго двorca ³⁾.

Находясь въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа, Епифаній, Арсеній и Θεодосій обращаются съ просьбой объ отпускѣ ихъ въ Троицкую лавру на богомолье не къ боярину Ртищеву, а чрезъ дворецкаго князя Алексѣя Михайловича Львова, завѣдывавшаго тогда посольскимъ Приказомъ и Печатнымъ дворомъ ⁴⁾, къ царю Алексѣю Михайловичу ⁵⁾. Если прослѣдимъ челобитныя Епифанія и „памяти“ государя о немъ, то увидимъ, что онъ все время получалъ жалованье изъ „Приказа Большаго Прихода“, что, слѣдовательно, все время состоялъ въ вѣдѣніи Посольскаго Приказа: „163 г. мая 29 дня въ *Большой Приходъ*, давати кіевскимъ

¹⁾ Малорос. Дѣла. 1649 г., св. 4, № 4, л. 4.

²⁾ Ibidem, л. 45.

³⁾ Ibidem, л. 7.

⁴⁾ Руминцевъ. Древн. Здан. Московск. Печат. Двора. Пришлч. 66 п 69.

⁵⁾ Малорос. Дѣла. Св. 4, 1649 г., д. № 4, л. 43.

старцомъ Епифанію да Дамаскину (Птицкому) мая съ 28 числа по возу дровъ на недѣлю ¹⁾; Челобитная Епифанія:... „По твоему великаго государя указу давано мнѣ богомолцу твоему изъ *Большою Приходу* поденной кормъ помѣсячно...“ ²⁾ Даже послѣ перехода Епифанія на житѣ въ Чудовъ монастырь, онъ по прежнему состоитъ въ вѣдѣніи Посольскаго приказа и по прежнему жалованье получаетъ изъ Прихода Большого Дворца ³⁾. Такимъ образомъ, Епифаній совсѣмъ не жилъ въ Андреевскомъ братствѣ и потому не могъ состоять начальникомъ тамошней школы. Это, конечно, не исключаетъ возможности близкихъ отношеній къ инокамъ того монастыря, тѣмъ болѣе, что тамъ жили его земляки. Воинѣ возможно, что къ нему обращались за разъясненіями разныхъ недоумѣній, встрѣчавшихся при переводческой дѣятельности иноковъ Андреевскаго монастыря.

Къ нему, какъ къ филологу, заявившему уже себя въ этой области еще въ Кіевѣ, могъ обратиться съ просьбой о составленіи словаря и Ѡ. М. Ртищевъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, Епифаній могъ имѣть и, вѣроятноже всего, имѣлъ частныя связи и сношенія съ Ртищевской школой—монастыремъ, могъ помогать своими совѣтами и указаніями, но учителемъ ея или начальникомъ онъ не состоялъ.

Н. Ѡ. Каптеревъ, какъ мы уже упомянули, отрицаетъ существованіе самой школы, а, слѣдовательно, возможность какихъ-либо связей съ нею. Приведа свидѣтельство о ней изъ привилегіи на Академію изъ „Житія“, онъ, затѣмъ, продолжаетъ: „при-

¹⁾ Ibidem, св. 10., 1655 г., д. № 3, л. 8.

²⁾ Ibid., св. 15, 1658 г., д. № 19.

³⁾ Ibidem, св. 25, 1667 г., д. № 12; св. 29, 1669 г., д. № 24; св. 34, 1671 г., д. № 13.

⁴⁾ Составлять свой Словено-Греко-Латинскій Лексиконъ Епифаній началъ, можно предполагать, въ 1664 г., такъ какъ Греко-латинскій лексиконъ Іоанна Скопулы, которымъ онъ пользовался въ качествѣ пособия, имѣлся у него въ изданіи 1663 г. (Брайловскій. Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго. Рус. Филол. Вѣстн. 1890 г. т. XXIII, стр. 244. прим.).

веденныя извѣстія говорятъ только, что при основаніи Андреевскаго монастыря и заселеніи его образованными иноками изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей, имѣлось въ виду между прочимъ русскимъ, „хотящимъ ученію внимати“, дать возможность поучиться у кіевлянъ способнымъ наукамъ; но вовсе не говорится того, чтобы въ Андреевскомъ монастырѣ дѣйствительно была греческая или греко-латинская школа, въ которой-бы русскіе люди дѣйствительно обучались у кіевлянъ разнымъ наукамъ“.

Но трудно согласиться съ этими словами. Если изъ словъ „Житія“: „хотящимъ ученію внимати“—не видно, чтобы это хотѣніе было приведено въ исполненіе, чтобы намѣреніе учиться было осуществлено, то слова того-же „Житія“, что Лексиконъ былъ потребенъ „въ наученіи и уразумѣніи *учащимся*“ прямо указываютъ, что не только *имѣлось* въ виду учить, но и на самомъ дѣлѣ учили желающихъ внимать ученію. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Словарѣ была потребность, то необходимо предположить существованіе лицъ, ощутившихъ эту потребность. А что въ Словарѣ нуждались не только переводчики, но главнымъ образомъ учащіеся, на это указываетъ прямой, непосредственный смыслъ свидѣтельства: „въ наученіе и во уразумѣніе *учащимся* потребный (Словарь)“. Конечно, если-бы мы имѣли только одно историческое свидѣтельство „Житія“, къ показаніямъ котораго нужно относиться съ большою осторожностію, то нельзя было бы дѣлать такого вывода, какъ мы сдѣлали. Но мы имѣемъ, кромѣ того, несомнѣнныя историческія данныя, свидѣтельствующія о томъ, что въ Ртищевскомъ братствѣ были учащіеся.

Такимъ даннымъ является для насъ слѣдственное дѣло по доносу чернеца Саула, производившееся въ апрѣлѣ 1650 г. ¹⁾ Изъ этого дѣла видно, что въ 1650 году ученики Ртищевской школы—кружка Перфиреа Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ поѣхали въ Кіевъ доучиваться у старцевъ—кіевлянъ по-латыни“. Итакъ, мы принимаемъ второе мнѣніе (г. Сторожева), т. е. при-

¹⁾ М. Макарій. Истор. рус. церкви, т. XI, стр. 134—136.

знаемъ, что школа-монастырь, въ которой учились не малые „робята“, а взрослые искатели греческой и латинской мудрости,— существовала, но Епифаній начальникомъ или учителемъ ея не былъ, да и не могъ быть, а частныя сношенія съ нею имѣлъ, какъ это можно думать на основаніи Словено-Греко-Латинскаго Лексикона.

Второю школою, существованіе которой въ пятидесятихъ годахъ XVII вѣка признается нашей исторической наукой, была греко-латинская школа Арсенія грека. Г. Бѣлокуровъ въ своемъ рефератѣ, читанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ, путемъ сопоставленія двухъ изданій (1643 и 1656 г. г.) „Описанія путешествія“ Адама Олеарія, основательно доказалъ существованіе этой школы, основанной около 1653 года. Эти соображенія его относительно педагогической дѣятельности Арсенія грека вполне подтверждаются свидѣтельствомъ официальныхъ документовъ того времени. Въ расходной книгѣ патриаршаго приказа № 34, подъ 6 апр. 1653 года имѣется такая, напр., запись: „запложено за пять стоуъ бумаги книжной доброй, которой взято на борисовскій дворъ гречанину старцу Арсенію для училища дѣтмъ, по рублю 13 алт. 2 деньги за стопу, всего 7 рублей¹⁾. Трудно рѣшить вопросъ, была-ли эта школа основана въ Чудовскомъ монастырѣ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ? Бѣлокуровъ склоненъ, кажется, думать, что она учреждена на патриаршемъ дворѣ, а проф. Николаевскій,—что въ Чудовомъ монастырѣ.

Уже самое названіе школы именемъ Арсенія грека указываетъ на то, что главнымъ учителемъ ея былъ онъ, а не Епифаній.

Третья школа—Чудовская. Всѣ изслѣдователи, за исключеніемъ одного только Н. Θ. Каптерева (вышеупомянутая статья его), существованіе Чудовской, иначе патриаршей, школы, считаютъ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ²⁾.

---

¹⁾ Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ при патр. Никонѣ. Хрвст. Чтен. 1891 г., ч. II, стр. 173, примѣч. 1.

²⁾ Филаретъ. Обз. дух. лат. § 223; Булгаковъ. Истор. Кіевск. Авад., стр. 34; Горскій. О дух. школ., Приб. къ Твор. св. отцевъ,

Всѣ они полагають, что учительствовалъ въ ней Епифаній Славинецій ¹⁾). Въ пользу такого мнѣнія говоритъ свидѣтельство Θεодора Поликарпова въ припискѣ къ филологическому Словарю Епифанія: ... „подарилъ сію премудрую книгу, творенія и рукъ самыя трудъ богомудраго отца Епифанія Славинецкаго, *ученикъ ею*, пречестный отецъ Евфимій ²⁾). На основаніи этого свидѣтельства можно думать, что учениками ея состояли не „малые ребята“, а взрослые люди, желавшіе научиться греческой и латинской грамотѣ, риторикѣ и, быть можетъ, другимъ наукамъ. Неотложныя нужды тогдашняго московскаго правительства, заставлявшія его преслѣдовать во всѣхъ своихъ начинаніяхъ прежде

1845 г. стр. 157; Аскоченскій, Кіевъ съ древн. учил. I, стр. 161; Костомаровъ. Рус. Истор. въ Жлзнеол., в. V, стр. 388; Мирковичъ. О школ. и просв. въ патр. періодъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; проф. Шввицкій. Тр. Кіевск. Дух. Акад., 1861 г., т. 2, стр. 409; Сторожевъ. Кіевск. Стар. 1889 г., т. XXVII, стр. 341; Майковъ. Очерки изъ истор. рус. лит. XVII в XVIII в. в., стр. 18 и 51; проф. Николаевскій. Моск. Печ. Дворъ. Христ. Чтен. 1891 г. II, стр. 174, прим. Почти всѣ указаные авторы не приводятъ данныхъ, на которыхъ они обосновываютъ свое мнѣніе; очевидно они повторяютъ мнѣніе Филарета, и только А. В. Горскій и проф. Николаевскій приводятъ свои соображенія въ пользу существованія Чудовской школы. Для А. В. Горскаго такимъ косвеннымъ доказательствомъ является подпись Паисія Лигарида (въ 1666 г.) подъ отвѣтомъ шведскому посланнику Лиліентаю «о вѣрѣ грековъ и Росіинъ относительно св. Евхаристіи», гдѣ сказано, что отвѣтъ сей писалъ «in Alexiano Musaeo». Подъ именемъ музея онъ разумѣетъ училище, названное Алексіевскимъ, или по имени Св. Алексія, въ обители котораго оно было учреждено, или по имени царя. Проф. Николаевскій приводитъ свидѣтельство официальныхъ документовъ (Расх. книга патр. казен. пркв. № 43 и 57).

¹⁾ Впрочемъ проф. Николаевскій, признавая существованіе Чудовской школы, не касается вопроса о томъ, учительствовалъ-ли въ ней Епифаній.

²⁾ Ундольскій. Библиограф. разысканія по случаю выхода Описанія Библиот. Общ. Истор. и Древн. Россійск., стр. 100.

всего практическія цѣли, даютъ нѣкоторое подтвержденіе для подобнаго заключенія.

Съ какого же времени начала существовать эта школа и когда, слѣдовательно, Епифаній сталъ въ ней учительствовать?

Помѣщеніе для школы въ новыхъ патріаршихъ палатахъ (эти палаты были соединены съ Чудовымъ монастыремъ особою перекидною аркою; быть можетъ, этимъ только и можно объяснить то, что эта школа безразлично называется то Чудовской, то патріаршей) не было закончено при Никонѣ; съ октября 1657 г. здѣсь только приступили къ постановкѣ печей и затворовъ; 24 марта 1658 г. „поденщивы *въ школахъ* чистили *объ палаты* и печи починивали, въ іюнь дѣлали мѣста для учениковъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, помѣщеніе для школы готовилось въ половинѣ 1658 года. Если теперь обратимся къ Епифанію, то увидимъ, что именно около этого-же времени онъ перешелъ на жительство изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь. Во всѣхъ государевыхъ памятникахъ и указахъ о немъ до 1657 года не указывается его мѣстожительства; это было излишне, потому что онъ жилъ въ одномъ и томъ же разѣ навсегда определенномъ для него мѣстѣ; съ 1657 года, когда говорится о немъ, то всегда прибавляется „что живетъ (который живетъ) въ Чудовомъ монастырѣ“ ²⁾. Сопоставляя эти два обстоятельства (время перехода Епифанія на житье изъ Посольскаго подворья въ Чудовъ монастырь и приспособленіе патріаршихъ палатъ для школьныхъ надобностей), мы и предполагаемъ, что Епифаній былъ переведенъ въ Чудовъ монастырь въ качествѣ учителя или начальника имѣющагося открыться новаго патріаршаго училища. Можно думать, что эта школа предназначалась къ тому, чтобы удовлетворить на-

¹⁾ См. Николаевскій. Хр. Чтен. 1891 г. II, 174 стр. Здѣсь приведены выдержки изъ расколн. кнѣгъ патр. казен. прик.

²⁾ Таковы: Запись расходной книги патр. казен. Приказа, кн. № 41, л. 263; кн. № 43, л. 251; Государевы «памяти» отъ Сентяб. 17-го 1667 г. и 30 сент. 1669 г. (Малороссійскія дѣла, св. 25 и 29, л. № 12 и 24).

сущнымъ потребностямъ Московскаго правительства: если школа Арсенія грека должна была дать необходимый контингентъ справщиковъ, которые бы могли вести дѣло книжной сиравы соответственно новымъ требованіямъ, то Чудовская школа должна была дать ученыхъ переводчиковъ, знакомыхъ съ греческой и латинской грамотой, риторикой и другими науками. О томъ, какъ велось обученіе въ этой школѣ, не сохранилось никакихъ извѣстій. Многіе ученые, основываясь на показаніи Сильвестра Медвѣдева, литературнаго врага Евѣиміева, ¹⁾ думаютъ, что въ Чудовской школѣ „преимущественно учили по греческому, и при томъ, не столько по учебному, сколько практически, чрезъ вниканіе въ смыслъ текстовъ и переводы“ ²⁾. Н. О. Каптеревъ отрицаетъ существованіе Чудовской школы, а, слѣдовательно, и фактъ учительства въ ней Елифанія. Основанія его слѣдующія.

I. Елифаній Славинецкій въ своемъ поученіи, направленномъ противъ невѣжества, и Паисій Лигаридъ въ опроверженіи Соловецкой челобитной заявляютъ, что невѣжество у насъ погибнетъ тогда, когда пресвѣтлое царское величество „благоволятъ ясному ученію свѣту сіяти и природный разумъ человѣческой просвѣщати“ ³⁾.

Намъ кажется, что эти слова не отрицаютъ существованія школъ; онѣ могутъ быть поняты какъ жалоба на недостатокъ ихъ. Въ наше время, не смотря на существованіе школъ, во многихъ періодическихъ изданіяхъ можно читать такія же рѣчи,

---

¹⁾ Медвѣдевъ говорилъ про Евѣиміа, что онъ, «точію нѣчто греческихъ реченій намятствуетъ. И тому вача учитися не младъ и не во училищѣ, но во монастырѣ за медомъ... и со Лексиконовъ нѣкая словеса». (Мирковичъ. О времени пресущ. св. даровъ, стр. 77).

²⁾ Мирковичъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., ч. 198, стр. 9; Майковъ. Очерки изъ истор. лит. XVII в., стр. 19; Татарскій. Симеонъ Полоцкій, стр. 73; С. Брайлоскій. Чт. Общ. люб. дух. просв. 1890 г.; Очерки изъ исторіи Просв. Москов. Руси XVII в., Мартов. ка., стр. 429 и др.

³⁾ Прибав. къ Твор. св. Отцевъ, 1889 года, ч. 44, стр. 615—618.

и если бы будущій историкъ, основываясь на подобныхъ жалобахъ, сдѣлалъ выводъ, что школы народныя отсутствовали въ наше время, то, конечно, онъ бы сильно ошибся. Приведенное нами (изъ статьи проф. Николаевского) свидѣтельство расходной книги патриаршаго приказа № 34, гдѣ прямо сказано, что закупка писчей бумаги 6 апр. 1653 года была сдѣлана „для училища дѣтскаго“, вполне подрываетъ значеніе приведеннаго Н. О. Каптеревымъ общаго основанія.

II. Второе основаніе, приводимое Каптеревымъ, то, что Епифаній въ своихъ челобитныхъ царю нигдѣ не упоминаетъ о своемъ учительствѣ, хотя о переводческой дѣятельности говорить¹⁾.

И это основаніе далеко не можетъ похвалиться характеромъ непоколебимости, потому что на протяженіи двадцати пяти лѣтъ жизни Епифанія въ Москвѣ сохранилось всего только семь челобитныхъ (1652, 1655, 1661, 1664, 1667, 1669 и 1671 годовъ), и изъ нихъ только въ трехъ Епифаній указываетъ, чѣмъ онъ занимается.

Итакъ, резюмируя все изложенное нами по вопросу о школахъ и педагогической дѣятельности Епифанія, должно сказать, что онъ изъ трехъ школъ, существовавшихъ во второй половинѣ XVII вѣка, по всей вѣроятности учительствовалъ только въ Чудовской.

Кромѣ педагогической дѣятельности, Епифаній очень дѣятельное участіе принималъ въ начинавшейся тогда борьбѣ двухъ направленій—греческаго и латинскаго.

Отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ о характерѣ педагогической дѣятельности восполняется данными, относящимися къ его борьбѣ съ латинскимъ направлениемъ. Въ этой борьбѣ съ наибольшою опредѣленностію выразились его убѣжденія, а слѣдовательно и характеръ его воздѣйствія на современниковъ. Поэтому, мы теперь и обратимся къ ней.

---

¹⁾ Ibidem, стр. 605—606.

Съ сороковыхъ годовъ XVII вѣка, подъ мощнымъ давленіемъ культурныхъ пріобрѣтеній Запада, началось у насъ на Руси латинское направленіе. Началось оно сперва съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны, какъ мы упоминали раньше, западная цивилизація снискала себѣ симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создала удобства жизни ¹⁾, давала удовольствія, развивала эстетическое чувство ²⁾, вызвала щеголеватость, роскошь ³⁾, искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты. Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ боярскихъ хоромахъ (каковы: символическія изображенія временъ года, „бѣги небесныя“, лунное теченіе, четыре стихіи и др.) присоединились картины перспективныя и ландшафты ⁴⁾. Потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ, въ овощной рядъ, въ большомъ количествѣ. ⁵⁾

Наряду съ этимъ, такъ сказать, произвольнымъ всасываніемъ русской жизнью элементовъ западной культуры, шла и намѣренная пропаганда протестантизма, открывшая русскому человѣку новыя точки зрѣнія уже въ области его вѣрованій ⁶⁾. Пока западное вліяніе ограничивалось только бытовой, житейской областію и областію знаній свѣтскихъ, такъ называемой внѣшней мудростію, оно не вызвало еще на борьбу Епифанія, признававшаго значеніе западной науки въ этой области (онъ самъ своими переводами свѣтскихъ сочиненій, каковы—напр., космо-

1) Буслевъ. Истор. очерки рус. нар. слов. и иску., стр. 403.

2) Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева „Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в. в.“

3) Русск. госуд. въ половинѣ XVII в.

4) Цвѣтаевъ. Къ истор. культ. Россіи въ XVI и XVII в. в., стр. 4.

5) Ibidem, стр. 11.

6) Соколовъ. Отношеніе протестантизма въ Россіи XVI и XVII в., стр. 71 и слѣд.

графія, анатомія Вессалія Брюссельскаго и др., содѣйствовали пересадѣ ея на русскую почву); но когда, вслѣдъ за этимъ, западное вліяніе стало проникать въ область церковныхъ традицій (иконописаніе) и вѣрваній, то Епифаній Славинецкій вступилъ въ борьбу съ нимъ.

Многихъ русскихъ людей того времени, подъ вліяніемъ протестантовъ, въ обиліи населявшихъ Москву, занимали такіе вопросы, какъ: какая польза отъ молитвъ и благотвореній нашихъ за умершихъ, что намъ помощь въ молитвахъ св. умершихъ и др. ¹⁾).

Славинецкій выступаетъ на защиту этихъ истинъ православной церкви и пишетъ поученія: о молитвѣ за умершихъ ²⁾ и „чесо ради поминаются святіи“ ³⁾. Въ области иконописанія во время Епифанія въ Москвѣ сильно распространилось подражаніе западнымъ образцамъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ онъ самъ: „не издавна“—говоритъ онъ—„начаша иконописцы съ латинскихъ и лутеранскихъ образцовъ писати всемилостпваго Спаса, Богородицу и святыхъ апостоловъ“ ⁴⁾. Это обстоятельство побуждаетъ его написать цѣлый трактатъ объ иконописаніи, въ которомъ онъ излагаетъ тѣ начала, какими долженъ руководиться православный иконописецъ въ своемъ занятіи.

Но особенно для насъ важно въ смыслѣ характеристики строго православнаго направленія Епифанія его „разглагольство“ съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи. Это разглагольство является первымъ актомъ той великой борьбы, которая разгорѣлась уже послѣ Епифанія, той

---

1) Ibidem., стр. 73.

2) „Почуеніе о молитвѣ за умершихъ собра и написа чиномъ реторичнымъ, якоже въ потребникахъ напечатано“. Строевъ. Библиогр. Словарь, стр. 255; Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122 и № 257; № 337, л. 279.

3) Гор. и Нев. II, 3, № 337, л. 279.

4) Рук. Кіево-Печерской Лавры. № 145 (по опис. Петрова 290).
Объ иконописаніи стр. 961.

борьбы, поводомъ къ которой былъ вопросъ о времени пресуществленія, но которую въ сущности ея—по справедливому замѣчанію Мирковича—должно разсматривать какъ борьбу двухъ цивилизацій, двухъ міровозрѣній, двухъ типовъ мышленія.

Уже въ 1667 году во время споровъ католиковъ съ мыслителями Портрояля, католиками были получены письменныя мнѣнія объ этомъ предметѣ Николая Спафарія и митрополита Пакисія Лигарида—оба близкія къ католическому ученію. Въ томъ же духѣ отвѣчалъ крестовый священникъ Іоаннъ Іоановъ, бывший при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ (1668—1669 г.).

Въ Москвѣ въ первый разъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ былъ возбужденъ Симеономъ Полоцкимъ въ 1673 году ¹⁾).

Во дни патріаршества Пителима, всероссійскаго патріарха—разсказываетъ статья объ Епифаніи—по его приглашенію случилось быть Епифанію и Симеону у патріарха, въ его крестовой палатѣ. Когда приходилось Симеону Полоцкому бывать гдѣ-бы то ни-было вмѣстѣ съ Славинецкимъ, то онъ обыкновенно обращался къ послѣднему съ вопросами „о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещахъ“. Такъ было и въ этотъ разъ.

Во время ихъ разговора Симеонъ обратился къ Епифанію съ такимъ вопросомъ: „Какъ, отче, святыня твоя вѣруеть о пресуществленіи хлѣба и вина на божественной литургіи въ тѣло и кровь Христову, словами-ли Христовыми: „примите, ядите“ и слѣдующими—или молитвою священника: „сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло и т. д...“

Епифаній. Я вѣрую, и мудрствую, и исповѣдую такъ, какъ вѣруеть и проповѣдуетъ святая католическая *восточная*

---

¹⁾ Мы будемъ излагать этотъ разговоръ Епифанія съ Полоцкимъ по рукописи Кіево-Печерской Лавры № 145, стр. 911—923, такъ какъ въ немъ онъ гораздо полнѣе изложенъ; въ Остиѣ же (стр. 70—74) приведена часть бесѣды; второй части бесѣды, въ которой Епифаній приводитъ и филологическія соображенія въ доказательство своего мнѣнія (лл. 917—922 кіевск. рукоп.), въ Остиѣ нѣтъ. Въ свою очередь статья «Остна» оканчивается выпиской изъ предисловія Никоновой Скрижали 1656 г.

церковь. Силлогизмамъ же, въ особенности латинскимъ (хотя и въ нихъ я силенъ—„доволенъ есмь въ тѣхъ“) я не слѣдую, потому что святой Василій Великій повелѣваетъ уклоняться отъ силлогизмовъ, какъ отъ огня, а Григорій Богословъ называетъ силлогизмы (въ 37 словѣ, о Св. Духѣ) „вѣры развращеніемъ и тайны истощеніемъ“. Поэтому-то, я слѣдую предавію и ученію святыхъ отцовъ—учителей Восточной церкви. Всѣ тѣ, кто не такъ вѣруетъ, еретики и отступники отъ своей матери,—Восточной церкви.

Симеонъ. Западные учителя говорятъ, что тѣло Христово пресуществляется только произнесеніемъ словъ Христовыхъ (примите, ядите и слѣд.). Правильно-ли это, отче?

Епифаній. Неправильно, потому что восточные учителя учатъ и проповѣдуютъ такъ, какъ написано Св. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ въ литургіи. А эти отцы въ своихъ чинахъ литургіи словамъ Христовымъ придаютъ значеніе напоминанія того, что происходило на тайной вечери („написаша словеса Христова воспоминательно дѣянныхъ на тайной вечери“), именно, что Христосъ, принявъ хлѣбъ, благодаривъ Богу Отцу, благословивъ, освятивъ, преломивъ, далъ ученикамъ своимъ говоря: примите, ядите“ и далѣе. Хлѣбъ и вино въ это время еще служатъ только *прообразомъ* тѣла и крови („еще *антипина* суща, рекше возобразнымъ тѣла и крове Христовы“). Послѣ этого священникъ молится Богу Отцу о томъ, чтобы Онъ ниспослалъ Духа Святаго на него и на подлежащіе дары, чтобы освятить ихъ и сотворилъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино—кровію Христовою, преложивъ ихъ Духомъ Святымъ. Послѣ этой-то молитвы священника наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа претворяется хлѣбъ и вино и становится истиннымъ тѣломъ Христовымъ и истинною кровію Его.

Симеонъ. Если кто по ученію западныхъ учителей мыслить, не грѣшенъ-ли?

Епифаній. Если кто такъ мудрствуетъ, тотъ еретикъ.

Симеонъ. Въ Кіевѣ наша Русь ученая также мыслить, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову. Развѣ и они грѣшатъ?

Епифаній. Наши кїевляне учились и учатся только латыни, и читають книги только латинскія и поэтому такъ мудрствуютъ, а по гречески не учились и книгъ греческихъ не читають; по этой причинѣ они истины не знаютъ и сильно въ этомъ погрѣшили, впадъ въ латинскую ересь ¹⁾. Восточная церковь держитъ отъ самыхъ св. апостоловъ ученіе о времени пресуществленія, такъ какъ священнодѣйствовали сами апостолы и ихъ преемники, какъ предали намъ святые отцы Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Объ этомъ вполне достаточно писали многіе восточные учителя церкви ²⁾.

Что въ потирѣ послѣ произнесенія словъ: установленія таинства еще не кровь Христова, а вино, это показываетъ мѣстоименіе, ибо говорится въ тайносовершительной молитвѣ: „а еже въ чаши сей“...

---

¹⁾ Г. Шляпкинъ въ своемъ трудѣ «Димитрій Ростовскій» (стр. 137) подвергаетъ сомнѣнію подлинность этого «разглагольства». «Такъ выразаться врядъ-ли могъ *Кїевлянинъ* Епифаній» (курсивъ его) — говоритъ онъ. Кромѣ того «разглагольство» кажется ему сомнительнымъ въ виду существованія сочиненія Епифанія (Сбор. син. непер. № V, л. 376—386) о томъ же вопросѣ, составленнаго отъ словесъ писанныхъ и устоглаголаныхъ Епифанія Славинецкаго. Но, во-первыхъ, разговоръ происходилъ чрезъ 40 лѣтъ послѣ преображенія Могилою Кїев. Братской школы. Въ 70-хъ годахъ XVII в. характеръ Кїево-Могилянскои Коллегіи дѣйствительно былъ такимъ, какъ его характеризуетъ Епифаній (читали точію латинскія книги, а греческихъ не читали); во-вторыхъ, Епифаній уже 23 года съ небольшимъ прожилъ въ Москвѣ, слѣдовательно могъ отнестись вполне объективно и безпристрастно къ новому направленію кїевской науки, которому — какъ мы видѣли — онъ никогда не сочувствовалъ. Существованіе труда Евфимія о томъ же предметѣ скорѣе подтверждаетъ разглагольство, чѣмъ отрицаетъ. Указывая источникъ своего труда, Евфимій ясно и опредѣленно говоритъ, что онъ написалъ отъ „устоглаголаныхъ“ словесъ Епифанія.

²⁾ На этомъ оканчивается разглагольство по „Остну“. Дальше по рук. Кїево-Печ. Лавры.

Мѣстоименіе „еже“, произносимое въ совершеніи надъ чашею,—средняго рода; относится оно („еже“) къ подразумѣваемому слову—„вино“, а не „кровь“; такъ какъ слово—„вино“—средняго рода, то и мѣстоименіе употребляется средняго рода. „Кровь“ же—имя женскаго рода и если бы въ то время, когда произносятся эти слова, была въ потирѣ уже истинная кровь, то, конечно, было бы употреблено и мѣстоименіе въ женскомъ родѣ, именно, было бы сказано въ молитвѣ: а *уже* въ чаши сей“...

И далѣе: хлѣбъ—имя мужскаго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть въ томъ же родѣ, именно: „сей;“ „Тѣло“ же—средняго рода и мѣстоименіе при немъ должно быть „сіе“. Поэтому то не сказано въ молитвѣ „и сотвори убо хлѣбъ сіе“, а, напротивъ, и „по естественному разуму и по грамматическому сочиненію“ сказано: „сотвори убо хлѣбъ сей—честное тѣло“...

Въ этомъ вопросѣ—продолжаетъ Епифаній—средины не можетъ быть, какъ не можетъ быть никакихъ уступокъ. Если истиненъ латинскій догматъ, что таинство совершается словами Господними, то лживо ученіе наше, Восточной церкви, по которому таинство совершается чрезъ призваніе священника наитіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа. Если же истиненъ нашъ догматъ, то, конечно, ложнымъ должно быть ученіе ихъ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. „Того бо ради—заключаетъ Епифаній свою бесѣду съ Симеономъ—„и разлучахомся мы восточніи отъ западныхъ, яко не послѣдуютъ святыхъ апостоловъ преданіемъ, и отцевъ святыхъ ученіемъ, но вся, яже оныхъ растлѣваютъ и примѣняютъ, своя же новины вымышляютъ и вѣруютъ“.

Этимъ разглагольствомъ прекрасно характеризуется строго-православное міровоззрѣніе Епифанія; несомнѣнно, что въ такомъ же направленіи онъ воздѣйствовалъ на своихъ изслѣдователей. По крайней мѣрѣ такъ же понимали его и его современники и послѣдователи.

Въ „Отвѣтахъ“ іеродіакона Дамаскина на „Вопросы“ Гавріила Домецкаго читаемъ: „Епифаній, отходя отъ сей жизни, завѣщалъ по душѣ своей милостыню, а книги, какія имѣлъ, при-

казаль отдать Евѣмію, *котораго находилъ въ вѣрѣ православной непоколебимымъ и правдивымъ, къ тому же умѣющимъ переводить божественное Писаніе съ греческаго языка на славянскій*“¹⁾.

Это „разглагольство“ для насъ важно и въ другомъ отношеніи: въ немъ прекрасно обрисованы взаимныя отношенія Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго. „Разглагольство“ ихъ—не споръ, не преніе, а вопросы Симеона „о неудоумѣнныхъ вещехъ“ и разъясненія увѣреннаго въ своей правотѣ Епифанія²⁾. Симеонъ только спрашиваетъ, но въ его вопросахъ слышится осторожность и сдержанность человѣка дипломатичнаго, относительно котораго можно сказать, что онъ предлагаетъ вопросы не для того, чтобы разъяснить для самого себя „неудоборазумѣнную вещь“. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи вопросъ: въ Кіевѣ ученые также мудрствуютъ, что только словами Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову; развѣ и они грѣшатъ? Такъ и чувствуется въ немъ скрытое желаніе привести своего собесѣдника въ смущеніе. Заключительныя слова Епифанія, въ которыхъ онъ говоритъ, что средины между православнымъ и католическимъ ученіемъ быть не можетъ, даютъ основаніе предположить, что Полоцкій не высказался ясно и опредѣленно, что онъ, слѣдовательно, лавировалъ между Сциллой и Харибдой. Напротивъ, въ рѣчахъ Епифанія слышится увѣренность въ самомъ себѣ, убѣжденность въ своей правотѣ, прямолинейность. Онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что кіевляне увлечены латинскими книгами и потому такъ мудрствуютъ „и того ради истины не вѣдаютъ“.

¹⁾ Яхонтовъ. Геродіак. Дамаскинъ, рус. иолемисть XVII в., стр. 26.

²⁾ Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что Симеонъ Полоцкій находился вообще подъ сильнымъ вліяніемъ Славинецкаго. «Въ проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго—говоритъ онъ—ощутительно подражаніе Славинецкому, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оба проповѣдника касались одного и того же предмета, какъ, напримѣръ, заведенія училищъ и обличеній раскола: есть одинакія сравненія, одинакія выраженія.

Если принять во вниманіе скромность Епифанія, то такая прямолинейность, могущая задѣть собесѣдника, станетъ для насъ понятной: Епифаній—нужно думать—понималъ, что въ вопросахъ Полоцкаго видво было не желаніе его уяснить истину, а, напротивъ, его симпатія такому рѣшенію вопроса, какое онъ находилъ у латинскихъ авторовъ. Этимъ только, по нашему мнѣнію, и можно объяснить тотъ фактъ, что Епифаній послѣ этого разговора устранилъ Симеона Полоцкаго отъ участія въ переводѣ Библии, предпринятомъ имъ въ 1674 году.

Замѣчательно, что не смотря на такое разномысліе этихъ двухъ кіевлянъ въ вопросахъ первостепенной важности, оба они сохранили до самой смерти Епифанія добрыя отношенія. Хотя Епифаній и устранилъ Полоцкаго отъ сотрудничества въ переводѣ Библии, тѣмъ не менѣе въ другихъ случаяхъ не отказывался отъ его помощи. Это видно изъ поученія Епифанія „о молитвѣ за умершихъ“. Это поученіе собралъ и написалъ „чиномъ риторичнымъ“ Епифаній, а на вопросы и доводы „чиномъ расположи ради удобаго поятія Симеонъ Полоцкій“¹⁾. Нужно думать, что, не симпатизируя научнымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Полоцкаго, Епифаній все-таки и уважалъ его, какъ чловѣка ученаго, и цѣнилъ его познанія. При своей смерти онъ не забылъ Симеона и оставилъ ему такой денежный подарокъ (2 золотыхъ)²⁾, который по своей цѣнности значительно превосходитъ подарки важнѣйшимъ московскимъ архимандритамъ.

Съ своей стороны и Симеонъ навсегда сохранилъ почтительное отношеніе къ Епифанію и выразилъ въ пяти своихъ Эпитафіяхъ, въ которыхъ называетъ его „искуснымъ богословомъ и изслѣдникомъ правыхъ св. Писаній во многихъ языцѣхъ, мужемъ исполненнымъ мудрости, кротости и честности“³⁾.

---

¹⁾ Гор. и Нев. II, 3, № 256, л. 112—122; Сfr. Строевъ. Библиогр. Слав., стр. 255.

²⁾ Имущество и книги Епифанія. Чг. Общ. Истор. и Дрен. 1846 г., кн. 4.

³⁾ Майковъ Л. Очерки изъ Истор. литер. XVII в., стр. 55.

Черезъ годъ послѣ бесѣды Епифанія Славинецкаго съ Симономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, Епифаній приступилъ къ послѣднему своему труду, для котораго собственно и былъ призванъ онъ въ Москву, т. е. къ переводу Библии.

Мы раньше указали, какъ постоянно „забиралъ“ Епифаній по поводу неправильностей въ Московской печатной Библии. Слова его, конечно, доходили до слуха Алексѣя Михайловича ¹⁾, но „настоятельство браней и скудость средствъ“ надолго отодвинули ученый обстоятельный переводъ Библии. Наконецъ, въ сентябрѣ 1674 года былъ созванъ соборъ русскихъ архіереевъ по вопросу о новомъ обстоятельномъ исправленіи и переводѣ всей Библии. Соборъ благословилъ „преводить всю Библию вново, Ветхій и Новый Заветъ, іеромонаху Епифанію Славинецкому съ книгъ греческихъ самыхъ семдесятыхъ переведенія, въ Франкфортѣ печатныхъ въ десь лѣта 1597, и съ другихъ въ Лондиніи печатанныхъ лѣта 1600, и инья изданія лѣта 1587“ ²⁾.

Наблюдать за переводомъ и заботиться объ обезпеченіи трудящихся надъ нимъ государь указалъ митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, какъ блюстителю въ то время патріаршаго престола, послѣ смерти патріарха Питирима. Выборъ сотрудниковъ былъ предоставленъ самому Епифанію, который и избралъ: Сергія, бывшаго игумена Пугивльской Молченской обители, Евѳимія, инока Чудова монастыря, сирващива священника Никифора, іеродіакона Чудова монастыря Моисея и писцовъ печатнаго двора Михаила Родостамова и Флора Герасимова. Симеона же Полоцкаго—какъ мы упомянули уже—Епифаній совершенно отстранилъ „зане аще и ученъ бѣ (Симеонъ)“—говоритъ современная записка—„и знаеше вѣчто, но латински точію“. Митрополитъ Павелъ позаботился приспособить для

¹⁾ «Епифанія словеса доидоша въ слухи и самага благочестивѣйшаго Государя-Царя.» М. Евгеній. Словарь Историч. См. првлж. записки, стр. 179.

²⁾ М. Евгеній. Словарь Историч. 180 стр.

потребностей предпринятаго дѣла зданія на своемъ митрополичьемъ подворьѣ, на Крутицахъ, и обставилъ переводчиковъ внѣшне такъ, что они ни въ чемъ не нуждались, ничѣмъ не отвлекались отъ своего серьезнаго дѣла. По крайней мѣрѣ авторъ записки о переводѣ Библии, вѣроятно, самъ бывший въ числѣ сотрудниковъ Епифанія, съ любовію изображаетъ заботливость, какою окружилъ трудившихся митрополитъ Павелъ. „Преосвященный Павелъ митрополитъ—говоритъ онъ—такъ, яко и Филадельфъ, устрои въ дому своемъ архіерейскомъ сущемъ внѣ града Москвы, именуемѣмъ Крутицы на горахъ высокихъ и крутыхъ надъ рѣкою Москвою, тихомъ сущемъ мѣстѣ и безмолвнемъ, приличномъ дѣлу сему, храмины приличны содѣла, и вертоградъ разныхъ видовъ древъ и цвѣтовъ и зелій всякихъ насади, и источники ископа тещи сладководныи за утѣшеніе и отъ труда преставшимъ за упокоеніе и оградю огради ради прохожденія, яко инъ нѣкій рай, и по трудѣ вкусити хотящимъ пищу и питіе подобающее, и служащія оному приуготови“¹⁾.

Дѣло перевода было поставлено Епифаніемъ серьезно, вполне научно. Кромѣ указанныхъ соборомъ изданій Библии, Епифаній счелъ нужнымъ пользоваться при исправленіи и древними рукописями. Изъ нихъ особенно замѣчательны: пергаментная греческая рукописная Библия 551 года, принадлежавшая библіотекѣ печатнаго двора; евангеліе митрополита Московскаго Алексія, написанное имъ въ 1355 году, и Славянская рукописная же Библия 1382 г. („письма цареградскаго“). Пособіями при переводѣ служили: 1) бесѣды св. Іоанна Златоустаго на св. Евангеліе, переведенныя Максимомъ Грекомъ въ 1524 г.; 2) бесѣды Іоанна же Златоустаго на Посланія ап. Павла, напечатанныя въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1623 г., и 3) наконецъ, творенія Григорія Богослова, Василя Великаго, Аонасія Великаго и Іоанна Дамаскина, переведенныя прежде Епифаніемъ Славинецкимъ и изданныя въ 1665 году.

¹⁾ Ibidem, стр. 181.

Пользованіе переводчиковъ святоотеческими трудами свидѣтельствуєтъ ясно, что дѣло исправленія и перевода Библии было поставлено широко и строго научно. Переводчики заботились не только о близости своего перевода къ греческому оригиналу, но при пособіи святоотеческихъ толкованій старались правильно понять мысль подлинника и точно выразить ее не только въ главныхъ ея частяхъ, но и въ отбѣнкахъ. Этому дѣлу Епифанія не суждено было окончиться. Девятаго сентября 1675 г. умеръ митрополитъ Павелъ, а черезъ два мѣсяца и 10 дней, т. е. 19 ноября того же 1675 года, не стало и главнаго дѣятеля по переводу Библии, Епифанія Славинецкаго ¹⁾.

Въ теченіе года былъ переведенъ Епифаніємъ новый Заѡтъ ²⁾ и пятокнижіе ³⁾ только вчернѣ: „точію начисто не прочтєся“—свидѣтельствуєтъ предисловіе къ переведенному Епифаніємъ Новому Заѡту ⁴⁾—„и не исправися преводникомъ іеромонахомъ Епифаніємъ“.

¹⁾ Въ письмѣ Инова Епифанія къ Ректору Кіевской Могиланской Коллегіи Сильвестру Головчкву сказано: «отъ житія сего привременнаго въ будущее безконечное блаженство лѣта Господня 1675 ноемвриа подъ 20-е чясло». Ундольскій. Ученые труды Епифанія Славинецкаго. Также точно говоритъ и Филаретъ, по м. Евгений въ своемъ словарѣ считаетъ годомъ смерти Епифанія 1676 годъ. Это—ошибочно. Ошибка произошла отъ того, что митрополитъ Евгений изъ 7184 (годъ смерти Епифанія—по счету отъ сотворенія міра) вычелъ 5508, а нужно (въ тѣхъ случаяхъ, когда событіе произошло въ періодѣ отъ Сентября по Декабрь—включительно) при переводѣ на нашъ счетъ вычитать 5509, потому что при введеніи Петромъ Великимъ новаго гражданскаго счета, эти четыре послѣднихъ мѣсяца были опущены.

²⁾ Четвероевангеліе въ переводѣ Епифанія находится въ Рум. Пуб. Музеѣ, въ собраніи рукописей Ундольскаго, № 1291. См. Викторовъ. Очеркъ собр. ркп. Ундольскаго, стр. 5.

³⁾ Ундольскій. Ученые труды Епиф. Славин.; сfr. Филаретъ Обз. дух. лит. § 223.

⁴⁾ Историч. записка, напеч. въ словарѣ м. Евгения, есть не что иное, какъ излеченіе изъ предисловія къ Епифаніеву переводу Нового Заѡта.

Тавъ, смерть застала Епифанія среди самого серьезнаго его труда, которымъ онъ занимался, по выраженію современной о немъ записки, „наипаче ради спасенія души своея.“ Предъ своею смертію онъ назначилъ душеприказчикомъ инока Евфимія, который и распорядился всѣмъ его имуществомъ. Какъ видно изъ росписи, послѣ Епифанія осталось всего 518 золотыхъ, 520 ефимковъ, 362 рубля, одинъ алтынъ и двѣ деньги (деньгами), да 4 золотыхъ, 73 рубля и 14 алгынъ вещами и книгами. Все это имущество—согласно завѣщанію—было разослано Евфиміемъ по разнымъ монастырямъ „въ вѣчное помяновеніе по іеромонасѣ Епифаніи“. Въ своемъ завѣщаніи Епифаній не забылъ монастырей своей родины: онъ одарилъ ихъ самыми богатыми дарами; въ Печерскій, напр., монастырь пошло послѣ его смерти 180 золотыхъ червонныхъ, что въ переводѣ на наши деньги составитъ очень внушительную сумму. По цѣнности вклада слѣдуютъ далѣе Братскій монастырь (80 золотыхъ), Межигорскій—(50 золотыхъ), затѣмъ всѣ, какъ мужскіе такъ и женскіе, кіевскіе монастыри (по 10 золотыхъ) ¹⁾. Кромѣ денегъ, въ пользу Братскаго монастыря онъ отказалъ еще и 38 книгъ изъ своей бібліотеки ²⁾, въ числѣ ихъ между прочимъ находятся двѣ еврейскіихъ грамматики и еврейско-халдейскій лексиконъ. На этомъ основаніи можно полагать, что кромѣ греческаго, латинскаго и польскаго языковъ, Епифаній зналъ и еврейскій языкъ. Многія книги Епифанія поступили въ даръ иноку Евфимію, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ

---

¹⁾ См. книги и имущество Епифанія Славинецкаго. Временникъ Московск. Общ. Истор. 1850 г. кн. V.

²⁾ Феодосій Васковскій, игумень Межигорскаго монастыря, получилъ для передачи въ Братскій монастырь 31 книгу, а 7 книгъ были удержаны въ Москвѣ; за нихъ было ушлочено въ Братскій монастырь 40 ефимковъ. Списокъ книгъ, отправленныхъ въ Братскую школу, приведенъ въ росписи книгъ и имущества Епифаніева, а какія книги были оставлены, объ этомъ не находимъ никакихъ указаній. Оставленные въ Москвѣ книги, нужно думать, поступили въ бібліотеку Печатнаго Двора.

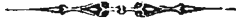
Епифанія ¹⁾, но какія именно, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; скудность такихъ извѣстій о книгахъ, составлявшихъ собственную бібліотеку Епифанія, до чрезвычайности затрудняетъ вопросъ объ источникахъ его оригинальныхъ трудовъ.

Погребень былъ Епифаній въ Чудовомъ монастырѣ. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Преходяй человѣче! здѣ ставъ да взираеши,
 Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши.
 Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій стець Епифаній,
 Претолковникъ изящный Священныхъ Писаній,
 Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
 Его же да вселитъ Господь въ рай небесный,
 За множайшія его труды въ писаніихъ,
 Тщанно-мудрословые въ претолкованіихъ,
 На память ему да будетъ
 Вѣчно и не отбудетъ.

Эта надгробная надпись представляетъ собою сводъ четвертой и пятой эпитафіи Симеона Полоцкаго.

Ив. Ротарь.

¹⁾ Яхонтовъ. Іеродіаконъ Дамаскинъ, стр. 26.

Ђѣлоцерковская гимназія.

(Окончаніе ¹).

Попечительство кн. А. П. Ширинскаго-Шихматова.

1864—1867.

Прошло три года со времени увольненія Н. И. Пирогова. Въ эти три года перемѣнилось три попечителя, но за короткостію времени, до кн. Ширинскаго особенныхъ старовведеній не случилось. Строгій консерваторъ, баронъ Николаи, призванный съ Кавказа задержать яко-бы слишкомъ быстро шагнувшее въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ просвѣщеніе и по возможности повернуть ретиваго коня на старую дорогу, опѣшившись на Гренковѣ и потерявъ жену, утратилъ всю свою энергію и желалъ какъ можно скорѣе оставить опротивѣвшій ему Кіевъ. Смѣнившій его „докторъ правъ,“ рисуясь либераломъ и боясь уронить себя въ глазахъ кіевской интеллигенціи и отчасти сдерживаемый Михневичемъ, мало коснулся преобразованій Пирогова. За то третій преемникъ Николая Ивановича, кн. Шихматовъ, возгорѣвъ великою ревностію къ искорененію плевель въ

---

¹) См. Кіев. Ст. № 11.

Юго-Западномъ краѣ, началъ рубить съ плеча все, что только носило на себѣ слѣды пироговскаго новшества.

Мы видѣли, какъ знакомился „извѣстный Пироговъ“ съ кіевскими предержавшими властями при началѣ своего попечительства. Совершенно иначе повелъ себя князь. Представившись Генераль-Губернатору, Митрополиту Арсенію и его викарію Порфирію, онъ счелъ для себя обязательнымъ сдѣлать визиты даже полиціймейстеру, кафедральному протоіерею Крамареву и редактору „Вѣстника Ю.-З. и З. Россіи,“ пресловутому Говорскому. По этому, такъ сказать, первому шагу бывшаго моряка можно было судить о его будущей дѣятельности въ роли попечителя.

Получивъ бумагу о вступленіи на должность новаго начальства, я поспѣшилъ въ Кіевъ представиться. При входѣ въ кабинетъ, въ дверяхъ, носомъ къ носу, столкнулся я съ редакторомъ сѣробумажнаго „Вѣстника“—встрѣча, не предвѣщавшая ничего хорошаго.

Кое-кто, безъ сомнѣнія, успѣлъ уже откомендовать Е. С—ву бѣлоцерковскаго директора, какъ такого человѣка, котораго не слѣдовало бы терпѣть на службѣ въ юго-западномъ краѣ, какъ украинофила и противника церковно-приходскихъ школъ.

Въ кіевскомъ учебномъ округѣ, какъ извѣстно, со времени открытія министерскихъ школъ началась борьба окружного начальства въ съ митрополитомъ Арсеніемъ ¹⁾, который циркулярно и совершенно секретно оповѣстилъ свое *non possumus* между сельскимъ духовенствомъ, пригрозивъ каждому священнику за допущеніе открытія въ его селѣ министерской школы лишеніемъ прихода. Находясь на службѣ въ Бѣлой Церкви, въ окрестностяхъ которой заведено было нѣсколько такихъ школъ, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ бѣдственнымъ ихъ положеніемъ вслѣдствіе противодѣйствія священниковъ, наэлектризованныхъ

---

¹⁾ См. объ этомъ „Письма митр. Арсенія къ прот. П. Г. Лебединцеву (Кіев. Стар. № 10).

циркулярами владыки. Въ защиту этихъ школъ я помѣстилъ въ газетѣ „День“ статью, направленную противъ фиктивно существующихъ церковно-приходскихъ школъ, большая часть которыхъ числилась только на бумагѣ. За эту корреспонденцію меня жестоко обругали въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, пожаловавъ меня въ нигилисты, сепаратисты и т. п. Я огрызнулся въ Кіевлянинѣ, чѣмъ возбудилъ сильнѣйшее негодованіе въ кіевскихъ іерархахъ, которые не преминули очернить меня передъ новымъ начальствомъ.

Пригласивъ меня съѣсть, князь началъ длинную-предлинную обвинительную орацію. Возстановить ея содержаніе въ цѣлости я не берусь; за 35 лѣтъ многое изъ сказаннаго въ назиданіе изгладилось изъ памяти, но впечатлѣніе, произведенное ею, осталось навсегда: оно было равносильно дѣйствию холоднаго дѣла, внезапно окатившаго неприготовленнаго къ тому человѣка. И чего-чего не наговорилъ мнѣ князь! Начавъ свою орацію съ того, что онъ человѣкъ русскій, прямо высказывающій свои убѣжденія, что онъ покорный сынъ православной церкви, уважающій ея представителей, что онъ до самоотверженія преданъ престолу и отечеству и проч. и проч.,—онъ обрушился на меня съ грознымъ и угрожающимъ обличеніемъ: что я враждебно отношусь ко всему русскому и, идя въ разрѣзъ съ цѣлями правительства, провозглашаю самобытность малорусскаго народа и его нарѣчія; что я, унижая православное духовенство въ ополяченномъ краѣ, дѣйствую за одно съ поляками и т. д. Выслушавъ обличеніе князя, конечно, со словъ Говорскаго и прот. Крамарева, я сказалъ, что оправдываться мнѣ неудобно: *propterea laus sordet*, а если онъ вѣритъ возведеннымъ на меня клеветамъ, то мнѣ ничего не остается болѣе сдѣлать, какъ уйти изъ Кіевского округа, благо меня приглашаютъ въ Варшаву. Пригрозивъ мнѣ строжайшей ревизіей, попечитель отпустилъ меня съ миромъ.

Примѣривши къ кіевскому учебному Округу все то, что оставлено имъ въ Виленскомъ, и не найдя въ немъ ничего похожего, князь началъ пригонять всѣ наши порядки къ своему идеалу.

Прежде всего онъ приплся за наши убогія народныя школы, которыя и безъ того едва дышали. Будучи открыты въ южныхъ губерніяхъ на самыя ограниченныя средства, онъ во многомъ и многомъ еще нуждались, а тутъ—противодѣйствіе духовенства, которое, по печальной случайности, за-одно съ поляками стало тѣснить сельскихъ учителей, возбуждая противъ нихъ народъ и лишая средствъ къ существованію. Надобно знать, что заведеніе школъ въ ополяченномъ, закрѣпощенномъ краѣ—явленіе совершенно небывалое, какъ для пановъ, такъ и крестьянъ. Да и само окружное начальство было въ немаломъ затрудненіи: ему предстоялъ вопросъ—гдѣ взять учителей? Учительскія семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей—учрежденіе позднѣйшаго времени, а для школъ понадобились учителя тотчасъ-же. Какъ тутъ быть? И вотъ, по инициативѣ М. А. Тулова, при канцеляріи попечителя ех promptu появились педагогическіе курсы. Нѣкоторые профессора изъ молодыхъ, учителя гимназій, студенты—безвозмездно взялись за преподаваніе, чтобы, по возможности, въ кратчайшій срокъ подготовить набранныхъ разночинцевъ для сельскихъ школъ и, по мѣрѣ открытія таковыхъ, посылать на мѣста. Князю не понравилось это благодѣтельное учрежденіе, не стоившее правительству ни гроша: ему захотѣлось имѣть исключенныхъ за неуспѣшность семинаристовъ и дьячковъ. Курсы однимъ почеркомъ пера были закрыты.

Закрывъ педагогическую школу, князь передалъ оставшееся послѣ нея имущество (картины для нагляднаго обученія, грифельныя доски, книги и пр.) на храненіе учителю Богатинову. Въ числѣ книгъ было 500 экземпляровъ „бабкѣ“ Глѣбова. Басни эти Ширинскій велѣлъ немедленно сжечь, какъ зловредную брошюрку, ядовитое вещество; „что было исполнено мною немедленно съ удовольствіемъ, и только ради смѣха, я оставилъ себѣ на память одну—эту именно смѣхотворную книжонку“,—заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Богатиновъ.

Послѣ неоднократнаго свиданія съ митрополитомъ Арсеніемъ, князь вошелъ съ нимъ въ такой компромиссъ: окончившимъ

курсъ семинаристамъ, до посвященія ихъ въ іереи, онъ пообѣщаль отъ 300 до 400 рублей жалованья, если они примуть на себя обязанность учителей. Митрополитъ, повидимому, согласился; но когда одинъ изъ „богослововъ“, заручившись обѣщаніемъ князя—дать ему мѣсто сельскаго учителя, пошелъ, по совѣту его, къ митрополиту за благословеніемъ, тотъ отвѣтилъ ему сурово:

— Нѣтъ тебѣ благословенія! Ты не нашъ, иди къ твоему князю!

Князя чуть ударъ не прихлопнулъ; до того онъ былъ взбѣшенъ этимъ.

Не смотря, однако-жь, на полнѣйшее разочарованіе въ этихъ своихъ ожиданіяхъ, князь и княгиня выказывали глубокое уваженіе къ духовенству. Каждое воскресенье настоятель домашней церкви 1-й гимназіи, законоучитель Каменскій, послѣ обѣдни, являлся въ квартиру попечителя съ просфорой и каждый разъ княгиня, со всѣмъ своимъ семействомъ, встрѣчая его, съ благоговѣніемъ цѣловала его руку. Она могла-бы поставить въ тупикъ любого раскольничьяго начетчика знаніемъ церковнаго обихода, а троцари, ирмосы и кондаки знала наизусть.

Не могу умолчать о другомъ фактѣ, котораго я былъ очевидцемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими директорами, собравшимися, по случаю съѣзда директоровъ, въ кабинетъ князя для предварительныхъ совѣщаній.

Попечитель жилъ тогда на Лютеранской улицѣ, подлѣ нѣмецкой кирхи. Сидимъ мы и скромно бесѣдуемъ о предстоящихъ намъ занятіяхъ. Входитъ въ кабинетъ лакей и таинственно что-то шепнулъ князю. Полновѣсная фигура князя вскочила со стула и бѣгомъ кинулась въ залу. На бѣгу онъ сбрасываетъ пзрусинный пиджакъ, надѣваетъ черный сюртукъ и начинаетъ въ открытое въ садъ окно громко звать жену. Затѣмъ черезъ залу бѣжитъ въ переднюю, оттуда къ подъѣзду. Что-бы это значило?—недоумѣваемъ мы. Смотримъ—нашъ попечитель возвращается изъ передней съ викаріемъ, преосв. Порфиріемъ.

Когда волыньскій директоръ Пристюкъ устроилъ для попечителя обѣдъ, пригласивъ на оный всѣхъ сослуживцевъ, то сіятельный гость, отклонивъ поднесенное ему блюдо, омочивъ въ солило кусочекъ ржаного хлѣба, промолвилъ: „сегодня среда!“ Какое было положеніе хозяина и его гостей?

Держа себя въ отношеніи людей, почему-либо ему не симпатичныхъ, на благородной дистанціи, этотъ князь любилъ окружать себя личностями весьма сомнительной репутаціи. Это были отъявленные плуты, старавшіеся поддѣлаться подъ его вкусы, и притомъ люди ума недалекаго, корчившіе изъ себя патріотовъ. Хотя сами они были малороссы по происхожденію, но готовы были учинить земляку своему всякую пакость, лишь-бы выслужиться передъ начальствомъ. Довольно привести въ примѣръ отъявленнаго тартюфа К., получившаго мѣсто директора Каменецъ-Подольской гимназіи въ 1865 году ¹⁾.

И такіе-то людишки возымѣли при Ширинскомъ преобладающее, импонирующее значеніе. Эти маніяки, которыхъ прежніе попечители устранили вовсе отъ дѣлъ, въ родѣ Каллистратова, при князѣ стали играть роль обрусителей и насадителей православія въ трехъ Юго-Западныхъ губерніяхъ. Ихъ разсылалъ попечитель открывать сельскія школы, ревизовать ихъ и наставлять на путь истинный учителей.

Не знаю, что помѣшало князю привести въ исполненіе затѣю, какая едва ли могла придти въ голову даже такому антагонисту малорусской народности, каковымъ былъ пріятель его, старикъ Кулжинскій съ братіей. А онъ затѣвалъ ни больше, ни меньше, какъ переселить въ Юго-Западный край учителей изъ великороссійскихъ губерній, а туда послать хохловъ. Да, онъ готовъ былъ призвать даже Мордву и Китайцевъ,—пусть хохлы станутъ китайцами, лишь-бы не оставались хохлами.

---

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1893 г. № 6. Воспоминанія Солтановскаго.

Ардаліонъ *Каллистратовъ*—этотъ калифъ на часъ, разжалованный Ребиндеромъ изъ директоровъ гимназіи въ чиновника особыхъ порученій при канцеляріи Попечителя,—вплоть до Ширинскаго, впродолженіе девяти лѣтъ не только не исполнялъ ни одного „особаго порученія,“ но просто никакого: жилъ себѣ въ Кіевѣ, получалъ жалованіе и вѣчно надоѣдалъ попечителямъ, чтобы вернули ему директорскую должность. Устроивши какое-то таинственное дѣло съ умирающимъ генераломъ Бредихинымъ ¹⁾, онъ выстроилъ себѣ порядочный двухъ-этажный домъ на Андреевской улицѣ и завелъ тамъ лавочку, гдѣ продавались иконы, крестики, кольца отъ Варвары великомученицы, четки и т. п. Но главнѣйшій доходъ доставлялъ ему Образъ Спасителя, за который онъ взималъ по серебряному рублю, толкуя темному люду, что эта аляповатая литографія, которой вся цѣна гривенникъ, имѣетъ значеніе чудотворной иконы, о чемъ онъ не устыдился заявить даже печатно въ „Телеграфъ“ Юнга. Между тѣмъ „чудесное“ происхожденіе этого образа объясняется самымъ естественнымъ образомъ. Дѣло было такъ. Учитель рисованія и чистописанія 1-й гимназіи Бѣляевъ, возвращаясь однажды на квартиру, вывихнулъ себѣ руку; произошло-ли это отъ случайнаго паденія, или его побилъ какой-нибудь босякъ—дѣло темное. На другой день, протрезвившись, онъ далъ клятву, что если выздоровѣетъ, то непременно напишетъ образъ Спасителя. Каллистратовъ сталъ ждать съ большимъ нетерпѣніемъ выздоровленія своего пріятеля, и какъ только Бѣляевъ былъ въ состояніи взяться за кисть, заставилъ его исполнить данную въ его присутствіи клятву. Получивъ написанный образъ, Ардаліонъ надѣлалъ тысячи литографій и, прибавивши, для привлеченія богомольцевъ, подпись: „въ память освобожденія крестьянъ,“ пустилъ его въ продажу. Въ годъ „освобожденія“ въ богоспасаемый

---

¹⁾ Намекъ на это см. въ «Письмахъ митр. Арсенія» (Кіев. Стар. № 10, стр. 145).

градъ нашъ нахлынуло богомольцевъ видимо-невидимо. Естественно, каждый крестьянинъ слѣшилъ въ Кіевъ помолиться св. угодникамъ за Царя Освободителя. Вотъ этимъ то моментомъ молитвеннаго настроенія крестьянъ и воспользовался какъ нельзя лучше промышленный Каллистратовъ для сбыта своего товара, и, говорятъ, выручилъ порядочную сумму изъ мозолевыхъ крестьянскихъ рублей.

Не довольствуясь безбожной эксплуатаціей бѣднаго захожаго люда, Ардалионъ задумалъ потрусить карманы и кіевской аристократіи. Съ Аэона прибыли въ Кіевъ два какіе-то проходимца монаха съ реликвіями святыхъ. Каллистратовъ мигомъ сообразилъ, что это пахнетъ наживой. Выговоривъ себѣ отъ монаховъ извѣстный процентъ отъ торговли святостями, онъ напечаталъ въ мѣстной газетѣ объявленіе, что вотъ - де съ Востока прибыли св. мужи и привезли съ собой рѣдкостныя святости, остановились они на Старомъ городѣ въ такомъ-то домѣ; желающіе приложиться къ реликвіямъ на мѣстѣ платятъ столько-то, желающіе отслужить службу надъ мощами на мѣстѣ столько-то, у себя на дому — столько-то. Конечно, въ городѣ нашлось не мало барынь и старыхъ дѣвъ, завѣдомыхъ ханжей, которыя неудержимо ринулись на эту приманку: одаѣ приходили, другія пріѣзжали или присылали за монахами кареты—и Каллистратовъ торжествовалъ. Проведя въ подобныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ 26 лѣтъ, числясь на коронной службѣ, Ардалионъ сталъ хлопотать у попечителя Антоновича о пенсіи, прося представить его къ директорскому пенсіону за три мѣсяца своей директорской службы. Покойный Платонъ Александровичъ, разумѣется, не захотѣлъ себя компрометировать предъ министерствомъ; тогда Каллистратовъ поѣхалъ въ Петербургъ и самъ себѣ выхлопоталъ директорскую пенсію.

Учитель 1-й гимназіи *Богаиновъ* приглянулся Попечителю своими педагогически-клерикальными статьями, направленными противъ духа тьмы, обуявшаго грѣшный міръ въ видѣ прогресса. Къ чести его, однако-жь, надобно сказать, что все,

о чемъ онъ писалъ и говорилъ, вытекало изъ его искреннихъ убѣжденій. Религіозное направленіе привилось къ нему отъ частаго обращенія съ духовными лицами. Мать его и сестра, перезрѣлая дѣвица, жили постоянно въ домѣ, принадлежащемъ Флоровскому монастырю. Въ квартирѣ у нихъ постоянно бывали монахини, архимандриты и студенты академіи. При такой-го обстановкѣ прошли и дѣтство, и студентскіе годы Богатинова. Благочестіе его сразу было замѣчено княземъ, и онъ постоянно указывалъ на него либераламъ, какъ на образецъ для подражанія.

Направленіе кн. Ширинскаго, исполненное нетерпимости въ отношеніи иновѣрцевъ, чуждое компромиссовъ и уступовъ, а еще болѣе неудачный выборъ сотрудниковъ, людей нравственно несостоятельныхъ, вызвали среди педагоговъ недовольство, выразившееся сатирой. Сохранился два стихотворные памфлета, ходившіе по рукамъ не только между преподавателями, но и между воспитанниками.

Характеристика попечительства кн. Ширинскаго была-бы далеко не полна, если-бы я ко всему сказанному не прибавилъ еще одну весьма важную черту, характеризующую его трехлѣтнее управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ: это неуклонное стремленіе князя къ искорененію въ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго края иновѣрческихъ элементовъ, присосавшихся къ нашему коренному православному населенію. *Ни шагу уступки ни поляку, ни жида*—вотъ девизъ его дѣятельности по части обрусѣнія.

Идя въ товь этому направленію, я сталъ въ Бѣлоцерковской гимназіи употреблять тѣ средства, которыя мнѣ казались болѣе желательными.

Для того чтобы составить противовѣсъ подавляющему большинству польско-католическаго элемента и тѣмъ, по воз-

возможности, ослабить его вліяніе на православно-русское меньшинство, я долженъ былъ прибѣгнуть къ нетронутому до того времени культурой православному населенію, только что освобожденному отъ гнета помѣщичьей власти, и даже къ многочисленному въ Юго-Западномъ краѣ племени іудейскому. Въ годъ моего прибытія въ Бѣлую Церковь учениковъ изъ крестьянскаго сословія числилось въ гимназіи два-три человѣка и почти столько-же еврейскихъ мальчиковъ—дѣтей мѣстнаго водочнаго откупщика Кременецкаго. Въ слѣдующіе затѣмъ годы крестьянъ и евреевъ было:

въ 1863 году	крестьянъ	6	евреевъ	18
въ 1864	"	"	8	" 30
въ 1865	"	"	17	" 43
въ 1866	"	"	32	" 30
въ 1867	"	"	35	" 25
въ 1868	"	"	37	" 23
въ 1869	"	"	41	" 21

Къ достиженію такихъ результатовъ задуманнаго мною плана—ослабленія польскаго элемента—способствовало, во-первыхъ, открытіе при гимназіи приготовительнаго класса, во-вторыхъ,—учрежденіе (усиленное) стипендіи для евреевъ, и въ третьихъ—упраздненіе пансіона при гимназіи.

Съ открытіемъ приготовительнаго класса церковно-приходскія школы, и безъ того еле дышавшія, совершенно опустѣли. Училище наше исполняло двоякаго рода обязанность—простой народной школы для мальчиковъ мало способныхъ, и приготовительнаго класса для подготовки даровитыхъ мальчугановъ къ поступленію въ гимназію; первые курсомъ этого училища и ограничивались, возвращаясь домой и принимаясь за соху; изъ поступившихъ-же въ гимназію, конечно, не всѣ доходили до VII класса, выходя большею частію изъ среднихъ классовъ и поступаая или прямо въ сельскіе учителя, или предварительно

окончивъ учительскую семинарію. Сколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ пионеровъ просвѣщенія изъ крестьянской среды,—нѣкоторые изъ нихъ, по окончаніи гимназіи, поступили въ технологическій институтъ и въ университетъ, большая-же часть подвизалась на поприщѣ учительства въ сельскихъ школахъ.

Что касается быстрого наплыва въ Бѣлоцерковскую гимназію еврейскихъ мальчиковъ, то явленіе это объясняется увеличеніемъ числа стипендій изъ коробочнаго сбора съ 300 р. до 750. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію министерства, въ гимназіяхъ Кіевскаго учебнаго округа изъ того-же источника учреждены для евреевъ стипендіи по 300 рублей на каждую гимназію, а такъ какъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской еврейскихъ учениковъ въ достаточномъ количествѣ не оказалось, то я просилъ попечителя неизрасходованныя тамъ на сей предметъ суммы перечислить въ Бѣлоцерковскую гимназію, такъ что въ моемъ распоряженіи оказался капиталъ въ 750 р.; этимъ и объясняется быстрый наплывъ іудеевъ. Хотя я принималъ ихъ съ большою разборчивостью, но плутовства и обмана, врожденнаго имъ съ дѣтства, искоренить былъ не въ силахъ. Дознано было, что бѣднѣйшіе еврейчики мѣстечка изъ получаемыхъ ихъ дѣтми стипендій дѣлали изрядный гешефтъ, а мальчннки продолжали ходить на уроки оборванцами безъ книгъ и тетрадей. Сталъ я выдавать стипендіи натурой, т. е. велѣлъ шить для нихъ обувь и одежду, выдавать имъ книги и тетради, уплачивать за продовольствіе живущихъ на квартирѣ. Все это весьма ловко продѣлывалъ незамѣнимый помощникъ мой, надзиратель Н. Л. Лятошинскій; но и тутъ евреи находили лазейку надуть меня. Приходитъ, напр., ко мнѣ содержательница квартиры и рапортуетъ: ученикъ Гринблятъ не сидитъ дома, шляется по ночамъ и играетъ въ карты. Дождавшись перваго числа, я лишаю его стипендіи. Бѣжитъ ко мнѣ опять еврейка, лишившаяся платы за продовольствіе, и говоритъ, что я ошибся: это не Гринблятъ въ карты гуляе—винъ сидитъ дома и все у

книжку читает, а въ карты гуляет и не ночует дома Розенфельдъ (за котораго она уже получила деньги).

До какой наглости дошли мошенническія продѣлки не только невѣжественныхъ родителей учениковъ, но даже ученаго раввина, преподавателя Закона Вѣры, котораго я пригласилъ съ цѣлію черезъ него дѣйствовать на искорененіе порочныхъ наклонностей его единовѣрцевъ, можетъ служить нижеслѣдующая исторія.

Въ 1864 году, по рекомендаціи раввина, поступилъ къ намъ, яко-бы изъ домашняго приготовленія, въ 3-й классъ ученикъ Гершъ Глуховичъ. Въ концѣ учебнаго года онъ перешелъ въ высшій классъ съ наградой. Затѣмъ въ каникулы изъ Житомира полученъ доносъ, вслѣдствіе котораго личность этого ученика оказалась въ иномъ свѣтѣ; а именно:

Въ 1853 году въ житомирское раввинское училище поступилъ Гиршъ З—ъ, а въ 1857 сей З—ъ изъ училища былъ исключенъ. Черезъ пять лѣтъ, въ 1861 г., въ то-же училище поступилъ тотъ-же З—ъ подъ именемъ Голухія, а въ 1863 былъ исключенъ вторично. Въ Бѣло-Церковскую гимназію онъ поступилъ подъ третьей фамиліей, сдѣлавъ подчистку изъ Голухія—Глуховича и представивъ метрическое свидѣтельство о томъ, что онъ родился въ 1846 г. въ м. Бѣлопольѣ, тогда какъ онъ родился въ с. Стрижевкѣ въ 1839 г., такъ что ему было не 16 л., а 23 года, и что онъ учился въ раввинскомъ училищѣ вмѣстѣ съ нашимъ раввиномъ, который опредѣлилъ его въ гимназію. Спрашиваю раввина: „отчего вы мнѣ не сказали, что этотъ проходимецъ учился съ вами въ Житомирѣ?“

— Оттого, что вы меня, г. директоръ, о томъ не спрашивали.

Разумѣется, послѣ подобныхъ исторій, раввинъ былъ изгнанъ, а число стипендій сократилось до минимума, вслѣдствіе чего и количество учениковъ изъ евреевъ значительно уменьшилось.

Года полтора бился я надъ тѣмъ, чтобы уничтожить гнѣздо полонизма при гимназіи—общія ученическія квартиры, и

только послѣ долго длившейся переписки при двухъ попечителяхъ мнѣ наконецъ удалось этого достигнуть при третьемъ. Оставшееся свободнымъ помѣщеніе распределено между преподавателями, которые страшно бѣдствовали съ квартирами. Тутъ-же съ большими удобствами помѣщенъ былъ и приготовительный классъ, а въ послѣдствіи въ одной изъ залъ главнаго зданія устроена домашняя церковь въ память 19 февраля 1861 года.

Въ 1866 году наше мѣстечко постигла настоящая азиатская холера, найдя у насъ весьма удобную почву для своего развитія. Гимназія во все время эпидеміи отъ занятій освобождена не была, не смотря на значительное число заболѣваній, особенно между евреями. Но не одни евреи сдѣлались жертвою эпидеміи,—стали заболѣвать и воспитанники гимназій. Что дѣлать? Никакой больницы, кромѣ т. н. графской, предоставленной спеціально для однихъ крестьянъ, въ мѣстечкѣ не существовало. Изолировать заболѣвшихъ дѣтей было весьма затруднительно, а помочь бѣдѣ все-таки нужно было. И вотъ мы съ гимназическимъ врачомъ Крохмалемъ избрали такой способъ: гимназическую баню, съ обширнымъ предбанникомъ и комнатою для раздѣванья, обратили въ больницу. Поставили кровати, ванну, нарядили для ухода за больными прислугу изъ своихъ же гимназическихъ служителей, съ двойнымъ жалованьемъ; запаслись достаточнымъ количествомъ медикаментовъ, грѣлками и т. п. Пациенты не заставили себя долго ждать: иногда прямо изъ класса брали мальчика и укладывали въ постель, а во внѣклассное время мой фактотумъ Лятошинскій неусыпно бодрствовалъ и днемъ, и ночью, обходя частныя квартиры, и чуть какой-нибудь мальчуганъ почувствуетъ себя не хорошо, его сейчасъ отправляли къ доктору. Такихъ больныхъ перебивало въ импровизированной больницѣ около 30 человекъ. Докторъ

Крохмаль дѣйствовалъ энергически, даже ночевалъ иногда въ гимназіи.

Результаты нашей усиленной дѣятельности въ борьбѣ съ холерой были весьма утѣшительны: изъ 30 воспитанниковъ, заболѣвшихъ въ болѣе или менѣе сильной степени, умеръ только одинъ, ученикъ V класса, и то лишь потому, что родные не позволили его взять въ больницу, подѣ наблюденіе Крохмала. Изъ служащихъ-же въ гимназіи никто не заболѣлъ.

Получивъ мое донесеніе о состояніи гимназіи въ санитарномъ отношеніи въ продолженіе эпидеміи, Попечитель прислалъ мнѣ выговоръ: какъ де я допустилъ, что такъ много воспитанниковъ заболѣло холерой, и не донесъ своевременно?

Для разъясненія дѣла я представилъ ему пространную записку, въ которой наглядно доказалъ, что удивляться слѣдуетъ не тому, что заболѣло 30 учениковъ, а тому, что ихъ не оказалось втрое больше, если принять въ соображеніе санитарныя условія нашего жидовскаго мѣстечка: такое безобразіе, какое царило въ то время въ Бѣлой Церкви, едва-ли можно было найти гдѣ-бы то ни было.

Во-первыхъ, предшествовавшая холерѣ эпизоотія въ сильной степени содѣйствовала зараженію воздуха, такъ какъ еврей, содравъ кожу съ павшей скотины, трупъ ея отвозили на ярмарочную площадь и оставляли его тамъ незарытымъ, послѣ чего цѣлыя стаи собакъ въ нѣсколько дней обгладывали мясо, кости въ сыромъ видѣ подбирали жида и складывали подлѣ своихъ жилищъ въ дощатыхъ сараяхъ для продажи на сахарные заводы. Вонь по всѣмъ улицамъ была невыносимая.

Во-вторыхъ, въ ста шагахъ отъ гимназическихъ зданій помѣщается еврейская баня и двѣ бойни на самомъ берегу Роси, въ которую сваливались отбросы съ убитыхъ животныхъ; подѣ поломъ боенъ, утвержденныхъ на высокихъ сваяхъ, вѣчно стояли вонючія лужи крови, и какъ подуетъ вѣтеръ со стороны этого вмѣстителя заразы, то даже въ классахъ трудно дышать.

Въ-третьихъ, наконецъ: самый образъ жизни евреевъ и все устройство ихъ жалкихъ жилищъ весьма много содѣйствовали развитію эпидеміи: бѣднѣйшіе изъ нихъ живутъ по нѣскольکو семействъ въ лачугѣ и живутъ впроголодь; самыя хаты стоятъ неогороженныя, безъ дворовъ и ретиранныхъ мѣстъ, заражая воздухъ экскрементами.

Получивъ мое донесеніе, князь отнесся къ губернатору, а тотъ къ исправнику, а исправникъ пріѣхавши запечаталъ бойни, велѣлъ немного почистить баню, и уѣхалъ въ свой Васильковъ. А евреи все-таки продолжали убивать скотъ подъ поломъ и по прежнему всѣ внутренности или оставляли тутъ же на мѣстѣ, или сваливали въ рѣку. Становой приставъ, взявъ съ жидовъ по 100 рублей, смотрѣлъ на все это безобразіе сквозь пальцы. Тогда я вновь обратился къ попечителю. Кончилась эта переписка тѣмъ, что губернаторъ приказалъ въ 24 часа разрушить бойни до основанія, и зловонное мѣсто, гдѣ они стояли, засыпать землею, что и сдѣлано подъ моимъ наблюденіемъ.

Вскорѣ послѣ прекращенія холеры, Бѣлая Церковь понесла весьма чувствительную потерю, въ особенности для бѣднѣйшаго населенія мѣстечка: послѣ 37-лѣтнихъ трудовъ на пользу страждущаго человѣчества скончался штабъ-лѣкаръ *Мартинъ Матвѣвичъ Стемнинскій*.

Окончивъ въ 1824 г. Кременецкій лицей и затѣмъ Виленскій университетъ, онъ поступилъ на службу въ сибирскій пѣхотный полкъ въ самый разгаръ Турецкой войны 1829-го года. Переправясь черезъ Дунай, онъ слѣдовалъ съ полкомъ черезъ Болгарію за Балканы и оставался въ Румніи до 1830 г., т. е. до заключенія мира.

Свирѣпствовавшая въ то время въ Турціи чума еще увеличивала бѣдствія походной жизни. Съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ покойный ухаживалъ за больными солдатами; перенесъ чуму, отъ которой, по его словамъ, онъ самъ себя вылѣчилъ. Въ 1831 году участвовалъ въ Польской кампаніи. За службу свою онъ получилъ три медали и польскій знакъ

отличія за военныя заслуги. По выходѣ въ отставку, около 12 лѣтъ практиковалъ въ имѣніяхъ Сакена, Бердяева, Гр. Коморовскаго и др. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ проживалъ въ Цинскихъ лѣсахъ, съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, а въ 1856 году, для воспитанія дѣтей, поселился въ Бѣлой Церкви. Кромѣ турецкой чумы, покойный пережилъ три холеры (1831, 1848 и 1866 годовъ) и неутомимо подвизался въ лѣченіи крестьянъ и евреевъ.

Въ мѣстечкѣ онъ засталъ нѣсколькихъ врачей, успѣвшихъ до его прибытія захватить въ свои руки прибыльнѣйшую практику, оставивъ на долю М. М.—ча однихъ бѣдняковъ. Вотъ отчего покойникъ, при усиленныхъ трудахъ, едва былъ въ состояніи прокормить свою семью. Къ чести его нужно сказать, что стѣсненные его обстоятельства и ничтожное вознагражденіе (иногда состоявшее изъ рюмки водки) не лишали его энергіи и не доводили до ожесточенія и мизантропіи. Это былъ человѣкъ сильнаго закала: оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ своимъ гуманнымъ принципамъ, лѣча безвозмездно бѣднѣйшее населеніе мѣстечка, онъ не отказывался отъ приглашенія къ больнымъ ни въ дождь, ни въ холодъ; его часто будили въ полночь, и онъ спѣшилъ иногда за версту отъ своего жилища къ какому-нибудь бѣдняку. Умеръ онъ въ ночь на 20 мая 1866 г. на 64-мъ году жизни.

Дождавшись утра, старшій сынъ, ученикъ V класса гимназіи, отправился къ пробощу Могиляницкому условиться на счетъ погребенія. Ксендзь не обинуясь объявилъ, что покойный лишается христіанскаго погребенія, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ не говѣлъ. Изрекши свое *non possumus*, пробощъ уѣхалъ по епархіи, запретивъ своему викарію хоронить доктора. Ни слезы, ни мольбы не подѣйствовали на этихъ неумытныхъ судей, глядѣвшихъ на терзанія опозоренной семьи съ такимъ-же тупымъ хладнокровіемъ, съ какимъ отцы инквизиціи смотрѣли на горящаго еретика.

Потерявъ всякую надежду похоронить своего мужа по обряду той церкви, которой умершій принадлежалъ во все продол-

женіе своей 64 лѣтней жизни, вдова обратилась къ настоятелю православной церкви съ просьбою позвонить о душѣ и проводить тѣло до могилы. Тотъ согласился. Вся наша ученая корпорація приняла самое дѣятельное участіе въ похоронахъ: три священника, хоръ пѣвчихъ, хоругви и большое стеченіе народа придали похоронамъ торжественный видъ. За процессіей толпилась огромная масса народа и множество евреевъ; нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ съ причитаніями.

Не вдаваясь въ разбирательство каноническихъ правилъ римско-католической церкви, на основаніи коихъ ксендзъ-пробощъ позволилъ себѣ такую оскорбительную для памяти покойнаго выходку, я долженъ сказать лишь слѣдующее. Умирали въ Бѣлой Церкви и не такіе грѣшники, какъ бѣднякъ докторъ, не ходившій нѣсколько лѣтъ до srowiedzi по обстоятельствамъ, о которыхъ ксендзы не потрудились узнать при его жизни, а совершенные язычники по жизни, и ихъ не только безпрепятственно хоронили съ честью, но и надгробныя рѣчи надъ ними говорили, прославляя небывалыя добродѣтели умершаго. За одну изъ подобныхъ рѣчей, сказанную надъ сіятельнымъ тѣломъ, ораторъ получилъ 500 рублей.

Въ одно прекрасное майское утро ко мнѣ пожаловали васильковскій исправникъ Рѣшетилонъ и бѣлоцерковскій приставъ Кашинскій съ покорнѣйшей просьбой уступить мою директорскую квартиру имѣющему прибыть въ мѣстечко Генераль-Губернатору Безаку, такъ какъ въ Бѣлой Церкви нѣтъ для него подходящаго помѣщенія; въ графскомъ-же палацѣ хотя и была предложена ему квартира, но онъ не согласился занять ее. Какъ ни стѣснительно было это для меня, но я долженъ былъ, скрѣпя сердце, очистить для генераль-губернатора переднія комнаты; помѣстившись съ женой въ двухъ заднихъ.

Такъ какъ пріѣздъ по маршруту совпадалъ съ обѣденной порой, то я обязанъ былъ позаботиться о приготовленіи для именитаго гостя обѣда. Накрытый столъ со всѣми принадлеж-

ностями ожидалъ его въ залѣ. Но увѣ! всѣ мои издержки были напрасны, и я, вмѣсто благоволенія начальства, заслужилъ отъ него одно обидное пренебреженіе.

Уже вошедши въ переднюю, Безакъ обошелся со мной до крайности сурово, не отвѣтивъ даже на мой поклонъ. Прощедивъ сквозь зубы: „сейчасъ пойдемъ въ гимназію!“—онъ сталъ облачаться въ парадную форму. Такъ какъ приставъ объявилъ мнѣ, что въ день пріѣзда генераль-губернаторъ осмотритъ только гимназическія зданія и займется съ мировыми посредниками и только на другой день будетъ смотрѣть учениковъ, то я и повелъ своего гостя въ главное зданіе: показалъ ему бібліотеку, кабинеты—физическій и естественный, отrapортываль, гдѣ у насъ что помѣщается, но онъ мнѣ гнѣвно про-рычалъ:

— „Что-жъ вы мнѣ однѣ стѣны показываете? Гдѣ ваши воспитанники? Обѣдъ для меня приготовили, а учениковъ спрятали?“

— Здѣшній приставъ передалъ мнѣ распоряженіе в. в—ва собрать учениковъ на завтрашній день.

— Вотъ еще новость: есть у меня время возиться съ вашей гимназіей два дня.

— Если в. в—во прикажете, черезъ полчаса будутъ собраны всѣ ученики, а тѣмъ временемъ не угодно-ли вамъ будетъ осмотрѣть два частныя женскія пансіона и еврейское училище.

Онъ согласился.

Пансіонами генераль остался доволенъ. Заставивъ ученицъ послѣдняго класа читать подвернувшуюся на глаза русскую исторію Иловайскаго, которую онѣ знали наизусть, онъ тѣмъ и ограничился. Узнавъ отъ начальницы, что русскимъ языкомъ въ пансіонѣ занимается съ дѣвцами самъ директоръ, превосходительный ревизоръ тутъ-же поблагодарилъ меня за „дѣвочекъ,“ такъ хорошо прочитавшихъ заученный ими наизусть отрывокъ.

Въ еврейское училище онъ почему-то не зашелъ, хотя мы и проходили мимо. Поспѣшили въ гимназію, гдѣ все сошло съ рукъ благополучно.

Когда уѣхалъ этотъ суровый проконсулъ Юго-западнаго края, я какъ ни старался, но не могъ сообразить, за что онъ былъ, повидимому, лично мною недоволенъ.

Не взирая, однакожь, на все вышесказанное, этому гордому администратору, напомнившему мнѣ Д. Г. Бибикова, въ десятую годовщину его назначенія Начальникомъ Юго-Западнаго края, мнѣ пришлось, *volens nolens*, по приказанію нашего правовѣрнаго князя, отослать въ Кіевъ написанный мною панегирикъ для напечатанія въ „Кіевлянинѣ.“

Князь Ширинскій изволилъ пожаловать къ намъ безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія со стороны канцеляріи, о чемъ такъ сильно хлопочуть нѣкоторые директоры, чтобы не застали ихъ врасплохъ, имѣя всегда въ канцеляріи попечителя вѣрнаго человѣка. Въѣхалъ онъ на гимназическій дворъ очень скромно и, по указанію дежурнаго служителя, занялъ ревизорскую квартиру, не велѣвъ беспокоить директора, такъ какъ время было довольно уже позднее. Пріѣхалъ князь въ половинѣ мая и потому не испыталъ у насъ тѣхъ прелестей, какія бросаются въ глаза и поражаютъ обоняніе ранней весной, когда разверзаются хляби земныя и небесныя и оживаютъ засыпающіе зимой бациллы и микробы, порождая разныя болѣзни.

Май мѣсяцъ, благодаря живописнымъ окрестностямъ мѣстечка и близости Роси съ ея скалистыми берегами, доставляетъ намъ не мало удовольствія. Великолѣпный садъ Александрія, въ мое время постоянно открытый для публики, замѣнялъ для насъ тѣ общественныя мѣста для гулянья, какими кіевляне пользуются за деньги. Но для нашего сіятельнаго ревизора, повидимому, наслажденіе красотами природы не существовало: какъ заключился онъ въ своей квартирѣ, такъ и просидѣлъ тамъ болѣе 4-хъ сутокъ,—одинъ только разъ выглянулъ за во-

рота для осмотра женскихъ пансіоновъ. Во все время своего пребыванія въ Бѣлой-Церкви онъ не только не принялъ ни одного обѣда отъ директора, питаясь сквернѣйшими порціями изъ мѣстнаго ресторанчика, но даже чашки чаю у него не выпилъ, а посылаемыя ему два раза въ день домашнія сливки пожиралъ его лакей.

Первый день ревизіи посвященъ былъ личному знакомству съ педагогическимъ персоналомъ, которымъ князь остался вполне доволенъ. Въ большинствѣ это были люди молодые, умные, энергичные, обладавшіе знаніемъ своихъ предметовъ въ совершенствѣ, не то, что ихъ предмѣстники, съ которыми мнѣ пришлось мучиться въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ моей бѣлоцерковской ссылки. Хорошее впечатлѣніе, произведенное на ревизора симпатичными личностями преподавателей, совершенно оправдалось послѣ ближайшаго знакомства съ ихъ преподаваніемъ. У каждаго изъ нихъ князь побывалъ на урокахъ по нѣсколько разъ. Только преподаваніе предмета Закона Божія ему не понравилось...

Четвертый день пребыванія князя въ гимназіи былъ посвященъ осмотру кабинетовъ физическаго и естественнаго и библиотекъ. Нашъ физическій кабинетъ былъ довольно богатъ инструментами, доставшимися Бѣлоцерковской гимназіи по наслѣдству отъ бывшей Подольско-Винницкой и приумноженный новѣйшими пріобрѣтеніями.

Кабинетъ Естественныхъ наукъ только что былъ заведенъ тогда. Пользуясь распродажей чучель звѣрей и птицъ Юго-Западнаго края, объявленной Кіевской Палатой Государственныхъ имуществъ, я командировалъ преподавателя Стефановича для участія въ торгахъ, и онъ доставилъ въ Бѣлую Церковь около 50 экземпляровъ, изрядно впрочемъ попорченныхъ молью. Покупка съ пересылкой и ящиками обошлась весьма недешево.

Вслѣдствіе преобразованія Бѣлоцерковской гимназіи изъ классической въ реальную, я, помимо обогащенія кабинетовъ, обязанъ былъ позаботиться о пріобрѣтеніи специальныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ какъ для фундаментальной,

такъ и для ученической библіотеки. Этому весьма поблагопріятствовало господствовавшее въ 60-хъ годахъ направленіе нашей литературы, ежегодно обогащаемой массою книгъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, большею частію переводныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Располагая довольно значительной экономической суммой, я разновременно пріобрѣлъ все, что только появилось до того времени въ печати замѣчательнаго. И вотъ, дождавшись посѣщенія попечителемъ гимназіи, я надѣялся получить отъ него одобреніе за обогащеніе библіотекъ капитальными сочиненіями фундаментальной, ученической и приходскаго училища, изъ коихъ послѣднія двѣ были мною вновь заведены; но увы! вмѣсто благодарности, я получилъ строжайшій выговоръ. Самыя лучшія сочиненія по естественнымъ наукамъ, по фізіологіи и геологіи признаны имъ вредными, и онъ рукою власною похѣрилъ ихъ, не позволивъ оставить ихъ даже для фундаментальной библіотеки въ пользованіе преподавателей, а велѣлъ отослать въ свою канцелярію, считая, вѣроятно, эти книги (напр. Вундта, Дарвина и др.) менѣе вредными и болѣе подходящими для служащихъ въ ней чиновниковъ, чѣмъ для учителей гимназіи. Эти весьма цѣнные сочиненія, я увѣренъ, пошли за безцѣнокъ кіевскимъ книгопродавцамъ, а выручка за нихъ поступила въ карманы писцовъ.

— Вы, обратился ко мнѣ князь, постарались обогатить библіотеку сочиненіями нигилистическаго направленія, а о книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія не позаботились.

— Позвольте мнѣ, в. с—во, въ свое оправданіе сказать, что пріобрѣтенныя книги для реальной гимназіи весьма необходимы, какъ учебное пособіе для преподавателей и ихъ учениковъ: онѣ вполне соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ науки; что-же касается книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, то, признаюсь, я не знаю, существуютъ-ли въ нашей богословской литературѣ книги, популярно написанныя для всенароднаго чтенія.

— Что вы рассказываете? наша богословская литература весьма обильна превосходными сочиненіями, которыя только для васъ остаются неизвѣстными.

— Совершенно согласенъ: я не богословъ и не компетентъ въ выборѣ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и потому не угодно-ли будетъ в. с—ву, по возвращеніи въ Кіевъ, составить комиссію изъ людей болѣе меня компетентныхъ, которые-бы указали мнѣ, какія именно книги слѣдуетъ пріобрѣсть для душеспасительнаго чтенія воспитанникамъ старшаго возраста: я увѣренъ, что таковыхъ найдется очень не много, потому-что наши духовные писатели совершенно не умѣютъ писать общедоступнымъ языкомъ.

— Посмотримъ. Я это непременно сдѣлаю.

И что-же? спустя мѣсяць я получилъ списокъ, въ которомъ рекомендовано было не болѣе 10 сочиненій. Я ихъ выпи-салъ, перепелъ, и они, вѣроятно и до сихъ поръ стоятъ на полкѣ въ ученической библіотекѣ нетронутыми.

Если въ порывѣ усердія къ пріобрѣтенію книгъ по естествовѣдѣнію я, вмѣсто благодарности, получилъ порицаніе, то третья моя библіотека—для приходского училища, въ которой князь мнилъ найти массу книжекъ и брошюръ украинофильскаго пошиба, о чемъ ему натолковали въ Кіевъ Крамаревы и Говорскіе, привело его въ неописанный восторгъ. Эта скромная библіотека, заведенная на частныя средства и стоившая около 300 рублей, предназначена была для чтенія не только ученикамъ, читавшимъ въ кругу семейномъ, въ зимніе вечера, но и для взрослыхъ людей грамотѣевъ, не принадлежащихъ училищу.

Послѣдній вечеръ пребыванія попечителя въ гимназіи былъ посвященъ изысканію средствъ для поднятія въ заведеніи уровня религіозно-нравственнаго состоянія училища.

Наша гимназія была не первою, гдѣ онъ нашелъ несостоятельность преподаванія Закона Божія и душевно скорбѣлъ о томъ, что помочь этому горю онъ не находилъ возможности. Бесѣдуя на эту тему со мной и придумывая разные способы достигнуть того, чтобы наши православные законоучители сравнялись своими качествами съ католическими, въ совершен-

ствѣ выполняющими свою миссію въ нравственно-религіозномъ отношеніи, мы пришли къ такому заключенію.

Надобно предварительно замѣтить, что положеніе законоучителя въ гимназіи въ мое время было поставлено такъ, что преподаваніе Закона Божія нигдѣ почти не могло похвастаться своими успѣхами. Преподаватель этого важнаго предмета, занятый своими вѣчными требами по приходу, составлявшему для него главный источникъ дохода, смотрѣлъ на свою учебную службу, какъ на что-то прибавочное. Получая за свои уроки всего 400 р., онъ мало дорожилъ этою службой; отрываемый постоянно отъ гимназіи, онъ не могъ аккуратно исполнять обязанности законоучителя, а тѣмъ болѣе имѣть вліяніе на нравственность учащихся. Слѣдовательно, чтобы поставить преподаваніе Закона Божія наравнѣ съ другими предметами, нужно радикально измѣнить отношеніе законоучителя къ гимназіи, а именно—чтобы преподаваніе составляло для него главнѣйшую обязанность, а для этого прежде всего его слѣдуетъ освободить отъ исполненія требъ по приходу, уравнивъ его жалованье съ другими преподавателями. При этомъ я, для достиженія предположенной цѣли, предложилъ еще одну, совершенно новую мѣру: пригласить въ законоучители, въ видѣ опыта, только-что окончившаго курсъ Кіевской духовной академіи, еще не принявшаго священства, не въ рясахъ, а во фракѣ, и если онъ, не опираясь на іерейскій санъ, одними своими личными достоинствами успеетъ приобрести доброе вліяніе на нравственность воспитанниковъ, заслужить ихъ уваженіе и любовь, если онъ, будучи вполне обезпеченъ матеріально, всецѣло отдастся гимназіи, сольется съ общими интересами заведенія, то успѣшное преподаваніе Закона Божія будетъ обезпечено.

Кстати, прибавилъ я, въ этомъ-же 1867 году состоится выпускъ 23-го курса студентовъ—любого можно выбрать ¹⁾).

---

¹⁾ Изъ числа окончившихъ взбранъ магистръ Александръ Дмитричъ Брянцевъ, нынѣ архіепископъ Казанскій Арсеній.

Въ этомъ же совѣщаніи рѣшено было, для усиленія наблюденія за религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ православныхъ учениковъ, подавляемымъ огромнымъ большинствомъ католиковъ, устроить въ зданіи гимназіи домашнюю церковь, представлявшую настоящую потребность и въ другомъ отношеніи: посѣщеніе воспитанниками приходской церкви не всегда бываетъ удобно по многолюдству прихода и по отсутствію теплаго придѣла въ зимнее время. Черезъ годъ благая мысль сія осуществилась. Церковь устроена на третьемъ этажѣ главнаго корпуса, вмѣстимостью въ 500 человекъ. Помимо спеціальныхъ средствъ заведенія, употребленныхъ на устройство храма, успѣшному окончанію этого святого дѣла не мало содѣйствовали разныя лица—одни пожертвованіемъ необходимыхъ предметовъ церковнаго обихода, другіе—безвозмездными трудами. Православная графиня Александра Васильевна Браницкая, возмѣвъ благое желаніе построить каменныя церкви въ 12 селеніяхъ своихъ владѣній, заготовила для нихъ утварь, но скоро затѣмъ послѣдовавшая кончина ея лишила ее возможности привести въ исполненіе задуманную мысль; при наслѣдникахъ же ея, католикахъ, 12 большихъ ящиковъ съ церковною утварью простояли безъ употребленія, заколоченные наглухо въ кладовой среди разнаго хлама. Одинъ изъ такихъ ящиковъ, по моему ходатайству, былъ пожертвованъ гр. Владиславомъ на нашу церковь. Въ немъ оказались серебряные вызолоченные предметы: потиръ, дискосъ, звѣздца, копіе, лжица, ковшикъ, дарохранительница, напрестольный крестъ, два евангелія и три священническія облаченія.

Въ числѣ означенной церковной утвари нынѣ находится евангеліе, полученное въ даръ Бѣлоцерковской гимназіей при ея открытіи въ 1847 году отъ приснопамятнаго митрополита Филарета.

Изъ лицъ, потрудившихся при устройствѣ церкви, первое мѣсто принадлежитъ учителю рисованія И. Г. Осмоловскому. Этотъ ревностный строитель иконостасовъ, извѣстный не въ одной Кіевской губерніи, съ особеннымъ усердіемъ производилъ

работы при весьма скудномъ вознагражденіи за труды, почти равномъ стоимости матеріала. Иконостасъ состоитъ изъ одного яруса образовъ, съ позолотой по бѣлому полю. Мѣстные иконы Спасителя, Богоматери и святителя Николая вышли изъ мастерской Осмоловскаго; храмовая-же икона св. апостоловъ Архипа и Филимона, плащаница и еще два образа Кв. Владиміра и Александра Невскаго написаны художникомъ Сошенкомъ. Послѣднія двѣ—въ память двукратнаго чудеснаго спасенія жизни Императора Александра II отъ покушенія на оную 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 года, съ надписью: „отъ учащихъ и учащихся.“

Наша гимназическая церковь устроена въ память Св. апостоловъ Архипа и Филимона, празднуемыхъ 19 февраля. Руководящею мыслью устроить церковь въ память сихъ святыхъ было закрѣпить въ памяти бывшаго крѣпостного люда, обитателей м. Бѣлой Церкви, великій день 19 февраля 1861 года. Святъ этотъ день для крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостнаго гнета, который былъ особенно чувствителенъ для нихъ въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ. Въ Бѣлой Церкви въ этотъ день въ мое время совершаемъ былъ крестный ходъ изъ главной приходской церкви въ волостное правленіе, гдѣ всенародно отправлялся благодарственный молебенъ.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности святителей Архипа и Филимона заимствованы живописцемъ изъ Четь-миней; они заключаются въ слѣдующемъ:

Въ I вѣкѣ христіанства, въ небольшомъ малоазійскомъ городѣ Колоссахъ, жилъ весьма именитый и благочестивый мужъ Филимонъ, ревностный послѣдователь Христова ученія, вмѣстѣ съ женой своей Апфіей и сподвижникомъ Св. апостола Павла Архимомъ; онъ-то и положилъ начало христіанской церкви въ родномъ городѣ. Живя среди язычниковъ, небольшая горсточка христіанъ собиралась въ домъ Филимона слушать проповѣди Архипа. Въ одно изъ такихъ собраній, когда въ домѣ Филимона совершалась безкровная жертва, язычники въ своемъ храмѣ праздновали вакханаліи. Пылая злобой на послѣдователей но

ваго ученія, буйная толпа нечестивыхъ ворвалась въ домъ Филимона и умертвила всѣхъ находившихся христіанъ.

Художникъ избралъ моментъ, когда ап. Архипъ говорилъ послѣднюю свою проповѣдь. Спереди на первомъ планѣ стоитъ домовладѣца Филимонъ и жена его Апфія, въ богатыхъ одеждахъ, за ними небольшая группа людей бѣдно одѣтыхъ; на лицахъ отражается напряженное вниманіе къ словамъ божественнаго ученія; а тамъ вдали возвышается языческое капище, съ колоннами и пляшущими вакханками. Митрополитъ Арсеній, коему былъ мною представленъ этюдъ на утверженіе, нашель неприличнымъ изображать на св. иконѣ нагихъ женщинъ и совѣтоваль живописцу если не уничтожить ихъ вовсе, то по крайней мѣрѣ отодвинуть на самый дальній планъ, что И. М. Сошенко и исполнилъ въ точности.

Главная идея храмовой иконы, которую желалъ выразить художникъ—показать совпаденіе сюжета картины съ событіемъ 19 февраля—осталась не вполне выраженной; по крайней мѣрѣ, всякій, кто знакомъ съ житіемъ Филимона, при взглядѣ на икону, не замѣтитъ главной мысли, а она заключается въ слѣдующемъ:

У аристократа Филимона былъ рабъ, который, провинившись передъ господиномъ, изъ страха наказанія, сбѣжалъ и очутился въ Римѣ, гдѣ въ то время томился въ темницѣ ап. Павелъ; къ нему-то и обратился бѣглець, прося защиты. Апостоль внявъ моленію раба и написалъ свое боговдохновенное посланіе къ Филимону (гл. I ст. 10, 11, 12,—18) ... „прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я во узахъ моихъ... я возвращаю его тебѣ, ты же прими его, какъ мое сердце... онъ для того быть можетъ оглучился, чтобы вернуться къ тебѣ не рабомъ, но выше раба—*братомъ возлюбленнымъ*“...

Онисимъ вручилъ господину апостольское посланіе и по слову Апостола принять Филимономъ не какъ рабъ, а какъ братъ о Господѣ.

Въ числѣ предстоящихъ христіанъ художникъ помѣстилъ на картинѣ и Онисима, который ничѣмъ особеннымъ не отли-

чается отъ другихъ лицъ, и потому цѣль живописца не вполнѣ достигнута. Во всякомъ случаѣ, пріятель мой Сошенко имѣлъ въ виду провести параллель между освобожденіемъ отъ рабства чрезъ посланіе апостольское Онисима и освобожденіе по манифесту 19 февраля 23 милліоновъ такихъ-же рабовъ, какимъ былъ восемнадцать столѣтій тому назадъ духовный сынъ апостола Павла.

Если покойному Ивану Максимовичу не удалось выразить эту аналогичную параллель (чему отчасти не мало препятствовали тѣсныя рамки картины), то сюжетъ ея достоинъ того, чтобы какой нибудь выдающійся своимъ дарованіемъ иконописецъ написалъ такую, которая бы была вполнѣ достойна событія 19 февраля 1861 года¹⁾.

По характеру управленія Кіевскимъ учебнымъ Округомъ Н. И. Пироговъ и кн. А. П. Ширинскій представляютъ два контраста, если хотите—двѣ крайности, а французы говорятъ: *les extrémités se touchent*. Пироговъ своимъ космополитизмомъ далъ усилиться въ Юго-западныхъ гимназіяхъ польскому элементу, а еврея подъ его покровительствомъ высоко подняли голову, какъ нація избранная; господствующее-же коренное населеніе въ краѣ—народныя массы—для него ничего не значили: онъ игнорировалъ эти массы.

Кн. Ширинскій—безпощадный гонитель евреевъ и поляковъ, жсэндзовъ и раввиновъ, ни въ какія компромиссы съ ними не входилъ, не дѣлая ни шагу уступки ни одной, ни другой національности ко вреду народно-русской, хотя народность эта понята имъ узко, своеобразно.

Отношенія наши, натянутыя сначала, сразу измѣнились, воль скоро онъ воочію убѣдился во время своей ревизіи, что я

¹⁾ Подробности устройства храма въ БѢЛОЦЕРКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ желающіе могутъ найти въ Епархіальныхъ Вѣд. 1868 г. № 10.

безъ всякихъ съ его стороны внушеній, не спрашивая у него официальныхъ разрѣшеній, много уже для гимназіи дѣлалъ самостоятельно, на свой страхъ. Его печатный отчетъ о ревизіи Бѣлоцерковской гимназіи полонъ однихъ похвалъ и одобреній всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по управленію заведеніемъ.

Въ заключеніе воспоминаній о попечительствѣ Ширинскаго помѣщаю два письма его изъ Москвы, послѣ оставленія имъ К. Уч. Округа.

I.

М. Г. М. К—чь! За добрый прощальный привѣтъ вамъ примите мою искреннюю признательность! Сердечно жалѣю, что мнѣ не суждено оставаться далѣе въ Кіевскомъ Округѣ и быть участникомъ въ предстоящемъ преобразованіи западной половины его. Если останется за мною доброе слово моихъ сослуживцевъ (не всѣхъ, конечно,—на это я не претендую, а нѣкоторыхъ: тѣхъ, которымъ я вѣрилъ и которые мнѣ вѣрили), то я останусь вполне доволенъ трехлѣтнею моею здѣсь службою. Позвольте мнѣ отъ души поблагодарить васъ и вашихъ почтенныхъ сослуживцевъ за ваши труды по гимназіи во время моего управленія Округомъ, за ваши сердечныя, а не казенныя отношенія къ дѣлу. Бѣлоцерковская гимназія не дала мнѣ ни одной минуты неудовольствія. Если она и не дошла еще до той степени процвѣтанія, до которой, безъ сомнѣнія, достигнетъ со временемъ при такихъ отношеніяхъ ея состава къ дѣлу, какія теперь существуютъ,—то это не вина служащихъ и начальствующихъ ею, а скорѣе вина неизбежнаго слѣдствія той ломки, которой подвергаются всѣ наши заведенія, и которая, конечно, будетъ благотворна,—но только тогда, когда дѣло установится на прочныхъ началахъ и переходная эпоха кончится. Отъ души желаю вамъ долго и долго управлять вашей гимназіей и радоваться, глядя на то, какъ вашими стараніями она годъ отъ году будетъ улучшаться.

Примите увѣреніе и пр. 13 іюля 1867 г.

II.

Возвратясь на дняхъ изъ продолжительной поѣздки по Округу, я имѣлъ удовольствіе найти у себя на столѣ письмо ваше отъ 6 іюля и № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“¹⁾.

Отъ души поздравляю Васъ, какъ храмоздателя,ждавшагося освященія храма, и искренно благодарю за вашу добрую память и вниманіе ко мнѣ. Дай Богъ, чтобы храмъ Божій имѣлъ то благотворное вліяніе на воспитаніе нашихъ полурусскихъ, которыми переполнены наши западныя гимназіи, котораго мы вправѣ ожидать, если настоятели и законоучители будутъ столько же ревностны и заботливы, каковы (нужно отдать имъ справедливость) милые ксендзы.

Здѣсь я совершенно въ другой сферѣ. Весь округъ состоитъ изъ единовѣрной и единокровной массы, и нѣтъ у насъ никакихъ смаживающихъ на политику вопросовъ. Казалось-бы, чего и желать, когда все, благодаря Бога, кругомъ тихо и спокойно! Но 10-лѣтнее пребываніе въ Западномъ краѣ пріучило какъ то къ борьбѣ съ вражьей силой, что, согласитесь, имѣетъ также свою добрую сторону, и потому мнѣ кажется, что я попалъ въ кукую-то штилезую полосу, говоря по морскому, и право не прочь бы былъ возвратиться опять къ порывистому и подчасъ свѣжему вѣтру. Такъ созданъ человекъ!

Впрочемъ, въ мои лѣта жалѣть о томъ, что попалъ въ мирную сторону изъ боевой, ужъ не приходится. Инвалидамъ нужны мирныя занятія, а здѣсь они таковы, и дай Богъ, чтобы другихъ у насъ и не было, да надѣюсь, что и быть не можетъ. Молодежь и состояніемъ большей части гимназій я доволенъ. Годъ прошелъ въ знакомствѣ съ Округомъ.

Позвольте пожелать вамъ и всѣмъ вашимъ почтеннымъ сослуживцамъ продолженія той-же энергій, той-же заботливости

¹⁾ По совершеніи освященія домашней гимназической церкви, устроенной по инициативѣ Князя, ему былъ посланъ № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, въ которыхъ напечатано какъ самое торжество освященія, такъ и рѣчь законоучителя Бряцева.

о молодежи, вамъ ввѣренной, какими отличалась Бѣлоцерковская гимназія во время моей службы въ Кіевѣ. Да поможетъ вамъ Богъ сдѣлать всецѣло русскими вашихъ полуополяченныхъ питомцевъ и крѣпко вкоренить въ нихъ твердость въ Бѣрѣ и общерусскаго чувства въ любви къ родинѣ. Задачи трудныя, но съ Божьей помощью и настойчивостью въ ея исполненіи выполнямыя на вѣчную славу исполнителя! Поручаю себя доброй памяти Вашей, искренно уважаемый Михайлъ Корнѣевичъ.

Прошу васъ принять и проч. 26 іюля 1868 г. Москва.

---

9 сентября 1844 года Попечителемъ Кн. Давыдовымъ написано мое опредѣленіе на службу въ Винницкой гимназіи, а 9 сентября 1869 года исполнилось 25-лѣтіе моей учебной службы. Сотрудники мои принесли мнѣ душевное поздравленіе и почтили въ этотъ замѣчательный для меня день обѣдомъ въ квартирѣ инспектора и танцевальнымъ вечеромъ въ гимназическомъ залѣ, закончившимся ужиномъ съ большимъ возліяніемъ.

М. Чалый.

ЗЕМСЬКЫЙ ГЛАСНЫЙ.

— Охо—хо—хо—а—а! Матери ёго ковинька, якъ погано! Чы я не выспався, чы заслабъ? Пхе!.. А може вже й часъ вставаты?

Петрусь ледве пидвися на лижку, протягъ руку до гардыны и одкынувъ ии на бикъ. Въ кимнати зразу зробылось выдно, такъ що Петрусь заплющывъ очы и нарешти знову упавъ головою на подушкы. Полежавшы такъ ще скільки хвыльницъ, винъ знехотя протягъ руку до маленького столыка, що стоявъ била лижка, налапавъ тамъ годинникъ и пиднись до своихъ заспавныхъ очей.

— Тю, тю! Та вже девьята година!.. Кулыно!.. Кулыно, говъ!—скільки сылы зарепетувавъ винъ, якъ несамовытый.

Въ зали почувъсь тыхи ступни, ныбы хто йшовъ у панчохахъ, а незабаромъ у дверяхъ спальни Петруся выявылась стара женщина, чымало зигнута у стани и одягнута въ панську одежу. То була маты Петруся, стара Кущивна.

— Уже й ты, Петрусю, прокынувсь... А я двичи зазырала до тебе въ кимнату... ты такъ гарно та мицно спавъ, що я пожалила тебе будыты и стривожыты твй покой. Вставай-же мерщій, мй мылый сыну, бо вже й кофе готове, ще перекрыптыть...—Въ голоси матери чулась ласкависть, прыхильnistь и щыра любовь.

Тымъ часомъ до лижка пидійшла дуже красыва, породыста собака; швыдко кываючы хвостомъ и высолопывши червоного языка, вона пыльно дывылась въ очи паныча, а дали своимъ носомъ наблызылась надто до самыхъ вустъ Петруся.

— Альфа!... молодець собака!.. Иси—ту! Ну...—И Петрусь хлопнувъ рукою по лижку била своихъ нигъ. Собака скочыла на лижко, двичи округнулась на однимъ мисци, пидобгала пидъ себе хвистъ и протяглась, не зводячы выразныхъ очей зъ Петруся.

Стара маты постояла тропкы на пороzi кимнаты и, не диджавшысь видъ сына прывиту, повернулась и пшла въ столу, схылывши ничымъ непокрыту, вже сыву голову.

— Чы вы и досы спыте? Ось побачыте, якъ такъ довго будете спаты, то звидкилась выросте верба. А, ій-же Богу, правда!.. Вставайте, та мерщій, бо треба кимнаты попрыбирать, а вже й не рано, да мени й николю... Чуеге? Панычу!—И Кулына, высока, повновыда, ще молода, та до того гарна на облыччя дывчына метнулась по кимнати, стыха ступаючы босымы ногамы по-пидлози, взялась було за стилецъ, потимъ кынула ёго, схопыла зъ кананкы панычеву одежу, кынула іи на лижко, а дали ухопыла одежану щитку й нащось положыла іи на полыцю, де лежало килька кныжокъ.

— М—м—мъ!—потягся панычъ, не розпліющуочы очей.

— Чы вы чуеге, що я кажу? Якъ не встанете заразъ, то й кимнаты не буду прыбирать!

— М—м—мъ!.. Ку—лы—но...—панычъ нібы зпросонни мымривъ.

— Чого тамъ „Кулыно“? Аже-жь я тут!..

— Пиднимы мене! м—м—мъ!

— Дывитесь, люде добри! Ото кумедія!.. нібы мала дытына... Ще, може, въ ротъ чого треба даты? Кажу вамъ, що часъ вставаты!

— Кулыно... м—м—мъ... мени щось не тее... у мене щось таке...—мымривъ той, неначе й справди мала дытына.

— Ще выгадаеге чого инчого... Чы не переспалы часомъ вы, панычу, а може вчора у-вечери обйилысь чымъ?

— Кулыно, мое сердце... ой! ну-жъ-бо, пидійды до лижка ближче!

— Знову за свое! Якъ я бачу, вы ще не виспались, то й спить соби—про мене... А я пиду до роботы!—И Кулына пишла була у залу.

— Кулыно, постій! я тобі кажу... сердытымъ голосомъ скававъ панычъ.—Дай мени чоботы!

— Адаже вони стоять коло лижка...

— Кажу тобі—подай!

— Ну, то й нате...

Не вспила Кулына взять чоботы у руки, якъ панычъ раптомъ пидвися зъ лижка и ухопывъ Кулыну за плечи.

— Чы вы не здурили? Одчепитесь, кажу вамъ. Мабудьничого робыть зъ жыру. Тьфу!—Кулына вырвалась одъ паныча и прожогомъ кынулась у залу.

— О, та й превража дивчына!—зъ сердцемъ проказавъ панычъ.—Ну, зажды: колы-небудъ и на мой вулицы буде празныкъ...—Ёго молоде лице розчервонилось, очи посоловили, а у грудяхъ ныбы щось спырало, такъ що тяжко було дыхаты.

Посыдившы ще трошкы; панычъ знехотя почавъ одягатысь, чипляючысь до собаки. Та скочыла на пидлогу, потяглась та понюхала, якъ це звычайно роблять собаки, а дали почала скавать коло паныча.

— Не смій... Иси-ту! Кушь! Ахъ, ты вовча! а ляпаса не хочешъ?—Петрусь замирывся на собаку кулакомъ; та одразу похыллыла голову до-нызу и, ледве ступаючы по пидлози, посунулась въ кутокъ кимнаты.

II.

— Мамо, говъ!! а нальйте мени кофе, бо я заразы!—закрычавъ Петрусь на всю пельку такъ, що собака злякалась, скопылась зъ мисця и зализла пидъ лижко.

Стара пани здригнулась всимъ тиломъ и злякаными очыма запырнула черезъ двери столовой у залу, де Петрусь крутився передъ здоровымъ дзеркаломъ, роздывляючысь на свое лице, зубы и

свою постать. Крутнувшись ще разъ на йидному мисци, Петрусь пиднявъ руки у-гору и на одній нови пострыбавъ черезъ залу у столову, килько духу заревившы писню:

Ой, продала дивчынонька сало,
Та купыла козаку кресало..

— Ну и чога ты ренетуешъ на всю хату? Тилько мене лягаешъ. Килько разъ я просыла тебе не робиты такого гвалту у хати...—тыхо й привитно одказала маты Петрусю, якъ той вийшовъ въ столову.

— Альфа, сюды!.. Иси-ту! кушы!.. та ну-жь-бо, вовкъ тебе рижъ! Иси-ту!—заревивъ Петрусь на собаку.—Ахъ ты, надло, ще не слуха! Ну!..—Петрусь бехнувся на стилецъ, заложывъ руки въ кышени, простягъ килько можна було свои ноги и позихнувъ.

— Що це ты позихаешъ? не выспався, чы що?

— А хто ёго знае... може й такъ.. Миркую, що на непогоду, бо у жывоти неначе каминь лежыть... А—а—а!—Петрусь знову позихнувъ такъ, що мало було щелепивъ не звернувъ.

— Тьфу! ото прытычына!

— Ты-бъ що-небудь робывъ, Петрусю, то такъ довго-бъ не спавъ,—несмиливо проказала маты.

— А чомъ-же вы мене не збудылы? Може-бъ я що-небудь у-ранци й утнувъ.—

Стара пани зитхнула, а Петрусь, звисывшы голову на груди, почавъ злегенька мипаты кофе. Маты хотила щось запытаты сына, але винъ сразу пидвивъ голову, зареготався и дуже голосно свиснувъ.

— Оце такъ штуку учора упоролы мы зъ Лапченкомъ, такъ штуку!.. Ха—ха—ха! Йшли лисомъ, отымъ що выходыть на болото. Коны въ самій гущыни Лапченко уздривъ стару Катрычку, оту вйидлыву, языкату та зубату видьму, що на хутори никому спокою не дае. Вона збирала грибы. Ахъ ты, вовкъ тебе рижъ! Килько раживъ було наказувано всимъ и цій капосній бабѣ, щобъ не тынялысь по нашому лиси та не товкы

травы! Такъ ни! бисова Катрычка робыть свое... Що їй робыты? Колы Лапченко удумавъ штуку... ха—ха—ха! Піймалы мы тую бабу, завернули спидныцю до-горы и звязалы на голови, а клунонь зъ грибами повисылы на шыю. До того Лапченко ще скилько разивъ удупывъ їи арапныкомъ. Треба було бачыты, якъ вона тыкалась то туды, то сюды!.. Ха—ха—ха! Дали мы нібы пишы до-дому, сховалысь за стовбурамы дубивъ, та дывымось, що буде робыть капосна баба: то мы було жывоты урвалы регочучысь, якъ вона почала пручатысь, щобъ якъ-небудь розввязать спидныцю. Я—такъ ажъ за землю хватаюся та регочусь; а Лапченко ще й прыказуе стыха: оце тоби, бабо, грибы, а це печерыци! Не ходы, превража баба, куды не велять! Ха—ха—ха! Колы-бъ вы бачылы, мамо, ту кумедію!.. Жаль, що попалась стара: отъ колы-бъ молода, то мы-бъ упоролы штуку, вовкъ ёго рижь!.. Ха—ха—ха!

Петрусь одкынувся на спынку стільця и ще дужче за-реготався.

Стара пани почервонила зъ лыця и нервово почала перетыраты посуду. Петрусь знову звисывъ голову на груды и чогось замыслывся.

— Ты-бъ, сыну, пройхавъ сёгодня у городъ и зробывъ-бы те, що я казала тоби учора. Мени чогось сёгодня нездужається, руку й ногу якъ не мои... Пойдешъ?—спытала маты.

— Этъ не хочу... хай воно западется! Мы сёгодня зъ Лапченкомъ та Суховіемъ пидемо бекасивъ трощыть.

— Я-жъ тоби кажу, що не здужаю... а йыхаты треба.. Колы-бъ знаття, що Мыкола сёгодня прыйде, то я-бъ тебе й не просыла... Пойдь-но, мій сыночку, пожалій стари матерыны кысты!

— Ого прысыкалысь: пойдь да пойдь! А що я тамъ буду робыть? Чы я знаю, якъ и що? Треба ходыты, та балакаты, та людей шукаты, а я цёго не вважаю. Хай воно западется,—я не пойду! Альфа, иси-ту!—крыкнувъ Петрусь, якъ навижений и, зирвавшысь зъ стільця, прожогомъ кынувся у двери, а дали черезъ залу у квытныкъ.

Стара пани тяжко зигнула, вытерла на лицы слёзу, що скотылась зъ вискъ, и пошла у свою горницю.

III.

Квитныкъ бувъ чымалый и дуже гарный,—винъ прихотывся якъ-разъ проты дверей залы. Навкругы квитныка тиснылись груши, яблони, вышни, а тамъ дали манячили роскишни куци поричокъ, агрусу, малыны и де-чого другого. Одъ квитныка на вси стороны разбигались чысти, посыпани пискомъ дорожки и ховались десь по-за куцями ягидь и квитокъ. Ранокъ бувъ чудовой. Тыхо, тепло й свитло. Чысте-чысте небо, ажъ сыне, роскынулось надъ головою; сонце сыпало зверху теплымъ проминнямъ. Одъ квитныка нисся дуже прыемный ароматъ, такъ що груды роспырало й здавалося, нибы не хватало воздуху. Въ трави й куцахъ двиринькалы конькы, гулы мухы й бжолы; горобци и инчи птахы перелиталы зъ дерева на дерево й голосно щebetалы. Навкругы було залено-зелено й дуже гарно.

Выскочывши у квитныкъ, Петрусь зразу зупынився на мисци, оглянувся навкругы, потягъ килько сылы було у груды свижого ароматычного воздуху, а зъ вустъ вырвались слова: „Ото гарный день!.. Ху, якъ гарно дыхнуты!

Альфа подывылася на Петруся своими выразными розумными очыма, нибы тямыла мову паньча, захытала хвостомъ и лызнула руку ёго.

— А, бисова, ще цилуватъсь до вустъ полизешь!—закрычавъ той и давъ ляпаса собаци.

Петрусь забрався пидъ грушу, зирвавъ спилійшу, зйивъ, а дали посунувся до малыны й почавъ ею набываты соби рота. Колы це щось недалеко хруснуло. Винъ глянувъ туды й убачывъ Кулыну. Все лице Петруся спалахнуло нибы жаромъ, винъ покынувъ йисты малыну и метнувся до Кулыны.

— О, теперъ, бисова дивчыно, я тебе спіймавъ!—жартовливо проказавъ Петрусь и схопывъ ии за руки.

— Тю—тю на васъ! чы вы не здурили? знову прысикалысь? Чы вы хочете, щобъ я лишла матери вашій жалитъсь?

Що це за напасть,—одъ васъ, якъ одъ шевської смолы, неможна одкараскатись. Гетьте! не зачіпайте!.. Ояде, на городи, други дивчата—до ихъ чипляйтесь!..

— Якого ты биса репетуешь, чы я тоби що роблю?— аже-жь я тилько жартую!

— Одчепиться зъ своимы жартамы!.. Йидять та сплять та одъ жыру бисятся. Чы до лыця вамъ чиплятысь до простыхъ дивчатъ? Адже барышни ваши до простыхъ хлопцивъ не вяжуются!

— Гмъ... Ты, Кулыно, дурна еси! То хлопци, а то барышни... Намъ, хлопцямъ, все можна; а барышнямъ —зась! Да й гедзьковата-жь ты, Кулыно, хай ты здорова будешь! ну, попытатъ у тебе—чого ты брыкаешся?

— Ой, не давайте воли рукамъ, кажу вамъ; я не подывлюсь, що вы паньчъ... Идять соби до другои, а мене не зачіпайте.

— Тыфу на тебе, яка ты брыкыва... И цуръ тоби и некъ тоби! Бильшь не буду чипляться!..

Петрусь сердыто позырнувъ на Кулыну и подався у гущину сада, звидкиля висся тихый дивочый голосъ.

Петрусь тихенько пидійшовъ до того мисця, звидкиля чулася писня, и стыха почавъ наблыжатысь мижъ кущамы, держачы Альфу за опшыйныкъ. Мижъ лыствою выднилась дивчына; вона збирала смородыну и тонкымъ голосомъ выводыла смутну писню. Це була ще зовсимъ молода, повногруда дивчына, зъ гарнымъ довгообразымъ лыцемъ, чорнымы бровамы й карымы очыма. Хустка була повязана нывько на голови, щобъ соняшне проминня не падало на лыце; зъ-пидъ хусткы кари очи тилько, блыщалы, якъ вона позырала навкругы. Петрусь не зводывъ своихъ очей зъ дивчыны й любовався ею, якъ вона безпешно рвала смородыну, въ думкахъ не маючы, що такъ блызько одъ неи винъ. Колы це зразу:—а держы—ы... а—ту ія... А—о—а—гы—ы!—заревивъ паньчъ и якъ куля вылетивъ зъ-за кущивъ, а за нымъ гавкаючы Альфа. Дивчына пыснула й хотила було побигты, але побачывшы паньча, зупынылась и стала. Петрусь схопывъ ія за талію и пиднявъ, якъ малу дытыну, на рукахъ.

— Попалась, Оксаночко! Чы бачь, якого злодія піймавь!

— Ой, не давить такъ, цуръ вамъ! Пустить, а то за-
крычу!—Петрусь спустывъ іи до-долу, держучы одною рукою за
талію.

— Злякалася?—реготався винъ.

— Ато-жь й ни!—усмихнувшись сказала Оксана.—Хиба-
жь такы можна лякаться отакъ... сразу, та ще й зъ собакою... Ой,
якъ же я злякалася, ажъ сердце тѣпается...

— Тѣпается? а ну, де въ тебе сердце? нехай и я почую,
якъ воно тамъ тѣпается...

— Чекайте-но! пустить,—дивчата убачать.

— Отже-жь и у мене сердце тѣпается, Оксано... Ой, коли-бъ
ты знала, моя любя, якъ ты мени сподобалася!

— Кажить ще що-небудь...—Оксана вся зачервонилась й
пыльно-пыльно подывылася въ очи панычеви.

— Чомъ же ты мени виры не ймешь?.. Оксано, мое сердце!
нехай мене правцемъ поставыть, коли брешу... Не вирышь?—
Петрусь ще ближче прытиснувъ до себе дивчыну; вона вже не
пручалась, а якъ пидбыта горлыця, притулылася до шырокихъ,
высокихъ грудей Петруся, прыслухаючысь до тіеи мовы, котра
видавалася въ іи молодій души чудовою музыкаю; вона почу-
вала, якъ тило іи въ цыхъ дужыхъ рукахъ млило, а духъ у
горли спырало. А Петрусь тымъ часомъ тыхо та ласкаво го-
ворывъ.

— Чому вчора у-вечери не выйшла пидъ лыпу? Я тебе
тамъ ждавъ—ждавъ... Ой, выйды, моя дивчыно, моя рыбчыно, я-жь
тебе кохаю! Выйдешь сёгодня?

— Ой, панычу, боюся я выходыть, бо дознаются други,
то процало мое жыття,—буде поговирь на все село й хутора...—
Оксана засоромылась и спустыла очи до-долу; высоки груди
тяжко пидіймалысь и спускалыся. Петрусь не спускавъ зъ іи
очей, а дали знову схопывъ іи, якъ малу дытину, на руку, за-
кынувъ іи голову назадъ и своимы палкымы вустамы, якъ пъявка,
упывся въ губы Оксаны.

— Я тебе зовсимъ розчавлю, я тебе...

— Папы—ы—чу, говь! почувся недалечко дужый гукъ Пантюха, кучера Кушивъ.

Оксана, мовь птаха, рванулась изъ рукъ Петруся и зныкла у куцахъ смородины.

— Ать, чорты ихъ розносилы!—зъ сердцемъ гукнувь Петрусь.—Гляды-жь, Оксано, мое серденько, выходи у-вечери пидъ лыпу... а? прыйдешъ?

— Па—ны—ы—чу... го—о—овь! гукавь Пантюхъ.

— Выйды жъ серденько, а то безъ тебе пропаду!... — Та чую, не позакладало! И чого ты надсидаешся? адже я не глухий...—казавъ Петрусь, выходячы изъ кушивъ.

Пантюхъ стоявь на дорижци, оглядався на вси боки та потягавъ коротеньку люльку.

— Ось де вы, а я все гукавь-гукавъ, ажъ горлянку увирвавъ,—отъ сучый сынъ буду, колы брешу!

— А и брешешъ...

— Цебъ то я? ни, кажу—якъ передъ Богомъ: гукавь-гукавъ...

— Гукавь-гукавъ!—передражнивъ ёго панычъ.—Я-жь кажу, що гукнувь двичы, чы трычы, та вже й гукавъ... Бачъ, брешешъ!

— Нехай собаки брешуть... Я гукавь може разивъ зъ двадцять, ще ажъ на двори... колы жъ вы такы, що васъ ниякъ не докльчешся... Брешешъ! Пантюхъ, ще николы не брехавъ!—

— Ну, базикай соби... По якому дилу гукавь?

— Та це нащотъ Ваты... чы пойдете на ий сёгодня, чы може якъ и вчера... адже вона може застоатъсь...

— Тю—на твого лысого батька и тебе дурного! Такъ оце по цёму дилу й гукавь?

— А що-жь!—вытрищывшы очи на Петруся слытавь Пантюхъ.

— Якъ-то „а що-жь“? я тоби скилько разивъ заказувавъ, щобъ ты не пытавь, а такы запрягавъ коня та й годи!

— Колы-бъ такъ—то й добре... Адже вы у-чора ще зъ ранку заказувалы, щобъ я вамъ нагадавъ сёгодня?

— Нагадавъ! онъ бачъ, що дурный... Ну, ходимъ, побачимо, що и до чого.

Пантюхъ выйнявъ зъ рота люльку, плюнувъ на бикъ и стыха проказавъ: „колы-бъ вси булы таки розумни, якъ ты, то мабуть на свити все робылось инакше“.

— Паньчу! на що це вы по грядкахъ йдете? адже жъ дывится, скільки шкоды наробылы...

Петрусь и самъ не знавъ, якъ винъ забрався у грядкы зъ клубныкою.

— Тю—тю! а я й не примитывъ. Ну, та ничего,—поросте вдруге!—усмихаючысь казавъ винъ.

Пантюхъ и соби осмихнувся, переложывъ люльку зъ одного бока рота на другый и юморыстычно проказавъ:

— Мабудь такъ вона поросте, якъ торикъ порослы на гори огиркы та квасоля, що вы зъ собаками вытовелы...

• Але Петрусь не чувъ мовы Пантюха. На двори винъ уздривъ табунъ гусей. Петрусь схопывъ Альфу за морду, повернувъ до гусей и скільки духу закрывавъ;

— Ату ёго! а та—та—та! Беры—ы...

Гусы сполохнулись и кинулись зъ двору на поле, за ними Петрусь и Альфа.

— А та—та—та!.. А—ту—у!

— Огь-туды къ бису!—зъ досадою проказавъ Пантюхъ,— и що ёму ціи гусы зробылы?... Теперь жды ёго...

Тымъ часомъ зъ поля нисся крыкъ павыча, гучне гавкання Альфы. Гусы кинулись въ ростичъ, хто куды. Альфа бигла за гусьмы й озыралась на Петруся, нибы пытала чы навсправжкы треба хапаты гусей, чы може такъ соби—полюкать... Але побачывшы, що Петрусь навсправжкы ударывся за гусьмы та килько духу кричавъ, увязалась и соби за йдною гусею. Побачывшы, що неперелывкы, гуска кинулась у просо, прямуючы у высоке жыто, а дали, почувшы, що собака, якъ кажуть вже на хвосты,—уцала й перевернулась до-горы, видкывшы голову й ногы, нибы нежыва. Альфа стала надъ нею, уткнула свій нисъ въ черево гускы й зомлила на мисти. Петрусь, не

жалючы своего проса, куёвдыся на ёму, якъ Марко по пеклу... Може-бъ довго ще товкся винъ въ поли, колы-бъ зненацька не наблызвася до того мисця на биговыхъ дрожкахъ Мыкола, старшый братъ Петруся.

Убачывшы такую шкоду, винъ гнивно подыввася на брата, а лице ёго спалахнуло полумьямъ.

— Чы вже часъ наставъ просо косыть, чы що?—спытавъ винъ Петруся.

Петрусь кынувъ гуску и пидійшовъ до брата. Ёго очи саялы, увесь винъ розчервонивси, а красыве й добре на выразъ лице було веселе.

— Вовкъ ихъ рижъ, цыхъ гусей! просто горе зъ нымы,— тилько й знають, що лаять у нашъ дворъ, вибы имъ мисця немає у другихъ... Я якъ уздривъ ихъ на двори, та якъ нацьковавъ Альфу, то треба було бачыты, якъ гаспыдськи гусы порснули у вси стороны... Та ось бачъ, бисови тварюкы куды попрямовалы,—прямисенько у наше просо...

Слухаючы сю просту и веселу мову, Мыкола осмихнувся, вытягъ зъ кышени цыгарку, закурывъ и сказавъ:

— Ну, сидай, щырый хазяинь!.. Добре доглядаешъ свое добро, будешъ колысь багатый, чортове ты опудало!

Петрусь сивъ на дрожки, зареготався и ткнувъ Мыколу кулакомъ у бикъ. Мыкола зъ сердцемъ стёбнувъ коня, той сразу рванувъ й пишовъ рысю.

— И колы ты за розумъ визьмешся? Подывысь ты на себе, яка изъ тебе выросла здорова дубына?... заввышкы ажъ до неба, а дурный, кажутъ, якъ треба... У цимъ роди вже третя шкода: вытовкъ овесъ зъ гончакамы, пострелявъ чужыхъ качокъ, а теперъ вытолучывъ просо...

Але Петрусь не чувъ, що бубонивъ Мыкола: винъ зогледивъ горлыць, що силы на березахъ коло гуральни и почавъ соби мирковаты, якъ бы ихъ пострелять. Не встыгли дрожки вкочытыся у ворота, якъ винъ раптомъ зскочывъ зъ ихъ и кынувся у будынокъ. Въ коридори мало було не збывъ зъ нигъ стару матирь, та винъ цёго и не прымитывъ, ускочывъ въ свою

кимнату, схопивъ рушницю й прожогомъ кынувся зъ хаты. Альфа не одставала одъ свого хозяина: вона крутылась на мисци, задравшы у-гору хвоста и высолопывши червоного языка, та пыльно прыдывлялась до паныча.

Прыбигшы до стбгивъ дровъ, що зложени коло гуральни, Петрусь давъ ляпаса собаці, щобъ вона не выривалась упередъ, и почавъ наблыжаться до березъ, де посадалы горлыци. Але ихъ вже тамъ не було.

— А, вовкѣ васъ рижъ: утиклы, сибирни!—съ сердцемъ крыкнувъ Петрусь, и знову давъ ляпаса собаці.

— Ну! иси—ту!

Петрусь постоявъ трошкы коло березъ, озырнувся на вси боки й потягъ у гай, що роскишно й важно розрисся навкругы одъ гуральни.

Въ гаю було тихо и хороше. Петруся одразу обгорнуло прохолодою. Винъ зупынывся на мисци й замыслывся: на лыци розмылась нибы нудьга, а очи згаслы и спустылись до-долу. Зразу у всимъ тили винъ почувъ нибы яку хвористъ: ёго такъ и потягло до-долу...

— А, хочъ бы Лапченко або Суховій прыйихалы... нудьга бере за печинкы.. Та й ніякого биса нема у гаю!.. А ну, хлопче, ходы сюды!—крыкнувъ винъ на пастуха, що пасъ коло гаю бычкывъ.

Очи Петруся засялы знову, а на губахъ розлывся усмихъ, нибы винъ удумавъ що-небудъ хороше.

Невеличкый на зристъ пастушокъ пидійшовъ и одказавъ: „здрастуйте!“

— Знаешъ що, Омельку? Ты кумедіи любишь? Хочешъ побачыть штуку?

— А чомъ же и не побачыть!

— Отъ здіймы свого капелюха, та пидкынь у-гору, то зъ нёго вылетыть качка,—зъ повагою сказавъ Петрусь.

Омелько дывывся на Петруся, неймучы ёму виры.

— А звидкыля жъ вызьметя та качка, хйба вона сыдыть у капелюси, чы що?—спытавъ винъ.

— Я тобі кажу, що вылетить качка: дурню! Ось підкынь-бо!

— Та воно не диво підкынуть; а тилько кумедно, якъ це воно такъ зробытса, що зъ капелюха вылетить качка?...

— Ну, мерщій... Отъ же й я тебе навчу робыть цю штуку; а ты на седи будешъ хлопцямъ та дивчатамъ тежъ робыть таку кумедію... Ну-жъ, дывысь! Ачъ й собака, й та жде качкы...

— Якъ що такъ, то й добре!—Омелько знаявъ капелюха и хотивъ вже було шпурляты.

— Зажды! Стань оттакъ.—Петрусь повернувъ Омелька спыною до себе.—Ну, теперь, якъ я прокажу: разъ—два—тры! тоди шпурлай.. Слухай же—разъ! два! тры!

Омелько скилько сылы шпурнувъ у гору капелюха. Коли це вразу надъ головою ёго—бахъ! бахъ! Омелько прысивъ одъ ляку, а одъ капелюха одлетило декилько шматкывъ. Не встыгъ капелюхъ упасты до-долу, а вже Альфа підхопыла ёго й почала шарпаты.

Убачывшы, що одъ капелюха полетило шмаття, Омелько погнався за собакою, а панычъ стоявъ та реготався.

— А що убачывъ качку? Ой, утикла! Альфа, иси—ту! Ну!

Собака прынесла капелюха й положила бия панычевыхъ нигъ.

— Що-жъ, це вы зробылы панычу? аже-жъ у мене другого капелюха немає... Омелько надувъ губы, нибы зибрався заплакать...

Панычъ реготався, закладаючы нови патроны у рушныцю.

— Матвійку, заплачъ, дамъ калачъ: тобі покажу, а самъ зйимъ,—почавъ вынъ дразныть Омелька.

— Я пиду до пани жалиться на васъ!

— О, бачъ, якый ты дурный есы! Адже-жъ я самъ соби тучкы нань... Ось не плачь, дурню! прыйдешъ до мене у-вечери, то я тобі дамъ такого капелюха, що дивчата ажъ подуріють, якъ убачать ёго на тобі.

— А не обдурите?

— Выгадай ще, дурню, що-небудь: я буду тебе обманювати! Прийдешь—то й дамъ!..

— Якъ колы що такъ, то про мене—нехай зъ мого капелюха и ще летять качкы!., А ну, панычу!

— Отъ, молодець, Омелько... Шпурлай!

Качкы литалы доты, поки зъ капелюха Омелькового зосталось одно шмаття.

Натишывшысь доволи, Петрусь зырнувъ на годинникъ и, убачывши, що настала обидни пора, почувъ въ животи, нибы що стыснуло ёго. Свыснувши Альфи, винъ лизивою ходою пшовъ до-дому. На лыци знову розлылась нудьга, а очи стухлы. Ёму не хтилось ступаты ногамы, винъ почувавъ себе нибы розваренымъ.

— А що вбылы, панычу?—гукнувъ до ёго зъ гуральни Шлёма, вынокуръ.

— Оттакого пранцюватого жыда, якъ ты, Шлёма!

— Шуткуете, панычу, нехай здорови будете! Хе—хе—хе... А знаєте, панычу, що я вамъ мушу казаты? чомъ вы не доглядаете пидвалу? бороны Боже, щобъ чого не лучылось?

— А, видчепысь ты зъ пидваломъ! Мени йисты хочется, ажъ печинкы тягне, а винъ зъ пидваломъ... Тамъ-же Мордко сыдыть!

— Пхе, Мордко! Ёму що? винъ свій интересъ мае, а що ёму до вашого?... Якъ хочете,—мое дило сторона.

— Счезны ты зъ Мордкомъ и зъ пидваломъ и во всимы жыдамы!.. Тутъ колы-бъ мерщій до хаты доухатыся, да допастыся до стравы...

Шлёма подывывся у-слидъ панычеви, подмокавъ губамы и покывавъ своею головою.

— Ой, ой, що то за хазяинъ! и худоба, и все... а до того и повага и панство... Ой —ой! Колы-бъ не Мыкола Дмитровычъ, вже давно одъ цієї економіи и шматка не зосталось-бъ! Здається й чоловікъ, а про те... пхе!

IV

— Ху, ото утомывся... пехай ёму абы-що!... Ой, йисты хочу!—казавъ Петрусь, увиходячы у столову и кыдаючысь на канану, не вважачы, що бия стола сядили маты й Мыкола.

— Зъ велыкого дила, мабуть?—иронично промовывъ Мыкола.

— Ажъ руки й ноги заболилы... ой—ой! хай ёму цурь! Тай спека до того,—ледве ворочаючысь на канани, казавъ Петрусь.

— Якъ тоби не соромно, Петрусь, ганяться за гускамы по своёму просови, та товкты ёго?—почала стара маты.—Адже-жъ и такъ що-дня яку-небудь шкodu та зробишь. Вже-жъ пора й за розумъ братысь, бо скоро стукне двадцять пять рокивъ, а ты й доси якъ мала дыгына тыняешся безъ дила; а ще й до того и въ гласни по земству збираешся!...

— Ото прысыкалыся зновъ... Якъ трапытыся що робыть, то й буду робыть... Отже я й теперь роблю!

— Що ты робышь, недотенный ты гультаю?—зъ паломъ проговорывъ Мыкола.

— Якъ що? А гуральню й пидвала хто доглядае! Моеи роботы не выдно!—зобиженнымъ голосомъ сказавъ Петрусь.

— Добре доглядаешъ, що въ пидвали здорова нехватка спырту, а въ книжкахъ щось понапысувано такъ, що й не прыведы Боже! Одъ прыйде чыновныкъ на реввизію, знову зробыть протокола...

— Оце надойидлыви, якъ мухы! Чы у мене дви головы, четверо рукъ и нигъ, щобъ я усюды знавъ, що и якъ робытыся. Якъ що не такъ, то дывысь самъ... Ой, йисты хочу!... О, несуть!

Кулына увійшла въ стравую, постановыла на стилъ и скоса, усмихаючысь, подывылась на Петруся.

— Сыну!—почала стара пани:—на що ты вылжешся до Кулыны? Вона и сёгодня жалылась на тебе,—казала, що якъ ты ще будешъ чиплятыся до неи, то вона покыне насъ и пиде у

друге місце; а вона-жъ така хороша робитниця, працює, якъ у себе вдома...

— О, теперъ зъ Кулыною присикались, нехай вона вамъ кризь землю провалытсл! Якый чортъ їи займає? Не бачывъ такого добра,—уплитаючи страву такъ, що ажъ за вухамы ляцало казавъ Петрусь и трохи почервонивъ зъ лица.

— Такъ на вищо-жъ вона скаржытса?—спытавъ Мыкола и стукнувъ кулакомъ по столу.

— Пиды спытай їи... колы вона дурна!

— Мабуть, що розумнійша одъ тебе, чортове ты опудало! Якъ горохомъ объ стинку!..

Петрусь мовчавъ та йивъ. Мовчали маты й Мыкола.

— Ху! Ото найився, ажъ тяжко стало,—проказавъ Петрусь, скинчывшы обидъ.—Колы-бъ до лижка добратся!

— Куды-куды, а до лижка доберешся, щырый хазяине! Твоя робота—одъ стола до лижка та одъ лижка до стола!—пославъ ёму навздогянци Мыкола.

— Кажы соби, а я тебе нобы не чую...

Увійшовшы у свою кимнату, винъ бехнувся на постиль, повернувся на бить—и не схаменувся, якъ выкы закрылысь и винъ заснувъ глыбокымъ сномъ.

V.

— Зовсимъ недотепный выйшовъ зъ ёго чоловікы! Бевзь тай годи!—казавъ Мыкола матери, якъ Петрусь выйшовъ зъ столовой.—Мабудъ ничего путнёго не выйде зъ нёго. Дыво те, що вси шкody и збыткы, яки винъ робыть, не мають характера злого... а такъ соби—зъ дурного розуму. Щастя, що ще нема у нёго прыхыльности до горилкы та ще до де-чого другого...

Маты тяжко зитхнула и понуро дывылась доли. Въ їи голови ворущылысь думкы и надїи, яки вона мала, якъ Петрусь бувъ ще маленькымъ. Покійный їи чоловікы, умыраючи, казавъ, щоць доглядали Петруса и—килько сылы й працї—прыкладали рукъ до ёго вчєння, бо якъ не втовчете ёму въ голову,—казавъ старый,—того, що потрїбно знаты теперечкы кожному молодому чоло-

зикови, котрый починае жыть своимъ розумомъ, то потимъ вже ничего не выйде: пропадутъ и гроши и праця!—А вже якъ ходылы била Петруся—и Боже мій млыстывый! Переводылы изъ гимназіи въ гимназію; наймалы по два репетытора; переплатылы чымалы гроши... Вже маты й плакала, Богу молылась и Петруся просыла... Такъ ни!.. Петрусь дійшовъ до четвертой кляссы—ѣму тоди бувъ 18-й рикъ—и дали, якъ кажуть, ни тпру, ни-ну! Репетыторы одмовлялысь заниматься зъ имъ дали, а дыректоръ гимназіи ій такъ сказавъ:—Вашъ сынъ зовсимъ не може заниматься, бо у ѣго нема ніякои охоты. Здається, вибы винъ и слуха урокы, якъ следъ, не балується... а про те до вчення винъ не ладенъ. И товариши ѣго люблять за ѣго веселый характеръ... Краще буде, якъ вы визьмете ѣго, да прыставыте до хазайства... Може зъ ѣго буде добрый хазяинъ. Да вже винъ и чы-малый левенець...

Тяжко було слухаты матери такую мову: кожде слово, якъ гаряче олово, падало на іи сердце и немылосердно пекло ѣго... Але и зъ хазайства ничего путнѣго не выйшло: Петрусь бильше возывся зъ собаками, киньмы, рупныцями, та велосипедомъ. Потимъ зробылося такъ, що Петрусь зовсимъ переставъ торкатысь до хазайства, да воно було й краще, бо куды ни совався Петрусь, тамъ роботы не було. Прыйшлось самій старій пани на старости лять бигать по хазайству и давать усяки порядкы. Головне-жь дило по економіи було у рукахъ Мыколы, хуторъ котрого бувъ въ пяты верстахъ одъ батькивського... А Петрусь бувъ далеко не дурный: у ѣго розумъ, якъ кажуть, бувъ свій, мавъ винъ сердце добре. Посередъ людей Петрусь выглядавъ бравымъ и веселымъ хлопцемъ. Все сусиды, прыхыльни до ѣго, звали Петромъ Дмытровычомъ, разывали до себе у гости, особлыво туды, де byly молоди панны. У гостяхъ винъ балакавъ про хазайство, гравъ у префѣранса и стукалку, зъ кумпаніей йиздывъ на полювання, справлявъ маѣвки,—одно слово жывъ и робывъ такъ, якъ жылы и робылы все сусиды—паны й панкы. Зъ паннами Петрусь зовсимъ бувъ инчымъ: винъ бувъ и веселый, и делькатный; въ тапцяхъ и писняхъ винъ бувъ не зъ послиднихъ. Панны

до ёго залыцялысь дуже, а де-яки вышкомъ зитхалы, дывлячысь на Петрусеву вроду й пышну постать. Була така чутка, що зъ де-якымы паннамы у ёго вже были й романы, але Петрусь про це никому не розказувавъ, навить й свому прыятелю—Лапченку, зъ якимъ у ёго была така дружба, що ихъ звали навкругы Орестомъ и Пыладомъ.

VI.

— Ну, якъ-же винъ пройде у земство? Дай Боже, щобъ ёго выбрали у гласни: може-бъ на людяхъ порозумнійшавъ. Я й сама не знаю чого, а у мене така надія йе, що зъ ёго колынебудь выйде добра людына; винъ-же не дурный... тилько гульвиса,—казала стара пани Мыколи.

Той тилько покрутивъ головою и, уздрившы въ дверяхъ Суховія, що зятемъ прыходывся Кушамъ, проказавъ:

— Нехай вже ёго прытели роблять, якъ хотять.. Ну, Иване, ось и ты,—сидай, та будемо радытысь...

— Та оце й я... може заскучалы за мною? Якъ вы тутъ маете?.. У насъ все благополушно...,—казавъ винъ дзвинкымъ глосомъ, ныбы торохтивъ по якій металычній дошци.

— Може йсты хочете? Мы оце тилько—що пообидалы... Якъ що хочете, то кажыть... Кулыно!—заходывлася стара пани коло Суховія.

— Дякую за ласку: я вже по обиди. Не хтилося спаты, а ще до того мы умовымысь зъ Петрусемъ та Лапченкомъ пійты по болоту, може побьемю бекасивъ... А де-жъ Петрусь? Чы вже може хропе?

— А ёму що робыты, якъ не хропты,—казавъ Мыкола и почавъ розказуваты про просо й про Кулыну.

Суховій почавъ реготаться, та додававъ ще де-що до мовы Мыколы.

— Такъ оце миркуемо, якъ-бы ёго прыстроить до дила—хочъ у земскы гласни. Може, на людяхъ вызьметса за розумъ. Вы-жъ такы намъ родычъ, а ёго прытель, та ще до того гласный,—казала пани.

— Выберемо, ось побачите.. Тилько-жь треба ёго оддлыты, щобъ у ёго бувъ цензъ. Выборы будуть зъ весны, то треба хапатысь. Нехай послужыть обществу.

— А якъ не выберуть?—зъ журбою спытала пани.

— Я кажу, що выберуть!.. До нашої партіи належыть половына успихъ гласныхъ, да ще на примити йе чоловікъ зъ пять, до того й родычывъ до сто-биса... Треба тилько на який часъ покынуть собакъ, коней та полювання, та пойиздыть по сусидахъ, щобъ и себе показати, и другихъ побачыть. Ну, та то пуста: це вже я зъ нымъ пойиду.

— Добре буде земство, якъ оттаки гласни визьмутся за дило,—иронично сказавъ Мыкола.

— А хйба що?—поважно спытавъ Суховій и згорда подыввся на Мыколу.—Яке було, таке й буде! Бильше того, що зробылы, не зроблять.

— Певно, що зъ такымы гласнымы та членамы ничого бильшого не зроблять... Отъ ты вже тры рокы гласнымъ,—скажы, що вы зробылы такого, за щобъ васъ можна було подякувать?

— Ще й пытае! А хто зробывъ экономію на всёмъ? Хто агытуе, щобъ земське земельне обложення на поміщыкывъ було менче?

— Такъ що-жь зъ того? Правда, экономію нагналы здорову: успихъ акушорокъ порозганялы, якъ непотрибныхъ; осушытельни капавы, що почалы було конаты пры старимъ земстви, закынулы; статистычну комиссію знычтожылы... Этъ, та й що балаваты!...— зъ досадою махнувъ рукою Мыкола.

— Такъ чомъ-же ты, й други таки, якъ ты, не йдете служыть по земству? Мы робымо, що належыть робыты земству, якъ воно у законахъ определено, словомъ—„по пысанію“...

— Хйба що „по пысанію“: свое добро бороныты, а на крестьянське тяготу ще дужчу наложыты..

— А ты-жь якъ думавъ: щобъ я, гласный, та робывъ соби збыткы? Отъ якъ крестьяне визьмутъ верхъ, тоди вони будуть бороныты свои интересы, а покы мы у земстви—поты будемо трыматы свою, якъ кажуть, лыпнію!..—насмешкувато казавъ Суховій, дывлячысь на Мыколу, якъ на малу дытвну.

Этъ!—зъ сердемъ сказавъ Мыкола...—Годи! все йидно не буде мижъ нами въ цимъ дили згоды... Краще, давай миркувать, якъ бы намъ оцёго бевзя навесты на путь праведный...

— Та що-жъ теперь миркувать?... Цотимъ буде выдко... Та вже й часъ бы ёму уставать. Пиду, побачу, якъ винъ хропе.

Суховій пидійшовъ до кимнаты Петруся и подывввся на лижка. Петрусь розкынувся на лижку и спавъ мицнымъ сномъ. Коло ёго на постили-жъ лежала Альфа. Побачывшы Суховія, вона закрутыла хвостомъ и почала облызуваться.

— Петрусь, уставай! годи вже хропты, а то уси качкы та бекасы повтикають... Чуешъ?

Петрусь лупнувъ очыма, вытягнувся на всю довжыну тила и знову захрипъ.

— Ну, тутъ треба гармату прывезты!—Суховій пидійшовъ до лижка, взявъ Петруся за ноги и потягъ до себе.

Петрусь одразу прокынувся й учепывся обома руками за постиль, зляканнымы очыма дывлячысь на регочучого Суховія.

— Ажъ ось колы розбуркалы! Уставай мерщій, та пидемо на болото!

— А—а!.. оце заснувъ гарно, вовкъ ёго рижъ! фу!.. Це ты, Иване? А де-жъ Лапченко? Тьху, якъ у роти погано!.. Кулыно! Стехо!—закрычавъ Петрусь.

— Такъ вони до тебе заразь и прылынуть!—сміючысь казавъ Мыкола.

— Треба що-небудь солодкого зйисты, а то.. пху! А—а! оце розиспався.

— Ну, годи-годи потягатысь та вылежуватысь... Ходимъ, а то и справди бекасы за нами заскучылы,—казавъ Суховій.

— Оце ричъ до-ладу... Заразь!—Петрусь скопывся зъ лижка и почавъ клопотаться били рушныци и набою. Глядючы на це, Альфа и соби заклюпоталась.

— Земство пишло на роботу,—казавъ Мыкола, входячы у кимнату старои пани.

VП.

Били болота Петрусь и Суховій розійшлись въ рижни стороны, якъ кому забажалоса. Петрусь зъ Альфою потягся по-пидь лисомъ и все приказувавъ Альфи: иси-ту, вовча! Про те Альфа на це не вважала и якъ скажена бигала по болоту, то ховаючысь въ осоци, то вырынаючы зъ неи. По всѣму було выдко, що вона зовсимъ була незвычайна до охоты. Килько разивъ зрывалысь, якъ навижени, бекасы; панычъ стрілявъ по ихъ, а про те ще ни одного не убывъ. Було багато лементу и крыку; бекасы и инша дычына розліталысь у вси стороны; Петрусь ще гирше крычавъ, помы не втомывся.

— Эть, хай вони покажутся, ци бекасы!..—зъ досадою крыкнувъ Петрусь, увійшовшы въ дубнякъ и простягаючысь на трави. Винъ уставывся очыма въ ясне голубе небо и дывывся, якъ маленьки, нибы выковани зъ срибла, хмары пиднималысь зъ-за очерету и ховалысь за лисомъ. Ёму здавалось, що и винъ тежъ несется кудысь,—и ёму зробылось на души и серци такъ гарно та весело. Надъ нимъ гулы мухы, у трави дзвенилы птахи; навкругы була поѣтычна картына. Петрусю хотилось лежать довго-довго, прислухаться до тіей тышы; тилько ёму не довго прыйшлось почуваты на серци таки мысли; ёму раптомъ спогадалысь сѣгодняшній обидъ и мова матери. Ёму зробылось ніяково; лице трохи почервонило, и винъ зъ досадою крутнувъ головою, нибы одганяючы уйдлывыхъ мухъ.

— А, нехай воно западется! и лизе у голову щось непотрибне!..—Винъ перевернувся лѣцемъ у-низъ и уткнувся носомъ въ долони рукъ. Въ ёго очахъ зъявылася фыгура Кулыны и ии ризки, правдыви слова; а дали журлывый поглядъ матери и гнивный голосъ Мыколы. Петрусь зразу зиррався зъ мисця.

— А, бый тебе нечыста сыла!.. оце спокою и тутъ нема одъ ихъ!.. Ого—го—го! Иване!—почавъ винъ зваты Суховія и посунувся у ту сторону, де почувся гукъ одъ рушвыци Суховія.

— Хиба вже годи стріляты? адже ще рано?—спытавъ Суховій.

— Ать, нехай воно западеться зь цією охотою!.. Нудьга за серце бере; ходимъ, лишень, та краще утнемо у преферанса, покы Мыкола тута.

— Про мене, якъ у преферанса, то й добре... Знаешъ що, Петрусь, а воно штука гарна вийшла-бъ, якъ-бы въ цимъ роци ты зробився гласнымъ! Отъ я вже тры роки гласнымъ, а далеби що добре!

— А що я тамъ буду робыты?—спытавъ Петрусь.

— Якъ то що робыты? Овва! А те, що и я: йизжу у городъ, на охоту, у гости, граемось у карты и де-що друге. Яка наша робота? На собраніе прыйхавъ, послухавъ, що треба, сказавъ до ладу, додержавъ свою партію—та й добре. А потимъ до гурту на выщывку, або до панночокъ и паній залыцятысь...

Петрусь осмихнувся.

— А якъ жинка дознається?—спытавъ винъ.

— Робы такъ, щобъ не знала... Аже-жъ уси такъ роблять,—чомъ же и намъ не робыть? Окريمъ того, завше буваєшь помижъ людей, чуешъ нову мову, де-чому и самъ навчышься... Ни, такы справди я тоби кажу, що земськымъ гласнымъ добре быть...

— Та я ничого протывъ не маю; чому и не послужыть? бо вже я й самъ миркую, що оттаке мое жыття мени вже осточортило,—хоть зь нудьгы окрутытысь зь кымъ-небудь!

— Зь кымъ-небудь?—насмешкувато перепытавъ Суховій.— А Лагодивну забувъ?

— Лыце Петруся одразу спалахнуло полумъямъ и винъ залупавъ очыма.

— Що таке, Лагодивна?.. Хиба я...

— Ага, попался, хлопче! То-то: хиба я... Але и мы що-небудь примичаемо... Ты думаешъ, що мы таки дурни? Хто звивъ зь розуму Лагодивну? Кого двичи застуканы у кутку, якъ вы, нябы голубкы, цювалысь?.. А вона була-бъ такы тоби до пары: хорошего роду и до того дочка заможнёго батька, десятинъ зь чотырыста на прыдане визмешъ... А що, зйивъ печеного рака?—реготався Суховій.

— Одчепысь ты зь своею Лагодивною!.. Ну, цилувавъ и обнимавъ! тоби заздрисно, чы цо?

— А чому и пи! Дивчына хороша, вродлыва и дуже пышна...—Суховій заплямвавъ губамы, нібы въ ротъ попало щось солодке, а очи ажъ заблыщали. Винъ захихикавъ, а дивлючысь на ёго, зареготався и Петрусь.

— О, то правда, цо дивчына! Тамъ така палка, та жвава та пухка—якъ свижа паляпыця. Одъ іи поцілункивъ у мене ажъ духъ вышырае, а у голови и очахъ нібы метелыкы почи-нають литать. Якосъ у цихъ дняхъ у квитныку за бузкомъ вона схопыла мене за шыю, прытягла до себе, та якъ унылась своими губамы у мой, нібы пывка, то я, сучый сынъ буду, думавъ, цо здурію; казала, цо никого такъ ще не любыла, якъ мене.

— Щасливый! сами панны чипляются тоби на шыю, не то цо намъ гришнымъ.. Ну, дакъ на чому-жь стало? Жинка вже на прымити йе, а земство тежъ не втиче!

— Миркуй вже ты, Иване, а мени якосъ не тее... О, цо це за галась такый? А, дивчата купаються у ставу! Петрусь и Суховій зупынылысь и почалы прыдывляться.

VIII.

— А и справди купаються!—крыкнувъ Суховій и ажъ закрутывся на мисци.—Давай врижемо штуку!

— Яку?

— Зь-за стосивъ дровъ выпалымо зь рушныць и кынемось до воды, та поховаемо ихню одежу,—побачымо, цо воно зь того буде!

— Отъ такъ штука!—Петрусь зареготався, ажъ присивъ на мисци.

— Вони познималы рушныцы зь плечъ и тыхенько посу-нулысь до ставу по-за стосамы дровъ, докы не убачылы дивчатъ у ставу. Ти соби безиешно булькалысь у воды, брызкалыся, чиплялысь одна до одной, плавалы, якъ кажуть, наче жабы, и гралысь незвычайно, якъ мали диты.

Колы це зразу,—трахъ! трахъ! Ату—ту! Ого—го—го! Альфа! Лордъ!

Суховій, Петрусь и собаки зразу опынылись коло ставу.

Дивчата перелякались и спершу скаменили на місци, а дали, убачышы Суховія и Петруся, заверещали килько слы, кынулись, де глыбче, и прысили у води, такъ що надъ водою були выдко тилько ихъ головы.

— Пиль, Альфа! Лордъ, бери! А, да й качкы добри, матери ёго бисъ! Отъ такъ дычына!—регочучысь казалы Суховій и Петрусь.—А ну, вылазьте, мои мыли каченятка!

Дивчата и соби почалы реготаться.

— Краще вы лизьте до насъ у воду, тутъ не такъ душно.

— Дивчата, дывитесь, що мы зробымо зъ вашою одежою!—крыкнувъ Петрусь, беручы одежу дивчатъ.

— Ой, паньчу, що вы робыте? На що [забирать одежу? Хиба жъ це намъ доведеться сыдигы отутъ ажъ до ночи?

— Про насъ, сыдигы хотъ до свита... Адже вы теперь русалкы, а не дивчата!

— Ой, якъ же це мы будемо безъ одежи! Паньчу, не робить-бо шкоды! Намъ же треба ще й до роботы йты...

— Якъ треба, то й пійдете... Якъ що у пивночи будете йты, то люде полякаютя,—подумають, що видьмы, та повтикають...—реготався Суховій.—Ну, пливить блыжче до берега, та вылазьте на траву! Чуєте? А то позабыраемо одежу навсправжкы, щобъ не паскудылы воду у ставу. Вылазьте!

— Такъ що воно буде зъ цёго?—спытала одна дивчына.

— Якъ що? Побачымо, якъ вы одагааетесь...

— На що воно вамъ здалось?—пыталы дивчата.

— Э, що зъ вами балакать! беримо одежу!—крыкнувъ Суховій.

Дивчата загвалтовалы.

— Гапко! вылазь ты перша, бо ты смилійша!

— Выдумаите ще що-небуды! Про мене, нехай берутъ, я буду сыдигы хотъ до пивночы...—казала Гапка.

— Чы не соромъ оце вамъ зачипать насъ?—казалы дивчата.—Нибы парубкы, а не пань...

— Базикай соби!—реготався Петрусь.—Сыдзть у води, а мы пійдемо. Одежу знайдете коло клуни!—крыкнувъ винь.

Воны покыдалы одежу коло клуни, а сами сховались за дверыма и пильновалы дивчать, колы ти выйдуть за одежою.

Незабаромъ зъ-за кущивъ вызырнула одна дивчына, а дали и друга. Побачывшы, що коло клуни нема никога, воны швидко побиглы до одежи и почалы хватать ии. Колы це зъ клуни зъ галасомъ и реготомъ повыбигалы Суховій и Петрусь и погналысь за дивчатамы. Ти ще гирше заверещалы и прожомомъ кынулысь до ставу.

— Ой, видьмы! ловы ихъ.. а—та—та!—якъ скаженный крычавъ Петрусь.

— Ну, буде зъ ихъ! Попутковалы и де-що бачылы!—казавъ Суховій.—Ходимо теперь хоть малу пульку заграемо у профранса.

Воны, якъ божевильни, реготалысь та згадувалы дивчать, якъ воны втикалы одъ выхъ.

IX.

Мыкола тилько осмихався, слушаючы, якъ Петрусь и Суховій, перебиваючы одынь другого, розказувалы про дивчать.

— Молодци, козаки! будете добрымы земцями, бо до усёго додывляетесь, а до дивчать особлыво; адже и дивчата до земства валежать... Якъ що гратъ у карты, то мерщій, бо мени треба йихаты: до захода сонця треба побуваты по-де-куды.

— Паньчу! почувся голосъ Пантюха.

— Чого тоби?—спытавъ Петрусь, розставляючы стиль и розбыраючы карты.

— А якъ же Вату? Може самому пройихатысь на йй?

— Счезны зъ моихъ очей, сатано! Ого присыкався... Хиба жъ ты не бачышъ, що я занятый? Тутъ саме дило, а винь зъ Ватою розносывся! Йидь самъ!..

Пантюхъ почувавъ потылицю и проказавъ:

— Ого горе! Самы ще звелилы.. и отакъ кожый день... Вже мени остогыдло...

— Тоби кажуть—счезны, то й счезны!—крыкнувъ Петрусь.

— Якъ день не пограю у карты, то нібы чога не хватае: така нудьга за сердце бере, що й не знаю, що робыты!—казавъ Петрусь, здаючы карты и розглядаючы свою задачу.

— У, братци вы мой! А ну, хто важе? Пасъ? А у мене, вовкъ ёго рижъ, ажъ разъ!

— А що буде, якъ я скажу два?—одказавъ Суховій.

— Два? а, лыхо ёго матери! то нехай будуть мои... Лице Петруся розчервонилося, а пальци нервово перебиралы карты.

— Дывысь, чы ба? а ну, нехай буде тры!

— А бый тебе нечыста сыла! мои!—ажъ крыкнувъ Петрусь.

— А чотыри?...

— Мои!

— Ну, колы и чотыре твои, то нехай буде по твоёму. Беры прыкупку!—регочучысь казавъ Суховій, выразно поглядаючы на Мыколу.

Руки тряслысь у Петруся, колы винъ бравъ прыкупку и перевернувъ карты. Тамъ бувъ король и тузь, якъ-разъ до масти Петрусевої карты.

— Ой, братци мой! Ой! отъ такъ купывъ! Ха—ха!—зарепетувавъ винъ на вси кимнаты.—И не сподивався на таку прыкупку... Ой! а ну, девять жыривъ!

Мыкола и Суховій покыдалы карты и почалы роздывляться Петрусевы: тамъ було усихъ десять!

— Ну й щастыть тоби, чортовому опудалови!—сміючысь промовывъ Мыкола.—Не сіе, якъ сказано у писаніи, не жне, а збирае у свои жытныци.

— Петрусь бувъ якъ несамовытый: винъ реготався, крычавъ на уси кимваты, такъ що выйшла стара пани подывытсья, якъ ии любый Петрусь росходывся.

Вона сила на кресли, дывылася на Петруся и думала:

— Отъ якъ-бы до роботы такый бувъ щырый, якъ до картъ! И лице горыть, очи блыщать,—зовсимъ якъ покійныкъ Дмитро Семеновычъ,—якъ вылытый; тилько винъ до роботы бувъ дуже прыхыльный.

Вона задумалась навить такъ, що не чула ни гвалту, ни лементу, якый слынылы грачи. Все думкы іи вылыся коло давно уже зныкшого часу, колы вона и покойныкъ были молоди, весели, щасливы и повни надіи на грядущи рокы...

X.

— Хиба теперь [пойдемо до Лагоденкивъ?—спытавъ Суховій Петруся, якъ вони скинчылы граты у карты.

Той сполохнувся, але, щобъ не дати Суховію поводу за дла жартованья и насмишкы, проказавъ:

— Та хто ёго знае; вже нибы и пизно...

— То пусте! Посыдымо тамъ трошки. Та мени такы зъ старымъ Лагоденкомъ треба про де-що побалакаты. Ну-жъ, рупаймо! тилько тры версты, а ничъ буде мисячна...

Петрусь мнявся, нибы ёму зовсимъ не хтилось йихаты.

— Чого це ты гедзькаеся?—сказавъ Мыкола.—Йидь, а то сыдячы отгута, ще, бороны Боже, занедужаеиць.

— Ну, то й пойду. А якъ мени йихаты? Пойду на велосипеди!—ришывъ Петрусь.

Хутиръ Лагоденкивъ бувъ поручъ зъ хуторомъ Куцивъ. Ци два семейства завше были у добримъ прыятельствіи здавна, ще за прадидивъ. Дорижка йшла поміжъ высокымы стинкамы шпеныци, а дали, гонивъ зъ чотыры до хутора, повелась міжъ молодымъ дубовымъ лисомъ. Петрусь на велосипеди обигнавъ Суховія и вкотився у одчыненіи ворота панського двору.

На ганку будынка стояла молода Лагодивна, нибы дождаючи гостей. Це була висока на зристь панна, красыва, повновыда, зъ червонымы, якъ жаръ, губамаы, чорнымы бровамаы, сынымы очыма и роскишнымы волоссямаы. Вона була одягнена въ просту сукню, и ця сукня во всій краси выявляла іи роскишну, якъ у Венеры, постать.

Убачывшы Петруся, вона весело усмихнулась и проказала:

— Ажъ ось и вы.. Насылу такы прыйихалы! Це вже четвертый день, якъ я васъ не бачу. Чы що случылось у васъ на

хутори? Чы може, бороны Боже, хто заслабъ? Якъ ненька по-жывае?

— Та хто ёго знае!—казавъ Петрусь, здоровкаючысь.—Здаеця, нібы у насъ все благополучно...

— Ну, такъ чомъ не прыйизжавъ?.. А це хто йде? Сухо-вій... Ну, то винъ до батька по дилу, а мы, моладі, ходимъ у садъ...

— Про мене, якъ у садъ, то и у садъ...—промовывъ Петрусь, йдучы за Лагодивною и не зводячы очей зъ роскишнои іи постати.

Воны увійшы у бесідку, що стояла такы далеченью одъ будынка. Сонце вже зовсімъ ховалося за горызонтъ, и въ бесідци було темно.

Лагодивна сила на лавци и взяла руки Петруся.

— Ну, теперь кажы, чому не прыйизжавъ ціи дни?

— Та... булы дила!—Петрусь зпустывъ очи до-долу передъ іи палкымъ и гострымъ поглядомъ, котрый нібы пронызувавъ ёго наскрызъ и мовъ чытавъ у ёго души все, що тамъ робылось.

— Яки тамъ теперь у тебе дила? байдыкы мабуть бывъ! кажы по правди?... Я за тобою скучыла, навить хотила було вже сёгодні навидатысь до васъ... Ну, кажы-жъ!

— А.. та не такъ дила, якъ...—заплитаючысь, казавъ Петрусь и почувавъ, якъ ёго нібы хто окропомъ облывавъ; навить ажъ вуха почервонилы.

— Ну, ну! що? якъ?—стыснувшы ёго руки, казала Лагодивна.

— Та... я й самъ не знаю...—тыхо проказавъ Петрусь и подывывся своимы добрымы очыма на Лагодивну.

Та стыха засміялась, пыльно подывылась на ёго своимы чудовымы очыма и ще бльжче схылылась до ёго.

— Господы, яка ты ще дытына! Але жъ яка гарна, мыла, та щыра дытына!.. зовсімъ мале хлопья.—Кажы: бывъ байдыкы?

— Бывъ...—якъ зачарованый одказавъ Петрусь.

— Зъ собакамы за зайцямы та качкамы ганявъ?

— Гавявъ...

— Ну, а... за... за...—Лагодивна одыхнула ёго одъ себе, стала передъ нымъ во весь свій пышный зристь, іи бровы гризно здвинулись, а очи заблыщали.—Ты дывись мени: за зайцями та качками бигай скільки хочь, а якъ тилько почнешь ганятысь за отымы... Ну, та ты и самъ добрѣ знаешь, за кымъ,—то я не знаю, що тоби зробию! чуешь?—Вона посварылась на ёго маленькымъ пальцемъ.—Утямывъ? Ты щыра, проста душа, и про те—дуже збалована...

Петрусь и справди буеъ передъ Лагодивною нибы мала дытына. Винъ, якъ школяръ передъ вчытелемъ, стоявъ спустывшы очи до-долу, переступаючы зъ ноги на ногу.

Побачывшы Петруся у такій пози, Лагодивна осмихнулась, взяла ёго знову за руки и сказала ласкавымъ голосомъ, якъ маты баже своій дытыни:

— Годи—годи, мое сердце! Це-жъ я тилько пожартувала! Бильше не буду... Злякався? думавъ, що розсержусь? Эге? Та подывись мени ў вичи...

— Ой, Галю, не вражай такъ мого сердца!—почавъ винъ трохи збентеженный.—Якъ побачу твои очи, твои вустонькы, почую твою мову, то не знаю, що зо мною робытсья. У мене и паморокы заморочуются, якъ ты отакъ на мене дывышся своими дывными очыма!

Петрусь рванувся до неи, обнявъ за тонкый, ривный, якъ тополя, станъ, прыгорнувъ до себе и почавъ іи цилуваты: и въ вуста, и въ шыйку, и въ волосся. Лагодивна нибы зомлила въ ёго дужыхъ рукахъ; вона одкынула голову и руки; очи блыщали зъ-пидъ спущенныхъ вичъ; вона зблidlла на лыци и почула, нибы у неи сердце перестало бытсья. Дали вона раптово обхопыла руками Петруся за шыю, прытулыла ёго до своихъ грудей и горяче поцилувавши въ ёго губы, одразу одыхнула одъ себе.

— И хто ёго знае, чога ты мени сподобався? Чы твоя врода мене прычарувала, чы твое просте та добре сердце и душа мене зъ розуму зводять—я и сама не знаю... Ну, годи вже, годи... Пора и до будынка,—казала Лагодивна, опраляючы свое волосся и сукню й выходячы зъ бесидкы.

Петрусь бувъ нібы п'яний: вінъ не твердо ступавъ ногами и тяжко дыхавъ: ёму здавалося, що у ёго щось рвется въ грудяхъ и въ голови.

Лагодивна ёго заспокоювала и стыха прывазувала:

— Годи вже... нібы и справи дытна.—Вона взяла ёго пидъ руку и почала полегеньку сипать ёго.

— Що-жъ ты дали нагадавъ робыты, Петрусь? Чы дома зовсімъ зостанешся байдкыкы быть, чы може пидешъ по служби якій-небудь? Я чула, нібы ты хочешъ питы по земству?

— Та про мене, хочъ и по земству... Якъ що ты скажешъ, то я и у гласни згоденъ иты.

— Що—я! Не я буду служыть по земству, а ты... Навсправжкы—чы хочешъ самъ ты, чы ни?

— До мене вже и дома чипляются зъ цимъ диломъ, а сёгодня прычепывся и Суховій,—казавъ, що якъ я хочу, то безпремивно проведе у гласни.

— Ну, то й добре.. Все-жъ такы хочъ ничого не робытмешъ, а про те нібы у дила стоишь. Мій тато та ридня зъ охотою дадутъ тобі свои голосы,—це вже я на себе беру; ридня Суховія тежъ, а у ёго ридни, здається, мало не пивъ-повита.

— Петрусь одразу зареготався и махнувъ рукою.

— Чого це ты?—спытала Лагодивна.

— Ха—ха! и який зъ мене буде гласный? И що я тамъ буду робыты? Суховій казавъ, що буцимъ-то весело тамъ на засиданіяхъ: будемо у карты граты, бенькетувать и де-що инше...—Лагодивна и соби засміялась.

— Та то пусте! Будемъ робыть те, що и други роблять.

— Да вже потимъ побачымо!—одказала вона, прытулюючысь бльжче до ёго и пыльно зазыраючы ёму у вичи.

— То-й побачымо!—безпешно проказавъ Петрусь, ввиходячы у кимнату будынка, де сядылы старый Лагоденко и Суховій.

Прывитавшысь до Петруся, Лагоденко, вже сывый, а про те дужый та мицный чоловикъ, розгладывъ свои роскишни вусы и проказавъ:

— Такъ оце вы, Петро Дмитровичъ, маєте намирєння по земству питы. Що-жъ, вже часъ и пора послужыты обществу... Да и кому-жъ служыты, якъ не такимъ молодымъ людымъ, якъ вы, та ще-й до того такимъ обезпеченымъ... За мною дило не стане, мій голосъ за васъ... Послужыть, та наши интерєсы боровныть, бо старє земство на насъ, помищыкывъ, насило було добре... Дакувать теперешнєму земству (винъ схылывъ трошкы голову у сторону Суховія)—ныбы стало легче... Послужыть, послужыть!

— Ничого, послужыть! Буде зъ ёго добрый гласный, винъ додержыть свой кумпаніи.. Головне дило у кумпаніи спыльній, тоди можна усе робыть, що намъ схочется!—додавъ сміючысь Суховій.

XI.

Мисяць вже высоченько пидбывся, якъ Петрусь пидйхавъ до ворить своеи осели... Чудова ничъ, палки речи и поцилункы Лагодивны, ии ривна, якъ тополя, постать—розпалылы серце Петруся, и винъ почувавъ себе якось ніяково. Винъ зупынився у воротяхъ и подывывеся навкругы... Передъ вымъ була така картына, на котру годи було не задывтыся. Навкругы було тыхотыхо! Ничъ, тепла и ароматычна, ныбы зачарувала усе живе,—ниде а-ни телень! Шыроке поле упыралось у темный лись и блыщало та перелывалось одъ мисячного проминня. Дывлячысь на цю картыну, Петрусь тяжко зитхнувъ и подывывеся на дорогу, що вела до хутора Лагоденкывъ. Сыни выразни очи ныбы глянулы звидтыля на ёго, а изъ тыши ночной почувєся ныбы ии голосъ, що достававъ ажъ до сердца. Винъ ще зглянувъ у ту сторону, зитхнувъ и посунувся у квытныкъ, щобъ звидтыля питы до себе. Але у квытныку винъ зупынився и оглядывся на стороны, а дали прыставывъ велосипєда до стины, махнувъ въ гущыну сада до лыпы, що стояла посередъ саду, якъ здорова башта, спустывшы до самой земли свои внты; де-яки изъ гылякъ врослы у землю и пустылы молоду поросль навкругы лыпы.

— Чы выйшла Оксана?—думавъ Петрусь, тыхо наблыжаючысь до лыпы.

Лыпа була облыта мясячнымъ свитомъ и стояла нібы выкована зъ срибла; ни одынь лыстокъ не стрепенуся: лыпа стояла нібы зачарована.

Петрусь увійшовъ у прыродну бесідку пидъ лыпою и прыдывыся: тамъ не було нікого!

— Не выйшла, капосна дивчына,—думавъ вінъ.—А може сховалася та жде, покы я іи знайду?—И вінъ почавъ усюды прыдывляться, та потыхеньку гукаты.

— Нема!—зъ серцемъ проказавъ вінъ и сивъ на шырокій лавци. Пидъ лыпою воздухъ бувъ теплійшыи и тяжчый, ніжъ на простори, а до того сповненый дуже ароматамы. Петрусь глыбоко дыхавъ и почувъ, що нібы у ёго голова завертилася,—ёго потягло лягты на лавку...

— Не въ биса якъ гарно тут!.. Чы прыйде, чы ни?—думавъ вінъ, дывлячысь, якъ мясячне промяння де-не-де пробывалось міжъ густою лыствою и блыщало на лыстяхъ. Петрусь заплющывъ очи и почавъ прыгадувать Оксану, іи цовпогруду постать, кары очи...—„Не давить-бо такъ... сердце тѣпається!“—Вінъ усмихнувся и потягся усимъ тиломъ, нібы зъ просоння.—А все жъ такы ій далеко до Галя!—думавъ вінъ дали, и передъ ёго очыма несподивано, якъ жыва, встала Лагодивна. Вона сварылася на ёго пальцемъ и гнивно блыщала очыма. Петрусь схопывся зъ лавкы, озырнувся на вси боки и протерь соби очи.—Чы я не заснувъ часомъ? Оце, нібы жывы булы тутъ коло мене! Ажъ излякався!

Вінъ знову протягся на лавци, хотивъ було думать про Оксану, але у ёго очахъ выивылася Галя и знову сварылася пальцемъ.—И звидкиля вона знае, що я жартую зъ дивчатамы? Мабуть пытае у дивчатъ, чы може ій дивчата розказують про мое чипляння? Мабуть, що у всёму вынна Кулына; недурно вона перейшла до пасъ одъ Лагоденкивъ... А такы я злякався, якъ вона почала сварытысь пальцемъ, бо дознається, то беда...

Колы це коло лыпы щось зашелестило, и незабаромъ виты фроздвынулись, и выявилась голова Оксаны. Петрусь схопвся, якъ опеченый, кынувся до неї, нибы тыгръ на свою здобычъ. Не встыгла Оксана, якъ звычайно роблять дивчата на Украини, злякаться, якъ опынылась на рукахъ Петруся, котрый зъ усїеи силы тыснувъ їи до своихъ шырокихъ грудей, забувшы усе на свити, навить и Галю и їи палець...

ХІІ.

Торикъ,—якъ кажуть, по диламъ службы,—прїйшлось мени побуваты у повитовому городи N. Погода була дуже погана: дощъ вже цїлый тыждень лывъ безъ перестанку, нибы ёму и кинця не було. Чорна земля зовсимъ розмякла, и зробылась така грязюка, що йхати дали не можна було ніякымъ побытомъ. До того було и холодно.

Я звелївъ фурманови звернуты у зайиздъ, де завше стававъ, якъ траплялось буваты у цимъ городи.

— А що, свободни номера йе?—спытавъ я коридорного.

— Та одынъ тилько и зостався... Мерщїй займайте.

— А хиба що?

— Та теперь саме земське собранїе, такъ понайхало багато панивъ. Казалы, що ще и сёгодня повинни де-вотори прїйхаты.

Не встыгъ я зробыть по коридору килько крокивъ, якъ двери зъ одного номера одчынылысь и звидтила зъявилась фигура Суховїя, котрого я добре знавъ и зъ котрымъ не разъ доводилось полюваты.

— А, Спырыдонъ Ныкыфоровичу, це вы? Якимъ це витромъ васъ занесло сюды, у наши край!—зарепетувавъ винъ, убачывшы мене и кыдаючысь цилуватысь.

— А у насъ тутъ саме работа,—засиданїя; зибралысь усе свои, це-бъ то наша партїя... Отъ добре, що и вы надїхалы,—бо тута йе винтёры, и на грихъ, якъ кажуть, нема четвертого. Мерщїй роздягайтесь, та до насъ; у насъ и чаю напьетесь и

пойсте. Опанасе!—гукнувъ винъ на коридорного:—мерщій прибирай пана, та веды до насъ! Чуешъ?

— Та чую! Оце вже мени осточортили оци земськи! Нема имъ ни въ день, ни въ ночи спокою... Чыстее горе! Бигаешъ якъ скаженный, то по лавкахъ, то по гласныхъ, то по усихъ усюдахъ...—казавъ Опанасъ, пораючысь коло умывальника.

Трохы прычепурившысь, я увійшовъ у номеръ Суховія. За дымомъ одъ тютюну я спершу ничего не розгледивъ,—тільки чувъ галасъ та регить...

— А, прошу покорно!—почувъ голосъ Суховія.—Тутъ, мабуть, знайдутся де-яки знаёми люде... Панове, рекомендую, прошу любыты и жалуваты; а до того ще й у винта грае!

Въ двохъ кимнатахъ набылося чоловікъ зъ двадцять. Все вони сидили за зелеными столами и грали у карты. На одному столи стоялы пляшкы зъ вынамы та горилкою, коло ихъ усяки закускы... За однимъ столомъ я убачывъ и Петруся. Винъ ще покращавъ и ныб зробився повнищый. Одъ грання у карты лице ёго зовсимъ росчервонилось, и очи блыщали. Винъ весело гукавъ та реготався, ажъ одляскъ йшовъ одъ ёго голоса по кимнатахъ.

Не встыгъ я ще навить до всехъ прыдывытысь, а вже мени тыкалы у руки карту и просылы сидаты за стиль, щобъ золотого, якъ кажуть, часу не втерять.

— Ци уси належать до нашої партіи,—казавъ мени Суховій:—теперь наши у земстви вси...

— А що, засиданія интересни? Яки доклады?—пытаюся.

— А, чортъ-зна що! Такъ соби; у карты зъ кумпаніей краще гратъ, ніжъ сидить тамъ та слухать оту сухоту—про болныци, статыстычне бюро... Пусте!

— А чого це Петро Дмитровичъ тутъ?

— Якъ чого? Аже-жъ винъ гласный, уже два roky... и добрый изъ ёго выйшовъ гласный: за своихъ держытся, якъ ракъ за мясо. Хиба-жъ вы цёго не знали? Та винъ и одружывся до того—и знаете, зъ кымъ? Зъ Лагодивною... знаете? Живка узяла ёго у руки такъ, що винъ повиненъ робить

тільки те, що їй забажається, навіть і по земству. Тамь така бидова та хазяйка, що й сказати не можна. Всю округу приворожила до себе,—не тільки нашого председателя, а навіть справника и предводителя. Ціи двое такъ и не вылазять звидтиля, такъ и трутся коло неї... Петрусеви тилько й воли, що зо мною, особливо тутъ, у городи...—

Тымъ часомъ пидійшовъ до насъ и Петрусь.

— Що-жь тамъ про школы завтра будете балакати?—спытавъ я ёго.

Винъ осмихнувся и махнувъ рукою.

— Пусте,—про передачу земськихъ шкиль духовенству.

— Якъ-же вы й ваши товариши про се удумали?—

— Та якъ? Колы духовенству такъ забажалось взяти пидъ свою руку наши школы, то нехай беруть. Хиба намъ що? Одъ цёго мы ничого не втераемъ, клопоту зъ нымы буде менче... Баба зъ возу, конямъ легче!

Вси зареготались и загомонили.

— Отъ вы кажете, що школы погиршають,—почавъ знову Петрусь!—ну, такъ хто-жь тутъ выненъ? Колы имъ тіи школы мабуть и въ сні снятси, все одно, якъ когови сало... Мы дамо имъ малу субсидію, щобъ одъ ихъ одкараскатысь, а остатни гроши пидуть на що-небудь друге: чы на кинський заводъ, чы богадильню, або що ияче,—казавъ Петрусь, позыраючи на всихъ своимы выразнымы веселымы очыма.

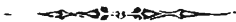
— Правду каже Петро Дмитровычъ!—загомонили де-яки:—на що намъ той клопитъ? Нехай соби беруть, якъ имъ такъ захотилося... Огъ, колы-бъ ще имъ отдагы болныци та богадильни!...

Суховій торкнувъ мене пидъ бикъ и моргнувъ на Петруся.

— А що, чымъ не молодець? Свое дило знае...—

Я бильшь не ставъ роспытывать ихъ про земськи дила...

А. Хатемкинъ.

ПРОБУЖДАЮЩИЙСЯ КРАЙ.

(Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Цѣна 80 к. СПБ. 1900).

Въ текущемъ 1900-мъ году появилась въ продажѣ книга г. Л. Василевскаго „Современная Галиція“, книга, дающая цѣльный образъ этого пробуждающагося края, почему мы находимъ полезнымъ поговорить о ней теперь, когда вновь затронуть въ литературѣ вопросъ о Галиціи, о ея литературномъ языкѣ, и затронуть притомъ безъ всякаго пониманія особенностей этой страны и естественныхъ влеченій ея населенія. Спору нѣтъ „Современная Галиція“ г. Василевскаго преисполнена и фактическихъ ошибокъ, и опечатокъ, спору нѣтъ, что авторъ ея не воспользовался даже всѣми русскими источниками и даетъ поэтому подчасъ сомнительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе въ общемъ книжка оставляетъ въ читателѣ вполне опредѣленный образъ, вѣрный дѣйствительности. И во всякомъ случаѣ подобный цѣльный очеркъ близкой намъ славянской земли—явленіе въ высшей степени желательное въ нашей современной литературѣ.

Цѣль автора показать читателямъ, что уныніе, всегда могущее овладѣть ими, при сравненіи благъ, обрѣтенныхъ великими и богатыми европейскими народами, съ нашими бѣдами, съ нашею лепросищенностью, не имѣетъ основанія существовать, стоитъ только обратить вниманіе на такую бѣдную страну,

какъ Галиція, которая, будучи съ конца шестидесятыхъ годовъ поставлена въ мало мальски сносныя условія существованія, стала въ настоящее время и значительно грамотнѣе, обрѣла и сносную культуру земли своей, обзавелась всякаго рода полезными обществами, въ родѣ земледѣльческихъ кружковъ, развила для обрѣтенія средствъ разныя отрасли промышленности, сперва мало сулившія благъ населенію. Возможенъ подобный успѣхъ для Галиціи, возможенъ онъ слѣдовательно и намъ, и отчаянію по этому нѣтъ мѣста. Въ частности авторъ вспоминаетъ и насъ, южанъ, и говоритъ, что знакомство съ современной Галиціей, родственной южно-русскому племени, необыкновенно полезно, ибо нерѣдко и народъ, и условія жизни у насъ, и у нихъ близко подходятъ одни къ другимъ.

Начинаетъ авторъ съ историческаго очерка прошлыхъ судебъ Галиціи, носящей теперь офиціальное названіе Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освѣцимомъ и Заторомъ. Галиція и Лодомерія это ничто другое, какъ исковерканныя названія древнерусскихъ княжествъ Галича и Владиміра. Великое княжество Краковское, княжество Освѣцимское и Заторское—это польскія земли, которыя, какъ на примѣръ первая, всегда принадлежали Польшѣ, или были присоединены къ ней съ теченіемъ времени, какъ двѣ послѣднихъ. Минуя давнюю исторію Галицкаго княжества и удѣльный періодъ, отмѣтимъ, что въ XIV вѣкѣ оно было присоединено къ польской Рѣчи Посполитой и вело жизнь одинаковую съ другими подвластными Польшѣ землями вплоть до 1772 года, когда, по первому раздѣлу Польши, Галиція была отдана подъ власть Австріи. Не мало претерпѣло за это время русское населеніе Галиціи, находясь сперва подъ польскимъ режимомъ, а затѣмъ подъ австрійскимъ. Австрійское правительство непосредственно послѣ раздѣла Польши напрягало всѣ усилія оцѣмѣчить страну, всѣ чиновники въ ней были нѣмцы, и офиціальнымъ языкомъ считался нѣмецкій; польскій же языкъ былъ устраненъ изъ школъ, судопроизводства и администраціи. Есте-

ственно было, что поляки стали заявлять протесты противъ нѣмецкихъ покушеній правительства, русское же населеніе, подавленное въ своихъ національныхъ стремленіяхъ долгою зависимостью отъ поляковъ, молчало и не подавало признаковъ національнаго протеста; русская интеллигенція начала пробуждаться только съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, да и то на первыхъ порахъ очень слабо. Послѣ 1831 года борьба польскаго населенія съ австрійскимъ правительствомъ принимаетъ все болѣе и болѣе крупныя размѣры, сливаясь съ широкимъ демократическимъ теченіемъ, теперь проявившимся среди поляковъ и стремившимся къ улучшенію быта крестьянъ. Много вліяли въ демократическомъ смыслѣ эмигранты 1831 года изъ Царства Польскаго; у нихъ то прорывались идеи, что поляки только тогда достигнутъ полнаго благополучія, когда простой народъ и крестьянство пойметъ, что они поляки; для пробужденія же національнаго самосознанія среди крестьянъ нужно сдѣлать ихъ полноправными членами націи, вступить на путь широкихъ реформъ, обучить народъ и прежде всего освободить его отъ барщины. Въ 1832 году было основано „Демократическое Общество“ въ Парижѣ, находившееся въ тѣсной связи съ западно-европейскими сообществами подобнаго же характера. Явилось и въ Галиціи общество „Простой польскій народъ“, считающее въ числѣ своихъ членовъ поэтовъ, историковъ, государственныхъ дѣятелей. Многіе члены этого общества скрывались среди крестьянъ по глухимъ горскимъ деревушкамъ, распространяя среди народа національное самосознаніе и подготавливая его къ возстанію противъ австрійскаго правительства. Последнее принялось за противодѣйствіе. Австрійскимъ властямъ удалось напасть на слѣдъ дѣятельности общества среди народа и среди молодежи, что послужило поводомъ къ многочисленнымъ арестамъ и высылкѣ эмигрантовъ изъ предѣловъ Австріи. Не было тогда ни одной семьи среди образованнаго класса Галиціи, которая не имѣла-бы въ числѣ заключенныхъ въ тюрьму хотя бы одного изъ своихъ членовъ. Тѣмъ не менѣе „Демократическое Общество“ подготавливало почву къ всенародному воз-

станію, которое должно было начаться съ уничтоженія барщины и надѣленія крестьянъ землею. Восстаніе должно было вспыхнуть въ ночь съ 21 на 22 февраля 1846 годъ. Начальники волости получили приказъ созывать крестьянъ по волостямъ и объявлять имъ свободу и гражданское равенство, уничтоженіе барщины и всякихъ повинностей, признаніе за крестьянами права собственности на ту землю, которою они подъ какимъ либо видомъ владѣли, и надѣленіе пятью моргенами земли всѣхъ безземельныхъ, которые примуть участіе въ возстаніи противъ Австріи. Тогда Австрійское правительство прибѣгло къ крайней мѣрѣ: оно объявило, что само оно намѣрено уничтожить барщину, и что польскіе помѣщики этому препятствуютъ, бунтуютъ въ расчетъ и впредь угнетать народъ. Крестьяне тарновскаго и бохнянскаго округовъ повѣрили, возстали противъ поляковъ, и число убитыхъ крестьянами помѣщиковъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ. Усмиривъ возстаніе, австрійское правительство принуждено было сдѣлать кое что для крестьянъ, хотя барщины не отмѣнило, а только немного ее упорядочило. Но вотъ наступилъ 1848 годъ, и Галиція, въ слѣдъ за другими странами, вновь заволновалась. Составлена была петиція, требовавшая полной отмѣны барщины и всѣхъ повинностей, оставшихся со временъ крѣпостнаго права, затѣмъ полного политическаго и гражданскаго равенства, самостоятельной провинціальной администраціи, всеобщей политической амнистіи, представительства въ сеймѣ всѣхъ классовъ общества, уничтоженія цензуры, введенія суда присяжныхъ, польскаго языка въ школахъ, судахъ и присутственныхъ мѣстахъ и т. д. Правительство было тогда достаточно слабо и не могло открыто противостать противъ всѣхъ требованій петиціонеровъ. Оно 18 апрѣля 1848 года издало рескриптъ, уничтожающій барщину и другія повинности. Правительство не только прикидывалось искреннимъ другомъ крестьянства и защитникомъ его противъ помѣщиковъ,—оно точно также приняло подъ свою защиту и русиновъ противъ поляковъ, хотя съ другой стороны всѣми силами поддерживало крупныхъ помѣщиковъ противъ мелкихъ, настроенныхъ болѣе демок-

ратически, и противъ городской интеллигенціи, для которой крестьянскіе интересы были въ высшей степени дороги. Затѣмъ всѣ недовольные приняли участіе въ вспыхнувшемъ тогда возстаніи венгерцовъ, и комендантъ Львова Гаммерштейнъ рѣшился бомбардировать свой городъ, причемъ погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, сгорѣла городская ратуша и университетъ съ богатой библіотеккой. Гаммерштейнъ распустилъ всѣ общества политическаго характера, изгналъ эмигрантовъ, заключилъ въ тюрьму многихъ демократовъ и ввелъ осадное положеніе. Галиціи вновь пришлось выдерживать напоръ германизации; но 1848 годъ не прошелъ безъ слѣда: общество воспользовалось пріобрѣтеніями этого года—уничтоженіемъ барщины и расширеніями гражданскихъ правъ населенія. Кой какъ послѣ этого года велась въ странѣ культурная работа. Но совершенно нормально могла страна развиваться только послѣ 1866 г., когда Австрія, потерпѣвъ пораженіе въ войнѣ съ Пруссіей, должна была порвать со всей своей прежней политикой. Австрійское правительство увидѣло уже послѣ 1848 года, что всѣ усилія превратить поляковъ, чеховъ и другихъ славянъ въ нѣмцевъ не привели ни къ чему. Оно поняло, что всякому народу слѣдуетъ дать право развиваться самостоятельно и самому черезъ своихъ представителей рѣшать свою судьбу. Но только послѣ Садовой различные народы Австріи получили возможность распоряжаться своею судьбою самостоятельно. Галиція тогда также воспрянула. Изъ Галиціи стали призываться государственные дѣтели на самые высокіе посты. Министрами Австріи, президентами парламента были назначаемы галиційскіе поляки, нерѣдко даже изъ такихъ, которые въ молодости принимали участіе въ возстаніяхъ противъ Австріи (напр. Дунаевскій, Смолька); полякъ министръ графъ Бадени издалъ законъ о реформѣ избирательнаго права, вводящій въ одной избирательной куріи всеобщую подачу голосовъ; въ послѣднее время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи состоитъ галиційскій полякъ—графъ Голуховскій. Естественно, что при такихъ условіяхъ стала возможна культурная работа

въ Галиціи, гдѣ поляковъ не преслѣдуютъ больше за ихъ національность. языкъ, обычаи и пр.

Прежде, чѣмъ перейти къ начавшемуся въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія возрожденію придавленнаго поляками и вѣмцами русинскаго населенія, мы считаемъ полезнымъ отмѣтить здѣсь, что въ историческомъ очеркѣ г. Василевскаго древній сравнительно періодъ преисполненъ ошибокъ. Во-первыхъ авторъ совсѣмъ пропускаетъ и время княженія въ Галиціи Владимірка, и Ярослава Осмомысла, затѣмъ не упоминаетъ о княженіи Романа Мстиславъевича и сына его Данила Романовича, между тѣмъ въ эти періоды, при княженіи названныхъ князей, Галиція достигла наибольшаго расцвѣта своихъ русскихъ силъ. Затѣмъ авторъ говоритъ, будто съ люблинской уніи (1569 г.) до возстанія Богдана Хмельницкаго весь малорусскій край начинаетъ жить общею жизнью; къ этому времени относятся первыя проявленія южно-русской литературы, писанной на языкѣ, приближающемся къ тому говору, который употребляло малорусское мѣщанство и крестъянство. Между тѣмъ время до Богдана Хмѣльницкаго, отличалось наибольшимъ гнетомъ поляковъ. Мысль же автора, будто казацкія войны нанесли смертельный ударъ проявившемуся въ предшествующую эпоху національному единенію малороссовъ, совсѣмъ не основательна; напротивъ, если что подняло національное самосознаніе, то это именно казацкія войны, и только эти войны ослабили попытку окончательно ополчить край со стороны гораздо ранѣе начавшейся религіозной уніи. Вѣрно только заявленіе авторомъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ Галиція потеряла связь съ другими южно-русскими провинціями. Съ присоединеніемъ же ея къ Австріи она очутилась въ положеніи, совсѣмъ не похожемъ на положеніе остальныхъ частей южной Руси. При западно-европейскихъ условіяхъ политики и культуры, эта часть Руси была окончательно подавлена поляками, ихъ литературой, ихъ языкомъ. Неудивительно поэтому, что даже въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Галиціи не было интеллигентныхъ русиновъ, употребляющихъ

въ обиходѣ другой разговорный языкъ, кромѣ польскаго, а отчасти и нѣмецкаго.

Инстинктивное сознание своего русскаго происхожденія проявилось раньше всего въ средѣ того духовенства, которое ближе стояло къ русинской массѣ и меньше имѣло соприкосновеній съ интеллигентнымъ или якобы интеллигентнымъ польскимъ обществомъ. Духовенство это обратилось къ изданію церковныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но воплѣ чистоты этого языка не придерживалось, примѣняя нерѣдко малорусскія слова и польскія. Начало возрожденія малорусской національности относится къ 1837 году, когда Маркіанъ Шашкевичъ и Головацкій, оба студенты философскаго факультета львовскаго университета, издали сборникъ „*Русалка Днѣстрова*“ въ количествѣ тысячи экземпляровъ. Дѣло въ томъ, что Маркіанъ Шашкевичъ заинтересовался славянскими дѣлами и принялся за изученіе славянскихъ языковъ. Онъ познакомился съ сочиненіями Шафарика, Линде, Раковицкаго, Караджича, а также съ нѣкоторыми руско-украинскими изданіями, какъ напримѣръ „Малорусскія народныя пѣсни“ Максимовича, „Грамматика малорусскаго языка“ Павловскаго и „Энеида“ Котляревскаго. Изучая славянство, Шашкевичъ видѣлъ, какъ народность, которая уже всѣми считалась давно погибшею, неожиданно возрождалась и съ видимымъ успѣхомъ боролась за свои національныя права, и вотъ у него явилась мысль, что если бы галицкіе русины захотѣли идти по слѣдамъ чеховъ или хорватовъ, то они, пожалуй, достигли бы не меньшихъ результатовъ и вскорѣ заняли бы подобающее имъ мѣсто среди остальныхъ славянъ. Такъ какъ въ то время почти единственными представителями русинской народности въ Галиціи были крестьяне, то Шашкевичъ рѣшилъ, что дѣло національнаго возрожденія нужно начать съ образованія темныхъ народныхъ массъ. Подъ вліяніемъ же сочиненій украинцевъ Шашкевичъ пришелъ къ убѣжденію, что народу нужно дать образованіе не на церковно-славянскомъ или польскомъ, а на единственно-понятномъ ему народномъ малорусскомъ языкѣ. Такое убѣжденіе воплѣ понятно въ галичанинѣ, предки

котораго съ XIV вѣка были отрѣшены отъ другихъ русскихъ славянъ, имѣвшихъ уже свой литературный языкъ, образованный на основѣ великороссійскаго нарѣчія; только разработка своего вѣдомаго малорусскаго нарѣчія и была мыслью для Шашкевича и Головацкаго въ моментъ появленія ихъ „Русалки Днѣстровой“. Прекрасные образцы украинскаго языка въ сочиненіяхъ, доходившихъ къ нимъ изъ Россіи, еще больше окрыляли ихъ мысль о возрожденіи русинской народности, подобномъ возрожденію чеховъ, хорватовъ. „Русалка Днѣстрова“, явившаяся на малорусскомъ языкѣ, наполовину заключала въ себѣ народныя пѣсни, наполовину стихи Шашкевича и его пріятелей. Содержаніе стиховъ было самое невинное, и тѣмъ не менѣе „Русалка“ встрѣтила препятствіе къ выходу. У Шашкевича былъ даже обыскъ, и ему стоило довольно много усилій, чтобы оправдаться передъ полиціей и консисторіей. Когда консисторія, которой былъ подвластенъ Шашкевичъ, какъ священникъ, рѣшила, что въ обысканномъ помѣщеніи нѣтъ ничего преступнаго, Шашкевичъ тогда вмѣстѣ съ Головацкимъ рѣшилъ, что дѣло съ изданіемъ „Русалки Днѣстровой“ надо довести до конца. Головацкій полагалъ, что это удастся осуществить въ Пештѣ, гдѣ онъ короткое время былъ въ университетѣ. Дѣйствительно Пештская цензура дозволила въ 1837 году издать представленную Шашкевичемъ рукопись. Но не въ добрый часъ появилась „Русалка“. Какъ разъ въ это время во Львовѣ былъ открытъ заговоръ, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые члены кружка Шашкевича, сотрудники „Русалки“. Заговоръ былъ затѣянъ по иниціативѣ Польскаго „Демократическаго Общества“, и хотя русины большого активнаго участія въ немъ не принимали, тѣмъ не менѣе сотрудники „Русалки“ были арестованы и заключены въ крѣпость. Такимъ образомъ не дешево обошлось желаніе писать на простомъ малорусскомъ языкѣ, обозванномъ поляками и австрійскимъ правительствомъ языкомъ „хлоповъ“. Очевидно, полякамъ остался не разрѣшеннымъ вопросъ, поставленный Шашкевичемъ своимъ соотчичамъ въ небольшомъ его стихотвореніи, которое считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь:

Руська маты насъ родыла,
 Руська маты насъ новыла,
 Руська маты насъ любыла,—
 Чому жъ мова їй не мыла?
 Чомъ стыдатысь їи маемъ?
 Чомъ чужую полюблямъ?

Привялись одновременно русины, по убѣжденію Шашкевича, говорить и проповѣди въ церквахъ на родномъ языкѣ. Но насколько трудно было ввести родной языкъ въ церкви—это видно было по началу. Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи, давшихъ слово произносить проповѣди по малорусски, приготовилъ малорусскую проповѣдь для произнесенія ея въ одной изъ львовскихъ церквей. Взошелъ онъ на амвонъ, прочиталъ славянскій текстъ и евангеліе и уже хотѣлъ начать проповѣдь, но, увидѣвъ передъ собою интеллигентную публику, смутился такъ, что не могъ произнести ни одного слова по малорусски и сталъ, путаясь и сбиваясь, переводить по тетрадкѣ проповѣдь на польскій языкъ. Но впоследствии Шашкевичъ вмѣстѣ съ двумя товарищами держалъ малорусскую проповѣдь въ трехъ львовскихъ церквахъ. Съ тѣхъ поръ народный языкъ сталъ все чаще и чаще раздаваться съ амвоновъ какъ сельскихъ, такъ и городскихъ униатскихъ церквей. Но послѣ конфискаціи „Русалки“ послѣдовалъ разгромъ всего кружка Шашкевича, и онъ самъ въ 1843 году скончался на тридцать второмъ году жизни, измученный и изломанный непрекращающейся травлей.

Такая мученическая жизнь постигла первыхъ возродителей своей малорусской рѣчи въ Галиціи. Не мало также страданій испытали изъ за той же идеи и дальнѣйшіе борцы на томъ же поприщѣ. Но они не оставляли мысли образовать свой языкъ. Вѣроятно, идея эта не бѣжится токою ужасающею въ странахъ не славянскихъ. Въ Германіи, напримѣръ, какъ извѣстно, два главныхъ нарѣчій, hochdeutsch и plattdeutsch., имѣли не одинаковую судьбу. Hochdeutsch послужилъ основой для образованія литературнаго языка Лютеромъ и другими его послѣдователями, plattdeutsch оставаясь литературно не обработаннымъ и имѣлъ

только свою мѣстную литературу, правда прекрасную, но все-же мѣстную. Затѣмъ голандцы, владѣвшіе plattdeutsch'омъ, образовали изъ него литературный языкъ свой, ставшій называться голландскимъ. Никто не кричитъ по этому поводу, что совершается подламываніе основъ филологической науки, никто, даже нѣмцы. Только въ славянскомъ мірѣ возможно было подымать изъ за литературнаго языка цѣлую бучу. Сперва казалось такъ естественно заговорить галицкимъ русинамъ по польски, теперь считаютъ бессмыслицей заведеніе имъ своего языка, когда возможно гиличанамъ и украинцамъ говорить на російскомъ языкѣ. Легко такимъ способомъ рѣшать эти вопросы въ кабинетахъ ученыхъ, но не такъ стоитъ дѣло въ жизни.

Послѣ разгрома кружка Шашкевича снова наступило затишье, продолжавшееся вплоть до конца сороковыхъ годовъ. Въ это время всецѣло направляетъ литературу галицкую св. Юрь, т. е. монастырь въ Львовѣ, мѣсто пребыванія униатскаго митрополита, и, конечно, онъ поддерживалъ изданія на церковно-славянскомъ языкѣ. Наступилъ 1848 годъ. Въ Галиціи раньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Австріи, было объявлено объ отмѣнѣ барщины. Графъ Стадіонъ, губернаторъ Галиціи, рѣшилъ, что австрійскому правительству гораздо выгоднѣе дать русинамъ то, чего они въ ближайшемъ будущемъ сумѣютъ добиться собственными силами. Какъ дальновидный политикъ, Стадіонъ рѣшилъ опереться въ Галиціи на русинскій элементъ, противопоставивъ его не надежнымъ въ политическомъ отношеніи полякамъ. По его почину была созвана въ Львовѣ „Головна рада руска“ представителей русинскаго народа. Съѣхалось болѣе трехсотъ русиновъ, преимущественно священниковъ, которые должны были выработать политическую программу для Галицкой руси. Эти представители заявили, что галицкіе русины принадлежатъ къ пятнадцатимилліонному малорусскому племени, отдѣльному и отъ поляковъ, и отъ русскихъ. Они заявили, что цѣлью ихъ будетъ возрожденіе русинской національности и обезпеченіе данныхъ ей правительствомъ правъ. Первымъ средствомъ къ достиженію этого Головна рада считаетъ сохраненіе греко-ка-

толической вѣры и уравненіе упіатского духовенства съ правами священниковъ другихъ обрядовъ. Затѣмъ Головна рада рѣшила стараться ввести народный языкъ во всѣ школы и стремиться къ тому, чтобы языкъ русиновъ былъ признанъ въ Восточной Галиціи оффиціальнымъ. Въ Львовѣ появилась первая русинская газета „Заря Галицка“, которая стала органомъ Головной рады. Чтобы и другіе славяне знали о стремленіяхъ галицкихъ русиновъ, Головна рада послала на славянской сѣздъ въ Прагу трехъ уполномоченныхъ. О просвѣщеніи крестьянъ и вообще галицкихъ русиновъ Головна рада не особенно торопилась заботиться. Она рѣшила сперва создать въ Львовѣ разныя просвѣдительныя общества, задачей которыхъ было бы развитіе русинской литературы. Въ Львовѣ собрался между прочимъ сѣздъ русинскихъ ученыхъ, которые выработали планъ литературной дѣятельности русиновъ. Они признали прежде всего, что галицко-русинская литература должна развиваться на народномъ языкѣ, хотя нѣкоторые изъ членовъ сѣзда склонялись къ мнѣнію, что для этой цѣли самымъ подходящимъ языкомъ былъ бы церковно-славянской. Въ виду мнѣнія большинства сѣзда рѣшено было попереводить на малорусскій языкъ молитвенники, а также издать переводъ законовъ и составить учебники по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Сѣздъ основалъ для веденія подобныхъ дѣлъ общество народнаго просвѣщенія, которое вскорѣ получило названіе „Галицко-русской Матыци“. Матыця издала на первыхъ же порахъ „Читанку“ для дѣтей, и на этомъ закончилась ея дѣятельность. Былъ еще основанъ главной радой „Народный домъ“, который долженъ былъ вмѣщать библіотеку, типографію, музей, книжный магазинъ, залъ для собраній и сцену для театральныхъ представленій. Учрежденіе „Народнаго дома“ было послѣднимъ дѣломъ Главной рады; въ 1851 г. она прекратила свои засѣданія и распалась. Головна рада, при хорошихъ цѣляхъ, на дѣлѣ поддерживала интересы только духовенства, а не крестьянъ; поэтому крестьяне скоро отвернулись отъ нея. Головна рада рассчитывала на продолжительную поддержку ея австрійскимъ правительствомъ, и эта поддержка была до тѣхъ

поръ, пока правительство паходило въ русинахъ своего союзника, но потомъ, примирившись съ поляками, въ такой поддержкѣ оно не чувствовало надобности. Исчезла Головна рада, и въ Галиціи снова получили преобладаніе поляки.

Наступило опять затишье для русиновъ, длившееся до начала шестидесятихъ годовъ. Въ это время въ которое движеніе проявили галицкіе русины по поводу "оваго правописанія, выдуманнаго для малороссовъ секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія чехомъ Иречекомъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ дружную оппозицію—и прежнее правописаніе было спасено.

Послѣ неудачной для Австріи италянкой кампаніи, въ Львовѣ былъ возстановленъ сеймъ (1861 г.), а изъ Россіи стали проникать въ Галицію сочиненія украинскихъ писателей. Но открытіе сейма не особенно оживило русинскую интеллигенцію. Затѣмъ послѣдовало и дальнѣйшее развитіе правъ русиновъ: они получили право являться депутатами въ рейхсратъ общеавстрійскій. Но и въ рейхсратѣ они не имѣли большого значенія и предпочитали добиваться чего-нибудь отъ правительства не путемъ конституціонной борьбы, а путемъ непосредственныхъ просьбъ къ министерству, на которые обыкновенно слѣдовалъ отъ правительства вѣжливый отказъ. Гораздо больше вліянія оказывала на русиновъ та украинская литература, которая проникла въ Галицію изъ Россіи. Вскорѣ послѣ 1861 года появилась въ Львовѣ поэма Т. Г. Шевченка „Гайдамаки“. Ею зачитывались студенты и распространяли въ большомъ количествѣ въ переписанныхъ экземплярахъ въ народѣ. Тогда явно склонилось большинство галицкой интеллигенціи къ языку малорусскому и оставило церковно-славянскій. Газета „Слово“ стала тогда украинофильскимъ органомъ и перепечатывала статьи изъ „Основы“. Но этотъ украинофильскій органъ все же продолжалъ печатать статьи галицкою смѣсью церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ съ придачей словъ польскихъ и вѣмецкихъ. Тогда молодежь стала издавать болѣе украинофильскія газеты: „Вечерницы“, „Мегу“, „Ниву“. „Народный домъ“ тогда же основываетъ первую читальню.

Неудачная война Австріи съ Пруссіей въ 1866 году въ значительной степени ослабили первую. Снова и венгры, и поляки подняли головы, и правительство пошло имъ на уступки. Поляки получили „краевой школьный совѣтъ“, во всей Галиціи языкъ польскій сдѣлался официальнымъ. Русиновъ же австрійское правительство оставило не при чемъ. Между русинами тогда начали распространяться слухи, будто вскорѣ Россія овладѣтъ Галиціей. Святоюрцы поэтому открыто стали высказываться за одинъ тождественный съ Россіей литературный языкъ для Галиціи, и одинъ изъ нихъ Б. Дѣдицкій, недавно еще украинофилъ, издалъ брошюру: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по великоруски“. Такое заявленіе однако не мѣшало ему во всѣхъ своихъ произведеніяхъ употреблять невѣроятный жаргонъ, ничего общаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ не имѣющій. Но ничего существеннаго до предполагаемаго прихода русскихъ войскъ святоюрцы не дѣлали. Украинофилы же, числившіе въ своей средѣ не мало молодежи, продолжали открыто работать для народа, и въ 1868 году основали общество для изданія народныхъ книжекъ „Просвита“, которое имѣетъ не малое значеніе въ исторіи просвѣщенія въ Галиціи. Много книжекъ для чтенія крестьянамъ было имъ издано, изданы были имъ же и учебники гимназическаго курса. Явился и у святоюрцевъ дѣятель, искренно сперва относившійся къ русинскому народу. Это—Иванъ Наумовичъ, сперва полонофилъ, потомъ украинофилъ и наконецъ москалефилъ. Онъ издавалъ газеты „Русску Раду“, а потомъ „Науку“ и въ газетахъ этихъ помѣщалъ статьи свои для крестьянъ. Онъ же повсюду открывалъ читальни для народа, и такихъ читалень открылось до 150. Въ качествѣ святоюрца онъ пожелалъ для противовѣса народовой „Просвитѣ“ имѣть свое издательское общество и, на капиталъ, завѣщанный старорусинской партіи умершимъ въ 1873 г. галичаниномъ Михаиломъ Качковскимъ, устроилъ „Общество Качковскаго“, которое сразу привлекло къ себѣ нѣсколько тысячъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе скоро вліяніе святоюрцевъ стало ослабѣвать, крестьяне охладили къ его начинаніямъ, и, вѣроятно, не малую долю вліянія

въ этомъ смыслѣ оказало то „язычіе“, на которомъ святоюрцы писали свои книги и на которомъ не говоритъ ни одинъ народъ. Мелвія пререканія, которыми въ свою очередь заняты были украинофилы, заставили охладѣть къ нимъ прежнихъ ихъ послѣдователей. Въ это время особенно поддерживался споръ о малорусскомъ правописаніи: святоюрцы стояли за этимологическую правопись, украинофилы за кулишивку, т. е. правопись фонетическую; къ главному спору примѣпивались еще вопросы о кулишивкѣ и о Максимовичевскомъ правописаніи съ сохраненіемъ *n*, о съ дашками (^) въ значеніи *i*.

Тогда подъ вліяніемъ извѣстнаго дѣятеля Драгоманова начала проявляться партія искренно преданная русинскому народу и отстаивавшая его интересы. Иванъ Франко и Михаилъ Павликъ являются сперва издателями „Громадського Друга“, а впослѣдствіи газеты для интеллигенціи „Народъ“ и для крестьянъ „Хлиборобъ.“ Кромѣ того, имъ же принадлежитъ изданіе „научно-литературной бібліотеки.“ Въ настоящее время русинская крестьянская партія выдвигается все больше и больше на первый планъ, пріобрѣтаетъ все новыхъ сторонниковъ среди людей изъ образованнаго класса.

Значительную поддержку партіи, прибавимъ отъ себя, даетъ „Наукове Товариство імени Шевченка“ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ воспитанникъ Кіевскаго университета М. С. Грушевскій. „Записки Наукового Товариства імени Шевченка“ въ его рукахъ оказались высокоцѣннымъ научнымъ изданіемъ, необходимымъ для ознакомленія съ прошлымъ Галиціи. Параллельно ему выходитъ уже три года „Літературно-Науковий Вістникъ,“ подъ ред. Грушевского, І. Франка и В. Гнатюка, журналъ по содержанію близко подходящій къ лучшимъ изданіямъ европейскимъ. Особенно много его успѣху способствуетъ участіе Ивана Франка, помѣщающаго тамъ свои цѣнныя беллетристическія произведенія и не менѣе цѣнныя научныя статьи.

Вотъ съ какимъ трудомъ совершилось возрожденіе галичанъ и вотъ какихъ результатовъ пока что они достигли. Не-

сомнѣнно еще большаго добьются они въ будущемъ при столь-же упорномъ трудѣ.

Наравнѣ съ историческимъ краткимъ очеркомъ Галиціи интересны въ книгѣ г. Василевскаго и другія данныя. Онъ указываетъ, что Западная Галиція, лежащая въ бассейнѣ Вислы, отдѣляется отъ Восточной рѣкою Сяномъ, впадающей въ Вислу, и представляетъ страну, заселенную Поляками; Восточная же Галиція расположена въ бассейнѣ Днѣстра и отчасти Прута и заселена Русинами. Всего населенія въ этой провинціи Австріи имѣется по переписи 1890 года 6607816 человекъ, а теперь, вѣроятно, уже 7000000. Это населеніе почти поровну распадается на Западную и Восточную части страны. Населеніе Западной составляютъ слѣдующія польскія племена: 1) подгалеяне, населяющіе гористую мѣстность Подгале, тянущуюся до притока Вислы Дунайца и 2) хробаты и мазуры, жители низменной части Западной Галиціи, между которыми особенно выдѣляются краковяне. Населеніе Восточной Галиціи составляютъ русскія племена; одни изъ нихъ горцы, другіе—подоляне. Горцы извѣстны подъ именемъ лемковъ, бойковъ, тухольцевъ, полонинцевъ и гуцуловъ. Авторъ характеризуетъ только лемковъ, бойковъ и гуцуловъ; о тухольцахъ и полонинцахъ совершенно умалчиваетъ. Русинское крестьянство говоритъ на малорусскомъ языкѣ, на томъ-же нарѣчій, которое употребляетъ малорусское населеніе Юго-Западнаго края Россіи.

Интересны нѣкоторыя бытовыя черты, приводимыя авторомъ о гуцулахъ. Високорослые, статные, хорошо сложенные, съ черными глазами, смуглыми лицами и черными какъ смоль волосами, гуцулы напоминаютъ скорѣе сербовъ или вообще жителей Балканскаго полуострова, нежели русиновъ. Въ прежнее время среди гуцуловъ было сильно распространено разбойничество. Близость румынской границы и Венгріи способствовала его развитію. Разбойничество было чѣмъ-то въ высшей степени почетнымъ, и парень, который не участвовалъ-бы по крайней

мѣрѣ въ двухъ-трехъ разбойничьихъ предпріятіяхъ, не могъ разсчитыватъ на любовь красивой, богатой дѣвушки изъ своего села. Обыкновенно парни, лѣтъ 18—20, соединялись въ шайки, выбирали себѣ атамана и отправлялись на свой промыселъ, иногда довольно далеко. Они нападали на помѣщичьи усадьбы, на купцовъ, везущихъ товаръ, и возвращались домой съ добычей. Многіе изъ нихъ пробирались въ Балканскія горы, гдѣ они соединялись съ сербскими и болгарскими гайдуками и вмѣстѣ съ этими послѣдними грабили и рѣзали турокъ. Привлекала ихъ къ такимъ походамъ не столько добыча, сколько свободная, независимая жизнь въ горахъ, веселыя пирушки, возможность показать свою молодецкую удаль. Послѣ двухъ-трехъ-лѣтняго занятія разбойничествомъ, гуцулъ возвращался въ свое село, женился и становился примѣрнымъ „честнымъ“, трудолюбивымъ хозяиномъ. Разбойники-гуцулы, называемые „опрышками“, представляются въ народныхъ пѣсняхъ чѣмъ-то сказочно-геройскимъ. Они грабятъ богатыхъ, бѣднымъ же помогаютъ и нерѣдко выручаютъ ихъ изъ бѣды.

Интересно еще особое званіе у гуцуловъ „диды“. „Диды“—это просто нищіе, которые по сумеркамъ собираются на папертяхъ церкви. Но не слѣдуетъ думать, что эти нищіе дѣйствительно нуждаются. Совершенно напротивъ. Дидовскія семьи—это самыя зажиточныя гуцульскія семьи, и ни одна дѣвушка не имѣетъ столько червонцевъ въ своемъ намыстѣ, сколько дочь диды. Въ гуцульской пѣснѣ такая дѣвушка поетъ:

„А я роду не простого,
А я роду дидивського...“

Диды пользуются большимъ почетомъ среди односельчанъ. Диды—это слѣпцы, поющіе по ярмаркамъ мірскія и духовныя пѣсни. Занятіе диды переходитъ по наслѣдству, и старшій сынъ диды подвергается ослѣпленію.

Гуцулы больше пастухи, рѣже земледѣльцы, такъ какъ земля въ ихъ горахъ плохо родитъ хлѣбъ; они славятся еще издѣліями изъ мѣди, глины и дерева.

Къ сожалѣнію подобнаго описанія ни лемковъ, ни бойковъ, а тѣмъ болѣе тухольцевъ и полонинцевъ мы въ книгѣ г. Василевскаго не встрѣчаемъ.

Что до экономическаго положенія обѣихъ половинъ Галиціи, то населеніе ея не можетъ прокормиться отъ земледѣльческой промышленности. 6000000 моргеновъ земли находятся во владѣніи крестьянъ, и теперь на человѣка, вслѣдствіе дробленія земли при наслѣдствѣ, приходится не больше двухъ моргеновъ, что, конечно, крайне мало. Остальное на прожитіе крестьянамъ приходится добывать изъ промысловъ, въкоторыя же выселяются большими партіями въ Америку. Съ 1882 года были заведены земледѣльческіе кружки, стремившіеся къ улучшенію печальнаго хозяйственнаго положенія народа. Общество земледѣльческихъ кружковъ задалось цѣлью поднять уровень благосостоянія, просвѣщенія и нравственности народныхъ массъ. Оно основываетъ въ Галиціи земледѣльческіе кружки съ намѣреніемъ распространить между народомъ свѣдѣнія, касающіяся земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Всячески старается Общество доставлять за деньги членамъ кружковъ хорошія сѣмена, машины, земледѣльческія орудія; устраиваетъ земледѣльческія и промышленныя выставки, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьяне; основываетъ читальни, бібліотеки, сберегательныя кассы, кассы ссудъ, промышленно-торговныя общества и лавки, въ которыхъ крестьянинъ можетъ получить все для него необходимое, при чемъ продажа спиртныхъ напитковъ совершенно устранена. Такіе земледѣльческіе кружки существуютъ по всей Галиціи, но преимущественно они распространены въ польской ея части. Вполнѣ бѣдности крестьянской они однако не устранили, какъ пріостекающей вслѣдствіе плохой почвы въ Галиціи.

Поневоля приходится населенію изыскивать другія средства для существованія, кромѣ земледѣлія. Добывается въ Галиціи соль въ большомъ количествѣ; знамениты залежи ея въ Западной Галиціи въ Величкѣ и Бохніи. Сверхъ того добывается еще нефть и озокеритъ (горный воскъ). Залежи озокер-

рита были открыты въ Бориславѣ, описанномъ такъ мастерски г. Франкомъ. Близъ Кракова добывается еще цинковая руда. Соли, нефти, озокериту, цинку вывозится, по словамъ Василевскаго, на 5 милліоновъ гульденовъ больше, чѣмъ ввозится. Даютъ кой-какія средства къ жизни и развивающіеся въ послѣднее время нѣкоторые крестьянскіе кустарные промыслы. Явилась на свѣтъ „мѣстная коммиссія для промышленныхъ дѣлъ“, которая взяла подъ свое покровительство эти кустарные промыслы. Явились школы для ткачей, и въ городѣ Кроснѣ, средоточіи мелкой ткацкой промышленности, возникла высшая ткацкая школа, въ которой обучаются самые способные ткачи. Ткацкія издѣлія Галиціи теперь нерѣдко вывозятся за-границу. Благодаря „мѣстной коммиссіи для промышленныхъ дѣлъ“ въ Восточной Галиціи открылись школы для вящшаго обученія изготовителей „кылимовъ“, и теперь эти кылимы могутъ спорить по красотѣ съ лучшими восточными коврами. Когда стало замѣчаться постепенное замираніе этой промышленности, галиційскій помѣщикъ Федоровичъ завелъ въ своемъ селѣ Окнѣ специальную школу, въ которой ученики-крестьяне стали учиться фабриковать кылимы подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ съ точнымъ сохраненіемъ прежнихъ узоровъ. Такимъ-же путемъ поднялось кустарное производство изъ дерева—утвари, алтарей, боронъ, саней, возовъ, тарантасовъ. Далѣе поднялось и гончарное производство; гончарскія школы существуютъ въ Коломыѣ, Товстомъ, Порембѣ. Средствами, добываемыми этими промыслами, отчасти пропитывается мѣстное населеніе.

Что до управленія Галиціей, то самой высшей властью въ ней, независимой отъ центрального правительства въ Вѣнѣ, является сеймъ, засѣдающій въ Львовѣ, избираемый всѣмъ населеніемъ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ общества—рабочихъ и безземельныхъ крестьянъ. Сеймъ состоитъ изъ 150 членовъ, избираемыхъ на пять лѣтъ. Изъ среды сейма выбирается на шесть лѣтъ такъ называемое „Земское Управленіе“ (Wydział krajowy), состоящее изъ шести членовъ и шести ихъ замѣстителей. Это „Земское Управленіе“ занимается школьными

дѣлами, богоугодными заведеніями, общественными работами, мѣстными галицкими финансами и финансами общинъ. Во главѣ сейма и „Земскаго Управленія“ стоитъ провинціальный маршалъ, который назначается императоромъ изъ среды депутатовъ сейма. Какъ часть австрійской имперіи, Галиція вліяетъ на дѣла всего государства черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ она посылаетъ въ вѣнскій парламентъ. Представителемъ австрійскаго императора въ Галиціи является назначаемый императоромъ намѣстникъ, постоянно пребывающій въ Львовѣ. Намѣстникъ не присылается изъ Вѣны, а назначается изъ галичанъ. До сихъ поръ всѣ галицкіе намѣстники были поляки. Намѣстникъ сносится непосредственно съ императоромъ по всѣмъ дѣламъ, находящимся въ его вѣдѣніи, и передъ лицомъ галицкаго населенія является выразителемъ воли императора.

Что касается народнаго образованія, то Галиція съ 1867 года стала самостоятельно давать ему свое направленіе. Онѣмечиваніе посредствомъ школы исчезло, и законъ 22 іюня 1867 года ввелъ повсюду преподаваніе на мѣстномъ языкѣ: тамъ, гдѣ населеніе польское,—на польскомъ, тамъ-же, гдѣ населеніе русинское,—на малорусскомъ. Вскорѣ послѣдовало императорское распоряженіе объ учрежденіи въ Галиціи „Мѣстнаго Школьнаго Совѣта“, въ вѣдѣніе котораго должны были перейти всѣ высшія и среднія учебныя заведенія Галиціи. Только высшія учебныя заведенія, университетъ и политехникумъ, не зависѣли отъ Школьнаго Совѣта и подчинялись министерству народнаго просвѣщенія, пребывающему въ Вѣнѣ. Школьный Совѣтъ игралъ въ Галиціи и теперь играетъ роль самостоятельнаго министерства. Съ трудомъ онъ собралъ свѣдѣнія о постановкѣ школьнаго дѣла въ подвѣдомственномъ ему районѣ, и въ 1873 году въ Галиціи было не на бумагѣ только, а на дѣлѣ 2362 школы, потомъ въ 1893 г.—3812. Число школъ постепенно растетъ и теперь. вмѣстѣ съ ростомъ школъ идетъ и увеличеніе числа обучающихся въ школахъ дѣтей. Въ 1893 году ихъ было уже 563509. Число безграмотныхъ въ войскѣ также постепенно уменьшается, и есть не мало ору-

говъ въ Галиціи, гдѣ на представляемыхъ рекрутъ число безграмотныхъ не превышаетъ 10—12%. Распространенію школъ въ Галиціи особенно содѣйствуетъ „Общество народной школы,“ основанное въ 1892 г. Открываетъ оно школы преимущественно въ Западной Галиціи, но не оставляетъ своимъ вниманіемъ и Восточной. Какъ „Общество“ польское, оно ревностно слѣдитъ за сохраненіемъ польской народности на крайнемъ Западѣ Галиціи. Въ г. Бялѣ нѣмецкій „шультферейнъ“ завелъ нѣмецкія школы и явно онѣмечивалъ мѣстное населеніе; „Общество“ ревностно противоодѣйствовало такой его дѣятельности, съ большимъ трудомъ открыло въ Бялѣ польскую школу и обезпечило такимъ образомъ сохраненіе мѣстнымъ населеніемъ польской народности. Сверхъ того, явилось еще въ 1867 г. и „Общество народнаго просвѣщенія,“ задавшееся цѣлью покрыть Галицію народными читальнями, но „Общество“ это вскорѣ прекратило свое существованіе, не поддержанное въ своей дѣятельности ни народомъ, ни интеллигенціею. Но въ восьмидесятихъ годахъ одновременно явились многія общества для распространенія народнаго просвѣщенія путемъ читаленъ, газетъ, книгъ для народнаго чтенія. Въ настоящее время одна Западная Галиція обладаетъ 1200 читаленъ. Читаленъ довольно и въ Восточной Галиціи, на которую польское общество меньше обращаетъ вниманія, своя же малорусская интеллигенція пока еще слаба для этого. Но усиліями послѣдней во всякомъ случаѣ открыто нѣсколько русинскихъ гимназій, напр. во Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, и нѣсколько параллельныхъ малорусскихъ отдѣленій къ гимназіямъ польскихъ въ предѣлахъ Восточной Галиціи. Ея же усиліями появилось нѣсколько народныхъ газетъ, какъ „Хлѣбороб,“ „Батькобщина.“ Къ сожалѣнію нашъ авторъ не упоминаетъ о существованіи въ Галиціи малорусскихъ гимназій. У него также вскользь упомянуто только о существованіи во львовскомъ университетѣ нѣсколькихъ кафедръ на малорусскомъ языкѣ.

Касается авторъ и еврейскаго населенія Галиціи. Евреи держатъ тамъ корчмы и мелочныя лавки, занимаются продажей

всего того, что крестьянину нужно въ повседневной жизни, и покупкой продуктовъ крестьянскаго хозяйства. Они-же ссужаютъ неповоротливаго и мало предприимчиваго крестьянина деньгами за немовѣрные проценты, такъ что въ концѣ концовъ и земля крестьянина переходитъ къ евреямъ. Еврейскихъ ремесленниковъ въ русинскихъ селахъ очень немного. Всего евреевъ въ Галиціи живетъ около 12% общаго количества населенія, болѣе 800000, по показаніямъ г. Василевскаго. Вся еврейская масса мелкихъ городовъ и деревень принадлежитъ къ хасидской сектѣ іудейскаго вѣроисповѣданія, отличающейся крайнимъ фанатизмомъ и невыразимымъ отвращеніемъ къ просвѣщенію. Но отвращеніе она питаетъ къ европейскому просвѣщенію, а не къ своему еврейскому. Каждый еврей посылаетъ своихъ дѣтей въ спеціально-еврейскую вѣроисповѣдную школу, такъ называемый хедеръ, гдѣ кромѣ религіознаго фанатизма ребенокъ ничего не получаетъ; всѣ эти хедеры помѣщаются въ жалкихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ комнатахъ. Раввины ихъ пользуются громаднымъ вліяніемъ и слывутъ нерѣдко чудотворцами. Но есть и просвѣщенные евреи, имѣющіе просвѣщенныхъ раввиновъ. Въ настоящее время появился среди евреевъ сіонизмъ, проповѣдывающій переселеніе евреевъ въ Палестину, мѣсто ихъ первоначальной осѣлости. Сіонизмъ явился въ противовѣсъ антисемитизму, грубому выраженію ненависти къ евреямъ, какъ евреямъ. Сіонисты думали было выступить открыто на политическомъ поприщѣ, но увидя, что они для этого еще слишкомъ слабы, рѣшили ограничиться культурной дѣятельностью по поднятію просвѣщенія и нравственности евреевъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что квиэца г. Василевскаго, трактующая обо всѣхъ перечисленныхъ вопросахъ, весьма интересна сама по себѣ. Очень жаль, что авторъ значительно больше вниманія посвящаетъ полякамъ, чѣмъ русинамъ; онъ только вскользь касается тѣхъ крайнихъ несправед-

ливостей, которая терпять русины от поляковъ. И во всей книжкѣ свѣдѣнія, собранныя авторомъ о Западной Галиціи польской, какъ-будто относятся и къ Восточной, русинской; между тѣмъ это далеко не такъ. Жаль также, что у автора совсѣмъ отсутствуютъ ссылки на источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свои свѣдѣнія; между тѣмъ это значительно усилило бы достовѣрность его сообщеній. Неприятна также и вѣкторая неточность сообщаемыхъ свѣдѣній, кой-гдѣ нами указанная. Но величайшею заслугою г. Василевскаго является его сердечное отношеніе къ несчастнымъ русинамъ, думающимъ возродиться и потому привившимся за свой языкъ, за свою литературу и намѣревающимся развивать ихъ естественно, на основѣ своего прароднаго языка.

Я. III.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Два письма **Ө. В. Чижова** къ **Г. П. Галагану** ¹⁾.

Одесса 22 Сент. (1860 г.).

Давно ли я видѣлъ тебя, Гришунокъ, тогда я и подумалъ, что придется мнѣ сдѣлать совершенно неожиданую поѣздку. Если-бы не множество непріятностей было сопряжено съ нею, она доставила бы мнѣ большое наслажденіе, но крайней мѣрѣ такое, къ принятію какого способна довольно избитая душа моя. Впервые дорогою, ѣхавши на лошадахъ Гуркевскаго до Богуноля, пограничнаго мѣстечка между Подольскою и Херсонскою губерніями, впервые я понялъ красоту степей украинскихъ. День былъ ясный, солнце некло, хоть и по сентябрьски, но довольно сильно, — на всемъ степу я былъ одинъ оди-нешевекъ, — куда ни обернусь — дуга и нивы, нивы и могилы, преко мною большая могила и надъ нею высокій крестъ, — единственный житель тучной привольной пустыши. Я перенесся мыслію къ тебѣ, — тутъ много, очень много поэзіи, моя душа не вынесла ея силы, и сначала безотчетно у меня истекли слезы, потомъ еще стало грустиѣе, когда языкъ степи вошелъ въ мое сознание. Это высокая поэзія одиночества, не смерти, какъ въ пустыняхъ Аравійскихъ, а одиночества

---

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о **Ө. В. Чижовѣ** см. въ статьѣ **А. Л. „Материалы для біографіи Г. П. Галагана“** (Кіев. Стар. 1898 г., сентябрь, стр. 192—3). Подлинники настоящихъ двухъ писемъ Чижова хранятся въ архивѣ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ и любезно сообщены намъ директоромъ ея **А. І. Степовичемъ**.

жизни. Все есть кругомъ тебя, что на потребу челоуѣка, природа щедро наградила всѣмъ,—нивы тучны, луга роскошны и зелены, сама природа указала не искать товарищей, кромѣ товарища, предписаннаго ею же всякому, кромѣ своей половины, отдѣленной отъ челоуѣка Богомъ еще въ райской его жизни и вновь возвращенной ему суиружествомъ и любовію. Тутъ, а не въ исторіи начало образованія малороссійскаго характера. Не исторія, а природа ввела его самого въ себя;—изъ этого источника природа развила всѣ его добрыя качества, которыя потомъ выразились въ исторіи. Сама исторія, то-есть столкновенія на цопррищѣ жизни, вызывала изъ того же источника и дурное и хорошее; то и другое является довольно ясно, когда стель введеть въ основу характера своихъ обитателей. Напрасно говорятъ, что малороссіянинъ хитеръ отъ природы; онъ отъ природы только заключенъ въ самомъ себѣ,—онъ скрытенъ и за это его упрекать также безразсудно, какъ и насъ за нашу непремѣнную потребность общежителности. Та-же природа, указавшая малороссіянину одиночество и отдѣльность, заставила насъ жить непремѣнно общежително; она баловала малороссіянина своими дарами, давая все даромъ, не требуя отъ него едва не кроваваго поту, насъ она заставила все выработывать. За то первый—баловень, привыкшій къ даровому, онъ всѣмъ недоволенъ; второй за все благодарить Господа. Онъ все получаетъ отъ Бога, какъ милость, ему шагу не сдѣлать, не обращаясь къ Творцу всего и виновнику. Еще одно, Гршшуюнокъ,—не знаю, цо правится ли оно тебѣ. Великъ Господь во всемъ и вездѣ, и нѣтъ ни одного Его творенія, на которомъ не было бы печати Его величія и въ которомъ не было бы видно Его благодсти. Отъ насъ зависить видѣть или положеніе(?) Его твореній, или Его въ нихъ присутствіе. Есть Его дѣти, которыхъ ты сильно не любишь; я душевно радъ, что встрѣтилъ ихъ въ такую минуту, когда многими страданіями душа пригтовилась къ принятію всего съ любовію. И тутъ, благодареніе Богу, я встрѣтилъ можетъ быть избранныхъ. Ты сильно не любишь Поляковъ; исторически смотря, имѣешь право, если только есть право не любить. Много терпѣли и даже теперь много терпятъ отъ нихъ Украинцы,—хоть и тутъ, не знаю какъ сказать, того ли приходится благодарить, отъ кого терпшь, или того, кто холятъ? Я пробылъ съ поляками 6 дней,—много, очень много нашелъ хорошаго; можетъ быть именно потому, что видѣлъ ихъ только между собою и цо неумѣнью говорить не могъ даже навести на разговоръ

сколько-нибудь общественный. Когда случай заставлялъ видѣть ихъ въ столкновеніи съ страной, съ туземцами—украинцами, горько было видѣть страданіе этихъ послѣднихъ. Въ настоящую минуту оно можетъ быть и не велико, но обычая, вошедшіе въ бытъ ихъ, называютъ, что дѣло было не безъ слезъ и не безъ униженія. При мнѣ было нѣсколько свадебъ,—невѣста в женихъ приходила и не только барину, а всѣмъ присутствовавшимъ панамъ по три раза кланялись въ ноги, цѣлуя при каждомъ поклонѣ руку и ногу. Трудно передать, какъ тяжело это видѣть. Неужели и у Васъ такъ-же?

Я пріѣхалъ вчера въ Одессу, не смотря на дождь, цѣлый день былъ на ногахъ. Дѣла мои плохи. Сегодня погода превосходная, дѣлъ было мало, и потому я просто ходилъ по городу. Всего болѣе плѣнило меня море,—какъ старый другъ и сожитель во всей моей жизни въ Италіи, оно много говоритъ объ ней. Въ одной кофейнѣ все почти итальянцы; жаль, что нѣтъ итальянскихъ газетъ; теперь онѣ были бы особенно занимательны. Венеція дѣйствуетъ сильно, вспоминаетъ свою четырнадцативѣковую исторію. Прощай, поклонись женѣ; да не лѣнись писать. Дѣла меня не поглощаютъ; я знаю одно, что все отъ Бога, твержу себѣ это безпрестанно, и что-бы ни случилось, приму, какъ Его велѣніе. Расцѣлуй ручки у Маменьки. Если поѣдешь въ Петербургъ, начинай всегда писать съ адреса; пиши его вмѣстѣ съ числомъ и мѣсяцемъ.

—
Апрѣля 23 Москва (1861 г.)?

Христось Воскресе! мой милый, мой дорогой Гришунъ? Христось Воскресе, моя милая правда, ¹⁾ Катерина Васильевна! Христось Воскресе, козакъ—душа правдива Павлусикъ. Со всѣми отъ всей души издала христосуясь, всѣмъ шлю самое задушевное поздравленіе съ великимъ праздникомъ. Извиняйся ли, что я долго въ Вамъ не писалъ? Я думаю, не нужно. Ты знаешь, Гришунъ, что я часто съ тобою, особенно часто теперь, когда тебѣ весьма нужно и сердце, и рука друга, человѣка тебя любящаго просто за просто. Я чувствую издали, что тебѣ они нужны, что ты часто страдаешь и за людей, и за время, и за свои увлеченія. Последнее твое письмо

---

¹⁾ Такъ Чижовъ обыкновенно называлъ К-ну В-ну Галаганъ въ своихъ письмахъ.

было не утѣшительно; теперь, кажется, на почтѣ есть еще письмо отъ тебя, я сужу потому, что сейчасъ принесли почту съ 130 руб.: мнѣ получать денегъ не-откуда, и отъ тебя не слѣдуетъ столько, но можетъ быть вѣтъ ли порученія. Довольны ли вы Гурьевымъ? ¹⁾ Передайте ему мое христосованье съ нимъ и мое ему поздравленіе. Въ настоящую минуту я пишу тебѣ изъ моего уединенія; я объявилъ, что я уѣду, заперся въ своей отдаленной комнатѣ, бывшей спальнѣ моей малѣйшей правды, и рѣшительно не вижу никого. Бываютъ времена, когда одиночество есть необходимая потребность души, я ее давно чувствовалъ и теперь могъ удовлетворить этому желанію, дошедшему до самаго страстнаго и нетерпѣливаго ожиданія.

У васъ, какъ почти вездѣ, нехорошо. Самаринъ, разладившій со мною, вѣроятно на время, писалъ на дняхъ къ Аксакову, поручая письмо передать Черкасскому. Самаринъ пишетъ, что у нихъ тоже неладно. Положенія и манифестъ писались далеко отъ народа, на почтѣ, перерабатывающей всѣхъ и cadaго; одни ихъ не понимаютъ, другіе на нихъ негодуютъ, третьи ихъ терпятъ, какъ зло, какъ необходимость не по(?) времени и говорятъ съ Вашимъ поюзомъ: Нема раю на всьмъ свити,—хиба що на небі? А по мнѣ не будетъ и на небѣ тебѣ, если не приготиши неба на землѣ страданіями, полнымъ сочувствіемъ людямъ, особенно страдающимъ, и полною землею жизнію. Въ Казани, говорятъ, убито до 70 человекъ, дай Богъ, чтобы было неправда, но напрасно моленіе ²⁾. Тебѣ не легко, Гришунъ,—одного желалъ бы я, чтобы ты не сѣтовалъ, но и не гордо смотрѣлъ на то, что со всѣми вмѣстѣ впалъ въ заблужденіе. Дѣло, всякое дѣло, какъ болото,—тотъ не увязнетъ въ тинѣ, кто на него не ступитъ. А на это тоже скажу стихами того-же Шевченка: Страшно впасти кайдани, умреть въ неволи; а ще гірше—спати, спати, и спати на волі, и заснути на виць—вики, и сліду не кивуть ніякого!.. Однакою—чи живъ, чи загинувъ... Історія идетъ въ книгахъ все великими событіями, а на дѣлѣ ошибками, промахами, сожалѣніями, раскаяніями, страданіями и домашними размолвками. Кто дѣлаетъ, тотъ историческій вопиѣ.

¹⁾ Воспитатель Павла Галагана.

²⁾ Какъ извѣстно, была отслужена панихида по убитымъ, кажется, въ с. Безднѣ.

Вкругомъ насъ все тихо; но тихо такъ, какъ я написалъ въ № 6 «Акціонера», за что и получилъ выговоръ. Говорятъ, что Ланской съ титуломъ графа увольняется, Тимашевъ оставилъ службу по убѣжденію, что все распушено; Ковалевскій вралъ ли не оставитъ министерство, какъ мученикъ либерализма. Другими словами такая смѣсь убѣжденій и мученичества, что по пословицѣ: чортъ ногу переломитъ, другой не вытащить.

Гдѣ Вы теперь, мои милые, я часто съ Вами даже и тогда, когда поспраиваю Основу. Никогда я такъ не смаковалъ языка, поэзіи и нѣжности малороссійскаго склада, какъ теперь,—почему, я и самъ не знаю. Думаю потому, что моя дѣятельность, не за деньги, а по глубокому убѣжденію въ необходимости практическаго знанія и разъясненія практическихъ понятій, также хранить задушевные идеи, какъ лець хранить зелень, не даетъ ей полужить и въ полужизни вянуть. Какъ будто целена сваливается съ глазъ, и можетъ быть ошибочно, но Малороссія является не враждебною національностью, но неразрывною частію той народности, какою всегда жила и всегда будетъ жить душа моя. Россія—цѣлый міръ, со всею полнотою организаціи—не Франція, не Германія, не Англія, составляющія одинъ міръ, но если можно перенестись въ прошедшее къ нимъ, поставить не въ сравненіе, а въ параллель,—Италія, а теперь Европа. Петрарка—представитель той-же органической Италіи, какъ и Данте; но безъ него организмъ былъ бы не полонъ. Малороссія страна той-же Петрарковщины, той же нѣжности, легкости, сердечности славянскаго или русскаго міра. Каждое слово Малороссіи, не вычурной, а просто понятой изъ народа и его житья-бытья, есть слово моего сердца; оно ему родное, хотя и не родинное. Я не былъ бы полонъ, остался бы на половинѣ развитія, еслибъ не дошелъ до сердечнаго пониманія Малороссіи, до любви къ тому уголку, гдѣ все любовь и небо и природа, и простота жизни; а въ то-же время, я былъ бы уродливъ, одностороненъ, если-бъ отдался этой народности и не черпалъ всего и самой любви къ ней изъ единаго для меня чистаго источника, моей родинной народности. Я былъ бы авторомъ, если бы вздумалъ поддѣлываться подъ сердечность мнѣ доступную, но мнѣ не данную; лежалъ бы валимъ, мои мускулы, созданные для энергической дѣятельности, вмякли бы и сердце перестало бы чувствовать истинную любовь, прилѣпившись къ театральнѣй чувствительности. Самъ не знаю, какъ между Horsepower and American labour saving ma-

chinery 1); между Boiler explosions and Steam and Water 2), само собою образовалось убѣжденіе и рѣшеніе вопроса давно тревожившаго душу, давно пскавшаго отвѣта.

Какъ много, какъ тепло, какъ братски говорю я часто съ Вами, съ тобою, мой Гришунъ ненаглядный, съ Вами, моя правда милая, которую люблю сильно, очень сильно, и съ Николею Ригельманомъ. Сегодня высказался можетъ быть и потому, что великъ праздникъ, что я оставилъ на время промышленность и директорство желѣзной дороги и курсы и стоимость фондовъ. Въ 12 часовъ былъ въ Кремлѣ, ожидалъ полуночнаго колокола и все-таки съ тысячами со свѣта былъ на площади, на которой съ трехъ сторонъ шли три хода изъ трехъ соборовъ—Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго. Неужели простою людскою прихотью создано такое великолѣпное состояніе? Неужели прихотью бѣдный труженикъ—народъ, которому все дается съ страшнымъ усиленіемъ, которому все Богъ не даетъ, а продаетъ за цѣну страшнаго труда, умѣлъ собрать такіа богатства, что куда ни зайдешь въ церковь, все золото и серебро и сквозь него свѣтлѣе солнце—трудъ и самоотверженіе?

Что сказать Вамъ объ обстановкѣ? Грустна, но не безлюбовна. Мои близкіе друзья—разбитая семья Авсиковыхъ; врядъ не еще ли болѣе разбитая—Свербѣевыхъ. Обѣ Васъ любятъ. Гроня(?) уѣхалъ, онъ мнѣ не писалъ изъ Петербурга. Жаль, что онъ у Маслова; если бы была у меня отдѣльная комната, я помѣстилъ бы его у себя. Мы съ нимъ живемъ хорошо, онъ меня любитъ, я люблю его. Славный мальчикъ; легокъ; но не всѣмъ же быть тяжелымъ. Портить его жизнь у Маслова, пріучаетъ подластиваться, а онъ и безъ того не довольно самостоятеленъ. Жду извѣстія, какъ Вы сошлись съ Гурьевымъ; не будьте черезъ-чуръ строги; хорошо бы орла, хорошо бы орливыми перьями писать, да ихъ нѣтъ, пишемъ гусиными.

Прочтите, если цензура пропуститъ, въ будущемъ «Вѣст. Промышленности» Морни и его значеніе; она была не пропущена, я передѣлалъ,—авось прссутать.

Думаю, что «Вѣст. Промышл.» и перестану издавать—мало расходуется; останемся мы съ однимъ «Акціонеромъ». Уваженіе пріобрѣли

1) т. е. между лошадиной силой и американской машиной для сбереженія труда.

2) т. е. между взрывами паровика и паромъ и водой.

большое, всё перепечатываютъ, а денегъ все не даютъ. Я пока проживу директоромъ желѣзной дороги, которая (Московско-Сергіевская) идетъ у насъ образцово и дешево, и дружно. Акціи Дружины идутъ плохо, дивиденду нѣтъ, но капиталъ не пропадетъ. Теперь я не выхожу, потому не знаю, когда капиталъ возвратится, и напишу тебѣ объ этомъ послѣ Святой. Я такъ распорядился, что за директорство получу 60 акцій на 9000 рублей, а такъ какъ оно на 4 года, то въ остальные два года буду жить остальными 3000, ибо полагается директору по 3 тысячи въ годъ, въ 4 года 12000. А тамъ можетъ быть выберутъ снова, увидимъ. Жить хорошо тѣмъ, что времени никогда не вижу; только утромъ вставать не хочется, а только встанешь, смотришь уже и вечеръ, а все и половины не сдѣлаешь. Нигдѣ почти не бываю, а въ работѣ хорошо. *L'étude des lettres, qui n'est autre que l'étude des hommes, est douloureuse quand elle n'est pas terrible.* Обними за меня Михаила Андренча и похристосуйся съ нимъ; писалъ бы къ нему, но времени въ суткахъ 24 часа, а работы часто бываетъ на 30. Къ тому же, когда долго не пишешь, надо писать много. Поди-но онъ сильно ругаетъ насъ, красныхъ, а ужъ я каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Обнимаю Васъ всѣхъ отъ всей души.

Сообщ. А. Л.

Къ первому кievскому юбилею (1871 г.) въ честь М. А. Максимовича (*Письмо къ редактору*). Перебравъ старыя бумаги, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ куплетовъ, сказанныхъ на вечерѣ въ честь М. А. Максимовича и незвѣстныхъ въ печати. Прочитавши ихъ, я подумалъ, что и первый юбиляръ кievскій стѣбитъ добраго воспоминанія, и куплеты заслуживаютъ вниманія, не по своему, впрочемъ, достоинству, а какъ *историческая черта юбилея*, не упомянутая въ описаніи его. Въ этой мысли и посылаю ихъ Вамъ, г. редакторъ.

А читателямъ Вашего журнала надо прежде сказать, что послѣ общественнаго обѣда въ честь М. А. Максимовича, кому-то изъ молодежи пришла добрая мысль—еще почтить его, какъ *первою* издателя народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, вечеромъ пѣвнїа. Дѣло сладилось быстро, и 18-го сентября 1871 года, въ квартирѣ А. О. Кистяковскаго, собрались человѣкъ 20—30 разнаго вѣдомства и на-

родностей—студентовъ, преподавателей, чиновниковъ,—и цѣлый вечеръ до полуночи распѣвали они пѣсни малороссійскія, великорусскія, чешскія, сербскія. Много было при семъ сказано рѣчей, къ сожалѣнію незаписанныхъ, и сколько помнится, всѣ онѣ были сказаны на русско́мъ языкѣ,—вотъ почему, между прочимъ, произнесены были слѣдующіе малороссійскіе куплеты, тутъ-же наскоро написанные.

Глинуть люблю, що за чудо
Робить сердце чоловіче:
Ось зійшлося скільки люду,
Хочъ не бачились и въ вичи!

*
* *

Се ще штука не велыка!
Онъ де штука, онъ де дыво:
Вкругъ старого чоловіка
Обвылась мѳлодижь живо,—

*
* *

И веселимъ роємъ ріє,
И любенько поглядає,
И шанує, и радіє,
И радиспньє співає.

*
* *

Чую й ричи по любови,
Що душа кому вщуре;
Чомъ же сердце нашей мовы,
Материнскою, не чує?!

*
* *

Ой, панотченьку нашъ сывый,
Благословить ридне слово!
Хай розскаже въ часъ щасливый
Мысли люду молодого!

*
* *

Що жъ шанує людъ привитный?
Серце ваше, трудъ вашъ щырый,
Трудъ велыкий, ппвстолятиій,
Повный думы, повный виры!

*
* *

Отъ за що вамъ хлѳбъ-силъ повна,
Да и чарочка повненька,

Ласка тепла, ричь любовна,
Писня ридна, писня—венька!

*
* *

И народне, повне сылы,
Гарне слово кажуть люде:
„*Будьте жыви й Богу мыли!*“,—
И усе вамъ добре буде!

*
* *

Будьте жыви: ще васъ треба!
Хай пиввика пролетило,
А вы съ тыхымъ даромъ Неба
Помаленьку зновъ за дило!

*
* *

Будьте жыви, щобъ навчаты
Добрымъ словомъ, жыттемъ цилымъ,
Якъ науку поважаты,
Якъ людей любыты дпломъ!

*
* *

Ой, якъ добре для науки,
Ой, якъ добре для народу,
Якъ зъ старенькымъ диты й внуку
Роблять дружно годъ одъ году!

*
* *

Будьте довго жыви, тату!
Хай не йде молитва мимо!
А ну, братци, на всю хату
Многолнтіе гукнимо!..

И гукнули! здорово гукнули! Та ще и не разъ. Максимовичу очень понравилось *народное* присловье за чаркою: «*будьте жыви й Богу мыли*», и онъ записалъ его. А молодежь, утѣшенная роднымъ словомъ, подняла автора стиховъ на воздухъ и покачала его порядкомъ. Овъ, видимо, былъ въ духѣ и черезъ нѣсколько минутъ прочель еще нѣсколько куплетовъ:

«*Многи лита*» стари люде
Ще не такъ було спивають;
Якъ затѣвка часомъ въ грудяхъ,—
Жыто й коцкнв споминають.

А хиби-жь и намъ старенькый
 Не засіявъ поля густо?
 Кто не бачыть цвѣть рясенькый,
 Де попередъ було пусто?

* *
 * *

Винъ давно насіявъ жыта,
 Люде жнуть и ставлять конкы,
 Стане й намъ на многи лита:
 Ябъ же намъ не вдарыть гонкы?!

* *
 * *

Гонкы! гонкы! сердце пляше,
 И сама душа сивае...
 Хай ловикъ весилле наше
 Старый сердцемъ сиомынае!

Разумѣется, и *гонкы* ударили! И опять многая лѣта, и пѣсни, и *gaudeamus igitur*. А расхолодившійся кобзарь еще такъ добавилъ:

Отъ и добре! А я й паки
 Крыкну словомъ в душею:
 Вамъ здоровьячко, сиваки,
 За чарчыною сією!

* *
 * *

Да ще слово наослѣдокъ:
 За добро и свить въ народи,
 За сердешныхъ въ школи дитокъ—
 Многи лита! отъ и годи!..

Пѣнье возобновилось и протянулось за полночь... Кто-то наконецъ предложилъ еще тостъ въ честь радушныхъ хозяевъ, у которыхъ *довелось добрый вечеръ скоротаты*. Да, хорошій то былъ вечеръ! Въ немъ сказалось искреннее уваженіе молодежи къ старому дѣятелю и неугасимая любовь къ народной поэзи и языку, безъ различія національностей. Съ одинаковымъ вниманіемъ были пѣты и выслушиваемы всѣ народныя пѣсни. А безъ этой любви къ народному и родному ничего добраго и быть не можетъ!

Участникъ вечера.

Правила для кievскихъ гимназистовъ, распубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи. Въ концѣ іюля 1840 года попечитель кievскаго учебнаго округа князь Давыдовъ послалъ генераль-губернатору Д. Г. Бибикову слѣдующую докладную записку: «Училищное начальство неоднократно просило распоряженія кievской градской полиціи о воспрещеніи молодымъ людямъ, не состоящимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, носить ученическое и студентское платье. Распоряженіе это исполняется не особенно строго, такъ что весьма часто попадаютъ непрінадлежащіи здѣшнимъ училищамъ дѣти въ гимназическихъ мундирахъ старыхъ и самыхъ неопрятныхъ, и попечитель округа, возвращаясь въ Кіевъ 24 числа сего мѣсяца, встрѣтилъ подобнаго мальчика въ восьми верстахъ за городомъ, который тогда же препровожденъ къ г. старшему полицмейстеру съ просьбою воспретить ему носить ученическое платье. Попечитель учебнаго округа, по случаю ожидаемаго прибытія въ Кіевъ Государя Императора, имѣетъ честь покорнѣйше просить о новомъ подтвержденіи жителямъ города, чтобы они не одѣвали въ форменное ученическое платье дѣтей, не находящихся въ училищахъ, и о подтвержденіи полиціи имѣть строгое за симъ наблюденіе».

Ходатайство кн. Давыдова было исполнено: генераль-губернаторъ тотчасъ предписалъ старшему полицмейстеру «строжайше подтвердить жителямъ города», чтобы они не присваивали дѣтямъ — не школьникамъ форменнаго ученическаго платья, и поручить полиціи тщательно наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія.

Но князю Давыдову было мало этого. Спустя нѣсколько дней, (3 августа) онъ вновь писалъ Бибикову: „Находясь въ необходимости прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для понужденія воспитанниковъ подвѣдомыхъ мнѣ въ Кіевѣ учебныхъ заведеній, живущихъ въ домахъ родителей, къ точному соблюденію формы въ одеждѣ, а также воспретить носить ученическое платье дѣтямъ, не находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, я, независимо отъ предписаній, данныхъ начальникамъ учебныхъ заведеній, просилъ г. состоящаго въ должности кievскаго гражданскаго губернатора оказать въ семъ случаѣ свое содѣйствіе и распубликовать въ городѣ напечатанное по моему распоряженію особое „Объявленіе“, экземпляры котораго я долженъ счесть препроводить на усмотрѣніе вашего высокопр—ства.“

Приводимъ и самый текстъ этого объявленія, которое вслѣдъ за тѣмъ было расклеено на столбахъ и заборахъ Кіева и вручено подъ росписки родителямъ учениковъ:

О б ъ я в л е н і е.

Попечитель Кіевского Учебнаго Округа, не взирая на многократныя подтвержденія и взысканія съ учениковъ гимназій и училищъ, встрѣчаетъ ихъ нерѣдко, вопреки сдѣланныхъ распоряженій, на улицахъ однихъ, безъ надзора и въ неформенной одеждѣ, или хотя и въ оной, но безъ соблюденія предписанныхъ на щетъ (sic!) формы правилъ; и потому нынѣ въ послѣдній разъ объявляется съ подписками всѣмъ родителямъ и прочимъ лицамъ, у коихъ живутъ ученики, слѣдующее:

Если ученикъ встрѣченъ будетъ на улицѣ училищнымъ или полицейскимъ чиновникомъ однимъ, безъ провожатаго взрослыхъ лѣтъ, или въ неформенной одеждѣ, или наконецъ въ одеждѣ хотя и форменной, но она не будетъ въ должномъ порядкѣ и опрятности, то ученикъ такой будетъ немедленно взятъ встрѣтившимъ его и препровожденъ къ инспектору казенныхъ училищъ, который о немедленномъ исключеніи его изъ училища и о снятіи съ него училищной одежды имѣетъ уже надлежащее предписаніе, какъ равно и полиція извѣщеніе объ арестованіи такихъ при встрѣчѣ на улицахъ. Ученики старшіе, имѣющіе на плечахъ въ мундирахъ нашивки изъ галуна, могутъ ходить безъ провожатыхъ. Форменная одежда ученика должна быть слѣдующая: мундиръ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Сюртукъ суконный, зеленый или синій, съ краснымъ воротникомъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Панталоны суконныя, одинакового цвѣта съ мундиромъ или сюртукомъ. Галстухъ черный. Фуражка по цвѣту мундира или сюртука, съ красной околышкой.

Выходящій со двора ученикъ долженъ всегда имѣть при себѣ печатный билетъ, съ означеніемъ его имени в училища. Билеты сіи будутъ имъ розданы начальникамъ заведеній.

Подписаль попечитель князь Давыдовъ. Скрѣпилъ правитель канцеляріи А. Лазовъ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Часовня-памятникъ въ Каневѣ.* Въ 1787 году Императрица Еватерина II совершила путешествіе въ Новороссію и Крымъ, спускаясь по Диѣриу на галерахъ.

Въ это время староствомъ Каневскимъ владѣла князья Попятовскіе. Подъ городомъ Каневомъ состоялось свиданіе Государыни съ королемъ Станиславомъ Августомъ Попятовскимъ, «имѣвшее послѣдствіемъ возвращеніе Россійской державѣ всего юго-западнаго края, и какъ-бы претрѣпавшее судьбу самого королевства Польскаго» (слова позднѣйшаго прошенія каневскихъ обывателей).

На берегу для короля былъ раскинутъ пышный шатеръ (по свѣдѣтельству Фундуклея—цѣлый временный дворецъ), на мѣстѣ котораго, затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, высидся деревянный крестъ, уничтоженный, наконецъ, непогодю и тлѣніемъ.

Независимо отъ того, въ память проѣзда Самодержицы Всероссийской, король, въ 1788 году, на высокой горѣ воздвигъ обелискъ, вышиною въ 90 стопъ, увѣнчанный Императорской короною и украшенный надписью: *Imperium oceano famaque terminat astris!*

Къ срединѣ тридцатыхъ годовъ отъ этого сооруженія едва уцѣлѣлъ одинъ лишь фундаментъ. Затѣмъ, въ 1864 году, вслѣдствіе ходайства каневскихъ обывателей, Кіевскимъ губернаторомъ возбужденъ вопросъ о построеніи на горѣ Москонкѣ, въ воспоминаніе той же встрѣчи, каменной часовни, проектъ которой въ слѣдующемъ году одобренъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ переписки кіевскаго митрополита Арсенія съ прот. П. Г. Лебединцевымъ (Кіевск. Стар., 1900 г., Октябрь, стр. 141) видно, что указанное прошеніе каневскихъ обывателей встрѣчено духовнымъ начальствомъ съ подозрительностію, и вѣроятно по этой причинѣ проектъ часовни не осуществился.

2) *50 изображеній Великаго князя Александра Невскаго, пожалованныя Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ старшинамъ, старостамъ и стражникамъ.* Въ 1864 г. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, озабоченный увѣковѣченіемъ въ памяти народа царствованія своего Родителя, приобрѣлъ 100 экземпляровъ бронзовыхъ изображеній Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (работы Ладоги), для распространенія таковыхъ въ краяхъ Литовскомъ и юго-западномъ.

50 экземпляровъ присланы въ распоряженіе генераль-губернатора Анненкова, который награждалъ ими по 12 отличнѣйшихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ каждой губерніи и по четыре сельскихъ стражника (пзъ числа лучшихъ сотскихъ и десятскихъ). Предпочтеніе отдано тѣмъ, кои обратили на себя вниманіе начальства при усмиреніи мятежа. (Изъ оставшихся затѣмъ 2 экземпляровъ—1 переданъ Митрополиту, а другой остался на рукахъ у Генераль-Губернатора).

3) *Попытка возобновить обычай ношенія тѣльныхъ крестовъ въ юго-зап. край.* Въ 1864 году П. Н. Батюшковъ писалъ генераль-губернатору, что у населенія юго-западнаго края, благодаря вліянію католичества и униі, не въ обычаѣ ни носить тѣльные кресты, ни возлагать ихъ на младенцевъ при крещеніи. Съ цѣлю возобновить благочестивое обыкновеніе, Муравьевъ, въ управляемомъ имъ краѣ, предложилъ духовенству пріобрѣсти кресты для всѣхъ прихожанъ, ихъ не имѣющихъ, и убѣждать паству вернуться въ искони православному обычаю. Независимо отъ принятыхъ на мѣстѣ мѣръ, главный начальникъ сѣверо-западнаго края обратился непосредственно къ самому Батюшкову, ходатайствуя о безмездномъ снабженіи православнаго населенія края крестиками и образами.

Синодъ, признавъ возстановленіе обычая крайне желательнымъ, предоставилъ въ распоряженіе Батюшкова одну тысячу рублей, на каковыя деньги заказаны мельхіоровые крестики.

9000 этихъ крестовъ препровождены генераль-губернатору юго-западнаго края для раздачи ихъ поселянамъ, выказавшимъ особую приверженность къ православію и правительству.

4) *Дарохранилищницы и кіоты, пожалованные уѣзднымъ соборамъ юго-зап. края Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ.* Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій князь Александръ Александровичъ, 20 іюля 1865 г., въ торжественный день принесенія Его Высочествомъ присяги, при рескриптѣ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, препроводилъ, между прочимъ, 6 тыс. рублей на построеніе и украшеніе православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ.

Желая распространить на возможно большее число мѣстностей западно-русскаго края пожалованныя Его Величествомъ деньги, и

принявъ во вниманіе нужды соборовъ уѣздныхъ городовъ западной Россіи и значеніе ихъ въ средѣ римско-католическаго населенія, за-вѣдывающій дѣлами по обезпеченію сельскаго духовенства и постройкѣ православныхъ церквей, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, распорядился заказомъ для каждой изъ означенныхъ церквей *серебряныхъ вызолоченныхъ дарохранилищъ*, образцы коихъ были представлены Его Высочеству. Одобривъ рисунокъ и отдѣлку сихъ образцовъ, Государь Цесаревичъ, въ память почившаго брата, столь дѣятельно помогавшаго нуждамъ православныхъ святынь нашего западнаго края, повелѣлъ: на каждой дарохранилищѣ, отправляемой отъ имени Его Высочества въ уѣздныя соборныя церкви западныхъ губерній, обозначить, что посылается она *на вѣчное поминовеніе за упокой души въ Бозѣ почивающаго Цесаревича Николая Александровича*.

12 марта 1866 г. изъ Москвы въ Кіевъ доставлены 33 дарохранилища съ деревянными золочеными кіотами (кладъ вѣсомъ свыше 36 пудовъ).

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Залогъ крѣпостныхъ душъ. „Закладная. 1804 года, ноября 15 дня. Титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловъ сынъ Дубоссаровъ далъ сію господину коллежскому секретарю Ивану Федоровичу сыну Родолѣ... въ томъ, что заложилъ и ему собственнаго своего малоросійской породы человѣка Якова Цымбаленка за полученную мною отъ его, Родоли, сумму государственнымъ ассигнаціями двѣсти рублей, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, что ежели прописанный мой человекъ въ теченіи того времени, отъ чего Боже сохрани, умре или побѣгъ учинитъ, за что я не бывъ ни мало въ претензіи, общаюсь прописанную одну сумму ему, Родолѣ, возвратитъ безъ процентовъ. Ежели же по истеченіи года хотя-бы однимъ дніемъ срокомъ вышесписаннаго моего человѣка не выкуплю, то онъ, господинъ Родоля, имѣетъ право тѣмъ моимъ человекомъ воспользоваться навсегда...“ Изъ архива бывш. Дубоссарской городов. ратуши. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ Цымбаленко былъ заложенъ въ очень значительной суммѣ: при банковыхъ залогахъ крестьянскія души цѣнились въ то время гораздо дешевле. Въ означенномъ указѣ 11 ноября

1804 года значилось: «пріемля во уваженіе время, въ которое при учрежденіи государственнаго банка повелѣно принимать въ залогъ ревизскую душу по сороку рублей безъ различія губерній, и сравнивая со онымъ нынѣшніи на всѣ вещи цѣны, признала Мы за справедливо учивить перемѣну въ залогъ душъ по банку принимаемыхъ, повелѣвая отнынѣ во всѣхъ губерніяхъ» (Прибалтійскія исключены) «крестьянъ, въ послѣднюю ревизію писанныхъ, принимать въ залогъ банковый по шестьдесятъ рублей каждую ревизскую душу».

Сообщ. В. А. Кочергинъ.

Вопросы по этнографіи. Въ кн. 2-й «Этнографическаго Обозрѣнія» (стр. 186) г. В. Каллашъ поставилъ рядъ вопросовъ, на которые желательно было-бы получить отвѣты (адресуя ихъ въ Московское Общ. Любителей Естественнаго, Антропологическаго и Этнографическаго). Помѣщаемъ ихъ на страницахъ нашего журнала,—быть можетъ они найдутъ откликъ лицъ, занимающихся этнографіей.

1. Не знаетъ-ли кто, или не имѣетъ-ли рукописныхъ разсказовъ о томъ, что въ старину убивали стариковъ,—какъ и почему прекратился этотъ обычай? Интереснѣе (потому что они менѣе представлены въ печати) варианты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе и, конечно, инородческіе.

2. Въ какихъ мѣстахъ извѣстны разсказы о существовавшемъ въ старыя времена обычаѣ съѣчь подростковъ не только что проведенной межѣ, для того, чтобы она сдѣлалась имъ памятной и чтобы они, въ случаѣ надобности, могли явиться впоследствии свидѣтелями («памятѣбный прочуханъ»)? Не существуетъ-ли сходныхъ съ этимъ обычаевъ: драть за уши и давать имъ пощечины и проч.?

3. Гдѣ и въ какой формѣ практикуется или практиковалось погребеніе труповъ должниковъ, умершихъ не заплативши долга?

4. Не имѣетъ-ли кто рукописныхъ разсказовъ о гордомъ царѣ, вмѣсто котораго нѣсколько лѣтъ правилъ ангелъ? Менѣе всего извѣстны малорусскіе, польскіе и бѣлорусскіе варианты.

5. Извѣстны-ли въ Малороссіи, Великороссіи или Бѣлоруссіи обрядъ проводовъ Киселя или Жура во время поста или вообще обряды, въ которыхъ онъ игралъ-бы главную роль?

6. Не имѣетъ-ли кто малорусскихъ пѣсень о Журилѣ (Чурилѣ, Цюрилѣ), еще неапечатанныхъ?

7. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, Бѣлороссіи, Галичинѣ и Буковинѣ употребляется «плѣнъ» въ значеніи урожая и «сентя» въ значеніи игуменыи?

8. Какіе и гдѣ извѣстны рассказы объ Ильѣ пророкѣ, какъ сидѣвъ и кровосмѣсителѣ или убійцѣ своихъ родителей?

9. Дѣйствительно-ли существовала малорусская лубочная картина, на которой былъ изображенъ Илья Муромецъ, защищающій Переяславъ отъ половцевъ, и о которой упоминаетъ Котляревскій въ своей «Энеидѣ»?

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. Въ засѣданіи восьмого очереднаго собранія Полтавской думы, 23 октября, думѣ были предложены на разсмотрѣніе заключенія коммиссіи высказавшейся за упрощеніе проекта постаменты, что даетъ возможность поручить изготовленіе его г-ну Шевному въ Кременчугѣ всего за 800 руб., тогда какъ другія фірмы за изготовленіе по существующему проекту просятъ отъ 22 до 25 тысячъ. Далѣе коммиссія предлагаетъ приблизить нѣсколько памятникъ на Протопоповскомъ бульварѣ къ линіи Мало-Петровской улицы, такъ какъ при предположенной отдаленности, 12 саж., памятникъ будетъ плохо видѣнъ. Дума съ предложеніями коммиссіи согласилась. Далѣе вносятся предложеніе А. А. Зиновьева, разсмотрѣнное и одобренное въ названной коммиссіи, о постановкѣ памятника Котляревскому не на утвержденномъ думой мѣстѣ, а на образовавшейся площадкѣ отъ уничтоженныхъ пожаромъ городскаxъ лавокъ на протнвоположномъ углу, при чемъ за памятникомъ предполагается устроить полукругомъ зданіе. Городской голова В. П. Трегубовъ указываетъ на то, что, согласившись съ предложеніемъ А. А. Зиновьева, придется возбудить два ходатайства—объ измѣненіи фасада лавокъ и объ измѣненіи плана памятника, что значительно отодвинетъ время постановки памятника, а между тѣмъ уже теперь раздаются сѣтованія жертвователей на то, что памятникъ до сихъ поръ не поставленъ. Гл. А. А. Зиновьевъ, поддерживая свое предложеніе, находитъ, что постановкой памятника на новомъ мѣстѣ

удовлетворено будетъ недовольство публпки избраннымъ ранѣе мѣстомъ, о чемъ, какъ говоритъ г. Зиновьевъ, составленъ даже протестъ; будетъ создана новая площадка въ городѣ, что, во первыхъ, очень желательно, а во вторыхъ—поднять цѣнность близъ находящихся торговыхъ помѣщеній. Постановку памятника на новомъ мѣстѣ г. Зиновьевъ рекомендуетъ только въ томъ случаѣ, если указанное полу-круглое зданіе будетъ предназначено для какого-либо общественнаго учрежденія, а не для магазиновъ. Дума высказалась за постановку памятника на ранѣе утвержденномъ мѣстѣ, на Протопоповскомъ бульварѣ. (Полт. Губ. Вѣд. № 235).

Воспоминанія современника Т. Г. Шевченка. Въ нижегородскомъ военномъ лазаретѣ находится на излеченіи отставной солдатъ Алексѣй Груновскій, служившій вмѣстѣ съ Т. Г. Шевченко въ укрѣпленіи Ново-Петровскомъ, въ 1 оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ. Груновскій—старикъ 85 лѣтъ, подслѣповатый и глухой. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Волгари» Груновскій разсказалъ слѣдующія подробности о поэтѣ, не вносящія, однако, чего-либо совсѣмъ новаго въ извѣстное уже описаніе пребыванія Шевченка въ ссылкѣ.

—Я служилъ въ укрѣпленіи писаремъ, разсказываетъ Груновскій,—и былъ пѣвчимъ въ церкви, когда въ намъ пріѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ. Привезли его подъ конвоемъ, и въ бумагѣ значилось, что Шевченко политическій ссыльный, за которымъ надо смотрѣть въ-оба и не позволять ему писать письма... Комендантъ былъ у насъ человѣкъ добрый, но ротный командиръ, въ которому попалъ Тарасъ Григорьевичъ, слылъ за человѣка строгаго, который никому не давалъ поблажекъ. Шевченкѣ доставалось отъ него здорово, особенно въ первое время, когда приходилось учить ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ. А Тарасъ Григорьевичъ былъ человѣкъ неуклюжій, совсѣмъ не строевой, и ученье ему давалось тихо. Командиръ же терпѣть не могъ плохихъ солдатъ. Впрочемъ, скоро Тараса Григорьевича освободили отъ службы, и онъ даже не жилъ въ казармахъ—тамъ у него была одна постель.

— А гдѣ же онъ жилъ?

— У коменданта. Тотъ его къ себѣ взалъ и не только освободилъ отъ всѣхъ занятій, но даже разрѣшилъ не ходить въ караулъ.

Шевченко рисовалъ у него картины да читалъ разныя книжки и газеты.

— Кому же Шевченко продавалъ свои картины?—спросилъ я.

— Картины у него покупали въ Астрахань, вообще въ Россію, и дорого платили: рублей по 50—100 за картину, такъ что въ деньгахъ Тарасъ Григорьевичъ не нуждался. Да и въ чемъ ему нужаться? Обѣдалъ онъ у коменданта, жилъ, какъ всѣ офицеры, гулялъ...

— Какъ это—гулялъ?..

— Да просто испивалъ. А то соберется, бывало, на охоту.. Въ театрѣ игралъ. Хорошій былъ человѣкъ.

— И добрый?

— Да, добрый. Бывало ни одного солдата не пропустить, чтобы не пошутить съ нимъ да не побалагурить. Только подъ конецъ онъ какъ будто сталъ сторониться. Ну, и почетъ ему большой былъ. Пріѣдетъ начальство и прямо про него спрашиваетъ. Разговорится и съ нимъ подъ-ручку ходить начнутъ. Солдатамъ далеко до него было ..

— Но они, все-таки, «водились» съ нимъ?

— Не о чемъ было говорить съ нимъ нашему брату. Мы были народъ темный, необразованный, а онъ всѣ академіи превзошелъ,— куда было простому солдату лѣзть къ такому человѣку!

— Какъ-же это такъ?—спрашиваю,—извѣстно, что Тарасу Григорьевичу въ Ново-Петровскомъ жилось плохо?

— Нѣтъ, я думаю, жилось ему хорошо, а что скучалъ онъ, это точно. Да и какъ не скучать, когда кругомъ однѣ стени; а онъ человѣкъ, привыкшій жить въ городѣ.

— Тараса Григорьевича не стѣсняли ни въ чемъ?

— Ни въ чемъ. Хотя сначала ему и запрещали многое, по это недолго, года подгору—два, а потомъ все разрѣшили: и писать, и рисовать, и ѣздить на охоту. Бывало, смотримъ—а Тарасъ Григорьевичъ идетъ куда-нибудь съ книжкой подъ мышкой. Носилъ онъ большей частью бѣлый витель да фуражку засаленную, солдатскую; салогн онъ, кажется, никогда не чистилъ. Такъ-то жилъ Тарасъ Григорьевичъ въ Ново-Петровскѣ!—закончилъ свое повѣствованіе Груновскій,—и дожилъ онъ до Царской милости. Освобожденіе пришло ему. Проводы ему справили важно. 2 августа Шевченко выѣхалъ изъ Ново-Петровска въ Петербургъ.

Бюстъ Т. Г. Шевченко. Единственный «монументъ», украшающій Харьковъ,—это каменный столбъ на углу Университетской улицы и Павловской площади. Инициаторъ Харьковскаго университета Каразинъ и украинскій поэтъ Квитка все еще ждутъ, когда, наконецъ, харьковцы вспомнятъ объ ихъ заслугахъ. На дняхъ присланъ изъ Петербурга художественно исполненный бюстъ Т. Г. Шевченка, работы извѣстнаго скульптора-художника Беклемишева. Бюстъ этотъ исполненъ по заказу почитателей поэта А. К. и Х. Д. Алчевскихъ и будетъ украшать площадку сада у ихъ дома, выходящаго на Мироносицкій переулокъ, такъ что бюстъ будетъ видѣнъ съ улицы черезъ желѣзную рѣшетку сада. Какъ говорятъ, что за исполненіе бюста уплачена тысяча руб. («Южный Край»).

Предстоящее новое изданіе произведѣній Г. Θ. Квитки-Основьяненко. Харьковская уѣздная земская управа ходатайствуетъ предъ предстоящимъ земскимъ собраніемъ о разрѣшеніи ей вторично издать III и IV томы сочиненій украинскаго писателя Г. Θ. Квитки-Основьяненка, такъ какъ первое изданіе ихъ въ количествѣ 1800 экземпляровъ каждаго уже распродано. Земская управа рекомендуетъ при этомъ уменьшить продажную цѣну—III т. до 75 коп. (вм. 1 руб.) и IV—до 1 р. (вм. 1 руб. 50 коп). Какъ извѣстно, суммы, выручаемыя отъ продажи этихъ сочиненій, идутъ на нужды училища въ с. Основѣ, устроеннаго въ память писателя. («Харьков. Губ. Вѣдом.»)

Интересъ къ земледѣльческимъ артелямъ. Херсонскій «Югъ» чрезвычайно старательно слѣдитъ за каждымъ шагомъ извѣстнаго «артельщика» Н. В. Левитскаго. Газета сообщаетъ, что вызванный въ Австрію Н. В. Левитскій находился съ сентября мѣс. во Львовѣ, въ которомъ происходилъ съѣздъ крестьянъ для обсужденія вѣкторныхъ проектовъ административныхъ и земельныхъ реформъ. Какъ сообщаютъ, Н. В. Левитскому пришлось тамъ столкнуться съ массою крестьянъ и интеллигенціи и значительно подвинуть артельное дѣло. Заинтересовались имъ тамъ очень сильно. Въ сентябрьской книжкѣ галиційскаго журнала «Літер.-Науковий Вістн.» явились замѣтки объ артеляхъ и приведены стихотворенія, характеризующія артельное дѣло Левитскаго: «Сучасня народня творчість», «На роковини засновавня спілки в селі Козарні», «Шановному

Н. В. Л.). При этомъ просятъ самого Левитскаго написать статью объ артеляхъ для газеты «Громадский голосъ» во Львовѣ, доставить клише его портрета и всѣ статьи со свѣдѣніями объ артеляхъ. Н. В. Левитскимъ получено было приглашеніе на пятый конгрессъ «Српскихъ землорадничкихъ зѣдруга», имѣвшій быть 17, 18 и 19 сентября у «Шапцу» (Шабацъ, гор. Сербіи).

15 Ноября въ засѣданіи Полтавскаго Сельско-хозяйственнаго общества обсуждался докладъ В. М. Сазонова «О земледѣльческихъ артеляхъ». На засѣданіе прибылъ и организаторъ артелей Н. В. Левитскій, при участіи котораго всесторонне былъ рассмотрѣнъ столь важный вопросъ. Предсѣдательствующій предложилъ назначить второе засѣданіе для окончательнаго обсужденія этого вопроса, къ какому времени будетъ разработанъ особый докладъ съ указаніемъ практическихъ мѣръ для осуществленія примѣненія коопераціи въ Полтавской губ. (Полт. Губ. Вѣдом. № № 254, 258).

Проектъ изслѣдованія ярмарокъ въ Полтавской губ. 25 октября состоялось засѣданіе членовъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства, подъ предсѣдательствомъ президента О—ва Д. К. Квитки. На засѣданіи между прочимъ былъ обсужденъ докладъ В. И. Василенка объ изслѣдованіи ярмарокъ, прочитанный въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій. При этомъ докладчикъ въ общихъ чертахъ резюмировалъ свое предложеніе, сообщивъ, что наиболѣе подробное изслѣдованіе этого рода, коснувшееся и Полтавской губерніи, произведено извѣстнымъ А. С. Аксаковымъ еще въ 1847 году; съ тѣхъ поръ у насъ сдѣланы изслѣдованія отдѣльных ярмарокъ въ разное время, не дающія все-таки полной картины этой отрасли обмѣна товаровъ въ губерніи. Въ Полтавской губерніи существуетъ болѣе 1000 ярмарокъ, в изслѣдованіе потребовало-бы слишкомъ много времени и средствъ; поэтому докладчикъ предлагаетъ заняться пока изслѣдованіемъ наиболѣе значительныхъ, главнымъ образомъ, находящихся въ пограничной полосѣ губерніи, ярмарокъ, причемъ изслѣдованіе должно коснуться не только оборота ярмарки, но и качества и характера привозимыхъ на каждую ярмарку товаровъ и производиться специалистами при содѣйствіи практическихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ засѣданіи выяснилось, что, предпринявъ изслѣдованіе мнимальнаго числа ярмарокъ, не болѣе пятидесяти, придется ходатай-

ствовать передъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ 20.000 руб.

Послѣ продолжительныхъ преній по этому вопросу, собраніе высказалось за желательность изслѣдованія, при чемъ предсѣдательствующій Д. К. Квитка предлагаетъ ходатайствовать о приведеніи его въ исполненіе земскими учрежденіями, при посредствѣ опытныхъ сельскихъ хозяевъ, поручивъ земству также выработать программу дѣйствій въ этомъ направленіи, какъ производить изслѣдованіе ярмарокъ, что оно можетъ дать и какое отношеніе оно можетъ имѣть къ земскимъ мѣропріятіямъ по поднятію экономическаго благосостоянія населенія губерніи.

Собраніе избрало комиссію въ составѣ предсѣдателя А. А. Русова и членовъ: Д. К. Квитка, В. И. Василенко, В. Р. Головня, К. А. Маціевича и Я. К. Имшенецкаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 237).

Иуда на русской монетѣ. Весьма интересный указъ въ Ижерскую канцелярію, какъ сообщаютъ «М. Вѣд.», былъ посланъ въ 1709 г.: «Въ нынѣшнемъ 1709 году іюля въ 22 день въ указѣ Великаго Царя, — чптается въ одной рукописи XVIII в., хранящейся въ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, — въ Ижерскую канцелярію изъ военнаго походу, изъ подѣ Полтавы, за скрѣною Свѣтлѣйшаго Князя написано:

«Здѣлать тотъ часъ манету серебряную вѣсомъ въ десять фунтовъ, а на ней вырѣзать Иуду на осинѣ повѣсившагося, и внизу тридцать сребренниковъ лежащихъ, и при нихъ мѣшекъ, и на задѣ подписъ: сынъ погибельный Иуда, еже за сребролюбіе давится... Да къ той манетѣ здѣлать чепъ въ два фунта, и прислать тое монету въ военный походъ на нарочной почтѣ немедленно».

«И по тому Его Великаго Государя указу къ дѣлу той манеты отдано изъ ежерской канцеляріи отъ росходу расходчика Семена Баженова, серебрянаго дѣла мастера Матвѣю Алексѣеву серебра ефимками, четвертаками и полуефимками двенадцать фунтовъ да на угаръ полфунта, итого двенадцать фунтовъ съ полуфунтомъ».

Конечно, это относится къ событіямъ, связаннымъ съ исторіей гетмана Мазены.

✓ Уничтоженіе памятниковъ старины. Полтавскій соборъ, выстроенный еще задолго до Мазепы, подвергся недавно передѣлкѣ, и, въ видахъ расширенія его, были приняты четыре каменныхъ пилястра, поддерживавшіе сводъ, и замѣнены тонкими желѣзными подиорками. Искажена архитектура собора, да, кромѣ того, страшно молиться: а вдругъ рухнетъ сводъ. Можетъ быть, и выдержать тонкіе столбики, но трудно отдѣлаться отъ этого описанія. Кромѣ того, древняя, тоже до-мазепинская, живопись, которую, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сохранить Полтавѣ, замѣнена новою иконописью. (Бирж. Вѣд. № 297).

Юбилей Омеляна Поповича. 6 ноября въ Черновцахъ торжественно былъ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Омеляна Поповича, автора значительнаго количества популярныхъ и школьныхъ книгъ. Всѣ школьныя книжки, написанныя О. Поповичемъ, одобрены министерствомъ и введены въ буковинскія школы. Главная заслуга ихъ заключается въ умѣло подобранномъ матеріалѣ и соответствующемъ направленіи.

На юбилей собралось до тысячи душъ свѣтской и духовной интеллигенціи, учителей, крестьянъ и мѣщанъ (Руслан, ч. 254; Буковина, ч. 134).

Курьезное изданіе. Издающаяся во Львовѣ старорусской партией небольшая газетка «Русское Слово» издала недавно въ качествѣ приложенія «Тараса Бульбу» Гоголя, со спеціальной цѣлью ознакомить галицкую Русь съ чисто-русскимъ языкомъ. Изданіе исполнено такъ, что рядомъ со словами оригинальными въ скобкахъ помѣщены поясненія. Вотъ образцы изъ первыхъ двухъ страницъ, свидѣтельствующія о томъ, какія поясненія, по мнѣнію «Р. Сл.», необходимы для пониманія русскаго языка галицкимъ читателямъ. «А поворотыска (обернися-но), сынъ!» — «Что это на васъ за поповскіе подрашники (спѣдныи священническіи одежи). — «Это были два дюжіе (крѣпкіе) молодця. — «Они были очень (дуже) слущены... потупивъ глаза (очи) въ землю». — «Стойте... продолжалъ онъ, поворачивая (обертаючи) ихъ; какія же длинныя (долгіи) на васъ свитки (верхняя одежда у южныхъ *россіянь*)!» — «Не шлепнется ли (чи не грамне) онъ на землю». — «Нѣсколько шаговъ (кроковъ) назадъ». — «Развѣ (хиба) на

кулаки?»—» Начали насаживать другъ другу тумакн (штурханцѣ).—
«Совсѣмъ снятилъ (зойшовъ) съ ума!»— «А онъ задумалъ нивѣсть (не
знати) что».— «Почеломбаемся (поцѣлуемся)».

Изъ этого нельзя заключить, чтобы языкъ Гоголя былъ такъ
близокъ Галицкому населенію, какъ это привыкли нѣкоторые утвер-
ждать въ литературѣ и обществѣ. (Літерат.-Науков. Вістник, кн. 11).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Каталогъ Музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Томъ II. Составилъ Б. Д. Гринченко. Приложение къ № 7 «Земскаго Сборника Черн. з.» 1900 г. Черниговъ, 1900, in 8°. XVI+367 стр.

Черниговское земство, такъ недавно получившее въ даръ собраніе покойнаго В. В. Тарновскаго, уже выступило съ цѣннымъ изданіемъ, заголовокъ котораго приведенъ выше. Фактъ этотъ даетъ полное право утверждать, что собраніе это займетъ надлежащее мѣсто среди другихъ земскихъ учрежденій и главное—станеть учрежденіемъ жизненнымъ.

В. В. Тарновскимъ, незадолго передъ смертью, былъ изданъ «Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго». Это роскошное изданіе обнимало лишь часть громаднаго собранія; въ него вошло описаніе, главнымъ образомъ, вещественныхъ памятниковъ старины, другіе-же предметы, какъ напр. рисунки и рукописи, были едва лишь затронуты. Между тѣмъ, покойный владѣлецъ собранія былъ серьезнымъ коллекціонеромъ въ полномъ значеніи этого слова; помимо казовыхъ предметовъ, имъ подбирались все, что такъ или иначе характеризовало бытъ старой Украины: собирались рисунки, гравюры, фотографіи, вырѣзывались иллюстраціи изъ журналовъ, собирались рукописи, автографы и разнаго рода документы, составлялась по такой-же широкой программѣ бібліотека, включавшая и цѣнные старопечатныя изданія. Результатомъ многихъ лѣтъ коллекціонирования и явилась масса матеріала, трудъ приведенія котораго въ

порядокъ и описанія взялъ на себя Б. Д. Гринченко и въ короткій срокъ справился съ этой нелегкой задачей.

Настоящій каталогъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ, которымъ мы и будемъ слѣдовать, хотя, въ виду нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, систематическій порядокъ отдѣловъ при составленіи не былъ выдержанъ.

Сначала идутъ *акварели и рисунки карандашемъ, перомъ и проч.*—отдѣлъ небольшой: всего 28 номеровъ. Затѣмъ слѣдуютъ *воспроизведенія картъ, рисунковъ и картинъ и фотографическіе снимки*—самый обширный отдѣлъ, заключающій полторы тысячи номеровъ, причемъ иногда подъ однимъ номеромъ числятся цѣлые альбомы. Сюда входятъ: карты и планы территорій, поселеній и зданій; виды мѣстностей и населенныхъ пунктовъ, зданій, памятниковъ и другихъ сооружений, съ подраздѣленіемъ ихъ по губерніямъ; пейзажи; портреты лицъ, по рожденію или по своей дѣятельности относящихся къ Украинѣ; рисунки на историческіе и историко-бытовые сюжеты; бытовые картины, изображенія церковныхъ предметовъ, клейнодовъ, значковъ, оружія, одежды, украшеній, посуды, мебели, музыкальныхъ инструментовъ, вертена, орудій, инструментовъ в т. п.; иллюстраціи къ произведеніямъ словесности; альбомы, заключающіе въ себѣ рисунки различнаго содержанія. Какъ ни незначительны иногда сами по себѣ отдѣльные экземпляры, входящіе въ этотъ отдѣлъ, но систематическій и приближающійся къ полнотѣ подборъ ихъ имѣетъ несомнѣнно громаднѣйшій интересъ и значеніе какъ для искусства, такъ и для исторіи бытовой стороны прошлой жизни, для историко-топографическихъ изслѣдованій и для этнографіи. Практическое значеніе такого рода коллекцій и каталоговъ ихъ очевидно для всѣхъ, интересующихся тѣми или другими вопросами изъ вышеприведенныхъ областей знанія. Въ настоящее время, напр., по поводу описанія памятниковъ украинской старины, комиссіей, образованной при Общ. Нестора Лѣтописца, рѣшено, первымъ долгомъ, привести въ извѣстность то, что уже издано—и вотъ здѣсь такіа собранія, хотя-бы составленныя изъ вырѣзокъ изъ иллюстрированныхъ изданій, снабженныя подробнымъ описаніемъ, какъ это сдѣлано въ данномъ каталогѣ г. Гринченкомъ, могутъ оказать очень цѣнную услугу.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ *Т. Г. Шевченку*. Покойный В. В. Тарновскій очень дорожилъ этимъ отдѣломъ и предлагалъ всѣ мѣры, чтобы обставить его возможно полнѣе. Въ 1893 г. имъ былъ изданъ

каталогъ этого отдѣла, куда вошло 211 номеровъ. Теперь здѣсь имѣется 760 номеровъ, которые подраздѣлены г. Гринченкомъ на нѣсколько подотдѣловъ, именно: 1. Письма Шевченка, автографы; 2. сочиненія его въ автографахъ; 3. его бумаги; 4. книги Шевченка; 5. бумаги, имѣющія отношеніе къ Шевченку; 6. списки сочиненій Шевченка, сдѣланные разными лицами; 7. его акварели и рисунки карандашомъ (284 экземпляра); 8. его картины масляными красками; 9. его офорты; 10. мѣдныя доски, гравированныя Шевченкомъ для его офортовъ; 11. рисунки, литографіи, гравюры, фотографіи и проч. съ картинъ, портретовъ и рисунковъ Шевченка; 12. бюсты, барельефы, маски, клише портретовъ, изображенія Шевченка на металѣ и глинѣ; 13. его портреты, писанные масляными красками; 14. портреты Шевченка, срисованные, гравированные, литографированные, фотографіи и проч.; 15. картины, писанныя масляными красками съ сюжетами, взятыми изъ его сочиненій; 16. рисунки, гравюры, литографіи, фотографіи и проч. съ сюжетами изъ сочиненій Шевченка; 17. рисунки, гравюры, литографіи и проч. съ сюжетами, относящимися къ личности Шевченка; 18. разныя вещи, принадлежавшія Шевченку; 19. вещи, имѣющія отношеніе къ Шевченку. Кромѣ вышеперечисленнаго, сюда также входятъ литературныя произведенія Шевченка и относящіяся къ нему сочиненія на разныхъ языкахъ, напечатанныя въ отдѣльныхъ изданіяхъ, журналахъ, газетахъ и проч. Эти изданія въ настоящій каталогъ не вошли, а будутъ помѣщены въ общемъ каталогѣ библиотеки В. В. Тарновскаго, также завѣщанной Черниговскому Земству.

Последній отдѣлъ—*рукописи*. Ихъ 5 тысячъ. Это сочиненія XVII и XVIII вѣковъ (книги и свитки), документы XVI, XVII и XVIII вв., бумаги учреждений и фамилій XVIII и XIX вв. (Троицко-Георгіевскаго монастыря, Мплорадовичей, Лашкевичей, Полетивъ, Тарновскихъ), рукописи XIX в., бумаги писателей, ученыхъ, художниковъ, композиторовъ (между прочимъ Гоголя, Максимовича, особенно много Кулиша, Костомарова и др.). Среди документовъ многіе еще не использованы научнымъ образомъ и ждутъ обработки.

Въ предисловіи составитель Каталога высказываетъ пожеланіе о второмъ изданіи I-го тома, изданнаго В. В. Тарновскимъ и поступившаго въ продажу въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Каталогъ этотъ требуетъ теперь дополненій, и если ко второму его изданію прибавится томъ каталога библиотеки, то будетъ охваченъ весь

составъ Музея. Присоединяясь къ этому пожеланію, мы должны выразить искреннюю благодарность Б. Д. Гринченку и его сотрудницѣ Маріи Николаевнѣ Гринченко, съ такимъ знаніемъ дѣла потрудившимся надъ каталогизаціей этой обширной части Музея В. В. Тарновскаго.

Н. В.

Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Вып. III.
Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ (ч. II). Киевъ,
1900 г., in 4°.

Какъ бы ни было цѣнно чье-нибудь частное собраніе, но если оно служитъ главнымъ образомъ лишь для удовлетворенія тѣхъ или другихъ цѣлей владѣльца—цѣнность его сводится до минимума, коллекціонированіе превращается въ маньячество. Возможно широкое распространеніе свѣдѣній о собраніи какъ среди специалистовъ, такъ и болѣе широкихъ слоевъ публики, предоставленіе возможности каждому желающему тѣмъ или другимъ способомъ ознакомиться съ содержаніемъ собранія превращаетъ частное дѣло въ общественное, ставитъ коллекціонированіе на ряду съ другими видами научной работы. Конечно, самымъ лучшимъ средствомъ въ данномъ случаѣ являются изданія, заключающія описаніе предметовъ коллекціи. Въ этомъ отношеніи нужно отдать полную справедливость неутомимой энергіи, съ какою В. И. Ханенко ведетъ изданіе своего собранія. Въ теченіе двухъ лѣтъ имъ уже издано 5 выпусковъ, гдѣ описана и представлена въ превосходныхъ изображеніяхъ масса цѣннаго матеріала, касающагося прошлаго южной Россіи.

Недавно вышелъ 3-й выпускъ «Древностей Приднѣпровья», составляющій вторую часть отдѣла, охватывающаго періодъ, предшествующій эпохѣ великаго переселенія народовъ. Онъ—какъ-бы продолженіе первой части, посвященной главнымъ образомъ скифо-сарматскимъ древностямъ,—имъ почти исключительно онъ и заполненъ.

Въ данномъ выпускѣ, прежде всего, въ небольшомъ введеніи дана характеристика предметовъ, при чемъ главное вниманіе обращено на ихъ художественную сторону. Затѣмъ помѣщены выдержки изъ дневниковъ раскопокъ кургановъ (по р. Сулѣ—С. А. Мазараки и въ сс. Райгородѣ и Прусахъ, Черкасск. у.—В. В. Хвойко), давшихъ

болѣе или менѣе интересны находки, изданныя въ настоящемъ выпускѣ. Остальная часть текста состоитъ изъ описанія предметовъ, расположенныхъ по матеріалу, изъ якого они сдѣланы. За текстомъ слѣдуетъ 17 фототипическихкихъ таблицъ съ изображеніями предметовъ.

Настоящій выпускъ снабженъ еще особымъ приложеніемъ, заключающимъ краткія свѣдѣнія о раскопкахъ кургановъ въ урочищѣ Смольномъ и въ окрестностяхъ сель Флерковки и Жаботина, черваскаго у., а также описаніе, снабженное таблицами нѣкоторыхъ предметовъ, какъ-изъ собранія Ханенко, такъ преимущественно изъ собранія покойнаго Е. А. Зноско-Боровскаго.

Теперь можно безъ преувеличиванія сказать, что все болѣе типичное, относящееся къ личному убору, вооруженію, сбруѣ скифо-сарматской культуры средняго Поднѣпровья, описано и издано. Очередь за эпохой переселенія народовъ и Славянской, — по словамъ издателя, имъ и будутъ посвящены дальѣйшіе выпуски.

В.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. т. XXXV—XXXVI (кн. III и IV за 1900 р.). Львів, 1900, стр. 1—39, 1—14, 1—355.

Настоящій двойной томъ, весьма объемистый и содержательный, включаетъ въ себѣ вторую половину рефератовъ (языкъ и исторія литературы), предназначавшихся для XI кievскаго археологическаго съѣзда. Всѣхъ рефератовъ изъ области филологіи предназначалось на съѣздъ 13, изъ которыхъ семь помѣщены въ настоящемъ томѣ полностью, а остальные шесть въ сокращенномъ видѣ. При этомъ, изъ числа первыхъ, рефератъ д-ра Охримовича «Про наголос в українсько-руській мові» начатъ печатаніемъ въ XXXIII т. Записок¹⁾ (главы I—IV), а рефераты: д-ра Франка «Карпаторуське письменство XVII—XVIII в.в.» и д-ра Колессы «Причинки до історії угроруської мови і літератури» войдутъ въ послѣдующіе томы.

Остановимся прежде всего на тѣхъ рефератахъ, представленныхъ въ сокращенномъ видѣ, которые не будутъ напечатаны полностью, — это, во-первыхъ, — «*Носові самозвуки в славянських мовах*» Олександра

---

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1900 г., ноябрь, отд. бібліографія.

Барвинского. Референтъ, отмѣчаетъ, что, кромѣ вымершихъ языковъ, старословянскаго и полабскаго, въ живыхъ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ носовыя гласныя сохранились лишь въ польскомъ, въ различныхъ говорахъ его, тогда какъ въ иныхъ замѣтны лишь слѣды носоваго произношенія, такъ напр. въ новословянскомъ, украинско-русскомъ. Съ этой цѣлью референтъ изслѣдуетъ носовыя гласныя въ польскомъ языкѣ и его говорахъ, сравнительно съ старословянскимъ и полабскимъ.

Второй, затѣмъ, рефератъ—*«Причинок 'до пізнаня розвитку народної мови в письменстві у Галицьких Русинів»*—Іліп Кокорудза. Референту попало въ руки рукописное *«Предисловіе»* къ *«Книга оуѣбник дла второго бѣдѣла шкѣл народних, в землях австрійского царства»*, написанное кириллицею въ 1840 г. Авторъ предисловія: *„P. Petruszewicz, Parochus Rudensis“*, повидимому былъ человекъ образованный и довольно начитанный; ему было поручено перевести школьный нѣмецкій учебникъ *„Lehrbuch für die zweite klasse für Landschulen“* на народный (малорусскій) языкъ. Въ предисловіи къ переводу авторъ высказываетъ свой взглядъ, весьма любопытный для того времени, на положеніе галицко-русской *„бесиды“* (которую онъ также называетъ и языкомъ *«малорусскимъ»*) въ средѣ другихъ славянскихъ языковъ и на отношеніе ея къ языку *„ляхитскому“* и *«великоруському»*, признавая ее отдѣльной какъ отъ того, такъ и другого; онъ также предлагаетъ способы, какими можно бы способствовать развитію литературнаго родного языка. Вообще же *«Предисловіе»*, какъ литературно-историческій памятникъ, представляетъ значительный интересъ.

Наконецъ, въ третьемъ рефератѣ, *«—Историчний і літературний підклад «Слова о полку Ігоревім» д-ра Волод. Коцовскаго, референтъ касается нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ, оставшихся донинѣ нерѣшенными въ упомянутомъ драгоценнѣйшемъ памятникѣ дружинной поэзіи, какъ напр. опредѣленіе личности Бояна, время написанія «Слова» и др. По предположенію автора, Боянъ— «се правдоподобно поетична череміна іменн Ян, якъ зрештою Буй-Ігор, Буй-Святославъ»; что же касается времени написанія Слова, то это могло произойти лишь весной 1187 г., послѣ свадьбы Володимира Игоревича съ дочерью Кончака,—и все «Слово» является величаніємъ новобрачныхъ.*

Переходя затѣмъ къ рефератамъ, напечатаннымъ полностью, на первомъ мѣстѣ мы должны отмѣтить весьма солидное изслѣдованіе

Івана Верхратского «*Про говор доли́вский*» (стр. 1—128). Говоръ «доливскій» (зап.-галицкихъ горныхъ жителей околлицъ Перемышля и Ярославля) относится къ группѣ говоровъ, такъ называемыхъ «Билаківъ»,—говоровъ съ подвижнымъ удареніемъ, и болѣе всего приближается къ говору Лемковъ, отъ котораго впрочемъ отличается подвижнымъ удареніемъ, а также нѣкоторыми мѣстными особенностями. Собирая языковыя матеріалы, авторъ лично объѣхалъ въ 1893 году 22 села и приселка, результатомъ чего и явился означенный цѣнный трудъ. Въ этомъ послѣднемъ онъ приводитъ огромное количество грамматическихъ явленій въ доливскомъ говорѣ, даетъ нѣсколько образцовъ доливскаго говора и въ концѣ прилагаетъ довольно обширный „Словарчикъ“, содержащій въ алфавитномъ порядкѣ малоупотребляемыя и малоупотребительныя слова.

Въ слѣдующемъ затѣмъ изслѣдованіи: „*Русини Пряшівської епархії і їх говори*“—Володимира Гнатюка, авторъ, сообщивъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Пряшивской епархіи, основанной въ 20-хъ гг. истекающаго столѣтія, а также о числѣ греко-католиковъ и гр.-католическихъ школъ въ епархіи, подробнѣе останавливается на этнографическомъ составѣ малорусскаго элемента Пряшпвской епархії („Руснаки и Словаки“), относящагося по говору къ Лемкамъ, а также отмѣчаетъ важнѣйшія фонетическія и морфологическія особенности обоихъ діалектовъ. Заканчиваетъ онъ свое изслѣдованіе реестромъ селъ, съ указаніемъ употребляемаго въ немъ языка, и приведеніемъ образцовъ нѣкоторыхъ говоровъ въ такомъ порядкѣ, какой лучше всего свидѣтельствуеетъ о вліяніи на нихъ Словацкаго языка.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, съ особеннымъ интересомъ останавливаемся на изслѣдованіи д-ра Івана Франка „*Слово о Лазаревѣ воскресеніи*“. Староруська поема на апокрифічні темѣ“. Донынѣ были извѣстны лишь два списка этого слова: Соловецкая рукопись XVI—XVII вв. „Слово в субботу 5-ю поста на воскресїе друга Божїа Лазара“, опубликованная Порфирьевымъ въ Сборн. отд. русс. яз. и Слов. Имп. Академіи Наукъ, т. LII, № 4, стр. 228—231) и новгородскій, опубликованный А. Н. Пыпнымъ въ III т. „Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, стр. 11—12, „Слово стѣхъ аплаъ, нже ѿ Адама во адъ къ Лазарю“, относящійся также къ XVI в. Недавно д-ръ Ів. Франко опубликовалъ во II томѣ своего собранія апокрифовъ (стр.

315—317) третій списокъ, по рукописи Кіевской Духовной Академіа, относящійся къ XVI в. Сравнивая всё эти списки между собой авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Кіевская копія имѣеть опредѣленный южно-русскій оттѣнокъ, копія Шыпина—не столь опредѣленный бѣлорусскій, а Соловецкій—несомнѣнно великорусскій. 2) Насколько видно изъ Кіевской копіи, графика оригинала кіевского «Слова» должна быть древнерусская,—такая, какая существовала еще до утвержденья сербо-болгарскаго вліянія въ XV в. 3) Слѣды поэтического чувства, пластичной фантазіи подтверждаютъ предположеніе, что Слово—оригинально-русское, именно южно-русское произведеніе. 4) Слѣды древне-русской графики и близость во многихъ отношеніяхъ Слова о Лаз. Воскресеніи къ „Слову о полку Игоревомъ“ даютъ возможность утверждать, что Слово явилось въ дружинно-княжескую эпоху, когда еще живы были традиціи дружинной поэзіи,—въ концѣ XIII или XIV в. 5) Слово написано не только поэтическимъ стилемъ и обнаруживаетъ сильный поэтический талантъ, но имѣеть также и своеобразную стихотворную форму и строфическое строеніе, свидѣтельствующія о томъ, что дружинной поэзіи не чужды были духовныя, церковно-апокрифичныя темы, и что и на этомъ полѣ наши древніе поэты умѣли проявить такую степень оригинальности, истиннаго чувства и таланта, о какихъ, не зная данной поэмы, трудно было-бы догадываться.

Въ заключеніе своей весьма интересной статьи авторъ приводитъ сравнительный текстъ всѣхъ трехъ копіи, а также самое Слово въ ритмичной формѣ, разбитое на 44 строфы (по 5 строкъ въ строфѣ).

Перу этого же автора принадлежатъ и слѣдующія двѣ статьи: небольшая статейка—*«Новий причинок до студій над Іваномъ Вишенскимъ»* и солидное изслѣдованіе: *«Апокрифічна свателіе Псевдо-Матвія і його сліди в українсько-руськѣм письменстві»*. Въ первой статейкѣ авторъ обращаетъ вниманіе на одно произведеніе, не разобранное имъ въ специальномъ изслѣдованіи о Вишенскомъ и не отмѣченное критиками,—интересное въ особенности тѣмъ, что является единственнымъ произведеніемъ Вишенскаго, напечатаннымъ при жизни его,—хотя и безъ его имени,—именно «Соборное посланіе афонскихъ монаховъ», опубликованное книземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1598 г. въ дополненіи къ семи посланіямъ патріарха Мелетія Пигаса противъ уни, въ такъ называемой «Острожской кни-

жечкѣ въ девяти отдѣлахъ. Что оно принадлежать Вишенскому, объ этомъ свидѣтельствуесть какъ виѣшняя форма, такъ и содержаніе даннаго произведенія.

Во второй своей цѣнной статьѣ авторъ старается прослѣдить вліяніе евангелія Псевдо-Матѳея, мало популярнаго въ древности и въ средніе вѣка, а также другихъ латинскихъ и чешскихъ поэмъ и впршней на нѣкоторые памятники древней нашей письменности, какъ-то: «Сказаніе о зачатіи и рождестви пресвятыя Богородици» (найдена В. Гнатюкомъ въ Керестурѣ въ 2-хъ копіяхъ XVIII и XIX ст.) и собраніе „Чудесъ которыи ся стали, гдѣ Христось передъ Иродомъ до Египту уходилъ“ (найдены списки въ Угорщинѣ и въ Кіевѣ; какъ-то, такъ и другое произведенія напечатаны во II т. апокрифовъ, собранныхъ Ів. Франкомъ).

Оказывается, что ни одна изъ славянскихъ поэмъ о рожденіи и дѣтствѣ Маріи не была непосредственнымъ пересказомъ латинскихъ апокрифовъ, хотя, безъ сомнѣнія, всѣ онѣ основаны на послѣднихъ. Въ частности же, керестурская поэма болѣе всего приближается къ евангелію Псевдо-Матѳея и къ тѣмъ версіямъ апокрифическихъ рассказовъ, которые, подъ вліяніемъ отчасти латинскихъ, отчасти второстепенныхъ греко-византійскихъ источниковъ, были составлены въ XVII в. на Украинѣ, въ кругу кіевскихъ ученыхъ. А это свидѣтельствуесть о томъ, что поэма эта составлена не ранѣе конца XVII в. и при томъ въ такой области, гдѣ кіевское вліяніе не только не встрѣчало отпора, но, наоборотъ, находило благодарную почву благодаря сосѣдству съ католическимъ міромъ. Но такъ какъ и въ языкѣ, и въ стилѣ поэмы замѣтно сильное сербское вліяніе, то является предположеніе, что передаточной средой могъ служить ппиро-русскій кругъ ученыхъ, сплотившихся въ первой четверти XVIII ст. въ той части Сербіи, когорая послѣ 1718 г. отошла къ Австрій.

Далѣе слѣдуетъ небезынтересная статья д-ра Кюрила Студинского «*Хто був авторомъ Аутиррѣтса а в р. 1599?*» Какъ извѣстно, Аутиррѣтс, направленный противъ Апокризиса Христофора Филалета (Бронскаго), изданнаго въ 1597 г. на польскомъ языкѣ, а въ 1598 г.—въ русскомъ переводѣ, появился въ свѣтъ безъ имени автора. Стебельскій, Гриневецкій, а въ новѣйшее время проф. Голубевъ приписывали Аутиррѣтс Петру Аркудію, между тѣмъ какъ проф. Скабалановичъ,

а за нимъ и авторъ данной статьи придерживаются того мнѣнія, что авторомъ его былъ не кто иной, какъ Ипатій Потѣй. Для доказательства своего положенія авторъ ссылается на то, что въ 'Αντίρρησι'ѣ напечатаны историческіе акты, о которыхъ могъ знать одинъ лишь Потѣй (какъ напр. переписка съ кн. Острожскимъ); что во многихъ мѣстахъ встрѣчаются необычайно похожіе мѣста, не только по смыслу, но и въ выраженіяхъ; что замѣчается тожество взглядовъ въ 'Αντίρρησι'ѣ и въ другихъ произведеніяхъ Потѣи по такимъ вопросамъ, по которымъ въ уніатскомъ лагерѣ несомнѣнно не было согласія, какъ-то: мысль объ измѣненіи календаря, о celibatѣ и причастіи подъ однимъ видомъ. Наконецъ, что Потѣй, а не Аркудій былъ творцемъ 'Αντίρρησι'а,—на это указываетъ еще и общій характеръ ихъ произведеній: у Потѣи нѣтъ ни одного произведенія, которое не носило-бы полемическаго характера, между тѣмъ въ какъ произведеніяхъ Аркудія виднѣтъ спокойный богословъ и историкъ, въ богословскихъ спорахъ мало оригинальный, а болѣе—переводчикъ и компиляторъ. Всѣ эти вышеуказанные аргументы и побуждаютъ г. Студинскаго видѣть автора 'Αντίρρησι'а скорѣе въ лицѣ Потѣя, чѣмъ Аркудія.

Наконецъ, послѣднее изслѣдованіе: «*Якуб Гаватович (Гават) авторъ первыхъ русскихъ интермедій з 1619 р.*» принадлежитъ Михайлу Павлику. Автору удалось имѣть въ своихъ рукахъ два экземпляра «*Tragediі*» —одинъ, принадлежащій польскому ученому Юсіфу Крашевскому, а другой бібліотекѣ гр. Баворовскаго¹⁾. Сличивши эти списки съ текстомъ, напечатаннымъ М. Драгомановымъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883, XII и 1885, XI), который представлялъ также копию экземпляра Юс. Крашевскаго, но съ значительными дефектами, авторъ нашелъ въ послѣднемъ немалое количество ошибокъ и два пропуска. Пересказавъ подробно содержаніе Трагедіи и подтверждая ту или иную мысль значительными выдержками изъ нея, авторъ воспроизводитъ съ буквальной точностью двѣ украинскія интермедіи, вставленныя, какъ извѣстно, въ Трагедію (послѣ 2 и 3 актовъ). Такъ какъ упомянутыя интермедіи обладаютъ необычайной мелодичностью, и въ нихъ вообще выдержанъ складъ украинскаго простонароднаго языка—простой и естественный, то является очевиднымъ, что Гаватовичъ зналъ украинскій языкъ не только изъ разговоровъ съ народомъ, изъ на-

¹⁾ Существуетъ указаніе, что еще одинъ экземпляръ находится въ Петерб. Публичн. бібліотекѣ.

родныхъ разсказовъ по и изъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ простота формы доведена до артизма.

Какъ извѣстно, Трагедія Гаватовича съ интермедіями впервые была разыграна въ Каминци въ 1619 г., но не въ Подольскомъ, а въ Каминци Струмиловій—нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ восточной Галиціи, въ то время довольно значительномъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Регинѣ Жолкевской.

Въ заключеніе авторъ сообщаетъ біографическія подробности о Гаватовичѣ, въ значительной части донинѣ неизвѣстныя, а также перечисляетъ всѣ литературныя его произведенія (числомъ 13), въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождая, по возможности, обстоятельнымъ описаніемъ ихъ.

Исслѣдованіе почтеннаго автора является крупнымъ вкладомъ въ нашу небогатую исторію драматической литературы.

В. Д.

А. Т. Грабина. Тывуртіевы Выгадки. Жартъ въ 1-ой (!) діи.
Києвъ, 1900, 1—34, in 8°. Цѣна 20 коп.

Г. Грабина—давній и плодovitый писатель. Ежегодно является изъ печати по крайней мѣрѣ 2—3 его произведенія, довольно однороднаго достоинства,—такого именно, что достаточно прочесть одно изъ нихъ для того, чтобы другихъ не читать. И послѣднее, разсматриваемое нами—не лучше первыхъ. Оно имѣетъ, какъ видимъ, неудобопроизносимое заглавіе «Тывуртіевы Выгадки». Тывуртіи—имя главнаго героя пьесы, дьяка, этой «personae gratae» не только старинной малорусской комедіи и новеллъ Гоголя, но и народныхъ преданій; «это *вѣчно юный* и всегда благодарный (?) типъ, и поэтому, я думаю, мнѣ не поставятъ въ вину, что я, слѣдуя традиціямъ, вывожу этотъ персонажъ въ своей маленькой пьесѣ, имѣющей единственную претензію—вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя» (Отъ автора, стр. 3). Послѣ этого предостереженія читатель переворачиваетъ страницы одну за другой въ полной увѣренности встрѣтить здѣсь хорошо извѣстный литературный типъ дьяка XVIII ст. съ специфической, свойственной ему одному, церковно-руско-малорусской мѣшаниной,—типъ, нашедшій, на примѣръ, въ новѣйшее время, прекрасное волющеніе въ художественномъ произведеніи И. К. Тобиловича

(Карпенка-Караго) «Чумаки». Но ничуть не бывало... Дьякъ дѣйствительно говорить мѣшанной, но живетъ онъ и дѣйствуетъ—увы!—въ концѣ XIX ст. (послѣ 1895 г., ибо водить знакомство съ монополіей («марнополькой»,—по перефразировкѣ автора!). Далѣе, помимо упомянутого анахронизма, допущеннаго авторомъ вслѣдствіе перенесенія литературнаго тина XVIII в. на цѣлое столѣтіе впередъ, въ его пьесѣ всѣ дѣйствующія лица, также должно быть съ цѣлью «вызвать улыбку на уста благосклоннаго читателя», награждены или совершенно несуществующими въ свитцахъ именами, или, по крайней мѣрѣ, неупотребительными, какъ-то: Прискилла, Пуплій, Острихій, Родоіанъ, Фрументій, Вакхъ, Себуидъ, Помпей,—и это все не римскіе граждане, а мирные обыватели зауряднаго малороссійскаго села (судя по нѣкоторымъ особенностямъ говора—чодольскаго).

Кромѣ того, авторъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ бытомъ духовенства, съ его историческимъ прошлымъ: семинарствъ (Тывуртій), обучавшійся въ инфимѣ (слѣдовательно во времена достаточно отдаленные), уволенный изъ третьяго (философскаго) класса, никогда бы въ тѣ времена не остался на всю жизнь въ дьячкахъ.

Но и помимо этихъ вышнихъ неудобствъ, если бы мы захотѣли вникнуть въ суть самой пьесы, то прежде всего не отыскали бы никакой сути. Дѣйствующія лица являются по порядку одно за другимъ, когда для этого, по мнѣнію автора, наступило время; произносятъ, по большей части фразы, каковыхъ въ дѣйствительности живые люди при данныхъ обстоятельствахъ не произносили бы. Такъ наир., Тывуртію вздумалось почему-то рассказать слушателямъ крестьянамъ исторію Европы, преслѣдуемой Юпитеромъ, а затѣмъ случайно явившійся еврей Мендель рассказываетъ, какъ ему Богъ на душу положилъ, видѣнную имъ гдѣ то пьесу «Биръ-Кохба». Къ этому надо прибавить 2—3 развеселыхъ пѣсни да обильное употребленіе „монопольки“,—и пьеса готова.

Вышняя сторона (изложеніе) въ общемъ не много лучше внутренней. Вообще же автору, взявшмуся за исполненіе темы, столь любимой Гоголемъ, можно напомнить пословицу на языкѣ героевъ его пьесы: «Quod licet Jovi, non licet bovi», или проще: «Що лычить попови, то зась дякови!»...

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, №№ 10 и 11; 2) Русская Старина, № 11; 3) Историческій Вѣстникъ, № 11; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 11; 5) Вѣстникъ Европы, № 11; 6) Русская Мысль, № 11; 7) Научное Обзоріе, № 11; 8) Книжки Восхода, № 10 и 11; 9) Литературно-Научный Вѣстникъ, № 11; 10) Ateneum, № 11; 11) Biblioteka Warszawska, № 11; 12) Slovanský Přehled, № 11 (2); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, №№ 10 и 11; 14) Ученія Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10; 15) Przewodnik naukowy i literacki, № 11 ¹⁾; 16) Wisła, №№ 4 и 5; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, №№ 7, 8 и 9; 18) Этнографическое обзоріе, № 2; 19) Живая Старина, №№ 1 и 2—3.

Русскій Архивъ, № 10.

И. С. Листовскій. Изъ недавней Старины (стр. 236—243). Авторъ между прочимъ сообщаетъ нѣкоторые факты изъ жизни архіепископа Херсонскаго Димитрія: о его поѣздѣ въ Петербургъ по волѣ имп. Николая Павловича, которому Димитрій понравился съ перваго взгляда; о смиреніи его, выразившемся напр. въ томъ, что, когда вышло «Догматическое Богословіе» пр. Макарія, представлявшее компиляцію лекцій пресв. Димитрія, послѣдній не подалъ и виду, что онъ знаетъ объ этомъ. Кроме того, разсказывается исторія назначенія Кіевскимъ митрополитомъ на мѣсто скончавшагося Арсенія—архіеп. Тверскаго Филофея, нелюбимаго въ высшихъ сферахъ за открытое неодобреніе церковной реформы, задуманной оберъ-прокур. Св. Синода—гр. Толстымъ.

Изъ записокъ Кастора Никифоровича Лебедева. 1859 годъ. (стр. 244—288). Авторъ между прочимъ разсказываетъ о волненіи студенческомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 г. въ Казанскомъ университетѣ, вызванномъ арестомъ товарищей, апплодировавшихъ на лекціи проф. Буличу. Волненіе очень озабочивало попечителя и министерство. «Но они еще болѣе боялись вступительной лекціи исп. дол. экстр.-профессора Русской Исторіи Костомарова, бывшей сегодня. Уже выборъ и утвержденіе Саратовскаго изгнанника были торже-

¹⁾ Въ предыдущ. № по корректурному недосмотру вкралась ошибка: „8“ вм. 10.

ствомъ университета. Надобно было его отпраздновать и выразить сочувствіе политическому ученому, который, между тѣмъ, издалъ Богдана Хмельницкаго и бунтъ Стеньки Разина. Министръ и почетель привили мѣры; они пригласили и уговаривали вліятельныхъ студентовъ, откладывая лекцію, позвали на нее графа Сергѣя Строганова и многихъ изъ публки и дамъ. Костомаровъ, не отличавшійся ни наружною, ни дикціей, нашель въ аудиторіи болѣе 2000 слушателей и читаль о необходимости излагать исторію не государства, но, какъ думаль Полевой, исторію народа. Энтузіазмъ перешель границы. Аплодисменты, шумъ, крикъ, стукъ покрыли все; о порядкѣ нечего было и думать. Когда профессоръ сошелъ съ кафедры, его подняли на рукахъ и понесли по корридору съ криками «ура!» и «vivat!» (стр. 268).

Русская Старина № 11.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.) (стр. 237—255). Излагая событія войны 1828 года съ Оттоманскою Портою, авторъ приводитъ свидѣнія объ участіи въ ней запорожскихъ козаковъ, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, но впоследствии возвратились снова въ нѣдра преняго своего отечества.

Дѣйствительно, переправа русскаго войска черезъ Дунай подъ Сатуновымъ 27 мая удалась только благодаря запорожскимъ козакамъ, явившимся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ.

В. А. Вильбасовъ. Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій (стр. 277—299). Авторъ извлекаеть изъ собственнаго собранія бумагъ екатерининскаго времени указы императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, предпославъ имъ историческія сиравки о М. В. и В. В. Каховскихъ. Въ этихъ послѣднихъ авторъ останавливается на дѣятельности В. В. Каховскаго въ качествѣ екатеринославскаго губернатора, и между прочимъ рассказываетъ объ участіи его въ т. назыв. «Турбаевской катастрофѣ¹⁾». Изъ 22 приведенныхъ авторомъ указовъ—одинъ (3-й) касается турбаевской исторіи, три (4, 13-й и 14-й)—исторіи г. Екатеринослава и одинъ (10-ый)—вопроса о колонизаціи земель «пріобрѣтенныхъ отъ Порты Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащихъ».

¹⁾ О ней см. „Кіевская Старина“—1891 г., т. XXXII, статья А. Л. Ефименко „Турбаевская катастрофа.“

Историческій Вѣстникъ № 11.

Н. В. Чарыковъ. Павелъ Менезій. Его дипломатическая и военная служба при московскомъ дворѣ и предполагаемое наставничество при Петрѣ Первомъ. (Окончаніе слѣдуетъ) (стр. 510—537). Авторъ на основаніи цѣлаго ряда документовъ, хранящихся въ числѣ рукописей Ватиканскаго архива, а также и другихъ матеріаловъ въ Россіи и за границей, даетъ живой очеркъ дипломатической дѣятельности при московскомъ дворѣ нѣкоего Павла Менезія, прибывшаго вмѣстѣ съ Гордономъ въ Москву въ 1661 году. Послѣ взятія Каменца-Подольскаго въ 1672 г. туркамъ, Менезій былъ отпращенъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ дипломатической миссіей къ курфюрсту саксонскому, австрійскому императору, венеціанскому сенату и папѣ для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. Попутно авторъ касается Малороссійскаго вопроса послѣ Андрусовскаго договора.

И. С—въ. Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка (стр. 637—657). Авторъ излагаетъ въ общихъ чертахъ этотъ цѣнный арабскій литературно-историческій памятникъ, дѣлая, для образца, извлеченія подлинныхъ сообщеній Петра Алеппскаго о видѣнныхъ имъ мѣстностяхъ, бытѣ и нравѣ жителей и т. п. (о бытѣ украинскихъ козаковъ, о встрѣчѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ и друг.).

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» (стр. 692—718) рецензированы слѣдующія книги и изданія: «Хрущовъ, И. П. Бесѣды о древней русской литературѣ. Сиб. 1900», «И. Энгельманъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. Пер. съ нѣмецкаго В. Щерба, подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900», «Walecy Przyborowski. Historia szczęściu miesiący. Ustęp dziejów 1862 roku. Petersburg. 1901», «Профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е съ дополненіями. Изд. Оглоблина, Кіевъ, 1900».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 746—760) даны замѣтки объ исторіи возобновленія Мстиславова храма во Владимірѣ-Волинскомъ, при сужденіи Уваровскихъ премій—съ отзывомъ о премированныхъ трудахъ и Музеѣ св. Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волинскомъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 11.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 135—200) (Продолженіе). Переходя къ разсмотрѣнію состава и источниковъ Владимірскаго полихрона 1423 года, авторъ останавливается еще на двухъ памятникахъ, отразившихъ на себѣ его вліяніе—Тверской и Львовской лѣтописяхъ. Въ главѣ о составѣ

и источникахъ упомянутого полихрона авторъ указываетъ, что въ числѣ источниковъ между прочимъ, была какая-то южно-русская лѣтопись, сходная съ Ипатьевскою, — именно Черниговская составленная въ концѣ XIII вѣка и доведенная, повидному, до 1284 г., въ основаніе которой легъ южно-русскій (кіевскій) сводъ, составленный въ 1223—1231 гг. Изученіе позднѣйшихъ сводовъ показываетъ, что на пространствѣ всего XII и XIII вв. полихронъ пользовался только однимъ южно-русскимъ источникомъ — Черниговской Лѣтописью до конца XIII вѣка, которая вошла почти цѣликомъ въ его составъ, — лишь мѣстами дано предпочтеніе другому источнику — владимірскому.

А. И. Георіевскій. Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія (стр. 17—61) (продолженіе). Касаясь вопроса о цензурныхъ отношеніяхъ въ шестидесятые годы, авторъ отмѣчаетъ, что при министрѣ А. В. Головинѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія «серьезно обсуждался вопросъ о допущеніи малороссійскаго нарѣчія какъ преподавательскаго языка для начальныхъ училищъ въ южной и юго-западной Россіи и какъ языка учебныхъ для нея книгъ, и уже министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ іюль 1863 года, было сдѣлано распоряженіе по цензурному вѣдомству, чтобы на малороссійскомъ нарѣчіи дозволялись къ печати только такія произведенія, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; съ пропускомъ же книгъ на, этомъ нарѣчіи какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, предложено было пріостановиться.»

Говоря далѣе объ учрежденіи въ 1866 г. особыхъ цензоровъ въ провинціальныхъ и столичныхъ цензурныхъ комитетахъ, авторъ, въ числѣ другихъ пунктовъ инструкціи цензорамъ, приводитъ пунктъ (8-й) — «не дозволять вовсе къ печати собственно учебниковъ на малороссійскомъ нарѣчіи, какъ-то: букварей, прописей, священныхъ и гражданскихъ исторій, арифметикъ и т. п. Впрочемъ, всѣ книги на малороссійскомъ нарѣчіи, не смотря на количество печатныхъ листовъ, должны подлежать предварительной цензурѣ, какъ книги, издающіяся не безъ своего рода тенденцій... Въ неофициальной части Губернскихъ Вѣдомостей южно-русскихъ губерній не должны быть допускаемы никакія статьи на малорусскомъ нарѣчіи.»

Вѣстникъ Европы № 11.

Въ отдѣлѣ «Литературное Обзорѣніе» данъ отзывъ о книгѣ А. А. Русова «Описаніе Черниговской губерніи» т. I и II.

Русская Мысль № 11.

Въ отдѣлѣ бібліографіи (стр. 408—410) даны сочувственныя отзывы о книгахъ «Впкъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 п «И. Левницькій. Старосвітські батюшки п матушки. (Повісти п оповідання, т. II) Киввъ, 1900».

Научное Обзорѣніе № 11.

Ольгердъ Вильчинскій. Подвиги археологій въ XIX вѣкѣ (стр. 220—289). Авторъ даеъ въ общихъ чертахъ обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области археологій въ XIX в., главнымъ образомъ въ Европѣ, при чемъ останавливается на нѣкоторыхъ открытіяхъ п изслѣдованіяхъ, касающихся юга Россіи.

Літературно-Науновій Вістник, № 11.

Наш альбом (стр. 121—126): На смерть друга—М. Старшцького, Из поезій Сергія Волоха, М. І. Вдовиченка, Грицька Кернеренка, Петра Шелестя.

Из оповідань Г. Коваленка (127—136) I. Лист, I. Легкій заробіток.

Безъ пуття. Оповідання по декадентському Івана Левіцького (далі) (стр. 137—157)

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (далі) (стр. 158—202).

Як оженився Каапері? Фінське оповідання I. Рейонена (203—210).

По-над наші сим. Драматичні картини Берштерна-Бернзона. III. На замку (стр. 211—232).

Из струий і нарисів Марк Твайна. II. Том Ёворц. III. Синя сойва (стр. 233—240).

Уваги про галицько-руський театр, Ів. Франка (стр. 69—74). Замѣчанія о состояніи театрального дѣла въ Галиціи въ настоящее время п о возможности лучшей постановки его.

До життєпису М. О. Дикарева. А. Я. Конпського (вінець) (стр. 75—91). Характеристика дѣятельности М. О. Дикарева въ девяностые годы. Заслуги его по отношенію къ украинской научной литературѣ.

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльности. Написав Осипи Маковей (далі) (стр. 92—114). Сношенія Кулиша съ Галиціей въ 1858—1871 гг. Літературные труды Кулиша 1862—1897 гг.

Новини нашої літератури. Иванъ Левцицькый. Повѣсти й описанья. Т. II. Старосвѣтскыи батюшкы та матушкы. Зъ портретомъ автора. Кіевъ, 1900. Л. Ч. (стр. 115—120).

Обстоятельная рецензія на упомянутое изданіе.

Хроніка і бібліографія.

Ateneum, № 11.

Stanisław Zdziarski. Ze studyów nad «Szkołą ukraińską» (Кіевскіи народныи поэзіи) (стр. 335—362). Разборъ главнѣйшихъ произведеній Гоми Олизаровскаго, Александра Грозы и Игнація Головинскаго, написанныхъ на украинскія темы или посвященныхъ слѣды народной украинской поэзіи.

Biblioteka Warszawska № 11.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa (стр. 305—335). Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ явленіяхъ доисторической археологіи въ Кіевщинѣ, какъ-то: «площадки» съ росписными сосудами, кснты и т. п. (см. подробнѣе «Археологич. Лѣтопись».)

Slovansky Přehled, č. II (годъ III), № 11.

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 100—101) помѣщенъ краткій отчетъ о второй русинской художественной выставкѣ, бывшей въ сентябрѣ мѣсяцѣ во Львовѣ.

Труды Кіевской Духовной Академіи № 10.

С. Т. Голубевъ. Гедeonъ Одорскій (бывшій ректоръ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII вѣка) (стр. 147—190) (Продолженіе слѣдуетъ). Біографическія свѣдѣнія о Гедeonѣ Одорскомъ до 1690 г. Прибытіе его въ Кіевъ съ цѣлью получить посвященіе на мстиславскую епископію. Подозрительное отношеніе къ нему со стороны кіевскаго митрополита и отсылка въ Кіево-Печерскую лавру подъ строгій надзоръ до указа великихъ государей. Челобитная Одорскаго на имя государей. Отреченіе отъ уни. Подметное письмо о гетманѣ Мазепѣ, какъ врагѣ православія и государственномъ измѣнникѣ, и подозрѣніе въ составленіи этого письма Одорскимъ.—Пребываніе Одорскаго въ Москвѣ и возвращеніе въ Малороссію (въ Кіевъ).

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 10.

А. Архангельскій. 'Образованіе и литература въ московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 143—174). Настоящая глава (IV) посвящена очерку всторіи образованія и литературы въ юго-западной Руси въ концѣ XVI в. до появленія церковныхъ братствъ.

Przewodnik naukowy i literacki, № 11.

Dr. Bronisław Łoziński. Agenor hr. Gołuchowski w pierwszym okrasie rządów swoich (1846—1859) (стр. 1089—1126) (продолженіе). Матеріалы для изученія экономическаго положенія Галиціи во время управленія краемъ гр. Голуховскаго.

Wiśła, № 4.

Въ отдѣлѣ «Poszukiwania» (стр. 463—468) заимствованъ изъ «Archiv für Slawische Philologie» t. XI, стр. 310—311, матеріалъ о «маніи» — по вѣрованіямъ Русиновъ въ Восточной Галиціи, а также данныя о нѣкоторыхъ народныхъ примѣтахъ въ восточной Галиціи.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 469—471) даны отзывы о книгахъ: В. М. Площанскій. Прошлое Холмской Руси, по архивнымъ документамъ XV—XVIII ст. и др. источникамъ. Духовенство. А. Епархія Холмская правосл. и быв. Уніатской церкви 1428—1630. Вильное, 1899». На стр. 457 помѣщена фотографія «Туру dziewcząt z powiat Winnickiego gubernji Podolskiej, представляющая снимокъ пяти сельскихъ дѣвушекъ въ обычныхъ костюмахъ.

№ 5.

Н. Łopaciński. Два podania ukraińskie o syrenach (стр. 597—600). Г. Марія Грушецка записала изъ народныхъ устъ въ с. Юшкѣвъ Ригѣ, тарашанск. у. кievск. губ., два малороссійскихъ мѣста о сиренахъ. Въ виду ихъ краткости заимствуемъ ихъ въ дословной передачѣ:

I. На весни, якъ море хвыламы грае, зъ ппдъ тыхъ хвиль морська царивна выходыть и прекрасни песни спивае, а для народу книгу на берези оставляе. У неѣ косы руси, а зъ рыбацкои лускы золотее убрання; зъ хвилью вона назадъ въ море утикае, щобъ їи вихто зъ людей не бачывъ; море їи ховае и ажъ на весну выпускае.

II. Чоловикъ на войни бувъ, та зайнали його въ неволю, — то утикъ винъ звидты до моря. Теперъ зробывъ винъ соби хрестъ, та лигъ на хрестови, та поилывъ до рогозы; та винъ йлсты хотывъ, та

рогозу йнівъ. Винъ тры дни тамъ бувъ. Ажъ выходить морська дива (дивыця)—по поясъ рыба, а видъ пояса женщины, и дуже гарні песни співала, що вона його уподобала! А винъ боявся и утвѣкъ видъ неи и сховався; такъ дывытся на неи: що вона буде робыты? Вона, якъ поглядила, що його нема—стала слыно плакаты.

А винъ пишовъ, куда знавъ, розказувать песни: що зъ моря выпла «княгыня», сыяла красою, якъ свята, русави косы море покрывало, а очи, якъ сонце, свитылы.

Авторъ сопровождаетъ записъ своимъ замѣчаніями и бібліографическими справками.

Wacław Nalkowski. Slinks Tatrzanski (631—639). Авторъ даетъ общій очеркъ исторіи геологическаго развитія Татръ.

Въ отдѣлѣ «Przegląd czasopism» (стр. 670—673) данъ сочувственный отзывъ о V т. Етнографічного Збірника, видаваного Етнографічною Комісією Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1898.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 7, 8 и 9.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ нѣжинскаго полка. (Продолженіе) (стр. 208—272).

—

Этнографическое Обзорѣніе, № 2.

Въ отдѣлѣ «Смѣсъ» (стр. 161—162)—*Вл. Каллаша.* Причитанія матери «оуноши князя Ростислава».

Авторъ отмѣчаетъ встрѣчающееся въ Лѣтописи упоминаніе о томъ, что, когда Ростиславъ Всеволодовичъ утонулъ въ Стугнѣ, то «плакася по немъ мати его, і всі людіе плакаша по немъ повельку, уности его ради».

На стр. 186 помѣщенъ рядъ вопросовъ по этнографіи В. Каллаша (см. отд. Документовъ).

—

Живая Старина, вып. I—II и III.

Выпускъ I—П. *Иларіонъ Свѣнцицкій.* Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. (Галицко-бойковскій говоръ) (стр. 213—229). Авторъ основываетъ свой «опытъ» на бойковскомъ словарѣ о. Гоцького, напечатанномъ во «Временникѣ» Ставроградскаго института за 1895—1900 гг. Въ «Опытѣ» сопоставляются нѣкоторые бойковскія слова со словами сѣверныхъ великорусскихъ говоровъ, выхваченными изъ «Толковаго словаря В. Даля». Цѣнность изслѣдованія не велика.

А. И. Яцимирскій. Румынскія сказавія о рахманахъ (стр. 246—272). Авторъ собралъ любопытныя повѣрья о Рахманахъ и Рахманскомъ Великоднѣ изъ румынскихъ печатныхъ источниковъ, сообщая попутно аналогичныя свѣдѣнія изъ различныхъ древнихъ и новыхъ литературныхъ произведеній—нѣмецкихъ, русскихъ и малорусскихъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» (стр. 288—291) даны сочувственные отзывы объ изданіяхъ: «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич у Львові, 1899. (Матеріали до українсько-руск. етнологіі, т. II), «Етнографичний Збірник т. VI. Видання етнографичній Комісії наук. тов. ім. Шевченка» и «Старинные Сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр. XVII—XIX ст. Собр. и приготоу. къ печати П. Симона. Вып. I. I—II Сп. 1899.

Выпускъ III. Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» (стр. 442) данъ отзывъ о «Труд. Куб. Области. Статист. Комит. т. XI. Екатеринодаръ, 1900.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ №№ 1676 и 1677 газ. «Сѣверный Кавказъ» г. И. Неяга помѣстилъ обширную статью подъ заглав. «Къ столѣтію малороссійской литературы» (По поводу сборника «Вѣкъ» 1798—1898, Кіевъ. 1900 года). Авторъ, сочувственно относясь къ разсматриваемому имъ изданію, даетъ краткій, но обстоятельный очеркъ развитія украинской литературы въ теченіе послѣдняго столѣтія, указывая попутно на лучшіе образцы произведеній отмѣчаемыхъ имъ писателей.

Въ №№ 244, 248, 254, 256 и 260 газеты «Русланъ» печатается продолженіе изслѣдованія подъ загл. «Характеристика поэзій Петра Гулака-Артемовскаго. Авторъ отмѣчаетъ въ произведеніяхъ Г.-Артемовскаго политическіе мотивы, чиновничій патріотизмъ.

Въ № 256 журнала «Beilage zur Allgemeinen Zeitung (за октябрь мѣсяцъ) помѣщена статья Романа Сембратовича подъ загл. «Ein slavisches Opfer des Panslavismus», авторъ которой, изложивъ вкратцѣ исторію культуры украинско-русской націи, отмѣчаетъ вѣдшія неблагопріятныя условія, препятствовавшія и препятствующія въ настоящее время національно-культурному развитію въ желательномъ направленіи.

Въ №№ 1011, 1012, 1013 1014, 1019 и 1025 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщена статья неизвѣстнаго автора «Прошлое и настоящее г. Николаева», представляющая очеркъ исторіи этого города, составленная на основаніи печатныхъ матеріаловъ: *Г. Н. І*» «Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890 г.), «Справочная книжка г. Николаева на 1900 г.», и личныхъ наблюденій и свѣдѣній, добытыхъ авторомъ въ г. Николаевѣ.

Въ № 1009 газ. «Приднѣпровскій Край» г. С. Яблоновскій въ фельетонѣ «Свѣтъ и Тѣни» скорбитъ въ сильной степени по поводу того обстоятельства, что труппа Сулова, подвизающаяся въ настоящее время (начало ноября) въ Москвѣ, намѣрена поставить пьесу «Хваустъ». Г. Яблоновскій находитъ, что малорусскій языкъ—достоиніе исключительно деревни, и способенъ, будто-бы, выразить только тѣ понятія, въ которыя укладывается жизнь малорусской деревни; когда же его отрываютъ отъ родной почвы и обстановки, когда его переполняютъ *непривычными* и чуждыми для слуха малоросса словами,—то получается чудовищная метаморфоза...

De gunstibus non est disputandum.... Хотя въ данномъ случаѣ, насколько намъ извѣстно, передѣлка «Хвауста» можетъ возмутить не только г. Яблоновскаго, но и всякаго, придерживающагося и иного взгляда на правоспособность украинскаго языка.

Въ № 11 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщено начало обширной статьи А. Конисскаго «Украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко» (стр. 1282—1296) (Продолженіе слѣдуетъ.) Авторъ, послѣ краткаго введенія—о характерѣ украинскаго народа, даетъ обстоятельный біографическій очеркъ Т. Г. Шевченка до 1847 года. Въ статьѣ приложенъ фотографическій снимокъ съ портрета Т. Г. Шевченка, писаннаго имъ самимъ.

Въ томъ же номерѣ помѣщено начало статьи М. П. «Галиційское крестьянство», составленной по книгѣ Л. Василевскаго «Современная Галиція. Сибр. 1900 года».

Въ одномъ изъ номеровъ конца октября «Полтавск. губ. Вѣдомостей» помѣщена статья М. Оленина «Изъ лѣтнихъ поядокъ» (*Тарасова могила*). Авторъ, посѣтивши могилу Шевченка, дѣлится своими впечатлѣніями по поводу состоянія этой могилы, по его мнѣнію—не достаточно отраднаго. «Неужели такъ трудно найти средства для содержанія въ порядкѣ какъ могилы, такъ и дома для посѣти-

телей? Вотъ, напримѣръ, въ золотоношскомъ земствѣ хранятся 200 р., предназначенные на исправленіе могилы Шевченка, не приносящіе ни копѣйки дохода, а еще уменьшающіеся съ каждымъ годомъ, т. е. надо платить казначейству за храненіе этой суммы.... Очень желаю, чтобы мой слабый голосъ не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынь».

Въ №№ 130—133 помѣщенъ переводъ разсказа П. Кулиша «Потомки украинскаго гайдамацтва», помѣщенный уже однажды (въ 1868 году) въ журналѣ «Правда».

Систематическій каталогъ книгъ, выходящихъ въ Россіи. Статистико—библіографическая коммиссія при русскомъ обществѣ дѣятелей печатнаго дѣла, признала полезнымъ выпускать, въ видѣ періодическаго (ежегоднаго) изданія, «систематическую роспись книгамъ», выходящимъ въ Россіи. Въ настоящее время уже находится въ печати составленная В. В. Сабанинымъ, по даннымъ «Правительственнаго Вѣстника» и съ многими поправками и дополненіями, систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи на русскомъ и иныхъ языкахъ за 1899 г., съ алфавитнымъ указателемъ авторовъ и предметовъ. Изданіе выйдетъ въ двухъ томахъ (четырехъ выпускахъ). Каталогъ этотъ, составленный при содѣйствіи ученыхъ и практиковъ книжной торговли, представляетъ собою первую у насъ попытку дать полный и обстоятельный перечень текущей литературы по всѣмъ отраслямъ знанія. (С.-Петербург. Вѣд. № 315).

Въ № 11 ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений къ журналу «Ива» помѣщенъ отзывъ о книгѣ: «Шевченко, Т. Кобзарь съ біографическимъ очеркомъ. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.»

Молода Україна, №№ 9 и 10. Зміст: 1) До праці, статья редакціи, 2) «Самоосвѣта» — лектура з поля історіи, 3) «Над сьвіжою моголю» посмертна згадка про Либкнехта, — нап. Евген Косевич 4) «Вічні атоми» продовжене статі «Каргини з природних наук» Прометея Ясенка, 5) «В неволі» стишок Денпса Бошковича, 6) «Софій Перовска» Степняка (продовжене перекладу), 7) «З борби титанів» поема Василя Пачовського, 8) Хроніка з нашого життя, 9) Хроніка з чужого життя, 10) Бібліографія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Aszkenazy Szymon. Dwa stulecia: XVIII i XIX. Warszawa, 1901, in. 4°, 1—555. Сена 3 г. 60 кор.

Бажанський Порфирій. Руско-народна музыкальна гармонія. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарні Наукового Товариства імени Шевченка, ст. 80—81, in 8°.

Балашевъ Г. О. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ на югѣ Россіи, Кіевъ, 1899. Ц. 60 к.

Будиловичъ А. Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-Западной Руси. Юрьевъ. 1900. Ц. 50 коп.

В. К. Образы з Крилиць. Виданне Артпстично-Літературныхъ новин, кн. 4. З друкарні М. Джулинского в Черемислі. 1900 р. Ц. 50 сот.

Воронка С. Ф. Коханци Шкодники. Жартъ-водевиль въ 1 діи. Сумы, 1900. Типо-литографія К. М. Пашкова, in 16°, 1—47. Цѣна 20 коп.

Граматыка церковно-словенского языка. Написана зъ уваженіемъ жерель старославенськихъ чрезъ д-ра Іосифа Мѣльвядкого. Львовъ, 1900. Ст. 165, 8°. Ціна 3.20 кор.

Гребенка Е. II. Разказы Пирятинца. Кудакъ, повѣсть (Дешевая бібліотека А. С. Суворина, № 321). Сиб. 1900 г. Ц. 15 коп.

Гребенка Е. II. Записки студента, повѣсть. Путевыя записки зайца (Дешевая бібліот. А. С. Суворина, № 322). Сиб. 1900 г. Ц. 15 к.

Грибовскій В. М. Сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія. Пособіе при изученіи русскаго права Императорскаго періода. Вып. I. Эпоха Петровская. Вып. II. Эпоха Петра III и Екатерины Великой. Сиб. 1900. Ц. кажд. вып. 50 коп.

Гумористичный иллюстрированный календар «Комаро» на рік 1901. Львів, 1900. Стр. 96, 16°. З друкарні «Уділової» Ц. 50 кр.

До виборців з четвертої куриі округа: Тернопіль—Скалат—Збараж. Львів, 1900. Ст. 42, in 4°.

Дубровенко Матвій. Вирши. Перши юошні творы та переклады. Екатеринославъ, 1900. Тип. губ. прав. in° 16, 22 стр. (100 экз.)

Жижиленко А. А. Подлогъ документовъ. Историко-догматическое изслѣдованіе Сиб. 1900 г.

Замиря М. и Гринченко Б.—Л. И. Глибовъ. Біографическій очеркъ. Черниговъ, 1900. Тип. Губ. Земства, 8°, 48 стр.

Івановъ Ів. Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Шевченко, Грабождовъ). Сиб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Caro J, prof. *Dzieje Polski.* Przełożył z języka niemieckiego St. Mieczuński, Tom 6. 1481—1506. Варшава, 1900. Тип. Рубешевскаго и Вротновскаго. 8 л., XIII+II+431 стр. Ц. 1 р.

Кобринская Н. Якимъ Мачукъ. Разсказъ,—переводъ съ украинскаго. Сиб. 1900 г. Ц. 8 к.

Копко М. Бібліотека музикальна. Число 2. Часть церковна. Пѣсни. Зъ друкарні Н. Джулинскаго в Перемишлі. Перемишль 1900. Ст. 18. 12°. Ціна 24 сот.

Копко М. Бібліотека музикальна. Часть 3. На Рождество Хр. (Роз. пісні). Перемишль 1900. Ст. 18, 12°. Ціна 24 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ. 1900. Тип. И. Чоколова, in 16°, 106 стр. (8.000 экз.)

Коцюбинскій Михайло. По людському. Оповіданя з бесарабскаго життя (Бібліотека Вид. Силки. Ч. 24). З друкарні Науковаго Тов. ім. Шевченка. Львів. 1900. Ст. 148; 8°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) По людському, 2) Помстивси, 3) Посол від Чорного царя, 4) «Пе коптьор», 5) Для загального добра.

Кудринскій Ѡ. Неудачныя підприємця народолюбки. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, 1—42.

Лаврівскій Володимир. Тіловирвні гри. Коюана (Association Football). Після Осипа Кленки. I, Зошит першій. Львів, 1900. З друкарні «Уділової». Ст. 18, 16°. Ціна 20 сот.

Лаврівскій Володимир. Тіловирвні гри. Lawn Tennis. Після Осипа Кленки. I, Зошит другий. Львів, 1900. З друкарні «Уділової». Ст. 16, 16°. Ціна 20 сот.

Леткий Богдан. Оповіданя. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкаго. З друкарні В. А. Шийковскаго. Стр. 136, 16°. Ц. 2 к.

Лисенко М. Збирникъ народныхъ украинскыхъ пѣсень. 10-й десятокъ. Лит. Рёдера въ Лейпцигѣ. 8 л. 25 стр. Ц. 50 коп. (300 экз.)

Луژیцкій Л. Оставите дѣтей проходить во мнѣ. Начеркъ науки религіи въ першій класъ народнои школы. Львів. Накладомъ редакціи «Богословскаго Вѣстника». 1900. Стр. 47.

Томъ 71.—Декабрь, 1900.

II—4

Маковей Осип. Панько Олелькович Куліш, огляд його діяльності. З друк. Наук. Товар. імени Шевченка. Львів, 1900, стр. 1—169, in 8°. Ц. 1 корона.

Мамін-Сибіряк Д. Н. Діячі оповідання. Переклав з російського Андрій Веретельник. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. (Видана Руського Товариства педагогічного. Ч. 79). Ст. 48, 8°. Зміст: 1) Приймак, 2) Старий горобець, 3) Сіра шийка, 4) Мелведик, 5) Омелько-стрілець.

Мартович Лесь. Не-читальник. (Бібліотека Вид. Спілки. Ч. 23) Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Тов. імени Шевченка. Львів, 1900, Ст. 100, in 8°. Ціна 1.60 кор. Зміст: 1) Не-читальник, 2) Булка, 3) На торзі, 4) Мужницька смерть, 5) Нічний гість, 6) Перша сварка, 7) Ян, 8) За топливо, 9) За межу.

Mazanowski Mikołaj. Józef Bohdan Zaleski, życie i dzieła. Zarys biograficzny. (Z portretem I. B. Zaleskiego). Życiorysy sławnych polaków. № 15. Petersburg, Nakładem księgarni K. Grendyszyński. 1900, 1—134. Cena 30 kop.

Мешко Франц. Нагула, сільський образок. Зі словіцького переклав Ілько Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарні В. А. Шийковського. Ст. 26, 8°. Ціна 30 сот.

Милорадовичь В. Лѣсная Лубенщина. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кієвъ, 1900, 1—94.

Мирний Панис. Морозенко. Повість (Бібліотека вид. Спілки. Ч. 22). Львів, 1900. Накладом «Видавничої Спілки». З друкарні В. А. Шийковського. Ст. 44, 8°. Ціна 0.90 кор.

Митюкз Викторъ и Теофилъ Луцыкз. Збѣрникъ церковно-народныхъ пѣсень. Вилускъ І. Перемышль, 1900. Зъ печатнѣ Н. Джульинського. Ст. 32, 16°. Ціна 20 сот.

Нѣчь Виолемеска. Ораторія сценічна в 4 актах. Стр. 62, 8°. Перемышль, 1900. З печатнѣ Н. Джульинського. (Друге видання). Ціна 60 сот.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1898 годъ (По сообщеніямъ корреспондентовъ). Годъ 13-ый. Изданіе Статистическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго земства. Полтава, 1900, 1—88+59+25. Ц. 1 р.

Перетць, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованіе о вліянніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Сиб. 1900 г. Ц 2 р.

Porowicz Emilian. Ruthenisches Sprachbucht. II Theil. Czernowitz. Im Verlage der. k. k. Univesitätsbuchhandlung H. Pardini. 3 друкарні тов. «Руська Рада». 1900. Ст. 220, 8°.

Porowicz Emilian. Wörterbuch zum Ruthenischen Sprachbuch (II Theil). Czernowitz. Verlag der. k. k. Universitätsbuchhandlung H. Pardini. Buchdruckerei des Vereins «Ruska Rada». Ст. 44, 8°.

Pzyborowski Walery. Historia sześciu miesięcy. Ustęp z dziejów 1862 roku. Petersburg, 1901. Nakładem K. Grendyszyńskigo, in 8°, 1—152. Cena 1 r. 50 kop.

Radziszewski M. «Mazepa», opera w 4 aktach osnuta na tle tragedyi J. Słowackiego, muzyka A. Münchheimera. 52 h.

Рудович I. Унія въ Львѣвской епархіи. Исторична розвѣдка. Львѣвъ, 1900, стр. 1—71. Цѣна 12 крейц.

Рѣдинъ Е. К. и *Федоровскій Н. А.* Могильникъ кургана слободы Сеньково, Купянскаго уѣзда. Харьковъ, 1900. Тип. «Печатное Дѣло», кн. К. Гагарина 8 д., (Отд. от. изъ Сборн. истор.-филол. общ. Вып. XII. 1900 года).

Самойленко Кирилль Ивановичъ. Колядки и *Максымъ Цымбаленко.* Семень у некли. Поэма. Кіевъ, 1899, Тип. Т. А. Губанова, in 16°, стр. 1—28+38—107. Цѣна 20 коп.

Сводный сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 годахъ. Выпускъ I. Полтава, 1900. Ц. 2 р.

Систематическій и хронологическій каталогъ библиотеки бібліофила и бібліографа. Я. О. Березина-Шурьева. Томъ I. Русскія книги. Сиб. 1900 г. Ц. 4 руб.

Смѣхъ и правда. Выпускъ I. На краю свѣта... Казка про те, що дѣ ся ѓгъ. вѣкѣвъ, оиовѣвъ В. Листоуъ. Перемышля, 1900 Зъ печатнѣ Н. Джульнського. Ст. 16, 8°. Ціна 20 сот.

Stronnictwa polityczne w Galicyi w przededniu wyborów. W. Z. L. 1 K.

Talko Hryniewicz J. dr. Przyczynek do poznania Swiata kurhanowego Ukrainy. Nakładem Akad. Um. Kraków, 1899. Str. 30.

Ulaszyn Henryk. Kontrakty Kijowskiе. Szkic historyczno-obyczajowy. 1798—1898. Petersburg. Nakładem księgarni K. Grendyszyńskiego. 1900, in 8, 1—110.

Харламовичъ К. А. А. Палковъ. Братства. Очеркъ исторіи западнорусскихъ братствъ. Св.-Троицкая Сергіева Лавра. 1900 (Оттискъ изъ Правосл. Собесѣдника, октябрь 1900 г.)

Ц... батько, О. Стародавня Украина въ драматичныхъ справахъ. V. Левенци. VI. Пушкаривна. Одесса, 1900 г. Тип. авц. южно-русс. О—ва печатн. дѣло., in. 4°, 87+90 стр. (120 экз. Литографированное изд.).

Церковна музична бібліотека. Випуск I. Пісні підчас служби божої на 3-голосний хор жіночий або мужеський. Музика И. Кишакевича. Перемишль, 1900. з литографіи К. Рогольского. Ст. 16, вел. 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) В страсі і покрі. 2) Святий Боже. 3) Піснь Херувимів. 4) Піснь побіди. 5) Вже жертва крестна 6) В сильній надії. 7) Зробіт му місце. 8) Благодарім. 9) О, Богородице.

Цыбаленко Максимъ. Дивный сонъ сыротыны. Розмова про гроши, або сыротына. Поэма. Изд. книгопр. Т. Губанова. Кіевъ, 1900. Тип. И. Чоколова, 16 д. 108 стр. (8.000 экз.)

*Часопись Правнича, розвідки правничої секції філософічної Наукового Товариства імени Шевченка. Редактор Др. Кость Левицький. Рочник X. У Львові, 1900. Зміст: 1) Др. Петро Стебельскій, — Австрійський процес варний; др. Кость Левицький, — Про неважність в новім процесі цивільнім; Др. Стан. Дністранський, — Чоловік і его потреби в правнім системі; 2) Оцінки і справозданья; 3) *Miscellanea*: Причинокъ до історії громадської власности, — Дра В. Охримовича; В справі нашої термінології, — д-ра К. Левицкого.*

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирнычокъ творивъ. Сиб. 1900. Тип. столичная, in 8°, 40 стр. (2000 экз.).

Яновская Л. Идеальный батько. Оттискъ изъ журнала «Кіевск. Старина». Кіевъ, 1900, 1—33.

Археологическая лѣтопись.

Къ Археологическому сѣзду въ Харьковѣ.

4-го ноября состоялось засѣданіе Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго сѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ, что, согласно рѣшенію комитета, въ харьковскую губернскую земскую управу уже послана просьба объ оказаніи комитету субсидіи въ 2 тыс. руб. для устройства этнографической выставки при сѣздѣ, предметы которой послужатъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея. Заслушано увѣдомленіе историко-филологическаго общества при Институтѣ князи Безбородко—о работахъ образованной при немъ комиссіи въ помощь харьковскому предварительному комитету для организаціи работъ по изслѣдованію Черниговской губ. въ археологическомъ отношеніи—въ виду XII археологическаго сѣзда въ Харьковѣ, одну изъ задачъ котораго составляетъ изслѣдованіе указанной губерніи. Комиссія напечатала 3 тыс. экземпляровъ программъ, которыя будутъ разосланы священникамъ, народнымъ учителямъ и разнымъ лицамъ; ею получены отъ многихъ лицъ обѣщанія содѣйствія и помощи въ различныхъ отношеніяхъ, въ выполненіи ея задачъ. Судя по всѣмъ даннымъ, работы комиссіи дадутъ весьма цѣнный научный результатъ и богатый матеріалъ для изученія древностей Черниговской губ. Прочтано увѣдомленіе А. А. Русова, члена полтавской комиссіи для подготовки нужнаго матеріала къ сѣзду по Полтавской губ.—о результатахъ работъ этой комиссіи.

Ею будутъ также отпечатаны всѣ программы харьковскаго комитета для соотвѣтствующей разсылки ихъ; будетъ слѣвано обращеніе къ извѣстнымъ лицамъ въ губерніи, имѣющимъ коллекціи разныхъ предметовъ и музеевъ—съ цѣлю предоставленія послѣднихъ на выставки при съѣздѣ и сообщенія матеріала для изслѣдованія ихъ; будетъ извлечена матеріалъ изъ «Полтавскихъ Вѣдомостей» и «Енарихальныхъ Вѣдомостей» за старые годы; будутъ совершены различныя научныя экскурсіи.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщилъ о результатахъ изученія имъ настоящимъ лѣтомъ архивовъ сумской Преображенской церкви, курскаго Рождественскаго мужскаго и Троицкаго женскаго монастырей. Архивы этихъ монастырей даютъ весьма интересный и цѣнный матеріалъ для характеристики быта, нравовъ монастырей прошлаго вѣка, отчасти для исторіи ересей и для иконографіи.

Г-жа Е. П. Радакова прочла докладъ о поѣздѣ по Старобѣльскому уѣзду, съ цѣлю изученія его населенія въ этнографическомъ отношеніи. Въ качествѣ типичнаго села съ великорусскимъ населеніемъ, ею была подробно изучена слобода Новый Айдарь. Заключение докладчицы таково: кромѣ языка и костюма, великороссы Старобѣльскаго уѣзда усвоили себѣ внѣшній бытъ малороссовъ; но, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ своего внутренняго строя, они консервативны, трудно поддаются внѣшнимъ вліяніямъ, долѣе сохраняютъ архаическія формы разъ усвоеннаго быта, малороссы же воспріимчивѣе ко всякимъ вліяніямъ и новшествамъ. Кустарные промыслы въ уѣздѣ очень слабо развиты. Архаическія формы домашняго быта и производствъ очень мало сохранились.

Г-нъ А. П. Ветуховъ сообщилъ дополненія о кустарныхъ промыслахъ въ 2 селахъ Старобѣльскаго уѣзда и по другимъ этнографическимъ вопросамъ, а равно и по литературѣ предмета.

Проф. Н. Ѳ. Сумиговъ сообщилъ нѣкоторыя этнографическія наблюденія по Ахтырскому уѣзду: типическія черты наиболѣе удержались въ Ахтырѣ, Котельвѣ; сильное измѣненіе въ отношеніи національныхъ чертъ—въ Баромлѣ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ свои наблюденія надъ языкомъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ рукописей, доставленныхъ предварительному комитету: а) двухъ списковъ древне-русскаго лѣчебника (свящ. Петра Лукаша); б) списка толковаго евангелія Теофилакта Охридскаго, XVI в.; в) тріоди постной, XVII в. (Св. Евгр. Фе-

нева); г) евангелія Теофилакта болгарскаго, XVI в. (ахтырскій Преображенской церкви). Кромѣ того, имъ сообщены наблюденія надъ надписями: а) на панагіи Путивльскаго Молченскаго монастыря (1603 г.); б) на Жеровицкой иконѣ Возіей Матери (того же монастыря); в) на Анеологіи 1678 г. (собств. Г. Г. Лисунова).

Проф. М. Г. Халанскій доложилъ свѣдѣнія, сообщенныя компетету г-жей *А. И. Томилиной* (изъ с. Мантурова, Тимскаго уѣзда, Курской губерніи) о ея коллекціяхъ: старопечатныхъ книгъ (средины и конца XVIII в. и начала и середины XIX в.), рукописей, монетъ (болѣе 1000 монетъ, изъ которыхъ 21 золотая, 2 платиновыхъ, болѣе 500 серебряныхъ, одна кожаная). Кромѣ этого, г-жей Томиловой доставленъ матеріалъ по народному поэтическому творчеству: причитанье, свадебная пѣснь.

Проф. Е. К. Рьдинъ доложилъ о поступленіи въ комитетъ свѣдѣній о древностяхъ по разосланнымъ программамъ. Отъ народныхъ учителей этихъ свѣдѣній еще не поступило; поступили только отъ священниковъ незначительной части селъ Харьковской губерніи. Между тѣмъ, заблаговременное полученіе свѣдѣній комитету необходимо для сводки ихъ, обработки и для представленія археологическому съѣзду.

Отъ управляющаго государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній—поступило въ распоряженіе комитета и музеев древностей—восемнадцать штукъ старинной мѣдной монеты, найденной при устройствѣ питомника въ Маяцкой казенной дачѣ, Изюмскаго уѣзда.

Постановлено выразить отъ лица комитета благодарность гг. докладчикамъ, г-жѣ Томилиной и всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и памятки древности.—(«Южн. Край»).

Въ г. Воронежѣ, 23 октября, состоялось первое засѣданіе особой комиссіи по устройству археолог. съѣзда въ Харьковѣ; предсѣдательствовалъ извѣстный писатель Е. Л. Марковъ. На приглашеніе принять участіе въ работахъ по археологическому и этнографическому изслѣдованію Воронежской губерніи и тѣмъ пособить устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ первый разъ откликнулось, кромѣ Е. Л. Маркова, десять человекъ, почти всѣ изъ мѣстныхъ педагоговъ. Ознакомившись съ программами занятій, выработанными харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ, комиссія постановила: напечатать эти программы въ нужномъ количествѣ, дать имъ самое

широкое распространіе. Въ дѣлѣ собранія по этимъ программамъ свѣдѣній, особую услугу могли бы оказать священники, народныя учителя, учащіеся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Воронежской губерніи и др. Въ виду этого, постановлено: обратиться къ подлежащимъ властямъ съ просьбой сдѣлать съ своей стороны предложеніе, не пожелаетъ-ли кто изъ названныхъ лицъ принять ближайшее участіе въ собраніи археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ по Воронежской губерніи. Такъ какъ нѣкоторые изъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ, извѣстны своими работами въ мѣстной археологіи и этнографіи (напримѣръ, Коротоякскій предводитель дворянства Л. М. Савеловъ и др.), то рѣшено обратиться къ нимъ съ просьбою—образовать въ уѣздахъ филиальныя отдѣленія коммисіи.

Впредь до полученія и разработкы свѣдѣній, собранныхъ по программамъ харьковскаго предварительнаго комитета, коммисія въ общихъ чертахъ намѣтила слѣдующій планъ своихъ занятій: ознакомленіе съ мѣстными архивами и коллекціями и не только общественными и казенными, но и частныхъ лицъ—старинныхъ воронежскихъ фамилій, каковыя архивы и коллекціи, представляя въ большинствѣ случаевъ совершенно неизслѣдованную область, могутъ включать въ себѣ цѣнныя археологическія и этнографическія данныя, заслуживающія самаго тщательнаго изученія; собраніе свѣдѣній о достопримѣчательныхъ вещественныхъ памятникахъ старины и въ частности о курганахъ, нѣкоторые изъ которыхъ, напр., курганы Козарскаго городища, подвергнуть, если представится возможность, раскопкамъ, пригласивъ къ участію въ нихъ спеціально подготовленныхъ людей; составленіе списковъ мѣстныхъ печатныхъ изданій и литературныхъ произведеній, касающихся Воронежскаго края. Такъ какъ въ дѣлѣ собранія архивныхъ, этнографическихъ и литературныхъ свѣдѣній, относящихся къ Воронежской губерніи, могутъ оказать очень цѣнную услугу нѣкоторые изслѣдователи Воронежскаго края, живущіе внѣ предѣловъ Воронежской губерніи, то рѣшено обратиться и къ ихъ содѣйствию. Въ числѣ такихъ лицъ, между прочимъ, намѣчены: тверской архіепископъ Дмитрій, уроженецъ Воронежской губерніи, много сдѣлавшій для изученія родного края, профессоръ Шмурло, своимъ послѣдованіемъ о знаменитомъ митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ положившій прочное, научное изученіе литературы мѣстнаго края, Н. В. Воскресенскій и др.

Успѣхъ въ занятіяхъ комиссіи въ значительной степени будетъ, конечно, зависѣть отъ той отзывчивости, съ какою отнесутся къ предложеніямъ комиссіи тѣ лица, къ которымъ будутъ адресованы предложенія («Сиб. Вѣд.»).

Въ іюні мѣсяцѣ Императорское Московское Археологическое Общество открыло при *Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ* «Отдѣлъ въ помощь Харьковскому Предварительному Комитету» для собиранія разнаго рода археологическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности къ XII археологическому съѣзду, причемъ райономъ дѣятельности назначена Черниговская губернія. По этому поводу организована при Обществѣ особая комиссія изъ членовъ Общества, съ привлеченіемъ, впрочемъ, и постороннихъ лицъ, на каковую комиссію возложена Обществомъ вся распорядительная часть, равно какъ и собираніе и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ матеріаловъ, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ задачамъ съѣзда. О дѣлахъ, разбираемыхъ въ комиссіи, должны быть представляемы подробныя доклады самому Обществу. Въ составъ комиссіи вошли, кромѣ предсѣдателя Общества (А. В. Добіашъ) и секретаря (И. А. Сребницій), слѣдующія лица: М. Н. Бережковъ, А. А. Величковскій, Я. А. Гужовскій, И. Л. Дейкуня, Е. И. Кашпровскій, М. И. Лилеевъ, А. Н. Малинка, В. К. Пискорскій, В. И. Рѣзановъ, М. Н. Сперанскій и В. Н. Фальковскій. Комиссія обратилась также къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ г. Черниговѣ, съ просьбою примкнуть къ ней, на каковую просьбу до настоящаго времени откликнулись: А. В. Верзиловъ, Б. Д. Гринченко, Д. И. Скворцовъ, П. Н. Солонина и П. Н. Тихановъ. Первый докладъ о занятіяхъ комиссіи сдѣланъ былъ въ засѣданіи Общества 12 октября. До 12 октября комиссія имѣла 5 засѣданій и занималась по преимуществу обсужденіемъ и приведеніемъ въ исполненіе мѣръ для надлежащаго распространенія по Черниговской губерніи подробныхъ программъ, по которымъ имѣютъ быть собираемы свѣдѣнія. О болѣе или менѣе положительныхъ результатахъ дѣятельности какъ комиссіи и самого Общества, такъ и лицъ, къ которымъ комиссія и Общество обратились за содѣйствіемъ, будетъ сообщаемо своевременно.

Ученія общества.

Нами получены «Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1899 г.». (Одесса, 1900 г.), изъ котораго видно, что въ отчетномъ году (шестидесятомъ отъ основанія) въ Обществѣ состояло 11 почетныхъ членовъ, 132 дѣйствительныхъ и 25 членовъ—сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество имѣло 8 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 18 сообщеній (Э. Р. фонъ-Штерцъ—8, А. И. Маркевичъ—4, В. В. Шкроньла—4, А. Л. Бертъе-Делагартъ и А. А. Кочубинскій—по одному). Приобрѣтенія Общества постунали по библіотекѣ, музею и нумизматическому кабинету. По библіотекѣ получена масса изданій отъ 39-ти русскихъ и 6-ти иностранныхъ ученыхъ учреждений и обществъ и отъ 10 частныхъ лицъ. Изъ пожертвованій музею нужно отмѣтить очень цѣнную коллекцію географическихъ картъ и плановъ (всего 71 листъ), подаренную почетнымъ членомъ общества А. Л. Бертъе-Делагардомъ. Коллекція заключаетъ карты XVI, XVII и XVIII вв., относящіяся къ Россіи, между которыми имѣется нѣсколько очень рѣдкихъ. Хранителемъ музея приобрѣтено 259 предметовъ—сосуды, надписи, статуэткы, украшенія и т. п., происходящія изъ мѣстъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній, главнымъ образомъ изъ Ольвii и Керчи. Поступленія въ нумизматическій кабинетъ также состояли изъ пожертвованій и приобрѣтеній. Общее количество предметовъ древностей въ музеѣ, говорится въ отчетѣ, не можетъ быть точно показано въ настоящее время, такъ какъ съ недавняго только времени составляется полный инвентарь предметовъ музея, который въ отчетномъ году вполне законченъ быть не могъ за многочисленностью предметовъ и сложностью разбора ихъ. До сихъ поръ оконченъ инвентарь слѣдующихъ отдѣловъ: а) предметы каменнаго вѣка, 101 №; б) древнія надписи на камняхъ, 161 №; в) античное стекло, 583 №; г) терракоты, 713 №; д) глиняная древняя посуда, вазы и т. д., 3589 №; изъ нихъ фрагменты, амфорныя ручки и шейки, 2426 №; е) аничные мраморы, 221 №; ж) портреты и картины, 223 №; з) древности египетскія, 270 №; и) древности съ острова Суматры, 115 №. Въ послѣдніе годы музей Общества сталъ быстро обогащаться прежде всего отъ пожертвованій, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ пожертвованія Вице-Президента Общества Александра Львовича Бертъе-Де-

лагарда, но въ значительной степени и отъ покупокъ, сдѣлавшихся возможными послѣ увеличенія размѣра правительственнаго пособія. Преимущественно музей обогащается мелкими предметами: вазами, терракотами и стекломъ, требующими шкаповъ и витринъ, которые за послѣдніе годы до того наполнили залы музея, что Обществу въ близкомъ будущемъ предстоитъ серьезно подумать о расширеніи помѣщенія музея, для чего мѣсто найдется, только бы нашлись средства.

Дѣятельность Общества выразилась также въ изданіи въ концѣ отчетнаго года XXII-го тома «Записокъ Общества».

Въ настоящемъ Отчетѣ помѣщены и краткіе отчеты о состояніи другихъ музеевъ, подвѣдомственныхъ Обществу, именно, Феодосійскаго музея и Мелекъ-Чесменскаго хургаана въ Керчи. Первый изъ музеевъ въ отчетномъ году постигла большая неурядица: въ ночь съ 28 го на 29-ое ноября изъ него похищена почти вся хранившаяся тамъ цѣнная нумизматическая коллекція (8 золот., 121 серебр., 1141 мѣдн. и 2 свинц.). Изъ приобрѣтеній Мелекъ-Чесменскаго музея можно отмѣтить шесть надгробныхъ памятниковъ съ древне-греческими надписями.

—

Въ годовичномъ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора Лѣтописца*, происшедшемъ 28 октября, секретаремъ Общества М. Ясинскимъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности Общества съ 27 октября 1899 г. по 27 октября 1900 г. Въ отчетномъ году Общество состояло изъ 18 почетныхъ и 122 дѣйствительныхъ членовъ; председателемъ Общества состоитъ проф. Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ председателя А. М. Лазаревскій, секретаремъ М. Ясинскій, казначеемъ проф. Э. Я. Фортинскій и бібліотекаремъ И. М. Каманинъ. Дѣятельность общества выразилась: 1) въ засѣданіяхъ; ихъ было 16 и на нихъ 20-ю членами сдѣлано 30 докладовъ и сообщений; 2) въ печатаніи трудовъ членовъ Общества, причемъ въ отчетномъ году «Чтенія» Общества стали выходить въ вѣскольکو измѣненномъ видѣ—болѣе частыми выпусками; 3) въ чтеніи членами Общества публичныхъ лекцій. Въ бібліотеку Общества поступило 85 названій въ 190 томахъ, такъ что въ настоящее время бібліотека состоитъ изъ 2159 названій въ 4884 томахъ.

—

Въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ, 24-го октября, въ засѣданіи русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. О. Платонова, А. А. Сипцынымъ затронуть былъ въ его рефератѣ надѣлавшій много шуму въ археологическомъ мірѣ вопросъ о кievскихъ кирпичныхъ площадкахъ. Площадки эти, открытыя въ Кіевской губерніи г. Хвойко, представляютъ собою странныя сооруженія весьма загадочнаго характера. Состоятъ онѣ изъ ряда находящихся другъ на другѣ пластовъ обожженной глины, въ составъ которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ входитъ оболочка хлѣбныхъ зеренъ. При площадкахъ найдено огромное количество сосудовъ, необыкновенно прочныхъ, частію сохранившихся цѣлыми, частью въ обломкахъ. Особенная, своеобразная орнаментація сосудовъ заставляетъ относить ихъ къ отдаленнымъ временамъ сѣдой древности. По мнѣнію А. А. Сипцына, площадки эти относятся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, къ эпохѣ до-микенской, къ 3-му или 4-му тысячелѣтіямъ до Р. Х. Каменные и мѣдные орудія найдены на площадкахъ въ крайне ограниченномъ количествѣ. Подъ площадками открыты погреба, рядомъ съ площадками жертвенники и обломки статуэтокъ. Референтъ, отрицающая господствующее въ настоящее время мнѣніе о площадкахъ, какъ полахъ какихъ-то жилищъ, признаетъ за ними обрядовое религиозное значеніе.

А. Л. Погодинъ слѣлалъ сообщеніе объ «эпиграфическихъ слѣдахъ славянства». Слѣды славянства появляются въ древнихъ надписяхъ даже въ IV вѣкѣ до Р. Х., при перечисленіяхъ именъ. Названіе славянъ вендами, венедами референтъ приписываетъ кельтамъ, которыхъ поражалъ, вѣроятно, русый цвѣтъ волосъ, свойственный славянамъ, въ противоположность самимъ кельтамъ, которые отличались рыжимъ цвѣтомъ волосъ. Только 4 имени древнихъ надписей А. Л. Погодинъ причисляетъ къ несомнѣнно славянскимъ. («Бирж. Вѣд.»).

Исслѣдованія и раскопки.

Эккурсія О. А. Фотинскаго по Волынской губерніи для описанія памятниковъ старины. О. А. Фотинскій любезно сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о результатахъ этой экскурсіи; ихъ мы помѣщаемъ ниже, прежде-же скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ

состояніи памятниковъ на Волини. Среди другихъ губерній Юго-западнаго края, Волинская занимаетъ первое мѣсто по количеству памятниковъ. Обстоятельство это можно объяснить, во первыхъ, тѣмъ, что въ бурную эпоху Хмельницщины и Руины, до корня нарушившихъ прежніе строй и теченіе жизни, Волинь пострадала въ гораздо меньшей степени, чѣмъ, напр., Кіевщина, нѣкоторыя части которой представляли изъ себя въ буквальномъ смыслѣ пустыню; затѣмъ, на всемъ пространствѣ Волини раскинуты родовыя гнѣзда старыхъ, знатныхъ и богатыхъ родовъ, сначала русскихъ, а впоследствии ополячившихся; представители этихъ родовъ заботились какъ объ устройствѣ своихъ домовъ, носившихъ зачастую характеръ замковъ и дворцовъ, такъ и о церквяхъ и монастыряхъ, православныхъ и католическихъ. Вотъ почему еще и теперь не рѣдкость встрѣтить здѣсь постройки, свѣтскія и церковныя, относящіяся къ XVII, XVI, а иногда и XV вѣкамъ. Конечно, отъ прежняго осталось лишь немного, и то, что осталось, постепенно разрушается или замѣняется новымъ. Теперь и на Волини трудно встрѣтить деревянную церковь XVII в.—небольшую, своеобразной архитектуры, крытую гонтомъ: ветхость церквей и увеличеніе населенія дѣлаютъ свое дѣло, церкви перестраиваются или строятся новыя, причемъ строятся, руководствуясь изданными св. Синодомъ образцовыми «планами и фасадами»... Меньше страдаютъ отъ такихъ перестроекъ каменные церкви, но зато и у нихъ, такъ-же какъ и у деревянныхъ, безслѣдно исчезаетъ старинная внутренняя обстановка. Благодаря указамъ высшаго епархіальнаго начальства (особенно 60-хъ и 70-хъ годовъ) объ очищеніи церквей отъ всего католическаго и униатскаго, масса памятниковъ старины, даже и несомнѣнно православной, подвергалась уничтоженію, такъ какъ исполнителями указовъ явились сельскіе священники, которымъ, конечно, трудно было разобраться въ старинѣ, поэтому они, для обезпеченія себя отъ неурядицъ, убрали изъ церквей все, что хотя чѣмъ нѣб. отличалось отъ современныхъ образцовъ. Если изгнанные изъ церквей предметы не уничтожались на мѣстѣ и посылались въ назначенныя для сего мѣста, то и тамъ участь ихъ оказывалась не менѣе печальной; намъ извѣстенъ, напр., фактъ сожженія громаднаго числа старопечатныхъ книгъ, отобранныхъ изъ церквей Волинской епархіи.. Вообще-же, какъ повсюду, такъ и на Волини, сохраненіе памятниковъ старины ничѣмъ не обезпечено, только у насъ могутъ имѣть мѣсто факты огульнаго ихъ уничтоженія или въ виду извѣстной цѣли.

чил-же, какъ это случается, и безъ всякой цѣли, прямо по невѣжеству, такъ какъ чѣмъ другимъ, какъ не грубымъ невѣжествомъ можно объяснить фактъ пусканія по водѣ, ради забавы, связокъ старинныхъ документовъ изъ монастырскаго архива—фактъ, имѣвшій мѣсто также на Волинн...

Переходимъ къ экскурсіи. Она продолжалась съ 1-го іюля по 6-ое августа и имѣла цѣлью обследованіе Дубенскаго и смежныхъ частей Острожскаго уу., однако времени хватало лишь на осмотръ одного Дубенскаго у. О. А. Фотинскимъ были впередъ намѣчены извѣстные пункты, причеиъ для этой цѣли служили «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи» Н. Теодоровича и рукописныя описанія приходовъ, составленныя по определенной программѣ мѣстными священниками (это главный матеріалъ); свѣдѣнія, извлеченныя изъ этихъ источниковъ, пополнялись разспросами на мѣстѣ и личнымъ осмотромъ. За время экскурсіи посѣщено 28 мѣстностей, гдѣ и зарегистрированы сохранившіеся памятники старины, какъ описаніемъ ихъ и снятіемъ плановъ, такъ и фотографированіемъ. Памятники свѣтской старины сохранились въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ церковной; на послѣдніе и пришлось главнымъ образомъ обратить вниманіе.

Вотъ краткія свѣдѣнія о каждой изъ осматрѣнныхъ мѣстностей.

Г. Дубно. Здѣсь сохранились: 1) остатки замка кн. Любомірскихъ XVII в., 2) монастырь XVII в. 3) соборная церковь XVII в. 4) Спасская церковь «на Камнѣ» 1568 г. 5) Ильинская церковь ок. 1600 г. Отъ замка кн. Острожскихъ, кромѣ слѣдовъ фундамента, не сохранилось ничего. Точно также безслѣдно исчезла Крестовоздвиженская пустынь XVI в., гдѣ подвизался инокъ прен. Іовъ Желѣзо. Въ послѣдней, однако, сохранилось нѣсколько иконъ, и по преданію, и по характеру живописи относящихся къ XVI—XVII в. Собственно монастырская церковь—въ городѣ (Крестовоздвж. пустынь находится за городомъ, на б. островѣ), б. монастырь кармелитокъ 1660 г., сохранила только первоначальный планъ; въ самой церкви нивакихъ памятниковъ старины нѣтъ; сдѣланъ фотографическій снимокъ этой церкви. Соборная церковь, б. бернард. монастырь 30-хъ г.г. XVII в., сохранила нѣсколько иконъ XVIII в. на чердакѣ, иконы Богоматери и св. Николая Чудотворца изъ б. замковой церкви кн. Острожскихъ, серебряный напестольный крестъ 1650 г., сдѣланный коштомъ іерея Дмитрія Бонашинскаго, колоколъ 1541

т., надгробныя доски Ильинскихъ XVI—XVII вв.; снятъ планъ и фасады церкви. Бывшіе монастырскіе корпуса, гдѣ нынѣ помѣщается причтъ, полуразрушены.—Спаская церковь, б. женскій монастырь, кромѣ надстройки куполовъ, сохранила свой прежній видъ; но внутри церкви сохранились только нѣкоторыя иконы на хорахъ. Очень любопытно рѣзное по дереву изображеніе Христа у винограднаго точила, серебряная икона—окладъ евангелія—1770 г., даръ прихожанъ по случаю избавленія отъ моровой язвы, колокола 1572, 1648 и 1719 г.г. и наконецъ, крестъ на главѣ церковной, съ надписью о построеніи храма—1568 г.; снятъ планъ церкви и сдѣланъ ея фотографическій снимокъ. Всѣ эти церкви каменные. Ильинская церковь деревянная; о перестройкѣ ея не сохранилось свѣдѣній, и можно думать что въ основныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, она осталась неизмѣнною отъ XVII в.; уничтожено только опасанье и пристройка «для храненія мертвыхъ костей», м. б. передѣланы купола. Къ прошлому вѣку относятся боковыя кѣты; иконы Богоматери и св. пр. Ильи, повидному XVII в., находятся въ колокольнѣ; снятъ планъ церкви и сдѣланъ фотографическій снимокъ иконы пр. Ильи.—Въ б. замкѣ Любомірскихъ теперь помѣщается военный лазаретъ, канцелярія и казармы. Сохранились отчасти замковыя стѣны и два бастиона, рвы, окружавшіе замокъ, гербъ на главныхъ воротахъ и превосходныя лѣнные изображенія хоророда нимфъ въ залѣ офицерскаго собранія, по карнизу,—работа незауряднаго иноземнаго мастера; многія фигуры разбиты, всѣ забѣлены известкою. На островѣ, гдѣ былъ замокъ кн. Острожскихъ, расположена казарма учебной команды и гимнастическій плацъ, сгладившій слѣды укрѣпленій. О мѣстоположеніи этого замка едва можно было допроситься у мѣстныхъ жителей.

м. Мляновъ. Въ замкѣ гр. Ходкевичей (позднѣйшей постройки) сохранились только нѣкоторые семейные портреты и образцы оружія. Изъ библіотеки и архива удалось осмотрѣть только одну книгу, принадлежавшую Аннѣ-Алоизѣ Острожской, внаслѣдствіи Ходкевичъ. Мѣстная православная церковь 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сохранила лишь двѣ датированныя иконы 1777 и 1778 г.г. б.б. приписанныхъ церквей с. Озліева и с. Перевердова. Оригинально изображеніе Арх. Михаила, поражающаго діавола. Чаша 1718 г., даръ Микиты поповича Муровицкаго.

м. Верба. Сохранилась, рядомъ съ современною, церковь прошлаго столѣтія, съ оригинальною иконою Св. Троицы, 1745 г. Най-

день рукописный апостоль [593 г.—копія изданія Фр. Скорины, работы Ермогена поповича Теслуговскаго. Святые видѣ церкви и страница рукописи апостола.

ж. Козимъ. Церковь передѣлана изъ величественнаго доминиканскаго костела, стила ренесансъ, построеннаго въ 1746 г. Анастасією Тарновскою. При передачѣ костела, католиками забрано все изъ нея, кромѣ колоколовъ и благодатной иконы Богоматери. Изъ бывшей православ. церкви XVII в. сохранился только на хорахъ образъ Св. Николая Чудотворца. На островѣ, среди рѣпки, находятся порядочно сохранившіяся развалины замка Фирлеевъ XVII в., гдѣ нѣкогда 20 лѣтъ пребывала чудотворная икона Богоматери Почаевскія. Сняты планъ укрѣпленія и замка и планъ церкви; сдѣланы снимки городища и церкви.

ж. Варковичи. Отъ грандіознаго замка Млодецкихъ и монастыря бернардинцевъ въ настоящее время остались лишь остатки. Одна б. усыпальница въ церковной оградѣ (церковь передѣлана изъ монастырскаго костела), да нѣсколько разбитыхъ колоннъ въ церковномъ дворѣ напоминаютъ бывшее Варковичъ.

ж. Боремель. Бывшій замокъ Чацкихъ разрушенъ до основанія. Осталось лишь нѣсколько памятниковъ-колоннъ, да церковь—б. костель, 1781-1786 г.г., въ стилѣ ренесансъ. Въ церкви много иконъ художественной работы, въ стилѣ чисто западномъ.

ж. Берестечко. Сохранились остатки окоповъ козацкихъ и польскихъ 1652 г.; на курганѣ, называемомъ «Маруха»,—пирамидальный памятникъ XVIII в. Великолѣнный костель 1733 г.; онъ былъ весь росписанъ итальянскимъ художникомъ, но предшественникъ нынѣшняго настоятеля переписалъ его вновь мѣстными средствами, и очень грубо. Одинъ только медальонъ съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ остался отъ прежней живописи. Въ главномъ алтарѣ находится каменная раскрашенная статуя Спасителя, пользующаяся большимъ уваженіемъ какъ среди католическаго, такъ и православнаго населенія. Статуя величиною около полутора аршина, работы довольно грубой.—Въ боковомъ придѣлѣ находится очень чтимая, также деревянная, лежащая статуя св. мученика Валентина, съ частицею его мощей. Библіотека и архивъ костельный, а равно и многія старинныя иконы и утварь уничтожены или распроданы. Въ сакристіи сохраняются портреты фундатора костела. Двѣ мѣстныя православныя церкви построены въ настоящемъ столѣтіи. Въ Троицкой церкви

сохраняются, впрочемъ, двѣ небольшія иконки изъ прежнихъ берестечскихъ церквей, помяникъ съ метрикою конца XVII в. и рукописный ирмологій XVIII в.

ж. Олыка. Имѣніе вн. Радзивилловъ. Владѣльцы не болѣе лѣтъ 15—20 тому назадъ стали жить въ Олыкѣ. Поэтому Олыкскій замокъ донынѣ представляетъ наполовину руину. Раньше имъ пользовались, какъ мѣстомъ для дарового склада товаровъ и ружьяди, а то и для ломки кирпича, мѣстные евреи. Все, что могло быть въ замкѣ цѣннаго, или расхищено, или вывезено въ литовскія и прусскія имѣнія Радзивилловъ. Нынѣ въ замкѣ, кромѣ прекрасныхъ старыхъ gobelenовъ, нѣтъ абсолютно ничего. Все мѣстечко обведено было высокимъ (до 5 саж.) валомъ в рвами, въ видѣ громаднаго четырехугольника, съ выгнутыми сторонами и бастіонами по угламъ. Валы эти мѣстами совершенно сглажены, мѣстами полуразрушены. Изъ двухъ «брамъ» сохранилась и укрѣплена нынѣшнимъ владѣльцемъ одна, на предмѣстьи «Залѣсочьи». Обѣ православныя церкви недавняго происхожденія. Залѣсочская Срѣтенская церковь, впрочемъ, построена въ половинѣ прошлаго столѣтія, но передѣлана. Оригинальный (восьмиугольный) архитектурный стиль церкви сохранился, несмотря на пристройки. За то внутри церкви ничего стараго не имѣется. Въ Троицкой церкви сохранилась старая хоругвь олейницкаго цеха, съ надписью. Въ костельной усадьбѣ находится два костела. Главный костель 1640 г., въ стилѣ возрожденія, алтаремъ на западъ. Это роскошное зданіе, украшенное массою надгробныхъ памятниковъ, превосходныхъ статуй, иконъ, съ богатѣйшею утварью и т. п. Костель—б. іезуитская collegія—донынѣ обладаетъ богатою библіотекою и архивомъ. Но къ сожалѣнію библіотека эта въ совершенномъ хаосѣ. Архивъ нѣсколько сохраненъ, имѣетъ суммаріушъ, но документы попорчены сыростью. Много портретовъ кн. Радзивилловъ и б. прелатовъ монастыря. Особенно выдаются портреты-фрески XVII в. Петра Радзивилла Бѣлаго (строителя стараго костела) и основателя настоящаго костела Станислава II Радзивилла Набожнаго. За главнымъ костеломъ, въ саду, пріютился еще болѣе замѣчательный памятникъ старины—небольшой костель 1460 г. Алтаремъ онъ обращенъ на востокъ, въ планѣ представляетъ равноконечный византійскій крестъ. Костель бѣдевъ убранствомъ, служба въ немъ совершается лишь разъ въ годъ, на пасху. Но среди иконъ, украшающихъ его, сохранились вещи чрезвычайно оригинальныя и старинныя. Таково, напр., изображеніе

Богоматери и св. ап. Петра въ чпстилищѣ. Надо замѣтить, что вообще многія иконы какъ этого, такъ и главнаго востела, носятъ явно православный, византійскій характеръ.

Сравнительно съ вышеописанными мѣстечками, въ селахъ встрѣчено гораздо меньше остатковъ старины. Впрочемъ, надо сдѣлать исключеніе для селъ, въ которыхъ есть теперь или были нѣкогда православные монастыри. Таковы с.с. Дермань, Стракловъ, Подборцы и Мильча.

Дерманскій монастырь основанъ въ 1450 г. вв. Василиемъ Θεодоровичемъ Острожскимъ Краснымъ. Зданіе вѣроятно одновременно подновлялось и перестраивалось. Изъ монастырскихъ построекъ наиболѣе архаичною является волокольня, служившая и главнымъ въѣздомъ въ монастырскую ограду. Монастырская церковь несомнѣнно подверглась значительнымъ передѣлкамъ, такъ что нельзя ручаться даже за сохраненіе ея первоначальнаго плана. Абсолютно не сохранилась и старая иконопись. Въ монастырской библіотекѣ сохранилось нѣсколько т. н. Kunst-Buch'овъ, содержащихъ наряду съ разнаго рода религіозными гравюрами XVII—XVIII в., и самостоятельные рисунки владѣльцевъ этихъ альбомовъ, вѣроятно дерманскихъ монаховъ. Среди этихъ рисунковъ есть очень любопытные. Монастырская библіотека—самое интересное, что сохранилось въ Дерманскомъ монастырѣ. Въ ней много любопытныхъ рукописей церковно-славянскихъ и латинскихъ, рѣдкіе экземпляры старопечатныхъ изданій мѣстныхъ и заграничныхъ, довольно богатый архивъ. Изъ старославянскихъ рукописей выдаются: пергаментная мива XIV в., евангеліе XV—XVI в.в. со вкладными записями К. И. и К. К. Острожскихъ, творенія Іоанна Златоуста въ переводахъ московскаго инока, впоследствии члена Острожской академіи, Селивана и Дорогобужскаго игумена Кипріана и въ спискѣ пресвитера Острожскаго Андрея Герасимовича Смотрицкаго, творенія Діонисія Ареопагита, сербская рукопись 1374 г., съ любопытными приписками, и др. Изъ старопечатныхъ книгъ надо отмѣтить Евангеліе Цетинское 1585 г., Евангеліе учительное Каллиста, патр. Константинопольскаго, въ двухъ изданіяхъ—Виленскомъ 1598 г. и Львовскомъ 1602 г., Октоихъ Дерманскій 1603 г. въ трехъ экземплярахъ и множество книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ съ помятами Мелетія Смотрицкаго. Въ монастырскомъ архивѣ есть подлинныя грамоты К. К. Острожскаго; интересны также разнаго рода «выписи изъ книгъ справъ судовыхъ монастыря Дерманскаго», касаю-

щіяся разныхъ дѣлъ между подданными монастырскими. Самыя книги эти исчезли безслѣдно. Изъ вещественныхъ памятниковъ на чердакѣ монастырскомъ найдены въ цѣлости только портреты Мелетія Смотряцова, Фелиціана Володкевича, Императора Павла I, старинное изображеніе патр. Аѳанасіа Лубенскаго, сандалнаго дерева ручной крестъ, съ датированнымъ изображеніемъ въ медальонѣ вн. К. И. Острожскаго. Сдѣланы снимки съ монастырской церкви, колокольни, евангелія 1507 г. и минеи XV в., портретовъ Смотряцова и Володкевича, снятъ планъ церкви.

С. Стракловъ. Каменная церковь, построенная въ 1665 г. Анною Пузиною. Изъ памятниковъ старины сохранилась только благодатная икона Богоматери. Подъ поломъ сохраняются какія-то статуи, но входъ туда забитъ. Снятъ планъ и фасадъ церкви; сдѣланъ фотографическій снимокъ церкви и иконы Богоматери.

С. Подборцы. Б. женскій базилианскій монастырь XVIII в., деревянный, нынѣ не существуетъ. Настоящій храмъ каменной постройки на новомъ мѣстѣ. Сохранилось нѣсколько иконъ XVIII—XVIII в.в.

С. Мильча Малая. Каменный храмъ 1640 г., построенный Александромъ Еловцкимъ. Оригиналень крайнею неурядчивостью размѣровъ. Сохранилась превосходная икона Богоматери 1603 г., оригинальныя иконы «Вичеваніе у столба» и «Явленіе трехъ странниковъ», портретъ основателя монастыря Александра Еловицкаго 1647 г. и евангеліе со вкладкою записью игумена Исаакія Борисковича и Минея съ записью генеральнаго осаула Іоанна Ломячовскаго.

С. Мукошпеевъ Березь, имѣніе извѣстнаго археолога С. В. Любы-Радзиминскаго. Коллекціи г. Радзиминскаго пользуются заслуженною извѣстностью. Укажу, сверхъ того, на собраніе фамилныхъ портретовъ, преимущественно фамиліи Денисковъ и на богатѣйшій фамилный архивъ. Нѣкоторые изъ документовъ этого архива были выставлены и описаны на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ; описанное не составляетъ впрочемъ и тысячной доли содержанія архива. Между прочимъ въ архивѣ г. Радзиминскаго сохраняются копіи суммаріуша всѣхъ безъ исключенія Луцкихъ актовыхъ книгъ; а нѣкоторые изъ нихъ даже въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ не сохранились или повреждены. Описаніемъ архива, по выработанной превосходной системѣ, занимается супруга г. Радзиминскаго. На островкѣ р. Турія

сохранились и заботливо поддерживаются развалины замка XVI в. Денисовъ.

С. Минаковцы. Церковь 1761 г. Раньше, въ XVII в., здѣсь существовалъ небольшой монастырекъ. Въ церкви сохранилось нѣсколько иконъ XVIII в. и сандалнаго дерева крестъ XVII в., даръ Архимандрита Дениска. Икона Богоматери Іерусалимскія, по преданію спасена отъ турокъ чудесно во время Збаржской войны.

С. Птиче. Мѣстная церковь недавно перестроена. Изъ иконъ прошлаго столѣтія, сохранившихся на колокольнѣ, оригинально только «Благословеніе хлѣба и чаши».

С. Погорельцы. Въ церкви повѣйшей постройки сохранились: служебникъ Кіевскій 1637 г. съ записью о дарѣ его въ 1648 г. «козаками сотнѣ хмеловы з мѣстечка Уцтвициѣ, на имя Тищенко изо всѣм товариством своим»; 2) субботникъ священника Іоанна Ярмаркевича 1693 г. съ записью нѣкоторыхъ козачьихъ родовъ, и двѣ бархатныхъ шитыхъ рвзы для намѣстныхъ иконъ, даръ дѣтей того же священника.

С. Рачинь. Въ кладбищенской церкви сохранилось много оригинальныхъ иконъ прошлаго вѣка. Царскія врата представляютъ вариацию довольно распространенной на Волынѣ въ XVII-XVIII в.в. темы «Жезль пзъ Корене Іесеова».

С. Косаревъ. Икона Покрова Божіей Матери 1701 г. и икона Великаго Архіерея XVII в.

С. Малые Дорогостай. Все почти село окружено валомъ—остатокъ укрѣпленія XVII в. Церковь—нѣкогда кальвинскій «зборъ», позже—католическій костель, XVII в., оригинальна по архитектурѣ. На горномъ мѣстѣ стоитъ икона Богоматери, по преданію подаренная королею Сигизмундомъ III гетману Жолѣвскому, отъ котораго перешла къ Даниловцямъ, затѣмъ въ Ржевускымъ и Сапѣгамъ и отъ послѣднихъ поступившая въ церковь. По свидѣтельству рукописной «церковно приходской лѣтописи с. Дорогостай», о происхожденіи иконы свидѣтельствуется запись на оборотной сторонѣ ея.

С. Чекио. На берегу Стыри, на искусственной возвышенности, находился нѣкогда монастырь Честнаго Креста. Изъ рѣчныхъ разливовъ выкапываются иногда крестьянами остатки кафель, иконки и крестики. Въ вышней церкви ничего замѣчательнаго не сохранилось.

М. Крупецъ. Ныѣшняя церковь передѣлана пзъ доминиканскаго костела, выстроеннаго въ 1798-1822 г.г. Гоноратою пзъ Стени-

ковскихъ Игельстромъ, въ благодарность за спасеніе въ Варшавѣ мужа ея, б. російскаго посланника. Но въ Круицѣ существовалъ костелъ и раньше, а равно существовала и православная церковь, устроенная въ 1662 г. козакомъ Деркачемъ. Современная церковь представляетъ величественное зданіе, съ чудными лѣпными украшеніями, но памятниковъ старины, какъ православной, такъ и католической, въ ней почти не осталось. Въ ризницѣ хранится холщевая плащаница 1672 г., устроенная «младенцами Круицкими за стараніемъ Тимоея паламара Круицкаго».

С. Срибно. Церковь нач. XVII в., но значительно передѣлана. Отъ стараго церковнаго убранства сохранилось нѣсколько оригинальныхъ иконъ и рѣзныхъ крестовъ, хотя поновленныхъ, но къ счастію не искаженныхъ. Особенно оригинально изображеніе страстей Христовыхъ, съ рѣзкимъ мѣстнымъ колоритомъ. Сохранилось также нѣсколько старопечатныхъ книгъ XVII в. и рукописное евангеліе XVI-XVII в.в.

С. Островъ. Оригинальная церковь XVII в., сохранившаяся почти въ неизмѣнномъ видѣ. Сохранилось рукописное, богато орнаментированное, евангеліе, писанное рукою многогрѣшнаго Р. Б. Маны, въ Сатіевъ, въ вотчинѣ е. м. кн. Ильи Константиновича Острожскаго 7047 (1539) г. индикта 12, февраля 1.

С. Ромашковщина. Въ полуверстѣ отъ села, въ глухомъ лѣсу, находится небольшая деревянная церковь конца XVII в., привлекающая въ лѣтнюю пору много богомольцевъ своею благодатною иконою. Икона эта здѣсь же въ лѣсу, въ древесномъ нишѣ найдена въ 1688 г. однимъ шпитальнымъ старцемъ изъ м. Олыки, о чемъ свидѣтельствуесть тогочременная записъ масляными красками на доскѣ, висящей подъ стекломъ въ церкви. Икона эта рѣзана тонкими штрихами въглубь на доскѣ изъ фіолетоваго сланца. По характеру рѣзбы она должна быть отнесена къ глубокой древности и представляетъ замѣчательную аналогію съ такою же рода иконками изъ Дорогобужскаго городища, хранящимися въ Волынскомъ Евархіальномъ древлехранилищѣ. Такою икона эта и была найдена шпитальнымъ старцемъ; въ послѣдствіи уже кажется въ настоящемъ столѣтіи, фонъ иконы закрасенъ маслянными красками. Икона врублена въ стѣну храма.

С. Падборцы. (Лудскаго у.). Б. базилианскій монастырь. Монастырскіе корпуса не существуютъ уже. Храмъ очень оригиналенъ по своей архитектурѣ. Это почти круглое зданіе о 13 куполахъ. Внутри церкви, однако, кромѣ благодатной иконы Богоматери, да иконъ Тай-

ной Вечери и св. Троицы, сохранившихся отъ прошлаго вѣка, ничто не напоминаетъ прошлаго; сняты фотографіи храма и вышеуказанныхъ иконъ.

Однимъ изъ результатовъ поѣздки О. А. Фотинскаго, помимо большого научнаго значенія ея, является возбужденіе Волявскимъ Церковно-Археологическимъ Обществомъ ходатайства о передачѣ въ Епархіальное древлехранилище указанныхъ О. А. Фотинскимъ иконъ, утварь, рукописей и т. п. Въ данномъ случаѣ централизація памятниковъ является самымъ надежнымъ средствомъ ихъ сохраненія.

что эта замѣна сдѣлана была Румянцовымъ по указанію лично извѣстнаго царю Галагана, которому Н—ко былъ угоденъ за его искательный нравъ, а М—ча Г—нъ не любилъ, м. б, за его близость къ Скоропадскимъ.

Очень ловко устраивалъ Н—ко свои дѣла и съ маестностями. Кромѣ Рудовки, Н—ко сумѣлъ захватить еще два села—Щуровку и Голубовку. Оба эти села принадлежали Носу (с. 30 и 31), но такъ какъ по смерти послѣдняго изъ его наслѣдниковъ оставалась только невѣстка-вдова съ двумя малолѣтними внучками, то Н—ко и захватилъ сиротскія маестности. На Щуровку онъ даже умѣлъ выпросить гетманскій универсалъ (см. ниже с. Щуровка), въ которомъ было сказано, что Щ—ка отдается Н—ку „взамѣну с. Голубовки“, которая де отошла подъ послушаніе наслѣдниковъ умершаго Степана Носа. Послѣ этого Голубовка дѣйствительно перешла ко внукамъ полковника, но Носенко отчасти продолжалъ преслѣдованіе тамошнихъ козаковъ. Щуровка отсуждена—по иску внука полковника—только отъ сыновей Петра Н—ка.

Будучи практическимъ человѣкомъ, Н—ко сумѣлъ заслужить довѣріе даже у своего полковника Галагана, вообще по-

---

полк. урядникамъ. Просьба Г—аго была вполнѣ законная, но резолюція «правителей» на этомъ прошеніи положена была такад: «надлежитъ написать до п. полковника Пр—ого, абы онъ велѣлъ отъ кого пристойно избрати роковщину на ранги писарства и хоружества полковыхъ Пр—хъ и заплатилъ бы пп. писару и хоружему за службу въ прошломъ 1723 г., на удачахъ ихъ роненную, такъ власне, якъ и п. Н—ку, нынѣшнему сотниковъ полк. Пр—му, за урядъ хоружества заплатить велено.» Какъ видно, «правители» не посмѣли сказать, чтобы Н—ко собранную имъ «роковщину» отдалъ полк. писарю, а затѣмъ бы уже и для себя ее собралъ. Несомнѣнно, что въ этотъ моментъ Н—ко, будучи ставленникомъ Румянцева, являлся «правителямъ» человѣкомъ *особымъ*... Замѣтимъ кстати, что надписаніе Галенковскимъ прошенія *на имя императора*, е смотря на то, что оно подавалось въ генер. к—рію, тоже было слѣдствіемъ пріѣзда Румянцева, поставившаго во главѣ высшей мѣстной администраціи трехъ «правителей» и установившаго для генер. к—ріи новыя формы при ея сношеніяхъ съ просителями и учрежденіями.

дозрительно относившагося ко всей Прилуцкой старшинѣ, за исключеніемъ Галенковскаго. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, Галаганъ отправился въ Москву хлопотать о царской грамотѣ на свои маетности, то правленіе полковыхъ дѣлъ онъ поручилъ не обозному или судѣ, какъ водилось, а полковому сотнику, т. е. Носенку.—Въ Москвѣ Галаганъ пробылъ болѣе года, и интересуясь, что дѣлается безъ него въ полку, требовалъ извѣстій отъ Н—ка. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и Галенковскій поѣхалъ съ Галаганомъ, которому, при его безграмотствѣ, былъ необходимъ въ хлопотахъ о грамотѣ. Отвѣчая Галагану на его вопросы, Н—ко въ одномъ изъ писемъ говоритъ: „Листъ вашей панской м—ти, іюня 10 д. зъ Москвы отправленній, того жъ іюня 21 дня получилъ, въ которомъ изволите в. панская м—ть приказовати мнѣ, дабымъ далъ извѣстіе що въ полку поведется... Отвѣтствую, же якъ въ первомъ моемъ листѣ писалемъ, такъ и теперь извѣствую, что по отъѣздѣ вашимъ, еще до сихъ часъ, благодареніе всемогущему Богу, такъ въ городѣ Прилукѣ, яко и во всемъ полку, все доброе поведется... Да тутъ же извѣствую, что желѣзо въ Прилуку изъ Глухова привезено, дранѣ зъ Любеча 46 кошъ въ Прилуку зискано, а осталось тамъ 54 копи; о вапнѣ (известкѣ) до вапенаго майстра писалемъ, которій отписалъ ко мнѣ, что вапно въ поготовности мѣтеъ, толко теперь онаго будто по малой водѣ (въ Деснѣ) не можна гнати, а къ Семіону-столпнику—общааетъ пригнати и поставитъ у пристанѣ Кладковской...“¹⁾ Въ другомъ письмѣ Н—ко пишетъ: „Сего декабря 15, въ недѣлю, атаманъ городовій Варвинскій Семень Безципчій преставился, на которого мѣсце поставленъ атаманомъ Марко Михайловичъ; а 18 декабря—померъ бурмистръ Прилуцкій Федоръ Малка, которимъ обомъ пошли Боже вѣчное упокоеніе... Прошлого 13 н. получилимъ отъ его мил. п. гетмана листовное писаніе зъ тимъ изображеніемъ, абымъ о выбранныхъ прошлого 1727 г. денгахъ, сколько онихъ было въ зборѣ, зъ

---

¹⁾ Дѣло идетъ о матеріалахъ, которые Галаганъ готовилъ для постройки Прображенской церкви въ Прилукѣ (см. с. 106). •

тихъ грошей на плату, что дано кому зъ служителей именно и что онихъ грошей въ остатку имѣется—прислалъ би къ его ясн—ти обстоятельное извѣстіе. И яко по тому указу, взявши отъ п. писара полкового о роздачи онихъ денегъ, за рукою его, извѣстіе, послалъ оное до его ясн—ти, на что таковую рей-ментарскую получилимъ резолюцію, аби зъ выбранныхъ въ семь году на служителей полковыхъ денегъ, нѣ одной копейки безъ указу его ясн—ти нѣкуда не употреблять, но оніе содержать въ цѣлости. Однакъ за прїѣздомъ зъ Москви п. писаря полкового, зъ выбранныхъ въ семь году зъ сотнѣй полковой денегъ, далемъ женѣ Швидкого рублей шесть..“ Приведенное здѣсь распоряженіе гетмана, видимо находившееся въ связи съ *отсутствіемъ* Галагана изъ полка, поставило между прочимъ Н—ка въ затруднительное положеніе въ такомъ обстоятельствѣ, какъ снабженіе полковой и ратушной к—рїй бумагою и другими письменными принадлежностями, что видно изъ слѣдующаго донесенія наказнаго полковника гетману: „Сего 1728 году, прошлаго генваря мѣсяца, его м. п. полковникъ Прилуцкій, при отъѣздѣ своемъ въ Москву, приказалъ мнѣ правленіе полковое содержать, яко я по должности моей и содержаю, а не мѣючи для отправленія всякихъ полковыхъ дѣлъ куповати за що наперу, смолки, воску и галасу (чернильные орѣшки), безъ чего всего весьма въ томъ обійтись не можна, велѣлемъ“ все это „у крамаровъ Прилуцкихъ брати на-боргъ (въ долгъ) нѣмъ милостивое ясн—ти вашей о томъ учинится разсмотреніе. Отъ генваря м—ца для отправленія, якъ помянулось, полковыхъ дѣлъ, тое все на-боргъ беручи, задолжились онимъ крамарамъ 71 золотій и полсема шага, а якого числа в кого именно и якою цѣною сколько чего взято, вѣденіе за рукою при семъ моемъ листѣ до ясн—ти вашей посылаю и всепокорственно прошу многопрезрительно свое рейментарское въ томъ явити милосердіе, ибо помянутіе крамарѣ отнюдь уже паперу и прочого на-боргъ давати не хотятъ, повѣдаючи: мы правѣ за готовіе гроши купуемъ, жебы що собѣ зъ того заробити, а вы все на-боргъ берете, и теперь заледве ризу (стопу) наперу дали, а болнѣ сказали: воля ваша,—не дамо! Которій наперъ, смолка, воскъ и галасъ на всякіе такъ полковіе, яко и ратушвіе дѣла—доношу ясн—ти вашей.—же покупается било

зъ поборовихъ до ратуша збѣраючихся денегъ, якіе теперъ отъ посполитыхъ ратушныхъ людей отбѣрають завѣдовци. О тую многопризрителную рейментарскую милость яси—ти вашей, п. моего милостивого, всеинокорственно прошу..“ Эта наивно изложенная просьба нак. полковника, обращенная къ гетману—о томъ, чтобы послѣдній разрѣшилъ употребить часть полковыхъ денегъ на покупку канцелярскихъ принадлежностей, быть можетъ указываетъ, что Апостоль въ первые моменты своего гетманства думалъ было взять въ свое вѣдѣніе контроль надъ приходомъ и расходомъ общественныиъ по полкамъ денегъ... Разумѣется, такіи намѣренія были не исполнимы при отсутствіи какого либо порядка въ веденіи общественныхъ дѣлъ въ гетманщинѣ, и распоряженіе гетмана о безусловномъ нерасходованіи денегъ, собираемыхъ на тѣ или другіе полковыя нужды, могло стѣснять какого нибудь наказного полковника, но не тѣхъ „дѣльных“ полковниковъ Апостоловскаго времени, которые распоріяжались въ своихъ полкахъ, быть можетъ, даже съ большею властью, чѣмъ гетманъ въ гетманщинѣ... Изъ другихъ донесеній Н—ка Галагану въ Москву¹⁾ видно, что онъ прежде всего заботился о томъ, чтобы полковникъ на заподозрилъ его въ присвоеніи хотя и тѣни ему не подобающей власти. Такъ, напр., Н—ко извѣщаетъ полковника, что одна изъ сотенъ выбрала себѣ—на вакантное мѣсто—сотника и послала вмѣстѣ съ нимъ уполномоченныхъ въ Глуховъ, къ гетману, съ ходатайствомъ объ утвержденіи избраннаго, при чемъ послѣдній просилъ было и полковую старшину—о его рекомендаціи гетману, но—прибавляетъ Н—ко—, старшина полковая и я зъ ними отказали Романовичу (фамилія избраннаго), же безъ бытности вм. м. пана и добродѣя, рекомендаціи за нимъ дать *не смѣемъ*, и онъ только зъ суплѣкою сотнянъ до ясневелможного поѣхалъ“. Н—ко оставался полк. сотникомъ до смерти; умеръ онъ не позже 1734 г., но еще въ 1733 г. начальствовалъ надъ отрядомъ Прилуцкаго полка, который входилъ въ составъ козацкаго войска, отправленнаго въ этомъ году въ Польшу.—Проходя въ это время

¹⁾ Книга копій дѣловыхъ бумагъ, которыя писалъ Носенко разнымъ лицамъ и учрежденіямъ за время своего наказничества въ 1728 г. Руконисъ пам. б—кн

съ своимъ отрядомъ черезъ Сосницкое село Авдѣевку, Н—ко причинилъ не мало бѣдъ жителямъ послѣдняго, какъ объ этомъ жаловался владѣлецъ Авдѣевки Мих. Скоропадскій (зять Апостола): „ставъ лагеремъ среди хлѣбныхъ полей (дѣло было въ июль) Н—ко позволялъ своимъ козакамъ—травить эти поля, рубить въ роуцѣ дерево—хотя бы на дрова, а то на мезгу (?),—отнимать у селянъ топоры и косы, жечь дерево, приготовленное для выкурки дегтю, обижать работавшихъ въ полѣ женщинъ, причемъ съ послѣднихъ срывали „наметки“ (головныя повязки) и тѣ прибѣгали въ село простоволосыми... 1) Н—ко обижалъ беззащитныхъ селянъ, а его самага въ это время обижала дома свои полковая старшина: въ сентябрѣ 1734 г. сыновья Носенка, Яковъ и Никифоръ, жаловались кн. Шаховскому: „прошлого 1733 году, когда по указу покойнй отецъ нашъ сотникъ полк. Пр—й Петръ Н—ко, съ сыномъ своимъ, мною нижайшимъ Никифоромъ, пошолъ здому въ походъ въ Полщу, то непрестаннѣе въ дому нашемъ отческомъ, въ якомъ ми сами живемъ, въ самомъ городѣ Прилуцѣ будучомъ, чрезъ цѣлй годъ, по отводу старшины полковой, консистенты имѣли постои, отчего намъ нижайшимъ не маліе утиски и обиды чинятся...“

Можно думать, что постои явились въ Прилуцкомъ домѣ Н—ка уже послѣ его смерти. Н—ко былъ на столько вліятельный человекъ, что Прилуцкая старшина не упустила случая немедленно же проявить власть надъ оставшимися его дѣтьми. Сыновей у Н—ка осталось три: войск. тов. Яковъ, Никифоръ (с. 72) и Георгій, бывшій полк. сотникомъ послѣ Гуленка; была еще и дочь Анна, первый мужъ которой гетманскій „господарь“ Иванъ Даровскій умеръ въ 1721 г., а вторымъ ея мужемъ

---

1) Известно, что одно изъ самыхъ чувствительныхъ оскорбленій для замужней женщины въ Малороссіи представляетъ—снятіе съ головы чепца (очинка), такъ какъ эти волосы послѣ замужества, покрываются *нагсеида* и женщина уже не можетъ прилюдно снять своего очинва... «Свѣтитъ волосомъ», т. е. открыть свои волосы послѣ замужества при людяхъ, можетъ только женщина потерявшая стылт.

былъ Василій Андреевичъ Гудовичъ, сначала генер. подскарбій, а потомъ тайн. совѣтникъ ¹⁾).

Лукомскій Степанъ оставилъ любопытную повѣсть о своемъ происхожденіи, подробно рассказавъ какъ его предки, прадѣдъ и дѣдъ, жили сначала въ Умани, какъ потомъ переселились, на лѣвый берегъ Днѣпра, сначала въ м. Лукомль, а позже въ Полтаву, гдѣ и родился отецъ Л—аго Василій; а когда умеръ здѣсь дѣдъ Л—аго, а бабка его снова вышла замужъ за какого то Гайдука,, то послѣдній, забравъ малолѣтняго пасынка, переселился снова въ Уманщину, на „прадѣдизные и дѣдизные грунта“, и жилъ тамъ пока Умань въ 1674 г. не была разорена турками. Послѣ этого семья Л—ихъ снова переехала на лѣвый берегъ и поселилась здѣсь въ Переяславѣ, пока правобережная Малороссія не „почела снова населяться“; послѣ этого Л—іе перешли снова на правый берегъ и устроились гдѣ-то вблизи Умани, которая въ это время была еще пустою. Живя здѣсь, отецъ Л—аго служилъ козацкую службу въ отрядахъ Палія, Карпа Часныка и Цыганчука (Бѣлоцерковскаго обознаго), верѣдко участвуя въ ихъ набѣгахъ на татарскія земли. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ отецъ Л—аго попалъ было въ плѣнъ, но выкупилъ себя „пятсотма левковими“. Рассказываетъ Л—ій, что отецъ его зачѣмъ „былъ осадчимъ всего Уманского ульду, и „подати гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе—

---

1) Генераліе Бѣлецкіе-Носенки происходятъ отъ Георгія Н—ка, у котораго былъ сынъ Павелъ (въ 1784 г. капитанъ), а у этого Павла былъ сынъ тоже Павелъ,—извѣстный Прилудскій педагогъ, оставившій послѣ себя множество разнаго рода сочиненій, частью писанныхъ и на малорусскомъ языкѣ. См. «Очерки Истор. Украинск. лит.—ры», Н. И. Петрса, стр. 40—42. Когда въ к. XVIII в. потребовались отъ малорусской старшины доказательства о дворянствѣ, то Б.—Носенки въ этихъ доказательствахъ производили свой родъ отъ «Луцкаго князя Александра Носа», потомокъ же котораго «князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи»(?), въ 1694 г. получилъ грамоту на с. Голубовку, а въ 1708 г.—назначенъ Прилудскимъ полковникомъ... См. тамъ же, стр. 36. Это писалось всего только черезъ 70 лѣтъ послѣ смерти этого самаго «князя Іоанна»!

приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ“, причемъ добавляетъ, что отецъ его „осади́лъ“ въ это время не только разоренную Умань, но и сотенные городки Уманскаго полка: Ладыжинъ, Монастырище, Буки и проч. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—повѣрить пока нечѣмъ.—А послѣ Полтавской битвы отецъ Л—аго былъ уже Уманскимъ сотникомъ, и въ это время ходилъ съ отрядомъ Уманскихъ козаковъ противъ запорожцевъ, которые подъ началомъ какого-то „татарина Летуна“, напали было на Уманское мѣстечко Нерубайку. Не отстояли уманды этого мѣстечка, а были сами разбиты, причемъ отецъ Л—аго взятъ былъ запорожцами въ плѣнъ и отданъ какому-то Переконскому каймакаму. Въ неволѣ отецъ Л—аго пробылъ до 1712 г., освободившись отъ которой, попрежнему жилъ въ Уманщинѣ. Въ это время С. Л—ій, хотя былъ еще „малолѣтень“, „пошелъ въ Кіевъ въ наученіе, и въ Кіевскихъ училищахъ латинскія проходилъ школы, причемъ въ 1718 г. съ прочими студентами присягалъ на вѣрность ихъ импер. величеству въ Кіевѣ, въ Братской церквѣ... А въ 1722 г., оконча въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе края, надѣясь тамо оное латинское свое ученіе совершить, но за болѣзнію принужденъ былъ остаться въ Польши, гдѣ ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что онъ былъ малороссіянинъ, не могъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не соверша оного, въ 1726 г. возвратился паки въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію...“ Далѣе Л—ій продолжаетъ: „въ 1730 г., на вѣрность императрицѣ, нынѣ благополучно самодержавствующей, съ сыномъ обози. генер. Як. Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, *которому я тогда учителемъ былъ*, присягалъ, а въ нач. 1731 г., генваря въ первыхъ числахъ, по опредѣленію гетм. Апостола, я, родимецъ малороссійскій, въ генер. в. канцелярію принять; а сего 1733 г., по отлученіи старш. канцеляриста Юркевича, по опредѣленію-жъ оного гетмана, учрежденъ былъ я старш. канцеляристомъ“... ¹⁾ Въ генер. к—ріи Л—ій оставался до 1737 г., когда онъ былъ назначенъ полк.

¹⁾ Кіевск. Стар. 1890 г., сент., 479—485.

Прилудкимъ сотникомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Л—ій былъ назначенъ и членомъ „комиссіи перевода и свода книгъ правныхъ“¹⁾, при чемъ имя его находится въ числѣ лицъ подписавшихъ представленіе императрицѣ объ окончаніи свода.

О дѣятельности Л—аго на урядѣ сотничества—никакихъ свѣдѣній у насъ нѣтъ. Сотникомъ онъ пробылъ до 1747 г., когда былъ замѣненъ А. Гуленкомъ (Дн. Зап. Я. Марк., II, 250), причемъ Л—ій былъ вовсе уволенъ отъ службы съ чиномъ абшпитованнаго обознаго. Вслѣдствіе какихъ причинъ Л—ій былъ уволенъ отъ службы, будучи далеко еще не старикомъ²⁾, неизвѣстно; быть можетъ это случилось по интригѣ его преемника по уряду Андрея Гуленка.

За десятилѣтнее свое сотничество Л—ій нажилъ порядочное состояніе, оставивъ своимъ наслѣдникамъ крестьянъ болѣе 150 д. м. п.³⁾ Женатъ Л—ій былъ на дочери Нѣжинск. есаула Степана Костенецкаго и имѣла двухъ сыновей и четырехъ дочерей; сыновья его въ 1772 г. служили оба сотниками: старшій Степанъ (р. 1740 г.)—Переволочанскимъ, а младшій Ивашъ (р. 1745 г.)—Журавскимъ.—Оставивъ службу Л—ій поселился въ Прилукъ и усердно занялся здѣсь чтеніемъ русскихъ и польскихъ хроникъ, причемъ плодомъ этого чтенія явилась его собственная хроника: „Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнаина и изъ старыхъ вѣрныхъ русскихъ лѣтописей, абшитов. польковымъ обознымъ Степаномъ Васильевичемъ Лукомскимъ сочиненное въ г. Прилукѣ 1770 году“. Въ этомъ сборникѣ интересны переводы Л—аго—записокъ польскаго мемуариста Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго⁴⁾. Особенное вниманіе обращаетъ на себя послѣдній трудъ

¹⁾ Права, по которымъ судится малороссійск. народъ, изд. Кистяковскаго (Кіевъ. 1879), стр. 15.

²⁾ Лукомскій родился примѣрно въ 1700 т., судя по его разсказу, что онъ онъ ок. 1712 г. былъ еще «малолѣтенъ» (с. 135).

³⁾ Крестьянъ Лукомскій имѣлъ въ Прилукѣ—53, Лѣсов. Сорочинцахъ—9, Дубов. Гаю—14, Сергіевкѣ—11, хуторѣ за Переводомъ—20, слободѣ Лукомкѣ—32, Боршной—11 и Полонкахъ—6; всего 150 д. м. п.

⁴⁾ Обѣ эти работы Лукомскаго напечатаны въ IV-мъ томѣ Лѣтописи Величка.

Л—аго, указывая, что авторъ его живо интересовался былыми судьбами своей родины, причемъ въ его описаніи особенно подчеркнуты тѣ притѣсненія, которыя терпѣлъ „народъ украинскій“ отъ поляковъ въ перв. полов. XVII в. Рѣчь, влагаемая Л—мъ въ уста Хмельницкаго передъ Желтоводскою битвою, показываетъ, что хронистъ самъ переживалъ тѣ моменты, которые привели къ торжеству поработеннаго народа надъ „ледскою гордою силою“.

Лукомскій умеръ въ семидесятихъ годахъ, такъ какъ въ 1779 г. жена его, уже называлась вдовою. Во всякомъ случаѣ почтенный хронистъ прожилъ болѣе 70-ти лѣтъ.

Гуленко Андрей былъ сынъ какого-то мелкаго Прилуцкаго обывателя, о вдовѣ котораго „Иванихѣ“ въ ревизской книгѣ 1740 года сказано, что „домъ ея освобожденъ отъ постоевъ за то, что сынъ ея Андрей служить въ генер. канцеляріи“, при чемъ въ той-же ревизской книгѣ значится, что Андрей Гуленко въ это время, т. е. въ 1740 г., и самъ находился въ Прилукѣ, исполняя порученіе Глуховскихъ властей—„по раздѣлѣ денегъ на чиновниковъ полковыхъ и служителей сотенныхъ“ (с. 100). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Г—кѣ видно, что это былъ искательный человѣкъ, сумѣвшій сдѣлать себѣ особую, совсѣмъ необычную для Глуховскихъ канцеляристовъ, карьеру. Назначеніе Г—ка сотникомъ послѣдовало изъ Петербурга; въ дневникѣ Як. Марковича записано, что въ августѣ 1747 г. „изъ СПб. пріѣхалъ (въ Глуховъ) канцеляристъ Гуленко съ *именнымъ указомъ*, что онъ пожалованъ сотникомъ полков. Прилуцкимъ на мѣсто Лукомскаго“. Видимо, что Г—ко этого назначенія добился какими-то необычными путями, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что „именной указъ“ онъ получилъ при помощи своего свояка Федора Коченевскаго, который незадолго передъ тѣмъ (1743 г.) изъ придворныхъ пѣвчихъ былъ пожалованъ „въ помственные дворяне“ и оставаясь въ числѣ придворныхъ чиновниковъ, пользовался тамъ особыми милостями ¹⁾.

¹⁾ Федоръ Коченевскій и Гуленко были женаты на родныхъ сестрахъ. О пожалованіи Коч—аго. съ нѣсколькими его товарищами.

Гуленко остался сотником повидимому до 1758 г., когда в июнѣ „пожалованъ былъ за ревность и прилежность въ титулярные совѣтники, въ рангъ сухопутнаго капитана“ ²⁾). Получивъ это необычное повышение, Г—ко сейчасъ-же обратился къ гетману съ просьбою о награжденіи своей службы какою-нибудь маестностію; Разумовскій удовлетворилъ просьбу и 22 іюля 1758 г. выдалъ ему универсалъ на д. Болбасовку, въ которой по ревизіи 1756 г. значилось посполитыхъ 31 дворъ и 50 бездв. хатъ. Повидимому Г—ко выпросилъ себѣ великорусскій чинъ съ цѣлью искать службы за предѣлами гетманщины, разумѣется разчитывая на помощь свояка. Впрочемъ и безъ того новый чинъ ставилъ Гуленка, по его мнѣнію, выше всѣхъ мѣстныхъ „судей“, „есауловъ“ и др. под.; недаромъ-же въ патентѣ значилось, что новый его чинъ равняется „рангу сухопутнаго капитана“. Дѣйствительно Г—ко сталъ смотрѣть на себя, какъ на настоящаго „офицера“; объ этомъ свидѣтельствуется происшедшій съ нимъ, въ томъ-же 1758 г., случай въ Прилудской соборной церкви. Случай этотъ описанъ въ жалобѣ вдовы генер. судьи Акима Горленка—на Гуленка, за обиду ея внука. „Сего декабря 26 д., въ празничный Богоро-

---

въ дворяне см. *Архивъ Сената*, Баранова, III, № 9011. Изъ этой же книги видно, что Коч—ій въ 1748 г. пожалованъ полковникомъ, а затѣмъ получилъ с. Березовую Луку и х. Бодакву. О положеніи Ф. Коч—го при дворѣ, въ кружкѣ Разумовскаго, см. Дневн. Ханенка, 244, 249, 300, 333, 357, 358 и др. Здѣсь, между прочимъ, записано, что на новосельи у Коч—ге императрица ужинала (1747 г.). Умеръ К—ій бригадиромъ. Участіе К—аго въ пожалованіи Гуленка можетъ быть предположено и изъ того факта, что годомъ раньше, въ 1746 г., пзъ СПб. уже разъ послѣдовалъ такой-же указъ, «за собственною ея п. величества рукою», объ опредѣленіи въ сотню Лохвицкую сотникомъ *пльчаго Кирилла Кочневскаго* (Зап. Яв. Марковича, II, 239), который былъ младшимъ братомъ Федора. Очень вѣроятно, что и Кир. К—ій назначенъ былъ при помощи брата, который въ числѣ нѣсколькихъ бывшихъ придворныхъ пѣвчихъ (Любвостокъ, Чижевскій, Рубановскій и друг.) могъ быть товарищемъ по пѣвческой всеильнаго тогда Ал. Разумовскаго.

²⁾ Дѣло о дворянствѣ Гуленковъ въ Полтавск. двор. архивѣ, № 282. /

личный день, внукъ мой войск. канц—сть Иванъ Горленко былъ въ соборной Прилуцкой Рождества-Богородицы церкви, въ службѣ (обѣдни) Божіей, и когда, по окончаніи службы, протопопъ Прилуцкій Михаилъ Лисаневичъ, вышедъ изъ алтаря съ антидоромъ, сталъ на срединѣ царскихъ вратъ, то прежде всѣхъ подошла за антидоромъ жена умершаго брагадира Федора Ивановича Коченовскаго, а за нею пошелъ внукъ мой, „держась обыкновенія малороссійскаго, что мужи передомъ женъ идутъ за антидоромъ“. За внукомъ подошла—за антидоромъ же—и жена бывшаго Прилуцкаго сотника („кой нынѣ титулярный совѣтникъ“) Андреа Гуленка.. Но не успѣлъ мой внукъ взять антидоръ, какъ находившійся тутъ же Гуленко бросился съ „яростію“ къ моему внуку и тамъ же, у царскихъ вратъ такъ „тронулъ“ за плечо внука, что тотъ чуть не упалъ на землю... И тутъ же обозвавъ его дуракомъ, крикнулъ: „вотъ я тебя батожемъ опорю!..“ А когда внукъ мой сталъ вмѣстѣ съ народомъ изъ церкви выходить, то Гуленко приказалъ своимъ служителямъ—схватить моего внука и отправить къ нему во дворъ. Заснмъ „генеральная судіина“ подробно описываетъ, какъ слуги Г—ка, схвативъ ея внука, тащили его чрезъ церковь за волоса и били ногами и кулаками, и какъ при этомъ „черкеску на пемъ порвали, кафтанъ новыи, голубой грезети, тако-жь шубу и шляпу помарали,“ и затѣмъ вбросивъ въ сани перваго попавшагося „изъ народа,“—повезли въ дворъ Гуленка. Старая Горленчиха посѣщила вслѣдъ и—пріѣхавъ во дворъ Гуленка—„до ногъ падала“ передъ нимъ, умоляя помиловать внука. А Г—ко подозвавъ къ себѣ Горленка, крикнулъ: „вѣдаешь де ты, Горленко, что я оффцеръ! а ты послѣднѣйшій бездѣльникъ и вецкемшій дуракъ!“ А затѣмъ спросивъ у служителей—есть ли батожье, сказалъ, что за оскорбленіе чести его, Гул—ка, Горленка и въ Глуховѣ „на мосту будутъ бить кіями!“ Но слезы бабушки смягчили грознаго „оффцера“ и онъ, обращаясь къ Горленку, сказалъ: „ежели де что отъ тебя мнѣ напредки послѣдуетъ, то де я тебя безпоблажно батожемъ осѣчу, а теперь—ради толко прошенія бабушки твоей,—тебѣ прощаю!“ Отпуская Горленка, Гуленко для острастки прибавилъ: „я де и

яко я офіцеръ!“—Разказавъ этотъ случай, „судина“ въ подтвержденіе сираведливости своего разказа, сослалась на свидѣтелей, бывшихъ въ то время въ церкви, въ томъ числѣ на полк. судью Як. Огроновича и на полк. есаула Носенка. Жалобу свою „судина“ подала ¹⁾ въ „духовную консисторію Кіевской митрополіи“ и просила „о такомъ церковномъ гвалтѣ надлежащее учинить слѣдствіе, а затѣмъ поступить съ Гуленкомъ якъ зъ гвалтовникомъ церковнымъ въ силѣ правила святыхъ отецъ, дабы онъ Гуленко на церкви Божіи гвалтъ дѣлать впредь не дерзалъ...“ Въ жалобѣ добавлялось, что самъ обиженный будетъ жаловаться на Г—ка „свѣтскому суду“. Но жаловаться мѣстному суду на Г—ка нельзя было, потому что это былъ—„офіцеръ“; поэтому „искъ за свое безчестіе Горленко занесъ по командѣ въ Кіевскую губернскую к—рію.“—Послѣдняя просила духовную власть сообщить ей показанія тѣхъ священниковъ, которые были свидѣтелями „учиненнаго Гуленкомъ мятежа.“ Свидѣтели эти видимо боялись Г—ка и давала показанія уклончивыя; напр., одинъ изъ „намѣстниковъ“ показаль, что въ то время онъ отъ болѣзни „на обѣ уши былъ приглуховать...“ Впрочемъ другой описаль причину Гуленковскаго „азарта“ повидимому правдивѣе, чѣмъ это сдѣлала бабушка обиженнаго: когда протопопъ Лисаневичъ вышелъ изъ алтаря раздавать народу антидоръ, пишетъ этотъ свидѣтель, то прежде другихъ подошли за антидоромъ: бригадирша Кочевская и сестра ея—„жена титулярнаго совѣтника Андрея Ивановича Гуленка...“ Но вмѣстѣ съ ними подошелъ къ протопопу, съ другой стороны, и Горленко, который—давъ только г-жѣ бригадиршѣ взять антидоръ,—„жену же совѣтника *упредилъ*, что усмотря совѣтникъ,“ подошелъ къ Горленку и сказалъ: „что ты, дуракъ, дѣлаешь?“ А Горленко на это отвѣтилъ: „ты самъ дуракъ!“—Въ такомъ видѣ разказанный поводъ къ „азарту“ Гуленка рисуетъ картину и вѣрнѣе и живѣе...

1) Жалоба вписана 31 декабря 1758 г. и подписана: „Марія Давидовна Якимова Горленкова, судина генеральная удоставляющая, а вмѣсто ея по ея велѣнію подписалъ дворовій ея писарь Григорій Григоровичъ.“

Какъ бы то ни было, но Г—ко никакому наказанію ни свѣтскимъ, ни духовнымъ судомъ подвергнуть не былъ, да и какъ было судить человѣка, который какъ разъ въ это время (въ 1759 г.) былъ назначенъ „управителемъ волостной конторы государственныхъ описныхъ раскольничьихъ слободъ,“ а слѣдовательно сталъ въ положеніе большой власти...

Десятилѣтнее управление Гуленка полковою сотнею вѣроятно не обошлось безъ разныхъ случаевъ проявленія его самовластия и насилій,—такая повидимому была природа у этого человѣка,—но намъ не случилось встрѣтить другихъ жалобъ на этого сотника, кромѣ донесенія гетмана императору Петру III—по случаю звѣрскаго убійства Гуленкомъ весною 1762 г. одного обывателя въ Прилуччинѣ. Поводъ къ убійству возникъ, повидимому изъ того, что какой-то „экономъ“ умершей „бригадирши“ Коченевской—Фещенко въ чемъ то провинился и Гуленко хотѣлъ его за это наказать.—Фещенко почемуто оказался въ с. Мал. Дѣвидѣ, въ домѣ тамошняго козака Максюты. Туда за нимъ и отправился Г—ко. Какъ произошло убійство—въ донесеніи гетмана пишется слѣдующее: „напавъ на домъ Максюты съ многочисленнымъ своимъ людемъ, *Гуленковъ* перво хозяина того дому козака Максюту, жену и дѣтей билъ до смерти и едва живыхъ оставилъ, а послѣ приказалъ въ томъ-же домѣ ломать двери у коморки, гдѣ умершей бригадирши Коченевской экономъ Иванъ Фещенко и съ нимъ Семень Капленко имѣли ночлеги. Когда-же тѣ двери были выбиты, то Г—ковъ закричалъ—ихъ бить и колоть. И самъ овый Г—ковъ ударилъ Фещенка списомъ (копьемъ) прямо въ ротъ, такъ что тотъ списъ проскочилъ насквозь шеи, отъ чего Фещенко повалился мертвымъ. А Г—ковъ, брося изъ рукъ списъ, вскочилъ въ коморку, а за нимъ и всѣ его помощники, и тамъ, обнажа шпагу, уже мертвое Фещенково тѣло кололъ самъ Г—ковъ а помощники—били; вытащивъ же изъ коморки тѣло, связали какъ-бы живому назадъ руки возьемъ и вытащили на дворъ, гдѣ также били; а Г—ковъ по тѣлу ходя, топталъ и билъ ногами, а въ добавокъ и палашомъ кололъ. Потомъ, за тѣ же возжи тѣло Фещенка тащили до хутора его Г—кова и тамъ Г—ковъ приказалъ—руки Фещенковы забить въ колеса и тѣ

оборачивать, а оттуда вынуть, растянуть на деревѣ и топорнымъ обухомъ бить по рукамъ, что и чинено, и тѣмъ—уже у мертвѣго тѣла—отъ самого плеча руки совсѣмъ растроены. А напоследокъ Г—ковъ и глаза вынулъ шпагою вонъ. За всѣмъ—же тѣмъ, положи тѣло на возъ, Г—ковъ повезъ его за собою и вывези на поле, велѣлъ бросить въ болотѣ, которое тамъ и сыскано и въ поля. Прилуцкую к—рію представлено.“—Описавъ картину убійства, Разумовскій далѣе говоритъ, что объ этомъ убійствѣ Прилуцкая к—рія донесла генер. к—ріи, а та увѣдомила генер. судъ, но послѣдній хотя и вызвалъ Г—ка, но въ то же время генер. канцелярія донесла ему, гетману, что нельзя надѣяться чтобы Гуленко явился въ Глуховъ самъ, почему и нужно изыскать для этого мѣры особія. Вотъ это увѣдомленіе генер. к—ріи и заставило гетмана донести о дѣлѣ Гуленка императору. „И нынѣ въ судъ генеральный посланъ ордеръ, писалъ гетманъ, дабы о семъ смертномъ убійствѣ въ ономъ генер. судѣ учинено было надлежащее рѣшеніе, но понеже отъ в. генер. к—ріи представлено, что онъ, Гуленковъ *прежде сего, по другимъ жалобамъ на него*, ко отвѣту являться ослушался, то не безъ уновательства мнѣ, что колѣми паче отъ сего криминальнаго до него касающагося дѣла убогаты и разнообразны къ неявкѣ своей приносить будетъ извиненія. Хотя жъ что чинить въ случаѣ безправныхъ резонновъ чіей по такимъ дѣламъ неявки, въ малороссійскихъ правахъ положено, но что онъ Гуленковъ *опредѣленъ воеводою Чулуевскимъ*, сего ради вашему и. величеству о вышенисанномъ донося, прошу отъ правительствующаго сената оному Гуленкову предложить, чтобъ онъ по сему криминальному дѣлу неотмѣнно въ судъ генеральный къ отвѣту въ назначенный срокъ явился и не отлучался отъ суда до окончанія того дѣла, не отговариваясь никакими невозможностями, ибо онъ, Гуленковъ, не токмо по сему что онъ малороссіянинъ и имѣеть въ Малой Россіи свою осѣдность, но и что такова въ М. Россіи произшедшая есть дерзость, то по всему тому предъ малороссійскимъ же правленіемъ и отвѣтствовать онъ долженъ...”¹⁾

1) Съ подлинника донесенія.

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого дѣла, какъ неизвѣстна и судьба самого Гуленка, который, какъ видно изъ гетманскаго донесенія, изъ управителей Черниговскихъ раскольниковъ попалъ въ воеводы; хотя эта должность тогда и не имѣла стариннаго своего значенія, но все же видно, что Г—ко попалъ въ коменданты значительнаго города.

Послѣ Гуленка остались сыновья Иванъ, Петръ, Василий и Степанъ, которые въ к. XVIII в. служили въ военной службѣ.

Преемникомъ А. Г—ка по сотничьему уряду былъ **Павель Гуленко**. ¹⁾ Вѣроятно это былъ близкій родственникъ Андрея Г—ка, получившій урядъ при его протекціи. Объ этомъ сотникѣ, кромѣ его подписи на актѣ 1760 г., другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Села полновой сотни. С. Дѣдовцы, Удай. Въ 1690 г. кр—е отданы Мазепою—Остапу Маценку (с. 113), по смерти котораго Скоропадскимъ подтверждены, въ 1710 г. за его вдовою съ сыномъ Антономъ. Новый державца будто бы сталъ не вмѣру пользоваться „работизнами“ своихъ подданныхъ, которые пожаловались гетману, что не только самъ Маценко, но и мать его притѣсняють ихъ „панщиною.“ Высланный слѣдователь не подтвердилъ жалобы Дѣдовчанъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „поневажъ Дѣдовскіе жители, подданіе панѣ Евфиміи Остаповой Маценковой, по записанной до насъ отъ себе суплѣбцѣ, же имъ отъ оной, а барзѣй отъ сына еи п. Антона Маценка, въ необиклой панщинѣ знатніе дѣются налоги, прикрости, обиди и иншіе отъ него вимисли происходятъ збитки, нѣчего тутъ, предъ п. Вас. Жураховскимъ, асаул. нашимъ в. евер., зъ лицени нашего жъ тоей ихъ справи слухавшимъ, не довели,— овшемъ показалося, что они зъ чіегось науценія тимъ неправеднимъ доношеніемъ ихъ оскаржили, хотячи зъ подданства отъ ихъ вигнутися. Теди ми такую имъ, Дѣдовцямъ, ложъ зганивши и упомянувши, приказали, ижъ бы по прежнему ей,

---

¹⁾ Въ спискахъ сотниковъ на стр. 112-й Павель Гуленко по ошибкѣ не указанъ.

панѣ Маценковой и синовѣ еи, яко до войсковихъ услугъ згодному, безъ провивности обиклое отдавали послушенство и повинности... Тутъ же упоминаемъ, жебы мененная п. Маценкова и тотъ еи сынъ—предреченнымъ своимъ подданымъ, до насъ на ихъ зъ суплѣкою удавшихся, нѣякого за тое не чинили отмищенія излишнею работизною и противъ другихъ не обтяжали...“ По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ Д. значится „Антунъ Маценко товар. значк.“¹⁾ который потомъ былъ полк. хоружимъ (с. 72). Кр. П. 17 хоз. поспол., изъ нихъ 9 пахали на 4-хъ волахъ, а 8—на 2-хъ²⁾ А. 48 д. В. 33 д. В. 17 д. Пс. 7. Г. 5 д. Д. 19 д. 27 х., 9 бх. Кв. В. 29 д. Г. 13 д. Пс. 9. Д. 15 д. 35 х. Недостающіе противъ ревизіи 1729 г., домохозяева разошлись, какъ объясняетъ ревизія 1740 г., въ которой указано 8 домох., ушедшихъ въ 1736—40 г.г. большею частью въ сосѣднія села; оставшіеся послѣ нихъ 8 „пледцовъ“ и пахатное поле на 17 дней—„ни въ чьемъ владѣніи не находились.“ По вѣдом. 1753 г., крест. населеніе принадлежало 7-ми владѣльцамъ, изъ которыхъ Прилуцк. протопопу Мих. Лисаневичу принадлежали 7 хоз., при чемъ изъ нихъ 6-ть жили въ бездворныхъ хатахъ; вдовѣ Антона Маценка принадлежали только 3 двора. Сынъ ея Ефимъ, служившій войск. канцеляр., въ 1774 г. уволенъ изъ службы съ *чиномъ* полков. писаря.

С. Голубовка, ручьи, въ августѣ 1687 г. Мазепою отдана Носу (с. 30), по смерти котораго въ 1715 г., Г—кою завладѣлъ Петръ Носенко и владѣлъ ею повидимому до 1720 г. когда это село было возвращено дѣтямъ Степана Носа (см. с. Щуровку). Затѣмъ, по вѣд. 1724 г., а также и по ревизіи

1) Въ бумагахъ Н. А. Маркевича имѣется составленная въ ноябрѣ 1724 г. „Вѣдомость отъ владѣльцовъ въ сотнѣ полк. Прилуцкоо будущихъ по якихъ крѣпостяхъ маестности владѣють“, съ собственноручными подписями этихъ владѣльцевъ и кромѣ того подписанная Галаганомъ. Заимствуя изъ этой вѣдомости нѣкоторыя свѣдѣнія, мы обозначаемъ источникъ такъ: *Вѣд. 1724 г.*

2) Переписныя Книги 1666 г., въ Чтен. Общ. Нест.-Лѣтон., кн. XIII.

1731 г. Г—ка показана за *Федоромъ*. Носенкомъ ¹⁾. Въ то-же время вдова Степана пишетъ гетману Апостолу: „не вѣдаю сколько именно годовъ тому дѣется, якъ с. Голубовка была въ подданствѣ нынѣшнему сотнику полк. Прилуцкому (Носенку), а потомъ вышписанное с. Г—ка въ подѣлѣ на покойного моего мужа спало.“ Какъ въ этой бумагѣ, такъ и въ другихъ, писанныхъ раньше, вдова Степана Носа ни о какомъ Федорѣ Носенкѣ, владѣльцѣ Голубовки, не упоминаетъ, сама распоряжаясь полученнымъ отъ Носа наслѣдствомъ. Можно предположить, что Федоръ Носенко былъ сынъ Степана, но до того безличный, что мать о немъ и не упоминала... Объ этомъ Федорѣ никакихъ затѣмъ свѣдѣній не встрѣчается, а стали извѣстны лишь двѣ дочери Степана Носа, Федора и Марья, бывшія замужемъ: первая—за Мартыномъ Жураховскимъ (изъ Лубенъ), а вторая—за бунч. тов. Николаемъ Троцкимъ. Федора умерла рано, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, которымъ изъ маестностей ихъ дѣда ничего не досталось, такъ какъ Голубовка полностью досталась Троцкому. Кр. П. 9 хов. п. А. 58 д. В. 38 д. В. 46 д. Пс. 4. Г. 43 д. 47 х. Д. 34 д. 46 х. Пс. 16 д. 24 х. Кз. В. 3 д. Г. 12 д. 19 х. Д. 12 д. 22 х. Слишкомъ незначительное количество козацкаго населенія сравнительно съ крестьянскимъ уже и въ 1718 г.—должно быть приписано тому положенію, которое занималъ Ив. Носъ, имѣвшій полную возможность переписывать козаковъ въ крестьяне. Впрочемъ и Петръ Носенко также пользовался въ этомъ отношеніи своею властью, какъ это видно изъ слѣд. жалобы Голубовскаго козака Овдѣнка, поданной имъ въ 1722 г. Полуботку: „прекладаю жалобливе (жалобу?) на п. Петра, хоружого полк. Прилуцк., въ таковой-то способъ, что, насиліемъ мене изъ компугу козацкаго увернулъ у мужицтво, *будутъ ему полковою особою*, якъ надано ему с. Голубовку“... Затѣмъ Овдѣнко объявляетъ—какъ онъ жаловался Галагану и какъ послѣдній, справившись о его козачествѣ,—велѣлъ Овдѣнка „паки написать въ комнугъ войсковый“. Но распоряженіе полковника оказалось негрѣпкимъ, какъ пишетъ далѣе Овдѣнко:

¹⁾ При чемъ вѣдомость 1724 г. Федоръ Носенко подписалъ собственноручно.

„и потимъ прїѣдетъ п. бунчучный енер. (Лизогубъ) въ Прилуку за нѣякимись интересами, и тогда п. хоружій (т. е. Носенко) вдасця до его, просячи, чтобы мене и брата—изъ компуту козацкаго увернути себѣ въ подданство; и тогда призвавши насъ предъ себе, п. бунчучный испрошуваль о козацтвѣ нашемъ и випитавши, такъ сказала: „я до сѣхъ козаковъ не имѣю дѣла и не моцень виписать ихъ исъ компуту.“—Тилко-жь на прошеніе его хоружого—велѣлъ миѣ мужицкую тяглость тягти, да за такимъ словомъ немо (его?), что „я тебѣ даю сего козака въ тяглость, тилко жъ ти не повинешъ его обѣрати! Ежели дѣятиметя ему нужда якая великая, то онъ изнову попрежнему козаковати будеть!..“ А за симъ Овдѣенко просить гетмана избавить его отъ мужицкой тяглости, значить уже не надѣясь на своего полковника.

Въ 1780 г. Г—ка принадлежала сыновьямъ Ник. Тродкаго Ивану и Тимофею, первый былъ полк. хоружимъ, а второй—„абшитованнымъ пѣвчимъ высоч. двора“.

С. Ювевцы пруды, въ 1707 г.¹⁾ отданы полк. писарю Игн. Лисаневичу, который впоследствии былъ Прилуцкимъ протопопомъ. Мѣстные старожилы рассказывали въ 1734 г., что протопопъ Пр—дкій Игн. Лис—чъ, „зайшій съ польскихъ краевъ въ Мал. Россію и своею охотою сталъ служить козацко, и въ той пребывая службѣ, zostаваль полк. Пр—дкимъ писаремъ; а потомъ, съ вѣдома и позволенія гетм. Скоропадского, пострягся попомъ въ 1710 г.“²⁾ Въ этомъ же году, по универсалу 27 апр., Ю—цы были утверждены за „презвитеромъ Прилуцк. Игн. Личемъ, респектуя на труды его на урядѣ писарства полк. Прилуцкаго“. По смерти Игн. Л—ча Ю. перешли къ сыну его Михаилу, который также былъ протопопомъ Пр—мъ. **Кр. П.** 15 хоз. А. 36 д. В. 17 д. В. 12 д. Пс. 4. Г. 18 д. 18 х. Д. 34 д. 52 х. **Кз. В.** 35 д. Г. 58 д. 66 х. Д. 40 д. 89 х. По вѣд. 1780 г. Ю. показаны за женою Ив. Галагана, а женою послѣдняя была дочь Кіевск. полковника Ефима Дарагана, женатаго на одной изъ сестеръ гетм. Разумовскаго; можно поэтому полагать, что Ю. отданы

1) Въ генер. слѣдствіи ошибочно указанъ 1667-й годъ.

2) Арх. ген. в—рін по Черн. оп. № 6301.

были Дарагану, но почему отобраны отъ Лисаневичей—незвѣстно.

С. Мамаевка, Удай, въ 1689 г. Мазепою отдана тогдашнему полк. судьи Кондрату Тарасовичу (с. 60)¹⁾ на урядъ, но онъ владѣлъ М—кою до своей смерти въ 1705 г., хотя судьбою перестала быть гораздо раньше. По смерти Тарасовича М—ка отдана была Дм. Горленкомъ своему брату Степану, а когда послѣдній умеръ, то М—ку полковникъ „отобралъ на себе“. Послѣ измѣны Г—ка, М—ку выпросилъ себѣ на урядъ тогдашній полк. судья Мих. Огроновичъ, который провладѣлъ ею до 1722 г.; въ этомъ году М—ка, вмѣстѣ съ другими селами, пожалована была гр. Вейсбаху, командовавшему тогда великорусскими войсками, стоявшими въ Малороссіи. Ставъ „державцею“, Вейсбахъ прежде всего пожелалъ защитить свои маестности отъ постоа тѣхъ самыхъ войскъ, которыми командовалъ. Вотъ его интересное письмо, писанное въ 1722 г., т. е. вслѣдъ за пожалованіемъ маестностей, обозному Огроновичу, *бывшему владѣльцу Мамаевки*: „Доносилъ намъ господарь нашъ Богданъ Млхайловъ, что въ прошлой зимовой квартири въ с. Мамаевкѣ стояло 4 порціи и 4 раціи, а въ с. Раскахъ было 14 порцій и 14 рацій, а нынѣшняго году на зимовую квартиру вприбавокъ поставлено, по указу вашему, въ Мамаевку—6 порцій и 6 рацій, а въ Раскахъ—13 порц. и 13 рац.;²⁾ а понеже въ полку вашемъ Пр—мъ нынѣшняго году не болѣе прошлогдского на квартиру зимову опредѣлено, но менше, ибо г. генералу маіору фондеръ Роппу и штапу ево—половину рацій ему и штапу ево получать въ Полтавѣ; чего ради не могу признать для ради чего, ваша милость, такъ грубіянско со мною поступаете, власне, яко-бы съ

1) Иногда въ бумагахъ того времени онъ назывался и Тарасомъ Кондратовичемъ; видно, что современники мѣшали имя съ отчествомъ.

2) *Порціями* и *раціями* называлось ивищевое и фуражное довольствіе войска. На извѣстное количество войска полагалось извѣстное количество порцій и рацій (на кормъ людей и лошадей), которые, сообразно рыночной цѣнѣ продуктовъ, переводились на деньги. Въ 1732 г. «порція» оцѣнялась въ 42 коп., а «рація»—въ 95 коп.

мужиками своими, и уже мне другая обида явствуетъ, о которой першой обидѣ справедливости просилъ, гдѣ надлежало было, токмо до сего времени не получилъ, а нынѣ другую обиду чините несносную; чего ради, ежели впродъ что покажется отъ васъ, то принужденъ приказать васъ взять за караулъ и къ себе привести и справедливость самъ себѣ учинить. А нынѣ отъ насъ приказано лишнимъ людямъ по прошлогоднему постановленю, 13 человекъ изъ Расковъ да 6 изъ Мамаевки, съѣхать изъ поменугахъ сель и стать на вашемъ дворѣ, дондеже ви надлежашую имъ квартиру, гдѣ прошлого году стояли, опредѣлите“. 1) Можетъ быть подобныя крутыя мѣры новаго державцы-генерала и было причиною, что въ мартѣ 1728 г. состоялось постановленіе верх. т. совѣта о порученіи кн. Мих. Голицыну—произвести изслѣдованіе по жалобѣ малороссіянъ на генер. Вейсбаха, съ увольненіемъ его отъ команды“. 2) Тѣмъ не менѣ Малороссійскія маенности остались за Вейсбахомъ до его смерти въ 1736 г. По завѣщанію умершій всѣ свои имѣнія оставлялъ гв. майору Гамфу, а въ томъ числѣ слѣд. и Малороссійскія; но послѣдній успѣлъ выпросить въ янв. 1717 г. гр. Минихъ, 3) къ которому перешла такимъ образомъ и Мамаевка. Но въ 1741 г. всѣ имѣнія у Миниха были отобраны въ казну, послѣ чего отобранныя имѣнія въ Малороссіи—Мамаевка, Мок-

1) Арх. генер. к—ріи по Черняг. ои. № 1377.

2) Арх. Сената, Баранова, П, №№ 2912, 3062. Нужно полагать, что удовлетворительный результатъ жалобъ на Вейсбаха былъ полученъ вслѣдствіе ходатайства только что поставленнаго гетманомъ Апостола, личныя отношенія котораго съ этимъ „Богемскимъ графомъ“ впрочемъ были пріятельскія. Въ первый же мѣсяцъ гетманства Апостола—Вейсбахъ посидѣвши послать послѣднему газеты, до которыхъ старый полковникъ былъ охотникъ, какъ видно изъ слѣдующей отмѣтки въ журналѣ генер. к—ріи: „посланы къ его пр—ву г. ген—лу Девейсбаху зъ благодарствіемъ за посланіе къ намъ (гетману) при писмѣ его пр—ва газеты, такожъ зъ пршеніемъ впродъ, если рукъ его пр—ва явіе газеты достанутся, то безъ коммунѣкаціи насъ би не оставилъ“ (19 окт., 1727 г.). Отмѣтка сдѣлана въ первомъ лицѣ,—относительно Апостола,—будучи вѣроятно списана съ его письма къ Вейсбаху.

3) Тамъ же, №№ 5687 и 5818.

ляки и хут. Линовицкій—въ 1742 г. были пожалованы сербу Стоянову, ¹⁾ исторія котораго видна изъ грамоты 1751 г.— „бывшій гусарскихъ полковъ ген.-майоръ Иванъ Стояновъ въ 1742 г. былъ челомъ, что выѣхалъ онъ изъ отечества своего, изъ Сербіи въ Россію, и вступилъ въ службу по соизволенію Петра В. въ 1723 г., и при томъ своемъ выѣздѣ вывелъ съ собою гусаръ нѣсколько человекъ, и во умноженіи въ Россіи сербовъ прилежными его трудами сербскій полкъ добрымъ порядкомъ со офицеры въ комплектъ привелъ. И продолжая свою службу, былъ во многихъ находкахъ, акціяхъ и атакахъ съ сербскимъ гусарскимъ полкомъ, и получилъ жестокия раны... Такожъ и сынъ его находится въ службѣ въ гусарскомъ полку... И просилъ онъ, Стояновъ, о пожалованіи въ вѣчное его владѣніе описнаго послѣ бывшаго фельдмаршала Миниха хутора Линовицкаго съ д. Мамаевкою“. По этой просьбѣ и была Стоянову отдана М—ка, въ которой въ это время было: „дворъ пріѣзжій, огородъ съ садомъ, огородъ-же, въ которомъ табакъ садятъ, дворъ шинковый, гребля на р. Удаи, на пей два амбара (мельничныхъ), одинъ о 2-хъ кол. мучныхъ, а другой—объ 1-мъ ступномъ и объ 1-мъ валюшномъ, на той же греблѣ сукновальная мельница, кузня, тиглыхъ: 41 дв., 58 хатъ, 55 семей, пѣшихъ: 37 двор., 48 х., 49 семей“. По смерти Ив. Стоянова, въ 1744 г., М—ка перешла къ сыну его Михаилу, который выѣхавъ съ отцомъ, женился въ Малороссіи на дочери Ив. Ломиковскаго (зятя гетмана Апостола). Въ 1751 г. М—ка съ другими маестностями была подтверждена за Мих. Стояновымъ, который начальствовалъ тоже сербскимъ гусарскимъ полкомъ. Послѣ отставки Мих. Стояновъ жилъ въ Линовицѣ еще и въ 1772 г. Послѣ него осталось два сына, Иванъ и Михайло, и пять дочерей. Кр. II. 17 хоз. А. 92 д. В. 60 д. В. 82 д. Пс. 3 Г. 63 д. 69 х. Пс. 8. Д. 71 д. 107 х. Пс. 4 д. 8 х. Кз. В. 11 д. Г. 22 д. 25 х. Д. 20 д. 43 х. По вѣд. 1780 г. кр—не принадлежатъ ген.-майору Стоянову.

¹⁾ Тамъ же, III, № 8916.

Д. Новая Гребля, Удай, возникла изъ поселенія около водяныхъ мельницъ, устроенныхъ здѣсь, въ к. XVII или нач. XVIIIв., Семенюгою (Семеномъ) Коломійцомъ; войсковая часть этихъ мельницъ отдана Скоропадскимъ въ 1709 г. Ив. Марковичу, который потомъ купилъ у сыновей Коломійца „два млина, дворъ съ солодовнею и два лѣса, за одиннадцать сотъ зоотыхъ“ (с. 114). Умирая, эти мельницы М—чь завѣщалъ частью сестрѣ-гетманшѣ, а частью племянникамъ (с. 117); но гетманша приобрѣла здѣсь всѣ мельницы и устроила хуторъ, который отдала въ приданое за дочерью Толстою. Сыновья послѣдней, Александръ и Иванъ Толстые, въ 1752 г. продали всѣ свои Малороссійскія имѣнія Осипу Лук. Закревскому, при чемъ въ этой купчей значится и *сельцо Нов. Гребля*, надъ р. Удаемъ, а въ немъ: „дворъ господскій съ хороннымъ дерев. строеніемъ, съ гумномъ и подсосѣдческими хатами, сѣнокосною и пахатною землею; и тамъ же на греблѣ, подлѣ двора, мельничн. амбаровъ 6, въ нихъ колѣ мучн. 6, ступъ и валюшныхъ—4, да заставка о одномъ колѣ яловая (пустая); да къ тому двору земля, гдѣ была слободка надъ рч. Махновкою.“ По вѣдом. 1753 г., *въ хуторъ Нов. Гребль* значится 19 бздв. хатъ, принадлежащихъ Толстымъ и кромѣ того „при хуторѣ надъ рѣчк. Махновкою владѣнія Толстыхъ“,—3 хаты. Какъ видно, при составленіи этой вѣдомости Нов. Гребля продолжала еще считаться за Толстыми. По вѣд. 1780 г., въ Н. Гр. показано: Кз. 1 д. 1 х. и Кр. 9 д. 16 х. и 2 бд. х. Закревскаго, и 5 д. 13 х. подсосѣдковъ.

С. Полонки, ¹⁾ Удай, до 1751 г. принадлежали къ числу ратушныхъ сель. Кр. П. 20 хоз.²⁾ А. 40 д. В. 8 л. В. 28 л.

¹⁾ Именемъ *Полонюкъ* (им. пад. *Полонка*) называется нѣсколько сель въ Гродненск. губ. Извѣстное мѣстечко *Полонюкъ*, Нгр.-Вол. у., въ старину называлось также и *Полонна*, уменьшит. отъ котораго будетъ *Полонка*. Извѣстно, что м. Полонное въ 1648 г. было разорено до основанія; мож. быть Прялуцкія Полонки представляютъ собою тогдашній выселокъ изъ Полоннаго. См. *Słown. Geogr.*, VIII, 726 и 727.

²⁾ Въ Переписныхъ Книгахъ село это названо *Полоски*.

Пс. 21 Г. 9 д. 9 х. Д. 24 д. 30 х. Пс. 19 д. 25 х. Кз. В.
32 д. Г. 46 д. 49 х. Пс. 25 х. Д. 42 д. 71 х. Здѣсь обра-
 щаетъ на себя особое умаленіе крестьянскаго населенія 1718 г.
 противъ 1713 г., тѣмъ болѣе, что село было „ратушное“, слѣд.
 свободное отъ державческихъ насилій; можно догадываться, что
 кр—не находили выгоднымъ видоизмѣниться въ подсосѣдковъ,
 которыхъ по ревизіи 1729 г. здѣсь значится 21 хоз., изъ нихъ
 9—Журавскаго, сотника Фед. Тарасенка и *значк. козака* Матвѣя
 Тарасенка (брата?) и 12 подсосѣдковъ, сидѣвшихъ въ хатахъ
 „рядовыхъ козаковъ“. Перечисленіе крестьянъ въ подсосѣдки
 должно было избавлять ихъ отъ общественныхъ повинностей.
 Цифра крестьянъ по ревизіи 1740 г. не сходится съ числомъ
 кр—нъ, показанныхъ въ „Вѣдомости сколько въ полку При-
 луцкомъ ратушныхъ и свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ, сель
 и деревень“, составленной въ томъ-же 1740 г.; по этой вѣдо-
 мости въ П—кахъ показано: „посполитыхъ обывателей дворовъ
четыри“, а „козачьихъ и ихъ подсосѣдковъ—76; владѣльцами
 икупленныхъ—нѣтъ“. Такимъ образомъ число кр—нъ по вѣд.
 1740 г. съ ревизскою цифрою не сходится, а число козаковъ—
 одинаково. Разница въ числѣ кр—нъ вѣроятно происходитъ отъ
 неправильнаго подсчета подсосѣдковъ. Показанные по вѣдом.
 1780 г. подсосѣдки—уже значатся въ П—хъ и въ 1753 г.; всѣ
 они принадлежатъ *владѣльцамъ*: б. тов. Сем. Билявскому, зн.
 тов. Сергѣю Головку, б. т. Ив. Себастьяновичу, б. т. Андрею
 Горленку, зн. тов. Ив. Гришку, „поцу“ Прилуцк. Федору Тур-
 ковскому, „умершему Мамаевскому діакону Ефрему“... Всѣхъ
 27 семей.—Относительно крестьянскихъ повинностей въ ревизіи
 1740 г. сказано: „съ оныхъ посполитыхъ въ скарбъ войск. нѣ-
 чего не собирается, а вышеписанніе люде съ владѣльческими
 подданными въ расположеніи на общенародніе повинности и
 консистенской дачи—бываютъ въ равенствѣ; точію въ томъ не
 въ равенствѣ, что съ оныхъ свободныхъ посполитыхъ,—отъ 1732
 года по сей 1740 г.,—по универсалу гетм. Апостола, собирается
 ежегодно для заплаты полковымъ чиновникамъ и сотеннымъ
 служителемъ и на канцелярскіе расходы—по 70 коп. и три чети
 коп., которіе денги отдаются въ полк. Прилуцкую к—рію на-

рочно для того опредѣленному значк. тов. Матвѣю Федоровичу съ товарищи“. (Ср. с. 101).

Въ вѣд. 1740 г. о П—кахъ имѣются такія свѣдѣнія: „Винокурня козачая 1, о 2-хъ казанахъ; козачая мелница *при рѣчцѣ Рудцѣ*; владѣльческихъ мелницъ на р. Удаи—2, въ нихъ колъ мучвыхъ 4, а ступныхъ—2“. Указанная здѣсь *рѣчка Рудка* упоминается и въ актѣ 1684 г., по которому обыватель села Полонокъ Гриненко продалъ „полковниченку Прилудкому Дмитрію Лазаревичу Горленкови кгрунтъ свой, гай березовый зъ лѣсомъ, отцевщину и дѣдовщину, чого толко самъ заживаль, лежащие недалеко ставу Цергатовского, *надъ рудою Полонкою*, одъ тополи идучего Ливовицкого гостинця..“ ¹⁾ Упомянутая здѣсь рч. Полонка въ XVII в. повидимому была однимъ изъ Удайскихъ притоковъ, а потомъ въ XVIII в. обратилась въ безыменную „рудку“, а затѣмъ и совсѣмъ исчезла.

Въ 1751 г. П. отданы Разумовскимъ компан. полковнику Василю Чесноку, котораго сынъ Степанъ продалъ ихъ въ 1764 г. Николаю Троцинѣ, а Троцина въ 1765 г. продалъ П. полковнику Ямбургскаго полка Карлу Каменну; отъ послѣдняго П. перешли къ вдовѣ бригадира (Петра) Апостола, за которою значатся и по вѣд. 1780 г.

С. Подища, Удай. Какъ видно ниже, въ 1666 г. П. были уже значительнымъ селомъ. При Самойловичѣ Лазарь Горленко построилъ здѣсь для себя водяной „млинъ“, на который въ 1682 г. получилъ универсалъ: „респектуючи мы на вѣрніе у В. Зап. службы и отваги рыцерскіе п. Лазора Г—ка, полк—ка тепер. Прил., которіе въ разнихъ военныхъ оказіяхъ, заставляючися за достоинство монаршее и за цѣлость отчизны Украины, противъ непріятелей показываль, позволяемъ ему.. зъ власного его млина, его жъ власнимъ коштомъ у селѣ Поди-

---

1) Подлинникъ въ наш. б—кѣ. Въ этомъ актѣ между «мого-ричниками» названы: „Миско Тончѣй, атаманъ Полонскій, Павелъ Потерайко, сотникъ мѣшчанскій..“ Этотъ чинъ встрѣчаемъ здѣсь впервые.. Повидимому, онъ въ послѣдствіи былъ переименованъ въ *сойта*. Упомянутый въ этомъ актѣ Павелъ Потерайко по переписи 1666 г. значится „Панка Потиракоі“. Переп. Кн. 1666 г., стр. 8.

щахъ на р. Удаи теперъ нововыставленнаго, всѣхъ пожитковъ зъ него приходящихъ спокойно заживати...“ Въ 1689 г. въ Подищахъ было уже нѣсколько млиновъ Дмитрія Горленка, который въ этомъ году жаловался полковому уряду на мѣстныхъ „обывателей“, что они устроивъ „изи“ близко млиновъ его на р. Удаи, подъ с. Подищами, затопили колеса... Подищане—„субмѣтовались изи роскидати“. Позже—мельницъ Горленковъ въ этомъ селѣ ужѣ не было. —

До 1752 г. Подища оставалась селомъ ратушнымъ. Кр. П. 36 хоз. А. 70 д. В. 40 д. В. 31 д. Пс. 2. Г. 7 д. 7 х. Д. 9 д. 9 х. Пс. 20 д. 29 х. 8 бд. х. Кв. В. 52 д. Г. 84 д. 98 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 73 д. 148 х. По вѣд. 1740 г. „посп. обыват.“—10 д., а козаковъ и ихъ подсосѣдк.—85 дв. Окладъ по универсалу 1732 г.—2 р. 56¹/₂ коп. Козачьихъ винокурень—3, въ нихъ казан. 4; владѣльч. мельн. на р. Удаѣ—2, въ нихъ „коль“ мучн. 4 и ступн. 2.—Въ январѣ 1752 г. П—ща отданы Разумовскимъ ген. хор. Ник. Ханенку, вмѣстѣ съ друг. маестростями, „въ спокойное и ненарушимое ему и наслѣдникамъ его потомственное владѣніе за прежніе его вѣрвіе, долготнѣ службы, такъ и за его труды и прилѣжные старательства чрезъ шесть лѣтъ и болѣе—въ общенародныхъ всей Малороссіи дѣлахъ и нуждахъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ понесенные“, при чемъ въ универсалѣ сказано, что въ П—щахъ по ревизіи 1751 г. значится 83 двора, да бд. хатъ 27.¹⁾ Здѣсь показаны крестьяне и козаки *вмѣстѣ*, а между тѣмъ въ другихъ универсалахъ того-же Разумовскаго крестьяне показываются обыкновенно отдѣльно; да оно такъ и слѣдовало, п. ч. отдавались одни кр—не. Почему крестьяне отъ козаковъ не отдѣлены въ универсалѣ, выданномъ такому *опытному дѣльцу*, какимъ былъ Ханенко—изъ универсала не видно... Можно лишь догадываться, что Ханенко, зная, что много Подищанскихъ кр—нѣ должно было вписаться въ козаки, какъ это вообще бывало въ *ратушныхъ* селахъ, не хотѣлъ закрѣплять ихъ цифры въ универсалѣ по *ревизіи* 1751 г., чтобы

1) Универсалъ въ концѣ въ наш. б—кѣ.

тѣмъ не помѣшать ходатайству о возвращеніи въ крестьянство „нововписныхъ козаковъ“.¹⁾

С. Красляне,²⁾ рч. Рыбець, принадлежали къ числу ратушныхъ сель. Кр. II. 16 хоз. А. 32 д. В. 18 д. В. 18 д. Пс. 4. Г. вѣтъ. Д. Пс. 16 д. 23 х., 19 бд. х. Кз. В. 30 д. Г. 57 д. 68 х. Пс. 10 х. Д. 57 д. 147 х. Умаленіе, а затѣмъ въ 1740 г. и совершенное исчезновеніе крестьянъ—объясняется конечно ихъ переходомъ въ козачество. Въ вѣд. 1740 г. сказано, что здѣсь „посполитыхъ обывателей жилыхъ дворовъ не имѣется“, а „козачьихъ винокурень 6 съ 7-ю казавами“. Но затѣмъ, по вѣд. 1753 г. въ Кр—сл—хъ появляется посполитыхъ—4 двора и 3 бд. х., а по вѣд. 1764 г. показаны мелкія владѣнія: ген. бунч. Тарновскаго, тит. сов. А. Гуленка, войск. тов. Андрея и Ивана Мазаракъ и друг. Владѣнія эти образовались конечно изъ „скупли“. По вѣд. 1780 г. крест.—*нѣтъ*, а показаны „разночинческіе и козачьи подсосѣдки“, всѣхъ—42 х.

С. Рыбець, сліянніе Рыбца съ Удаемъ, принадлежалъ къ числу ратушныхъ сель. Кр. II. 17 хоз. А. 16 д. В. 5 д. В. 9 д. Г. 3 д. 3 х. Д. 3 д. 3 х. Пс. 2 д. 2 х. Кз. В. 14 д. Г. 17 д. 24 х. Д. 25 д. 42 х. Здѣсь—то же умаленіе крестьянъ и увеличеніе козаковъ—конечно на счетъ первыхъ. По вѣд. 1740 г.—„поспол. дворовъ и ихъ подсосѣдковъ—нѣтъ“, а коз. двор. и ихъ подсосѣдк. 19 дв., а по свѣдѣнію 1764 г. Р—ць показанъ во владѣніи есаула ген. артиллеріи Григорія Кологриваго, владѣніе котораго образовалось или изъ „скупли“ или же—изъ возвращенныхъ въ крестьянство „нововписныхъ“ козаковъ. Последнее могло случиться при отдачѣ Рыбца Кологривому по универсалу.

1) Не сомнѣваемся при этомъ, что редакція подробностей выданнаго Ханенку универсала принадлежитъ *ему самому*, такъ какъ это былъ *свой* человѣкъ въ генер. к—ріи, въ которой писались эти универсалы.

2) Въ Переи. Кннг. 1666 г. ошибочно названы *Краснянкою*. Вообще это село часто въ актахъ XVIII в. называется Краснянами вм. правильнаго—*Красляне*.

С. Лѣски, Удай, принадлежали къ числу ратушныхъ сель до 1751 г., когда Разумовскимъ кр—не отданы компан. полковнику Игнату Карповичу Чесноку. Кр. П. 23 хоз., въ томъ числѣ „бобылей“—6. А. 19 д. В. 19 д. В. 16 д. Пс. 6. Г. 7 д. 7 х. Д. 7 д. 7 х. Пс. 3 д. 4 х. 4 бл. х. Кз. В. 37 д. Г. 37 д. 54 х. Д. 36 д. 73 х.

М. Переволочна, Удай, одно изъ древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній; по лѣтописи уже въ 1092 г., значится „градомъ“ (с. 1). Названіе *Переволочна* указываетъ, что здѣсь въ древности былъ *волокъ* для судовъ, т. е. сухопутная ихъ переправа на одномъ изъ изгибовъ (лука) Удай взаимнѣ объѣзда луки водою ¹⁾. Названіе Переволочны слѣдовательно должно было возникнуть тогда, когда Удай былъ еще судоходною рѣкою... Мы не знаемъ—существовали ли поселенія по р. Удаю въ X вѣкѣ, но суда—здѣсь плавали въ то отдаленное время... Несомнѣнно, что берега крутыхъ и частыхъ изгибовъ Удайскаго теченія, которые особенно характерны ок. Переволочны, представляли собою хорошо защищенные мѣста, особенно при существованіи здѣсь лѣса, а эта защитность мѣстности должна была привлечь къ себѣ населеніе можетъ быть и тогда уже, когда здѣсь явился *волокъ*. Продолжительность существованія П—ны въ древнее время также темна какъ и другихъ южнорусскихъ „градовъ“. Запустѣла-ли П—на въ пол. XIII в. или въ другое время—неизвѣстно. Слѣдуетъ предполагать, что запустѣла она наряду съ другими поселеніями въ пол. XIII в.—Появляется П—на въ новѣйшее время лишь въ нач. XVII в., въ числѣ владѣній Вишневецкихъ, подъ названіемъ *Межиръчья* или *Переволочны*.

¹⁾ Судя по современному описанію Удай ок. Переволочны—лука, гдѣ былъ *волокъ*, и теперь можетъ быть опредѣлена: «Около м. Переволочны р. Удай дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на ю.-в. и у самаго мѣстечка образуетъ небольшую, но оч. характерную *луку*, при чемъ края этой луки, вмѣющей до 7-ми верстъ длины, *настолько приближаются другъ къ другу*, что часть м. Переволочны, расположенная внутри этой луки, стоитъ какъ-бы на о—вѣ, соединяющемся съ материкомъ *лишь узкою* перемычкою твердой земли въ 100 саж. шир.» „Прилукскій уѣздъ“, стр. 5.

лочны 1). Въ тарифахъ 1628 г. въ П—нѣ показано дым.—2, огородн.—4 2). Названіе П—ны *Межиръчьемъ*, указываетъ, что она была основана *между рѣчками*, т. е., полагать слѣдуетъ, на мѣстѣ того *вблота*, который соединялъ эти два теченія одного и того же Удаи. Засимъ, извѣстно, что въ 1643 г. здѣсь были уже и водяныя мельницы, строители которыхъ должны были платить Вишневедкому, какъ собственнику земли, извѣстную сумму за пользованіе ими 3).

Во время возстанія Хмельницкаго П—на настолько была населена, что по „Реестрамъ“ 1649 г. она значится центромъ особой сотни. По переписи 1666 г. П—на названа мѣстечкомъ, въ которомъ тогда было 78 хоз. посполитыхъ; а если столько же было и козаковъ, то все населеніе П—ны простиралось до

1) Zródła Dziejowe, XXI, dz. II, 295, 598.

2) Тамъ же, XX, dz. I, 79.

3) Приводимъ здѣсь «листь» В—аго, данный имъ одному изъ П—хъ мельниковъ и указывающій условія пользованія такими мельницами. «Jeremi Michał Korybutus (sic), xiąże na Wiszniowcu. Wiadomo czynie tym listem moim, ręką własną podpisanym y pieczęcią umocnionym żem naznaczył y naznaczam Mikicie Raszkiewiczowi, mielnikowi Przewłoczynskiemu, względem kosztów jego złożonych na młyn na rzyce Udaiu pobudowany, w którym iest koł mącznych dwie, stępy dwoje, kop litewskich sto spółna na tym że młynie assekuruiąc pewność tey summy, iemu y potomkom jego, albo komu by on według najlepszey woli y upodobania swego dał, darował, sprzedał, a sprawa teraz ode mnie otrzymanego ustąpił dobrowolnie sam według zwyczaju dawnego żązywając pożytków poki zechce nie oddać młyna od siebie, tak w miarkach iako y w gotowym groszu, zachowawszy tryb y porządek tutejszych maietności, podatki jednak y powinności wszystkie z innymi młynarzami oddawać ma albo do skarbu mego, albo komu to należyć za prawem albo osobliwą łascą moją będzie który wstąpić stego młyna nikomu iesliby w dzierżawie kto swey chciał go mieć nie obowiązaią aż chyba za skutecznym zaplaceniem sobie summy tym listem wzwycz opisanej. Jednak gdyby niedbały był w naprowawaniu młyna może arędarz za wiadomością, y zniesieniem się o tym z dzierżawcą ubo sam dzierżawcą odebrać mu młyn y oddać summę, a inaczey żadney nie czynic przeskoedy gdy się poczuwac w powinnościach swoich nie zaniedba nigdy. Dan w Lochwicy D. 29. X-bris. 1643». (*Изъ Руманцовской Описи*).

500 душъ. Какими то особыми экономическими выгодами П—на привлекла къ себѣ значительное населеніе. Повидимому, здѣсь развито было мукомольство можетъ быть потому, что для устройства здѣсь водныхъ мельницъ развѣтвенія Удаля представляли особенно удобныя мѣста. Кромѣ мельницы Рашкевича, другія здѣшнія мельницы видны изъ переписи 1666 г., по которой въ П—нѣ значится шесть „колъ“; изъ нихъ два „кола“, въ одной мельницѣ, принадлежали „мѣщанину“ Денису Микитину (м. б. сыну *Никиты* Рашкевича) и козаку Семену Носулѣ. Вѣроятно, этого самого „млина“ войсковая часть отдана была въ маѣ 1664 г. Брюховецкимъ Лазарю Горленку, въ это время вновь поставленному полковнику (с. 8),—„Ознаймемъ... также и ревизорови нашему войсковому и дозорци тамошнему въ полку Прилудкомъ будущому ¹⁾, ижъ мы... п. Лазору Горленку, полк—вѣ, далисмо на р. Удаи, у Переволочной прозываемій Иващишинъ млинъ изъ каменна двома *Носулинъ* (засимъ указываются еще двѣ мельницы, въ Прилукѣ и въ Смошѣ), абы изъ тихъ млиновъ припадаючихъ двоухъ мѣрочокъ на войско спокойно заживалъ, опрочъ третее мелницкое...“ При Мазелѣ въ П—нѣ былъ установленъ даже особый „дозорца надъ Переволочанскими млинами“, конечно для правильнаго сбора слѣдовавшей въ войск. скарбъ части помѣла ²⁾. Сотеннымъ центромъ П—на была повидимому

¹⁾ Извѣстно, что Брюховецкій установилъ должность войскового подскарбіи, которымъ былъ назначенъ Ром. Ракушка, Вѣроятно, въ подмогу ему были установлены должности войскового ревизора водныхъ мельницъ и полкового „дозорцы“ тѣхъ же мельницъ съ цѣлью правильнаго сбора войсковою части помѣла.

²⁾ Приводимъ здѣсь гетманскій „листъ“ одному изъ такихъ „дозорцевъ“, указывающій до нѣкоторой степени обязанности ихъ.—„Вамъ, дозорци надъ млинами отъ насъ застаючому, ознаймемъ, пжъ превел. въ Богу э. Авксентій Якимовичъ, игумень м—ря Густынского, зъ братією, показовалъ намъ писмо отъ Стефана Вашкевича, козака и обывателя Переволочанского, на одно коло млина даное, которое коло млина найдустя на рецы Удаи, на греблѣ новой, вышей мѣстечка Переволочной, и просилъ насъ, абы тое надане универсаломъ нашимъ подтвердили и часть войсковую пожитковъ зъ него походячихъ, при монастыру заховали. Любо тедп не годилобся тому Стефану безъ вѣдома нашого того млина надавати изъ монастырь.

недолго: уже во втор. полов. XVII в. мы не встрѣчаемъ здѣшнихъ сотниковъ.

Кр. П. 57 хоз. А. 254 д. В. 57 д. и 45 „людей п. сотника полкового“.¹⁾ В 163 дв. Пс. 8. Г. 56 дв., 56х. (особо: слобода Переволочанская—14 д. 15 х.), Д. 67 д. 93 х. 11 бд. х. Пс. 25 д. 38 х. 15 бд. х. Кз. В. 63 д. Г. 68 д. 68 х. Пс. 2 бд. х. Д. 39 дв. 79 х. 8 бд. х. Въ этомъ рядѣ цифръ видно большое колебаніе населенія въ П—ной, причемъ нѣкоторыя причины этого колебанія могутъ быть объяснены. Раньше сказано (с. 114), что въ 1714 г. Скоропадскій отдалъ Ив. Марковичу, въ то время полк. сотнику, „4-хъ рыбалокъ и 8 чел. тяглыхъ людей для помощи его Переволочанскому двору“, а черезъ четыре года, въ 1718 г., мы видимъ, что ихъ („людей п. сотника“) было уже 45 хоз., а число остальныхъ посполитыхъ уменьшилось до 57-ми. Несомнѣнно, что Ив. М—чъ, будучи близкимъ свойственникомъ гетмана и, кромѣ того, мѣстнымъ сотникомъ, наложилъ руку на Переволочанское посольство, подчиняя его себѣ въ „подданство“. Помогъ отчасти въ этомъ М—чу и самъ Галаганъ, утвердившій за нимъ нѣсколько дворовъ (какихъ-то „Ячниковцовъ“) въ добавокъ къ тому, что далъ гетманъ. Галаганъ не противо-дѣйствовалъ М—чу пока жилъ Скоропадскій, но какъ только послѣдній умеръ, Г. сейчасъ же отобралъ отъ М—ча „Ячниковцовъ“. М—чъ пожаловался Полуботку, которому Г—нъ такъ объяснилъ свои дѣйствія: „Мосцѣ п. полковнику Чернѣговскій зъ старшиною енеральною, мои велце ласкавіи благодѣтели. Получилемъ одинъ листъ одъ вмм. м. панства, мимошедшого марта въ первыхъ числахъ, по доношенію п. судіи моего полкового на мене писанній зъ таковымъ изображенемъ, что велѣлемъ людей

(бо тое въ статьяхъ положено, жебы таковіи кгрунтовъ надання—опрочъ самихъ грошей,—ни отъ кого не были чинены), за що потреба бѣ ему Стефану, наказаніе учинити, однакъ чинилъ тое на прозбу пререченого отца игумена Густынского, мужа чести достойнаго, же тое коло млина при монастыру захуеуемъ и всѣхъ зъ него пожитковъ, якіи и на войско належали, заживати позволяемъ...“

¹⁾ Можемъ привести еще и цифру 1731-го года, когда въ П—нѣ показано посполитыхъ 132 дв.

Переволочанскихъ до дворца (усады) его п. судіи наслуговуючихъ, прозиваемыхъ Ячниковціовъ, и моимъ универсаломъ стверженнихъ, отобрати и его п. судіи не слушать да и суплѣки его, если якіе случатся, мимо его п. судію иной старшинѣ до росправы полѣцаю (поручаю), чого ради въ томъ же своемъ писаніи предлагаете мнѣ, вм. м. панство, ижъ бимъ ему п. судіи мененнихъ Ячниковціовъ привернулъ и суплѣкъ мимо его вѣкому до росправъ не полѣцалъ, якому вм. м. панства предложенію любо не естемъ противенъ, однакъ въ благоразсмотрителное разсужденіе тое вм. м. панству подаю: на помянутіе Ячниковціовъ, п. судія, а нѣ унѣрсалу покойного п. гетмана Скоропадского, а нѣ превисочайшей грамоти его и, пресв. велич. у себе не имѣеть, а въ экстрактѣ его п. велич. изображено—тилко по граматахъ его монаршихъ и унѣверсалахъ гетманскихъ, чимъ хто пожалованъ, то тимъ владѣть, и я хочай передъ тимъ и далъ свой унѣрсаль ему п. судіи на тихъ Ячниковціовъ, всего на 15 человекъ, то въ тое время не такъ стѣснена была въ людяхъ ратушъ Переволочанская и не такъ зубожала якъ на сей часъ, и изъ тихъ мѣръ, респектуючи на теперешнее малолюдствіе ратуши Переволочанской, велѣмъ привернути попрежнему до оной вышеозначенныхъ Ячниковціовъ. Тутъ же доношу вм. м. панству, что зверхъ тихъ Ячниковціовъ, принялъ п. судіи тамъ же въ Переволочной въ свое владѣніе *болше сорока человекъ лишку громадскихъ и цеховыхъ людей*, которіе жадныхъ парварковъ (повинностей) до ратуша въ Переволочной не отбываютъ, лечъ ему п. судіи наслуговують. Суплѣки зась, (г. е. просьбы по судебнымъ дѣламъ), если якіе случатся, хочай и радъ бимъ ему п. судіи, а не иной старшинѣ, до расправъ полѣцати, однакъ поневажъ онъ, захавши на свой фолварокъ, прозиваемый Сорочинцѣ, и тамъ вигоды заживаючи, ратушъ Прилуцкую (гдѣ происходилъ судъ) барзо рѣдко посѣщаетъ, а о моемъ домѣ и не измѣнкую—якъ бы и не бувасть въ ономъ, а хочъ и прійдетъ, то прежней своей завзятости не переставючи, въ посваръ зо мною входитъ, теде принужденъ естемъ (яжъ бы суплѣкавты въ городѣ не ваковались за его п. судіи въ ратуши небытностю и скорую расправу получали) иной старшинѣ полковой, которая мнѣ повиновеніе отдаеть, чоломбытніи ихъ полѣцати и

окончувати“ (16 апрѣля, 1723 года). Въ этомъ писаніи можно найти нѣкоторое объясненіе столь значительнаго уменьшенія въ населеніи Переволочанскаго посольства, какое мы видимъ изъ вѣдом. 1718 г.—Въ своемъ завѣщаніи (1724 г.) М—чъ указываетъ, между прочимъ, „дворъ въ Переволочной за мѣстечкомъ и людей на властныхъ его купленныхъ грунтахъ сидячихъ и тѣхъ, которіи даны гетманомъ и монаршою грамотою укрѣплены...“ (с. 118). Отсюда видно, что для полнаго себѣ подчиненія тѣхъ П—хъ крестьянъ, которыхъ онъ привлекъ себѣ въ подданство, М—чъ ихъ поселилъ на купленныхъ земляхъ.—Послѣ смерти М—ча, посполитое населеніе въ П—нѣ снова замѣтно повышается. Есть-ли связь между этимъ повышеніемъ и смертью М—ча—сказать трудно, но должна была быть.. Въ 1740 г. опять видимъ сильное пониженіе населенія въ П—нѣ, но объясненіе этого пониженія находимъ въ томъ, что въ 1732 г. П—на была отдана въ ранговое владѣніе тому самому *Михайлу Забѣлу*, который новою своею „панщиною“ такъ сильно уменьшилъ населеніе въ с. Валкахъ (см. ниже). Какъ тамъ, такъ и здѣсь ревизская книга 1740 г. указываетъ количество запустѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ послѣ ушедшихъ ихъ хозяевъ: за четыре года (1737—40) въ П—нѣ запустѣло 48 плетовъ отъ ухода ихъ хозяевъ, которыхъ ревизія 1740 г. перечисляетъ поименно.¹⁾ Въ ревизіи 1740 г. кр—скихъ дворовъ, какъ видно выше, показано 56, а по вѣдом. того-же года, составленной по особому требованію генер. к—рин—ихъ показано только 35: „посполитыхъ обывателей и ихъ подсосѣдковъ, живущихъ дворовъ 35“. Откуда эта разница на 20 двор. въ двухъ вѣдомостяхъ одного и того же года—объяснить не умѣемъ, если только въ *вѣдомости* 1740 г. (подписанной полк. писар. Галенковскимъ и полк. есауломъ Носенкомъ) правда не скрыта умышленно.. Послѣ смерти Забѣлы П—на продолжала оставаться ранговою маетностью, назначенною для генер. судей. Во втор. полов. XVIII в.

¹⁾ Въ ревизской книгѣ за 1740 г. ушедшіе изъ того или другого села показываются лишь за это время, потому вѣроятно, что въ 1736 г. была такая же ревизія, при которой показано ушедшее населеніе до 1736 г. включительно.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Еваторинославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ.
На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой за границу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Еваторинославѣ и повсемѣстно по 5 к.

1901

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1901

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „Энциклопедія“ — давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „Энциклопедія“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

3

Не смотря на свою низкую стоимость, журнал „Энциклопедія“ дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Энциклопедія“ съ пересылкой: на годъ—6 руб.; за-границу—10 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб., въ Мартѣ—2 руб., въ Іюнь—2 руб., или первые шесть мѣсяцевъ по одному рублю.

Цѣна отдѣльной книги—50 коп., съ пересылкой—70 коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

1—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничѣ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о дѣлахъ, статьи, посвященныя

зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, библиографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близько въ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко*

1—3

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“

Журналъ выходитъ *ежемесячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ:“ а.) св. Кипріана, еп. Каро., части 1 и 2, б.) блаж. Геронима, ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей творен. блаж. Геронима, цѣна которыхъ по 1 р. 50 к.

«Опытъ правосл. догматическаго Богослуженія» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 к., т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ съ г. Кіевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Ѡ. Пышникій.

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и худож-

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностраннныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивныя документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

1—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова

„Научное Обозрѣніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключаящаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ

вругахъ общества, журналы наши посвятятъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.

Съ этою цѣлью редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ 40 печ. лист. т. е. 640 страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ „Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ*.

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.
Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ*,—Соціальный законъ. и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій*. Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника *Меримэ* и статьи по исторіи инквизиціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ будетъ значительно расширенъ, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы, искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1. іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ которы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремяная, 12, сбб. домъ.

1-8

ОТВЕРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . . . 6 руб.		На 3 мѣс. . . . . 1 р. 50 к.
На 6 мѣс. . . . . 3 руб.		На 2 мѣс. . . . . 1 р. 10 к.
На 4 мѣс. . . . . 2 руб.		На 1 мѣс. . . . . — р. 60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты отворыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

1-8

9

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА

„СЪВЕРЪ“

XVI ный годъ изданія

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный
ЖУРНАЛЪ

Въ 1901 году гг. подписчики „Сверга“ получаютъ: 52 №№ роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; 52 №№ еженедѣльнаго обзорнiя политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала „Сверга“; 12 №№ журнала „Парижскiя моды, Хозяйство и Домоводство“, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указанiй, необходимость для хозяйства и домашняго обихода; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ руководлiй; кромѣ того, на основанiи приобрѣтеннаго отъ автора права печатанiя всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведенiй, редакцiя, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченiе одного 1901 года, въ книгахъ „Библиотеки Сверга“, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора.

24 тома СОБРАНIЕ СОЧИНЕНIЙ 24 тома

Д. Д. МОРДОВЦЕВА

Въ отдѣльной продажѣ сочиненiя эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получаютъ роскошный альбомъ:

„Галерея русскихъ писателей и художниковъ“,

въ который войдутъ исполненные фототипографюрой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ биографiями и характеристиками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ—6 р.; безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э Метцль и Ко; 2) въ книжн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (прот. мал. театра)—6 р. 25 к.; безъ доставки въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова—6 р. 50 к. Съ пересылкой во всѣ города и мѣстн.—7 р.

На 1/2 года съ дост. и перес. 3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. За границу—11 р.

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и по мѣсячно. Поручительство гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сполна получаютъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками. Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Сѣверъ“ (СПБ., Невскій пр., 170) на имя изд. *Ник. Фед. Мертца*.

Пробный № высылается бесплатно

1-3

Газета Политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

Выходитъ ежедневно.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, обсужденію мѣстныхъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ. 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія слуха, проекты и т. п.) 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи, 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15) Библиографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17. справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харк. Вид“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес. иногородн.: на 12 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 8 р., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 3 мѣс. 3 р. на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкой: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 9 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

Редакторъ Ефимовичъ.

1—3

„НЕДѢЛЯ“

принимается подписка на 1901 г. (тридцать четвертый годъ изданія).

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій, еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ и редактируется при ближайшемъ участіи *М. О. Меньшикова* и *П. Е. Накрохина*.

Въ послѣдніи годы въ „Недѣлѣ“ и „Книжкахъ Недѣли“ печатались произведенія *В. П. Авенариуса*, *К. Д. Бальмонта*, *А. Н. Будищева*, *И. А. Бунина*, проф. *Н. П. Вагнера* (Кота Мурлыки) *В. Л. Величко*, *Ө. Ө. Воропонова*, *П. П. Гнѣдича*, *В. М. Грибовскаго*, *В. Л. Дѣдлова*, *Г. Р. Каргрэмъ*, *А. Ф. Коци*, проф. *А. Н. и П. Н. Красновыхъ*, *Ө. Ө. Крыштофовича*, *М. А. Лофицкой*, *Евг. Л. Маркова*, *В. Микulichъ*, *С. Пругавина*, *О. П. Руновой*, *С. А. Рапопорта*, *И. Е. Рѣпина*, *К. К. Случевскаго*, *Влад. С. Соловьева*, *П. А. Тверскаго*, *В. А. Тихонова*, *К. И. Ттра* *К. М. Фофанова*, *Авт. П. Чехова*, *А. К. Шелера* (*Михайлова*), *Т. Л. Щепкиной-Куперникъ*, *И. И. Янжула* и др.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ“ служить всѣмъ интересамъ текущей жизни опираясь на тщательно выборный и провѣренный матеріалъ.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ съ КНИЖКАМИ „НЕДѢЛИ“
десять рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка: при
подпискѣ—5 руб. и въ 1-му іюня—4 р., а также и на другихъ
условіяхъ по соглашенію съ конторой редакціи.

Подписка принимается: въ С-Петербургѣ, въ редакціи
„НЕДѢЛИ“ Фонтанка, 37, въ кн. магазинѣ И. Глазунова. Нев-
скій 27, въ кн. Складѣ Т ва „Трудъ.“ Фонтанка, 86, въ Москвѣ
въ конторѣ Печковской, кн. магазинѣ В. В. Думнова. Мясницкая
д. Обидиной и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Редакторъ-издатель В. П. Гайдебуровъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССІИ“

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества

Г. А. Фальборка и В. И. Чернулускаго.

Въ программу изданія, являющаго результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ свыше 200 печатныхъ листовъ большого формата въ 8 томахъ in folio и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣзднымъ городамъ Имперіи.

Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочихъ
панкахъ 28 рублей.

*Допускается разсрочка: при подпискѣ 15 рубл., а по вы-
ходѣ третьяго и четвертаго томовъ по 5 рубл. По закрытіи
подписки цѣна будетъ повышена.*

Первые два тома изданія (LIX+825 стр. вышли из печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдельной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербурѣ, въ И. В. Э. Обществѣ (Забалканскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

1-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемѣсячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОВКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ съ особыми приложениями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ), безъ дост. 8 р.; съ дост. и пер. 10 р.; за грав. 12 р.

Въ отдельной продажѣ—отъ 75 к. до 1 р. за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается наложеннымъ платежомъ за 2 руб. съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проводовъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ *полные экземпляры* первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по 10 руб., съ перес. по 12 руб.

1-3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р.
на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяць 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, зачесть объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

1—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатью выпусками*, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять рублей*. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать рублей*.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ кни-

жнихъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ приемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихкихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первые 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Авбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна *три* рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» Петръ Бартоломей.

2—3

ЗАПИСКИ Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы.

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библиографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографія и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширныя труды, какъ-то: *диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсяннико-Куликовскій.

2—3

ОТВѢТА ПОДПИСКА
на 1901 годъ
(32-й годъ каданія)
на еженед. иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1901 года:

52 №№ художественно-литературн. журнала „НИВА“ (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ номерахъ журн. между прочимъ, появляея: 1) еще нигдѣ не напечатанные посмертн. произвед. **Д. В. ГРИГОРОВИЧА:** „Очерки Венеціи“ и „Изъ записной книжки“ (характеристика выдающихся современ. русскихъ дѣателей и анекдоты изъ изъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ картъ и пр. подъ заглавіемъ: „**ХІХ ВѢКЪ**“ Эти статьи дадутъ читателю полную картину истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

24 ТОМА

Полн. собранія
СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

съ портретомъ, факсимиле и биографическ. очеркомъ. Полное соб. соч. Г. П. Данилевскаго. *столбце въ отдѣльной продажѣ 15 руб.*, будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложенъ при „Нивѣ“ въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: „Сборникъ Нивы“, въ 24 томахъ по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 года, по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборники“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: **I. РОМАНЫ:** 1) Бѣглые въ Новороссіи, въ 2 частяхъ. 2) Воля, въ 2 ч. 3) Новые мѣста, въ 2 ч. 4) Десятый валъ, въ 3 ч. 5) Мировичъ, въ 3 ч. 6) Черный годъ, въ 3 ч. 7) Восемьсотъ двадцать пятый годъ, (отрывки) — **II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ:** 8) На Индію при Петрѣ I, въ 2 ч. 9) Княжна Тараканова, въ 2 ч. 10) Потемкинъ на Дунаѣ. 11) Сожженная Москва, въ 2 ч. — **III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТИ:** 12) Уманская рѣзня. — **IV. ПОВѢСТЬ:** 13) Не вытанцовалось, въ 2 ч. — Затѣмъ слѣдуетъ множество **V. РАЗСКАЗОВЪ** и **ОЦЕРКОВЪ** отдѣльныхъ и подъ общими заглавіями, напр.: „Семейная старина“, „Слобожане“, „Святочные вечера“, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Украинская старина“, и проч. — **VI. СТИХОТВОРЕНІЯ** — **VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.** — **VIII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА:** „Димбелинъ“, и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго“. Переводы. — **IX. МЕЛКІЯ СТАТЬИ** и пр., и пр.

12 КНИГЪ „НИВЫ“ содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.
12 №№ „ПАЗИЭСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.
12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТВННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1901 г., отпечатанный красками.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ Спб. — 5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конг. Н. Н. Печковской (Петровск. линія) — 6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Рышельевск. № 12) — 6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ — 6 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. Заграницу 10 руб.

Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Бюроу жуурн. „НИВА“. (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

ОВЪ ИЗДАНІИ

(КІЕВСКИХЪ)

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации.

12. Рѣчи, провозносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣю выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библиотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ казначействѣ Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Ижонниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

въ 1901 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ 16 р.; на 6 мѣс. 9 р.; на 3 мѣс. 4 р. 50 к.; на 1 мѣс. 1 р. 80 к. Съ пересылкой иногородн. на годъ 17 р.; на 6 мѣс. 10 р.; на 3 мѣс. 5 р. 50 к.; на 1 мѣс. 2 р. За границу на годъ 26 р.; на 6 мѣс. 14 р.; на 3 мѣс. 8 р.; на 1 мѣс. 3 р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ 18 р.; на 6 мѣс. 10 р. Съ пересылкою иногородн. на годъ 19 р.; на 6 мѣс. 11 р. За границу на годъ 28 р.; на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныхъ прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библиотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей“). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Молье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, *иногородные адресуютъ:* Петровскія ливні № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь З. З. Ухтомскій

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ“.

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, остаивающихся на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участию въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальныи отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства“; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденція; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговныя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ“.

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м.—6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 числа мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января — 4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ доставки: къ 1-му января — 3 р. 50 к. и къ 1-му мая — 2 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрьевъ*.

1 3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа“

съ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

„Школьное Обзорѣніе“

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова*.

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни“ и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы“: шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода — 3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей — 4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ Редакціей. За 3 мѣс. за прежніе годы „Школьнаго Обзорѣнія“ не ищется. Остатки въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ приема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ — одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНОГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

1-3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ
на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

*издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Коргановымъ, подъ редак-
даторствомъ К. Н. Вьгичева, по слѣдующей программѣ:*

1. Правительствоныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библиография. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами; а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., $\frac{1}{2}$ года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
 Иногородніе: за годъ—10 р., $\frac{1}{2}$ года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
 За-границу: за годъ—12 р., $\frac{1}{2}$ года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перешлю адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала взимается: за цѣлую страницу 20 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 12 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 71-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1900 г.

Книга первая—октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕФИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДВЯТЕЛЬ XVII в. Гл. I-II Ив. Ротара.	1—38
II. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. (Окончаніе). В. Милорадовича	39—82
III. НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). Ф. А. Кудринскаго.	83—122
IV. ПИСЬМА МИТРА КІЕВСКОГО АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕВЕДИНЦЕВУ. (Съ пояснительными примѣчаніями свящ. I. Гордіевскаго).	123—162
V СИМСОТЬ ПЕРВЫЙ И СИМСОТЬ ВТОРЫЙ ЗАКОНЪ. Разсказъ Б. Познанскаго	163—178
VI. ЕЩЕ О ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ. Ст. Яремича.	179—188

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ начальной исторіи Кіевского народнаго училища (1789—1803 гг.). В. Д.; б) Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. В. Науменна; в) Пасхальная вирша по старой записи. Сообщ. В. Науменко; г) Арестъ осетра. Л.; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ.	1—24
Текуція извѣстія	24—29

П

<p>II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) <i>Maryan Dubiecki. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice.</i> Н. М.; б) <i>Записки Наукового Товариства імени Шевченка</i>, т. XXXI—XXXII. В. Д.; в) <i>Обзоръ журналовъ текущаго года</i>; г) <i>Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ</i>.</p>	30—58
<p><i>Археологическая лѣтопись</i>.</p>	59—68
<p>III. ПРИЛОЖЕНІЕ: <i>Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 5 и 6-й</i>.</p>	65—96

Книга вторая—ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-а.

<p>I. ЕНИФАНІЙ СЛАВІЯНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. (Продолженіе). Ив. Ротара.</p>	189—217
<p>II. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (1862—1869). М. Чалаго.</p>	218—244
<p>III. ИЗЪ ИСТОРИИ МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 20-хъ и 30-хъ ГОДОВЪ XIX ВѢКА. (III). Вл. Баллаша</p>	245—282
<p>IV. ПЕРВАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛТАВСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВЦЪ.</p>	283—290
<p>V. ПЕРЕСЕЛЬЦИ (ЗЪ ДОМУ И ДО-ДОМУ). Оповѣданія. Грыцька Грыгоренка</p>	291—325
<p>VI. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ИСКУССТВѢ И О ЗАДАЧАХЪ ЕГО ИССЛѢДОВАНІЯ. Е. Кузьмина.</p>	326—332

ОТДѢЛЪ II-а.

<p>I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) <i>Кому въ дѣйствительности принадлежитъ проектъ объ уничтоженіи словенности духовенства въ юго-западномъ краѣ?</i> б) <i>Письмо П. А. Кулиша къ М. Грабовскому</i>; в) <i>Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообш. А. Мѣрдерь</i>; г) <i>Еще одинъ старый списокъ Пасхальной вирши</i>; д) <i>Письмо въ редакцію. Н. В. Стороженка.</i></p>	69—77
<p><i>Тенущія извѣстія</i></p>	78—82
<p>II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) <i>Записки Наукового Товариства імени Шевченка</i> т. т. XXXIII и XXXIV. В. Д.; б) <i>Петръ Гильдебрандтъ (Рязанскій): Геденъ Биллбанъ и его тρία книги.</i></p>	

III

И. Каманина; в) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана.	
Н. III; г) Краткій историческій очеркъ Кіевской губенской типо-литографіи за столѣтній періодъ 1799—1899 г. Н. М.; д) Обзорніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	88—122
Археологическая лѣтопись	123—136
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилудкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 7 и 8-я.	97—128

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЗАПИСИ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО О ПЕРВЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1806 г. Съ пред. Вс. Орезневскаго	339—346
II. ЕФИФАНІЙ СЛАВИНЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ ХУЩ В. (Окончаніе). Ив. Ротара	347—400
III. БѢЛОЦЕРКОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ. (Окончаніе). М. Чалого	401—430
IV. ЗЕМСЬКІЙ ГЛАСНЫЙ. Разсказъ. А. Хатемкина	431—465
V. ПРОБУЖДАЮЩІЙСЯ КРАЙ. (Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и Чоруншикова. Цѣна 80 к. Спб. 1900). Я. III.	466—487

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану. Сообщ. А. Л.; б) Къ первому кіевскому юбилею (1871 г.) въ честь М. А. Максимовича. (Письмо къ редактору); в) Правила для кіевскихъ гимназистовъ, расцубликованныя въ 1840 г. при содѣйствіи полиціи; г) Мелочи изъ архивовъ юго западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; д) Залогъ крѣпостныхъ душъ. Сообщ. В. А. Кочергинъ; е) Вопросы по этнографіи.	137—153
Текуція извѣстія	153—160
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Каталогъ Музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Томъ II. Н. В.; б) Собраніе Б. И. В. Н. Ханенко. Древности Ирвидѣировья. Вып. III. В.;	

в) Записки Научного Товариства ім. Шевченка, тт. XXXV—XXXVI. В. Д.; г) А. Т. Грабина. Тывуртіевы выгады. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	161—188
Археологическая лѣтопись	189—206
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 9-й и 10-й	129—160

